ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

конец XVIII в.—1917 г.

Отсканировано в марте 2022 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд 2022 азы мартъийы
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

Адрес в ВКонтакте:
http://vk.com/barzafcag

Телеграм-канал:
https://t.me/barzafcag1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

АДЫГЕЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ДАГЕСТАНСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ФИЛОЛОГИИ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ответственный редактор серии

академик

А. Л. Нарочницкий

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(конец XVIII в.—1917 г.)

Ответственный редактор книги
академик
А. Л. Нарочницкий

Москва «Наука» 1988

ББК 63.3(2...)
И90

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

А. Л. Нарочницкий – ответственный редактор,
Ю. А. Жданов – заместитель ответственного редактора,
Н. Ф. Бугай — ответственный секретарь,
Ю. В. Бромлей, В. Г. Гаджиев, Г. Г. Гамзатов, М. П. Ким, А. Г. Кучиев, И. И. Минц, Ф. А. Напсо, А. П. Новосельцев, Б. Б. Пиотровский, Ю. А. Поляков, А. П. Пронштейн, Б. А. Рыбаков, Х. И. Хутуев, В. П. Шерстобитов

РЕДКОЛЛЕГИЯ КНИГИ:

А. Л. Нарочницкий – ответственный редактор,
В. Г. Гаджиев – первый заместитель ответственного редактора,
В. П. Невская — заместитель ответственного редактора,
Ю. И. Серый – заместитель ответственного редактора,
В. Х. Бодиско – ответственный секретарь,
В. К. Гарданов, Н. П. Гриценко, И. Х. Калмыков, В. П. Крикунов, Т. Х. Кумыков, Г. Х. Мамбетов, Х. Х. Рамазанов, Ф. В. Тотоев, А. И. Хасбулатов, С. А. Чекменев

Рецензенты:

Доктора исторических наук: *В. Я. Лаверычев, А. М. Лисецкий, Е. Е. Чертан;*
кандидаты исторических наук: *Д. М. Драгнев, С. Ф. Кустрябова*

И $\frac{0505040000-407}{042(02)-88}$ 34-88-II

ISBN 5-02-009408-0

© Издательство «Наука», 1988

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга охватывает период с конца XVIII в. до кануна Великой Октябрьской социалистической революции. Исходный рубеж тома намечен с учетом переломных процессов конца XVIII — начала XIX столетия в жизни как всей России, так и народов Северного Кавказа и международной ситуации в этом регионе.

Рост капиталистического уклада, успехи промышленности и военного дела в России способствовали возрастанию ее мощи и победам в войнах с шахским Ираном и Османской империей. В то же время в России начался долгий кризис крепостнической системы. Он привел к реформе 1861 г., означавшей переход России от феодального строя к капитализму, хотя самодержавие и господство помещиков сохранились. В томе рассматривается история народов Северного Кавказа в составе России во время затяжного кризиса в стране крепостнической системы и в эпоху капитализма, включая его империалистическую стадию с рубежа XIX—XX вв. до 1917 г.

Конец XVIII в. и первые десятилетия XIX в. ознаменовались завершением долгого и противоречивого процесса добровольного, в основном, вхождения народов Северного Кавказа в состав России. С того времени их история развивается в неразрывной связи с жизнью русского и других народов страны.

Еще в 70-х — начале 80-х годов XVIII столетия Россия прочно утвердилась в Северном Причерноморье и Предкавказье. Потом в ее состав добровольно вошла Грузия. Ориентация феодальных владетелей Северного Кавказа на Россию не раз менялась, но освоение Россией Предкавказья и возвышение ее военно-политической мощи побудили их в период с конца XVIII в. до 1829 г. новыми присягами и договорами подтвердить свое вхождение в состав Российских владений, при сохранении в основном своих внутренних порядков. Англия и Франция пытались вмешиваться в дела Кавказа, в известной мере поддерживали там в своих экспансионистских целях завоевательные планы шахского правительства и Порты, что осложняло положение. Но после военных поражений шахский Иран и Османская империя вынуждены были смириться с итогами вхождения большей части Закавказья и Северного Кавказа в состав России и по мирным договорам признать их частью Российской империи.

В книге подробно освещены состав, численность и расселение горских народов Северного Кавказа, положение русского и украинского населения, формы землевладения и феодальных отношений, реакционная роль междоусобий и работорговли. Излагаемые факты показывают, что вопреки реакционности царизма вхождение народов Северного Кавказа в состав России имело важные объективно прогрессивные последствия — упрочилась их безопасность, устранена была угроза нашествий шахских и османских войск, сократились и затем были ликвидированы рабовладе-

ние и захват людей в плен для продажи в рабство, расширились возможности роста сельского хозяйства, промыслов, торговли, происходило вовлечение Северного Кавказа в общероссийский рынок. Сложились предпосылки влияния на его народы передовой русской культуры и революционного движения.

Дальнейший ход событий оказался сложным и противоречивым. После 1829 г. царское правительство задалось целью силою подчинить горские народы своей прямой военной и административной власти. По своей классовой природе оно стремилось опираться на горских феодалов, усиливших в 20—40-е годы эксплуатацию трудящихся горцев. Сложились условия для сплетения борьбы трудящихся против местных феодалов с сопротивлением политике царизма. Именно это и обусловило высокий подъем антифеодального движения горцев и их войны с царизмом под предводительством Шамиля, особенно успешный в 30—40-х годах XIX в. В книге содержится классовая оценка этого движения, показаны его подъем, спад и поражение. Впервые сделана попытка дать цельную картину борьбы горцев против местных феодалов и царизма на всем Северном Кавказе, а не только в Чечне и Нагорном Дагестане.

Предлагаемый труд содержит анализ как общих закономерностей, так и особенностей истории народов Северного Кавказа в изучаемый период. Делается попытка дать обобщенное освещение социально-экономического развития Северного Кавказа в период капитализма. Большое место в книге занимает появление в регионе промышленности и рабочего класса, ход революционного и национально-освободительного движения, зарождения социал-демократических кружков и групп. Рассматриваются социально-экономические перемены на Северном Кавказе в начале XX в. под влиянием перехода российского капитализма в империалистическую стадию, обострение классовых противоречий, ход революционных событий 1905—1907 гг. Учитывается относительно большое влияние здесь реакционных сил — помещиков, буржуазии, казачьих верхов, кулаков, феодально-клерикальных верхов горского населения, сохранение среди горцев отсталых феодальных обычаев. Важное место отведено культуре народов Кавказа, воздействию на нее передовой русской культуры и революционного движения, взаимообогащению культуры русского и других народов страны в ходе общения с народами Северного Кавказа.

Подробно освещается история народов Северного Кавказа в годы реакции и нового революционного подъема, во время первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. В томе раскрывается процесс сплочения революционных сил народов Северного Кавказа и всей России против самодержавия, помещиков и буржуазии.

Из книги видно, что Временное правительство и на Северном Кавказе, как и во всей стране, не пыталось и не могло решить важнейшие социально-политические вопросы страны. Это сделала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Главы данной книги написаны следующими авторами:
Введение — Нарочницкий А. Л.
Глава I — Нарочницкий А. Л.
Глава II — Гаджиев В. Г.— рук., Гриценко Н. П., Джимов Б. М., Кумыков Т. Х., Мирко В. П., Невская В. П., Чекменев С. А.
Глава III — Магомедов Р. М.— рук., Азаматов К. Г., Касумов А. Х., Кумыков Т. Х., Магометов А. Х., Невская В. П.

Глава IV — Гаджиев В. Г.— рук., Даниялов Г. Д., Джимов Б. М., Касумов А. Х., Кумыков Т. Х.; Нарочницкий А. Л. (§ 1).

Глава V — Гаджиев В. Г.— рук., Касумов А. Х., Кумыков Т. Х.

Глава VI — Калоев Б. А.— рук., Гаджиева С. Ш., Кумыков Т. Х., Кучмезова М. Ч., Мамбетов Г. Х., Меретуков М. А., Нарочницкий А. Л. (§ 1), Невская В. П., Саидов И. М., Саидов М. С., Цибиров Г. И., Шортанов А. Т.

Глава VII — Кумыков Т. Х.— рук., Гаджиев В. Г., Джимов Б. М., Рамазанов Х. Х., Хасбулатов А. И.

Глава VIII — Серый Ю. И.— рук., Гриценко Н. П., Крикунов В. П., Кумыков Т. Х., Мамбетов Г. Х., Рамазанов Х. Х., Хасбулатов А. И., Шацкий А. П.

Глава IX — Тотоев Ф. В.— рук., Гаджиева С. Ш., Гамзатов Г. Г., Каймаразов Г. Ш., Калмыков И. Х., Кобычев В. П., Крикунов В. П., Кумыков Т. Х., Магометов А. Х., Мамбетов Г. Х., Смирнова Я. С., Тотоев М. С., Тройно Ф. П., Хасиев С. А., Хоретлев А. А., Шортанов А. Т.

Глава X — Крикунов В. П.— рук., Демешина Е. И., Джимов Б. М., Калмыков Ж. А., Колосов Л. Н., Милованов Г. И., Ратушняк В. Н., Серый Ю. И., Трехбратов Б. А., Хасбулатов А. И., Черников В. Н., Шигабудинов М. Ш.

Глава XI — Джанаев А. К.— рук., Гугов Р. Х., Демешина Е. И., Джимов Б. М., Крикунов В. П., Хасбулатов А. И., Шигабудинов М. Ш.

Глава XII — Джанаев А. К.— рук., Гугов Р. Х., Джимов Б. М., Крикунов В. П., Хасбулатов А. И., Шигабудинов М. Ш.

Глава XIII — Шигабудинов М. Ш.— рук., Гриценко Н. П., Демешина Е. И., Карданов Ч. Э., Колосов Л. Н., Невская В. П.

Глава XIV — Мамбетов Г. Х.— рук., Абдуллаев М. А. Гаджиева С. Ш., Гамзатов Г. Г., Заседателева Л. Б., Каймаразов Г. Ш., Кобычев В. П., Кучмезова М. Ч., Магометов А. Х., Меретуков М. А., Мусукаев А. И., Невская В. П., Саидов И. М., Смирнова Я. С., Студенецкая Е. Н., Шаманов И. М., Шортанов А. Т.

Глава XV — Шигабудинов М. Ш.— рук., Гаджиев А.-Г. С., Демешина Е. И., Золотов В. А., Колосов Л. Н., Крикунов В. П., Лайпанов К. Т.

Заключение — Нарочницкий А. Л.

Научно-организационную и вспомогательную работу провели: В. Х. Бодиско, М. П. Земзин, Н. И. Цихоцкая, В. В. Черноус, Г. И. Герасимова. Хронологию важнейших событий составили В. Ф. Патракова и В. В. Черноус. Библиографию — В. Х. Бодиско, В. Ф. Патракова, В. В. Черноус; на иностранных языках — А. Ю. Чирг. Именной и географические указатели составили М. П. Земзин, В. А. Ржаницына, Н. И. Цихоцкая. Подборку иллюстраций провели Н. И. Цихоцкая и В. В. Черноус. Эскизы карт представили В. Г. Гаджиев, В. К. Гарданов, А. К. Джанаев, Т. Х. Кумыков, В. П. Невская, М. Ш. Шигабудинов; картографы-составители: Г. П. Золотова, А. А. Королева, Н. М. Львова; руководитель картографов-составителей — П. А. Иваньков.

* * *

Редколлегия серии выражает благодарность музеям и архивам Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской обл., Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской республик,

Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областей за использование материалов, документов и фотоиллюстраций при создании серии «История народов Северного Кавказа».

Примечание: в книге «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» по недосмотру при научно-технической работе были пропущены фамилии следующих авторов и составителей, которым редколлегия тома приносит свои извинения:

Авторы: гл. VIII — Магомедов Р. М., Чеченов И. М., Ичалов Г. Х., Криштопа А. Е., Хизриев Х. А.; гл. IX — Хизриев Х. А.; гл. X — Исаева Т. А., Чеченов И. М.; гл. XI — Гасанов М. Р., Исаева Т. А.; гл. XIV — Волкова Н. Г.; гл. XVI — Ахмадов Ш. Б., Феофилактова Т. М.; гл. XVII — Заседателева Л. Б., Калмыков И. Х., Шу Ш. С.

Научно-организационную и вспомогательную работу по той же книге провели Сидоров А. И., Земзин М. П., Цихоцкая Н. И., Черноус В. В.; хронологию составили Патракова В. Ф., Черноус В. В.; указатели — Мухина Н. И., Некрасов А. М., Ржаницына В. А., Черноус В. В.; иллюстрации подобрали Цихоцкая Н. И., Черноус В. В.; эскизы карт и схем представили Алексеева Е. П., Анфимов Н. В., Виноградов В. Б., Керефов Б. М., Котович В. Г., Кузнецов В. А., Кумыков Т. Х., Лавров Л. И., Магометов М. Г., Чеченов И. М.; картографы-составители: Королева А. А., Яковлева Н. У. Руководитель группы картографов Иваньков П. А.

Глава I

ЗАВЕРШЕНИЕ ВХОЖДЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ (1799—1829 гг.)

1. Россия и народы Северного Кавказа в международных отношениях конца XVIII — начала XIX в.

Народы Северного Кавказа были связаны с Россией и русским народом многовековыми узами, уходящими в древность, в средние века. На протяжении столетий они поддерживали с Россией торговые, культурные и политические отношения. В условиях постоянных нападений извне, политической раздробленности, феодальных и племенных междоусобий народы и владетели Северного Кавказа вынуждены были искать защиты и покровительства, что содействовало развитию их внешних связей с Россией.

В XVI—XVIII вв. у народов Закавказья и Северного Кавказа — армян, грузин, азербайджанцев, адыгов, кабардинцев и осетин, а также народов Дагестана, Чечни и Ингушетии — усиливалась ориентация на Россию, шел сложный и продолжительный процесс добровольного вхождения их в состав Российского государства. Разумеется, правительство России заботилось прежде всего об упрочении безопасности и мощи своего государства, распространении политического влияния России на новые территории. При этом Россия не угрожала народам Северного Кавказа ни грабежами, ни угоном людей в рабство, ни опустошениями. Она не стремилась также подчинить эти народы своему непосредственному управлению и своим порядкам. Но в то же время Россия могла оказывать реальную помощь и поддержку против посягательств со стороны шахского Ирана, Османской империи и Крымского ханства. На этой почве между народами Северного Кавказа и Российским государством складывалась известная близость, даже относительная общность интересов, так как связи с Россией отвечали и стремлениям северокавказских народов к большей безопасности от нападений извне.

В 1557 г. первыми добровольно вошли в состав России кабардинцы и другие адыгские народы. В 1588 г. российское подданство добровольно приняли перешедшие р. Терек из Чечни и Ингушетии окочане. С конца XVI в. началось добровольное вхождение в состав России горских обществ Дагестана. Часть обществ приняла российское подданство уже к 1614 г., а к 1635 г. этот процесс охватил все дагестанские ханства Каспийского побережья. Ориентация ханств нередко оказывалась шаткой, непостоянной и менялась в зависимости от хода войн между Ираном и Россией. Но тем не менее ханы все чаще обращались к России за подтверждением своих титулов и прав. Особенно это проявилось во время походов Петра I против Ирана. Даже после Ганджинского договора

1735 г. с Ираном, по условиям которого граница России была снова на время отодвинута с юга на Терек, российское правительство продолжало поддерживать дагестанские ханства, препятствовало проходу через них османских войск в Восточное Закавказье; в результате Дагестан фактически (а в значительной части и формально) не подчинялся Ирану.

Кавказ соединял Европу с Азией, Каспийское море с Черным. Через Поволжье и Астрахань открывались торговые пути в Иран как по морю, так и по суше — через Кавказ вдоль западного берега Каспийского моря. В России долго вынашивались планы расширения торговли и для своих потребностей, и планы посредничества в обмене товаров между Западной Европой и Востоком через Дагестан и Каспийское море. Эти обширные замыслы усиливали интерес российских помещиков и купцов к дагестанским ханствам, что явилось одной из важнейших причин похода Петра I в прикаспийские области Кавказа и Ирана. Задачи расширения торговли с Востоком продолжали оказывать большое влияние на политику России на Восточном Кавказе и в Закавказье и позднее — в конце XVIII в. и в XIX в. Из Астрахани через Дербент на юг везли сукна, краски, сахар, юфть, железные и другие металлические изделия, меха, писчую бумагу; а из Дагестана и Ирана — шелка, бурки, марену, фрукты и другие товары. Царское правительство стремилось не столько к расширению своей власти и феодальных отношений на новые территории Предкавказья, сколько к обеспечению торговых путей на рынки Востока [1].

Походы иранских и османских завоевателей и феодальные междоусобия веками подвергали население Кавказа чудовищным бедствиям и грабежам, истощали производительные силы народов Кавказа. Неудивительно, что борьба против шахского Ирана и султанской Турции, стоявших, как писал Ф. Энгельс, на весьма «низкой» и «варварской» ступени развития [2], заставляла народы и многих феодальных владетелей Кавказа искать покровительства России.

Постоянные нашествия османских войск и набеги Крымского ханства, захват и угон в рабство пленных, истребление местных жителей, насилия и произвол, отсутствие элементарной безопасности в обширных пространствах Предкавказья и Северного Кавказа в течение многих столетий делали невозможным оседлую земледельческую жизнь и заселение этих огромных пространств, развитие на них торговли и ремесла, основание там сел и городов. В этом заключалась одна из причин того, что постепенное распространение территории Российского государства на юг, оседлое заселение и освоение этих просторов, несмотря на завоевательный характер политики царизма, объективно имело большое положительное значение [3].

Северное Причерноморье и Кавказ долго были зоной захвата и продажи невольников на рынках Османской империи и Ирана. Местные северокавказские феодалы и родовая верхушка и сами вели этот промысел в ущерб народным массам и развитию производительных сил. Конец этому после успешных войн с шахским Ираном и султанской Турцией положило только добровольное вхождение народов Кавказа и Закавказья в состав Российского государства.

В труде «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» уже была отмечена необходимость дифференцировать разные пути и формы включения народов в состав России, различать последовательные стадии этого процесса. Добровольное вхождение северокавказских народов в состав России в XVI—XVIII вв. и даже в начале XIX в. не означало тогда распространения на них военно-административной власти и законов России. Местные народы и владения оставались

феодально раздробленными под управлением своих князей, ханов, феодальных и общинных верхов. Многие из них (особенно из опасения успехов Османской империи и шахского Ирана в войнах с Россией) не раз меняли свою позицию: лавировали, снова передавались под верховенство шаха или султана и обратно переходили в подданство России. Часто таким путем они пытались временно сохранить относительную самостоятельность и неограниченную деспотическую власть в своих владениях. Но ориентация на Россию постепенно все более усиливалась по мере возрастания ее военной и политической мощи в Северном Причерноморье и Предкавказье, заселения этой территории русскими крестьянами и казаками, ослабления и разложения феодальных держав Востока — Ирана и Османской империи.

Итоги освоения Россией Предкавказья к концу XVIII в. Долгое время территория России была отделена от Кавказа неосвоенными и почти безлюдными просторами Предкавказья и Северного Причерноморья. Только к концу XVIII в. территория России вплотную сомкнулась с Северным Кавказом, что имело огромное значение,— это стало исторической предпосылкой завершения присоединения Северного Кавказа к России и прочного утверждения ее в Закавказье. Складывание этих предпосылок было сложным процессом, в котором переплетались результаты успешных войн с Османской империей, хозяйственное освоение степного Предкавказья, добровольное вхождение северокавказских народов и феодальных владетелей под покровительство России [4].

Как известно, освоение Предкавказья началось еще в конце XVI в., когда был основан Терский городок с прилегавшими к нему торгово-ремесленными слободами. С более раннего времени ведут начало поселения русских казаков за Тереком «на гребнях», т. е. на восточных и северных склонах Терского хребта, откуда и пошло прозвание «гребенские казаки». Затем на Северный Кавказ двинулись казаки-переселенцы с Дона, Волги, Хопра. Здесь сочетались как стихийное расселение, так и действия правительства по освоению пустующих земель.

Как уже отмечено в предисловии к книге «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», важно учитывать некоторые особенности расширения территории Российского государства, включая и продвижение России на Кавказ. Она выступала там не как заморская держава-завоевательница, как было с западными феодальными и капиталистическими государствами в их колониях с густым местным населением и где завоеватели были представлены только кораблями, войсками, отдельными купцами, миссионерами, чиновниками, крупными землевладельцами западных держав. На Кавказе дело обстояло иначе. Из внутренних и окраинных районов России и Украины в Предкавказье и на Терек уходило много угнетенного люда — крестьяне, бедные казаки, ремесленники [5]. Там они свободно обрабатывали землю, разводили скот, поля, сады и огороды, ловили рыбу, добывали соль, занимались горным промыслом, навсегда становились частью населения Северного Кавказа, вступали в мирные хозяйственные культурно-бытовые, семейные и другие связи с местными народами, хотя этому часто мешали религиозная рознь и военные набеги и столкновения. Правительственные меры по военно-казачьему освоению края приобретали все большее значение.

Важнейшие последствия имела война Османской империи с Россией 1768—1774 гг. Султанская Турция начала эту войну с целью отбросить Россию от выходов к Азовскому и Черному морям и восстановить свое

господство в Северном Причерноморье, но в результате понесла решающее поражение. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Россия получила право покровительства над Дунайскими княжествами. Черноморские проливы были открыты для торговли. Порта отказалась от владычества над Крымом, правым берегом Кубани и Кабардой. Азов и Керчь закреплялись за Россией. В Закавказье Порта обязалась не вмешиваться во внутреннее управление Имеретии и Мингрелии и не притеснять там христианскую религию [6]. Политические позиции России после этой войны укрепили ее сближение с Австрией, и союзный договор с нею 1781 г., направленный в значительной мере против Османской империи и Пруссии, прикрывал западные и южные границы Российского государства.

После 1774 г. резко усилилась тяга народов Кавказа и их феодальных владетелей ко вхождению в состав России. В 1774 г. русско-осетинские переговоры завершились добровольным присоединением Северной Осетии к Российской империи [7].

Огромное значение для дальнейших судеб Кавказа имело добровольное принятие Грузинским царством (Картлия и Кахетия) покровительства России по Георгиевскому договору 1783 г.[8] Двухсотлетие Георгиевского трактата не случайно было торжественно отмечено в Грузинской ССР и во всем Советском Союзе. Царь Грузии Ираклий II был дальновидным и крупным политиком и отлично понимал важность для своей страны покровительства России. С 1783 г., с установлением протектората над Грузией по ее просьбе, вся политика России на Кавказе вступила в новый этап, что сразу же отразилось и на положении на Северном Кавказе. В 1783 г. в Грузию прибыл русский военный отряд. Он ограждал ее независимость от шахского Ирана, помогал отражать набеги со стороны джарцев и Аварского ханства. По предложению Ираклия II уже тогда началась постройка дороги через Кавказский хребет, названной впоследствии Военно-Грузинской. В 1784 г. была основана крепость Владикавказ на ключевой военно-стратегической позиции у входа в ущелье в начале этой дороги. Огромное значение Георгиевского трактата раскрылось не сразу, но в конечном итоге покровительство России дало возможность грузинскому народу избежать иранского владычества, истребления или мусульманской ассимиляции.

Новейшие исследования и документальные публикации советских историков доказали, что после 1774 г. ускорилось, а в 1781 г. завершилось и было оформлено присягами добровольное вхождение в состав России всей Чечни и Ингушетии, раздробленной тогда на ряд горских обществ. Об этом не желали писать историки дореволюционной России, воспевавшие лишь военные действия царских генералов. Двухсотлетие этого события также было отмечено как национальный праздник Чечено-Ингушской Автономной социалистической Советской республики и знаменательная дата в истории всего советского народа.

В 1783 г. было упразднено Крымское ханство, а манифест 1784 г. провозгласил присоединение Крыма к России. Навсегда была устранена угроза набегов крымских татар на соседние территории и упрочилась безопасность населения.

Все эти события побудили ряд дагестанских владетелей еще более укреплять связи с Россией — шамхал Тарковский направил своих посланцев для подписания очередной присяги о принятии российского подданства. Того же добивались ханы Казикумухский, Аварский и даже Дербентский, занимавший в то время особую позицию [9]. Осетины-дигорцы, не захотевшие ранее последовать за остальной Осетией, в 1787 г. тоже

приняли российское подданство. Многие осетины снова получили новую возможность переселиться из тесных ущелий на плодородные равнины.

Одновременно продолжалось заселение степного Предкавказья русскими крестьянами и казаками. Огромное значение имел их труд по освоению целинных степей. Царское правительство старалось насаждать в Предкавказье крупное помещичье землевладение, раздавало там огромные поместья представителям знати, но для ведения на них хозяйства не хватало крепостных. Переселение в 90-х годах XVIII в. государственных крестьян больших результатов не дало. Главное значение сохранялось за военно-казачьим заселением края [10].

В Предкавказье проводились меры по упрочению военно-административной власти и велось дальнейшее сооружение укреплений. С 1777 г. было начато устройство Азово-Моздокской линии, протянувшейся со многими редутами и крепостями на 2000 верст от устьев Дона до побережья Каспийского моря. Основаны были Георгиевская и другие города-крепости. В 1786 г. из Кавказской и Астраханской областей было образовано Кавказское наместничество.

Однако Кавказ вовсе не занимал главного места во внешней политике России: ее силы были направлены прежде всего на решение европейских проблем, возникавших в связи с Польшей и Прибалтикой, и на упрочение позиций в Северо-Западном Причерноморье.

Вскоре ситуация на Кавказе осложнилась новой войной 1787—1791 гг., начатой Османской империей против России. Порта стремилась к ослаблению влияния России в Дунайских княжествах, требовала возвращения под свою власть Крыма, не признавала Георгиевского трактата и притязала на Грузию, засылала своих эмиссаров в Кабарду, старалась воспользоваться в своих целях тем, что в Чечне в 1785 г. под знаменем ислама вспыхнуло движение против России во главе с бывшим пастухом Ушурмой (Мансуром), который объявил себя имамом и призывал к объединению горцев и к «газавату» — священной войне для истребления «неверных» (христиан).

Одно время Ушурме удалось привлечь на свою сторону часть бедняков, недовольных притеснениями родовой и феодальной верхушки [11]. Но вскоре народные массы отошли от движения, отказались от участия в нем и дагестанские феодалы. В основном Ушурма опирался на помощь Османской империи. Кабардинцы и осетины не поддержали его и не хотели выступать против России. В 1787 г. русский отряд с кабардинской конницей разбил османское и абазинское войско за р. Лабой. В 1790 г. крупный османский отряд Батал-паши перешел Кубань, но был разгромлен русскими войсками под командованием генерала И. И. Германа [12]. Ушурма бежал за Кубань и укрылся в Анапе под защитой османского войска. Народы Северного Кавказа не поднялись на борьбу с Россией во имя интересов султанской Турции.

Положение России затруднялось тем, что против нее в 1788—1790 гг. начала войну Швеция, а на Западе возникла угроза враждебного вмешательства со стороны Англии и Пруссии. Эти державы пытались заставить Россию пойти на уступки и Швеции и Турции. В английском флоте в 1791 г. демонстративно велись военные приготовления для нападения на Россию. Именно тогда в Англии была впервые пущена в ход ложная версия о том, что расширение владений России на Черном море и на Кавказе будто бы создает «угрозу» безопасности британских колониальных владений в Индии [13]. С того же времени усилились засылка английских офицеров и оружия в Иран и Османскую империю и подстрекательство обеих держав не только против революционной Франции, но и против России.

Отсталая Османская империя снова понесла поражение. Взятие войсками А. В. Суворова турецкой твердыни на Дунае — крепости Измаил — предрешило исход войны. На Северном Кавказе российские войска при содействии кабардинской конницы в 1791 г. овладели Анапой, мощные укрепления которой были построены под руководством французских военных инженеров. Было взято много пленных, в том числе Ушурма — его отправили в Шлиссельбургскую крепость, где он и умер. Султанскому правительству снова не удалось поднять на Северном Кавказе всеобщее восстание против России [14]. Ясский мир 1792 г. закрепил за Россией г. Очаков, степь между Бугом и Днестром и подтвердил прежние договоры с Османской империей. Анапа была возвращена ей и вновь стала сильной османской крепостью и центром работорговли на Северо-Западном Кавказе. Положение России было затруднено дипломатическим давлением Англии, хотя Швеция вынуждена была после поражения на море согласиться на мир (1790 г.) на основе сохранения прежних границ. По Ясскому договору Османской империи удалось вновь закрепить за собой возможность вмешательства в кабардинские дела, что было результатом неблагоприятной для России обстановки на Западе [15].

Во время и после русско-турецкой войны 1787—1791 гг. царское правительство продолжало заселение Предкавказья и Прикубанья. Началось переселение туда донских казаков, были построены новые станицы и крепости. По берегу Азовского моря до Ейска и вверх по Кубани до устья Лабы размещалось Черноморское казачье войско. В 1794 г. был основан Екатеринодар (ныне Краснодар). Для блага кабардинцев предписывалось, чтобы казаки не чинили «ни малейших притеснений и обид горцам», приезжающим в крепости, не угоняли у кабардинцев скот и лошадей. Было объявлено, что ушедшие в горы феодальные владетели теряют права на зависимых от них людей. В 1793 г. среди кабардинцев были учреждены суды для родовой верхушки и «родовые расправы» — для узденей. Убийства и разбои должны были караться по российским законам. Самовольные отъезды за границу, кровная месть, укрывательство преступников и грабежи запрещались. Меры эти вызывали недовольство местных феодалов и часто не исполнялись ими, султанские же фирманы по-прежнему призывали кабардинцев уходить в горы и истреблять всех, кто склонялся на сторону России. В 1794 г. царские власти были вынуждены направить в Кабарду войска.

В конце 80-х—90-х годах XVIII в. европейские события все больше отвлекали Россию от Кавказа. В августе 1786 г. посол в Лондоне гр. С. Р. Воронцов, один из образованнейших русских дипломатов, сокрушался по поводу того, что Россия ввязывается в конфликты в Закавказье, за непроходимыми ущельями. «Я не понимаю,— писал он,— какой может быть интерес поддерживать этих грузин» [16]. Как дипломат, более всего занятый балтийскими делами, Воронцов полагал, что в 1790 г. России следовало бы более думать о безопасности столицы, которой угрожала близкая Швеция, и о балтийской торговле. Он почитал политику России на юге империи делом второстепенным и поэтому в том же году писал: «Одним словом, я отдал бы 30 Крымов за Гельсингфорс и Свеаборг, без которых Петербург никогда не будет в безопасности от нападения» [17].

В то же время в связи с революцией во Франции в политике царизма усиливались реакционные тенденции и внимание все более склонялось к западу. Правительство Екатерины II стремилось к вовлечению западных держав в борьбу с начавшейся Французской революцией и с распространением ее влияния на соседние страны, вело подготовку вместе с Пруссией ко второму разделу Польши. В конце своего правления царица даже

собиралась послать русскую армию против республиканской Франции.

Интерес к Кавказу явно ослабевал. Русский отряд был почти полностью выведен из Грузии. Царство Грузинское раздирали феодальные междоусобия и опустошали набеги соседей. В Петербурге плохо знали положение в Закавказье. В сентябре 1795 г. Россия была врасплох застигнута вторжением иранских войск Ага Магомед-хана в Грузию. Город Тифлис был почти полностью сожжен и разрушен; десятки тысяч жителей, в том числе женщины и младенцы, изрублены, более 10 тыс. человек угнаны в рабство. Шахский Иран не признавал покровительства России Грузии и снова хотел подчинить ее своей власти. Хотя в дальнейшем внутренние междоусобия и болезни в войске вынудили Ага Магомед-хана уйти назад из Грузии, влиянию России на Кавказе был нанесен сильный удар.

Разорение Грузии встревожило народы Дагестана. Часть владетелей обратилась за помощью к России, другие, убоявшись шахских войск, стали лавировать. Особенно склонялись к Ирану хан Дербентский и некоторые его соседи в Дагестане и Северном Азербайджане. Владетели Аварии, Каракайтага, Табасарана и даже Карабага на словах более смело склонялись к России, но действовали сообразно с обстоятельствами.

В 1796 г. по указу Екатерины II было двинуто в поход сильное российское войско под начальством В. А. Зубова. Поход был ответом на нашествие Ага Магомед-хана, но имел и более широкие задачи. Русские войска двигались вдоль побережья Каспийского моря, так как кратчайшая дорога через Кавказский хребет в Грузию была тогда не готова и поэтому не могла быть использована. В цель похода входило упрочение влияния России среди дагестанских владетелей, оказание помощи Грузии и армянскому населению региона, обеспечение путей для продолжения торговли с Ираном. При содействии местных жителей Зубов занял Дербент, Баку и Ганджу. Армянское православное духовенство оповещало армян Закавказья о намерении России освободить их от шахского господства [18]. Часть владетелей Северного Дагестана наперебой изъявляла приверженность России, другие же колебались, иногда укрываясь в горах.

После смерти Екатерины II Павел I внезапно отозвал Зубова с увольнением от всех должностей и повелел прекратить поход. Это сорвало достигнутые успехи и содействовало подготовке иранских войск к новому нашествию. Только убийство в 1797 г. Ага Магомед-хана его же телохранителями и внутренние распри в Иране помешали новому опустошению Грузии.

Прекращение похода В. А. Зубова было признаком колебаний и нерешительности в политике России на Кавказе, проявлявшихся вплоть до конца XVIII в. Дело было не только в неприязни Павла I к матери, ее фаворитам и вообще ко всей политике, проводившейся в царствование Екатерины II. Не следует искать объяснение перемен в российской политике на Кавказе только в личных чертах характера Павла I. Перемены эти были прежде всего связаны с дальнейшими осложнениями обстановки в Западной Европе и контрреволюционными устремлениями царизма. Планы участия России в борьбе с Французской республикой и польские дела требовали упрочения мира с Османской империей. Уже после Ясского мира российское правительство стремилось к улучшению отношений с Османской империей и стало проявлять больше осторожности и уступчивости в делах с нею. Во внешней политике России при Павле I сказывалось преемственное продолжение и развитие этих тенденций, несмотря на все его отрицательное отношение к актам предшествовавшего царствования. Сам Павел I возомнил себя главным блюстителем «евро-

пейского равновесия» и абсолютизма и держался жестких и прямолинейных абсолютистских концепций, хотя довольно безразлично относился к принципу легитимизма [19]. При Павле I центр тяжести внешней политики России был еще более сдвинут к событиям в Западной Европе, а затем и в Средиземноморье. Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта создала угрозу подчинения Османской империи влиянию Французской республики, что привело к дальнейшему сближению России с Османской империей и неожиданному, удивившему всю Европу, заключению русско-турецкого союзного договора от 3 января 1799 г. Его условия открывали русскому военному флоту проход через Босфор и Дарданеллы для действий против республиканской Франции. Такое сближение и союз России с Османской империей побуждали русское правительство к сдержанности в действиях на Западном Кавказе.

В кавказских делах политика России при Павле I заметно отошла от энергичных действий предшествующего царствования. Известно прежнее резко отрицательное отношение Павла I к новым территориальным присоединениям (в том числе к югу от Кубани и Терека), и зафиксировано его более позднее мнение о том, что народы Кавказа «находятся более в вассальстве нашем, нежели в подданстве» [20]. Конечно, это значило лишь то, что Россия не вмешивалась тогда во внутреннее правление местных ханств и горских обществ Кавказа. На первых шагах России на Кавказе при Павле I явно сказывались следы этих концепций, но уже к концу XVIII в. выявилось несоответствие расчетов Павла I ни реальной обстановке в Европе и на Кавказе, ни взглядам наиболее влиятельных кругов русских помещиков, заинтересованных в освоении и расширении южных окраин империи, в частности Предкавказья, а также в торговле через Кавказ с Востоком.

Вначале Павел I воображал, что ему удастся уговорами и словесными предостережениями остановить агрессию шахского Ирана в Закавказье, и надеялся на переговоры с Ага Магомед-ханом, а затем и с новым правителем Ирана Фетх Али-шахом. Но угроза иранского нашествия продолжала висеть над Кавказом. Страх перед возможным новым вторжением побуждал дагестанских владельцев снова и снова добиваться русского подданства, более надежного покровительства, в то время как Павел I предписывал администрации сдержанную политику в этом направлении.

Новому командующему Кавказским корпусом И. В. Гудовичу повелевалось прочно держать линию по Кубани и Тереку — озаботиться прежде всего содержанием ее в «исправном и почтительном состоянии»,— а прилежащие народы и владетелей «удерживать в кротости и повиновении ласкою, отвращая от них все, что служит к их притеснению или отягощению», не вмешиваться в их внутреннее правление и не требовать дани [21]. Из «приверженных» России народов и владений предписывалось создать некое «федеративное» объединение под верховенством России, чтобы в случае опасности они могли «соединенными силами» действовать против «покушающихся врагов». Следовало добиваться от шахского двора прекращения нападений и не возбуждать подозрительности Порты. Дагестанских владетелей южнее Кавказской линии,— несмотря на частые просьбы их о вступлении в подданство,— требовалось лишь удерживать «по возможности» в «зависимости» от России, но на тех же основаниях (не требовать дани). Русские войска были полностью выведены из Грузии [22].

Отвлечение сил к Западной Европе при Павле I придавало политике России на Кавказе (и вообще в Азии) вид нерешительности и приспособления к обстоятельствам [23]. Рациональным было предписание Гудови-

чу не возбуждать возмущения кавказских народов и владетелей. Но в повелениях ему далеко не все было реалистично. Идея устойчивой «федерации» народов и владений, на деле разделенных междоусобиями и религиозной рознью, мало отвечала кавказской действительности и в известной мере отражала присущее Павлу I политическое и юридическое доктринерство. Нереальными были и самоуверенные расчеты Павла I на прекращение шахской агрессии. Фетх Али-шах не оставлял своих притязаний на Восточный Кавказ.

Ослабление активности России на Кавказе сказалось еще более, когда она в союзе с Австрией и Англией вступила в войну с республиканской Францией (1799 г.). Известно, что союз этот быстро распался, Павел I разорвал отношения с Австрией, и армия А. В. Суворова была вскоре отозвана из Италии. Этот поход принес военную славу фельдмаршалу, но политические планы Павла I в Западной Европе потерпели провал. Не добился он и приемлемого соглашения с Наполеоном Бонапартом. В конце 1800 г. Павел I порвал и с Англией, лишив российские помещичьи круги выгод от торговли с нею, что усилило недовольство дворянства и придворной знати его правлением.

После убийства Павла (11 марта 1801 г.) политика России стала более осмотрительной и последовательной. Новый император Александр I сразу же восстановил отношения с Англией (октябрь 1801 г.) и заключил договор о «мире, дружбе и добром согласии» с Францией [24].

Прекращение войны в Европе в первые годы XIX в. дало России больше свободы рук на Кавказе. Но следует отметить, что петербургское правительство перешло к более решительным действиям на Кавказе уже с середины 1799 г., т. е. еще при жизни Павла I. К этому побуждали отчаянное положение Грузии и экономические устремления российских помещиков и купцов — их виды на Кавказ и возможность торговать через него с Востоком.

После разорения 1795 г. Грузинское царство было вконец ослаблено. Шах требовал от него немедленного перехода под власть Ирана. Участились набеги из Ахалциха и Аварского ханства. Отряды во главе с предводителями из феодальной и общинно-родовой знати ежегодно захватывали и угоняли на продажу в рабство сотни грузинских семей. Аварские ханы облагали Грузию тяжелой данью, ей угрожало новое нападение шахских войск. При грузинском дворе многочисленные царевичи давно враждовали между собой. Многие из них не хотели лишиться наследственных прав и мечтали о разделе царства на мелкие владения. Некоторые из царевичей ориентировались на Иран и хотели привлечь на свою сторону дагестанских владетелей. Грузинские крестьяне страдали от притеснений землевладельцев дворян.

После смерти Ираклия II новый царь Георгий XII просил Россию об утверждении его на престоле и о помощи войском. Но Павел I снова тянул с ответом — только после повторного письменного прошения в Грузию были посланы утвердительная грамота и егерский полк. Немного спустя в ожидании шахского нападения туда был направлен более крупный отряд. Русские войска помогали Грузии отбивать вторжения аварского хана [25]. Тяжелобольной Георгий XII был горячо привержен России. Он с ужасом думал о том, что после его кончины раздоры царевичей и вражеские нашествия совсем погубят Грузию, и обратился к Павлу I с просьбой о принятии ее в непосредственное владение России и упразднении царства.

Поступавшие известия требовали быстрых решений. Знавший положение в Грузии чиновник по горным изысканиям гр. А. А. Мусин-Пушкин

доносил по своему ведомству, что в противном случае Грузия перейдет под власть шаха или султана и только ее присоединение сможет обеспечить Кавказскую линию от нападений и выгодную России позицию против Османской империи, а также земли с богатыми рудными ископаемыми [26]. Государственный совет твердо высказался за присоединение.

Только 30(18) января Павел I подписал манифест о присоединении Грузии, но к этому времени Георгий XII уже умер, а указ Сената об учреждении Грузинской губернии был дан в начале марта 1801 г., всего за пять дней до убийства Павла I.

Александр I колебался. Члены «Негласного комитета» из «молодых друзей» императора и некоторые сановники, по-прежнему поглощенные делами Западной Европы, не хотели втягивать Россию в осложнения на Кавказе. Но царь, видимо, уже тогда считал шаткой опору на «молодых друзей». Он придавал более веса доводам П. А. и В. А. Зубовых и вельмож, занявших влиятельное положение в Государственном совете: дело было возвращено туда на новое рассмотрение. Государственный совет снова, и притом дважды — 22(10) и 27(15) апреля — обсуждал положение в Грузии. Свое мнение подавали братья П. А. и В. А. Зубовы, князья Г. Голицын и П. Лопухин, Д. Трощинский и другие представители титулованной крупнопоместной знати, заинтересованной в упрочении позиций России на юге империи. В итоге было подтверждено прежнее решение, чтобы «Грузии быть в Российском подданстве», учитывая желание «от всего народа» и возможные последствия оставления ее на произвол судьбы. Члены Государственного совета считали, что Грузия территориально разделяет в Закавказье мусульманские народы и если она «отдастся Порте», то «христианские владения» будут там уничтожены и все горские народы «попадут под владычество турецкое», а Россия вообще не сможет тогда оградить выходы из гор на равнины Предкавказья и удерживать Кавказскую линию, где «с российской стороны представляется свободный вход в места ровные, ничем не пресекаемые, а с неприятельской же — при первом шаге встречаются неприступные горы». На видное место выдвигались соображения о стратегическом значении Грузии. Командующему русскими войсками на Кавказе К. Ф. Кнорррингу было также предписано сообщить свое мнение о том, как поступить с Грузией [27].

Известный исследователь политики России на Кавказе А. В. Фадеев метко подчеркнул, что в Государственном совете звучала озабоченность российской землевладельческой знати «за безопасность новых владений русских помещиков в предкавказских и приазовских степях» [28], за судьбу новых городов, воздвигнутых в заселяемых просторах Юга России, новых торговых путей, проложенных в заморские страны. Речь шла о дальнейшем упрочении России на Кавказе, где она сталкивалась с давней и широкой агрессией шахского Ирана и Османской империи, простиравшейся далеко к северу от Кавказского хребта.

Окончательное решение затягивалось. Члены «Негласного комитета» пытались отговорить Александра I от присоединения Грузии. Гр. П. А. Строганов считал, что оно отвлечет Россию от ее внутренних задач. Кн. А. Чарторыйский и гр. В. П. Кочубей разделяли это мнение и сомневались, отвечает ли присоединение желаниям самой Грузии [29]. По словам Александра I, он медлил будто бы потому, что, «почитая несправедливым присвоение чужой земли», сомневался в правомерности лишения грузинских царевичей наследственных прав на престол династии Багратидов.

Известно, что Александр I умел искусно притворяться, обладал большой хитростью и немалым умом. Видимо, главная причина его колебаний заключалась в желании уяснить значение присоединения Грузии и точку зрения наиболее влиятельных вельмож, в том числе тех, кто помогал ему взойти на престол. Возобладало мнение екатерининских деятелей, поддержавших необходимость упрочения позиций России в южном направлении — на Черном море и на Кавказе. Во всяком случае, ни советы «молодых друзей», ни даже А. Р. Воронцова, при всем доверии, которым он пользовался, не возымели действия.

В августе 1801 г. на заседании «Негласного комитета» обсуждалась записка В. А. Зубова с доводами в пользу присоединения Грузии, уже высказанными в Государственном совете. Видимо, именно эта записка произвела на Александра I сильное и даже решающее впечатление. К этому времени К. Ф. Кнорринг в своих донесениях подтвердил мнение Государственного совета о том, что надо действовать без промедления [30]. Еще раньше он доносил, что в Грузии лишь около половины дворян стояли за сохранение царства под покровительством России, а остальное дворянство и весь «простой народ» были за полное присоединение [31]. 24(12) сентября 1801 г. Александр I, вопреки мнению «молодых друзей», подписал манифест [32] о присоединении Грузии и постановление о введении в ней внутреннего управления. Грузинское дворянство было уравнено в правах с российским.

Присоединение Грузии и начало постройки Военно-Грузинской дороги давали России ключевые позиции на всем Кавказе и оказали огромное влияние на ее дальнейшую стратегию и политику в этом регионе. Разногласия по поводу Грузии в Петербурге проливают ясный свет на связь действий на Кавказе с внутренним развитием и международным положением Российской империи. Одновременно решениями об усилении помощи Грузии и о ее присоединении еще более активизировалась вся политика России, особенно в Восточном Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе, где шахский Иран стремился установить свое владычество.

Захватнические планы шахского Ирана принимали все более широкий размах и поощрялись западными державами, особенно Англией. В конце XVIII в. упрочилось британское господство в Индии и открылись новые возможности для распространения торговли и политического влияния Англии в Иране. Агенты британской Ост-Индской компании запугивали шаха мнимой угрозой похода французских и русских войск через Иран в Индию, слухи о чем распространяли и Наполеон и Павел I. В январе 1801 г. посланец Ост-Индской компании капитан Д. Малькольм заключил в Тегеране политический и торговый договор с Ираном. По его условиям шах обязался не пропускать войска европейских держав в Индию через свои владения взамен на помощь английским оружием и деньгами. Разрешался свободный ввоз в Иран английских сукон и других товаров. Малькольм добивался права постройки английских торговых и военных кораблей в Ленкорани (на побережье Каспийского моря), а шах рассчитывал воспользоваться сближением с Англией для подготовки к войне с Россией, продолжал выдвигать претензии на Грузию, верховенство над ханствами Дагестана и Северного Азербайджана.

Политически раздробленные, этнически разнородные, занятые междоусобицами и разобщенные горами феодальные владетели и сельские общества Дагестана сами не могли объединиться для своей защиты, хотя в прошлом их союзам иногда удавалось наносить поражения войскам шаха. В Дагестане сохранилось более 10 феодальных владений и свыше 60 союзов сельских обществ. Царское правительство спешило воспользо-

ваться тем, что после присоединения Грузии владетели и население, особенно северной части Дагестана, все более склонялись к добровольному закреплению российского подданства во избежание новых вторжений из Ирана и все чаще возобновляли прошения об утверждении в должности, помощи войском и деньгами, обещали сохранять «верность» России [33].

В 1799 г. в связи с решением снова направить русское войско в Грузию усилились меры по упрочению позиций России на востоке Кавказа. Грамотой Павла I подтверждалось, что шамхальство Тарковское находится «в подданстве и покровительстве России». Шамхал Мехти получил генеральский чин и 6 тыс. руб. в год на содержание войска. Закреплялось подданство номинально зависимых от шамхальства объединений сельских обществ — Буйнакского, Эндереевского (Андреевского), Аксайского, Костековского и некоторых других. 12(6) июля 1799 г. вновь были приняты в российское подданство уцмий Каракайтагский и кадий Табасаранский с возведением их в чины и жалованьем [34]. Царское правительство, следуя своей классовой природе, стремилось привлечь на свою службу прежде всего феодальных владетелей Кавказа.

Ханы Северного Азербайджана тоже обращались к России со сходными просьбами. В российское подданство приняты были ханства Карабахское и Талышинское. Уклончивую позицию продолжали занимать дербентские и бакинские владетели. Дербентский Ших Али-хан номинально состоял в подданстве России, но тайно извещал шахский двор о готовности служить ему. Недовольные этим чиновники и духовенство ориентировались на Россию. Они решили сместить его и направили Павлу I прошение об утверждении дербентским ханом его младшего брата Гасан Али-хана. Просьба была удовлетворена. Ших Али-хан на словах продолжал заявлять себя сторонником России, чтобы остаться ханом, но ему пришлось согласиться на «полюбовный» раздел владений с братом и оставить за собой только ханство Кубинское, о чем ему тоже дана была жалованная грамота [35]. Столь же ненадежной была ориентация хана Бакинского. Он добился подтвердительной грамоты о российском подданстве и денежной помощи на «поправление» мечетей, но на деле лавировал и готов был в любой момент передаться шаху. Российское правительство предписывало ему обеспечивать разбирательство по русским законам споров между купцами, касавшихся торговли через Баку с Ираном [36].

Из сказанного видно, что уже Павел I в конце своего правления стал переходить к более энергичной политике на Кавказе, чем намечал ранее. Этот поворот был связан с мерами по завершению добровольного присоединения Грузии к России, заинтересованностью в торговых путях в Иран по западному берегу Каспийского моря, а также с усилением угрозы шахских нападений на Кавказе.

При Александре I российское правительство продолжало следовать выдвинутому еще при Павле I плану создания «федерации» владельцев и союзов сельских обществ Восточного Кавказа и придало этому проекту более реальную форму. Рескрипт Александра I на имя Кнорринга предписывал установить «между помянутыми ханами и горскими владельцами для общего их и народов их блага твердый союз и дружеское, под верховным моим покровительством, согласие» [37]. Давалось повеление собрать этих владельцев на съезд, объяснить им вред междоусобий и объединить их в союз для защиты от шахского Ирана.

Некоторые ханы предпочитали по отдельности брать на себя такие обязательства, но в сентябре 1802 г. удалось собрать почти всех владель-

цев Северо-Восточного Кавказа или их посланцев на съезд в крепости Георгиевск, где 26 декабря 1802 г. был подписан общий договор, имевший важное значение. Георгиевский договор обязывал ханов и горские общества сохранять преданность России, не затевать междоусобий, разбирать взаимные споры дружески, «по общим законам», а в случае шахского нападения «ополчаться единодушно всем к прогнанию общего их неприятеля». Владетели приморских ханств обязались оповещать русские власти о случаях кораблекрушения, охранять уцелевшее имущество, обеспечивать «наиболее лучшим образом» торговлю по суше, безопасный проезд караванов и купцов. Предписывалось оказывать поддержку русским, грузинским и армянским купцам, ведущим торг в пределах «владений союзников». Гарантировалось покровительство и защита торговцам, приезжавшим из них в Россию [38]. Георгиевский договор содействовал сплочению владетелей и союзов сельских обществ Северо-Восточного Кавказа под покровительством России для защиты от шахских притязаний и ослаблению взаимных раздоров и юридически оформил их «федерацию» под верховенством России.

Во время Георгиевского съезда поступило прошение о принятии российского подданства и от нуцала Аварского. 15(3) октября 1802 г. Александр I направил главнокомандующему войсками в Грузии предписание о выполнении этой просьбы. В апреле 1803 г. в главном городе ханства Хунзахе нуцал Султан Ахмед-хан торжественно присягнул сохранять верность России, охранять границы Грузии и Аварии, т. е. не делать набегов на Грузию, а в случае вторжения шахских войск — отражать их. Обусловлено было предоставление русским купцам равных прав с аварскими [39]. Добровольное вхождение Аварского ханства в состав России произвело большое впечатление в нагорном Дагестане и побудило ряд аварских союзов сельских обществ заявить о желании принять российское подданство, что было важно для защиты Грузии от лезгинских отрядов, угонявших людей для продажи в рабство.

Летом 1802 г. русские войска приняли меры к улучшению и обеспечению более надежной безопасности Военно-Грузинской дороги. Вдоль нее жили в основном осетины. Русский отряд вынудил тагаурских и других осетинских феодалов прекратить грабежи от Балты до Дарьяла. Им было разрешено вместо этого взимать пошлины, обещана была плата за постройку мостов и защита от кабардинских владетелей [40].

В начале XIX в. проведены были новые военно-административные меры по упрочению позиций России на Кавказе, создана была Кавказская губерния с центром в Георгиевске. Вместо бездеятельного и нерешительного Кнорринга в сентябре 1802 г. Александр I назначил инспектором Кавказской линии, главнокомандующим в Грузии смелого и решительного генерал-лейтенанта П. Д. Цицианова — из грузинских князей на русской службе — сторонника энергичных и крутых военных мер по распространению власти России на Кавказе и присоединения к Грузии всех когда-либо ранее зависимых от нее владений.

В то время шахский Иран, готовясь к войне с Россией, по-прежнему рассылал своих эмиссаров к горцам Северного Кавказа, призывая к вооруженным действиям против России. Шах обещал вернуть Грузию передавшимся на его сторону царевичам из дома Багратидов, засылал их к осетинам с требованием прервать сообщение по Военно-Грузинской дороге и к дагестанским владетелям, обещая денежные награды за нападения на Грузию.

П. Д. Цицианов разработал проект устройства новых укреплений вдоль Военно-Грузинской дороги. Александр I утвердил эти предложения и

новые меры по укреплению Кавказской линии. В 1803 г. построена была Кисловодская крепость и ряд новых редутов.

Шах и султан надеялись, что силы России будут отвлечены от Кавказа новыми войнами в Западной Европе. Завоевания Наполеона I привели в 1805 г. к созданию против Франции новой мощной коалиции из Англии, Австрии и России. Агенты Наполеона I склоняли Иран и Турцию к войне с Россией. Притязания шаха распространялись на весь Восточный Кавказ далеко к северу, включая города Кизляр и Моздок [41], а Порта снова возобновила претензии на возвращение под свою власть Имеретии, Мингрелии и Кабарды, от верховенства над которыми она вынуждена была в основном отказаться еще в 1774 г., когда обещала не вмешиваться в их правление. Весной 1804 г. султан через анапского пашу разослал кабардинцам призывы подняться против России, обещал деньги и помощь войском. Отношения России с Османской империей все более осложнялись, и союз между ними утрачивал свое значение.

П. Д. Цицианов располагал ограниченными и разбросанными в разных местах силами — всего 15 тыс. пехоты, конницы и 24 орудиями. Перед ним стояла задача быстрыми действиями упрочить позиции России в Закавказье. Он решил прежде всего овладеть Ганджинским ханством, которое в средние века зависело от Грузии и занимало очень важную стратегическую позицию. Хан отказался сдать город, и в январе 1804 г. Гянджа была взята штурмом, владения ханства Ганджинского присоединены к России под названием Елисаветпольского округа. После этого Цицианов получил повеление двинуться в западную часть Закавказья и пресечь притязания Порты на Имеретию и Мингрелию, владетели которых еще ранее подали прошения о принятии в российское подданство. 16(4) июля 1804 г. Александр I подписал об этом утвердительные грамоты. Но еще до этого шах начал войну с Россией.

2. Русско-иранская (1804—1813), русско-турецкая (1806—1812) войны. Завершение вхождения Дагестана в состав России

В мае 1804 г. чрезвычайный посол шаха прибыл к Цицианову и высокомерно потребовал, чтобы русские войска немедленно покинули азербайджанские ханства, Грузию и Дагестан. Шахская армия двинулась на Ереван с намерением занять и Грузию. В фирманах кавказским владетелям шах писал: «Всех россиян из Грузии выгоню, вырежу и истреблю до последнего», призывал нападать на русских [42]. От кабардинских, чеченских и осетинских князей, старшин и населения шах требовал закрыть для русских войск все горные проходы.

Шахский двор использовал в своих целях и грузинских царевичей, не желавших мириться с потерей своих наследственных прав на царство. Брат Георгия XII Александр и некоторые другие царевичи, по сути дела, предали национальные интересы Грузии. Они стали марионетками и эмиссарами шаха и султана. Население Северного Кавказа не поднялось по их призывам, хотя грузинским царевичам удавалось подолгу укрываться в Аварии и других местах и способствовать выступлениям отдельных феодалов против России. Их деятельность нередко преувеличивалась в реляциях царских генералов и в прежних исторических трудах.

Захватом Грузии Фетх Али-шах хотел упрочить свое шаткое положение на иранском престоле и самоуверенно пренебрегал силами России на Кавказе. Шахское правительство начало войну в расчете на поддержку

Англии и широкое выступление владетелей и народностей Кавказа на стороне Ирана, но скоро выявилась ложность этих ожиданий. В иллюзиях шахского двора проявилась его неосведомленность о действительном положении в Европе. На деле Англия сама нуждалась в союзе с Россией для войны с наполеоновской империей. Несмотря на заинтересованность британского правительства в вытеснении России с Кавказа, «помощь» Англии шаху, особенно в первые годы войны, сводилась всего лишь к подстрекательствам, обещаниям денег, присылке немногих офицеров и небольших партий оружия.

Сильнейшим соперником Англии была тогда Франция. Обе эти державы старались использовать шахский Иран и Османскую империю как орудие для своих завоевательных целей, но обращались с ними, как с разменной монетой, в своей политике, давали щедрые обещания и не выполняли их, меняли свою позицию смотря по обстоятельствам, а более всего были заняты войнами в Европе. Нельзя сказать, что правители Ирана и султанской Турции совсем не понимали этого. Они не были ни марионетками, ни сателлитами западных держав и не доверяли им, но хотели заполучить их поддержку в интересах своей реваншистской политики, всегда распускали дутые слухи насчет обещанной им помощи, нередко оказывались обманутыми этими посулами.

Главные силы русской армии оставались прикованными к европейским событиям, но упрочение позиций на Кавказе к началу XIX в. и в этом регионе сделало ее намного более сильной, чем то казалось Порте и шахскому правительству. Русские войска в Закавказье были разбросаны и немногочисленны — в 1806 г. не более 20 тыс. чел. Но европейской выучкой, дисциплиной и организацией, боевыми порядками и тактикой, правильным ружейным и артиллерийским огнем русские отряды намного превосходили шахскую, в основном иррегулярную конницу, несмотря на ее огромный перевес в численности. Заметим при этом, что приводимые в реляциях царских генералов и в османских и шахских документах громадные цифры численности иранских и османских войск явно преувеличены и требуют весьма критического подхода, а сам ход войны нуждается в новых исследованиях.

Народности и владетели Кавказа давно познали на себе кровавую жестокость и беспощадные грабежи шахских и султанских войск. Часть феодалов Кавказа стремилась воспользоваться войнами Ирана и Османской империи против России, но не с целью перехода под власть Ирана или Османской империи, а для лавирования в своих местных интересах: для сохранения относительной самостоятельности, неограниченной власти над своими подданными, свободы междоусобиц, феодальных разбоев, грабежей и работорговли. Они боялись распространения военно-административной власти России на новые территории, были против постройки новых русских укреплений, дорожных и других работ и повинностей. И все же и шахские угрозы, и подстрекательство «беглых» грузинских царевичей приносили в общем весьма ограниченные результаты, далеко не отвечавшие иллюзорным расчетам шахского правительства и Порты.

Малочисленность русских войск и трудности сообщений через горы и ущелья создавали для кн. Цицианова огромные трудности. Для обеспечения успеха он прибег к нанесению быстрых и неожиданных ударов в разных направлениях. Сначала Цицианов двинул свой отряд наперерез шахской армии, нанес ей поражение у Эчмиадзина и обложил Эривань. Армянское население повсюду было на стороне России, многие армяне уходили в Грузию[43]. Но для взятия эриванской крепости Цицианову не хватало артиллерии, а вести длительную осаду не позволяла нехватка

провианта, а также и волнения, вспыхнувшие вдоль Военно-Грузинской дороги.

Шахские эмиссары не смогли поднять всеобщее восстание против России на Северо-Восточном Кавказе, но отдельные осетинские феодалы на р. Арагви и в других местах решились на вооруженные выступления. Они использовали недовольство крестьян выгоном людей на дорожные работы и перевозку грузов, бесчеловечным обращением с горцами царских офицеров и неуплатой обещанных денег. Мосты в Дарьяльском ущелье были разрушены горцами, там устраивались засады, совершались нападения на казачьи посты и укрепления, ограбления купцов. В восстании участвовали осетины (особенно тагаурцы), а также пшавы и хевсуры. Возобновились нападения феодальных владетелей Дагестана на Грузию.

Феодальные верхи, особенно один из тагаурских алдаров, Ахмет Дударов, стремились возглавить крестьян, отвлечь их от гнета «своих» феодалов и родовой знати. Крестьяне требовали от русского командования прекращения чинимых обид и наказания виновных, а Дударов открыто призывал к истреблению русских. Немалую роль и здесь играли подстрекательство и ложные обещания «беглых» грузинских царевичей, выполнявших роль шахских эмиссаров [44].

Перерыв сообщений по Военно-Грузинской дороге создавал серьезную опасность. Осенью 1804 г. русский отряд был двинут из Владикавказа на подавление восстания, разгромил повстанцев, разрушил многие крепостные башни горцев. П. Д. Цицианов, отступив от Еревана, тоже двинулся к Военно-Грузинской дороге, занял Джары, жестоко подавляя сопротивление. Сообщение по Военно-Грузинской дороге было восстановлено [45]. Горское население вовсе не мечтало попасть под владычество Ирана и выступало за свои местные интересы.

На востоке Кавказа немногие владельцы Дагестана и Северного Азербайджана открыто поднялись против России. Сурхай-хан Казикумухский особенно настойчиво призывал горцев к войне с русскими, ссылаясь на шахские фирманы, но не получил серьезной поддержки ни соседних владетелей, ни населения своего ханства. Планы шаха поднять весь Дагестан против России провалились. Известно, что жители Дербента еще ранее выгнали враждебного России Ших Али-хана и в 1804 г. вышли из города навстречу русским войскам [46]. Ряд дагестанских владетелей выражали свою приверженность России. Шамхал Тарковский и некоторые другие ханы выдавали посланцев шаха русским офицерам.

П. Д. Цицианов одерживал новые и новые победы. Русский отряд нанес поражение многочисленной коннице наследника шахского престола Аббаса-мирзы у Елисаветполя и вынудил его отступить.

Под влиянием успехов русских войск ханства Карабахское, Шекинское, Ширванское, Хойское и Шурагельское султанство заявили о принятии подданства России и подписали об этом договоры [47]. Войско хана Карабахского участвовало в действиях против шахской армии. Не только многочисленное армянское население, но и большинство других жителей, особенно купцов, заинтересованных в безопасности торговли и собственности, стояли за переход под власть России.

Упиваясь победами, кн. Цицианов быстро утрачивал всякую осмотрительность, властно и повелительно обращался с ханами, проявлявшими непокорство, писал им оскорбительные послания. 20(8) февраля 1806 г., подойдя к Баку с большим отрядом, он почти без охраны выехал к воротам крепости на свидание с бакинским ханом, но, едва сойдя с лошади, был вероломно убит одним из ханских стражников (нукеров) выстрелом

в затылок из пистолета. Голова его была послана в подарок иранскому шаху.

Гибель кн. Цицианова вызвала среди российских властей некоторое замешательство, но оно было недолгим. Вскоре новым главнокомандующим на Кавказе был назначен весьма опытный и осторожный, хотя уже престарелый и бездеятельный гр. И. В. Гудович.

Среди многих ханств и горских обществ еще более усилился страх перед возможностью иранского нашествия. В Чечне и Дагестане ряд горских обществ подтвердили новыми присягами принятие подданства России. В апреле 1807 г. такие повторные присяги давались и в Чечне [48]. В том же году присягнуло на подданство России 12 селений союза «вольных» обществ Иланхеви и нуцал Аварский. Процесс вхождения Дагестана в состав России продолжался [49]. Многие дагестанские владетели искали покровительства России, за исключением хана Дербентского, не желавшего лишиться контроля над торговлей через Дербент с Ираном и произвольных с нее поборов [50]. Царские власти прилагали особые старания к привлечению на свою сторону горской знати, сохраняя ее привилегии.

Шах вначале ликовал и пытался выдать убийство Цицианова за гибель чуть ли не всей русской армии. Он снова стал требовать передачи Ирану Грузии и всего Дагестана, включая Кизляр, но И. В. Гудович ответил на эти домогательства решительным отказом на том основании, что «Кизляр никогда не был границей», а дагестанские владельцы «правили независимо под покровительством России», под которым находилась и Грузия [51].

Вскоре Дербент и Баку снова были заняты русскими войсками, а население их приняло присягу на подданство России. Шамхал Тарковский Мехди-хан помог русским войскам своим отрядом и был за то сделан ханом Бакинским. Ших Али-хан, известный своей враждебностью к России, был изгнан из Кубы, а Сурхай-хан Казикумухский присягнул в декабре 1806 г. на верность России и вернулся в свое владение, но не подписал договор о русском подданстве. Казикумухский владетель хотел сохранить самостоятельный контроль за движением купцов и товаров через его ханство в Иран [52].

Однако в 1806—1807 гг. положение России на Кавказе серьезно осложнилось неблагоприятными переменами в Европе и началом войны с Османской империей. Поражение антинаполеоновской коалиции, победа Наполеона I при Аустерлице (2 декабря 1805 г.) и разгром им прусской армии в октябре 1806 г. в огромной степени усилили влияние наполеоновской Франции в Стамбуле и способствовали повороту Порты от союза с Россией к войне с нею. Порта еще до этого стала нарушать договоры с Россией, чинила помехи ее торговле через Черноморские проливы, по своему произволу, без согласования с Россией, смещала правителей Дунайских княжеств, что и вызвало занятие их русскими войсками. 30 декабря 1806 г. Османская империя официально объявила войну России.

Наполеон I достиг дипломатических успехов и в Иране. 4 мая 1807 г. в замке Финкенштейн в Восточной Пруссии посол шаха Мирза-Риза подписал с министром иностранных дел Франции Маре франко-иранский союзный договор, направленный против России и Англии. По его условиям Наполеон I обязался принудить Россию очистить Грузию, а шах — пропустить французские войска к границам Индии и напасть на владения Ост-Индской компании через Афганистан. Французский посланник в Стамбуле Себастиани добивался заключения союза Турции с Ираном,

а в Тегеран направилась французская военная миссия из 70 офицеров во главе с генералом Гарданом. Все эти дипломатические комбинации и обещания произвели много шума и породили огромную литературу, но были эфемерными. Они не принесли ожидаемых результатов и в основном остались на бумаге, ибо у Наполеона I уже не было сил для продолжения войны с Россией, а попытки Наполеона I заключить союз с Турцией не увенчались успехом вследствие опасений, которые у Порты вызывала его политика в Адриатике и на Балканах.

Тильзитский мир, подписанный летом 1807 г., снова круто изменил всю международную ситуацию в Европе и на Ближнем Востоке. К величайшей досаде шаха и султана Наполеон I внезапно превратился в союзника России, а Османская империя вынуждена была пойти с нею на перемирие. Приостанавливались военные действия и между Ираном и Россией. В 1809 г. шах и султан, крайне раздосадованные таким оборотом дел, переориентировались на поддержку Англии[53]. Наполеону I пришлось отозвать миссию Гардана, а на другой день после его отъезда британский посол торжественно въехал в Тегеран с богатыми подарками, состоявшими из зеркал и других европейских изделий, и поднес шаху огромный бриллиант на золотом блюде. Англо-русские отношения в то время были разорваны. Россия включилась в континентальную блокаду. Эти события и война на Балканах не позволяли ей направить на Кавказ значительные подкрепления, и Англия получила широкую возможность открыто действовать против России через свою миссию в Иране, увеличивать поставки шаху ружей и пушек, более активно подстрекать его к продолжению войны.

Война с Османской империей осложнила положение России на всем Западном Кавказе. Порта не признавала добровольного вхождения Грузии в состав России и перехода в ее подданство Имеретии, Мингрелии и Гурии, требовала подчинения их своей власти. Султанские фирманы посылались в Прикубанье, Кабарду и во всю центральную часть Северного Кавказа с призывами изгонять и истреблять русских. Порта выдвигала широкие планы полного вытеснения России за Кавказскую линию и далее. Царское правительство со своей стороны разрабатывало проекты дальнейшего распространения владений России в Юго-Западном Закавказье и ставило задачу соединения под своей властью всех грузинских и армянских земель, о чем прямо говорилось в инструкциях И. В. Гудовичу и сменившему его в 1809 г. новому главнокомандующему генералу А. П. Тормасову[54].

Ход войны с Османской империей может быть затронут здесь главным образом в аспекте ее влияния на судьбы народов Северного Кавказа и политику России в этом регионе. Главные события войны разыгрывались на Дунае, но военные действия на Кавказе имели важное значение и принесли России крупные успехи, несмотря на малочисленность русских войск в этом регионе. Главные силы и России и Турции находились в Европе.

Османская империя и шахский Иран смогли только замедлить и осложнить, но не остановить вхождение народов Кавказа в состав России. Победа русских войск в сражении на р. Арпачай 18 июня 1807 г. предотвратила османское вторжение в Грузию и заключение ирано-турецкого союза, которому и без того мешали взаимное недоверие и давние споры из-за границ между обоими государствами. В 1809 г. русский отряд овладел крепостью Поти на Черноморском побережье, а в Абхазии уже до этого усилилось тяготение к России. Лишь некоторые абхазские феодалы в борьбе за княжескую власть надеялись на султана и разжига-

ли междоусобия, но добровольное вхождение в состав России всей Абхазии совершилось уже в 1809—1810 гг.[55]

В конце 1811 г. отряд полковника П. С. Котляревского с помощью проводников из грузин внезапным ночным штурмом взял сильную османскую крепость Ахалкалаки в Юго-Западном Закавказье. Поражения Османской империи были следствием не только превосходства тактики и организации русских войск, но и того, что местное население оказывало им большую поддержку.

На Северном Кавказе османское правительство пыталось поднять против России Кабарду и прикубанские народности. Еще весной 1804 г., т. е. до русско-турецкой войны и в нарушение ст. 23 Ясского договора, в Кабарду от анапского паши были посланы султанские эмиссары с призывами подняться против России и обещанием помощи и денежных наград. Поводом к волнениям в Кабарде было начало войны шахского Ирана с Россией. Часть кабардинских феодалов и духовенства воспользовалась затруднениями России и подняла восстание против российских военных властей на Кавказской линии, но целью их вовсе не был переход под власть султана или шаха. Восстание вызвано было местными причинами — конфликтами с военными властями на Кавказской линии — и переплеталось с внутренней классовой борьбой в кабардинском обществе с его сложной феодальной структурой и сильным гнетом феодальной и родовой знати над крестьянами. Крепостные и рабы кабардинской знати давно убегали от притеснений своих владетелей за русскую военную линию, откуда их назад не выдавали. Кабардинские князья не хотели усиления Кавказской линии, требовали срытия Кисловодской крепости, отказывались выбирать судей, подчиненных контролю российских властей[56], добивались восстановления прежних судебных порядков, более выгодных для князей и духовенства. Кабардинские феодалы поощряли и возглавляли набеги соседних горцев на Кавказскую военную линию, втягивали часть свободных крестьян в грабежи, угоняли скот и людей для продажи в рабство, стояли за сохранение неограниченной свободы междоусобий и своего произвола. Царские офицеры и казаки на линии также самочинно захватывали у кабардинцев скот, взимали незаконные пошлины и поборы, не гнушались взятками. В феврале 1804 г. отряд царских войск разорил десятки аулов в районе Пятигорья и жестоко подавил вспыхнувшее там восстание. Против России в Кабарде и среди прикубанских народностей выступала главным образом часть феодальных и родовых верхов и духовенства, а трудящиеся крестьяне в основном тяготели к России в надежде избавиться от княжеских междоусобиц, произвола владетелей и поборов с их стороны[57].

В 1809 г., когда при поддержке Англии Порта возобновила военные действия против России, в Кабарде и Балкарии вновь появились султанские и шахские агенты для распускания провокационных слухов и подстрекательств к новым выступлениям. Кабардинская знать готовила крупный отряд для нападения на Кавказскую линию у р. Малки, но крестьяне не хотели воевать за интересы феодалов. До 2 тыс. крестьянских семей послали своих людей к русскому командованию с предупреждением о готовящемся восстании и просили дозволения переселиться за Кавказскую линию. Но царские генералы считали виновными всех горцев и решили действовать силою. В 1810 г. царский отряд двинулся на Кабарду, сжигая селения, и угнал большие стада скота[58]. Феодальные верхи пошли на соглашение с царскими властями. В 1811 г. была принята присяга на российское подданство кабардинцев и ряда закубанских обществ и их союзов[59].

Жестокости некоторых офицеров вызвали порицание и беспокойство даже у Александра I и некоторых высших военачальников. Новый главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Тормасов 22 октября 1810 г. подал военному министру кн. М. Б. Барклаю-де-Толли письменное мнение о вреде и ненужности репрессий, осуждал жестокие способы подавления восстания, советовал прибегать к «справедливым» мерам, прекратить злоупотребления на военной линии, налаживать с горцами мирные связи, в том числе и торговле [60]. Но большая часть царских генералов полагалась только на военную силу. Помещичье-крепостническое правительство делало ставку на вооруженное насилие и союз с кабардинской знатью, большинство которой подчинялось России за военную поддержку против выступлений своих же крестьян. В 1812 г. Александр I грамотой подтвердил привилегии кабардинских князей, и многие из них стали получать воинские чины и награды. Надежды кабардинских крестьян были в основном обмануты, но все же владельцы вынуждены были впредь осторожнее отягощать их повинностями и поборами [61].

На северо-востоке Кавказа — в Дагестане, в Чечне в 1809—1811 гг. после провала попыток Ших Али-хана и Сурхай-хана поднять феодалов и все население на борьбу с Россией продолжался процесс принятия российского подданства многими союзами горских обществ [62]. В апреле 1807 г. генерал Гудович доносил о принятии чеченцами присяги на верность России [63]. В 1809 г. присягнули тагаурцы. За ними закреплялось право взимать сборы за сопровождение и охрану купцов с товарами по Военно-Грузинской дороге [64]. В 1810 г. присягу приняло «вольное» общество Чох [65]. Многие дагестанцы и азербайджанцы участвовали в составе русских войск в военных действиях против шахского Ирана и Османской империи.

Сложные события развернулись в центральной части Северного Кавказа — Осетии и Чечне. Дигорцы присягали на подданство России в 1806 и 1811 гг., Алагирское общество — в 1809 г. и т. д.[66] В январе 1811 г. приняли российское подданство 13 селений Кистинского [67], а в июле — осетины Нарского ущелий. Повторные присяги приняли летом 1810 г. старшины некоторых чечено-ингушских обществ [68]. Полный перечень этих присяг пока еще не составлен историками, не вполне выяснены некоторые детали этих событий, но многие из них уже известны.

В 1811—1812 гг. тревожная обстановка складывалась в районе Военно-Грузинской дороги. Неурожай и голод, суровая зима, поборы с местного населения, принудительные работы по ремонту дорог и перевозке тяжестей, вспышки чумы и карантин приносили горцам тяжелые лишения. На Северный Кавказ доходили волновавшие население слухи о нашествии Наполеона I на Россию и о восстании 1812 г. в Кахетии. Горцы страдали от притеснений и своих феодалов и царских властей. На Военно-Грузинской дороге в 1812 г. действовали отряды повстанцев и распространялись письма шахских эмиссаров. Многочисленные отряды из крестьян — осетин, тагаурцев и ингушей — напали на важные пункты дороги — Степан-Цминду и Казбеги, но потерпели поражение и были рассеяны. Осенью 1812 г. движение на дороге было восстановлено [69].

Постепенно завершалось вхождение в состав России ряда союзов горских обществ Дагестана [70]. Кюринское ханство было присоединено к России. Ряд владельцев принимали повторные присяги на подданство России, видя провал шахских посулов, и спешили сохранить таким путем свои привилегии. С присоединением в 1812 г. Казикумуха и Акуша-Дарго завершилось вхождение Дагестана в состав России. За немногими исключениями, оно было добровольным.

Большое значение для дальнейшего укрепления позиций России на Кавказе имело успешное завершение войны с Османской империей. Армия М. И. Кутузова нанесла османским войскам решающее поражение на Дунае еще в 1811 г. Но, готовясь к войне с Наполеоном I, российское правительство стягивало свои войска к западной границе. Наполеон I собирал огромную, 600-тысячную армию для вторжения в Россию. В этих условиях российское правительство ограничивало свои требования к Порте передачей России Бессарабии и обязательством Порты предоставить самоуправление Сербии. На Кавказе Россия согласилась вернуть Турции только что взятые русскими войсками крепости — Ахалкалаки, Поти и Анапу. По смыслу этих условий добровольно вошедшие в состав России Грузия, Имеретия, Мингрелия, Гурия [71] и Абхазия оставались за Россией. Формально уточнять это М. И. Кутузов не стал, чтобы не затягивать переговоры. Порта отлично понимала суть этих условий, но не имела сил для продолжения войны. Кроме того, она боялась победы Наполеона I и его планов раздела Османской империи больше, чем России, и потому склонялась к миру. 28(16) мая 1812 г. в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор [72]. Вторая секретная статья его давала России право пользоваться участком восточного берега Черного моря на дистанции 2 часов пути к северу от правого берега р. Рioни и 4 часов пути к югу от Анапы для выгрузки и провоза военных припасов и снаряжения. Укрепления Редут-кале, Анаклия и Сухум-кале остались в руках России, но крепости Анапа и Поти снова стали форпостами Османской империи. Они были воротами для вывоза рабов с Северного Кавказа и плацдармами для вмешательства Порты в дела народов Закубанья.

В 1813 г. завершилась война с шахским Ираном. Надежды шаха на помощь Англии снова не оправдались, хотя 14 марта 1812 г. был подписан новый англо-иранский договор, по условиям которого Англия обязывалась выплачивать Ирану субсидии в 200 тыс. туманов в год, взять на себя посредничество в переговорах с Россией и предоставить инструкторов для обучения иранских войск, а шах не должен был пропускать войска европейских держав через свою территорию к границам Индии. Британский посланник Г. Аузли даже во время нашествия Наполеона I на Россию, когда Англия и Россия уже находились в союзе, советовал шахскому двору делать как можно меньше уступок России, но в октябре 1812 г. шахская армия была разбита русскими войсками у Асландуза, а в следующем году рассеяны были последние скопления сторонников Сурхай-хана в Дагестане.

Победу русских войск над шахским Ираном и Османской империей облегчила поддержка жителей ханств Дагестана и Северного Азербайджана, примыкавших к грузинским ополчениям. Особенно успешно ополчения «из татар» действовали против шахских войск на Шамшадильской дистанции, отряд ширванских и шекинских ополченцев участвовал в военных действиях в Кубинском ханстве, и т. д.[73]

Британское правительство стало опасаться еще большего разгрома Ирана в случае продолжения его войны с Россией. Оно вынуждено было ослабить свои помехи на пути к заключению мира, тем более что без России невозможно было и думать об окончательном разгроме наполеоновской империи.

24(12) октября 1813 г. новый русский главнокомандующий генерал Н. Ф. Ртищев и наследник шаха Аббас-Мирза подписали в селении Гюлистан мирный договор. Шах навечно признавал за Россией Дагестан, Грузию, ханства Карабахское, Ганджинское (Елисаветпольская провин-

ция), Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и занятую русскими войсками значительную часть ханства Талышинского [74]. Секретная статья допускала последующие просьбы шаха к российскому императору об уточнении этих территориальных условий, но петербургский двор не включил эту статью в 1814 г. в ратификационные грамоты.

Мирные договоры с Османской империей (1812 г.) и Ираном (1813 г.) юридически оформили признание уже совершившегося в основном добровольно вхождения в состав России многих ханств и горских обществ Северного Кавказа, большей части грузинских земель, Абхазии и ряда азербайджанских ханств. Несмотря на агрессивность политики царизма, включение их в состав России имело объективно позитивные последствия: оно освобождало их от гнета Османской империи и шахского Ирана, создавало предпосылки ликвидации в дальнейшем междоусобий, феодальной раздробленности и работорговли, включало Северный Кавказ и Закавказье в общеевропейский рынок, способствовало влиянию русской передовой культуры и русского освободительного движения.

3. Народы Северного Кавказа в составе России после 1813 г. Русско-иранская война (1826—1828)

После 1813 г. происходило дальнейшее упрочение позиций России на Северном Кавказе — там создавались новые линии укреплений, усилились попытки распространения военно-административной власти России на местные ханства и горские общества, но этот процесс едва начинался. Предпосылкой новой активизации политики России на Балканах и на Кавказе было усиление России в Западной Европе, возрастание ее роли на европейском континенте в результате разгрома наполеоновской империи и решений Венского конгресса 1814—1815 гг.

Последствия победы над Наполеоном I оказались сложными и противоречивыми. Царское правительство старалось использовать положение России как сильнейшей военной державы материка Европы для укрепления и сохранения самодержавно-крепостнической системы. Оно вместе со всем Священным союзом поддерживало подавление революций в Западной Европе войсками Австрии и Франции. Но патриотический подъем во время Отечественной войны 1812 и в 1813 г., а также устранение внешней угрозы для независимости России, исходившей от Наполеона I, содействовали развитию в стране борьбы за освобождение от самодержавия и крепостничества (как показало восстание декабристов) и включению России в общеевропейское революционное движение. В то же время внутри страны углублялось еще ранее начавшееся разложение крепостнических порядков.

Западноевропейское направление оставалось главным во внешней политике России вплоть до подавления европейских революций 30-х годов XIX в. и восстания декабристов в Петербурге 14 декабря 1825 г. Уже с 1825 г. на первое место для России выступил Восточный вопрос. Задачи обеспечения сильных позиций на Черном море и на Балканах, свободы торговли через Черноморские проливы, поддержка греческого и сербского национально-освободительных движений, восстановление привилегий Дунайских княжеств на ряд лет оказались в центре внимания петербургского кабинета. События на Кавказе имели важное значение для России и тесно переплетались с Восточным вопросом и отношениями России с Османской империей и шахским Ираном.

На Балканах и в Закавказье Росспя стала более решительно оказывать помощь (разумеется, в рамках своих возможностей) национальным движениям за освобождение от османского и шахского господства.

Правительство стремилось в то же время укрепить самодержавно-крепостническую систему и ее военно-бюрократический режим посредством распространения их на новые территории, что наложило глубокий отпечаток на политику царизма на Кавказе. Интересы торговли с Востоком, насаждение дворянского и казачьего землевладения в Предкавказье, меры по распространению на Кавказ военно-административной власти России оказывали определяющее влияние на политические и стратегические устремления правительства в этом регионе[75]. В соответствии со своей классовой природой царское правительство, как правило, держало курс на соглашение с кавказскими феодалами и лишь в отдельных случаях прибегало к поощрению борьбы горцев-крестьян против князей и ханов, не желавших подчиняться требованиям российских властей.

Положение на Кавказе оставалось сложным и внушало серьезное беспокойство. Сохранение на Северном Кавказе и в Восточном Закавказье особенно сильной феодальной и родо-племенной раздробленности, неограниченной власти местных ханов и общинно-родовой верхушки вело к продолжению междоусобиц, феодальной анархии и грабежей, нападений на Кавказскую военную линию, захвату людей и продаже пленных в рабство. До фактического подчинения Северного Кавказа российскому военно-административному управлению было далеко. До 1813 г. в этом направлении делались только первые шаги, но в дальнейшем эта политика стала проводиться более настойчиво, что вызывало растущее сопротивление, особенно части феодалов, общинно-родовой верхушки и мусульманского духовенства.

После 1813 г. Северный Кавказ все более становился сферой внутренней политики России, хотя и оставался ареной острейших международных противоречий. Османская империя и шахский Иран не оставляли реваншистских притязаний на пересмотр Гюлистанского и Бухарестского мира. Порта и шахский двор по-прежнему рассчитывали на использование в своих интересах западных держав и питали на этот счет несбыточные иллюзии. Австрия наиболее последовательно оказывала политическую поддержку Османской империи в Европе, а британская Ост-Индская компания и лондонский кабинет подстрекали шахское правительство против России, помогали ему деньгами и оружием, посылкою своих офицеров и военных советников, отправкой шаху и его сановникам богатых подарков.

Порта продолжала открыто заявлять свои притязания. Османский чиновник Сеид Ахмед-эфенди подстрекал кабардинцев и закубанские народы против России, запугивал ногайцев тем, что им грозят увеличение податей и рекрутские наборы. В сентябре 1813 г. с небольшим отрядом он перешел Кубань, вторгся в русские владения и увел часть ногайцев (русские казаки ограничились тем, что отбили у уходящих часть скота). Казаки генерала Портнягина не раз и ранее отнимали скот у ногайцев, но эти карательные экспедиции за Кубань послужили новым поводом для агентов Порты призывать закубанцев к «газавату». Хотя генерал был смещен и предан суду, тем не менее его действия успели принести немалый вред отношениям с закубанцами[76].

Оттоманская Порта по-прежнему не признавала добровольного вхождения в состав России Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии и настаивала на их возвращении, превратно истолковывая текст Бухарестского трактата[77]. Но Александр I и русское военное командование на Кавказе

твердо стояли на том, что владения, добровольно принявшие российское подданство (в их числе и Абхазия), не могут быть переданы Османской империи.

Англия не желала развития русской торговли и усиления влияния в Иране. В 1814 г. лондонский кабинет возобновил союзный договор с шахским двором, обязался снабжать его субсидиями в случае войны Ирана с любой державой, а шах по-прежнему считал своими Грузию, азербайджанские и дагестанские ханства, вошедшие в состав России. Особая статья определяла размеры субсидии в 200 тыс. ф. ст. Английский кабинет обязался взять на себя посредничество в переговорах с Россией о границах, хотя русское правительство отнюдь не собиралось обсуждать этот вопрос.

В 1815 г. в Петербург прибыл чрезвычайный шахский посол Мирза-Абул-Хасан. Он совещался с находившимся там проездом британским посланником в Иране Г. Аузли и английским посольством, а потом представил гр. К. В. Нессельроде меморандум от 2 февраля (20 января) 1816 г. с требованием возвратить шаху ханства Талышинское, Карабахское и Ганджинское. Аузли даже убеждал отодвинуть границу с Россией еще дальше на север — до самого Терека и Кавказского хребта, но петербургский кабинет уклонился от этих назойливых просьб. Шахскому послу был дан вежливый, но твердый отказ и заявлено, что одно лишь ханство Ганджинское было «покорено» силою оружия, другие же независимые владения добровольно присоединились к России, а потому император не может уступить их «без душевного прискорбия» [78]. Разумеется, английское правительство и не думало оказывать шаху денежную и военную поддержку, выходящую за рамки подстрекательства и ложных посулов. Оно было более заинтересовано в том, чтобы осложнить положение самого Ирана, сталкивая его с Россией, добиться от шаха подтверждения расширения привилегий английских купцов. Для Англии важно было также отвлечь шахский двор от активной политики в районах, расположенных вблизи Индии, и стравливать Иран с афганскими ханствами. Позиция Англии вызывала в Петербурге беспокойство.

Несмотря на огромное укрепление позиции России в Европе, царское правительство было не готово направить на Кавказ крупные военные подкрепления. Финансы империи были до предела расстроены недавними войнами, главная часть армии по-прежнему находилась у западных границ. Военных линий на Северном Кавказе не хватало для распространения на его территорию административной и военной власти, а отношения России с Ираном и Османской империей угрожали в будущем новыми конфликтами. В этих условиях Александр I принял решение направить на Кавказ одного из самых выдающихся военных деятелей России — генерала А. П. Ермолова, властного и решительного военачальника, в надежде, что его опыт и военное искусство помогут малыми силами упрочить там положение России и избежать новой войны с Ираном.

Личность А. П. Ермолова была глубоко впечатляющей и во многом противоречивой, что давало повод для различных оценок его деятельности (см. рис. 1 на с. 139) [79].

А. П. Ермолов стал одним из самых прославленных героев Отечественной войны 1812 и 1813 годов. В глазах патриотически настроенного русского дворянства он воплощал суворовские и кутузовские военные традиции. Александр I знал Ермолова по событиям 1813 г. и ценил его воинские подвиги, особенно в Бородинском сражении и под Кульмом, но независимый нрав и неприязнь Ермолова к аракчеевским порядкам и к

сановной знати были в столице неприемлемы. Император решил использовать его на Кавказе: благоволение Александра I сочеталось с возможностью удалить Ермолова от двора [80].

В начале мая 1816 г. Ермолов был назначен на Кавказ главнокомандующим, а в июне — чрезвычайным послом в Иран, командующим Отдельным грузинским (с 1820 г.— Кавказским) корпусом и управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. Высокое положение и огромные полномочия дали повод впоследствии именовать его «проконсулом Кавказа». В 1817 г. Ермолов выехал из Тифлиса в Тегеран.

Инструкция Александра I от 11 июля (29 июня) 1816 г. предписывала Ермолову «обратиться единственно к охранению общей безопасности» и «не давать повода» к подозрениям, «что мы имеем честолюбивые виды насчет Персии». Далее указывалось, что желательно достичь соглашения о границе по Араксу, но «буде нельзя приобрести сего иначе, как только силою оружия», то «удовольствоваться нынешнею границей». «Я желаю,— повелевал император,— чтобы мир с Персиею сохранился и дружественные отношения с нею утвердились» [81]. Как известно, миссия Ермолова не увенчалась решением споров о границе, но все же он вернулся на Кавказ с уверенностью, что в ближайшее время Иран войну не начнет, и примерно до 1824 г. держался такого мнения.

Александр I был поглощен затянувшейся реализацией решений Венского конгресса и контрреволюционной политикой Священного союза и много времени проводил в Западной Европе. Ермолову было предоставлено самому вырабатывать планы своих действий и подавать их на высочайшее одобрение. На Кавказе он развернул кипучую деятельность. Одним из первых его предложений было проведение мер по дальнейшему насаждению казачьего землевладения в Предкавказье. Предложение Ермолова обсуждалось в Комитете министров и было утверждено императором. Рескрипт Александра I от 18(6) марта 1817 г. предписывал Ермолову провести отмежевание казакам правого фланга Кавказской линии по 30 дес. на душу служащих и неслужащих казаков, чиновникам и штаб-офицерам — по 300 дес., а «прочим старшинам» — по 60 дес. земли в уездах Александровском, Ставропольском и Георгиевском. Казакам левого фланга линии по Тереку, с учетом меньшей плодородности земель, выделялось соответственно на душу: казакам — по 50 дес., штаб-офицерам — по 400, «прочим старшинам» — по 100 дес.[82]

В самом начале 1820 г. А. П. Ермолову было отдано в подчинение Черноморское войско, находившееся ранее в ведении херсонского военного губернатора, и вся территория от Азовского моря до земли Войска Донского включена была в Кавказскую губернию [83].

В 1821 г. на земли Черноморского войска было начато переселение более 16 с половиной тысяч душ из Черниговской и Полтавской губерний, но по прибытии на место переселенцы оказались в бедственном положении [84], и устройство их потребовало многих лет. Меры эти имели большое значение для будущего, но, прибыв на Кавказ, Ермолов реально располагал только своим корпусом.

А. П. Ермолов на месте сразу же разработал широкий план переноса военной линии с р. Терек до подножия Кавказского хребта и перехода к непосредственному подчинению горских обществ и правителей Северного Кавказа российской военно-административной власти. Проекты его получили полное одобрение, но правительство рассчитывало на исполнение этого плана малыми средствами. Когда Ермолов уведомил Петербург, что «необходимо пополнение войск и постоянное их размещение

среди горцев» Дагестана, на это последовал отказ. Списочный состав войск Ермолова на октябрь 1826 г. составлял всего 49 тыс. человек со 124 орудиями на всю огромную территорию Северного Кавказа и Закавказья, а действительное число солдат не могло превышать и 40 тыс. Значительных подкреплений ему не удалось получить и в дальнейшем.

Между тем перенос военной линии к подножию Кавказского хребта и попытки непосредственного подчинения горских обществ и правителей российской военной администрации с первых же шагов вызвали сопротивление, особенно феодальной и общинно-родовой верхушки. Уже с 1818 г. началась так называемая Кавказская война против политики царизма, усилилось сопротивление горцев.

Меры по укреплению Кавказской военной линии вызвали беспокойство и сопротивление прежде всего кабардинских князей. На русские посты и станицы начались частые наезды с отгоном скота и захватом людей. От набегов не хотели отказываться прежде всего князья [85]. Угнетаемые владельцами, кабардинские крестьяне все чаще уходили от них под защиту русских властей и получали свободу. В 1818 г. карательная экспедиция, посланная Ермоловым, сожгла одно из селений. Жители его, получив предупреждение, заранее удалились в горы. Отары овец и табуны лошадей были угнаны царским отрядом [86].

А. П. Ермолов ввел в Кабарду особый «летучий отряд» с артиллерией, переходивший из аула в аул с требованием подчиниться, прекратить восстания и набеги, переселиться из ущелий ближе к Тереку. Но многие князья уходили в горы и уводили с собой зависимых людей. Тогда кабардинским князьям дано было обещание сохранить всем, кто повинуется, права и власть над крестьянами [87].

Начата была постройка новых укреплений от Владикавказа к верховьям р. Кубань, что вело к перемещению военной линии на юг от Терека к подошве так называемых Черных гор. План этот был в 1822 г. одобрен Александром I. В том же году Ермолов предписал учредить в Кабарде вместо духовных судов Временный суд по гражданским делам с участием русских чиновников и частичным применением российских законов [88]. Мера эта вызвала новые вспышки недовольства, особенно в 1822 и 1825 гг. Духовенство разжигало мусульманский фанатизм. Все больше владетелей стало уходить в горы и за Кубань, а иные пробирались в Чечню для участия в «газавате» (войне против «неверных»). В обращении к кабардинскому народу от 8 июля (26 июня) 1822 г. Ермолов объявил свободу крестьянам от непокорных князей. В этом случае царские власти вместо обычных сделок с феодалами пошли на прямое использование в своих интересах борьбы крестьянского населения против знати. Крестьяне все чаще стали убегать от своих владельцев. На правом берегу р. Нальчик беглые в дальнейшем образовали «вольный аул» из 200 дворов. Появились и другие подобные селения [89]. Владетелям запрещено было убивать своих рабов.

Карательные действия царских войск в ряде случаев велись с бесполезной жестокостью — разорялись и сжигались аулы, угонялся скот, взимались разные поборы. Кабардинские князья продолжали нападения на Кавказскую линию [90]. 11 октября (29 сентября) 1825 г. кабардинцы и закубанцы разгромили станицу Солдатскую, и угнав в плен много людей, ушли в горы по ущелью р. Чегем.

События в Кабарде и Балкарии были тесно связаны с ситуацией в Закубанье. Его населяли многочисленные адыгские народы и карачаевцы. Часть ногайцев кочевала там западнее Екатеринодара (ныне Краснодар). По примерным расчетам, взятым из бумаг Ермолова, всего

в Закубанье обитало до 300 тыс. душ обоего пола [91], т. е. намного меньше, чем считали отдельные путешественники и наблюдатели.

Османские эмиссары продолжали проникать в Закубанье и Кабарду через Анапу и подстрекать феодалов и старшин к нападениям на Кавказскую линию. Начало постройки новых укреплений в Кабарде и перенос военной линии к верховьям Кубани сопровождались учащением наездов закубанцев на русские укрепления и ответными карательными мерами царских войск. Одновременно делались шаги по насаждению царской администрации. Управление ногайцами в пределах линии передано было приставу, а султана их Менгли-Гирея устранили от дел, передав ему около 5000 дес. земли и прибавив 4800 руб. к ежегодному пенсиону [92]. Царское правительство не доверяло ногайским феодалам, но в то же время старалось привлечь их на свою сторону земельными, денежными пожалованиями.

Для устрашения Ермолов приказал преследовать отступавшие ватаги закубанцев за Кавказской линией, что раньше не делалось из опасения эпидемии чумы [93]. В 1821 г. в Закубанье было разорено несколько поселений ногайцев и отобран скот. В 1822 г. отряд казаков сжег за Кубанью 17 аулов, отобрал несколько тысяч голов скота, вырубил много леса и сжег посевы. Там же, где административная власть передавалась приставам, особенно из местных старшин или офицеров царской армии, они взимали подати и штрафы, направляли жителей на дорожные и другие работы [94].

Главное внимание Ермолова было обращено на правый фланг и центр Кавказской линии, у которых расположены были земли кабардинцев и осетин. После 1813 г. отношения складывались относительно спокойнее. Осетины занимали под свои поселения в основном земли около г. Моздок. Царские власти поощряли переселение осетин на равнину. Для этого совершались сделки с кабардинскими князьями, считавшими плоскость своей, или же земли там передавались переселенцам из осетин с расчетом сделать их послушными подданными. В 1820 г. началось массовое сселение осетин с гор на равнину. Свободным осетинам давалось до 5 дес. земли, но одновременно увеличивались повинности зависимых крестьян. Учитывалось, что осетины-земледельцы могли поставлять провиант для войск. Несмотря на корыстность такой политики царизма, заселение осетинами равнины было осуществлением вековой мечты осетинского народа о плодородных землях, облегчило мирное общение с русскими и кабардинцами. Ермолов намечал даже широкое привлечение осетин к военной службе [95].

Крайне сложной была обстановка на всем протяжении левого фланга Кавказской линии — на восток вдоль Чечни и далее к Дагестану. Сильное сопротивление оказывали чеченцы; их старшины имели связи с другими народами — искали поддержки у дагестанских феодалов и духовенства. Ватаги чеченцев участили нападения на русские укрепления. А. П. Ермолов неуклонно следовал своему плану переноса военной линии с Терека на Сунжу, к подошве Кавказских гор, что вело к подчинению полосы плодородных земель между реками и горной цепью. Царские власти делали ставку на то, что чеченцы, не имея выбора, вынуждены будут покориться. От чеченцев Ермолов потребовал расселения под надзор военных укреплений, прекращения нападений, уплаты податей, а также выполнения разных работ (поставка строевого леса, прорубка просек и т. д.).

Линия новых русских постов и укреплений возводилась от Сунжи до р. Сулак (Койсу) [96]. Оттеснена была часть населения с эндереевских

и других освоенных земель. Организуемые общинной знатью нападения на русские посты вели к тому, что к 1818 г. опасно было уже выходить за ворота станиц, а густота леса позволяла чеченцам приближаться внезапно. Чеченские старшины посылали за помощью к дагестанцам [97]. В случае изъявления покорности Ермолов обещал не мешать чеченцам заниматься хлебопашеством и скотоводством, но грозил изгнанием в горы и уничтожением тех селений, жители которых укрывали «хищников».

Русские укрепления закладывались в местах, наиболее важных для контроля над плоскостью и выходами на нее из ущелий гор [98]. В 1818 г. построена была крепость Грозная (особенно важная по своему положению), в 1819 — Внезапная, в 1820 — Бурная. Часть чеченцев подчинилась и вернулась на плоскость. В Эндери было построено укрепление и запрещена работорговля.

Петербургское правительство не давало Ермолову подкреплений, которые одни только могли обеспечить размещение войска среди местного населения и тем достичь цели более мирными способами. Правительство требовало от Ермолова скорейшего «покорения» горцев, но не давало ему достаточных сил для достижения этого мирными способами и в то же время слегка укоряло его за жестокости [99], оставляя за собой возможность свалить на него вину за их последствия [100], что вполне отвечало хитрой и коварной манере Александра I вести дела. В целом царизм держал курс на подчинение горского населения силой, отдельными экспедициями и малым числом войск, и Ермолов проводил именно эту линию. В августе 1819 г. чеченские старшины продолжили сопротивление [101].

Для обеспечения военных операций царские войска рубили лес по р. Сунже и прокладывали широкие лесные просеки. В 1820 г. было уничтожено селение Гребенчук и вырублен вековой лес на склонах Ханкальского ущелья. Одновременно отряды царских войск действовали в Дагестане. Осенью того же года в Чечне был сожжен Герзель-аул, скот отобран на провиант и взяты горцы для рубки леса. Часть чеченцев из разных селений выслала своих посланцев — они приняли присягу на «верность» и взяли обязательство платить по одной рогатой скотине с каждых 10 дворов. Уничтожение аулов, вырубка садов, угон скота и рубка леса велись в 1825 г. вблизи крепости Внезапная. Многие чеченцы уходили в Аварию.

Подготовка новой войны Ирана с Россией сопровождалась усилением подстрекательств шахских агентов, и сопротивление чеченцев не затихало. В 1826 г. было отбито нападение многочисленной чеченской конницы и уничтожено селение Чихкери.

Перенос линии на р. Сунжу сразу же отозвался и в Дагестане. Первым выступил против царских войск хан Аварский, за ним — ханы Мехтулинский, Казикумухский, уцмий Каракайтагский и другие владетели и старшины сельских обществ. В 1818 г. Ахмед-хан Аварский с большим скоплением войска напал на русский отряд, частью истребил его и занял селение Башлы. Ермолов со значительными силами двинулся в Дагестан и разбил его войско и сжег главное селение хана Мехтулинского Дженгутай [102].

Весной 1819 г. русские войска нанесли поражение Сурхай-хану Казикумухскому. В сентябре снова были рассеяны отряды аварского хана у р. Сулак (Койсу). Затем Ермолов пошел в Тарки. Шамхал Тарковский оставался верным России, но Сурхай-хан и Ших-Али, бывший хан Дербентский, получив от шаха крупную сумму, подстрекали акушинцев против русских войск. Акушинцы оказали сопротивление, но были разбиты. В декабре того же года Сурхай-хан совершил нападение на Чпрахский

пост. В начале января 1820 г. царские войска заняли Акушу, где вновь была принята присяга на подданство и выданы аманаты. Сурхай-хан бежал и навсегда был лишен ханства, а вместо него ханом в Казикумухе был провозглашен Аслан-хан Кюринский [102а]. В том же году Ермолов упразднил уцмийство Кайтагское, а за беками там стал наблюдать пристав. Земли непокорных правителей часто передавались другим владельцам.

В Дагестане сохранились прежние феодальные порядки, хотя у местных правителей, по крайней мере формально, было отнято право смертной казни, нанесения увечий подданным и отчуждения имений. Но полного «усмирения» Дагестана Ермолов считал возможным достичь только крупным пополнением войск и постоянным пребыванием их среди горцев [103]. Перед войной с Ираном в 1824 г. он снова прибыл в Дагестан для «приведения к покорности» жителей горских обществ по обе стороны реки Койсу. Этого удалось достичь пресечением их связей с плоскостью, откуда «получают они все потребное», после чего они выдали аманатов и начали платить подати [104].

К середине 20-х годов XIX в. в Чечне, аварских «вольных» обществах и ханствах Дагестана многие феодалы и старшины уже склонялись к подчинению царским властям в расчете на сохранение своих привилегий. Местному же населению это сулило двойной гнет — своих феодалов и царских властей. Решительнее всех к сопротивлению подстрекали горцев наиболее фанатичные представители мусульманского духовенства. Они старались привлечь к себе горское крестьянство, особенно состоятельную часть узденей, и тем самым оттеснить светских феодалов и старшин. Став во главе вооруженных выступлений, воинствующие проповедники ислама пытались подчинить народ своей власти, объединив его под знаменем религиозной идеологии мюридизма, которая уже в то время начинала распространяться на востоке Чечни и в сопредельных районах Дагестана. Это было новое явление, серьезно осложнившее в дальнейшем обстановку в восточной части Северного Кавказа [105].

Идеология мюридизма распространилась в Чечне, Дагестане только к 30-м годам XIX в., но отдельные вооруженные выступления под этим знаменем начались уже с середины 20-х годов. В 1824 г. в Восточной Чечне поднял восстание уздень Бейбулат Таймазов. При нем находился мулла Магомед, выдававший себя за «пророка». В начале 1826 г. отряд Таймазова был рассеян, а сам он бежал в Анапу под защиту османских властей. Проповедь «газавата» стала придавать более яростный характер вооруженным столкновениям и ответным репрессиям в виде прогнания сквозь строй отдельных главарей восстания (иногда до смерти), как практиковалось и в царских войсках по отношению к русским солдатам [106].

Опыт политики царизма на Северном Кавказе в 1817—1825 гг. показывает, что царизм применял на Кавказе методы колониальной политики феодальных государств [107]. Меры эти ожесточали горское крестьянство, помогали мусульманскому духовенству разжигать религиозный фанатизм, призывать к «газавату». В Чечне и горских обществах Дагестана гнет местных феодалов и старшин был слабее выражен, чем в ханствах Восточного Кавказа или у адыгских народов. Поэтому общинным верхам там было легче подымать низшие слои горцев на вооруженные выступления, отвлекая тем самым от социальных противоречий в самом горском обществе.

Сопротивление горцев, поскольку оно было направлено на защиту своей земли и самостоятельности, против насаждения царской администра-

ции и порядков, имело в этом плане освободительный характер, а в дальнейшем стало переплетаться с борьбой горских крестьян и против местных феодалов. Однако освободительная народная тенденция в сопротивлении горцев сочеталась со стремлением феодалов и общинной феодализирующейся знати к сохранению таких глубоко реакционных явлений, как сильнейшая политическая раздробленность, произвол ханов, междоусобицы, феодальные разбои и анархия, рабовладение, «свобода» набегов и грабежей, захват пленных и продажа их в рабство, воинствующий религиозный фанатизм и «газават»,— все это ослабляло движение, отвлекало горцев от классовой борьбы, вело их верхи к ориентации на шахский Иран и Османскую империю.

Отрицательная роль стремления увековечить феодальные разбои, продажу пленных в рабство, организуемые феодалами и общинной знатью, долго недооценивалась в исторической литературе, но теперь привлекает все большее внимание советских ученых. Торг невольниками с Кавказа был особенно велик в конце XVIII в., когда, по некоторым сведениям, в Константинополь, Египет и Левант ежегодно увозилось до 12 тыс. рабов [108]. В феодальных набегах, захвате пленных были заинтересованы лишь верхи горцев.

А. П. Ермолов, как и многие царские генералы и петербургское правительство, ошибочно считал горцев, особенно чеченцев, «закубанцев» и жителей горских обществ Дагестана «хищниками» и «разбойниками», будто бы жившими в основном грабежами. Ермолов был далек от каких-либо просветительских или либеральных взглядов на горские народы и следовал курсу царизма на подчинение их силою. В действительности же население Чечни, Дагестана, Закубанья и других частей Северного Кавказа никогда не было сплошной массой «хищников». Большинство их занималось земледелием, скотоводством и ремеслами. Это прекрасно понимали еще некоторые дореволюционные авторы [109]. Недавняя попытка в ином виде возродить представление о чеченцах, аварцах и других горцах как однородной массе с «имманентно присущими» ей агрессивно-грабительскими стремлениями [110] не получила поддержки советских историков.

Исторические исследования показали, что, несмотря на различный уровень развития феодальных отношений, в сельских обществах Дагестана (и в меньшей степени в Чечне) уже имелись территориальные в основе своей общины с сохранением патриархально-родовых связей, выделилась местная феодализирующаяся родовая верхушка. То же было и в горских обществах адыгских народов. Именно феодально-родовая общинная знать и феодальные правители — ханы и беки — затевали и возглавляли междоусобицы и набеги с целью захвата пленных и продажи их в рабство и вовлекали в ватаги (нередко насильно) мирных жителей — горских крестьян. Феодальные разбои и грабежи никогда не были единственным занятием большинства горцев, а вытекали из стремлений эксплуататорских верхов нажиться работорговлей при поддержке и поощрении со стороны Османской империи и шахского Ирана [111].

Адыгские и кабардинские князьки создавали для захвата пленных ватаги многочисленных и праздных дворянских сыновей, не занятых производительным трудом [112]. Захваченных в рабство вывозили на невольничьи рынки через Сухум-кале. А. П. Ермолов считал, что уже по одной этой причине никак нельзя уступать Порте Абхазию [113]. Продажа рабов в Османскую империю была важнейшей нитью связи феодалов с нею и во многом способствовала политической ориентации на нее [114]. В Дагестане в Эндери был большой торг невольниками — вывозили и продавали в рабство как взятых в плен грузин, армян, так и проданных за долги

или детей, купленных у бедных родителей, а также пленных русских солдат, молодых горцев и горянок, захваченных при междоусобицах и набегах. Особенно высоко ценились молодые красивые черкешенки, заполнявшие гаремы османских вельмож. Рабы использовались и на месте, например в Кизляре, для возделывания виноградников; «домашние» рабы жестоко эксплуатировались местной знатью.

В России еще существовало крепостное право, но рабство было запрещено. Рескрипт Александра I от 5(17) сентября 1805 г. предписывал освобождать невольников с турецких кораблей, которые иногда укрывались от бури в русских портах. Такой случай имел место в Феодосии в 1806 г., а в 1818 г. там же было освобождено 60 невольников, владельцы получили за них выкуп [115]. Действия Ермолова по пресечению феодальных разбоев и работорговли были, несомненно, прогрессивными, хотя они далеко еще не покончили с этим явлением. Меры эти были строгими. Проехав Эндери и другие пункты, А. С. Грибоедов в 1818 г. писал: «Там же на базаре прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей,— нынче самих продавцов вешают» [116].

Действия Ермолова на Кавказе вызывали неодобрение сторонников более либеральных методов подчинения этого региона российскому управлению. В 1816 г. адмирал Н. С. Мордвинов писал, что горских правителей надо привлекать к России не силою, а мирными торговыми связями [117]. Уже упоминалось, что генерал Тормасов осуждал репрессии, только озлоблявшие горцев, и советовал налаживать с ними мирные отношения.

После Бухарестского мира, когда анапский паша снова стал возбуждать адыгских владетелей против России, русские власти в Одессе и Херсоне пытались принимать меры по заведению морской торговли солью, металлическими предметами и тканями с прибрежными жителями Северного Кавказа, чтобы ослабить влияние исходивших из Анапы подстрекательств, развивать с адыгами мирные отношения. Этой торговлей пытался заняться русский негоциант генуэзского происхождения Р. С. Скасси и некоторые другие купцы. В 1821 г. Александр I даже утвердил «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами» [118]. В бухтах и устьях рек Северо-Кавказского побережья небольшие суда выгружали соль и другие товары, а оттуда привозили лес, кожи, бурки, табак. Торговля была меновой и отвечала потребностям адыгов, хотя феодальные верхи получали куда больше выгод от продажи невольников в Константинополь. Царские генералы продолжали курс на подчинение горских народов военной силой и считали действия Скасси пустой затеей, а его самого авантюристом. Со своей стороны, Скасси неустанно писал обличительные доносы на действия А. П. Ермолова. Морская торговля России с побережьем Северного Кавказа сначала была малоуспешной, но когда дело двинулось вперед, новый турецкий комендант Анапы Хасан-паша стал опасаться роста заинтересованности закубанцев в торговых связях с Россий и наложил запрет на эту торговлю в нарушение договорного условия оказывать ей содействие. Русскому посланнику в Константинополе А. И. Рибопьеру предписывалось требовать отмены этого запрещения [119].

Передовые русские деятели, особенно сосланные на Кавказ декабристы — А. И. Якубович, А. А. Бестужев-Марлинский и другие,— горячо высказывались за упрочение России на Кавказе мирными средствами, за торговлю и просвещение. А. С. Грибоедов — писатель, мыслитель и дипломат — осмеливался высказывать А. П. Ермолову и И. Ф. Паскевичу мнение, что следует «равно благотворить всем своим подданным, какой

бы нации они ни были», и писал, что действия царских генералов лишь укрепляли у него «отвращение к чинам и отличиям».

Известно, что Грибоедов еще с начала 20-х годов задумывался над способами расширения торговли через Кавказ с Ираном, а в 1828 г. подал И. Ф. Паскевичу проект создания Российской Закавказской компании. Имелось в виду содействие всестороннему экономическому развитию Закавказья в целях укрепления всего Русского государства [120].

Деятельность А. П. Ермолова, при всех своих отрицательных чертах насильственных действий, реально способствовала ликвидации феодальных разбоев и работорговли, вела к более прочному соединению Кавказа с Россией. Выдвижение вперед и постройка новых военных линий обезопасили находившиеся под их защитой города и селения. Участок Военно-Грузинской дороги, примыкавший к Моздоку и течению Терека, был перенесен с левого на правый берег этой реки. Областное управление Ермолов перенес из Георгиевска в Ставрополь. В Пятигорске на базе минеральных источников были построены ванны и лечебница, проложен бульвар, посажены сады, выстроены большие каменные красивые дома, сохранившиеся и поныне. Развернулось строительство административных зданий, оживилась культурная жизнь в Тифлисе.

К заслугам Ермолова можно отнести попытки ограничения произвола ханов в Дагестане и упразднение их власти в ряде азербайджанских ханств Закавказья. Ханы зверски тиранствовали над населением, беспощадно обирали народ и купцов, чинили необузданные насилия и жестокости. Шамхал Тарковский выкалывал глаза своим подданным, бросал их в темную яму и избивал палками. Аслан-хан Кюринский отбирал у горских крестьян дочерей, а потом чеченцы выменивали их у него на лошадей, продавали в рабство, в гаремы. В Казикумухе Аглар-хан пытал провинившихся каленым железом, протыкал им языки шилом, лил на бритые головы кипящее масло. По словам Ермолова, управление ханств представляло «образец нелепого злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество» [121]. Ослепление, отрезание ушей и носов, отрубание рук и ног были обычным явлением, и базары, как и в Иране, кишели изувеченными.

Шекинский хан Измаил по своему желанию произвольно взимал пошлины, а то и просто грабил товары и команды с морских судов. Требования русских властей о безопасности караванов и вознаграждении ограбленных кущцов не выполнялись. По смерти хана Ермолов приказал ввести в ханстве русское управление, а еще ранее упразднил ханство в Кубе. Бывшие ханства стали именоваться «областями» или «провинциями» [122]. Ширванское ханство было превращено в область в 1820 г., Мустафа-хан бежал в Иран. Ермолов приказывал привести в известность доходы, не увеличивать подати, изгнать приверженцев бывших ханов. В 1822 г. бежал Мехти Кули-хан Карабахский, и ханство упразднили. В столицах бывших ханств вводились суды под председательством коменданта. Нанесение жителям увечий не разрешалось. Такое ограничение феодального произвола располагало жителей к России [123]. Однако в Дагестане произвол местных правителей во многом сохранился и после мер, принятых Ермоловым.

Неоправданная жестокость царских властей по отношению к непокорным горцам была самой мрачной стороной деятельности и Ермолова, и позднее И. Ф. Паскевича. Факты показывают, что русскому простому солдату была совсем не свойственна жестокость, проявления которой нередко требовали некоторые царские офицеры и генералы. Известны случаи, когда в аулах оказывались брошенными грудные дети, солдаты сбе-

регали их. В Акуше была возвращена родителям молодая дочь одного из знатнейших старшин, ее содержали с должным уважением. В 1826 г., когда мужчины без сопротивления оставили селение Кременчук, солдаты и казаки не тронули детей и женщин, которые были «мирно угощаемы» пищей [124].

В условиях угрозы новой войны с Ираном рескрипт Александра I Ермолову от 27 сентября (9 октября) 1825 г. по поводу карательных мер в Закубанье повелевал «оставить всякие мщения над безоружными, над женами и детьми», ибо «истребление селений, коих жители не изобличены в действительном нападении на подданных или союзников наших, по духу сего народа, склонного и обычаями и законами к мщению за обиды, ведет только к большему его против нас ожесточению». Полковнику кн. Бековичу-Черкасскому было отказано в награде (Георгиевском кресте) из-за расправы над мирными жителями [125].

В то же время Ермолову давались повеления без промедления обеспечить «спокойствие» и избегать осложнений с Ираном. Рескрипт на его имя от 31 августа (12 сентября) 1825 г. гласил, что «происшествия на Кубани и в особенности случившиеся в Чечне неприятные последствия общего в той стороне возмущения делают всякое наступательное движение против Персии весьма неуместным. Нам нужно прежде всего восстановить в собственных наших владениях и окружающих народах совершенное спокойствие и порядок». Такие предписания и положение на Северном Кавказе вынуждали Ермолова рассредоточивать войска по разным местам Северного Кавказа и Закавказья для карательных экспедиций, он не мог держать их соединенными вместе на случай отражения нападения иранской армии, не имея прочного тыла и постоянных запасов провианта и фуража. Впоследствии же именно разбросанность войск была поставлена в вину Ермолову как повод для его смещения с поста главнокомандующего.

Смерть Александра I и события междуцарствия осложнили положение Ермолова. Вел. кн. Николай Павлович знал, что был нелюбим в армии и с особой подозрительностью относился к Ермолову, известному своей популярностью и дружескими связями с вел. кн. Константином Павловичем. Накануне 14 декабря 1825 г. Николай послал доверительную записку начальнику Главного штаба генералу И. И. Дибичу в Таганрог с повелением уведомлять «обо всем, что у вас или вокруг вас происходить будет, *особливо у Ермолова*... Я, виноват, ему менее всего верю» [126]. После восстания декабристов в русском обществе даже до иностранных дипломатов доходили слухи (возможно, исходившие и от врагов Ермолова) о том, что он был будто бы связан с деятелями тайных обществ, чуть ли не является закулисным главой сторонников «политических преобразований» [127]. Николай I пристально следил за Ермоловым, подозревал его в участии в тайных обществах или, по меньшей мере, в осведомленности об их существовании. Ермолова обвиняли в благожелательности к сосланным на Кавказ декабристам, которым он нередко действительно покровительствовал.

Император и гр. К. В. Нессельроде опасались, что твердая позиция Ермолова по вопросу о границах может ускорить войну с шахским Ираном, и главное внимание уделяли отношениям с Османской империей. Рескрипт Николая I на имя Ермолова от 31 января (12 февраля) 1826 г. указывал, что «ныне, когда почти все горские народы в явном против нас возмущении, когда дела в Европе, а особливо дела с Турциею, по важности своей заслуживают внимательнейшего наблюдения, неблагоразумно было бы помышлять о разрыве с персиянами и умножать взаимные не-

удовольствия. Напротив того, мы должны всемерно стараться прекратить взаимные распри и уверить их в искренности желания нашего утвердить мирные с ними связи» [128].

Николай I и Нессельроде не верили предостережениям Ермолова о скором нападении Ирана, что оказалось серьезным просчетом [129]. В Иране велись лихорадочные приготовления к войне. Наследник шахского престола Аббас-мирза надеялся, что в Дагестане вспыхнет всеобщее восстание против России. В его войсках было немало английских офицеров и английского оружия. Не без участия англичан в Иране распространялись ложные слухи, что будто бы вся Россия охвачена братоубийственной войной из-за престола и надо этим воспользоваться. Аббас-мирза верил в эти россказни и считал, что надо спешить с войной, хотя сам шах, более всего занятый своим гаремом и сокровищами, боялся военных расходов и был настроен более миролюбиво. Тем временем войска Ермолова оставались разбросанными и неготовыми отразить внезапное нападение шахской армии [130].

Весной 1826 г. Николай I послал к шаху для переговоров о границах чрезвычайного посланника кн. А. С. Меншикова, что означало отстранение Ермолова от дипломатических дел. Меншикову предписывалось донести о «неудобствах, которые проистекают от разброски войск», а заодно «присмотреть» за Ермоловым, который покровительствовал сосланным на Кавказ декабристам, в том числе «умышлявшим на жизнь» Александра I и других особ царской фамилии. Меншиков доносил, однако, что Кавказский корпус не был причастен к тайным обществам и что он нигде не приметил «духа вольнодумства и неповиновения» — ни в войсках, ни «в обывателях» [131].

По прибытии в Тегеран Меншиков был посажен под стражу. А 18(30) июля 1826 г. многочисленная армия Аббаса-мирзы без объявления войны внезапно перешла Аракс и вторглась в российские владения в Карабахе [132]. Разъединенность русских войск, предвзятое мнение Николая I и Нессельроде о том, что до нападения еще далеко, привели к тому, что война началась для России совершенно неожиданно и очень неудачно. Ответственность за это Николай I и приближенные к нему генералы и сановники постарались свалить на одного Ермолова. В Тифлис для замены Ермолова в августе 1826 г. прибыл генерал И. Ф. Паскевич и предъявил ему от имени царя множество вопросов, главным образом о причинах раздробления войск и отдельных военных неудач. Дано было повеление передать командование Паскевичу. Поначалу внешне сохранялось верховное начальство Ермолова, но всем было ясно, что дело идет к его полному отстранению.

Царское правительство вначале даже не верило, что война началась, и готово было признать нападение Ирана самовольным поступком эриванского сердара. Декларацию о войне с Ираном оно обнародовало более чем через месяц, когда военные действия были уже в разгаре, а в азербайджанских провинциях развернулась деятельность недовольных феодалов и шахской агентуры.

Изгнанные ханы Северного Азербайджана и некоторые из бывших дагестанских владетелей намеревались восстановить свою власть с помощью шахских войск. В Ширван с шахской конницей продвигался беглый Мустафа-хан, а в Казикумух направился беглый Сурхай-хан. Беглый грузинский царевич Александр с наемниками из джарцев напал на Грузию. В Елисаветполе (бывшей Гандже) часть беков и улемы подняли восстание с требованием восстановления Ганджинского ханства. Русские мирные жители и многие солдаты были застигнуты врасплох, и лишь

части гарнизона удалось спастись и увезти орудия. Шахский отряд занял Елисаветполь. Бывшие ханы пытались овладеть властью и в других местах.

Иранские войска захватили Ленкорань, осадили Кубу, пытались взять Бакинскую крепость, но население помешало местным феодалам открыть ворота, и гарнизон отбил нападение. Главной целью Аббас-мирзы было занятие Тифлиса и всеобщее восстание в Дагестане для полного истребления и изгнания русских. Но он опасался крепости Шуша, возвышавшейся на крутой скале в бывшем ханстве Карабахском.

Главные силы Аббаса-мирзы обложили Шушу и безуспешно пытались взять ее. У ее подножия велись осадные работы с помощью английских, французских и итальянских военных инженеров на шахской службе. Небольшой русский гарнизон, всего в 1500 штыков, стойко оборонялся. Местные жители — азербайджанцы и армяне — самоотверженно и безвозмездно изготовляли порох, картечь (переливали старые ядра), снабжали гарнизон провиантом, отдавали свой скот, сообщали сведения о противнике. Население помнило зверства ханов — оно не хотело ни их возвращения, ни перехода под шахское владычество. В обороне отличались даже женщины. Мужество и верность воинскому долгу проявил весь гарнизон под командованием полковника Реута, включая и многих офицеров из азербайджанцев. Многие жители «из татар» получили потом воинские награды [133].

Геройская оборона Шуши длилась 48 дней. За это время Ермолов успел перегруппировать и стянуть войска для перехода в контрнаступление. 3(15) сентября 1826 г. отряд генерала В. Р. Мадатова (родом армянина) вместе с закавказским ополчением уничтожил выдвинувшиеся вперед части шахской гвардии под Шамхором, и русские войска вновь заняли Елисаветполь. Стратегическая инициатива перешла к русскому командованию. Аббас-мирза вынужден был снять осаду Шуши и двинуться навстречу русской армии. Под Елисаветполем по распоряжению Ермолова сосредоточилось до 8700 русских солдат с 14 орудиями и закавказским ополчением из азербайджанцев, армян и грузин. Командовать ими Ермолов вынужден был послать И. Ф. Паскевича. 13(25) сентября 1826 г. разыгралось решающее сражение. Армия Аббаса-мирзы — более чем 26 тыс. пехоты и конницы с 24 орудиями — кинулась в атаку. Но русские драгуны врубились в шахские войска и смяли их, а закавказское ополчение ударило им во фланг. Иранская армия обратилась в паническое бегство. Победа была подготовлена Ермоловым.

Елисаветпольское сражение показало высокую боеспособность войск Ермолова и важное значение его последних военных распоряжений, хотя он и вынужден был отдать Паскевичу плоды подготовленной победы. В этом бою проявилась сила русско-кавказского боевого содружества. Победа под Елисаветполем была одним из важнейших военных событий на Кавказе в первой трети XIX в. и оказала решающее влияние на исход войны [134]. Битва под Елисаветполем повлекла за собой поспешный отход остатков шахского войска за Аракс. С ними бежали бывший ширванский Мустафа-хан, Селим-хан Нухинский и другие азербайджанские феодалы, взявшие сторону Ирана [135]. Рухнули последние надежды и на восстание против России в Дагестане. Сурхай-хан проник было в Казикумух, но не получил поддержки населения, был разбит отрядом своего соперника и бежал в глубь гор в Согратль, где и умер.

Без благожелательной позиции и активной помощи населения и многих владетелей Дагестана и без поддержки ополчения из армян, грузин и азербайджанцев победить шахские войска было бы намного труднее.

Немалую роль сыграло ограничение Ермоловым самовластия дагестанских ханов и упразднение им ханской власти в ряде азербайджанских областей. Ермолов писал, что в Шекинской провинции, где часть феодалов тоже подымала восстание, население было расположено к России, а Дагестан — этот край «многолюднейший и воинственный, пребывал в совершенном спокойствии, отзываясь, что новых властителей он не желает» [136]. Хотя часть азербайджанских и дагестанских феодалов и местных жителей была вовлечена в действия против России, но большинство населения было против шахского Ирана и ханского произвола. Положение в Дагестане отозвалось и на джарских аварцах и цахурах.

Значительно утвердились позиции России в джарских горских обществах и султанстве Илисуйском на южных склонах Главного Кавказского хребта, ведущих в Кахетию и Азербайджан. Русский отряд принудил джарских феодалов дать обязательство прекратить набеги в Кахетию и возместить убытки, а в султанстве Илисуйском враждебный России правитель заменен был другим [137].

Российское правительство опасалось осложнений с Османской империей и торопилось как можно скорее закончить войну с Ираном. 1 (13) октября русские войска, стремительно двигаясь вперед, освободили Эривань и были восторженно встречены армянским населением, а 13 (25) октября того же года без боя, с музыкой и под барабанный бой вступили в Тавриз. Шахский двор был в смятении, и вскоре в небольшом селении Туркманчай начались мирные переговоры между И. Ф. Паскевичем и Аббас-мирзой. В них участвовал и знаменитый русский писатель А. С. Грибоедов, ведавший дипломатической канцелярией при Паскевиче.

Видя полное поражение шахского Ирана, английское правительство по своему обыкновению перешло от подстрекательств к продолжению войны к советам заключить мир, но старалось ограничить уступки в пользу России. Предложения британского кабинета об официальном посредничестве вежливо, но твердо отклонялись в Петербурге еще ранее [138]. Летом 1827 г. Х. А. Ливену было предписано снова заявить лондонскому правительству, что «Россия неизменно придерживалась принципа не допускать ни при каких обстоятельствах иностранного посредничества в ее сношениях с азиатскими нациями», а дела персидские касаются «исключительных интересов России» [139].

Но неофициально британская миссия в Тегеране продолжала закулисными путями вмешиваться в ход переговоров. Только после того как русские войска возобновили наступление в сторону Тегерана, 22 февраля (5 марта) 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор. К России отходили города Эривань и Нахичевань. Шахское правительство гарантировало свободу российской торговли на Каспийском море и исключительное право России иметь на Каспии военный флот, разрешало переселение армян и возвращение в Россию лиц, ранее захваченных в плен и желающих вернуться на родину. Освобождение Армении от шахского и османского ига было вековой мечтой армянского народа.

Шахское правительство приняло эти условия, но стало чинить множество проволочек с исполнением в надежде на поражение России в назревавшей войне с Османской империей. Посланник в Тегеране А. С. Грибоедов хорошо знал положение дел на месте, добивался смягчения условий выплаты контрибуции, но предписания из Петербурга лишь ужесточали эти требования. Тогда сторонники срыва достижения мира подготовили неслыханную провокацию против России. Мусульманское духовенство и шахский двор, особенно получавший субсидию от английской миссии зять и бывший министр шаха Аллаяр-хан, были главными вдохно-

вителями и организаторами подстрекательств, которые повлекли за собой разгром российской миссии и убийство Грибоедова разъяренной толпой 30 января (11 февраля) 1829 г. Многие считали, что английские резиденты были причастны к этому преступлению [140]. Только победы России в начавшейся вскоре войне с Османской империей привели к тому, что Туркманчайский договор остался в силе.

Несмотря на завоевательный характер политики царизма, итоги войны 1826—1828 гг. с шахским Ираном имели объективно положительное значение для Закавказья и Северного Кавказа. Значительная часть Армении и Азербайджана была освобождена от шахского владычества и произвола ханов. Поддержка русских войск населением была на этот раз еще более широкой, чем в 1804—1813 гг. Исход войны вел к дальнейшему упрочению положения России не только в Закавказье, но и на всем Северном Кавказе, особенно в Дагестане.

4. Русско-турецкая война (1828—1829) и завершение вхождения Северо-Западного Кавказа в состав России

Положение на Северо-Западном Кавказе оставалось крайне тревожным. Происки османской агентуры в Закубанье и нападения на русские посты еще более усилились во время подготовки и ведения шахским Ираном войны с Россией. В 1824—1825 гг. царские войска вновь разрушили ряд аулов в Закубанье: сопротивление требованиям российских властей в Закубанье возглавляли местные феодалы, тесно связанные с Османской империей доходами от продажи в рабство людей, а также от сбыта ценной древесины (самшита), мехов, кож и шерсти.

Простой же народ не желал оказаться под султанским владычеством. В 1826 г. в Анапу прибыл новый паша Хаджи Хассан-оглу и потребовал от ближайших селений присяги на верность султану. Лишь немногие старшины за подарки готовы были на это, но горские крестьяне решительно воспротивились. От шапсугского «простого народа», натухайцев и абадзехов к русскому командованию поступали просьбы о покровительстве [141].

Положение на Северо-Западном Кавказе во многом осложнялось назреванием войны России с Османской империей. Разногласия между ними охватывали и балканские проблемы и дела Кавказа. В 1826 г. российское правительство стало более решительно поддерживать восстание греков против османского ига и достигло соглашения с британским кабинетом об урегулировании положения в Греции на основе предоставления грекам широкой автономии. Но Порта не давала на это согласие и не верила в то, что обе державы применят силу в защиту греков. Правительство России требовало вывода османских войск и уточнения границы в гирлах Дуная, добивалось от Порты выполнения обязательств предоставить самоуправление Сербии и устранения препятствий для торговли через Черноморские проливы, возникших во время военных действий против греков. На Кавказе оно требовало от Порты признания принадлежности России добровольно вошедших в ее состав Грузии, Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии. Обо всем этом Порте были направлены ультимативные требования [142].

Султанское правительство надеялось выиграть время, чтобы успеть подавить Греческое восстание. Порта сделала вид, что принимает российские требования, не касавшиеся Греции. 25 сентября (7 октября)

1826 г. в Аккермане была подписана русско-турецкая конвенция, по которой Порта отказывалась от своего произвольного толкования Бухарестского мира и признавала существующие границы с Россией на Кавказе. Обязательства Порты относительно Дунайских княжеств и Сербии подтверждались отдельными актами, приложенными к конвенции, подписание которой на время отсрочило войну с Россией [143].

Дальнейшие события опрокинули расчеты султанского правительства на полный разгром греческих повстанцев с помощью египетских войск. Греки отчаянно защищались, а 6 июля 1827 г. Россия, Англия и Франция заключили Лондонскую конвенцию о Греции. По настоянию России в нее включена была секретная статья о применении к Порте «принудительных мер», если она не согласится на посредничество трех держав и на автономию Греции. 20 октября 1827 г. эскадра трех держав вошла в Наваринскую бухту и в ответ на огонь с османской стороны уничтожила в Наваринской бухте турецко-египетский флот, что предотвратило высадку сильного войска египетского паши и массовое истребление греков. Наиболее решительно действовало русское командование и его корабли.

Но после Наваринского боя Англия решительно отказалась от дальнейших военных мер против Порты, а правительство Австрии было в ярости и пыталось подготовить вмешательство западных держав против России, уже втянутой в войну с Ираном. В расчете на обострение разногласий между западными державами и Россией Порта резко изменила курс и решилась на войну [144]. В конце декабря 1827 г. был обнародован султанский «хатти-шериф» с объявлением о расторжении Аккерманской конвенции и призывом к джихаду, или священной войне, против русских [145]. Российские подданные в Османской империи подверглись грабежам и репрессиям. Формально Порта выдавала хатти-шериф за свое внутреннее дело, но фактически он означал войну. 2(14) апреля 1828 г. царский манифест возвестил, что Россия вступает в войну с Османской империей, но не замышляет ее «разрушения». Главным театром военных действий был Балканский п-ов. Взятие османских крепостей оказалось нелегким и замедлило наступление русских войск, совершавшееся при поддержке болгарских, молдово-валашских ополченцев. Только осенью 1828 г. русские войска овладели Варной, но переход через Балканы пришлось отложить до будущего лета. На Кавказе дела шли более успешно, но не имели решающего значения ввиду отдаленности военных действий от османской столицы. В мае русские корабли и войско блокировали главный османский оплот на побережье Северного Кавказа — Анапу.

Мощные укрепления Анапы были построены с помощью иностранных инженеров еще в 1781—1782 гг. в 30 верстах южнее устья р. Кубань. Крепость имела толстые стены, ров, артиллерийские батареи и гарнизон более 4 тыс. человек. Овладение ею должно было лишить Османскую империю военного плацдарма на Северо-Западном Кавказе, создать более благоприятные условия для расширения торговых и других связей кавказских народов с Россией, ликвидировать постоянный очаг работорговли и диверсий. Решено было нанести по Анапе комбинированный удар с моря и суши. Туда было направлено 11 крупных и столько же малых судов с десантным отрядом в 3148 человек, а с суши к Анапе двинулся Таманский отряд — 1 тыс. человек с 20 орудиями. Морскими силами командовал вице-адмирал С. К. Грейг, а сухопутными операциями — бездарный контр-адмирал кн. А. С. Меншиков. Османскому гарнизону помогала часть местных феодалов. Попытки взять крепость штурмом не удались, после чего была установлена блокада и велся сильный артиллерийский обстрел. Приготовления русских войск к новому штурму и

безуспешность турецких вылазок принудили анапский гарнизон капитулировать (12 июля 1828 г.). Было взято 85 орудий, много ружей, боеприпасов и продовольствия [146].

Взятие Анапы, по тем временам очень мощной крепости, и дальнейшие успехи русских войск в Закавказье произвели большое впечатление на закубанские народы. Горское крестьянство окончательно отшатнулось от феодалов, ориентировавшихся па Османскую империю. Феодальные верхи карачаевцев пытались оказывать сопротивление, но 21 октября 1828 г. их отряд был разбит русскими войсками генерала Г. А. Эммануэля, после чего депутация карачаевцев во главе с Исламом Крым-Шамхаловым подала «прошение» от «карачаевских владельцев» и «черного народа на верность России» [147].

В Закавказье отряды русских войск еще летом 1828 г. с боями взяли Поти, Карс и Ахалцих. Грузинское и армянское население встречало русских как своих избавителей и помогало им, но вынудить Порту к миру могло только движение русской армии через Балканы в сторону Константинополя. Возможные последствия этого вызывали сильнейшую озабоченность в западных столицах.

Зная это, российское правительство заранее объявило, что не имеет в виду никаких территориальных присоединений на Балканском п-ове. Вопреки распространенному в Западной Европе мнению, Николай I, Нессельроде и много высших сановников империи действительно были убеждены в ненужности для России захвата проливов и не желали распадения Османской империи. В случае, если бы оно совершилось помимо воли России, петербургское правительство находило целесообразным превращение Константинополя в «вольный город» под международным контролем.

Совершенно секретная записка Нессельроде, одобренная Николаем I, еще перед войной отмечала, что цель России не в «сокрушении Оттоманской империи и не в овладении Константинополем, а лишь в выполнении Лондонского договора и сохранении важных преимуществ, обеспеченных Аккерманской конвенцией». Нессельроде указывал посланнику в Турции Рибопьеру на ненужность Константинополя для России и заинтересованность ее в сохранении Османской империи как соседа более слабого и менее опасного, чем западные державы [148].

Нессельроде заранее уведомил лондонский и парижский кабинеты и о том, что на Северном Кавказе Россия намерена присоединить Анапу, ибо «она служит складом оружия воинственным племенам, населяющим берега Кубани, и крепость Поти в устье р. Рион, имеющую почти то же значение» [149]. Столь откровенные объяснения успокоили французское и отчасти даже английское правительства и способствовали тому, что предложение Меттерниха созвать европейский конгресс для «умиротворения Востока», чтобы вынудить Россию отказаться от своих целей, не получило отклика. Западная граница России была в относительной безопасности, ибо Пруссия стремилась к укреплению связей с Россией и не хотела усиливать влияние Австрии.

В 1829 г. русские войска в Закавказье овладели Эрзерумом, а на Балканах армия И. И. Дибича перешла горы и заняла Адрианополь. Путь к османской столице был открыт, и это решило исход войны. 22 августа (2 сентября) был подписан Адрианопольский мир. По его условиям Порта предоставляла полную автономию Греции и самоуправление Сербии, обязывалась соблюдать привилегии Дунайских княжеств и дать согласие на уточнение границы в гирлах Дуная.

На Кавказе к России отошли Анапа, Поти и Ахалцих. Порта отказывалась от всяких претензий на области, ранее добровольно вошедшие в состав России, и признавала, что «весь берег Черного моря от устья Кубани до крепости Св. Николая (южнее Поти) включительно» на «вечные времена» считает владением Российской империи. Край этот населяли адыгские народы и карачаевцы, неподвластные Порте, но царское правительство считало Адрианопольский договор достаточным основанием для решительного перехода к подчинению их своей военно-административной власти. Хотя прибрежная полоса между Гаграми и Анапою еще долго оставалась не занятой русскими войсками вследствие сопротивления горцев, переход к России Анапы и Поти нанес сильнейший удар по вывозу с Кавказа пленных для продажи в рабство и лишал Порту важных форпостов для засылки туда своих эмиссаров и оружия.

В целом поражение Османской империи и Адрианопольский мир сильно укрепили влияние России в Константинополе, ослабили позиции Османской империи в Европе и на Кавказе, и западные державы не смогли помешать этому. Возражения британского кабинета против включения в состав России значительной части восточного побережья Черного моря и Ахалциха были решительно отклонены в Петербурге. Сразу же после Адрианопольского мира осенью того же года Особый секретный комитет из наиболее влиятельных сановников Российской империи подтвердил мнение Николая I и Нессельроде о нежелательности овладения Босфором, ибо в этом случае западные державы «могли сделать гораздо более выгодные приобретения, чем Россия». Комитет нашел, что сохранение Османской империи в том виде, как она вышла из войны, «более полезно, нежели вредно, для интересов России»[150].

Вопреки реакционности и агрессивности царизма победа России над шахским Ираном и Османской империей имела объективно прогрессивное значение для народов всего Балканского п-ова и Кавказа. Поход русской армии через Балканы оказался решающим для воссоздания независимой Греции, для возможного дальнейшего продвижения Сербии, Валахии и Молдавии к упрочению автономии, а затем и к независимости от Османской империи. Туркманчайский и Адрианопольский договоры явились эпохального значения вехой в освобождении большей части армянского народа от шахского и султанского гнета, избавлении армян и грузин от постоянной угрозы физического истребления, упрочили безопасность народов Кавказа и Закавказья в рамках централизованного Российского государства.

Признание Портой Закубанья на «вечные времена» владением Российской империи наносило решающий удар попыткам Османской империи подчинить его своему владычеству и закрывало пути для вывоза рабов с Северного Кавказа.

Итоги войн России с шахским Ираном и Османской империей в первой трети XIX в. закрепляли результаты векового процесса поэтапного и добровольного, в основном, вхождения народов Северного Кавказа в состав России, присоединения к ней этого обширного региона, оформляли юридическое признание шахским Ираном и султанской Турцией принадлежности Северного Кавказа и большей части Закавказья к России.

По своему развитию Россия намного опережала отсталые шахский Иран и Османскую империю. Ф. Энгельс писал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей...» [151].

На Северном Кавказе создавались предпосылки для дальнейшего искоренения работорговли, феодальных разбоев и грабежей, произвола князей, ханов и беков, вовлечения народов Северного Кавказа в общероссийский рынок, дальнейшего развития их взаимных связей с русским народом, открывался путь влиянию на них передовой русской культуры и общероссийского освободительного движения против царизма.

* * *

Итак, процесс вхождения народов Северного Кавказа в состав России и последующего распространения на него ее военно-административной власти был длительным и прошел несколько стадий. С середины XVI в. и примерно до 70-х годов XVIII в. совершалось добровольное принятие подданства России рядом народов и владетелей Северного Кавказа. Отличительной чертой этого времени было то, что Россия оставалась еще отделенной от Северного Кавказа незаселенными и неосвоенными обширными степями Предкавказья. Юго-западная часть этого пространства входила в сферу захватнической политики Османской империи и Крымского ханства, а на юго-востоке, у Каспия, на северокавказские области притязал шахский Иран. В конце этого периода стало усиливаться продвижение России к югу, в сторону Черного и Азовского морей и Северного Кавказа.

Примерно с 70-х годов XVIII в. наступило ускорение процесса освоения Предкавказья Россией, заселение его казаками и крестьянами. Османская империя, а затем и шахский Иран терпят сокрушительные поражения в войнах с Россией.

Огромное влияние на кавказскую политику России оказало принятие под протекторат Восточной Грузии (по Георгиевскому трактату 1783 г.) и окончательное ее присоединение в 1801 г.

С 70-х годов XVIII в. на Северном Кавказе сооружались военные линии в виде цепи укреплений и некоторых поселений. Усиление позиций России сопровождалось дальнейшим упрочением ориентации на нее народов и владетелей Северного Кавказа и добровольным принятием ими российского подданства начиная с 70-х годов XVIII в. по 1829 г. Однако небольшая часть феодалов и общинных феодализирующихся верхов пыталась оказывать сопротивление, привлекая часть крестьян, и старалась воспользоваться для этого войнами шахского Ирана и Османской империи с Россией. В основе процесс вхождения в состав России и в это время оставался добровольным и был закреплен многочисленными актами и присягами о подданстве. Наряду с этим совершался вынужденный отказ Ирана и Порты от притязаний на верховенство над Северным Кавказом и Закавказьем в результате понесенных поражений и признание принадлежности этих земель России.

К 20-м годам XIX в. в политике России наметились новые явления. Происходит решительный поворот к распространению на Северный Кавказ ее военно-административной власти методами военно-феодальной политики, что вызвало сильное сопротивление значительной части местных феодалов, части общинных верхов, мусульманского духовенства, крестьянства (особенно в Чечне, Дагестане и Закубанье), в результате чего с 1818 г. началась так называемая Кавказская война.

[1] *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 51, 74 и след.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 6.

[3] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1987. С. 1 и др.

[4] Итоги и задачи изучения истории внешней политики России. М., 1982. С. 107—109 и след.

[5] Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 7 и след.; *Васильев Д. С.* Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1980. С. 36 и след.

[6] Наиболее полный и точный анализ условий этого договора и его текст см. в книге Е. И. Дружининой (*Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955).

[7] Присоединение Осетии было сложным процессом. Оно сопровождалось классовой борьбой и конфликтами, но принесло осетинам большие выгоды и широкие возможности переселения с гор на плоскость. См.: *Блиев М. М.* Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970. С. 239, 252—253 и след.

[8] *Новосельцев А. П.* Георгиевский трактат 1783 г. и его историческое значение // История СССР. 1983. № 4. С. 60; *Пайчадзе Г. Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983.

[9] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 2. С. 242, 243, 245.

[10] *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 38—47.

[11] О характере движения, поднятого Ушурмой, высказывались разные точки зрения. См.: *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* и др. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 87—90. С. 68—69, 74—76.

[12] История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1. С. 172—174.

[13] История дипломатии. М., 1961. Т. 1, гл. 10.

[14] *Феофилактова Т. М.* Взаимоотношения России с народами Северо-Западного Кавказа в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. Майкоп, 1985. С. 17—18.

[15] *Смирнов Н. А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях. Нальчик. 1948.

[16] Письмо гр. С. Р. Воронцова М. С. Воронцову из Лондона 27(16) августа 1786 г. // Архив кн. Воронцова. М., 1876. Кн. 9.

[17] Письмо гр. С. Р. Воронцова М. С. Воронцову от 11 июня (31 мая) 1790 // Там же. С. 173—174.

[18] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1887. Т. 3. С. 145—148.

[19] Ряд русских ученых и новейших зарубежных исследований политики Павла I подробно осветили эти ее стороны. См.: История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование имп. Павла I. 2-е изд. СПб., 1857; *Ланина Р. С.* Внешняя политика Павла I в 1786—1791 гг. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. 1941. Вып. 10, № 80. С. 7, а также сборник весьма серьезных исследований американских ученых (Paul I: A Reassessment of his Life and Reign/Ed. by Hugh Rugsdale. Pittsburgh, 1979. P. 88).

[20] *Дубро́вин Н. Ф.* История войны... Т. 3. С. 298.

[21] Рескрипт Павла I на имя И. В. Гудовича от 5(16) янв. 1797 г. // Дубровин Н. Ф. История войны... Т. 3. С. 199—201.

[22] *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 92—93.

[23] *Atkin M. A.* The Pragmatic Diplomacy of Paul I: Russia's Relations with Asia, 1796—1801 // Slavic Review. 1979. March. Vol. 38. N 1.

[24] Русско-французский договор о мире, дружбе и добром согласии от 26 сент. (8 окт.) 1801 г. // Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: по поручению Министерства иностраных дел. СПб., 1807. Т. 13: Трактаты с Францией, 1717—1807. С. 263—265; ВПР. М., 1960. Т. 1. С. 95—99.

[25] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 3. С. 246—247, 302—303, 313—315.

[26] Там же. С. 336—338.

[27] Архив государственного совета. СПб., 1878. Т. 3, ч. 2. С. 1191—1194; ВПР. М., 1960. Т. 1. С. 24—26; *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 106—107.

[28] *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 107.

[29] Протоколы «Негласного комитета» // Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 90—95; *Atkin M.* Russia and Iran, 1780—1828. Minneapolis, 1980. P. 48—49, 61.

[30] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 3. С. 413; Донесение К. Ф. Кнорринга Государственному совету от 28 июля (9 авг.) 1801 г. // ВПР. Т. 1. С. 72—77.

[31] Крестьяне надеялись, что присоединение уменьшит притеснения со стороны дворян-землевладельцев.

[32] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-I). СПб., 18. Т. 26. С. 782—783; ВПР. Т. 1. С. 93—94.

[33] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Первая половина XIX в. Ма-

хачкала, 1940. Т. 3, ч. 1: (1801—1839). С. 51—59 и след. Далее — МИДЧ.

[34] Там же. С. 73—77.

[35] ПСЗ-I. Т. 26, № 19 992—19 993. С. 762—763. Грамоты эти от 28 авг. (9 сент.) 1799 г. были подписаны за несколько дней до манифеста Павла I о присоединении Грузии.

[36] ПСЗ-I. Т. 26. № 19 994. С. 764—767.

[37] Рескрипт Александра I па имя Кнорринга от 24 дек. 1801 г. (5 янв. 1802 г.) // ВПР. Т. 1. Док. № 52. С. 160—163; АКАК. Тифлис, 1893. Т. 1. С. 753—755.

[38] Текст Георгиевского договора см.: АКАК. Тифлис, 1894. Т. 2. С. 1009—1011.

[39] Рескрипт Александра I от 3(15) окт. 1802 г. и другие документы см. в кн.: АКАК. Т. 2. С. 764—766.

[40] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 3. С. 503; СПб., 1886. Т. 4, с. 6. 12; *Он же.* Закавказье от 1803 до 1806 г. СПб., 1866. С. 500.

[41] *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 115—116; *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 107—109.

[42] АКАК. Т. 2. С. 116, 785—795.

[43] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 4. С. 457—469.

[44] Там же. С. 341—345; *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 111.

[45] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 4. С. 353, 369—380; *Блиев М. М.* Осетия в первой половине XIX в. Орджоникидзе, 1964. С. 89.

[46] *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 186—189.

[47] АКАК. Т. 2. С. 372—574, 646—647, 702—703, 857—858; *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 4. С. 44, 325—328, 429—430, 484; *Богданович М.* История царствования имп. Александра I и России его времени. СПб., 1869. Т. 7. С. 125—129.

[48] АКАК. Тифлис, 1895. Т. 3. С. 664—667.

[49] *Гаджиев В. Г.* Указ. соч. С. 186—189 и след.

[50] Донесение командующего на Кавказской линии генерала Г. И. Глазенапа А. А. Чарторыйскому от 2(14) июня 1806 г. // ВПР. М., 1963. Т. 3. С. 192—193.

[51] Письмо И. В. Гудовича министру иностранных дел гр. А. Я. Будбергу 21 мая (2 июня) 1807 г. // ВПР. Т. 3. С. 591.

[52] АКАК. Т. 3. С. 378—379.

[53] Много сведений о деятельности французской дипломатии в Иране содержит книга О. П. Марковой (*Маркова О. П.* Восстание в Кахетии в 1812. М., 1951). См. также кн.: История дипломатии. Т. 1. С. 609—610; *Иоаннисян А. Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения. Ереван, 1958. С. 134 и след.

[54] *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 140—141; АКАК. Т. 3. С. 668—669.

[55] ВПР. М., 1967. Т. 5. Док. № 175. С. 372—373. Примеч. 234; С. 689—690; АКАК. Т. 3. С. 209.

[56] История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 105—109, 220—226.

[57] *Кумыков Т. Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. С. 48—50; *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 109.

[58] История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 226—227.

[59] Письмо А. П. Тормасова М. Б. Барклаю-де-Толли от 5(23) июля 1811 г. // АКАК. Тифлис, 1896. Т. 4. С. 928—929.

[60] История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 226—228.

[61] Там же. С. 227—228.

[62] Прошения об этом поступили от Нуцальского и Коратинского обществ. См.: *Гаджиев В. Г.* Указ. соч. С. 189, 195 и след.

[63] АКАК. Т. 3. С. 667—668.

[64] Там же. С. 222.

[65] АКАК. Т. 4. С. 628.

[66] *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 118.

[67] ВПР. М., 1962. Т. 6. Док. № 12. С. 28.

[68] АКАК. Т. 4. С. 899—901.

[69] *Маркова О. П.* Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951; *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 118—119.

[70] В Южном Дагестане весной 1812 г. присягнули общества Ахтинское, Алтинское, Алтыпарынское, Докузпаринское, Мискинджеминское. См.: АКАК. Тифлис, 1897. Т. 5. С. 162.

[71] О принятии в подданство Гурии см.: АКАК. Т. 4. С. 441—442.

[72] Впервые полностью история переговоров в Бухаресте раскрыта в публикации: ВПР. М., 1962. Т. 6. Текст Бухарестского договора см.: Там же. С. 406—417.

[73] *Ибрагимбейли Х.-М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. М., 1969. С. 119—120, 128—129, 131, 144, 148, 150.

[74] Текст Гюлистанского договора и документы о переговорах см.: ВПР. М., 1970. Т. 7. С. 403—425.

[75] *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 372—373 и след.

[76] АКАК. Тифлис. 1897. Т. 5. С. 164—165.

[77] Подробно эти разногласия отражены в документах. См.: ВПР. М., 1974. Т. 9—14.

[78] Там же. Т. 9(I). С. 120—126, 146, 690—691; *Дубровин Н. Ф.* История войны... СПб., 1888. Т. 6. С. 197—205.

[79] Сын небогатого орловского помещика, А. П. Ермолов провел годы учения в Москве в университетском «благородном пансионе», воспитанники которого не принадлежали к придворной знати. Став артиллерийским офицером, молодой Ермолов участвовал в каспийском походе В. А. Зубова в 1796 г. и, следовательно, не был новичком в делах Кавказа. Далекий от придворных сановников, он был честолюбив, резок, несговорчив и весьма дерзок на словах. Его остроты и колкости задевали многих вельмож, особенно немецких и других иностранных выходцев на высших постах Империи. При Павле I в 1798 г. молодой Ермолов участвовал в тайном кружке, где велись антиправительственные разговоры и читались вольнолюбивые книги. За «вольномыслие» его посадили в Петропавловскую крепость, а потом выслали в Кострому. Обойденный чином, Ермолов возобновил службу в артиллерии с ротного командира и навсегда сохранил глубокую неприязнь к титулованным царедворцам, толпившимся у трона. Легендарная храбрость, прямота и простота в обхождении, забота о простом солдате делали его любимцем подчиненных, ценивших твердость его слова, дружелюбие и неизменность решений. Как отличный знаток своего дела он еще в чине полковника составил новый артиллерийский устав, но не ладил с гр. А. А. Аракчеевым, ведавшим артиллерией, и позволял себе дерзко говорить с ним. См.: *Уманец Ф.* Проконсул Кавказа. СПб., 1912.

[80] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 6. С. 184—188; *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 107.

[81] АКАК. Т. 5. С. 265—267.

[82] Точнее, 21 декабря 1819 г. (2 января 1820 г.). См.: *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 6. С. 449—450.

[83] *Ермолов А. П.* Записки. М., 1868. Т. 2. С. 127.

[84] Рапорт А. П. Ермолова Александру I от 12(24) апр. 1819 г. // Движение горцев Северного Кавказа в 20—50-х годах XIX в. Махачкала, 1959. С. 28—29; рескрипт Александра I на имя А. П. Ермолова 19 апр. (1 мая) 1819 г. // Ермолов А. П. Записки. Т. 2. Прил. С. 88.

[85] *Ермолов А. П.* Записки. Т. 2. С. 54.

[86] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 6. С. 295, 480—483.

[87] *Погодин М. П.* А. П. Ермолов: Материалы для его биографии. М., 1868. С. 315—316.

[88] Там же. С. 248.

[89] История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 223—224; *Кумыков Т. Х.* Указ. соч. С. 42—43, 48—52.

[90] *Дубровин Н. Н.* История войны... Т. 6. С. 518—519, 524.

[91] *Ермолов А. П.* Записки. Т. 2. Прил. С. 427—429.

[92] Рескрипт Александра I на имя А. П. Ермолова от 24 июля (5 авг.) 1822 г. // Там же. С. 160—161.

[93] Там же. С. 246.

[94] *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 308.

[95] *Блиев М. М.* Русско-осетинские отношения. С. 49—53.

[96] *Уманец Ф.* Указ. соч. С. 53.

[97] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 270.

[98] *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958. С. 194; *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 307. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... Махачкала, 1959. С. 75.

[99] *Дубровин Н. Н.* История войны... Т. 6. С. 362, 370, 379, 387 и др.

[100] Там же. С. 58, 575.

[101] *Ермолов А. П.* Записки. Т. 2. С. 87.

[102] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 236—239; *Ермолов А. П.* Записки. Т. 2. Прил. С. 431—432.

[102a] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 6. С. 440—445.

[103] Рапорт А. П. Ермолова Александру I от 12(24) февр. 1819 г. // Движение горцев Северо-Востока Кавказа. С. 28—29.

[104] Рапорт А. П. Ермолова Александру I от 25 янв. 1824 г. (стиль не указан) // Там же. С. 42, 176.

[105] Слово «мюрид» означало мусульманина, посвятившего себя служению Аллаху и духовному самосовершенствованию. Мюриды, частью из мулл или улемов, провозглашали обязательными для «правоверных» не только строжайшее соблюдение шариата, но и «газават», т. е. «священную» истребительную войну против «неверных» (в данном случае русских), и безусловное повиновение своим духовным наставникам или мюршидам, вплоть до немедленного пожертвования жизнью по их первому приказанию. Для привлечения горских крестьян, мюршиды выдвигали положение о равенстве людей перед Аллахом, что воспринималось как призыв к освобождению от гнета и местных феодалов и старшин и восстановление давних патриархально-демократических обычаев.

[106] *Ермолов А. П.* Записки. Т. 2; *Волконский Н. Л.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник.

Тифлис, 1886. Т. 10. С. 78–81, 220 и след.

[107] *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 367–369.

[108] *Блиев М. М.* Русско-осетинские отношения. С. 29.

[109] *Клинген И.* Основа хозяйства в Сочинском крае. СПб., 1897. С. 39; *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 55–56.

[110] *Блиев М. М.* Кавказская война: Социальные истоки, сущность // История СССР. 1984. № 2. Статья эта вызвала многочисленные протесты кавказских историков.

[111] К таким выводам пришли видные советские кавказоведы Х. М. Хашаев, Р. М. Магомедов, В. К. Гарданов, Б. Г. Гаджиев и другие специалисты. Та же концепция изложена в обобщающих трудах по истории автономных республик Северного Кавказа. Новейшие изыскания полностью подтверждают эту точку зрения (см.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана XVIII – начала XIX в.: Сб. статей. Махачкала, 1981. С. 26–44 и след.). Хотя в горной Чечне и в Ингушетии не было ханств и беков, но уже выделилась местная эксплуататорская верхушка, происходил процесс феодализации патриархально-родовых отношений (см. статьи Ф. В. Тотоева и А. М. Магомедова в кн.: Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978). В отношении Джаро-Белоканских «вольных обществ», расположенных на юго-восточных склонах Кавказского хребта, ведущих в Кахетию и Азербайджан, были еще ранее получены сходные выводы. Известный востоковед И. П. Петрушевский писал, что военные набеги джарцев «были с половины XVIII в. прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или выкупа. Это были, в сущности, коммерческие предприятия, организуемые феодализированной родовой знатью, составлявшей для этого отряды...» (*Петрушевский И. П.* Джаро-Белоканские вольные общества первой трети XIX в. Тифлис, 1934. С. 19). См. также: *Гамрекели В. Н.* История взаимоотношений Восточной Грузии и Северного Кавказа. Тбилиси, 1972.

[112] Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 25.

[113] Ппсьмо А. П. Ермолова К. В. Нессельроде от 11(23) марта 1820 г. // Ермолов А. П. Записки. Т. 2. Прил. С. 113–116.

[114] *Гарданов В. К.* Указ. соч. С. 118–119.

[115] ВПР. М., 1978. Т. 2(X). С. 39–42. Примеч. 18, а также доклад К. В. Нессельроде Николаю I от 21 дек. 1827 г. (2 янв. 1828 г.) // АВПР. Ф. Га-72.

[116] *Грибоедов А. С.* Путешествие от Моздока до Тифлиса. // Полн. собр. соч. СПб., 1889. Т. 2. С. 393.

[117] *Мордвинов Н. С.* Мнение о способах, коими России удобнее привязать к себе постепенно кавказских жителей Росспйских. СПб., 1858 г. Кн. 4. С. 109–112.

[118] ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 37. С. 878; *Покровский М. В.* Русско-адыгские торговые связи. Майкоп, 1957. С. 26, 80–82 и след.

[119] Письмо К. В. Нессельроде российскому посланнику в Константинополе А. И. Рибопьеру от 18(30) июня 1827 г. // АВПР. Ф. Га-139. О более успешном развитии сухопутной торговли на Северном Кавказе см. в следующих главах настоящей книги.

[120] Подробнее см.: *Орлик О. В.* Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 125–182.

Уже после гибели А. С. Грибоедова И. Ф. Паскевич по совету генерал-интенданта Отдельного Кавказского корпуса М. С. Жуковского отклонил этот проект, считая ненужным основание на Кавказе, в частности в Грузии, промышленных заведений и создание не зависимой от правительства Компании. Мы не будем подробно разбирать проект Грибоедова, составленный им вместе с начальником Казенной экспедиции в Грузии П. Д. Завилейским и относящийся в основном к Закавказью. Отметим лишь, что оба автора руководствовались мыслью о мирном освоении Кавказа путем хозяйственного развития и «строжайшего правосудия». Царизм же ставил на первое место «покорение» Кавказа военной силой, а Паскевич предлагал смотреть на Грузию, как на колонию, доставляющую русским фабрикам только шелк, хлеб и другие «грубые материалы» (см.: *Маркова О. П.* Новые материалы о проекте Грибоедова // Ист. архив. 1958. Т. 6. С. 335–340, 349).

[121] Письмо А. П. Ермолова М. С. Воронцову. Цит. по кн.: *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 307.

[122] *Ермолов А. П.* Записки. Т. 2. Прил. С. 104, 134.

[123] *Дубровин Н. Ф.* История войны... Т. 6. С. 696.

[124] *Ермолов А. П.* Записки. Т. 2. С. 99, 188.

[125] Там же. Прил. С. 192–193.

[126] Русская старина. 1882. Т. 3. С. 195.

[127] ВПР. М., 1985. Т. 14. С. 792.

[128] *Ермолов А. П.* Записки. Т. 2. Прил. С. 190–192, 201–202.

[129] Письмо А. П. Ермолова К. В. Нессельроде от 4(16) марта 1826 г. // АКАК. Тифлис, 1897. Т. 6, ч. 2.

С. 357—358; ВПР. М., 1985. Т. 14. С. 766. Примеч. 147.

130 Декларация о войне с Ираном от 16(28) сент. 1826 г. // ВПР. Т. 14. Док. № 214. С. 601—603; ПСЗ-II. СПб., 1835. Т. 1. С. 944—946.

131 ВПР. Т. 14. Док. № 206. С. 582—584.

132 Рапорт И. Ф. Паскевича Николаю I от 4(16) сент. 1826 г. // ВПР. Т. 14. Док. № 210. С. 589—590. Примеч. 279.

133 *Ибрагимбейли Х.-М.* Указ. соч. С. 170 и след.

134 Там же. С. 190—192.

135 Там же. С. 189—191.

136 *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 269.

137 *Петрушевский И. П.* Джаро-белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934. С. 100 и след.

138 Письмо кн. Х. А. Ливена К. В. Нессельроде от 14(26) дек. 1826 г. // ВПР. Т. 14. Док. № 252. С. 707. См. также вербальную ноту российского посланника государственному секретарю Великобритании от 16(26) февр. 1827 г. // АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 6964. Л. 140—145.

139 Письмо К. В. Нессельроде Х. А. Ливену от 19(31) июля 1827 г. // Там же. Л. 430—435; *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1895. Т. 11. С. 351.

140 См.: Воспоминания Сулеймана Меликова // Учен. зап. Ин-та востоковедения. М., 1953. Т. 8. С. 158—159; *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960. С. 253—257. См. в публикациях документы: *Медведев М. М.* Новое о Грибоедове и декабристах. Грибоедов под следствием и надзором // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 490 и след.; *Он же.* Грибоедов и декабристы: Новые документы // Неделя. 1960. 19—25 июня. С. 18.

141 *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 336—338.

142 ВПР. Т. 14. Док. № 142, 144, 148, 154, 166, 177, 203, 205. Примеч. 149, 210, 298.

143 Подготовка и ход переговоров в Аккермане впервые детально освещены в кн.: ВПР. Т. 14. Док. № 224—226. Примеч. 298.

144 *Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 22, 32—35, 192.

145 Текст султанского «хатт-и-шерифа» во французском переводе см.: *Prokesch-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom Turkischen Reiches... Wien, 1867. Bd. 6. S. 140—144.

146 *Ляхов В. А.* Анапская десантная экспедиция 1828 г. // Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та. 1870 г. Вып. 76. История. С. 3—12.

147 Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 26; см. также: Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1.

148 Письмо гр. К. В. Нессельроде Николаю I от 20 дек. 1827 г. (1 янв. 1828 г.) // АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 6972. Оп. 1. Л. 221—251; Д. 108. Л. 329—335; Д. 2995. Л. 253—257.

149 Письмо гр. К. В. Нессельроде кн. Х. А. Ливену и гр. К. Поццо ди Борго от 25 дек. 1827 г. (6 янв. 1828 г.) // АВПР. Ф. Канцелярия. Оп. 1. Д. 6972. Л. 252—261.

150 *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами... СПб., 1878. Т. 4. С. 438—439.

151 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241.

Глава II

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Население Северного Кавказа в первой половине XIX в.

Территория, расселение и численность народов Северного Кавказа в начале XIX в. Включение Северного Кавказа в состав России вопреки политике царизма в этом регионе имело прогрессивное значение. В целом оно создало благоприятные условия для безопасности, более ускоренного развития экономики и культуры народов края, для их сближения с русским народом. К началу XIX в. на Северном Кавказе произошли заметные изменения в этническом составе края и в расселении народов (карта 1). В то время Северный Кавказ был заселен народами, относящимися в языковом отношении к адыго-абхазской, дагестано-вайнахской группам иберийско-кавказских языков, а также к тюркской и иранской группам. К адыго-абхазской группе относились все адыгские народы (кабардинцы, черкесы и др.), к дагестано-вайнахской — чеченцы, ингуши, карабулаки, аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы и др.; к тюркской — карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы и др.; к иранской — осетины, таты, горские евреи.

В историко-этнографической литературе XIX в. почти все народы Северного Кавказа назывались черкесами. В настоящее время черкесами именуют только ту часть адыгского населения, которая проживает в Карачаево-Черкесии.

На Северо-Западном Кавказе и Черноморском побережье в первой половине XIX в., как и в XVIII в., жили адыгские народы: натухайцы, шапсуги, убыхи. Натухайцы, шапсуги и жившие по северным склонам Кавказского хребта абадзехи были наиболее многочисленными народами. В результате поглощения крупными народами более мелких прекратили свое существование шегаки, жанеевцы и ряд других мелких этнических групп.

На кубанской равнине расселились бжедухи, темиргоевцы, адамиевцы. По р. Лабе — егерукаевцы, махошевцы, бесленеевцы. В междуречье Кубани и Лабы осели кубанские ногайцы. В верховьях Лабы, Белой и Зеленчуков обитали абазинские этнические группы: баговцы, баракаевцы, кызылбековцы, тамовцы, башильбаевцы. Эта группа абазин называлась шакаруа — горцы в отличие от тапантинцев — жителей Кубанской и Кумской равнин.

Высокогорный район Приэльбрусья, истоков Кубани и ее первых притоков заселяли карачаевцы. Родственные им балкарцы обитали па северных склонах центральной части Кавказского хребта в труднодоступных ущельях Баксана, Чегема, Черека и Урвани. Обширные пространства

равнин и предгорий в бассейнах Кумы, Малки, Баксана, Черека и Терека занимали кабардинцы. Терек делил их земли на Большую и Малую Кабарду. В начале XIX в. территория Большой Кабарды сократилась до р. Малки.

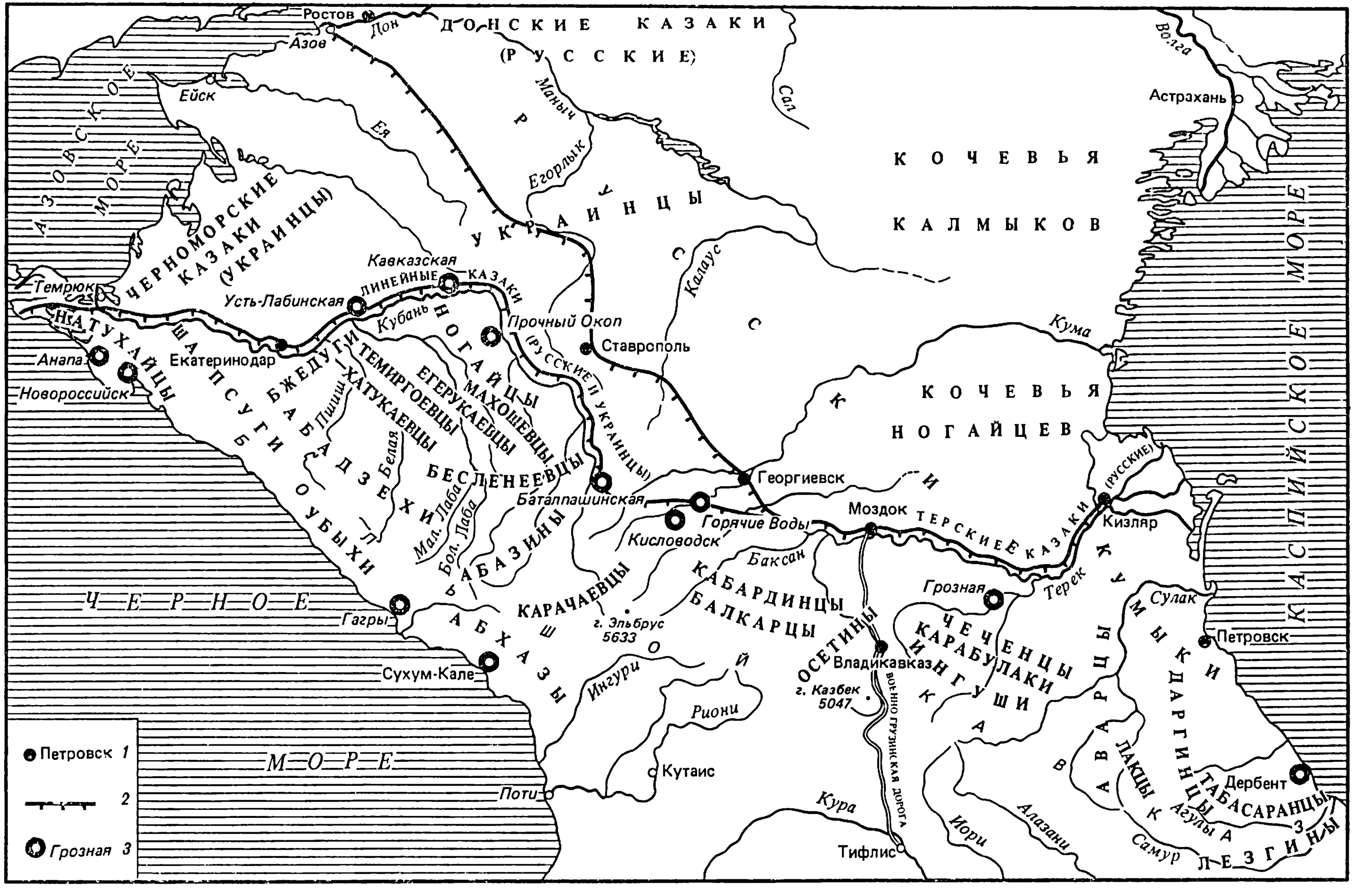
По обеим сторонам центральной части Главного Кавказского хребта проживали осетины, разделявшиеся на общества Тагаурское, Куртатинское, Алагирское и Дигорское. В первой четверти XIX в., в связи с переселением на Владикавказскую равнину, границы расселения осетин несколько изменились.

Западнее рек Камбилеевки и Армхи до Аксая размещалась вайнахская этническая общность, включавшая чеченцев, ингушей и карабулаков. После подписания договора с Россией 1810 г. произошло значительное передвижение ингушей на равнину рек Терека и Сунжи. Южная этническая граница чеченского народа проходила к началу XIX в. в основном по Главному Кавказскому хребту, отступая к северу в районе Шатил-Мигмахевского и Ардонских ущелий. Равнинную часть, являющуюся частью Прикаспийской низменности, от р. Терек вдоль Каспия до р. Орасай Булак, заселяли кумыки. На Северо-Восточном Кавказе проживали две группы ногайцев: терская и аксайско-сулакская. Южнее кумыков, в среднем Дагестане, предгорья и обширное нагорье, перерезаемые многими ущельями, населяли даргинцы и родственные им кайтаги, кара-кайтаги и кубачинцы. В самом центре нагорного Дагестана жили лаки. Нагорную часть Северного и Западного Дагестана по всему течению рек Аварское Койсу, Кара-Койсу и их притоков, а также низовья Андийского Койсу и верховья р. Сулак занимали аварцы и родственная им андо-цезская группа народностей: андийцы, чамалал, хваршинцы, цези (дидойцы), капучины, гунзал, буюходы, или ботлихцы. Нагорье, южнее Кайтага до Чирахской речки, населяли родственные лезгинам табасаранцы. Юго-восточную часть Дагестана населяли лезгины и родственные им агулы, цахуры, рутулы.

В приморской части Южного Дагестана, в районе Дербента, обитали азербайджанцы, терекемейцы, таты и горские евреи. В первой половине XIX в. значительно увеличилось русское и украинское население Северного Кавказа. Кроме того, на Северном Кавказе в первой половине XIX в. проживали армяне, грузины. Армянское население Северного Кавказа образовалось в основном за счет переселения из пределов Турции и Ирана. В начале XIX в. основные миграции армянского населения направились преимущественно в бассейн р. Терек. Небольшое число их жило и среди адыгских и других народов. Жили они почти во всех городах, штаб-квартирах и слободах при укреплениях. Грузинское население в основном проживало в Кизляре, Моздоке, в Сарафанчикове, Новогладковском, Сосоплинской и других местах. Греки в основном концентрировались на северо-западном Черноморском побережье Кавказа и в ряде городов края.

В первой половине XIX в. по правой стороне р. Кумы, от урочища Джилан к морю, обитала небольшая группа туркмен с Мангышлака. По данным 1808—1809 гг., на Северном Кавказе насчитывалось 836 кибиток туркмен. От Маныча до Каспийского моря кочевали 9 улусов калмыков.

Имеющиеся данные о численности отдельных народов неполны и разноречивы. Поэтому и сведения о численности населения северокавказских народов, относящиеся в основном к середине XIX в., представляют собой лишь приближенные оценки. Это проистекает из того, что сами горцы не вели учет народонаселения, а всякая попытка русского правительства провести перепись не удавалась. «Все цифры, которыми обоз-



Карта 1. Расселение народов Северного Кавказа в первой половине XIX в.

1 – Города с преобладанием русского населения; 2 – Кавказские укрепленные линии; 3 – Крепости и укрепленные пункты

начали кавказское население,— писал Ф. Ф. Торнау,— брались приблизительно и, можно сказать, на глаз», так как, «по понятиям горцев, считать людей было не только бесполезно, но даже грешно: почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться»[1]. Следует также подчеркнуть, что эпидемические болезни, не прекращавшиеся столкновения и междоусобия и продажа людей в рабство в Османскую империю вносили также немалые изменения в численность народонаселения. Известно, что в конце XVIII — начале XIX в. в результате эпидемии чумы погибло большое число горцев Северного Кавказа. В настоящее время принято считать, что в середине XIX в. всех адыгов было более 500 тыс., карачаевцев — около 15 тыс., балкарцев — около 9 тыс., осетин в 1831 г.— 16 тыс. В 1840 г., по неточным данным, ингушей насчитывалось 38 тыс., а чеченцев — 138 тыс. Население Дагестана в 1860 г. составляло около полумиллиона.

Заселение степного Предкавказья. В первой половине XIX в. еще более усилилось заселение степного Предкавказья русскими и украинцами. Царское правительство хорошо понимало, что без экономического освоения богатых южных земель невозможно удержать за собой этот край. Заселение и освоение предкавказских земель проводилось в основном казачеством и различными категориями крестьян.

К началу XIX в. на Кавказской линии было уже 8 казачьих полков и одна горская команда общим числом 30 тыс. человек. Были сделаны попытки пополнить казачьи полки за счет горцев, перешедших на русскую службу. В 1823 г. в состав казачьих войск были включены Бабуковский аул (в дальнейшем станица Бабуковская) Волжского казачьего полка, «Моздокские казачьи братья» (из осетин и черкесов) в составе Горского казачьего полка, небольшое количество грузин (Гребенской казачий полк) и окочанские татары (в составе Терского войска). Однако общее число их было невелико.

В то же время начался перевод на передний край ряда станиц. За 1825—1827 гг. было переселено 11 станиц (2647 дворов) с общим числом 8093 души, а к 1830 г. появилось уже 15 новых станиц (Новогеоргиевская, Ессентукская, Кисловодская, Баталпашинская, Николаевская и др.).

Согласно новому положению от 30 сентября 1832 г., на Кавказскую линию разрешалось переселяться из внутренних губерний России тем казенным крестьянам, у которых земельные наделы были ниже 5 дес. на душу. Это была попытка не только ускорить заселение казачьих районов, но и ослабить все более растущее малоземелье в центре страны. С 1 января 1833 г. было переведено 30 сел в разряд казачьих станиц. Затем в казаки были переведены еще крестьяне ряда казенных сел.

Началось заселение станицами отдельных линий по рр. Сунже, Лабе, Зеленчуку, верховьям Кубани и др. В целом за период с 1840 по 1849 г. казачье население выросло с 162 421 до 241 794 человек.

С 1828 г. началось также быстрое заселение Закубанского края и Причерноморской полосы за счет казенных крестьян внутренних губерний, приазовских и черноморских казаков. Среди казачьего населения находилось много пришлого русского и украинского населения (так называемых иногородних), просачивавшихся, несмотря на запреты, в эти края почти с самого начала заселения. Начиная с 30-х годов XIX в. войсковая администрация стала применять против иногородних «запретные меры», но поток их не уменьшался. Иногородние занимали важное место в развитии производительных сил осваиваемого края. Однако пра-

вительственная политика и требования казачьих верхов сводились к тому, чтобы сохранить феодальную собственность на землю и все политические права за казачеством.

Кавказское Линейное и Черноморское казачье войска наряду с общими целями и задачами имели между собой и существенные различия. Черноморское войско имело свою территорию и в основе своей было однородным по национальному составу, имело свои традиции и привычки, свою сложившуюся администрацию и т. д., тогда как Линейное войско, создавшееся из различных групп населения, было неоднородным, разноликим по своему национальному и социальному составу.

В первой половине XIX в. происходило и вольное переселение помещичьих крестьян. И хотя, по существовавшим законам, крестьяне должны были быть возвращены прежним своим помещикам, ввиду слабой заселенности края, правительство вынуждено было временами оставлять беглых на новых местах поселения и даже выдавать их прежним владельцам рекрутские квитанции [2].

Нередко казачьи старшины на своих хуторах и заимках скрывали беглых от местных и центральных властей, а затем использовали их как дешевую рабочую силу в своих хозяйствах. Были случаи, когда целые селения местные власти «открывали» уже спустя много лет после их освоения. Не случайны, например, такие названия ставропольских сел, как Найденное, Привольное и др.

Массовые побеги особенно усилились в 20-е годы XIX в., когда стали распространяться слухи, что на новых местах казенные крестьяне будут освобождены от податей, а помещичьи — от повиновения своим господам. Побеги не уменьшились и после того. как Николай I «во всенародном объяснении» 12 мая 1826 г. заявил, что эти слухи ложные и что распространители их будут наказаны по всей строгости законов [3]. С целью остановить усилившийся поток беглых все чаще стали применять военную силу. Так, в начале 30-х годов XIX в. военной силой было остановлено 1200 воронежских крестьян [4], а в 1847 г.— 20 тыс. человек из 46 селений.

Главное место в хозяйственном развитии Предкавказья занимали государственные крестьяне. Казенные селения, в основе своей, находились в Ставропольском, Александровском и Георгиевском уездах, частично в Моздокском и совсем мало в Кизлярском. Переселение государственных крестьян носило добровольный характер, но практически складывалось так, что основная масса крестьянства, ущемленная в земле, вынуждена была покидать родные места и искать пристанища на Северном Кавказе. Правительственные переселения проходили медленно и часто стихийно. Многие переселенцы не достигали указанных мест, терялись по пути, устраивались в других уже сравнительно обжитых селениях. Так, намеченное еще в 1785 г. переселение 23 тыс. крестьян внутренних губерний растянулось более чем на 20 лет, и только в 1807 году в 9 селениях по этому указу было поселено всего 1085 семейств (3084 чел.) [5].

В 1840 г. в Кавказской области уже насчитывалось 41 казенное селение (13 волостей) с общим числом государственных крестьян — 112 413 человек (в Ставропольском округе — 81 543 человека (73%), Пятигорском — 29 860, Кизляро-Моздокском — 1010 чел.) [6].

Большинство переселенцев шло из Курской, Орловской, Рязанской, Полтавской, Слободско-Украинской и других губерний. Положение казенных крестьян, как и других категорий переселенцев, было крайне тяжелым из-за трудностей переселения, непривычного климата, моровых болезней.

В Предкавказье царское правительство стремилось путем раздачи земель дворянам укрепить феодально-крепостническую систему, создать себе прочную социальную базу. Заселение помещиками полученных участков должно было производиться в течение 6 лет после их получения. Переселение крестьян из внутренних губерний или покупка их на вывоз были под силу только крупным помещикам, но и те, как правило, переводили их в небольшом количестве, поэтому помещиками широко использовался метод захвата крестьян, проживавших в крае, и закрепощения их. Это положение было узаконено указом Павла I от 12 декабря 1796 г. в Кавказской и ряде других южных губерний.

В 1803 г. крепостных крестьян в Кавказской губернии насчитывалось 3070 чел., а к середине XIX в. в Ставропольской губернии их чпсло достигло 8288 чел. По отношению ко всему населению Предкавказья крепостное крестьянство составляло около 2%. Еще малочисленнее было крепостное население в Черномории, где оно составляло 0,5% и не могло играть сколько-нибудь заметную роль в развитии производительных сил края.

Царское правительство мало заботилось о переселенцах. Оно охраняло интересы прежде всего господствующих классов. Переселенцы были нужны только как материал для расширения и освоения присоединенных земель. Освоение новых земель, несмотря на то, что оно проводилось руками крепостных, носило объективно положительный характер. «Нет сомнения,— писал В. И. Ленин,— что при правильной организации переселения оно могло бы сыграть известную роль в хозяйственном развитии России»[7]. Заселение и освоение предкавказских земель русскими и украинцами содействовали хозяйственным успехам края. Расширение распашки, благоприятные почвенно-климатические условия на большей части Предкавказья позволяли заниматься земледелием во всевозрастающих размерах, главным образом в долинах рек Кумы, Кубани и на значительной территории Ставропольского плато.

2. Сельское хозяйство

Земледелие. Территория Северного Кавказа по своему топографическому положению разделялась на равнинную, предгорную, горную и высокогорную. Это обстоятельство отразилось и на хозяйственном укладе горского и русского крестьянства.

В высокогорной части, где земель, пригодных для пахоты, было крайне мало, жители вели упорную борьбу с природой. Жители этих районов на крутых склонах гор создавали пахотные участки в виде террас. Затрачивая, таким образом, сверхчеловеческие усилия, горцы превращали горные склоны в поля, годные для пахоты.

Иную картину представляли равнинная и предгорная территории Северного Кавказа. Наличие плодородных земель и благоприятные климатические условия позволяли населению заниматься земледелием в широких масштабах. В первой половине XIX в. на Северном Кавказе имела место однопольная, двухпольная, трехпольная системы и залежно-переложная система, при которой после нескольких лет обработки землю оставляли отдыхать, перенося пахоту на новые целинные или залежные земли. Различие систем севооборота было обусловлено разнообразием естественногеографических зон Северного Кавказа.

На Западном Кавказе земледелие было развито в Сочинской, Цемесской, Суджукской и Адагумской долинах, в бассейнах рек Псекупса и Пшиша, на левобережьях рек Кубани и Лабы. Традиционным было зем-

Рис. 1. Террасное земледелие в горах Чечено-Ингушетии
Фотография

леделие и у кабардинцев. Но производство земледельческих продуктов стояло на низком уровне, хотя под влиянием русских переселенцев земледелие у кабардинцев приобретало более интенсивный характер. У адыгов, обитавших в горной зоне, земледелие также стало ведущей отраслью сельскохозяйственного производства. В хозяйстве ногайцев, особенно кубанских, в первой половине XIX в. происходил интенсивный процесс перехода от скотоводческого хозяйства к скотоводческо-земледельческому. Карачаевцы, несмотря на крайне неблагоприятные условия для занятия земледелием (только один процент земель был пригоден для земледелия), благодаря огромному труду по расчистке участков сумели превратить эти небольшие участки — сабаны — в плодородные поля и выращивали на них неплохой урожай. У балкарцев земледелие носило также подсобный характер. Балкарцы, как и другие жители гор, в полном смысле слова отвоевывали у природы каждый клочок земли, вырубая лес, очищая земельные участки от кустарников и камней. Несмотря на большие трудности, они орошали землю, удобряли. В ущельях Балкарии была устроена целая сеть ирригационных каналов. Земледелие занимало большое место в хозяйстве осетин. И здесь занятие земледелием было очень трудоемким делом. На Восточном Кавказе наибольшего развития полеводство достигло в равнинной и предгорной части Чечено-Ингушетии и Дагестана. В первой половине XIX в. здесь увеличивались площади под посевами зерновых. «Повсюду,— писал в 1839 г. генерал А. П. Пуллo,— расчищались леса, и на огромных протяжениях были лишь засеяны поля, орошаемые искусными каналами» [8]. Преобладающими культурами в равнинной части Чечни и на плоскости Дагестана были озимая пшеница, кукуруза, ячмень, просо и др. Производимый здесь в первой

половине XIX в. хлеб шел не только на внутреннее потребление, но и вывозился на продажу в нагорный Дагестан, в г. Кизляр, и в другие районы. Намного увеличилось в первой половине XIX в. производство риса. В районе Кизляра в 1811 г. посеян был 501 пуд и собрано 4840 пудов риса, в 1835 г. посеяно 14 850 пудов и собрано 40 тыс. пудов [9].

Среди сельскохозяйственных культур в первой половине XIX в. увеличился удельный вес посевов кукурузы и пшеницы. Большое значение, особенно в Чечено-Ингушетии, стала занимать кукуруза. Кукуруза и пшеница вызревали на высоте до тысячи метров над уровнем моря, выше они часто погибали от ранних заморозков. Поэтому горцы выводили наиболее подходящие для климатических условий сорта хлебов. Это были либо морозоустойчивые семена пшеницы, либо скороспелые и засухоустойчивые сорта. И все же в нагорной и высокогорной частях основными хлебными злаками оставались ячмень, рожь.

Несмотря на огромный труд, затрачиваемый горцами для повышения урожайности, все же урожаи были невелики: сам-3, сам-5, а в неурожайные годы сам-друг, т. е. собирали зерен только в два раза больше, чем тратили на посев. Бывали и совсем неурожайные годы, когда не собирали даже посевных семян.

Пахотные орудия народов Северного Кавказа имели много общего. Население равнинной части обрабатывало землю тяжелым передковым плугом, в который впрягали три-четыре пары волов. В горной части орудием вспашки служил легкий горский плуг, сделанный из дерева, но с железным лемехом. Вспашка получалась неглубокой, плуг рыхлил только верхний слой почвы, что было рациональнее в условиях тонкого плодородного слоя. Примитивной бороной была волокуша, состоящая из куста терновника или хвороста, зажатого между двумя досками. Чтобы хворост прижать к земле, на доску клали тяжелые камни или чаще всего усаживали ребятишек, для которых это было большим развлечением. Волокуша, как и плуг, прикреплялась к ярму, в которое впрягали быков. Пропалывали посевы особой лопаткообразной мотыгой или выдергивали сорняки вручную.

Жатву производили серпами, которые изготовляли, как и лемех для плуга, местные кузнецы. Косили самодельными косами. Скирдовали деревянными вилами. Молотили на утрамбованном току, на который складывались колосья. Двигаясь по току, волы при помощи привязанных к ярму двух досок [10], на которые клали груз, вымолачивали из колосьев зерно. Рушение проса делалось толчеями. Зерно сгребали деревянными лопатами.

Садоводство и огородничество. В первой половине XIX в. заметное развитие на Северном Кавказе получило садоводство и огородничество. Намного увеличилось количество садов и улучшилось качество фруктов. На Северном Кавказе стали выращивать сорта плодов, завезенные из других мест. Так что в середине XIX в. садоводство стало занимать видное место в хозяйстве жителей Северного Кавказа. У адыгов садоводство было развито в ущельях Хосты, Кудепсты и Аше, в верховьях Шахе, в урочище Гостагакей, округе Вардане и др., изобиловавших великолепными яблоками, грушами, сливами, персиками и другими фруктами и ягодами. К тому времени у адыгов широко применялся наиболее целесообразный способ разведения плодовых пород путем прививки дикорастущих плодовых деревьев черенками культурных плодовых растений. Жители побережья в значительных масштабах занимались и виногра-

Рис. 2. Косовица в горах
Художник Г. М. Даурбеков. Акварель

дарством. Его выращивали в долине Псезуапс, округах Вардане и Сочи и других местах.

В середине XIX в. в Кабарде насчитывалось несколько десятков крупных садов. В Осетии садоводство получило развитие в районе Алагира. Широко было развито садоводство и на Северо-Восточном Кавказе. Нередко оно велось террасным способом и требовало большого труда ряда поколений [11].

Большое количество садов имелось и в нагорных районах, по берегам Андийского, Аварского и Казикумухского Койсу. Горные ущелья представляли собой естественные парники, превращенные трудом горцев в сады, в которых произрастали персики, абрикосы, тутовник, хурма и другие сорта фруктов, требующих значительного тепла. Кавказская администрация проявляла заботу о развитии садоводства в крае. В районе

Дербента были посажены новые сады, где выращивали груши, сливы и другие деревья, выписанные из Крыма. Разводилась мушмула; для обучения правильному уходу за этой культурой вызван был специалист из Венгрии. В результате всего этого к 1851 г. количество садов в районе Дербента составило около полутора тысяч.

Особенно заметных успехов в первой половине XIX в. достигло виноградарство. Русское правительство, заинтересованное в развитии отечественного виноделия, проявляло заботу об увеличении на Кавказе площадей под виноградниками и об улучшении сортов. С этой целью было посажено значительное число привезенных из-за границы и Крыма лоз муската и других лучших французских сортов винограда в Приморском и Северном Дагестане. Заметное развитие виноградарство получило и в районе Кизляра. Если в 1800 г. в Кизляре и его окрестностях насчитывалось 1400 виноградных садов, то в 1818 г.— до 4500. Кизляр в первой половине XIX в. превратился в крупный центр виноделия. Достаточно сказать, что в 1846 г. только в Кизляре имелось 11 530 250 виноградных кустов[12]. В том же году для улучшения местных сортов винограда в Кизляр было прислано из Крыма 5 тыс. отборных виноградных лоз. В первой половине XIX в. развивалось виноградарство и в Ставропольском уезде. Адыги занимались виноградарством в долине р. Псезуапс, округах Вардана и Сочи. В то же время заметное развитие получило огородничество: лук, чеснок, морковь, редька, фасоль и др.

Технические культуры. Благодаря быстро развивающейся хлопчатобумажной промышленности России, где в качестве красителя наряду с голландским крапом употреблялась и кавказская марена, стало быстро развиваться на равнинном и Северо-Восточном Кавказе мареноводство. Мы не располагаем данными о производстве марены, но о развитии этой культуры можно судить по цифрам, показывающим размеры вывоза марены из Дагестана. Если в 1807 г. из Дербента вывозили 6—7 тыс. пудов марены, а в 30-х годах вывоз ее достиг 35 тыс. пудов, то в 1845 вывезли 80 750 пудов, а в 1860 г.— более 134 980 пудов. В интересах обеспечения развивающейся текстильной промышленности России сырьем предпринималась попытка увеличения посевов хлопчатника и улучшения качества хлопка. В 1833—1839 гг. кавказская администрация поощряла в Дагестане посев выписанных из-за границы семян хлопчатника длинноволокнистых (американских и египетских) сортов.

В первой половине XIX в. увеличилось и производство шелка, особенно после строительства так называемой Царь-Абадской шелкомотальной фабрики близ Нухи. Только в 1846 г. из Дагестана в Нуху было привезено 12 040 пудов шелка-сырца[13]. Шелководство развивалось в Кайтаге, Табасаране, Кумыкии, в районе Кизляра. Ежегодное производство шелка в районе Терека составляло в начале XIX в. 215—305 пудов, в 20-х годах — до 378 пудов, в 30-х годах — 375 пудов. Однако наблюдавшийся в Кизляре и его окрестностях на протяжении первой трети XIX в. подъем шелководства в дальнейшем сменился упадком этой отрасли хозяйства. В 1846 г. шелкозаводчики получили только 120 пудов шелка-сырца[14].

Русское правительство было также заинтересовано в увеличении производства на Кавказе шафрана. Поэтому делались попытки увеличить площади и особенно улучшить сорт шафрана в районе Дербента, Кизляра. Только в одном Кизляре в казенных и «нескольких обывательских садах» в первой четверти XIX в. была посажена 1 тыс. луковиц, которые хорошо привились. Собранный шафран «нимало не уступает лучшему

европейскому»[15]. В первой половине XIX в. дальнейшее развитие получило табаководство. Кроме местных сортов, в Дагестане и других районах стали выращивать и привозные сорта. Так, в 1849 г. семена гаванского табака, привезенные с острова Куба, были посеяны в Дербентском уезде, в Южном Табасаране и Ахтах. Разведением табачных плантаций занимались западные адыги. Здесь же стали разводить чай.

Животноводство. Наряду с земледелием животноводство на Северном Кавказе являлось основной отраслью хозяйства. Вековой опыт занятия животноводством выработал наиболее рациональные способы ведения хозяйства в зависимости от природных условий, экономических связей и конкретной исторической ситуации. Жители равнинной и предгорной зон Северного Кавказа занимались разведением преимущественно крупного рогатого скота, у населения нагорной зоны было развито овцеводство. На Кавказе сложились своеобразные системы: у адыгов — отгонная со стойловым содержанием зимой; у народов Дагестана, Чечено-Ингушетии и др.— отгонно-пастбищная система, связанная с дальними перегонами с летних пастбищ в горах на зимние, расположенные на равнинах. Причем у каждого народа были свои скотоперегонные дороги с источниками воды и удобными местами отдыха. По мере таяния снегов скот двигался все выше в горы, в район субальпийских и альпийских лугов. С конца августа начиналось обратное движение стад, так как в горах бывают ранние заморозки.

Отгонная система была сопряжена с большими трудностями. Кроме длительных, а порой и изнурительных переходов, необходимо было у феодалов арендовать зимние пастбища. Надо было заготовить корма и иметь кошары для овец. Поскольку каждый, кто имел несколько десятков овец, не имел возможности нести все расходы, связанные с арендной платой, не в состоянии был заготовить необходимый корм и нести все обязаппости, связанные с зимовкой скота, то несколько хозяйств создавали объединения для перегона скота и организации, называемые «кош». Крупный рогатый скот, за редким исключением, на зиму оставался в горах на стойловом содержании, в то время как на равнине большая часть скота находилась круглый год под открытым небом, на подножном корму. Велики были потери скота от бескормицы и эпизоотий, часто поражавших стада. Коровы и быки были низкорослы и малопродуктивны. Адыги, жившие на равнинах, а также жители приморского и предгорного Дагестана, содержали буйволов. Однако из-за трудности содержания буйволов имели в основном феодалы и зажиточная часть крестьяп. Рабочее и мясное направления скотоводства обеспечивали хозяйство тягловой силой, пищей, кожей[16].

Дальнейшее развитие на Северном Кавказе в первой половине XIX в. получило коневодство, к середине века в Кабарде имелось 192 конных завода. Наиболее известными были заводы П. Коголкина, Б. Абезиванова, М. Аджиева, А. Атажукина. Коневодство давало им большие прибыли, поскольку лошадь с клеймом кабардинских коннозаводчиков пользовалась большой популярностью не только на Кавказе, но и в России и даже за рубежом. Вообще горцы проявляли большую заботу о чистоте породы, и почти каждая лошадь имела тавро, свидетельствующее о ее происхождении из определенного табуна. Известные заводы такого рода принадлежали крупным владельцам: Касаевым (600 голов), Куденетовым (500 голов), Капланову-Нечеву, Атажукиным, Лоовым и Трамовым[17]. Лошадь карачаевской породы не так высока и красива, но не уступала кабардинской в резвости и экстерьере. Она от-

личалась неприхотливостью в содержании, подвижностью под седлом и была незаменимой как вьючное животное в условиях горного бездорожья. Карачаевскую, как и кабардинскую, лошадь не подковывали и не запрягали.

Невысокие, но сильные и неприхотливые ногайские лошади широко использовались для перевозок грузов по всему Северному Кавказу и охотно покупались соседними народами. Если до начала XIX в. в Дагестане не было конных заводов, то уже в первой четверти в Засулакской Кумыкии их было 6, в каждом из которых имелось до 600 лошадей, из них лучшие принадлежали Чепалову и князю Хаспулату [18]. В дальнейшем коневодство стало развиваться еще более ускоренно. В 1855 г. только в дербентской губернии насчитывалось 600 конных заводов; в них было «жеребцов и маток с приплодом 2200 голов». Намного увеличилось поголовье лошадей в шамхальстве Тарковском, в ханстве Кюринском, Табасаране, «чему положил начало один из главных коннозаводчиков губернии, полковник Джамов-бек» [19].

Всего, по неполным данным, в 60-х годах XIX в. в Кабарде насчитывалось более 300 тыс. голов скота, в том числе овец — более 196 тыс., крупного рогатого скота — 85 тыс., лошадей — около 28 тыс.

В Закубанском крае до 1849 г. находилось 355 тыс. голов скота, из них лошадей — 35 тыс., крупного рогатого скота — 60 тыс., овец — 260 тыс. голов [20]. По сведениям Лапинского (1860 г.), на всю территорию, заселенную адыгами, имелось от 100 до 120 тыс. лошадей, около 200 тыс. голов рогатого скота, 500 тыс. овец и 180 тыс. коз. Количество овец к 60-му году XIX в. в Карачае доходило до 200 тыс. голов, в Черкесии — до 90 тыс., а в Балкарии — до 100 тыс. Только в Южном Дагестане в 1852 г. лошадей было — 10 931, крупного рогатого скота — 45 213, овец — 12 591 130. Из данных, относящихся к Дербентскому уезду и Самурскому округу, видно, что на каждое семейство, «полагая оное в 5 душ... приходится по одной лошади, 2—3—4 крупного и почти 5 штук мелкого рогатого скота».

Однако за этими средними, довольно высокими цифрами скрывалось острое имущественное неравенство. Прежде всего средние цифры казались высокими за счет огромных стад феодальной верхушки, владевшей сотнями голов крупного рогатого скота, за которыми ухаживали подвластные крестьяне. Крестьянские семьи редко имели больше пары волов и одной коровы. А часть крестьян совсем не имела скота.

Пчеловодство. Обилие на Северном Кавказе медоносных растений располагало к занятию пчеловодством. Мед и воск не только использовались в домашнем хозяйстве населения, но и находили широкий сбыт на меновых дворах, рынках и ярмарках. Горский мед отличался и хорошим вкусом, и целебными свойствами. Воск ценился еще дороже. Поэтому мед и воск были важной статьей вывоза. В России «товарами произведения Черкесии и Абхазии, допускаемыми к бесплатному меновому торгу» на первом месте были «сало всякое, воск и мед» [21]. Пчеловодством занимались все горцы Северного Кавказа, но пчеловодство особенно было развито у адыгов, у которых оно являлось важнейшей, после земледелия и скотоводства, отраслью хозяйства.

Пчел содержали в ульях-плетенках, которые изготовлялись из ивовых прутьев и прутьев фруктовых деревьев. На сапетки одевали шапочки-крышки из камыша или обмазывали глиной. Несмотря на кажущуюся примитивность, пчеловодство было приспособлено к местным природным условиям. Когда в сапетке выводилась молодая семья, ее старались

отсадить в новую сапетку, для чего использовался особый сачок. Осенью сильные семьи оставлялись на племя, а слабых выкуривали серой, чтобы добыть мед. Пчеловодством занимались всюду. Подавляющее большинство ульев принадлежало местным феодалам.

Охота и рыболовство. Немаловажное хозяйственное значение для народов Северного Кавказа имела охота. Горы и ущелья были богаты медведями и турами, оленями и козами, зайцами, куницами, лисицами и множеством птиц. Шкуры диких животных использовались для изготовления обуви и одежды, бурдюков, ружейных чехлов и других предметов. Шерсть дпких коз шла для набивки седел. Большое количество пушнины продавалось в Россию. Среди товаров, допускаемых к беспошлинному пропуску в Россию через Кавказскую линию, на одном из первых мест стояли лисьи, заячьи, куньи, выдровые, хорьковые, медвежьи, волчьи, барсовые и другие меха.

Главным орудием охотника в первой половине XIX в. было огнестрельное оружие. Более древние из них были громоздки и требовали особой подставки на трех ножках, позже — на одной. Среди северокавказских народов имелись выдающиеся мастера, чьи ружья пользовались повышенным спросом даже после того, как в аулы проникли заводские «бердапки».

В первой половине XIX в. расширилось рыболовство, особенно на Северо-Восточном Кавказе. В Аграханском заливе, в устьях рр. Терек, Сулак, Самур, по берегу Каспийского моря возникли рыбные промыслы. Владельцы вод стали отдавать промыслы на откуп русским рыбопромышленникам. Князь Хамзаев отдавал на откуп воды р. Сулак за 70 рублей в год, а устье р. Терек — за 350 руб. Али-Султан Казаналипов отдавал за 700 руб. воды Аграханского залива. В 1837 г. шамхал Тарковский заключил контракт с коллежским асессором П. С. Давыдовым о сдаче в откуп вод от Аграханского залива до р. Самура, исключая подгорные воды Дербента. «За все воды и убой тюленя» Давыдов обязался платить по 4 тыс. руб. в год[22]. Но не все хозяйства отдавали промыслы на откуп за «денежное содержание». Были и такие, которые предпочитали отдавать на откуп при условии уплаты натурой. В таком случае откупщики отдавали хозяевам 1/4 часть всего лова. И в том и в другом случаях откупщики, стремясь получить как можно больше прибылей, делали все, чтобы увеличить улов рыбы. Рыбные богатства хищнически эксплуатировались, вместе с этим возрастало число людей, работающих на промыслах. Как правило, квалифицированными ловцами и мастерами по обработке рыбы на промыслах были русские, а чернорабочими нанимались к откупщикам горцы. Как русские, так и горцы жили в жалких лачугах, подвергались жестокой эксплуатации. Откупщики получали большие прибыли. В больших масштабах рыболовством занимались терские казаки и так называемые «терские татары».

Хозяйство русского и украинского населения Северного Кавказа. Значительным был вклад в хозяйственное освоение северокавказских земель русским казачеством. Получив земли, казаки поднимали целину и засевали ее озимой и яровой пшеницей, рожью, ячменем, овсом, гречихой, переняли у горцев культуру проса, возделывали бахчевые и огородные культуры.

Казаки заимствовали у местных народов сельскохозяйственный календарь, сорта злаков, способы возделывания почвы, производя посев в хорошо прогретый верхний слой почвы. От местных народов восприняли

они распространенный на Кавказе сорт пшеницы «кубанская». Но сеяли они хлеб почти исключительно для собственного потребления. Урожайность пшеницы, ржи и ячменя была невелика — «сам-друг» (т. е. собирали в два раза больше, чем сеяли зерна) до сам-11. Выше была урожайность проса — до «сам-40». Кукуруза — от «сам-15» до «сам-60». Казаков отвлекали от сельского хозяйства частые военные призывы.

Еще бóльшую роль в хозяйственном освоении северокавказского края сыграло крестьянское освоение земель. Распашка огромных целинных массивов (1/13 часть общего числа земель в Предкавказье) в первой трети XIX в. была результатом огромного и напряженного труда русских и украинских переселенцев в хозяйственном освоении обширного края за сравнительно короткое время. Это был шаг вперед на пути развития не только производительных сил Северного Кавказа, но и экономики всего Российского государства.

Русские и украинские крестьяне, переселившиеся на Северный Кавказ, шли сюда навсегда, обрабатывали землю и создавали свое хозяйство. Они переносили на новые места свои навыки, знания и умения, не чурались использовать опыт и трудовые навыки местного населения, перенимая у него новый сельскохозяйственный календарь, новые культуры, новые породы скота. В свою очередь, русское и украинское крестьянство щедро делилось своими навыками с горскими народами и кочевавшими здесь ногайцами и калмыками. Глубокая вспашка требовала замены сохи на тяжелый плуг; в этих условиях при пахоте быки заменяли лошадей. Совершенствовались и многие другие сельскохозяйственные орудия.

Количество высевного хлеба в Предкавказье увеличивалось из года в год. Если в конце XVIII в. в Кавказской губернии было собрано 37 362 четверти, то к середине XIX в.— около 2 млн четвертей [23]. Главное место в производстве зерна принадлежало государственным крестьянам Ставрополья, «чему благоприятствует как сбыт хлеба, щедро вознаграждающий труды земледельца, так и умножение рук от переселения казенных крестьян из внутренних губерний» [24].

Однако урожайность зерновых была низкой, обычно сам-3, сам-4. Благодаря наличию большого количества свободных земель широко использовалась система, когда после 2—4-разового использования земельные участки забрасывались «для отдохновения» на 8—12, даже 15—20 лет [25]. Никаких удобрений практически не применялось. Немногочисленные леса истреблялись, что вело к обезвоживанию почвы.

Периодические засухи и суховеи, налеты саранчи приводили нередко к неурожаю и голодовкам (1813, 1817, 1823, 1833, 1848 годы), вся тяжесть которых ложилась, прежде всего, на беднейшие слои крестьянства. Особенно тяжелым был неурожай и вызванный им голод в 1833 г., когда правительство вынуждено было разрешить примерно 40 тыс. крестьян выехать в другие губернии.

Сельское хозяйство северокавказского края носило экстенсивный характер. В его основе лежала отсталая переложная система, и только в отдельных районах накануне Крестьянской реформы 1861 г. стали переходить к трехполью. Посевные площади из года в год увеличивались, особенно на Ставрополье, которое с 1803 по 1849 г. увеличило хлебопроизводство в пять раз. Оно становилось основной житницей, обеспечивающей хлебом не только местных крестьян, но и казачество Терека и Черноморья; хлеб вывозился для продажи горцам, в другие районы и даже за границу.

Северный Кавказ в первой половине XIX в. был районом довольно

развитого скотоводства и коневодства, которые носили экстенсивный характер, и только в отдельных крупных помещичьих хозяйствах и хозяйствах богатых крестьян-скотоводов понемногу занимались разведением лучших пород скота, овец (мериносов) и лошадей (кабардинской, венгерской и английской пород).

Основными породами крупного рогатого скота были красный «астраханский» («калмыцкий», «ногайский»), а в Черномории — сероукраинский («слободской»), отличающийся хорошим вкусовым качеством мяса и высоко ценившийся во внутренних губерниях России. К середине XIX в. в Ставропольской губернии, Черноморском и Кавказском линейном войсках (около 90 тыс. дворов) было примерно 650 тыс. голов крупного рогатого скота и более 1,4 млн овец и около 170 тыс. лошадей [26].

Основная масса скота принадлежала казачьей и крестьянской верхушке. Значительная же часть крестьянства не имела достаточного количества скота и лошадей и вынуждена была идти в услужение к местным богачам.

В первой половине XIX в. получило некоторое развитие свиноводство. В 1830 г. в Кавказской губернии насчитывалось 75,5 тыс. голов свиней [27]. Небольшое число свиней имелось и в казачьих районах. Однако в целом свиноводство не получило широкого развития и служило главным образом для удовлетворения только внутренних нужд и потребностей.

Скотоводство и коневодство в осваиваемых районах Предкавказья в первой половине XIX в. уже носили товарный характер. Северокавказский скот и лошади высоко ценились во внутренних губерниях России, постоянно поставлялись на нужды войск, расположенных на Кавказе, служили предметом торговли с горцами, частично вывозились за границу.

Переселенцы из внутренних губерний России перенесли на новые места жительства и навыки в развитии огородничества и садоводства. В Предкавказье выращивались капуста, лук, огурцы, свекла, морковь и другие овощи. Разводились фруктовые сады. Основная часть овощей и фруктов шла на удовлетворение собственных потребностей, часть — на продажу на внутренних рынках.

Значительное развитие садоводство и огородничество получило в Черномории, чему способствовали мягкий увлажненный климат и отличная черноземная почва. Сделаны были попытки улучшения садоводства. Для этой цели в Екатеринодаре был заведен питомник, в котором насчитывалось 25 тыс. кустов виноградных лоз и 19 тыс. фруктовых деревьев, взятых из Крыма. Подобный питомник к середине XIX в. по указанию кавказского наместника кн. М. С. Воронцова был заложен и в Ставрополе. В Черноморском войске было положено начало развитию табака, кунжута.

В 40-х годах XIX в. в Предкавказье началось постепенное внедрение картофеля. Как и по всей России того времени, оно проводилось принудительно и шло медленно. Урожаи из-за плохой обработки земли были низкими. И тем не менее производство картофеля возрастало из года в год.

В экономике края, особенно в его восточных районах, значительное место занимало виноградарство и виноделие. К середине XIX в. виноградарством и виноделием занимались государственные крестьяне и помещики в Кизлярском, Ставропольском, Пятигорском, Георгиевском и Моздокском уездах, а также в казачьих станицах Черноморского и Кавказского линейного войск.

Производство шелка-сырца на Северном Кавказе хотя медленно, но возрастало из года в год. Разведением тутовых садов (для шелкопрядения) были заняты казенные и помещичьи крестьяне, казаки Кавказского линейного и Черноморского казачьих войск. Особенно славился шелк из имения помещика А. Ф. Реброва. Этот шелк продавался в Москве и на Нижегородской ярмарке. И все же шелководство в Предкавказье развивалось медленно и слабо. За сорок лет (с 1801 по 1840 г.) в Кавказской губернии было получено только 8220 пудов шелка-сырца.

В Кизлярском уезде Кавказской губернии среди казаков и отдельных помещиков (Серебряков, Англинцев и др.) в конце XVIII — первой половине XIX в. были сделаны попытки в разведении хлопка. Так, в 1802 г. здесь было получено свыше 60 пудов хлопка, в 1810 г.— 100, в 1855 — 234 пуда [28]. Но и эта отрасль хозяйства не получила своего развития. Население края для собственного потребления и частично на продажу занималось в небольших размерах пчеловодством, сбором марены (в Кизлярском уезде Кавказской губернии). Но и эти отрасли носили подсобный характер к основе хозяйства — хлебопашеству и скотоводству.

Более заметное развитие в крае получило рыболовство, прежде всего, в прибрежных районах Каспийского, Черного и Азовского морей и низовьях р. Терек и Кубань. В указанных районах водились ценные породы рыб — осетр, белуга, стерлядь, рыбец.

Доходы от рыболовства в Кизлярском уезде в середине XIX в. достигали значительной по тому времени суммы — 300 тыс. руб. Только в имениях Всеволожских в 1849 г. было продано рыбы на общую сумму 60 тыс. руб. Однако в силу сложившихся условий в дореформенный кризисный период хозяйство Всеволожских претерпело банкротство и было переведено в казну. Не лучше было положение и в других помещичьих хозяйствах и казачьих станицах.

3. Домашние промыслы и промышленность

Развитие домашних промыслов и ремесла. Хозяйство народов Северного Кавказа носило натуральный характер. Это, однако, не значит, что здесь не знали простого товарного производства. В рамках натурального хозяйства развивались кустарные промыслы. Домашняя промышленность, которую В. И. Ленин характеризовал, как «переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает» [29], была распространена повсюду.

Народы Северного Кавказа обрабатывали все виды местного сырья, причем в первой половине XIX в. увеличилось не только количество изготавливаемых изделий, но и их ассортимент. Намного углубился процесс специализации кустарных промыслов по отдельным селениям.

Как по охвату населения кустарным промыслом, так и по разнообразию производимых изделий Дагестан занимал первое место на Северном Кавказе. Ювелирное производство было развито в Кубачах, Кумухе, Гоцатле и других селах; кузнечное — в Амузгах, Харбуке, Казанище, Унчукатле; гончарное — в Балхаре, Сулевкенте; по обработке дерева — в Унцукуле; наплечных бурок — в Анди; ковров, паласов — в аулах Южного Дагестана.

При невысокой технике и довольно простых орудиях труда горские умельцы благодаря своему искусству делали прочные и красивые вещи, которые шли не только на обеспечение собственных нужд, но и на обмен. Имелись центры, основным занятием в которых было ремесленное про-

изводство и отчасти торговля. Таково, например, сел. Кубачи, почти все жители которого занимались выделыванием оружия, пистолетов, сабель, ножей, панцирей и других предметов. Следует особо отметить, что кубачинцы и даргинцы соседних селений практиковали особое разделение труда, на основе которого «город златокузнецов и торговцев» извлекал для себя немалые выгоды за счет эксплуатации соседей. Дело в том, что пряденая в сел. Кубачи шерсть сдавалась даргинцам, превращавшим шерстяную пряжу в ткани. Эти ткани поступали в сел. Кубачи и оттуда уже сдавались под маркой «кубачинских» [30]. Крупным ремесленно-торговым центром был г. Дербент. В 30-х годах XIX в. здесь производили шелковую материю и бязь, а также происходила обработка металла. Город имел также 8 мукомольных водяных мельниц. Всего в 30-х годах в городе имелось около 100 ремесленников. В 1856 г. их число достигло 392. Крупным ремесленным центром являлись также Анди, Кумух, Амузги, Казанище и др. Кустарную промышленность народов Северного Кавказа можно разделить на отрасли: обработка шерсти и кожи, обработка дерева, обработка кости, камня, глины, обработка металла.

Шерстеобрабатывающие промыслы. Развитию шерстеобрабатывающих промыслов способствовало наличие на Северном Кавказе большого количества овец. Из шерсти выделывали войлоки, паласы, арбабаши, ковры, головные платки, носки, шерстяную обувь, хурдумы, мешки, попоны, наплечные бурки и многое другое. В 1812 г. Буцковский писал, что андийцы занимаются преимущественно «выделыванием бурок, кои по всему Кавказу за лучшие славятся». Кроме Анди, главным центром по выделке наплечных бурок в Дагестане были селения Ансалта, Рикуани, Шотрода, Гагатль, Ботлих. Наплечные бурки выделывались и в других районах Северного Кавказа, например в Ичкерии. Превосходные бурки изготовлялись в Кабарде. Производство сукон было развито во всех районах Дагестана: здесь вырабатывали сукно естественного цвета шерсти, в том числе и совершенное белое, которое шло на изготовление черкесок.

Важное место среди домашних промыслов жителей Чечено-Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии занимали ткачество, изготовление сукна. Почти все народы Северного Кавказа занимались производством войлока и полотняно-ковровых изделий. Карачаевские, балкарские и ногайские войлоки, сделанные методом вкатывания узора, инкрустации и аппликации, были настоящими произведениями искусства. Их стелили на пол и на постели, в люльку и под седло, вешали на полки и употребляли для молитвы как намазлик. Из войлока же валяли шляпы, бурочники и прочие принадлежности одежды. Прекрасные войлоки и арбабаши вырабытывались в Северном Дагестане и Чечено-Ингушетии. Центром коврового производства являлся Южный Дагестан, где изготовляли высокохудожественные ворсовые и безворсовые ковры и сумахи.

Обработкой шерсти и выделкой всевозможных шерстяных изделий занимались женщины. Они занимались плетением, золотым и серебряным шитьем, выделкой хлопчатобумажных и шелковых материй. С 30-х годов XIX в. выделка бумажных и шелковых тканей на месте начала, однако, сокращаться. Спад этот объясняется тем, что привозные шелковые изделия и русские хлопчатобумажные ткани вытесняли шелковые и хлопчатобумажные ткани, изготовленные в Дагестане. В то же время значительно возрос спрос на высокохудожественные ковровые изделия и различного рода предметы рукоделия женщин. Женщины же занимались

Рис. 3. Бытовая утварь горцев Северного Кавказа. XIX в.

обработкой шкур овец и коз, шитьем легкой обуви, шапок и всей одежды для мужчин, женщин и детей.

Изготовление посуды и утвари. Женщины занимались также обработкой глины, гончарным делом. Наибольших успехов в изготовлении гончарных изделий достигли в аулах Балхар, Сулевкент, Испик и Джули. Мужским занятием была обработка воловьих кож, изготовление ремней для хозяйственных нужд, мужской рабочей обуви и др. Так же как каждая женщина-крестьянка умела обрабатывать шерсть, мужчина-крестьянин владел искусством обработки дерева, кости, камня. Из дерева изготовлялись орудия труда и средства передвижения: арба и сани для перевозки грузов, мебель и посуда, различная утварь. Для каждого вида изделий применялись свои сорта дерева: арбу делали из дуба, карагача и ясеня, деревянные части плуга — из клена и березы, утварь — из липы, посуду — из груши, и т. д. Одним из основных методов изготовления посуды было выдалбливание. Готовый предмет подвергали кипячению, смазывали жиром и сушили. Несмотря на примитивность орудий деревоотделочного производства, изделия получались прочные, удобные и по-своему красивые. Распространена была для украшения и

Рис. 4. Украшения костюма горских женщин (серебро, чернь, бирюза, стекло). XIX в.

резьба по дереву. Применялся геометрический и растительный орнамент. Узоры наносились также на опорные столбы и фасад шкафа-ларя (Цагура). Высокого уровня художественной обработки дерева достигли мастера Унцукуля. Они стали вытачивать из дерева изделия и инкрустировать их серебром.

Кузнечное ремесло. Почти во всех селениях Северного Кавказа имелись кузнецы. Большая часть их производила все виды работ по металлу. Они были универсальными мастерами — и оружейными, и ювелирами. «Кузнецы,— свидетельствует Т. Лапинский,— очень многочисленны в стране. Они почти всюду оружейных и серебряных дел мастера и очень искусны в своей профессии: это почти непостижимо, как они с их немногочисленными и недостаточными инструментами могут приготовлять превосходное оружие. Золотые и серебряные украшения, которые вызывают восхищение европейского любителя оружия, изготовляются с большим терпением и трудом скудным инструментом» [31]. Оружейники адыги (черкесы) славились не только качеством изготовляемого оружия, но и его отделкой. Кинжалы и ружья, шашки и ножны украшались серебром и чернью, а иногда и золотом. Для знати ювелирной

работой отделывали также конскую упряжь. Однако ювелирные работы мог исполнить далеко не каждый кузнец. Многие специализировались на изготовлении орудий труда и утвари: обоюдоострых кос и серпов, лемехов для плуга и лопат, мотыг и вил, орудий для тавренья лошадей, ножей, капканов, кухонных принадлежностей. Другие специализировались на изготовлении холодного, огнестрельного оружия, третьи стали заниматься ювелирным ремеслом. Особенно специализация ремесла развита была в Дагестане. Изготовлением ножей, щипцов, молотков, топоров, подков занимались кустари из селений Кулда, Гагатли и многих других. Кубачинские, лакские и другие мастера изготовляли холодное и огнестрельное оружие. Они вырабатывали из серебра изделия, украшенные художественной резьбой и сложными, очень тонко выполненными чернью, филигранью и позолотой рисунками. Художественные изделия дагестанских мастеров — златокузнецов-серебряников, ювелиров, гравировщиков, чеканщиков — высоко ценились не только на Северном Кавказе, но и за его пределами. Большого развития в Кубачах достигло производство огнестрельного оружия. В связи с появлением такого оружия заводского производства кубачинцы в первой половине XIX в. все больше стали переходить на производство холодного оружия. В изготовлении его наметилась специализация. Так, в селениях Амузги выделывались клинки, стволы, харбуки, которые поступали в Кубачи, где производилась их окончательная отделка. Такого же рода специализация наблюдается среди адыгских народов в изготовлении седел, конской сбруи и др. В изготовлении седла, например, участвовали арчачники, изготовлявшие деревянную основу, шорники — подушку, и ювелиры, украшавшие седло. Многие кустари-ремесленники обслуживали потребности внутреннего рынка, но немало их изделий, особенно оружейников и ювелиров, вывозилось и за пределы Северного Кавказа. Известно, что лучшие «базалавские» кинжалы выделывались в мастерской Базалая и что значительная часть их вывозилась в Россию.

Зарождение горнодобывающей промышленности. В первой половине XIX в. на Северном Кавказе развивается горнодобывающая промышленность. Русское правительство, заинтересованное в разработке горных богатств Северного Кавказа, в 1829 г. предприняло большую экспедицию в район Приэльбрусья для выявления горных богатств края. В результате были обнаружены серебряно-свинцовые руды, каменный уголь и другие рудные богатства. В начале 30-х годов XIX в. началась разведка, а с 40-х годов — разработка угля в верховьях р. Кубань около Хумаринского укрепления. В примитивных, плохо оборудованных шахтах трудилось около 60 рабочих. Клиньями и молотками отбивали они пласты, на тачках вывозили, а порой выносили в корзинах. Добыча угля была небольшой: первые годы по 90 тыс. пудов в год и только к 60-м годам поднялась до 200 тыс. пудов [32]. Подневольный труд солдат, отсутствие дорог, дороговизна перевозки угля на лошадях от шахт до ближайших городов тормозили развитие угольной промышленности Кубани. Попытка сдать шахты в откупное содержание тоже не принесла успеха.

В 30-х годах XIX в. на Северо-Западном Кавказе также стали развиваться горнодобывающие отрасли хозяйства. Основным местом добычи железа были горы Ного-Косого, район Сочи и Ильского ущелья. Добыча и использование каменного угля находились в Адыгее в зачаточном состоянии, так же, как и добыча нефти. В начале XIX в. добывали нефть и в предгорьях Терека. Но после 1818 г. заметно увеличилась добыча нефти в районе Брагун и современного г. Грозного. С 1833 г. главным

местом добычи стала группа грозненских нефтяных колодцев. Добытую черпальщиками нефть из нефтяных колодцев возили бочками из Грозного в Моздок или станицу Науровскую на переработку. В 1823 г. в Моздоке, за 7 лет до того, как немецкий ученый Рейхенбах выделил в лаборатории керосин из нефти, Василий Дубинин изобрел аппарат для перегонки нефти. Очищенную по способу Дубинина «белую нефть» вывозили на Нижегородскую ярмарку и в Москву «на продажу купцам и аптекам» [33]. После изобретения нефтеперегонного аппарата В. Дубининым стали использовать керосин и в Дагестане. Со временем добыча нефти в районе Грозного несколько увеличилась. В 1855 г. нефтяные участки были отданы в аренду купцу С. Чекалову, который довел добычу до 15 тыс. пудов.

В первой половине XIX в. возросла в Дагестане добыча соли, серы, нефти, строительного камня. Соль добывали из соляных озер плоскостного Дагестана, а в селении Нижнее Энхело и Кванхидытль соль выварили из воды. Селитру добывали в селениях Марага, Карчаг и Нижрас. Серу — в селениях Гоцо, Могох, Гоцатль и др. Горцы Дагестана, Осетии, Карачая, Адыгеи производили порох.

В первой половине XIX в. в Дагестане отдельные месторождения каменного угля, меди, торфа, свинца, серебра были известны населению и разрабатывались кустарным способом. На юге Дагестана в Кайтагском уцмийстве были нефтяные колодцы, из которых добывалась нефть. В Терекемейском участке Дербентского уезда нефть черпали из 32 колодцев. До 1850 г. эти колодцы были на особом откупе за 302 руб. сер. в год. Всего в Дербентском и Шамхском уездах в середине XIX в. добывалось нефти «белой» 700 пудов, «черной» — 280 тыс. пудов.

Развитие обрабатывающей промышленности. В первой половине XIX в. на Северном Кавказе развивалась обрабатывающая промышленность. Предприятия носили кустарный характер; это были небольшие мельницы, винокурни, салотопни, кожевенные и овчинные мастерские. Особенно большое развитие получили обработка винограда, изготовление вин и виноградной водки. Наиболее крупными центрами виноделия были Дербент, Кизляр. Достаточно сказать, что в 1849 г. в Дербенте одни только армяне выделывали из собственного винограда вино «в количестве 45 тыс. ведер и водку до 4 тыс. ведер, а мусульмане приготовляют из винограда, кроме уксуса, до 6 тыс. пудов „дошаб“» [34]. В Кизляре в 1846 г. выделывали 1 150 328 ведер вина. Уже в 30-х годах с кизлярским вином начали успешно конкурировать высокосортные вина Ставропольского уезда. Так, в селении Прасковья в 1837 г. было изготовлено 27 тыс. ведер высокосортного вина, во многом опередившего кизлярское вино. Зато в Кизляре в это время стали гнать виноградную водку, пользовавшуюся большим спросом на внутреннем рынке. Достаточно сказать, что только за 5 лет (с 1831 по 1835 г.) было вывезено 615 978 ведер кизлярской водки на 1 254 842 руб.[35]

Отходничество. Малоземелье и связанная с этим экономическая необеспеченность вынуждали горцев искать средства к жизни на стороне. Особенно развито было отходничество в Дагестане. Ежегодно большое количество горцев уходило в экономически более обеспеченные районы в поисках заработка. Здесь они выполняли всевозможные сельскохозяйственные и другие работы. А знавшие ремесло переходили со своими инструментами из селения в селение или устраивали небольшие ремесленные мастерские в городах и торгово-ремесленных центрах края.

В середине XIX в. на маренниках Дербента работало более 20 тыс. горцев. В 60-х годах число отходников в районе Дербента достигло 40 тыс. человек. 25—30 тыс. отходников ежегодно работали на маренниках Кюринского и Кайтаго-Табасаранского округов, немалое число их прибывало также в шамхальство из Засулакской Кумыкии. «Из всех мест по Кавказской области наибольшее стечение мирных горцев бывает в гор. Кизляре, где занимаются они сбытом своих произведений, а также работами в садах и прибереговых укреплениях р. Терек. Горцы приходят с весны и остаются до осени. Число их простирается от 20 до 25 тыс., иногда и более» [36]. Среди них, как сообщает Ю. Щедловский, находились «кумыки, чеченцы, ингуши, осетины, лезгины и другие племена».

В Кизляр приходило так много горцев, что там в 1842 г. было создано «Попечительство над приходящими в город мирными горцами», целью которого, согласно инструкции, было «усиление миролюбивых сношений горцев с жителями Кизляра для ограждения их от обид» [37]. Со временем число отходников в Кизлярском уезде намного увеличилось. В 50-х годах XIX в. в Кизлярском уезде работало в помещичьих и казачьих хозяйствах до 15 тыс. одних только ногайцев. Часть ногайцев, кумыков и других постоянно жили в Кизляре, занимаясь различными работами, в том числе и извозом, перевозили товары кизлярских купцов на дальнее расстояние: Моздок, Владикавказ, Ставрополь, Астрахань и другие места.

Большая часть горцев Дагестана уходила также в Азербайджан и Грузию. Только в одну Нуху «для снискания пропитания черною работою в зимнее время их стекается сюда до 1500 человек» [38]. В сентябре месяце, сообщает современник, можно видеть «до 30 тыс. лезгин из разных обществ, гонимых с гор стужей и нуждой, рассыпающихся по Алазанской долине от Кахетии до Сальяна, отыскивающих насущный хлеб» [39]. Отходники, особенно нанимающиеся на сезонные работы, жили в крайне тяжелых условиях, подвергались тяжелой эксплуатации. При всем том отходничество играло положительную роль.

«„Перекочевыванья“ — указывает В. И. Ленин,— означают создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам „обрастать мхом“, которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивностью думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге, и на севере, и в земледелии, и в промышленности...» [40]

4. Торговля

Торговые связи. Процесс развития товарно-денежных отношений в дореформенный период наложил свою печать и на жизнь народов Северного Кавказа. Он ломал основы хозяйственно-экономической замкнутости. Русская буржуазия все настойчивее изыскивала возможности сбыта своих товаров на окраинах страны, в том числе и на Северном Кавказе.

Однако развитию торговли препятствовали в то время многие причины: удаленность Северного Кавказа от центральных губерний, бездорожье, сложность политической обстановки, феодальные междоусобицы. Местное купечество было бедно и малочисленно. И тем не менее торговля росла. Из центральных губерний завозили заграничные и русские товары — ткани, сахар, чай, посуду, мишуру, металлические изделия и проч. В свою очередь, уже в начале XIX в. в Москву, Петербург, Ригу, на

Рис. 5. Османский работорговец покупает адыгейских девушек с Северного Кавказа
Неизвестный художник. Масло. XIX в.

Макарьевскую ярмарку поставлялись виноградный спирт (20 тыс. сорокаведерных бочек), скот, сода, мука, пшеница, просо и др. Потребность в нагульном скоте, овцах, строевых лошадях, кизлярских винах в последующем все более возрастала. Только в 1813—1814 гг. в центральные губернии было продано 19 тыс. голов крупного рогатого скота, более 71 тыс. овец и 2 тыс. лошадей [41].

В первой половине XIX в. стали поставляться за границу предкавказский хлеб, кожа, шерсть. Уже во второй половине 30-х годов XIX в. до 100 тыс. четвертей ставропольской пшеницы и частью ржи, 180 тыс. пудов шерсти шли на продажу за границу. В целом через Россию, Таганрог к середине XIX в. вывозилось до 300 тыс. четв. хлеба, значительная часть которого шла из районов Предкавказья. В 1848 г. по инициативе наместника на Кавказе кн. М. С. Воронцова был открыт новый порт на Азовском море — Ейск, который в дальнейшем стал важным отправным пунктом вывоза предкавказского хлеба и животноводческой продукции в европейские и другие страны. Значительно расширились торговые связи местных жителей с русским населением городов, станиц и военных укреплений. Торговля была меновой и велась на меновых дворах.

Развивалась и торговля народов Северного Кавказа с Закавказьем. В 1815 г. из Грузии было привезено и зарегистрировано в Моздокской карантинной заставе 60 наименований товаров: выбойки — 7125 концов, шелка-сырца — 801 батман, ситца — 1326 концов, бурмета — 13 321 конец, одеял — 2224 и т. д. Всевозможные товары из Закавказья привозились и в другие торгово-ремесленные центры Северного Кавказа.

В свою очередь горцы с Северного Кавказа ездили по торговым делам в Закавказье. Горцы Дагестана чаще всего прибывали в Кубу, Нуху,

Баку, Телави, Тифлис и другие города, куда привозились для продажи продукты скотоводства и изделия кустарных промыслов. «Нуха,— писал корреспондент газеты „Кавказ“,— очень скоро сделалась главным складочным центром для торговли Дагестана» [42]. Среди ее «торгового сословия 25% были лезгины». Только в 1846 г. было привезено наплечных бурок на сумму 1300 руб., сукна на 1240 руб., оружия на 1500 руб., овечьей шерсти и мерлушек — на 8 тыс. руб. Нуху ежегодно посещало до 80 торговцев. Торговля Кубы, как писал в 1842 г. В. Константинов, состояла в снабжении товаром Кумуха, Кураха, Ахты, Мугека и других военных поселений в Дагестане [43]. Крупным потребителем высокохудожественных ювелирных изделий Дагестана был Тифлис.

Но если торговля с Закавказьем и Россией стимулировала развитие производительных сил, то совершенно иной характер носили торговые связи с Турцией, выгодные только господствующим классам. Из Турции поступали предметы роскоши, за которые владельцы расплачивались «живым товаром». В начале XIX в. работорговля происходила в обширных масштабах. Это особенно было заметно в прибрежных районах Северо-Западного Кавказа, где постоянное количество крымских и османских работорговцев обеспечивало быструю возможность реализации «живого товара». Во время господствования турок на берегу Черного моря, как писал Хан-Гирей, черкесские работорговцы возили много пленников обоего пола в Анапу и Суджук-кале и там обменивали их на товары [44]. Такая же картина, быть может в меньших размерах, наблюдалась и в других частях Северного Кавказа. Жители кумыкских сел Эндерей и Аксай в жалобе на «высочайшее» имя писали, что «купцы по всем местам в горах» покупают пленных и отправляют на продажу в Анапу и в другие турецкие города [45].

Торговля рабами происходила и на месте. Одним из центров работорговли Северо-Восточного Кавказа было селение Эндерей. Сюда для продажи ясырей приезжали не только со всего Дагестана, но и из соседней Чечни, Ингушетии, Кабарды и др. Покупали их местные и приезжие купцы. «Пленных обоего пола самых лучших, то есть стройных и красивых,— сообщает С. Броневский,— андреевцы продают магометанским купцам, приезжающим из Константинополя и из Анапы, а иногда сами скрытно от российского правительства доставляют их в сии города и там сбывают их за великия деньги» [46]. Скрываться от российского правительства вынуждены были они ввиду того, что Россия, будучи противницей работорговли, делала все от нее зависящее, чтобы пресечь на Северном Кавказе торговлю ясырями. Во многих местах на пути, соединяющем Северо-Восточный Кавказ с Черноморским побережьем, установила посты охраны, которым было дано право обнаружения купцов с ясырями и конфисковывать у них «живой товар». Еще в 1800 г. разъездной казачьей командой за р. Терек были отбиты невольники, принадлежавшие аварской ханше Гихим-бике, во время препровождения их для продажи в Анапу [47]. Позже русский корвет «Крым» захватил принадлежавшее Порте судно, на борту которого было много горцев, препровождаемых на невольничий рынок в Константинополь. Горцы были освобождены, и по решению херсонского губернатора Ришелье им было разрешено вернуться в свои села. Но на удивление властей, кроме нескольких пожилых женщин, избавленных от рабства, горцы просили, «чтобы оставлены были в России, ибо в отечестве предпочитают себе одну неволю» [48].

В 1804 г. было обнародовано постановление русского правительства, категорически запрещающее работорговлю на Черноморском побережье,

в Эндери и на других невольничьих рынках Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Ермолов утверждал, что «учредил кр. Внезапную и тем, утвердив сел. Андрей, прекратил производящий в нем торг»[49]. Предпринятые русским правительством решительные меры намного сократили, но окончательно не ликвидировали работорговлю. По всему Черноморскому побережью шла бойкая торговля пленниками-горцами Кавказа. По окончании русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и подписании Адрианопольского мира русское правительство объявило о запрещении работорговли в Черномории. Однако фактически работорговля не прекратилась, только стала вестись контрабандным путем.

Эта торговля «живым товаром», приносившая огромные барыши, попрежнему поощрялась правящими кругами Оттоманской империи. Многие сановники сами принимали в ней участие, особенно синопские, трапезундские и другие паши пограничных территорий.

Кавказское командование принимало все более решительные меры против контрабандной работорговли, чему способствовало строительство укреплений Черноморской береговой линии. Морское побережье с укреплениями охраняли гребная флотилия азовских и казачьих баркасов, военные корабли Черноморского флота, постоянно крейсировавшие вдоль Кавказского побережья. Еще более энергичные меры против работорговли и рабства были приняты русским правительством во второй половине XIX в.

Меновые дворы. Меновые дворы сыграли значительную роль в расширении торгово-экономических связей местного населения с русскими (карта 2). В развитии меновой торговли в первой половине XIX в. выделялось два периода: первый (1800—1845 гг.) характеризовался созданием дворов и преимущественно меновой торговлей, второй период (1846 — до конца 50-х годов) связан с принятием в 1846 г. нового Положения о меновой торговле. Экономическая жизнь в эти годы приобретает новые черты, торговые связи расширяются, развиваются товарно-денежные отношения, усиливается проникновение к горцам товаров русской промышленности. Правда, этот процесс был неравномерным и неодинаковым для всех районов Северного Кавказа. И те меры по расширению свободной торговли на Кавказе, которые были приняты в этот период царским правительством, явились результатом как давления со стороны нарождавшейся русской буржуазии, так и обострения классовой борьбы местного населения. Были изданы новые таможенные тарифы, ограничившие ввоз иностранных товаров. Поощрялся вывоз товаров из России.

Царское правительство поставило вопрос об учреждении постоянных меновых дворов на Северном Кавказе еще в конце XVIII в. Но лишь в июле 1810 г. состоялось решение Комитета министров, в котором было «постановлено приступить к меновому торгу с горцами»[50]. Во исполнение этого решения в следующем, 1811 г. за счет казны на Кавказской линии было открыто шесть меновых дворов (Прохладненский, Наурский, Лашуринский, Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский) и четыре соляных магазина (Прохладненский действовал с 1809 г., Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский).

Надзор за торговлей должны были осуществлять приставы или назначенный царской администрацией чиновник. Только после соответствующего карантинного «очищения», доходившего иногда до 40 дней, местные жители могли продавать или обменивать свои товары.

Горским народам разрешалось вывозить продукты земледелия и животноводства, а также изделия крестьянской промышленности. Ввозили же к ним хлеб и товары русской обрабатывающей промышленности. Запрещался пропуск к ним стали, железа, оружия, золотых монет, а также золота и серебра в слитках. На меновых дворах северокавказские народы могли покупать товары и за деньги, а сбывать свою продукцию имели право только путем обмена товара на товар, преимущественно на соль, что вызывало недовольство горских народов. По существу, в первоначальный период существования меновых дворов местные жители могли приобретать на них только соль. Царское правительство, понимая, что соль играет большую роль в хозяйстве народов Северного Кавказа, монополизировало соляную торговлю, строго регламентировало ее продажу через меновые дворы и карантинные заставы.

До учреждения меновых дворов для удовлетворения потребности своего развитого скотоводства кабардинцы, черкесы, карачаевцы и др. привозили соль из соляных озер Кавказской области с уплатой в казну по 1 руб. 50 коп. сер. за один воз. С открытием же меновых пунктов они лишались этой возможности и вынуждены были покупать соль в меновых пунктах во много раз дороже, платя 1 рубль 50 коп. уже не за воз, а за пуд.

Тем не менее меновая торговля способствовала развитию экономики и торговых связей. За 9 месяцев 1815 г. кабардинцами было вывезено через Прохладненский карантин и продано жителям нынешнего Ставропольского края 1277 пудов меда, 65 пудов воска, 77 пудов говяжьего жира и масла. Важной статьей в торговле был деловой лес. Русские и украинские новоселы испытывали нужду в строительном материале, поэтому естественно, что торговля лесом росла из года в год. За три года, с 1843 по 1845 г., через Известнобродскую и Прохладненскую заставы провезли 6320 арб и повозок различных лесоматериалов.

Предметами торговли служили также изделия крестьянской промышленности. В 1843—1845 гг. через Прохладненскую и Известный Брод провезено: бурок — 302, полостей — 1898, сукна (аршин) — 583, черкесок — 150, седельных арчаков — 505; всего на сумму 17 400 руб. В 1844 г. через Известный Брод проехали из Кабарды в пределы Кавказской области 290 торговцев.

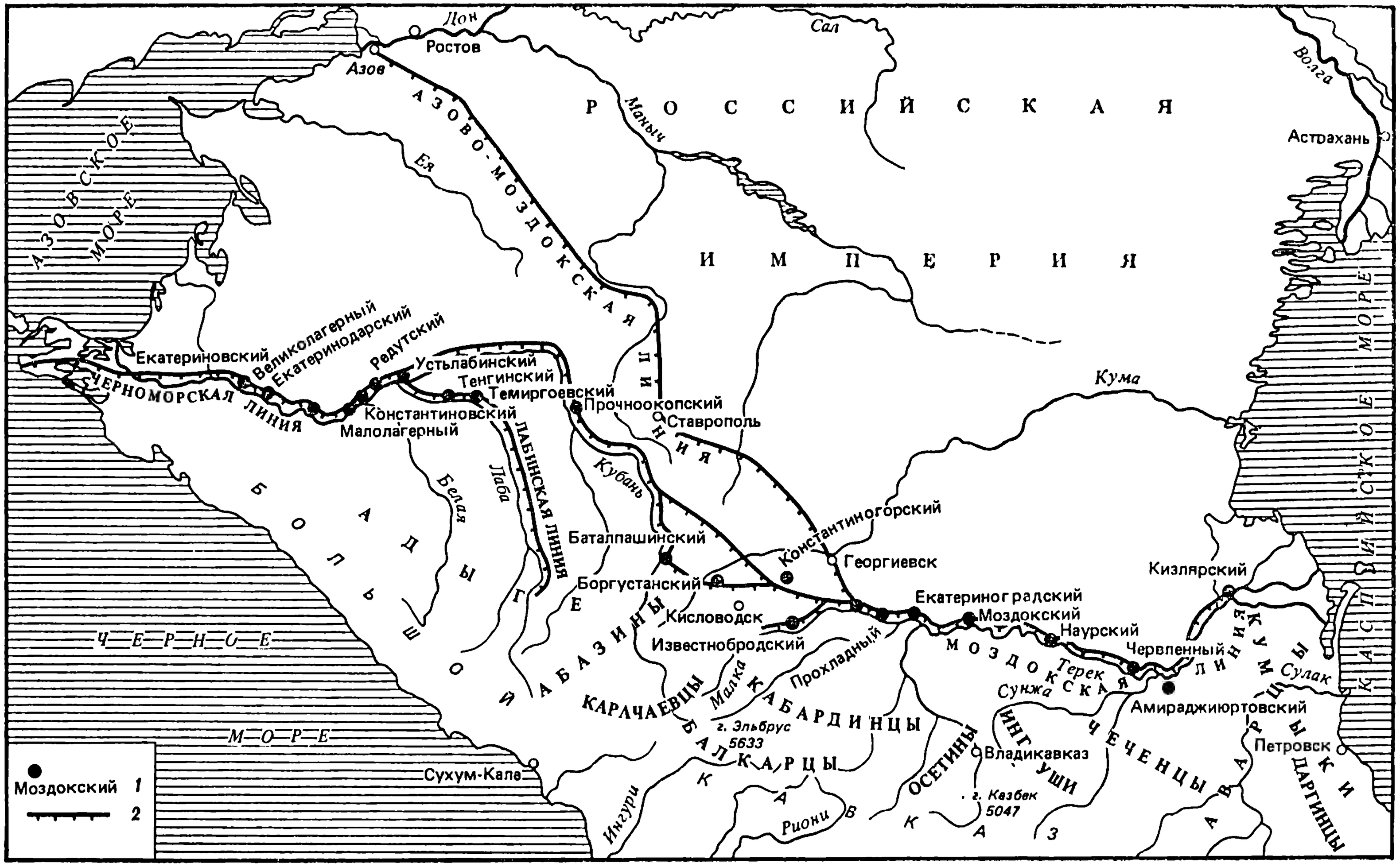
Специально для продажи выделывались шашки, кинжалы и другое оружие. В начале 40-х годов значительно расширяется ассортимент местных изделий, идущих на рынок. Если в первой четверти XIX в. в ведомостях, показывающих состав товаров, значится не более 40 названий, то теперь в 40-х годах их стало более 80.

К горцам ввозились хлеб и товары русской промышленности. Дело в том, что продуктов полеводства далеко не хватало для прокормления населения на протяжении всего года. Поэтому местные жители вынуждены были недостающий хлеб покупать или обменивать на свои товары у русского населения. Так, с 25 августа по 8 сентября 1812 г. в Ставропольскую губернию для приобретения хлеба отправлялись кабардинцы на 81 арбе. За девять месяцев 1815 г. в Ставропольскую губернию (через Прохладную) проехали горцы на 2145 арбах для продажи своих товаров и закупки там хлеба [51].

Ввозились к горцам также товары русской промышленности, главным образом хлопчатобумажные изделия: покрывала, выбойки, бязь белая, бурметы *, кумач и т. д.

---

* Бурмет — азиатская грубая бумажная ткань.



Карта 2. Меновые дворы на Кавказских линиях (первая половина XIX в.)

1 – Меновые дворы – пункты торгового обмена между русскими и горцами; 2 – Кавказские укрепленные линии

Особенно заметной становится роль торговли в экономической жизни народов Северного Кавказа в 40—50-х годах XIX в. Новым явлением стало открытие базарных пунктов, лавок. Кавказская администрация начиная с 30-х годов «старалась изыскать средство» к оживлению деятельности меновых дворов. В 1846 г. было принято новое «Положение о меновой с горцами торговле». «По Кавказской линии,— сказано в § 1,— учреждаются постоянные меновые сношения с горцами. Главная цель сношений состоит в том, чтобы посредством оных приобрести доверие горцев». Вместо ранее существовавших шести меновых дворов было учреждено одиннадцать, в том числе при заставах Амир-Аджиюртовской, Червленной, Солдатской, Известнобродской, Баталпашинской и др.— всего 17 меновых дворов. Наместнику Кавказа было предоставлено право перемещать пункты для меновой торговли.

Ассортимент ввозимых и вывозимых товаров значительно расширился. Был разрешен ввоз стали, олова, чугуна в кусках и изделиях. По-прежнему запрещалась лишь торговля огнестрельным и холодным оружием, военным снаряжением, ввоз которых к горцам не был разрешен. Принятие нового Положения о меновой торговле оживило торговлю на местах. Так, в 1847 г. торговый оборот на Кавказской линии достиг 400 тыс. руб., увеличившись по сравнению с 1845 г. почти в два раза. За один 1847 г. в торговых операциях на Кавказской линии приняли участие почти 54 тыс. человек, в том числе в г. Моздоке — 7873, в Екатериноградe — 3519, на Нальчикском меновом дворе — 8450, и т. д. Важное место в вывозе занимала продажа продуктов животноводства и изделий горского ремесла: бурки, черкески, сукна и др. С 1849 по 1851 г. в Нальчике было продано черкесок — 1715, бурок — 3015, сукна — 1250 кусков, полостей — 2665. Местные жители в большом количестве сбывали также пушные товары, лесоматериалы, продукты пчеловодства. В 1848 г. кабардинцы привезли в Моздок для продажи 491 пуд меду[52]. В большом количестве сбывались товары на Баталпашинском и Амир-Аджиюртовском меновом дворах. Только в 1848 г. на Амир-Аджиюртовском меновом дворе горцами было продано около 90 наименований товаров на сумму 19 895 руб. Здесь же продавали изделия русской промышленности: ситцы, холст, кумач, бязь, выбойку и другие изделия на 94 470 руб., а в следующем 1849 г. разных товаров на сумму 104 806 руб.[53]

По сравнению с первой четвертью XIX в. значительно возросла и продажа лесоматериалов. Кабардинцы, осетины и балкарцы вывозили лес, как и раньше, преимущественно через Известный Брод, Прохладную и Екатериноград. Только через Екатериноградский карантин в 1847—1852 гг. провезено было лесоматериалов 17 916 арб, в том числе 13 946 — кабардинцами, 1255 — осетинами, 2654 — русскими и 119 арб — армянами. Общая объявленная их стоимость достигала 100 тыс. руб.[54] Как и другие виды торговли, лесоторговля была затруднена рядом ограничений. Вывоз лесоматериалов был сопряжен с уплатой пошлины («за приобретение ярлычка»). Народы Северного Кавказа были поставлены в исключительно трудные условия. На заготовку и перевозку лесоматериалов затрачивалось много времени и труда, а реализовались они за бесценок.

С 1853 г. меновые дворы были отданы на откуп купцу первой гильдии Крутицкому. Будучи типичным явлением хозяйственно-экономической жизни феодальной эпохи, откупная система еще более сковывала развитие торговых сношений русских с горцами. Поэтому горцы предпочитали свободную торговлю строго регламентированной меновой торговле.

Ярмарки и базары. В середине XIX в. (1849 г.) на Кавказской линии и Ставропольской губернии насчитывалась 41 ярмарка. Только на 21 ярмарке в Ставропольской губернии было продано скота и лошадей на 1 170 307 руб., а торговый оборот на 29 ярмарках в станицах Кавказского линейного войска составил 639 382 руб. Одной из крупных ярмарок на Северо-Западном Кавказе являлась Екатеринодарская ярмарка, которую посещали адыги. Только в 1845 г. здесь побывало 9800 адыгов, они привозили товаров на сумму 20 414 руб.[55] Крупная ярмарка происходила и в станице Наурской, которую посещали горцы Дагестана, Чечено-Ингушетии и др. В 1837 г. на Наурскую ярмарку приехало до 6500 человек, и здесь было продано разных товаров на сумму 39 027 руб. Среди этих товаров первое место занимали текстильные изделия (сукна, нанки, ситец, серпинка *, бязь, атлас, парча, холст и пр.), а также крупный рогатый скот, лошади, овцы, пшеница, рожь, сахар, мыло, бумага писчая, хрусталь, зеркала и т. п.

Горцы привозили на ярмарки свои традиционные товары, продукты животноводства и изделия кустарных промыслов. Еще большую роль играли ярмарки в Моздоке, Георгиевске, Пятигорске. На Георгиевскую ярмарку, состоявшуюся 9—15 мая в начале 30-х годов, завезлось товаров российского происхождения на сумму 300 тыс. руб., иностранного — около 60 тыс. руб. На две Моздокские ярмарки в 1839 г. было завезено товаров общей стоимостью в 1844 тыс. руб. Сюда собиралось около 7 тыс. человек.

В середине XIX в. ярмарочная торговля растет, постоянно увеличивается ассортимент привозимых для продажи товаров. Местные жители предпочитали продавать свои товары на ярмарках и базарах. Сбывали и контрабандным путем. Согласно имеющимся данным, обороты контрабандной торговли с горцами по меньшей мере втрое превышали сумму, которой определялись размеры этой торговли в официальных источниках[56]. За три года (1834, 1849, 1852) на Георгиевских и Пятигорских ярмарках было продано скота и продуктов животноводства приблизительно на 80 тыс. рублей, в том числе лошадей на 47 тыс. рублей. Большим спросом на ярмарках пользовались бурки, черкески, седла, предметы кавказского вооружения. Георгиевские ярмарки занимали ведущее место на Тереке в сбыте местных изделий.

Важным является то, что деньги стали проникать все глубже в экономику горского населения. Меновая торговля теряет свое былое значение. В этом смысле очень характерны данные Георгиевских и Пятигорских ярмарок, которые показывают, что денежная торговля превосходила меновую. И с каждым годом быстрее росла покупка товаров за наличные деньги.

Вместе с тем усиливался приток на Северный Кавказ и товаров русской промышленности, главным образом мануфактурных изделий.

Особое место в развитии торгово-экономических связей с Россией занимал Дербент. Этому во многом способствовало установление начиная с середины 1846 г. регулярного морского сообщения с Астраханью. О характере торговли Дербента с Астраханью и темпах его роста судить можно по следующим данным. Если в 1845 г. из Дербента в Астрахань было вывезено 80 520 пудов марены, 7196 пудов сушеных груш, 9045 пудов грецких орехов, то в 1857 г. вывезено 180 690 пудов марены, 14 125 пудов сушеных груш, 44 867 пудов грецких орехов[57]. Кроме того, из Дербента в 1854 г. было вывезено 1034 пуда рыбы, 58 696 ведер вина,

---

* Серпинка – тонкая хлопчатобумажная ткань в полоску и клетку.

а также в значительных размерах семена марены, разные выделанные кожи, сарачинское пшено, ореховое дерево, дубовые бочки и пр. Товары эти привозились в Дербент из различных районов Южного Дагестана. Предметами ввоза из Астрахани в Дербент были железо, медь, металлические изделия, фарфоровая и стеклянная посуда, строевой лес, сукно, бумажные и шелковые изделия русских фабрик, кондитерские и бакалейные изделия. В 50-х годах XIX в. ежегодно в Дербент привозилось 10 тыс. пудов железа. С 1853 по 1859 г. для винных заводов Дербента было доставлено 54 328 ведер спирта. Только в 1855 г. в торговле Дербента с Астраханью было занято 133 морских судна, на которых вывезено всевозможных товаров на сумму 560 202 руб. и привезено товаров на сумму 369 690 руб. В дальнейшем, особенно после создания в 1858 г. на Каспии для перевозки грузов и пассажиров общества «Кавказ и Меркурий» (с капиталом в 3 млн. рублей), еще более увеличился ввоз и вывоз товаров из Дербента.

Крупными торговыми центрами в первой половине XIX в. стали Петровск и Темир-Хан-Шура. Достаточно сказать, что в конце 50-х годов XIX в. в Петровск из центральной России через Астрахань провозили 2500 пудов железных изделий, 1200 пудов железа и 300 пудов чугуна. В 1857 г. в Темир-Хан-Шуре имелось 108 лавок. Здесь ежегодно сбывалось товара более чем на 300 тыс. руб. В каждое воскресенье собирался базар, и тогда Темир-Хан-Шура принимала вид праздничный, деятельный, торговый. Основным торгово-экономическим центром в Кабардино-Балкарии стал Нальчик. На его торговой площади располагались лавки по продаже различных товаров (галантерейных, бакалейных и др.). Горцы Северо-Восточного Кавказа вели торговлю и в Кизляре. Под влиянием постоянно укрепляющихся торговых связей с Россией и Закавказьем росли торговые центры во всех районах Северного Кавказа. А рост торговых связей накладывал свой отпечаток на сельское и домашнее производство горцев. Специально для продажи на ярмарках и базарах стали выращивать лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; для продажи приготовляли и продукты скотоводства, производили черкески, бурки, предметы кавказского снаряжения и украшения. Таким образом, торговые связи с Россией способствовали проникновению в аулы товарно-денежных отношений, которые особенно быстро стали развиваться в пореформенную эпоху.

5. Городское строительство

Строительство дорог и укреплений. В начале XIX в. царское правительство силами воинских частей и местного населения улучшило дороги, провело почтовый тракт через Дагестан на юг. Тракт этот имел в длину 271 версту и проходил через Чир-Юрт, Кумторкалу, Темир-Хан-Шуру, Карабудахкент, Дербент. На нем было построено 15 почтовых станций с помещениями для этапных команд и постов воинских частей. Строились стратегические дороги в горы и вдоль дорог — укрепления. В 1817 г. в верхнем течении р. Сунжи построено Назрановское укрепление, в следующем, 1818 г. в северных предгорьях Большого Кавказа — Нальчик, в низовьях Сунжи — крепость Грозная, укрепления Преградный стан и Злобный стан; в 1819 г. близ с. Эндерей — крепость Внезапная, близ с. Тарки — Бурная. В течение 1831—1839 гг. по Черноморскому побережью были построены укрепления Геленджикское, Кабардинское (в устье р. Доба, на южном берегу Суджукской бухты), Новотроицкое — у устья р. Шпады, Михайловское — у устья р. Вулна,

Вельяминовское — у устья р. Туапсе, Тенгинское — у устья р. Шапсухо, Новороссийское — у устья р. Цемен, Навагинское — у устья р. Сочи, Головинское — у устья р. Шахе, Лазаревское — у устья р. Псезуапс, Раевское — у р. Мескаге [58].

В 1832 г. в центре шамхальских владений, у соединения нескольких главных выходов из Нагорного Дагестана, на месте небольшой кумыкской деревни, заложили укрепление Темир-Хан-Шура. Через два года, в 1834 г., укрепление было расширено. Вместо «полуразвалившихся саклей шамхальского аула» было «построено укрепление, обнесенное каменной стеной, к которому примкнут форштадт, ограждаемый небольшим валом». Здесь находились штаб-квартира Апшеронского пехотного полка и место пребывания командующего войсками в Северном Дагестане. В 1840 г. вместо «бесполезной крепости Бурной», которая находилась на горе вдали от берега моря, начали возводить укрепление Низовое [59]. В 1842 г. на месте, где, по преданию, в 1722 г. стоял лагерем Петр I, основали крепость, названную в его честь Петровской. Немного ранее образована крепость Кизилюрт, обеспечивающая сообщение Кизляра с владениями шамхала. Были также построены укрепления в Нагорном Дагестане (Ахты, Кумух, Карадах, Хунзах, Ботлих, Черкей и др.). Основаны слободы Чир-Юрт, Ишкарты, Дешлагар и др. Что ни год, то в Дагестане возникали новые крепости и поселения. Темир-Хан-Шура превратилась в крупное поселение с довольно значительным гражданским населением, сделалась административным центром обширного края, превратилась в торгово-ремесленный центр.

Города Северного Кавказа. Предкавказские города были немногочисленны. Большинство из них возникло еще в XVIII в. как города-крепости. Среди них были Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск, Александровск, Екатериноград, Екатеринодар.

В XIX в. положение городов меняется. Одни из них — Кизляр, Моздок, Александровск, Георгиевск — хирели, другие обращались в села и станицы (Екатериноград, Александровск), третьи, напротив, развивались, становились довольно крупными по тому времени административными, экономическими и политическими центрами. Примером этому служит Ставрополь, который стал сначала областным, а затем губернским городом. Здесь были сосредоточены основные купеческие капиталы и производилась главная оптовая торговля. Практически отсюда долгое время шло военное управление Северного Кавказа. Если в 1804 г. по количеству населения на первом месте стоял Кизляр, затем — Моздок, то в 1849 г. прочное место занял именно Ставрополь. Численность населения его увеличилась за это время в пять раз и достигла почти 15 тыс. человек. За ним шли города Кизляр (11 тыс.), Моздок (10,5 тыс.) и др. Общее количество городского населения с 1804 по 1849 г. возросло с 21 583 чел. до 43 801 чел., т. е. увеличилось более чем в два раза и составляло примерно 14% всего населения Ставропольской губернии [60].

Города Северного Кавказа были многонациональными, особенно этим издавна отличался Кизляр, где и в середине XIX в. основное население города составляли горцы и большое число выходцев из Закавказья; русское же население составляло лишь третью часть. Таким же многонациональным был и город Моздок.

Давно были известны целебные источники на Кавказских Минеральных водах; их использование стало основой будущих городов-курортов. Среди них сравнительно быстро рос Пятигорск. Сначала как крепость Константиногорская, затем — поселение Горячие Воды, а с 1830 г. он

стал официально называться городом Пятигорск, куда был перенесен из Георгиевска и уездный центр. Безлюдный и тихий зимой, Пятигорск летом переполнялся приезжими и оживал, особенно за счет военных, лечившихся здесь после ранений. Много сделано было для восстановления здоровья известными медиками Н. И. Пироговым, Ф. П. Гаазом, А. П. Нелюбиным, Ф. А. Баталиным.

В 1803 г. было создано Кисловодское укрепление. Более активное начало его развитию было положено основанием здесь в 1829 г. станицы Кисловодской. Известия о лечебных факторах будущего курорта также относятся к более давнему периоду, а практическое использование минеральных вод началось в начале XIX в.

В 1810 г. московским врачом Ф. П. Гаазом был открыт первый лечебный источник у горы Железной, а в 1812 г. сюда уже приехали первые больные. Но станица Железноводская, положившая начало городу, была основана лишь в 1842 г. Развитие Железноводска началось уже в пореформенное время.

Начало Ессентукам было положено основанием станицы того же названия (Ессентукская) в 1826 г. Открытие источников было также связано с именами известных в то время ученых Ф. П. Гааза и А. П. Нелюбина, но сами источники были выкуплены у казачества казной только в 1846 г. В мае 1847 г. на Кавказских Минеральных Водах была впервые учреждена дирекция Кавказских Минеральных Вод для общего руководства всеми курортами [61].

Из городов Черноморского войска в первой половине XIX в. Екатеринодар фактически остался единственным городом. Но рос он крайне медленно и практически не отличался от большинства казачьих станиц. В отличие от многих городов быстро стал расти Ейск. В 1852 г., спустя четыре года после его освоения, здесь насчитывалось уже 478 купцов и 8564 мещанина [62], а через пять лет — уже 20 тыс. жителей. Сюда прибывало примерно 120 судов в год, стоимость вывезенных из Предкавказья товаров доходила до 330 тыс. руб.[63]

Быстро рос и г. Петровск на Каспийском море. В октябре 1857 г. Петровск был официально переименован в город и в нем было учреждено гражданское управление. Изменился и г. Дербент, число жителей которого к середине XIX в. доходило до 11 тыс. человек.

Предкавказские города первой половины XIX в. в целом оставались малочисленными и неблагоустроенными. В городах жили не только мещане, но и значительное число казаков, государственных и помещичьих крестьян, много военных.

Отдельные из них, как, например, крепость Святой Крест (ныне г. Буденновск) даже в середине XIX в. (в 1850 г.) насчитывали менее 5 тыс. жителей. Промышленность городов была представлена очень небольшими заводами по переработке продукции сельского хозяйства, кирпичными заводами, бондарными, колесными, шорными, свечными и другими мастерскими. Начинают появляться и отдельные литейные заводы, например, в Ставрополе — по производству церковных колоколов.

Большинство городского населения края было еще тесно связано с сельским хозяйством, имело огороды, сады, загородные посевы, занималось виноградарством и виноделием, шелководством, пчеловодством и в небольших размерах скотоводством. Однако развитие товарно-денежных отношений, к середине XIX в. захватившее Предкавказье и его города, в целом меняло их облик и приспосабливало к новым условиям.

6. Взаимосвязи русского населения и горских народов

Хозяйственные связи и заимствования. В первой половине XIX в., в связи с присоединением Северного Кавказа к России и переселением большого числа русского населения, еще более укрепились взаимосвязи горских народов с русским населением Северного Кавказа, еще более заметным стало хозяйственное заимствование и взаимовлияние культур. Общаясь постоянно с русским населением, горские народы, особенно переселившиеся в равнинные места, стали увеличивать посевы, перенимать от русских более совершенные приемы полеводства, более высокую технику земледелия, стали применять озимые посевы, высевать новые для них культуры (гречиху, рожь, пшеницу, подсолнухи). «Кабардинцы,— писал в 30-х годах XIX в. современник,— начали приметно более заниматься хлебопашеством», они «стали сеять хлеб вместо одного проса, иные завели даже плуги, сакли и усадьбы их улучшились, и вообще хозяйство многих кабардинцев стало приближаться к русскому» [64]. Семена для посева кабардинцы покупали или получали в подарок от русских крестьян. Говоря о расширении посевных площадей у чеченцев и заимствовании более совершенных орудий труда, У. Лаудаев отмечает: «Основав на плоскости аулы, чеченцы тотчас воспользовались выгодами, которые могли извлечь от земли своей; подражая русским, они заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество и по этой отрасли промышленности превосходят прочие племена окружных стран» [65]. Говоря о последствиях тесных связей горцев с русским населением Северного Кавказа, начальник Черноморской линии генерал Рашпиль подчеркивал, что кавказским жителям, живущим в горах, трудно стать в уровень с теми адыгами, которые, находясь целые десятки лет в беспрерывных сношениях с русскими, «пользовались всеми потребностями от них и значительно увеличили свою домашнюю жизнь». Под непосредственным влиянием общения с русским населением в большей мере стали заниматься «земледелием и кочевники-ногайцы, что стимулировало их переход к оседлости» [66]. Постепенно обогащалась и сельскохозяйственная техника горцев. В аулы начали пропикать из внутренних областей России более усовершенствованные орудия труда. Украинские переселенцы завезли в Предкавказье в конце XVIII в. овец-мериносов. К середине XIX в. в Ставропольской губернии насчитывалось более 24 тыс., а на территории Черноморского казачьего войска — 8715 мериносов. Со временем мериносов стали разводить и горцы. Так что появление и развитие на Северном Кавказе тонкорунного овцеводства явилось крупной заслугой русских и украинских переселенцев.

Горские пчеловоды заимствовали у русских соседей умение строить деревянные ульи (вместо плетеных сапеток). Повысилась техника пчеловодства. Для выкачивания меда уже не применяли выкуривание пчел серой, сохраняя, таким образом, пчелиные семьи.

Под влиянием общения с русским населением и расширения рыночных связей происходило дальнейшее развитие горских кустарных промыслов, которые в большей степени стали приобретать характер ремесла. Особенно это относится к производству бурок, черкесок, других принадлежностей мужской одежды, оружия, ювелирных изделий, т. е. тех предметов, которых не изготовляла русская фабрично-заводская промышленность. Под влиянием русских происходило и обогащение изобразительных средств дагестанских мастеров. Так, применяемый кубачинскими мастерами «московнакиш» (т. е. московский узор, или московский орна-

мент) был заимствован ими из России. В результате подражания эмалевым изделиям России в Кубачах примерно в середине XIX в. начинают делать вещи с применением цветной эмали.

Заимствования в области материальной культуры. Влияние в сфере производства вызвало также перемены «и в области транспорта, домашнего обихода, костюма», во всем образе жизни горских народов. В результате общения с русским населением вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца стали появляться русская печь, железная кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы, керосиновая лампа и другие бытовые предметы. У некоторых народов сама комната с печью стала называться «печ» (или «пеш»). Крышу стали покрывать черепицей или жестью. Строили такие дома обычно русские плотники, печи клали русские печники, которые приходили на заработки в горские аулы. «Кабардинцы,— говорилось в корреспонденции газеты „Кавказ“ за 1848 г.,— особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое нововведение и, по общему замечанию, отличаются охотою к хозяйственным занятиям и стремлением к просвещению. Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям, богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания» [67]. «Вращаясь между русскими,— свидетельствует Афанасьев,— кумыки видят преимущество русских домов перед своими и стараются подражать русским строениям: так делают печи, окна створчатые... потолки и другие приспособления» [68]. Даже в отдаленные районы нагорного Дагестана в середине XIX в. проникла русская мебель и другие предметы европейского быта [69]. Если до начала XIX в. в домах нагорного Дагестана отсутствовали окна (их заменяли небольшие отверстия в потолке), то уже с 30-х годов, как отмечают современники, в Хунзахе строили дома с застекленными окнами, рамами.

Знакомство с русскими музыкальными инструментами привело к заимствованию горцами у русских гармоники. Она получила настолько широкое распространение, что вполне успешно конкурировала с национальными инструментами. Благодаря длительному общению горцев с русским народом даже в языках горцев появилось много новых слов, воспринятых из русской речи (печь, стол, самовар).

Куначество. В освоении горцами культуры русского населения большую роль играло куначество — этот своеобразный обычай кавказского побратимства. Сильно развитый среди горцев Северного Кавказа обычай куначества связывал кунаков не только гостеприимством, но и взаимопомощью. Горец считал своим первым и священным долгом оказывать при надобности материальную помощь кунаку-казаку. Точно так же относились казаки к своим кунакам-горцам.

Казаки и горцы не только поддерживали обычай куначества, но и «гордились своей дружбой и передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению» [70]. Нередко можно было встретить в горских аулах гостей — казаков и казачек. В этой связи большой интерес представляет предание, указывающее на то, что русская женщина «ходила одна по черным и лысым горам» [71]. Очевидно столь свободное «путешествие» русской женщины в горах, с какой бы целью оно ни предпринималось, говорит прежде всего о добрососедских и дружеских отноше-

ниях. «Кроме того, казачка нередко в горских аулах встречалась и в качестве жены того или иного горца — казачьего кунака» [72].

Даже когда царизм и феодально-клерикальные верхи Северного Кавказа разжигали межнациональную вражду, между казаками и горцами сохранялось куначество. «До сих пор,— свидетельствует П. А. Бестужев,— гостеприимный порог черкесов надежнее всякого оружия защищает странника» [73]. Все русские, которые прибывали к горцам с добрым намерением, находили достойный прием. В этой связи интерес представляет следующий факт. В 1818 г. генерал А. П. Ермолов «приказал... дагестанцам выдать ... всех скрывающихся у них русских беглецов. Тогда один акушинец привел старого русского солдата, и, прощаясь с ним со слезами, дал ему две тысячи рублей серебром, прибавляя к тому еще 20 коров и 50 баранов». 18 лет тому назад, говорил горец, будучи в крайней бедности, я принял бежавшего в горы русского солдата и выдал за него замуж свою дочь. «Труд солдата обогатил его, и поэтому он разделил имущество и его долю вручил ему, но солдат отказался получить все это, взял только сто рублей» [74].

На Северном Кавказе имеются целые фамилии, ведущие свои родословные от русских солдат, оставшихся в свое время в горах. Даже в период так называемой Кавказской войны, которая, как известно, крайне отрицательно сказалась на взаимоотношениях народов, не прекращались связи между горцами и русским населением Северного Кавказа. Отношение горцев к русским в этот период характеризует сообщение Я. Костенецкого: «В Хунзахе,— писал он,— мы были безопасны между ними (горцами), что ходили даже без оружия. Это было очень странно... здесь, в горах, между неизвестным нам народом, мы были совершенно как дома, я возьму, бывало, книжку и пойду гулять по полям хунзахским, как будто в Малороссии по собственным поместьям: недоставало только халата. Встречавшиеся аварцы приветствовали меня „салам алейкум“ как будто своего земляка и спокойно продолжали свой путь» [75]. Касаясь вопроса взаимоотношений горцев с русскими солдатами, другой современник подчеркивал, что русские солдаты и горцы сдружились [76].

Немалую роль в укреплении взаимоотношений казаков и горцев играло аталычество — отдача ребенка на воспитание. «Бывало, что в семье казака воспитывался какой-нибудь сирота-ногаец, калмык или горец. Повзрослев, такие лица получали все казачьи права, становились настоящими казаками и за них могли выйти замуж девушки-казачки» [77].

Влияние горцев на быт русского населения Северного Кавказа. В свою очередь, русское население Северного Кавказа, познакомившись с методами ведения хозяйства горцев, переняли у них ряд трудовых навыков. «Своею хозяйственностью,— пишет Е. Максимов,— гребенцы в значительной мере обязаны женам-туземкам, вносившим и поддерживающим земледельческие занятия у казаков» [78]. В полеводстве русские перенимали у горцев методы неглубокой вспашки, сроки посевов и уборки. Русские и украинские переселенцы заимствовали у кавказцев и ряд южных сельскохозяйственных культур и отраслей хозяйства: виноградарство, мареноводство, хлопководство и др. В начале XIX в. виноградарством и виноделием стали заниматься и русские крестьяне-новоселы прикумских районов. Со временем виноградарство распространилось всюду по левобережью Терека. В 1837 г. общая площадь виноградников в Кавказской области определялась в 6957 дес. Заметно выросло и производство марены: в 1839 г. в Предкавказье добывалось 1065 пудов марены. «Культура марены, шелководство, виноградарство, а отчасти и посев кукурузы ука-

зывают, что гребенское казачье население заимствовало как сами виды сельскохозяйственной производительности, так и технику их от туземных племен, с которыми так долго жили в дружбе» [79]. Русские и украинские казаки заимствовали также «от коренного населения края выведенные им породы скота» [80]. В казачьих станицах появились постройки, заимствованные из горского быта: большие плетеные строения типа сапеток, предназначенные для хранения кормов и кукурузы. Казаки заимствовали также у горцев двухколесную арбу и рабочую езду на волах. Конь казака, как и горца, стал использоваться главным образом для верховой езды.

Горская мужская одежда с небольшими изменениями со временем стала официальной формой терского и кубанского казачества (несущественные изменения касались обуви, формы пуговиц и т. п.). Терские казачки также переняли от горянок верхнюю одежду и украшения. Во многих отношениях и домашний быт был схож с горским. В основных чертах сохраняя тип русской избы, гребенцы все внутреннее убранство заимствовали у горцев. В домах обычным украшением стал настенный ковер с висящим на нем оружием. «В одном углу оружие и доспехи, развешанные по стене,— пишет И. Попко,— а в другом — постели и одеяла, сложенные правильными кипами, а на самом видном месте, на полочках,— посуда, тщательно вычищенная и парадно расставленная. Удержалась, однако, русская печь, русские лавки и высокий стол» [81]. Казаки, как подчеркивает В. А. Потто, не довольствуясь заимствованием одежды и других предметов быта, «постарались усвоить себе горские наречия, обычаи и многие черты характера и домашнего быта» [82].

Взаимовлиянию культур во многом способствовало то, что между казаками и горцами установились не только добрососедские, но и родственные отношения. Известно, что в русские станицы переселялись горские крестьяне, бежавшие от своих владельцев. Немаловажную роль в бегстве горцев играл и процветавший в горах обычай кровной мести. В большинстве случаев бежавшие принимали в станицах православие. Однако встречались случаи, когда горцы-казаки не принимали христианства. Иногда в станицы переселялись горцы целыми семьями. Так, в станице Червленой есть семья Гуной. Эта фамилия и в настоящее время считает себя родственной гребенским казакам станицы Червленой. Казаки тоже не лишены родственных чувств по отношению к гуноевцам. Свое родство с чеченцами признают и семьи Егоркиных, Бусунгуровых, Титкиных и многие другие, проживающие в терских станицах [83]. «Живя между чеченцами,— свидетельствует Л. Н. Толстой,— казаки породнились с ними и усвоили себе обычай, образ жизни, нравы горцев» и в другом месте: «...еще до сих пор казацкие роды считаются родственными чеченцам» [84]. Даже в период Кавказской войны не прерывались эти отношения. Касаясь этой темы, Ф. А. Щербина подчеркивает: «При заселении края черноморцы сразу же вступили в дружественные, мирные отношения с черкесами. Часть горцев в это время переселилась в Черноморию... когда впоследствии были нарушены мирные отношения ... черноморцы не переставали поддерживать меновые отношения при посредстве меновых дворов, базарных пунктов и русских ярмарок» [85].

Добрососедство и родство с горцами оказали известное влияние и на физический облик. «Браки между горцами и казаками,— писал антрополог Гильченко,— составляли в стародавнее время самое заурядное явление, и путем смешения образовался особый тип гребенского казака... Поразительная физическая красота и крепость этого типа общеизвестна... Сплошь и рядом средь казаков часто попадается тип красавца-горца» [86].

Одинаковые условия, совместная жизнь, дружеские контакты и родственные связи оказали известное влияние и на формирование психического склада терско-гребенского казачества [87].

---

[1] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. Т. 53. № 10. С. 69.
[2] ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 22; 1831. Т. 23, № 16743; 1832. Т. 24, № 19979; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Св. 41. Д. 330. Л. 11, 26.
[3] ГАСК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 27.
[4] *Мороховец Е. А.* Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937. С. 49–50.
[5] ГАСК. Ф. 556. Оп. 1. Д. 241. Л. 4–9.
[6] Там же.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 325.
[8] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6438. Л. 4.
[9] АКАК. Тифлис. 1873. Т. 5. С. 37, 324.
[10] *Гмелин С. Г.* Путешествие по России. СПб., 1785. Ч. 3. С. 20.
[11] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6361. Ч. 2. Л. 65.
[12] ЦГАЧИ АССР. Ф. 41. Д. 615. Л. 17.
[13] Сборник газ. «Кавказ». Тифлис, 1846. С. 38.
[14] АКАК. Т. 5. С. 324; ЦГИА СССР. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 70. Л. 92; ЦГА ДАССР. Ф. 107. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.
[15] АКАК. Тифлис. 1870. Т. 4. С. 102.
[16] Там же. 1904. Т. 12. С. 850.
[17] История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 244.
[18] КК на 1857 г. Тифлис, 1858. С. 334.
[19] ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1718. Л. 46–47.
[20] АКАК. Т. 12. С. 850; КК на 1857 г. Тифлис, 1858. С. 334, 345–350, 361–367; КСП. Тифлис. 1900. Т. 21. С. 88.
[21] АКАК. Тифлис, 1879. Т. 8. С. 638.
[22] ЦГА ДАССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–4.
[23] *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 76.
[24] ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 275. Л. 20.
[25] ГААО. Ф. 1. Д. 208. Л. 1–38.
[26] Военно-статистическое обозрение Российской империи: Ставропольская губерния. СПб., 1851. Т. 16, ч. 1. С. 205–206.
[27] Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Кн. 4. ч. 3. С. 142–143.
[28] *Чекменев С. А.* Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX в. Пятигорск, 1967. С. 195–197.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 328.
[30] *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949. С. 30.
[31] [*Lapinsky Th.*]. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Treibheitskampf gegen die Russen. Nach eigener Anschaung geschildert von Theophil Lapinsky (Tafik-Bey). Hamburg, 1863. Bd. 1. S. 52; КЭС. М., 1958–1963. Т. 1–3.
[32] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 386. Л. 77.
[33] ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 602. Л. 4.
[34] КК на 1852 г. Тифлис, 1853. С. 323.
[35] *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 53.
[36] ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 424. Л. 1.
[37] КК на 1853 г. Тифлис, 1854. С. 284.
[38] КК на 1850 г. Тифлис, 1851. С. 71.
[39] Кавказ. 1846. № 4.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 246.
[41] ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 31. Л. 27–39.
[42] Кавказ. 1872. № 135.
[43] Там же. 1846. № 24; КК на 1850. С. 71.
[44] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 228.
[45] АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 756.
[46] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 199.
[47] МИДЧ. С. 120.
[48] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Св. 91. Д. 605. Л. 1.
[49] АКАК. Тифлис, 1874. Т. 6, ч. 2. С. 513.
[50] ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782а. Л. 106.
[51] ЦГА ДАССР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
[52] ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 435. Л. 331.
[53] Кавказ. 1849. № 12.
[54] ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 568. Л. 82.
[55] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 731. Л. 164–165.
[56] *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития Степного Предкавказья. М., 1956. С. 215.
[57] ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 372. Л. 2; ЦГА ДАССР. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1. Л. 7, 39.
[58] *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 120.
[59] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6471. Ч. 9. Л. 6–8.
[60] *Чекменев С. А.* Указ. соч. С. 279–280.
[61] Кавказские Минеральные Воды. Ставрополь, 1960. С. 237.
[62] АКАК. Тифлис, 1882. Т. 10. С. 712.

[63] *Попко И.* Черноморские казаки. СПб., 1858. С. 60—61.
[64] Русский вестник. 1860. Т. 27. С. 366.
[65] ССОКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 22.
[66] *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1961. С. 101.
[67] Газ. Кавказ. 1848. № 22.
[68] СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 97.
[69] Вестник Европы. 1826, сент.— окт. С. 119; *Воронов Н. И.* Путешествия по Дагестану // ССОКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 32.
[70] Зай. ТОЛКС. Екатеринодар, 1914. № 2. С. 74.
[71] ССОКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 36.
[72] *Тотоев М. С.* Очерки истории культуры и общественной мысли в Сев. Осетии. Орджоникидзе, 1957. С. 151.
[73] Изв. Северо-Осетинского научно-иссл. ин-та. Дзауджикау, 1948. Т. 12. С. 141—142.
[74] ЦГВИА. Ф. ВУА. Коллекция (482). Д. 128. Л. 22.
[75] *Костенецкий Я.* Об аварской экспедиции на Кавказе. СПб., 1851. С. 37—38.
[76] *Андреев В.* Воспоминание из кавказской старины // КС. Тифлис, 1876. Вып. 1. С. 187.
[77] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки. М., 1974. С. 289; Полевые материалы ТЭЭ МГУ за 1961—1962, 1965 гг. М., 1966.
[78] *Максимов Е.* Чеченцы // Терский сборник. Владикавказ. 1893. Вып. 3. С. 15.
[79] Там же. С. 12.
[80] *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. С. 31.
[81] *Попко И.* Указ. соч. С. 115.
[82] *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885. Т. 1, вып. 1. С. 101.
[83] *Заседателева Л. Б.* Указ. соч. С. 216.
[84] *Толстой Л. Н.* Собр. соч. М., 1948. Т. 9. С. 250—251.
[85] *Щербина Ф. А.* История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 825.
[86] Терские ведомости. 1892. № 124.
[87] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969. С. 40.

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. Земельно-правовые отношения на Северном Кавказе

В первой половине XIX в. на Северном Кавказе заметно углубился процесс феодализации. Дальнейшее развитие получили социальные отношения, обострилась классовая борьба.

Основными формами землевладения и землепользования в первой половине XIX в. были феодальное землевладение, частнособственническая крестьянская земля и общинное землевладение, которые в свою очередь разделялись на несколько видов.

Феодальное землевладение и землепользование. В описываемое время у всех народов Северного Кавказа значительная часть используемых земель находилась в собственности феодалов. Причем, если в равнинной части в собственности феодалов сосредоточились в основном пахотная земля и отчасти зимние пастбища, в горных регионах преобладала крупная феодальная собственность на летние пастбища. В Кабарде, Карачае, Балкарии и феодальных владениях Дагестана большая часть земельного фонда являлась собственностью крупных феодалов. В 40-х годах XIX в. в Кабарде из 660 с лишним тыс. дес. земли более половины земли составляли принадлежности княжеских и дворянских фамилий. Тринадцать феодальных фамилий Балкарии имели в своей собственности 1/3 всех пахотных и сенокосных земель. 54 карачаевских фамилий владели 26 тыс. дес. лучшей земли. 10 княжеским фамилиям Засулакской Кумыкии Дагестана принадлежало в общей сложности более 400 тыс. дес. Крупные массивы пахотной земли и зимние пастбища принадлежали шамхалу Тарковскому. Кроме того, разновидностью недвижимой частной феодальной собственности, приносившей ренту шамхалу, были рыбные промыслы, соляные озера, нефтяные колодцы и другое. Весь Терекемейский участок Нижнего Кайтага, т. е. земли 11 селений, были принадлежностью уцмия Кайтага. В его собственности находились также пахотные земли и 13 зимних пастбищ-кутанов [1]. Кроме пахотных участков, в собственности хана Казикумухского была 41 пастбищная гора [2]. Почти из 8 тыс. дес. земель, принадлежавших аварским ханам, более 2,5 тыс. составляли пастбища и сенокосы [3].

Крупная частная феодальная собственность на землю в первой половине XIX в. существовала в двух основных формах — коллективно-родственной (т. е. фамильной) и индивидуальной.

Согласно адатам кабардинцев, вся земля принадлежала князьям. Поэтому в конце XVIII — первой половине XIX в. вся территория Кабарды фактически была поделена между шестью княжескими фамилиями. Первостепенные уздени (уорки) Кабарды Анзоровы, Куденетовы, Тембиевы и некоторые другие, как и князья, имели собственные фамильные земли [4]. В рассматриваемое время фамильный принцип владения землей постепенно уступает место частносемейному принципу владения. В 30-х годах XIX в. из 48 княжеских участков 32 находились в индивидуальном владении, а из 171 узденского участка — 80 были в индивидуальной собственности [5].

В Балкарии, Карачае, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане также сохранился принцип фамильной феодальной собственности на землю. В. Балкарии двум таубиям Урусбиевым принадлежало 60 дес. пахотной и сенокосной земли на правах фамильной собственности. В Карачае феодальная собственность на землю, особенно на зимние пастбища, как и в Балкарии, складывалась как фамильная. К середине XIX в. почти все лучшие земли Карачая принадлежали бийским фамилиям.

Принцип фамильного землевладения довольно прочно держался на протяжении первой половины XIX в. в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. В Северной Осетии крупными феодальными владельцами выступали Тугановы, Есиевы, Дударовы, Карабугаевы и др. Три семейства Дударовых владели тремя селениями: Балта, Чми, Ларс, находящимися недалеко от крепости Владикавказ. Как и в Осетии, в Чечне и Ингушетии отдельные фамилии при переселении на равнину не лишались фамильной собственности на земельные участки в горах [6].

Несмотря на то, что в равнинной и предгорной частях Дагестана феодальные отношения были более развиты, все же и здесь существовала фамильная собственность как особенность феодального землевладения, хотя в рассматриваемое время она уже уступала семейно-индивидуальной собственности. На Кумыкской плоскости члены каждой княжеской фамилии совместно владели своими потомственными владениями. Но постепенно образовывались и единоличные владения. Если в начале XIX в. «деревня Костековская принадлежит одной владельческой фамилии — семи братьям...», то к началу 60-х годов XIX в. земли костековских князей Хамзаевых были разделены между семью братьями на семь частей [7].

Наряду с князьями беки также владели землей по принципу феодальной собственности. Получив по наследству или по дарению земли, беки становились полновластными хозяевами и могли распоряжаться ими по своему усмотрению. Один из кайтагских беков в своем владении имел 16 деревень. Значительными земельными угодьями владели беки шамхальства Тарковского, ханств Аварского, Казикумухского и др. Бекские земли имелись не только в феодальных владениях Дагестана, но и в союзах сельских обществ [8].

Анализ имеющихся источников показывает, что к 40-м годам XIX в. у многих народов Северного Кавказа доминирующее положение стала занимать частносемейная собственность на землю, которая являлась переходной ступенью от фамильной собственности к индивидуальной. Несмотря на существование фамильной собственности на землю и на то, что формально землей распоряжалась вся фамилия (что ограничивало продажу и дарение земель), все же в первой половине XIX в. широкое распространение получает передача земли феодалам в наследство, продажа ее и дарение [9]. Царское правительство делало значительные земельные пожалования отдельным местным князьям и дворянам, что, естественно, укрепляло крупное феодальное землевладение на Северном Кавказе.

Князья Бековичи-Черкасскпе, например, получили в 1824 г. грамоту, узаконившую их наследственные права на землю в Малой Кабарде в размере 100 тыс. дес. Осетинские владельцы Тугановы и Дударовы получили в 1837 г. 25,5 тыс. дес. земли. В Дагестане в Кюринском ханстве с 1812 по 1860 г. бекам и приближенным ханов было роздано 15 селений, жители которых до этого не отбывали податей и повинностей, кроме закята[10]. На базе крупной феодальной собственности на землю развились различные формы феодального землепользования, которым соответствовали определенные виды ренты (отработочная, продуктовая, денежная).

Поселение безземельных крестьян-переселенцев или пленных на земле феодала и, следовательно, постоянное пользование его землей как единственным средством производства вели в большинстве случаев к их закрепощению. Таково было положение теркемейцев, поселившихся на землях уцмия и шамхала. Таким же путем продолжала пополняться особая группа крепостных — чагаров. Подобная форма землепользования становилась основой взимания тяжелой отработочной и продуктовой рент.

Более распространенной была кабальная аренда земель феодала (чаще всего угодий) крестьянами-общинниками. Хотя земля феодала в этом случае не являлась единственным источником существования крестьян, тем не менее постоянная аренда ставила крестьян в зависимое положение от феодалов-землевладельцев. Чаще всего она реализовалась в уплате феодалу податей (т. е. продуктовой ренты), иногда — в отработках, которые большей частью маскировались под общинную взаимопомощь (особенно если данный феодал номинально был членом общины данного селения).

Разновидностью кабальной аренды была сезонная сдача феодалами летних или зимних пастбищ для выпаса их скота. В этом случае не обязательно складывались какие-то постоянные формы зависимости общинников от владельца пастбищ, однако последний использовал свои феодальные права, взимая ренту со скота.

В первой половине XIX в. ежегодный доход шамхала с пастбищ составлял около 43,5 тыс. руб., а казикумухского хана — более 2,5 тыс. овец в год.

Вакуфное землевладение. Особой формой феодального землевладения, существовавшей главным образом в Дагестане, была вакуфная собственность на землю, т. е. земельная собственность мечетей. Источником образования вакуфных земель, как и ранее, были завещания, пожертвования со стороны верующих, которые передавали в собственность мечетей пахотные, сенокосные, пастбищные земли. Вакуфная собственность была распространена в двух видах. К первому виду принадлежали земли, бывшие в непосредственном распоряжении мечетей, которые сдавали их в аренду отдельным лицам. Ко второму виду относились земли, которые оставались в пользовании наследника дарителя, и он обязан был вносить в мечеть определенную завещателем долю урожая или продуктов животноводства. Мусульманское духовенство в Дагестане фактически полностью распоряжалось вакуфными землями, и весь доход, получаемый с вакуфных земель, естественно, шел в пользу духовенства.

Частновладельческие крестьянские земли («мюльки»).

В ряде районов Северного Кавказа наряду с крупными феодальными землевладениями имелись в большинстве случаев небольшие земельные участки, находившиеся в собственности крестьян, так называемые мюль-

ки. Крестьянская индивидуальная семейная собственность преобладала в предгорных и горных районах Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Балкарии, Карачая и Адыгеи. В частной собственности у крестьян аварской группы народностей Дагестана было 68 501 дес. (из 672 980 дес.) [11–12]. Аналогичная картина была и у соседних народов [13]. Согласно традиционному обычному праву, на Северном Кавказе тот, кто привел никому ранее не принадлежавший участок земли в состояние, пригодное для интенсивного хозяйственного пользования (очистил от кустарника, леса, камней, выровнял, террасировал и т. д.), становился его владельцем. Поэтому индивидуально-семейная собственность в первую очередь распространяется на пахотные и покосные участки. За владельцами признавалось право продажи, передачи и дарения участка. Однако это право почти на всем Северном Кавказе в первой половине XIX в. было ограничено правом преимущественной продажи родственникам, соседям и односельчанам.

Однако размеры частновладельческих крестьянских земель не были равны. Выделившиеся из общей массы свободного крестьянства уздени владели пахотными землями, садами, покосами, пастбищами — землями, по своим размерам приближающимися к феодальному землевладению. Земельные участки основной массы крестьян в итоге наступления феодалов и феодализирующейся верхушки постепенно сокращались.

Формы общинного землевладения и землепользования. Общинная собственность на землю продолжала существовать в различных видах и в первой половине XIX в. В аварских, даргинских, лезгинских союзах сельских обществ в Горной Чечне и Ингушетии общинный уклад, в том числе и система правовых норм (включавших и земельно-правовые отношения), получил новое развитие, отчасти трансформировался в соответствии с новым, более высоким уровнем феодальных отношений на Северном Кавказе, но в основном сохранил характер, соответствующий независимым территориальным (соседским) общинам. Относительно слабым было и проникновение феодальных норм в систему земельно-правовых отношений в Балкарии, Карачае, у дигорских и тагаурских осетин, а также у осетин, переселившихся на равнину, и в Куртатинском и Алагирском обществах, так называемых демократических обществах адыгов. Напротив, в большинстве плоскостных и предгорных районов — в Кабарде, Кумыкии, шамхальствах Тарковском, Аварском, Казикумухском, Мехтулинском, Дербентском, в равнинной части Табасарана и Кайтага, так называемых аристократических адыгских обществах феодальные нормы стали основой системы земельно-правовых отношений — общинные же нормы сохранились в ней лишь постольку, поскольку могли быть приспособлены к феодальным принципам землевладения. Однако во всех перечисленных случаях общинные формы собственности, как и прежде, демонстрировали свою живучесть, стойкость и способность приспособиться к новому социально-экономическому содержанию.

В первой половине XIX в. у народов Северного Кавказа можно выделить ряд форм общинной собственности на землю; собственность ряда обществ и феодалов, объединенных принадлежностью к данному народу и традиционными политическими связями, наиболее заметно представлена на Центральном Кавказе.

Накануне реформы в Кабарде были общинные земли, которые формально считались принадлежавшими всему населению [14]. Но, по существу, эти участки земли были уже поделены. Наряду с рядовыми общинниками в качестве членов общины этими землями владели князья и дру-

гие землевладельцы, т. е. эти земли находились как бы в коллективной собственности крестьян. Первоначально они периодически подвергались переделу, но в 50-х годах XIX в. такие переделы прекратились. Живые следы такой же формы общего владения землей сохранились и у даргинцев [15]. Так, равнина у с. Бургимак-махи считалась общей собственностью восьми союзов даргинских общин. Пастбищной горой шамхала 3 месяца в год пользовалась Губденская сельская община, а остальное время — Акушинский, Цудахарский, Мекегинский и другие союзы сельских обществ.

Землепользование регулировалось нормами адата — обычного права,— хотя существовали и различные толкования земельно-правовых норм у отдельных народностей, отражавшие специфические особенности владения землей у отдельных обществ одного и того же народа. В Кабарде, Адыгее и на равнине Черкесии крестьяне, сидевшие на феодальных землях, пользовались ею на общинном праве. Феодал, формально являвшийся членом общины, выбирал для себя один из крайних и лучших участков, остальные участки (паи) распределялись по жребию, причем первый «плуг» получал землю рядом с владельцем деревни. Чтобы получить пай, крестьянам надо было составить полный «плуг», т. е. 8 пар быков с необходимой прислугой. Одни давали пару быков, другие две пары и т. д. После окончания пахоты плужные паи делились на части. Хозяева двух быков получали одну часть, хозяева четырех быков — две части и т. д. Такой порядок землепользования отвечал прежде всего интересам тех слоев населения, которые имели средства для обработки земли, и свидетельствовал о расслоении сельской (территориальной) общины. Участие владельца в переделе земли указывает лишь на то, что феодалы экономически и юридически еще не окончательно оторвались от общины. Это является одним из проявлений сложного переплета территориально-общинных и феодальных отношений.

Сенокосные участки делились в зависимости от количества скота, имеющегося в каждом хозяйстве, причем переделы возобновлялись каждые 20—30 лет. Кроме того, кабардинские князья и первостепенные уздени могли распоряжаться всеми излишками земель, оставшихся после раздела, а у закубанских адыгов князья при переделах получали одну треть и даже больше всех пахотных и пастбищных земель данной общины. Все это говорит о том, что совместная собственность на землю феодалов и союзов сельских общин фактически превратилась в фикцию. Еще глубже этот процесс зашел в Дагестане.

Другой формой земельной собственности, встречающейся чуть ли не у всех народов Северного Кавказа, является собственность, принадлежащая всем джамаатам союза сельских общин. Следует, однако, отметить, что общая собственность двух или нескольких селений на общий участок земли не всегда сопровождалась их политическим союзом. Предметом общей собственности нескольких селений чаще всего бывали пастбищные, лесные, реже — сенокосные угодья. Однако иногда это могло быть и озеро для добычи соли.

Третья форма — собственность сельской общины (джамаата) на земли данного селения была наиболее распространенным видом общинной собственности. Ее предметом могли быть все категории хозяйственно-используемых земель: пахотные участки, сенокосы, пастбища, леса. В равнинных и отчасти предгорных районах Северного Кавказа, в частности в Кабарде, Черкесии, Адыгее, плоскостной части Северной Осетии, Чечни и Дагестана, общинной собственностью большей частью были все вышеперечисленные категории, причем в ряде мест пахотные и сенокос-

ные земли подлежали периодическому переделу между общинниками, находясь в их индивидуальном пользовании, что соответствует типу земельно-правовых отношений в земледельческой общине.

В Балкарии, Карачае, горной части Северной Осетии, в предгорном и нагорном Дагестане пахотные земли и отчасти сенокосные (иногда даже пастбищные) угодья, напротив, находились в индивидуальной собственности отдельных семей. Однако при разборе системы земельно-правовых отношений в общинах перечисленных районов нетрудно обнаружить наличие и там часто общинных норм собственности. Во-первых, это собственность общины на пастбища и леса. Если учесть, что именно скотоводство было ведущим хозяйственным занятием в экономике горной зоны, то очевидной становится и важность в земельно-правовой системе горной части Северного Кавказа именно общинных норм, регулирующих владение пастбищами. Во-вторых, почти повсеместно существовавшее право преимущественной покупки продаваемого участка родственниками и односельчанами продающего, а нередко и прямое запрещение продавать землю не члену данной общины приводили к эффективному контролю последней над земельным фондом общины.

И, наконец, четвертая форма собственности на землю — это так называемая семейная общинная — на пастбищные и лесные участки, на сенокосы. В первой половине XIX в. эта форма земельной собственности встречается в основном в горной части Северо-Восточного Кавказа. На пахотные земли она распространяется лишь в единичных случаях, общее ведение тухумного хозяйства почти не встречается, составляющие тухум семьи все чаще переходят к индивидуальному пользованию тухумными угодьями. Все это говорит о том, что этот вид земельной собственности, как и сама семейная община, уже обнаруживает признаки упадка.

Из всего сказанного видно, что у народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. общинное землевладение, хотя и смогло устоять и приспособиться к новым условиям, было заметно потеснено частными формами земельной собственности. Одновременно происходили упадок коллективно-родственных форм землевладения, а также усиление индивидуальных форм землепользования.

Частное крестьянское землевладение в основном сохранило свои позиции в горной части Северного Кавказа.

Феодальное землевладение значительно расширяется за счет захвата общинных земель; происходит разложение коллективно-родственных форм владения вотчиной — в итоге частная собственность на землю становится главенствующей формой феодального землевладения; указанным процессам активно способствуют мероприятия кавказской администрации и усиливающееся влияние имперских земельно-правовых норм; феодальная собственность на основную часть земельного фонда приводит к широкому распространению кабальных форм землепользования и возрастанию феодальной ренты всех видов.

В целом земельно-правовые отношения у горцев Северного Кавказа отличались сложностью и в различных частях имели свои специфические особенности. Это было связано с тем, что по своему развитию народы Северного Кавказа находились на разных ступенях общественно-политического развития.

2. Социальная структура горских народов

Сложным земельно-правовым отношением соответствовала и социальная структура горских народов, отличавшаяся особой, большой пестротой. Незавершенность процесса феодализации и стойкость общинных отношений наложили свой отпечаток на классовую структуру горских обществ. Не везде еще сложилась феодально-иерархическая лестница, присущая обществам с развитыми феодальными отношениями. В социальной структуре горцев Северного Кавказа продолжали играть существенную роль независимые сельские общины и союзы общин. Однако процесс становления двух основных антагонистических классов — феодалов и крестьян — в первой половине XIX в. получил дальнейшее развитие.

Класс феодалов. Господствующий класс феодалов составляли шамхалы, нуцалы, майсумы, уцмии, ханы, беки, бии, чанки, сала-уздени — у народов Дагестана; пши (князья), уорки (дворяне) четырех степеней — у адыгских народов; ахы, маршани (князья), агмисты (дворяне) двух ступеней — у абазин; мурзы, султаны (князья), кайбаши, асламбеки (дворяне) — у ногайцев; таубии и бии (князья) — у балкарцев и карачаевцев; алдары и баделяты — у осетин; элли, холдайи — у чеченцев и ингушей. К господствующему классу относилось и местное мусульманское духовенство.

Феодальная верхушка горских обществ составляла незначительную часть населения, но в руках ее была сосредоточена бóльшая часть народного богатства — земли и скота, что давало возможность эксплуатировать крестьянские массы этих обществ.

По своему социально-правовому и имущественному положению класс феодалов у горских народов не был однородным. Во владениях равнинного и предгорного Дагестана высшее положение в иерархии общества занимали шамхалы, уцмии, а в нагорной части — ханы. В своих владениях они пользовались неограниченными правами и привилегиями, их воля являлась законом. Такими же правами пользовались и старшие князья, которых называли биями. На звание шамхала, уцмия, майсума могли претендовать только самые старшие представители княжеского рода по прямой линии.

Следующий разряд класса феодалов в Дагестане представляли беки. Они несли вассальную службу, собирали по требованию феодальных владельцев ополчение, командовали им во время похода, состояли в свите феодального владетеля. В своих владениях беки вольны были взимать штрафы и другие поборы, разбирать спорные дела между крестьянами, наказывать преступников.

У кумыков беки подразделялись на две категории: «потомственные» (сюда относились потомки шамхалов и карачи-беки) и «пожалованные». В отличие от первых последние получали звание беков в награду за военные и другие заслуги.

Беками считались только дети ханов и беков от равного брака. Этот порядок строго соблюдался, так как только такие беки могли претендовать на шамхальство, уцмийство, ханство, а также на наследство своих родителей. Сыновья, рожденные от бека и женщин небийского происхождения, не имели всех тех прав, какими пользовались их отцы, и назывались чанками. Подобно бекам, чанки также несли вассальную службу у ханов, шамхалов и уцмиев. Они владели землями, полученными по наследству в виде «чанка-пая» еще при жизни отца.

Отдельную группу сословия феодалов, среднюю прослойку ее, составляли так называемые сала-уздени, именуемые в русских источниках первостепенными узденями. Они находились в вассальных отношениях к владетелям, сохраняя, однако, свои экономические и общественные права. Сала-уздени владели большими площадями земель, а также крестьянами и рабами. Ряды этого узденства пополнялись пожалованными дружинниками из числа крестьян. Сала-уздени преимущественно (а беки и чанки — нередко) считались членами общины того селения, в котором они жили. Но при периодических переделах общинных земель или совместно используемых с другими общинами угодий такие феодалы, реализуя свое сословное преимущество, получали от 2 до 8 паев земли, в то время как все остальные члены общины получали по одному паю.

Среднюю прослойку в феодальной иерархии Аварии занимали нуцальчи. Они были связаны происхождением с нуцальским домом, глава которого являлся аварским ханом. Первоначально нуцалы использовали представителей дальних ветвей своего рода или потомков от неравных браков в качестве вассалов, которым давались различные военные и государственные поручения. Часть их поселяли в зависимых землях, где они становились опорой аварского хана, проводниками его политики. В рассматриваемый период нуцалчи как на территории Аварского ханства, так и за его пределами сохраняли статус привилегированного сословия.

Не менее сложной феодальная иерархия зависимости была у адыгов, которые и в первой половине XIX в. делились на две группы: «аристократические» (кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, махошевцы, мамхеговцы, бжедухи, катукаевцы, егерукаевцы, жанеевцы, адимиевцы) и «демократические» (абадзехи, шапсуги, натухайцы). Различие это, наблюдаемое с конца XVIII в., заключалось главным образом в их политическом управлении. В то время как «аристократические» управлялись князьями (поэтому-то их нередко и называют «княжескими владениями»), так называемые «демократические племена», как правило, управлялись «выборными» старшинами.

В обществах с «княжескими владениями» наблюдалось более четкое классовое деление, особенно у кабардинцев. Сложный характер носила классовая структура у адыгов второй группы, где еще сильны были пережитки общинного устройства. У этой группы адыгов произошла некоторая перегруппировка эксплуататорской верхушки, в состав которой вошла новая феодальная прослойка в лице общинной знати — старшин и богатых крестьян. Последние, как и общинная знать, владели землею, крепостными крестьянами и рабами.

Верхушку господствующего класса у адыгских народов составляли пши (князья), которые пользовались большими правами и привилегиями, играли важную политическую роль в пределах своего владения.

В адыгском адате говорится, что пши «почитается владельцем покровительствуемых им аулов и земель, им принадлежащих, обязан их оберегать и защищать» [16].

Личность князя была неприкосновенна не только для его подданных, но и для всех адыгов. Адат сурово наказывал крестьян за покушение на личность князя и феодальную собственность. Малейшее оскорбление пши влекло за собой тяжелое возмездие.

Титул князя был наследственный и присваивался только по праву рождения. Поэтому в брачных делах князья строго охраняли «чистоту крови». Княжеские звания передавались от отца всем детям, рожденным от равных браков. Дети от неравных браков считались уже не «чисто-

кровными» пши, а так называемыми тума, не имевшими одинаковых прав с детьми, рожденными от равного брака. Но и урожденная княжна не должна была вступать в неравный брак и не могла передавать княжеское звание ни мужу, ни детям. Детей своих князья не воспитывали дома, а отдавали в семью одного из вассальных дворян (аталычество). Воспитатель (аталык) должен был вырастить ребенка до совершеннолетия и затем, богато снарядив его, отослать к отцу.

Такое положение, как пши у адыгов, занимали аха и маршани — у абазин, мурзы и султаны — у ногайцев, таубии и бии — у балкарцев и карачаевцев.

Основой экономического могущества горских князей были прежде всего земля, узурпированная ими из общественных земель, и большое число крупного и мелкого рогатого скота. Только один кабардинский князь Бековнч-Черкасский владел землями в количестве около 100 тыс. дес.; в хозяйстве его работали 4611 крепостных и феодально-зависимых крестьян [17]. Таким же богатством отличались абазинские князья Лоовы, карачаевские бии Крымшамхаловы, ногайские мурзы Тугановы, Мансуровы и др. Доходной статьей для князей была также ежегодная дань, собираемая с подданных, взыскание пошлины за торговлю в пределах их владений, всевозможные штрафы, налагаемые на членов сельских обществ за нарушение адатных норм.

Основная часть феодального класса у адыгов, абазин и ногайцев состояла из дворян разных степеней. Близкое к князьям положение занимали высшие слои дворянства: у адыгов — тлекотлеши, у абазин — амиста-ду. Как и князья, они владели землями на вотчинном праве, имели свои аулы, которые по своему желанию могли переносить из одного места в другое, в пределах принадлежащей им земли. Во время войны тлекотлеши во главе уорков своего аула подчинялись князю, оказывая ему личные услуги, сопровождая его также при дальних поездках. Тлекотлеши пользовались правом раздачи земель уоркам и свободному населению. Уорки несли за это определенную службу, выполняя такие же вассальные обязанности, как и по отношению к князьям.

Промежуточное положение между высшим и низшим дворянством у адыгов занимали уорки второй степени — деженуго. Лица этого сословия имели несколько меньшую власть, чем тлекотлеши, но владели также на правах собственности землей и имели вассалов уорков, зависимых крестьян и рабов. К середине XIX в. тлекотлеши и деженуго у кабардинцев по своему сословному значению в основнов уравнялись.

К следующему сословию феодальной верхушки относилось среднее и мелкое дворянство: у адыгов — беслан-уорки третьей степени и уорк-шаутлугусы четвертой степени, у абазин — агмиста, у ногайцев — кайбаши и асламбеки. В отличие от крупных феодалов эти категории не обладали земельной собственностью, а имели только право владения на участки, полученные в качестве лена от своих сюзеренов, так называемый уорк-тын [18]. Кроме земли, в качестве лена мог быть дан и скот.

Получение «уорк-тына», известного в русских источниках под названием «узденской дани», было единственным, что по обычному праву связывало уорка с его сюзереном, которому уорк как свободный человек служил по своему выбору и добровольному соглашению. «Узденская дань» обычно жаловалась «навечно» и ставила в вассальную зависимость от сюзерена и его потомков или наследников не только того уорка, который его получил, но и его прямых потомков. При ссоре с сюзереном, если тот посягал на честь жены или дочери уорка, или в другом аналогичном случае уорк мог оставить своего сюзерена и перейти к другому.

Но при этом он должен был вернуть владельцу «уорк-тын» — данные ему земли и скот.

Феодальные сословия у адыгов, абазин и ногайцев были замкнутыми. Права дворянства передавались только по наследству, а для женщин, кроме того,— путем брака.

В чеченском и ингушском обществах классовые отношения были выражены менее четко. Процессу феодализации здесь, особенно в нагорной части, препятствовали стойкие пережитки в виде общинных форм собственности, семейной общины и других институтов. Устойчивости существующих порядков также способствовали естественногеографические условия. В высокогорных местах и глубоких ущельях горной полосы не могло сложиться крупное поместное хозяйство, там не было обширных пахотных земель для широкого применения труда крепостных крестьян. Дальнейшему развитию классовых отношений в нагорной Чечено-Ингушетии помешало также переселение значительного числа чеченцев и ингушей на плоскость.

Сравнительно быстрее развивались социальные отношения среди чеченцев и ингушей, живущих на плоскости. Уже в конце XVIII — начале XIX в. в междуречье Сунжи и Терека появляются селения, основанные чеченскими феодалами: Ногай-мирзой, Чуликовыми, Чермоевыми и другими, которые оставили в горах «родовые» земли в своей собственности. Горцы-крестьяне, переселившиеся на плоскостные земли, попадали в феодальную зависимость как от «своих» феодалов, так и соседних кабардинских, кумыкских и других князей. Среди пришлых кабардинских феодалов выделялись князья Малой Кабарды — Бековичи-Черкасские. В первой половине XIX в. на территории подвластной им Чечни и Ингушетии имелись 400 зависимых крепостных крестьян, которые отбывали натуральную ренту и работали в хозяйстве своего господина.

Феодальная верхушка у чеченцев и ингушей состояла из почетных старшин и богатых узденей, известных родовых фамилий. Привилегированная верхушка пополнялась и за счет пришлых феодалов, а с 40-х годов XIX в. и наибов Шамиля. Известно, что в 1846 г., после похода Шамиля в Кабарду, в Чечню бежало 37 кабардинских князей и дворян, из которых князь Магомет-мирза Анзоров был назначен наибом Малой Чечни.

Особую группу господствующего класса у горских народов составляло духовенство. В Дагестане оно составляло привилегированную касту, жившую, как и феодалы, за счет угнетения народных масс. Высшее духовенство, кроме доходов от своих мюльков, пользовалось доходами вакуфных земель. Оно распоряжалось также значительной частью «закята» — налога, получаемого от верующих в размере десятой части их урожая, соответствующего количеству крупного и мелкого скота, и другими доходами и пожертвованиями. Само духовенство никаких налогов и повинностей в пользу феодальных правителей не несло.

Несколько своеобразным было положение мусульманского духовенства кабардинцев — адыгов, карачаевцев, абазин, ногайцев, балкарцев, части осетин, чеченцев и ингушей. Здесь духовенство составляло сравнительно немногочисленную прослойку. Несколько более многочисленным было духовенство в Чечне и Кабарде. Духовенство пополнялось за счет выходцев из разных сословий: в духовное звание шли иногда дворяне, чаще свободные крестьяне, порою и крепостные. Последние в этом случае получали свободу. Как и в Дагестане, духовенство здесь считалось свободным сословием и не несло никаких повинностей. «Все лица духовного сословия пользуются совершенною свободою,— говорится в адатах,— Никто из них не обязан никому данью» [19].

Доходы духовенства складывались в основном из приношений и платы за религиозные требы (обрезание, совершение свадебного обряда, похороны и т. д.). «Из всего избытка хлеба и скота ежегодно отделяется десятая часть по закону Магомета и разделяется на 3 части: одна аульному эфенди, другая — всем муллам, а третья — нищим» [20–21],— сказано в адатах. Кабардинские и балкарские крестьяне обязаны были также вносить ежегодно 50 коп. сер. для главного кадия. Кроме того, с каждого дома отдавалось зимою эфенди по барану и по одному стогу сена, дров по одному вьюку на ишака и летом — по барану. Доходной статьей для духовенства был также суд (по шариату), так как штраф за проступки шел в пользу духовных судей — кадиев.

Класс крестьянства. Как и феодалы, крестьянство у горских народов делилось на ряд категорий, существенно отличавшихся друг от друга имущественным и правовым положением, степенью зависимости от господствующего класса, размерами и содержанием выполняемых в его пользу натуральных и трудовых повинностей. Основная масса горского крестьянства состояла из феодально-зависимых, но лично свободных крестьян: уздени — у дагестанцев, карачаевцев и ногайцев; тлыхукотли — у адыгов; анхаю — у абазин; каракиш — у балкарцев; адамихаты и фароаглаги — у осетин. К категории лично свободных крестьян относились азаты — вольноотпущенники, бывшие крепостные крестьяне и рабы.

Наиболее многочисленный слой лично свободных крестьян был в нагорной части Дагестана, Адыгеи, Черкесии, Карачая, Чечни, Ингушетии и Осетии. Здесь крестьянство, в отличие от равнинной части, пользовалось относительной свободой, формально они считались равными между собой, но фактически нередко были зависимы от феодалов.

Лично свободные крестьяне не представляли однородной массы; по степени зависимости от феодалов они подразделялись, в свою очередь, на ряд категорий. В Кумыкии были две категории: догерек-уздени (круглые уздени) и азат-уздени (вольноотпущенники). Догерек-уздени, не имея собственной земли, должны были работать на землях феодалов, платить им подати и нести в их пользу повинности. Юридически за ними признавалось право свободного перехода от одного феодала к другому, но это было связано с лишением узденя части имущества. Если кто-либо из узденей уходил добровольно к другому феодалу, то он должен был оставить своему прежнему владельцу в неприкосновенном виде все свое недвижимое имущество — дом, хозяйственные постройки и т. д. Феодалы не имели права наказывать своих узденей, но могли изгнать их со своей земли, лишив ранее предоставленного им имущества. Правовое и имущественное положение княжеских узденей в значительной степени зависело от ранга владетеля, вассалами которого они были.

Аналогичным было положение узденей и в других частях плоскостного Дагестана, хотя с некоторыми локальными особенностями в их положении.

Следующую категорию узденей составляли азаты, основным источником происхождения которых были освобожденные крепостные крестьяне-чагары и рабы. Феодал мог отпускать своих рабов или чагаров на свободу за деньги или на каком-нибудь другом условии. Порой отпускались на волю и торговые люди. Однако освободившиеся еще надолго сохраняли отношения подчиненности к семье бывших господ.

Освобожденный азат, даже приобретший земельную собственность, не мог вступить в разряд второстепенных узденей, лишь его потомки в четвертом поколении переходили в сословие простых узденей. В своей основ-

ной массе азаты были безземельными и жили на землях, принадлежащих князьям или первостепенным узденям — сала-узденям, на известных условиях.

В нагорной части Дагестана — в Аварии, Даргинии, Верхнем Кайтаге и Табасаране, в верхнем течении Самура — наиболее многочисленный слой крестьянского населения составляли уздени, которые считались равными между собой.

Здесь не произошло деление узденей на группы, хотя и были уздени, находившиеся на службе у ханов и владевшие землей на правах бенефиции, а также выделившаяся из основной массы крестьян разбогатевшая аульская верхушка. Из этой категории шло формирование группы мелких феодалов. Ко второй категории относились формально лично свободные уздени, владевшие небольшими мюльками, но фактически зависимые от феодалов.

Почти на всей указанной территории существовали союзы сельских общин («вольных обществ»).

Однако, как отмечалось выше, члены этих союзов сельских общин не были социально равны. Наиболее очевидным проявлением этого является продолжающееся обособление общинной верхушки, расширение и закрепление ее узурпированных привилегий. Прежде всего это относится к должностным лицам союзов сельских общин. Постепенно выборные высшие должности союза стали наследственными (Акуша-Дарго, Рутул) или привилегией какого-то определенного тухума (Андалял, Ахтынара, Кутур-кюре и др.). Пользуясь своим привилегированным положением, верхушка союзов накапливает в своих руках огромные материальные средства. По далеко неполным данным, акушинский кадий владел 425 дес. земли в одном только Гимринском магале. Примечательно, что кавказская администрация рассматривала подобных представителей союзов сельских общин наравне с феодалами. Это выражалось в том, что им установлено было одинаковое жалованье, как и феодальным владетелям. Акушинскому кадию, например, выдавалось жалованье в размере 500 руб. сер. в год.

В сельских общинах носителями тех же тенденций чаще всего выступает сельская верхушка — должностные лица (чухби, къарти), власть которых все более утрачивала выборный характер. В сельских общинах имели привилегии не только отдельные лица, но и «знатные» родовитые тухумы, тайпы, сильные семьи. Они фактически определяли и внутреннюю политику общин, имели преимущества в пользовании общинными земельными угодьями.

В ряде союзов сельских общин ведущую роль играло одно из селений или группа селений (Акуша — в Акуша-Дарго, Ахты — в Ахты-пара и т. д.). И пользуясь своим положением, главные селения держали в своем подчинении жителей, входящих в союз джамаатов. К тому же жители селения Ахты имели право на пахту (вроде русских кормлений) от остальных 11 селений союза с тем ограничением, что число ахтынских «гостей» не должно было превышать 50 человек в одном селении. Некоторые ученые пахту называют повинностью [22]. Само собой понятно, что пахтой более всего пользовались знатные и влиятельные жители Ахты. Это те же старшины-богатеи и так называемые бахтичары (удальцы) — выходцы из влиятельных тухумов, таких, как Кабанпяр, Сирпяр и др.

Имущественное неравенство давало общинной верхушке возможность эксплуатировать рядовых общинников (ростовщичество, кабальные ссуды и др.).

На другом полюсе общины группировались ее неполноправные члены, стоявшие в социальном и имущественном отношении ниже основной массы общинников. К таковым относились в некоторых общинах «пришлые» сельчане, а также лаги — военнопленные и их потомки, жившие на положении рабов или вольноотпущенников.

Обедневший общинник юридически не терял своих прав. Однако если бедность или другие причины (бегство от междоусобицы, мести и т. п.) заставляли его переходить в другую общину, а там его не принимали в члены какого-либо тухума, то он оказывался в неполноправном положении. Если же таких лиц в данной общине оказывалось много, они объединялись в тухум, но при этом оставались на второстепенном положении. Военнопленные становились главным образом рабами захватившего или купившего их общинника. Однако они или их потомки могли получить свободу. При этом им предлагали тут же покинуть общину. Ввиду отсутствия у них всяких прожиточных средств, это оказывалось для них невыполнимо — тогда им предлагалось остаться в общине на положении полноправных ее членов, при этом они получали минимум средств для поддержания жизни (участок земли, инвентарь).

В ряде мест Северного Кавказа ликвидация в процессе социальной борьбы многих феодальных привилегий, а зачастую и их носителей, привела к освобождению зависимых общин от феодального гнета или ослаблению феодальной эксплуатации.

Адыгские тфокотли (вольные земледельцы), составлявшие более половины всего населения, разделялись на две категории и отличались друг от друга степенью зависимости от феодалов. У абадзехов, шапсугов, натухайцев тфокотли находились в меньшей зависимости от феодалов и формально они считались равными между собой, лично свободными крестьянами. Но поскольку основная масса тфокотлей адыгских обществ по своему социальному положению являлась крестьянством, она, естественно, находилась в известной личной зависимости от князей и дворян, точно так же, как она должна была выполнять и различные повинности в пользу феодалов.

Князья и дворяне «для пахания земли, жатвы хлеба и сенокошения, а иногда для рубки и вывозки леса используют (наряду со своими крепостными) и свободный простой народ покровительствуемых ими аулов», сказано в адатах. Продолжительность этой повинности в адатах определялась формально максимум тремя днями в год, но на деле, когда владелец считал нужным, тфокотли привлекались к работе вновь. После уборки хлеба с тфокотля взималось владельцем «восемь и более мерок проса». Кроме того, они платили владельцу по одному ягненку от каждых 100 голов овец и по одному улью от каждых 10 пчелосемей. За промен леса, масла, орехов и груш на меновых дворах тфокотли платили владельцу часть вымененного товара. При разделе имущества между братьями тфокотль «обязан был дать владельцу столько волов, сколько дворов или дымов» состояло в одном семействе. При выдаче замуж дочери тфокотль отдавал владельцу пару волов [23].

Повинности тфокотлей первоначально выступали в виде «даров», «подношений», дани и носили эпизодический характер. Со временем они становились регулярными и возрастающими, что сближало их с отработочной и продуктовой рентой.

Все же повинности тфокотлей не успели стать фиксированной рентой, что говорит о незавершенности феодализма у адыгов. Там же, где феодальные отношения достигли более высокого развития, как у адыгов с «княжескими владениями», особенно у кабардинцев, процесс разложения

тфокотлей проходил ускоренно. Основная часть тфокотлей этой группы к началу XIX в. уже оказалась в феодально-крепостнической зависимости. У адыгов другой группы этот процесс проходил более замедленно. Но при всем этом отчетливо вырисовывается имущественное неравенство в среде тфокотлей. Разбогатевшая часть тфокотлей по своему экономическому и политическому положению оказалась близко стоящей к феодальной верхушке. Другая часть — основная масса тфокотлей — беднела и постепенно попадала в феодальную зависимость, пополняя ряды крепостных крестьян. Особенно отчетливо это видно на примере Кабарды первой половины XIX в.

К категории лично свободных крестьян также относятся азаты, которые выкупали себе свободу или же были отпущены на волю самими владельцами, чтобы, как это было принято повсеместно на Северном Кавказе, «заслужить спасение души освобождением раба». Став лично свободными, но не имея никаких средств производства, азаты оказывались экономически зависимыми от своих бывших владельцев. Предоставление крестьянам свободы было сопряжено с определенными условиями, «состоявшими в том, чтобы жить там, где господин будет находиться, с различными маловажными обязанностями» [24]. Оставаясь зависимым от своего владельца, азат получал от него на время участок земли для обработки, что постепенно вызывало «вторичное прикрепление к земле». Располагая при жизни имуществом свободно, азат, однако, не имел права завещать его по своему усмотрению, и оно переходило по наследству бывшему владельцу. Такое положение владелец оправдывал тем, что родственники азата были крестьянами, и имущество крестьянское, как и они сами, принадлежало ему.

Высокий процент юридически не закрепощенного крестьянства имел место и в других горских обществах. В карачаевском обществе, например, уздени составляли более 60% населения. Сословие узденей включало в себя как родовых крестьян-общинников, постепенно закабаляемых феодалами, так и незнатную верхушку, которая по своему экономическому и политическому положению почти не отличалась от феодального класса [25]. В таком же положении находились уздени у ногайцев, анхаю — у абазин, каракши — у балкарцев, адамихаты и фарсаглаги — у осетин.

Дигорские адамихаты («подобие людей») составляли значительную группу крестьян. Они обязаны были нести натуральную, а в предгорьях также и отработочную повинности своему господину.

Будучи лично свободными, адамихаты пользовались правом перехода от одного феодала к другому, но при этом оставляли владельцу свое имущество. В случае смерти адамихата, не имевшего наследников мужского пола, феодалу доставалось не только его имущество, но в услужение к нему переходили жена и дочери крестьянина.

Тагаурские фарсаглаги («живущие сбоку») также составляли самую многочисленную прослойку крестьян этого общества. Не имея собственных земель, они жили на землях феодалов, неся некоторые повинности. Фарсаглаги во время праздников, свадеб, похорон и т. д. делали подарки натурой, а также сопровождали своих феодалов во время поездок в гости. В случае переселения фарсаглага в другое село жилые и хозяйственные постройки его переходили в собственность феодала. Последний мог прогнать фарсаглага, если тот не выполнял своих обязанностей. В то же время феодалы оказывали им покровительство и защиту.

В категорию крепостных крестьян входили: чагары и раяты — у народов Дагестана; оги, лагунахыты, шшигли — у адыгов; лыги — у абазин; джоллукулы — у ногайцев; чагары или кулы — у балкарцев; альгюлю

кулы — у карачаевцев; кумаяги и кавдасары — у осетин. Русские источники называли их общим именем «правые», или «обрядовые холопы», так как права и обязанности их были зафиксированы адатом.

Крепостные крестьяне находились в полной личной и поземельной зависимости от феодалов. Они не имели никаких прав на землю, им отведенную, и при отчуждении этой земли владельцем могли сохранить за собой только то имущество, которое было приобретено ими лично. «Крепостные люди, хотя пользуются приобретенным им скотом и другим имуществом, но владелец их вправе оное от них отобрать и употребить в свою пользу» [26],— сказано в адатах адыгов. При продаже или выкупе крестьянина все его имущество оставалось у владельца и могло быть выкуплено лишь за особую плату. Полной собственностью крестьянина считался только свадебный подарок его жены.

Купля и продажа крепостного крестьянина не у всех горцев была одинаковой, условия были различны и специфически своеобразны. По адату адыгов, крепостные крестьяне считались наследственной и вечной собственностью владельца, который мог продать крестьянина, отдать его в качестве платы за кровь или калым. Ни заслуги, ни побеги не освобождали, как правило, крепостного от власти владельца. Сколько бы лет ни скрывался крестьянин, права владельца на него не уменьшались. В прошениях феодалов «о розыске холопов, бежавших от своих хозяев» владельцы требовали возвращения крестьян, бежавших 10 и более лет тому назад [27].

В осетинском обществе было несколько иное положение. По обычному праву феодал не мог продавать крепостного крестьянина, но с каждым поколением положение кумаягов и кавдасаров ухудшалось, и многие из них превратились в домашних рабов. Категорию кумаягов в Дигории составляли незаконнорожденные дети феодалов и их потомки. Они либо жили при усадьбе феодала, выполняя работы во дворе и в поле, либо имели небольшое самостоятельное хозяйство и несли разные повинности. Кавдасары являлись наиболее угнетенной и бесправной прослойкой крестьян в Тагаурии. «Кавдасар,— говорится в адатах,— обязан жить там, где прикажет его владелец, и исправлять работы, от него назначенные». В случае смерти феодала кавдасары могли отделиться от его потомков.

Дагестанские раяты и балкарские ясакчи формально считались лично свободными, но фактически положение их не отличалось от положения крепостных крестьян. Ясакчи, например, за обрабатываемую землю платили таубию в зависимости от ее количества от 2 до 9 мешков зерна в год. За покосную и пастбищную землю они платили скотом. С весны и до зимы ясакчи обязаны были давать владельцу корову для доения или взамен ее двух баранов, или же 4 руб. сер. Для продовольствия косарей в период сенокоса каждый двор ясакчи обязан был дать своему владельцу одну овцу или же 2 рубля. Если владелец строил дом, то ясакчи предоставляли пару быков для перевозки леса. Каждый ясакчи уплачивал феодалу по 10 руб., если он не в состоянии был купить безобрядного холопа. Крепостные крестьяне у адыгов делились на два основных разряда, из которых один назывался огами, а другой лагунапытами (у кабардинцев) или пшитлями (у всех остальных адыгов). Термин «пшитль», буквально означающий «княжеский человек», употреблялся также для обозначения крепостного крестьянина вообще.

Пшитли являлись полной наследственной и вечной собственностью владельцев, имели свое имущество, семью и вели хозяйство. Однако имущественные права пшитлей были значительно ограничены: без ведома владельцев они не могли продать или дарить что-либо из своего имуще-

ства. Пшитли жили на землях владельцев, в пользу них они и несли определенные виды повинностей. При выполнении барщины пшитли обязаны были вспахать на каждую пару быков по четыре загона (около 4 дес.), пропзвести посев, жатву и молотьбу [28].

После уборки урожая пшитли отдавали духовенству одну десятую часть полученного хлеба. Затем отделялись семена и продовольствие табунщикам, пчеловодам и другим работникам, непосредственно не занятым в полеводстве. Кроме того, пшитли отдавали владельцу от каждого десятка скота и овец по одной голове, от каждых десяти ульев — одну пчелосемью.

Новой формой ренты, появившейся и развивавшейся в первой половине XIX в., была денежная. Две трети всех денег, заработанных на стороне, пшитли должны были отдавать своему владельцу. Постройка зимних и летних кошей, их ремонт, заготовка сена и топлива, доставка их владельцу, содержание скота и пчел, посадка овощей на огородах и уход за ними — все это также лежало на обязанностях пшитлей.

Системой дефтера (договора) пшитли стремились придать устойчивость сложившимся социальным отношениям и этим оградить себя от произвола и жестокостей владельцев. В свою очередь, владельцы под ширмой договора усиливали эксплуатацию пшитлей. Нарушение одной из сторон условий дефтера порождало сословные разногласия. По мере углубления феодализации общества усиливалась тенденция внутреннего расслоения пшитлей. Некоторые из них, разбогатевшие на торговле, присоединялись к деревенской верхушке, а основная масса разорялась и пополняла армию деревенской бедноты.

Оги составляли переходную группу от крепостного сословия к классу свободных земледельцев. Они жили самостоятельными хозяйствами, за пределами усадьбы своего господина, и пользовались определенными имущественными и семейными правами. Тем не менее натуральные повинности огов, как и пшитлей, были строго регламентированы. Они платили владельцу по 6 мешков с каждого урожая проса, пшеницы, ячменя, полбы. Кроме того, они давали владельцам по одной голове от каждых 30 голов скота и овец; от каждого из 10 ульев — одну пчелосемью. При выдаче дочери замуж он отдавал владельцу пару быков и одну корову, стоимость которых равнялась 50 руб.

Отработочная рента огов заключалась в том, что они обязаны были во время косовицы работать три дня, сложить скошенное сено в копны, а потом перевезти его во двор владельца. Оги обязаны были привезти владельцу по 15 возов топлива, в случае невыполнения владелец брал с ога пару быков. В обязанность огов входило также участие в строительстве владельческого дома и овчарников, в подготовке почвы под огород, посадке и уходе за ним. Однако господствующей рентой огов была продуктовая, а у пшитлей — отработочная.

Обязанности крепостных крестьян по отношению к своим владельцам у других горских народов имели характер главным образом отработок. У карачаевцев отработки заключались в уходе за скотом владельца, заготовке сена, постройке кошей, а также в обработке сабанов владельцев и постройке оросительных канав. У абазин одной из основных повинностей крестьян были полевые работы, как и у адыгов. Получив от владельца участок земли и железные части к сельскохозяйственным орудиям, крестьянин должен был вспахать землю этими орудиями на своих (или чаще взятых у владельца) быках, засеять ее и ухаживать за всходами. Кроме сельскохозяйственных работ, крепостные крестьяне и их жены должны были исполнять множество других повинностей: строить для

владельцев жилища и хозяйственные постройки, снабжать их дровами, ухаживать за огородами, за пасекой и т. д.

Личное хозяйство у крепостных крестьян было небольшим, поэтому натуральная рента играла меньшую роль, чем отработочная. Она сводилась в основном к отдельным приношениям феодалам. Так, зарезав скотину, крестьянин лучшую часть мяса — грудинку — должен был отнести владельцу. Особенно большие приношения должны были делать крестьяне своим владельцам по различным торжественным дням — к свадьбе, на поминки и т. п.

Наиболее зависимым и угнетенным сословием в горском обществе являлись патриархальные рабы. У дагестанцев они назывались кулы, у адыгов и абазин — унауты, у балкарцев — казаки и караваши, у карачаевцев — башсызкулы, у ногайцев — джолосызкулы, у осетин — кусаги, у чеченцев и ингушей — лай и лей. В источниках они встречаются под названием «безобрядных» или «бесправных» холопов, т. е. стоящих вне адата. Владельцы могли продавать их, отделяя сына от матери и брата от сестры, и даже убивать. Рабы не имели права на брак. Они были лишены даже тех небольших прав, которыми пользовались крепостные крестьяне: не могли иметь ни имущества, ни семьи.

Число рабов в горских обществах было сравнительно невелико. В основном они представляли собой дворовую прислугу. Эксплуатация рабов, первоначально носившая ярко выраженные патриархальные черты, со временем переходила в феодальные формы отношений. Наделяясь землей и орудиями труда, рабы фактически стали эксплуатироваться феодальными методами. На этой основе происходило сближение форм эксплуатации рабов и крепостных крестьян, их правового и имущественного положения. Рабовладельческий уклад в форме домашнего рабовладения тесно переплетался с феодальными отношениями.

В чечено-ингушском обществе рабы подразделялись на два разряда: лай и ясыр. Последние отличались от первых тем, что судьба их была не совсем определена: ясыр мог быть выкуплен родственниками и вернуться на родину, тогда как лай, забывший свое происхождение и религию, делался неотъемлемой собственностью своего господина. Получив землю, он становился крепостным [29]. В рабство попадали не только военнопленные или специально для этой цели похищенные люди, но и бедняки-сородичи. Частые неурожаи заставляли некоторых, во избежание голодной смерти целого семейства, продавать или менять на хлеб одного семейного сочлена, чтобы этой мерой спасти остальных. Часто случалось, что проданный таким образом человек не был выкуплен и оставался навсегда рабом.

Главным источником пополнения контингента рабов были войны и набеги феодалов на соседние области, а также покупка рабов у других народов. До присоединения Северного Кавказа к России главными центрами работорговли были кумыкское село Эндерей и порт Анапа в Черкесии (Адыгее).

При покупке раба учитывались возраст, телосложение, здоровье, порою и красота (особенно для рабынь). Стоимость девушки или женщины у адыгов колебалась обычно от 200 до 800 руб. Для продажи в султанские гаремы за женщину платили от 500 до 800 руб. сер., за девушку — от 800 до 1500 руб. сер. Кроме адыгских невольниц, турецкий рынок поглощал большое количество горской молодежи мужского пола. Цены мальчиков при покупке на месте были также довольно высоки и колебались от 200 до 500 руб. сер.[30] Высокая стоимость и большой спрос на рабов как на внешнем рынке, так и внутри горских обществ делали их

ходкой монетой на Северном Кавказе. Это особенно было заметно на черкесском побережье Черного моря, где постоянное наличие турецких работорговцев обеспечивало быструю возможность реализации этого «товара».

Работорговля приводила не только к вывозу из Северного Кавказа лучшей по своим физическим данным части местного населения, но и являлась одной из главных причин феодальных набегов и междоусобиц, разорявших хозяйство горцев. Горские феодалы считали пленных самой ценной своей добычей и нередко предпринимали набеги или затевали войны с соседними народами, чтобы добыть рабов для продажи османам. Вместе с тем работорговля была важнейшей экономической нитью, связывавшей горских феодалов с Османской империей и во многом способствовавшей их политической ориентации на Османскую империю в первой половине XIX в.

С установлением российских законов и порядков у горских народов работорговля, как уже говорилось, прекратилась, сильно сократилось и рабство. Феодалы были лишены права суда над своими рабами. Убийство раба приравнивалось к уголовному преступлению, за которое владелец нес ответственность.

Обострение классовых противоречий. Классовая борьба. Происходившие в первой половине XIX в. изменения в социально-экономической жизни влекли за собой и усиление эксплуатации трудящихся масс горского крестьянства. Наступление феодалов и феодализирующейся сельской верхушки значительно ухудшило положение трудящихся масс. О тяжелом бесправном положении трудового крестьянства, об усилении феодальной эксплуатации свидетельствуют многочисленные прошения крестьян Кабарды и других адыгских народов, а также Балкарии, Карачая, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана, обращенные к кавказской администрации. Холопы кабардинского князя Джамботова подали прошение начальнику Центра Кавказской линии, в котором жаловались на притеснения со стороны своего феодала, просили смягчить крестьянские повинности: «Чрез все это неминуемо мы должны впасть в самую нищету и даже придется умереть с голоду» [31]. С аналогичными прошениями к Кавказскому командованию обращались и крестьяне других народов. Однако российские власти не всегда удовлетворяли просьбы трудящихся горцев Северного Кавказа. Более того, кавказская администрация, как правило, поддерживала притязания местных феодалов и помогала им держать в подчинении крестьян. Это еще больше обостряло классовые противоречия.

Одной из распространенных форм классовой борьбы и в первой половине XIX в. были побеги рабов и крестьян от своих владельцев к соседним народам, но чаще всего под защиту стен русских укреплений. Крестьяне совершали побеги и поодиночке и группами. Так, в 1832 г. местные власти сообщили о бегстве крестьян, принадлежавших абазинскому владельцу князю Калагирею Лоову и узденю Мате Биджиеву, а в 1834 г. из аула князя Али-мурзы Лоова бежали 53 крестьянина [32].

Часть беглецов оставалась у себя на родине, скрываясь в неприступных горных теснинах и лесах, и продолжала борьбу с ненавистными феодалами. Таких беглецов называли абреками. О них сложены в народе многие песни, свидетельствующие о сочувствии масс всем борцам с угнетением и несправедливостью.

При поимке бежавших холопов и рабов царские власти чаще всего возвращали их назад владельцам. В 1842 г. начальник Центра Кавказской

линии предписал Кабардинскому временному суду наказать розгами холопа Чедо Чедова за побег от своего владельца таубия Урусбиева и вернуть холопа назад. Однако Урусбиев настоятельно просил начальство не возвращать его холопа назад ввиду его «дурной нравственности и неоднократно чинимым побегам и шалостям». В таких случаях царские власти отправляли беглецов либо в арестантские роты, либо ссылали в Сибирь. Так, холопов каптана Эдика и Эльмурзы Астемировых — Машуко Мусова и Алашука Мызаева, «бежавших к непокорным горцам и пойманных на хищничестве с оружием в руках», в 1849 г. было предписано «отправить в арестантские роты навсегда, а в случае неспособности к крепостным работам сослать в Сибирь на поселение» [33].

Рост недовольства крестьян выражался в самовольной распашке земель, порубке казенных и частных лесов. Они отказывались от работы и платежей феодальных поборов, сопротивлялись наступлению феодалов на их землю и покушениям на их свободу. Все это вело к обострению социальной борьбы в горских аулах. От бегства и отказа выполнять феодальные повинности крестьяне нередко переходили к открытым выступлениям.

В самом начале XIX в. происходило брожение среди абадзехских, шапсугских и натухайских крестьян. Понимая, что им самим не справиться с крестьянами, адыгские князья Бейзрук и Ахматук в 1807 г. обратились к кавказскому командованию с просьбой оказать им помощь. Для подавления восстания крестьян были отправлены войска под командованием подполковника Еремеева. Абадзехи оказали решительное сопротивление и первоначально сумели даже нанести поражение объединенным силам князей и казаков. Со временем, однако, это выступление крестьян было подавлено. Еще в 1804 г. с помощью царских войск было подавлено также повстанческое движение в Северной Осетии. В том же 1804 г. началось антиправительственное движение в Кабарде и Балкарии. Однако в нем принимали участие и недовольные решениями кавказской администрации феодальные верхи. Поводом к выступлению послужили строительство крепости Кисловодск и начавшиеся выборы в родовые суды и расправы. Повстанцы требовали ликвидации крепости и вообще всей кордонной линии. Несмотря на упорное сопротивление, восстание это было подавлено, активные участники движения жестоко наказаны. Однако жители Кабарды и Балкарии продолжали борьбу. Недовольство горского крестьянства попытались использовать орудовавшие на Северном Кавказе эмиссары султана. С помощью подкупов и обещаний им удалось собрать в 1809 г. отряд. Но вскоре среди повстанцев произошел раскол: трудовые слои отказались воевать за чуждые им интересы. И уже в феврале 1810 г. более 2 тыс. крестьян прислали к генералу Дельпоццо посланников, которые жаловались на гнет своих феодалов и изъявили желание переселиться за Линию. Вооруженное выступление крестьян против феодалов происходило и в других районах Северного Кавказа.

В Дагестане в начале XIX в. крестьяне селения Карабудахкент отказались нести подати и выполнять барщину шамхалу Тарковскому. Убедившись, что он не в силах принудить подчиниться крестьян, шамхал обратился за помощью к кавказскому командованию. Царские власти пришли на помощь, восстание крестьян было подавлено, а руководители публично повешены. Однако позже, во время правления шамхала Абу-Муслима, карабудахкентцы вновь отказались платить подать и вносить повинности. И на этот раз шамхал при поддержке царских войск сумел арестовать главарей восстания и посадить в Карабудахкент «правителем» своего племянника Залим-бека, который «начал там бесчинствовать и на-

сильничать». Тогда жители Карабудахкента поднялись на вооруженную борьбу. Залим-бек и его окружение укрылись в крепости. Повстанцы сожгли дом «правителя», разграбили имущество. Осада крепости продолжалась до тех пор, пока кавказское командование силой оружия не принудило снять осаду и тем спасло Залим-бека [34].

В эти же годы произошло восстание крестьян в Табасаране, ханствах Кюринском, Казикумухском, Аварском, Мехтулинском и в целом ряде союзов сельских общин Дагестана, Чечни и Ингушетии. Позже эти разрозненные крестьянские восстания, как увидим в следующей главе, выльются в мощное антифеодальное, антиколониальное движение.

3. Политическое устройство горских народов

Типы политических организаций. Типы политических организаций у народов Северного Кавказа зависели от уровня социально-экономического развития, характера общественных отношений. Наиболее развитыми феодальные отношения и соответствующие им политические организации были в Дагестане.

В начале XIX в. здесь было более 10 феодальных владений и несколько десятков союзов сельских общин. На северо-восточной равнине Дагестана в так называемой Засулакской Кумыкии, как и ранее, имелись владения Эндереевское, Аксаевское, Костековское. Каждое из них имело частного пристава и старшего князя. Во главе всех трех административных единиц стоял главный кумыкский пристав. К югу от р. Сулак до речки Орсай-булак располагалось шамхальство Тарковское с уделами (бейликствами) Буйнакским, Карабудахкентским, Эрпелинским, Баматулинским, Казанищенским. В начале XIX в. шамхалом Тарковским был Магомед, который имел чин тайного советника с жалованьем в 6 тыс. руб. сер. в год. В конце 20-х годов XIX в. шамхалу Мехти был передан удел Мехтулинского хана и владения Гирей-бека Баматула. Небольшую территорию к западу от шамхальства в начале XIX в. занимало Мехтулинское ханство. В 1818 г. генерал А. П. Ермолов за вооруженное выступление Гасан-хана Мехтулинского ликвидировал ханство, передав его в управление шамхала. Однако 11 февраля 1820 г. Ермолов снова восстановил ханство в прежних границах, а владетелем утвердил Ахмед-хана — сына отстраненного хана. Позднее ему было поручено также управление Аварским ханством. В 1844 г., после смерти Ахмед-хана, управление ханством до совершеннолетия его сына было поручено вдове Нух-бике, в помощь которой был назначен русский офицер, фактически управляющий владением.

Дербентским ханством, как отмечалось выше, в самом начале XIX в. управлял Ших Али-хан. Однако с 1806 г. он скрывался в горах Дагестана и до конца своей жизни (в 1821 г.) вел безуспешную антирусскую пропаганду. В связи с этим в Дербенте была создана новая администрация — наибом был назначен Алпан-бек, который и осуществлял управление под наблюдением дербентского коменданта. В 1812 г. в Дербенте было учреждено главное управление Дербентской и Кубинской провинцией.

В начале XIX в. Табасаран по-прежнему был разделен на два владения: майсумство и владения кадия. Оба правителя майсум Сухраб-бек и Рустам-кади были возведены в чин 4-го класса с жалованьем по 1500 руб. в год. Однако в 1815 г. в связи с их участием в вооруженных выступлениях Ших Али-хана Дербентского и Сухраб-бек и Рустам-кади были отстранены от власти, а управление возложено на коменданта. После 1823 г. управление было поручено бекам Табасарана. Центральную и

значительную часть Южного Дагестана в начале XIX в. занимало Кюра-Казикумухское ханство. В 1812 г. кавказская администрация в Южном Дагестане образовала Кюринское ханство, объединявшее территорию кюринской плоскости, Курахское, Кошанское, Агульское и Ричинское сельские общества. Ханом был утвержден племянник казикумухского Сурхай-хана Аслан-хан. В 1820 г., после изгнания Сурхай-хана Кюринского, владение было вновь объединено с Казикумухским под управлением Аслан-хана. В 1839 г. волей кавказской администрации были образованы два ханства. Кюринским ханом стал Гарун-бек, а после его смерти — Юсуф-хан. В Казикумухе после смерти в 1838 г. Магомед Мирза-хана правительницей стала вдова Аслан-хана Уму Кусум-бике, в помощь которой назначался управляющий, а в 1842 г. был создан совещательный орган в составе казикумухского кадия и двух старшин знатного происхождения.

В самом начале XIX в., как отмечалось выше, ханство Аварское окончательно вошло в состав России. Однако Султан Ахмед-хан, которому было установлено ежегодное жалованье в размере 5 тыс. руб., за вооруженные выступления был лишен достоинства хана. В 1819 г. главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Ермолов ханом Аварии назначил Сурхай-хана. Но он не имел большого влияния в народе, ханством фактически управляла вдова Баху-бике. В связи с этим в 1828 г. Аварское ханство было разделено на два владения. Однако в 1830 г. после того как Абу Султан-нуцал-хан оказал удачное сопротивление Гази-Магомеду, кавказское командование утвердило его ханом Аварии. В 1836 г. после его убийства мюридами и смерти Аслан-хана Казикумухского, управлявшего некоторое время, Аварское владение было передано в управление Султан Ахмед-хану Мехтулинскому. С 1843 г. Авария подпала под власть имамата Шамиля, и лишь 4 августа 1859 г. Аварское ханство было вновь восстановлено.

Административно эти владения делились на бекства — бейлпкства (шамхальство Тарковское), магалы — уцмийство Кайтага, Табасаран и др. В ханстве Аварском, кроме бекств, было четыре военных округа: Кувал, Кид, Киль, Каралал, служивших нуцалам «за награды»[25]. Власть феодальных владетелей была наследственной и переходила старшему в роде (шамхальство, уцмийство), старшему сыну (Казикумухское и Аварское ханства и др.). Ближайшими помощниками владетелей Дагестана были визири. Как главы мусульманского духовенства кадии играли во владениях важную роль. В Казикумухе кадия именовали Ильдан-нал-кади («кади народа»), а в Аварии даже Шейх-уль-ислам. Только в руках одного из владетелей Табасаранского кадия была сосредоточена духовная и светская власть. Исполнителями воли владетелей были нукеры — дружинники. Публичную власть на местах осуществляли старшины: чухби, адил-заби (блюстители порядка, «справедливые люди») — в Аварии, куначу — в Казикумухском ханстве, карты — в уцмийстве и т. д. Полицейские функции исполняли мангуши, эм, чауши — в Аварии, тургаки — в уцмийстве, нукеры — в Казикумухе, Табасаране и других местах.

В начале XIX в. в Дагестане, как и ранее, существовало несколько десятков аварских, даргинских и лезгинских союзов сельских обществ. Однако в начале XIX в. в союзах сельских общин Дагестана произошли некоторые изменения. Освободившись из-под власти уцмиев, союз сельских общин Каба-Дарго в начале XIX в. присоединился к Акуша-Дарго[36].

В 1819 г. генерал А. П. Ермолов сменил главного кадия Акуша-Дарго Магомед-кади и назначил акушинским кадием Зухум-кади. Ему было установлено жалованье в 500 руб. сер. в год. Вскоре, однако, за выступления против кавказской администрации Зухум-кади был смещен и на его место вновь назначен Магомед-кади. В 1844 г. кавказское командование организовало из даргинских обществ (Акушинского, Цудахарского, Усишинского, Мекегинского и Урахинского) округ, начальником которого был назначен майор Оленич. Однако в том же году начальник округа был убит сторонниками движения мюридизма, после чего в Акуша-Дарго было восстановлено управление кадия, которое просуществовало до 1854 г., когда было вновь создано окружное управление. Даргинский округ первоначально входил в состав Дербентской губернии, а затем в Прикаспийский край.

В 1812 г. союзы сельских общин Самурской долины (Ахты-пара, Докуз-пара, Алты-пара и др.) были поставлены под контроль коменданта г. Кубы. В 1839 г. был организован Самурский округ, объединявший союзы сельских обществ, кроме Рутульского, включенного в Елисуйское султанство. Через год Самурский округ вошел в Кубинский уезд. В помощь окружному начальнику были назначены главный кадий и векилы дивана по одному от каждого магала. В первой трети XIX в. в связи с разделением Аварского ханства число союзов аварских сельских общин увеличилось. Однако возникшие под флагом мюридизма, как увидим ниже, эти так называемые вольные общества входили в имамат, составляя отдельные наибства.

В Чечне и Ингушетии, как и в предыдущие столетия, существовал ряд независимых друг от друга политических образований, близких по структуре и принципам управления к союзам сельских общин Дагестана. Это чеченские общества мигиковцев, ичкаринцев, ауховцев, качкалыковцев и др.

В начале XIX в. кавказское командование попыталось было ввести ряд административных новшеств. Однако те «немногие улучшения, вводимые в управлении, не соображались ни со свойствами народного характера, ни с его понятиями» [37].

В марте 1826 г. генерал А. П. Ермолов обнародовал правила «чеченскому народу» [38], в которых были определены права и обязанности «народа чеченского» и кавказской администрации.

Согласно обнародованным в 1839 г. правилам «для управления покоренными аулами», все жители, находящиеся в управлении начальника Левого фланга Кавказской линии, были разделены на приставства. В свою очередь Главное чеченское приставство было разделено на три приставства. Этими административными единицами управляли офицеры Кавказской армии или зарекомендовавшие себя своей преданностью горцы. Это было время, когда кавказское командование нанесло сокрушительный удар движению под предводительством Шамиля под Ахульго. И тем не менее в одном из своих предписаний 1839 г. военный министр А. И. Чернышев посоветовал кавказской администрации на время оставить прежний образ правления и «не вводить ничего противного местным законам и обычаям» [39].

В начале XIX в. Северная Осетия была разделена на ряд самостоятельных обществ, каждое из которых имело свою особую организацию. Восточную часть Северной Осетии, бассейн рек Терека, Гизельдона и Генольдона занимало Тагаурское общество, которое по данным 1812 г. состояло из 20 аулов (1150 дворов). Вся власть в этих селениях принадлежала тагиатским фамилиям: Тулатовым, Кундуховым, Мансуровым,

Алдатовым, Тугановым, Тхостовым, Есеновым, Кануковым, Шанаевым, Дударовым и Джантиевым.

В восточной же части Северной Осетии в бассейне рек Флагден и его притока Уредон располагалось Куртатинское общество. Если в 1812 г. в Куртатинском обществе проживало 780 дворов, то к 1826 г. в результате массового переселения на равнинную часть здесь осталось всего 300 дворов. Внутреннее управление в Куртатинском обществе было сосредоточено в руках феодалов-тауби: Аристарховых, Богоевых, Борсиевых, Гумицаевых и др.

Бассейн реки Ардон и его притоков Мамисон, Нардон, Адайкомдон и Цмидон занимало Алагирское общество, которое в первой четверти XIX в. объединяло более 31 аула, в которых размещались более 668 дворов, или 8600 человек [40]. Политическая власть в Алагирии находилась в руках «сильных» фамилий («стыр» или «тыхджын мыггаг»).

В ущелье западной части Северной Осетии было расположено Дигорское общество, которое в свою очередь было разделено на ряд феодальных обществ: «Донифарское, Стыр-Дигорское, Топан-Дигорское. Во всех этих обществах, объединявших в 1812 г. 26, а в 1826 г. 19 аулов, насчитывалось более 500 дворов, или 5000 человек. Экономическая и политическая власть здесь принадлежала феодальным бадилятским фамилиям: Тугановым, Кубатиевым, Караджаевым, Абисаловым, Кабановым, Чегемовым, Бетуевым [41].

В первой половине XIX в. часть осетинского населения переселилась на равнину центральной части Северного Кавказа, где они, как отмечалось выше, образовали собственные поселения. При этом жители, переселившиеся на равнину из Дигории, были подчинены военному начальнику в Кабарде. Все остальные переселенцы были подчинены коменданту Владикавказа.

В описываемое время в Балкарии существовали общества: Балкарское, объединявшее по данным 1837—1839 гг. 4 аула, Безенгиевское — 1, Куламское — 1, Чегемское — 3, Баксанское (Урусбиевское) — 1 аул [42]. Управление этих обществ осуществляли старшинские фамилии: Абаевы, Айдебуловы, Жанхотовы, Мисаковы — у черкесских балкарцев, Сунтшевы — у безингиевцев, Балкаровы, Келеметовы, Битовы — у чегемцев, Урусбиевы — у баксанцев [43].

Точно так же Карачай был разделен на общества, в которых политическая власть по существу находилась в руках биев. Привилегии балкарских и карачаевских биев поддерживались царскими властями. Наименование таубиев (горские князья) было «допущено правительством с 1852 г., до того же времени лица, принадлежавшие к сословию таубий, во всех правительственных и административных сношениях... с горцами всегда именовались горскими старшинами» [44]. В начале XIX в. Кабарда по-прежнему делилась на Большую и Малую. В первой из них имелись три княжеских удела: Жанбулатовых, Атажукиных, Мисостовых, а во второй было два удела — Мударовых (Келяхстановых) и Толостановых. Но и «разделившаяся на пять уделов, или владений, и составив два главных деления, получив различные названия,— по словам Хан-Гирея,— не потеряла общее наименование» — Кабарда [45]. Управление Большой и Малою Кабардою осуществляли князья. Причем каждый князь «в своем уделе,— по свидетельству С. М. Броневского,— как властные владельцы и в народных собраниях как члены федеративного общества» [46]. И действительно, во главе княжества стоял старший по годам из владельческой фамилии князь. При нем имелись «малый и большой советы», состоящие из ближайших родственников князя и вассалов. «Народ обя-

зан,— говорится в кабардинских адатах,— сносить терпеливо все, что князь сделает правильно или неправильно, и не может выходить из повиновения» [47]. Однако к середине XIX в. кавказская администрация значительно ограничила политическую власть кабардинских князей. Еще в 1807 г. взамен родовых судов и расправ был учрежден суд мехкеме, состоящий из председателя — валия и 2—3 человек от княжеской фамилии, 8 дворян, секретаря и главы духовенства — кадия. В Большой Кабарде было создано три суда, т. е. в каждом уделе по одному мехкеме. В них обычно разбирались дела на основе мусульманских законоположений, и, как правило, валием бывал старший князь. Дела же, касающиеся двух или трех лиц, принадлежащих к разным уделам, рассматривались на совместных заседаниях мехкеме.

В 1822 г., используя «жалобы простого кабардинского народа на угнетения, претерпеваемые оным от несправедливого разбирательства дел их шариатом», кавказская администрация учредила в Кабарде Временный суд, состоявший «из трех удельных князей и трех младших князей, двух старшин из дворян, одного из вольных земледельцев, секретаря и глашатая». В суде при решении духовных дел присутствовали кадии. Заседания временного кабардинского суда происходили в крепости Нальчик. Обычно судьи выслушивали словесные жалобы сторон, затем те покидали зал заседания, а судьи выносили свое решение. Людей, совершивших уголовное преступление, как свидетельствует Хан-Гирей, выдавали коменданту крепости Нальчик: «Начальник этот,— заключает он,— имеет влияние на действие Временного суда» [48].

Однако Временный кабардинский суд исполнял и административные функции. Более того, этот суд, находясь под непосредственным контролем кавказской администрации, по существу превратился в важнейший орган внутреннего управления Кабарды. Все это, естественно, ограничивало политическую власть князей, стесняло им свободу действий, ограничивало их произвол, и в этом смысле Временный суд объективно играл положительную роль. Однако с ограничением власти своей князья не могли смириться, и поэтому они неоднократно обращались к правительству с просьбой упразднить административный контроль над судебными делами в Кабарде. В 1827 г. с просьбой об упразднении Временного суда к наместнику Кавказа обратились кабардинские князья и дворяне. Само собой понятно, что кавказская администрация не могла удовлетворить просьбу князей и упразднить Временный суд и тем самым лишиться одного из действенных органов, способствующих укреплению позиций правительства в Кабарде.

И тем не менее кабардинские князья и представители высшего мусульманского духовенства продолжали настаивать на своем. С этой целью в правительственные органы вносились различного рода предложения и проекты. Однако наибольший интерес в этом плане представлял проект 1829 г. кн. Бековича-Черкасского под названием «Замечание касательно просьбы кабардинского народа и средства улучшения благосостояния оного». Для ликвидации феодальных неурядиц и других «беспорядков» в Кабарде проект считал необходимым: размежевать феодальные владения, наделить крестьян участками земли. Произвести ревизию душ, определить число зависимых и выдать владельцам акты и числа принадлежащих им крестьян. Определить размеры податей, вносимых крестьянами феодалам, точно установить государственные повинности. Вместе с тем в проекте предполагалось организовать перевод на русский язык прений и расширить состав Временного кабардинского суда, учредить на тех же основаниях особый суд для Малой Кабарды. Вопросы, касающиеся

всей Кабарды, предполагалось обсуждать на совместных заседаниях обоих судов.

Но даже условия этого проекта с ярко выраженным классовым характером оказались неприемлемы и не были претворены в жизнь в первой половине XIX в.

В описываемое время северо-западные адыги, как и ранее, были разделены на множество политических образований. По существу здесь каждый князь или крупный дворянин одновременно являлся и правителем своего владения, что одновременно осложняло внутриполитическую обстановку в крае. Поэтому и в начале XIX в., как и в предыдущее столетие, были сделаны попытки к объединению. В 1822 г. было созвано союзное народное собрание «Хоуо-хясь», на котором было решено ввести в судопроизводство шариат. Но далее этого дело объединения не продвинулось. Безуспешные попытки объединить адыгов делали иноземные агрессоры, рассчитывая таким путем создать послушный себе антирусский блок феодалов Северо-Западного Кавказа. В 1827 г. посланник турецкого султана Гасан-паша созвал в Анапе съезд князей, дворян и старшин, от которых потребовал объединиться для борьбы с «неверными». В 1834 г. русофоб Давид Уркварт попытался даже из отдельных подкупленных им князей создать «правительство» под покровительством Англии. Аналогичные попытки делали английские агенты Белл, Лонгворт и Найт. Однако добиться желаемого они не смогли. Зарубежные эмиссары заботились не о государственном объединении, а лишь об организации на Северо-Западном Кавказе антирусского объединения, способного за их корыстные цели вести борьбу с Россией.

В течение первой половины XIX в. Северный Кавказ оставался раздробленным на ряд владений, управляемых князьями, и сельские общины, где политическая власть находилась в руках «избираемых» старшин. Территорию западных кабардинцев занимало владение Бесленеевское, разделенное на два удела князей Шолоха и Бекмурзы. Западнее их по рекам Псафр и Ккель располагались владение Машоковское, во главе которого находилась княжеская фамилия Бехгарсоковых, владение князей Болотоковых, владение Хатухаевское (получившее название по имени владельческой княжеской фамилии Хатикоай), Бжедухское. Черченеевское и Хамышевское владения также получили свои названия по имени владельческих фамилий Черченовых и Хамишеевых. Самостоятельными были «владения, заключающиеся в одном лишь владетельном княжестве дома Бастокко, который живет с малым числом подвластных на берегу моря в окрестностях р. Вепсне» [49].

В южных окрестностях устья р. Кубани, частично и на полуострове Тамань было владение трех княжеских родов: Бхгезеноко-р, Занекко-р и Шамекко-р. Небезызвестный Сефербей происходил из первой из этих княжеских фамилий. Независимыми от власти князей были крупные территориальные союзы натухайцев, шапсугов, абадзехов и убыхов, в которых вместе с вольными земледельцами проживали дворяне. Ногайцы, живущие от низовьев Кумы до Верхней Кубани, были разделены на мелкие подразделения, во главе которых находились феодальные правители — султаны или мурзы. Часть же ногайцев, кочевавших в Северном Дагестане, тоже управлялись мурзами, которые находились в вассальной зависимости от эндереевских, аксаевских, костековских владетелей и шамхала Тарковского.

Сельское управление. Несмотря на многообразия политического устройства народов Северного Кавказа, низовой организацией управления

во всех феодальных владениях и союзах сельских общин оставалась сельская община — называемая у многих народов Северного Кавказа арабским словом «джамаат».

Община делилась на группы, сохранившие в общих чертах структуру родственных коллективов (тухумы, жинсы, тлибили, тайпы, эвледы, мыггаг и т. п.), хотя в XIX в. их кровнородственная суть была в большинстве случаев утрачена. Каждая такая группа возглавлялась одним или несколькими старшинами (чухби, карт, ак-секкал, мыггаджы, хистар и др.). Старшины контролировали жизнь своей группы, разрешали споры между ее членами. В промежутках между сходами текущие вопросы жизни общины разрешались этими старшинами. Они же выполняли функции судей по адату.

Бегаул, кевха и т. п. следили за соблюдением решений, принятых на народном собрании. В их распоряжение община выделяла из своей среды нескольких исполнителей (шураты, мангуши и т. п.), которые имели право применять различные санкции, вплоть до оружия. Нередко общины (в частности, в Дагестане) имели своих письмоводителей (дибир и др.). Суд по шариату в крупных общинах возлагался на кадия.

Для внешних сношений общинное собрание или старшины (на своем совете) уполномачивали группу авторитетных граждан.

В составе союзов сельских обществ сохранялись обычные сельскообщинные формы и структура управления. Если же община попадала под контроль феодала, то традиционные формы хотя и внешне оставались прежними, но коренным образом менялось их существо. Прежде всего общинные должности теряли свой выборный характер: все должностные лица назначались феодалом или его представителем из числа угодных ему общинников либо из числа его приближенных (особенно бегаул, кади, предводитель ополчения). Совет старейшин в лучшем случае сохранял совещательные права при представителе феодала. Окончательное решение по судебным делам также переходило к феодалу или его представителю. Общее собрание теряло основные свои прерогативы, прежде всего право принимать решения по вопросам внешних сношений. Инициатива его созыва переходила в руки феодала или его представителя, а само оно превращалось в сходку для оповещения общинников о воле или решении феодала. Значительно усиливалась роль органов принуждения, полностью перешедших в руки феодала.

Таким образом, должностные лица общины, оказавшейся под контролем феодала, сохраняя традиционные названия, превращались в низших представителей феодальной администрации, а сама община, почти не изменив традиционных форм, становилась низшим, первичным подразделением в системе феодального управления. Весьма распространенной формой политического устройства у горцев Северного Кавказа, как уже отмечалось, были союзы сельских общин. Причем в исторической литературе эти союзы назывались различно. Но несмотря на вполне понятную разницу в терминологии, в политической структуре этих объединений обнаруживается сходство основных, наиболее существенных черт. Все они формировались по территориальному, соседскому принципу. Иногда в рамках союза сельских обществ оказывались разноязычные общины.

В последнем случае основой единства общин являлись своеобразные договоры: как правило, они не содержали общей декларации, а устанавливали единые для данного союза правила пользования каким-либо хозяйственным объектом, разрешали возникавшие между общинами споры, касались различных хозяйственных и общественных вопросов, общих

для всех входящих в союз общин, причем этим договорам и постановлениям придавалась сила норм обычного права (адата).

Высшим органом союза сельских общин номинально считалось собрание всего взрослого мужского населения союза. Такие собрания время от времени действительно происходили. В так называемых вольных обществах Дагестана существовали местности, превратившиеся в постоянные пункты таких сборов. Эти собрания созывались при чрезвычайных обстоятельствах. Причем инициатива их созыва, как правило, уже принадлежала должностным лицам (кадию, старейшине, шейху и др.). У чеченцев эти собрания известны под названием мехке кхел. Места сбора «общенародных» сходов в Осетии были в Алагирском ущелье — Нихас, в сел. Дегом; площадка в районе Нар — так называемая равнина Пота, площадка Зилахар; в Дигорском ущелье — в сел. Мадзаска и др.

В описываемый период общие собрания практически были заменены собраниями представителей джамаатов (фактически верхушки последних). Они собирались по мере необходимости на местах сбора или в самом большом селении союза.

Кадий в ряде союзов сельских общин обладал довольно широкими полномочиями. Он являлся верховным судьей по шариату, религиозным главой общества, иногда становился организатором и предводителем ополчения (так, андалальский кадий пытался не допустить Шамиля в Андалал и даже руководил несколькими сражениями с ним).

Однако власть кадия была ограничена нормами обычного права — за этим следили представители джамаатов. Кадий не имел права распоряжаться землями джамаатов, творить суд внутри джамаата (он мог решать споры между джамаатами союза либо дела, выходящие за пределы союза), не имел права без соглашения джамаатов объявлять войну или заключать мир. За свою деятельность кадий получал часть закята, военной добычи и определенные пошлины.

Взаимоотношения так называемых вольных обществ друг с другом и с феодальными владениями происходили в формах, характерных для феодальной формации. Временное совпадение интересов могло привести к союзу между ними, иногда оформляемому соответствующей договоренностью. Для гарантии его соблюдения сельские общины и феодальные владения нередко обменивались заложниками.

Таким образом, союзы сельских общин Северного Кавказа являются своеобразной формой развития феодализма, возникновение и существование которого было определено историческими и локальными особенностями горной зоны Дагестана и Центрального Кавказа. Вместе с тем, как мы знаем, распространенным типом политического устройства на Северном Кавказе были феодальные владения, которые также можно разделить на несколько категорий, исходя из того, в какой мере личная власть феодала успела вытеснить, ограничить, приспособить к своим интересам элементы общинного управления.

Незавершенность этого процесса в Балкарии и Карачае и других местах привела к тому, что в политическом устройстве балкарских и карачаевского обществ осталось много общинных форм: деление территории и проживающего на ней населения на общины, наличие общинных угодий и т. п., о чем уже говорилось выше. Однако общинная верхушка уже успела сделать свое главенствующее положение наследственным и оформить в замкнутое сословие таубиев. Примечательно, что рядовой общинник, даже разбогатев, не мог стать таубием. Пределом возможного для него было откупиться от несения повинностей, которые большинство населения выполняло в пользу таубиев. Сами эти повинности в своей по-

давляющей части еще обнаруживали явное происхождение от общинных обязанностей. Исполнявшие их рядовые общинники в большинстве своем сохранили личную свободу (наряду с ними таубии имели и настоящих крепостных и рабов). В руках таубиев сосредоточились все права и функции, которые прежде принадлежали выборным людям общины (старейшинам и другим должностным лицам). И теперь они стали наследственной привилегией таубиев.

Еще бóльшая степень власти феодалов прослеживается в Тагаурском и Дигорском обществах Северной Осетии. Оба эти общества сохранили внешние формы политического устройства, характерные для территориальных союзов общин, однако функции руководства жизнью последних стали наследственной прерогативой родственных групп (алдаров, баделят и др.), оформившихся в замкнутое сословие. Их былые фамильные наименования приобрели значение сословного титула.

Полновластие феодалов находит свое отражение в политическом устройстве абазин и адыгских так называемых аристократических племен. Здесь сохраняются довольно архаические формы политической организации (союзы территориальных общин и т. п.) в соединении с деспотической, ничем не ограниченной и опиравшейся на насилие властью феодалов. Следы происхождения последних от общинной аристократии сохранялись и в первой половине XIX в. (номинально феодалы считались членами своих общин, что проявлялось при пользовании общинными угодьями, участии феодала в религиозной и общественной жизни общины и др.). Однако здесь приспособление общинных институтов к интересам феодального класса зашло так далеко, что оно не ограничивалось уже фальсификацией общинных форм. Это видно хотя бы из того, что в процессе феодализации общества обычное право и другие институты родового строя изменили свою прежнюю социальную сущность и демократизм и были приспособлены к обслуживанию интересов господствующего класса. Так, например, неприкосновенность личности феодала (при любых обстоятельствах) стала нормой обычного права. И этим феодал воспользовался для возвышения над обществом и укрепления своей власти. Сосредоточив в своих руках все функции верховной власти, пши (князь) формировал из своих вассалов (феодалов более низких рангов) совещательный орган, из их числа он назначал высших представителей администрации. Так возник владетельный двор, важной частью которого стали советники князя. Совет старейшин, таким образом, был заменен советом пши и уорков. Народные собрания созывались теперь редко, но и тогда они возглавлялись князем и проводились только под его руководством.

В первой половине XIX в. во владениях Дагестана получил дальнейшее развитие оформившийся в предыдущее столетие аппарат власти: он состоял из нескольких визирей (исполнявших обязанности советников и министров), назира (казначея), кадия, секретаря (обязанности последнего иногда выполнял кадий — он же считался равным визирю), военачальника и дворецкого. Хотя аппарат этот был немногочисленный (не превышал 10 человек), он учитывал все основные функции феодального правителя. Функции же прямого насилия выполняла дружина профессиональных воинов — нукеров. В бекствах система управления была проще.

В равнинном и предгорном и отчасти нагорном Дагестане общины перестали играть серьезную политическую роль, став низовыми звеньями феодальной администрации. Однако в засулакских бийликах общины еще имели определенный политический вес и оказывали влияние на из-

бранне князей, а также пользовались в наиболее важных случаях совещательными правами при них.

В горных районах роль союзов сельских общин была еще более значительной. Большая часть общин Верхнего Кайтага и многие общины Аварии рассматривали уцмия и хана (соответственно) только как военных предводителей, которым они обязаны были службой во время войны.

По мере насаждения царизмом администрации на Северном Кавказе общинное управление у горцев постепенно заменяется государственно-административным. Назначаемым властями сельским старшинам вменялось в обязанность «законодательным путем» регулировать права сельских сходов (общинных собраний). Путем созыва общинных сходов в обычной форме царизм создавал видимость сохранения традиционного управления и былых общинных прав за крестьянами. На самом же деле сельские сходы, созывавшиеся по инициативе органов местной власти, и принимавшиеся на них решения являлись ширмой, которой царизм прикрывал свою реакционную, антинародную политику.

Однако нормы общественного поведения и взгляды, выработавшиеся задолго до XIX в. и ставшие основой общественного быта в сельской общине, продолжали действовать (правда, в пережиточной форме) и после перестройки общественной жизни горцев на основе государственного управления и внедрения в горскую деревню царского административного права. Многие вопросы общественной жизни по-прежнему решались на селе по адату; общинные правила еще долгое время имели вес и действенную силу в отношениях между жителями горско-кавказского села. Свидетельством этого является применение выработанных общиной санкций общественного воздействия к членам сельского общества независимо от их положения в обществе.

В первой половине XIX в. некоторые изменения произошли и в судопроизводстве горцев Северного Кавказа. Известно, что суд носил характер третейского суда на основании адата и шариата. Если в предыдущие эпохи при суде по адату судьи «избирались» из представителей феодальной знати, слово которых на суде было решающим, то суд по шариату осуществляли представители духовной аристократии: кадии, муллы и другие представители духовенства.

Насаждая на Северном Кавказе свою административную систему управления, царизм делал все возможное, чтобы приспособить к новой системе и суд. Начата была работа по записи обычного права у различных народов. Постепенно шло приспособление судебной практики к своим интересам.

Была произведена также судебная реформа, которая подорвала корни традиционного судопроизводства. Эта реформа на Северном Кавказе производилась под предлогом учета «местных особенностей». Были учреждены так называемые горские окружные суды, а затем горские сословные суды взамен народных третейских судов и судов по шариату. Горские сословные суды, хотя и были коллегиальными, но председательствовали в них начальники округов. Состав окружного сословного суда определялся начальником области. Члены судов избирались населением, но эти выборы производились под давлением начальников округов. Окружной сословный суд, как было сообщено при введении реформы, должен был быть бессословным. Но и этот принцип был нарушен. В составе судов оказались представители феодальной знати, а при разборе спорных дел крепостных крестьян с их владельцами от имени первых выступали старшины из феодальной знати. Наряду с элементами российского судопроизводства в горских судах сохранился целый ряд пережиточных норм

прежнего традиционного судопроизводства (принесение присяги, не признавались свидетельские показания женщин и пр.). Введением горских сословных судов кавказская администрация добивалась дальнейшего укрепления позиций царизма на Северном Кавказе.

Административные реформы царизма соответствовали интересам правящих классов России и способствовали дальнейшему укреплению колониальной политики царизма на Северном Кавказе.

4. Социальные отношения русского и украинского населения Северного Кавказа

Помещичье землевладение. Землевладение и землепользование у русского населения Северного Кавказа отражало общие процессы развития поземельных отношений в стране и в то же время имело свои специфические черты, присущие северокавказскому региону. В результате появления на Северном Кавказе русских переселенцев там возникло со временем и помещичье землевладение, и общинное землепользование государственных крестьян, и специфическое для казачьих областей землепользование за военную службу.

Помещичье землевладение сложилось в связи с раздачей земли самодержавным государством помещикам в течение XVIII — первой половины XIX в. Начиная с 1782 г. по указу сената наделялись землями вдоль Азово-Моздокской линии крупнейшие дворяне России, получившие огромные земельные владения, а также мелкопоместные владельцы имений. Для того чтобы наделить землей русских и местных дворян, правительство сгоняло с земли проживавших там людей, укрепляя за счет крестьянства феодальное землевладение. Попытка правительства создать помещичье землевладение на Северном Кавказе большого успеха не имела, размер его постоянно уменьшался; с 700 тыс. дес. в начале XIX в. до 400 тыс. к середине века. В Ставропольской губернии помещичье землевладение составляло 2,3%, а по Предкавказью в целом — 1,7%. Но и на этих землях зачастую работали не крепостные крестьяне, а вольнонаемные; крепостные же переводились на «месячину», при которой собственное хозяйство крестьян ликвидировалось. Кризис крепостнической системы в России нашел отражение и на Северном Кавказе, в частности в уже отмеченном уменьшении роли помещичьего землевладения.

В связи с тем, что не все дворяне, получившие земли, имели возможность заселить их крепостными крестьянами, были попытки превратить в крепостных государственных крестьян, что вызывало особенно сильные волнения, например, в селе Маслов Кут, жители которого отказались признать себя крепостными и не сдавались, несмотря на расправу [50].

Землепользование у государственных крестьян. Положение государственных крестьян было легче, чем крепостных, хотя и они страдали от гнета феодально-крепостнического государства. Наделение землей государственных крестьян шло из государственного земельного фонда. На Северном Кавказе в казенные земли были превращены многие сотни тысяч десятин, отобранные у местных народов.

Заселение казенных земель Северного Кавказа государственными крестьянами было правительственной политикой, направленной на ослабление крестьянского малоземелья в центральных губерниях, и, кроме того, оно должно было служить делу освоения края. Число государственных крестьян быстро росло. Если в 1840 г. в Кавказской области было

47 казенных поселений и одна «колония», в которых проживало 112 413 человек, то к 1846 г. число крестьян возросло до 162 549 человек. В их пользовании находилось свыше полутора миллиона десятин земли.

Землепользование государственных крестьян строилось на общинном принципе, как и в центральной России, но отличалось размерами надельных участков. Формальной нормой был 15-десятинный надел на одну душу мужского пола. Однако на деле межевание участков затянулось на долгие годы и во многих селениях так и не было завершено к моменту отмены крепостного права (1861 г.), при котором одни семьи занимали значительно большие участки, а другие ограничивались лишь частью полагавшегося надела.

Большое количество свободных земель позволяло вести хозяйство на основе переложно-заложной системы, при которой часть земель оставалась неиспользованной, что усложняло межевание участков и, кроме того, вело к бесчисленным спорам и раздорам между крестьянами во время вспашек и покосов. Богатые крестьяне, имевшие больше рабочей силы и рабочего скота, захватывали большие и лучшие участки, а бедняки едва успевали вспахать сохою одну десятину.

Не ограничиваясь захватом общинных земель, зажиточные крестьяне стали прибегать для расширения своего хозяйства к аренде и покупке земель. Арендовали и казенные земли и надельные земли кочевых народов. У ногайцев и туркмен разбогатевшие крестьяне арендовали большие массивы под сенокосы и пастбища по самым низким ценам. Более бедные арендовали земли под посев или сенокос исполу, расплачиваясь за землю своим трудом или половиной урожая. Распространена была аренда «с третьей борозды», т. е. за треть урожая. Богатые казаки наживались также и на субаренде, арендуя у калмыков десятину буквально на копейки, а затем передавали ее в аренду за рубли.

Богачи не только арендовали, но и покупали землю в собственность. На таких землях возникали крупные овцеводческие и скотоводческие хозяйства. Многие хутора основывались и на общинных землях, нанося этим урон рядовым членам общин. Хуторяне захватывали лучшие участки надельных земель, присоединяя к ним самовольно захваченные земли. Ставропольский исправник доносил в 1832 г., что в Кавказской области много хуторян, «выселившись самовольно», заняли лучшие участки для пашен и сенокосов [51].

Таким образом, роль надельного землевладения постепенно уменьшалась, чему способствовали рост товарно-денежных отношений и расслоение крестьянства, покупка и аренда земель зажиточными крестьянами.

Своеобразные формы поземельных отношений складывались в казачьих областях.

Землевладение и землепользование в казачьих станицах. К началу XIX в. огромные пространства Степного Предкавказья были заселены русским и украинским населением. Причем процесс заселения и освоения земель продолжался и в описываемое время.

Казачья и крестьянская колонизация играла значительно более важную роль в освоении края, чем помещичье-крепостническая. Именно крестьянская и казачья колонизация способствовала освоению новых земель, поднятию целины, вовлечению края в общее русло экономического развития страны.

У всей этой пестрой массы переселенцев в процессе освоения Предкавказья складывались разнообразные системы землевладения и землепользования, отражавшие социальную структуру населения. Казачье

землепользование основывалось на консервативном феодально-сословном праве («земля за службу»).

Размер казачьего землевладения на Северном Кавказе был очень велик. К середине XIX в. казачьи войска владели 43% самых лучших предкавказских земель; 2,85 млн дес. было во владении Черноморского войска (насчитывавшего в 1847 г. 23 тысячи дворов) и 2,83 млн. дес. у 37,9 тыс. дворов Линейного войска [52].

Формально казачье землевладение считалось общинным, так как земли даровались Войску в целом и лишь затем делились по станицам. Но фактически уже при основании станиц общинный принцип нарушался тем, что казачья верхушка получала, кроме права на общинные наделы, участки земли в частную собственность — от 100 до нескольких тысяч десятин (в зависимости от чина). Кроме отведенных по закону земель, казачьи старшины сразу же стали захватывать значительные участки общинного юрта и запасных войсковых земель. Они «благодаря своей силе и значению занимали под хутора все более и более значительные пространства войсковых земель» [53],— вынуждена была признать даже казачья администрация.

Практически государство поддерживало складывавшееся казачье дворянство, одаряло его землями и чинами, не препятствовало росту имущественного неравенства и эксплуатации казачьей старшиной крестьянской бедноты.

Несмотря на общие положения, определявшие сословно-поземельные права казачества как военного сословия, в положении казаков различных войск наблюдались значительные отличия. Самобытным, тесно связанным с местными кавказскими народами, был быт старого, или Терского казачества.

Черноморские казаки, переселившиеся в 1792 г. из Запорожской Сечи, принесли с собой куренное устройство запорожцев. В новые условия попали переселенцы с Хопра, Волги и Дона, поселенные правительством на Кавказской линии.

Черноморское казачье войско в целом считалось собственником земель, которые были отмежеваны во владение сорока сельских общин — куреней. К середине XIX в. число станиц увеличилось до 63. Внутри общин господствовало заимочное право, по которому каждый казак имел право занять столько общинной земли, сколько он в состоянии использовать под пахоту, сенокос, пастьбу скота. Такой участок назывался «цариной». Заимочное право давало полный простор захватам, так как те семьи, у которых было больше скота, занимали и большие участки земли. Беднота же зачастую вообще не могла осуществить своих прав на общинную землю, так как не имела тягла. Чтобы придать видимость законности своим захватам, высшие чины казачьей администрации (кошевой атаман, войсковой писарь и судья) выработали «Порядок общей пользы», который юридически оформлял складывавшиеся в войске формы землевладения и землепользования, узаконивал основание хуторов, возведение мельниц, рыболовных заводов и т. д. Для работы на этих предприятиях разрешалось «при своих хуторах сродственников и вольножелающих людей поселить и определять им землю по штатной росписи» [54].

Таким образом, складывающиеся в Черноморском казачьем войске поземельные отношения буквально с первых же дней водворения Войска на новые земли нарушали принцип общинной уравнительности, усиливали имущественную и социальную дифференциацию казачества, вели к обострению социальной борьбы. Хутора стесняли общинное землепользо-

вание, так как основывались не только на свободной войсковой, но и на общинной земле, вели к закабалению поселенных на них крестьян, фактически подрывали общинные формы казачьего землепользования. Число хуторов в Черноморье росло очень быстро: с 1760 в 1802 г. до 3520 в 1860 г.[55]

Правительство вынуждено было принять меры для упорядочения земельных отношений в Войске, чтобы сохранить его боеспособность, так как разорившийся казак не имел возможности приобрести коня и обмундирование для службы. Для этого в 1842 г. было введено Положение о Черноморском казачьем войске, по которому устанавливались твердые нормы землепользования. Насколько далеко зашло имущественное расслоение казачества, видно из размера полагающегося земельного надела: генералы получали до 1500 дес., офицеры — от 200 до 400 дес., рядовые казаки — по 30 дес. земли. Определялось также землепользование отставных казаков и чиновников Войска, которым земля давалась вместо пенсии.

Однако наделить всех землей по нормам этого Положения оказалось невозможным — не хватило бы земли, поэтому в 1847 г. было издано новое Положение с более низкими нормами. Пострадало от этого больше всего рядовое казачество, душевой надел которого был снижен до 16 дес.

Урегулирование землепользования должно было обеспечить переход к землепользованию паевому (вместо захватного), но переход этот произошел не сразу, так как работа межевых комиссий продолжалась в течение многих лет. Зажиточная казачья верхушка всячески тормозила переход к паевому землепользованию, ибо ей было выгодно захватывать общинные земли, пользуясь свободной заимкой. Беднота же требовала раздела станичных юртов на паи. Борьба за упорядочение землепользования обостряла взаимоотношения станичной верхушки и бедноты. И даже тогда, когда многие станицы перешли уже на паевую систему, отдельные станицы сохраняли или целиком заимочное право, или неполный раздел, когда часть земли и после раздела оставалась под свободную запмку.

Еще более запутанными и сложными были земельные отношения в Кавказском линейном войске. Линейное войско, созданное в 1832 г., объединило ряд войск и полков, возникших в разное время и в разных исторических условиях. В Линейном войске собственниками земель считались отдельные полки, а не Войско в целом. Для каждого полка были установлены свои земельные нормы. В Терском, Гребенском и Моздокском полках в начале XIX в. душевой надел доходил до 50 дес., но при существовавшем и там захватном праве зажиточная верхушка заняла лучшие и бóльшие наделы, а беднота зачастую могла использовать лишь незначительную часть надела. По словам Г. В. Плеханова, многоземелье не спасало казачество «от возникновения неравенства, а с ним и эксплуатации бедного богатым. Совсем напротив: многоземелье само способствовало возникновению неравенства» [56].

Чтобы ликвидировать неразбериху в казачьем землепользовании, была создана особая комиссия (она функционировала с 1820 по 1853 г.) для выработки общих правил землепользования, но так и не смогла этого сделать. Сохранилась большая разница в землепользовании отдельных Войск, а кроме того, в наличии опять не оказалось нужного количества земли, чтобы обеспечить всех казаков по выработанным нормам (от 30 до 50 дес. на душу). Поэтому реальный надел был меньше установленного. Межевание земель проводилось очень медленно. Население прозва-

ло межевую комиссию за медлительность «неживой комиссией». Отсутствие точных межей порождало частые споры и столкновения. Только казачье офицерство получало сполна причитающиеся им земельные наделы (в зависимости от чина). Кроме того, казачьей верхушке сдавали в аренду казенные земли, так что в их руках сосредоточивались большие земельные массивы.

Наряду с многоземельной казачьей верхушкой в каждой станице жила и казачья беднота и «иногородние» — бесправные переселенцы-крестьяне, не входившие в казачьи общины и поэтому не имевшие права на получение земельного надела. Каждую сажень земли, даже для постройки дома, они должны были арендовать у казаков, а чтобы прокормить свои семьи, вынуждены были наниматься батраками, часто на самых тяжелых условиях. Лишь закон 1868 г. дал им право приобретать земли на территории обоих казачьих Войск, но это было под силу только зажиточной части «иногородних», основная масса их так и оставалась безземельными батраками.

Расслоение в казачьих общинах. Казачья община, в отличие от крестьянской, была одновременно и поземельной и военной организацией. Она регулировала земельные отношения, хозяйственную жизнь станицы и в то же время обязана была обеспечить пополнение казачьего войска и подготовку казаков к службе.

И все же основными функциями общины были землераспределительные. Разделом земельных угодий, выделением юрта для общественных надобностей занимался общинный сход. Община регламентировала и другие стороны хозяйственной жизни: определение сроков посевов и уборки, сенокосов и других работ, часто определяла даже характер земледелия, решала, какие культуры высевать, и т. д. Сход определял размер вдовьего пая, который давался обычно в половинном размере, особенно если в семье не было сыновей.

Сохранялись в казачьих общинах и отдельные пережитки коллективного труда, например совместный покос, когда все взрослое население выходило вместе на покос, а затем делило сено по количеству работавших. Однако община не могла спасти казачество от расслоения, а в дальнейшем и от пролетаризации. Давая казакам определенные права, община накладывала на них большие обязанности. Первой из этих натуральных повинностей было несение в течение 20 лет тяжелой военной службы. Три года из них считались приготовительным разрядом, двенадцать — строевым и пять — запасом. На службу надо было идти со своим конем, обмундированием и даже вооружением. Сборы сына на службу часто совершенно разоряли небогатое хозяйство.

Кроме службы, казаки несли земские повинности: по постройке дорог и мостов и их ремонту, по доставке почты, они должны были предоставлять свои дома под постой рекрутов.

От всех этих повинностей страдало больше всего бедное население, так как богачи всегда могли откупиться от повинности и даже от несения военной службы. Бывало немало случаев, когда «за хозяина» несли службы на кордоне и бедные казаки и крестьяне [57].

Рост имущественного неравенства и расслоения казачества усиливался с каждым годом. Уже к 1829 г. у черноморских казаков только 62% имело свои дворы и хозяйства, а 38% было лишено даже дворов [58].

Покровительство казакам со стороны правительства относилось глав-

ным образом к казачьей верхушке, которая щедро одаривалась. Уже в 1802 г. казачьи старшины были уравнены в чинах с штаб- и обер-офицерами регулярных войск и тем самым включены в состав служилого дворянства. «Свод военных постановлений» 1838 г. уже рассматривал права казачьей верхушки на приобретение потомственного дворянства в случае получения обер-офицерского чина. К 1859 г. число дворян в Черномории увеличилось по сравнению с 1840 г. в 4 раза, достигнув 2889 человек. Таким образом, имущественное расслоение дополнялось социальным.

Казачья беднота все чаще выражала недовольство земельными захватами верхушки Войск, их самоуправством и эксплуатацией. Волнения казаков, часто носившие характер военных бунтов, были также направлены против кавказской администрации, часто переселявшей казаков с места на место. Такие волнения чаще происходили на Кавказской линии, где станицы переселяли со старой линии на новую, а затем в Закубанье. В 1861 г. произошли волнения в 1-м Хоперском полку в связи с переселением из обжитых мест в не освоенные казаками просторы Закубанья.

Распространенной формой протеста были побеги казаков к горским народам, более активные вооруженные нападения на хутора казачьей верхушки. Иногда к казакам примыкали во время волнений беглые крестьяне, также выступавшие против угнетения их казачьей верхушкой. Так смыкалось движение казачьей бедноты с крестьянским, так как и те и другие выступления носили антикрепостнический характер.

Расслоение среди крестьянского населения. Крестьянское население Северного Кавказа в первой половине XIX в. все более пополнялось за счет русских и украинских переселенцев из государственных крестьян, беглых и в меньшей степени — крепостных.

Однако процесс этот был длительным и тяжелым. И мучительно долгим был путь из центральных губерний. Мизерные ссуды и временное освобождение от налогов были ничтожной помощью, которую правительство оказывало переселенцам. Она не могла компенсировать разорения хозяйства от переселения, трудности акклиматизации в новых условиях. Неокрепшее хозяйство страдало от запутанности поземельных отношений. Переселенцам приходилось долгие месяцы, а иногда и годы ждать получения обещанных 15 десятинных душевых наделов.

Пользуясь неразберихой в земельных отношениях и медлительностью работы межевых комиссий, зажиточные крестьяне самовольно захватывали крупные наделы, а беднота, не имевшая ни тягла, ни семян, вынуждена была ограничиться одной-двумя десятинами. Строительство домов и дворовых построек затруднялось из-за ограничения переселенцев в пользовании лесом.

Основную массу переселенцев (около 60%) составляли государственные крестьяне — юридически свободные, но находившиеся в зависимости от государства.

Само переселение способствовало расслоению крестьянства. Переселялись, как правило, средние слои, беднота, а зажиточные крестьяне оставались на прежних местах. Но на новом месте процесс расслоения шел еще быстрее.

Возможность захватов больших участков незерянных земель Степного Предкавказья, аренды у местных народов, широкий сбыт сельскохозяйственной продукции на рынках способствовали быстрому развитию то-

варно-денежных отношений, появлению зажиточной верхушки, владевшей скотом и землями, производящей продукцию на рынок. Вместе с тем другая часть крестьянства разорялась и вынуждена была жить продажей своей рабочей силы. Появляются батраки, которые нанимаются к богатым крестьянам за мизерную плату на постоянную работу, а еще чаще на период летних сельскохозяйственных работ.

Богачи, как отмечалось выше, сосредоточив в своих руках значительные паделы земли, создав хуторские хозяйства, эксплуатировали сельскую бедноту.

Имущественную дифференциацию крестьянства усиливали и арендные отношения. Наряду со средним слоем, обходившимся в хозяйстве своими силами, выделяется группа зажиточных скотоводов, эксплуатировавших наемный труд бедноты, вынужденной жить продажей своей рабочей силы.

Разорению крестьянской бедноты способствовал и тяжелый налоговый гнет. Государственные крестьяне должны были платить подушную подать, размер которой из года в год увеличивался, содержать за свой счет полицию и почту, больничные избы для солдат, выделять подводы и поставлять для армии лошадей и проводников, чинить мосты и дороги и т. д. Натуральные повинности позже были заменены денежными поборами, сумма которых также постоянно росла.

Росли и недоимки, так как от уплаты налогов не освобождали ни неурожаи, ни стихийные бедствия. Разоряла крестьянские хозяйства и рекрутчина, от которой богатые могли откупиться, нанимая за себя отходников, а беднота лишалась наиболее молодых работников.

Однако наличие крепостнических отношений в стране тормозило разложение крестьянства, и оно в дореформенный период не дошло до процесса раскрестьянивания.

Основную массу крестьянства составляли средние слои, хозяйство которых носило натуральный характер и было мало связано с рынком.

Помещики стремились компенсировать немногочисленность крепостных крестьян их жесточайшей эксплуатацией, увеличивая размер барщины до 6 дней в неделю, отбирая у крестьян все их имущество. Часты были случаи физической расправы, избиения и издевательств [59].

Неудивительно, что такое отношение вызывало отчаянное сопротивление крестьян. Именно крепостные крестьяне были самыми активными борцами против крепостничества в Предкавказье. С их борьбой смыкалась и борьба закрепощаемых крестьян.

Формы борьбы были разнообразны: побеги из имений к горцам, погромы имений и покушения на господ, разгромы контор, открытые восстания.

Особенно длительными и упорными, как мы знаем, были выступления крестьян селения Маслов Кут Ставропольской губернии. Считая себя свободными людьми, крестьяне протестовали против перевода их в крепостные в связи с пожалованием земель помещику Зотову, а позже передачи их кизлярским дворянам Калантаровым.

Волнения маслокутовских крестьян длились с небольшими перерывами более века. Правительство посылало воинские команды и жестоко расправлялось с крестьянами, но через несколько лет волнения вспыхивали снова. Крестьяне требовали признания их государственными и отказывались нести повинности в пользу ненавистных господ.

В 1853 г., когда в движении приняло участие более двух с половиной тысяч крестьян, волнения были настолько сильными, что в Маслов Кут прибыл сам губернатор, стянуты были войска с пушками. Попытки свя-

щенников, а затем и генерала уговорить крестьян разойтись по домам не имели успеха. Тогда по безоружной толпе был дан залп из орудий. Под огнем падали старики, дети, мужчины и женщины — всего было убито 340 человек. Известия об этом побоище дошли до столицы. Николай I цинично начертал на докладе: «Не могу поверить, что нужно было столь большое кровопролитие для приведения в покорность буйной толпы; полагаю, что ружейных выстрелов было бы довольно» [60].

Жестокая расправа продолжалась и после подавления восстания, зачинщики были высланы в Сибирь. Но волнения не прекращались и в последующие годы.

Таким образом, несмотря на небольшое развитие крепостничества и сравнительное многоземелье Степного Предкавказья, там разгоралась такая же острая классовая борьба против крепостного гнета и засилия помещиков и казачьей верхушки, как и в других районах страны.

---

1 ЦГА ДАССР. Ф. 150. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–4.
2 Рукоп. фонд. НИИ ИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Д. 1679.
3 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 203. Л. 13–14.
4 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 475; Материалы по обычному праву кабардинцев: Первая половина XIX в. Нальчик, 1956. С. 198.
5 ЦГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 282. Л. 11–30.
6 Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1848. № 41.
7 ЦГА ДАССР. Ф. 105. Оп. 1. Д. 13. Л. 60.
8 Там же. Ф. 147. Оп. 4. Д. 41. Л. 15–40, 44 и след.
9 ЦГА КБАССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 153. Л. 21.
10 Закят — налог с движимого и недвижимого имущества, предусмотренный в Коране.
11–12 ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18. Л. 14.
13 Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 100. Л. 115, 118–121.
14 ЦГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 282. Л. 25.
15 *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1967. С. 119.
16 *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 122–126.
17 ГАСК. Ф. 52. Д. 289. Л. 18.
18 ЦГИА ГССР. Ф. 1083. Оп. 2. Д. 282. Л. 42.
19 *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 1. С. 132.
20–21 Там же. С. 279.
22 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 144.
23 Адаты кавказских народов. Одесса. 1983. С. 122–135.
24 *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 106.
25 *Невская В. П.* Карачай XIX в. Черкесск, 1966. С. 28–29.
26 *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 2.
27 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.
28 О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // Кавказ. 1867. № 44.
29 *Берже А. П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 90.
30 Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1867. № 28.
31 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Д. 188. Л. 1.
32 ЦГИА ГССР. Ф. 1983. Оп. 2. Д. 284. Л. 18.
33 ЦГА КБАССР. Ф. 16 Оп. 1. Д. 896. Л. 5.
34 *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 21–22.
35 Материалы по истории Дагестана и Чечни (2-я половина XIX в.). Махачкала, 1947. С. 195.
36 Феодальные отношения в Дагестане. Махачкала. 1980. С. 183.
37 *В. К.* Несколько слов о будущей деятельности нашей на Кавказе // Военный сборник. 1860. № 7. С. 131.
38 ЦГИА ГССР. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 218. Л. 7–8.
39 КС. Тифлис, 1885. Т. 9. С. 6.
40 ЦГВИА. Ф. 414. Д. 300. Оп. 1. Л. 107; Д. 301. Л. 81–82. Д. 302, 89, 225, 226.
41 Там же. Д. 201. Л. 89–90.
42 Там же. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 694. Л. 9; ЦГИА ГССР. Ф. 1083. Оп. 3. Д. 233. Л. 18.
43 АКГ. С. 274.

[44] ЦГА СО АССР. Ф. 262. Оп. 1. Д. 14. Л. 92—103.
[45] *Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 155.
[46] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1828. Т. 2. С. 112.
[47] ЦГИА ГССР. Ф. 1083. Оп. 2. Д. 49. Л. 41.
[48] *Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 168.
[49] Там же. С. 171—195.
[50] ГАСК. Ф. 69. Д. 175. С. 129—132.
[51] *Чекменев С. А.* Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск, 1967.
[52] Там же. С. 79.
[53] ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 306. Д. 245. Л. 10.
[54] Дон и Степное Предкавказье. XVIII — первая половина XIX в.: Социальные отношения, управление, классовая борьба. Ростов н/Д, 1977. С. 59.
[55] Там же. С. 65.
[56] *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произведения. М., 1956. Т. 1. С. 327.
[57] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 426. Л. 3. № 14.
[58] *Шевченко Г. Н.* Черноморское казачество в конце XVIII — первой половине XIX в. М., 1967. С. 17.
[59] Дон и Степное Предкавказье... С. 159—160.
[60] *Чекменев С. А.* К истории волнений ставропольских крестьян в конце XVIII — первой половине XIX в.// Учен. зап. Пятигор. пед. ин-та. 1955. Т. 10. С. 273; ГАСК. Ф. 69. Д. 175. Л. 129—132. Ф. 101. Д. 3254. Л. 303.

Глава IV

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ И АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА с 1829 г. до КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

1. Международные отношения и политика России на Северном Кавказе в 30—40-х годах XIX в.

После Адрианопольского мира упрочение позиций России на Северном Кавказе в основном стало делом внутренней политики. Насаждение военно-административной власти царизма сопровождалось усилением гнета местных феодалов над горским населением. Особенностью этого процесса в 30-х годах XIX в. стало соединение сопротивления царизму с подъемом антифеодального движения против местной знати среди горцев Чечни и нагорного Дагестана, что придало движению небывалый размах и силу. Международная обстановка — политика Османской империи и Англии — также оказывала влияние на ход событий, особенно на Северо-Западном побережье Кавказа, куда проникали османские контрабандисты и английские агенты, подстрекавшие горцев к сопротивлению.

Царское правительство следовало уже намеченному во время войны 1828—1829 гг. курсу на сохранение Османской империи и в 30-х годах не имело против нее агрессивных планов (которые по инерции приписываются политике России западными историками даже в тех случаях, когда этого не было) [1]. Особый комитет, созданный царем в 1829 г., подробно обосновал мнение Николая I и гр. К. В. Нессельроде [2] о том, что для России соседство ослабевшей Османской империи выгоднее, чем ее распад или раздел, которыми воспользовались бы прежде всего сильные и враждебные России государства Западной Европы.

На политику России большое влияние оказало польское восстание 1830 г. Даже после его подавления царское правительство опасалось ослаблять свои силы на западе империи. В 1833 г. оно заключило конвенции с Австрией и Пруссией о сохранении существующих границ между тремя монархиями и о взаимной поддержке на случай новых революций, если об этом будет просить заинтересованное правительство. Европейские дела затрудняли отправку на Кавказ крупных военных сил, а положение Османской империи становилось все более шатким вследствие освободительной борьбы угнетенных народов и сепаратистских устремлений могущественных мусульманских феодалов, управлявших отдаленными окраинами.

Между тем Восточный вопрос все более обострялся. В 1833 г. власть султана оказалась на краю гибели в результате восстания египетского паши Мехмета-Али. Этот правитель Египта хотел получить в управление Сирию, освободиться от власти султана и основать свое сильное и

самостоятельное государство под знаменем ислама. Французское правительство и буржуазия помогали его планам в надежде подчинить Египет и Сирию своему влиянию. Когда в 1833 г. войска Мехмета-Али разгромили султанскую армию в Малой Азии и двинулись на Константинополь, султан Махмуд II обратился за поддержкой к царскому правительству. Только после высадки с кораблей русского флота десанта в 14 тыс. чел. в Ункяр-Искелесси (у входа в Босфор на азиатском побережье) Мехмету-Али пришлось вернуть свою армию и признать свою неудачу. Номинально он остался в зависимости от султана, но, получив Сирию и другие владения, сохранил фактическую самостоятельность и продолжал строить планы создания новой великой мусульманской державы, способной поднять престиж ислама и распространить свое влияние даже на Кавказ, куда эмиссары его стали проникать через Иран.

С Россией Османская империя заключила Ункяр-Искелесситский договор (1833 г.), по условиям которого царь обещал оказывать султану помощь в случае новой опасности, а султан дал обязательство закрыть Дарданелльский пролив для военных кораблей всех других держав. Срок действия договора — 7 лет [3]. Дружба и союз с Османской империей укрепляли престиж и влияние России, расширяли свободу действий для реакционной политики царизма в Западной Европе, гарантировали свободу русской торговли через Черноморские проливы и не допускали высадки десанта западных держав на Черноморском побережье [4]. В дополнение к этому в сентябре 1833 г. в Мюнхенгреце между Австрией и Россией была подписана конвенция, по которой обе стороны обязались противодействовать замыслам египетского паши и сохранять статус-кво в отношении Османской империи. Николай I опасался ее распада и захвата проливов Англией: «Не могу,— писал он,— допустить другим завладеть Царьградом» [5].

Но Черноморское побережье Северного Кавказа оставалось уязвимым. Положение там осложняла попытка османских эмиссаров и контрабандистов помешать утверждению России на побережье между Анапою и Поти. Царское командование сразу после войны пыталось занять войсками опорные пункты приморской полосы, создать там цепь береговых укреплений и распространить военно-административную власть на адыгские народы, но встретило отпор и потерпело неудачу, а повеления Николая I И. Ф. Паскевичу иметь в виду «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [6] натолкнулись на серьезные препятствия. Дело шло медленно, хотя с 1834 г. политика царизма на Северо-Западном Кавказе заметно активизировалась [7].

Османские эмиссары действовали среди горцев подстрекательствами и ложными обещаниями. В 1830 г. они распускали слухи в Абхазии о скором прибытии султанских войск и возвращении им Анапы, Сухум-кале и Поти. С южного берега Черного моря тайно привозилось оружие и боеприпасы. Множество плоскодонных маленьких судов контрабандистов снаряжались между Трапезундом и Синопом. Эти «кочермы» пробирались вблизи самого берега к скрытым причалам в устьях небольших рек Северо-Западного Кавказа, выгружали соль, железо, свинец, серу, порох, английское оружие и «красные товары» и ежегодно вывозили с Кавказа множество невольников, получая огромные барыши [8].

После 1829 г. работорговля на побережье была официально запрещена, это затруднило ее, но на деле контрабандисты еще долго продолжали свое дело [9]. Российская миссия в Константинополе следила за контрабандистами и присылала о них много сведений. Порта формально вынуждена была по требованию России запрещать контрабанду, но фактически

османские власти поощряли ее и нередко сами в ней участвовали, о чем султанскому правительству было хорошо известно.

Николай I повелел рассматривать османских контрабандистов как пиратов и разбойников, захватывать их суда с оружием и боеприпасами и отводить их в русские порты. С 1832 г. иностранным судам разрешалось заходить только в Анапу и Редут-кале, а в других местах они подлежали конфискации. Заведены были таможни и карантинные правила в связи со случаями чумы в османских владениях. С 1830 г. у восточного берега Черного моря началось крейсерство русских военных кораблей — шхун и корветов, но они глубоко сидели в воде и не могли подходить близко к берегу, где по ночам проплывали суда контрабандистов, оставаясь незамеченными. Только часть их удавалось захватить или уничтожить [10].

Многие адыгские феодалы, ориентируясь на Османскую империю, побуждали население к вооруженным выступлениям против царизма, помогали тайному ввозу оружия и пороха, продолжали ожидать помощи от Англии, эмиссары которой в 30-х годах часто появлялись и подолгу жили среди горцев [11].

Попытки адыгских феодалов и османской агентуры не допустить утверждения власти России на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа находили поддержку в Англии [12]. Британское правительство не признавало присоединения «Черкесского» побережья к России по Адрианопольскому миру на том основании, что адыги не считали себя зависимыми от Османской империи. Впоследствии К. Маркс отметит, что «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама» [13]. Но царское правительство следовало отнюдь не принципам народного верховенства, а политике абсолютных монархий и находило Адрианопольский трактат вполне достаточным основанием для дальнейшего подчинения адыгов своей власти. Западные капиталистические державы также действовали силой и в Азии и в Африке, не считаясь с местным населением.

Ункяр-Искелессийский договор вызвал в Англии яростные нападки за то, что будто бы Россия навязала Порте свой «протекторат». Британская буржуазия была заинтересована в торговом пути в Иран и в Индию через Проливы, Трапезунд, Эрзерум и Тавриз, и газеты требовали, чтобы путь этот был поставлен под контроль Англии [14]. Колониальная политика и англо-русские противоречия на Среднем и Ближнем Востоке принимали широкий размах. В центре внимания британских колониальных кругов было завершение завоевания Индии и попытки подчинения близких к ней стран, в частности Афганистана. В английских газетах и парламенте развернулась шумная кампания о «русской угрозе» Индии и защите от России Ирана и Османской империи как государств, прикрывающих подступы к Британской Индии со стороны России, хотя никаких планов вступления в Индию у России не было, да и не могло быть [15].

Британские памфлеты 30-х годов XIX в. во весь голос распространяли выдумки «о полете российского орла к самому сердцу Британской Индии» и утверждали, что подчинение Польши и «квазипротекторат» России над Турцией — лишь начало реализации тайных замыслов Петра I, угрожающих британской мощи в Азии [16]. Тогда в Западной Европе широко распространились вымыслы о мнимом «Завещании» Петра Великого с планом захвата Константинополя и завоевания мирового господства [17]. В политической кампании против России принимала участие польская дворянская эмиграция с целью вызвать конфликт западных держав с Россией и заручиться их поддержкой. Но главными вдохновителя-

ми всей этой шумихи были британские политические, чиновные и торговые круги, связанные интересами с Индией, Ираном и Османской империей. Немалое внимание уделялось и Кавказу.

Британское посольство в Константинополе стояло за решительную поддержку горцев Северо-Западного Кавказа против России. В 1835 г. на пост секретаря британской миссии в Константинополе был назначен фанатичный сторонник этой политики публицист Дэвид Уркварт, известный близостью с польской эмиграцией [18].

Д. Уркварт видел в Кавказе ворота в Иран и Индию. С ведома и согласия посланника Понсонби он помогал отправке в «Черкесию» пороха и оружия, действиям проникавших туда английских осведомителей, передаче ими писем от Сефер-бея. Английские агенты обманывали горцев ложными обещаниями о присылке от Порты и египетского паши огромного флота и войска и о помощи Англии, составляли от имени «черкесов» разные послания к Порте и британскому королевскому двору. На «Черкесском» побережье бывали и подолгу жили среди адыгов Белл, Лонгворт, Стюарт, Найт и другие английские резиденты, побуждавшие «черкесов» к военным действиям против России. Сначала горцы верили в их посулы, но потом неизменно обманывались в своих надеждах. Занятость Англии колониальной политикой в Индии и в других странах не позволяла ей в 30—40-х годах пойти на серьезный конфликт с Россией.

С согласия Понсонби, с ведома и по меньшей мере с неофициального согласия Пальмерстона Уркварт подготовил отправку к «черкесским берегам» принадлежавшей Д. Беллу шхуны «Виксен» с грузом английского оружия. Целью экспедиции было поставить под вопрос права России на это побережье и спровоцировать конфликт между Англией и Россией. 24(14) ноября 1837 г. российский бриг «Аякс» захватил шхуну «Виксен», самовольно зашедшую в бухту Суджук-кале, но обнаружил на ней лишь контрабандный груз соли. По-видимому, две пушки, которых не досчитались при осмотре судна, оружие и боеприпасы были уже выгружены на берег и увезены в горы, ибо на борту их не оказалось. Шхуна подверглась конфискации за нарушение таможенных и карантинных правил, что вызвало яростные протесты в английской печати и парламенте и призывы отправить британский флот в Черное море. Но Пальмерстон с присущими ему коварством и хитростью не оставил следов своей осведомленности о плавании «Виксена», чтобы в случае провала свалить все на прямых организаторов этой затеи. Британское правительство обошло молчанием вопрос о правах России на берег от Анапы до Поти, но вынуждено было признать законность конфискации шхуны в месте, где были русские корабли и укрепления. Британское посольство в Петербурге подтвердило, что в бухте Суджук-кале действительно находилось русское укрепление с гарнизоном [19]. В то время еще действовал Ункяр-Искелессийский договор, и Англии нелепо было просить султанское разрешение на проход британского флота через Босфор. Уркварт был в ярости, но дело окончилось увольнением его с дипломатической службы [20].

Но и после провала авантюры со шхуной «Виксен» действия английских и османских агентов на Северном Кавказе не прекратились. В 1837 г. русские консулы доносили, что английские суда подвозили оружие из Константинополя в Трапезунд для переправки его на «Черкесское» побережье. По данным штаба войск Кавказской линии в конце 30-х годов к берегам Черкесии часто причаливали турецкие «кочермы» и «сандалы» со свинцом, порохом, солью и подстрекательскими письмами и увозили невольников. Иногда эти суда захватывались русскими

кораблями. В горах проживали английские агенты Белл и корреспондент «Морнинг Кроникл» Лонгворт — они уверяли горцев, что скоро будет нанесен решающий удар могуществу России, и помогали подвозу оружия и пороха из Трапезунда и Самсуна [21].

Уже в 1837 г. экономическая слабость России и подстрекательства британской миссии привели к падению русского влияния в Константинополе. В Османскую империю увеличивался ввоз английских товаров, и в 1838 г. был подписан англо-турецкий торговый договор о снижении на них пошлин. Британское правительство давало Порте советы о внутренних преобразованиях. Управление внешними делами Порты было передано в руки враждебных России лиц.

Английских дипломатов занимали не столько «черкесы», сколько назревание нового кризиса Османской империи, снова поставившего на карту ее существование. Опасность для султана и на этот раз исходила из Египта. Египетский паша Мехмед-Али считал, что султан давно уже продался «гяурам» («неверным»), и готовил новый удар по Османской империи с целью объединения и централизации ее владений под властью арабов. На Северо-Восточный Кавказ поступали его прокламации, которыми он «наделял» Шамиля чрезвычайной властью [22].

В 1839 г. султан сам поспешил послать войска против мятежного паши, но они были наголову разбиты, и тогда решающую поддержку султану оказала Англия. Британский флот двинулся к берегам Сирии и вынудил Мехмета-Али отказаться от своих замыслов. Франция поддерживала пашу, но и ей пришлось отступить. В этих условиях возобновление Ункяр-Искелессийского договора на новый срок стало невозможным. В 1840 г. Россия вынуждена была подписать с Англией, Австрией и Пруссией Лондонскую конвенцию о том, что Османская империя ставится под их совместное покровительство, а Мехмет-Али сохраняет под своим управлением только Египет. Замена союза России с Турцией этим соглашением была крупным поражением политики России на Ближнем Востоке. В 1841 г. Николай I не без труда добился подписания новой Лондонской конвенции пяти великих держав с участием Франции о том, что Черноморские проливы будут закрыты для прохода военных кораблей других государств в Черное море в мирное время, а в условиях войны решение зависело от воли султана. Тем самым Порта получала право в военное время пропускать в Черное море мощные флоты западных держав для нападения на русское побережье. Что правительство и буржуазия Англии менее всего думали о «целостности» Османской империи, показало занятие в 1842 г. Адена британским флотом.

В то время казалось, что Турция — совсем «больной человек». Николай I, как и многие другие в то время, преувеличивал близость распада Османской империи и обдумывал варианты ее возможного раздела между великими державами. Царь пометил на докладе К. В. Нессельроде: «Константинополь всем, т. е. никому; стража на Босфоре — наша, на Дарданеллах — Англии или Австрии» [23].

Попытки царя выяснить позицию Англии на случай раздела Османской империи и обсудить это с британским послом Сеймуром натолкнулись на ледяное молчание. Причиной было то, что под видом совместного покровительства великих держав в Константинополе уже взяло верх британское влияние. Английская и французская торговля в османских владениях быстро расширялась, а из Молдавии и Валахии стремительно рос вывоз хлеба в Западную Европу. Военное и торговое значение Черноморских проливов возрастало. Поэтому Великобритания и Франция предпочитали укреплять свои позиции в Османской империи и сближаться с

нею против России. Такой курс давал перспективу свободного прохода их флотов в Черное море в случае русско-турецкого столкновения, а это могло серьезно изменить и положение на Кавказе.

В 40-х годах действия английских агентов и османских контрабандистов на Северо-Западном Кавказе продолжались. Против турецких судов, подвозивших оружие и боеприпасы на «Черкесское» побережье, использовались казацкие большие лодки. Они могли вплотную подходить к берегу и даже высаживали десантные группы для уничтожения контрабандистов и освобождения невольников. В 1844 г. было захвачено 12, в 1845 г.— 10 и в следующем году 6 османских судов. С одного из них были освобождены 78 женщин, увозимых для продажи в рабство. В 1847 г. к берегам «Черкесии» послан был английский пароход «Кенгуру» с английским оружием, боеприпасами и отрядом польских эмигрантов[24].

В 40-х годах царское командование, как увидим ниже, перешло к системе окружения и сокращения подвластных горцам территорий в Чечне и Дагестане, отрезая горцев от плоскости и лишая их продовольствия и всего необходимого. Но результаты этой стратегии не могли проявиться сразу, хотя к середине 40-х годов высший подъем горского движения миновал.

Ресурсы имамата в таких условиях возрастать не могли. Собственное производящее хозяйство нагорного Дагестана и Чечни было слабым, а соседние горские селения и сельские общества начинали отходить от движения. Реакционная идеология мюридизма, «газават» (война против «неверных») все более заводили его в тупик.

2. Первый этап освободительной борьбы народов Северо-Восточного Кавказа (1829—1839)

Социально-экономические, политические и идеологические предпосылки движения горцев Дагестана и Чечни. Вхождение Северного Кавказа в состав России создало благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития народов края. Народам Северного Кавказа более не угрожало нашествие иноземных захватчиков. Стали замирать феодальные междоусобицы и феодальные набеги, крайне тяжело отражавшиеся на положении горского крестьянства, постепенно сокращалась работорговля. Ускоренно стали развиваться экономика и культура. Но все это не решило и не могло решить сложных вопросов классовой борьбы. Более того, классовые противоречия в силу ряда объективных и субъективных причин стали даже обостряться. Отстранив неугодных владетелей от управления и ограничив политическую власть шамхалов, ханов, царские власти оставили по существу неприкосновенными почти все существовавшие до этого порядки во внутреннем управлении феодальных владений. Мало того, создавая себе социальную опору, царское правительство поддерживало эксплуататорские интересы местных феодалов, охраняло их привилегии, оказывало им всяческую помощь и поддержку, способствуя тем самым еще большему укреплению феодальных отношений. Кроме единовременных пособий, ценных подарков, почти всей феодальной верхушке были определены «пожизненные пенсии», ежегодное жалованье. Ханам и бекам присваивались высокие офицерские и генеральские звания, они награждались орденами и медалями. Шамхалу Тарковскому было присвоено звание генерала и установлено годовое жалованье в 6 тыс. руб. Дербентскому хану было положено ежегодно 6 тыс. руб. Уцмию Кайтага было присвоено звание генерал-майора с жалованьем в 2 тыс. руб. в год. Владетель Табасарана получил чин полков-

ника с ежегодным жалованьем в 1500 руб. Казикумухскому и Кюринскому ханам было присвоено звание генерал-майоров с жалованьем в 2 тыс. руб.[25]

Широко практиковалась раздача земель и пожалование феодалам деревень в управление. Делалось все, чтобы местные феодалы не только сохраняли, но и значительно укрепляли свою власть над крестьянством. «За себя и детей своих можешь быть спокойным,— писал генерал А. П. Ермолов Мехти, шамхалу Тарковскому.— Теперь власть шамхала более будет уважаема, и соседи уразумеют, что значит могущественное покровительство великого государя»[26]. Проводимой царским правительством покровительственной политикой феодальные верхи воспользовались весьма широко. При политической поддержке самодержавия феодалы усилили наступление на крестьян. По своему усмотрению они стали увеличивать размеры податей и повинностей, «расширили свое собственное хозяйство и через это уменьшали... пространство земель, находившихся до этого в пользовании поселян»[27].

В нагорной части Дагестана, где социальные отношения были менее развиты, феодальная знать стала решительнее наступать на права крестьян-общинников. Факт усиления феодальной эксплуатации в связи с утверждением царизма на Северном Кавказе признавал впоследствии наместник Кавказа, вел. кн. Михаил Павлович. Ханы, обласканные кавказским начальством, писал он, поняли «значение полученных ими актов для ослабления права народа на землю и расширения личного своего права»[28]. Уверенные в помощи и поддержке правительства, феодальные владетели стали еще более деспотично обращаться с подвластным населением. Поддерживаемый кавказским командованием, шамхал Тарковский притеснял «своих подвластных, не отдавая никому в том отчета»[29]. Не менее жестоко обращались с подвластным населением и другие владетели. Не считаясь ни с чем, они решали дела «как бог на душу положит», выносили самые жестокие приговоры и тут же приводили их в исполнение. Нередки были случаи, когда по одной лишь прихоти хана без суда и следствия людей ссылали во внутренние губернии страны. Усиливающийся феодальный гнет вызвал недовольство народных масс ханами, беками и их покровителями — царскими властями. «После покорности дагестанских племен,— писал А. Руновский,— мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но и предоставили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть... Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских как на своих избавителей, увидели себя горько обманутыми»[30]. Кроме того, царские власти наложили и на жителей ряда владений и союзов сельских общин Северо-Восточного Кавказа обременительные налоги, что также вызывало недовольство горского крестьянства царской администрацией. Широкие народные массы были возмущены и тем, что при взимании налогов местные власти часто, как это признавала сама кавказская администрация, производили сбор «двойных податей»[31]. Сверх того, трудящихся горцев принуждали работать на строительстве и расчистке дорог. Они, особенно жители равнинного Дагестана, обязаны были выставлять по требованию коменданта лошадей и подводы для перевозки различных грузов, нести почтовую службу.

Положение жителей осложняло и то, что кавказское командование без особых причин, чаще всего за вину отдельных лиц, применяло блокаду целых районов, запрещало свободный проезд по равнинной части Дагестана, Закавказью и по Северному Кавказу по торговым и другим эко-

номическим, хозяйственным делам. В случае нарушения этого запрета местным властям разрешалось арестовывать прибывших горцев и отбирать привезенные ими товары. Чаще всего оказывались конфискованными изделия домашних промыслов, наплечные бурки, паласы, холодное оружие. Армянским и еврейским купцам «под опасением строжайшей ответственности» запрещалось отвозить товары для продажи в горы Дагестана [32]. Эти меры воздействия крайне отрицательно сказывались на хозяйстве жителей горного края. Оценивая значение для жителей нагорного Дагестана, и в частности для Аварии, торговли с соседями, генерал И. Ф. Паскевич в 1828 г. писал: «Аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни, и будучи окружены, подобно им бедными соседями, не могут доставлять необходимейших для себя вещей иначе», как обменивая «некоторые собственные произведения» с жителями равнин, «без такого обмена и без торговли,— заключал он,— аварцы существовать не могут» [33]. Тем не менее запреты и притеснения продолжались. После 1829 г. Николай I предписал Паскевичу взять твердый курс на подчинение горских народов российской администрации, требовать повиновения и подавлять всякое сопротивление.

Положение трудящихся масс усугубляли произвол, злоупотребление и взяточничество офицеров и чинов кавказской администрации, их невнимание к обычаям, нравам и традициям горцев [34]. Поскольку рост феодальной эксплуатации и гнета самодержавия происходил одновременно и в тесной связи с укреплением царской администрации, то антифеодальный протест нередко сливался с антиколонизаторской борьбой. Более того, недовольство гнетом местных феодалов иногда отходило на второй план, уступая первое место национальному движению против политики царизма, тем более что царские власти любое неповиновение горцев феодалам, как и антифеодальные выступления крестьянских масс, тоже расценивали как «бунт» или «измену» [35]. И тогда начальники, считая, что «для них настала пора военных реляций, громких подвигов и щедрых наград и других выгод», вели войска в горы и, применяя принцип круговой поруки, жестоко расправлялись с целыми обществами [36]. Нередко эти походы возглавлял и сам главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Ермолов (см. гл. I). Положение стало еще хуже, когда в 1826 г. главнокомандующим, а затем и наместником на Кавказе стал царский любимец генерал-адъютант И. Ф. Паскевич, который стоял за еще более широкие карательные меры.

В письмах к Паскевичу царь намечал задачу быстрейшим образом осуществить полное «покорение, или истребление непокорных». Но отважное сопротивление горских народов и трудности боевых действий в горах предвещали затяжную войну и требовали присылки новых подкреплений, Паскевич, видимо, понимал нереальность «высочайших» требований, ибо репрессии побуждали горцев к новым выступлениям против царских властей [37]. Он писал Николаю I, что «жестокости, в частности, умножали ненависть», а «недостаток твердости и решительности в общем плане обнаруживали слабость и недостаток силы» [38].

Попытки царского правительства сразу подчинить горцев своей военно-административной власти провалились. Военное командование прибегало к карательным экспедициям и старалось навязать горцам свои требования. Примером разных условий, «предписываемых покоряющимся горцам», может служить документ от ноября 1836 г. Его пункты включали выдачу аманатов от всех аулов и передачу листов с присягами на верность российскому начальству, обязательство подчиняться российскому приставу, поставлять по его требованию транспортные средства для перевозки

грузов и деловых бумаг, давать людей для дорожных работ и всадников для конвоя, избирать кадиев, которые обязаны исполнять распоряжения пристава, выбирать старшину в каждом ауле для утверждения его российскими властями, не укрывать абреков и мюридов, сдать по одному хорошему ружью от каждых 10 саклей и по 2 барана от сакли, а также выдать русских пленных и беглых. Для горцев эти пункты, особенно о сдаче оружия, были неприемлемы.

Рис. 1. Алексей Петрович Ермолов

В первой четверти XIX в. выступления против царизма возглавила часть феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа, из-за чего часть их была отстранена от власти. Но они не сложили оружия, продолжали подымать трудящихся горцев на борьбу с Россией. Недовольны были и другие феодалы: хотя и обласканные кавказской администрацией, они не могли свыкнуться с ограничением своей политической власти и произвола, хотели вновь стать неограниченными властителями своих владений.

О прошедших временах мечтали особенно те феодалы, которые были организаторами и предводителями феодальных набегов, наживаясь на работорговле. Часть феодалов была озлоблена резким и повелительным обращением с ними кавказской администрации. Недовольно было создавшимся положением и успевшее к этому времени стать как бы над народом разбогатевшее узденство феодальных владений и особенно союзов сельских общин. Но кавказская администрация, как известно, не уравняла «богатеев» узденей с местными феодалами и не распространила на представителей господствующей верхушки союзов сельских общин привилегии, сохраненные ханами и беками. Поэтому-то разбогатевшие уздени таили ненависть и против самодержавия, и против местных феодалов, пользовавшихся благосклонностью правительства.

Оппозиционно было настроено и местное мусульманское духовенство, за исключением духовных лиц, перешедших на службу к царизму. Как известно, мусульманское духовенство на Северо-Восточном Кавказе, и особенно в Дагестане, было многочисленно. В каждом ауле имелись мулла, кади, будун и другие духовные лица. В целом духовенство составляло 2—2,5% населения.

Значение мусульманского духовенства определялось не только его многочисленностью, но главным образом позициями, которые оно занимало в горских обществах. Оно сосредоточило в своих руках духовную, а в ряде мест и светскую власть, как, например, в Табасаране, Акуша-Дарго и других союзах сельских обществ Дагестана и Чечни. В союзах сельских обществ нагорного Дагестана представители местного мусульманского духовенства выполняли роль правителей вместе с «богатеями»-узденями.

Большая часть мусульманского духовенства была против включения Северного Кавказа в состав России и ориентировалась на мусульманский Восток. Сам факт перехода мусульман под покровительство страны, где государственной религией было христианство (православие), расценивался духовенством как посягательство на его авторитет и влияние. Со временем враждебность духовенства еще более усиливалась, особенно после объявления генерала А. П. Ермолова в 1819 г. о том, что впредь главный акушинский кадий будет назначаться главнокомандующим на Кавказе.

В 1824 г. Ермолов послал главному кадию Кубы предписание, представляющее краткое руководство по управлению местным мусульманским духовенством.

Мусульманское духовенство, как писал генерал Паскевич в 1830 г., «утратило выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами посредством произвольных истолкований Корана, ибо власть судная в землях, состоявших под влиянием России, ныне находится на попечении местного нашего начальства, а частью еще в заведении самих владетелей и старших обществ, покровительствуемых правительством нашим» [39]. Само собой понятно, что духовенство не только не хотело уступать свои позиции, но и стремилось вернуть утраченные выгоды, вновь упрочить свое положение, а если удастся, и захватить политическую власть, призывая к восстановлению и укреплению норм «шариата» *.

Итак, политикой царизма были недовольны и широкие слои народных масс, горское крестьянство, ремесленники, часть феодалов, разбогатевшая узденская верхушка и большинство мусульманского духовенства. Однако причины недовольства и цели разных социальных слоев горского населения были различны. В то время как широкие народные массы желали освобождения от феодального деспотизма и гнета самодержавия, феодально-клерикальные верхи стремились, используя недовольство народных масс, встать у кормила власти. Феодалы хотели вернуть утраченные позиции, а верхи духовенства, оттесняя феодалов, как «плохих мусульман», стремились установить свое не только духовное, но и политическое преобладание.

Но, как и прежде, недовольство действиями царской администрации и приверженность исламу не означали желания допустить восстановления на Северном Кавказе власти Османской империи или шахского Ирана, хотя эти державы, а также заинтересованные в ослаблении России на Кавказе и Ближнем Востоке западноевропейские государства, и прежде всего Англия, стремились в своих интересах использовать борьбу горцев, подстрекали и поощряли движение горского населения Дагестана и Чечни против царской России.

Вскоре обстановка на Северо-Восточном Кавказе стала такой накаленной, что «для повсеместного выступления,— по словам русского офицера Мочульского,— недоставало только связи между различными обществами» [40]. В условиях острых классовых и национальных противоречий на рубеже 30-х годов XIX в. широко распространилось движение горцев Дагестана и Чечни под флагом мюридизма. По словам русского военного историка Романовского, мюридизм стал «искрою, брошенною в порох» [41].

---

* Шариат (*араб.* шариа, букв.— правильный путь, прямая дорога, образ действий) — основанный на Коране свод религиозных, этических и правовых предписаний, обязательный для всех мусульман (и суннитов, и шиитов).

Идеология мюридизма не была новым явлением и своими истоками восходила к средневековью, но в 30—50-х годах XIX в. в условиях Северного Кавказа она стала знаменем борьбы с царской администрацией.

Это глубоко понимал великий русский революционный демократ Н. А. Добролюбов, подчеркнувший, что речь идет вовсе не о религиозной войне. «Обыкновенно,— писал он,— приписывают этому явлению (мюридизму.— *Авт.*) те волнения, которые начались в покорном Дагестане. Но едва ли это справедливо ... Скорее самые его успехи следует объяснить враждебностью горцев» [42] самодержавному режиму. И действительно, существовавшая на Кавказе исстари и мирно уживавшаяся с существующим порядком секта мюридов-мистиков вряд ли могла воспламенить массы горского крестьянства и приобрести политическое значение, если бы не сложились социально-экономические, политические и идеологические причины, толкавшие горцев на борьбу. Как пишет известный кавказовед А. В. Фадеев, идеи мюридизма стали широко распространяться и принимать политическое звучание лишь с того времени, «когда произошло соединение этих идей с массовым движением горцев Северо-Восточного Кавказа. Это движение, основу которого составляло горское крестьянство с его антиколониальным и антифеодальным устремлениями, нарастало давно и независимо от деятельности мюридистских проповедников» [43].

Используя сложившуюся обстановку, «благочестивые тарикатисты» выставили требования: «равенство между мусульманами», «мусульманин никому не должен платить подати», «освобождение магометан из-под власти неверных» и «газават» («священная война») против неверных. Таким образом, глубоко реакционная и фанатичная по своей сути идеология мюридизма смогла на время включить в себя антиколонизаторские и даже антифеодальные призывы. Этим путем клерикалы хотели направить борьбу горцев в нужное им русло, встать у кормила власти, навязать народу свое господство. Однако горское крестьянство воспринимало эти призывы как зов к борьбе за освобождение от всякого насилия и гнета, в том числе от гнета местных феодалов.

Говоря о том, что секта мюридов в связи с обострением классовых и национальных противоречий стала принимать ярко выраженную политическую окраску, необходимо особо подчеркнуть, что часть тарикатистов (послушников секты мюридов) и такой идеолог кавказского мюридизма, как мюршид Джемалэддин Казикумухский, вначале были против активных выступлений и вооруженной борьбы.

Со временем мюриды включились в движение, но не принимали непосредственного участия в вооруженных столкновениях, предпочитая, чтобы за них воевали другие, и делали все, чтобы их не затронули тяготы борьбы.

В движении горцев Дагестана и Чечни первой половины XIX в. принимали участие и так называемые наибские мюриды. В отличие от тарикатистов они не входили в секту мюридов, не считали необходимым участие в «газавате». Достоинствами наибских мюридов считались физическая сила, умение владеть оружием и беспредельная верность наибу, готовность выполнить любое его поручение даже ценою жизни. Однако наибских мюридов было немного. Обычно каждый наиб мог иметь от 5 до 12 мюридов. Следовательно, если не называть всех горцев-крестьян, включившихся в борьбу, мюридами (как иногда поступают некоторые авторы), мюриды, собственно принимавшие участие в движении, состав-

ляли незначительное меньшинство. Мюридизм, являясь своеобразной разновидностью ислама, направлял недовольство трудящихся горцев по ложному пути, затемнял классовое самосознание горцев, притуплял классовую борьбу, возбуждал ненависть к другим, особенно ко всем христианским, народам вообще, изолировал трудящихся горцев от освободительной борьбы русского и других народов Кавказа и всей России.

Пропитанный воинствующим фанатизмом, кавказский мюридизм являлся реакционной идеологией. Неправильно думать, что идеи мюридизма могли сыграть положительную роль. Нельзя также отождествлять с мюридизмом антифеодальную, антиколонизаторскую борьбу горского крестьянства и тем более считать мюридизм чуть ли не главной причиной, вызвавшей движение горцев Дагестана и Чечни, хотя эта борьба и проходила под знаменем мюридизма. Здесь уместно вспомнить высказывание В. И. Ленина о том, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»[44]. Отсюда неправильность мнения о том, что движение горцев Северного Кавказа против политики царизма было чем-то вроде религиозной революции под знаменем мюридизма и шариата.

Движение горцев Дагестана и Чечни 20—50-х годов XIX в. не было однородным по своему классовому составу. В долголетней борьбе горцев Дагестана и Чечни отчетливо видны различные социальные потоки, в нем принимали участие трудящиеся горцы, духовенство, феодализирующаяся верхушка и некоторые феодалы, но основной силой борьбы было горское крестьянство с его антифеодальными устремлениями. Примкнувшие к движению феодалы и феодализирующаяся верхушка взялись за оружие по мотивам, далеким от стремлений народных масс. Феодалы и клерикалы, каждый по-своему, старались в корыстных целях использовать борьбу народных масс для достижения своих заветных целей и стремлений. Все это накладывало свой отпечаток на события и крайне осложняло борьбу горского крестьянства, предопределяло сложность и противоречивость движения горцев Дагестана и Чечни. «...Марксист,— указывает В. И. Ленин,— вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что́ есть прогрессивного в этих движениях... Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность наций»[45].

Первый этап движения, его особенности и социальная база (1829—1839). Начальный этап движения горцев Дагестана и Чечни охватывает период с самого начала вооруженной борьбы на Северо-Восточном Кавказе до 1839 г. Характерной чертой этого периода является то, что именно в это время произошло объединение разрозненных стихийных выступлений горского крестьянства в одно антифеодальное, антиколонизаторское движение, облаченное в религиозную оболочку мюридизма. Исключая отдельные неудачи, движение в то время шло в целом по восходящей линии. Социальной базой этой борьбы начального периода, несмотря на то, что руководителями движения оказались представители духовенства, были крестьянские массы с их извечным стремлением освободиться от всякого гнета. Основные события в этот период развернулись в нагорной части Дагестана — в Аварии, где борьба приняла ярко выраженный антифеодальный характер, в то время как в Закаталах, Чечне на первое

место выдвинулась антиколониальная борьба против царских властей. В Кабарде, Осетии выступления трудящихся масс были более открыто направлены против местных феодалов, чем в Дагестане и Чечне. Но и здесь в силу феодальной раздробленности и этнической пестроты выступления крестьян были разобщены.

Первые выступления под знаменем мюридизма обнаружились еще в 20-х годах в Южном Дагестане. В начале 30-х годов XIX в. провозглашенный там мюршидом * мулла Магомед Яраглинский стал призывать к борьбе. Однако ему не удалось поднять народные массы; более того, боясь быть арестованным кюринским Аслан-ханом и выданным царским властям, он вынужден был бежать в нагорный Дагестан, где и оставался до конца жизни. После его смерти мюршидом был признан Джемалэддин Казикумухский. Однако руководителем вооруженной борьбы стал уроженец аварского селения Гимри Койсубулинского союза сельских общин уздень Магомед.

Провозглашенный имамом ** с титулом «гази» (борец за веру) Гази-Магомед начал свою деятельность с настойчивых призывов к населению отказаться от адатов и повседневно утверждать нормы шариата. Первых успехов он достиг в Салатавском, Койсубулинском и Гумбетовском союзах сельских общин. В конце 1829 г., набрав в этих обществах до 6 тысяч приверженцев, он во главе их выступил против селения Араканы, «где, арестовав кадиев и князей», отказавшихся ему подчиниться, сумел склонить на свою сторону жителей Араканы и «многие деревни Мехтулинского и шамхальского владения» [46]. После этого Гази-Магомед решил выступить против аварских владетелей. Он рассчитывал на то, что борьба с аварскими ханами и их окружением будет поддержана широкими народными массами, ненавидевшими «своих» феодалов и тяготившимися их управлением, а сам он приобретет популярность борца за народные интересы и социальную справедливость, привлечет к движению новые силы горцев. Тогда в случае победы, уничтожения ханов, ликвидации их власти ему уже более никто не будет мешать стать единовластным хозяином в Аварии.

Весной 1830 г. во главе 8-тысячного отряда Гази-Магомед напал на резиденцию ханов Аварии в селении Хунзах, но потерпел неудачу. В том же 1830 г. шейх Шабан и Гамзат-бек во главе повстанцев из селений Джар, Закаталы, Катех, Мацех и некоторых других населенных пунктов напали на крестьянское селение Новые Закаталы, но успеха не имели. Во время начавшихся переговоров Гамзат-бек был арестован, а отряды повстанцев рассеяны.

В 1831 г. Гази-Магомед, собрав значительные силы, устремился в равнинный Дагестан. Отряд царских войск под командованием генерала Бековича-Черкасского напал на лагерь Гази-Магомеда в урочище Чумискент (близ Темир-Хан-Шуры), но был разбит. Развивая успех, поддерживаемый народом, Гази-Магомед занял селения Большое Казанище, Параул, где сжег дом владетеля Тарковского, взял с боем Тарки, а 25 мая 1831 г. осадил крепость Бурную, но взять не смог. Более того, под натиском прибывшего на помощь осажденным отряда под командованием генерала Каханова, он отступил от крепости. Но вскоре Гази-Магомед, встречая поддержку населения, двинулся в Северный Дагестан. Генерал Эммануэль 6 июля 1831 г. доносил: «Салатавцы, койсубулинцы, гумбетов-

---

* Мюршид – духовный наставник мюридов.
** Имам – предводитель, духовный и светский глава.

цы и другие уже предались ему. Кумыки могут последовать их примеру. Все чеченцы, даже живущие в окрестностях крепости Грозной, ожидают только появления» Гази-Магомеда, чтобы восстать [47]. В августе 1831 г. Гази-Магомед в течение более полумесяца пытался овладеть крепостью Внезапной. Однако, узнав о движении генерала Эмануэля на выручку осажденным в крепости, он отступил в Ауховские горы и там сумел нанести отряду царских войск сильный урон.

В августе 1831 г. 8-тысячный отряд под водительством Гази-Магомеда в течение 8 дней держал в блокаде Дербент. «Жители города Дербента как армяне, так и мусульмане шиитовой секты, действовавшие единодушно с гарнизоном, мужественно отражали» нападения Гази-Магомеда [48]. Подоспевшие русские войска, которыми командовал генерал-майор Каханов, принудили его снять осаду и отступить к селению Рукель. Отсюда в ноябре того же 1831 г. Гази-Магомед совершил стремительный поход на север, разорил Кизляр, вступил в Чечню, совершал нападения под Владикавказом, окружил Назрань. Все это показывает, что предводитель горцев избрал своеобразную тактику ведения борьбы. Не создав определенной, хорошо укрепленной базы и не укрепив тыл, Гази-Магомед устраивал нападения на отдаленные друг от друга пункты (Хунзах — Тарки, Дербент — Кизляр). Такую тактику походов на далекие расстояния, очевидно, можно объяснить тем, что предводители повстанцев, и прежде всего сам Гази-Магомед, считали, что внезапными налетами можно нанести наиболее чувствительные удары царским войскам, расстроить их и привлечь к борьбе новые силы.

Угнетаемое местными феодалами и самодержавием крестьянство активно поддерживало Гази-Магомеда; под его началом оказалось около 15 тыс. горских крестьян. Но успехи Гази-Магомеда оказались недолгими. Не дождавшись отмены феодальных повинностей, не добившись своего освобождения, многие крестьяне, включившиеся в движение, со временем стали отходить от Гази-Магомеда. Жители некоторых койсубулинских деревень, объясняя свой отход от движения летом 1832 г., писали Гази-Магомеду, что со времени начала борьбы «они не только не разбогатели, как он обещал, но напротив того — разорились; что получаемая ими иногда добыча не в состоянии вознаградить убытков, ими понесенных, и, наконец, ему советовали отказаться от своих предприятий, всегда оканчивающихся невозвратною потерею их родственников и друзей» [49]. В том же 1832 г. крупные отряды царских войск вместе с грузинской и армянской милицией, разбив повстанцев, взяли Гимры. В этом бою был убит Гази-Магомед и ранен его ближайший сподвижник Шамиль.

Через два года имамом был провозглашен Гамзат-бек, выходец из бекской семьи селения Гоцатль. Освобожденный из Тифлисской тюрьмы стараниями Аслан-хана Казикумухского, Гамзат-бек сразу же после возвращения в Дагестан включился в борьбу, участвовал в ряде сражений. Став имамом, он, по словам хрониста Ал-Карахи, «кружил по селениям и городам с товарищами, наставляя, увещевая, приказывая и запрещая» [50], и за короткое время сумел подчинить своей власти койсубулинцев, гумбетовцев, андийцев, андалальцев и др. Считаясь с чаянием широких масс народа, Гамзат-бек в каждом из подчинившихся обществ расправлялся с местной знатью. Овладев в 1834 г. Хунзахом, он уничтожил всю семью аварских ханов, оставив в живых только малолетнего Булач-хана, а также убил управляющего небольшой частью Аварии Сурхай-хана. После всего этого, напуганный случившимся, Аслан-хан Казикумухский с тревогой доносил кавказскому командованию, что в Дагестане, «кроме его и акушинцев, все перешли на сторону Гамзат-бека» [51].

Осенью 1834 г. Гамзат-бек с 15-тысячным отрядом занял даргинское селение Куппа и потребовал от акушинского и цудахарского кадиев присоединиться к нему. Кадии и старшины Акуша-Дарго отвергли предложение имама. Между Гамзат-беком и жителями Акуша-Дарго, поддержанными отрядом Аслан-хана Казикумухского, произошло сражение. Имам был разбит, за что русское правительство пожаловало кадиям и старшинам ценные подарки.

Однако имамство Гамзат-бека продолжалось недолго. В 1834 г. в хунзахской мечети он был убит молочными братьями ханов Аварии Османом и Хаджи-Муратом (не без участия Ахмед-хана Мехтулинского) [52]. Убийство Гамзат-бека внесло некоторое замешательство в ряды повстанцев, но, как и следовало ожидать, не приостановило движения. «Мюридизм,— писал Романовский,— ожидал только главы, чтобы воспрянуть с новой силой. Этой главой явился Шамиль, соединивший в себе редкие дарования воина и администратора» [53] (рис. 2).

Шамиль родился в ауле Гимры Койсубулинского союза сельских общин в семье простого узденя. Все недвижимое имущество его (участок пахотной земли, сад и дом) было впоследствии оценено в 200 руб. сер. Будучи близок к предводителям движения, Шамиль не только принимал в нем активное участие с самого начала, но и в течение 25 лет бессменно руководил борьбой горцев Дагестана и Чечни. То был мужественный и решительный воин, настойчивый, строгий к себе и окружающим администратор, умелый политик, выдающийся предводитель движения. Но этот талантливый горец являлся сыном своей эпохи. В менявшихся социально-экономических условиях он вместе со всей верхушкой имамата и движением в целом претерпел известную эволюцию. Не поэтому ли К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу в августе 1854 г. назвал предводителя горцев «страшным» демократом Шамиль-беем [54]. Провозглашенный «собранием благородных ученых» имамом, Шамиль начал свою деятельность, как и его предшественники, с того, что казнил Булач-хана, убил 45 человек рода феодалов Султаналиевых, содержавшихся под арестом в селении Гимры [55]. Желая привлечь на свою сторону как можно больше горцев, он рассылал по аулам прокламации и вел успешную агитацию почти во всех койсубулинских селах. В этих обращениях причудливо переплетались призывы к политической борьбе и ясно реакционные мотивы религиозной догматики. Еще более настойчиво Шамиль вел борьбу против тех сил, которые отказывались принять шариат и быть заодно с ним. Аулы Унцукуль, Чирката, Орота, Тадколо и другие были подчинены силой.

Росту авторитета и влияния Шамиля способствовала и победа, одержанная им над отрядом под командованием генерала Ланского. Однако направленный в Аварию с большим отрядом полковник Клюге-фон-Клюгенау дошел до Хунзаха, укрепил его и утвердил правителем Аварского ханства Магомед-Мурза-хана Казикумухского.

В том же 1835 г. царские войска под командованием полковника Пуло предприняли из Грозного безуспешный поход против повстанцев, возглавляемых Ташевым-Хаджи. Шамиль тоже предпринял в 1835—1836 гг. ряд мер для решительного упрочения своей власти в нагорном Дагестане, сделал попытку овладеть Хунзахом, но не смог добиться успеха. Руководивший обороной Хунзаха Хаджи-Мурат нанес отрядам Шамиля ряд ударов и принудил его отступить. Но это не пошатнуло положение Шамиля. К тому же в это время к нему примкнули предводитель повстанцев Тилетля Кибит-Магомед и Ташев-Хаджи во главе чеченцев. В марте 1836 г. Шамиль совместно с Ташев-Хаджи действовал против аулов Ига-

Рис. 2. Шамиль
С фотографии 50-х годов XIX в.

ли, Унцукуль, Ирганай и др., «коих жители не расположены к мюридам и не принимали шариат» [56].

Кавказское командование организовало в Дагестан и Чечню походы против «непокорных», но потерпело неудачу. Весной 1837 г. близ селения Ашилты (место пребывания Шамиля) горцы нанесли сильное поражение отряду под командованием генерал-майора Ивелича. Воодушевленный успехом, Шамиль вновь направился к Хунзаху. Но, потеряв более 150 человек, вынужден был прекратить осаду этой резиденции аварских ханов и направился в Андалал. Там Шамиль не только подчинил своей власти ряд сел, но и нанес близ аула Согратль сильное поражение объединенному отряду андалальцев, хунзахцев и казикумухцев. Тем временем отряд под командованием генерала Фези в Чечне привел к присяге ряд селений Ичкерии. «Сей корень Чечни,— доносил Фези,— был занят без выстрела» [57]. Покорность России признали и андийцы. Одновременно кавказское командование принимало политические меры воздействия на участников движения.

На Северо-Восточный Кавказ был направлен казанский татарин шейх-уль-ислам муфтий Таджутин Мустафин. Он должен был убедить горцев в неправильности толкования шариата мюридами и привлечь их на сторону правительства [58]. Предпринимались и другие меры. В 1837 г. кавказское командование начало переговоры с Шамилем. Встретившись с ним 18 сентября близ селения Гимры, начальник царского отряда Клюгефон-Клюгенау постарался уговорить Шамиля прекратить вооруженную борьбу и явиться в Тифлис к императору, приезд которого в этот город намечался на осень. Имаму обещано было большее вознаграждение, но и это предложение не имело успеха.

В нагорный Дагестан против Шамиля двинуты были царские войска, вместе с ними действовали отряды владетелей Дагестана Магомед-Мурза-хана Казикумухского, Ахмед-хана Мехтулинского, шамхала Тарковского и др. Шамиль, решив дать отпор, укрепил селение Телетль. После упорного боя под Ашильтой царские войска под командованием генерал-майора Фези и отряды владетелей Дагестана осадили Телетль. После многодневных кровопролитных боев им удалось овладеть лишь частью этого селения. В итоге начавшихся по предложению Шамиля переговоров он уступил аул, заключив перемирие. В качестве аманата Шамиль выдал своего племянника.

Но почему штурм не был доведен до конца и при первом же предложении Шамиля генерал Фези согласился на перемирие? Оказалось, что недостаток в боеприпасах не позволил ему «предпринять приступа для овладения самою укрепленною частью сел. Телетль. Невозможно было

также ограничиться и блокадой на то время, пока боевые снаряды могли бы доставляться из Темир-Хан-Шуры, ибо малейшее ослабление действий... ободрило бы осажденных и доставило бы Шамилю пособие приведенных ему племен». И все же кавказское командование считало, что цель экспедиции, возложенной на генерал-майора Фези, была достигнута. Напротив, в горах отход отряда генерала Фези был воспринят как победа горцев и доказательство того, «что Шамиль в состоянии бороться с огромными силами» [59].

Шамиль, обосновавшись в селении Чирката, развернул энергичную деятельность по объединению сил восставших. Этому благоприятствовала сложившаяся обстановка. Кавказское командование, занятое подавлением восстания в Кубе, в течение всего 1838 г. «не предприняло ничего особенного» в нагорном Дагестане. Движение все более и более ширилось и вскоре восстанием оказались охвачены Койсубулу, Салатау, Гумбет, Анди и примыкавшие к Дагестану районы Чечни. Движение, по словам генерала П. Х. Граббе, «получило необыкновенно обширное развитие», а Шамиль «сделался полным хозяином всех средств, предоставляемых краем для противодействия» [60] правительству. В то же время на берегу Андийского Койсу, в скалистых горах близ Ахульго Шамиль устроил обширные завалы, соединил их крытыми ходами, укрепил это искусственное сооружение «с большою тщательностью и с таким соображением, которое принесло бы честь и не лезгинскому инженеру» [61]. Эта укрепленная скала была названа Новым Ахульго. Превращен был в крепость и аул Ирганай.

В 1839 г. Кавказское командование предприняло двустороннее наступление на Дагестан. Генерал Головин «усмирил» Южный Дагестан, а генерал Граббе, пройдя Ичкерию, с боем взял селения Арчуки и Чирката и обложил крепость Ахульго. После продолжительных боев Шамиль вынужден был сдать крепость, выдать аманатом своего сына и бежать в Чечню.

Кавказское командование считало взятие Ахульго концом сопротивления горцев, хотя Шамиля захватить не удалось. «Не сомневаюсь,— писал генерал Граббе,— что настоящая экспедиция не только поведет к успокоению края, где производились военные действия, но отразится далеко в горах Кавказа, и что впечатление штурма и взятия Ахульго надолго не изгладится из умов горцев и будет передаваемо одним поколением другому. Партия Шамиля истреблена до основания, но это только частный результат, гораздо важнейшим считаю я нравственное влияние, произведенное над горцами». Что же касается Шамиля, генерал был уверен, что, «скитаясь одиноким в горах, он должен только думать о своем пропитании и о спасении собственной жизни» [62]. Однако кавказское командование ошибалось. Победа над Ахульго не прекратила сопротивления горцев.

3. Второй этап движения горцев Дагестана и Чечни (40-е — начало 50-х годов XIX в.)

Освободительная борьба горцев Дагестана и Чечни (1840—1852). Во второй период освободительной борьбы восставшие горцы под водительством Шамиля достигли наибольших успехов (карта 3). Одержаны были крупные военные успехи, и в итоге в нагорной части Дагестана было взято 12 укреплений, и царские войска были изгнаны почти из всей Аварии и Чечни. Для расширения базы движения были предприняты крупные экспедиции в самом Дагестане и других местах Северного Кав-

каза. В сражениях принимало участие не только население охваченных движением районов Дагестана и Чечни, но и значительное число «мухаджиров» (беженцев с других мест), а также перебежавшие к Шамилю русские и украинские солдаты.

В 1840 г., вопреки ожиданиям кавказской администрации, во многих местах Чечни начались стихийные выступления доведенных до крайности крестьян. «В Чечне,— признавал генерал П. Х. Граббе,— обнаружились также большие беспокойства, и нет сомнения, что главнейшие к тому причины: стесненное положение жителей нагорной Чечни» [63]. Непосредственным поводом выступления крестьян послужили жестокости генерала Пулло и особенно стремление властей обезоружить жителей горских сельских обществ. Создавшимся положением умело воспользовался Шамиль: объединив разрозненные силы повстанцев, он возобновил вооруженную борьбу. Ближайшими его сподвижниками стали Ташев-Хаджи, Ахмед-хан, Суаиб, Думбай, Тепи и др.

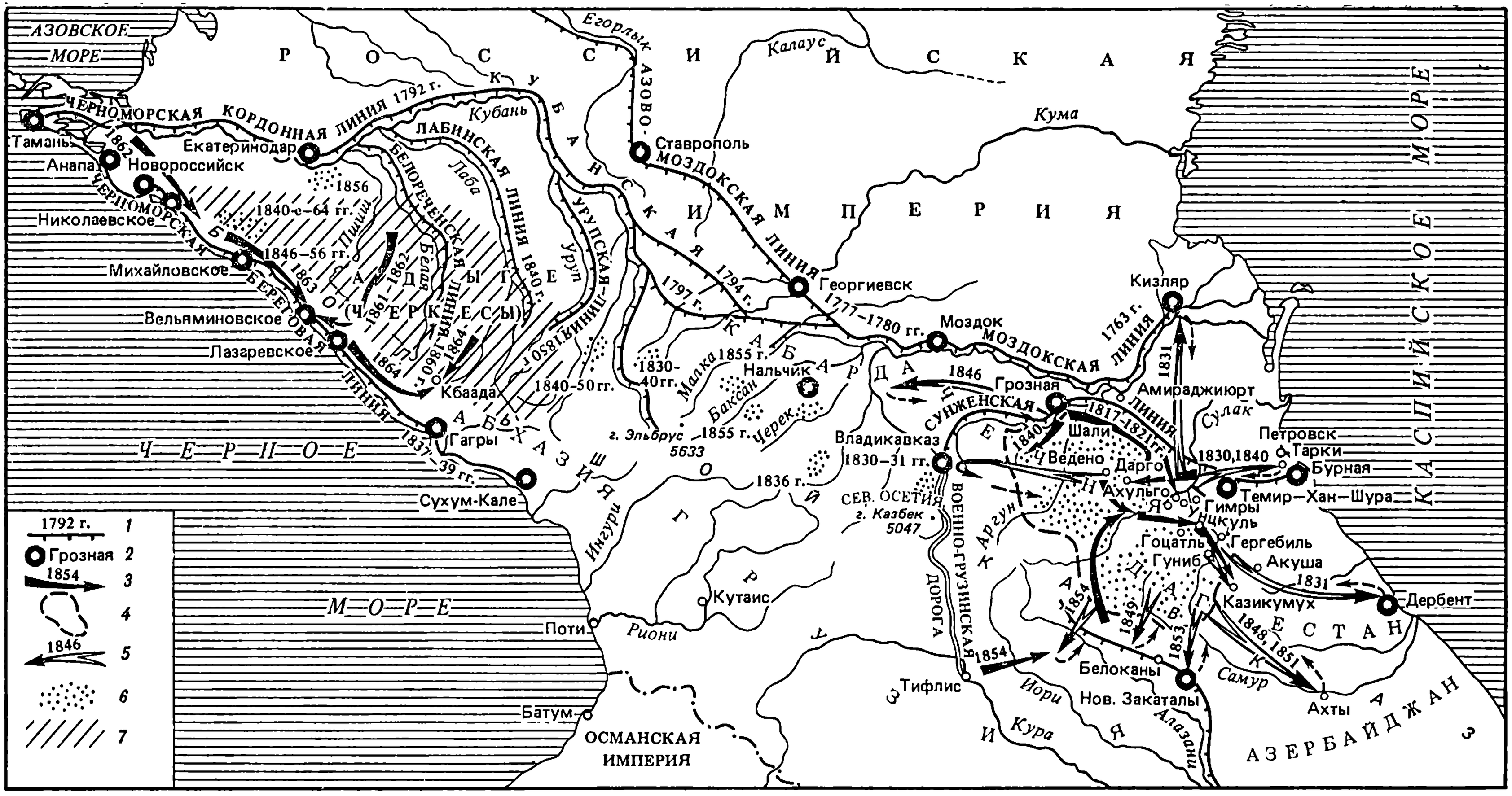
Войска под командованием генерал-лейтенанта Халафеева, отправленные для подавления восстания в Чечне, нанесли горцам поражение в ряде боев, в том числе на реке Валерик. Это сражение описано М. Ю. Лермонтовым в известной поэме. Горцы потерпели неудачу, но, несмотря на это, движение продолжало нарастать, в него включались новые силы. Больших успехов Шамиль достиг в Дагестане. На его сторону перешли салатавцы, наблюдалось брожение и в других обществах. «Шамиль распустил слух, что будто он подвигается к Дербенту для соединения с Ибрагим-пашою Египетским, следующим к ним на помощь с значительными силами, и этим,— писал генерал Клюге-фон-Клюгенау,— хочет придать более влияния и склонить на свою сторону койсубулинцев и жителей шамхальского владения» [64]. Шамиль знал, что крестьяне шамхальства Тарковского были крайне недовольны всевозрастающим феодальным гнетом.

«Скрытно они ропщут на притеснения и несправедливости его (шамхала.— *Авт.*),— доносил генерал Клюге-фон-Клюгенау,— и ропщут на правительство, допущающее утеснять народ... Недовольствие это почти всеобщее, скрывающееся теперь в уме народа...» [65]

Летом 1840 г. возглавляемое Шамилем 10-тысячное войско одержало победу над отрядами генерал-майора Клюге-фон-Клюгенау, шамхала Тарковского и хана Мехтулинского под селением Ишкарты и без боя заняло селение Эрпели, где Шамиль «разрушил и сжег дом Уллубия».

Шамиль уничтожил усадьбу с садом и посевы мехтулинского Ахмед-хана. В конце 1840 г. на сторону Шамиля перешел Хаджи-Мурат. Мотивы этого перехода до конца не выяснены. Есть основание полагать, что Хаджи-Мурат был недоволен тем, что кавказское командование утвердило правителем Аварии не его, а Мирзу-Магомед-хана Казикумухского. Когда же тот попросил «устранить себя от управления Аварией» [66], правителем был назначен Ахмед-хан Мехтулинский. Между Хаджи-Муратом и Ахмед-ханом создались неприязненные отношения, и в итоге Хаджи-Мурат был обвинен в измене и арестован, но во время перевода из Хунзаха в Темир-Хан-Шуру ему удалось бежать. Переход к Шамилю популярного в Аварии Хаджи-Мурата еще больше возвысил Шамиля в глазах горцев.

Крупных успехов восставшие горцы, предводительствуемые Шамилем, достигли в 1840—1842 гг. Была сделана попытка поднять на борьбу кабардинцев, закубанцев и другие народности [67]. В марте 1842 г. Шамиль во главе значительных сил вторгся в Казикумух, но укрепиться не смог



Карта 3. Национально-освободительные и антифеодальные движения на Северном Кавказе в первой половине и середине XIX в.

1 – Кавказские укрепленные линии и даты их основания;
2 – Крепости и укрепленные пункты;
3 – Основные направления действий царских войск;
4 – Территория имамата Шамиля в 40-х годах XIX в.;
5 – Основные направления действий Гази-Магомеда и Шамиля;
6 – Национально-освободительные и антифеодальные движения;
7 – Антифеодальные движения

и под натиском превосходящих сил русских войск вынужден был отступить. Значительных успехов он достиг и в следующем, 1843 г. После тщательной подготовки Шамиль одновременно начал наступление в Дагестане и Чечне и нанес царским войскам поражение под Унцукулем в Аварии и селением Харачое в Чечне. Развивая успех, к лету того же года Шамиль взял укрепления Балаханы, Гергебиль, Моксох, Потаных, Ахалчи, Гоцатль, Хунзах и другие и начал наступление на равнинный Дагестан.

В Дженгутае он сжег дворец Ахмед-хана Мехтулинского, затем занял Казанище и стал угрожать Темир-Хан-Шуре. В ряде селений была уничтожена местная «греховодная знать». В феврале 1843 г. Кибит-Магома истребил в Гидатле «6 человек почтеннейших там людей» [68], а потом убил старшину «с 10 почтеннейшими жителями» Гидатля, истребил знать Андаляла, Кидиба, Соситля и других селений. Мюриды «по наставлению Шамиля,— свидетельствует очевидец Муртуз-Али,— старались прежде всего делать различные нападения на богатых горцев» [69]. В 1844 г. была предпринята экспедиция в Табасаран, завершившаяся тем, что владетель Джамов-бек бежал, а ряд селений Кайтага и Табасарана перешли на сторону Шамиля. В то же время делались попытки распространить борьбу дальше на Северный Кавказ. С этой целью на Северо-Западный Кавказ был отправлен наибом Магомед-Гаджи (или, как его в Закубанье называли, Хаджи-Мухаммед), «влияние и власть» которого, по словам командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, «с каждым днем возрастает, и число его приверженцев в особенности растет между простым народом, несмотря на то, что он подвергает их строгим взысканиям и даже наказаниям» [70]. Но он продержался на Северо-Западном Кавказе недолго.

Летом 1844 г. Даниял-бек Елисуйский, «влачивший свою унизительную роль почти два целых года, затаив обиду... предался на сторону Шамиля» [71]. Но не везде и не всегда успех сопутствовал Шамилю. У него бывали и неудачи. Не все добровольно признавали его власть и не раз ему приходилось прибегать к оружию и силой подчинять горские общества, убийствами насаждать шариат и порядки имамата. Прибегал он и к различным уловкам. Чтобы возвеличить себя в глазах доверчивых горцев, Шамиль распространял слухи и фабриковал письма, будто бы полученные им от египетского паши Мехмет-Али, с советами поддерживать во всем Шамиля и обещаниями в скором времени оказать ему вооруженную помощь [72].

Недовольный действиями Кавказской армии, Николай I в конце 1844 г. назначил новым главнокомандующим Кавказским корпусом и наместником на Кавказе генерал-лейтенанта кн. М. С. Воронцова, предписав «разбить, буде можно, скопище Шамиля, проникнуть в центр владычества и в нем утвердиться». Свою деятельность гр. Воронцов начал с того, что сделал попытки привлечь на сторону правительства Даниял-бека, вошел в «сношение с Хаджи-Муратом» [73] и сделал Шамилю предложение о мире. Получив отрицательный ответ от Шамиля, гр. Воронцов в мае 1845 г. возглавил поход царских войск, рассчитывая одним ударом покончить с ним, захватив его резиденцию — Дарго.

Не встречая сильного сопротивления, войска генерал-лейтенанта кн. М. С. Воронцова углубились в горы. Командование считало, что во время движения войск будут «разорваны узы подчинения различных народностей Шамилю» [74]. Но этого не случилось. Более того, когда без особых потерь был взят подожженный горцами аул Дарго, царская армия, окруженная со всех сторон, оказалась в ловушке. Отрезанный от продо-

вольственных запасов, главнокомандующий не мог долго оставаться в Дарго, и при отходе его войска подверглись беспрерывным нападениям горцев и понесли большие потери. Только прибытие подкрепления под командованием генерала Фрейтага спасло отряд и самого гр. Воронцова от неминуемой гибели. Согласно официальным данным, во время этой, получившей в истории название «даргинской» или «сухарной» экспедиции царские войска потеряли 4 генералов, 168 офицеров и 3433 солдата. И тем не менее правительство считало, что цель экспедиции достигнута — Дарго был взят, и главнокомандующий награжден орденом, но по существу это была крупная победа восставших горцев. Объясняя их успехи, Ф. Энгельс писал: «В борьбе на Кавказе, которая из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно придерживались при обороне своей территории... Сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнины, во внезапных нападениях. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и использовали это преимущество» [75].

В 1846 г. Шамиль во главе 10-тысячного отряда пробился через Сунжинскую линию и вторгся в Кабарду, рассчитывая поднять кабардинцев на борьбу. Однако это предприятие, как увидим ниже, успеха не имело. Не встретив сочувствия, Шамиль вынужден был вернуться в Дагестан. Между тем кавказское командование доукомплектовало войско, а главное, после даргинской экспедиции отказалось от карательных экспедиций, которые давали только кратковременный успех, и стало применять тактику постепенного наступления «по системе менее наступательной, шагами, может быть, более верными, но тихими». Усилены были и меры политического воздействия на горцев. Рассылались письма и прокламации, в которых обвиняли во всем Шамиля, призывали прекратить борьбу и принять сторону правительства. В то же время кавказское командование налаживало личные контакты с лицами, занимавшими в имамате высшие посты, оказывало на них известное влияние. Одновременно начато было наступление на восставших горцев.

С этого времени, по словам Гаджи-Али, военные предприятия Шамиля «начали быть безуспешными». В сражении при селении Кутиша его отряд был разбит. Позже, в сентябре 1849 г., царские войска взяли крепость Салты, в июле 1848 г. пал Гергебиль. Чтобы восстановить пошатнувшееся положение, Шамиль попытался овладеть крепостью Ахты, но был отброшен. И после этого Шамиль делал отчаянные попытки для возобновления наступательных действий, но события развертывались не в его пользу.

В Кайтаго-Табасаран Шамиль отправил с отрядом Хаджи-Мурата, чтобы возглавить борьбу недовольных существующими порядками крестьян, однако он «не намеревался это сделать». По словам хрониста Ал-Карахи, он шел по «своему пути и обыкновенно в отношении грабежа и похождения, отсюда — туда, оттуда — сюда» и в силу этого оказался не в состоянии выполнить возложенные на него задачи. Отправленный для исправления положения отряд горцев под командованием Бук-Магомеда был разбит русскими войсками. 23 ноября 1851 г. Хаджи-Мурат снова перешел на сторону царского правительства, «и все это из-за плохих качеств своего характера», пишет Ал-Карахи [76]. Но согласно имеющимся сведениям Кавказское командование задолго до этого, через лазутчика Сеида, вело переговоры с Хаджи-Муратом, добиваясь его перехода на свою сторону.

В 1849—1852 гг. русские войска достигли крупных успехов в Чечне, что поставило Шамиля в тяжелое положение.

Теократическое устройство имамата и его социальная база. Поднявшись на гребне нарастающей борьбы крестьянских масс, «благочестивые таррикатисты» создали военно-административную систему, которая со временем изменила свое содержание, превратилась в военно-теократическое государство — имамат — со своей иерархией. Во главе этого государства стоял имам Шамиль. Он, по словам Кастильона [77], соединил в себе «две личности... которые оказывают друг другу взаимную поддержку... С одной стороны, это — политический вождь, диктатор, которому событиями была представлена безграничная власть... в то же время это — религиозный вождь, которому звание великого имама, верховного главы правоверных, придает священный характер. Имея это двойное звание [он] единственный судья в вопросе принесения жертв, требуемых войной...» [78].

Для решения дел по управлению государством в 1841 г. был создан диван-хана — высший совет, в который входили заслуженные лица, пользовавшиеся полным доверием Шамиля. Совет собирался ежедневно (кроме пятницы), а иногда по нескольку раз в день. На совете, кроме дел внутреннего управления, хозяйства и военной организации, производились и судебные разбирательства. Председательствовал сам Шамиль, и его голос, как правило, имел решающее значение, хотя внешне обсуждение шло с участием всех членов совета. Дела чрезвычайной важности решались на созываемых по усмотрению имама съездах наибов, алимов и других представителей администрации. Такие съезды были созваны в Дарго (1841), Алмае (1845), Анди (1847), Ругудже (1851), Шали (1858) и в Хунзахе (1859) [79].

Гражданская деятельность в имамате определялась нормами шариата и основанными на них законодательными установлениями — низамами. Они касались организации вооруженных сил, судопроизводства, налогов, штрафов, наказаний за воровство, нанесение увечий, наследства, семьи, брака и положения женщин, быта и др. Шамиль уверял, что низамы не являлись отступлением от шариата, не означали попытки изменить его и лишь в отдельных случаях уточняли и дополняли некоторые шариатские постановления сообразно с условиями имамата. Однако, если точно придерживаться закона, легко заметить, что многие положения низамов отличались от законов шариата. В отличие от шариата, требующего за воровство отсечения рук и ног, низамы устанавливали денежные штрафы. Намного снижался калым, были введены установления, обязывающие мужей выделять часть имущества разведенной жене. Согласно низамам, приговаривать к смертной казни мог не только имам, но и наибы, хотя с ведома и разрешения Шамиля. Основания для применения такой меры наказания законодательно не определялись, что открывало возможности для произвола наибов. Низамы запрещали курение табака, употребление спиртных напитков, музыку, танцы, пение, даже громкое чтение — «зикр», разрешенные Магомедом Яраглинским.

Столицей имамата сначала было Дарго, а затем, после 1845 г.,— Ведено, которое Шамиль сильно укрепил. В столице был большой дом, и в нем «комнаты для высоких нужд»; жилая часть дома состояла из 11 комнат и двух зал. Дом был со всех сторон окружен забором и охранялся снаружи и изнутри. Шамиль вначале не держал охраны и только спустя несколько лет завел личную стражу [80].

Известно, что в годы наибольшего успеха движения значительная часть Дагестана (за исключением территории, населенной кумыками, даргинцами, лезгинами, лакцами и табасаранцами), а также большая часть территории Чечни входила в имамат. По данным Р. А. Фадеева, она охватывала «около 900 верст в окружности» [81] и, согласно «географическому положению и другим местным обстоятельствам» [82], была разделена на участки, называемые наибствами, число и размеры которых подвергались изменениям в зависимости от успехов и поражений движения. За время существования имамата было образовано 50 наибств, но более или менее постоянными были 20. Руководящая роль в имамате принадлежала представителям новой аристократии. Из числа зажиточных и состоятельных узденей назначались наибы, которые фактически являлись полными хозяевами своих округов.

Наибства делились на участки под управлением мазунов (предводителей, пятидесятников). В обязанности мазуна входила заготовка провианта на указанное наибом число людей и сбор вооруженных горцев. По первому зову наиба мазун должен был быть готов с вооруженным отрядом к выступлению. В имамате был введен новый порядок сельского управления. Ранее оно осуществлялось «выборными» на джамаате старшинами на основе адатов, духовными делами ведали кадии и дибиры, а Шамиль в имамате «установил единоличное управление сотника», кадия и дибира [83], и во всех делах они руководствовались шариатом и низамами Шамиля. Заметную роль играли так называемые местные ученые — алимы. Муфтий, кадии, алимы, муталимы в имамате являлись большой силой и в то же время покорным орудием наибов при вынесении судебных решений и толковании шариата.

Некоторое время имамат был разделен на 4 «губернии», каждая из которых состояла из нескольких наибств. Во главе «губернии» были поставлены мудиры. Для наблюдения за должностными лицами — наибами был образован институт мухтасибов (осведомителей). Так называемая летучая почта служила для поддержания связей центра с местными властями. Лица, исполняющие обязанности гонцов, снабжались документами за подписью имама или наиба, по первому предъявлению которых жители селений обязаны были предоставлять в распоряжение гонца свежего коня и проводника, а на ночлег — комнату и пропитание.

В имамате было создано значительное войско из постоянных отрядов и ополчения. Ядро войск Шамиля составляли так называемые муртазикаты *, которые имелись и у его наибов. Муртазикатами могли быть лица, «испытанные преданностью имаму». Они давали клятву отказаться от семейных привязанностей и служить имаму, не жалея, ни сил, ни жизни. За службу они пользовались различными преимуществами, носили знаки отличия, получали жалованье, бесплатное продовольствие и фураж от населения. Эта своеобразная гвардия (примерно до 1 тыс. человек) несла охрану личности и дома имама, сопровождала его во время выездов, но и была в руках Шамиля важнейшим орудием для поддержания и распространения его власти и влияния. В то же время каждый наиб в соответствии с размером и населением наибства должен был иметь 200—300 муртазикатов, которые набирались из расчета по одному вооруженному всаднику с 10 дворов. От какого из дворов должен был быть выставлен всадник — решало само население, а содержать его обязаны были остальные 9 дворов.

---

* Муртазикаты (букв. — «наёмные воины») – добровольцы, личная гвардия Шамиля.

Особые воинские единицы составляли отряды из перебежчиков — русских и украинцев. Только в Дарго, по свидетельству рядового Максимова, было «500 человек беглых солдат, которые употребляются Шамилем для прислуги при орудиях». В Дарго, сообщает Шамендин-Алил-оглы, «находится 400 русских солдат беглых и пленных; все они живут вместе в отдельной казарме. Солдаты эти через каждые 2—3 дня являются на учение под командою бежавшего из России по имени Идрис». В столице Шамиля Ведено было целое поселение беглых русских солдат и старообрядцев [84]. Здесь же имелись «8 больших (вероятно, крепостных)... и несколько малых пушек... Беглые солдаты смотрят за ними и деятельно занимаются постройкой лафетов, зарядных ящиков и колес». Он видел также много «барабанов... и флигель-горнов, на коих играют по вечерам. Всех беглых солдат в Ведено до 300 человек, между ними назначены за старших, в звание офицеров... Живут довольно хорошо и своевольны в своих поступках» [85].

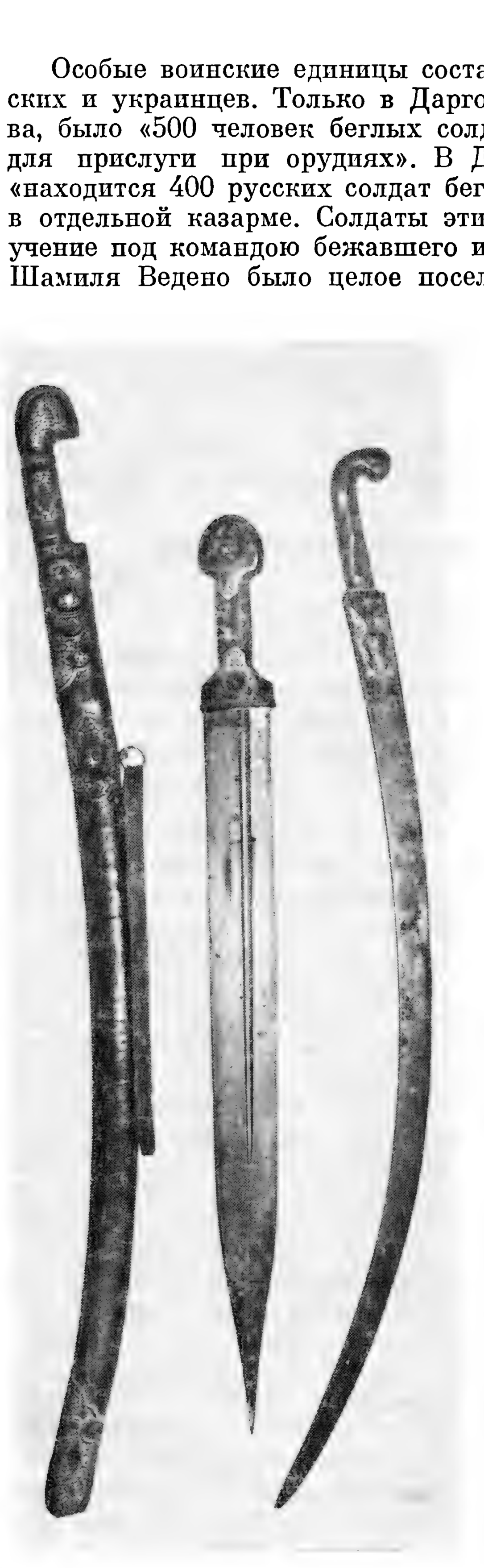


Рис. 3. Холодное оружие горцев. XIX в.

Высоко цепя русских солдат-перебежчиков, Шамиль принял самые строгие меры к ограждению их от притеснений и предоставил им большие привилегии. В разосланном ко всем наибам листе Шамиль писал: «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам... Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями... Создайте все условия и возможности к жизни» [86]. Особенно увеличилось число солдат-перебежчиков в 40-х годах XIX в. Постепенно, по словам главнокомандующего на Кавказе генерала кн. А. И. Барятинского, «скопилось в горах... довольно большое число пленных и беглых нижних чинов, которые, оставаясь между горцами долгое время, освоились с их образом жизни и нравами, а некоторые женились, прижили семейства и даже обратились к мусульманству, хотя большею частью только по наружности, а не по чувству религиозного убеждения» [87].

Русские и украинские солдаты-перебежчики помогали горцам отливать пушки, изготовлять порох, обучали стрельбе из орудий, принимали самое активное участие в сражениях. Мало того, некоторые из них стали предводителями отрядов. Из-

Рис. 4. Огнестрельное оружие горцев (кремневые пистолеты, пороховницы, пулелейки). XIX в.

вестен, например, перебежчик-драгун Нижнегородского полка Родимцев, который за смелые вылазки был награжден Шамилем орденом «За храбрость». Яков Алпатов, усыновленный горянкой, сын которой находился в плену, во главе большого отряда совершал смелые рейды. Перебежчик прапорщик Залетов помог взять укрепления Ахалчи и Гоцатль. Были русские перебежчики и в числе советников Шамиля. Переводчик Идрис (Андрей), Мартын, «который своими советами не раз оказывал значительные услуги Шамилю» [85].

Кроме того, в имамате все население считалось военнообязанным, и потому каждый горец от 15 до 50 лет должен был при необходимости включаться в народное ополчение. Ополченцы не только обязаны были защищать свое селение, но и участвовать в походах. При этом муртазикат становился начальником над жителями 10 дворов, от которых был выставлен. Общая численность войск Шамиля по средним подсчетам достигала 20—30 тыс. В отдельных боях участвовали по 10—15 тыс. воинов. Основной войсковой единицей являлась тысяча, которая делилась на сотни и десятки. Во главе тысячи стоял наиб, которому подчинялись 2 на-

чальника пяти сотен, сотники и десятники. Каждая воинская единица имела значки, а отличившиеся части награждались знаменами. Проявивших храбрость в боях горцев Шамиль вначале награждал почетным оружием или другими вещами, а с 1841 г. ввел ордена и другие знаки отличия. Не оставляли без внимания и тех, которые проявили малодушие. К их одежде на спине привешивали знак, который они могли снять, только загладив свой поступок проявлением решительности в бою. С конца 1842 г. Шамиль ввел в своей армии и воинские чины.

В те же годы в имамате делались попытки наладить производство пушек, пороха. За время имамства Шамиля отливались пушки, было организовано несколько мастерских для изготовления пороха и другого оружия. Поощрялись и другие ремесла. Немало делал Шамиль и для развития торговли. Он не только выдавал торговцам охранительную грамоту, но и некоторых из них даже ссужал деньгами. Поощряя ремесло и торговлю, в то же время он очень беспокоился, чтобы не происходила «порча нравов». Поэтому-то Шамиль освобождал только самых преданных торговцев от несения военных и прочих повинностей и запретил даже разработку серебряных руд.

Особое внимание Шамиль обращал на создание устойчивой податной системы. С этой целью был определен сбор податей в государственную казну (байтул-мал). Главными приходными статьями являлись: закят — узаконенная шариатом, взимаемая с населения десятая часть всех доходов, харадж — подать с горных пастбищ, хомус — пятая часть военной добычи. Доходы от военной добычи особенно росли в то время, когда Шамилю сопутствовал военный успех. В государственную казну шли также штрафы и другие натуральные взносы, налагаемые на население. В казну поступало имущество казненных за измену, умерших и не оставивших наследников и др. Все приходно-расходные операции производил казначей под личным наблюдением самого Шамиля. Уничтожив ханов Аварии, Шамиль освободил в четырех селениях принадлежавших им рабов, но эта «реформа» не коснулась рабов, принадлежавших узденской верхушке, правда, «владельцам рабов Шамиль вменил в обязанность снабжать своих людей всем необходимым и обращаться с ними человеколюбиво» [89].

Что же касается райят и зависимых узденей, то в ходе борьбы произошло частичное их освобождение от феодальных повинностей. После истребления аварских ханов прекратились все повинности, отбываемые жителями Аварии. С истреблением беков и чанка-беков и ликвидацией их привилегий освободились крестьяне селений Телетль, Гонода, Ругуджа, Ури, Киди, Зиури и др. В ходе борьбы горцев в 1840—1842 гг. произошло освобождение жителей Салатавии от власти кумыкских князей и зависимых от казикумухских ханов селений Арчи, Кучур, Шали, Мухар, Ури, Кимахи и Бёхти [90]. Говоря об освобождении зависимых крестьян в ходе долголетней борьбы, следует особо подчеркнуть, что освобождение происходило постепенно по мере включения жителей того или иного селения в борьбу, а не единым актом, постановлением или реформой сверху. Неверно также полагать, что в военно-теократическом государстве — имамате было осуществлено всеобщее равенство. Население имамата обязано было вносить определенные подати, размеры которых изменялись в зависимости от успехов и поражений. Аульская верхушка, вставшая у кормила власти, эксплуатировала крестьян, использовала налоговую систему в целях личного обогащения.

Усиление противоречий внутри имамата и постепенный отход трудящихся масс от движения. Движение горцев Дагестана и Чечни начиная

Рис. 5. Пушки наиба Талхига Аргунского, захваченные у русских. Фотография 50-х годов XIX в.

с конца 50-х годов XIX в. вступило в третий, завершающий период своего развития. Отличительной чертой его было то, что антифеодальная борьба не только отступила на задний план, но и вовсе прекратилась, и движение своим острием оказалось направленным только против царских войск. И если на двух первых этапах основной социальной базой движения являлось горское крестьянство, и в силу этого движение было освободительным, то с конца 50-х годов оно стало постепенно утрачивать народно-освободительный характер.

Оценивая движения, выступающие под религиозной оболочкой, из-за которой просматриваются социально-экономические интересы эксплуатируемых классов, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивают, что не всегда и не везде эти движения приводят к смене старого социально-экономического строя новым. «В странах Востока,— писал Ф. Энгельс,— все эти проходившие под религиозной оболочкой движения вызывались экономическими причинами; но, даже в случае победы, они оставляют неприкосновенными прежние экономические условия. Таким образом, все остается по-старому, и столкновения становятся периодическими. Напротив, в народных восстаниях христианского Запада религиозная оболочка служит лишь знаменем и прикрытием для нападения на устаревший экономический строй; последний в конце концов ниспровергается, его сменяет новый, мир развивается дальше» [91].

Это положение имеет важное значение для правильного понимания движений, выступавших под религиозным знаменем. Ф. Энгельс имел в виду движения на христианском Западе в период кризиса феодализма, когда происходила смена феодального способа производства капиталистическим. Этого не было в странах Востока, где еще не созрели социально-экономические предпосылки замены одной общественно-экономической формации другой. В районах Северо-Восточного Кавказа, где возникло

движение под реакционным знаменем мюридизма, были слабо развиты даже феодальные отношения. Движение горцев Дагестана и Чечни под знаменем «газавата» не могло привести к социальному перевороту. Более того, идеология мюридизма мешала углублению социальных основ движения, сковывала классовую борьбу.

На Северо-Восточном Кавказе представители мусульманского духовенства сумели захватить инициативу и стать во главе движения горцев, а затем стали делать все от них зависящее, чтобы отвлечь горцев от социальной борьбы, укрепить господство новых эксплуататоров. В этих условиях реакционный мюридизм, освящавший деспотический строй имамата как военно-теократического государства, не мог прочно сплотить разобщенные и разноязычные народы Дагестана и Чечни, что рано или поздно должно было привести к постепенному отходу масс народа от движения.

В конце 40-х годов XIX в. все явственнее становились противоречия, существовавшие внутри движения с самого его начала. Как было сказано, ряд военных операций начиная с 1847 г. окончился поражением Шамиля. Не без основания писал Н. Дубровин, что «в зиму 1847—1848 гг. власть Шамиля висела на волоске, народ роптал на то, что вследствие постоянной борьбы с русскими поля остались необработанными и семейства голодными» [92]. И действительно, масса народа не добилась аграрных и других экономических преобразований. Даже элементы уравнительства, наблюдавшиеся в политике Шамиля на ее ранних этапах, не имели всеобщий характер. Узденей, освободившихся от ханов и беков, стали эксплуатировать вставшая у кормила власти верхушка из разбогатевшего узденства и мусульманское духовенство, из этих слоев стал формироваться управленческий аппарат имамата.

Тяжелым бременем на плечи трудящихся ложилась существовавшая в имамате налоговая система. Кроме перечисленных постоянных обложений, в связи с изнурительной войной часто вводились «чрезвычайные» сборы. «Шамиль,— сообщает Ржевусский,— сначала покупал хлеб по вольной цене, потом назначил таксу, невыгодную для чеченцев, и, наконец, стал собирать хлеб без платы, с каждого двора в виде подати» [93]. Еще большей эксплуатации трудовые массы подвергались со стороны наибов. «Доходы наиба,— прямо указывал Хаджи-Мурат,— состоят в помощи рук вверенного им края» [94]. Другой участник движения, зять Шамиля Абдурахман, свидетельствует, что наибы «подло поступали, совершали злоумышленные дела, как убийство, насильственный захват чужого имущества» [95]. Алчность, лихоимство, произвол наибов не знали предела, и поэтому вполне оправданно то, что их сравнивали с «волками над стадом» [96]. Сверх того народные массы подвергались гнету мазумов, муфтиев, кадиев и других лиц аульской верхушки имамата. Горское крестьянство постепенно было разорено, правящая верхушка имамата обогащалась за счет ограбления народных масс.

Шамиль ранее не был богат, но, возглавив имамат, стал весьма состоятельным лицом. «Не знаю определенно,— свидетельствовал Хаджи-Мурат,— как велико богатство его, мне известно только, что деньги его хранились в двух аулах — Карате и Ведено, в последнем месте я слышал, что он имеет до 150 т[ыс.] золотом и серебром» [97]. По словам сына Шамиля Гази-Магомеда, Шамиль «передал Даниял-султану имущество, которое простирается на сумму 1 000 000 руб. серебром» [98]. То же самое случилось и с наибами. Они, свидетельствует Даниял-бек, «день и ночь накопляли богатство... Теперь же они во всем похожи на самих эмиров» [99]. За короткий срок они превратились в очень богатых людей. Так, у наи-

ба Шуаиб-муллы было учтено имущества на 30 тыс. руб. сер., 4 тыс. баранов, 500 голов крупного рогатого скота, 60 буйволов, 35 ружей и т. д. Большими богатствами владели Гази-Магомед, Даниял-бек, Кибит-Магомед и все без исключения наибы. Им принадлежало не только движимое имущество, но и земля, и Шамиль в некоторой степени сам способствовал этому, раздавая земельные пожалования наибам и другим лицам. В ноябре 1848 г. Шамиль писал гоцобскому наибу: «Ты оставь нашему брату Ибрагиму сенокосный участок общественной земли на берегу реки» [100]. В другом письме Шамиль писал об Ума Дуеве: «Моя правая рука... Он происходит из самых высших людей по отцу и матери... А потому я дарю Ума Дуеву означенную землю, и чтобы никто... и жители Дзаул не препятствовали владеть землей» [101]. Этот участок равнялся 630 дес. и составлял 10% всей площади Джаулсоевского сельского общества.

Особенно разорительной для широких масс народа оказалась долгая неравная борьба, в результате которой горцы несли большие потери, ощущали недостаток в самом необходимом, доведены были до крайности. «Многолетняя борьба,— писал Вердеревский,— уничтожила цвет юношества и вообще мужского пола. Население уменьшается в страшной пропорции» [102]. Эти бедствия стали отталкивать крестьян от движения. Даже Мухаммед-Тахир Ал-Карахи вынужден был признать, что горцы «были раздражены посылкой [их] в войска ислама и сбором [среди них] ополчения [Шамилем]. Жители думали, что если они заключат мир с русскими, то последние оставят их пахать и жать, пить и есть» [103]. И это понятно. Окруженные крепким кольцом царских войск, они не имели возможности привозить из плоскостных районов необходимый хлеб, пользоваться зимними пастбищами, вынуждены были сокращать поголовье скота. Катастрофически падало и кустарно-ремесленное производство, поскольку не было никаких возможностей для сбыта изделий.

Деспотизм наибов, самоуправство муртазикатов, доносы и тайная слежка мухтасибов, экономическое истощение страны и убыль населения вели к тому, что недовольство и возмущение простого народа с каждым годом возрастали [104]. Не случайно горячо сочувствовавший горцам великий русский революционный демократ Н. А. Добролюбов писал: «Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности. Оттого-то и находилось так много людей, способных изменить ему, хотя, по понятиям горцев, да и по законам Шамиля измена народу считается важнейшим преступлением и наказывается смертью. Управление Шамиля казалось тяжело для племен, не привыкших к повиновению, а выгод никаких от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находившихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее. Следовательно, им представлялся уже выбор — не между свободой и покорностью, а только между покорностью русским с надеждой на мир и удобства быта. Само собой разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склониться на последнее» [105].

Все эти причины вызвали отход горского крестьянства от движения. Оказавшись в бедственном положении, горцы покидали насиженные места и уходили за пределы имамата. Нередко недовольство народных масс стало выливаться в волнения и восстания, которые жестоко подавлялись Шамилем. Против власти имама выступали жители Хунзаха, Чоха, Унцукуля, Кураха, Гидатли, Анди и многих других селений. По мере обострения социальных противоречий в имамате стала обостряться и борьба внутри правящей верхушки. Открытые формы эти распри приняли после

того как в 1847 г. старший сын Шамиля Гази-Магомед был утвержден наследником имама. Возникшие ранее группировки Даниял-бека, Хаджи-Мурата, Кибит-Магомета, каждый из которых претендовал на пост имама, начали борьбу не только против наследника — Гази-Магомеда, но и против своих соперников — главарей других группировок. Каждый из них стал противопоставлять себя Шамилю. На сторону кавказского командования перебежал Хаджи-Мурат. Кибит-Магомет успел наладить отношения с Аглар-ханом Казикумухским, но был смещен с должности и арестован со своими родственниками. Естественно, что распри внутри правящей верхушки имамата ослабляли движение. Оказавшись в тяжелом положении, Шамиль, стремясь продлить существование имамата, стал все чаще прибегать к крайним мерам — угрозам и репрессиям. Одновременно он обвинял неугодных ему наибов во всех грехах и в особенности в том, что они допускали бесчинства и злоупотребления и «заставляли некоторых людей служить [им] лично так же, как это делали ханы». Шамиль клялся, что сам он от злодеяний чист, обещал отстранить наибов «от общественных дел», требовал от всех, «кто может работать, выступить на войну, не различая наибов, алимов» и других; с тех, «которые стары и больны и не могут выступить на войну, взымать два рубля, а с бедных — полтинник» [106].

В связи с ухудшающимся положением Шамиль и его окружение стали больше апеллировать к иностранным государствам, просили турецкого султана, шейх-уль-ислама, шерифа Хиджаса оказать им помощь войсками, оружием и снаряжением. В одном из своих писем султану Абдул-Меджиду Шамиль писал: «Я истинное получил письмо, которое не могу оценить, которое приятно всякому читать и слушать и которое сделало нам счастье» [107]. Однако Шамиль и его окружение желали получить от султана не приятные слова, а более существенную помощь. Об этом Шамиль просил и в других своих письмах-обращениях к султану и приближенным [108].

В письме шейх-уль-исламу — главе мусульманского духовенства в Османской империи — Джемалэддин Казикумухский извещал о многолетней борьбе и тяжелом положении, в котором оказались горцы, выступавшие под предводительством Шамиля. В письме говорилось: «О любимый, превосходный и славный брат, я удивляюсь вам и ученым возвышенного султанского дивана, почему вы все молчите и не уговариваете султана, его заместителей, вельмож и главарей, ведь вы знаете, в каком тяжелом положении мы находимся. Имеете ли вы право после этого молчать... О ученый брат, не скрою, мы о вас плохого мнения. Как же может быть иначе, когда величайший имам и возвышенный халиф слушает вас и повинуется вам, вы не предлагаете ему начать войну?» Далее излагалась просьба повлиять на султана, чтобы он оказал «помощь и поддержку тем, которые воюют здесь» либо войском, либо «путем переговоров добиться, чтобы царь прекратил военные действия против нас» [109].

В том же 1848 г. сам Шамиль обратился к шерифу (правителю) Мекки и Хиджаса за помощью. «Я направляю к тебе настоящее послание, дабы ты просил о помощи нам... Постарайся,— писал имам,— выхлопотать для нас [помощь] у кого бы то ни было, у величайшего ли султана или у кого-либо другого, употребив для этого все свое учение» [110]. В 1850 г. к турецкому султану обратились «кадии, ученые, справедливые, знатные и другие лица» имамата [111]. Однако султан был далек от того, чтобы из одного сострадания помочь горцам.

Правящие круги Османской империи посылали горцам обещания помощи и поддержки лишь тогда, когда стремились использовать их в сво-

их корыстных целях. Более того, к этому времени Порта, дважды проиграв войну с Россией и напуганная движением на Стамбул египетского паши Мехмет-Али, прежде всего беспокоилась о собственной судьбе. В этих условиях Порта не захотела оказать горцам военной поддержки, оставив обращения руководителей имамата без ответа. Не случайно Шамиль негодовал на султана и его приближенных. В 1848 г. он говорил кн. Орбелиани, что «султан и его окружение хуже гяуров», и добавил: «Ох, если бы они попались в мои руки, я бы изрубил бы всех на двадцать четыре куска, начиная с султана» [112].

Таким образом, надежды руководителей движения на существенную помощь стран мусульманского Востока не оправдались. Не имели успеха суровые меры, к которым прибегали руководители имамата. Широкие народные массы Дагестана и Чечни, утомленные от продолжительной борьбы, беспрерывных поборов и бесчинств вставших у кормила власти в имамате наибов, муфтиев и кадиев, не пожелали бороться и умирать за чуждые им интересы.

4. Освободительная борьба народов центральных и западных районов Северного Кавказа

Восстание крестьян в Осетии, Кабарде, Балкарии и Адыгее (30—50-е годы XIX в.). Движение горцев Дагестана и Чечни оказало большое влияние на развитие антифеодальной и антиколонизаторской борьбы в Осетии, Ингушетии, Кабарде, Балкарии, Черкесии, Карачае и Адыгее. Несмотря на то, что осетины, кабардинцы, балкарцы, ингуши в основной своей массе отрицательно относились к мюридизму, антиколонизаторская и антифеодальная борьба горцев Дагестана и Чечни находила среди них отклик.

В 30—50-х годах XIX в. в центральных и западных районах Северного Кавказа развернулись стихийные выступления крестьянских масс против местных феодалов и царских властей. Крестьяне выступали и против норм шариата как орудия феодальной эксплуатации. Одним из крестьянских требований в антифеодальных движениях кабардинского народа являлось восстановление судопроизводства по адату, так как нормы шариата в ряде случаев были тягостными для народных масс. В 1830 г. кавказское командование предприняло экспедицию под командованием генерал-майора кн. Абхазова против «непокорных» ингушей, тагаурцев, «дерзкие поступки» которых, по словам И. Ф. Паскевича, вынудили его принять против них «меры крепости» [113]. Осетинские старшины Беслан Шанаев и другие пытались оказать в Тагаурии сопротивление отряду Абхазова, но при первой же встрече в районе Ларса-Саниба были разбиты. Вскоре же после этого старшины Кундухов Есенов, Беслан Шанаев и другие явились к Абхазову и просили о пощаде. Тагаурия была приведена к присяге. Возглавлявшие борьбу пять старшин были арестованы и сосланы в Сибирь.

В 40—50-х годах XIX в. в связи с развитием крепостнических тенденций в Северной Осетии обострялись классовые противоречия. «Между нами,— писали баделяты,— существует непримиримая вражда, которая ежегодно ознаменовывается кровавыми происшествиями». Эта вражда нередко принимала ожесточенные формы в виде крестьянских волнений и восстаний против «своих» феодалов. В 1836 г. крестьяне Дигории отказались от несения повинностей феодалам на том основании, что земля на равнине, ранее принадлежавшая кабардинским князьям, после ликвидации их власти стала казенной землей и поэтому не может считаться

алдарской. Крестьяне полагали, что с установлением царской власти они не обязаны уже отбывать феодалам те повинности, которые раньше несли за так называемую защиту народа.

В своих обращениях к кавказскому командованию крестьяне Северной Осетии вместе с жалобами на алдар * просили отделить их земли, поселить их отдельно от феодалов. «Тем деревенским нашим обществам, которые живут в соседстве с тагиатами,— писали тагаурские крестьяне,— надо назначить отдельные участки хлебопахатной и сенокосной земли» [114].

В свою очередь, феодалы жаловались на народ, обвиняя его в «неблагодарности». «Как известно,— писали они,— народ черный никогда даже лучшей жизнью не бывает доволен, но ищут всегдашнюю перемену... Они ищут совершенной вольности по внушению лукавых людей, делающих возмущения во всех народах» [115]. Баделяты высказывали уверенность, что царское правительство не пойдет по пути «лишения их прав над народом», что оно не нарушит «порядка», на котором основано «спокойствие и благоденствие народа». В противовес требованиям крестьян об отмене феодальных повинностей, тагаурские и дигорские феодалы в 1845 г., наоборот, просили закрепить за ними особым указом в вечное владение те земли, на которые они распространяли свои права, и именовать их официально алдарами, а не старшинами, что должно подчеркнуть их владельческие права на землю.

Большой размах приняла антифеодальная борьба кабардинского и балкарского крестьянства. Одним из звеньев этой борьбы было волнение крестьян кн. Бековича-Черкасского в 1837 г. в Малой Кабарде. Крестьяне отказались платить феодальные повинности и подали жалобу командующему Кабардинской линией полковнику Короткову на то, что князь неправильно взыскивает с них подать. Когда кн. Бекович-Черкасский для предупреждения «бунта» приказал связать одного холопа «за тайное сообщение с казаками через Карантинную линию», то это вызвало взрыв возмущения. Крестьяне выступили с оружием в руках против князя и вынудили его освободить связанного. Не желая подчиняться феодалам и нести в их пользу повинности, 400 крестьян покинули деревню и ушли в горы. «Почетные» кабардинские старики ездили к восставшим и шесть дней уговаривали их разойтись по домам и приступить к выполнению своих обязанностей. Но крестьяне не согласились.

Видя, что волнения принимают серьезный характер, командующий войсками на Кавказской линии генерал Вельяминов направил против взбунтовавшихся «холопов» отряд в 300 солдат с артиллерией во главе с майором Макаровым. Крестьяне отступили в глубь ущелья, но вскоре вынуждены были сдаться. Многие «бунтовщики» были арестованы и сосланы.

Упорный характер носили волнения крестьян в Большой Кабарде в 1838 г. Их возглавил «вольный» кабардинец Карданов. Поводом к этим выступлениям послужило то, что царское правительство в 1838 г. начало строить Лескенское военное поселение. Для заготовки и доставки строительных материалов по требованию царской администрации в Лескен было направлено 5093 крестьянина. Управляющий строительством заставлял их работать без отдыха, не давая им продовольствия, произвольничал и издевался над ними. Доведенные до крайности, крестьяне отказались от работы. Когда начальство потребовало от крестьян немедленно

---

* Алдар – феодал, владетель.

приступить к заготовке леса, кабардинские крестьяне не подчинились и под предводительством Карданова «скрылись с оружием в руках» [116].

Царская администрация избрала «мирный» способ борьбы против восставших. Командующий Кабардинской линией полковник Коротков, собрав всех членов Кабардинского временного суда и влиятельных князей и дворян, в сопровождении отряда казаков отправился в Черкесскую крепость, расположенную недалеко от местонахождения восставших. Коротков потребовал от князей и дворян, чтобы они уговорили восставших немедленно приступить к работе, в противном случае он угрожал «силою оружия» подавить восстание. В течение девяти суток восставшие не соглашались ни на какие предложения владетелей, пытавшихся уговорить их выйти из леса и приступить к работе. Кабардинские князья, напуганные волнением, вынуждены были дать присягу восставшим крестьянам. Лишь после этого крестьяне вышли из леса и приступили к работе [117].

В 1854 г. во владениях кн. Бековича-Черкасского из-за непосильных повинностей и притеснений снова взбунтовались крестьяне (около 100 дворов), отказавшись выполнять повинности и платить подати. Несколько человек из крестьян — Мурзабек, Жамбо, Кайтуков и др.— разъехались по селениям и вели агитацию против князя, убеждая народ «сложить с себя повиновение, не платить подати и не отбывать никаких повинностей». Взбунтовавшиеся крестьяне, «вопреки обычаю,— как сообщалось в рапорте о событиях,— осмеливались наносить обиды... и с оружием в руках покушались на жизнь» кн. Бековича-Черкасского. Эти волнения были типичной формой борьбы крестьянских масс, местными выступлениями против феодальной эксплуатации.

Многочисленные пережитки родового строя, сохранившиеся в быту кабардинцев и балкарцев, сдерживали развитие классовой борьбы и самосознания трудящихся Кабарды и Балкарии. Кроме открытых возмущений против феодального гнета, множились и другие формы крестьянского протеста. Кабардинские и балкарские крестьяне поодиночке расправлялись с феодалами, отказывались от работы и платежей. Одной из форм классовой борьбы в первой половине XIX в. являлось бегство крестьян от своих феодалов. В 1832 г., по словам пристава тохтамышских аулов Кудряшева, крестьяне, принадлежавшие абазинским владельцам Калагирею Лоову и Мате Биджиеву, бежали из аула князя Али-Мурзы Лоова [118]. Особенно много крестьян убегало в Балкарию, которая стала приютом и убежищем для беглых крестьян Осетии, Кабарды, Дагестана.

Со своей стороны балкарские крестьяне, скрывавшиеся от преследования князей, дворян и царских чиновников, находили приют в среде крестьянских масс других народов Северного Кавказа. В 1844 г. три крестьянские семьи, принадлежавшие прапорщику Темирханову, бежали со своими семьями в Северную Осетию (в Дигорию). В том же году холоп Магомет Хашаев бежал в Большую Кабарду и скрывался в деревне Коголкине.

В мае 1850 г. в Южной Осетии было «обнаружено... неповиновение крестьян своим помещикам». Царская администрация, напуганная классовой солидарностью крестьянских масс различных народов, начала рассылать циркулярные предписания местным властям. 10 июня 1850 г. начальник области предписал приставу балкарских обществ Хоруеву немедленно арестовать «осетинских бунтовщиков» в случае их появления среди балкарского населения [119]. Несмотря на усиление административного надзора, «неповиновение» балкарских крестьян своим таубиям не прекращалось. Летом 1850 г. крестьяне Безенгийского ущелья Шуваловы

(Шаваевы) «совершенно вышли из повиновения». Протест крестьян против феодальной эксплуатации достиг такого напряжения, что Кавказская администрация вынуждена была принять меры по закреплению балкарских крестьян за владельцами. Желая положить конец этим «беспорядкам», начальник Центра Кавказской линии 13 декабря 1851 г. послал предписание приставу Балкарии о запрещении балкарским крестьянам переселяться из села в село и закреплении их за таубиями. Но эти меры еще более усилили классовую борьбу в Балкарии. От глухого протеста крестьяне переходили к открытым выступлениям против своих угнетателей.

В 1855 г. восстали крестьяне в Чегемском и Хуламском обществах. Они требовали снижения феодальных поборов и других многочисленных повинностей, добивались права свободного пользования пастбищными землями. Но волнение это не приняло вооруженного характера, и таубиям удалось, ловко обманув крестьян, успокоить их.

В 40—50-х годах XIX в. абазинские крестьяне открыто выступили против попыток князей Лоова и Бибердова переселить их с р. Кумы в верховья р. Кубани. Восстание было разгромлено вооруженной силой. Но борьба абазинских крестьян не прекратилась. Классовая борьба обострилась также в Адыгее и Черкесии. В 1846 г. восставшими шапсугскими и натухайскими тфокотлями было освобождено от власти дворян до 8500 дворов крепостных крестьян (не менее 50 000 душ обоего пола). В течение 1846—1847 гг. шапсугские и натухайские дворяне дважды посылали своих депутатов к командующему Черноморской кордонной линией генералу Рашпилю с просьбой принять их в русское подданство в надежде на восстановление в будущем своих утраченных прав. Дворяне писали: «Потери наши в борьбе с чернью пусть будут доводом нашей правительству покорности. В притеснениях своих простой народ натухайский и шапсугский отнял от нас, дворян, подвластных нам 8466 дворов, которых обязал присягою присоединиться к своему обществу, лишив таким образом нас возможности ими пользоваться. По оставшимся от предков наших черкесским обычаям мы имеем совершенное право на владение крестьянами, но народ для своей пользы выдумал другой какой-то шариат, на основании коего и отнял подвластных нам людей. Они забываются перед нами и не придерживаются оставшихся обычаев предков наших и настоящего шариата. За таковые обиды наши и ущербы дозволено бы было нам отомстить им оружием самим собою и с помощью русских войск в разное время. При этом просим, чтобы и бежавшие от нас крестьяне в разное время в Россию были возвращены и отданы своим владельцам...» [120]

Царские власти на Кавказе поспешили взять под защиту адыгскую знать, организовав две карательные экспедиции в земли шапсугов и натухайцев. В ответ на это тфокотли произвели конфискацию имущества дворян, присягнувших России. Те же дворяне, которые остались за Кубанью, боясь потерять свое имущество и оставшихся крепостных крестьян и рабов, пошли на компромисс и примирение со старшинами тфокотлей. Последние выдвинули требование, чтобы «дворяне были равны» с ними в правах, в противном случае «грозили совсем изгнать со своих земель дворянские фамилии» [121].

Не менее острый характер носила антифеодальная борьба у адыгов, которые считались «покорными» России. Одним из самых крупных является выступление бжедугских крестьян в феврале 1856 г., известное под названием «Пшиорк-зау» («Война против князей и дворян») [122] (рис. 6). Причиной восстания послужило притеснение со стороны фео-

Рис. 6. Восстание бжедугских крестьян (1856 г.)
Неизвестный художник

Рис. 7. Выступление крестьян против князей и дворян на съезде в ауле Понежукай (февраль 1856 г.)
Неизвестный художник. Акварель

далов. Из среды восставших выдвинулись руководители Ханахоко Кимчерпй и Депчен Хусен, вокруг которых группировались крестьяне.

На народном собрании, состоявшемся в ауле Понежукай, крестьяне выдвинули требования равенства прав с феодалами и чтобы не было «сословия князей и дворян» [123] (рис. 7). Но последние отвергли эти притязания и ответили репрессиями. По указанию князей, крестьян начали убивать по одному лишь подозрению «в соучастии в делах тфокотлей» [124]. Тогда бжедухские крестьяне подняли вооруженное восстание. Ополчение крестьян с участием абадзехов и шапсугов во главе с Ханахоко подошло в феврале 1856 г. к аулу Понежукай и окружило его. В кровопролитной стычке у кунацкой владельца Ендара многие князья и дворяне были убиты. Оставшиеся в живых либо бежали к русским, либо смирились и «дали присягу навсегда отказаться от своих притязаний и слиться с народом» [125]. На следующий день состоялось народное собрание, на котором был избран совет народного правления. Однако феодалы, получив помощь от царских властей, перешли в наступление. Крестьяне, несмотря на героическое сопротивление, потерпели поражение; последовали массовые репрессии. Полковник Барзиков с отрядом войск в течение 1856—1857 гг. совершил несколько карательных экспедиций в земли бжедухов, в результате чего многие аулы подверглись разорению.

Успешному завершению борьбы крестьян препятствовало много причин. Крестьяне, опутанные патриархальными пережитками, четко не представляли своих классовых интересов. Их действия оказались локализованными и раздробленными. Руководители восстания проявляли колебания, а иногда шли и на определенные уступки в пользу феодалов. Активная помощь царизма феодалам делала практически невозможной победу крестьян. Несмотря на это, восстание имело далеко идущие последствия. Преимущества феодалов были значительно урезаны. Они долго не решались усилить гнет из опасения нового выступления крестьян; вынуждены были умерить повинности, что положительно повлияло на крестьянское хозяйство.

Неоднократно выступали против своих князей абазинские и карачаевские крестьяне. В 1857 г. произошли значительные волнения среди ногайцев в ауле Султан-Сагат-Гирея. Началось массовое бегство крестьян, что вызвало большую тревогу не только у самого владетеля, но и у царских властей. В связи с этим начальник Усть-Лабинского участка получил приказ послать в аул казаков. Восстание было подавлено, но войска по просьбе владетеля были оставлены «до того времени, как он примет все меры к прекращению всякого рода беспорядка».

Выступления крестьян Осетии, Кабарды, Адыгеи, Карачая и Черкесии в 30—50-х годах XIX в. отличались от выступлений в первой четверти XIX в., в которых принимали участие представители феодальной верхушки, стремившейся направить восставших против России. В то время как в первой четверти XIX в. на первый план выступала антиколонизаторская направленность, в восстаниях 30—50-х годов XIX в. более отчетливо видны антифеодальные цели, борьба с гнетом местной знати, хотя выступления одновременно были направлены и против царизма, неизменно поддерживавшего сторону местных феодалов.

Попытки Шамиля расширить пределы имамата. Поход Шамиля в Кабарду. Начиная с 40-х годов XIX в. Шамиль стремился соединить силы кавказских горцев в борьбе с царскими войсками и распространить влияние своих мюридов по всему Северному Кавказу.

Сначала идеи мюридизма проникли в Осетию и Кабарду, где они нашли опору среди небольшой части социальных верхов. В Кабарде действовали известные проповедники мюридизма и шариата эфенди Умар Шеретлоков и князь Мисост Атажукин. Они находились в переписке с Шамилем и прилагали все усилия «к возмущению Кабарды, тайно подстрекая к тому же закубанцев». Умар Шеретлоков в 1840 г. «требовал от кабардинцев байтага (присяги) на повиновение ему как старшему в Кабарде духовному лицу», который должен разбирать «все их дела шариатом, не подчиняясь Временному кабардинскому суду». Как сообщал царским властям кабардинский князь Александр Мисостов, «эфенди Умар Шеретлоков и князь Мисост Атажукин, оказывая наружную покорность правительству и повиновение начальству, втайне и весьма деятельно восстанавливают горцев против России, поддерживая недовольных, скрывая преступников и присвоив себе неограниченную власть над кабардинцами всех сословий — силою байтага, поставившего эфендия Шеретлокова, как духовное лицо, почти на одну ступень с Шамилем» [126].

Царское правительство вполне сознавало, какое важное стратегическое и политическое значение в борьбе с движением кавказских горцев имела Кабарда. «Хотя теперешняя Кабарда,— доносил в ноябре 1841 г. полковник Юрьев шефу жандармов гр. А. Х. Бенкендорфу,— не так сильна, чтобы могла быть опасна собственными своими силами, но связями родственными с князьями и дворянами других кавказских племен, уважением к их происхождению и гордым характером кабардинцы и до сего времени удержали еще значительное влияние на других горцев, каким пользовались во времена своего могущества. И поэтому сохранение спокойствия в Кабарде весьма важно в настоящую эпоху для Кавказа, тем более, что малейшая ошибка местного начальства, управляющего Кабардой, может произвести открытое восстание и тотчас сделать опасною Военно-Грузинскую дорогу» [127].

В апреле 1846 г. Шамиль во главе большого отряда предпринял поход в Кабарду с целью перерезать Военно-Грузинскую дорогу, соединиться с закубанскими адыгами и тем самым расширить фронт борьбы горцев Северного Кавказа. Кн. М. С. Воронцов в своем донесении к военному министру А. И. Чернышеву сообщал, что «нашествие Шамиля на Кабарду могло иметь весьма важные последствия на положение наше на Кавказе... дать решительный оборот делам его, прекратить общее стремление закубанских народов к примирению с нами, восстановить против нас давно покоренные, но воинственные племена центра Кавказской линии и Владикавказского округа, превратить или, по крайней мере, затруднить сообщения Тифлиса с Кавказскою областью, укрепить дух непокорности и сопротивления в Чечне и утвердить еще более враждебное нам его владычество в Дагестане» [128].

Для борьбы с Шамилем и восставшими кабардинцами царские власти стали стягивать к центру Кавказской линии свои войска. Видя это, а также не дождавшись отрядов закубанских адыгов, Шамиль 25 апреля 1846 г. начал отступление в Чечню. Вместе с ним ушло и некоторое число кабардинских крестьян и 37 князей и дворян, из которых феодал Магомет-мирза Анзоров был назначен Шамилем наибом Малой Чечни [129].

Всех князей и дворян, бежавших в Чечню, царские власти объявили абреками, а их крестьянам даровали вольность. Были предприняты репрессивные меры против мулл и эфендиев прошамилевской ориентации. А начальник Центра Кавказской линии кн. Голицын, «допустивший кабардинцев так скрытно приготовиться к общему восстанию и уходу в горы навстречу Шамилю», за беспечность был смещен с должности [130].

Переход на сторону Шамиля кабардинских князей и дворян показывает, что в Кабарде поддержку мюридизму оказывали некоторые представители феодальной верхушки, не считавшие управление имама Шамиля опасным для их власти. Эта часть феодалов не была связана классовыми интересами с царизмом. Другая, большая часть кабардинских феодалов, тесно связанная с Кавказской администрацией, оказывала поддержку царизму в его борьбе с освободительным движением кавказских горцев. Царское правительство назначило этим кабардинским князьям и дворянам большие пожизненные «пенсии» и ежегодные «жалованья», присваивало офицерские и генеральские чины, награждало орденами, дарило ценные подарки, обещало сохранять и укреплять их власть над крестьянами. В 1844 г. за преданность царизму и за помощь в борьбе с «враждебными горцами» правительство Николая I наградило кабардинских князей и дворян «почетным знаменем», а также орденами и медалями. Многим кабардинским дворянам «за услуги», оказанные в борьбе с Шамилем, в 1847 г. было определено ежегодное «жалованье» в 5 тыс. руб. сер. За один 1851 г. около 200 кабардинских дворян были награждены «за отличие» в военных действиях против Шамиля [131].

В то же время царские власти в Кабарде за бегство кабардинцев к «непокорным» горцам стали применять меры наказания. В 1847 г. была создана специальная Военно-судная комиссия для «осуждения кабардинцев за связи с абреками и Шамилем». Особенно строго эта комиссия наказывала кабардинских крестьян. Пойманный «с бегов» холоп Жамбек Шануков был сослан в арестантскую роту в г. Киев. Владелец холопа Магомет Абуков в своем обращении к кавказской администрации называл Жамбека «непостоянным» и «непослушным» и поэтому просил удалить его в «дальние гарнизоны рядовым, чтобы подобным примером из кабардинцев, желающих быть беглецами, многих удержать, [так] как через подобные поступки происходит в народе беспокойство и не прекращаются злодеяния» [132].

Бегство холопов от своих владельцев к «непокорным» горцам было одной из форм антифеодальной борьбы угнетенных масс кабардинского народа. Сами холопы в своих многочисленных прошениях, адресованных кавказской администрации, жаловались на притеснения со стороны своих феодалов, просили смягчить крестьянские повинности: «Чрез все это неминуемо мы должны впасть в самую нищету и даже умереть с голоду» [133].

Борьба горцев Закубачья. Наибы Шамиля. Антиколонизаторская и антифеодальная борьба горских народов Закубанья имела свои особенности. Эта борьба осложнялась, во-первых, различными уровнями социально-экономического и политического развития закубанских народов; во-вторых, отсутствием более или менее прочного государственного образования и единого руководства освободительным движением; в-третьих, активным вмешательством иностранных государств (Англии, Турции), стремившихся направить в русло своей агрессивной политики освободительную борьбу закубанских народов.

Первое крупное выступление закубанских народов относится к 1840 г., когда они взяли штурмом один за другим четыре укрепления на черкесском берегу Черного моря (Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское) [134]. Также мужественно сражались горцы, населявшие предгорные районы, вдоль левого берега р. Кубани.

В освободительном движении закубанских народов активное участие принимали и многие русские солдаты, бежавшие за Кубань от жестоко-

сти и произвола царских властей, вместе с горцами они боролись против общего врага — самодержавия. Немало среди них было и поляков, сосланных в солдаты в войска Отдельного Кавказского корпуса за участие в восстании 1830 г. в Польше. Переходившие на сторону горцев русские и поляки не только содействовали упрочению сил освободительного движения, но и несли с собой передовое военное дело и тактику боя. По свидетельству очевидцев, русские и польские солдаты-перебежчики «научили горцев делать порох, управлять орудием и были одною из причин столь долгого сопротивления горцев»[135].

Начало распространения мюридизма среди закубанских горцев связано с деятельностью первого посланца Шамиля — наиба Хаджи-Мухаммеда, появившегося в Закубанье в 1842 г. Царские генералы отмечали, что число сторонников мюридизма на Кавказе «в особенности растет между простым народом» и что наиб сумел «под личиною религии овладеть умами людей низшего класса»[136].

Вскоре после смерти Хаджи-Мухаммеда, в 1845 г. на Северо-Западном Кавказе появился новый посланец Шамиля — наиб Сулейман-эфенди. Одновременно с пропагандою мюридизма ему поручено было, во-первых, призвать закубанских адыгов к нападению на русские береговые укрепления и, во-вторых, собрать ополчение из адыгов и двинуть их к Центру Кавказской военной линии на соединение с отрядами Шамиля, которые, в свою очередь, должны были вытеснить царские войска из Кабарды. Однако Сулейман-эфенди не только не выполнил возложенные на него поручения, но сам перешел на сторону царизма и стал выступать против движения и его предводителя Шамиля, обвиняя его в отходе от догматов ислама и норм шариата[137].

В конце 1848 г. Шамиль направил к закубанским адыгам своего третьего наиба Магомед-Амина. Деятельность его происходила в обстановке обострившейся социальной борьбы внутри адыгского общества. Здесь, как мы видели выше, происходило антифеодальное движение, вылившееся в настоящий погром князей и дворян. Наиболее острый характер классовая борьба приобрела у шапсугов, натухайцев и абадзехов, тфокотли которых лишили своих дворян былых прав и произвели конфискацию значительной части принадлежавших им крепостных и рабов. Магомед-Амин, не разобравшись в сложной структуре общества Северо-Западного Кавказа, явно переоценил значение адыгской знати. В свою очередь, князья и дворяне первое время также поддерживали наиба в надежде восстановить «прежние свои права»[138]. По-видимому, именно этим объяснялась выдача сестры старшего темиргоевского князя Джембулата Болотокова замуж за «безродного пришельца» — Магомед-Амина. Однако этот брак по расчету произвел крайне неблагоприятное впечатление на тфокотлей «аристократических» племен, которые стали видеть в Магомед-Амине представителя княжеской фамилии и в силу этого стали относиться к наибу настороженно. Когда в этом убедился сам Магомед-Амин, он встал на путь широких обещаний, помимо освобождения крестьян от всех податей и повинностей в пользу князей и дворян.

Магомед-Амин, говорится в официальном документе, старается «подстрекнуть в свою пользу простой бжедухский народ обещанием свободы и независимости от князей и дворян» и что «обещания свободы не могли не подействовать на них», и это «возбудило некоторые толки в пользу предложения» наиба[139]. А к концу 1850 г. кавказское командование уже знало, что большая часть простого народа решительно расположена в пользу Магомед-Амина, обещающего им полную свободу и независи-

мость от прежних владельцев, и что при его помощи крестьяне надеются «свергнуть с себя власть высшего сословия» [140]. Лишая многих князей «аристократических» племен власти, Магомед-Амин хотел привлечь на свою сторону народные массы и нанести удар по притязаниям князей на самовластие, несовместимое с политической централизацией, которой он хотел добиться.

Расправляясь с князьями, Магомед-Амин оказывал покровительство мелкому дворянству, добивался его поддержки как обученной военной силы, необходимой и для борьбы с царскими войсками, и для удержания в зависимости тфокотлей. Такая политика Магомед-Амина оттолкнула князей, которые первоначально наивно полагали под флагом мюридизма укрепить свое положение.

Еще более сложным оказалось распространение мюридизма среди «демократических» адыгейских племен. Здесь, как отмечалось выше, дворянство было лишено своих прав и ущемлено в имущественном отношении. Бóльшая часть дворянства перешла на сторону царских властей, остальные при первом же призыве к «газавату» поддержали наиба и вошли в состав его личного отряда муртазикатов-добровольцев.

До 1850 г. Магомед-Амин управлял только абадзехами. Летом 1850 г. ему удалось покорить натухайцев, населяющих северную покатость Кавказского хребта. Однако ввиду наступления царских войск он вынужден был отказаться от покорения натухайцев, живущих по берегу Черного моря и направить отряды на покорение шапсугов. В июле месяце того же года в битве при урочище Догой Магомед-Амин потерпел поражение и вынужден был отступить. Но в повторном сражении ему удалось взять верх [141], после чего шапсуги присягнули ему. Однако и после этого шапсуги не подчинялись Магомед-Амину, и он не раз прибегал к силе оружия.

Находясь в Закубанье, Магомед-Амин действовал вполне самостоятельно, признавая власть Шамиля «только номинально» [142]. Магомед-Амину удалось распространить мюридизм и установить нормы шариата только среди части адыгов. Он разделил их земли на участки (общины по 100 дворов в каждом) с правом выбора из своей среды старшины для управления. Из этих участков были образованы округа с мягкеме в каждом. Мягкеме представляло собой военное укрепление: горский аул, окруженный рвами и плетнями, за которыми были установлены две пушки. В каждом таком мягкеме находились мечеть, судилище, духовное училище, тюрьма (или глубокая яма для заключенных), провиантский магазин, конюшня, помещения для судей, начальства и военной стражи. Во главе управления округов были поставлены муфтий и совет из трех кадиев с правами административной и судебной власти. В распоряжении этого управления были вооруженные конные отряды так называемых муртазикатов, являющихся ядром постоянной армии адыгов для борьбы с царскими войсками. Адыги обязаны были выставлять по одному конному воину с каждого двора и по первому призыву наиба являться на сборные пункты.

Вся светская и духовная власть была сосредоточена в руках Магомед-Амина. Установив духовный суд по шариату, он ввел у адыгов наказания и казни и приводил их в исполнение с неумолимой строгостью: ослушников воли наиба, сторонников России и противников мюридизма сажали в ямы, ворам отрубали руки, лазутчиков казнили. Судебно-административный аппарат управления и отряды муртазикатов содержались за счет налогов, взимаемых с населения. Сначала Магомед-Амин образовал только четыре округа в землях абадзехов, которые первыми

Рис. 8. Разорение крестьянина в уплату долга
Неизвестный художник. Акварель

признали его власть. Затем были образованы еще три округа: один у шапсугов и два — у натухайцев. Но попытки наиба объединить всех закубанских адыгов и создать государственную систему (наподобие имамата Шамиля) успехом не увенчались.

Крестьянские массы не хотели мириться с установившимися порядками. Шапсуги и натухайцы, испытывая «бедствия войны, тревожное положение края, прекращение торговли с Россией, совершенный недостаток соли и не видя ни исполнения его (Магомед-Амина.— *Авт.*) обещаний, ни пути выхода из настоящего затруднительного положения, решились потребовать от Мухаммед-Амина решительных мер к предотвращению народных бедствий или, в противном случае, предложили отречься от него»[143]. Такие же требования выставляли крестьяне на народных собраниях, неоднократно созывавшихся в 1851 г. В этой чрезвычайно сложной обстановке наиб делал все, чтобы сохранить свою поколебленную власть.

Антифеодальная борьба горского крестьянства тесно переплеталась с антиколониальной борьбой. В этих условиях наибам Шамиля приходилось лавировать между борющимися классами для того, чтобы укрепить свою власть среди закубанских адыгов и вовлечь их в «священную войну» (газават) против России. С помощью социальной демагогии шамилевским наибам, и особенно Магомед-Амину, вначале удалось привлечь на свою сторону широкие массы адыгского крестьянства, видевшего в нем «провозвестника скорого своего освобождения». Но вскоре они стали испытывать на практике всю тяжесть шариатского режима, способствующего обогащению и укреплению власти старшин и богатых тфокотлей. Это еще больше обостряло классовый антагонизм между крестьянством и новой феодализирующейся знатью. Крестьянские массы стали отходить от мюридизма, а в некоторых обществах дело доходило даже до вооруженного восстания, направленного против Магомед-Амина и его сторонников.

Таким образом, у большинства закубанских народов мюридизм не пользовался успехом. Главной причиной неудачи распространения мюридизма среди горцев Закубанья явилось то, что народные массы увидели в нем орудие утверждения власти новой феодализирующейся прослойки в лице старшин и богатеев, вступившей в компромисс со старым адыгским дворянством. Поэтому горцы Закавказья вели борьбу как против политики царизма, так и против всех тех организационно-политических форм, которые насаждались здесь наибами Шамиля.

5. Антифеодальная и антиколониальная борьба народов Северного Кавказа и русское общество

Официальная Россия в лице царя Николая I, высших сановников, дворян, помещиков считала необходимым подчинение горцев силой оружия. Хотя мнение о неизбежности насильственных мер было господствующим, все же не все слои русского общества поддерживали такую политику. Даже среди сановников царскоїї России находились люди, понимавшие непригодность насильственных мер. Уже говорилось, что видный экономист своего времени адмирал Н. С. Мордвинов предлагал отказаться от политики покорения силою оружия и приступить к экономическому освоению Кавказа путем усиления торгово-экономических связей. О необходимости заменить применение силы экономическими мерами высказывался анонимный автор записки «О духе народа грузинского и о мерах принятия к внутреннему устройству края» [144].

Сомнения в верности политического курса, принятого царизмом в отношении горских народов Кавказа, высказывали полковник Чайковский, генерал Н. Н. Раевский, генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин, публицист С. Иванов и другие. Одна миролюбивая политика с горцами, писал начальник Черноморской береговой линии генерал Н. Н. Раевский, «может вести к прочному их покорению, всякая другая, основанная на разорениях и кровопролитии, вредна... торговля, сближая горцев с нами, доставляя огромные выгоды... не может иметь вредных последствий». Система же карательных экспедиций «отдалит покорение черкесского народа» [145]. В записке «Мысли о средствах утверждения русского владычества на Кавказе» Д. А. Милютин предлагал «совершенно изменить образ действия», не применять насилие, не посягать на обычаи, образ жизни, но убедить горцев, что «Россия тем могущественна и велика, что спокойствие и благо края — суть единственная цель ее стремлений» [146].

В статье «О сближении горцев с русскими на Кавказе» С. Иванов, выступая против применения оружия, предлагал строить взаимоотношения с горцами на базе экономического и культурного общения. Развитие торгово-экономических и культурных связей, писал он, даст толчок росту производительных сил горцев, улучшит их благосостояние и будет «содействовать смягчению характера горцев» и, «выказывая им выгоды цивилизованной жизни, выставит русских не как грозных победителей ... но как нацию, заботящуюся об улучшении их состояния. Эти сближения могут послужить началом образования края и значительно облегчить военные операции и даже иногда устранить их печальную необходимость» [147]. Однако предложения подобного рода вызывали яростное возражение. Правящие круги Петербурга считали, что «покорить» и «усмирить» горцев можно только силой оружия.

Антинародную политику царского правительства на Северном Кавказе осуждали передовые прогрессивные деятели русского народа. Насилие

Рис. 9. А. С. Пушкин («Прощай, свободная стихия...»)
Художники И. К. Айвазовский и И. Е. Репин
Масло. 1887 г.

и гнет самодержавия вызывали протест. Одним из первых выступил против политики царизма на Кавказе писатель В. Т. Нарежный. Его сатирический роман «Черный год, или Горские князья» посвящен беспощадной критике кавказской администрации и местных владетелей.

По достоинству оценил народы Кавказа русский писатель А. С. Грибоедов. «Он был одним из первых русских писателей, с любовью относящихся к нашему краю,— писал известный грузинский деятель Г. Д. Эристави... Он один из первых, если не первый, сумел понять, что на Кавказе живут и будут жить люди, достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли»[148]. Признавая историческую необходимость присоединения Кавказа к России, он в то же время открыто осуждал систему управления краем. Сопротивление горцев карательным экспедициям царских войск Грибоедов

называл борьбой «горной и степной свободы с барабанным просвещением» [149].

А. С. Грибоедов с любовью относился к горцам Кавказа, называя их «вольным и благородным народом». Он всячески пытался облегчить их участь, советовал правителям Кавказа не навязывать «здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто и не понимает и не принимает. Дайте народу им же самим выбранных судей, которым он доверяет, если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию» [150].

С Кавказом был тесно связан гений русского народа поэт А. С. Пушкин. Он гуманно и глубоко сочувственно относился к горским народам Кавказа, высоко ценил свободолюбие и отвагу горцев и страстно мечтал о «временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». В своих произведениях «Кавказский пленник», «Путешествие в Арзрум», «Кавказ», «Обвал» и многих других великий поэт, которому по праву принадлежит честь открытия Кавказа в художественной литературе, правдиво показал и «дикую вольность», и человечность, и трудолюбие горцев. И не случайно В. Г. Белинский писал: «Муза Пушкина как бы осветила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем» [151].

Осуждая жестокую политику царизма, сочувственно относился к горцам поэт-бунтарь А. А. Шишков. Он любил природу Северного Кавказа «и храбрых горцев дух великий, дивился прошлым их делам».

Сосланный на Кавказ в солдаты за сатирическую поэму «Сашка», вынужденный принимать участие в походах царских войск, А. И. Полежаев благожелательно относился к народам Северного Кавказа, выступая против вражды народов [152]. Он писал:

«В то время русские охотно
Желали видеть их базар.
Чеченец мирный, кабардинец,
Кумык, лезгин, косубилинец
И персианин и еврей,
Забыв вражду своих обрядов,
Пестрели здесь, как у друзей,
Красою праздничных нарядов».

После 14 декабря 1825 г. в разное время на Кавказ было сослано свыше 65 разжалованных офицеров и 3 тыс. рядовых участников декабрьского восстания. Все они были поставлены здесь в очень тяжелые условия. Невольные участники военных походов царизма, они не испытывали ни малейшей вражды к горцам, но глубоко сочувствовали им. «Я дерусь,— писал декабрист А. А. Бестужев,— совершенно без цели, без долга даже» [153]. «Я если и служу, то служу лишь для вида [154],— замечал А. О. Корнилович. «Признаюсь,— говорил декабрист В. С. Норов,— что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением» [155]. Глубоко сочувствуя горцам, А. А. Бестужев писал: «Черт меня возьми, какие удальцы, что я готов расцеловать иного» [156]. «Побежденными друзьями нашими» [157] называл кавказцев декабрист А. В. Веденяпин.

Все декабристы выступали против насильственных мер, за миролюбивую политику на Кавказе. Доказывали, что жестокая политика царизма

Рис. 10. «Кавказский пленник»
Гравюра С. Галактионова. 1824 г.

«являлась одним из главных препятствий на пути мирного существования русского и кавказских народов». Считали, что хорошее управление может сделать больше, чем сила оружия.

Рассматривая присоединение Кавказа к России как положительное явление, декабристы были уверены, что русскому народу предназначена великая прогрессивная роль в экономическом и культурном возрождении народов. «Кавказу суждены в будущем великие судьбы» [158],— предсказывал А. А. Бестужев. Когда-нибудь Кавказ, писал Н. И. Лорер, «путем просвещения, цивилизации сделается достоянием образованного человека» [159]. Сами декабристы сделали многое для развития экономики и культуры народов Кавказа.

Еще более решительно в защиту прав народов национальных окраин выступали великие русские революционные демократы А. И. Герцен,

В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др.[160]. Резко осуждая колониальную политику самодержавия, А. И. Герцен настоятельно подчеркивал коренное различие между царизмом и русским народом, показывал противоположность их интересов. Он подчеркивал: «Все те, которые не умеют отделить русское правительство от русского народа,— ничего не понимают» [161]. Надо отличать русский народ от царского правительства, говорил он. «По счастью Зимний дворец — не вся Россия, даже не весь Петербург... Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку; не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов „с Анной на шее“, действительных статских пилигримов, заезжающих к вам по дороге в Иерусалим или на Афонскую гору» [162].

А. И. Герцен был против захватнических войн, которые дают царю «возможность уклониться от решения внутренних вопросов». Военные действия царизма на Кавказе Герцен причислял к тягчайшим преступлениям Романовых перед русским народом. Перечисляя преступные деяния царей, он среди них называл «войну настолько же кровопролитную, насколько и бессмысленную, которая длится 25 лет в неприступных горах» [163].

Великий революционный демократ в полном соответствии с фактами разъяснял, что ответственность за войну на Кавказе несет царизм и только царизм. Русский народ был такой же жертвой правительства, как и горцы Кавказа, и понес такие же неисчислимые потери. В то же время Герцен не видел гнета местных феодалов на Кавказе, отрицательные стороны мюридизма, агрессивность Османской империи и западных держав.

В 1853 г., подводя итоги деятельности Николая I, Герцен говорил: «Печальное царствование его продолжается 27-й год, и он не сделал ничего, не создал, кроме самодержавия для самодержавия. Тип его деяний это Кавказская война, поглотившая целые армии» [164]. Серьезной критике подвергал Герцен и предводителя горцев Шамиля за то, что он, особенно в конце своего правления, прибегал к ненужным жестокостям и необоснованным репрессиям [165]. Выступая против колониальной политики царизма, Герцен был глубоко убежден в наступлении времени, когда восставший русский народ, освободив народы окраин, составит с ними духовную семью. «Из-за насильственного единства,— писал он,— видится существо свободное ... единство, основанное на признании равенства и самобытности» [166].

Огромное значение в своей теоретической деятельности придавал Н. Г. Чернышевский национальному вопросу, разоблачал идеологию царизма, оправдывавшую подчинение своей власти народов национальных окраин, поддерживал национально-освободительные движения. «Всякая война,— писал Чернышевский,— имеющая целью завоевание или перевес над другими нациями, не только безнравственна и бесчеловечна, но так же положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успехами ни сопровождалась, к каким бы выгодным, по-видимому, результатам ни приводила» [167]. Справедливыми считал великий революционный демократ освободительные войны. «Человеку трудящемуся,— писал он,— разорительна всякая война, полезна для него только та война, которая ведется для отражения врага от пределов отечества» [168].

В произведениях «Кормило кормчему (перевод с татарского)» и «Знамение на Кровле (по рассказу очевидца)» Чернышевский выражает симпатию борющимся горцам Дагестана и Чечни, осуждает действия царского правительства. Он убежден, что борьба горцев была направлена

не против русского народа, а против царского правительства. Вместе с тем Чернышевский вскрывает реакционную роль местного мусульманского духовенства, освещает социально-политические причины отхода трудящихся масс от движения, критикует Шамиля за жестокости. Глубоко сочувствуя горцам, вынужденным вести многолетнюю борьбу, великий революционный демократ полагал, что начиная с 50-х годов, т. е. на третьем этапе движения, когда более явно в нем стали проявляться реакционные черты, продолжение борьбы поведет лишь к ненужным жертвам как среди русских, так и горцев. Поэтому Чернышевский считал более полезным заключение мира и упрекал Шамиля за то, что тот продолжал бесперспективную кровопролитную борьбу, которая ничего не могла дать горцам, кроме страданий.

Разоблачая захватническую политику царизма, Чернышевский неустанно разъяснял непричастность трудящихся к завоеваниям самодержавия. «Нет,— писал он,— не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как монголы, а спасителями и от ига монголов, которых сдержали мощной волей своей, не допустив их до Европы, быв стеной...» Глубоко веря в творческие силы русского народа, Чернышевский был уверен, что русский народ сыграет положительную прогрессивную роль в истории. «Пусть,— писал он,— Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную... выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества» [169].

Н. А. Добролюбов, по словам В. И. Ленина, «страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания.. против самодержавного правительства» [170], выступал в защиту прав всех народов России, за их национальное развитие и дружбу. В ряде своих работ Добролюбов подвергал резкой критике всех тех, которые именовали горцев «хищниками», «изуверами», «необузданными фанатиками», а возникновение движения объясняли «вечной» враждой мусульман к христианам или «злоумышленными» действиями отдельных «узурпаторов». В статье Добролюбова «О значении наших последних подвигов на Кавказе» убедительно показано, что движение горцев Дагестана и Чечни возникло на местной социально-экономической почве. Великий русский демократ подчеркивал, что не русский народ, а самодержавие осуществляет на Кавказе насилие [171]. Русский народ, по его мнению, сам — жертва военной машины царизма и является естественным союзником народов Кавказа. В этой статье Добролюбов вскрывает также реакционные черты мюридизма, разоблачает правящие круги имамата, вскрывает причины отхода народных масс от движения. Глубоко проникая в суть дела, Добролюбов вскрывает обстоятельства, приведшие движение к поражению.

Н. А. Добролюбов ратовал не только за «гуманное, справедливое управление», но и за братскую помощь нерусским народам, чтобы в результате горцы сами не захотели порывать с Россией, дорожили бы ее дружбой, стремились к добровольному объединению с русским народом в единое государство. «Когда русское управление сделает то, что для горцев не будет привлекательна перемена на какое-нибудь другое,— тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены» [172]. Н. А. Добролюбов видел, что добровольное объединение в одном государстве нерусских народов России с русским было бы великим благом для всех трудящихся. Он горячо, по-сыновьи любил свой народ и поэтому заботливо относился и к другим народам. Он считал, что «патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества. ...Настоящий пат-

Рис. 11. Лев Николаевич Толстой
Фотография 1856 г.

риотизм как частное проявление любви к человечеству не уживается с неприязнью к отдельным народностям» [173].

Живо интересовался историей борьбы горцев революционный демократ Т. Г. Шевченко [174]. Ненавидя самодержавие и считая его виновником всех бед трудящихся народов России, он глубоко сочувствовал горцам, считал их борьбу справедливой. В поэме «Кавказ», посвященной де Бальмену (погибшему в 1845 г. в даргинской экспедиции), Шевченко, обращаясь к горцам, писал:

Вы боритесь, поборете,
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая [175].

Поэт-демократ Н. А. Некрасов, искренне любя свой народ, с глубоким сочувствием и любовью относился и к другим народам России. В возглавляемом им журнале «Современник» печатались очерки, рассказы, статьи, правдиво изображавшие Кавказ и его жителей. Несомненно, что реалистическое освещение событий, происходящих на Северо-Восточном Кавказе, способствовало распространению правды о горских народах, о их героической, самоотверженной борьбе с самодержавием. Эти статьи не оставляют также сомнения в том, что прогрессивный журнал и его руководство участливо относились к горцам и по существу защищали их права. Предводителя горцев Шамиля Некрасов характеризовал как «человека, бесспорно замечательного, хитрого и изворотливого, лукавого и недоверчивого» [176].

Большое место занимал Кавказ в творчестве великого русского писателя гр. Л. Н. Толстого. Во всех своих произведениях, посвященных Кавказу, он выступал против войны, приносящей только беды как русскому крестьянству, так и трудящимся горцам, ратовал за добрососедские отношения и дружбу между русским и кавказскими народами. С большой любовью относился Л. Н. Толстой к Кавказу. «Не знаю,— писал он,— является ли Кавказ страной вдохновения, но он, несомненно, страна любви» [177]. А 9 июля 1854 г. он записал в дневнике: «Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно, хорош этот край дикости, в котором так странно и поэтически соединяются самые противоположные вещи — война и свобода» [178].

Большой интерес представляет и оценка Л. Н. Толстым предводителей движения. В 1857 г., когда Хаджи-Мурат перебежал на сторону кавказского командования, Л. Н. Толстой так оценивал этот поступок: «Второе лицо после Шамиля — Хаджи-Мурат предался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец, а сделал подлость» [179]. Но впоследствии, в период работы над повестью «Хаджи-Мурат», писатель говорил: «Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух

главных противников этой эпохи — Шамиля и Николая, представляющих вместе как бы два полюса, азиатский и европейский» [180]. И действительно, в повести «Хаджи-Мурат» Шамиль показан предводителем борьбы горцев, но без особых к нему симпатий. Такое отношение великого писателя к личности Шамиля следует, видимо, объяснить тем, что Л. Н. Толстой, считая борьбу горцев освободительной, в то же время отрицательно оценивал многие черты имамата и самого Шамиля, в частности его жестокость.

Труднее проследить отношение к горцам простого русского народа. К сожалению, сведения об отношении к горцам русских и украинских трудящихся мало отражены в источниках. Но даже немногие дошедшие до нас факты не оставляют сомнения в том, что простые русские люди и украинские трудящиеся не питали к горцам вражды, а сочувствовали им. Солдат Пимен Прокопенко, например, говорил: горцы «самый геройский народ. Та и то треба сказать — на отчай ито, бо свою ридну землю, свое ридне гнездечко обороняв. Як що по правди говорите, то его тут правда була, не наша» [181]. Даже в период войны простые русские люди не испытывали ненависти к горцам. «Казаки,— писал Л. Н. Толстой в разгар Кавказской войны,— уважают врага — горцев и стремятся наладить с ними добрососедские отношения» [182].

Вспомним также образ солдата Авдеева, созданный Л. Н. Толстым в повести «Хаджи-Мурат». Он так отзывается о горцах: «А какие эти, братец ты мой, гололобые ребята хорошие. Ей богу!.. Право, совсем как российские. Хорошие ребята» [183]. Судьба Авдеева типична для русских солдат в период движения горцев. Он гибнет бессмысленно, не испытывая никакой неприязни к горцам, с которыми вынужден был вести борьбу.

В Кавказском корпусе было немало и таких солдат, которые не только не питали вражды к горцам, но по мере сил и возможностей старались облегчить их участь, проявляли к ним гуманное отношение. «Русские солдаты,— свидетельствует В. Андреев,— исполнившие поручения... расположились на зимних квартирах в деревнях (т. е. в горских аулах.— *Авт.*). Скоро солдаты сдружились с обывателями до того, что помогали им во всех домашних работах и жили как родные. Забавно было видеть усача нашего, в огромном хозяйском тулупе, с ребенком на руках, забавляющего малютку, в то время как мать занималась рукоделием или хозяйством». Горцы отвечали взаимностью: «Когда пришла пора солдатам оставлять селение,— продолжал Андреев,— все мужчины провожали их более 5 верст, везли хлеб, мед, молоко, и с истинным сожалением дагестанцы расставались с русскими» [184].

Таким образом, в отличие от представителей самодержавия и апологетов его политики передовые прогрессивные деятели России глубоко сочувствовали горцам в их неравной борьбе. Разоблачая жестокую политику самодержавия, они решительно отстаивали права горских народов Северного Кавказа. Неустанно выступая против отождествления царизма с русским народом, они, обращаясь к современникам, горячо ратовали за дружбу между горцами и русским народом. Глубоко переживали страдания горцев и тяготели к добрососедству и сотрудничеству трудовые слои русского населения Северного Кавказа. Представители эксплуатируемого большинства русского народа — солдаты Кавказского корпуса, вынужденные волею царизма вести борьбу, не испытывали вражды к горцам и нередко оказывали им посильную помощь и поддержку. Все это говорит о том, что не русский народ, которому всегда чужды были великодержавные устремления, а самодержавие повинно в «усмирении» горцев и «покорении» Кавказа. Не русский народ, который сам был угне-

таем, а царизм ответствен за проявленные на Кавказе жестокость и насилие во время Кавказской войны первой половины XIX в.

---

[1] Обзор работ западных историков см. в кн.: *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 – начале 40-х годов XIX в. М., 1975.

[2] Многие документы этих обсуждений впервые опубликованы в издании: Внешняя политика России XIX и начала XX в. М., 1988. Т. 15.

[3] Текст см. в кн.: Договоры России с Востоком/Сост. Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 89–92.

[4] *Нарочницкий А. Л.* Международные отношения европейских государств от Июльской революции во Франции до Парижского мира (1830–1856). М., 1946. С. 10–11.

[5] *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал кн. И. Ф. Паскевич. СПб., 1888–1904. Т. 1–17; 1896, Т. 5. С. 169; *Маркова О. П.* Восточный кризис и движение мюридизма // Ист. зап. 1953. Т. 42.

[6] Письмо Николая I И. Ф. Паскевичу от 25 сент. (7 окт.) 1829 г. // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20–50-х годов XIX в. Махачкала, 1959. С. 58. Док. № 32. (Далее: ДГСВК).

[7] Еще в 1831–1832 гг. было построено укрепление Суджук-кале (Геленджик), в 1836 г.– Александровское и потом Кабардинское, в 1836 г.– Новотроицкое, Михайловское и укрепление Св. Духа на мысе Адлер. В 1838 г. после десанта в устье р. Туапсе возведены были укрепления: Вельяминовское, Тенгинское, Новороссийское и Александрия в устье р. Сочи (впоследствии укрепление Новомысское), в 1839 г.– форты Головинский и Лазарев. См.: *Чирг А. Ю.* Закрепление России на Черноморском побережье Кавказа и меры борьбы против контрабандной торговли, 1829–1864 гг. // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Майкоп, 1985. С. 69–73.

[8] Эти сведения поступали от главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и из других источников. См.: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. документов. Тбилиси, 1953. С. 17, 19, 27 и след.

[9] Еще в 1827 г. царские власти разрешили принимать беглых рабов и крестьян из-за Кубани. За полвека их с гор сбежало несколько тысяч человек. См.: *Чирг А. Ю.* Указ. соч. С. 76.

[10] В 1832 г. 15 захваченных у контрабандистов судов было продано с аукциона за 17 950 р. В 1833 г. русские военные корабли уничтожили 3, а в 1835 г. 2 судна контрабандистов. См.: *Чирг А. Ю.* Указ. соч. С. 67–71.

В 1835 г. была разрешена русским купцам торговля в тех местах побережья, где были русские гарнизоны. Торговля стала развиваться в Новороссийске, Геленджике и Анапе, куда привозили соль, ткани, сафьян, холст. Эти товары шли в обмен на лес, дрова, скот, воск, сало, кожи и ремесленные изделия. Но когда сопротивление горцев усилилось, царские власти в карательных целях запретили этот меновый торг к ущербу самой же России. См.: Там же. С. 89–93.

[11] Натухайский (по другим сведениям,– шапсугский) князь Сефер-бей в 1834 г. прибыл в Константинополь и послал оттуда воззвание к соплеменникам с призывом к восстанию против России, обещая скорое прибытие войск султана и египетского паши. В 1836 г. российское правительство добилось от Порты высылки Сефер-бея из столицы, и он был поселен вблизи Филиппополя, что показало горцам его бессилие. Но Сефер-бей продолжал свою деятельность и в дальнейшем. См.: Красный архив, 1940. Т. 102. С. 237. Примеч. 22.

[12] *Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge. 1950. P. 286.

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 417.

[14] The Times, 1835. July 11, 15.

[15] Версия эта была выдвинута в Англии еще в 1791 г. во время приготовлений английского флота для вмешательства в русско-турецкую войну 1787–1792 гг., чтобы придать этим воинственным планам «оборонительную» внешность. Но тогда на первом плане были европейские проблемы. См.: *Gerhard D.* England und der Aufstieg Russlands. München, 1933. S. 328, 363. В дальнейшем внимание переключилось на угрозы Наполеона Бонапарта нанести удар по Британской Индии во время завоевания Египта и к походу при Павле I русских казаков на Индию (продвинувшихся, впрочем, не далее приволжских степей). Легенду о «русской угрозе» Индии подробно осветил Е Л. Штейнберг в статье «Английская версия о „русской угрозе“ Индии в XIX–

XX вв.» (Ист. зап. 1950. Т. 33. С. 47–66).

[16] См. анонимный памфлет «India, Great Britain and Russia». (2-е изд. 1839) // *Gleason J. H.* Op. cit. P. 54, 212–215, 287.

[17] *Данилова Е. Н.* «Завещание» Петра Великого // Тр. Историко-архивного института. 1946. Т. 2. С. 203–270.

[18] Дэвид Уркварт, родом шотландец, принадлежал к торп. В 1834 г. он несколько месяцев пробыл среди «черкесов», т. е. адыгских народов Северо-Западного побережья Кавказа. Вернувшись, он распространял выдумки о том, что там живет не менее 6 млн человек. Уркварт уверял, что Россия следует «Завещанию» Петра I и намерена во что бы то ни стало овладеть Константинополем, хотя британское посольство в Петербурге начисто опровергало эти измышления. Вместе с польскими эмигрантами он с 1834 г. выпускал сборники «Portfolio» с дипломатическими документами, вывезенными польскими повстанцами в 1830 г. из Варшавы, и включал туда материалы о Кавказе, в том числе составленные им самим от имени «черкесов» просьбы к Англии о помощи. См.: *Gleason J. H.* Op. cit.; Portfolio. L., 1834. T. 4–5; *Bolsover G. H.* David Urquhart and the Eastern Question, 1833–1837: A Study in Publicity and Diplomacy // The Journal of Modern History. 1936. Dec. Vol. 8, N 4. P. 444–464; *Webster Ch.* Urquhart, Ponsonby and Palmerston // The English Historical Review. 1947. July. Vol. 62, N 244. P. 327–351.

[19] Документы об этом инциденте опубликованы в журнале «Красный архив» (т. 102. С. 188–190 и след.).

[20] Д. Уркварт продолжал писать памфлеты против России. Со временем он стал членом парламента и, по словам К. Маркса, был «неутомимым противником лорда Пальмерстона», которого поносил за его будто бы недостаточную враждебность к России. Связи Уркварта с польской эмиграцией и английскими агентами в «Черкесии» не прерывались. Маркс познакомился с ним в 50-х годах и вынес впечатление, что это — «совершеннейший маньяк» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 274). Ф. Энгельс видел в Уркварте «сумасшедшего депутата парламента, который считает Пальмерстона платным агентом России» и высмеивал увлечение его Турцией (Там же. С. 186, 602).

[21] Сведения об этих агентах и их записки о пребывании в Черкесии еще требуют более детального и критического изучения. См.: *Bell I. S.* Journal of a Residence in Circassia during the Year 1837, 1838 and 1839. L., 1840. Vol. 1, 2; *Longwarth Y. A.* A Year among the Circassians. L., 1890. Vol. 1, 2.

[22] Не исключено, что часть этих посланий была фальшивой. См.: *Маркова О. П.* Восточный кризис и движение мюридизма // Ист. зап. 1953. Т. 43. С. 222–223.

[23] Та же мысль высказывалась в записке, представленной российским послом Брунновым британскому правительству в 1839 г. См.: *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. 11. С. 123; *Bolsover G. H.* Nicolas I and the Partition of Turkey // The Slavonic Review. L., 1948. Vol. 27, N 68. P. 119–127.

[24] *Адамов Е., Кутаков Л.* Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн: Документы // Вопр. истории. 1950. № 11. С. 123.

[25] ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–13.

[26] АКАК. Тифлис, 1874. Т. 6, ч. 2. С. 98.

[27] Копия с отзыва генерал-квартирмейстера Кавказской армии от 7 сентября 1865 г. // РФ ИИЯЛ. Д. 1289. Л. 10.

[28] Всеподданнейшие отчеты главнокомандующего Кавказской армии за 1863–1870 гг. СПб., 1870. С. 24.

[29] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 4648. Л. 12.

[30] *Руновский А.* Мюридизм и газават в Дагестане по объяснению Шамиля // Военный сборник. 1859. Т. 5. С. 680.

[31] ЦГИА СССР. Ф. 1377. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 97. Л. 2.

[32] ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 55; Д. 446. Л. 30; АКАК. Т. 6, ч. 2. С. 20, 26, 27, 29–30 и след.; ДГСВК.

[33] АКАК. Т. 6, ч. 2. С. 509.

[34] *Ермолов А. П.* Записки. М., 1864. Т. 1. С. 73.

[35] Там же. С. 98.

[36] Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3. С. 342.

[37] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 1. Л. 52.

[38] ДГСВК. С. 69.

[39] РФ Ин-та истории СССР. Б. Разд. 5. Д. 27. Л. 150.

[40] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 47–52.

[41] *Романовский.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 320; *Петров А.* История 83-го пехотного Самурского полка. Петровск, 1982. С. 3.

[42] *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 4. С. 143.

[43] *Фадеев А. В.* Кавказ в системе международных отношений 20–50-х годов XIX в. М., 1956. С. 19.

[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 131–132.
[46] ДГСВК. С. 92.
[47] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6251. Л. 139–140.
[48] МИДЧ. Махачкала, 1940. С. 202–203; ДГСВК. С. 62–63.
[49] ДГСВК. С. 113.
[50] Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахп. М., 1946. С. 61.
[51] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6294. Л. 27.
[52] ДГСВК. С. 685.
[53] *Романовский.* Указ. соч. С. 334.
[54] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 325.
[55] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6325. Л. 31–32; КС. Тифлис, 1885. Т. 20. С. 271–272.
[56] ДГСВК. С. 139.
[57] Там же. С. 163.
[58] Там же. С. 167. МИДЧ. С. 359–360.
[59] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6512. Л. 51.
[60] МИДЧ. С. 420.
[61] Там же. С. 421.
[62] Там же. С. 422.
[63] ЦГИА ГССР. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 298. Л. 28.
[64] ДГСВК. С. 257.
[65] ЦГИА ГССР. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 344. Л. 9–13.
[66] ЦГВИА. Ф. ВУА, д. 6317. Л. 5–7.
[67] ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 129. Л. 40–42.
[68] ДГСВК. С. 372.
[69] *Гаджиев В. Г.* Новые источники по истории Дагестана XIX в. // Из истории дореволюционного Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 1976. С. 209.
[70] ДГСВК. С. 443.
[71] *Иваненко.* Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901. С. 228–230.
[72] ДГСВК. С. 429.
[73] Там же. С. 486–488.
[74] Воспоминание гр. К. Х. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции. Парпж, 1858. С. 89.
[75] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 119.
[76] Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахп. С. 226–227.
[77] ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19741. Л. 160–167.
[78] Кастильон – французский консул в Грузии в 40-х годах XIX в. Его письма-донесения к французскому министру иностранных дел см. в журн.: Историк-марксист. 1936. № 5. С. 118.
[79] Выдержки из записок Абдурахмана // Кавказ. 1862. № 72; ДГСВК. С. 492; *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // ССОКГ. 1873. Вып. 7. С. 56.
[80] Выдержки из записок Абдурахмана // Кавказ. 1862. № 72.
[81] *Фадеев Р. А.* 60 лет Кавказской войне // Соч. СПб., 1889. Т. 1. С. 89.
[82] ДГСВК. С. 357.
[83] *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 55.
[84] ДГСВК. С. 365, 471. *Генко А. Н.* Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Зап. Ин-та востоковедения, 1933. Т. 2. С. 28.
[85] ДГСВК. С. 498.
[86] Там же. С. 292.
[87] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 45. Л. 231.
[88] Северная пчела. 1862. № 133; ДГСВК. С. 377, 468.
[89] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 1229. Ч. 2. Л. 72; АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 1487.
[90] *Гаджиев В. Г.* К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957. С. 145–160.
[91] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 468. Примеч.
[92] *Дубровин Н. Ф.* Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1889–1898. Ч. 4, кн. 2. С. 255.
[93] КС. Тифлис, 1882. Т. 6. С. 409.
[94] АКАК. Тифлис, 1879. Т. 8. С. 527.
[95] *Гаджиев В. Г.* Абдурахман и его воспоминания. Махачкала, 1970. С. 146.
[96] Хроника Мухаммеда Тахпра Ал-Карахи. С. 270.
[97] О движении горцев под руководством Шамиля: Материалы сессии. Махачкала, 1967. С. 96.
[98] АКАК. Т. 12. С. 1485.
[99] ДГСВК. С. 58; Гаджи-Али. Указ. соч. С. 34.
[100] ДГСВК. С. 585.
[101] *Иваненко.* Горские чеченцы // ССОКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 54.
[102] *Вердеревский.* Плен у Шамиля. СПб., 1856. С. 64.
[103] Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи. С. 196.
[104] *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 59.
[105] *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 155–157.
[106] ДГСВК. С. 601–602.
[107] ЦГИА ГССР. Ф. 548. Оп. 3. Д. 543 Л. 2.
[108] Там же. Л. 9, 10, 12; Ф. 1083. Оп. 6. Д. 964. Л. 2; Ф. 1087. Д. 383. Л. 114; Ф. 1463. Оп. 2. Д. 83. Л. 11.
[109] ДГСВК. С. 575–578.
[110] Там же. С. 585–586.
[111] Там же. С. 591–592.
[112] Там же. С. 420.
[113] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6245. Л. 3.
[114] ЦГИА ГССР. Ф. 74. Д. 2. Л. 16.
[115] Там же.
[116] *Кумыков Т. Х.* Экономическое и куль-

турное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 183.
117 ЦГВИА. Ф. 13 454. Оп. 6. Д. 197. Л. 22 об.
118 Там же. Оп. 2. Д. 284. Л. 18.
119 Документы по истории Балкарии (Конец XIX — начало XX в). Нальчик. 1962. С. 21—22.
120 ГАКК, Ф. 261. Оп. 1. Д. 890. Л. 64—65.
121 *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 564.
122 Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 205—210.
123 РФ Адыгейского НИИ. Ф. 1. Оп. 37. Д. 29. Л. 3.
124 Там же. Л. 4.
125 Кубанские областные ведомости. 1867. № 27.
126 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6448. Л. 24.
127 Там же. Л. 25—26.
128 КС. Тифлис, 1880. Т. 17. С. 178.
129 ЦГА КБАССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
130 Кавказ. 1893. № 58.
131 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 3; Д. 1224. Л. 107.
132 Там же. Д. 1188. Л. 1.
133 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 136. Л. 11.
134 Архив Раевских. СПб., 1909. Т. 2. С. 633.
135 Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 1. С. 222—223.
136 ДГСВК. С. 445—446.
137 *Сулейман-эфенди.* Описание поступков Шамиля, противных шариату // Сб. газ. «Кавказ». Тифлис, 1847. Т. 1.
138 ГАКК. Ф. 261. Оп. 2. Д. 1041. Л. 39.
139 Там же. Л. 86.
140 Там же. Д. 1211. Л. 4.
141 ГАКК. Ф. 261. Оп. 2. Д. 1112. Л. 63.
142 Кубан. сб. Екатеринодар, 1904. Т. 10. С. 51.
143 ЦГИА ГССР. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 882. Л. 64.
144 *Сивков К. В.* О проекте окончания Кавказской войны в середине XIX в. // История СССР. 1958. № 3. С. 192.
145 ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6391. Л. 89—90.
146 *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 193—195.
147 *Иванов С.* О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. 1859. № 7. С. 541—549.
148 Вопр. истории. 1946. № 5/6. С. 81.
149 *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 200, 343.
150 Там же. С. 36—37. См. также: *Фадеев А. В.* Россия п Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 353.
151 А. С. Пушкин в русской критике. М., 1953. С. 208.
152 *Гаджиев В. Г., Пикман А. М.* Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1872.
153 РВ. 1861. № 4. С. 463—464.
154 *Корнилович А. О.* Сочинения и письма. М.; Л., 1957. С. 402—403.
155 ЦГВИА. Ф. 395. Оп. 134/380. Д. 673. Л. 3.
156 РВ. 1861. № 4. С. 463—464.
157 ЦГВИА. Ф. 395. Оп. 134/380. Д. 673.
158 РВ. 1870. № 7. С. 72.
159 *Лорер Н. И.* Записки декабриста. М., 1931. С. 214.
160 *Гаджиев В. Г., Пикман А. М.* Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972.
161 *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Пг., 1920. Т. 14. С. 11.
162 Там же.
163 Там же. 1919. Т. 7. С. 182.
164 Там же. С. 130.
165 Там же. Т. 14. С. 199.
166 Там же. Т. 9. С. 462.
167 *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. СПб., 1906. Т. 3. С. 152.
168 Там же. Т. 4. С. 488.
169 Н. Г. Чернышевский: Литературное наследие. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 44.
170 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 370.
171 См.: Вопр. истории. 1974. № 11. С. 137.
172 *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 156.
173 Там же. Т. 3. С. 227—228.
174 Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 81.
175 *Шевченко Т. Г.* Собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 406.
176 *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 9. С. 399—400.
177 Летопись дружбы грузинского и русского народов с древнейших времен до наших дней. Тбилиси, 1961. Т. 1. С. 553.
178 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 47. С. 10.
179 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 59. С. 132—133.
180 Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 162.
181 *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. С. 370—371.
182 *Толстой Л. Н.* Собр. худож. произведений. М., 1948. С. 250—257.
183 *Толстой Л. Н.* Избр. повести и рассказы. М., 1946. С. 327.
184 *Андреев В.* Воспоминание из кавказской старины // КС. Тифлис, 1876. Вып. 1. С. 187.

Глава V

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: ПОРАЖЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ШАМИЛЯ

1. Северный Кавказ и Крымская война 1853—1856 гг.

Северный Кавказ в планах воюющих держав. Крымская война оказала большое влияние на ход происходивших на Северном Кавказе событий. Как известно, эта война возникла в результате обострившихся международных противоречий на Балканах, в Малой Азии и на Кавказе между Россией, с одной стороны, и западными державами — Англией и Францией — с другой. Речь шла прежде всего о борьбе за влияние на Османскую империю. Являясь продолжением захватнической политики царской России и капиталистических держав Запада, великодержавных претензий Османской империи, Крымская война носила несправедливый характер с обеих сторон. В то время как царизм стремился поставить под свой контроль Черноморские проливы и укрепить свои позиции на Балканах, английская и французская буржуазия в свою очередь стремилась к подчинению Османской империи своему влиянию. Наиболее агрессивные круги в Англии замышляли даже отторгнуть от России Крым, Кавказ и другие районы. В качестве орудия своих агрессивных планов Англия использовала Оттоманскую Порту, правящие круги которой, в свою очередь, преследовали свои реваншистские, захватнические цели в отношении северного побережья Черного моря, Крыма и Кавказа. «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России,— откровенно писал в марте 1854 г. Пальмерстон,— такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии.. Крым, Черкесию и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана» [1].

Английский проект ослабления и расчленения России, выдвинутый Пальмерстоном, отнюдь не отвечал интересам Франции, которой «не хотелось ни слишком усиливать Англию, ни сверх меры ослаблять Россию». Но замыслы Пальмерстона включали в себя привлечение новых союзников в лице Австрии, Швеции, Пруссии, Польши, Сардинии и кавказских горцев. Поэтому Наполеон III вначале не возражал относительно «пальмерстоновской фантастической идеи раздела России» [2].

В военных планах союзников Северному Кавказу отводилось чрезвычайно важное место, поскольку он имел огромное стратегическое

значение, кроме того, здесь еще продолжалось движение горцев под предводительством Шамиля.

Британская печать выдвигала проекты создания на Северном Кавказе марионеточного государства под названием «Черкесия», которое находилось бы либо под протекторатом Турции, либо — Англии. Предполагалось отторгнуть от России все закавказские провинции, расчленить Грузию «наподобие Дунайских княжеств» и «под протекторатом Англии и Порты организовать отдельные княжества: Грузию, Мингрелию, Имеретию, Гурию, Армению. Возвратить Ирану и Порте те части, которые были присоединены к России Гюлистанским и Адрианопольским трактатами» [3]. Английская газета «Таймс» прямо заявляла, что «граница России на Кавказе должна проходить к северу от Терека и Кубани» [4].

В стремлении использовать в войне против России кавказских горцев участники крымской коалиции сразу же нашли общий язык [5]. Турецкое и англо-французское командование пытались установить связи с руководителями освободительного движения горцев. Особенно большие надежды союзники возлагали на Шамиля и его наиба Мухаммед-Амина.

Учитывая, что основные силы русских войск на Кавказе были заняты подавлением движения горцев, союзники наметили именно здесь нанести один из ударов по России. Начиная войну, правительства Англии, Франции надеялись, что им удастся с помощью Османской империи и горцев комбинированным ударом — с фронта и тыла — разгромить русские войска на Кавказе и отбросить их за Кубань и Терек. Так было решено «в совете союзных держав» [6].

Ф. Энгельс, внимательно следивший за развертывающимися событиями на Кавказском театре войны, писал, что продвижение турецких войск «вперед в сторону Кавказского хребта — будь то из Батума или Эрзерума — в случае успеха обеспечит им прямую связь с их союзниками, горцами, и позволит сразу же отрезать от России, по крайней мере с суши, русскую армию, находящуюся на Южном Кавказе, что может привести к полному уничтожению этой армии» [7].

Провал планов Англии и Порты использования горцев в войне против России. На военном совете, состоявшемся с участием английского посла Стратфорда Редклифа, было решено, что в Азии надо начать как можно скорее наступательную войну, чтобы «поднять черкесов и дагестанцев» [8]. К народам Северного Кавказа были отправлены десятки османских и английских эмиссаров с письмами и воззваниями, проникнутыми духом фанатизма и традиционным призывом к «священной войне» против России [9].

Командование Порты рассчитывало на легкую победу в Азии. Четыре корпуса Анатолийской армии, сосредоточенные в Батуме, Ардагане, Карсе и Баязете, должны были смять пограничные отряды русских и наступать на Тифлис — главный административный центр Кавказа. Вместе с тем с севера на Тифлис ожидалось наступление отрядов Шамиля. Османский флот должен был высадить на Кавказском побережье Черного моря крупный десант с задачей идти на соединение с отрядами Магомед-Амина и перерезать коммуникации противника. После этого разгром кордонов, растянутых на сотни километров вокруг Кавказского хребта, представлялся неминуемым [10]. Но эти планы не осуществились. Ни попытка Магомед-Амина с 10-тысячным отрядом конных и пеших горцев в июле 1853 г. овладеть Карачаем и создать здесь операционную базу, откуда он мог бы свободно через Кабарду и Осетию соединиться с Шамилем, ни нападение 8-тысячного отряда горцев на укрепления Гостага-

евское и Тенгинское не увенчались успехом. За несколько месяцев до начала Крымской войны сам Шамиль сделал неудачную попытку с 7-тысячным отрядом прорваться через Лезгинскую военную линию в Закавказье.

Однако эти действия Магомед-Амина и Шамиля сильно встревожили российское командование на Кавказе. Наместник кн. М. С. Воронцов, предупреждая петербургские власти об отсутствии сил и средств для обороны Закавказья от османских войск и отрядов горцев, просил об отправке на Кавказ хотя бы одной пехотной дивизии. Серьезную тревогу вызывало и положение царских войск на Черноморском побережье Кавказа. Многочисленные гарнизоны, разбросанные по слабым фортам и укреплениям побережья, из-за отсутствия сухопутного сообщения были совершенно разобщены и оторваны друг от друга. В случае блокады вражеским флотом с моря им нельзя было оказать никакой помощи.

Учитывая все это, перед самым началом Крымской войны из Севастополя морем на Кавказ была переброшена 13-я пехотная дивизия. Это позволило кавказскому командованию сформировать 30-тысячный действующий корпус, отряды которого усилили гарнизоны пограничных крепостей.

Осенью 1853 г. Османская империя под давлением Англии объявила войну и начала военные действия на Дунае и Кавказе. Однако военная кампания 1853 г. в Закавказье закончилась крушением стратегических планов османов. Две блистательные победы русских войск под Ахалцихом (26 ноября) и у сел. Баш-Кадыкляр (1 декабря) окончательно разрушили надежды Порты захватить Кавказ одним ударом [11]. Угроза высадки османских войск на Кавказском побережье Черного моря была устранена после того, как 30 ноября 1853 г. русская эскадра под командованием выдающегося флотоводца П. С. Нахимова уничтожила в Синопской бухте флот Порты, состоявший из 14 кораблей с десантом, подготовленным для нападения на Сухум и соединения с горцами.

После Синопа международная обстановка еще более осложнилась. В Черное море вошла англо-французская эскадра, а в марте 1854 г. обе державы официально объявили войну России. В этой сложной обстановке Николай I приказал эвакуировать русские гарнизоны и взорвать форты по Черноморской береговой линии. Из этих укреплений считалось возможным защищать только крепости с наиболее сильными гарнизонами и артиллерией — Анапу, Новороссийск, Геленджик и Сухум. Крепости эти соединялись сухопутным сообщением с Черноморской кордонной линией на Кубани, а их гарнизоны в случае необходимости могли отойти в глубь территории. В статье о положении на русско-турецком театре военных действий К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что русские «оставили почти все свои крепости на восточном берегу Черного моря не из боязни союзного флота, а для усиления своей армии в Грузии» [12].

После ликвидации укреплений почти все кавказское побережье Черного моря оказалось открытым для союзного флота и десантных войск. Специально выделенная эскадра союзного флота под командованием английского контр-адмирала Лайонса, хорошо знавшего Кавказское побережье еще с 30-х годов, должна была разрушить оставшиеся русские форты и основать небольшую базу для кораблей союзников, которая могла бы служить для связи с местным населением [13].

5 мая 1854 г. Лайонс сначала направил эскадру к берегам Крыма, а затем Кавказа. Одновременно к побережью Кавказа был отправлен и флот Порты, в задачу которого входила доставка горцам боеприпасов и вооружения (6 пушек, 250 снарядов, 6 тыс. ружей, около 500 ящиков с картечью и 75 тыс. зажигательных ракет). «Тем временем два линейных

корабля (винтовых парохода) и семь паровых фрегатов,— писал Ф. Энгельс,— находятся на пути в Черкесию. Им было поручено разведать берега Крыма, а затем — разрушить форты на черкесском побережье... Эскадра под командой контр-адмирала Лайонса должна была в это самое время вступить в связь с черкесами, в особенности с вождем их Шамилем. Что контр-адмирал Лайонс должен сообщить Шамилю, достоверно не известно; одно несомненно, что он не может доставить ему того, в чем тот наиболее нуждается, т. е. оружия и боевых припасов... Одновременно мы узнаем, что сюда же плывет турецкий флот, который везет черкесам все необходимое для вооружения» [14]. В то же время французский капитан Модюи пытался добраться до Дагестана, чтобы там встретиться с Шамилем и «заставить шейха,— говоря словами турецкого офицера Осман-бея,— принять участие в нашу пользу, атакуя русских с тыла» [15]. Установить непосредственные связи с Шамилем союзникам не удалось, но с Магомед-Амином они неоднократно вели переговоры о совместных действиях против России.

Магомед-Амин стремился воспользоваться создавшейся благоприятной внешнеполитической обстановкой, чтобы с помощью Османской империи и западных держав укрепить свою власть среди горцев Закубанья и распространить мюридизм по всему Северо-Западному Кавказу. Ориентация Магомед-Амина и феодально-клерикальной верхушки на Порту не отвечала интересам широкой массы местного населения, в результате чего адыги и другие народы Закубанья в большинстве своем заняли пассивную и даже негативную позицию по отношению к планам Магомед-Амина.

В переговорах с союзниками Магомед-Амин преувеличивал свои возможности как руководителя движения закубанских горцев. В действительности власть и авторитет его были непрочны. Очевидцы откровенно писали об этом. Французский капитан, отправленный маршалом Сент-Арно в июле 1854 г. для личных переговоров с Магомед-Амином, писал: «Я не знал тогда, кем был в точности наиб... судя по явной почтительности, которая его окружала, я полагал его подлинным вождем этих отцов племен, которые его сопровождали, позже я узнал, что он был ничем. Наиб был для них объектом уважения, но находился среди них только для того, чтобы просить их помощи; он просил, а не командовал». Командир французского военного корабля «Шарлемань», участвовавшего в поиске эскадры Лайонса вдоль Черноморского побережья Кавказа, доносил в ставку союзного командования: «нет согласия между старшинами прибрежных горских племен», с которыми входил он в сношение [16].

В июле 1854 г. Магомед-Амин (Наиб-паша, Эмин-бей, как его именовали в турецкой и европейской прессе того времени) во главе черкесских посланцев по приглашению союзного командования выезжал в их ставку в г. Варну для переговоров о совместных действиях против России. Союзники устроили черкесским посланцам торжественный прием, чтобы показать им силу и мощь свою. «Проезжая мимо Варны,— рассказывает в своих воспоминаниях наиб,— мы встретили французские и английские войска у крепости, и они все салютовали нам выстрелами из пушек с каждой батареи. Со мною тогда было около 70-ти черкесских князей» [17]. Прибытию черкесских посланцев в Варну союзники придавали большое военное и политическое значение. В это время в военных кругах Англии и Франции не было единого мнения в вопросе, куда направить основные силы союзных войск — в Крым или на Кавказ [18].

Однако после дебатов было решено направить союзную экспедиционную армию не на Кавказ, а в Крым, где англо-французские стратеги надеялись на легкую победу. Маршал Сент-Арно хвастливо заявил:

«Лишь только я высажусь в Крыму и бог пошлет нам несколько часов штиля — кончено: я владею Севастополем и Крымом» [19]. Вместе с тем французский маршал не думал отказываться и от боевых действий на Черноморском побережье Кавказа, надеясь на помощь горцев: «Анапа,— писал он,— в моих руках» [20].

В планах англо-франко-османского командования Анапа имела исключительно важное военное и политическое значение, падение этой крепости должно было нанести смертельный удар России на Северном Кавказе. «От Анапы,— писала газета „Таймс“,— зависит стратегическое сообщение между так называемой Кубанской линией и областями к югу от Кавказа. Анапа не только ворота к русским владениям на Кавказе и в Крыму, но один из ключей к Азовскому морю. Следовательно, когда эта крепость окажется в руках союзников, произойдет общее восстание различных кавказских племен... Падение Анапы отдало бы в руки союзников большую русскую военную дорогу, проложенную через Кавказ, и дало бы возможность Шамилю завязать непосредственные сношения с племенами на Черноморском побережье» [21].

Согласно планам союзного командования появление англо-французского и османского флотов у берегов Кавказа должно было «послужить сигналом генерального наступления против русских» [22]. Европейскими генералами при османском командовании был разработан план наступления войск Порты через Ахалкалаки и Ахалцых к Сурамскому перевалу с тем, чтобы соединиться с Батумским корпусом Селим-паши, который из Батума должен был приблизиться к ним, идя через Кутаиси. Обеспечив себе таким образом сообщение с Черным морем, османские силы могли бы идти на Тифлис и по пути соединиться с отрядами Магомед-Амина. Одновременно со стороны Дагестана ожидалось наступление на Тифлис Шамиля. Союзники серьезно надеялись, что этим стратегическим ударом с фронта и тыла им удастся положить начало конца «русскому владычеству на Кавказе» [23].

Военная кампания 1854 г. на Кавказском театре снова была проиграна Оттоманской Портой. Сначала русскими войсками 4 июня был разгромлен Батумский корпус Селим-паши у реки Чолок, где противник потерял до 4 тыс. человек. 24 июля у селения Кюрук-Дара русские нанесли поражение главному корпусу османов. Это сражение ликвидировало Анатолийскую армию султана как активную боевую силу. Неудачным был и поход отрядов Шамиля в начале июля 1854 г. в Грузию на соединение с султанскими войсками.

Полностью провалились планы союзников «объединить против России все черкесские племена». Адыги и другие горцы Закубанья с недоверием отнеслись к антирусской деятельности османских и англо-французских агентов. В донесениях русского командования на Кавказе неоднократно сообщалось «о колеблющемся мнении горцев насчет подачи помощи туркам». Горцы, боровшиеся за свою независимость и сами нуждавшиеся во внешней помощи, были «немало удивлены тем, что эти же самые турки через своих агентов требуют у них помощи». Это недоверие проявлялось не только со стороны масс горского населения, но и части феодалов, которые «нерадушно принимали английского, французского и турецкого чиновников, приезжавших к ним на совещание» и «под разными предлогами уклонялись от всех их требований для содействия им в теперешней войне против русских» [24]. Поэтому все попытки Сефер-бея, находившегося в Сухуми с весны 1854 г. в звании султанского паши, набрать черкесское ополчение и направить его в Западную Грузию для присоединения к Батумскому корпусу не увенчались успехом [25].

Готовясь к новой военной кампании 1855 г. на Кавказе, союзное командование продолжало надеяться на активные действия кавказских горцев, а главное, на «непременное соединение с Шамилем и совместные с ним действия» [26]. В это время «Шамиль официально получил от Порты звание генералиссимуса черкесской и грузинской армии» [27]. Ему обещано было также при взятии Тифлиса присвоить «титул короля Закавказского» [28]. Однако желанного союзники не достигли. Как увидим ниже, Шамиль не предпринимал активных военных действий. С недоверием и осторожностью стал относиться к союзникам и Магомед-Амин. «Мне кажется,— писал английский посол в Константинополе лорд Редклиф Вильямсу 23 сентября 1854 г.,— что Шамиль — это фанатик и варвар, с которым не только нам, но даже и Порте трудно будет установить какие-либо достойные уважения отношения. Его наиб в Черкесии — такой же» [29]. Из этих слов видно, каким было действительное мнение английских дипломатов о Шамиле.

В марте 1855 г. в Сухуме высадился первый десантный отряд османских войск под начальством Мустафа-паши, которого султанское правительство назначило наместником всего Западного Кавказа, от Кобулети до Анапы, присвоив ему звание «маршала земли черкесов и Батумской армии» [30]. Свою деятельность Мустафа-паша начал с того, что приказал Сефер-бею собрать ополчение из горцев и держать его в постоянной готовности к походу. В Сухуме ожидалось прибытие до 20 тыс. османских войск, с которыми Мустафа-паша намеревался предпринять вторжение в Мингрелию и Гурию, и тогда же «по воле султана и Шамиль обязан был сделать движение в Грузию». Сефер-бей с отрядом горцев должен был наступать со стороны Черкесии. Наступательные действия турецких войск и кавказских горцев предполагалось открыть в случае успеха союзных десантных войск в Крыму [31].

Для того чтобы ускорить сборы горского ополчения, Мустафа-паша отправил в Черкесию своего агента Хаджи-Исмаила, который призывал адыгов принять подданство Турции и выступить против России. Однако основная масса адыгского населения и на этот раз отрицательно отнеслась к призывам турецких агентов. Мустафа-паша доносил в Стамбул, что Хаджи-Исмаил, посланный для приведения к присяге горцев, «не смог исполнить возложенного на него поручения» [32].

Пассивность горцев в годы Крымской войны имела глубокие причины. Горцев связывали крупные военные силы царизма. По словам такого знатока Кавказа, как генерал Р. А. Фадеев, до 200 тыс. чел. ко времени Крымской войны вели «тесное десятилетнее обложение» подвластной Шамилю нагорной территории; отсечение ее от источников всего необходимого на плоскости уже ослабило сопротивление горцев. Власть Шамиля подрывали и противоречия внутри движения. По словам того же автора, «поборники ее сделались значительными людьми и заняли место аристократии, вырезанной ими в тридцатых годах», а народ, «на первых порах предавшийся всею душою новому учению, охладел к нему, когда испытал на деле чудовищный деспотизм управления, обещанного ему вначале как идеал земной жизни» [33]. Сложившаяся военно-теократическая организация власти имамата, создание укреплений, пороховых и литейных мастерских и преимущества обороны в горах позволяли Шамилю еще долго вести борьбу. Себя он считал вполне самостоятельным правителем, хотел превратить свою власть в наследственную и даже назначил себе преемником своего сына. Признавая султана духовным главою всех «правоверных», Шамиль высоко ценил свою независимость. Перспектива попасть в подданство Османской империи не увлекала его.

Некоторые царские генералы приписывали ему стремление прорваться через Лезгинскую линию к югу на соединение с османскими войсками, но бесспорных доказательств таких устремлений на самом деле нет. Султан слал к нему фирманы и воззвания и получал призывы Шамиля о помощи, но удаление значительных сил вдаль от центра имамата вряд ли входило в возможности и намерения Шамиля [34].

Вообще в ходе Крымской войны горцы так и не предприняли против царских войск сколько-нибудь значительных действий (за исключением вторжения семитысячного отряда в кахетинские селения в 1853 г.) [35]: перспектива присоединения к Турции, по-видимому, не приводила их в восторг [36].

Об этом же ясно говорит поведение горцев на Северо-Западном Кавказе. В 1855 г. абадзехи не отозвались на призывы Мухаммед-Эмина и английских агентов выступить против русских. В 1855 г. Сефер-бей и начальник османского отряда, занявшего Анапу, побуждали черкесов соединиться с ними, но те не пошли.

Когда османский военачальник Омер-паша с войском высадился в Абхазии, горцы заявили ему, что выступают против царских властей не для того, чтобы подчиниться султанским или западным чиновникам [37], и не впускали к себе в горы эмиссаров союзников. После разочарования горцев в лживых обещаниях турок обращения кн. М. С. Воронцова к горцам встретили широкий отклик [38]. Роль английских и султанских подстрекательств в движении горцев вообще не следует преувеличивать. Поднять горское население на всеобщую войну против России в 1853—1856 гг. ни Порта, ни союзники не смогли [39].

После войны все больше горцев отходило от Шамиля, а в 1858 г., узнав о поражении его у Владикавказа, «все нагорное чеченское население, общество за обществом, восстало против мюридизма». В Чечне за Шамилем осталась только Ичкерия.

Более важные военные действия происходили в Закавказье, где царское командование сосредоточило около 40 тыс. человек. В июне 1855 г. русские войска завершили окружение Карса и провели удачные операции у Баязета.

Героическая оборона Севастополя, сковавшая основные силы противника, не дала возможности англо-французскому командованию оказать сколько-нибудь значительную помощь султанским войскам в Азии. Но часть османских войск из Крыма была направлена на Кавказский театр военных действий. Десантный корпус под командованием Омер-паши должен был нанести удар по русским войскам со стороны Западной Грузии и создать угрозу Тифлису. Одновременно союзники готовились снова предпринять экспедицию в Анапу с целью соединения с отрядами Магомед-Амина и Шамиля для нанесения совместных ударов по опорным пунктам и кордонным линиям русских на Северном Кавказе и захвата важнейших коммуникационных путей, соединяющих Северный Кавказ с Закавказьем.

Сначала союзники приступили к военным операциям в Керченском проливе, стараясь отрезать Крым от Азовского моря и Кавказа. С этой целью 13 мая 1855 г. англо-французские войска заняли Керчь, 15 мая Новороссийск и 21 мая Анапу. Русское командование на Кавказе решило, опираясь на укрепления Черноморской кордонной линии, оборонять лишь территорию, расположенную к северу от Кубани, сократить линию обороны и побудить неприятеля оторваться от портов Черноморского побережья. Оценивая такую тактику, Ф. Энгельс заметил: «Россия жертвует своим побережьем, флотом и частью войск для того, чтобы окончательно

вовлечь западные державы в это противоречащее всякой стратегии движение» [40].

В течение лета 1855 г. Мустафа-паша и Сефер-бей, находившиеся в Анапе с отрядом турецких войск, продолжали безуспешные попытки поднять всех адыгов против России. На этом настаивали Порта и англо-французское командование. Но адыги не хотели «слушать об англо-французах». «Горцев приезжает в Анапу много,— сообщает современник,— но с европейцами они скорее во враждебном, чем дружественном расположении» [41].

Не удалась и попытка английских агентов Лонгворта и Белла с помощью Сефер-бея сформировать черкесскую конницу в составе 6 тыс. человек с английским вооружением, чтобы направить ее в Крым [42].

Делая обзор положения на Кавказском театре войны, К. Маркс и Ф. Энгельс 17 августа 1855 г. писали о горцах: «На *Кавказе* полное затишье... Перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит их (черкесов.— *Авт.*) в восторг» [43]. Но союзники продолжали свои попытки. Кабинет Пальмерстона заявил, что Англия «желает независимости Черкесии». К адыгам от имени султана была послана публичная декларация в виде фирмана, в которой говорилось: «Освободить в этой войне с Россией земли Черкесии — есть цель и пожелания моей Высокой Порты и моих сердечных союзников — правительств Англии и Франции» [44]. Но горцы не поддались на эти посулы: им уже «были известны манеры дипломатии» Порты и западных держав, и «они отлично понимали, что над ними насмехаются» [45].

После падения Севастополя (8 сентября 1855 г.) союзники и Порта приступили к военным действиям в районе Таманского полуострова, а затем и в Западной Грузии. Сефер-бей с небольшим отрядом горских феодалов попытался содействовать союзным десантным войскам. Основная же масса адыгов решительно отказалась его поддерживать. В результате таманская экспедиция союзников, начатая ими высадкой войск в Фанагории и довольно решительными действиями у Темрюка, оказалась безрезультатной. Под ударами русских войск союзники вынуждены были оставить Фанагорию и, поспешно сев на суда, отправиться в Керчь.

Находившийся при штабе Омер-паши английский советник Л. Олифант отмечал, что черкесы после первого знакомства в Анапе с чиновниками султана, старавшимися подчинить их Порте, «остыли к союзникам, смотрели на них с недоверием и обнаруживали единственное желание, чтобы их оставили в покое» [46].

Убедившись, что Сефер-бей не пользуется авторитетом и влиянием у основной массы адыгских народов, союзники переключили свое внимание на Магомед-Амина в надежде, что он создаст многотысячное черкесское ополчение и выступит против русских войск.

В сентябре 1855 г. турецкий главнокомандующий Омер-паша установил тесный контакт с Магомед-Амином, провозгласил его начальником всех горских ополчений Западного Кавказа, присвоил ему звание паши и подарил генеральские эполеты, а Шамиля произвел в чин мушира (маршала) османской службы. В знак преданности султану они обязаны были выступить со своими отрядами на соединение с армией Омер-паши для действий в Закавказье. Магомед-Амин обещал собрать 40-тысячное горское ополчение, из которых 20 тыс. было бы черкесской конницы. Но когда наиб приступил к сбору ополчения, то основная масса адыгов отказалась и потребовала, чтобы их «оставили в покое» [47].

По-прежнему бездействовал и Шамиль. В то же время много горцев-добровольцев из адыгов, абазинцев, осетин, балкарцев, карачаевцев и

других народов Северного Кавказа участвовало в боях против союзных войск. Ополчения и прегулярные отряды, сформированные из кавказских горцев, приняли участие во многих боевых действиях русских войск и оказывали эффективную вооруженную помощь в борьбе с противником. Численность национальных воинских формирований только в кампании 1855 г. на Кавказском театре достигла 30 тыс. человек, в том числе до 12 тыс. из народов Северного Кавказа [48]. Полностью провалились надежды союзников на всеобщее восстание кавказских горцев против России. Официальные документы подтверждают, что «общего единодушного... восстания не последовало, и англо-французы не получили от них (т. е. горцев.— *Авт.*) того содействия, которого ожидали».

Не оправдались надежды союзников на горцев Дагестана и Чечни. Не случайно начальник Главного штаба британской армии генерал-лейтенант Виндаш после войны заявил: «Вообще надо сказать, что кавказские горцы, в особенности Шамиль, обманули наши ожидания» [49].

Более того, население Северного Кавказа привлекалось к военным действиям против османских войск. Царские власти сформировали несколько сотен милиции из осетин, балкарцев, кабардинцев, абазинцев, карачаевцев и черкесов, в большинстве людей «простого звания». Они принимали участие в боях под Карсом и в других местах, как и ополченцы из грузин и азербайджанцев [50]. Многие горцы были офицерами и «нижними чинами» царской армии.

Основные силы Кавказского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Н. Н. Муравьева заняли Карс. «Этим,— писал Ф. Энгельс,— заканчивается третья удачная кампания русских в Азии: Карс и его пашалык завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля; последний остаток турецкой действующей армии — армия Омер-паши — значительно ослаблен как в численном, так и в моральном отношении... И если сопоставить эти успехи и действительные завоевания с тем фактом, что союзники заняли южную сторону Севастополя, Керчь, Кинбурн, Евпаторию и несколько фортов на Кавказском побережье, то станет ясно, что достижения союзников фактически не так уж велики...[51]

Несмотря на проигранную кампанию 1855 г. в Азии, союзники разрабатывали новый план наступления в глубь Кавказа. Особую активность в этом отношении проявляла Англия. После взятия Севастополя английский штаб намеревался немедленно начать завоевание Кавказа одновременными движениями войск из Турции против Закавказья и с Черноморского и Каспийского побережий против Северного Кавказа [52]. По мнению Главного штаба английской армии, предполагалось разделить союзническую армию на две части и направить английские войска на Кавказ, а французские — в Бессарабию. В Крыму же предполагалось оставить пьемонтцев, османские регулярные войска, английский Иностранный легион и некоторые части французских войск [53].

Английское правительство особенно желало начать военные действия против русской Кавказской армии, взять обратно Карс и двинуться далее, чтобы кампания 1857 г. закончилась полным изгнанием русских с Кавказа. Часть правящих кругов Англии и Порты мечтала о всеобщем восстании народов Кавказа против России. Шамилю же отводилась задача занять главный путь сообщения через Кавказский хребет — Военно-Грузинскую дорогу. Но начавшиеся в феврале 1856 г. мирные переговоры между союзниками и Россией показали химеричность этих замыслов.

Действиям русских войск и политике России благоприятствовали спокойное положение на иранской границе и обострение противоречий шах-

ского Ирана с Англией и Турцией. Между союзниками тоже имелись трения и разногласия. Вспомним, что османский паша опасался передать Анапу английскому и французскому флоту. Британское правительство и его агенты на Кавказе носились с планом образования «независимой» Черкесии под английским контролем, но Наполеон III был против утверждения на Кавказе английского влияния и не хотел посылать подкрепления Омер-паше [54]. По той же причине британские планы насчет «Черкесии» не получили поддержки Франции и на Парижских переговорах о мире 1856 г.

Северокавказские проблемы на Парижском конгрессе 1856 г. Острая дипломатическая борьба на Парижском конгрессе касалась не только балканских, но и кавказских проблем. Английские и османские представители хотели пересмотреть Адрианопольский трактат и создать на Северном Кавказе буферное государство под общим названием «Черкесия». «Намерение государей,— говорится в одном из писем султана к Шамилю,— насчет дагестанских и черкесских жителей есть то, что сделать самовластное государство при вашем содействии и силою ваших сабель, и по милости бога вы будете государь по примеру европейских сильных государей» [55].

Еще при обсуждении на Венской конференции 1855 г. прелиминарных условий мира английский уполномоченный Джон Рассел «намеревался добиться запрета строительства русских фортов в Черкесии», а представитель Порты Али-паша заявил о «возможной независимости Черкесии и Дагестана» [56]. Но еще большую роль играл этот вопрос в окончательных переговорах о мире, начатых поздней осенью, уже после падения Севастополя. Английские уполномоченные заговорили теперь об отторжении от России Закавказья и Северного Кавказа. Однако правящие круги Англии просчитались. Русский уполномоченный гр. А. Ф. Орлов, умело используя противоречия между Англией и Францией и опираясь на трактаты, заключенные между Россией и Портой, отклонил притязания Великобритании.

Поражение английской дипломатии по северокавказскому вопросу вызвало бурную реакцию в правящих кругах Англии. При обсуждении ратификации Парижского договора палатой лордов 5 мая 1856 г. наиболее агрессивно настроенные ораторы выступили с резкими обвинениями в адрес британского Министерства иностранных дел за то, что оно не смогло отстоять на Парижском конгрессе «независимость» Черкесии как якобы «барьера» на пути «русской агрессии в Индию, Иран и Турцию» [57]. Некоторые из членов палаты лордов были против ратификации Парижского договора и настаивали на продолжении войны именно потому, что северокавказские дела не были решены в пользу Англии [58].

Стараясь оправдаться в неудаче по северокавказскому вопросу, министр иностранных дел Великобритании лорд Кларендон заявил в палате лордов, что нельзя было требовать от России отказаться от Адрианопольского трактата и отстаивать «самостоятельность» Черкесии, так как Шамиль «не обнаружил во время войны желания примкнуть к союзникам» [59].

Во время Парижского конгресса Сефер-бей по указке английского кабинета и Порты отправил в Константинополь депутацию из 250 человек с поручением «просить о присоединении Черкесии к Оттоманской империи». В переписке с русским командованием на Кавказе он заявлял, что ждет результата конгресса, который якобы признáет Черкесию «независимой» страной [60].

Прибывшим в Константинополь посланцам черкесской феодально-клерикальной верхушки султан обещал покровительство, если они «примут присягу на подданство ему и станут безусловно повиноваться поставленному над ними начальнику, и что английские, французские и турецкие суда будут наблюдать за ними в Черном море и не допускать предпринимать горцев военных действий» [61].

Неудивительно, что во время войны вывоз на продажу невольников, в том числе и русских пленных, на судах османских работорговцев усилился. Контрабандная торговля продолжалась там и после заключения мира. В 1857 г. русское крейсерство у кавказских берегов возобновилось. У России осталось тогда лишь несколько небольших военных судов, но им иногда удавалось захватывать кочермы контрабандистов [62], хотя большая часть их ускользала незамеченной. Множество османских кочерм и сандалов причаливали в Вардане, Туапсе и около Геленджика. На них привозились порох, свинец, штуцеры, а иногда и пушки, что стало особенно беспокоить царское командование. Османские власти официально запрещали эту контрабанду, но на деле ей покровительствовали.

Такие факты были возможны потому, что, хотя по условиям Парижского мира 1856 г. Россия получила обратно Черноморское побережье Кавказа, позиции ее на Черном море были сильно ослаблены. Статьи договора о нейтрализации Черного моря, запрещении держать там военные корабли и строить на побережье укрепления были для России самыми тяжелыми. Они лишали ее возможности защищать южные границы от противника, который мог появиться в Черном море через Проливы (на которые нейтрализация не распространялась), создавали угрозу для развития черноморской торговли России через Проливы. Правящие круги Англии и Османской империи, которых не оставляла мысль оттеснить Россию за Кубань и Терек, получили возможность вести свою подстрекательскую деятельность на Северном Кавказе.

2. Завершающий этап движения горцев

Военные действия царских войск в Дагестане и Чечне. Пленение Шамиля. Как мы видели, во время Крымской войны, несмотря на все старания, правящим кругам Порты, Англии и Франции не удалось поднять горцев Северо-Восточного Кавказа против России. Тщетными оказались и их стремления активизировать и координировать действия Шамиля. В течение всей войны Шамилю ни разу не удалось сплотить вокруг себя горцев. Только однажды, в 1854 г., во главе большого отряда он вступил в Кахетию, имея решительные намерения, но позже в своем письме в Турцию писал: «Мы до сих пор запоздали выступить в путь вследствие того, что мы хотели разъяснения и советов... привлечь на свою сторону окружающих нас ханов и их людей. Если говорить о них, то они отошли и отдалились от нас. Они открыто говорят, что не отдалятся от русских... После того как мы потеряли надежду на них... мы во главе мусульманского войска выступили в путь... и остановились на границе Грузии. Мы ожидали вас, что вы придете... Но после того как вы не подошли, мы не стали ожидать вас и вступили в бой с гяурами... Мы забрали у них много пленных и заняли много крепостей» [63]. На самом деле Шамиль потерпел поражение близ грузинского сел. Шильды. Только отряду, возглавляемому Гази-Магомедом, удалось проникнуть в Цинандали и захватить жен князей Чавчавадзе и Орбелиани вместе с детьми и прислугой (всего 20 человек). Впоследствии их обменяли на старшего сына Шамиля — Джамалутдина.

Однако, говоря о происках Оттоманской Порты на Северо-Восточном Кавказе и выступлениях Шамиля в сторону Закавказья, следует особо подчеркнуть, что правящие круги Порты, как и всегда, не заботились о трудящихся горцах и не собирались оказывать им помощь и поддержку. Султан и его окружение стремились только использовать горцев против России, чтобы ослабить своего противника. Что же касается простых горцев, в том числе и участников похода в Закавказье, то они и не помышляли подчинить свою родину султану.

Главнокомандующий на Кавказе генерал Н. Н. Муравьев писал, что горцам «равно противно было всякое иго» и введение порядков, которые они могли ожидать от султана, было бы так же «тягостно» для них[64]. Шамиль не был сторонником присоединения Дагестана к Османской империи.

Налаживая отношения с султаном, он пытался лишь получить от Порты поддержку вооружением. «По показаниям некоторых лиц, хорошо знавших Шамиля,— писал Н. Дубровин,— видно, что он не желал соединиться с турками, так как по мусульманскому закону имамство его прекратилось бы с того момента, когда он вступил бы в связь с единоверным имамом правоверных — султаном», ибо имам может быть только там, где «мусульманское племя окружено со всех сторон иноверцами, совершенно отдаленно от остальных мусульман»[65]. О нежелании Шамиля примкнуть к союзникам говорил, выступая в английском парламенте. лорд Кларендон. И действительно, Шамиль после 1854 г. до конца войны не предпринимал активных действий.

Конечно, эта пассивность определялась и тем, что он был всецело занят критическим положением имамата. Народные массы, усталые и изнуренные, не желали больше нести жертвы, они стали переходить целыми сельскими обществами на сторону России. А власть имущие были заняты своими делами, торопясь нажиться и получше устроиться. Даже историограф имамата с сожалением отмечал: «И в то же время не было у глав и правителей ничего, кроме удаления и гордости, у имама — кроме опущения узды правления и подтверждения, у семьи имама — кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания, у простого народа — кроме недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания»[66].

В самом начале 1854 г. на сторону России со всеми своими родственниками перешел наиб Малой Чечни[67], а в 1855 г.— часть чеченцев пыталась перейти на территорию, находящуюся под властью кавказского командования. Шамиль послал отряд, чтобы задержать чеченцев на переправах через реки Аргун и Джалка. Но подоспевшие к этому времени русские войска разбили его отряд. Какие бы меры ни принимал Шамиль, он не в силах был повлиять на горцев, поднять их на новую борьбу. Теперь горцы, по словам Н. А. Добролюбова, «готовы были при всякой возможности оставить» Шамиля[63].

В таком тяжелом положении Шамиль вновь обратился за помощью к иностранным государствам. Французскому послу в Константинополе он писал: «В настоящее время мы все еще воюем..., употребляя все наши силы... несмотря, что враг превышает нас численностью во много раз... Теперь все русские силы сосредоточены против нас... Они уже взяли несколько селений и построили там крепости. Умные, равно как и почетные лица страны просили меня обратиться к державам с ходатайством, чтобы во имя человечности они положили конец... Вот почему я прибегаю к содействию Вашего превосходительства и прошу представить е. и. в. настоящее ходатайство в надежде получить скорую помощь, которая

поможет нам отбросить неприятеля; мы находимся на исходе наших сил»[69].

Действительно, все шло к развязке. Начавшееся в конце 1856 г. наступление царских войск проходило успешно. В начале 1857 г. значительная часть Чечни была занята. В конце 1857 г. кн. Орбелиани нанес горцам сильное поражение в Аухе и Салатавии, занял Новый Буртунай. В 1857—1858 гг. почти вся Чечня была занята царскими войсками. Отряд генерала Евдокимова, заняв укрепленный аул Шатой, двинулся на Ведено. Здесь завязалась упорная борьба, в результате которой Шамиль вынужден был сдать укрепление и отступить в горы. «Таким образом, все вилайеты Чечни,— сообщает Ал-Карахи,— один за другим подпали под власть русских. Из жителей этих вилайетов никто не ушел с имамом, кроме одного наиба Османа»[70]. Тем временем наступавший с другой стороны отряд под командованием генерала Вревского занял территорию союзов сельских обществ Анцуха, Капучи, Богнода, Анкратль и др.

В июле 1858 г. главнокомандующий Кавказской армией кн. А. И. Барятинский дал приказ начать наступление на Дагестан с трех сторон. К лету 1859 г. царскне войска проникли в глубь гор. Рассказывая об этих событиях, Гаджи-Али писал: «Главнокомандующий выступил через Чечню и, остановившись на возвышенностях Андийских, призывал разрабатывать дороги. Народ толпами с покорностью стал приходить к нему. Сначала народ, а потом и сами наибы начали вести переговоры с пограничниками, русскими начальниками, которые ласково принимали их, делали им щедрые подарки»[71]. Более того, широкие массы теперь не только стали отходить от Шамиля, но и оказывали ему сопротивление. Несколько раз устраивали даже нападение на его обоз. И тем не менее, главнокомандующего торопили. В письме к генералу Барятинскому канцлер кн. А. М. Горчаков писал: «Шамиль имеет своего агента в Константинополе. Агент этот явился к кн. Лобанову, выразил желание вступить в переговоры и спросил, входит ли в виды императорского правительства соглашение с Шамилем и на каких условиях. ...Политический горизонт, дорогой князь, далеко не ясен. Свидание в Виллафранке может привести к новым комбинациям... Весьма возможно, что цюрихские переговоры будут иметь последствием конгресс или европейскую конференцию, которая займется решением весьма важных вопросов, касающихся всеобщего равновесия и взаимных отношений великих держав. Если бы Вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещаниях Европы»[72].

Однако переговоры не были начаты. Да в этом и не было надобности, поскольку имамат Шамиля стремительно распадался. В июле 1859 г. бывший сподвижник и наиб Шамиля Кибит-Магомед сообщил генерал-майору Врангелю о задержке мюршида Джамалутдина. 2 августа Даниял-бек сдался в Ирибе, причем выторговал у кавказского командования все свои старые феодальные привилегии и даже генеральский чин и ежегодную пенсию. Тогда же на сторону России перешло сельское общество Карата, его примеру последовали все аулы по Андийскому Койсу, почти все аварские села. Не находя нигде поддержки, Шамиль с 400 мюридами вынужден был отступить в аул Гуниб. Здесь он пытался оказать сопротивление, но, поняв безвыходность своего положения, вынужден был капитулировать. 25 августа 1859 г. кн. Барятинский доносил Александру II: «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в Петербург» Так завершилась многолетняя борьба горцев Дагестана и Чечни.

Рис. 12. Штурм аула Ведено — одной из трех резиденций Шамиля Художник Т. Горшельт. Масло. XIX в.

Деятельность английских и османских эмиссаров среди горцев. Хотя Англия в результате Крымской войны и добилась ослабления России на Черном море и на Балканах, но планы союзников в отношении Кавказа, Крыма и других районов России осуществлены не были. Однако правящие круги Англии и Османской империи не отказались от надежды вытеснить Россию с Северо-Западного Кавказа.

Под тем предлогом, что будто бы по Парижскому миру европейские державы объявили кавказских горцев «независимыми и приняли их под свою защиту»[73], английские и османские эмиссары развернули среди горцев Северного Кавказа свою деятельность против России. Условия Парижского договора о нейтрализации Черного моря делали Черноморское побережье Кавказа, по существу, открытым для иностранного проникновения и контрабандной торговли. У русского правительства не было достаточных сил и средств в организации крейсерской службы вдоль побережья[74].

Из османских агентов особенно большую активность развернул Сефер-бей Занов, находившийся в «Черкесии» еще со времен Крымской войны. Называя себя «главнокомандующим всеми горскими народами и начальником турецких сил в Анапе», он прилагал все усилия к тому, чтобы поднять горцев против России, призывал их «присягнуть султану на подданство», обещал скорую военную помощь со стороны Порты и Англии[75].

В феврале 1857 г. в устье реки Туапсе английский пароход «Кенгуру» высадил отряд легионеров с бывшим полковником венгерской армии Яношем Бандья (Мехмед-бей). Отряд — около 200 человек — состоял в основном из польских и венгерских эмигрантов на османской службе. В посылке отряда главное участие принимал министр почт Порты Ис-

мапл-паша и другие сановники султана и английские дипломаты. В числе их называли британского посланника в Константинополе лорда Стратфорда Редклиффа и великого визиря Мустафу Решид-пашу. Причастен был к этому делу и австрийский посланник в Константинополе Прокеш-Остен. Исполнением всего дела руководил гр. Замойский. Участником экспедиции был и поляк полковник Теофил Лапинский (Тефик-бей) — известный деятель польского национально-освободительного движения [76].

Полковник уже турецкой армии, Бандья установил связь с Сефер-беем и горской феодальной верхушкой султанской ориентации, был провозглашен «главнокомандующим черкесских войск», а вскоре присвоил себе титул «главнокомандующего европейскими войсками на Кавказе». По прибытии в Черкесию Бандья «сразу же стал чем-то вроде начальника штаба у Сефер-паши» [77].

Магомед-Амин занял осторожную позицию по отношению к англо-османскому отряду легионеров. Попытки руководителей отряда связаться с наибом и «найти в воинственных абадзехах поддержку в осуществлении своих планов» успеха не имели. Такое поведение Магомед-Амина объясняется недоверием, с которым основная масса закубанских горцев отнеслась к «европейскому отряду» легионеров. Вскоре началось массовое дезертирство, легионеры бежали «с твердым намерением никогда туда не возвращаться» [78]. К началу 1860 г. «европейский отряд» прекратил свое существование. Османские чиновники объясняли членам российской миссии в Константинополе, что султанское правительство было совершенно непричастно к высадке и действиям этого отряда, хотя и знало о них. На деле Порта и британское правительство поощряли такие действия, но неофициально, снимая с себя ответственность [79].

В начале 60-х годов XIX в. деятельность османских и английских посланцев на Северном Кавказе, особенно в Черкесии, вновь активизировалась. Созданные к этому времени в Лондоне и Константинополе «черкесские комитеты» под флагом защиты «независимой» Черкессии развернули широкую пропаганду против России, разжигали честолюбивые устремления правящих кругов Англии и Порты в отношении Кавказа, утверждали, что «ключ военного и торгового могущества Англии в Азии находится в Черкессии». Пропагандировалась старая версия о том, что Черкесия «защищает» Индию от «русской агрессии» [80].

Лондонский и Константинопольский «черкесские комитеты» были связаны также с парижским центром польской дворянско-монархической эмиграции. «Черкесским комитетом» в Константинополе руководил английский полковник Джордан, тесно связанный с польской аристократической эмиграцией. Константинополь стал главным отправным пунктом снабжения кавказских горцев оружием и боеприпасами. «Константинополь,— писал царский посланник в донесении к наместнику на Кавказе в августе 1863 г.,— составляет сборное место недоброжелательных нам старейшин непокорных горских племен, а также складочный пункт оружия, военных припасов и других принадлежностей, назначаемых врагами нашими к отправлению к кавказским берегам Черного моря. Здесь, под влиянием происков польских эмигрантов, кавказский вопрос все более и более привлекает к себе общественное внимание Европы и становится орудием враждебной политической пропаганды» [81].

При Константинопольском «черкесском комитете» был создан «Верховный национальный совет», призванный руководить горцами Северо-Западного Кавказа. Члены этого «совета» состояли из представителей Порты и черкесских эмигрантов. В начале 1861 г. «совет» направил в Черкесию посольство, которое объявило горцам, что имеет полномочия

от Англии, Франции и Турции, правительства которых обещают всем горцам «свое покровительство от притеснений России и силой оружия заставят ее признать независимость Черкесии, если только черкесы, со своей стороны, объединят свои усилия и составят общий союз для войны с русскими» [82].

В 1862 г. была организована поездка в Константинополь, Париж и Лондон группы черкесских старшин из ориентировавшихся на Порту во главе с Измаил-Баракай-Ина-Дзиашем, присвоившим себе «исключительную роль дипломата». Он разыгрывал эту роль «довольно удачно, действуя на воображение своих единоверцев грамотами с множеством печатей и громкими именами главных деятелей Запада» и представил правительствам западных держав петицию с просьбой о покровительстве и военной помощи против России. По возвращении к Черкесию «послы» заявили, что «Европа расположена оказывать им помощь» [83].

Для того, чтобы побудить английское правительство к более активным действиям в районе Черного моря, Лондонский «черкесский комитет» разработал три проекта: либо выслать торговый флот Англии, чтобы продемонстрировать права ее на свободную торговлю с Черкесией; либо выслать военные корабли под «черкесским флагом» для демонстрации «независимости» Черкесии; либо ограничиться посылкой оружия для горцев и высадкой на Кавказском побережье отрядов легионеров. Решили остановиться на третьем проекте [84].

Интерес к нему британского правительства и печати к «черкесам» особенно усилился во время назревания нового польского восстания 1863 г. и попыток вмешательства западных держав. Уркварт продолжал сотрудничать с польскими эмигрантами, имевшими своих агентов в Константинополе. Они еще с 1860 г. побуждали шапсугских и убыхских феодалов просить Англию и Францию о помощи, но один из друзей Уркварта, польский граф Замойский, более трезво советовал им «стоять на собственных ногах», а иначе их постигнут «разочарование и бедствия». Особенно прохладной была позиция французского правительства [85]. Польские демократы считали «черкесские затеи» дворянской эмиграции ненужным отвлечением сил от освободительной борьбы в самой Польше.

В 1862 г. в Лондоне некий «черкесский комитет» во главе с адвокатом Э. Билзом пытался добиться отправки английского судна к берегам Черкесии и повторить авантюру шхуны «Виксен», но правительство считало заигрывания с черкесами разменной монетой в своей политике и не пожелало официально впутываться в это дело. Летом 1863 г. судно «Чезапик» с оружием и польскими легионерами прибыло в Константинополь, побывало у турецких берегов возле Трапезунда и направилось в Вардан на черкесское побережье. Главарям живших там убыхов обещали целую армию, и они были горько разочарованы ничтожностью «помощи», тем более что часть оружия поляки использовали для себя.

Руководителями польской аристократической эмиграции «Отеля Ламбер» (отель «Ламбер» — на острове Сен-Луи в Париже.— *Авт.*) при поддержке английских и французских влиятельных кругов был разработан план военной экспедиции к берегам Черкесии, возглавить которую собирался польский полковник Пржевлоцкий. Прямое участие в организации этой экспедиции принимали французские и английские посольства в Константинополе и консульства в Трапезунде, где образован был еще один «черкесский комитет» под председательством драгомана французского консульства польского эмигранта Подайского. Доставкой оружия и высадкой десантного отряда на черкесское побережье должен был ру-

ководить французский капитан Маньян, в распоряжении которого находились английские корабли «Чесапик» и «Самсоун» [86].

Отряд легионеров, руководимый Пржевлоцким, находился в Черкесии с сентября 1863 г. по март 1864 г. Состоял он в основном из французов, польских и 30 черкесских эмигрантов под командой одного из убыхских старшин Измаил-бея. «Поручение, возложенное на нас,— писал в своих воспоминаниях А. Фанвилль, один из участников этой экспедиции,— состояло в доставке горцам пушек и оружия. Черкесы же, находившиеся с нами, должны были нас сопровождать и служить нам переводчиками». Однако франко-польская экспедиция «решительно не удалась», так как «черкесы смотрели на них подозрительно» [87] и в своей борьбе за независимость надеялись только на собственные силы.

Во время польского восстания руководители организации «Отель Ламбер» стремились использовать «черкесский вопрос» для обострения русско-турецких отношений и вовлечения Османской империи в блок европейских держав, что отвечало планам французской и английской дипломатии. Был разработан проект, по которому Черкесия, Чечня и Дагестан были бы присоединены к Турции, а закавказские христианские страны получили бы «независимость» от России. Намерение поднять «черкесов и других мусульман Кавказа» против России обсуждалось на секретной встрече в Каире турецкого визиря Фуад-паши с Витольдом Чарторыйским в конце марта 1864 г.[88] На деле о реализации этих химерических планов не могло быть и речи.

С подавлением польского восстания 1863 г. черкесские «депутаты» получили в Лондоне лишь денежное пособие на обратный путь [89]. Западная буржуазия интересовалась и поляками и черкесами лишь как разменной монетой в своей политике ослабления России и не раз обманывала их ложными обещаниями, затем бросая их на произвол судьбы. Так случилось и в 1863 г., когда вооруженное вмешательство в пользу польских повстанцев не состоялось из-за противоречий между западными державами.

Деятельность Магомед-Амина. Сефер-бей Занов — агент Оттоманской Порты. Во время и после Крымской войны на Северо-Западном Кавказе почти 10 лет активно действовал наиб Шамиля Магомед-Амин. Он во многом подражал Шамилю и вначале шел на уступки массам простого народа. Первоначальные умеренные меры Магомед-Амина нашли поддержку и среди горского дворянства. Но «более же всех сословий показывали к нему сочувствие подвластные и рабы, которые не без основания ожидали от него своего освобождения» [90]. И действительно, поддерживая освободительные тенденции крестьянства, Магомед-Амин приобрел славу и известность. В 1855 г. он выступил как посредник между чеченскими и хамышеевскими князьями и крестьянством и добился того, что князья «присягнули наконец на равенство своих прав с простым народом» [91]. В январе 1856 г. поступило сообщение, что Магомед-Амин «разделывается с бжедугскими князьями и узденями, т. е. сжигает их дома и забирает их имущество» [92].

Социальная политика Магомед-Амина, направленная па уравнение феодалов и крестьян в правах, в то время отвечала интересам крестьянства и обеспечивала ему успех в борьбе против реакционной верхушки, вдохновителем которой был князь Сефер-бей Занов, который обнадеживал дворян «именем падишаха, что их права, самовольно уничтоженные Магомед-Амином, будут восстановлены» [93]. Одновременно князь Сефер-бей, объявив себя предводителем всего народа, вел в Константинополе

переговоры с Портой о поддержке черкесов против России. Главным соперником Сефер-бея был Магомед-Амин, который ловко использовал разногласия между адыгской верхушкой и крестьянами. В одном секретном сообщении говорилось, что Магомед-Амин «всеми силами старается возбудить народ против старшин и князей, желая сравнять их в правах и подчинить всех себе. Но этому противится шапсугский князь Сефер-бей Занов, поддерживаемый всей аристократией, отчего в горах образовались две враждебные партии» [94]. Сефер-бей Занов с помощью Турции сделал ряд попыток проникнуть к черкесам и, если удастся, парализовать влияние Магомед-Амина. С этой целью Сефер-бей прибыл в Анапу. Он поручил своему сыну Карабатыру с 2 батальонами пехоты при 5 орудиях двинуться к Кубани. Сам же через своих агентов разослал предписание на имя князей и старшин явиться к нему для обсуждения «черкесских дел». По его требованию сам Магомед-Амин вынужден был отправиться в Анапу [95].

Магомед-Амин не прочь был воспользоваться помощью Порты и с ее поддержкой укрепить свои позиции. Но он старался это сделать без ведома Сефер-бея, который самозванно выступал как «начальник черкесской земли». Тот и другой старались привлечь на свою сторону воюющие державы. Царское правительство, ориентируясь на поддержку адыгской феодальной верхушки, лавировало между ее группировками, использовало разногласия в среде адыгских сельских обществ и тем самым добивалось укрепления своего влияния. Порта действовала через Сефер-бея, который имел своих людей в селах и даже в окружении Магомед-Амина.

Осенью 1857 г. Сефер-бей Занов обратился к Александру II с меморандумом, в котором сообщал, что, «находясь под покровительством Великой Порты, мы будем умолять ее представить наше положение державам: Австрии, Англии и Франции, исходатайствовать от них нам права независимости». Далее отмечалось, что «мы единодушно поклялись перед священным Кораном не признавать власти христиан» [96]. Эти заявления были направлены на то, чтобы оторвать Северо-Западный Кавказ от России. Однако народные массы и на этот раз не оказали поддержки этим планам. Попытки Сефер-бея с помощью Порты стать во главе народа не увенчались успехом. Не смог осуществить поставленной задачи и Магомед-Амин; вокруг этих деятелей группировались лица разных политических взглядов и ориентации.

После подавления движения горцев Дагестана и Чечни положение Магомед-Амина намного осложнилось, он стал проявлять беспокойство за свою судьбу. 20 ноября 1859 г. после переговоров с генералом Филипсоном он вместе с абадзехами дал присягу на верноподданство русскому государю. Впоследствии Магомед-Амин заверял, что решился на этот поступок по совету самого Шамиля, хотя известно, что письмо Шамиля дошло до него после того, как он уже дал клятву. В конце 1859 г. скончался Сефер-бей. Хотя Магомед-Амин оставался у абадзехов в качестве эфендия, но феодальные междоусобицы продолжались, что отрицательно сказалось на движении горцев. Важную роль в прекращении действий против России на Северо-Западном Кавказе в 1864 г. сыграло отсутствие ориентации на Порту у широких народных масс.

3. Переселение части горцев в Турцию

Причины переселения. В конце 50-х годов XIX в. на Северном Кавказе среди части горцев, продолжавших ориентироваться на Порту, началось движение за уход в османские владения. В литературе существуют разные точки зрения по поводу причин переселения. Одни авторы считают, что основной причиной его была политика царизма, другие подчеркивают влияние Порты на кавказские дела и религиозный фанатизм. Правящие круги Порты, а также Англии и других западных государств видели единственного виновника этих трагических событий в жизни горцев Северного Кавказа в царском правительстве. Самодержавие, в свою очередь, перекладывало ответственность за переселение горцев на пропаганду эмиссаров султана и других западноевропейских государств. Влияние ислама и пропаганда против России бесспорно сыграли важную роль. Однако причины переселения были более глубокими, здесь имелись и социально-экономические и политические корни. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходим глубокий анализ реальных, а не воображаемых причин переселения части народов Северного Кавказа в Османскую империю. Несмотря на неравномерность развития феодальных отношений, все адыгские общества испытывали жестокий гнет со стороны местной феодальной верхушки. Раздробленность и противоречивый характер общественных отношений, родоплеменные пережитки и отсталость служили социальной и политической почвой для пропаганды переселения в османские владения, которую вела часть местной знати и эмиссары султана.

После сдачи Шамиля в плен адыгские народы выразили готовность присягнуть России «на вечные времена», а 2 декабря (20 ноября) 1859 г. в урочище Хомасты генерал Филипсон принял у Мухаммед-Амина и старшин присягу на условиях сохранения местных порядков, свободы от податей и поставки рекрутов, оставления за абадзехами их земель и сословных привилегий. Крепостные крестьяне оставались во владении своих господ. Это, конечно, не означало подчинение российским властям, и царское правительство было недовольно таким соглашением [97]. Абадзехские старшины не допускали в свои земли даже приставов. С назначением командующим войсками Кубанской области генерал-адьютанта гр. Н. И. Евдокимова был принят план вытеснения адыгов с прибрежных земель и занятия этих земель казаками. Убыхи сопротивлялись до марта 1864 г., но были разбиты и подчинились [98].

Заселение предгорий Северо-Западного Кавказа казаками началось еще в 1861 г. Александр II утвердил положение о выделении для этого 1360 тыс. дес. земли с раздачей офицерам по 50 и рядовым казакам по 10 дес. Адыгов решено было вытеснить с гор на плоскость, для чего отводилось более 1 млн десятин. Царское правительство распространило на земли адыгов политику закрепления земель за черноморскими казаками с выделением крупных участков офицерской старшине, значительная часть которой включалась в дворянское сословие уже в первой половине XIX в.[99]

Граф Евдокимов действовал как безжалостный колонизатор. Его отряды прорубали просеки в лесах, окружали горцев, разрушали аулы и вынуждали жителей уходить со своих мест [100]. Целью было «очистить от горцев все прибрежье». В конце 1864 г. было основано 111 казачьих станиц, заселенных 142 333 семействами [101].

Значительная часть горцев, главным образом адыгов и абадзинцев, стала вытесняться в Османские владения. Переселение их не было при-

нудительным — земель, хотя и менее ценных, для них отводилось до 1,5 млн дес. Но царские власти не удерживали горцев и даже поощряли их выезд. За их перевозку судовладельцы получали деньги и от казны и от самих переселенцев.

Таким образом, аграрная политика самодержавия несомненно толкала многих горцев на переселение. Отбирая земли у местного населения, царское правительство нередко побуждало этим население к отъезду в Османскую империю. Это вынуждены были признать даже представители высшего кавказского командования. Генерал Г. Д. Орбелиани 3 июля 1861 г. писал: «По требованию военных обстоятельств из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах по требованию этих обстоятельств снова переселяли и иногда по нескольку раз с места на место, но при этом новом переселении земли указывались туземцам только в примерном количестве и для временного пользования... Этой недостаточной обеспеченностью прав на землю следует объяснить ту быстроту и легкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами, а в последнее время, чтобы выселяться в Турцию. Легковерие, фанатизм и ненависть к победителям играли роль второстепенную в этих явлениях» [102].

Царское правительство шаг за шагом вырывало из рук горских князей и первостепенных дворян политическую власть. Многократные просьбы местных князей и дворян о приравнивании их прав к правам русского дворянства откладывались под разными предлогами. Царское правительство не хотело слишком уж укреплять позиции местных феодалов, поэтому оно стало отходить от прежних обещаний сохранить в неприкосновенности все привилегии, которыми они пользовались ранее. Выдвигалась новая точка зрения, согласно которой земля считалась общинной, а жители признавались общинниками. Эта идея должна была представить царские власти и правительство в глазах горского крестьянства в роли «защитника» от местных феодалов, лишив тех прежних феодальных прав. Но в целом самодержавие не намерено было отказываться от поддержки местных князей и дворян. «Отнять же у аристократического сословия,— писал главнокомандующий на Кавказе генерал кн. Г. Д. Орбелиани военному министру Д. А. Милютину в 1861 г.,— все прежние права, хотя и сплою приобретенные, но освященные и узаконенные давностью времени, было бы также несправедливо» [103]. Он предлагал провести земельную реформу, которая бы ослабила князей и дворян и укрепила бы положение царских властей.

Местные феодалы стали с недоверием относиться к аграрно-крестьянской политике правительства. И для этого были основания. Еще в 50-х годах XIX в. на Северном Кавказе было ограничено крепостное право. В 1861 г. в Ставропольской губернии крепостное право было отменено. Слухи об освобождении крестьян среди горского населения быстро распространялись. Местные власти проводили подготовительные работы к проведению реформы, начали собирать сведения о сословных отношениях. Когда в 1863 г. была создана Терская сословно-поземельная комиссия под председательством Дмитрия Кодзокова, феодальная верхушка убедилась в неблагоприятных для нее намерениях правительства. В итоге часть оппозиционно настроенных феодалов развернула деятельность в пользу переселения в Турцию. Угрозой массового выезда они хотели принудить царское правительство сохранить в крае крепостное право. Большие группы князей и дворян открыто требовали приостано-

вить проведение крестьянской реформы или разрешить им переселиться в Османскую империю. Горские феодалы уезжали сами и увозили с собой зависимых людей, используя влияние мусульманского духовенства.

Порта сначала не соглашалась на переселение горцев, но затем разрешила его. Османские эмиссары сманивали горцев к переселению обещанием райской жизни. Английские агенты тоже распространяли среди черкесов призывы к переселению. Значительная часть черкесов расселялась в христианских областях Османской империи для усиления исламского элемента или набиралась в войско. Многих женщин и детей переселяли с учетом их будущей продажи в рабство.

Оттоманская Порта и стоявшие за ее спиной Англия и Франция прилагали все силы к тому, чтобы использовать недовольство местного горского населения против России. На Северный Кавказ снова засылались многочисленные эмиссары с различными прокламациями. В тех же целях использовались и верующие, отправлявшиеся в Мекку на поклонение «гробу Магомета». В Османской империи эти богомольцы получали соответствующие наставления, а воротясь на родину, распространяли вымыслы о будущности мусульман на Кавказе. Подосланные и завербованные из местного населения эмиссары Порты призывали горцев отказаться от подданства России «во имя пророка Магомета и ислама».

В прокламации османского эмиссара Мухамета Насарата к черкесам от 1 июня 1864 г. сказано: «С давних пор турецкие подданные, любя вас как детей, употребляли все возможные старания помогать вам ... Берите ваши семейства и все необходимые вещи ... наше правительство заботится о постройке для вас дома, и весь народ принимает в этом деятельное участие денежным пожертвованием ... Получив назначение от правительства встретить и устроить вас, я ручаюсь за ваше спокойствие и безопасность» [104]. Султан, обращаясь к горцам, писал: «Оставя свои жилища, поспешите ко мне немедленно, дабы не заслужить гнев всемогущего бога и победоносца султана» [105]. Подобные призывы иногда подкреплялись материальной и военной помощью. Все это сбивало с толку малосведущее в политике горское крестьянство, создавало у него неуверенность в завтрашнем дне.

Деятельность консервативной части феодалов была одним из решающих факторов, инспирировавших переселение в Турцию и облегчавших иностранное вмешательство в дела края. Переселенцы из простого народа наивно рассчитывали избавиться от тяжелой жизни и обид на родине. Царизм же был не против избавиться от враждебно настроенного населения и получить для освоения обширные земли. Поэтому царские власти со своей стороны поощряли переселение, понимая, что оно служит протестом против аграрной политики царизма. «Стремление к переселению в Турцию служило и служит в этом населении выражением протеста против всякой правительственной меры, которая покажется для него почему-либо неприятною или же тягостною» [106],— писал наместник Кавказа в своем отчете царю за 1863—1869 гг.

Этапы и ход переселения. В 50—60-х годах XIX в. переселение в Турцию совершилось в три этапа: первый — в 1859—1862 гг.; второй — в 1863—1864 гг. и третий — в 1865 г. Впервые в 1859 г. «обнаружилось движение к переселению в Турцию» среди чеченского населения, хотя переселение и не состоялось. В том же году из абазинского аула Лоова изъявило желание переселиться 66 семей, а в 1860 г. из аула Хангпреевых — 43 семейства. В июле—сентябре 1859 г. 296 семейств (2693 человека) закубанских ногайцев получили разрешение на переселение в Тур-

цию. В то же время переселилось 306 семей (более 3 тыс. человек) хатукайцев и 69 семей хамышевцев.

Кавказская администрация добивалась ухода прежде всего той части населения, которая проявляла какое бы то ни было «беспокойство». 26 апреля 1861 года командующий войсками Терской области гр. Евдокимов прямо указывал: «Полагаю полезным для народа и правительства удаление беспокойных людей» [107].

Несколько иначе относился к переселению кабардинцев кн. Г. Д. Орбелиани. Он попытался приостановить движение по переселению, запретив кабардинским владельцам, изъявившим желание переселиться в Турцию, продавать своих холопов. Поскольку кабардинские крестьяне шли в Турцию неохотно, эта мера, по его мнению, должна была если не остановить, то во всяком случае задержать владельцев от ухода в Турцию. Однако такая идея была отвергнута гр. Евдокимовым, уверенным в том, что «запрещение продажи крестьян может остановить здесь именно тех людей беспокойных, которых следовало бы стараться удалить» [108]. Более того, граф посоветовал Орбелиани облегчить процедуру при продаже крестьян: в частности, было рекомендовано дать крестьянам, проданным переселяющимся в Турцию владельцем, право выкупа от своего нового господина по взаимному соглашению или при уплате выкупной суммы, установленной окружным судом.

В самом начале 60-х годов XIX в. движение за переселение началось в Кабарде. В письме от 30 мая 1861 г. кн. Орбелиани на имя гр. Евдокимова сообщалось о том, что 442 семейства кабардинцев изъявили желание переселиться в Турцию, и выражалось опасение, что за ними может последовать вся Кабарда. В «разъяснении», полученном от гр. Евдокимова, недвусмысленно подчеркивалось: «Уменьшение вредного народонаселения избавит нас от многих хлопот... Не жалейте об уходе 442 семейств, но если бы их ушло и вдвое больше, так от этого ущербу для края не будет... Что же касается до угрозы, будто уйдет все народонаселение, то если бы это и совершилось, так оно бы кроме удовольствия принесло бы нам еще существенную пользу» [109]. В результате в 1860—1862 гг. в Турцию переселилось из Большой Кабарды 941 кабардинское семейство (10 343 человека) [110] и 300—350 дворов из Осетии. Переселение охватило и Закубанье.

Характерной особенностью переселенческого движения первого этапа является то, что оно иногда проходило под лозунгом «совершения хаджа» в Мекку. Переселенцы, боясь, что им не дадут разрешения, скрывали свое намерение остаться в Турции и в своих прошениях ссылались на желание перед смертью побывать в Мекке и поклониться гробу Магомета. Царские власти почти всегда удовлетворяли эти просьбы. Более того, генерал-адъютант гр. Евдокимов объявил шапсугскому народу: «Дошло до моего сведения, что неблагонамеренные люди распространяют между вами слухи, что наше правительство намерено препятствовать желающим переселиться в Турцию. Это неверно, всем желающим дозволяется переселиться» [111]. Об этом же были извещены и другие сельские общества.

10 мая 1862 г. Кавказский комитет образовал Комиссию по делу о переселении горцев в Турцию [112]. Она была уполномочена выдавать денежные пособия и вести переговоры с владельцами транспортных судов о перевозке переселенцев. В перевозке горцев принимали участие «Русское общество пароходства и торговли», а также частные судовладельцы Керчи и Одессы. С большой охотой на призыв командующего войсками Кавказской линии гр. Н. И. Евдокимова откликнулись и турецкие судо-

владельцы, которые рассчитывали извлечь из этого мероприятия большие выгоды.

Граф Евдокимов считал, что «необходимо выселить» из Кубанской области до 10 тыс. семей, что примерно составляло 80—100 тыс. человек. Для этой цели в сентябре 1863 г. он просил царское правительство срочно выслать ему 25 тыс. руб. серебром и одновременно заготовить документы на 65 тыс. рублей. Граф был ярым сторонником переселения адыгов в Турцию. Он немедленно воспользовался начавшимся движением переселения и организовал дело так, что царское правительство решило пожертвовать большие суммы денег, чтобы облегчить тысячам адыгов эмиграцию. Но главное в проекте гр. Евдокимова заключалось в том, чтобы этим подтолкнуть движение и тем самым избавиться, как он писал, «от населения самого беспокойного и наименее расположенного к заселению берегов Кубани» [113]. Материальная помощь переселенцам действительно производила впечатление на горцев. План Евдокимова по переселению горцев в Турцию предусматривал и переселение тех жителей Кубанской области, которые изъявили покорность России. «Перечневые ведомости» об отправленных на переселение составлялись в пунктах отправки. Так, например, 21 мая 1864 г. из анапского порта было отправлено 2475 семей натухайцев (16,5 тыс. человек) [114]. За их перевозку было уплачено 13,5 тыс. руб. серебром. 27 мая было отправлено из укрепления Константиновское 5848 шапсугов. В переселении шапсугов большое участие принял эфендий Исхак. Пособником в переселении натухайцев был некий Куштанок, которому «за усердие» было выделено 2 тыс. руб.[115] Немало на этом поприще потрудился и абадзехский пристав Педисов. По их совету абадзехи заключили контракт с керчинским купцом фон Штейном для их перевозки в Турцию. За каждого человека (исключая детей) он брал 5 руб. серебром. Переселявшиеся могли уплатить стоимость их перевозки скотом, хлебом, маслом, медом. В пути фон Штейн обязан был снабжать их пресной водой «для питья».

В итоге предпринятых мер и пропаганды османских эмиссаров значительное число горцев переселилось в Турцию. 28 октября 1864 г. исправляющий должность начальника Шапсугского округа майор Шишпев, докладывая о завершении переселения, писал: «За выселением шапсуг, отправившихся на всегдашнее переселение в Турцию, осталось на прежнем месте жительства противу Елизаветской и Марьянской станиц, изъявивших согласие остаться в подданстве России, 99 семейств» [116]. В течение второго этапа (1863—1864 гг.) выселилось якобы 418 292 человека, хотя данные эти, по всей вероятности, сильно преувеличены.

Переселение горцев в Турцию происходило и в 1865 г., в частности, из Терской области в связи с проведением земельной реформы, а также в результате действий эмиссаров султана и при попустительстве царских властей на Кавказе. Особенно неблаговидную роль в этом сыграл генерал-майор Муса Кундухов. Он взялся спровоцировать часть чеченцев к переселению в Турцию. «В мае месяце нынешнего года,— писал начальник Терской области гр. М. Т. Лорис-Меликов,— генерал-майор Кундухов высказал предложение о возможности восстановить между туземцами Терской области по примеру 1860—1861 гг. стремление к переселению в Турцию и предложил взять на себя выполнение этого дела» [117]. С ведома кавказской администрации Кундухов отправился в Турцию для согласования вопроса в Константинополе. Поездка и переговоры с османскими властями не подлежали огласке, держались в строгом секрете. Кундухов получил от султана заверение, что он примет 5 тыс. семейств с условием, что переселенцы будут размещены в Карском пашалыке вбли-

зи русско-турецкой границы. Со стороны кавказской администрации Кундухову была дана команда «исподволь приготовлять умы чеченцев к предстоящему переселению» [118].

Давая Кундухову согласие на исход чеченцев, кавказские власти исходили из желания сократить численность «беспокойного населения». По этому поводу гр. М. Т. Лорис-Меликов писал: «Удаление из малоземельной густонаселенной Чечни какой бы то ни было части беспокойного и воспитанного в полувековой борьбе с нами племени было бы огромным шагом на пути разрешения чеченского вопроса, а следовательно, к прочному умиротворению Терского края и водворению в нем гражданственностп».

Многие кабардинские князья и дворяне, недовольные земельной политикой царизма, поддержали провокационные действия Мусы Кундухова. Используя свои родственные связи с владельцами Малой Кабарды, Кундухов привлек на свою сторону многих кабардинцев. Организаторами переселения в Турцию были также эфенди Джамурза Варитлов, Хатокшуко Индаров, Кургоко Куденетов, Хакяша Астемиров. По словам Д. С. Кодзокова, они распускали ложные слухи о том, что царские власти собираются «освободить холопов без вознаграждения, уничтожить права высших сословий, подвергнуть всех без различия рекрутской и подворной повинности и наконец, стеснив религиозные обряды магометанства, обратить кавказские племена в христианство» [119].

Эти слухи распространились с быстротой молнии, и обстановка становилась все напряженнее. Чаще стали случаи «неповиновения». Некоторые владетели отказывались выполнять указания администрации об объединении населенных пунктов, ссылаясь на то, что жители их аулов якобы решили переселиться в Турцию. Вместе с Кундуховым в 1865 г. из Малой Кабарды отправились в Турцию 451 человек [120]. Всего в 1865 г. из Кабарды переселилось в Турцию около 3 тыс. человек (163 семьи) [121] и из Чечни — 22 тыс. человек и 45 осетинских семейств. Таким образом, из Северного Кавказа в течение всего второго этапа (осень 1863 и 1864 г.) выселилось более 418 тыс. человек, всего же через восточные порты Черного моря с 1858 по 1865 г. ушло 493 с лишним тыс. человек, в том числе натухайцев 45 023, абадзехов — 27 337, шапсугов — 165 626, убыхов — 74 567, джигатов — 11 873, бжедугов — 10 500, абазинцев — 30 тыс., бесланеевцев — 4 тыс., темиргоевцев, мохошевцев, егерукаевцев — 15 тыс., прикубанских ногайцев — 30 650, кабардинцев — 17 000, чеченцев — 23 193 человека [122].

В эти данные не вошли тысячи переселенцев-карачаевцев [123]. Десятки тысяч горцев переселились без оформления соответствующих документов. Многие тысячи горцев ушли по Военно-Грузинской дороге.

Таким образом, точно установить число переселившихся трудно. Дворянский историограф Кавказа А. П. Берже допускал цифру около полумиллиона человек и считал, что она, возможно, даже занижена. Некоторые историки допускают (впрочем, без доказательств), что выселилось 900 (и более) тыс. человек. Напомним, что А. П. Ермолов оценивал численность всех закубанцев в 350 тыс. Даже если его данные ниже действительных, можно думать, что цифра в 500 тыс. переселенцев преувеличена, ибо все закубанское население вряд ли превышало ее. Берже отмечал, что многие переселенцы покидали Закубанье, не попадая ни в какие реестры. Но зато судовладельцы намного завышали число перевозимых для получения за это денег, а власти поступали точно так же, чтобы утаить деньги и заслужить благоволение начальства. Исследователям предстоит еще уточнить численность переселившихся в Турцию, если это позволят источники.

Так, в результате антинародной политики царизма, адыгских феодалов и мусульманского духовенства, провокационной деятельности западных держав и Порты, а также темноты и религиозного фанатизма народа многие десятки тысяч кабардинцев, чеченцев, осетин, черкесов и адыгейцев переселились в Османскую империю.

Тяжелое положение переселенцев-махаджиров. Стремление вернуться на Кавказ. Махаджирство (переселение в Турцию) было тяжелым испытанием для адыгских народов и трагическим событием в их исторической судьбе. Много трудностей и невзгод перенесли они во время переезда. Перевозка велась на зафрахтованных для этого перехода сотнях небольших судов — кочерм, барок и самдалов османских контрабандистов и торговцев, взимавших за это большую плату (часто молодыми невольницами).

В 1863—1864 гг. не менее 10 тыс. женщин и мальчиков с Северо-Западного Кавказа было продано в рабство, а за красивую черкешенку на рынках Османской империи можно было взять 50 тыс. пиастров (8 тыс. гульденов) [124]. Многие переселенцы грузились в страшной тесноте и давке на русские или иностранные парусные суда и пароходы. Перегруженные лодки часто тонули; бывало и так, что старые переполненные барки имели пробуравленное дно и затоплялись будто бы случайно сразу после выхода в море вместе с людьми, а плата за перевозку оставалась в карманах безжалостных дельцов [125]. Многие переселенцы погибали в пути, а заболевших живыми выбрасывали за борт. На берегах Анатолии скапливались огромные толпы голодных и полураздетых людей, покрытых тряпьем и паразитами. Тысячи их гибли от тифа и других болезней. Истощенные лишениями, переселенцы в ожидании прихода турецких и других судов умирали на берегу массами. Умерших не успевали предать земле.

«Поразительное зрелище представлялось нашим глазам по пути,— сообщал очевидец событий,— разбросанные трупы детей, женщин, стариков... изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения... Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; турецкие шкиперы из жадности наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни» [126].

Правда, кавказская администрация предприняла некоторые меры по ликвидации очагов холеры. За счет казны больным оказывалась медицинская помощь. В Константиновский пост был командирован медик, отправлены госпитальные палатки для размещения больных. На каждого больного предполагалось выдавать в сутки по фунту белого хлеба, по $^1/_2$ фунта говядины, пшено и соль. Но такую помощь могли получать сотни, но не десятки тысяч больных. Однако даже эта мера оказала известное воздействие на умы горцев. В то время как в Турции свирепствует тиф, и там они предоставлены сами себе, здесь, на родине, которую они бросают, русское правительство оказывает помощь больным, рассуждали махаджиры. Эти сопоставления были не в пользу махаджирства, они начали понимать ошибочность совершаемого ими поступка.

Тяжести и невзгоды махаджиров усиливались в пунктах высадки (Самсун, Трапезунд, Варна и др.). Исполняющий должность вице-консула в Варне сообщил 18 декабря 1863 г. русскому поверенному в Константинополе: «Предполагалось отвести в Варну еще 800 душ, причем

все больные». В связи с этим начальник карантина и врач попытались вернуть с больными судно обратно.

Переселенцы болели тифом, чесоткой, холерой, лихорадкой. Как отмечают очевидцы, все «были голые и босые». Такая же жуткая картина наблюдалась и на других кораблях. «Когда,— сообщает очевидец,— начали высаживать пассажиров, оказалось, что они были голыми, босыми, истощенными, больными и едва полуживыми... и, наконец, вывезли около 46 трупов, умерших за одну ночь на пароходе черкесов» [127]. Массами гибли махаджиры и на турецкой территории. Спустя шесть лет, в 1871 г., после массового переселения адыгов в Турцию, в газете «Всемирный путешественник» сообщалось: «Через год две трети из них умерли от холода, голода и заразительных болезней; из 22 000 эмигрантов, поселившихся около Батуми, осталось только 7000; из 30 000 человек, поселившихся около Самсуна, осталось только 1800 и т. д. Люди умирали тысячами, что касается детей, то эти несчастные создания продавались как товар: доход, который извлекали из этого некоторые паши, дает основание думать, что этот народ преднамеренно морили голодом» [128]. Эти факты подтверждают многочисленные документы. Вице-консул в Трапезунде А. Н. Мошнин писал 28 декабря 1863 г. начальнику штаба Кавказской армии А. П. Карцову: «Переплыв в зимнее время Черное море, изнуренные морской болезнью, холодом и голодом, они не встречают здесь тех забот, какие бы должны быть им оказаны местными здешними властями... Отсюда и та ужасающая смертность... 1/4 на всю численность выселенных». Русский консул неоднократно обращал внимание турецкого генерал-губернатора на тяжелое положение переселившихся. На замечания консула местные власти отвечали, что им дела нет до черкесов. Кажется паша «того мнения,— писал консул,— что ему самому дела нет до этих несчастных» [129].

Исследователи утверждали, что почти половина отправившихся в Турцию черкесов и других погибли в пути, т. е. из 500 тыс. переселенцев погибло 250 тыс. «Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество» [130].

Черкесов-махаджиров отправляли в разные районы Турции, и в основном в места, которые были малопригодны для жилья. Многие были поселены в пограничных районах Турции с Россией между реками Чолок и Чорох вблизи Гурийской кордонной линии [131]. А другие 4 тыс. семей черкесов были размещены в пограничных с Ахалцихским уездом деревнях. Местное население запротестовало. Черкесам было предложено перейти во внутреннюю Турцию, но они отказались. Затем им предложили переселиться в Ливан, но тяжелое материальное положение не позволило им отправиться в дальний путь. В итоге большинство из 4 тыс. семей переселилось в Кахабирский санджак, расположенный между Аджарией и Батумом, где жили турецкоподданные куртины. Впоследствии многие переселенцы оказались в Египте, Сирии, Иордании, Ливане, на острове Кипр.

В чужой стране черкесы попадали в исключительно тяжелое материальное положение. Родители вынуждены были продавать своих детей турецким пашам за назначенную плату. Летом 1863 г. можно было приобрести 10-ти или 12-летнего ребенка за 30—40 руб.[132] Невольничий рынок становился популярным: турецкие паши покупали красивых черкешенок для того, чтобы дарить вышестоящим константинопольским пашам. На этом деле большие барыши выручали всякие дельцы и темные люди. Черкесские князья и дворяне, со своей стороны, тоже активно под-

держивали торговлю невольниками. Турецкое правительство в одно время решило запретить подобную торговлю. В ответ в лагере при Сарыдаре вспыхнуло такое сильное неудовольствие, что паша «поспешил убраться, дав горцам обещание не стеснять более их торговли невольниками»[133]. Оказавшись в безвыходном положении, переселенцы стали поступать в турецкую армию. Турецкое правительство объявило им, что в рекруты могут идти только юноши или неженатые черкесы.

Не все переселенцы могли понять сущность совершившейся трагедии. Но были и такие, которые, вкусив от «райской жизни» подвластной султану империи, потянулись обратно на родину. В июле 1864 г. 100 семейств шапсугов обратилось с просьбой о возвращении на родину к русскому консулу в Константинополе. Вслед за этими поступило 100 заявлений от натухайцев, находившихся в Самсуне[134]. Но царские власти не разрешали возвращаться переселившимся.

Тяжелое положение, в котором оказались переселенцы, убедило их на практике, что они были обмануты и совершили роковую ошибку. Еще раньше, в 1863 г., делегаты от 100 осетинских дворов, переселившихся в Турцию и разочаровавшихся в своем поступке, обратились к русским властям с просьбой разрешить им вернуться на Кавказ. Бимбулат Згоев, Гебош Джанги-оглы и Джордж Бадов от имени 100 дворов дали согласие поселиться в Ставропольской губернии на условиях, предложенных возвратившимся из Турции ногайцам[135].

В начале 1865 г. черкесы, поселенные в Джанике, послали делегацию в составе князей Мустафы Адока, Мустафы Кофу, Дагура-Паши и натухайца Ахмеда Спано к русскому консулу в Трапезунде Мошнину. Они передали ему письмо, адресованное русскому императору. Черкесы умоляли Александра II разрешить им возвратиться в Россию. В письме рассказывалось о лишениях и невзгодах, переносимых махаджирами. Просители изъявляли согласие на все условия, за исключением двух: перемены веры и поставки рекрутов в армию[136]. Такие письма и жалобы во множестве поступали в адрес русского посла в Турции. Некоторые махаджиры соглашались даже принять христианство и жить в Сибири. Другого выхода они не видели, ибо положение горцев в Турции «со дня на день ухудшалось», как было отмечено в письме русского консула в Трапезунде[137].

В прошении черкесов-переселенцев, поданном в 1872 г. русскому консулу в Константинополе Игнатьеву, говорилось: «Вот уже почти 8 лет как наши беи нас держат в состоянии невообразимого рабства, совершая тысячу жестокостей ... Днем и ночью мы и наши семьи подвергаемся варварскому обращению беев. Мы лишены свободы, семьи, имущества... Признавая всю тяжесть совершенной ошибки, мы, нижеподписавшиеся, от имени 8500 семейств просили вас ... испросить разрешение вернуться на родину ... за что мы готовы почти на всякие жертвы». Александр II на прошение наложил резолюцию: «О возвращении и речи быть не может». Лишь некоторые переселенцы небольшими группами все же самовольно возвращались на Кавказ.

Итак, переселение обернулось для горцев подлинной трагедией, оно было их жестокой ошибкой. Нельзя снимать ответственность за это с политики царизма на Кавказе, но в огромной мере она лежит на Османской империи, на алчных адыгских князьях, боявшихся лишиться крепостных и рабов, на мусульманском духовенстве, разжигавшем религиозный фанатизм, на агентах западных держав.

Отношение горских просветителей к переселению в Турцию. Передовые представители горской интеллигенции в своих произведениях уделяли важное место переселению части народов Северного Кавказа в Турцию. При всех сложных социально-экономических и политических ситуациях, в которых оказались адыгские народы, просветители не одобряли деятельность части верхушки по переселению в Турцию. Они предпочтительнее относились к России и выступали за то, чтобы остаться на Кавказе, осуждали переселение в Турцию. И в этом они несомненно были правы, ибо только на родине даже при самодержавии можно было рассчитывать на сохранение национального быта и на дальнейшее культурное развитие. Осетинский просветитель Инал Кануков в очерке «Горцы-переселенцы» описывал переселение группы осетин-мусульман в Турцию в 1859 г., настроение людей, разоблачал царских агентов, которые усиленно вербовали «охотников» к переселению, утверждая, что «теперь нечего делать здесь, будут нас здесь притеснять, а в Стамбуле нет». Кануков следующими словами заканчивал свой очерк: «И теперь словно в ушах раздается то рыдание, которое невольно вырвалось из груди моей матери, когда она переступила в последний раз через порог своей сакли,— и я, кажется, никогда не забуду это рыдание» [138].

Другой осетинский поэт, Темирбулат Мамсуров, в своих стихотворениях «Два друга» и «Думы» выразил тяжесть положения переселенцев. Его мнение заслуживает особого внимания потому, что он, попав под влияние своего дяди Мусы Кундухова, переселился в Турцию и своими глазами видел жуткие картины из жизни переселенцев. «Мы и на родине счастья не знали,— отмечает он.— На чужбине попали в невыносимые условия». У переселенцев слезы горькие льются ручьем:

Об отчизне все будем молиться
И в изгнании горьком своем
Будем родину помнить и чтить.

Кабардинский просветитель, друг декабриста В. Д. Сухорукова Д. С. Кодзоков уделил большое внимание проблеме переселения осетин, кабардинцев и чеченцев в Турцию. Он решительно выступил против негласной пропаганды переселения. В своей «Записке о переселении осетин, чеченцев и кабардинцев», составленной 8 апреля 1865 г., он писал, что агитация Кундухова «ведет к расстройству предначертаний к прочному успокоению туземного населения области и к составлению новой разноплеменной партии переселенцев... Из его кунацкой разъезжают люди по Кабарде и Осетии... и склоняют сговорчивых к распродаже имущества и приготовлению к путешествию» [139]. В своей пропаганде Кундухов использовал возбужденный правительством вопрос об освобождении горских крестьян, т. е. пугал князей и дворян, что они скоро лишатся крепостных рук. Кодзоков рекомендует начальнику Терской области выслать Кундухова «из края, чтобы остановить всякое стремление к переселению». Но он не знал, что Кундухов, как мы уже знаем, действовал с полного согласия начальника Терской области гр. М. Т. Лорис-Меликова. В своих письмах и рапортах Кодзоков касается и настроения крепостных крестьян. «Дело приняло такой оборот,— пишет он,— что даже холопья» не желают идти со своими владельцами в Турцию, а хозяева принуждают их следовать за ними. Кодзоков искренно переживал за то, что часть кабардинцев, черкесов, чеченцев и осетин переселилась в Турцию. Это событие он рассматривал как «бедствие кавказских племен» и «могилу заблуждающегося и обманутого народа» [140]. Это обобщение основывалось на глубо-

ком знании им конкретных исторических материалов и верных взглядах по ряду важных общественно-политических вопросов.

Карачаево-балкарский просветитель начала XX в. М. Абаев в своей статье «Больной вопрос» указывал, что главным тормозом для горцев-мусульман в деле улучшения своего экономического и культурного положения служил вопрос о переселении горцев в Турцию, периодически поднимавшийся начиная с 60-х годов XIX в.[141] Основными причинами переселения, по его мнению, были не религиозный фанатизм и влияние Турции, а экономические и политические условия.

Переселение части народов Северного Кавказа нашло широкое отражение в устном народном творчестве осетин, чеченцев, балкарцев, карачаевцев и адыгских народов. Народ в своем творчестве вскрывал причины переселения, показывал страдания, осуждал виновников переселения. Сказание о переселении в Турцию двух кабардинских братьев Махараевых — Джамболата и Мисоста — раскрывает эпизодический характер движения. Сказание бытует также и среди осетинского населения. Сохранились исторические песни. В абадзехской песне о переселении адыгов в 1864 г. выводится образ командующего войсками Кавказской линии генерала гр. Евдокимова, который окружил абадзехов со всех сторон, и им, как сказано в песне, ничего не остается, как пойти в Стамбул[142]. Махаджирство (или по-адыгски «истамбылакіуэ») оставило большой след в сознании народных масс, как переселившихся в Турцию, так и оставшихся на Кавказе.

4. Заселение Закубанья и черноморского побережья Черкесии русскими, украинцами и другими переселенцами

Проекты Д. А. Милютина и гр. Н. И. Евдокимова. В период Крымской войны и после ее окончания продолжала осуществляться традиционная политика заселения Северного Кавказа русскими, украинцами и другими переселенцами. Переселенческий процесс усилился в связи с начавшимся движением в среде горцев в конце 50-х годов по уходу в Турцию. Десятки тысяч десятин плодородных земель, заброшенных махаджирами, активизировали переселенческое движение. Однако перед правительством стояла и другая задача: превратить переселенцев в свой оплот, укрепив обороноспособность Закубанья и Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа перед лицом угрозы со стороны Османской империи и поддерживающих ее европейских держав. Исходя из этих стратегических задач, высказывались разные предложения о заселении Северного Кавказа. В 1857 г. начальник Генерального штаба Кавказской армии Д. А. Милютин представил военному министру гр. А. И. Чернышеву записку «О средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части туземных племен». Милютин предлагал воспользоваться землями Войска Донского и переселить туда часть адыгского населения. Причем это переселение он мыслил осуществить путем добровольного выхода адыгов из гор. Желающим переселяться на земли Войска Донского он предлагал предоставить определенные льготы, в частности выдавать денежные пособия для обзаведения на новом месте хозяйством. Выходцев из гор предлагалось поселить в отдельных колониях. «Мы должны,— писал он,— ...даровать выходцам возможные льготы и пособия, подчинить их быт порядку, наиболее применимому к народным их обычаям, и в особенности не подавать им ни малейшего повода опасаться зачисления в казачье сословие»[143].

На освободившихся землях предполагалось поселить такое число казачьего населения, которое превалировало бы над местным. Этот проект вызвал множество возражений. Генерал-адъютант Коцебу, решительно отвергая предположение Милютина о переселении горцев в Россию, считал «эту меру даже опасной в видах успокоения Кавказа» [144]. Генерал Вольф полагал, что проект Милютина неосуществим, хотя бы потому, «что горцы не привыкли к тяжким полевым работам или фабричным промыслам, презирают эти занятия и преданы только боевой жизни, грабежу и воровству» [145]. В итоге проект был отклонен. В Комитете по колонизации Закубанья было решено: «Переселение на Кавказ 7500 семейств донских казаков неудобоисполнимо, а переселение адыгов — враждебных России племен — на земли Войска Донского невозможно». Комитет предлагал ежегодно по 150—200 семейств из «охотников» донских казаков переселить в Закубанье [146]. Однако царские власти сходились в одном — в необходимости увеличения казачьего населения на Северном Кавказе. Об этом свидетельствует и то, что на докладе военного министра гр. Чернышева, предлагавшего увеличить казачье население в Кавказском крае, Александр II наложил резолюцию: «Совершенно с этим согласен».

Поражение Шамиля и Магомед-Амина в 1859 г. развязали руки царской администрации. Теперь основное внимание было обращено на Северо-Западный Кавказ. В 1860 г. во Владикавказе состоялось созванное кн. Барятинским оперативное совещание с присутствием товарища военного министра Д. А. Милютина, где обсуждался вопрос об «усмирении» Северо-Западного Кавказа. Хотя среди участников совещания и наметились разногласия по методам решения стоящих задач, все же в основном они были единодушны. Все признали необходимым переселить адыгов и заселить их земли казаками.

Администрация взяла курс на систематическое заселение Северо-Западного Кавказа. Но на этом пути стояли большие препятствия. Надо было добиться выселения адыгов с гор на плоскость, но народные массы с недоверием относились к этому предложению. Кроме того, как мы знаем, эти меры кавказской администрации ловко использовались местной феодально-клерикальной верхушкой и эмиссарами султана для агитации за переселение адыгов в Турцию.

Не всегда охотно шли на переселение и донские казаки. Для этого не раз кавказское командование прибегало к угрозам и принуждению, поэтому недовольство казаков переселенческой политикой царского правительства с каждым годом нарастало. В 1861 г. гр. Евдокимов распорядился переселить почти в полном составе на передовую линию 1-й Хоперский казачий полк (из станиц Грушевской, Северной, Круглолесской, Александровской, Сергиевской, а из бывшей Черномории — Старощербиновской и Канеловской, всего около 2294 семейств) [147]. Казаки наотрез отказались подчиниться, требуя объявления «царской воли». Но царского указа не было, хотя общие идеи о заселении новых земель казаками были одобрены правительством. Пока шла переписка с Петербургом, гр. Евдокимов делал все возможное, чтобы заставить казаков переселиться. А они, опираясь на свои войсковые права, требовали отмены распоряжения. К станице Александровской были стянуты воинские части, чтобы силой принудить казаков к переселению. Узнав об этом, казаки решили дать отпор. В конце апреля вооруженные казаки (в возрасте от 17 до 70 лет) станиц Грушевской, Северной, Круглолесской и Сергиевской, кто верхом, а кто на конных и воловьих подводах, явились для поддержки восставших и на подступах к станице Александровской располо-

жились на холмах со всех четырех сторон. Тогда к станице Александровской были подтянуты еще два батальона драгун с артиллерией, а для «успокоения» восставших к ним был послан их командир генерал-майор Р. К. Васмунд [148]. Однако и эти меры ни к чему не привели. Обстановка обострилась. Видя, что дело приобретает серьезный оборот, кавказское командование решилось на отсрочку переселения хоперцев на Закубанские земли. Восставшим было объявлено, что воинские части, стянутые к станице Александровской, возвращаются в свои прежние места дислокации, а переселение хоперских казаков приостановлено.

Выступления казаков станиц 1-го Хоперского полка напугало правительство и его администрацию на Кавказе. Это восстание объективно оказало положительное воздействие на подъем национально-освободительной борьбы адыгских народов и явилось выражением совместной борьбы русского, адыгского и других народов против внутренней политики царского самодержавия.

Восстание хоперских казаков по существу сорвало план по заселению передовой линии в Закубанье. Вместо намеченного плана основать 17 станиц с общим количеством дворов в 2894 удалось основать всего 7 мелких станиц с общим количеством в 154 семейства (Усть-Джегутинская, Каладжинская, Ахметовская, Псеменская, Андрюковская и Переправная).

Восстание линейных казаков 1-го Хоперского полка вынудило внести изменения в систему гр. Евдокимова. Во всех административных и военных инстанциях началось серьезное обсуждение методов и способов заселения Закубанья и черноморского побережья Черкесии.

Формы, методы и ход заселения. Неоправдавшая себя система насильственного заселения Северо-Западного Кавказа казаками была в итоге отвергнута. Было решено впредь соблюдать принцип добровольности и оказания переселенцам ощутимой материальной помощи. В связи с этим стали приглашаться на Северо-Западный Кавказ добровольцы из разных губерний России. Было внесено изменение в ранее принятое Положение о заселении края русскими и другими переселенцами. Для переселенцев-офицеров сохранялось прежнее армейское жалованье в течение 6 лет, их семьям для переселения выдавалось единовременное пособие в размере 285 рубл., урядничьим и казачьим семьям выдавалось по 71 руб. Были установлены льготы по получению от казны продовольствия в течение трех лет. Переселенцы освобождались от воинской службы и уплаты налогов в течение трех лет со дня прибытия на новые места. Кроме того, переселенцы имели право на приобретение земли в частную собственность, а после истечения срока службы им предоставлялась возможность выйти из казачьего сословия.

Принятые меры дали ощутимые результаты. В 1862 г. было основано 15 станиц (Абадзехская, Баговская, Белореченская, Гиагинская, Даховская, Егерукаевская, Махошевская, Псебайская, Псефирская, Севастопольская, Ханская, Хамкетинская, Царская, Пшехская, Келермесская). На землях натухайцев, уходивших в Турцию, было основано 8 станиц: Анапская, Благовещенская, Варениковская, Верхнеабадзехская, Гостагаевская, Новороссийская, Раевская и Анапский поселок. Всего 23 станицы, в которых стало проживать 4387 семейств [149].

В следующем, 1863 г., в Закубанском крае были заселены два района: один к востоку от Адагумской линии до р. Иль, а другой — между течением рек Пшиш и Белая. На этих землях было образовано 20 станиц (Абинская, Шапсугская, Эриванская, Мингрельская, Амтхырская, Хабль-

ская, Грузинская, Ильская, Курджинская, Дагестанская, Нижегородская, Кубанская, Апшеронская, Ширванская, Самурская, Прусская, Габукаевская, Бжедуховская, Пшишская, Тверская). На базе образованных станиц были сформированы в Кубанском казачьем войске два новых конных полка: Абинский и 26-й. В состав Абинского конного полка вошли станицы: Абинская, Шапсугская, Эриванская, Мингрельская, Ахтырская, Хабльская, Грузинская и Ильская. Штаб полка находился в станице Хабльской. В состав 26-го Конного полка вошли станицы: Курджипская, Дагестанская, Нижегородская, Апшеронская, Ширванская, Самурская, Прусская, Гобукаевская, Бжедуговская, Пшишская, Тверская, Пшехская. Местом пребывания штаба полка была определена станица Апшеронская. Станица Келермесская была передана 25-му Конному полку. В 21 станице были поселены 33 офицерских семейства (28 из Кубанского казачьего войска и 5 из Азовского) и 3494 урядничьих и казачьих семейств.

Интересен состав новых поселенцев. Почти 50%, т. е. 1440 семейств, принадлежало Кубанскому казачьему полку, Донскому — 518, Азовскому — 504 и Терскому — 49. Среди переселенцев было уральских казаков — 44 семейства, женатых нижних чинов Кавказской армии — 170, государственных крестьян — 680 семейств. Крестьяне вышли в основном из Харьковской — 100, Полтавской — 250, Черниговской — 96 и Воронежской губерний — 181 семейство. А всего с 1861 по 1865 г. была образована 81 станица.

10 марта 1866 г. было принято «Положение о заселении Черномо́рского округа». «Положение» дало переселенцам различные льготы и преимущества с целью предоставления им возможности завести личное хозяйство и употреблять «плоды своих трудов на улучшение своего благосостояния» [150]. Правительство решило поддержать частную инициативу. Почти свободной была земля между морским берегом и линией Главного Кавказского хребта, составлявшая 457 тыс. дес. Из них лесом было заня то 303 тыс. дес., 81 тыс. 370 дес. были «хлебородными полями» и садами, 42 тыс. дес.— горными пастбищами и 31 414 дес. составляли неудобные для землепользования земли. В 1867 г. было решено поселить в этих районах черкесского побережья 3376 семей хуторами, деревнями или колониями. Иногородние, греческие и армянские выходцы из Турции, немцы из Южной (нагорной) Германии и другие получили возможность основать поселения, хутора и колонии.

Среди казачьего населения возникли немецкие колонии Михельсталь (на берегу Азовского моря, впоследствии станица Воронцовская), Александрфельд (Александровская). Немецкие колонии возникли также в среде местного населения, в частности на р. Нальчик (в Кабарде), Зеленчук (в Карачаево-Черкесии) и т. д.

Отмена крепостного права способствовала притоку населения на Кавказ. «Иногородние» сыграли важную роль в освоении новых земель. С их помощью были созданы города Армавир (1837), Ейск (1848) и др.

За короткий срок огромная территория была освоена и превращена в постоянный источник материальных благ не только для русского населения, но и для местных жителей, оставшихся на Северо-Западном Кавказе. Северный Кавказ становится важным рынком сбыта и источником сырья для развивающейся вширь русской промышленности.

И если, с одной стороны, царские власти усматривали в новом русском населении оплот борьбы с горцами и утверждение самодержавной власти на местах, то с другой — создавались благоприятные условия общения между трудовым народом гор и массой рядового русского казачества. Между ними начался обмен опытом, сельскохозяйственными ору-

диями, скотом, хлебом, зерном, одеждой, возникало куначество, развивались дружеские связи. Сотнями нитей связывались между собой русский народ и народы Кавказа, несмотря на различие языков, обычаев, вероисповедания, несмотря на искусственно разжигаемые царским правительством вражду и недоверие.

---

[1] Цит. по кн.: *Guedalla Th.* Lord Palmerston. L., 1950. P. 315.
[2] История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 656.
[3] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 5953. Л. 208.
[4] Таймс. 1854. 22 сент. № 21871 (корреспонденция из Константинополя).
[5] *Widerszal L.* Spzawy Kaukazkie w polityce Europeyskiy w lotah 1831–1864. W-wa, 1934. P. 125.
[6] АКАК. Тифлис, 1903. Т. 11. С. 241.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 453.
[8] Записки М. Чайковского // Русская старина. 1898. № 10. С. 173.
[9] ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 861. Д. 47. Л. 9–11.
[10] *Бестужев И. В.* Крымская война. М., 1956. С. 52–53.
[11] *Тарле Е. В.* Крымская война. М., 1950. Т. 1. С. 302–304.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 287.
[13] Russia and War, 1854: Baltic and Black Sea official correspondence Navy Records Society/Ed. by D. Bonner-Smith and A. C. Dewar. L., 1943.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 239–240.
[15] *Осман-бей.* Воспоминания, 1855 г. // КС. Тифлис, 1861. Т. 2. С. 180.
[16] ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 260. Л. 1.
[17] *Казим-Бек М. А.* Мюридизм и Шамиль // Русское слово. 1859. Кн. 12. С. 238.
[18] *Тарле Е. В.* Крымская войпа. М., 1950. Т. 2. С. 26–29.
[19] Русский архив. 1867. № 12. С. 1611.
[20] *Widerszal L.* Op. cit. P. 127.
[21] Таймс. 1854. 22 мая; 30 авг.
[22] Bussian War. 1854. P. 267.
[23] ВС. 1861. № 3. С. 62–63.
[24] ЦГИА ГССР. Ф. 1083. Сп. 6. Д. 1038. Л. 11, 17.
[25] Кубан. сб. Т. 10. С. 79.
[26] *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. СПб., 1908–1912. Т. 2, ч. 2. С. 1156.
[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 348.
[28] *Муравьев Н. Н.* Война за Кавказом в 1855 г. СПб., 1877. Т. 2. С. 372.
[29] *Widerszal L.* Op. cit. P. 135–136.
[30] *Осман-бей.* Указ. соч. С. 172.
[31] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6581. Л. 8.
[32] Там же.
[33] *Фадеев Р. А.* Собр. соч. СПб. 1889. Т. 1, ч. 1. С. 36–37.
[34] Н. Ф. Дубровин считал, что Шамиль вообще «не желал соединения с турками». См. также: *Ибрагимбейли Х.-М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 1971. С. 186–192.
[35] *Ибрагимбейли Х.-М.* Указ. соч. С. 186, 190.
[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 11. С. 522.
[37] Шамиль – ставленник турецких султанов... Тбилиси, 1951. С. 451, 453; *Ибрагимбейли Х.-М.* Указ. соч. С. 188, 190, 327–329; *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 518–519.
[38] *Дегоев В. В.* Буржуазная историография о британской политике на Кавказе во второй половине XIX в. // Вопр. истории. 1979. № 2. С. 59.
[39] *Фадеев Р. А.* Указ. соч. С. 59.
[40] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 241.
[41] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6651. Л. 105.
[42] Там же. Д. 6581. Л. 25–30.
[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 11. С. 522.
[44] *Widerszal L.* Op. cit. P. 141.
[45] *Осман-бей.* Указ. соч. С. 194.
[46] *Oliphant L.* The Trans-Caucasian Campaign of the Turkish Army under Omer-Pasha. A personal... Edinburgh – London, Black Wood. L., 1856. P. 10.
[47] Кавказ. 1856. № 17.
[48] *Ибрагимбейли Х.-М.* Указ. соч. с. 279.
[49] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6656. Л. 238.
[50] *Ибрагимбейли Х.-М.* Указ. соч. С. 104, 149, 150, 153, 287, 347–350.
[51] Д. 5953. Л. 207.
[52] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 11. С. 615–616.
[53] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 5953. Л. 206–208.
[54] *Фадеев Р. А.* Указ. соч. С. 116.
[55] ЦГИА ГССР. Ф. 1080. Оп. 1. Д. 169. Л. 30.
[56] *Widerszal L.* Op. cit. P. 164.
[57] Hansara's Parliamentary Debates: Great Britain. L., 1856. 3d Series. Vol. 141.
[58] Ibid. P. 2016.
[59] Ibid. P. 1997–1998.
[60] КС. Тифлис, 1887. Т. 11. С. 607.
[61] ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 863. Д. 15. Л. 107.
[62] *Чирг А. Ю.* Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой половине XIX в. // Вопр. общественно-политических отношений на Се-

веро-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987. С. 3—14; *Он же.* Об участии декабристов в борьбе против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987. С. 59—76.

63 ДГСВК. С. 633.

64 *Муравьев Н. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 293.

65 *Дубровин Н.* История войны и владычества России на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 322. Примеч.

66 Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля // Тр. Института востоковедения. М.; Л., 1941. Вып. 35. С. 241.

67 ДГСВК. С. 631.

68 *Добролюбов Н.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 4. С. 134.

69 ДГСВК. С. 665.

70 Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи... С. 243.

71 *Гаджи-Али.* Сказания очевидца о Шамиле // ССОКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 56—57.

72 ДГСВК. С. 676.

73 АКАК. Тифлис, 1912. Т. 12. С. 707.

74 *Касумов А. Х.* Англо-турецкие происки на Северном Кавказе после окончания Крымской войны // УЗ КБГУ. Нальчик, 1960. Вып. 5. С. 261—292.

75 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6597. Л. 13.

76 АВПР. Ф. Главный архив. Оп. 9. Д. 27. Л. 9.

77 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 490.

78 КС. Тифлис, 1887. Т. 11. С. 586.

79 *Адамов Е., Кутаков Л.* История происков иностранной агентуры во время Кавказской войны. М., 1850. С. 124; *Дзидзария Г. А.* Указ соч. С. 171.

80 ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 38/286. Св. 781. Д. 5. Л. 5.

81 Там же. Оп. 7. Д. 396. Л. 84.

82 АКАК. Т. 12. С. 908.

83 ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 873. Д. 8. Л. 14.

84 *Widerszal L.* Op. cit. P. 198.

85 *Brock* [*Peter*]. A Study in Private Diplomacy // The English Historical Review. 1956. July. Vol. 61, N 280. P. 409—410, 416—417, 421—424, 426.

86 АВПР. Ф. Главный архив. Оп. 8. Д. 19. Л. 39.

87 Русский вестник. 1869. Т. 84. № 11/12. С. 152.

88 *Панченкова М. Т.* Россия, Франция и Турция в 1863 г. // Новая и новейшая история, 1970. № 6. С. 115.

89 *Дзидзария Г. А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд. Сухуми, 1982. С. 172—173, 241.

90 *Карлгоф Н.* Магомет-Амин // КК на 1861 г. Тифлис, 1860. С. 77.

91 ЦГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 55. Л. 76.

92 Там же. Д. 59. Л. 4.

93 *Фелицин Е. Д.* Сефер-бей-Зан // Кубан. сб. Екатеринодар, 1904. Т. 10. С. 87.

94 ЦГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 55. Л. 63.

95 Там же. Д. 59. Л. 15.

96 Там же. Оп. 1. Д. 94. Л. 78.

97 *Фадеев Р. А.* Указ. соч. С. 139.

98 Там же. С. 144—145, 152—153, 196.

99 *Шевченко Г. Н.* Политика царского правительства по отношению к феодальной верхушке Черноморского казачьего войска в конце XVIII — первой половине XIX в. // Некоторые вопросы социально-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. Майкоп, 1985. С. 41—49.

100 *Фадеев Р. А.* Указ. соч. С. 161.

101 Там же. С. 161, 209—210.

102 ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Св. 869. Д. 4. Л. 31—34.

103 Там же.

104 ЦГИА ГССР. Ф. 412. Оп. 3. Д. 1115, Л. 1.

105 Там же. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 489. Л. 5.

106 Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863—1869 гг. СПб., 1870. С. 110.

107 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 465. Л. 6.

108 Там же. Л. 5—6.

109 Там же. Л. 21—22.

110 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 28—29.

111 ГАКК. Ф. 327. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

112 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 154. Л. 1.

113 ГАКК. Ф. 327. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

114 Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 301. Л. 391.

115 Там же. Л. 424 об.

116 Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 301. Л. 536.

117 ЦГИА СССР. Ф. 866. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

118 Там же.

119 Там же. Л. 19—20.

120 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 743. Л. 31—38.

121 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 121. Л. 2.

122 *Берже А.* Выселение горцев с Кавказа // РС. 1882, янв. С. 165—166.

123 Тр. КЧНИИ. Сер. ист. Ставрополь, 1966. Вып. 5.

124 *Дзидзария Г. А.* Указ. соч. С. 266; *Чирг А. Ю.* Указ. соч. С. 26, 35.

125 *Дзидзария Г. А.* Указ. соч. С. 224.

126 *Дроздов И.* Последняя борьба с горцами Западного Кавказа // КС. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 456—457.

127 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1096. Л. 3.

128 Там же. Ф. 545. Оп. 1. 1864 г. Д. 63. Л. 23—24 об.; *Берже А. П.* Указ. соч. С. 354; Переселение горцев в Турцию: Сб. документов/Сост. Г. А. Дзагуров.

Ростов н/Д, 1925; *Касумов А. Х.* Разные судьбы. Нальчик, 1967.

129 ЦГИА ГССР. Ф. 545. Оп. 3. Д. 1096. Л. 7.

130 КС. Тифлис, 1887. Т. 11. С. 456–457.

131 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 149. Л. 10.

132 Там же. Д. 1102. Л. 2.

133 Кавказ. 1864. 12 июля.

134 Там же.

135 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1095. Л. 1.

136 Там же. Д. 1124. Л. 1–2.

137 Там же. Д. 1114. Л. 25.

138 ССОКГ. Тифлис, 1885. Вып. 9.

139 ЦГИА СССР. Ф. 866. Оп. 1. Д. 35. Л. 19.

140 *Кумыков Т. Х.* Д. С. Кодзоков. Нальчик, 1986. С. 32.

141 Журн. Мусульманин. 1910. № 10.

142 СМОМПК. Тифлис, 1896. Вып. 21. С. 268–269.

143 ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 351. Л. 28–29.

144 Там же. Л. 31.

145 Там же. Л. 37–38.

146 Там же. Л. 153.

147 *Бентковский И.* Заселение предгорий Главного Кавказского хребта // Кубан. сб. Екатеринодар, 1888. Т. 1. С. 8.

148 Роберт Карлович Васмунд был командиром 5-й Хоперской бригады с 1845 по 1853 г. Его сменил черкес, полковник Казы-Гирей, который командовал этой бригадой с 1853 по 1859 г.– *Авт.*

149 *Бентковский И.* Указ. соч. С. 75.

150 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 216. Л. 8.

Глава VI

КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (до 1861 г.)

1. Роль Кавказа в передовой культуре России

Вхождение народов Северного Кавказа и Закавказья в состав России привело к более тесному взаимодействию культуры России и кавказских народов.

На Северном Кавказе влияние русской культуры стало сказываться позднее, чем в Закавказье (особенно в Грузии и Армении, издавна имевших более тесные культурные связи с Россией). Но и Северный Кавказ — ранее всего Кабарда и Осетия,— вовлекался в орбиту культурного влияния России, и процесс этот был взаимным. Между культурой передовой России и лучшими сторонами культуры народов Кавказа шло взаимообогащение. Вхождение кавказских народов в состав России наложило неповторимый отпечаток на русскую культуру — литературу, искусство, общественную мысль,— расширило горизонты познания, внесло мощную струю новых впечатлений в жизнь народов Кавказа, их материальной и духовной жизни. В сложной и противоречивой действительности можно было видеть, как позитивные черты культуры этих народов переплетались с реакционными феодальными порядками, межплеменными и родовыми распрями, древними и нередко кровавыми обычаями.

Социально-политическая реальность Кавказа, образ жизни горских народов, события войн России с шахским Ираном и Османской империей предстали перед русскими передовыми людьми (ссыльными декабристами, писателями и художниками) на фоне величественной и мятежной природы — громад снежных гор, бездонных ущелий, бурных потоков, могучих скал и тяжких обвалов. На восприятие Кавказа накладывали свой отпечаток неспокойная пора кризиса крепостничества и самодержавия и наступившего после 14 декабря 1825 г. вовлечения России в общеевропейское революционное движение, впечатления от трагической судьбы декабристов. Под воздействием тревожно-романтического осознания действительности, а затем и реалистического направления в литературе и искусстве кавказские события находили отражение не только в официальных военных и канцелярских реляциях правительству. Бурная жизнь на Кавказе вносила новую мощную струю в образ мысли и художественное творчество передовых русских людей, обогащала новыми впечатлениями освободительные стремления русских писателей и сосланных декабристов, произвела неизгладимое воздействие на А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других выдающихся людей России. Таким образом, речь идет о явлении, далеко выходившем за рамки местных связей между русским населением на Северном Кавказе и горскими народами [1].

Среди величественных просторов кавказской природы возникало особое ощущение свободы. М. Ю. Лермонтов писал:

Взбирался я на гордые скалы,
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы
. . . . . .
И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам [2].

С Кавказом слился мятежный лермонтовский образ «Демона» — духа «отрицания» и «сомнения».

Наблюдая действия царских властей на Кавказе, передовые люди еще сильнее ощущали гнет официального Петербурга и самодержавия, мешавших проявлению прогрессивных последствий продвижения России на Кавказ. А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой осуждали произвол над местными жителями и жестокости, совершавшиеся царскими генералами и офицерами во время военных походов. Освободительные стремления вскипали и тогда, когда передовые русские люди видели своевластие и насилия местных феодалов Кавказа, наблюдали варварский деспотизм шахского Ирана и Османской империи, кровавые деяния местных ханов (на рынках всюду попадались изувеченные ханами люди — ослепленные, лишенные руки, ноги или языка). Везде можно было видеть губительные последствия работорговли, феодальных и родоплеменных междоусобий, религиозного фанатизма и «газавата», кровной мести и бесправия женщин.

Но там же, на Кавказе, ссыльные декабристы и великие русские писатели узнали гордый и независимый дух горских народов, их храбрость и отвагу, бесстрашие перед смертью на поле боя, верность дружбе и обычаям, гостеприимство, поэтические предания горцев, их песни, пляски, художественное ремесло. Все эти впечатления будили уважение и симпатии к горским народам, усиливали романтические порывы русской общественной мысли, литературы, музыки, живописи, плененной могучею кавказскою природой [3]. Свободолюбие горцев вызывало ответные чувства прогрессивных людей России. История взаимодействия передовой культуры России и народов Кавказа подтверждает замечательную мысль К. Маркса: «Всякая нация может и должна учиться у других» [4].

Уже отмечалось, что ссыльные декабристы и многие русские писатели осуждали военно-феодальные методы политики самодержавия на Кавказе и жестокое самовластие местных феодалов. Декабрист А. И. Якубович, служивший на Кавказе с 1818 по 1824 г., в походных записках отмечал не только вольнолюбие, храбрость, но и трудолюбие горцев, что не отвечало официальному взгляду на них как «хищников», склонных лишь к грабежу и разбоям. Якубович писал о негативном влиянии на горцев религиозного фанатизма и «кровавых обычаев» [5]. Генерал Раевский порицал карательные действия царских войск, сравнивал их с бедствиями «первоначального завоевания Америки испанцами» [6].

Ссыльные декабристы и многие русские писатели противопоставляли политике самодержавия на Кавказе умеренно-либеральные мирные способы подъема хозяйственной жизни народов Кавказа, распространение среди них просвещения, понимали значение связей горцев с Россией. Уже было сказано, что такие проекты выдвигал А. С. Грибоедов, особенно для Закавказья.

Великие русские поэты А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов мечтали не о военном «покорении» Кавказа, а о будущих мирных и дружелюб-

Рис. 1. П. З. Захаров-Чеченец — первый художник Чечни и Ингушетии, член Санкт-Петербургской Академии художеств Автопортрет. XIX в.

ных отношениях русского и горских народов, чего не могло быть в ту пору, когда в России господствовал царизм, а на Кавказе процветали феодальные распри и набеги. Романтические поэмы Пушкина и Лермонтова о Кавказском пленнике создали гуманистический образ юной черкешенки, любовь и доброта которой превозмогает враждебность горцев к плепному русскому. Они призывали к преодолению межплеменной и религиозной резни, жестоких обычаев кровомщения [7].

Кавказ вдохновил многие свободолюбивые произведения русской литературы. Об этом писали Пушкин и великие русские революционные демократы. Известны замечательные слова В. Г. Белинского: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов. С Кавказом соединились судьбы великого русского поэта М. Ю. Лермонтова — на недоступных вершинах Кавказа, увенчанных вечным снегом, находит он свой Парнасс; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Касталь-ский Ключ, свою Ипокрену» [8]. Н. П. Огарев видел в Кавказе «приют российского свободомыслия».

В 1852 г. Л. Н. Толстой дал реалистическое описание жизни русских казаков на Тереке, их мирных занятий, нарушаемых нападениями чеченцев и ответными вылазками против них. Великий писатель противо-

поставлял жизнь казаков нравам испорченного светского общества, заставил читателя ощутить всю ненужность и трагические последствия столкновений между казаками и чеченцами. В повести «Хаджи Мурат» Толстой раскрыл сложную судьбу одного из отошедших от Шамиля его соратников, показал некоторые черты имамата Шамиля в ту пору, когда уже угасали освободительные потенции горского движения. Николая I великий писатель изобразил безжалостным и распутным деспотом, творившим зло руками равнодушных и лицемерных сановников.

Известно, что сопротивление горцев политике царизма вызывало горячие симпатии великого украинского революционного поэта-демократа Т. Г. Шевченко. Большое внимание кавказским событиям уделял Н. А. Добролюбов. В статье «О значении наших подвигов на Кавказе» («Современник», 1859) он впервые в русской публицистике дал глубокое освещение причин и характера движения горцев на Северном Кавказе.

Образы Кавказа внесли новые мотивы в русскую живопись. Замечательными творениями являются полные поэзии рисунки и картины поэта М. Ю. Лермонтова, полотна художников П. З. Захарова-Чеченца, Г. Г. Гагарина, Ф. А. Рубо, Е. А. Лансере, В. В. Верещагина, созданные уже во второй половине XIX в. Музыкальные мелодии и пляски Кавказа обогатили русскую оперу и балет, о чем говорят произведения М. И. Глинки, Н. Г. Рубинштейна, М. А. Балакирева, Ц. А. Кюи и других композиторов. Место Кавказа и горских его народов в культуре России велико. Оно еще далеко не полностью раскрыто в исторических трудах и должно стать предметом специальных исследований.

Обогатившись кавказскими влияниями, русская культура, со своей стороны, оказывала все более сильное воздействие на культуру горских народов Кавказа. С вовлечением народов Северного Кавказа в экономическую, политическую и культурную жизнь России видоизменялась и их богатая самобытная культура. Процесс этот был медленным, но уже в дореформенный период XIX в. привел к заметным результатам, в которых также надо объективно различать как передовые, так и отрицательные явления.

2. Материальная и духовная культура горских народов Северного Кавказа

События первой половины XIX в. привели к значительным изменениям в социально-экономической и культурной жизни народов Северного Кавказа. Окончательное включение Северного Кавказа в состав России ограничило межфеодальные распри, содействовало расширению контактов и взаимного культурного обмена между горскими народами и русским населением Северного Кавказа.

Наряду с ранее существовавшими городами (Дербент, Кизляр, Моздок и др.) исключительно важное значение в развитии этнокультурных связей имело основание новых городов (Владикавказ, Петровск, Темир-Хан-Шура и др.), ставших крупными административными и экономическими центрами.

Усилению обмена и заимствованию в области материальной и духовной культуры между русским и горскими народами способствовали также русские станицы и укрепления, села и хутора, тем более что в это время происходило важное событие в жизни горцев (осетин, чеченцев, ингушей) — массовое переселение их с гор на равнину и наделение их там землей.

Поселения и жилище. В первой половине XIX в. в поселениях народов Кавказа произошли заметные изменения. В связи с переселением на равнину появились новые типы поселений, большие по размерам, с правильной планировкой улиц, напоминающие соседние казачьи станицы. Но в отличие от казаков горцы и в этих селениях старались придерживаться принципа поселения по родовым кварталам.

Вместе с тем сохранялся и хуторской тип поселений — небольшие поселки по шесть-семь дворов. Хуторские поселения часто были однофамильными, состоявшими из родственников. Такой тип встречался и на Восточном и на Западном Кавказе, в Закубанье и на Черноморском побережье, где порой поселения состояли из одного-двух дворов, расположенных вдоль горных речек на значительном расстоянии друг от друга. В лесистых предгорьях также сохранялся хуторской тип поселения, что было связано с использованием лесных полян.

В первой половине XIX в. усилилась подвижность населения, чаще стали наблюдаться переселения целых селений, возникло много новых аулов. Изменялся и тип жилища. Усадьбы на новых местах, особенно на равнине, стали просторнее. В горах по-прежнему преобладал традиционный тип, но и там перестали возводить жилые боевые башни, малоудобные для жизни, а стали строить обычные горские дома, стены которых в зависимости от наличия строительных материалов складывали из камня, бревен или делали из плетня.

Одновременно шел интенсивный процесс замены однокамерных жилищ большой патриархальной семьи многокамерными. Для новой семьи брата или сына надстраивали второй этаж или к дому пристраивали дополнительные жилые помещения. В других случаях большой однокамерный дом делился на две-три комнаты со своими очагами. К середине XIX в. наибольшее распространение в горной зоне региона имели двухэтажные, двух- и трехкамерные жилища с плоской крышей, а в ряде районов Дагестана, Чечни и Ингушетии и Осетии сооружались многоэтажные постройки в виде домов-крепостей, в Карачае же преобладали срубные дома. В то же время здесь перестали строить крытые арбазы, состоящие из жилых и хозяйственных построек, расположенных вокруг обширного двора и объединенных одной общей крышей.

Заметные изменения в жилище произошли в равнинной зоне Северного Кавказа, что объясняется влиянием городов и русской строительной техники. У богатых горцев появился квадратный деревянный дом с несколькими смежными комнатами со световыми выходами в сени. Тогда же большое распространение здесь получил длинный прямоугольный дом, появление которого было вызвано разрастанием семьи; в нем каждая брачная пара имела свою комнату с отдельным входом. Наряду с этим в степных районах региона бытовало еще двухкамерное турлучное жилье, отвечавшее местным климатическим условиям, а у адыгов — круглое плетеное однокамерное жилье, постепенно заменявшееся указанным прямоугольным домом. Для женатых сыновей адыги строили отдельные однокамерные жилища на территории общей усадьбы.

Значительным событием в быту горцев Северного Кавказа была замена очага, в частности в Дагестане, пристенным камином, а в ряде случаев — у жителей равнинных районов — голландской или русской печью. Тем не менее очаг широко бытовал еще повсюду, прежде всего у народов Центрального и Северо-Западного Кавказа.

Большое влияние на жилище горцев оказала русская домостроительная культура. Еще в XVIII в. горцы, жившие на равнине, строили дома русского типа с прихожей, коридором, сенцами, печкой и т. п. В первой

половине XIX в. эта традиция получила дальнейшее распространение. Более того, дома строились с застекленными окнами, повсюду в горах и на равнине дверные или оконные проемы стали просторнее: появилась дверная коробка, к которой двери прикреплялись с помощью петель, земляные полы заменялись деревянными и т. д.

Изменялась обстановка и внутреннее убранство жилья у имущих горцев за счет притока покупных предметов (стулья, столы, шкафы, сундуки и т. д.) фабричного изготовления. Увеличивалось количество привозной домашней утвари, посуда железная, медная, стеклянная и фаянсовая проникала в самые отдаленные горные районы.

Одежда. Некоторые изменения в описываемое время произошли и в одежде, главным образом на равнине Северного Кавказа, где наибольшее распространение имели различные привозные фабричные ткани и готовая одежда фабричного покроя, доступные, правда, только зажиточной части населения. Однако в горах одежда изготовлялась по-прежнему в домашних условиях. Производившиеся всеми горцами сукна отличались настолько высоким качеством, что некоторые народы (осетины, чеченцы) шили из них не только верхнюю одежду, но и нижнее белье.

Из овечьих шкур изготовляли различные шубы, тулупы, папахи, штаны, телогрейки и т. д., отличавшиеся по своему покрою некоторыми локальными особенностями (в Дагестане, например, тулупы изготовлялись исключительно с ложными рукавами). Дальнейшее развитие у народов Северного Кавказа получило и бурочное производство. В то время приобрели товарное значение славившиеся высоким качеством дагестанские, чеченские и кабардинские бурки. Необходимой принадлежностью верхней мужской одежды был суконный башлык; у осетин сукно делалось для башлыка исключительно из козьего пуха, а у некоторых жителей равнинной зоны — из верблюжьей шерсти. Наиболее распространенным видом обуви оставалась повсюду обувь из сыромятной кожи различного покроя, надевавшаяся с суконными или войлочными ноговицами. Все больше стала входить в быт состоятельных горцев самодельная сафьяновая обувь (чувяки, ноговицы, сапоги), а также покупная обувь кустарного или фабричного производства, в частности появившиеся в это время сапоги с длинными голенищами на высоких каблуках.

В целом одежда у народов Северного Кавказа характеризовалась и в рассматриваемое время наряду с этническими и локальными особенностями многими общими чертами.

В это время сформировался общий мужской костюм у народов Северного Кавказа, состоящий из бешмета, черкески, бурки, башлыка и папахи. Черкески с нагрудными патронташами (газырями) для боевых зарядов относятся в основном к началу XIX в. К середине этого столетия черкеска, украшенная костяными или позолоченными газырями — по 8—15 штук по обеим сторонам груди, становится исключительно парадной одеждой. Многие крестьяне по бедности не имели черкески, как и ряда других элементов описываемого костюма.

Расширение торговых связей, развитие местных кустарных промыслов по обработке металлов привели к значительному распространению среди горцев различных видов огнестрельного и холодного оружия (кавказские кинжалы и сабли были неотъемлемой частью мужского костюма).

Женская одежда у народов Северного Кавказа выделялась более яркими национальными чертами и локальными особенностями, чем мужская. В то же время она почти не отличалась по своему покрою

Рис. 1а. Адыги в традиционной национальной одежде. Аул Понежукай
Фотография начала XX в.

от последней. Длинное женское платье с открытым по груди прямым разрезом шилось по покрою черкески, а стеганая на вате куртка была одного покроя с бешметом. Много сходства было в обуви, головных уборах и в других элементах женской и мужской одежды. Однако женская одежда в отличие от мужской большей частью шилась из фабричных тканей (холста, бязи, ситца, шелка, бархата).

Близкое общение между народами Северного Кавказа приводило к заимствованию отдельных элементов и видов одежды у соседних народов и, таким образом, способствовало созданию общих форм женского костюма.

Обувь женщин народов Северного Кавказа была в основном местного изготовления: чувяки из сафьяна, сукна и сыромятной кожи. Значитель-

ное распространение, в частности, в Дагестане имели покупные башмаки, проникшие сюда в начале XIX в. из Ирана и Турции. Башмаки делались на каблуках с острым, и иногда с чрезмерно загнутым вверх носком. Сохранилось различие в женских головных уборах и в верхней теплой одежде. Женские шубы с рукавами и без них, широко распространенные в Дагестане, не встречались в других местах Северного Кавказа.

Пища. Пища как наиболее устойчивый элемент в материальной культуре осталась почти без изменения у народов Северного Кавказа и в первой половине XIX в. Правда, в этот период в результате некоторого развития в ряде мест огородничества, появления посадок овощей и бахчевых культур она стала там более разнообразна. Пища горцев включала в себя большое количество мучных, мясных, молочных и других блюд. Разнообразной была и пища из яиц, меда, тыквы, фасоли, ореха. Каждый народ или этническая группа имели уже в это время свои национальные блюда и напитки: народы Дагестана — хинкал (пельмени с мясом), адыгские народы — махсимо (буза), осетины, балкарцы, карачаевцы — пироги с начинкой из сыра и мяса, пиво и т. д. Большим разнообразием отличалась кухня западных адыгов. Особенно обильна и разнообразна была пища, предназначавшаяся для свадебного стола, пиршества в честь рождения сына-первенца или приезда гостей. В целом же пища основной массы крестьян, особенно в горной зоне региона, была скудной и однообразной.

Искусство. Первая половина XIX в. характеризуется у народов Северного Кавказа дальнейшим развитием некоторых видов прикладного искусства: в Дагестане — ювелирного, оружейного, гончарного производства и ковроткачества, в Центральном и Северо-Западном Кавказе — обработки металла, дерева, камня, кости, суконного, бурочного и войлочного производства, а в ряде мест — золотошвейного искусства. Уже в этот период особое развитие получило искусство кубачинских, лакских и аварских ювелиров и оружейников, лезгинских ковроделов, андийских, чеченских, кабардинских мастеров бурочного производства, осетинских и табасаранских резчиков по дереву и т. п. Одновременно с этим развивалось песенно-музыкальное и хореографическое искусство горцев.

Музыка и хореография северокавказских народов многообразны и тематически обширны. Множество схожих элементов в искусстве различных горских народов, в том числе в музыке и танцах. Основные их формы зародились в глубокой древности и были непосредственно связаны с трудовой деятельностью человека, с его житейской и ритуально-обрядовой практикой.

Наиболее древний пласт горского народного песенно-музыкального и хореографического искусства представлен в весьма разнообразных видах трудовых и заклинательных песен мифологического содержания, в ритуальных танцах — обращениях к различным божествам и покровителям языческого пантеона.

К ним следует отнести прежде всего такие песни и танцы, которые исполнялись коллективно и приурочивались к определенным видам культовых церемоний, календарных празднеств и тризн. Например, «Песня об Афсати» (покровителе зверей и охоты) исполнялась осетинами, карачаевцами и балкарцами перед отправлением на охоту. У адыгских народов была его ипостась — Мазитха (божество лесов, зверей и охоты),

в честь которого возносилась специальная песня. У чеченцев и ингушей это божество известно под названием Елта.

Мифологическое происхождение имеют и древнегорские песни-речитативы, посвященные богу молнии и грома — адыгскому Шебле-Илия, осетинскому Уацилла, чечено-ингушскому Села, богам и богиням плодородия: карачаево-балкарскому Дауге, адыгскому Тхагаледжу, чеченской богине Туполи и др. Немало было аграрных и календарных обрядовых церемоний и празднеств у северокавказских народов, в которых песни и танцы, инструментальные наигрыши и здравницы занимают одно из важнейших мест во всем комплексе их организации и проведения.

Почти у всех народов Северного Кавказа вплоть до начала XX в. широко был распространен обряд «вызывания дождя». Он устраивался в годы засухи и проводился с незначительными отклонениями как у языческих, так и уже исламизированных народов. У кумыков этот обряд называется «земире», его прототипом у лакцев, по-видимому, являлся «гиргичу», а у адыгских народов он известен под названием «ханце-гуаша» («княгиня-лопата»), у ингушей «муста гулурга», у чеченцев «каршкули» и т. д.

Обряды сопровождались одновременно пением, музыкой и танцами. Их основа — хороводная форма. Некоторые хороводные номера исполнялись отдельно мужчинами (например, охотничьи), а другие только женщинами (как лакский «сана»), но большинство обрядовых представлений (адыгский «тхашко удж», карачаево-балкарский «эллия», чечено-ингушский «мяцела», дагестанские празднества «наступления лета», «первой борозды» и т. д. проводились сообща — и женщинами и мужчинами.

Культовые и календарные обряды имеют опосредствованную связь с трудовой практикой. У всех народов Северного Кавказа их репертуар весьма богат и разнообразен. Имеются лишь незначительные отличия песен, музыки и танца между земледельческими и скотоводческими формами труда, притом это отличие выражается главным образом в тематическом плане, а не в формах их бытования. У земледельцев более широко отмечаются празднества, связанные в общем и целом с растительным миром: день весеннего равноденствия, первый выход плугарей в поле, окончание сева, созревание колосьев, уборка, молотьба и т. д. У животноводов же отмечаются выпуск в отару барана-производителя (кочкар), стрижка скота, прядение шерсти, сбивание масла, выборка сыра, выделка войлока, бурок и т. д. У каждого народа эти циклы работ освещались специальными обрядовыми установлениями, торжественность которых подчеркивалась песнями, музыкой и танцами. При этом следует отметить, что трудовые песни отражают прежде всего утилитарные цели, имеющие непосредственное отношение к практической стороне жизни людей. В них ритм играет главную роль, тогда как мелодия и тексты не имеют столь существенного значения; они интересны и цельны своей непосредственной связью коллектива или отдельного человека с определенным комплексом производства.

Горцы обладают и инструментальными наигрышами, связанными с различного рода занятиями, вроде наигрышей — «выгон отары», «джигитовка на коне» и т. д.

Характерной особенностью этих видов горского песенного творчества является то, что в нем почти не затрагивается сам процесс труда. Песни подобного жанра отличаются не показом (текстовым рассказом) механики самого производства, а воспеванием нередко посторонних предметов, инстинктивной идеализацией сопричастных предметов и явлений. В ку-

мыкской песне «погонщика волов» отражена тяжелая доля бедняков:

Всяк бедняк на нас похож,
Эй, айда!
День попашешь – раз поешь,
Айда, вога-харш [9].

Особенно широкого размаха достигали песни и танцы на свадьбах, всенародных празднествах по различным поводам (окончание войны, изгнание противника из пределов страны, окончание чумы, холеры, падежа скота и т. д.), в посвятительных торжествах — в честь рождения сына, возвращения его в отчий дом и т. п. Тогда устраивались народные карнавалы, скачки, ногайские качели, всевозможные состязания по борьбе, по стрельбе, поднятию тяжестей, бросанию кампей, лазанию вверх по обмазанному жиром обтесанному столбу и т. д.

На эти торжества приглашались профессиональные музыканты, певцы, канатоходцы, акробаты, ряженые, шуты, зазывалы, а также борцы и поэты. Между всеми ними устраивались также состязания с вручением наград победителю.

У северокавказских горцев особым уважением пользовались нартские и героические песни. Они распевались повсюду — и на всенародных празднествах, и на малых семейных вечеринках. Это прежде всего — осетинская героическая песня о Чермене, кабардинская — об Айдемиркане, карачаево-балкарская — об Умаре и Кара Мусе, ногайская — об Айсыл улы Амете, чечено-ингушская песня о знаменитом наезднике Бейбулате Таймиеве, аварская — «Сражение с Надир-шахом», лакская — «Песня о герое Муртазали»; кумыцкая — «Айгази», адыгская — «Хатхова сын Касса» и др. Почти все народы Северного Кавказа создали героические песни о Шамиле.

Историко-героические песни исполнялись только мужчинами, иногда с инструментальным сопровождением, но чаще всего без него, и обязательно с хоровым подпевом солисту. В этом смысле манера исполнения горских песен одинакова почти у всех северокавказских народов. Певец-солист начинал основную мелодию на высоком регистре, а подпевающие на низких нотах вторили ему, создавая как бы общий фон мелодии. Во многих горских песнях речитативный прием пения был излюбленным.

В жанровом отношении музыкальный и песенный фольклор горцев Северного Кавказа весьма разнообразен. Кроме большого обрядово-ритуального цикла, историко-героических песен и баллад, все племена и народы обладают значительным количеством своеобразных лирических, шуточных, застольных, колыбельных песен, танцевальных напевов. Горскому фольклору известны и частушкообразные, и диалогические (преимущественно сатирические) песни, исполняемые в дуэтной или сольной форме девушками и юношами.

Самое широкое распространение имели «плачи» о погибших героях. В общественных местах, на народных празднествах и торжествах, а также при свадебных шествиях женщины обыкновенно не принимали участие в песнопениях, лишь иногда эта традиция, установленная обычаями, нарушалась. Однако всегда женщины, особенно девушки, пользовались этого права; в частности, адыгские девушки на обрядовом вечере «кепш» пели, а кумыкские лирико-любовные «сарыны» исполнялись как мужчинами, так и женщинами.

Много общего и в хореографии горцев. Танцы — один из самых излюбленных видов искусства горцев. Более того, северокавказское танцевальное искусство выработало общий для всех рисунок танца — лезгин-

ки, получивший самое широкое распространение. Кроме бесчисленного количества разновидностей этого вида танца у всех народов Северного Кавказа, каждый из них, в свою очередь, имеет и свои национальные танцы. Например, лакцы и лезгины увлекаются медленными и плавными танцами, в которых движения рук и всего тела создают общую гармонию грациозности. В их танцах и музыке заметны влияния азербайджанской музыкальной культуры.

Много общего у народов Северного Кавказа было и в их музыкальных инструментах, о которых уже говорилось. По сравнению с предыдущим периодом инструменты не претерпели существенных изменений. Следует лишь отметить, что такой древний музыкальный инструмент, как многострунная арфа, имел весьма ограниченное распространение и был известен лишь осетинам и лишь отчасти балкарцам и кабардинцам.

3. Семейный и общественный быт

Семейная община и патронимия. Характерной особенностью семейного и общественного быта народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. являлось сохранение в нем архаических черт — обычаев, институтов, уходящих своими корнями в патриархально-родовой строй и даже в матриархат. Низкий уровень производительных сил, полунатуральный характер хозяйства, устойчивость традиций патриархального быта способствовали сохранению в значительной степени наряду с малой семьей семейных общин. Степень бытования последних была не везде одинакова, это зависело от конкретных социально-экономических условий жизни народов, особенностей хозяйственного быта и других факторов. Судя по данным исследователей последующих периодов, в высокогорных и горных районах региона, где было развито террасное земледелие и отгонная система содержания скота, требовавшие большого числа рабочих рук, семейная община являлась наиболее распространенной формой семьи. Однако в связи с интенсивным процессом переселения части горцев на равнину большие семьи стали дробиться.

Большая семья, известная у разных народов под разными наименованиями, объединяла до пяти и более поколений ближайших родственников, преимущественно по прямой нисходящей линии (родители, их женатые сыновья, внуки и т. д.). Численность ее достигала, особенно у осетин и адыгских народов, 40—60, а иногда 100 и более человек [10]. В ряде случаев в больших семьях, особенно феодальных, проживали и рабы, являвшиеся собственностью владельцев.

В силу преобладания натурального хозяйства большая семья должна была сама обслуживать себя. Поэтому на долю женщин, кроме работы в поле, приготовления пищи, воспитания детей, падало еще много обязанностей по обработке сырья (шерсти, хлопка, конопли, кожи, молочных продуктов), изготовлению одежды и т. д. Женскую половину семьи возглавляла «старшая» женщина, обычно жена главы семейной общины.

Естественный рост числа членов семьи приводил к сегментации семейной общины. Выделившиеся семьи либо вырастали в новые большие семьи, либо сохраняли структуру малой семьи. Выделившиеся семьи по мере возможности селились рядом, поблизости от отцовской семьи.

Малая семья, которая в это время уже являлась господствующей формой, состояла, как правило, из супругов и их детей. Нередко с сыновьями жили старики, реже — младшие братья и сестры. По мере женитьбы сыновей родители выделяли их в самостоятельные хозяйственные едини-

цы. Однако обычно такое выделение происходило по истечению некоторого времени, необходимого для создания материальной основы будущего домохозяйства. И в малой семье господствовали патриархальные порядки — полное повиновение женщин мужчинам, младших — старшим, традиционное разделение труда. Ведущие отрасли хозяйства семьи по-прежнему находились в руках мужчин, а домашнее хозяйство — женщин.

И тем не менее положение женщины в малой семье претерпевает определенные изменения. Женщина, с одной стороны, освобождается от ряда обязанностей, выполняемых ею в большой семье, и от власти «старшей» женщины дома, т. е. становится сравнительно самостоятельной. С другой стороны, она в малой семье была более нагружена, выполняла в пределах своего дома все женские работы, которые в большой семье распределялись между всеми женщинами.

В общем производственном труде важную роль играли мужчины, что усиливало их господствующее положение в семье и обществе, их авторитет и общественный вес. Поведение женщины строго регламентировалось адатом и шариатом, которые ставили ее в зависимое положение в семье и обществе.

Особенно тяжелым было положение молодой женщины. Кроме многочисленных обязанностей по дому, она должна была строго соблюдать систему запретов (избеганий), которые подчеркивали ее неравенство и зависимое положение. Женщина фактически не имела права ни на какое самостоятельное решение, ни на развод, который считался привилегией мужчины. Муж мог оставить жену в любое время, взять новую или иметь (у мусульман) одновременно 2—3 жены.

У ряда народов Дагестана, чеченцев, адыгов и других, женщина не должна была присутствовать в помещении, где принимали гостей и посторонних мужчин. Даже еду для гостей она передавала для них через мужа или сына.

Браки молодежи заключались по воле родителей. В Дагестане, как и в предыдущие столетия, предпочитали так называемые кузенные браки (в пределах родственной группы), у других народов Северного Кавказа существовала строгая экзогамия. Браки запрещались между однофамильцами, между молочными родственниками; у горцев имелись и сословные брачные ограничения. Из трех форм поселения супругов — у матери (матрилокальная), в новом месте (дислокальная) и у отца (патрилокальная) — преобладала последняя. Полигамия была распространена в основном среди господствующей верхушки. Брачным возрастом считался возраст 15 лет, однако практиковалась выдача замуж девушек и 13—14 лет, а также помолвка детей в раннем возрасте.

Одним из способов заключения брака было похищение, осуществлявшееся как насильственным путем, так и с согласия самой девушки. К нему прибегали в случаях отказа со стороны девушки, слишком большой суммы платы за невесту или просто исполняя древний традиционный обряд. Этот вид заключения брака широко практиковался у осетин, кабардинцев, кумыков, ногайцев и др. Величина калыма зависела преимущественно от сословной принадлежности и экономического положения сторон. Выкуп за невесту платили натурой, иногда деньгами. В его состав включались лошадь, рогатый скот, оружие, ценные вещи, крепостные крестьяне. Кумыкские князья, например, в 1848 г. платили калым в размере 720 руб. сер.[11] У горцев-мусульман калым делился на две части: одну платили родителям невесты, а другая служила прочной гарантией обеспечения жены на случай развода с мужем.

Свадьба отмечалась весьма торжественно, с участием всех родственников, со строгим соблюдением обрядов, могущих, по представлению народа, оказать магическое действие на исход дела, на создание крепкой, многодетной, счастливой семьи. Центральным актом свадебного торжества был переход невесты в дом жениха в сопровождении большой свиты с факелом (в Дагестане), с пальбой из ружей, с песнями под звуки музыкальных инструментов у некоторых других народов (осетин, балкарцев, карачаевцев, ингушей и др.). Невесту вводили в «большой дом» и приобщали к домашнему очагу. Свадьба всегда сопровождалась танцами, шуточными играми, маскарадными представлениями, конными скачками.

Рождение ребенка (особенно сына) являлось значительным событием в семейной жизни горцев, ставило роженицу в равные права с другими женщинами, обеспечивало прочность ее положения в семье. Исключительно большое значение придавалось воспитанию детей на лучших традициях народа, горского этикета. Детям прививались трудовые, культурные, нравственные и эстетические навыки, в них воспитывались храбрость, мужество, честность, справедливость, гуманность, уважение к старшим.

В семейной обрядности горцев важное место занимали похороны, совершавшиеся (за исключением осетин-христиан) по мусульманскому обряду. Однако в них, как и в поминальных обрядах, сохранилось немало пережитков домусульманских верований. Весьма глубокой архаикой полны похоронные обряды осетин, многие обряды (посвящение коня покойнику, обрезание косы у вдовы, оплакивание и др.) уходят корнями в скифскую эпоху.

Общественный быт. Несмотря на различия в уровне социально-экономического развития, общественная жизнь народов Северного Кавказа в основных чертах была единой.

Низовой территориальной организацией, как мы знаем, повсеместно выступала сельская община, регулировавшая всю производственную и общественно-политическую жизнь общества. По особо важным вопросам общественной жизни созывались общие собрания всех совершеннолетних мужчин сельской общины (кроме рабов). На этих же сходах выбирались главы сельских общин из числа богатых и сильных фамилий. Последние, входя в состав сельской общины, играли важную роль в общественной жизни горцев.

Роль патронимий, как и других крупных родственных коллективов, была в рассматриваемое время столь значительна, что органы сельского правления нередко создавались по принципу представительства от последних. При этом в Дагестане, например, отдельные тухумы стали пользоваться особыми правами — занимали главенствующее положение во внутреннем управлении.

Традиционный общественный быт села регулировался адатом с обычным правом и шариатом, появление которого относится во многих районах региона к более позднему периоду. Поэтому из двух видов права господствующим являлся у всех горцев адат. Даже в Дагестане более широкий круг вопросов (уголовные и гражданские дела) решался на основе адата. Обычное право (адат) регулировало общественную и семейную жизнь горцев, определяло виды и нормы феодальной эксплуатации, взаимоотношения сословий, права и привилегии феодалов, обязанности и повинности их вассалов, семейные отношения, нормы поведения и т. д. В адате нашли отражение характер и особенности общественного строя

горцев, многоукладность их общества. Наряду с обычным правом и шариатом горцы начинали признавать и российское законодательство, оказавшее существенное влияние на многие стороны их древнего права, в частности уголовного. Оно острием своим было направлено против ряда пережитков родового быта, прежде всего кровной мести, имевшей еще широкое распространение среди горцев. Мстили и подлежали мести в первую очередь члены патронимии — ближайшие родственники по отцу, хотя кровниками считались все члены рода (тухума, фамилии, тайпы). Поводом для кровной мести служили убийство, захват чужой земли, оскорбление религиозной святыни (очага, надочажной цепи), гостя, чести, дома, похищение девушки и т. д.

Кровная вражда прекращалась обычно с примирением сторон, совершавшимся по определенному обычаю, который был одинаков для всех, хотя и имел некоторые локальные особенности.

Аталычество. В первой половине XIX в., как и в предыдущее время, преимущественно в феодальной среде адыгов, осетин, балкарцев, карачаевцев и кумыков сохранилось аталычество (передача детей для воспитания в другие семьи). У кумыков феодалы отдавали детей на воспитание первостепенным узденям. В свою очередь, эти уздени определяли своих детей в семьи простых узденей, но только имевших высокий престиж. У адыгов князья отдавали детей на воспитание своим вассалам. Широко практиковалась среди всех горских феодалов отдача детей на воспитание в семьи других народов. Осетинские феодалы отдавали детей кабардинским, последние — кумыкским и наоборот. Ребенка отдавали с малых лет, иногда даже через несколько месяцев после рождения. Срок пребывания его в доме аталыка (т. е. лица, принявшего ребенка для воспитания) определялся для мальчика — 8—13 годами (иногда до 17—18 лет), а для девочки — до 12—13 лет. Аталык учил своего питомца всему, что должен был знать каждый молодой князь или дворянин: правилам поведения, верховой езде, стрельбе, физическим упражнениям, хозяйственным и другим навыкам. Воспитание девочки входило в обязанность жены аталыка; она учила ее рукоделию, различным женским работам и обязанностям будущей хозяйки, тонкостям этикета. При завершении срока воспитания аталык дарил воспитаннику парадную одежду, коня, вооружение и торжественно в присутствии родственников возвращал его в родной дом. С той же торжественностью возвращали и девушку. Семья воспитанника устраивала по этому случаю большие торжества, преподносила аталыку и его семье дорогие подарки (оружие, коня, скот, земельный участок, иногда рабов, крепостных крестьян).

Однако в рассматриваемое время институт аталычества сильно изменился. Срок воспитания стал сокращаться нередко до 3—7 лет. Церемония возвращения воспитанника домой стала изменяться, принимать более простые формы и т. д. Аталычество как одна из форм искусственного родства способствовало укреплению связей феодалов с влиятельной частью общества и использовалось как средство влияния на массы, упрочения социальной опоры.

Гостеприимство и куначество. Гостеприимство оставалось на Северном Кавказе наиболее устойчивым и распространенным обычаем. Правда, с ростом городов и развитием товарно-денежных отношений оно стало терять у горцев, живших недалеко от торговых центров и больших магистральных проезжих дорог, некоторые свои черты. В целом же веками

сложившиеся традиции гостеприимства строго соблюдались всеми и нарушение их осуждалось общественным мнением. Гость пользовался всеобщим признанием и уважением.

Почти в каждом обществе в горах Осетии, Балкарии, Ингушетии и т. д. кто-то особенно славился своим гостеприимством; дом такого горца всегда был открыт для приема незнакомого путника. В целом ряде горных сельских обществ Дагестана устанавливалась определенная очередность приема гостей, впервые попавших в аул по разным хозяйственным и другим делам.

Характерной чертой адыгского гостеприимства было наличие кунацкой — отдельного домика, имевшегося у наиболее состоятельных. Он был открыт для любого путника, искавшего приюта. Обычно же для приема гостей служила богато убранная комната в общем доме. Этнические и локальные особенности ярко проявлялись в ритуале приема и угощения гостя. В то же время имелось немало общих черт, в частности стремление создать уют и возможные удобства для гостя, обеспечение его безопасности в период пребывания в гостях.

В связи с расширением межэтнических контактов, а также близкого общения с русским населением, значительное развитие получило и куначество. В отличие от гостя, воспользовавшегося гостеприимством хозяина однажды, периодически или случайно, кунаки постоянно находились в дружеских отношениях с хозяином. Куначество завязывалось между гостем и хозяином, если они желали, при первых же их встречах. Для этого они давали друг другу клятву быть друзьями, верными, как родные братья, обменивались подарками, а также выпивали молоко (или вино) из одной чаши, в которую в знак постоянной и «нержавеющей» дружбы бросали золотые или серебряные монеты. Кунаков отныне связывала и взаимопомощь, и участие в важнейших делах друг друга. В Дагестане в ряде случаев кунак заменял детям умерших родителей или поддерживал их хозяйство, пока они не вставали на ноги.

Сложившаяся на Северном Кавказе обстановка значительно усилила распространение куначества как между горцами, так и между горцами и русскими. Л. Н. Толстой восторженно писал о миролюбии, честности и преданности в дружбе, свойственных кавказскому куначеству. О своем кунаке-чеченце он сообщал: «Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям ради меня, у них это считается за ничто — это стало привычкой и удовольствием...» [12]

Куначество обязательства распространялись и на случайных попутчиков. Здесь в случае надобности сильный должен был заступиться за слабого, а все попутчики — помочь друг другу.

Дальнейшее развитие получил и обычай патроната, имевший распространение в основном среди адыгских народов. Лица, связанные обычаем патроната, считались кунаками. Но между ними уже не существовало дружеских связей, равноправия, которые были свойственны обычному куначеству. Теперь кунак, находившийся под покровительством феодала, становился его вассалом. Патрон-покровитель, оказывал ему материальную помощь, защищал от произвола и самовластия других феодалов. Но зато покровительствуемый должен был выполнять свои вассальные обязанности [13].

Как и ранее, куначество и гостеприимство играли в жизни народов Северного Кавказа важную роль. Благодаря этим институтам развивались экономические, культурные и брачные связи, взаимно обогащались культура и быт горцев и народов всего Кавказа.

Определенную социальную значимость имели и такие общественные институты, как побратимство, усыновление. Дагестанцы, например, имели много побратимов среди осетин, ногайцев, чеченцев, ингушей и др., и, наоборот, каждый из последних имел побратимов среди этих и других народов Северного Кавказа. Через побратимов, как и через другие формы искусственного родства, горцы были связаны и с русским населением края. Об этом сохранилось много семейных преданий, рассказов, песен и т. д.

Большую роль в семейной и общественной жизни горцев играли древние верования и обряды, сохранившиеся у них в разной степени, в зависимости от того, насколько глубоко упрочилось в их быту мусульманство или христианство. Последнее имело распространение только у осетин. Даже в Дагестане утвердившийся ислам не мог окончательно вытеснить языческие верования. Особое место среди последних занимало у всех горцев поклонение небесным светилам, солнцу, горам, камням, рекам, деревьям, культы огня, железа, а также культ предков. «Главное место в ряде богов у лаков,— писал С. И. Габиев,— занимало солнце, которое воображали они себе в виде прекрасного юноши, озаряющего и согревающего весьма дивный мир»[14]. Древние языческие верования горцев выражались и в обрядах вызывания и прекращения дождя, молениях с жертвоприношением животных об избавлении полей от засухи и градобития, в ряде других древних религиозно-магических действий, связанных с первой пахотой, началом и концом уборки урожая и многими другими явлениями хозяйственной и семейно-бытовой жизни горских народов. Пережитки домусульманских и дохристианских верований горцев прослеживаются и во многих их погребальных и поминальных обрядах. И все же в рассматриваемое время из всех народов Северного Кавказа языческие верования, древние культы в наибольшей степени сохранились у осетин и ингушей, что объясняется более поздним и относительно слабым распространением у них ислама. В целом же народные обряды, уходящие корнями в глубокую древность и связанные с земледелием и скотоводством и другими важнейшими сторонами жизни горцев, веками видоизменялись и испытывали на себе значительное влияние у мусульманской и христианской религий.

Общественные игры. Большое распространение имели у горцев общественные игры, порожденные определенными условиями социально-экономической жизни и отразившие различные социальные отношения. Отличаясь многими сходными чертами, общественные игры в то же время характеризовались значительными этническими и локальными особенностями. Так, одной из наиболее популярных игр у адыгов считалась «диор». Разделившись на две партии, мужчины аула под горящим факелом с криком «диор!» нападали друг на друга. Победителем считалась та партия, которая захватывала больше пленных[15]. У кабардинцев, когда аталык возвращал своего воспитанника в его родительский дом, аульная молодежь, вооружившись длинными жердями, выходила навстречу гостям и преграждала им путь. Завязывался «бой», который заканчивался победой одной из сторон.

У осетин популярной игрой считалась «джирите», которая заключалась в следующем: всадник на полном скаку должен был дротиком попасть в подвешенный шар и быстро ускакать от пораженного «противника»-мишени.

В Дагестане славилась игра «борьба за платок», которая проводилась на свадьбе. Родственники невесты вручали дружкам жениха платок, ко-

торый они должны были доставить в дом последнего. Но джигиты из селения невесты стремились отобрать его у них, между ними завязывалась борьба. Считалось позором не привезти платок в дом жениха.

Распространены были среди горцев конно-спортивные игры. У чеченцев она устраивалась во время праздника «марх». Барана спускали в яму и закрывали ее плетнем, по краям которого клали большие камни. Из отверстия этого плетня выглядывала голова барана, и всадник на полном скаку должен был вытащить его из ямы. Игра требовала большой силы и ловкости.

Особое внимание горцы уделяли военно-физической подготовке подрастающего поколения, что было весьма необходимо для обеспечения безопасности и сохранения независимости. С малых лет они обучали своих детей военному делу: владению оружием, верховой езде, джигитовке, стрельбе в цель, а также перенесению всех трудностей и лишений, с которыми можно было столкнуться в любой обстановке. У горцев существовали следующие виды народного спорта: бег, прыжки, фехтование, метание и поднимание камней, стрельба из лука и пращи, из ружья и пистолета, метание копья, дротиков, умение владеть мечом, кинжалом, секирой, булавой, арканом, обычная борьба и борьба-поединок, канатохождение, акробатика, катание на горных лыжах, ходьба на ходулях, джигитовка и скачки, плавание и переправа вплавь с конем, гребля, преодоление горных круч, народный туризм и альпинизм.

Особенно большой популярностью пользовались скачки и джигитовка на народных праздниках, на больших семейных торжествах, на поминках.

4. Фольклор. Язык. Литература

Фольклор. В фольклоре народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. наряду со старыми традиционными мотивами появились новые темы, отражавшие усиление феодального гнета и борьбу крестьян против этого гнета, сочетавшуюся с антиколонизаторской борьбой народов.

По-прежнему популярен был нартский эпос, который в первой половине XIX в. стал объектом записи и изучения. Ю. Клапрот описал его осетинский вариант, Хан-Гирей — адыгский [16]. Тогда же стало известно о существовании нартских сказаний у чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев. Позднее нартский эпос был открыт и у абхазов, а бытование некоторых его сюжетов обнаружено у сванов и ряда народов Дагестана.

Проведенные дореволюционными русскими и советскими авторами исследования доказывают наличие трех центров формирования эпоса: осетинский, адыгский и абхазский. Количество изданных сводных текстов свидетельствует о наиболее широком распространении нартских сказаний среди осетин и адыгов.

Горцев привлекал в нартском эпосе его рыцарский дух. Честность, отважность, готовность пожертвовать своей жизнью ради спасения ближнего — все эти качества высоко ценились нартами, что, естественно, живо и с необыкновенной страстью воспринималось массой горцев. На эпосе воспитывалось подрастающее поколение северокавказских народов. На эпосе учились, духовно крепли и мужали.

Историческое и идейно-художественное значение эпоса весьма велико. «Нарты» — выдающийся памятник мировой эпической культуры. Говоря о значении эпического наследия народов нашей страны, газета «Правда» писала 25 сентября 1966 г. в передовице: «В духовную жизнь

советского человека входят „Слово о полку Игореве»“ и „Калевала“, „Манас“ и „Нарты“ и многие другие творения народного гения» [17].

Наряду с нартским эпосом у народов Северного Кавказа продолжали развиваться и другие фольклорные произведения. Наиболее интенсивное развитие в фольклоре получает общественно-политическая тема. Главной темой фольклора горцев является борьба обездоленных людей против произвола и тиранин феодальной знати. Эта тема находит свое материальное выражение в борьбе за землю, за свободу и справедливость. Герой песни народов Дагестана Хочбар, раздававший тысячам бедняков «по сто овец» из ханских отар, «восьмистам бескоровным по шести коров» из ханских стад, заживо сжигается на костре. Песню о Хочбаре высоко оценил Л. Н. Толстой, сказав, что она удивительна. Самое широкое распространение получили в Осетии песня и сказание о знаменитом герое Чермене.

Выражение общественных чувств и мыслей становится одной из главных черт устного поэтического творчества горцев. От имени класса угнетенных крестьян ведется рассказ в адыгских «Плач крепостных», «Князь и пахарь», в кумыкской балладе «Бий и казак», в аварской песне «Мечта бедняков», в даргинской — «Пахарь, сеятель и жнец», в чечено-ингушских — «Песня из времен борьбы вольных горцев с феодалами», «Князь Кагерман», ногайской — «Певец и волк» и т. д.

Народная идеология осуждала набеги и разбои, организуемые феодальной знатью, открыто заявляла о неисчислимых бедствиях, которые они приносили народу. К песням на эту тему относятся дагестанская «Муртуза-Али и Месуда», карачаево-балкарские «Сарыбий» и «Карабий», «Татаркан», адыгская «Ночной налет», чеченская «Об Алхаштой-Алхе» и др.

Неоднозначно отражался в фольклоре и образ Шамиля. Сначала он описывался в сказаниях как народный герой. Однако со временем, когда оформился теократический режим, а правящая верхушка имамата, по существу, превратилась в новоявленных феодалов, фольклор горцев заговорил другим языком: появились упреки и укоры в адрес Шамиля.

В целом в первой половине XIX в. ведущее место во всем горском фольклоре стала занимать историко-героическая тема, так как необходимость ее расширения и обогащения вызывалась самой действительностью — борьбой против царского самодержавия и местных феодалов-угнетателей.

Первые попытки создания письменности. Первым, кто составил адыгскую (черкесскую) азбуку (около 1821 г.), был шапсуг Эфенди Магомет Шапсугов. Однако из-за противодействия мусульманского духовенства азбука эта не получила применения [18]. В конце 30-х годов XIX в. Грацилевский составил черкесский алфавит, по которому он обучал русскому и черкесскому языкам военнослужащих-черкесов Кавказского горского полуэскадрона. Почти в это же время Хан-Гирей составил черкесскую азбуку, при помощи которой он записывал кабардино-черкесские предания, песни и сказания. В результате происходивших в первой половине XIX в. прогрессивных в своей основе изменений в экономике и культуре народов Северного Кавказа появилась потребность в создании своей письменности. В Дагестане дальнейшее развитие в это время получила письменность на местных языках, основанная на арабской графике (так называемая аджамская система письма). В это же время с помощью русских ученых и передовой интеллигенции были сделаны попытки создания письменности у адыгов и осетин.

Будучи убежденным в том, что без введения письменности на родном языке «народ черкесский никогда не достигнет благодетельной степени», Хан-Гирей обратился к помощи правительства России в этом благородном, «спасительном» для черкесов деле.

Большой вклад в разработку письменности кабардино-черкесского языка и истории адыгских народов внес Ш. Б. Ногмов (1794—1844). Он обучался в медресе аула Эндери (Дагестан), однако не стал муллой, а поступил на русскую военную службу. В 1830 г. Ногмов в составе лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона уехал в Петербург. Здесь с большей силой пробудилось у него давнишнее желание написать грамматику кабардино-черкесского языка. В свободные от службы часы Ногмов усиленно изучал русский язык. Здесь же он познакомился с крупным ученым, известным востоковедом Ф. Шармуа, заведовавшим кафедрой персидского языка в Санкт-Петербургском университете. В 1835 г. Ногмова перевели на Кавказ, в Тифлис, где он познакомился с академиком А. М. Шегреном, ставшим его руководителем и наставником. Одним из первых рецензентов и советчиков Ногмова был и его соотечественник Д. С. Кодзоков, вернувшийся после окончания Московского университета на родину. Д. С. Кодзоков просматривал рукописи Ногмова и высказывал ему свои замечания. Он высоко ценил усидчивость, трудолюбие Ногмова и его верность идеалам науки. В 1840 г. Ногмов закончил свой большой научный труд «Начальные правила кабардинской грамматики», составленный на русской графической основе, который, однако, был опубликован лишь в советское время [19].

Всю свою кипучую деятельность Ногмов посвятил делу просвещения родного народа. В предисловии к адыгской грамматике он с сожалением отмечал, что «соотечественники мои до сих пор не только не имеют никакой письменности, даже никакой грамматики». Твердое убеждение, что придет время, когда все адыги примутся за грамоту, дало Ногмову силу и решимость в 30 лет изучить русский язык, написать кабардинскую грамматику и историю адыгейского народа, чтобы «приохотить» кабардинцев «к умственным занятиям». В предисловии к грамматике Ногмов писал: «Я сделал, сколько мог, и старался сделать сколь возможно лучше. Молю Проведение и единого бога, чтобы явился мне последователь в любви к народному языку... но последователь более искусный и сведущий...» [20]

Заслуга разработки осетинского алфавита на основе грузинского письма принадлежит учителю Тифлисской духовной семинарии Ивану Георгиевичу Ялгузидзе (родился в 1775 г.), выходцу из Южной Осетии. Полученное Ялгузидзе образование, знание им языков (осетинского, грузинского и русского), популярность его в среде родного народа давали ему возможность выступать в роли посредника между русско-грузинскими властями, с одной стороны, и осетинскими обществами — с другой.

Работая в Тифлисской духовной семинарии, где он занимался с находившимися там учениками-осетинами, Ялгузидзе в 1820 г. разработал осетинский алфавит на основе грузинского письма и составил первый осетинский букварь, изданный в 1821 г. в Тифлисе. По этому букварю причетники обучали осетинских детей грамоте на родном языке при церквах и монастырях.

Составление первой научной грамматики осетинского языка, публикации ряда содержательных работ по этнографии народов Северного Кавказа связаны с именем академика А. М. Шегрена. В 1844 г. в издании Академии наук вышел его труд «Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским», не потерявший до сих

пор своего научного значения. Осетинский алфавит на русской основе, составленный Шегреном, сыграл большую роль в развитии осетинской письменности.

Значение деятельности русских писателей на Кавказе для становления горской литературы. Известно, что о Кавказе русская художественная литература начала писать еще в XVIII в. Это были редкие упоминания, ограничивающиеся обобщенными образами его природы и его народов. С самого начала XIX в. интерес русского общества к Кавказу сильно возрос. Наряду с книгами краеведческого характера стали появляться и художественные произведения о народах Северного Кавказа.

Передовые прогрессивные деятели России, посетившие Кавказ, не только гуманно и с глубоким сочувствием относились к горцам, но и прилежно изучали их историю, быт, нравы и культуру. На новом материале, почерпнутом из кавказской действительности, русские писатели создавали в своих произведениях исполненные реалистической силы образы простых горцев и тем самым способствовали росту интереса и симпатий общественности России к горским народам Кавказа. Одним из первых в XIX в. к теме о Кавказе обратился В. Т. Нарежный. В своем романе «Горный год, или Горские князья» [21] он в иносказательной форме подверг критике кавказскую администрацию. В роман А. А. Шишкова «Катевана, или Грузия в 1812 г.» о предыстории восстания крестьян в Кахетии включены эпизоды из жизни горцев Дагестана, в которых автор выступает сторонником народоправия, раскрывает отрицательные стороны общинного правления («джамаата»), оставаясь в то же время благосклонным, в общем и целом, к правовым и гражданским установлениям горцев. И, что особенно важно, он убеждает читателя, что антирусские настроения более всего свойственны тем феодальным владетелям, которые потеряли политическую власть, в то время как широкие народные массы выступают за сближение с Россией. В поэмах «Дагестанская узница» и «Лонский» А. А. Шишков дает интересное описание горцев, верит, что со временем горцы Кавказа целиком отдадутся мирным занятиям [22].

Известно, что большой вклад в развитие литературы и научных знаний о Кавказе внесли декабристы, сосланные туда и проживавшие среди его народов многие годы. Особое место занимает среди них А. А. Бестужев-Марлинский (1797—1837), приговоренный к каторжным работам и вначале сосланный в Якутск, но позже, в 1829 г., переведенный рядовым на Кавказ. А. А. Бестужев-Марлинский был одним из популярнейших писателей романтического направления, имел многочисленных последователей и подражателей. Кавказская тематика занимает в его творчестве одно из главных мест. Горцам Северного Кавказа посвящены «Письма к доктору Эрману», «Письма из Дагестана», повести «Аммалат-бек», «Мула Нур», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», «Шах Гусейн» и др.[23]

С исключительной внимательностью и достоверностью писатель отражает этнографические, обрядовые и семейно-бытовые стороны жизни горцев, постоянно подчеркивает свои симпатии к горским народам Кавказа и столь же решительно осуждает политику царского самодержавия. «Я вижу Кавказ,— писал он в одном из своих посланий братьям Полевым,— совсем в другом виде, как воображают его себе власти наши» [24].

В 1844 г. был опубликован роман «Проделки на Кавказе» связанной родственными узами с декабристами Екатерины Петровны Лачиновой (под псевдонимом Хамар-Дабанов). Муж ее — генерал П. Е. Лачинов служил в отдельном Кавказском корпусе. Это обличительное произведе-

Рис. 2. Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский
Неизвестный художник. XIX в.

ние имело большой успех среди читателей (за полтора месяца было продано 300 экземпляров), но вызвало негодование Николая I — почти две трети тиража было изъято из книжных магазинов и уничтожено. Автора отдали под полицейский надзор. Хорошо, что III отделение с.е.и.в. канцелярии не догадалось, что за образом главного героя романа Александра Пустогородова был сокрыт ссыльный декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, а имя автора Хамар-Дабанов есть название хребта в Восточной Сибири, через который шли на каторгу декабристы [25].

К поэтам романтического направления, писавшим о народах Северного Кавказа, относится и И. Т. Радожицкий, хорошо знавший горцев. Он не был профессиональным литератором, а, служа в армии, попутно занимался литературой, этнографией и ботаникой. Им написаны «черкесская повесть в стихах» под названием «Али-Кара-Мирза», повесть «Кыз-Брун» по мотивам кабардинского фольклора [26].

В подражательном духе пушкинскому «Кавказскому пленнику» написана поэма П. Иноземцева «Зальмара» и другие его произведения.

В 1842 г. издается «Последний Хеак» В. Зотова. Это произведение посвящалось памяти А. С. Пушкина, А. А. Марлинского, М. Ю. Лермонтова. Поэт относится к горцам с любовью и состраданием, его симпатии и сочувствие на стороне раба Хеака и его престарелого отца. Натухаевцев (одно из адыгских племен) он называет «Кавказа храбрые сыны», а племя хеаков — «племенем удальцов».

Все произведения, посвященные Кавказу, вызывали живой отклик великого русского революционного демократа В. Г. Белинского. «Доморощенными Куперами» называл он авторов, изображавших в своих произ-

Рис. 3. М. Ю. Лермонтов после боя при реке Валерик
Рисунок Д. Палена.
XIX в.

ведениях нравы и обычаи горцев, не раскрывая их характера. Он выступал против одностороннего изображения действительности [27].

В 1848 г. в журнале «Современник» был издан «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих» известного филолога В. И. Даля. В образе Асана писатель вывел благородного разбойника, грабившего богачей и помогающего бедным [28].

Кавказская тематика привлекала внимание журнала «Современник». «Всякая весть о Кавказе, как бы она ни была недостаточна и обрывочна,— подчеркивалось в журнале,— возбуждает живейшее любопытство», ибо события, происходившие на Северном Кавказе, вызовут «важные изменения для будущих сношений между народами» [29].

Значительная часть поэтов и писателей являлась представителями так называемой массовой кавказской романтической литературы, которая была в основном подражательной. Подражали Пушкину, Лермонтову, особенно Бестужеву-Марлинскому. Восточный стиль, романтические каноны, резкое деление персонажей на «идеальных героев» и отталкивающих типов, говоря словами В. Г. Белинского, «изображение неистовых страстей и неистовых положений» составляли основу манеры письма этого направления в литературе.

Но, несмотря на тематическую узость и художественные недостатки, все эти произведения сыграли известную положительную роль в ознакомлении русской читающей публики с образом жизни кавказских горцев и в конечном итоге способствовали сближению и взаимопониманию русского и горских народов.

Основу же литературы о Кавказе и его народах в первой половине XIX в. составляет творчество А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и А. И. Полежаева.

Выдающийся русский поэт А. И. Полежаев (1804—1838) был сослан на Кавказ Николаем I за сатирическую поэму «Сашка». На Северном Кавказе он служил рядовым Московского полка с 1824 г. Здесь он написал стихи и романсы «Ночь на Кубани», «Черная коса», «Тарки», «Пышно льется светлый Терек», «Акташ-Аух», «Казак», «Из послания к А. П. Лозовскому», поэмы «Эрпели», «Чир-Юрт», «Герменчугское кладбище» и др. В них дано правдивое изображение народов Северного Кавказа. Здесь, на Северном Кавказе, поэт мечтал о счастливой стране, где б люди жили не врагами, без права сплы и войны [30].

Глубоко знал жизнь народов Кавказа великий русский писатель А. С. Грибоедов. Он внимательно присматривался к их жизни. В стихотворении «Дележ добычи» он не просто описывает процесс раздела награбленного добра и пленниц, а пытается объяснить те социальные и

Рис. 4. Шора Бекмурзин Ногмов — кабардинский историк и поэт Неизвестный художник

Рис. 5. Султан Казы-Гирей — адыгский писатель Художник Г. Гагарин

национальные предпосылки, исторически определявшие эту сторону жизни горцев, и прямо говорит о сословном неравенстве в горском обществе.

Уже говорилось, какое место в творчестве А. С. Пушкина занимал Кавказ. «Он один только певец Кавказа,— писал о Пушкине Н. В. Гоголь,— он влюблен в него всею душою и чувствами» [31].

С Кавказом неразрывно связана судьба великого русского поэта М. Ю. Лермонтова.

Он хорошо знал историю, фольклор, нравы и обычаи народов Кавказа. Поэт писал в стихотворении «Тебе Кавказ, суровый царь земли!»:

От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной...
На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой — всегда и всюду твой [32].

Начиная с юношеских лет, Лермонтов увлеченно и покоряюще пишет о горцах. Им посвящены множество поэм и стихотворений: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Демон» и др. Фольклорные источники использовались поэтом для выражения основных его мотивов и идейно-художественных устремлений, способствующих воссозданию национального характера, для историко-этнографических деталей и эпизодов произведений.

Значительным было влияние побывавших на Кавказе русских писателей на горцев. Известно, что, находясь в Дербенте, А. А. Бестужев-Марлинский был в дружбе с «алимами» Назарали Абдуллой, Мирза-Магомедом и другими. Близок он был и со многими местными жителями, встречался и с горцами во время многократных поездок в нагорный Дагестан и всегда оказывал благотворное влияние, способствовал расширению их знаний о России и русском народе. И не случайно один из героев,

имея в виду горцев Дагестана, говорит: «Чаще всего мой хозяин и его гости расспрашивали меня о моем отечестве — и, качая головами, слушали мои ответы»[33]. Жители Дагестана отвечали писателю-декабристу взаимностью. Он был любимцем жителей Дербента. И когда он уезжал, жители «верхом и пешком [следовали] за дорожной повозкой верст 20 до самого Самура, палили из ружей... пускали ракеты, били в бубны, пели, плясали, каждый провожал по-своему». Ни с чем несравнима любовь горцев к «приемным сынам Кавказа» А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову. Говоря словами армянского поэта О. Туманяна, «великое дело быть приемными сынами Кавказа».

Под влиянием русской литературы зародилась своя национальная литература у некоторых народов Северного Кавказа. Адыгские писатели встречали со стороны передовых деятелей русской культуры самое чуткое внимание и поддержку. Им помогали печатать свои произведения в русских изданиях. Еще в 1825 г., по словам русского писателя С. Д. Нечаева, Ш. Б. Ногмов сочинял «небольшие поэмы»[34]. В 1837 г. в честь приезда академика А. М. Шегрена он сочинил «Хох» — здравницу на кабардинском языке.

В первом томе «Современника», изданном в 1836 г. А. С. Пушкиным, наряду с произведениями В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя была опубликована повесть адыгского писателя Султана Казы-Гирея «Долина Аджигутай». С большим лиризмом описывает автор дорогую ему природу Кавказа. А. С. Пушкин помог адыгскому автору напечатать свою работу и дал высокую оценку произведению и языку, которым оно написано: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей, черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке»[35]. Эта повесть Казы-Гирея была высоко оценена и В. Г. Белинским. «„Долина Аджигутай“,— писал он,— примечательна, как произведение черкеса, который владеет русским языком лучше многих наших почетных литераторов»[36].

В 1841 г. в журнале «Русский вестник» была опубликована первая историческая повесть «Черкесские предания» видного адыгского писателя Хан-Гирея. В основу повести легли местные предания, повествующие о борьбе адыгов с иноземными захватчиками. Его перу принадлежат также очерки «Князь Канбулат», «Наездник Кунчука», «Князь Пшьской Аходягоко», в которых в художественных образах воплощены жизненные противоречия, изображена деятельность отдельных горцев, социальных типов.

Несколько рассказов и художественных произведений в русской прессе опубликовал в эти же годы видный адыгский писатель Адиль-Гирей. В основу его рассказов «Сулейман-эфенди», «Жена черкеса», «Рассказ аварца» и др. положены подлинные события[37]. При этом он умело облекает изображаемые события в художественную форму, используя для этого то диалог с зачином и концовкой, то эпистолярный жанр.

5. Наука. Просвещение. Печать

Роль русских ученых в изучении Северного Кавказа. Дореформенный период был временем дальнейшего открытия и изучения многих природных богатств Северного Кавказа и самобытной культуры его народов.

Продолжая начатое еще в XVIII в. изучение природных богатств края, Российская Академия наук в 1829 г. организовала экспедицию для

изучения Приэльбрусья. К участию в экспедиции были привлечены ученые: физик Ленц, ботаник Майер, геолог Вансович, зоолог Менетрие и др. Экспедиция обследовала в районе Эльбруса источники, камни, руды. В районе Карачая были обнаружены серебросвинцовые руды, каменный уголь и другие природные богатства.

Начиная с 1800 г. несколько путешествий по Северо-Восточному Кавказу совершил врач, ботаник, этнолог, член-корреспондент Российской Академии наук Х. Х. Стивен. В 1825—1826 гг. совершил путешествие по Дагестану выдающийся русский естествоиспытатель, академик Э. И. Эйхвальд. В 1833 г. проводил топографические работы в Дагестане Ф. И. Гене. В 30-х годах XIX в. по Западному Кавказу с зоологической целью путешествовал А. Нордман [38]. «Хозяйственное описание Предкавказья по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству» создал И. В. Ровинский. «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адыхе» и «Топографическое описание Северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани» издал Г. В. Новицкий [39].

Заметную роль в распространении научных медицинских знаний на Северном Кавказе сыграли русские врачи. В 1847 г. в Дагестане при осаде аула Салты великий русский хирург Н. И. Пирогов впервые в истории войн применил эфирный наркоз. После этого свыше 600 операций под наркозом он провел в Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Казикумухе и других местах [39а]. Слава о «чудесном докторе» (так называли горцы Пирогова) распространилась по всему Дагестану. К нему обращались местные жители, и он оказывал им посильную медицинскую помощь. Многое сделал Пирогов для обучения научным методам лечения горских врачей (хакимов). Известно, что ассистентом его в 1847 г. был Гаджи Муртузалиев из селения Бутри (Акушинский район). В середине XIX в. на Северном Кавказе работали и другие русские врачи.

Однако наибольшее внимание в русской науке в это время было уделено изучению истории языка и этнографии народов Северного Кавказа. В 1800—1808 гг. экспедиция языковеда-ориенталиста Ю. Клапрота дала материал для ряда языковедческих работ. Собранный им материал освещал, кроме того, и многие стороны быта адыгов, карачаевцев, балкарцев, осетин и других народов. В 1820 г. описание чеченцев, северокавказских армян, осетин, адыгов, караногайцев, абазин и др. составил А. Ф. Ребров [39б]. Ценные сведения экономики, истории и этнографии народов Южного Дагестана собрал во время своего путешествия в 1826—1828 гг. по Восточному Кавказу выдающийся русский ориенталист И. Н. Березин [40]. Интересные сведения об экономике Дагестана содержатся в труде О. Евецкого, посвященном статистическому описанию Закавказья [41].

Значительный вклад в изучение истории и быта горских народов Северного Кавказа внесли декабристы и близкие к ним прогрессивные деятели России. Они требовали серьезного и правдивого описания кавказских народов и событий, происходящих в крае. А. А. Бестужев-Марлинский считал, что о Кавказе надо писать «дельно... и рассказывать с умением» [42]. Декабристы И. Г. Бурцов, В. Д. Сухоруков и другие подвергали критике статьи, опубликованные в газетах «Русский Инвалид», «Северная Пчела», за допущенные фактические ошибки. В Дагестане Н. Н. Муравьев составил турецкую грамматику и словарь языка тарковских кумыков. По этой грамматике и словарю изучали кумыкский язык А. П. Ермолов, А. С. Грибоедов и др. В Тарках Н. Н. Муравьев занимался археологическими изысканиями и сбором этнографического материала [43].

Большой научный интерес представляют произведения А. И. Якубовича («Отрывки о Кавказе», содержащие ценные этнографические данные о карачаевцах и абхазцах), И. С. Бурцова («Бой полковника Тихвинского с закубанскими черкесами», сочинение, характеризующее некоторые стороны экономики и быта северо-западных адыгов), В. С. Толстого («Тагаурцы», «Из служебных воспоминаний», «Поездка в Осетию в 1847 г.»), А. О. Корниловича («Записка об управлении Кавказом»).

Весьма интересны для раскрытия экспансионистских планов правящих кругов Англии на Кавказе критические замечания А. С. Норова на книгу Дж. Бела «Журнал резидента в Черкессии за годы 1837—1838 и 1839» (Лондон, 1840) [44].

В 1823 г. в Москве было опубликовано сочинение служившего на Кавказе долгие годы С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (в 2-х томах). В ней наряду с описанием быта, нравов, обычаев адыгов, осетин, чеченцев, ногайцев, кумыков и других народов Дагестана характеризуется общественный строй народов Северного Кавказа. Работа Броневского получила в свое время широкую известность и, по существу, сделалась на долгие годы главным источником, из которого черпались сведения о Северном Кавказе.

В 1834—1835 гг. в Петербурге была опубликована обширная работа П. П. Зубова «Картина Кавказская» (в 4-х частях) [45]. Хотя эта работа в основном была компилятивной, но по широте охваченных вопросов и приводимых материалов она не лишена определенного интереса. Весьма ценными являются труды Г. Гордеева, посвященные изучению истории быта, обычаев, вероисповеданию осетин [46]. Интересные данные об Осетии содержат и работы А. Г. Яновского, М. Венедиктова («Взгляд на Кавказских горцев» и др.) [47], в которых даны сведения о народах Северного Кавказа с их расселением и характеристикой их управления, описанием хозяйства, обычаев, религии и нравов. В первой половине XIX в. над историей народов Кавказа трудился академик П. Г. Бутков. Его трехтомный труд «Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 г.» (СПб., 1869. Т. 1—3) до сих пор представляет весьма ценный свод исторических известий о народах Кавказа.

Богатые сведения о социальных отношениях народов Дагестана содержатся в работах А. А. Неверовского [48], М. Б. Лобанова-Ростовского и других. В те же годы было написано большое число исторических сочинений, посвященных истории проникновения и развития мюридизма на Кавказе и борьбе горцев под водительством Шамиля. Таковы сочинения Д. Тихонова, Ф. Симоновича, А. Сереброва [49] и многих других авторов. Ценные сведения о истории и этнографии чеченцев имеются в книге М. Я. Ольшевского «О происхождении, образе жизни, нравах и обычаях чеченцев», печатавшейся в различных изданиях, в статьях Иванова в «Москвитянине» (1841), И. Н. Норденстама [50].

Описание осетин-дигорцев и «живущих за Кубанью народов, начиная от Эльбруса до Анапы» составил А. М. Шегрен [51]. Изучение русскими учеными истории и этнографии горских народов, организация школ, развитие печати и т. п. являлись идейно-культурными предпосылками зарождения у одних и дальнейшего развития у других народов исторической науки.

Зарождение исторической науки у адыгов. Важным моментом в развитии общественной мысли, зарождении науки явились исторические сочинения адыгских ученых.

Видным общественным деятелем в Кабарде был Измаил-бей Атажукин, получивший светское и военное образование в России. Он — подполковник русской армии, участник многих военных походов А. В. Суворова. Его активная общественная деятельность развернулась после возвращения в 1804 г. на Родину, где он возглавил борьбу как против протурецки настроенных князей, так и против царских войск, жестоко подавлявших восстание в Кабарде в 1810 г. Все эти события ярко отразились в составленной Атажукиным «Записке о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные» [52]. Она служит ценным источником по общественно-политическому строю и обычному праву адыгов, показывает угнетенное положение крестьян.

Крупным историком и этнографом народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. является адыгский просветитель, историк и этнограф Хан-Гирей [53]. В 1836 г. он завершил написание своего основного труда «Записки о Черкесии». Замечательная историко-этнографическая работа об адыгских народах находилась в архиве Военного министерства без использования до 1958 г., когда ее обнаружил советский историк В. А. Дьяков. В первой части описываются природно-климатические условия, духовная жизнь черкесов, их общественно-экономические отношения и т. д. Вторая часть посвящена материальной культуре, семейному и общественному быту [54]. Третья часть рукописи, к сожалению, пока еще не найдена. Социально-экономический строй адыгских народов Хан-Гирей характеризует как феодальный, но при этом отмечает своеобразие общественных порядков абадзехов и шапсугов. Хан-Гирей был также талантливым этнографом. Он описывает вопросы материальной и духовной культуры, подчеркивает различие крестьян и феодалов в жилищах, в вооружении, в домашней утвари, пище, одежде и т. д. Представляют интерес страницы, посвященные обрядовым, военизированным играм, которые способствовали боевой подготовке горцев.

Хан-Гирей высказал ряд интересных предположений по преобразованию внутреннего устройства адыгских обществ. Они изложены в его «Проекте Положения об управлении горскими народами», в котором он предлагал провести судебную и административную реформы. Своими трудами, которые являются ценнейшим историческим источником, Хан-Гирей внес большой вклад в развитие кавказоведения и положил начало адыгской историографии.

«История адыгских народов» выдающегося историка Кабарды Ш. Б. Ногмова была основана на большом и ценном фольклорном материале и других исторических источниках. Труд Ногмова был завершен в 1843 г., а в 1844 г. он повез свою «Историю» для представления в Российскую Академию наук.

В 1847 г. в издававшейся в Тифлисе газете «Закавказский вестник» появилась серия его статей под общим названием «О Кабарде». Это была первая публикация «История адыгейского народа» (полное издание ее было осуществлено во второй половине XIX в.).

В своем труде Ногмов старался осмыслить исторические корни дружбы России и Кабарды, он прославлял их многовековое содружество, рассказывал о совместной борьбе против иноземных захватчиков [55]. Присоединение адыгов к России в 1557 г. Ногмов рассматривал как важнейшее событие в истории адыгов: «Народ был обрадован союзом и покровительством России»,— писал он. Ш. Б. Ногмов осуждал междоусобия князей: «Сами князья были причиной бедствий своей Родины; спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в

земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам» [56].

Развитие исторической науки в Дагестане. В первой половине XIX в. дальнейшее развитие в Дагестане получила историческая наука. Здесь по-прежнему писались исторические сочинения на арабском языке. Однако наиболее выдающимся событием этого времени было то, что впервые за всю многовековую историю были опубликованы в русской печати произведения дагестанских авторов. В 1846 г. в газете «Кавказ» были помещены очерки ученика Тифлисской гимназии Шарапела Айгони о легендарном Шах-наме и о нашествии на Дагестан Надир-Шаха — «завоевателя вселенной». Однако наибольшим вкладом в историческую науку является не потерявшая до настоящего времени научной ценности работа Д.-М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках» [57]. Автор ее Девлет-мирза Шихалиев, уроженец сел. Эндери, получил образование в России. В 40-х годах XIX в. в чине майора он состоял при Отдельном Кавказском корпусе в должности «пристава кара-ногайского народа». В 1848 г. в ряде номеров газеты «Кавказ» был опубликован очерк Шихалиева (без подписи). Это было первое произведение на русском языке, написанное «природным кумыком». В статье была сделана попытка осветить происхождение кумыков и их историю, но наибольшую ценность представляет освещение классовых и сословных отношений у кумыков.

В первой половине XIX в. было завершено крупное исследование на фарси уроженца Дербента Мухамеда Гайдара Ибн-Хаджи-мирза Визирова о событиях после смерти Надир-шаха. Рукопись книги, врученная автором окружному начальнику г. Кубы в 1838 г., к сожалению, пока не обнаружена. В своем отзыве на это исследование выдающийся просветитель, ученый-философ Мирза-Фатали Ахундов писал: «История сия... довольно важна и полезна» [58].

В эти же годы в Дербенте трудился историк, корреспондент Казанского университета мулла Таги [59]. Знаток арабского и персидского языков, известный на восточном Кавказе ученый-мулла Таги передал хранившуюся у него рукопись «Дербент-наме» профессору Петербургского университета М. А. Казем-беку (кстати сказать, тоже уроженцу Дербента). Последний, как известно, осуществил ее перевод на английский язык и издал в Петербурге в 1851 г.[60] Еще раньше была сделана попытка перевести «Дербент-наме» на русский язык (ее переводили известный историк Азербайджана А. К. Бакиханов и Н. Н. Муравьев [61]). В 1829 г. на страницах «Тифлисских ведомостей» была опубликована лишь вступительная часть этой книги.

Особое место в творчестве зарождающегося на Северном Кавказе просветительства занимали вопросы, связанные с отношением к России. Адыгские деятели Хан-Гирей, Султан Адиль-Гирей, Казы-Гирей, Ш. Б. Ногмов, У. Берсей последовательно выступали за сближение с Россией, усматривая большой прогресс в развитии экономики и культуры горских народов в составе России, которая стояла на более высокой ступени развития. В своих произведениях просветители прямо и недвусмысленно писали о решающей роли России в обороне и защите горцев от иноземных завоевателей — шахского Ирана и султанской Порты.

Обращаясь к соотечественникам, Измаил-бей в своей речи в 1805 г. говорил: «Благоразумие наших предков, которых память нам любезна и которых да сохранит бог под своею благостию, советовало нам жить под защитою сего великого государства. Вы сами знаете, что Турецкая импе-

рия, нам единоверная, в совершенноїі слабости и готова уступить во всем сильным соседям, христианским державам» [62]. Закончил он свою речь призывом к объединению и сплочению с Россией.

Друг А. С. Пушкина и А. Н. Муравьева, Казы-Гирей отзывался в 1846 г. о России восторженно и вполне убежденно: «Россия стала моим вторым отечеством, не менее родным, и ея пользы не менее драгоценными, тем более, что из пользы России только может истечь благо моего родного края» [63].

Казы-Гирей придавал большое значение развитию экономических и культурных связей народов Северного Кавказа с Россией. В «Записках», представленных им в 1846 г. кн. М. С. Воронцову, он ставил вопрос о разработке местных природных богатств и развитии торговли в крае. По его мнению, прежде всего надо было бы образовать особый аул на левом берегу Лабы, который должен стать экономическим, политическим и культурным центром, притягательной силой для молодежи. Со временем он будет выполнять функции города. Он предлагал меры по возбуждению в горцах интереса к промышленной разработке природных богатств. Он выражал озабоченность тем, что горцы мало заботятся о своей земле, не ценят ее. В основе его идеи о рациональном использовании даров природы лежала мысль о постепенном вовлечении народного хозяйства горцев в общероссийскую экономическую жизнь.

Ш. Б. Ногмов придавал решающее значение деятельности Темрюка Идаровича в деле присоединения Кабарды к России. Он считал, что Россия всячески оказывала военную помощь Кабарде в ее борьбе с иностранными захватчиками. Придавая решающее значение России в судьбах горцев, Ногмов отказался от сана муллы и поступил оруженосцем в лейб-гвардии Кавказский горский полуэскадрон. Благодаря русской науке он стал просветителем, мыслителем, ученым.

Ш. Б. Ногмов писал, что «придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство — светильник жизни — любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо ... недолго осталось до сего счастливого времени. Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда Родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию! Тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений» [64].

Просвещение. Значительным явлением в культурной жизни народов Северного Кавказа стало открытие светских школ, распространение образования и русской грамоты, давших возможность горцам приобщиться к русской и европейской культуре. Первая светская школа (для аманатов) была открыта в крепости Нальчик в 1820 г. Учеников этой школы обучали арифметике, русскому языку и другим предметам. Однако эта школа не могла удовлетворить всех желающих обучать своих детей русскому языку и грамоте. Поэтому кабардинцы не раз обращались к правительству с просьбой открыть школы для их детей. В начале 40-х годов XIX в. Ногмов обратился с такого рода прошением к наместнику на Кавказе. Хотя в 1843 г. было дано разрешение «на устройство в Нальчике школы», она там не была открыта. В 1848 г. наместник Кавказа кн. М. С. Воронцов счел необходимым для детей кабардинских князей «школу открыть в Екатериноградской станице», но она была основана лишь в 1851 г. В 1837 г. было основано Дербентское городское училище, а в 1842 г.— Петровское и Низовское училища также с весьма ограниченным числом учащихся, выходцев исключительно из равнинных сел. В 1849 г. в Дербенте было открыто мусульманское училище (на 60 мест) для детей жи-

телей горных районов — аварцев, даргинцев, табасаранцев и других народностей Дагестана.

В 1876 г., согласно принятому еще в 1836 г. Положению о военных школах Кавказской армии, был открыт ряд школ для детей офицеров и чиновников в Темир-Хан-Шуре, Дешлагаре и Кусарах. В середине XIX в. такая же школа была открыта при Дагестанском конном полку. В ней было не более 30 учащихся, обучавшихся русскому языку, чистописанию, арифметике, пению, начальным сведениям по истории и географии; детей знакомили со способами изготовления бумаги, стекла, устройством железных дорог, книгопечатанием и т. д.

Для осетин большое культурно-просветительное значение имело открытие в 1836 г. Владикавказского осетинского духовного училища, в котором обучалось 34 учащихся из самых отдаленных горных мест Осетии. Хотя училище, по замыслу его основателей, должно было готовить грамотных церковнослужителей для осетинских приходов, оно явилось первым рассадником осетинской культуры. Многие его питомцы по окончании учебы шли в светские школы учителями и обучали детей, другие, например, В. Цораев (первый собиратель осетинского фольклора) или С. Жускаев (первый осетинский этнограф), становились деятелями осетинской культуры. В целом Владикавказское осетинское духовное училище сыграло заметную роль в распространении грамотности среди осетин, а также в развитии их культурного общения с русскими и другими народами Кавказа.

Важным событием явилось образование в 1848 г. Кавказского учебного округа во главе с попечителем, осуществлявшим постоянное наблюдение за жизнью учебных заведений, контроль за обучением и воспитанием. Однако большинство учебных заведений для нерусских народностей Кавказа находилось не в ведении кавказской учебной администрации, а подчинялось военному или духовному ведомствам.

И все же, несмотря на эти и другие искусственные преграды на пути просвещения горцев, для них открывался путь в учебные заведения, из их среды появлялись деятели культуры и наукп. Среди последних нам уже известны имена кабардинцев Атажукина, Ногмова, черкесов Казы-Гирея, Хан-Гирея, осетин Жускаева, Цораева и др., деятельность которых протекала под непосредственным влиянием русской культуры и воздействием передовых русских писателей и ученых.

В обучении детей так называемых «почетных горцев» (детей горской знати) большую роль сыграла Ставропольская гимназия, открытая в 1837 г. При гимназии состоял «благородный пансион», в котором жили и обучались дети дворян. Эту гимназию окончили многие выдающиеся деятели литературы, науки и культуры Северного Кавказа.

Печать. Большую роль в изучении Кавказа и его народов в статистическом, географическом, историко-этнографическом плане сыграла русская периодическая печать, способствовавшая в то же время появлению из коренных народностей большого числа талантливых исследователей, давших науке ценные сведения о жизни своих народов. Первой русской газетой на Кавказе были еженедельные «Тифлисские ведомости», издававшиеся с 1828 по 1832 г. В них были напечатаны содержательные статьи по истории и этнографии народов Северного Кавказа. На смену этой газете пришли «Тифлисский вестник», «Закавказский вестник», «Кавказский календарь» и другие издания. Исключительно важное значение имело основание в Тифлисе газеты «Кавказ», издававшейся с 1846 по 1917 г. Своей главной задачей газета считала «ознакомить своих со-

отечественников с любопытнейшим краем, еще малоизученным»[65], его многочисленными, разноплеменными и разноязычными народами.

До появления в 1868 г. «Терских ведомостей» газета «Кавказ» оставалась единственной газетой, на страницах которой часто печатались материалы и о народах Северного Кавказа. Доброжелательно относился к этой тематике редактор газеты О. И. Константинов, давший в своих «Очерках северной стороны Кавказа» ценные сведения о жизни многих народов Кавказа[66].

В. Г. Белинский восторженно встретил появление газеты «Кавказ», отметил ее громадное значение для познания края и его народов. «С прошлого года,— писал он в 1847 г.,— в Тифлисе издается газета „Кавказ", значение которой неоценимо в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образованные привычки и дает возможность грубые средства... заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета „Кавказ" знакомит Россию с самым интересным и наименее знаемым ею краем, входящим в ее состав. Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание — неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа»[67].

В целом в рассматриваемое время местная периодическая печать отвечала своей направленностью прогрессивным целям, играла большую просветительную роль, поднимала своими публикациями историко-этнографического характера национальное самосознание передовой части интеллигенции северокавказских народов.

6. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в первой половине XIX в.

Поселения и жилище. С середины XVIII в. и на всем протяжении первой половины XIX в. на Тереке и на Кубани продолжалось расселение (ранее переселившегося и вновь прибывавшего казачьего) населения — волжских, донских (хоперских) казаков и крестьян, что было связано с освоением края и внешней политикой России на Кавказе. На местах в казачье сословие охотно принимались русские и украинцы из крестьян, а также отслужившие свой срок отставные солдаты, выходцы из местного населения.

Несмотря на включение в терские казачьи общества украинского и местного горского населения, среди «линейных» казаков станиц восточной части Кавказской оборонительной линии преобладали русские. Численность украинского казачьего населения убывала с запада на восток по Кавказской линии. На Кубани украинское население было наиболее многочисленным.

В дальнейшем рост русского и украинского населения Кубани происходил в результате правительственной и помещичьей (в меньшей степени) колонизации, а также вследствие стихийного притока беглых крестьян и переселенцев из многих центральных областей России и Украины (Тульская, Орловская, Тамбовская, Курская, Воронежская, Екатеринославская губернии). На Кубани и на Тереке после окончания срока службы оставлялись на поселение солдаты, чаще всего верставшиеся в казаки.

В первой половине XIX в. казачьи поселения — станицы были укреплены рвами, насыпями, валами с колючим кустарником. Ворота станиц на ночь запирались и охранялись специальным караулом. Новые стани-

цы, основанные во второй четверти XIX в., отличались улучшенной планировкой, ровными и прямыми улицами.

На протяжении всей истории русского населения Северного Кавказа (а частично и на этом этапе) его жилища претерпели значительные изменения — от простых, временных однокамерных построек, часто похожих на местные северокавказские постройки, к многокамерным, прочным деревянным домам. К концу XVIII в. на Тереке, а в первой половине XIX в. и на Кубани к востоку от Кавказской линии появились большие рубленые, «круглые» донские дома для больших казачьих семей, в то время уже существовавшие на Дону и в некоторых старожильческих гребенских станицах.

В жилищах терских казаков и у части «линейного» населения Кубани в большой степени сказывалось влияние домостроительства донских казаков и русских выходцев из южных и центральных районов страны, а также местных северокавказских традиций, особенно в жилищах и хозяйственных постройках старожильческого населения терско-гребенских казаков и выходцев из этих станиц. Местные особенности построек проявлялись в плоских и двускатных крышах у «саклеподобных» строений, в способах выделки самана и турлука в турлучном плетении и в характере турлучных построек, возведении вокруг строений сплошных глухих заборов, во внутреннем убранстве дома и назначении подсобных хозяйственных помещений. На это обратил внимание еще Л. Н. Толстой, указав, что гребенцы устраивают свои жилища по «татарскому обычаю» (т. е. на местный, горский лад) [68].

В отличие от терских районов народные традиции южных степных районов Украины проявлялись в кубанском жилище, хотя во внешних архитектурных особенностях и в технике строительства и здесь стали переплетаться украинское и южнорусское и местные влияния.

Семейный быт. Как отмечалось выше, привычный уклад жизни, хозяйства и общественного быта русских и украинских поселенцев на Северном Кавказе сказывался на формах семьи и брачных отношениях казаков. У русского населения Северного Кавказа была распространена малая форма семьи. Большие казачьи семьи на Тереке не сложились даже в середине XVIII в.

С приходом в край выходцев из старых земледельческих областей России, где сохранялись русские общинные традиции, большие патриархальные семьи, у терского, а затем и кубанского казачества стали также формироваться многочисленные семьи.

Среди старожильческого населения Северного Кавказа — например гребенцев, большие семьи появились с середины XVIII в. Этому процессу в немалой степени способствовали появление на Северном Кавказе новых групп русского населения, продолжающееся бегство из России и переселение на Кавказ старообрядцев с их замкнутыми и тесно спаянными религиозными общинами, на Терек, правительственные переселения туда части донских (особенно, верховских) казаков, у которых и ранее были большие семьи и сохранялись великорусские общинно-семейные традиции; прочное обоснование на Кубани запорожцев; появление в крае русского населения из южных черноземных губерний России, где также издавна процветали большие семьи, и др.

Увеличение численного состава казачьих семей на Тереке, видимо, следует отнести к концу XVIII — началу XIX в., а на Кубани этот процесс начался еще позднее, с середины XIX в.

Таким образом, в первой половине XIX в. на Тереке и Кубани происходил процесс вторичного формирования больших казачьих семей, влившихся в старую куренную казачью общину. Крепостническое государство старалось сохранить крестьянскую общину и большие, неразделенные семьи в России. Эту политику оно продолжало на Тереке и на Кубани, поддерживая здесь большие казачьи семьи. Юридически запрещались разделы имущества и дробление больших семей на малые.

Одной из примечательных черт большой казачьей семьи стала обособленность и замкнутость традиционного казачьего быта, помогавшая сохранению патриархальных нравов и традиций в казачьих семьях — особенно у казаков-староверов.

Заметные изменения происходили и в свадебных обрядах терских и кубанских казаков, сближавшихся с традиционной великорусской и украинской свадебной обрядностью. На место прежнего, нередко языческого венчания (вокруг вербы или березы), объявления на казачьем кругу о желании стать мужем и женой или рыцарского обета быть защитником и покровителем женщины, когда казак прикрывал суженую полой своего кафтана, стали входить в обычай долгие и кропотливые выборы невесты с учетом прежде всего социального и имущественного положения ее семьи, проводились традиционные смотрины, рукобитье, своды, отвоз приданого, венчание, одаривание молодых и их родственников, а затем начиналось многодневное свадебное торжество с обильными застольями в доме жениха и невесты.

Большое значение у казаков придавалось скрупулезному соблюдению многочисленных родильных обрядов, поверий и запретов, в целом схожих с обычаями восточных славян, правда, со включением некоторых магических элементов, заимствованных у горских народов [69]. При лечении болезней в казачьих (особенно старожильческих) селениях пользовались услугами горских лекарей-хакимов, приемами и лекарствами традиционного врачевания горцев, восходящими к арабской медицине. Некоторые казачьи лекари и знахари, особенно старики, были хорошо известны за пределами родных станиц, и к ним нередко обращались за помощью и горцы.

В похоронной и поминальной обрядности северокавказского казачества наряду с христианскими обрядами сохранились элементы языческих. Умирающему казаки старались «облегчить» смерть, помочь «душе» выйти из тела: открывали заслоны в печи, окна и двери и т. п. Магическое происхождение имели и некоторые детали родильного обряда у терских и кубанских казаков, с помощью которых облегчались роды (развязывание всех узлов, открывание окон и дверей, заслонок, замков и т. д.) [70]. Казаки верили во вредоносную силу предметов, связанных с покойником и погребением, подвергали их очищению водой или огнем, а чаще всего уничтожали.

Казаков хоронили в полной парадной форме и со всеми регалиями (иногда с их саблями и кинжалами). Незамужних девушек казаки хоронили, наряжая, как невест, в чем, видимо, сказалась известная древняя славянская традиция «свадьбы по смерти». В казачьи поминальные обычаи входили и специальные обрядовые кушанья на похоронах — пшеничная кутья с медом, курица, питье вина из специальных больших чаш — братин, пускаемых по кругу, как на древних языческих тризнах у славян. Сохранялись у казаков и общеславянские представления и обряды, связанные с «заложными» или «нечистыми» покойниками (колдуны, утопленники, самоубийцы и др.), которых хоронили или за оградой кладбищ, или же в специально отведенных на кладбище местах, причем

по некоторым из них справляли «тайный помин». В изголовье или же в центре могил колдунов и колдуний часто вбивали осиновый кол, якобы лишавший мертвеца способности «выходить» на поверхность и вредить живым (осина считалась у казаков «нечистым» магическим деревом, в отличие от дуба или березы).

Семейный быт и обряды северокавказского казачества были своего рода разновидностью русских и украинских крестьянских традиций со включениями заимствований от горских народов. Казачество Северного Кавказа представляло собой русское и украинское крестьянство, силою обстоятельств попавшее в особые исторические условия, в особое окружение. Казаки видоизменили многие черты крестьянской жизни, внесли в нее немало своего, но многое и сохранили [71].

Культура городского населения. Важными центрами культурной жизни Северного Кавказа становятся в XIX в. города края: Ставрополь и Моздок, Владикавказ и Екатеринодар, Дербент и Темир-Хан-Шура, Георгиевск и Кизляр, курорты Кавказских Минеральных Вод — Пятигорск и Кисловодск, несколько позже — Железноводск и Ессентуки. В 1838 г. получил статут города Новороссийск, а в 1848 г.—Ейск. Города были не только административными и экономическими центрами, местами торгового обмена с горскими народами, но и средоточием культурных связей, общественно-политической мысли.

В городах открывались школы и училища, гимназии и пансионы для русских и горских детей. Первые светские школы и училища были открыты в Моздоке (1765 г.), Екатеринодаре (1803 г.), Ставрополе (1807 г.), Георгиевске (1809 г.), Дербенте (1837 г.) и других городах. Число их быстро росло. Во Владикавказе в середине XIX в. существовали осетинское духовное училище, школа военных воспитанников, училище для дочерей «нижних чинов» и лиц из городских сословий.

В школах преподавали такие передовые учителя, как Я. М. Неверов, первый создатель письменности на адыгских языках Умар Берсей и многие другие передовые труженики просвещения. При школах и училищах создавались библиотеки, позже возникли и публичные библиотеки. Первая Публичная библиотека в Ставрополе была открыта в конце 30-х годов XIX в. на частные пожертвования, а в 1852 г. там возникла Общественная библиотека, также собранная на средства горожан.

Города стали медицинскими центрами края, в них открывались госпитали и больницы, лазареты и аптеки. В Пятигорске и других городах Минеральных Вод раненых и больных лечили водами.

В городах открывались типографии, которые печатали официальные бумаги, афиши, объявления, рекламы, позже — сборники, пособия, первые учебники, литературные произведения местных авторов. С 1850 г. стала выходить газета «Ставропольские губернские ведомости».

Большую роль в общественной жизни городов играл театр. Первый русский театр на Кавказе был открыт в 1842 г. в Ставрополе. Спектакли этого театра (в его труппу входили известные в то время актеры: ученик великого М. С. Щепкина — П. Х. Рыбаков, артист имп. театров А. А. Алексеев и другие) пользовались большим успехом не только в своем городе, но и в других городах Кавказа, в том числе и в Тифлисе. Театр имел серьезный репертуар — трагедии У. Шекспира и Ф. Шиллера, пьесы А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя. Частыми гостями в городах, а особенно на курортах края, были артисты-гастролеры из городов Центра России и из-за границы.

В городах Северного Кавказа жили ссыльные декабристы, бывали великие русские писатели и поэты: А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой и А. С. Грибоедов, публицист Н. Нефедьев и композитор А. А. Алябьев, критик В. Г. Белинский и профессор И. Е. Дядьковский. Все они проявляли большой интерес к культуре горских народов, изучали ее и отражали в своем творчестве. На Кавказ ссылали свободомыслящих студентов столичных университетов, которые несли свои передовые идеи в многонациональные города Северного Кавказа, где формировалась горская интеллигенция. Это способствовало созданию передовой интеллигенции, состоящей как из русских, так и из представителей горских народов, развитию передовой общественно-политической мысли.

Рис. 6. Декабрист К. Г. Игельстром — руководитель строительства первой колесной дороги в горах Карачая и Черкесии
Неизвестный художник
Акварель. XIX в.

Декабристы на Кавказе. Большое влияние на распространение передовых идей на Северном Кавказе оказали декабристы. Еще до событий 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге Кавказ посетил В. К. Кюхельбекер, вскоре вернувшийся в столицу и вступивший в Северное тайное общество. После восстания декабристов скрывшегося в Варшаву В. К. Кюхельбекера жандармы прежде всего стали разыскивать в Ставрополье и на Кубани. В период создания тайных кружков декабристов на Кавказе служили Андрей и Петр Борисовы, А. И. Якубович, А. А. Авенариус, Ф. М. Большаков, П. А. Катенин и др.[72]. По делу о Кавказском тайном обществе к следствию привлекался А. С. Грибоедов[73].

После подавления восстания 14 декабря Северный Кавказ стал местом ссылки многих декабристов. Туда прибыли разжалованные в рядовые Н. Н. Оржицкий и Б. А. Бодиско, П. А. Бестужев и Ф. Г. Вишневский и многие другие. В 1829 г. на Северный Кавказ прибыл из сибирской ссылки служить рядовым солдатом писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. Первые четыре года своей ссылки он провел в Дербенте, где занимался литературной деятельностью. А. А. Бестужев-Марлинский бывал также в Ставрополе, Анапе, Керчи и Тамани.

В 1837 г. на Северный Кавказ прибыли рядовыми декабристы А. И. Одоевский, М. М. Нарышкин, Н. И. Лорер, В. Н. Лихарев, М. А. Назимов, А. И. Черкасов, К. Г. Игельстром и др. Осенью 1837 г. декабристы приехали за дальнейшим назначением в Ставрополь. На Кавказе декабристы встречали понимание и дружескую поддержку, вокруг них создавались кружки передовой молодежи. «В Ставрополе,— писал декабрист Н. И. Лорер,— познакомился я с очень умным и либеральным доктором Николаем Васильевичем Майером... Он знал многих

Рис. 7. Горная дорога и Георгиевский мост через Салтинское ущелье в Дагестане
Фотография. XIX в.

из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами и полезными советами. Он был друг декабристам»[74]. Об этом же писал и Н. П. Огарев: «Жизнь Майера естественно примкнулась к кружку декабристов, сосланных из Сибири на Кавказ в солдаты — кто без выслуги, кто с повышением»[75]. Декабристы принимали участие в строительстве новой жизни.

В целом в культуре городов Северного Кавказа четко прослеживается два течения: прогрессивно-демократическое, содействующее пробуждению культуры местных народов, и реакционное, свойственное многим представителям местной царской администрации и военным. В борьбе этих двух течений все большую роль играла прогрессивная русская культура. Как и в России, на Кавказе к середине XIX в. наблюдалась демократизация культуры. Только в мирных взаимоотношениях народов и их культур, во взаимном их обогащении было возможно дальнейшее развитие народов Северного Кавказа.

[1] См. Предисловие к книге «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1987).
[2] *Лермонтов М. Ю.* Соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 2. С. 233–234.
[3] *Жданов Ю. А.* Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в судьбах народов Северного Кавказа (XVI в.–70-е годы XIX в.). Грозный, 1982. С. 39.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10.
[5] Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 272–274; *Орлик О. В.* Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 143–144.
[6] АКАК. Т. 9. № 505.
[7] См. стихотворения А. С. Пушкина «Тазит» и М. Ю. Лермонтова «Исмаил-бей».
[8] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 1. С. 692–693.
[9] Песни народов Дагестана. Л., 1970. С. 276.
[10] Зап. ИРГО. СПб., 1878, 1863. С. 16–17.
[11] *Кумык (Шихалиев Д.-М.).* Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. Тифлис. 1848. № 43.
[12] *Толстой Л. Н.* Соч. М., 1948. Т. 9. С. 33; Л. Н. Толстой в записках современников. Грозный, 1961. Т. 3. С. 85–87.
[13] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 323.
[14] *Габиев С.* Лакцы, их прошлое и быт // СМОМПК. СПб., 1906. Вып. 36. С. 10.
[15] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 281–284.
[16] Хан-Гирей. Черкесские предания // Русский вестник. 1841. Т. 2. С. 36.
[17] Правда, 1966. 25 сент.
[18] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 62–96.
[19] *Ногмов Ш. Б.* Филол. труды. Нальчик. 1956. Т. 1. С. 16.
[20] Там же. С. 56.
[21] *Нарежный В. Т.* Соч. М., 1983. Т. 1–2.
[22] Поэты 1810–1830 гг. Л., 1972. Т. 1–2.
[23] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 1.
[24] Там же. С. 49.
[25] *Хамар-Дабанов Е.* Проделки на Кавказе. Ставрополь, 1987; *Агаханов Р., Степанов Б.* Что за псевдонимом? // Правда. 1987. 18 марта. С. 6.
[26] *Радожицкий И. Т.* Али-Кара-Мирза: Черкесская повесть в стихах. М., 1832; Отечественные записки. 1827. Т. 32, № 91. С. 285–310; № 92. С. 451–477; Там же. 1828, № 93–104.
[27] *Белинский В. Г.* Соч. М., 1948. Т. 2. С. 482; Т. 3. С. 82.
[28] См.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 1. С. 548.
[29] Современник. 1848. № 2. С. 86.
[30] *Полежаев А. И.* Соч. М., 1955. С. 277.
[31] А. С. Пушкин в русской критике. М., 1953. С. 42.
[32] *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 570.
[33] Дагестан в русской литературе. Махачкала, 1958. Т. 1. С. 141.
[34] Московский телеграф. 1826. Ч. 1. С. 36.
[35] Современник. 1836. Т. 1. С. 169; Избр. произв. адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 11–28.
[36] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 180.
[37] Кавказ. 1846. № 9, 51; 1847. № 11; Избр. произв. адыгских просветителей. С. 29–49.
[38] *Пузанов И. И.* А. Д. Нордман (1803–1866). М., 1969.
[39] КЭС. М., 1955–1966. Т. 1–3.
[39а] История Дагестана. Махачкала, 1966. Т. 1; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957.
[39б] КЭС. Т. 1–3.
[40] *Березин И. Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849. Ч. 1.
[41] *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.
[42] Тифлисские ведомости. 1831. 11 февр.
[43] *Гаджиев В. Г.* Декабристы на Кавказе // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 43–44.
[44] *Bell J. S.* Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837–1838 and 1839. L., 1840; *Норов А. С.* Описание рукописных и печатных книг славянских, принадлежащих А. С. Норову. СПб., 1836; ЖМНП. 1836. № 8.
[45] *Зубов П. П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, этнографическом, финансовых и торговых отношениях. СПб., 1834–1835. Ч. 1–4.
[46] Тифлисские ведомости. 1830. № 28–29, 72–74, 77–78, 84, 87; Русский Инвалид. 1830. № 217, 273, 275; ЖМНП. 1846. № 10–12.
[47] КЭС. Т. 1–3.
[48] *Неверовский А. А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов в Закавказье. СПб., 1847; *Он же.* О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847; *Он же.* Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848.
[49] *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961; КЭС. М., 1955–1966. Т. 1–3.
[50] *Тихонов Д.* и др. Описание Дагестана, 1796 // ГИА ДАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1874.
[51] *Шегрен А.* Религиозные верования осетин, ингушей и их соплеменников

при разных случаях // Журн. Маяк. СПб., 1843. Т. 6.

[52] *Кумыков Т. Х.* Кази Атажукин. Нальчик. 1969.

[53] *Кумыков Т. Х.* Хан-Гирей. Нальчик. 1968.

[54] См.: *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии; *Он же.* Черкесские предания.

[55] *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1959. С. 144.

[56] Там же. С. 134–135.

[57] *Кумык* [*Шихалиев Д.-М.*] Указ. соч. // Газ. Кавказ. Тифлис, 1848. № 11, 39–43.

[58] Современники о А. К. Бакиханове. Баку, 1959. С. 61.

[59] О мулле Таги см. в кн.: *Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. 1.

[60] «Derbend-nameh» or the History of Derbend Translated from a Select Tuirkisch. version Publisched with the Text and Notes etc. by Mirza A. Kazem-beg. St.-Petersburg, 1851.

[61] *Гаджиев В. Г.* О русском переводе «Дербент-наме»/ВИД. Махачкала, 1975. Т. 3. С. 253–256.

[62] *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 140.

[63] *Кумыков Т. Х.* Казы-Гирей. Нальчик, 1978. С. 74.

[64] *Ногмов Ш. Б.* Филологические труды. Нальчик, 1959. Т. 2. С. 55.

[65] Газ. Кавказ. 1846. № 1.

[66] Там же. 184. № 2.

[67] Современник. 1847. № 1; См. газ. «Кавказ» за 1846–1898 гг.

[68] *Толстой Л. Н.* Собр. соч. М., 1948. Т. 9. С. 33; Л. Н. Толстой на Кавказе в записках современников // Тр. ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1961. Т. 3. С. 87; Статистические материалы по исследованию быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 234–235.

[69] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). М., 1974. С. 339–345.

[70] Кубанские станицы. М., 1974. С. 226.

[71] Песни Терека: Песни гребенских и сунженских казаков. Грозный, 1974. С. 8.

[72] *Гаджиев В. Г.* Декабристы на Кавказе. С. 14.

[73] *Медведев М. М.* Новое о Грибоедове и декабристах // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Ч. 1. С. 475–496. *Он же.* А. С. Грибоедов и декабристы // Неделя. 1960. 19–25 июня.

[74] *Шацкий П. А., Муравьев В. Н.* Ставрополь: Исторический очерк. Ставрополь, 1977. С. 50.

[75] Там же.

Глава VII

АГРАРНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНАЯ РЕФОРМЫ 60—70-х ГОДОВ XIX В. НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1877—1878)

1. Предпосылки и особенности аграрной реформы на Северном Кавказе

Предпосылки реформы. В 1861 г. в России было отменено крепостное право. Произошла смена феодально-крепостнической системы капиталистической. Анализируя причины падения крепостного права, В. И. Ленин писал: «„Великая реформа“ была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские „бунты“, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*» [1]. К концу 50-х годов в России назревала революционная ситуация, охватившая все стороны хозяйственной и политической жизни страны. Крымская война 1853—1856 гг. оказала сильное влияние на рост классовых противоречий и взбудоражила народные массы. Развернулось крестьянское движение, усилилась революционная агитация, зашевелились даже либеральные круги. Верхи дворянского и буржуазного обществ не могли оставаться равнодушными к происходившим событиям и к идейной борьбе, развернувшейся в стране. Налицо был острый кризис феодально-крепостнического строя, который мог привести к революционным преобразованиям.

Однако правительство и помещики решили предотвратить опасное, по их мнению, развитие событий и освободить крестьян от крепостнической зависимости. «Крестьянин вырвался из-под власти крепостников, поскольку ставился под власть денег, и попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61 года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века» [2].

Царское правительство вслед за проведением реформы в центральной России вынуждено было провести также реформы на окраинах империи,

в том числе и на Северном Кавказе, который далеко отставал от России в своем экономическом развитии. Здесь в дореформенный период в горских обществах отсутствовали капиталистические отношения. Развитие производительных сил еще не достигло той ступени развития, когда они неизбежно приходят в конфликт со старыми производственными отношениями. Поэтому экономическую необходимость развития реформы на Северном Кавказе следует объяснить интересами бурно развивавшегося капитализма в пореформенной России. Эти интересы требовали приспособить экономику отсталых окраин к нуждам буржуазного развития России. Русская буржуазия искала новые источники сырья и рынки сбыта товаров. «Необходимость внешнего рынка для капитализма,— писал В. И. Ленин,— объясняется вовсе не невозможностью реализовать продукт на внутреннем рынке, а тем обстоятельством, что капитализм не в состоянии повторять одни и те же процессы производства в прежних размерах, при неизменных условиях» [3]. Царское правительство добивалось того, чтобы Северный Кавказ превратился из страны, обременяющей Россию, в страну, обогащающую ее. С другой стороны, Кавказу отводилась роль плацдарма в решении восточного вопроса в свою пользу. Проведение аграрных и административно-судебных реформ было подчинено в значительной степени этим планам. Северный Кавказ действительно стал не только рынком сбыта товаров русской промышленности, но и источником сырья. Край был богат сырьевыми ресурсами, необходимыми для русской промышленности. Кроме того, в дальнейшем он сыграл большую роль в усилении международного авторитета России.

Но натуральное хозяйство, отсталость, многочисленные пережитки, феодальная раздробленность служили преградой для более широкого использования территории Северного Кавказа в интересах экономики России. Возникла необходимость проведения здесь ряда реформ, с тем чтобы приспособить край к новым условиям развития России в пореформенный период.

Было бы неверным думать, что на Северном Кавказе не было никаких внутренних предпосылок для проведения крестьянской реформы. Хотя здесь не было всех тех условий, в силу которых в центральных губерниях России на смену старым, феодально-крепостническим отношениям пришли новые, буржуазные отношения, но были определенные предпосылки внутреннего характера, толкавшие царизм к проведению социальных и административных реформ. Прежде всего речь идет об усилившейся классовой борьбе в горских обществах Северного Кавказа. Волна крестьянского движения и отмена крепостного права в России оказали заметное влияние на антифеодальную борьбу народных масс в Дагестане и Осетии, Кабарде и Балкарии, Чечне и Ингушетии, Карачае и Черкесии, в Ставропольской губернии и Адыгее, в казачьих станицах и русских селах Кубанской и Терской областей. Начальник Дагестанской области доносил царю в 1861 г., что «в последнее время жалобы рабов и рабынь стали повторяться все чаще» [4]. В 60-х годах в Дагестане развернулось широкое антиханское движение, которое приняло следующие формы: открытые выступления против ханов и беков, самовольные и массовые отказы нести подати и отбывать барщину, подача коллективных жалоб, открытое игнорирование ханов и непризнание их правителями, захват ханских земель. Только в 1862 г. крестьяне ста аулов Кюринского ханства направили в Дербент своих ходоков с жалобой на жестокость Юсуф-хана. Для антибекской борьбы были характерны два аспекта. С одной стороны, шли непрестанные, упорные волнения, повседневная глухая борьба, а с другой — вспыхивало пламя восстания,

которое гасилось совместными усилиями местных феодалов и кавказской администрации.

Классовые противоречия на Кавказе настолько обострились, что наместник Кавказа вынужден был писать Александру II: «Вопрос об освобождении зависимых сословий стал в такое положение, что было бы неблагоразумно и неосторожно откладывать его решение» [5].

Антифеодальная борьба горских крестьян очень часто переплеталась с антиколонизаторским движением. К антиколонизаторским мотивам выступления масс почти всегда примешивались и антифеодальные, и наоборот.

Борьба горцев против кавказской администрации проявлялась в многообразных формах. За редким исключением, местная знать вместе с царскими войсками активно участвовала в подавлении крестьянских восстаний. В мае 1858 г. произошло крупное восстание ингушских крестьян, известное под названием «Назрановское возмущение». Поводом послужили переселение горских крестьян на новые места в связи с укрупнением селений и подготовкой земельной реформы, преследование за антикрепостнические выступления, лишение горцев права ношения холодного оружия и др. Восставшие (около 5 тыс. человек) напали на Назрановское укрепление, но были отбиты. Предпринятая в начале июля имамом Шамилем попытка прорваться с отрядом в Ингушетию на помощь восставшим окончилась неудачно. Восстание было подавлено, предводители были наказаны шпицрутенами и отправлены на каторгу, сотни участников сосланы на поселение в Сибирь.

В мае 1860 г. произошло крупное восстание в горной Чечне, в Ичкерии [6]. Начало восстанию положили крестьяне селения Беной. К восставшим беноевцам присоединились соседние аулы, и к середине июня восстанием были охвачены крестьяне всего Ичкеринского округа и ряда селений горного Дагестана. Восстание было подавлено лишь в январе 1861 г. объединенными усилиями воинских частей Терской и Дагестанской областей.

Одновременно с восстанием в Ичкерии происходили волнения в другом горном округе Чечни — Аргунском, которые вылились к осени 1861 г. в крупное движение горских крестьян, которое охватило и ряд аулов соседнего Андийского округа Дагестана. Для его подавления было брошено 15 батальонов пехоты, 7 сотен казаков, 10 сотен Терского и Дагестанского конно-иррегулярных полков, 9 сотен постоянной милиции, 1 дивизион драгун и 3 дивизиона артиллерии. Кроме этого, власти использовали противоречия между восставшими бедняками и имущими классами, и «эти последние меры,— по свидетельству начальника Терской области,— более способствовали нашим успехам, чем сила нашего оружия» [7].

В 1863 г. в Андийском округе произошли крупные волнения жителей, местами перешедшие в вооруженные схватки с войсками. Примеру андийцев последовали гумбетовцы, которые одновременно напали на Ботлихское, Тлохское и Чиркатское укрепления. Все восстания были подавлены царскими войсками.

Одной из форм борьбы против политики царизма было противодействие горцев созданию новых органов административного управления на местах. Волнения жителей происходили и в связи с обложением горцев налогами в пользу царской казны. Стремление горцев освободиться от казенных налогов послужило основной причиной восстания 1866 г. в Кайтаго-Табасаранском округе, продолжавшегося более месяца. В августе 1866 г. восстали жители ряда селений Табасарана. Между

войсками и крестьянами произошли рукопашные схватки, в результате которых были убитые и раненые. Отдельные аулы были разрушены, а жители их перебиты.

Классовая борьба развернулась в Терской и Кубанской областях, а также в Ставропольской губернии. Упорный характер носили выступления крестьян в Большой Кабарде в 1838 г., в которых приняли участие более 5 тыс. крестьян [8]. В 1850 г. крестьяне Безенгиевского ущелья Шауваловы «совершенно вышли из повиновения», а в 1855 г. восстали крестьяне в Чегемском и Хуламском обществах Балкарии.

Осетинские феодалы были встревожены обострившейся социальной борьбой. «Между знатью и черным народом в Дигории,— свидетельствовали они в 50-х годах XIX в.,— существует страшная неприязнь и ненависть вследствие повинностей» [9]. В 1856 г. после убийства баделятом одного крестьянина «восстал на баделят весь черный народ». Формой классовой борьбы горских крестьян было и абречество, социальный состав которого был сложным. Здесь были сильны антифеодальные и антиколонизаторские мотивы. Многие абреки, как народные мстители, наводили ужас и смятение в стане господствующих верхов.

Нередко имущие верхи — наибы, старшины, некоторые феодалы и клерикальные круги — примыкали к восставшим, иногда даже возглавляли восстания, пытаясь использовать горские народные массы и их недовольство порядками царских властей, чтобы добиться для себя уступок со стороны кавказской администрации и восстановить утраченные привилегии.

К подобным выступлениям следует отнести известные в истории «Шалинские события». В январе 1864 г. в с. Шали собралось чуть ли не со всей Чечни до 3 тыс. мюридов-зикр, которые потребовали освобождения арестованного накануне главы секты зикристов Кунта-Хаджи. Когда последовал отказ властей, мюриды-зикр, спровоцированные фанатичными предводителями, по свидетельству начальника Аргунского округа полковника А. Ипполитова, «не вынимая оружия, но надеясь на сверхъестественную силу... Кунта и помощь неба, с молитвами и плясками пошли... на баталионы», в результате «164 человека было убито» [10]. 18 руководителей зикристов были отправлены на каторжные работы, а сотни зикристов сосланы в Сибирь. Через год, в мае 1865 г., зикрист Таза Экмурзаев из Харачоя сделал новую попытку поднять восстание в Ичкерии, провозгласив себя имамом. Характерно, что выступление было подавлено властями в основном руками местной чиновничье-мусульманской верхушки [11].

Протесты и выступления крестьян против эксплуатации развертывались и среди русского населения Северного Кавказа. Одним из крупных было выступление крестьян в с. Маслов Кут (Стародубское), расположенном на р. Кума, поблизости от Кабарды. 2500 крестьян возмутились и вышли из повиновения владельцев. Почти половину января 1853 г. повстанцы оказывали упорное сопротивление. И все же восстание было подавлено. 26 активным участникам удалось скрыться в горских аулах. И тем не менее выступление масловокутских крестьян против феодально-крепостнического гнета оказало революционизирующее влияние на местных жителей, на рост их социального сознания. Поэтому не без основания наместник Кавказа гр. М. С. Воронцов, желая предотвратить «смуту», в июле 1857 г. дал секретное указание ставропольскому губернатору о необходимости выкупа имения Калантаровых. Александр II, обеспокоенный масловокутским восстанием, в июне 1857 г. поручил вновь назначенному наместнику Кавказа кн. А. И. Барятинскому убедить по-

мещиков Калантаровых продать имение Маслов Кут крестьянам, внушив помещикам, что такая продажа «*необходима для предупреждения дальнейших* беспорядков» [12].

Отчаянную борьбу против князей и дворян вели и адыгские крестьяне. В Кубанской области накануне реформы участились случаи столкновения горских крестьян с царскими властями и феодальными владетелями. Напряженное положение в области усилилось, когда в соседней Кабарде и в Масловом Куте начались волнения, а в Сухумском округе вспыхнуло крестьянское восстание. Кубанская администрация констатировала, что сухумские события вызвали брожение в Кабарде, а оттуда «немедленно сообщались жителям Зеленчукского округа и особенно Лабинским горцам» [13].

Вершиной борьбы кубанских адыгов явилось Ходзинское восстание в апреле 1868 г., в котором приняло участие несколько сот человек. Поводом к выступлению послужили переселение горцев на новые места в связи с подготовкой земельной реформы, преследование участников антикрепостнического движения, лишение крестьян права носить холодное оружие и т. д. Окружив ходзинские аулы регулярными войсками, военное командование использовало некоторых представителей горских верхов, находившихся во главе восстания, чтобы расколоть его участников. В результате большинство крестьян сложило оружие. Однако более 50 человек отказалось сдаться. В апреле 1868 г. они укрепились в ауле Докшукохабль (поселок Дашковский) и оказали упорное сопротивление царским войскам, но были разгромлены. Активные участники восстания были арестованы и приговорены к различным срокам каторжных работ.

Как видно из вышеизложенного, на всем Северном Кавказе классовые противоречия в 40—60-х годах XIX в. настолько обострились, что наместник Кавказа кн. М. С. Воронцов вынужден был докладывать военному министру А. И. Чернышеву: «Дух времени и освобождение крестьян в России и Закавказском крае произвели свое действие, и случаи столкновения горских холопов с их владельцами и взаимные жалобы их становились все чаще и чаще, делая отношения между ними все более натянутыми» [14].

Проводя различные реформы, царское правительство имело в виду ослабить остроту социальной борьбы, обложить население поземельной повинностью, которая была бы феодальной рентой в пользу государства, являвшегося верховным собственником земли. Часть местной феодальной верхушки, сознавая надвигавшуюся опасность, резко отрицательно относилась к мероприятиям правительства, занимало сепаратистскую позицию и нередко склонялась на сторону иноземных захватчиков. Царское правительство, учитывая эти факторы, стремилось реформами выбить из-под ног феодальной верхушки социальную базу, на которой держалось ее влияние на народ.

2. Земельная реформа

Особенности земельной реформы на Северном Кавказе. Важной особенностью реформы на Северном Кавказе было то, что здесь в отличие от Центральной России она проводилась по этапам и очень осторожно. Ввиду того, что на Северном Кавказе продолжали свою подрывную деятельность иностранные агенты, усиленно агитируя за переселение местных жителей в Турцию, открытое наступление на феодальные права князей и дворян правительство сочло нежелательным. Оно хотело, с одной стороны, сохранить классовую солидарность с местной феодальной

верхушкой (и в особенности с теми из них, кто поддерживал Россию), но, с другой — оно также хотело завоевать симпатии горских крестьян, официально поддерживая их естественное стремление к освобождению от крепостнической зависимости.

Проводя земельную реформу, царское правительство преследовало также цель создать казенный земельный фонд из «свободных земель». Вместе с этим, желая притупить остроту назревающего социального конфликта, не допустить открытого выступления вдвойне угнетенного горского крестьянства, царская администрация заигрывала с горским крестьянством, давая им многообещающие заверения. Многоплановостью и противоречивостью задач, которые ставило перед собой царское правительство, во многом объясняется осторожность подхода к реформам на Северном Кавказе и поэтапный и затяжной характер их осуществления.

Так, еще в 40-х и 50-х годах XIX в. главнокомандующие и наместники Кавказа и местная администрация принимали, исходя из военного времени, различные меры, направленные на «успокоение» края. С этой целью были образованы Комиссии Осетинского и Чеченского округов и Кабардинский и Кумыкский комитеты [15]. Комиссия Чеченского округа составила проект размежевания Надтеречного наибства. Осетинская комиссия поддержала требования тагаурских старшин о признании за ними феодальных прав. Старшин стали именовать алдарами. Некоторые крестьянские (фарсаглагские) дворы разных аулов были переселены на равнину. Во всех обществах правительство признавало феодальные права старшин над крестьянами. Но впоследствии правительство отказалось от этой исходной позиции, признав ее ошибочной. Такую позицию администрация заняла не только по отношению к осетинским, но и по отношению к кабардинским, кумыкским и другим феодалам.

В 1853—1856 гг. в Осетии была проведена частичная реформа поземельных отношений. В ходе размежевания алдары получили наделы из расчета 225 дес. на двор, а крестьяне — 37 дес. Причем наделение землею крестьян затянулось на многие годы.

Земельные комитеты. Комиссии не решили земельный вопрос ни в Чечне, ни в Кабарде, ни в Осетии, и впоследствии они были упразднены. Взамен их был создан новый «Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев левого крыла Кавказской линии» под председательством Граммотина.

Комитет занимался главным образом разбором сословных прав и привилегий горской знати. Для крестьян было сделано очень мало. Все комиссии и комитеты, действовавшие с 1847 по 1861 г., признавали вотчинные права местных феодалов. Они предлагали правительству поддерживать сложившиеся земельные отношения. До конца 50-х годов правительство, занятое подавлением движения под руководством Шамиля, соглашалось с этим. Но после поражения Шамиля участились отступления от этого правила. По признанию наместника Кавказа, накануне реформы 60-х годов «все распоряжения наши по земельным делам, вызванные большею частью лишь военными соображениями, имели характер временных мер, не могли уже удовлетворить ни видам правительства, ни потребностям горцев» [16].

В 1861 г. кн. Орбелиани разработал новый проект земельной реформы, который он изложил в своем «отзыве» на имя военного министра. При выработке проектов земельных реформ наиболее сложным и спорным оказался вопрос о том, какую систему землевладения принять за

основу: общинную или частнособственническую? По мнению кн. Орбелиани, сельская община имела то преимущество, что она препятствовала пролетаризации крестьянства; частная же собственность могла содействовать более совершенному развитию сельского хозяйства. Орбелиани предлагал закрепить за князьями и дворянами определенные земли на правах частной собственности, но с условием, чтобы они не предъявляли никаких претензий на другие земли, а равным образом и земли лиц, которых они считали своими вассалами-крепостными. Орбелиани предлагал дать землю тем лицам, которые по происхождению не принадлежали к высшему сословию, «но своим усердием и преданностью» принесли царскому правительству «огромную пользу» и в службе достигли тех чинов и наград, «которые по законам империи дают право дворянства». Таким образом, князь предложил сочетать общинную форму землевладения с частной. Этот проект в Петербурге получил одобрение.

В связи с одобрением проекта реформы, представленного кн. Орбелиани, все окружные комитеты и комиссии, учрежденные в разное время, были упразднены. В мае 1863 г. была создана общая для Терской области комиссия по разбору личных и поземельных прав, на которую возлагалась задача выяснения сословных и поземельных прав горского населения Терской области. В связи со сложностью предстоящих разрешению вопросов, разбросанности разноплеменного населения на огромной территории и своеобразия социальных отношений и землепользования у разных народов в каждом округе были созданы отделы комиссии в составе 1—2 членов из этой комиссии, «депутатов» от народа и начальника округа в качестве председателя. Таким образом, были образованы отделы: Кумыкский в с. Хасавюрт, Чеченский в Грозном, Осетинский во Владикавказе и Кабардинский в слободе Нальчик. Результаты работы этих отделов рассматривались в комиссии, которая и выносила окончательное решение. Комиссия действовала под председательством известного общественного деятеля, кабардинца Д. С. Кодзокова.

Комиссия взяла за основу своей работы положение о том, что «земля, занимаемая жителями на плоскости, есть казенная». При таком подходе к земельному вопросу правительство имело основание считать все занятые горцами земли государственным достоянием и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Первый шаг к реформе на Тереке ознаменовался Положением об управлении Терской областью от 29 мая 1862 г. о введении нового территориального деления на округа и отделы. 29 августа 1863 г. был провозглашен акт о введении в Кабарде общинного права владения землей. В этом акте феодалы соглашались пользоваться землей на основе общинного права «по нашим народным обычаям» [17]. Заявив об этом, они рассчитывали по-прежнему получать феодальные повинности с крестьян, остаться распорядителями, короче говоря, сохранить за собой если не все, то во всяком случае большинство владельческих прав. Кроме того, кабардинские князья и дворяне просили закрепить за ними земли, лежащие между реками Золкой и Этоко, и выдать им план и акт на эти земли.

Правительственный акт от 29 августа 1863 г. Для царского правительства акт от 29 августа 1863 г. был удачным маневром, имевшим целью отвлечь трудящихся от классовой борьбы: правительство знало, что старая идея общинного пользования землей найдет поддержку у горского крестьянства. Акт позволял правительству ускорить введение

государственных податей и освобождение крепостных с наделением их землей; одновременно он давал возможность награждать землями представителей кабардинской знати, находившихся на государственной службе. Наконец, акт был выгоден еще и потому, что «инициатива» его составления принадлежала кабардинским феодалам. Это раз и навсегда избавляло правительство от каких бы то ни было претензий со стороны кабардинских князей и дворян.

Правительство намеревалось поступить так же с балкарскими и осетинскими феодалами, однако последние решительно отказались от этого. Там, где подписания акта не удавалось достичь мирным способом, власти вводили общинное землепользование административным путем. Разумеется, акт от 29 августа 1863 г. был составлен под определенным нажимом со стороны областной и окружной администрации. Под давлением комиссии осетинские и балкарские депутаты заявили, что они для единства тагаурского общества и для прекращения между ними сословной вражды согласны считать землю общим достоянием всех тагаурских сословий и владеть ею на общинном праве. Это заявление соответствовало взглядам председателя комиссии Д. С. Кодзокова, считавшего, что община «предохранит население от совершенной нищеты в будущем». Поэтому его комиссия для урегулирования взаимоотношений отдельных сословий осетин признала необходимым ввести и в Осетии общинное владение землей. С мнением комиссии согласился главнокомандующий Кавказской армией вел. кн. Михаил Николаевич. Из Тифлиса пришло распоряжение: «Всю плоскостную землю Тагаурского общества распределить в надел аульского общества». Алдарское сословие включалось в число обывателей, получивших на двор 40 дес. земли. Алдары могли пользоваться общинной землей наравне со всеми. Те алдары, которые не соглашались на это, получали земли в Кубанской области в количестве до 300 дес. на двор. Но введению общинного владения землей мешало разрозненное расположение аулов. Было признано необходимым укрупнить аулы. В Куртатинском обществе из трех селений было образовано два: Кадгарон (для христиан) и Ногкау (для мусульман). В Алагирском обществе оставалось два селения — Ардонское и Салугарданское.

Царское правительство уделяло особое внимание выселению чеченцев и ингушей с гор на равнину, а также укрупнению кабардинских населенных пунктов. Кроме всего, это облегчало царизму полицейский надзор над местным населением. Население Кабарды, ранее составлявшее 116 мелких сел, было объединено в 1865 г. в 39 селений, которым было отведено в надел более 300 тыс. дес. земли на общинном владении. Норма подворного надела устанавливалась в 36 дес. Но фактически 70% крестьянского надела составляли неудобные для обработки земли.

Малоземелье вызывало многочисленные жалобы сельских обществ. Так, например, в прошении доверенных от общества с. Мисостово говорилось: «В нашем селении 200 дворов с населением 1976 душ обоего пола, так что пахотной земли приходится на душу менее чем по одной с четвертью десятины. На таком количестве обеспечить семейство довольно трудно». Жители с. Докшукино указывали в своем прошении от 21 ноября 1870 г., что «под усадьбою и для угодий наших земля нашего аула почти вся каменистая... так что нет на ней настоящего урожая, жизненных припасов, и мы через это терпим крайность нужды в содержании семейств своих» [18]. Эти документы типичны для всех горских аулов.

Председатель сословно-поземельной комиссии Д. С. Кодзоков не был согласен с проектом кавказского наместника о наделе князей и дворян

особыми земельными участками. «Предположения о необходимости надела земли в частную собственность кабардинцев высшего сословия я не разделяю»,— писал он в своей «Записке о частной собственности в Кабарде», где изложил свое «особое мнение» о наделе горских феодалов землей. Исходя из него, комиссия заключала: «Следует ли жертвовать интересами масс в пользу отдельных личностей и какая польза обделять их землею, а ленивому, малоспособному высшему сословию давать возможность эксплуатировать трудящийся класс народа» [19]. Но вопреки его мнению горские феодалы получили большие земельные наделы. Из 199 семейств кабардинских князей и дворян 136 получили наделы от 100 до 300 дес., 23 — от 500 до 1000, а 6 человек — свыше 1 тыс. дес. В целом за верхушкой было закреплено более 100 тыс. дес., что составляло треть сельских наделов в Кабарде.

В обязанность Чеченского отдела поземельной комиссии, работавшей в 1864—1869 гг., входило определить количество земли в округе, выяснить формы землевладения и поземельные права и провести размежевание земли. Комиссия доказала, что к началу 60-х годов владения чеченских крестьян «значительно изменились» и к 1858 г. приходилось менее 10 дес. на двор [20].

Размежевание земель. В 1863—1864 гг. было проведено размежевание земли в Надтеречном наибстве Чечни. Здесь 13 селениям была размежевана земля в общинное владение 3343 дворам из расчета от 28 до 34 дес. на двор. Кроме того, в наибстве были размежеваны пожалованные в частную собственность 5 семьям кабардинских и кумыкских феодалов более 19 тыс. дес. земли (Таймазовым — 6551 дес., Бекович-Черкасским — 6312, Алхасовым — 2800, Турловым — 2001, Эльдаровым — 1400 дес.).

Царское правительство не признало за чеченской и ингушской знатью права «почетного сословия», мотивируя это тем, что в Чечне и Ингушетии не было оформившейся феодальной знати. Но образовало «институт частной поземельной собственности» путем «высочайших пожалований» за личные заслуги царским офицерам и другим частным лицам, оказавшим царским властям те или иные услуги. Так, Бата Шамурзаев, Арцу Чермаев, Касым Курумов, Турло Алханов, Ваган Аду получили от 650 до 500 дес. земли каждый, как и десятки других. Это означало, что феодальная знать и служивые не были обижены. За счет крестьянских земель были искусственно созданы крупные землевладения. Отобранные ранее земли крестьянам так и не вернули.

Созданный в 1866 г. Чеченский отдел Терской поземельной комиссии, исследуя поземельные отношения в Качкалыковском наибстве Чеченского округа, установил, что кумыкские князья и уздени претендуют на владение в этом наибстве земельными участками площадью 13 400 дес. По признанию наместника на Кавказе, он, «не входя в строгое юридическое разбирательство прав кумыкских князей и узденей», признал за ними эти права при «условии безвозмездного выдела из упомянутых участков половинного количества земли в надел народу, подобно тому как производился раздел земли между владельцами и народом в Кумыкском округе». Исходя из того, что «закрепление за кумыкскими землевладельцами остальной половины означенных участков крайне стеснило бы поземельный надел жителей Качкалыковского наибства», правительство решило выкупить 6700 дес. земли по 3 рубля за десятину у кумыкских князей и присоединить их «к общему количеству земель, предназначенных для надела поаульно жителей Чеченского округа» [21].

В 1866 г. в плоскостной Ингушетии было проведено размежевание земель. Еще в 1860 г. наместником Кавказа кн. Барятинским Назрановскому обществу, состоящему из 15 аулов, был указан надел земли в Назрановском участке из 62 807 дес., на котором расположено 15 аулов (3715 дворов), кроме этого, при распределении земель к названному обществу были отнесены еще 4 аула. По признанию наместника, «территория Назрановского участка не может дать удовлетворительного надела жителям, на ней водворенным», поэтому было добавлено 16 100 дес. из выкупленных казной у кн. Бекович-Черкасских земель, и эти оба участка были наделены 19 аулам (4295 дворов), что составило в среднем по 18 десятин на двор [22]. Далеко не все дворы, даже не все аулы получили одинаковые наделы. Деятельность Особого временного отдела Терской поземельной комиссии, созданной в 1866 г. для «уяснения существующих в Чеченском округе поземельных отношений и составления предложений о равномерном распределении земель этого округа», особого успеха не имела. Лишь в 1876 г. в 37 плоскостных аулах Чечни было проведено размежевание земли. Средний надел составлял от 15,5 до 27 дес. на двор [23]. Таким образом, земельная реформа в Чечне и Ингушетии затянулась на десятки лет.

В горной Чечне — Аргунском, Ичкеринском и Нагорном округах — и в Горском участке Ингушского округа земельная реформа так и не была проведена до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., хотя все эти десятилетия постоянно работали всевозможные комиссии.

В Кумыкском округе с 1860 по 1867 г. работала сословно-поземельная комиссия, которая на первом этапе «привела в известность все земли кумыкских землевладельцев», разобрала земельные споры между ними и определила их личные права. Второй этап подготовки был посвящен решению крестьянского земельного вопроса. Вокруг этого развернулась острая борьба между князьями и крестьянами. Вначале князья отказались наделить крестьян землей. Однако царские власти, опасаясь дальнейшего обострения борьбы крестьян против феодалов, склонили князей к наделению крестьян землей, как это было сделано и в других районах.

Обсуждались три проекта наделения крестьян землей. Крестьяне потребовали для себя 2/3 феодальной земли, феодалы решили уступить крестьянам 1/3 всей земли, царские власти предложили компромиссный проект, по которому 3/5 земли предоставить крестьянам без выкупа, а 2/5 оставить за владетелями. В 1865 г. под давлением администрации феодалы согласились «предоставить половину земли народу безвозмездно» [24].

Подготовительная работа завершилась утверждением Александром II «Правил» раздела земли между феодалами и крестьянами Кумыкского округа. Было решено выделить крестьянам половину владельческой земли без выкупа. На основе «Правил» сословно-поземельная комиссия приступила к проведению земельной реформы. Перед разделом владельческих земель были установлены внешние границы округа, окончательно решены споры между самими владельцами. К межеванию земли, которое продолжалось до 1870 г., комиссия приступила в 1865 г.

В Кумыкском округе около 30 тыс. крестьян (8884 двора) безвыкупно получили 203 123 дес. земли. За 166 феодалами осталось 184 396 дес. В среднем на каждого феодала приходилось более 1110 дес. Кроме того, в собственности царской казны осталось 20 тыс. дес. земли. В итоге межевания земли крестьяне получили 52% всей земли, за феодалами

осталось — 48%. На каждого феодала приходилось в 40 раз больше земли, чем на крестьянский двор. В крестьянский надел входили большей частью неудобные земли — примерно 25%. В среднем на душу приходилось менее 5 дес. всей земли. Размер пашни в подворном наделе не превышал 3—4 дес. Земли отводились сельским общинам. Крестьянские дворы получили земли лишь во *временное* пользование, как и в России. Земли делились не по душам, а *по дворам*, независимо от того, из какого числа членов эти дворы состояли.

Размежевание владельческих земель от сельских было закончено к 1870 г. В результате крестьяне ряда селений лишились выгонов, водопоев, канав. Нередко крестьянские земли оказывались небольшими островками, окруженными со всех сторон бекской землей. Имелись случаи, когда целые аулы насильственно переселялись на новые места с земли, оставлявшейся феодалам. Были лишены права на надел те из чеченцев и дагестанских горцев, которые переселились в Кумыкский округ после 1859 г., а также 199 дворов горских евреев. Размежевание земель между сельскими обществами фактически не было проведено, им были указаны лишь временные границы. Проект распределения земель между сельскими обществами Кумыкского округа так и не был официально утвержден. Спустя 40 лет начальник Терской области доносил, что эта «проектная карта» потеряна. Временные границы, указанные в 60-х годах, в большинстве случаев утратились, и это способствовало столкновению крестьян разных селений из-за границ земельных участков.

В отличие от Кумыкского округа во владениях шамхала, мехтулинского хана не было проведено размежевание крестьянских земель от феодальных. Размер наделенной земли не был определен, исключая Присулакское наибство. Земли официально не были за ними закреплены. У крестьян фактически осталось то количество земли, которое было в их пользовании до реформы.

В основу земельной реформы в Кубанской области были положены те же принципы, что лежали в основе проведения реформы в Терской области.

В июне 1861 г. командующий войсками Кубанской и Терской областей генерал-адъютант гр. Евдокимов обнародовал «Положение об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области». В нем, как и в Терской области, намечалось наделение крупных феодалов большими земельными латифундиями в индивидуальное потомственное пользование, остальных дворян — от 100 до 200 дес. в фамильное пользование, а крестьян-общинников — по 7 дес. на душу мужского, пола на правах общинного владения. Однако в нем не предусматривалось наделение землей холопов и крепостных крестьян; считалось, что «они должны были пользоваться землями из участков своих господ» [25].

Реформа была начата с наделения землей крупных феодалов ногайского и абазинского народов Верхне- и Нижне-Кубанских приставств, активно содействовавших осуществлению внутренней политики царизма.

Составной частью земельной реформы в Кубанской области было ее заселение переселенцами. Весной 1862 г. гр. Евдокимов подготовил новый проект «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». В нем предполагалось отвести казакам по 20 дес. на душу м. п., а норма надела горцев сокращалась до 4—5 дес. Граф утверждал, что для горцев «большой поземельный надел положительно вреден», поэтому, по его мнению, «надел этот можно считать весьма изобильным» [26].

В течение 1862—1863 гг. в Урупском и Зеленчукском округах было отмежевано «лицам первой категории» 27 участков в количестве 55 936 дес.[27] Одновременно началось наделение землей дворянских фамилий, представители которых служили в различных военно-административных управлениях края. Однако до горского крестьянства в эти годы очередь так и не дошла. В отношении карачаевцев, больше всех страдавших от безземелья, царская администрация ограничилась только «дарованием» почти непригодных земель [28].

«Положение» 19 февраля 1861 г. было также распространено и на Северо-Западный Кавказ, в частности на адыгейцев. Учитывая предстоящую отмену крепостного права, правительство сочло возможным несколько увеличить земельный фонд «лицам третьей категории», а также наделить крепостных крестьян земельными участками.

7 ноября 1867 г. Кавказский земельный комитет (образован в феврале 1866 г. в Тифлисе) вынес решение о продолжении работы по наделению землей русского и горского населения Кубанской области. В результате съемочных и топографических работ, проведенных в течение 1867—1870 гг., в Екатеринодарском отделе были отмежеваны 30 крупным царским военным сановникам около 80 тыс. дес., в том числе гр. Евдокимову более 10,5 тыс. дес., генерал-лейтенанту Карцову — более 7,5 тыс. дес. Девяти русским станицам и селам были отмежеваны 60 363 дес. Часть адыгских аулов получила также землю в общинное владение [29].

В Майкопском отделе 153 русским военным деятелям было отмежевано более 100 тыс. дес., горской феодальной знати — около 35 тыс. дес. земли. Были отмежеваны земли и станицам; 4695 семействам, переселившимся в Закубанье, было отведено 1 002 038 дес.

В Баталпашинском отделе большие земельные латифундии получили представители царского генералитета и горская феодальная знать, которой было выделено около 70 тыс. дес. земель. Полковник Адиль-Гирей Капланов-Нечев получил 5371 дес., майор князь Эдык Абуков — 2300 дес. и т. д. 26 аульным юртам были отмежеваны 125 011 дес. Для карачаевцев было выделено 14 тыс. дес. по долине р. Теберды и 26 тыс. дес.— между Кубанью и Кумой. На этих землях были основаны новые аулы: Теберда (1868 г.), Каменномостский (1870 г.), Сенты (1870 г.), Мара (1875 г.) и Джегутинский (1883 г.). Как видно, земельный вопрос и здесь решился в пользу офицеров, чиновников и местных феодалов.

В результате проведения земельной реформы и ликвидации ханств значительно увеличился земельный фонд, принадлежащий царской казне как за счет земель бывших ханов, так и за счет захвата крестьянских общинных земель. Из фонда казенной земли, как и раньше, большие участки предоставлялись администрацией активным проводникам политики, служившим царскому престолу, из числа местной знати и русских офицеров и чиновников. В результате земельной реформы, по существу, был создан новый класс помещиков, который был прочно привязан к колеснице царского самодержавия. Представители этого класса верой и правдой служили царизму.

Введение государственной поземельной повинности. Непосредственным результатом проведения земельной реформы на Северном Кавказе было введение государственной подати. К обложению горцев Северного Кавказа государственным налогом власти готовились долго и тщательно, чтобы не вызвать волнения. По признанию главнокомандующего Кавказской армией, «обложение податями представляло наибольшие за-

труднения и требовало наибольшей осторожности как в самом исполнении, так и в подготовлении к нему населения»[30]. И лишь 1865 год был признан «удобным» для введения податей, исходя из успешных действий комиссии по вопросу наделения землею и переселения части «беспокойного» населения в Турцию. При обложении населения поземельной повинностью учитывались обеспеченность землей и другие особенности районов.

Горцы Кубанской области платили 3 руб. с двора, равнинной части Дагестанской области — от 2 до 3 руб., нагорной — 1 руб., равнинной части Чечни и Ингушетии — по 3 руб., нагорной части Чечни и Ингушетии — по 1 руб., в Осетии тагаурцы и куратинцы, живущие на равнине,— 3 руб., нагорные — 1 руб. 50 коп., дигорцы и алагирцы на плоскости — 2 руб., нагорные — 75 коп., Кабардинский округ — от 3 до 5 руб. (Большая Кабарда — 5 руб., Малая — 3 руб.).

Как видно, самая большая повинность была установлена в Кабардинском округе — 5 руб. с двора, а самая низкая подать взималась с алагирцев — по 75 коп. При этом состояние двора не принималось во внимание. Так как платежи разверстывались подымно, феодалы, имущие верхи, владевшие тысячами голов скота и сотнями десятин посева, платили столько же, сколько и беднейшие крестьяне. Вся тяжесть налоговой системы ложилась, таким образом, на плечи трудящихся. Налоговый гнет царизма со временем увеличивался. При введении денежного налога в 1865 г. власти отмечали, что «настоящий денежный налог есть только основание, на котором должно быть развито в будущем вся податная система»[31]. Дополнением к этому были многочисленные трудовые и мирские повинности (содержание в исправности дорог, мостов, переправ и плотин, содержание лошадей для разъездов земской полиции, этапная повинность и т. д.). В то же время часть горского крестьянства продолжала нести еще и феодальные повинности. Крестьяне настоятельно требовали отмены феодальных податей и повинностей, усугублявших налоговый гнет царизма.

3. Освобождение крестьян от личной зависимости

Меры по ограничению крепостной зависимости. Меры по частичному ограничению крепостного права на Северном Кавказе принимались и до проведения реформы. Так, в 1859 г. освобождались от крепостной зависимости крестьяне тех владельцев, которые отрицательно отнеслись к введению кавказской администрации.

Как известно, манифест от 19 февраля 1861 г. не распространялся на горские народы Северного Кавказа, а только на ставропольских ногайцев и туркмен. Однако горские крестьяне, узнав об этом, сочли, что освобождение должно коснуться и их. Тем более что по соседству — в Ставропольской губернии — крестьяне освобождались от крепостной зависимости. В 1861 г. в 49 дворянских имениях Ставропольской губернии числилось 8 тыс. крепостных крестьян мужского пола, что составляло 1/16 часть населения губернии. Большую долю сельского населения составляли государственные крестьяне, которые платили оброчные повинности за пользование государственными землями. 19 и 20 февраля манифест читался во всех церквах Новочеркасска и Ставрополя, а через несколько дней он был обнародован во всех местах губернии и на Дону. Горские крестьяне, которые были частыми гостями в русских селах, по возвращении в свои аулы распространяли среди сельчан известия об освобождении крестьян в Ставропольской губернии с наделом землей[32].

Все это возбуждало горское крестьянство, которое по примеру своих русских соседей стало все чаще выступать против крепостнических порядков.

В 1864 г. произошло освобождение феодально-зависимых крестьян «азиатского происхождения, находящихся во владении у разных лиц, приписанных к Терскому войску», благодаря чему на «холопов» местных феодалов, служивших в царской армии, было распространено «Положение» 19 февраля 1861 г. Они освобождались наравне с дворовыми людьми центральных губерний. Это создавало очень сложную обстановку в крае и оказывало влияние на крепостных крестьян, способствовало их «брожению». Царская администрация отдавала себе отчет в неизбежности проведения дальнейших шагов по ограничению крепостного права и рабства.

В 1861 г. владельцам было предложено, продавая холопов, не разлучать детей и родителей, жен и мужей, а продавать только целыми семействами [33]. В 1865 г. была запрещена продажа холопов в другие области.

Официальные власти стали поощрять безвыкупное освобождение холопов. Активизировались и сами холопы. Из рапорта начальника Терской области от 1866 г. видно, что рабы, «подстрекаемые доходившей до них вестью о даровании крестьянам свободы, глухо волновались, протестуя против существующего порядка вещей учащенными случаями неповиновения владельцам». Далее он писал: «Окружные управления едва ли не исключительно занялись разбором взаимных между владетелями и холопами споров, и нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения» [34]. Начался как бы процесс самоосвобождения холопов и крестьян. Практика освобождения крестьян за «спасение души» приняла заметные размеры. Среди населения Северного Кавказа постепенно путем самоосвобождения образовалась большая категория людей под названием «азаты». Накануне реформы, например, в Кабарде их было около 17 тыс. Азаты не числились в ведомостях освобожденных крестьян, ввиду этого создается впечатление, что на Северном Кавказе было мало крепостных крестьян. К проведению крестьянской реформы на местах кавказская администрация решительно приступила после проведения земельной реформы.

Особый комитет по крестьянским делам на Кавказе. Летом 1866 г. в Тифлисе был создан Особый комитет по крестьянским делам под председательством генерал-адъютанта Карцова. На своем первом заседании 4 июня, рассмотрев представленные материалы о сословиях, Особый комитет выработал общие принципы по освобождению крестьян на Кавказе. Затем начался сбор сведений о повинностях крестьян различных категорий; он был поручен отделам Терской сословно-поземельной комиссии, которые и проделали эту работу. Намерение правительства освободить зависимые сословия вызвало недовольство со стороны некоторой части феодалов. Дело доходило до открытых выступлений феодалов против реформы, как это имело место в Кабарде во время проведения земельной реформы в феврале 1867 г. Кабардинские князья предъявили администрации ультиматум: оставить холопов или разрешить им, князьям, переселение в Турцию. Боязнь потерять зависимых людей привела к активизации переселенческого движения. В качестве протеста в Турцию в начале 60-х годов переселились десятки тысяч кабардинцев, осетин, ногайцев. Таким образом, между переселением горцев в Турцию и проведением реформы существует прямая связь.

Отсталостью забитой массы крестьян и недовольством трудящихся местные феодалы старались воспользоваться в своих корыстных целях, пытаясь при проведении крестьянской реформы вести с царской администрацией торг из-за меры и формы уступок, чтобы добиться как можно более выгодных условий для себя. Когда же под влиянием протеста горских крестьян царская администрация решительно заявила, что правительство, освободив миллионы крестьян в империи, уже не может сделать для них исключения и что, как река Баксан «не может обратиться течением своим назад в горы, так и дело освобождения рабов не может остановиться» [35], тогда кабардинские, осетинские и балкарские феодалы решили «проявить инициативу» в проведении крестьянской реформы, чтобы взять это дело в свои руки и провести реформу «с возможно меньшими» для них «невыгодами».

Проект феодалов по освобождению крестьян. Кабардинские и балкарские феодалы подготовили и представили 8 августа 1866 г. властям записку, в которой излагались «те начала, на которых,— по их мнению,— должно состояться освобождение» [36]. «...Лишить нас внезапно услуг холопов, а в особенности домашних прислужниц,— говорилось в записке,— значит повергнуть нас в крайнее положение и непременную нищету», поэтому владельцы соглашались освободить крепостных с уплатой выкупа. Поскольку не все крепостные крестьяне могли выкупиться сразу, феодалы надеялись оставить их на длительный срок на положении временнообязанных. Соглашаясь, таким образом, на освобождение зависимых сословий, феодалы в то же время обусловливали свое согласие такими оговорками и условиями, которые, по существу, продлевали на неопределенное время крепостное состояние. Князья и таубии больше всего беспокоились о том, чтобы с крестьянами заключить соглашения поодиночке, с глазу на глаз, т. е. чтобы раздробить народную массу и всю операцию по составлению «условий» произвести самим, без посторонних лиц. С этой целью они не поскупились на обнадеживающие холопов обещания освободить их по уплате выкупа, «по возможности уменьшенного» против прежде существовавшего. На самом же деле князья и дворяне отнюдь не стремились к снижению выкупной суммы. В случае, если добровольное соглашение между владельцами и их крестьянами в указанный срок не состоится, устанавливалось обязательное соглашение. Что касается унаутов и къазаков, то в докладной записке для них устанавливался 6—8-летний срок для отработки выкупной суммы.

Наместник Кавказа вел. кн. Михаил Николаевич в своей телеграмме выразил горским князьям и уоркам благодарность «за содействие» правительству в проведении реформы. Спустя полгода, 8 декабря 1866 г., дигорские феодалы Осетии также представили администрации свой проект освобождения осетинских косагов и кавдасардов (кумаягов). Осетинские феодалы особенно болезненно реагировали на лишение их прав на косагов и кавдасардов, труд которых в хозяйственном быту феодалов играл исключительную роль. Ввиду этого баделята ставили перед правительством дилемму: осетинские кумаяги, по примеру кабардинских унаутов, должны находиться на прежних условиях — в зависимости от владельцев в продолжение 6 лет или платить выкуп в размере от 180 до 240 руб.

Предложения выборных от осетинских, кабардинских и балкарских владельцев в дальнейшем, однако, подверглись изменениям, правда не затронувшим их сущности. Так, вместо 6—8-летнего срока отработки

домашними рабами своего выкупа, предложенного феодальными владельцами, начальник области счел возможным установить 5—6-летний срок, и т. д. Местные крепостники выдвинули настолько тяжелые условия освобождения крестьян, что вызвали протесты не только со стороны крестьян, но возражения даже со стороны некоторых царских чиновников. Член особого Комитета полковник Черкесов прямо отметил, что проект, представленный местными владельцами, составлен без всякого учета интересов крестьян.

Таким образом, если начальник Кабардинского округа и начальник Терской области защищали интересы самых ярых крепостников и занимали наиболее консервативную позицию в отношении крестьянской реформы, то полковник Черкесов стоял за известные уступки крестьянам. Но, несмотря на разногласия, все они стояли за сохранение феодальных привилегий. И борьба, развернувшаяся между ними, так же как и разногласия среди крепостников и либералов в центре России, являлась, говоря словами В. И. Ленина, «борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой исключительно из-за меры и формы *уступок*» [37].

Отмена крепостного права. Отмена крепостного права проводилась в условиях обострения классовой борьбы. Горские крестьяне, недовольные выработанным «Положением», требовали полного и немедленного освобождения. В донесении начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. помощнику главнокомандующего Кавказской армией указывалось о «существующем брожении в среде холопов» и выражалось опасение, что «при настоящем настроении холопей» добровольное соглашение «последовать не может» [38]. Дело доходило до открытого выступления крестьян. Начальник Терской области в телеграмме на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией от 16 сентября 1866 г. писал, что холопский вопрос в Кабарде и Балкарии зашел так далеко, что отложить его или даже «промедлить с его решением невозможно». Крестьяне на протяжении ряда дней «толпами» стояли у здания окружного начальника, требуя объявления предписания командующего об их якобы безвозмездном освобождении. Положение было настолько обострено, что начальник Кабардинского округа потребовал ввести в округ войсковые части.

В ноябре 1866 г. началось волнение крестьян Балкарского общества, направленное против грабительских условий отмены крепостного права. Еще до того как был объявлен проект об освобождении, 120 крестьянских дворов Балкарского общества, минуя местную власть, обратились с прошением к главнокомандующему Кавказской армией, в котором просили избавить их от незаконных требований владельцев. В прошении указывалось, что «таубии... требуют, чтобы мы все свое достояние отдавали им, а местное начальство, из уважения к помещикам, не обращает никакого внимания на ежедневные наши жалобы и просьбы и даже подвергает нас телесному наказанию, заключению и пр. Наконец, местное начальство... требует, что для окончательного избавления от помещиков мы должны отдать им из всего нашего имущества две части, а при себе оставить только одну часть» [39]. За то, что начальник округа не принял всех мер к предупреждению «самовольных отлучек» подведомственных ему крестьян, начальник Терской области объявил ему выговор и потребовал недопущения впредь подобных случаев. В свою очередь начальник округа признал доверенных от 120 дворов крестьян Балкарского общества «злонамеренными людьми» и арестовал их. По отношению к крестья-

нам, таким образом, было проявлено насилие, что подтверждает справедливость слов В. И. Ленина, который указывал, что «„реформы", проводимые крепостниками... не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия» [40].

Грабительский характер условий «Правил» и алчность владельцев обострили классовую борьбу и в Кубанской области. Крестьяне, рассчитывавшие на близкое и даровое освобождение и обманутые в своих надеждах, активизировали борьбу против феодалов и царских властей [41]. В областное управление поступали сообщения о массовом неповиновении крестьян, об отказе их нести барщину и платить ренту владельцам. 12 мая 1867 г. крестьяне аула Хатажукай Лабинского округа просили начальника области убедить владельцев «в облегчении и уменьшении выкупной суммы денег», которые они «никогда не в состоянии выплатить». В июле крестьянские ходоки аула Хатукай явились в окружное управление с требованиями «об окончательном освобождении их от рабства» [42]. По призыву своих вожаков многие крестьяне переходили к более активным действиям. В мае 1867 г. начальник Урупского округа сообщил в Лабинское окружное управление, что житель Болотокова аула Мисост Мельгашев, находящийся на заработках, «волнует крестьян Армянского аула», вследствие чего все унауты аула выступили против своих хозяев, не желавших «предоставить им откуп, как это предоставлено пшитлям» [43]. В ноябре 1867 г. крестьяне аула Тахтамукай Псекупского округа сожгли хутор арендатора Мауха, находившийся на аульской земле, и его самого убили. За это остальные жители аула были привлечены к ответственности по обвинению «в умышленном неоказании помощи пострадавшим» [44]. Активизирующее влияние на борьбу горских крестьян в Кубанской области оказывали волнения, происходившие тогда в Кабарде, Абхазии и России.

В ходе освобождения крестьян шла борьба между феодалами и горскими крестьянами из-за способа проведения реформы. Те и другие отстаивали (конечно, не сознавая этого) условия буржуазного развития. Феодалы боролись за такое развитие, которое обеспечивало им выгоду, а крестьяне отстаивали свои интересы, добиваясь благоприятных условий существования. В итоге был выработан проект, который защищал интересы феодалов. Размер выкупной суммы для трудоспособного крестьянина (от 15 до 45 лет) устанавливался от 180 до 200 руб. Несовершеннолетние (до 15 лет) освобождались с уплатой предельного выкупа — 150 руб. (из расчета по 10 руб. за каждый год возраста), а в Осетии — бесплатно. При «освобождении» владелец обычно получал половину или даже две трети крестьянского имущества; сакля и домашняя утварь оставались за крестьянами. Так как «освобождаемые» крестьяне не могли сразу выкупить себя, то они оставались временнообязанными в течение 6 лет. За это время крестьянин должен был отработать свой выкуп в хозяйстве бывшего хозяина. Годовой труд здорового совершеннолетнего временнообязанного крестьянина оценивался: мужчин — от 35 до 70 руб, а женщин — от 25 до 40 руб. В правилах были специальные статьи о безобрядных холопах, т. е. о казаках и каравашах (в Балкарии и Карачае), об унаутах и унаутках (в Кабарде, Адыгее и Черкесии), кавдасардах и кумаягах (в Осетии).

Для успешного проведения реформы в жизнь были созданы мировые посреднические суды — важное звено в административной системе. Специальная инструкция определяла круг их обязанностей: на них лежало определение размера годовой заработной платы для крестьян, обязавшихся уплатить выкупную плату владельцу личным трудом [45]. Были разра-

ботаны формы акта об освобождении холопа за выкуп. Освобождающимся выдавалось свидетельство единого образца такого содержания: «Дано сие жителю Терской области Кабардинского округа Баксанского участка аула Наурузова холопу Умару Кундетову с семейством из десяти душ обоего пола в том, что он с семейством его согласно распоряжения е. и. в. главнокомандующего Кавказской армией и по решению мирового посреднического суда освобождены навсегда от крепостной зависимости с обязательством исполнить все условия, заключенные им по добровольному соглашению с бывшим своим владельцем, как означено на обороте сего свидетельства». Умар Кундетов должен был заплатить выкуп за свою семью в сумме 760 руб. Его семья (9 душ), как указано в документе, имела всего «6 баранов, 7 штук рогатого скота». Выкупную сумму он и члены его семьи должны были отработать, исходя из расчета по 35 руб. в год для 3 взрослых сыновей, а трое малолетних освобождались бесплатно. Умару и его жене, которым уже было по 60 лет, установили сумму годовой отработки от 5 до 10 руб. На этом свидетельстве имеется надпись мирового посредника, которая гласит: «За 1867 и 1868 годы Умар с семейством уплатил своему владельцу ежегодно по 120 рублей, а в 1869 г. Умар отработал 120 рублей». Так происходил процесс «освобождения» крестьян и их ограбления бывшими владельцами, у которых они оставались в кабале.

24 марта 1867 г. 120 дворов Балкарского общества обратились с жалобой к начальнику Терской области гр. М. Т. Лорис-Меликову о «стеснительных для крестьян требованиях и действиях» владельцев. Даже медные большие котлы «разделялись на две равные части»: одну брал себе владелец, другая оставалась крестьянину [46].

На практике выкуп всегда превышал указанную сумму, так как «Положение» об «освобождении» крестьян допускало возможность их ограбления и обезземеливания, не противостояло произволу и махинациям феодалов при совершении выкупной операции. Таким образом, при применении «Положения» до корней обнажился грабительский характер проектов, по которым освобождали крестьян. Но, несмотря на это, горские крестьяне заключали выкупные акты на неимоверно тяжелых условиях, лишь бы выйти из-под власти ненавистных господ. Однако надежды крестьян и здесь не оправдались: полной экономической и личной свободы они не получили. В. И. Ленин указывал: «Пресловутое „освобожденне“ стало бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними» [47]. Эти слова В. И. Ленина применимы и к крестьянам Северного Кавказа. Сумма выкупа, полученная только владельцами Кабарды и Балкарии, составила более 2,5 млн руб. 76 дворов балкарских феодалов (таубиев) получили вознаграждение на общую сумму в 1,5 млн. руб.[48]

В Чечне и Ингушетии в момент освобождения официально числилось всего около 400 человек зависимого сословия (несомненно, что это заниженные данные). Власти в то время были уверены, что чеченцы и ингуши не имели понятия о «сословном делении вообще и крепостных отношениях в особенности» [49].

И тем не менее для освобождения зависимых в Чечне, как и в других округах Терской области, была создана специальная комиссия в составе: владельцы — полковники Вагап Аду, Касым Курумов, майор Шеди Эльмурзаев, мулла Байбулат Аджиев, кадий Али Мирзоев, представители от зависимых Манче Мазгулов и Урозокой Эльбузаков. Освобожденне производилось за выкуп — от 100 до 200 руб. за взрослого и от 30 до 50 руб.— за малолетнего по официальным данным, в 1867 г.

в Чечне было освобождено 343 человека и в Ингушетии — 35. Не все зависимые, особенно малолетние, были в состоянии не только заплатить, но и отработать свое освобождение. И царское правительство, всегда стоящее на страже имущих, не осталось безучастным и здесь. В марте 1867 г. наместник Кавказа распорядился «выслать пособие беднейшим владельцам холопов» в размере 85 тыс. руб. (в Кабарду — 40 тыс., в Осетию и Кумыкский округ — по 20 тыс. и в Чечню — 5 тыс. руб.) [50].

В общей сложности в Терской области в 1867 г. были освобождены крестьяне, делившиеся па обрядных, т. е. крестьян, для которых обычное право установило определенные нормы, и безобрядных (безадатных), т. е. крестьян, для которых адат (обычай) не установил никаких определенных, ограждающих их личность отношений.

Как показывает табл. 1, из 23 976 освобожденных 21 221 приходится на Кабардинский округ (16 499 — на Кабарду и 4722 человека — на Балкарию) (см. табл. 1). Поэтому не случайно, что администрация уделяла большее внимание освобождению крестьян в Кабарде. Освобождение крестьян в Терской и Кубанской областях правительство начало именно с Кабарды, где феодально-крепостнические отношения пустили более глубокие корни, чем в других районах Северного Кавказа.

Освобождение рабов в Дагестане. В 1860 г. в Дагестане было 4830 рабов. Ко времени окончательного освобождения (1866—1868 гг.) осталось 1542 раба. Резкое сокращение количества рабов объясняется, во-первых, тем, что правительством задолго до реформы был взят курс на ограничение рабства в Дагестане, во-вторых, владельцы, убедившись в скором освобождении рабов на условиях, разработанных Тифлисским комитетом, решили провести освобождение «по обычаю», т. е. наиболее выгодно для себя. Окончательная ликвидация рабства в Дагестане началась в 1866 г. и продолжалась до 1868 г. В итоге было освобождено 1542 раба, из них 78% заплатили выкуп в среднем по 145 руб. на душу, остальные освободились бесплатно. Рабы были снабжены свидетельствами об освобождении, приписаны к сельским обществам и на 8 лет освобождались от налогов. Правительство ассигновало 11 300 руб. для оказания помощи освобожденным рабам и выделило более 15 500 руб. для вознаграждения феодалов, лишившихся выгоды от эксплуатации рабов. Таким образом, общее количество освобожденных рабов в 60-х годах XIX в. составило около 5 тыс. человек. Царская администрация не предприняла меры к наделению всех рабов землей. Однако освобождение рабов было положительным явлением в общественно-экономической жизни Дагестана.

Царское правительство для укрепления позиции земельной аристократии не распространяло крестьянскую реформу на трех крестьян шамхальства Тарковского, Мехтулинского ханства и Присулакского наибства, которые находились в зависимости от беков. Из общего количества зависимых крестьян больше половины (53%) остались в зависимости от беков до 1913 г. Крестьянская реформа в Дагестане коснулась и категории крепостных крестьян — чагар. Они были освобождены в 1867—1868 гг. от личной зависимости без выкупа и наделены землей наравне с другими крестьянами. Общая численность освобожденных чагар составила 2 тыс. душ. Ограниченность крестьянской реформы в Дагестане ярче всего проявилась в том, что раяты остались в кабале у беков. Вопрос об освобождении раят вообще не был поставлен. Преднамеренная волокита по подготовке освобождения этой категории крестьян, как и части феодально-зависимых узденей, тянулась до 1913 г.

Таблица 1

Количество крестьян, освобожденных в результате крестьянской реформы на Северном Кавказе *

Округ	Обрядных				
	За выкуп			Бесплатно	
	с оставлением в обязательных работах	с поручительством	без поручительства	по договорному соглашению	на основании «Правил»
Кабардинский	1176	7027	4656	1038	133
Осетинский	222	–	317	150	133
Кумыкский	–	–	–	–	–
Чеченский	–	–	–	–	–
Ингушский	–	–	–	–	–
Итого	1398	7027	4973	1188	266

Округ	Безобрядных						Всего
	За выкуп			Бесплатно			
	с оставлением в обязательных работах	с поручительством	без поручительства	на основании «Правил»	по добровольному соглашению	каракишей	
Кабардинский	2270	–	132	67	–	4722	21 221
Осетинский	200	25	274	58	66	–	1 445
Кумыкский	146	125	534	101	26	–	932
Чеченский	–	–	343	–	–	–	343
Ингушский	–	–	35	–	–	–	35
Итого	2616	150	1318	226	92	4722	23 976

* Таблица составлена на основе данных «Комиссии по освобождению зависимых сословий в горных племенах Кавказских».

Освобождение крестьян от личной зависимости в Кубанской области состоялось на год позже, чем в Терской, т. е. в 1868 г. По примеру Терской области для жителей Кубанской были составлены «Проекты» и «Правила» по освобождению крестьян. Началом окончательного освобождения горских крестьян в Кубанской области считалось 1 мая 1868 г. За это время по 5 горским военно-народным округам было заключено 4053 добровольных сделок. В результате принятых мер осенью 1868 г. работа эта пошла быстрее. К 1 ноября 1868 г. на основе добровольных сделок были освобождены: в Лабинском округе — 5585 человек, Псекупском — 1178, Урупском — 17, Зеленчукском — 3345, Эльбрусском — 1278, а всего по Кубанской области — 11 403 крестьянина [51], около 72% всех крепостных. Оставалось еще неосвобожденными 5070 человек — около 25% общего числа крепостных крестьян. 1 ноября 1868 г. правительство утвердило окончательный Проект об освобождении крестьян в Кубанской области. Как видно из содержания, он был выработан с максимальным учетом интересов владельцев. Объявив об отмене права владения крестьянами, существовавшего у горцев Кубанской области,

«Правила» тут же разъяснили, что получающие свободу крестьяне, за исключением женщин-огов, 55-летних стариков пшитлей, 50-летних унаутов, а также детей до 7 лет, «обязаны внести за себя выкуп... или личною работою в пользу владельцев в течение известного периода времени, или же деньгами» [52]. «Положение» определяло сроки отбывания обязательных работ у владельцев: 5 лет для пшитлей, 4 года для унаутов. Срок уплаты денежного выкупа (взамен отбывания работ) был определен — не более 6 лет. Установив сроки выполнения выкупных сделок, «Правила» фактически превращали крестьян во временнообязанных, тем самым юридически оформляли их бесправное положение в течение указанного срока.

Завершающий этап крестьянской реформы в горских округах Кубанской области, начавшийся с 1 ноября 1868 г., в основном закончился в начале 1869 г. От крепостной зависимости было освобождено около 16 500 горских крестьян (пшитлей, унаутов и огов), в том числе: в Лабинском округе — 6456 человек, Псекупском — 1927, Урупском — 1628, Зеленчукском — 4757 и Эльбрусском — 1793. Из них пшитлей — 13 225, унаутов — 3173 и огов — 163 [53]. В результате осуществления выкупных сделок крестьяне оказались в более тяжелом положении, чем до реформы. Они потеряли половину своего имущества — скота и сельскохозяйственных орудий. А при выполнении выкупных повинностей многие из них потеряли и оставшуюся половину имущества. Как говорил В. И. Ленин, «крестьяне остались и после освобождения „низшим“ сословием, податным быдлом, черной костью, над которыми измывалось поставленное помещиками начальство...» [54].

4. Административно-судебная и военная реформы

Капиталистическое развитие России, ускорившееся с середины XIX в., потребовало не только отмены крепостного права, но и перестройки государственного аппарата, проведения буржуазных реформ в области сельского и городского управления, суда, армии, народного просвещения. Как и крестьянская реформа, они были половинчатыми и ограниченными, но тем не менее явились важным шагом на пути к превращению России в буржуазную монархию.

В основе реформ лежал принцип буржуазной перестройки всего аппарата государственной власти, замена сословного принципа феодальной монархии бессословным принципом буржуазного общества. Однако принцип этот ни в одной реформе не выдерживался до конца. Сохранялось феодальное право, феодальное землевладение, феодальный государственный аппарат.

Ограниченность проявлялась и в том, что реформы распространялись не на всю территорию страны, т. е. были не всеобщими, проводились не в одно и то же время. Так, на территории Ставропольской губернии Северного Кавказа в течение всего пореформенного периода не была проведена земская реформа. Объясняли это тем, что там слабо было развито до реформы помещичье землевладение. Это одно подчеркивало ограниченность и сословный характер земской реформы, которая должна была отдать земское самоуправление в руки помещиков, компенсируя этим для помещиков потерю административной власти над крестьянами.

Более последовательной, проведенной повсеместно, была судебная реформа, которая должна была заменить сословный принцип судопроизводства бессословным. Но и она не была до конца последовательной. Прежде всего, сохранялись сословные суды: для духовенства — духовный суд,

для военных — военный суд. Особому суду подлежали члены Государственного совета и министры, чиновники высших рангов.

Но, несмотря на все эти ограничения, наличие в суде присяжных вносило живую струю в тот дух канцелярского формализма, которым насквозь пропитаны правительственные учреждения царской России. Суд объявлялся независимым от администрации, вводилась гласность и публичность рассмотрения дел, несменяемость судей.

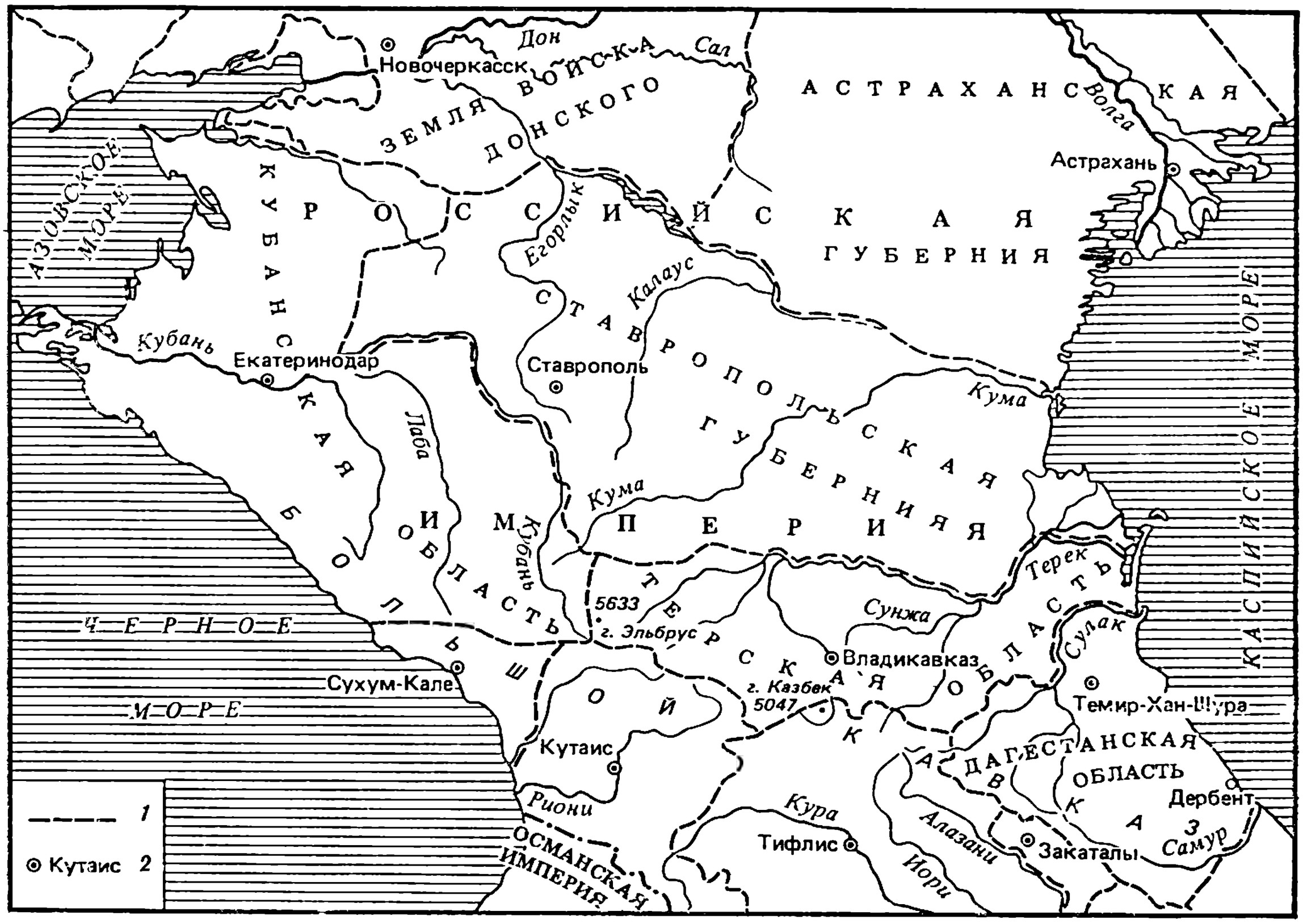
Введение судебных уставов растянулось на несколько лет. В Ставропольской губернии они начали вводиться с 1868 г. Но они распространялись не на все население губернии. В районах кочевий калмыков, ногайцев и туркмен сохранялись старые улусные суды.

В областях, заселенных горскими народами, реформы носили еще более половинчатый и куцый характер, что определялось колониальной политикой царизма на Северном Кавказе. Но даже в таком виде реформы имели большое прогрессивное значение.

Организация управления (карта 4). До 60-х годов XIX в. горское население Северного Кавказа находилось в подчинении военных властей левого и правого флангов Кавказской линии. Гражданское управление было только в Ставропольской губернии. С 1860 г. все пространство Северного Кавказа было поделено на Ставропольскую губернию, Кубанскую область и Терскую область [55]. Области, в свою очередь, были разделены на округа. Терская область, например, объединяла 8 округов: Осетинский, Кабардинский, Ингушский, Кумыкский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Нагорный (последние 4 округа были населены чеченцами). Дагестан, за исключением части кумыкского населения, приписан был к Закавказью. Устанавливалось раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Это было, по сути, началом практического осуществления перестройки общественного и политического строя населения Северного Кавказа на гражданский лад.

В Дагестане до 60-х годов XIX в. не было единой системы административного деления и управления. После подавления движения горцев военное командование решило унифицировать управление. Решено было вначале присоединить часть Дагестана к левому крылу Кавказской линии, часть — к Прикаспийскому краю. Начало новому административному устройству Дагестана положило «Положение об управлении Дагестанской областью» от 5 апреля 1860 г.[56], утвержденное кн. А. И. Барятинским. Согласно этому «Положению» была создана в составе Кавказского наместничества Дагестанская область, в которую вошли бывший Прикаспийский край (без Кумыкского округа), а также дагестанская часть территории бывшего имамата Шамиля. На территории Засулакской Кумыкии был образован Кумыкский округ, включенный в Терскую область.

Во главе Дагестанской области стоял начальник из царских генералов, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти. Он же был командующим войсками на правах командира корпуса. По гражданскому управлению он приравнивался в правах к генерал-губернатору центральных губерний. В особом Положении были определены права начальника области по отношению к горцам. Ему было предоставлено право применять оружие против горцев, предавать их военному суду и высылать в административном порядке. Область состояла из 4-х военных отделов: 1) Северный Дагестан, 2) Южный Дагестан, 3) Средний Дагестан, 4) Верхний Дагестан, а также наибства Сулакского и двух гражданских управлений: Дербентское градоначальство (состоящее из города



Карта 4. Северный Кавказ к 1861 г.
1 – Границы губерний, областей и округов;
2 – Центры губерний, областей, округов

Дербента и Улусского магала), и управление портовым городом Петровском с прилегающими к нему землями. Границей между Терской и Дагестанской областями был принят Андийский хребет, разделяющий чеченцев и лезгин (андийцев) [57].

В составе военных отделов были образованы округа во главе с начальниками из русских офицеров. Феодальные ханства и владения также были включены вместе с округами в состав военных отделов. Ханы управляли подвластными территориями на основе «ханского права». В Северный Дагестан вошли: Даргинский округ, Мехтулинское ханство, шамхальство Тарковское, Присулакское наибство. В Южный Дагестан были включены: Самурский и Кайтаго-Табасаранский округа и Кюринское ханство. Средний Дагестан состоял из Гунибского, Казикумухского округов и Аварского ханства. В состав Верхнего Дагестана вошли все остальные аварские селения. Округа в свою очередь делились на более мелкие административные единицы — наибства.

Как видно, в начале 60-х годов XIX в. управление Дагестанской областью делилось на военное, ханское и гражданское. Военное управление осуществлялось в четырех округах, ханское — в пяти феодальных владениях и гражданское — в дербентском градоначальстве и в городе Порт-Петровске. В двух округах управление было смешанным. Таким образом, «Положение» от 5 апреля 1860 г. не решило до конца вопрос о создании однотипной системы административного деления и управления в Дагестане [58].

В 60-х годах царское правительство сделало крутой поворот от традиционной политики укрепления ханской власти к ее ликвидации. Когда

Кавказ был окончательно покорен, ханская власть стала чужеродным элементом в русском государстве. Важным обстоятельством, ускорившим ликвидацию ханства, явилось усиление в 60-х годах антиханского крестьянского движения, которое приняло повсеместный характер. Ликвидация ханств внешне была оформлена в виде «добровольного» отказа ханов от своих прав. С 1858 по 1867 г. все ханства и феодальные владения Дагестана были ликвидированы. Дагестанская область теперь состояла из девяти округов, в которых существовала однотипная система административного деления и управления. Это округа: Андийский, Аварский, Гунибский, Даргинский, Кюринский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Самурский, Темирханшуринский. Отстраняя ханов от власти, царское правительство вместе с тем оставило у них лучшие земли, установило им пожизненные пенсии и т. д. Так, Юсуф-хан получил 4 тыс. дес. земли и пожизненную пенсию в размере 5 тыс. руб. в год [59]. Ликвидация ханств была прогрессивным явлением, способствовавшим экономическому сближению народов Дагестана.

Административные реформы проводились и в Кубанской области, а также в Казачьем войске. С 1865 г. горские народы Кубанской области были распределены по пяти военно-народным округам: Псекупский, в который вошли аулы западных черкесов по среднему течению р. Кубани и нижнему течению р. Псекупс; Лабинский, объединивший черкесов, живших по р. Лабе и Белой; Урупский, населенный черкесами, ногайцами и армянами; Зеленчукский, в который вошли черкесы, абазины и ногайцы, жившие по р. Зеленчук; Эльбрусский — с карачаевскими и абазинскими аулами по р. Куме и ее притокам. «Положение» об окружных управлениях и штаты по ним были утверждены главнокомандующим Кавказской армией 20 января 1866 г. Военно-народные округа в Кубанской области просуществовали до 1871 г., затем там было введено гражданское управление.

Кубанская область подразделялась на 5 уездов: Ейский — с главным г. Ейск, Темрюкский — с г. Темрюк, Екатеринодарский — с г. Екатеринодар (ныне Краснодар), Майкопский — с г. Майкоп и Баталпашинский — со ст. Баталпашинской. Основная масса горского населения проживала в Майкопском, Екатеринодарском и Баталпашинском уездах. Всего в Кубанской области после выселения адыгов в Турцию осталось около 87 тыс. человек, что составляло 6% от всего былого населения области.

В Терской области административные преобразования 1871 г. привели лишь к некоторым изменениям. Кабардинский округ был переименован в Георгиевский, Осетинский — во Владикавказский, Кумыкский — в Хасавюртовский, с включением в состав этого округа ингушей. Были созданы новые округа: Грозненский, Веденский в Чечне и Кизлярский. Округа были разделены на участки во главе с участковыми начальниками — царскими офицерами. Административная, военная и судебная власть в округах принадлежала начальникам округов.

Административно-территориальное преобразование касалось и Области Войска Донского. В 1887 г. в Область Войска Донского были включены Ростовский уезд и таганрогское градоначальство [60]. Были разработаны особые правила, которые предусматривали создание Ростовского и Таганрогского округов. Все учреждения были перенесены в Таганрог и Ростов. Это способствовало превращению этих городов в крупные экономические и культурные центры, оказавшие большое влияние на развитие Северного Кавказа.

Судебная реформа. Судебная реформа была проведена на Северном Кавказе в декабре 1870 г. Годом раньше, 30 декабря 1869 г., было обнародовано постановление о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов». В соответствии с этим постановлением судебные Уставы от 20 ноября 1864 г. были распространены на русское население Терской и Кубанской областей. Что касается горского населения, то на них это положение не распространялось. «Правила» предусматривали временное сохранение народных судов, учрежденных еще в 1858 г. Но они были преобразованы в соответствии с новой обстановкой. В округах был введен окружной словесный суд под председательством начальника округа или его помощника, члены которого назначались из представителей господствующей верхушки. Начальник Терской и Кубанской областей утверждал и состав этих судов и все их решения по уголовным и гражданским делам. Кроме того, в Кабарде и Балкарии, Осетии и плоскостной Чечне, равнинной части Хасавюртовского округа, в Кубанской области были учреждены «аульные суды», а в горной Чечне — Аргунском и Веденском округах, а также в горной части Грозненского и Хасавюртовского округов вводились участковые суды. Те и другие суды рассматривали одинаковый круг вопросов — в их ведение были переданы уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах территории сельского общества. Руководствовались эти суды одними и теми же установлениями.

Более важные уголовные дела (нанесение ран, увечья, случайные убийства, растление и изнасилование, кража со взломом и с применением оружия и т. д.) разбирались окружным словесным судом. При разбирательстве дела суд должен был руководствоваться приложениями обычного права (адата). Адат стал, таким образом, отправной точкой в организации системы нового судопроизводства. Вместе с тем при решении ограниченного круга вопросов, таких, например, как заключение и расторжение брака, вопрос о личных и имущественных правах и т. д., все еще применялся шариат. Но, когда при применении адатных положений не было прецедентов, суды использовали общеимперское судебное законодательство. Это свидетельствует о начавшемся нивелировании различия между прежними горскими судами и общеимперскими судебными законоположениями. Кроме того, отсутствовала четко организованная апелляционная инстанция. Освободив суд от произвола горских феодалов, кавказская администрация подчинила его своей власти.

До 60-х годов в Дагестане не было единой системы судоустройства. «Положение» от 5 апреля 1860 г. и последующие инструкции создали новую систему судоустройства. Был создан дагестанский областной суд, где разбирались дела по общим законам России. Представителей местного коренного населения судили в областном суде по общим законам империи только лишь в случае, если преступление было совершено ими на территории, где существовало гражданское управление, или же если они не принадлежали к дагестанским народам. Областной суд состоял из «почетных лиц», назначаемых начальником области. Председателем областного суда являлся помощник начальника области.

Наряду с областным судом был создан дагестанский «народный» суд, а также окружные суды, где судебные дела между коренным местным населением решались на основе адатов, шариата и особых правил. Дагестанский «народный» суд состоял из «именитых и сведущих туземцев». Его члены определялись по выбору начальника области. Председателем суда был помощник начальника области, его решения утверждались начальником области. В окружных судах, кроме председателей из русских

офицеров, заседали кадии и по одному члену от каждого наибства из местной верхушки. Так называемые депутаты, члены окружных судов также назначались начальством. В окружных судах дела разбирались на родных языках, а решения записывались на русском языке. Разбор дел происходил гласно. Недовольные могли принести жалобы на решения окружных судов в дагестанский «народный» суд.

Для судебных инстанций было характерно крайнее равнодушие к нуждам горцев, бюрократическая волокита. Новая система судопроизводства была подчинена военной администрации, и ничего в ней народного не было ни по форме, ни по содержанию. Военные в любое время могли отстранить судей от должности. В горских судах отсутствовали присяжные поверенные, адвокаты, защитники. Существенной особенностью судебной системы в Дагестане в отличие от России являлось отсутствие в ней каких-либо буржуазных черт. В 1875 г. был упразднен Дагестанский областной суд. Вместо него в городах Дербенте, Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре были открыты мировые отделы, которые руководствовались судебными уставами 1864 г. Мировые отделы находились в ведении Тифлисской судебной палаты и Бакинского окружного суда.

Реформа сельского управления. Вплоть до 60-х годов делами в аулах и селах вершили приставы, ханы и князья. Земельная реформа и освобождение крестьян от личной зависимости подорвали власть местных феодалов над сельскими обществами. Надо было, по мнению правительства, создать соответствующие органы сельского управления, которые заменили бы власть феодальных владельцев и упрочили бы власть царской администрации.

В 1869—1870 гг. было введено «Положение об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении». «Положение» регламентировало жизнь сельских обществ, определяло порядок образования сельских обществ, состав, круг деятельности, права и обязанности чиновников сельского управления. В соответствии с этим «Положением» в сельских обществах власть вручалась старшинам и их помощникам, которые выбирались на сельских сходах. Сельские (аульные) сходы решали все вопросы, связанные с экономической и политической жизнью жителей данного селения. На сходах решались земельные споры, вопросы о семейном разделе, о выделении новым членам общества земельных паев (участков), об отбывании повинностей, хозяйственные и другие вопросы. В целом «Положение» предоставило сельским сходам широкие полномочия. Но на деле сельские общества были лишены самостоятельности в решении важных вопросов. Старшинами обычно назначались чиновники, офицеры, представители богатой верхушки. Сельская администрация во главе со старшиной служила активным проводником политики царизма. Она чинила произвол и насилие. Сельские чиновники занимались взяточничеством, произвольно транжирили сельские общественные деньги. «Положение о сельских обществах» предоставляло старшинам и их помощникам большие права. За малейшее подозрение в антиправительственной пропаганде старшина мог любого человека подвергнуть аресту.

Реформа сельского управления в Дагестанской области была проведена на основании «Положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области», утвержденного главнокомандующим Кавказской армией 26 апреля 1868 г. Правительству нужно было, во-первых, создать в бывших ханствах сельское управление в духе «военно-народного управления»,

во-вторых, реорганизовать сельские управления в других частях Дагестана с тем, чтобы оно стало надежным низовым звеном администрации. Согласно «Положению», сельское общество состояло из крестьян одного селения. Сельское управление составляли сход (джамаат), старшина, кадий и суд. Старшины и их помощники назначались кавказской администрацией на определенный срок. Они исполняли все распоряжения властей. Им было предоставлено право подвергать виновных аресту, общественным работам до двух дней и штрафовать до 1 рубля. Кадий избирался сходом, участвовал в суде, вел письменные дела сельского общества, осуществлял надзор за примечетьскими школами и т. д. Сельский суд состоял из трех и более членов, избираемых сходом на три года. Им были подсудны дела по гражданским спорам, возникавшим между крестьянами, при иске не свыше 100 руб., а также дела по малым преступлениям. В Дагестане не были созданы такие ступени управления, как волостной сход, волостной суд, волостной старшина, институт мировых посредников.

Сельское «общественное» управление, созданное на Северном Кавказе, никакой самостоятельностью не пользовалось и находилось в зависимости от правительственных властей снизу доверху. Должностные лица сельского управления могли быть в любое время смещены. Начальникам округов было предоставлено право подвергать сельских должностных лиц различным мерам воздействия, вплоть до ареста. С введением «Положения» сельское управление Северного Кавказа впервые получило единое устройство и стало регулироваться едиными нормами законодательства. Новая система административно-судебного управления была названа «военно-народной». Она явилась типом феодальной надстройки. Военные бесконтрольно управляли краем. Для военно-народной системы было характерно самоуправство, жестокая административная опека, военно-полицейский дух и в целом открытая враждебность к трудящимся массам. Царское правительство лелеяло военно-народную систему управления и отвергало идею ее преобразования.

В результате административной реформы существовавшее ранее раздельное управление для горского, гражданского и казачьего населения упразднилось. Формально население области подчинялось общим административным и судебным органам. Должности казачьего атамана и начальника области объединялись в одном лице — начальника области. 1 августа 1870 г. было опубликовано «Положение о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск». Оно ограничивало бессрочную службу казаков 22 годами. Действительная же служба длилась 15 лет. Остальное время они находились дома «на льготе». В случае войны «льготные» казаки призывались на полевую службу. После этого казаки переводились в разряд внутренних служащих на 7 лет, после чего увольнялись в отставку. Служащие казаки составляли в мирное время не более одной трети, а остальные находились дома «на льготе».

Среди казачества было создано два разряда: служилые и неслужилые. Казаки обязаны были по-прежнему приобретать за свой счет оружие, обмундирование и коня с седлом. Молодежь призывалась в армию по достижении 19-летнего возраста. От службы освобождались лица, работавшие в государственных учреждениях и постоянно занимавшиеся торговлей, а также учащиеся средних и высших учебных заведений. Подвергая изменениям военный быт казачества и предоставляя ему некоторые льготы, царизм стремился иметь в лице казаков, как и прежде, надежный щит на Северном Кавказе. «Положение» о воинской повинности

казаков, таким образом, до некоторой степени распространяло буржуазные военные реформы 60-х годов и на казачье население. Военная реформа не распространялась на местное население. Лишь в 1887 г. горцы были привлечены к отбыванию воинской повинности, но действительная служба была заменена взиманием особого денежного сбора — воинского налога. До этого дело сводилось к попыткам создать отдельные воинские отряды из местного населения. Правительство рассчитывало использовать милицию и «иррегулярные войска» из среды местного населения при подавлении национально-освободительной борьбы. Кавказская администрация считала, что лучше набрать милицию из горских народов и использовать ее «под русским знаменем и в русских интересах, чем ждать, пока они вновь поднимутся на борьбу», что позволит обеспечить удаление значительного количества «неспокойных элементов» из среды местного населения. Это мероприятие явилось важным звеном в осуществлении политики царизма — «разделяй и властвуй» [61].

Аграрная и административная реформы 60-х годов XIX в. были переломным этапом в истории Северного Кавказа и, несмотря на их половинчатый характер, имели прогрессивное значение. Оценивая реформу 1861 г., В. И. Ленин писал: «Что такое наша „великая“ крестьянская реформа, отрезка земли у крестьян, переселения крестьян на „песочки“, введение при помощи военной силы, расстрелов и экзекуций новых земельных распорядков? Это — первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии. Это — помещичья „чистка земель“ для капитализма» [62]. Точно так же и аграрно-крестьянские реформы 1860—1869 гг. были чисткой земель для развивающегося вширь русского капитализма. Реформы подорвали основы патриархально-феодальных отношений, хотя остаток последних и продолжал сохраняться в пореформенный период, способствовали втягиванию местного населения в систему всероссийского рынка. После отмены крепостного права сельское хозяйство этого края начинает приобретать товарное направление, экономические связи народов Северного Кавказа с Центральной Россией усиливаются, расширяются культурные и революционные связи с русским и другими народами России.

Судебная и административная системы были неотъемлемой частью самодержавного аппарата угнетения и подавления. Но вместе с тем административно-судебная реформа имела и положительные последствия. Она ускорила процесс приобщения народов Северного Кавказа к более прогрессивной судебной системе, способствовала, как аграрно-крестьянская реформа, пробуждению новых буржуазных понятий и явлений в общественной жизни горского населения. Она уменьшила пестроту административного устройства. Единая система административного деления и управления, ограничив произвол местных феодалов, ликвидировав политическую раздробленность, положила начало внутреннему сближению и устранению экономической разобщенности народов Северного Кавказа. Аграрные и административно-судебные реформы, подорвав патриархально-феодальные устои, поставили развитие народного хозяйства горского населения на путь капитализма, создали предпосылки для внедрения в быт и общественную жизнь местного населения более передовых знаний и идей.

5. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и народы Северного Кавказа

Восточный кризис. В начале ближневосточного кризиса, обострившегося в 70-х годах XIX в. в связи с новым подъемом национально-освободительной борьбы балканских народов, Россия не хотела войны и не была к ней готова [63]. Александр II и его ближайшее окружение считали, что война отрицательно скажется на внутреннем и особенно на внешнеполитическом положении России. «Может выйти то же, что было в Крымскую войну,— писал военный министр Д. А. Милютин,— опять вся Европа опрокинется на нас» [64]. И все же в отличие от Австро-Венгрии, Англии, Франции, Италии и Германии Россия поддерживала национально-освободительную борьбу балканских народов. Характеризуя политику западноевропейских держав, направленную на сохранение господства османов на Балканах, Ф. Энгельс отмечал: «До тех пор, пока традиционная политика сохранения любой ценой status quo и самостоятельности Турции в ее нынешнем состоянии будет руководящим принципом западной дипломатии, девять десятых населения Европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию» [65]. Однако любая поддержка русским правительством балканских повстанцев расценивалась западноевропейскими державами как укрепление позиций России на Балканах. Вот почему русское правительство, не желая осложнять международную обстановку, ставило задачу во что бы то ни стало организовать выступление великих держав в защиту славян. С этой целью в Берлине на совещании стран «Союза трех императоров» * был обсужден Балканский вопрос и принят документ, согласно которому правительства Австро-Венгрии, России и Пруссии предлагали Порте приостановить на Балканах военные действия и начать с повстанцами переговоры. К берлинскому меморандуму присоединились Франция и Италия. Но его отвергла Англия. Однако Россия и после этого предпринимала безуспешные попытки мирного урегулирования Балканского вопроса. Тем временем османы очень жестоко расправлялись с восставшими болгарами и, пользуясь тем, что великие державы не способны прийти к соглашению, начали крупными силами наступление на Сербию. В связи с этим в России усилилось движение за поддержку балканских народов. Причем поддержку восставшим оказывали все слои общества не только Центральной России, но и окраин, в том числе и Северного Кавказа. Когда восстали жители Боснии и Герцеговины, вспыхнула сербско-турецкая война, несколько тысяч лучших сынов России — рабочих и крестьян, профессиональных революционеров, врачей, учащихся — добровольно отправились на Балканы, чтобы с оружием в руках помочь справедливому делу национального освобождения своих братьев. В России началось также широкое движение за оказание материальной помощи балканским народам. В сборе пожертвований активное участие приняло и население Северного Кавказа. По неполным данным по Ставропольской губернии, жители селений Безопасного, Натухайского, Невинномысского, Петровской, Малых-Ягур, Предтеченского и др. собрали более 750 руб., а также большое число рубах и много метров холста. Жители Екатеринодара собрали 537 руб., а служащие Темрюковского уездного управления Кубанской области постановили на все время войны с османами жертвовать в пользу балканских народов 1% своего жалования.

* «Союз трех императоров» — совокупность соглашений, заключенных в 1872—1881 гг. между Россией, Германией, Австро-Венгрией с целью объединения сил для борьбы с революционным движением.— *Авт.*

Материальную помощь балканским повстанцам оказывали жители почти всех округов Терской области: Владикавказского, Аргунского, Грозненского, Нальчикского, Веденского, Хасавюртовского (Кумыкского) и Пятигорского. Из этих округов в 1876 г. поступило свыше 3 тыс. руб. В сборе пожертвований приняли участие города и округа Дагестана. Житель Темир-Хан-Шуры, известный в Дагестане просветитель И. С. Костемеревский выслал черногорцам 500 руб. и Московскому Славянскому комитету — 360 руб.[66] Представители народов Северного Кавказа принимали также непосредственное участие в освободительной борьбе балканских народов в 1876 г.

Одновременно в русском обществе усилилось недовольство правительством за его «безучастное отношение» к событиям на Балканах. В этих условиях правительство Александра II, придерживавшееся по-прежнему политики европейского единства, вынуждено было предпринять более решительные меры, добиться созыва конференции великих держав в Константинополе.

Однако после бесплодных переговоров, длившихся почти месяц, конференция закрылась. Весной 1877 г. русское правительство сделало еще одну попытку мирного урегулирования ближневосточного кризиса. 31 марта (12 апреля) 1877 г. в Лондоне шесть держав подписали протокол, содержавший требования о представлении автономий балканским княжествам. Английские дипломаты, как и ранее, играя двойную игру, дали османам совет отклонить Лондонский протокол, что султан Абдул-Хамид II и сделал. Окончился мирный период Восточного кризиса.

К началу войны Османская империя располагала на Черном море более значительными силами, чем Россия. Царское правительство еще в 1870—1871 гг. добилось отмены «нейтрализации» Черного моря, но не смогло обеспечить своевременное создание нового Черноморского военного флота. Запоздалость реформ, недостаток финансов и близорукая политика правительства привели к тому, что и в 1877—1878 гг. военные корабли России оказались не в состоянии обезопасить Черноморское побережье Кавказа от нападений османского военного флота.

В состав османской броненосной эскадры входило 18 судов, из которых 14 годилось для боя в открытом море. Двинуть в Черное море Балтийский флот российское правительство, разумеется, не могло, ибо Проливы находились в руках Турции, а отношения с Англией внушали тревогу.

Османское правительство надеялось на поддержку Англии. Кабинет Дизраэли подстрекал Порту к решительным действиям на суше и на море, помогал деньгами и оружием. Боеприпасы и ружья османские власти закупали и в США. Русский военный атташе сообщал из Лондона, что Дизраэли будто бы поощрял планы образования «Закавказского халифата» путем слияния мусульманского населения края, захвата османскими войсками Грузии, Армении и Северного Кавказа. Строились расчеты на поддержку горского населения из мусульман и на ввод османской эскадры в Азовское море с целью отрезать русские силы от берегов Кавказа. Ряд городов и селений русского побережья — Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сухум, Поти, где не было укреплений и размещались слабые гарнизоны,— оказались почти незащищенными[67].

Впрочем, главной целью лондонского кабинета было как можно больше втянуть Османскую империю в войну, чтобы ослабить ее и предъявить к ней свои требования, а о победе ее над Россией британское правительство особенно не заботилось[67а]. Надежды Порты на помощь

Англии, как и на восстания мусульман Кавказа против России, не сбылись. хотя военные действия распространились на берега Северного Кавказа.

Русско-турецкая война. 12(24) апреля 1877 г. в условиях мощного подъема национально-освободительной борьбы балканских народов и небывалого в истории России общественного движения в их поддержку началась русско-турецкая война. 9(21) мая 1877 г. под давлением широких народных масс румынский парламент объявил Порте войну.

В июне 1877 г., сломив упорное сопротивление османов, русские войска переправились через Дунай, вступили в Болгарию, народ которой всюду встречал русских солдат торжественно как своих избавителей от ига Порты. Успешное наступление русских войск встревожило Оттоманскую Порту. Чтобы поправить свое положение, османы срочным порядком перебросили из Черногории корпус Сулейман-паши, которому и поручили руководство забалканской султанской армией. Генерал И. В. Гурко вынужден был отступить за Балканы. Тем временем войска под командованием генерала Криденера внезапно атаковали и взяли крепость Никополь. 8(19) июля русские войска безуспешно атаковали город Плевна. Через 10 дней русское командование вновь атаковало город, но овладеть им не удалось и на этот раз. Неудачей окончился и третий штурм Плевны. После этого по предложению Д. А. Милютина было решено кампанию продолжить, сломив сопротивление османов методом блокады. Для этого из Петербурга был вызван герой Севастопольской обороны, военный инженер генерал Э. И. Тотлебен, вся кавалерия была подчинена генералу И. В. Гурко [67б]. В соответствии с планом Тотлебена кольцо блокады вокруг Плевны смыкалось, а положение осажденных все более и более ухудшалось. Оказавшись в крайне тяжелом положении, осажденные сделали попытку прорвать кольцо окружения, но были разбиты. 10(22) декабря 1877 г. Плевна сдалась [68].

Успешными были действия русских и на Кавказском театре войны. Наступательные действия против Порты со стороны Закавказья должен был вести сформированный накануне войны действующий корпус под командованием генерала гр. М. Т. Лорис-Меликова. Военные действия корпус начал в ночь с 12 на 13 апреля 1877 г. Выступивший в 12 ч 30 мин ночи небольшой отряд во главе с поручиком А. А. Брусиловым перешел через р. Арпачай и пленил застигнутую врасплох заставу османов [69]. «Другая наша колонна,— писал А. А. Брусилов,— также успешно выполнила возложенное на нее поручение». Успешно продвигающиеся войска без боя заняли крепость Баязет. А 5 мая штурмом овладели крепостью Ардаган, укрепления которой сооружались с помощью английских инженеров, и тем самым перерезали путь, соединявший Батум с Карсом и Эрзерумом. Русские войска, которые были встречены армянами с восторгом [70], заняли также значительную территорию турецкой Армении. Однако командование Кавказского корпуса не сумело воспользоваться растерянностью войск османов и вместо того, чтобы разгромить и уничтожить живую силу противника, основное внимание уделило осаде Карса. Этим воспользовался командующий османской армией Мухтар-паша. Завершив формирование своих войск, он двинулся к Карсу. Направленные против османов отряды под командованием генералов А. А. Тергукасова и В. А. Геймана не имели успеха. Командование Кавказского корпуса оказалось вынужденным снять осаду Карса.

В октябре 1877 г. из Центральной России на Кавказ прибыло воинское подкрепление. Теперь численность главных сил, действовавших на

Карском направлении, была доведена до 50 тыс. чел. Тогда же, по предложению Д. А. Милютина, в помощь кавказскому командованию был направлен опытный генерал Н. Н. Обручев, который разработал план действия против османов. В итоге предпринятых энергичных мер русские войска одержали ряд побед, из которых наиболее значимой была победа при Аладжи, после чего был блокирован гарнизон Карса. В ночь с 5 на 6 ноября русские войска штурмом овладели крепостью Карс. В июле-августе русские войска изгнали из Абхазии османов, которые в первые месяцы войны, пользуясь преимуществом своего, созданного с помощью Англии и Франции черноморского флота, заняли Сухум и Очамчири.

Восстание 1877 г. в Дагестане и Чечне. В 60-х — начале 70-х годов XIX в., как отмечалось выше, на Северном Кавказе обострились классовые противоречия, результатом которых были многочисленные волнения и выступления широких народных масс. Горское крестьянство было недовольно ростом эксплуатации и готово было на любые испытания, лишь бы освободиться от всевозрастающих феодальных податей и повинностей, от налогового пресса самодержавия, от гнета и насилия феодалов и произвола царских чиновников. В свою очередь, недовольны были и некоторые представители класса феодалов, особенно те, права которых были ущемлены самодержавием. Однако феодалы понимали, что достигнуть желанной цели — вернуть урезанные царизмом права и политическую власть — они могли, только используя горское крестьянство. Поэтому оппозиционно настроенная к самодержавию часть феодалов апеллировала к трудовым массам общества, прямо и косвенно возбуждая в них ненависть к русским властям. Нововведениями самодержавия, о которых речь шла выше, особенно недовольно было местное мусульманское духовенство. Стремление властей ограничить действия шариата, а по возможности вытеснить и заменить его адатом, наносило сильный удар по положению мусульманского духовенства. Боязнь лишиться экономических и политических привилегий играла если не решающую, то важную роль в росте оппозиционности мусульманского духовенства по отношению к самодержавию. Однако духовенство так же, как и феодалы, хорошо понимало, что сохранить привилегированное положение, а при возможности и встать у кормила власти оно может только с помощью народа и поэтому неустанно вело антиправительственную пропаганду, разжигало фанатизм, призывало горцев выступить на защиту мусульманской религии от «посягательства» христиан. Само собой понятно, что подобные проповеди вместе со всевозможными демагогическими обещаниями в тех конкретно исторических условиях оказывали определенное влияние на умы и настроения горского крестьянства.

Сеть заговоров на Северном Кавказе плели также и эмиссары зарубежных государств, и прежде всего Оттоманская Порта и Англия. Антирусской обработке подвергалась в Турции и значительная часть горцев-переселенцев. Антирусская подрывная деятельность эмиссаров Порты особенно усилилась в канун и в начале русско-турецкой войны [71]. Будучи осведомленным об этом, кавказское командование предприняло меры для преграждения путей проникновения в Дагестан и Чечню агитаторов: «Подозрительным лицам поставлены были пикеты милиции на всех горных тропах и проходах». Были усилены укрепления в горах. В окружных управлениях были составлены списки «неблагонадежных и беспокойных». Все это создавало на Северо-Восточном Кавказе весьма напряженную обстановку. В ночь с 12 на 13 апреля одновременно с началом военных действий в Закавказье между русской армией и османа-

ми житель с. Самсир Веленского округа Алибек-хаджи в присутствии 60 своих единомышленников объявил себя руководителем восстания. К нему примкнул старшина с. Чобахканерой в Чеберлое Дада Золмаев. Восставшие приняли присягу «разорвать всякое отношение с существующей властью, объявить себя независимыми». Желая поднять на восстание жителей Большой и Малой Чечни, Алибек-хаджи сделал попытку проникнуть на плоскость. Однако это ему не удалось. Путь ему преградил отряд полковника Нурида. Тогда Алибек-хаджи направился к с. Шали, но жители, возглавляемые старшиной Борщиком Хайбулатовым, вынудили его отступить. После всего этого Алибек-хаджи «с небольшой группой последователей» ушел в лесное ущелье Симсир, находящееся между Ичкерией, Аухом и Салатавией. Одновременно было подавлено выступление Дады Золмаева в Чеберлое. Однако в июле «всеобщее брожение усилилось слухами об отступлении» по всему фронту русских войск. Распространяемы были в это время и прокламации, «в которых сообщалось, что сын Шамиля Кази-Магома с многочисленными войсками со дня на день должен вступить в пределы Терской области». Все это послужило новой вспышкой недовольства в Ичкерии [72].

Летом 1877 г. в с. Согратль Гунибского округа объявились четыре султанских эмиссара, один из которых, Аббас, представлялся «пашой», а другие — Тинаввас, Гаджияв и Мину-Али, эмигрировавшие ранее из Дагестана, его «сопровождающими». Они предъявили письмо от Гази-Магомеда, в котором сообщалось о неибежной победе Порты, о скором прибытии османских войск «с деньгами и оружием» и что дагестанцы должны немедленно восстать [73]. О распространении в горах «мнимых или истинных писем свидетельствуют и другие современники» [74]. А когда в Дагестане распространился слух о поражениях русской армии на фронтах и наступлении османов на Кавказ, обнаружился, говоря словами официального источника, «первый симптом народного настроения» [75].

29 августа жители Гергебиля и Кикуни напали на мастеровых и солдат Георгиевского поста. На следующий день в с. Согратль Гунибского округа после продолжительных дебатов решено было объявить «газават». Ввиду старости Абдурахмана-Гаджи имамом был избран сын его — Гаджи-Магомед. Учрежден был совет, назначены векили и наибы. В течение нескольких дней восстанием были охвачены все селения Гунибского округа, кроме с. Чох. Кавказское командование для подавления восстания в зародыше двинуло в Гунибский округ отряд русских войск и сотню Дагестанского конно-иррегулярного полка. Начальником Даргинского и Казикумухского округов было приказано собрать конную и пешую милицию и выступить против повстанцев. Однако подавить восстание не удалось. Вооруженные гонцы-векили имама были разосланы во многие села нагорного Дагестана с письмами, призывающими к выступлению за «свободу и шариат» [76].

В сентябре восстанием был охвачен Центральный, Южный и Западный Дагестан. Причем в каждом селении перед выступлением происходила острая борьба между сторонниками и противниками восстания. В Цудахаре, например, до восстания возникло две партии. Одна из них, во главе с Нико-Кади и Гази-Магомедом, выступала за восстание, другая, руководимая Караевым и некоторыми другими, была против. Жаркие споры между сторонниками и противниками восстания происходили также в Казикумухском, Кайтаго-Табасаранском и других округах. И всюду во главе восставших становились либо представители духовенства, как это было в Гунибском и Даргинском округах, либо феодалы, как правило,

потомки бывших владетелей, как это было во всех других охваченных восстанием округах. Причем, встав во главе восстания, феодалы тут же объявляли себя ханами. Ханом в Казикумухском округе был провозглашен сын Аглар-хана Джафар-хан. В Кайтаге уцмием был провозглашен сын бывшего управляющего генерал-майора Джамов-бека Мехти-бек, кюринским ханом — Магомед-Али-бек. Даже в Самурском округе, где ранее были союзы сельских общин, объявил себя ханом ротмистр Кази-Ахмед. Уже одно это говорит о том, что феодалы и муллы приняли участие в восстании по мотивам, далеким от надежд и стремлений горского крестьянства. Феодалы и муллы хотели, используя стихийный протест народных масс и благоприятную обстановку, вернуть край к прежним временам, восстановить свою политическую власть, позволявшую им бесконтрольно угнетать народ. Это было реакционное выступление феодально-монархического направления, по существу — против горского крестьянства.

Естественно, что горское крестьянство, взявшись за оружие для своего освобождения от всякой эксплуатации (т. е. им преследовались диаметрально противоположные цели), должно было прийти и пришло в противоречие с феодально-мусульманскими верхами, сумевшими взять в свои руки руководство восстанием. Именно это противоречие было основной причиной отхода от движения народных масс, предопределившей в конечном счете его поражение.

Осенью 1877 г. кавказское командование начало активное действие против повстанцев. Причем в подавлении восстания наряду с регулярными частями принимало участие большое число милиции и дружин, сформированных из местного населения. В начале октября был подавлен в Чечне последний очаг сопротивления: Алибек-хаджи с 60 повстанцами ушел в Дагестан. К концу октября восстание было подавлено в Южном Дагестане, Даргинском, Казикумухском округах. Последним сдался Согратль — место пребывания имама. После штурма наиболее активные участники были преданы военно-полевому суду и казнены в Дербенте и Гунибе; многие повстанцы были высланы.

Боевое содружество русского и северокавказских народов в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. История русско-турецкой войны 1877—1878 гг. изобилует фактами, свидетельствующими об укреплении боевого содружества горцев Северного Кавказа с русским народом. Представители северокавказских народов участвовали во всех сражениях русско-турецкой войны как на Балканском, так и на Кавказском театре войны. Согласно решению высшего командования, в действующую Дунайскую армию были определены Кубанский и Терский эскадроны, Владикавказский и Кубанский казачьи полки и Терско-горский иррегулярный полк. Начальник штаба Кавказской казачьей дивизии (куда входил и Терско-горский полк) П. Д. Паренсов писал: «Совершенно в них влюбился. Это была настоящая кавалерия, центавры»[77]. Осмотрев Терско-горский иррегулярный полк, начальник полевого штаба действующей армии генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий доносил императору: «Терско-гребенской полк, прибывший с Кавказа... Славный полк, так и дышит Кавказом»[78]. Однако в мае 1877 г., когда Терско-горский полк, пройдя значительную территорию Румынии, вышел на исходные позиции, поступил приказ о разделении полка. Ингушский эскадрон был отозван в Одессу, а Осетинский дивизион был влит во Владикавказский конный полк. В составе Кавказской казачьей бригады (рис. 1) (куда входил и Владикавказский полк) Осетинский дивизион участвовал во многих сра-

Рис. 1. Русские казаки Северного Кавказа — участники русско-турецкой войны 1877—1878 гг.
Слева направо: казак Хоперского полка, казак Линейного казачьего войска, казак Черноморского казачьего войска, запорожский казак, два казака Хоперского полка, казак-пластун
Фотография 70-х годов XIX в.

Рис. 2. Всадники Ингушского дивизиона — участники русско-турецкой войны 1877—1878 гг.
Фотография 70-х годов XIX в.

жениях, проявив при этом мужество и храбрость. «Этот народ (т. е. осетины.— *Авт.*),— доносил командир Кавказской казачьей бригады полковник И. Ф. Тутамлин командующему западным отрядом Зотову,— заслуживает из ряда вон выходящей награды за свою безупречную, безграничную храбрость. С первого шага за Дунаем, с 22 июля, они открыли для Кавказской бригады целый ряд дел с неприятелем, полной безупречной отваги, и собственной кровью значительно более других оросили путь от Дели-Сула через Градешти до самого Самовицы и оттуда через Плевно до окопов Ловтии» [79]. О воинских достоинствах горцев высоко отзывались и другие очевидцы. Докладывая командиру казачьей бригады о сражении при деревне Дели-Сула, командир Владикавказского полка Левис писал: «Осетины дрались со свойственной им отвагой... считаю своим долгом доложить об отличной распорядительности командира Осетинского дивизиона ротмистра Есиева, об отличиях, оказанных сотниками и субалтерн-офицерами, а также нижними чинами» [80]. Отличился Осетинский дивизион и в сражении при дер. Самовид, Омаркпоя-Павликаны и др. Характеризуя конников-осетин, кн. Л. В. Шаховский писал, что «невзрачная на вид кавалерия навеяла панический страх на все ряды турецкой кавалерии» [81]. Рассказывая об Осетинском дивизионе, участвовавшем в боях за г. Ловечи, болгарский общественный деятель Георгий Катев писал: «Особенно грозна была картина нападения Владикавказского казачьего полка и осетин», которые «разбили три непрпятельских батальона» [82].

В начале октября 1877 г. из-за настойчивых просьб всадников, желавших принять участие в боевых действпях с османами, был переведен в Болгарию Ингушский дивизион. Зачисленный в XIII армейский корпус, дивизион уже 12 октября участвовал в сражениях при с. Сисово и при р. Ак-Лом, Кара-Лом и в других стычках. Особенно отличился Ингушский дивизион в боях за с. Кацелево. «Поведение ингушей и гусар в этой стычке с неприятельскою пехотою выше похвалы, особенно ингушей,— писал командующий XIII армейским корпусом генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков.— Они с безответною храбростию и настойчивостью бросались на неприятеля, осыпавшего их пулями... Ингуши, поддержанные 3-м эскадроном гусар, смело атаковали пехотные части в ложементах. По всеобщему отзыву, героями дня были всадники Терско-горского полка» [83]. За отличие в бою у с. Кацелево были награждены ингуши командир дивизиона подполковник Банухо Базоркин — орденом св. Анны 2-й степени, ротмистр Николай Альдиев — орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, прапорщик Артаган Мальсагов — орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», подпоручик Маги Наврузов был произведен в поручики. Знаки отличия Военного ордена получили урядники и всадники Бати Мальсагов, Парго Темирсултанов, Генардуко Алиев, Чалдыр Гойгов и др. (всего 22 человека) [84].

Вслед за этим части войск под командованием генерала А. М. Дондукова-Корсакова, среди которых был и Ингушский дивизион, заняли Церцевец, Констанце, Огарчин. В ходе ноябрьских боев отличились многие офицеры и всадники дивизиона. Особо была отмечена храбрость подпоручика Батако Ужахова, прапорщика Доха Мальсагова. Знаком отличия Военного ордена был награжден всадник Дуда Мацилгов. Несмотря на ранение, он «возвратился в строй со своим оружием и, оставаясь до окончания дела, мужественно и храбро служил отличным примером для своих товарищей» [85]. В ноябре Осетинский дивизион в составе отряда генерала Гурко принимал участие в боях у Горного, Дубняка, Дальнего Дубняка, Телиши, Правец и др. Только в сражении за Правец Осетин-

ский дивизион пленил 2 османских офицеров и 41 солдата. Высоко оценил всадников Осетинского дивизиона полковник лейб-гвардии Преображенского полка А. А. Берс: «Лучшей кавалерии для горной службы нельзя себе вообразить, их лошади в горах как у себя дома, и нет никакой такой горы, на которую не мог бы забраться осетин, частью верхом, а где ведя лошадь в поводу. Осетин ловок, глаз у него зоркий, любит свою лошадь, редко натрет ей спину и сам довольствуется малым, но всегда молчалив, не хвастлив» [86].

В конце декабря 1877 г. русские войска, преодолев неимоверные трудности, перешли Балканы и при полной поддержке и участии болгар и сербов освободили Софию. В этих боях снова отличились северокавказцы. Осетинский и Ингушский дивизионы принимали самое активное участие во многих сражениях и в 1878 г. В январе Ингушский дивизион сражался с османами близ рек Ак-Лом и Кара-Лом. Участвовал в освобождении г. Разграда, станции Шайтанджик, Шумлы и др. Во всех этих сражениях ингуши проявили храбрость и мужество. Среди особо отличившихся командование назвало всадников База Цургова, Ильяса Хампиева, Тебо Хадарцева, которые, будучи ранены, остались в строю, а также прапорщиков Тхостова, Артагана Мальсагова и урядника Мусу Ганижева, взявшего в плен командира эскадрона османов.

За отличие в боях всадники и офицеры были отмечены различными наградами. Знаками отличия Военного ордена были награждены Муса Ганижев, Кути Куржиев, Эльмурза Гойгов, Иса Мальсагов, всего 28 человек. В офицеры были произведены: участник еще Крымской войны кавалер трех георгиевских крестов Муртуз Дзортов и Магомед Мальсагов [87].

В январе 1878 г. Осетинский дивизион участвовал в бою у Татар-Базарджика за освобождение Филипполя (Пловдив), в сражениях у с. Чатак, Чепеляр, Дердери и др. В этих боях отличились поручик Г. Есенов, корнет К. Абисалов, есаул И. Гайтов, майор А. Кубатиев, подполковник Г. Абисалов, сотник И. Шанаев, прапорщик К. Абисалов, ротмистр А. Есенов и многие другие, которые были отмечены наградами. Рядовым Терско-горского иррегулярного полка разновременно было выдано свыше 200 георгиевских крестов. Среди них рядовые Осетинского дивизиона Б. Мильдзихов, Э. Доев, К. Туриев и др., всего 46 человек. Серебряные медали получили два всадника. Урядник Б. Драболов был произведен в юнкера, урядник Т. Кириев — в прапорщики. Ингушский и Осетинский дивизион были награждены георгиевским знаменем с надписью «За отличие в Турецкой войне 1877—1878 годов» [88]. Особенно активным было участие народов Закавказья и Северного Кавказа на Кавказском театре войны. Здесь в войне с османами в рядах русских войск принимали участие Дагестанский (2-й и 3-й), Кабардино-кумыкский, Чеченский конно-иррегулярный полки. Горцы Северного Кавказа находились также в числе других соединений, дагестанцы в составе Закатальского конно-иррегулярного полка, осетины в казачьих и иррегулярных полках в составе двух Горско-Моздокских, двух Кизляро-Гребенских, 2-м Владикавказском, двух Волжских казачьих полках, а поручики Т. Козырев, А. Алданов, юнкер Е. Хадарцев, прапорщик Б. Тургиев, капитаны Газданов, Дударов, Таучелов, майор И. Кусов и многие другие в регулярных частях.

В составе действующей Кавказской армии были образованы из горцев Северного Кавказа конно-иррегулярные полки: Кабардино-Кумыкский (состоящий из четырех сотен кабардинцев, одной сотни кумыков и одной сотни салатавцев), Чеченский, два Дагестанских полка (по 6 сотен).

Кроме того, горцы Северного Кавказа служили в других подразделениях русских войск: горцы Дагестана — в Закатальском конно-иррегулярном полку, осетины — в регулярных частях и казачьих полках, Дербентском стрелковом полку, Нижнегородском драгунском полку, Горско-Моздокских, Кизляро-Гребенских, Владикавказском, Волжских казачьих полках и др. Эти соединения принимали участие почти во всех основных сражениях войны.

Всадники конно-дагестанских полков с самого начала войны находились на переднем крае, участвовали в форсировании реки Арпачай. В начале мая в блокадных боях у сильно укрепленной крепости Карс они показали образцы храбрости. «Шесть сотен Дагестанской конно-иррегулярной бригады,— доносил главнокомандующий Кавказским корпусом гр. М. Т. Лорис-Меликов,— имели молодецкое дело с турецкой регулярной кавалерией в числе до тысячи человек... О блистательном деле 2-го и 3-го Дагестанских конно-иррегулярных полков и отличной боевой репутации, проявленной ими в начале же кампании, я с истинным удовольствием объявляю по войскам» [89]. В мае русская часть, в составе которой был и Кабардино-кумыкский полк, при с. Бегли-Ахмет нанесла поражение османской кавалерии (которой командовал М. Кундухов).

5 июля при вылазке карского гарнизона у с. Аравартан отличился Чеченский полк [90]. В середине июля два Дагестанских и Чеченский конно-иррегулярные полки близ с. Субботан атаковали неприятеля и принудили османов отступить. Почти три месяца происходили боевые действия при Авлиар-Аладжинских позициях. И в этих упорных и кровопролитных боях активное участие приняли Чеченский, Кабардино-кумыкский и Дагестанские полки. Особо отличились воины Т. Магуев, П. Тагилов, Г. Тамиров, И. Чопалов, Д. Вагапов, Э. Яндаров, А. Алибеков и многие другие [91]. В августе всадники горских полков вновь нанесли сильное поражение османам у с. Субботан. «Чеченцы,— писал современник,— подобно урагану неслись все вперед и вперед» [92]. В августе всадники 3-го Дагестанского полка окружили и уничтожили часть османской кавалерии. В конце августа созданный из 2-го Дагестанского и Чеченского полков летучий отряд нанес сильное поражение действующей по указке турецкого главнокомандующего Мухтар-паши разбойнической шайке Мохрали численностью около тысячи человек.

Осенью 1877 г. русская армия начала наступательные действия. После продолжительной борьбы было сломлено сопротивление османских войск, укрепившихся на высотах Малые-Янги, Аладжа, Казил-Тапа. Из окружения вырвалась лишь небольшая группа во главе с Муса-пашой Кундуховым. В ходе боев отличились многие всадники северокавказских конно-иррегулярных полков. Неувядаемой славой покрыли себя горцы Дагестана, Чечни, Кабарды, Осетии и др. в сражениях при Деве-Бойну, особенно в боях за крепость Карс. За особое отличие в боях при одной из блестящих операций войск — штурме крепости Карс — 3-й Дагестанский полк был награжден георгиевским знаменем с надписью «За взятие Карса», а всадники полка получили знаки на головные уборы с надписью «За отличие в Турецкую войну» [93]. 97 всадников были награждены медалями. Позже почетным званием был также награжден Чеченский конно-иррегулярный полк [94]. Георгиевского креста за отличие в боевых действиях удостоились всадники Чеченского полка Д. Дурдиев, У. Гаев, Ш. Сугайпов и многие другие, ордена св. Владимира — майор Тхостов, корнет Б. Яндаров. Много чеченцев были также награждены орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орденом св. Станислава 3-й степени. Большое число всадников Кабардино-кумыкского и Даге-

станских полков были также награждены знаками отличия Военного ордена и георгиевскими крестами. Первым в России полным кавалером Георгиевского креста, «для нехристиан установленного», стал юнкер 2-го Дагестанского полка, лакец по национальности Лабазан Ибрагим Халил-оглы. Четырьмя георгиевскими крестами был награжден аварец Гаджи-Магомед Халаков. Боевых орденов также удостоились Д. Нурахманов, И. Казанбиев, Д. Ханмурзин, А. Е. Кантемиров, Т. Козырев, А. Алданов, Б. Кубатиев, З. Хуцистов и многие другие.

Историческое значение русско-турецкой войны. «Всякая война,— писал В. И. Ленин,— нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает» [95]. В этом смысле война России с Османской империей была вызвана столкновением интересов этих государств и непримиримостью противоречий между великими державами. Начиная войну, Россия ставила целью освободить из-под ига османов балканские народы, что, разумеется, «было обусловлено стремлением к укреплению своего влияния на Балканском полуострове» [96]. Напротив, Османская империя надеялась увековечить свое господство на Балканах. Западноевропейские державы стремились, используя в своих корыстных целях столкновение России с Портой, осуществить территориальные захваты на Балканах и Ближнем Востоке. Характеризуя политику конфликтующих держав, выдающийся политический деятель Болгарии Василь Коларов отмечал: «Восточная политика царской России объективно шла по линии прогрессивного развития Ближнего Востока, в то время как восточная политика европейских держав, пропитанная консервативным духом и направленная на сохранение прогнившей Османской империи, была враждебной к пробуждающимся жизнеспособным и прогрессивным балканским нациям» [97].

Как и следовало ожидать, первые же столкновения показали, что Оттоманская Порта была не в состоянии одна, без посторонней помощи вести войну с Россией. После падения Плевны, когда стало ясно, что поражение неизбежно, Порта официально обратилась к западноевропейским державам с просьбой о посредничестве. Россия была согласна на мир, но считала, что для его достижения «Порта должна обратиться к обоим главнокомандующим русских армий в Европе и Азии, которые и сообщат ей условия перемирия» [98]. Это означало, что Россия желала вести переговоры без посредников. Англия стала угрожать России войной. Тем временем османы терпели на поле боя новые поражения. Когда же русские войска заняли Адрианополь, султан Абдул-Хамид обратился к Александру II с предложением прекратить военные действия и начать переговоры. 19 февраля (3 марта) 1878 г. в местечке Сан-Стефано, находящемся в 15 км от Стамбула, был подписан предварительный (прелиминарный) договор. Россия вынуждена была пойти на это из-за серьезной опасности войны с Англией и предательства со стороны Австро-Венгрии. Окончательные условия договора были выработаны на Берлинском конгрессе. В процессе обсуждения статей договора «западные державы постарались урезать то, что было добыто русской кровью для народов Балканского полуострова и закреплено Сан-Стефанским миром» [99]. Берлинский трактат подтвердил независимость Сербии, Черногории, Румынии. Болгария была разделена на две части: Южная под названием Восточная Румелия превращалась в автономную провинцию Порты с христианским губернатором; из Северной Болгарии образовалось поставленное в вассальную независимость самоуправляющееся княжество [100]. Карс, Ардаган, Батум отходили к России. Берлинский конгресс,

явившийся победой англо-австрийского блока, не был залогом умиротворения. Он не решил Восточного вопроса. Борясь против перевеса России на Востоке, западные державы одновременно выступали против независимости балканских народов. Было бы однако неверным полагать, что Россия безоговорочно и без сопротивления приняла решения Берлинского конгресса. Благодаря твердой позиции России, устранена была опасность вторжения османских войск в Восточную Румынию, что в конечном итоге привело к созданию чисто болгарской автономной провинции. Как бы то ни было, значение войны 1877—1878 гг. трудно переоценить. Достаточно сказать, что эта война принесла освобождение народам Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории. Прогрессивный характер войны состоял еще и в том, что она «объективно выполняла задачи буржуазно-демократической революции»[101]. Говоря об объективно исторически прогрессивном значении войны, Васил Коларов подчеркнул то «исключительно важное обстоятельство, что русско-турецкая война не только освободила Болгарию от иноземного ига, но ускорила и закончила аграрную революцию, которая совершилась в ее пределах»[102]. В период войны еще более укрепилась дружба между русским и балканскими народами. Дружественные отношения румын с Россией, подчеркивал Г. Георгиу-Деж, складывались «на протяжении столетий в совместных сражениях румын и русских солдат. Особенно сильно это проявилось в войне 1877 г., когда русская армия помогла румынскому народу завоевать государственную независимость»[103]. Чрезвычайно важное значение война имела и для народов Закавказья. Почти вся Южная Грузия и значительная часть Западной Армении освободились от гнета османов. В период войны упрочилось боевое содружество народов Кавказа, в том числе и Северного Кавказа, с русским народом, укрепилась их дружба и с балканскими народами.

Огромное значение война сыграла и во внутриполитической жизни страны. Она явилась одной из непосредственных причин возникновения в стране революционной ситуации.

---

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.
2 Там же. С. 174.
3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 592.
4 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 98. Л. 1.
5 Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863—1869 гг. СПб., 1870. С. 16.
6 ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6681. Л. 32; Д. 6696. Л. 357.
7 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 127.
8 ЦГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 197. Л. 2 об.
9 ЦГА СО АССР. Ф. 28. Оп. 1. Д. 32—37.
10 ССОКГ. Тифлис, 1881. Вып. 2. С. 15; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 128.
11 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 130.
12 *Алферов В., Чекменев С.* Непокорные. Ставрополь, 1974. С. 93.
13 ЦГИА ГССР. Ф. 545. Оп. 2. Д. 36. Л. 103.
14 ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 258/908. Д. 45. Л. 5.
15 Там же. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 70. Л. 37.
16 Там же. Д. 165. Л. 239.
17 ЦГА СО АССР. Ф. 12. Оп. 5. Д. 172. Л. 4—4 об., 12; АКАК. Т. 12. С. 1254.
18 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 6. Л. 246.
19 Там же. Ф. 2. Д. 739. Л. 4.
20 ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 470. Л. 7.
21 Там же. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 165. Л. 244 об.— 245.
22 Там же. Л. 243 об.— 244.
23 *Гассиев А.* Земельно-экономическое положение туземцев и казаков Северного Кавказа. Владикавказ, 1909. С. 5.
24 ЦГА ДАССР. Ф. 105. Оп. 3. Д. 12. Л. 17.
25 ЦГИА ГССР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 23. Л. 14—15.
26 Кубанский календарь на 1900 г. Екатеринодар. 1899. Т. 6. С. 38.

[27] *Невская В. П.* Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Тр. КЧНИИ. Сер. ист. Черкесск, 1959. Вып. 3. С. 137.
[28] ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 653. Л. 22–27, 42.
[29] Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1876. С. 74–75.
[30] Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. С. 49.
[31] ЦГВИА. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 165. Л. 255.
[32] ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 93. Л. 1; Д. 266. Л. 1.
[33] Там же. Д. 93. Л. 1; Д. 266. Л. 1.
[34] ЦГВИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 39. Л. 2–3.
[35] Газ. Кавказ, 1867. № 17.
[36] КРО. Т. 2. С. 45, 64.
[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.
[38] КРО. Т. 2. С. 111.
[39] ЦГА СОАССР. Ф. Канцелярии начальника Терской области. Д. 197. Л. 1–2.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 172.
[41] ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 598. Л. 7.
[42] Там же. Ф. 774. Оп. 1. Д. 378. Л. 4; Д. 328. Л. 27.
[43] Там же. Д. 372. Л. 9.
[44] Там же. Л. 34.
[45] *Кокиев Г.* Крестьянская реформа в Осетии. Орджоникидзе, 1940. С. 67.
[46] ЦГА СОАССР. Ф. Канцелярии начальника Терской области. Д. 197. Л. 32.
[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.
[48] Труды Абрамовской землеустроительной комиссии. Владикавказ, 1908. С. 320.
[49] ССОКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 37.
[50] ВИЧИ. Грозный, 1976. Т. 10. С. 297.
[51] ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 647, 754, 758 и след.
[52] *Невская В. П.* Земельная реформа и отмена крепостного права // Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Грозный. 1971. С. 168.
[53] ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 287. Л. 5.
[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 140.
[55] ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 379. Л. 23.
[56] Там же. Л. 214.
[57] Там же. Л. 57.
[58] История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 120.
[59] ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 878. Д. 2. Л. 23.
[60] Там же. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1944.
[61] *Мегрелидзе Ш.* Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тбилиси, 1969. С. 48.
[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 253–254.
[63] Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII – начало XIX в. М., 1978. С. 129.
[64] Дневник Д. А. Милютина. М., 1949. Т. 2. С. 58.
[65] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 32.
[66] Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Махачкала, 1977. С. 153–155.
[67] *Дзидзария Г. А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 308, 326.
[67а] *Елисеева Е. В.* Из истории агрессивной политики Великобритании на Ближнем Востоке в годы 1875–1877 // Учен. зап. Мос. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1951. Т. 14.
[67б] Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 147.
[68] Там же. С. 202–203.
[69] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 28.
[70] Там же.
[71] РФ ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. Д. 1303. Л. 3.
[72] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 130–138.
[73] ЦГА ДАССР. Ф. 175-р. Оп. 1. Д. 19. Л. 13–14.
[74] Там же. Оп. 3. Д. 54. Л. 19; РФ ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. Д. 103. Л. 2.
[75] СМРТВ. СПб., 1899. Вып. 6.
[76] РФ ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. Д. 1303. Л. 3.
[77] *Паренсов П. Д.* Из прошлого // Русская старина. 1890, янв. С. 605. По окончании русско-турецкой войны П. Д. Паренсов был назначен военным министром Болгарии.
[78] СМРТВ. СПб., 1889. Вып. 2. С. 111.
[79] Там же. Вып. 6. С. 346–347.
[80] Там же. 1899. Вып. 23. С. 115.
[81] *Шаховский Л. В.* Два похода на Балканы 1877–1878 гг.: (С театра войны). М., 1899. С. 68.
[82] *Котов Г. И.* Мавзолей на г. Плевен. СПб. 1907. С. 203.
[83] СМРТВ. СПб., 1889. Вып. 4. С. 104–105.
[84] ЦГА СОАССР. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 103; Д. 27. Л. 27; Д. 32. Л. 34, 40.
[85] ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 7314. Ч. 4. Л. 1; СМРТВ. Вып. 6. С. 105–106.
[86] Воспоминание офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877—1878 гг. А. Берса. СПб., 1899. С. 74.
[87] ЦГА СОАССР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 28. Л. 7, 31, 71, 98; Д. 32, Л. 40; Д. 36. Л. 131; ЦГИА ГССР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4883. Л. 7–8.
[88] Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1878. Т. 14, ч. 1. С. 82.

[89] СМРТВ. Вып. 6. 283.
[90] ЦГВИА. Ф. 14 505. Оп. 1. Д. 14. Л. 62; Война 1877–1878 гг. СПб., 1903. Т. 3. С. 68.
[91] ЦГВИА. Ф. 14 505. Оп. 1. Д. 14.
[92] Тифлисский вестник. 1877. № 187.
[93] Казачьи войска: Справочная книга имп. Главной квартиры. СПб., 1912. С. 44.
[94] *Гизетти А. Л.* Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличия Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. 1. С. 24.
[95] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 79.
[96] Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 61.
[97] *Коларов В.* Освобождението на България от турско рабства. София, 1948. С. 12. На болг. яз.
[98] Annuaire diplomatique de l'Empire de Russia pour l'année de 1878. St. Petersbourg, 1879. P. 209.
[99] *Никитин С. А.* Россия и освобождение Болгарии // Вопр. истории. 1978. № 7. С. 62.
[100] Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII – начало XIX в. С. 231–232.
[101] *Никитин С. А.* Указ. соч. С. 63.
[102] *Коларов В.* Речь по случаю 70-летия освобождения Болгарии. София, 1948. С. 15.
[103] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи. М., 1956. Т. 2. С. 238.

Глава VIII

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Экономическое развитие Северного Кавказа в 60—90-х годах XIX в.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что реформы 60—70-х годов XIX в. в России были шагом по пути превращения России в буржуазную страну как в экономическом, так и в политическом отношении [1]. Одним из результатов развития капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве было экономическое завоевание окраин и превращение их как бы в колонии русского капитализма [2]. Одной из таких окраин был Кавказ.

В. И. Ленин показал, что крупные фабрики, быстро развивающиеся в Центральной России, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынки дальше, среди нового населения, которое осваивало Новороссию, Юго-Восточное Заволжье, Северный Кавказ, Сибирь и т. д.[3] В. И. Ленин отмечал, что Северный Кавказ был районом особенно интенсивного освоения выходцами из губерний с избыточным сельским населением. Сюда люди шли как в расчете приобрести землю, так и на заработки. В. И. Ленин писал: «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикантов» [4].

Рост численности населения. Северный Кавказ принадлежал к числу районов, которые в пореформенное время заселялись наиболее интенсивно. За три последние десятилетия XIX в. количество населения здесь выросло более чем в 2 раза и, согласно данным переписи 1897 г., составило около 4,5 млн человек.

Как видно из табл. 2, численность населения региона выросла главным образом за счет притока сюда жителей из других районов. В Кубанскую область, где рост населения был наибольшим, пришли переселенцы из 18 губерний. Большинство их были выходцами из Центральной России и тех губерний Украины, где сильны были пережитки крепостничества, но более четверти переселенцев пришли на Кубань из губерний Юга, где капитализм уже получил большое развитие [5]. Переселенцами были прежде всего пролетаризованные и полупролетаризованные крестьяне, многие из которых работали батраками в помещичьих экономиях и в кулацких хозяйствах. Но среди них были и довольно состоятельные хозяева, арендовавшие на Юге Украины большие

Таблица 2

Изменение численности населения Северного Кавказа за 1867—1897 гг. (в тыс. человек) *

Губерния, область	Население		Увеличение		В том числе	
	к концу 1867 г.	на 28 января 1897 г.	абс.	%	естественным приростом	притоком извне
Кубанская обл.	600,0	1976,4	1376,4	229,4	430,0	946,4
Ставропольская губ.	341,4	873,3	531,9	155,8	237,2	294,7
Терская обл.	447,3	933,9	486,6	108,7	140,9	345,7
Дагестанская обл.	449,5	586,6	137,1	30,5	—	—
Черноморская губ.	—	54,3	—	—	—	—

* *Яцунский В. К.* Изменения в размещении населения в Европейской России в 1724—1916 гг.// //История СССР, 1957. № 1. С. 210—213; Россия: Ее настоящее и прошедшее. СПб., 1900. С. 80.

участки земли или содержавшие большие отары тонкорунных овец. Обычно эту «сельскохозяйственную буржуазию» называли таврическими, так как они были выходцами из Таврической и других южных губерний России.

Степное Предкавказье заселялось гораздо быстрее, чем горные районы. Это объяснялось как недостатком земель для местного населения еще в первой половине XIX в., так и политикой царизма, теснившего это население в горы. В 1897 г. на одну квадратную версту земли в Ставропольской губернии приходилось по 16,6, на Кубани — 23,0, в Дагестане — 22,4 жителя. Если же учесть, что большую часть территории Дагестана занимали бесплодные горы, то станет понятным, почему, например, в Даргинском уезде этой области на одну квадратную версту приходилось по 56,8 жителя [6].

На количестве и плотности горского населения во 2-й половине XIX в. заметно сказалось так называемое махаджирство (эмиграция, переселение в страны ислама). За полстолетия Северный Кавказ покинуло значительное число горцев.

Таким образом, в 60—90-х годах на Северном Кавказе происходил некоторый отлив населения, но решительно преобладало переселение, что серьезнейшим образом сказалось на социальном и экономическом развитии края.

Кроме резкого имущественного неравенства, складывающегося среди русских переселенцев и местного горского населения, и во 2-й половине XIX в. существовало социальное неравенство. Обособленную замкнутую социальную группу представляло собой казачество, составлявшее в Кубанской и Терской областях значительную часть населения. Казаки, пользовавшиеся землей на основе феодального права «земля за службу», были привилегированным сословием как в отношении прав на землю, так и других льгот. Однако внутри казачьего сословия быстрыми темпами шел процесс выделения казачьей верхушки и обеднения основной массы. Этому содействовали тяжелые условия службы — со своим конем и обмундированием (что разоряло бедноту) и наличие частного офицерского казачьего землевладения.

Наряду с казаками в станицах проживало много прибывших на Кавказ в поисках земли и счастливой жизни крестьян-переселенцев

из центральных и южных губерний России. Напрасны были их мечты получить в казачьих областях земли. Все поселившиеся в станицах крестьяне автоматически попадали в разряд «иногородних», не имевших права на земельный надел, не пользовавшихся никакими общественными правами. «Иногородние» не имели даже права на получение участка для постройки дома, не могли принимать участие в сельских сходах, так как не обладали правом голоса. Их дети не могли посещать станичной школы, а если это им разрешали, то за особую плату. Чтобы вести хозяйство, построить дом, «иногородние» должны были арендовать землю у казаков, уплачивая высокую «посаженную» и арендную плату, что содействовало росту арендных отношений.

До 1868 г. лица, не приписанные к казачьему войску, не имели права покупать землю в пределах казачьего войска. По закону 1868 г. они это право получили, но осуществить его могли только самые зажиточные. «Иногородние» стали, в свою очередь, делиться на две категории: имевшие оседлость, к которым относились те, кому удалось купить или арендовать землю, и не имевшие оседлости. Этим приходилось жить продажей своей рабочей силы. Именно из этого слоя «иногородних» пополнялись ряды наемных сельскохозяйственных рабочих.

Деление на коренных жителей, имеющих право на получение надельной земли, и «иногородних», не пользовавшихся этими правами, распространилось и на горские аулы. Особенно это относилось к вновь образуемым аулам, где первые поселенцы попадали в разряд коренных, а тех, кто переселялся в аулы после того как было завершено распределение земельных участков, относили к иногородним.

В аулах, кроме того, на долгое время сохранялась сословная неполноправность бывших крепостных крестьян, хотя юридически все горское крестьянство Терской и Кубанской областей в 1867 и 1868 гг. было освобождено от феодальной зависимости, которая сохранялась только в Дагестане. Но фактически бывшие крепостные страдали от различных форм крепостнических пережитков: не имели права даже входить в дом своих владельцев, садиться с ними за один стол. А главное — были обременены выкупными платежами.

Большей социальной однородностью отличалось сельское население Ставропольской губернии. Но там сильнее всего было имущественное расслоение, доходившее до разложения крестьянства, чего не было в горских и казачьих районах. Но даже в этой губернии, где особенно сильными были проявления землевладельческого капитализма, сохранились пережитки сословного деления: положение бывших крепостных было более тяжелым, чем государственных крестьян.

Жители немногочисленных, но быстро растущих городов Северного Кавказа относились к сословию мещан и все более увеличивавшемуся классу пролетариев. Кроме того, в городах жило много купцов, чиновников, разбогатевших промышленников.

Зерновое хозяйство. Интенсивность заселения в пореформенное время Северного Кавказа, переселение сюда как людей, лишенных средств производства, так и весьма состоятельных скотоводов и земледельцев способствовало быстрому развитию здесь капиталистического хозяйства. Однако ни большинство местного населения, ни основная масса вновь прибывшего не обладали необходимыми средствами и опытом, чтобы наладить интенсивное сельское хозяйство. Кроме того, над горцами и казачеством довлели старые традиции использования земли. Все это вело к тому, что главной отраслью хозяйства народов Северного Кавка-

за стало интенсивное сельское хозяйство, в котором преобладало производство зерна.

Начиная с 70-х годов XIX в. земледелие быстро развивается, прежде всего на Кубани и в Ставрополье, а медленно — в горных районах региона. Уже к 80-м годам на Кубани и в Ставропольской губернии производство зерна достигло такого уровня, что обеспечивало хлебом не только местное население, но и войска, расположенные на Кавказе. При этом под влиянием социально-экономических перемен, происшедших в жизни кубанских станиц, казачество быстро приобщалось к товарному земледелию.

Анализируя перемещение центра производства зерна в Южный, Степной, Нижневолжский районы, В. И. Ленин писал: «Обилие свободных земель привлекало сюда громадный поток переселенцев, которые быстро расширяли посевы. Широкое развитие *торговых* посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны,— с европейскими странами, ввозящими зерно»[7]. Этот ленинский анализ причин перемещения центра производства зерна может быть полностью отнесен к степной части Северного Кавказа.

По сведениям Кубанского статистического комитета, в течение 16 лет после открытия Владикавказской железной дороги население области удвоилось, а хлебные запашки возросли с 500 тыс. дес. до 1,5 млн дес.[8]

Наблюдался быстрый рост посевных площадей и в Ставропольской губернии: если за пятилетие — 1880—1884 гг. — в среднем посевная площадь составляла 748 тыс. дес., то за пятилетие — 1895—1899 гг. — она составила уже около 1038 тыс. дес., т. е. возросла почти на 89% [9].

Вторжение капитализма в земледельческое хозяйство Северного Кавказа изменило структуру посевных площадей в соответствии с потребностями внутреннего и внешнего рынков. В 70—90-х годах XIX в. структура посевных площадей определялась главным образом потребностями внешнего рынка в пшенице, ячмене и льняном семени. Уже в 1882 г. озимая пшеница занимала более 40% посевной площади.

Во второй половине XIX в. в степной части края появляются новые, ранее неизвестные здесь культуры: кукуруза, подсолнечник и табак.

На юго-востоке вообще и в частности в изучаемом регионе сложился новый тип капиталистического зернового производства, которое было сосредоточено главным образом в руках зажиточных крестьян, кулаков и крупных капиталистов — владельцев экономий. Хозяйство велось с широким использованием наемного труда и сельскохозяйственных машин.

Распространение усовершенствованных орудий сельскохозяйственного труда — заводских плугов, косилок, жаток и других машин — началось с 70-х годов XIX в. и быстро прогрессировало. Но использовать эту новую технику могли далеко не все крестьяне. Сноповязалка стоила 335 руб., жнейка — 160, сенокосилка — 125 и даже такое несложное орудие, как конные грабли,— 55 руб. Такие орудия могли покупать только владельцы экономий, зажиточные крестьяне и казаки. По подсчетам Ф. А. Щербины, в конце XIX в. на 100 хозяйств приходилось усовершенствованных орудий в крестьянских селах — 40, в казачьих станицах — 29, а в горских аулах — только 11 [10].

Таким образом, большая часть крестьянских хозяйств, особенно в аулах, продолжала пользоваться дедовскими самодельными сохами или плугами, не имея возможности купить заводские.

В зерновом хозяйстве степного юга и Предкавказья наблюдалось распространение однотипных сельскохозяйственных орудий и машин, которые могли обеспечить распашку, посев и уборку хлеба на больших площадях при минимальных затратах труда и средств. Такими орудиями являлись тяжелый украинский плуг или сабан, позже появился трех- или четырехлемешный железный плуг — «буккер», жатка («лобогрейка») и молотилка. Уже в 80-х годах получили распространение в Ставропольской губернии и на Кубани паровые молотилки.

За 50 лет — 1864—1913 гг. — чистый сбор зерна на душу увеличился на 462,3% [11]. Зерновое хозяйство быстро приспособлялось к потребностям мирового хлебного рынка и переходило к производству главных рыночных культур — пшеницы и ячменя. На этой основе формировались районы монокультурного производства. На Северном Кавказе доля посевной площади под пшеницей в 1898 г. составляла 56,4% общей площади посева зерновых [12]. При этом значительно преобладали посевы озимой пшеницы. По площади посева этой культуры первое место принадлежало Кубанской области, на втором месте была Ставропольская губерния, в Терской области ее посевы были незначительны.

По посевам ячменя Северный Кавказ уступал первенство только южному степному району. К концу XIX в. средний сбор пшеницы и ячменя составлял: на Кубани — 76,2% от общего сбора зерновых, в Ставропольской губернии — 68,7%. В Терской области средний сбор пшеницы и ячменя составлял 24,6%, в то время как проса и кукурузы собиралось в общей сложности 54,1%.

Валовой сбор зерновых культур региона к концу XIX в. (по данным 1892—1896 гг.) достиг 156 млн пудов, из которых 3/4 давала Кубанская область [13].

В роли главных производителей товарного зерна выступали зажиточные и кулацкие хозяйства. Кулацкие хозяйства ставропольских крестьян по своим размерам были значительно крупнее, чем у казаков Кубани. На арендованных туркменских землях хозяйства ставропольских хуторян носили характер частновладельческих экономий среднего размера в 3159 дес.[14] В сельском хозяйстве кубанских станиц к началу XX в. капитализм господствовал в виде предпринимательского мелкобуржуазного производства. Здесь были сильны традиции казачьего земледелия, которые в значительной мере задерживали развитие капиталистического предпринимательства на войсковых землях.

Крупные капиталистические зерновые хозяйства на Кубани не были многочисленными и принадлежали почти исключительно предпринимателям казачьего сословия.

Однако все успехи капиталистического зернового производства степного Предкавказья не изменили интенсивной системы хозяйства и примитивного полеводства. До конца XIX — начала XX в. продолжала существовать залежная система земледелия почти в первобытной форме. Все было подчинено максимальному производству товарного зерна в ущерб качеству обработки почвы и поддержания ее плодородия. Тяжелым последствием этого были частые неурожаи, особенно в засушливых степях Ставрополья.

Проникновение капиталистических отношений в горные аулы также вело к специализации хозяйства. Если в горных аулах основой экономики на протяжении всего пореформенного периода оставалось животноводство, то в плоскостных все более развивалось хлебопашество, хотя и значительно медленнее, чем в Предкавказье. Достаточно сказать, что в 1896 г. в Терской области было распахано 380 тыс. дес. земли,

что составляло лишь 8% площади, пригодной для полеводства. В Дагестане земледелие было плохо развито прежде всего из-за малой площади пригодных для него земель (5,8% общей площади).

Тем не менее и в горных районах наблюдался рост посевной площади и изменение ее структуры, появление новых усовершенствованных орудий труда и новых культур. Новые, более прогрессивные элементы в земледелии наблюдались главным образом в аулах, основанных в непосредственной близости от русских селений, где сильнее было взаимное влияние и заимствования.

Особенно заметным рост новых явлений в экономике стал в 80-х годах. Резко возросли посевы кукурузы, освоены были новые культуры (гречиха и др.). С 1867 по 1890 г. в Кабардино-Балкарии производство кукурузы выросло с 80 тыс. до 800 тыс. пудов, т. е. в 10 раз, а валовой сбор зерна — в два с лишним раза.

Эта же специализация наблюдалась и в Кубанской области. В плоскостных аулах росли посевы кукурузы и других хлебных культур, которые шли уже не только для собственного потребления, но и для продажи. «Ввиду сбыта ржи и кукурузы на винокуренные заводы горское население Кубанской области, преимущественно той части ее, где находятся оные заводы, значительно увеличило распашку земли под эти хлеба, преимущественно под кукурузу, которая обращается в продажу не только на заводы Кубанской области, но и на заводы Ставропольской губернии» [15],— писал начальник области в своем отчете за 1881 г.

На территории Чечено-Ингушетии рост посевных площадей также происходил главным образом на равнине. За 15 лет, с 1876 по 1891 г., площадь под пшеницей увеличилась у чеченцев на плоскости почти на 46%. Посевы кукурузы за 5 лет возросли на 39%. В целом по Терской области валовой сбор зерна вырос с 1887 по 1899 г. в два с лишним раза.

Товарный хлеб давали главным образом кулацкие хозяйства. В мелком крестьянском натуральном хозяйстве по-прежнему преобладали посевы проса — основного хлеба адыгов. Рост валового сбора шел главным образом за счет увеличения посевных площадей. В конце XIX в. Терская область уже поставляла на рынок свыше 15 млн пудов хлеба. Более того, Терек занял свое специфическое место в производстве зерна на Северном Кавказе — он стал главным районом выращивания кукурузы.

При недостатке пахотных земель горские народы относились к земледелию с большим прилежанием. Они учитывали специфику природных условий в той или иной местности. В плоскостных аулах адыгов сложился свой земледельческий четырехлетний цикл, предусматривавший чередование культур и черный пар.

В горных районах Карачая и в Балкарии, Ингушетии, Чечне и др. земледелие было орошаемым, с обильным удобрением, иначе на скудных высокогорных землях ничего бы не родилось. Оросительные каналы отводили от горных ручьев и, используя напор воды, заставляли ее течь не только по ровной местности, но даже с небольшим подъемом (до 15 градусов). Орошали не только пахотные земли, но и сенокосы, расположенные вблизи аулов.

Система земледелия, созданная дагестанским крестьянством, базировалась на эмпирически познанных веками законах природы. В рассматриваемое время господствовала паровая система полеводства в форме трехполья. Залежная система встречалась очень редко. Удобрения применялись не везде и не систематически. В горах продолжало существо-

вать террасное земледелие, имевшее многовековую историю. В низменной и предгорной частях преобладали озимые, а в нагорной — яровые культуры. Первое место среди зерновых культур занимала пшеница (от 50 до 60% всего урожая зерновых). Доля ячменя, постоянно занимавшего второе место, составляла от 25 до 31% в урожае зерновых. В ряде районов равнинного Дагестана важную роль играло рисосеяние (чалтыководство). Урожайность всех зерновых культур была низкой — сам-три, сам-четыре.

Товарный хлеб производился лишь в отдельных местах Дагестана. В целом же Дагестан был рынком сбыта хлеба главным образом из степных районов Северного Кавказа. Но недостаток средств у трудящегося населения привел к постоянной его нехватке. В 1889 г. в Дагестане приходилось продовольственных культур на душу населения в 2,5 раза меньше, чем в Терской области, в 4 раза меньше, чем на Ставрополье, и в 6,6 раза меньше, чем на Кубани. В дальнейшем этот разрыв увеличился. В 1868 г. в Гидатлинском наибстве на душу населения приходилось менее 200 граммов зерна в день. Н. И. Воронов справедливо называл горца «постоянным постником», который довольствовался «в день несколькими комками толокна» [16].

Скотоводство. К 60-м годам XIX в. на территории Северного Кавказа имелись уже выдающиеся по своим хозяйственным качествам местные породы крупного рогатого скота, лошадей и овец. Так как крупный рогатый скот почти до конца XIX в. составлял основную тягловую силу в земледелии, а парноволовые фуры служили единственным средством перевозки грузов, большую ценность представлял скот, который соединял в себе хорошие мясные и рабочие качества. Такими были замечательный красный калмыцкий (или «ордынский») скот и серый украинский (или «черкасский»), впоследствии получивший название черноморского. Превосходное мясо «черкасских» быков издавна славилось на московском и петербургском рынках. Территория Терской области является родиной знаменитой кабардинской породы лошадей, слава о которой распространилась по России еще с последней четверти XVIII в. В Баталпашинском отделе Кубанской области разводилась ценная карачаевская порода грубошерстных овец.

После отмены крепостного права развитие капитализма вызвало существенные перемены в структуре животноводства России. Быстрый рост внутреннего и внешнего рынков для продуктов животноводства обусловил формирование районов торгового скотоводства. При этом в других областях России, например «на крайнем юге и юго-востоке,— как подчеркивал В. И. Ленин,— утвердилась самая экстенсивная форма скотоводства, именно нагульное мясное скотоводство» [17]. Одним из крупнейших районов торгового скотоводства подобного типа становится Северный Кавказ. По мере развития капитализма в сельском хозяйстве появляется новый тип скотопромышленников, которые стали вытеснять крупных скотоводов из казачьей старшины и ставропольских помещиков. В роли крупных скотопромышленников выступили уже известные нам «тавричане»: они занимались разведением не только овец, но и крупного рогатого скота.

Если у казаков Кубани под влиянием развивающегося земледелия уже в 70-х годах наблюдается постепенный упадок скотоводства, то в Ставропольской губернии, как и у горцев, почти до конца XIX в. разведение скота составляет важную отрасль сельского хозяйства. По сведениям за 1875 г., в крестьянских хозяйствах находилось более

80% рогатого скота. Не случайно военная статистика относила Ставропольскую губернию начала 70-х годов к району главных закупок скота, который располагался на юге и востоке России.

В 70—80-х годах XIX в. происходит перемещение центра тонкорунного овцеводства России на территорию степного Предкавказья. До конца 60-х годов мериносовых овец здесь почти не разводили (их разводила лишь небольшая часть ставропольских помещиков). Но в связи с превращением Новороссии в район зернового хозяйства в конце 60-х и в 70-х годах XIX в. происходило настоящее нашествие южных овцеводов на степные просторы Северного Кавказа. Здесь они нашли такие же благоприятные условия для разведения тонкорунных овец, какие имели в недавнем прошлом в «Новороссийских» губерниях. Целинные степи представляли прекрасные пастбища, а продажные и арендные цены на землю были исключительно низкими. «Тавричане» создали громадные экономии и многочисленные хутора с десятками тысяч десятин купленной, а главным образом арендованной земли. Они эксплуатировали сотни и тысячи наемных рабочих. На надельных землях крестьян и казаков разводились преимущественно овцы грубошерстных пород. Однако и здесь тонкорунное овцеводство продолжало оставаться экстенсивным, оно было построено исключительно на земельном приволье, низком уровне арендных и продажных цен на землю и отгонно-пастбищном содержании овец.

Специализация горских аулов на животноводстве привела к переменам и в этой традиционной отрасли хозяйства. Изменился состав стада, в котором резко увеличилось количество гулевого скота. Карачай, Балкария и другие высокогорные местности специализировались на разведение овец, Кабарда — на коневодстве и крупном рогатом скоте.

Скотоводство по-прежнему носило экстенсивный характер: с перегонами скота с летних пастбищ на зимние в высокогорных аулах и на стойловое содержание — в равнинных. Перемены выразились в том, что началась борьба с эпизоотиями, улучшилась породность скота.

Попытка развести тонкорунных овец в горских овцеводческих хозяйствах не увенчалась успехом. Овцы не выдерживали сурового климата высокогорья, болели и погибали. Но горские овцеводы сумели путем народной селекции вывести высокопородных курдючных овец с очень вкусным мясом и мягким шелковистым руном, более всего подходящим для изготовления бурок. Но если овцы горских пород, особенно карачаевской, пользовались большим спросом и у русского населения, то с крупным рогатым скотом произошло обратное заимствование. Местный горский низкопородный скот стал быстро вытесняться серым украинским скотом, рослым, высокой упитанности, меньше поддающимся эпизоотиям, чем местный скот. Поэтому в аулах охотно покупали производителей украинского скота и тем улучшали породность скота.

Одним из основных занятий горцев Дагестана также продолжало оставаться скотоводство. Количество овец и коз с 1869 по 1886 г. в Дагестанской области возросло на 757 тыс. голов, или на 32%. Скотоводство продолжало оставаться отгонным. В 1886 г. в Дагестанской области было лошадей — 46 008, ослов — 29 890, крупного рогатого скота — 418 208, овец и коз — 2 357 148, а всего 2 851 174 голов. В 1900 г. по сравнению с 1886 г. общее количество скота сократилось на 596 562 голов. Это объясняется недостатком пастбищ, засухами, отсутствием зооветеринарной службы, стихийными бедствиями и т. д.

Тем не менее к концу XIX в. Дагестан занимал одно из первых мест в России по роли скотоводства в жизни населения. Во второй по-

ловине XIX в. в Дагестане впервые развивается тонкорунное овцеводство.

Скотоводство являлось экстенсивной отраслью экономики Дагестана, однако оно вовлекалось в рыночные отношения и постепенно принимало товарный характер. В наибольшей степени с рынком было связано овцеводство. Появление в крупных овцеводческих хозяйствах наемных работников, исключительный расчет на сбыт продуктов на рынке, вкладывание капитала — таковы элементы зарождающегося капитализма в овцеводстве.

Именно скотоводство принимало товарный характер и у горских народов Кубанской и Терской областей. Специально для продажи в казачьи войска разводили лошадей, которых так и называли «казачьи лошади», так как они должны были быть определенного роста («2 аршина 2 вершка»), определенной масти и экстерьера. На продажу шло большое количество овец и крупного рогатого скота. Курорты Минеральных Вод почти целиком снабжались карачаевскими мясными продуктами, молоком, маслом, сыром, производимым на масло- сырозаводах В. И. Бландова, Т. Байчорова из молока, закупаемого у карачаевских крестьян.

В Баксанском ущелье был открыт сыроваренный завод Хамзата Урусбиева. Чтобы улучшить сыроваренное производство, Урусбиев изучал молочное хозяйство и сыроварение в Швейцарии. Продукция сырзавода этого капиталистического предпринимателя получила высокую оценку на Кавказской сельскохозяйственной выставке 1889 г.

Если в степном Предкавказье количество скота и лошадей уменьшалось, то в горских районах продолжало расти. В 1890 г. в Кабарде было 48 тыс. лошадей, а к 1900 г. стало 124 тыс. Табунное коневодство особенно было развито у горцев Баталпашинского отдела, где находилось 342 табуна (из 542 табунов Кубанской области). Значительная часть лошадей и скота шла на продажу. Если из Карачая в 60-е годы вывозили не более 5% скота, то к концу XIX в. — более 25%.

В степном Предкавказье, где рост зернового хозяйства вел к кризису животноводства, поголовье скота сокращалось, животноводство приспосабливалось к главному рыночному продукту — пшенице. Начался процесс перегона многочисленных отар мериносов с Северного Кавказа в Западную Сибирь и Среднюю Азию. При сокращении табунного коневодства наблюдался рост домашнего или хозяйственного коневодства, особенно на Ставрополье, где лошадей стали использовать в хлебопашестве.

В качестве второстепенной отрасли сельского хозяйства получает некоторое развитие и заводское промысловое коневодство.

Несмотря на то, что животноводство Северного Кавказа было экстенсивным, российские переселенцы, кочевые и горские народы совместными усилиями не только сохранили лучшие местные породы, но и добивались их улучшения. Известные овцеводы братья Мазаевы вывели замечательную для того времени русскую «мазаевскую» породу тонкорунных овец.

Садоводство и виноградарство. Хотя климатические и почвенные условия на Северном Кавказе позволяли выращивать большое количество различных плодов и огородных культур, эти отрасли сельского хозяйства во второй половине XIX в. не получили заметного развития. Это объясняется рядом причин. Садоводство, виноградарство и особенно огородничество требуют весьма тщательной обработки земли, удобрений и, конечно,

больших затрат рабочей силы. В то время на Северном Кавказе не было больших городов — центров сбыта садовых и огородных культур.

Русское население на Северном Кавказе тем не менее занималось выращиванием плодов и огородных культур. Но оно не было рассчитано на продажу. Некоторые культуры и методы их возделывания были занесены ими на Северный Кавказ и восприняты местным населением. Лишь с окончанием строительства основных линий Владикавказской железной дороги возможность вывоза плодов и вина существенно облегчилась, что способствовало развитию новой отрасли сельского хозяйства.

В аулах Кубанской и Терской областей садоводство в основном носило потребительский характер и не было связано с рынком. Тем не менее у горцев, особенно у адыгов, были выработаны определенные методы выращивания фруктов; народной селекцией выведены наиболее подходящие к природным условиям сорта яблок, груш, слив и других фруктов.

Улучшением сортов фруктов занимались земледельческие школы, при которых создавали питомники. Большие успехи были достигнуты в огородничестве, особенно в разведении картофеля, который хорошо вырастал в некоторых аулах, даже в горах. В Терской области с 1886 по 1894 г. посадки картофеля возросли в 5 раз. В огородах выращивали свеклу, морковь, лук, чеснок, в меньшей степени — капусту.

Садоводство, виноградарство и огородничество было традиционно развито и в Дагестане (рис. 1). Сады Дагестана в основном состояли из сортов народной селекции. Они отличались породосмесью и сортосмесью. В пореформенном Дагестане появились крупные садовладельцы как из числа местных жителей, так и из представителей кавказской администрации. Часть садовой продукции вывозилась в Россию, преимущественно морем. Положение с транспортировкой продукции садоводства изменилось к лучшему в 90-х годах XIX в. в связи с завершением строительства железной дороги. В 1900 г. из Дагестанской области по железной дороге было вывезено 200 тыс. пудов фруктов, а в 1903 г. — 326 823 пуда. Вывоз фруктов осуществлялся в основном скупщиками.

Издавна существовавшее в Дагестане виноградарство до середины 70-х годов XIX в. носило в основном потребительский характер. С конца 70-х годов, все больше развиваясь, оно становится развитой отраслью торгового земледелия. Только в одном Дербенте культивировалось до 50 местных и иностранных сортов винограда. Крупным виноградным районом был Кизляр, для трех четвертей которого виноградарство являлось основным занятием. В 1874 г. под виноградниками Кизлярского района находилось 16 тыс. дес. Другим крупным виноградарским районом являлся Дербентский, где в 1876 г. под виноградниками было занято 1667 дес. земли. Развивалось виноградарство около г. Порт-Петровска, на равнине и частично в горном Дагестане. В 1901 г. в Дагестане виноградники занимали 10 334 дес. земли. С них было собрано 2 429 439 пудов ягод и выделано около 2 млн ведер вина. В 1901 г. Дагестан вместе с Хасавюртовским и Кизлярским округами Терской области дал около 22% общекавказского производства винограда, более 18% общекавказского производства вина.

Возрастание товарности, увеличение зависимости от рынка, сильное внедрение товарно-денежных отношений, широкое применение наемного труда — таковы наиболее характерные черты пореформенного дагестанского виноградарства. В Дагестане и Терской области торговое виноградарство и виноделие сосредоточилось главным образом в городах Кизляр,

Рис. 1. Фруктовые сады в ущелье Цудахар в Дагестане
Фотография. 70-е годы XIX в.

Дербент, Порт-Петровск, Темир-Хан-Шура и в Хасавюртовском, Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах. Главным рынком для торгового виноградарства был не местный, а русский рынок.

Следует отдельно отметить кратковременную вспышку разведения в Дагестане травянистого растения крапп (или марены красильной). Из всех технических культур она получила наибольшее распространение. Это было связано и с повышением спроса на марену со стороны текстильной промышленности России и с широким вторжением русского капитала в дагестанское мареноводство. В начале 70-х годов XIX в. маренные плантации Дагестана занимали свыше 18 тыс. дес.

Марена почти всецело как товар вывозилась в Россию. О стремительном росте вывоза марены свидетельствуют следующие данные. Среднегодовой вывоз только из одного Дербента в 40-х годах составил 52 964 тыс. пудов, в 50-х годах — 128 785, в 60-х — начале 70-х годов — 267 905 тыс. пудов. За период с 1847 по 1873 г. всего было вывезено из Дербента в Россию 5 197 437 пудов.

Часть марены обрабатывалась на месте. В 1864 г. была построена русскими в Дербенте крапповская фабрика, новейшие машины для которой были выписаны из Франции, Германии и Голландии. Производство краппа на фабрике в 1875 г. возросло в 5,4 раза по сравнению с 1865 г. Среднегодовое производство краппа за 11 лет существования фабрики составило 17 664 пуда. В 1869 г. фабрика переработала в крапп 13% всего количества марены, добытой в Дербенте и Кубинском уезде, а в 1871 — 15% [18].

В начале 70-х годов ежегодный вывоз марены из Дагестана в Россию составил 400 тыс. пудов. В 50—60-х годах дагестано-азербайджанская марена почти полностью вытеснила с русского рынка иностранный крапп. Однако, случилось событие, которое привело к катастрофе: был изобретен способ искусственного получения ализарина. Спрос на маре-

ну резко упал. Мареноводство, говоря образно, было похоронено. Хотя до этих пор мареноводство было отраслью торгового земледелия, оно вело к обмену между дагестанскими земледельцами и русской текстильной промышленностью.

* * *

Таким образом, в 60—90-х годах XIX в. на Северном Кавказе происходил быстрый процесс заселения и освоения земель. Довольно четко выделяются районы торгового зернового хозяйства — степи Кубани, Ставрополья и Терека; товарного скотоводства — восточная часть Ставрополья и горские области; приобретают товарное значение и к концу столетия расширяются виноградники (прежде всего — в Дагестане и в примыкавших к нему районах Терской области); наконец, формируется район производства на рынок кукурузы, табака и подсолнечника — главным образом в западной части Кубанской области.

Хотя в горах в это время еще преобладает натуральное хозяйство, в крае в целом оно быстро становится товарным. Для пореформенного времени было характерным создание крупных экономий, больших и средних капиталистических ферм, основанных на использовании наемного труда пришлых и местных сельскохозяйственных рабочих. Несмотря на то, что царизм и верхушка казачества стремились законсервировать феодальные формы землепользования на Кавказе также развивается капитализм. И здесь наряду с маломощными хозяйствами, создаются крупные капиталистические.

Не обошел этот процесс и горные районы. Причем и здесь пионерами создания крупных капиталистических хозяйств были в основном русские предприниматели, оказавшие влияние на местных богатых землевладельцев. Появились крупные предприниматели и среди горцев. Так, упомянутый уже Т. Байчоров создал крупное капиталистическое хозяйство под Кисловодском, Ислам Крымшамхалов — опытное молочное хозяйство в Теберде.

В равнинном Дагестане появилось небольшое число хозяйств фермерского типа, которые принадлежали представителям колониальной администрации, царским чиновникам, русским предпринимателям.

В 1863 г. Гриценко получил в Кайтаго-Табасаранском округе 400 дес. и организовал крупное хозяйство, являвшееся, по словам источника, «образцовым не только в Южном Дагестане, но и во всей области». В 1863 г. коллежскому советнику Штукину было выделено 421 дес. для разведения садов, тутовых рощ, марены, хлопчатника. В 1872 г. у него под садом и мареной находилось 164 дес. Виноградный сад братьев Тумаевых занимал 158 дес. Многоотраслевое хозяйство принадлежало генерал-адъютанту Воронцову-Дашкову. Оно простиралось на 2100 дес. Только на его виноградниках в 1900 г. работали 1875 поденных рабочих. Промышленное значение имели виноградные плантации статского советника Кривенко в Генджухе, занимавшие 100 дес. Во всех этих и им подобных хозяйствах в качестве наемных рабочих были горцы.

Переселенцы из центральных губерний России, из Украины и других районов страны, а также солдаты гарнизонов, стоявших на Кавказе, ряд представителей царской администрации, получивших землю в регионе, оказали заметное влияние на распространение здесь передовых методов ведения хозяйства, принесли с собой новые сельскохозяйственные орудия и культуры. В качестве иллюстрации можно сослаться на такие примеры развития сельского хозяйства в Дагестане.

Пионерами возделывания картофеля в Дагестане были русские солдаты, от которых горцы и переняли навыки его возделывания. Впервые горцы приступили к возделыванию гречихи и сорго также под влиянием русских.

Сдвиг в Дагестанском пореформенном садоводстве связан с организацией садов-рассадников, где культивировались лучшие сорта фруктов, винограда и других полезных растений. При дербентском саде были созданы школка и сеянки, в которых насчитывалось более 3 тыс. деревьев. В саду разводили до 7 тысяч лоз и 50 сортов овощей. В теплице сада были новые для Дагестана виды растений. Здесь впервые были выращены ворсильные шишки из семян, выписанных из-за границы. В саду посеяли кормовые травы — люцерну, мак. Это был первый в Дагестане опыт посева кормовых растений.

Садовые питомники создавались и в других горских районах. Даже в таком высокогорном районе, как Карачай, при школах и в частных хозяйствах было создано несколько садовых питомников, обеспечивавших посадочным материалом несколько селений. В садах и огородах русских предпрпнимателей широко разводились новые сорта деревьев и овощей. Опыт садоводов перенимали местные жители. Русские предприниматели вкладывали капитал в садоводство, виноградарство, применяли агрономические новшества, применяли современные технические методы получения и хранения вина. Горцы переняли от русских способы борьбы с виноградными болезнями, улучшенные приемы ухода за виноградом.

В развитии земледелия огромна роль орошения. Отдельные каналы строились по проектам русских инженеров. Претерпели известную эволюцию местные земледельческие орудия и появились орудия труда русского производства — серпы, косы с гладким и пильчатым лезвиями, плуги, железная лопата, бороны с деревянными и металлическими зубьями, четырехколесный фургон, в который впрягались лошади, арбы на колесах с железными обручами, паровые молотилки, сеялки.

Таким образом, к концу XIX в. весь Северный Кавказ уже был втянут в общероссийский рынок, что и отразилось на уровне развития сельского хозяйства в регионе. При этом в степных районах, усиленно осваивавшихся, развитие сельского хозяйства шло несравненно быстрее, чем в горных. На хозяйстве края в целом несомненно отрицательно отразился характер развития капитализма во всей России: царизм поддерживал местных феодалов, сохранял и консервировал атрибут феодализма — казачество, раздавал огромные земли чинам своей администрации, состоявшей главным образом из офицеров-дворян, отказывал в какой бы то ни было помощи горскому населению и переселенцам (в кредитах, агрономической, ветеринарной, селекционной службах).

Растущее количество товарного хлеба, производящегося на Северном Кавказе, было результатом быстрого развития экстенсивного сельского хозяйства, требующего огромного количества рабочих рук. Поэтому в первую очередь в земледелии была занята подавляющая часть самодеятельного населения края. Это хорошо видно из данных переписи населения 1897 г., отразившей сферы занятости населения (в табл. 3 отражены главные формы занятости; не приводятся данные по Черноморской губернии, не характерной для края) (см. табл. 3).

Развитие транспорта. Быстрое развитие капиталистического сельского хозяйства на Северном Кавказе требовало коренной перестройки транспортных средств, строительства дорог, которые обеспечивали бы вывоз продукции. Началось быстрое строительство грунтовых дорог, мостов.

Таблица 3

Занятость самодеятельного населения Северного Кавказа по переписи 1897 г. (без Черноморской губернии), в %

Губерния, область	Занято населения		
	в земледелии, огородничестве, садоводстве	в животноводстве	в торговле
Дагестанская обл.	66,0	3,5	0,6
Кубанская обл.	61,2	2,2	4,2
Ставропольская губ.	65,8	6,1	3,2
Терская обл.	62,9	6,5	3,6

Но это были полумеры. Только строительство железной дороги могло действительно соединить Северный Кавказ с Центральной Россией и содействовать включению его во всероссийский рынок.

К началу 1872 г. было закончено изыскание дороги. Трасса была удобной с военной точки зрения, но она не учитывала хозяйственные нужды (даже губернский город Ставрополь был обойден). В том же 1872 г. была утверждена концессия — «Общество Ростово-Владикавказской железной дороги». Акционерный капитал был невелик — 8,64 млн. руб., причем контрольный пакет акций принадлежал казне. За ее счет дорога фактически и была построена. В июле 1875 г. дорога была открыта.

Вслед за главной линией были построены новые: в 1888 г.— Новороссийская (255 верст), в 1894 г.— Петровская (250 верст) и Минераловодческая (60 верст), в 1896 г.— Железноводская (5,3 версты) и Ставропольская (145 верст), в 1899 г.— Царицынская (501 верста), в 1900 г.— Бакинская (337,5 версты), в 1901 г.— Кавказско-Екатеринодарская (127,5 версты). Таким образом, к началу XX в. Владикавказская железная дорога связывала между собой все основные центры Северного Кавказа. К этому времени из 2 332,5 версты строительной длины дороги 324 версты приходилось на Донскую, 845 — Кубанскую, 453 — Терскую, 214 — Дагестанскую области, 192 — Ставропольскую и 18 — на Черноморскую губернии. Дорога также проходила по Бакинской, Астраханской и Саратовской губерниям.

Владикавказская железная дорога оказала большое влияние на экономику Северного Кавказа не только как транспортное, но и как промышленное и коммерческое предприятие. К началу XX в. в крае функционировали 16 мастерских при депо на важнейших железнодорожных станциях (не считая Ростова и Батайска). Многие из них, особенно Тихорецкие паровозные, Новороссийские вагонные, Кавказские, Минераловодческие, Бесланские, Грозненские мастерские были весьма значительными металлообрабатывающими заводами. В них были установлены машины, приводившиеся в движение паровыми и электрическими двигателями. Общество Владикавказской железной дороги занималось добычей нефти в районе Грозного. Дороге практически принадлежал весь Новороссийский порт (пристани, многочисленные амбары и нефтехранилища, элеватор, заводы, строившие и ремонтировавшие суда, буксирный пароход). По темпам развития, благоустройства и механизации всех работ Новороссийский порт уже к началу XX в. превосходил остальные

порты России. К концу XIX в. к пристаням у Владикавказской дороги в Новороссийске приставало до 400 иностранных и до 600 русских судов, общий грузооборот этих пристаней превышал 10 млн пудов [19].

Общество Владикавказской железной дороги создало собственное коммерческое комиссионное агентство, монополизировавшее хлебный экспорт через Новороссийский порт. Агентство выдавало большие ссуды под принятие груза, а взимало малые проценты; оно исправно хранило хлеб, отправляло его и даже само продавало на комиссионных началах. Это было одно из крупнейших капиталистических предприятий такого рода в Европе. В 1888—1895 гг. агентство выдало ссуд на 2,6 млн руб.[20] Для долговременного хранения зерна агентством были построены склады на многих станциях (Тихорецкая, Кавказская, Армавир, Малороссийская, Гулькевичи и др.). Кроме крупнейшего в Европе элеватора в Новороссийске, хорошо механизированными были такие же предприятия при названных складах.

Даже знаменитый курзал в Кисловодске принадлежал Обществу той же дороги. Управление дороги на льготных началах сдавало его в аренду антрепренерам и приглашало лучших артистов страны на летне-осенние сезоны. Это было средством привлечения сюда состоятельных людей (пассажиров первого класса) на отдых.

Таким образом, всего за четверть века общество Владикавказской железной дороги стало важнейшим капиталистом на Кавказе, сосредоточившим транспортные средства, промышленные предприятия и ссудный капитал.

Соединив между собой основные районы края, а сам край с остальной Россией, дорога способствовала быстрому развитию сельского хозяйства, массовому притоку рабочей силы, без чего это развитие было бы невозможным, и, наконец, созданию капиталистической промышленности.

Крестьянские промыслы и развитие промышленности. К началу пореформенного периода промышленность Северного Кавказа была в зачаточном виде. Машинного производства не было совсем, мануфактурное только зарождалось. Заметные сдвиги в развитии промышленности произошли только в 80—90-х годах XIX в. Домашние же промыслы, изделия которых славились далеко за пределами Кавказа, напротив, имели длительную историю развития и славные традиции.

Самым распространенным ремесленным занятием на Северном Кавказе и в пореформенное время оставался промысел, связанный с обработкой шерсти. Более того, в 60—90-х годах в горских районах и даже у казаков и крестьян на плоскости шерстообрабатывающий промысел получил дальнейшее развитие. Ассортимент из шерсти у горцев был шире, а сами изделия — лучшего качества. Более всего производилось наплечных бурок. В 1889 г. одна Кабардино-Балкария произвела 26 300 бурок, а через 10 лет — 30 000, в Чеченском бурочном районе в 1881 г. было произведено 7400 изделий, а в конце века — 21 000, в Андийском, Гунибском и Самурском округах в 1881 г. было произведено 95 тыс. бурок, а в 1892 г. только из одного Андийского округа их было вывезено свыше 53 500 штук.

Еще более распространенными были полстовальный и полстяно-ковровый промыслы, включавшие в себя покрывные полости (кошмы), войлочные ковры различных размеров и назначения и потники для лошадей. В начале 80-х годов XIX в. одних только ковров на продажу ежегодно производилось 428 тыс. штук, в том числе в Чечне и в Дагестане — 360 тыс.[21]

На Северном Кавказе повсеместно, особенно у горцев, изготавливались сукна из шерсти и пуха овец, верблюдов, туров и коз. В Дагестане, Осетии, Кабарде, Балкарии, Чечне, где сукно производилось на продажу, этим промыслом занимались почти все женщины, начиная с 8—10-летнего возраста. О размерах его можно судить по тому, что в Балкарии в конце XIX в. производили 390 400 аршин сукна в год [22].

Но не все отрасли домашних промыслов и ремесла могли так успешно конкурировать с заводской продукцией. Не выдержав конкуренции фабрик, быстро сдались оружейники. Даже знаменитые дагестанские мастера из селений Кубачи, Амузги, Харбук и др. были вынуждены искать заказчиков по всему Кавказу, а большинство оружейников стало заниматься другими промыслами.

Серьезную конкуренцию со стороны фабрики стали испытывать кузнецы, изготовлявшие ножи, ножницы, серпы, косы, топоры, инструменты для ремесленников. Но так как спрос на такие товары опережал их ввоз на Северный Кавказ, то количество кузнецов здесь не только не уменьшилось, а выросло.

Удерживали свои позиции медники и лудильщики, производившие тазы, кувшины, умывальники, котлы, чашки, блюдца, подносы и т. п. Производством этой посуды в основном занимались мастера из Дагестана. В 1886 г. в одном Казикумухском округе насчитывалось 947 медников, в Терской области — 157 медников и 124 лудильщика, большинство из которых были выходцами из Дагестана [23].

Значительного развития на Северном Кавказе достигло и ювелирное производство. Изделия горских золотокузнецов (оправа оружия, украшения одежды, головные уборы, мелкие вещи, женские и мужские пояса, женские нагрудники) получили широкую известность далеко за пределами Кавказа, а мастерство дагестанских ювелиров, готовивших изделия из золота, серебра, слоновой кости, украшенные художественной резьбой и сложными, тонко выполненными рисунками чернью, позолотой, высоко ценилось на рынках Ирана, Турции, Франции, США и получило высокую оценку на всемирных выставках в конце XIX в. Число мастеров ювелирного дела было значительным. По переписи 1886 г., в Казикумухском округе было учтено 608 серебряников, а в Гунибском и Даргинском округах в 1894 г.— 106 златокузнецов [24]. В Терской области в том же году работал 251 серебряник, в том числе в городах — 97, в Кизлярском, Сунженском и Пятигорском отделах — 32 [25].

Уровень развития металлического производства у народов Северного Кавказа был различным. Если в Северной Осетии, Кабарде, Черкесии и т. д. оружейник был и кузнецом и даже ювелиром, то в Дагестане и в оружейном, и в кузнечном, и в ювелирном производстве наблюдалась узкая специализация не только между отдельными мастерами, но и различными аулами.

Районы Северного Кавказа различались по роли промыслов в них. В то время, когда в Кабарде, Осетии, Чечне и Ингушетии, Карачае, Балкарии, Черкесии и Адыгее только отдельные ремесленники оторвались от земледелия и жили за счет своего ремесла, в Дагестане таких мастеров были тысячи. Для жителей дагестанских аулов Кубачи, Амузги, Харбук, Сулевкент, Балхар, Анди кустарные промыслы были не подспорьем, а основным занятием и источником существования населения. В ауле Кубачи из 504 хозяйств в 1882 г. земледелием занималось всего 8 хозяйств. Кубачи являлись типичным промышленным селом. Отдельные промыслы были связаны с рынком не в одинаковой степени, не одинаковой была и сама форма связи. Во второй половине

XIX в., особенно к его концу, все большее распространение получила продажа изделий через скупщиков.

Скупщик, являвшийся порождением развивавшихся в промыслах капиталистических отношений, подчинял себе мелких производителей. В Кабарде и Дагестане встречались скупщики, которые не только скупали изделия разрозненных мастериц, изготовлявших бурки, но и обеспечивали их сырьем. За производственную работу скупщик расплачивался сырьем или определенной платой.

Отдельные скупщики (особенно в Дагестане) не только отрезали пропзводителей от рынка сбыта, но и открыли мастерские по производству бурок, в которых бурочницы работали за небольшую плату, являвшуюся основным источником их существования. Такие мастерские были открыты в селениях Ансалта, Анди, Гагатль.

Добывающая промышленность. Большие запасы нефти были разведаны в Кубанской, Терской и Дагестанской областях. В 1864—1869 гг. на Северном Кавказе добывалось почти по миллиону пудов нефти в год. В последующие годы добыча ее резко сократилась. Лишь с постройкой железной дороги эта отрасль хозяйства становится действительно промышленной. Отечественные и иностранные предприниматели спешно вкладывают в нее большие капиталы. Железная дорога прошла через Грозный в 1893 г., в том же году была заложена первая буровая скважина. Если за 60 лет, с 1833 по 1892 г., в Грозненском районе было добыто 3279 тыс. пудов нефти, то уже в 1893—1894 гг. ее в среднем добывалось по 6600 тыс., а в 1900 г.— 28 млн пудов [26].

Хотя переход от ручного способа бурения нефтяных скважин к механическому, ударному впервые в России был осуществлен в 1864 г. в Кубанской области, этот район нефтедобычи во второй половине XIX в. не получил заметного развития. Виной тому были феодальные порядки и традиции, особенно сильные в казачьих областях. Монопольное право на землю и ее недра казачьего населения, масса регламентаций сдерживали развитие и капиталистической промышленности и капитализма. Особенно вредную роль сыграла система откупов.

В Терской области в 60—80-х годах преобладали вручную вырытые колодцы, простейшие приспособления для черпания и подъема нефти. Здесь только складывалась мануфактура. И лишь с 1893 г. в Грозненском районе начинается усиленная нефтедобыча, ручной труд в значительной мере заменяется машинным, идет очень быстрая концентрация скважин в руках немногих компаний, что привело в 1902 г. к образованию нефтяного синдиката.

Садонский серебросвинцовый рудник и Алагирский завод, работавший на сырье этого рудника (Северная Осетия), были основаны казной еще в 1853 г. Освобожденные от феодальной зависимости, бывшие работные люди, занятые на руднике и заводе, были наделены землей. Но свои наделы они должны были выкупать работой на тех же казенных предприятиях. Рудник и завод, как и до 1861 г., представляли собой мануфактуры, а рабочие не были заинтересованы в производительном труде. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оба предприятия многие годы были убыточными. Только после того, как в 1895 г. казна сдала рудник и завод в аренду частному лицу — И. Фильковичу, а тот уступил ее специально организованному русско-бельгийскому обществу «Алагир», в дело были вложены большие средства, и цветная металлургия в Северной Осетии приобрела фабричный характер.

Примером того, как из-за недостатка средств на Северном Кавказе

медленно развивалась фабричная промышленность, могут служить разработки цветных металлов в Баталпашинском отделе Кубанской области и Карачае. Нехватка отечественных капиталов привела к тому, что эти разработки перешли в руки иностранных предпринимателей.

Рост строительства заводов, как писал В. И. Ленин, был непосредственно связан также с развитием цементного производства [27]. Крупнейшим цементным районом России с 80-х годов становится Черноморская губерния. В 1882 г. близ Новороссийска стал работать технически хорошо оснащенный цементный завод «Звезда», принадлежавший «Обществу Черноморского цементного производства». Завод производил столь высококачественный цемент, что не успевал выполнять заказы российских и заграничных потребителей.

Хотя хозяева этого завода разными путями стремились не допустить появления конкурентов, в 1894 г. новый завод ростовского капиталиста Фандеева возник на земле станицы Верхнебаканской, в следующем году основала завод в Геленджике франко-русская компания, а в 1898 г. там же — «Общество Новороссийского завода».

Все эти предприятия были столь значительными, что в 1900 г. только три наиболее крупных из них давали 3/4 всего производства цемента в России. Неудивительно, что их хозяева сумели договориться и образовали «Главную контору по продаже портландцемента Юга России в Санкт-Петербурге». С этого началась монополизация цементной промышленности в России.

Самой распространенной отраслью по обработке сельскохозяйственной продукции на Северном Кавказе была мукомольная. Наряду с водяными появились крупные паровые мельницы. По данным А. В. Погожева, в 1904 г. в Дагестане была 1, в Кубанской области — 56, на Ставрополье — 18, на Тереке — 36, в Новороссийске — 1 паровая мельница. Составляя незначительную часть всех мельниц в крае (едва ли более 10%), они перерабатывали более половины всего зерна, поступавшего на мельницы.

Табак, выращенный на Северном Кавказе, использовали 9 фабрик (630 рабочих), размещавшиеся главным образом в Екатеринодаре, Армавире, Владикавказе, Майкопе и в Порт-Петровске. Хотя по соседству действовало несколько больших ростовских табачных фабрик, в том числе предприятия Асмолова и Кушнарева, северокавказские оказались конкурентоспособными именно потому, что они сразу возникли как фабрики, что они работали на местном сырье, а также потому, что они использовали очень дешевый труд женщин и детей.

«Каспийская мануфактура» в г. Порт-Петровске, возникшая в конце XIX в. сразу же как крупная фабрика по обработке хлопка, уже к началу XX в. обслуживалась 700 рабочими и давала половину всей продукции обрабатывающей промышленности Дагестана. Несмотря на то, что фабрика производила грубые ткани, они находили широкий сбыт как на месте, так и в Средней Азии, в Иране.

Что касается других отраслей промышленности, то фабрик в них было мало. Более или менее значительными были несколько чугунолитейных, кирпичных, пивоваренных, нефтеперегонных заводов в разных местах края.

Из 1289 предприятий (без железнодорожных) лишь на 140 работало по 16 и более человек. Это всего 10,9%. Предприятия, на которых трудилось менее 5 человек на каждом, составляли более 51%, в то время как предприятия, где работало более 100 рабочих,— всего 1%. Предприятий с числом рабочих более 500 на каждом было лишь 3.

Рис. 2. Торговый центр Дагестана — аул Казикумух
Фотография. 70-е годы XIX в.

Как видно, крупных капиталистических промышленных предприятий в крае было мало. Более или менее значительные, в том числе 6 из 13 крупных, находились в Черноморской губернии, прежде всего в Новороссийске. Если учесть, что там же были и вагонные мастерские и депо Владикавказской железной дороги, а также порт, то станет ясно, что Новороссийск был самым крупным промышленным и пролетарским городом на Северном Кавказе. Другим значительным промышленным городом в крае являлся Грозный, где размещались крупнейшие нефтяные и нефтеперегонные предприятия, депо и мастерские железной дороги. Из других городов, в которых концентрировались промышленные и транспортные предприятия, следует выделить Екатеринодар, Владикавказ, Порт-Петровск, а также станции Минеральные Воды и Тихорецкая.

Особо следует остановиться на Владикавказской железной дороге как на едином хозяйственном комплексе. В ее состав входили десятки промышленных предприятий, расположенных на Дону и Северном Кавказе. Руководство ими осуществлялось единым управлением; требования к рабочим и служащим были одинаковы, при этом их нередко перемещали с одной станции на другую.

«Общество Владикавказской железной дороги», как указывалось выше, на свои средства добывало нефть, перегоняло ее (и большое количество покупной) на собственном нефтеперегонном заводе в Грозном. Паровозы дороги работали на мазуте, а не на угле. Поэтому по дороге ежегодно вывозилось из Грозного по 5—6 млн пудов бензина, керосина и лигроина в качестве «отходов производства». Для перевозки использовался служебный тариф, который был в 18 раз ниже обычного. В Ростове пуд керосина, принадлежавшего дороге, стоил на 20 коп. дешевле, чем остальным грозненским нефтепромышленникам, почему они не могли с ней конкурировать. Жалобы терских нефтепромышленников на

«Общество Владикавказской железной дороги» оказались безрезультатными, как и попытки ряда лиц и компаний строить новые железнодорожные линии в крае, как и требования кубанских властей о реконструкции моста через р. Кубань в Екатеринодаре, специально построенного Владикавказской железной дорогой так, что под ним не могли проходить паровые суда.

Итак, пореформенное время характеризуется не только быстрым развитием капиталистического сельского хозяйства в крае, но и промышленности. И хотя мелкая промышленность к концу XIX в. еще преобладает над крупной фабричной, последняя уже во всем хозяйстве региона играла большую роль. О росте товарооборота говорят данные о перевозке грузов по Владикавказской железной дороге [28] (см. табл. 4).

Таблица 4

Объем перевозки грузов по Владикавказской железной дороге за 1875–1904 гг., в тыс. пудов *

Год	Всего грузов		В том числе хлебных		
	абс.	%	абс.	%	% к общему грузообороту
1875	2 959	100	2 140	100	72,3
1885	22 161	750	13 219	620	59,6
1895	101 605	3 434	58 431	2 730	57,5
1904	270 987	9 160	12 314	4 314	34,0

* Таблица составлена по данным Управления железной дороги и отчетов начальника Терской области за 1875—1904 гг.

Как видно из табл. 4, грузооборот дороги вырос за первые тридцать лет эксплуатации ее более чем в 91,6 раза; перевозка хлебных грузов выросла в 43 с лишним раза, но удельный вес хлеба в общем грузообороте сократился более чем в 2 раза. Это свидетельствует о росте промышленности, продукты которой перевозила дорога.

Торговля. В начале 60-х годов XIX в. торговые обороты были сравнительно невелики. Но по мере развития сельского хозяйства, промышленности и транспорта, особенно с середины 70-х годов, когда была построена Владикавказская железная дорога, торговля на Северном Кавказе стала развиваться быстрее. К концу XIX в. она четко отразила уровень развития различных отраслей хозяйства. В Центральном Дагестане крупным торговым центром народов являлся Казикумух (рис. 2).

В конце XIX в. обороты торговых предприятий Северного Кавказа равнялись 165 990 тыс. руб., что составляло 84,3% всего торгово-промышленного оборота края (без Дагестана) [29]. В более экономически развитом степном Предкавказье торговля была развита сильнее, чем в горных районах. В денежном выражении эта разница выглядела как 3 : 1. Около половины всех торговых оборотов было сосредоточено в шести городах, пять из которых — Новороссийск, Екатеринодар, Армавир, Ейск и Ставрополь — находились в степной части края, а один, Владикавказ,— в горной. В каждом из этих городов торговые обороты превы-

шали 6 млн руб. в год. Кроме того, заметную роль в торговле региона, особенно в горных его районах, играли города Грозный, Пятигорск, Майкоп, Георгиевск, Лабинская и Моздок.

Главными предметами торговой деятельности были хлеб и другие продукты земледелия. На них приходилась треть всех торговых оборотов — 55 438 тыс. руб. Куплю-продажу хлеба на Северном Кавказе вели 168 предприятий. Второе место в торговле занимала продажа изделий центральнорусских текстильных фабрик. На их долю приходилось 19,2% торгового оборота.

К концу XIX в. торговля нефтью и нефтепродуктами, а также другими товарами горной промышленности производилась на сумму 11,6 млн руб. Она оттеснила ряд других традиционных для Северного Кавказа отраслей торговли. В отличие от большинства других она была сосредоточена в немногих, но крупных торговых предприятиях.

Следующей группой предметов массовой торговли были скот, шерсть, кожи и т. п. Центры этого вида торговли находились на всем Северном Кавказе, но крупнейшие, естественно, были сосредоточены в районах наибольшего развития животноводства.

Наряду с концентрацией торговли различными или специфическими товарами в отдельных центрах края в пореформенное время получила широкое развитие торговля смешанными товарами во всех городах, станицах, аулах, селах и хуторах. Чаще всего это была мелочная торговля. Хозяева большинства лавок вкладывали в свои предприятия небольшие средства, получали незначительные доходы, а нередко и разорялись. Не случайно на долю шести крупных и семи средних торговых центров приходилось около 60% всех торговых оборотов края.

Скупка шерсти и других товаров горского хозяйства производилась не только на ярмарках и базарах, но и непосредственно в горских селениях и даже на горных пастбищах, куда приезжали скупщики. Часто они одновременно занимались и продажей и обменом товаров, а заодно и ростовщичеством. В развитии торговли особое значение имело широкое строительство дорог, мостов и т. д.

В пореформенное время на Северном Кавказе получила большое развитие так называемая питейно-трактирная торговля. Естественно, что в первую очередь этот вид торговли был сосредоточен в крупных городах, но он широко практиковался повсеместно, в том числе и в горных аулах.

Весьма показательными являются данные об объеме и составе вывозимых и ввозимых на Северный Кавказ товаров. Объем вывозимых превышал объем ввозимых вдвое. Основными предметами вывоза были зерно, мука, жмыхи, отруби, пшено, кукуруза, растительное масло, табак, овощи, фрукты, сено, нефть и нефтепродукты, цемент, черепица, кирпич. Предметы ввоза: мануфактурно-галантерейные, бакалейно-гастрономические, москательно-химические товары, сельскохозяйственные машины и орудия, бумажные изделия, мыло, свечи, спички, мешки, обувь, веревки и т. п. Несмотря на заметное развитие в крае виноградарства и виноделия, на вывоз из края вина, количество ввозимых винно-водочных изделий и пива было значительно выше вывозимого.

Таким образом, уровень развития торговли на Северном Кавказе указывает на то, что к концу XIX в. край все еще был преимущественно аграрным, откуда промышленный, гораздо более капиталистически развитый Центр России получал большое количество сырья и куда он сбывал предметы производства своих фабрик.

Вместе с тем во второй половине XIX в. медленно, но неуклонно

шел процесс опережающего развития промышленности по сравнению с торговлей. Всего за одно десятилетие, с 1885 по 1895 г., во всем объеме торгово-промышленного оборота доля промышленности по оборотам поднялась с 3,77 до 7,53%, т. е. вдвое, а сумма прибылей — с 5,15 до 11,05% (в 2,15 раза). По темпам роста суммы оборотов промышленности Северный Кавказ заметно превышал Европейскую Россию, но по темпам роста прибылей промышленности продолжал уступать ей.

2. Социальные отношения

В пореформенное время на Северном Кавказе шел многоплановый процесс формирования классов, слоев и социальных групп капиталистического общества. Складывание новых социальных отношений здесь во многом отличалось от подобного процесса в центре России. На Северном Кавказе он определяется неодинаковой глубиной развития капитализма в различных районах, силой феодальных и даже дофеодальных традиций, временем и радикальностью проведения буржуазных реформ, стремлением царизма законсервировать феодальные порядки среди казачества и рядом других обстоятельств.

Землевладение. Основными земельными собственниками в крае были местные князья и помещики, Кубанское и Терское казачьи войска, гражданские и военные чиновники из царской администрации, а также войсковые старшины, государство, крестьянские общества, города и церковь.

В первой половине 80-х годов XIX в. земельная площадь степного Предкавказья, которая служила объектом сельскохозяйственной деятельности крестьян и казаков, составляла около 14 млн дес.[30] Из них:

Надельные земли крестьян и казаков	—10 949 964	дес., или	78,4%
Земли частного владения	— 1 954 582	» »	14,0%
Войсковые запасные земли (казачьи)	— 54 042	» »	3,9%
Казенные и удельные земли	— 379 566	» »	2,7%
Земли городские, церковные и проч.	— 152 867	» »	1,0%
Всего:	—13 977 281	» »	100,0%

Эти данные свидетельствуют о преобладании в системе землевладения надельной земли, которая занимала 78,4% площади,— это самый высокий процент в 49 губерниях Европейской России. Земли частного владения занимали всего лишь 14%, а остальную площадь — запасные казачьи, казенные, удельные и проч.

Разница в земельном владении казачьих общин в Кубанской и Терской областях объяснялась тем, что в Терской области казачье население составляло 21,3%, т. е. одну пятую населения (табл. 5). Сельские земли (27,9%) принадлежали главным образом местным народам, которые составляли 63% населения области.

Особенность крестьянского надельного землевладения в Ставропольской губернии заключалась в том, что 99,3% надельной земли в 1881 г. принадлежало бывшим государственным крестьянам, а за бывшими крепостными числилось всего лишь 0,7% надельной земли.

В итоге поземельного устройства бывших государственных крестьян Ставрополья к концу 70-х годов XIX в. средний надел составлял 16,7% дес. удобной земли на ревизскую душу. Но эти средние данные не могут вскрыть истинной картины состояния крестьянского надельного землевладения. Подавляющее большинство надельных земель, уравнительно данных крестьянам-беднякам, которые не имели средств обраба-

Таблица 5

Распределение земельных площадей по областям и губерниям, в % *

Губерния, область	Надельные земли			Частные земли		Казенные земли	Удельные и городские земли	Прочие
	крестьянские и общинные	казачьи	городские	гражданские	казачьи			
Ставропольская губ. **	81			11			8	
Кубанская обл.	1,1	65,2	4,4	5,9	5,5	17,4	0,5	
Терская обл.	27,9 ***	32,6		9,7	2,2	9,6	0,8	17,2

* Таблица составлена по данным «Терских календарей».

** Земли оседлого населения.

*** Вместе с горскими землями.

тывать и засеивать их, попадали в руки кулаков на правах аренды. По сведениям податного инспектора Ставропольского уезда, в 1889 г. по различным селам сдавалось в аренду почти до 40% земли крестьянского надела.

В 1881 г. главными личными собственниками в Ставропольской губернии были дворяне, им принадлежало 72,8% частных земель, а крестьянам — только 5,9%. В 1896 г., т. е. через 15 лет, площадь дворянского земледелия сократилась в 2,3 раза и составляла 35,2%, в то же время площадь крестьянского землевладения увеличилась более чем в 4 раза и составляла около 30%.

Образование частной земельной собственности в казачьих областях относится к 60—70-м годам XIX в. При этом возникло две формы сословной земельной собственности: участки казачьих офицеров и чиновников, которые отводились по Положению от 23 апреля 1870 г., и участки пожалованной земли «за службу на Кавказе», которые отводились дворянству и представителям царской администрации, не принадлежавшим к казачьему сословию.

Все попытки царизма упрочить сословное землевладение казачьих офицеров и чиновников не увенчались успехом. Получив землю в частную собственность, представители казачьей старшины в большинстве своем не могли приспособиться к новым, капиталистическим условиям ведения хозяйства. Они предпочитали или продать выделенные им участки, или сдать в аренду. На Кубани уже к началу 90-х годов по разным отделам области было продано от 63 до 77% площади казачьих частных земель, а остальная ее часть почти полностью сдавалась в аренду. Аналогичная картина наблюдалась и в Терской области. Покупателями и арендаторами этих земель являлись главным образом крестьяне, купцы и мещане, т. е. представители казачьего сословия.

Участки земли, пожалованные «за службу на Кавказе», также переходили в руки овцеводов-«тавричан».

Так, из различных старых форм сословного землевладения капитализм создавал соответствующие ему бессословные новые формы землевладения и землепользования.

Особенно многообразными были формы землевладения и землепользования в горных районах Северного Кавказа. Крестьянская реформа здесь была проведена таким образом, что оставила за хозяевами пастбища, а это в условиях преобладания экстенсивного скотоводства ставило крестьян в исключительную зависимость от местных помещиков.

В результате расслоения крестьян многие горцы быстро теряли землю, особенно пахотную. В 80-х годах пахотная земля между крестьянами Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шуринского округов распределялась так: из 50 100 дворов 17,9% вовсе не имели земли, у 44,2% ее было в пределах до 2 дес. на двор, у 18,4% — от 2 до 3 дес., у 11,2% — от 3 до 5 и только 8,3 дворов имели более чем по 5 дес.

В конце XIX в. в Балкарии было более 330 тыс. дес. земли, в том числе свыше 185 тыс. дес. удобной, но уже в середине 80-х годов 8,2% дворов совсем не имели земли, 7,3 имели по одному участку, 9,5 — по два, 24,8 — по 3—5, 28,2 — по 6—10 и 22% — более 10 участков каждый.

Развитие арендных отношений. Арендные отношения получили в пореформенный период большое развитие. Формы аренды были многообразны: от капиталистической предпринимательской аренды в русских селах и станицах до традиционной издольщины у горских народов. Объектом аренды были казенные, войсковые и надельные земли. Кулаки арендовали огромные массивы земель, создавая фермерские хозяйства. Роль надельного землевладения этим значительно уменьшалась.

В Ставропольской губернии возможности вненадельной аренды в значительной степени расширялись за счет земель кочевых народов Северного Кавказа. По мере развития капитализма, а следовательно, усиления процесса разложения крестьянства и расслоения казачества, росло значение аренды надельной земли.

Известно, что при решении вопроса о степени развития капитализма в сельском хозяйстве первостепенное значение имеет правильное определение характера господствующей земельной ренты.

Уже в 70-х годах на арендованной земле создавались огромные овцеводческие экономии «тавричан» с большим числом наемных рабочих. Когда же к концу XIX — началу XX в. Предкавказье превращается в крупный район торгового зернового хозяйства России, то происходит быстрое втягивание всей земли в торговый оборот, «построение коммерческого земледелия на арендованной земле» [31]. При этом наемные рабочие эксплуатировались в широких масштабах; помимо большого количества местных рабочих из «иногородних», ежегодно прибывали сотни тысяч сезонных рабочих из российских губерний.

Следовательно, выводы В. И. Ленина относительно Таврической губернии о том, что там наблюдалось «воочию превращение аренды в капиталистическое фермерство, зарождение предпринимательства в земледелии» [32], пожалуй, еще в большей степени приложимы к Северному Кавказу. Все это является бесспорным свидетельством преобладания капиталистической земельной ренты. Однако сословная замкнутость крестьянского и особенно казачьего землевладения порождала и в значительной степени усиливала кабальные формы аренды; для громадного большинства иногородних аренда земли мелкими участками была тяжелой кабалой.

В горских обществах сохранились кабальные виды издольщины, при которых крестьяне «исполу» обрабатывали земли кулаков и бывших феодальных владельцев или, вступая в товарищество с кулаками для совместной аренды земли, несли всю тяжесть этой аренды, работая и на владельца земли и на кулака, с которым вместе арендовали землю.

Сохранялась и такая кабальная форма залога земли, как «бегенда», при которой разбогатевшие землевладельцы брали в заклад участки бедноты с правом собирать урожай с этой земли.

Большого распространения достигла субаренда, при которой кулаки арендовали у казны или казачьих станиц большие участки земли, дробили их на мелкие и передавали крестьянам по значительно более высокой цене, наживаясь на земельной спекуляции.

Расслоение крестьянства. В работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин писал: «...вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения» [33].

Основным фактором, определяющим характер и глубину расслоения крестьян, является степень развития в деревне товарно-денежных отношений, а одним из важнейших показателей степени расслоения — численное соотношение различных групп крестьян и его динамика.

Группировка хозяйств по рабочему скоту в условиях Северного Кавказа дает достаточное представление о процессе расслоения крестьян и казаков. Данные за 1890 г. показывают, что в Медвеженском уезде Ставропольской губернии бедняцкая группа составляла 49,3%, средняя группа — 38,1, зажиточная группа — 12,6%. Они свидетельствуют о быстрых темпах разложения крестьянства; быстро росли обе крайние группы крестьянского населения — беднота и кулачество. В этом заключалось существенное отличие Ставрополья от губерний Черноземного центра, где в процессе разложения крестьянства образование сельского пролетариата происходило значительно быстрее, нежели образование сельской буржуазии. Крайние хозяйственные группы крестьянства росли за счет средней группы. Но здесь и средняя группа постоянно пополнялась за счет переселенцев, часть которых была крестьянами «среднего достатка». В руках кулаков было сосредоточено машин и орудий: в период 1887—1889 гг.— 84,9%, а в 1900—1902 гг.— 88%. Источником рабочей силы для кулацких хозяйств являлась сельская беднота, «иногородние» и масса ежегодно приходивших на заработки крестьян из губерний Европейской России. Наряду с капиталистической эксплуатацией наемных рабочих сохранилась полукабальная, отработочная форма эксплуатации крестьянской бедноты. В. И. Ленин, изучая пореформенное разложение крестьянства, указывал на целый ряд обстоятельств, которые существенно влияли на темпы этого процесса в различных местностях России [34].

В Ставропольской губернии одним из таких обстоятельств являлось переселенческое движение. Поток переселенцев приносил элементы разложения крестьянства и тем самым усиливал этот процесс в губернии. Прежде всего это сказывалось в том, что новоселы в большинстве случаев на первых порах вынуждены были заниматься батрачеством. Широкое развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, падение роли надельной земли вели к резкой неравномерности в распределении податей и повинностей, основная тяжесть которых ложилась на бедняцкие и середняцкие слои деревни.

Процесс социально-экономического расслоения казачества Кубани и Терека имел свои особенности. Известно, что и в дореформенный период казачество не было однородным, в станицах шла ожесточенная борьба между трудовым казачеством и эксплуататорской верхушкой. Однако это имущественное неравенство было еще далеко от того, чтобы превратиться в «капиталистические отношения» [35]. Под влиянием капитализма, проникавшего в кубанские и терские станицы, постепенно рушились вековые устои казачьей самобытности. В. И. Ленин писал, что

никакие особенности землевладения не могли «по самой сущности дела составить непреодолимого препятствия для капитализма» [36]. Не спасла от капитализма пресловутая земельная община и казачество. Частные земли старшины становились объектом купли-продажи, а войсковые — объектом капиталистической аренды. С разделом станичных надельных земель на душевые паи часть казаков раздала свои участки в долгосрочную аренду «иногородним». Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе кн. А. М. Дондуков-Корсаков в августе 1886 г. с тревогой писал об этом: «Значительное количество паевых участков перешло в фактическое пользование иногородних» [37]. Это обезземеливание рядовых казаков практически означало постепенное исчезновение экономической основы казачества как военного сословия.

В 1889 г. бедняцкая группа казаков составляла в разных отделах Кубанской области от 32,9 до 43,3%, средняя группа — от 45,5 до 49,0, зажиточная группа — от 10,2 до 18,1% [38]. Таким образом, в конце XIX в. в казачьих станицах Предкавказья получило широкое распространение то же самое явление, которое наблюдалось в пореформенной российской деревне, т. е. уменьшение различными путями роли надельной земли. Следовательно, аграрный вопрос у казаков Кубани постепенно приобретал общие черты, свойственные аграрному развитию пореформенной России.

Но если в среде пореформенного крестьянства России уже шел процесс разложения, или «раскрестьянивания», то среди кубанских казаков к началу XX в. социально-экономическое расслоение еще не достигло той степени, когда можно говорить о разложении казачества как военного сословия.

В Терской области процесс социально-экономического расслоения казачества к концу XIX в. не достиг такого уровня, который наблюдался на Кубани. Объясняется это тем, что капитализм еще в меньшей степени затрагивал терские станицы. Если в Кубанской области в 1897 г. хозяйства, имевшие наемных рабочих (как исключение — поденных), составляли 9,8%, то в Терской области — только 4,6% [39]. Однако и здесь капитализм делал свое дело, а потому все усилия правительства, направленные на сохранение казачества как военного сословия в его прежней силе, были обречены на провал.

Сложным был процесс изменения социальной структуры и социальных отношений в горах, в первую очередь в Дагестане. Особенности проведения реформ 60-х годов привели к тому, что в руках местных дворян и царской администрации оказались громадные земельные владения. Это обстоятельство давало им возможность эксплуатировать большие массы крестьян (узденей и райятов) старыми методами. Хотя и была проведена унификация, люди были вынуждены устремляться в отход. В 90-х годах XIX в. удельный вес отходников в Дагестане был самым высоким не только на Кавказе, но и в России.

Проникновение в горские аулы Кубанской и Терской областей капиталистических отношений ускорило процесс расслоения горского крестьянства у адыгов и карачаевцев, балкарцев и осетин, чеченцев и ингушей. Усилился рост имущественного неравенства, росло число хозяйств, не имевших ни земли, ни скота. По данным 1889 г., в Балкарии из 2307 хозяйств 404 не имели мелкого скота, 259 были безлошадными и 92 не имели крупного рогатого скота. В Кабарде не имели мелкого скота 5223 хозяйства, что составляло 48%, безлошадными были 2775 хозяйств — 26%. Эти данные показывают, как далеко зашел процесс имущественной дифференциации и разорения беднейших слоев. Аналогичны-

ми были данные и по Кубанской области, где даже у такого скотоводческого народа, как карачаевцы, 40% не имели мелкого скота и 20% были безлошадными.

Однако и в этих областях развитие капиталистических отношений тормозилось обильными пережитками феодальных и даже дофеодальных отношений, поэтому процесс расслоения крестьянства не дошел до его разложения.

Эволюция сельской общины. Основной общественной организацией, регулирующей вопросы внутреннего распорядка и землепользования, хозяйственную жизнь селений и взаимоотношения членов общин, осуществляющей контроль за нравственностью сельчан, оставалась сельская община. Однако характер ее, особенно в горских аулах, претерпел в пореформенный период значительные изменения. Часть крестьянских повинностей шла в пользу хозяев земли и государства. Нередко крестьяне со своим инвентарем выполняли в хозяйстве хозяев различные отработки, это означало сохранение еще полуфеодальных форм зависимости и фактическое прикрепление крестьян к определенной земле.

К такой зависимости вело полное безземелье или явная недостаточность у абсолютного большинства крестьян земли, рабочего и прочего скота, выпасов. Даже когда у крестьян земля была, у них, как правило, не хватало средств, чтобы вести хозяйство на необходимом уровне. Все это вело к усиленной имущественной дифференциации.

Уже к 80-м годам XIX в. 80,5% крестьян Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шуринского округов либо вовсе не имели пахотной земли, либо у них было не более трех десятин на двор. Тогда же 76,5% хозяйств Хасавюртовского и Темир-Хан-Шуринского округов вовсе не имели лошадей, а 16,5% имели только по одной. Примерно такими же были показатели по крупному и мелкому рогатому скоту.

Большинству пролетаризованного крестьянства и бедняков противостояли немногочисленные группы магнатов и разбогатевших крестьян. Лишь немногие из них вели чисто капиталистическое хозяйство. Большинство же путем экономического принуждения использовали полуфеодальные методы эксплуатации широких масс горского населения. И хотя труд людей был малопроизводительным, в Дагестане к концу столетия образовалось большое количество избыточных рабочих рук. Из-за слабого развития капитализма в области, неразвитости промышленности и узости рынка они не находили применения на месте. Большинство функций общины перешло к административным органам — к старшине, назначаемому начальником округа, к его помощникам, писарю, казначею, общественным доверенным, сельским судьям. Только старшина мог собирать сход; вынесенное без него решение считалось недействительным.

Землераспределительные функции общины также ограничивались ростом частного землевладения. Уравнительность общинного землевладения все более становилась фикцией, так как в течение всего пореформенного периода шел интенсивный процесс захвата общинных земель сельской верхушкой, концентрации земель в руках кулаков и обезземеливания основной массы крестьянства.

Сама бессословность сельской общины пореформенного периода оказалась фикцией, так как в аулах наряду с полноправными коренными жителями росло число «иногородних», переселившихся из других аулов и не имевших права на земельный надел. Уменьшилась роль надельного землевладения и в связи с ростом арендных отношений. Стремление сельской верхушки к присвоению надельных земель проявилось в по-

стоянном удлинении сроков переделов. Если в 60-х годах переделы были ежегодными, то постепенно они стали производиться через 3, затем через 5 лет, а к концу XIX в.— через 9 лет и реже.

По мере уменьшения землераспределительных функций общины, все более возрастали ее фискальные функции. Община использовалась правительством и кавказской администрацией для сбора налогов и обеспечения выполнения натуральных повинностей. Единицей обложения был «дым», т. е. самостоятельное хозяйство. С «дыма» взималось от 3 до 4 руб 50 коп. независимо от того, сколько членов было в семье и каков был доход семьи. Это позволяло сельчанам перекладывать основную тяжесть налогов на плечи средних и бедных жителей. Кроме подымного налога, горские крестьяне должны были вносить вопнский налог в размере 2 руб. 33 коп., сборы на содержание милиции, аульского правления, школы. Всего набиралось до 10 руб., а иногда и более.

Натуральные повинности заключались в обязанности строить дороги, мосты, ремонтировать общественные здания. Особенно тяжелой была дорожная повинность, так как в горных условиях, когда дороги прокладывались в скальном грунте, это требовало очень большого количества рабочих рук, выделяемых аулом. И снова богачи находили способы освободиться, в крайнем случае откупиться от несения повинностей, а бедноте часто приходилось посылать единственного кормильца на общественные работы, отрывая его от собственных хозяйственных дел.

Высокое налоговое обложение приводило к росту недоимок. Так как население аулов было опутано круговой порукой, то за неуплату налога отвечало все селение. Несло оно ответственность и за любое преступление, совершенное в пределах сельской общины. Даже за все дорожные происшествия ответственность нес аул, к которому вела дорога.

Все это делало общину одним из органов местного управления, поэтому кавказская администрация поддерживала патриархально-феодальные устои, препятствовавшие выходу из общин или даже временным отлучкам. Выход из общины был затруднен — для этого требовалось согласие родителей, справка об уплате всех налогов и решение сельского схода.

Горское население страдало от административного гнета, от своей неполноправности. Жители каждого села были прикреплены к месту своего жительства и даже на кратковременные отлучки из аула должны были получать письменное разрешение сельской администрации. Особенно усилился этот гнет в период контрреформ 80-х годов, когда сельское управление горцами было подчинено казачьей администрации Кубанской и Терской областей.

За малейшую провинность горцев строго наказывали, выселяли из родных мест, облагали штрафами. Штраф раскладывали обычно на все дома аула поровну, поэтому страдали от них больше всего бедняки. Горцы должны были отвечать не только за совершенные ими преступления, но и за все нераскрытые дела на аульских землях. Администрация обычно даже не искала виновного в краже, если следы украденного скота вели к аулу, а заставляла жителей аула уплатить стоимость украденного. Если же на аульской земле было совершено убийство, то все жители несли тяжелую кару.

Формирование рабочего класса. Важнейшим показателем пореформенного развития капитализма на Северном Кавказе было формирование рабочего класса. Однако неполнота данных существующих источников затрудняет четкое определение количества рабочих.

По подсчетам В. И. Ленина, самым многочисленным отрядом рабочих в России был сельскохозяйственный. В конце 90-х годов только отхожих в стране было 3,6 млн человек[40]. Постоянные же только в Европейской России, по данным переписи 1897 г., составляли 1,8 млн человек. На Северном Кавказе (без Дагестана) в конце XIX в. было 700 тыс. сельскохозяйственных рабочих[41]. Число это, однако, не было устойчивым: в урожайные годы потребность в сельскохозяйственных рабочих вдвое превышала потребность в них в годы неурожайные.

Все отряды рабочих Северного Кавказа формировались за счет как пришлого из старых промышленных центров страны, так и местного населения. Большое число местного безземельного населения (горцы и русские) не шло вовсе или шло в малом количестве в фабричные рабочие из-за отсталости производственных отношений или уклада жизни, традиций и т. д. Просто эти люди не были подготовлены к труду на крупном промышленном предприятии ни профессионально, ни психологически. Фабрика не нуждалась в людях, не способных управлять машинами. Поэтому привлечение на Северный Кавказ квалифицированной и даже малоквалифицированной рабочей силы извне было явлением неизбежным.

Естественно, что рабочие, за счет которых в первую очередь формировались промышленные кадры в крае, принесли с собой не только профессиональные знания и навыки, но и более высокую общую культуру, пролетарскую психологию, опыт пролетарской борьбы. Известны многие случаи, когда квалифицированные рабочие-революционеры, преследуемые охранкой и полицией, уходили из Ростова в города или на железнодорожные станции Северного Кавказа.

К концу XIX в. уже успела пройти школу ученичества и приобрести профессиональные навыки заметная группа горского населения. Известно, что на Владикавказской железной дороге трудилось 149 осетин, 34 чеченца, 92 аваро-андийца, 87 кюринцев, столько же казикумухцев, 14 даргинцев, 5 кабардинцев. В общей сложности на железной дороге работало около 50 горцев. Это имело большое значение как начало и опыт формирования интернациональных кадров авангарда рабочего класса.

На кубинских угольных копях и Эльбрусском серебросвинцовом руднике рядом с русскими рабочими трудились осетины и карачаевцы. Перевозкой угля и руды занимались ногайцы. В период кратковременного расцвета Эльбрусского рудника на нем находили работу в качестве главным образом подсобных рабочих и перевозчиков до двух тысяч горцев. Рабочим из местных народов, как правило, платили более низкую заработную плату, чем русским. От них требовали знания русского языка, которым владели лишь немногие.

Немало горцев в качестве рабочих и прислуги трудились также за пределами Северного Кавказа По материалам переписи населения 1897 г. видно, что в европейской части России трудилось 356 уроженцев Дагестана (в том числе 74 в Москве и Петербурге), 993 уроженца Терской области (в том числе в Москве 189, на Дону и в Екатеринославской губернии — 317). Особенно много горцев работало в Закавказье, в первую очередь в Бакинской губернии. Уроженцев Дагестана в Закавказье трудилось около 10 тыс. человек, из них свыше 2700 в Бакинской губернии; около 2 тыс. уроженцев Терской области зафиксировала перепись в качестве рабочих в Закавказье. Часть из них, обретя специальности, возвращалась на Северный Кавказ и становилась кадровыми рабочими.

Точными данными о заработной плате различных групп рабочих Северного Кавказа к концу XIX в. мы не располагаем. Однако примерное представление об этом получить можно. Наиболее значительными были заработки на железной дороге, на цементных и металлообрабатывающих заводах, на нефтепромыслах и некоторых других предприятиях. В зависимости от разряда и стажа работы паровозные машинисты получали от 35 до 65 руб. в месяц, то же относится к машинистам у паровых котлов на нефтепромыслах, фабриках, электростанциях, элеваторах и т. п. Слесари, кузнецы и им подобные рабочие получали 28—30 руб., другие, так называемые мастеровые или квалифицированные рабочие, 30—36 руб. в месяц. Часть высококвалифицированных рабочих получала по 45—60 руб. в месяц. Довольно значительная часть рабочих (кочегары, стрелочники, молотобойцы и им подобные) зарабатывали по 15—20 руб., а часть (особенно женщины и подростки) — еще меньше.

Условия труда повсеместно были крайне тяжелыми; длинный рабочий день (по 12—14 часов), антисанитария, недостаточная освещенность мастерских и цеховых зданий, плохая вентиляция и т. п.

Рабочие Северного Кавказа, как и все рабочие России, были лишены элементарных прав, характерных для буржуазного общества. Но в крае это бесправие усугублялось отсутствием в XIX в. даже фабричной инспекции. А «Общество Владикавказской железной дороги», пользуясь безнаказанностью, ввело такие расчетные книжки, что даже официальные власти, черноморский губернатор были вынуждены признать, что это — свод незаконных требований к рабочим. Это бесправие хорошо понимали передовые рабочие, что усиливало их стремление к борьбе не только за лучшие условия продажи своей рабочей силы, но и против политического строя.

3. Классовая борьба

Крестьянское движение. Крестьянское движение в пореформенную эпоху развертывалось неравномерно. Подъем «волны» общественного возбуждения и революционного натиска масс, отбитый самодержавным правительством в середине 60-х годов XIX в., сменился ее временным спадом и переходом крестьян от открытых выступлений к упорной повседневной борьбе за свои ближайшие интересы. Незыблемый, казалось бы, вековой уклад жизни народных масс перевернулся (что сказалось и на ломке их психологии и взглядов), но на передовые рубежи противоборства со своими угнетателями крестьяне вырывались разновременно. То это были «государственные» крестьяне Ставрополья (отбившиеся от урезанных «владенных записей»), то горское и степное кочевое население края, возмущенное притеснениями, и взбудораженные казачьи станицы, протестующие против самоуправства властей; то это были начавшие стачки и «своевольство» наемных сельскохозяйственных рабочих, скоплявшихся на множестве «рабочих рынков» со всех концов страны.

Согласно имеющимся данным, в 60—70-х годах XIX в. на Северном Кавказе имело место шесть выступлений крестьян по Ставрополью (в 1862 г.— 3, в 1863, 1864, 1866 гг.— по одному, из них 2 — со вводом воинской команды для подавления); четыре выступления на Тереке (в 1861 г.— 1, в 1866 г.— 3, из них одно со вводом воинской команды); два в Дагестанской области (в 1865 г.). За 1870—1880 гг. по Северному Кавказу — в Кубанской обл. (куда входило и Черноморское побережье) и Ставропольской губ.— значатся 2 выступления [42].

Разнобой в масштабах, размахе, формах и способах крестьянской борьбы в среде невиданно пестрого по составу населения Северного Кавказа обусловлен различиями в уровне социально-экономического уклада, особенностями местного феодализма, обычного права, степенью прочности патриархально-родовых связей, своеобразием традиций, национальных черт и религиозного облика масс в том или ином уголке края, а также временем вовлечения их в водоворот хозяйственных связей. Не могли не сказаться в ту пору и попытки воздействия на них как противоборствующих частей местной верхушки и соседних владельцев, так и враждебно настроенных кругов из-за рубежа с целью использования движения социального протеста среди горцев, кочевников или казаков в корыстных целях укрепления собственных классовых позиций, разобщения разных народов и т. п.

Однако общие для крестьян всех народностей потребности свободного развития их хозяйства оказывались в прямом противоречии с действительностью (зараженной ядом крепостнического бюрократизма, остатками средневековья, произволом местной знати) и все более давали себя знать. Новые подати и повинности подрывали порой доходность хозяйства даже в относительно лучше обеспеченных землею окраинах в казенных селах и станицах, что вызывало повсеместно буйные протесты, а в Ставропольском уезде на этой почве в марте 1867 г. «произошло значительное волнение» почти 60 тыс. душ (из-за неправильного истолкования манифеста о сложении недоимок). Причины коренились глубже — во всем положении крестьянской массы. Подати там удавалось собирать лишь при помощи «секуционных» команд. Особое упорство было проявлено в с. Красная Поляна (с 6-тысячным населением): крестьяне — русские и украинцы — наотрез отказывались от уплаты денежных сборов. Только постой воинской команды и экзекуция, длившаяся 12 дней, «убедила», как выразился губернатор, крестьян в необходимости таковых платежей[43], хотя «многие» и там, и в других селах так и «остались при прежнем... убеждении», «упорствуя в уплате недоимок».

Наиболее сильным потоком в крестьянском движении на Северном Кавказе оказались выступления государственных крестьян, которые открыто поднялись в период второй революционной ситуации в стране. Их волнения, прокатившиеся в 1878—1880 гг. по Ставрополью, были одним из самых значительных проявлений недовольства масс в ту пору в масштабах всей России. Оно возникло в связи с введением «владенных записей», что, по мнению крестьян, было «равносильно закреплению в крепостничество».

Особенно длительной (1853—1885 гг.) и тяжелой была борьба крестьян с. Маслов Кут против помещиков Зотовых и Калантаровых.

Открытое упорство проявило каждое пятое село Ставрополья, а в Новогригорьевском уезде 17 из 44, что составляло более трети их общего числа. Крестьяне «самовольно сместили волостных старшин», а «у старост отобрали должностные печати». «Громадная разъяренная толпа», «вооруженная палками, дрючьями и железными баграми», изгнала из села Дербетовки экзекуционную команду во главе с самим вице-губернатором. «Никакие меры губернского начальства не достигли желаемого (для правительства.— *Ред.*) результата». В борьбе против стеснявшей их системы землеустройства и чиновничьего произвола крестьяне держались «всем обществом». Но высокая степень развития капитализма в степной полосе, резко проявившаяся в процессе «раскрестьянивания» масс, привела к тому, что, отвергая «владенные записи», беднота во главу угла ставила получение земли без всяких платежей (хотя бы только четвер-

той части надела), в то время как зажиточные крестьяне — «богачи», которые имели «капиталец» и могли «взять в арендное содержание землю в потребном количестве и на стороне», добивались прежде всего «сложения круговой поруки», чтобы избавиться от уплаты взносов «за несостоятельных», «которых у них много». Толки бедноты сводились к мысли, что было бы правильнее взыскивать подать с имущества, например со скота, а не с «ревизских душ», у которых ничего нет.

Не оставалось в стороне от движения и казачество. Часть его открыто уже роптала на тягость поголовной воинской службы, которую приходилось отбывать па собственный счет, и выражала недовольство ограничением прав в распоряжении земельными и лесными угодьями, уничтожением выборной администрации, изменением порядка сходов станичников, ежегодным отрывом из дома на «сборы» во время полевых работ. «Явное неповиновение начальству» было оказано казаками ст. Полтавской на Кубани в 1873 г., что представляло, по оценке журнала «Вперед», откликнувшегося на это событие, уже «прямой протест» казачьей массы. Упорное сопротивление казаков, продолжавшееся с марта по май месяц, было подавлено воинской силою.

В Дагестане, Осетии, Балкарии, в Кабарде и в среде других адыгских народностей, в Чечне и Ингушетии, а также в казачьих станицах процесс обострения социальных противоречий, который подспудно протекал повсеместно, ознаменовался рядом резких взрывов. В ауле Хатукаевском (в Кубанской области) в 1867 г. крестьяне «отказались ... от работы своим владельцам», ссылаясь на слухи «об окончательном освобождении их от рабства». Изменения в жизни горцев привели к тому, что «среди всех горских племен», как вынуждены были признать местные власти на Кавказе, к 80-м годам XIX в. «с особенною силою начали обостряться сословно поземельные вопросы»[44], несмотря на то, что пробуждение самосознания крестьян в их среде тормозилось патриархально-родовыми пережитками и мусульманским духовенством.

Обострение национально-освободительного движения на Северном Кавказе в 80-х годах XIX в. было связано с усилением национального гнета, вызванного контрреформами 80-х годов. По этим реформам гражданское управление и гражданские органы власти в Кубанской и Терской областях были упразднены и заменены военно-казачьими. Вместо уездов вся территория областей была разбита на отделы, в которые вошли и горские округа. Горское население было подчинено начальникам областей, которые одновременно были и командующими войсками. Они получили право без суда карать и наказывать горское крестьянство, арестовывать и подвергать штрафам горские сельские общества и отдельных их членов.

Непосредственный контроль над горскими обществами осуществляли участковые начальники, которым была передана вся полнота власти. Они распоряжались финансами горских обществ и творили суд, следили за настроением населения и вели списки «подозрительных лиц», т. е. осуществляли полицейский надзор. Без ведома участкового начальника нельзя было проводить выборы сельских старост, которые теперь целиком зависели от казачьей администрации.

Реакционность этих реформ резко критиковал К. Л. Хетагуров, живший в эти годы в Баталпашинском отделе. Он писал: «С преобразованием Баталпашинского уезда в отдел того же названия отношение к туземцам администрации, состоящей почти исключительно из казаков, резко изменилось к худшему. У них было отнято право выбора старшин, которые стали вербоваться по рекомендации участковых начальников

атаманом отдела из кадров лакеев и вестовых, которые и в должности старшины остаются теми же покорными слугами начальников участка, а потому вся их деятельность, руководимая только усердием угодить начальству, идет совершенно вразрез интересам туземного населения»[45].

Неудивительно, что волнения крестьян, еще более усилились. Среди выступлений горцев в 80—90-х годах серьезным было волнение в с. Христианском в Осетии. Там на сходе в 1884 г. «толпа», возмущенная злоупотреблениями старшины, расправилась с ним — бросила его в реку и дала отпор прибывшему туда подкреплению. 12 «зачинщиков» подверглись ссылке. Но крестьяне продолжали отказываться как от уплаты податей, так и от выполнения повинностей и распоряжений властей.

Их противоборство с баделятами вылилось в 1886 г. в прямую схватку из-за угодья у «Черного леса», где билось сразу несколько сот дровосеков с охраной и вызванной сотней казаков.

Крупная вспышка «беспорядков» разразилась в 1884 г. и «между жителями» с. Сурхохи Владикавказского округа, куда «для восстановления» положения по требованию начальника Терской области 20 июля был срочно командирован 2-й батальон пехотного Тенгинского полка, и его пришлось там держать до полного «восстановления порядка и спокойствия»[46].

В 1887 г. сопротивление крестьян с. Средней Ачалуки (тоже Владикавказского округа) своему старшине привело к схватке, в которой произошло убийство нескольких односельчан, а в ауле Хакуриновском Майкопского уезда и к еще более крупному выступлению. «Толпы горцев в несколько сот человек, в числе которых были и женщины», вооруженных «кольями, палками и кинжалами», напали на местного старшину с требованием выдачи им призывных списков для отбывания воинской повинности и приговора схода относительно ее выполнения «не натурой», а платежом определенной денежной суммы, причисляемой к «подымной подати»[47]. Старшина был «вытащен из правления», ему и эфенди нанесены «побои палками» и две раны кинжалом, а «означенный приговор... тотчас же был изорван в клочки».

Но наиболее яркая вспышка возмущения крестьян произошла в Балкарии. Считая весь лес, покрывавший склоны Баксанского ущелья, своею собственностью, горцы с 1889 по 1897 г. боролись за бесплатное пользование им. А в день байрама собравшиеся заявили, «что не желают молиться» и слушать эфенди, который стоит на стороне богатых. Сам же эфенди, исполнявший у них обязанность более сорока лет, был обруган и изгнан со схода. Позже зачинщики этого выступления были арестованы, а 78 человек подвергнуты за «самоуправство» штрафам.

Значительные выступления произошли в 80—90-х годах в старых очагах крестьянской борьбы в русских и украинских поселениях на Ставрополье, Кубани и Тереке.

Однако общей отличительной чертой классовой борьбы в деревне в 80—90-х годах XIX в. было почти полное отсутствие одновременно разгоравшихся открытых массовых крестьянских выступлений. Несколько волн негодования горских, русских и украинских крестьян и казаков вызвали лишь 2 сильных, но все же разрозненных всплеска их, а «частые *ежегодные* бунты между рабочим народом, приходящим из разных губерний Российской империи на заработки» нередко доходили здесь «до *всеобщего* восстания»[48] рабочего люда. С начала 80-х и до середины 90-х годов в крае произошло 4 крестьянских выступления по Ставрополью (в 1883—1886 гг.— 1, в 1890 г.— 2 и в 1892 г.— 1), 4 на Куба-

ни (в 1884, 1887, 1888 и 1891 гг.), 2 из которых — с вводом войск, и 2 —в Терской области (в 1887 и 1894 гг.).

В действительности же, с учетом других форм борьбы крупных выступлений крестьян в регионе было почти вдвое больше[49].

Относительно большого подъема и напряжения массовое движение в это время достигало дважды: в 1883—1885 гг. в связи с движением крестьян за землю, а затем в 1888—1894 гг., когда горские, русские и украинские крестьяне и казачество Северного Кавказа выступили против сомнительных и «крайне убыточных для них» карантинных мер по прекращению чумы среди скота. Эти меры протекали в обстановке «общего озлобления народа». «Чумные бунты» являлись движением не только против убоя зачумленного скота, в них отразился протест против произвола властей. «Противочумные меры стеснения» явились причиной глухого «неудовольствия в крестьянской среде, в большинстве не видящей пользы от этих мер, но тяжко чувствующей вред от них»[50]. Одновременно с порывами открытого крестьянского протеста и малоприметными формами их повседневной, будничной борьбы нарастало и углублялось движение наемных сельскохозяйственных рабочих, которое, несмотря на сезонный характер, играло громадную роль в жизни народов Северного Кавказа.

Переход крестьянского движения от сравнительно мощных взрывов борьбы к менее «воинственной» форме, наблюдавшейся в крае на протяжении длительной полосы, не означал, однако, общего ослабления натиска на остатки средневековья в деревне.

«Вольнодумством и своеволием», по словам официальных документов, на южных окраинах России в 80—90-х годах XIX в «заражаются» и «славятся» уже не только целые села (вроде Михайловского в Ставрополье или Дурноселовки на Кубани, которые в течение многих лет представляли собой «гнезда неповиновения властям», заметно выделяясь в этом отношении «между всеми селами» обширного края), но и почти вся масса сельского населения региона.

При всех зигзагах крестьянского движения подспудно неуклонно шло складывание единого фронта борьбы крестьян различных народностей и национальностей против самодержавия и местных эксплуататоров, чему способствовало зарождение рабочего движения в крае.

Рабочее движение. Борьба рабочих заставила с собой считаться с первых же шагов как основной восходящей силой в капиталистическом обществе, несмотря на то, что проявлялась она тогда по большей части в виде «разъяренной» и «необузданной», по словам подрядчиков, «стихии». И первая весть о том разнеслась по Северному Кавказу еще в эпоху падения крестьянского права в России — непосредственно в связи с крестьянской реформой 1861 г., которая коснулась и горнозаводского люда в Осетии и Карачае.

Много лет подряд властям не удавалось усмирить горнозаводских рабочих на Садонских рудниках и Алагирском заводе, за плечами которых был опыт, и в других старых промышленных центрах страны — на Урале, Алтае и на Украине. Более 10 лет сопротивлялись они, упорно не допуская ввести у них в действие уставную грамоту[51]. Немало хлопот и беспокойства доставили властям также рабочие, занятые добычей угля на руднике в верховьях Кубани.

Наиболее ощутимо массовое возмущение проявлялось на самых крупных в крае капиталистических новостройках — железной дороге и рудниках, на цементных заводах, в торгово-промышленных центрах и

на рынках найма рабочей силы,— где вскипали волны открытого протеста рабочего люда.

Так, известный отклик получило стихийное восстание в предгорьях Кавказа на строительстве Ростово-Владикавказской железной дороги. В 1875 г. «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что рабочие, которые шли, прокладывая линию «от самого Ростова», надеялись, что с наступлением весны «подрядчик ... надбавит им цену, как хорошим прибойщикам». Однако они ошиблись в расчетах. Ибо, едва заметив в среде русских рабочих «поползновения к стачке», изворотливый заведующий стройкой постарался тут же избавиться от них, для чего «обратился в аулы», где имелось много дешевой рабочей силы. В итоге переговоров «татары, лезгины, а также и грузины предложили свои руки за меньшую плату». Чтобы подавить протест в самом начале, подрядчик прибег к расколу и противопоставлению одних рабочих другим, всячески привлекая на свою сторону более выгодных ему местных отходников, которых стал снабжать «белым хлебом и свежими баранами» [52]. Работа оттого не пошла скорее, так как двое совсем не знакомых с делом рабочих «не стоят», по словам самих предпринимателей, и одного опытного прибойщика, но цель — избавиться от непокорных, требовательных ростовских рабочих — была достигнута. Возмущенные коварством капиталистических подрядчиков, рабочие «возроптали» — им от самого Ростова всегда поставляли только «черствый ржаной хлеб да непригодную уже к употреблению говядину, которую завозили издалека». Брань и драки с администрацией на этой почве стали обычным явлением. Самая большая драка разразилась в 1875 г. Она превратилась в подлинную драму. Ибо из-за отказа выдать одному захворавшему русскому рабочему белого хлеба (даже «ради праздника») вся масса ростовских прибойщиков стала напирать на заведующего работами, требуя, чтобы и им всем непременно дали белого хлеба (а в тот день, «как нарочно», выданный рабочим ржаной хлеб «был черствым более, чем когда»). За этим требованием, как заметил очевидец событий, скрывалось больше желания «не столько самого хлеба, сколько уступок», изменения условий работы, «чтобы и им давали, чего они хотят» [53]. Попытка рабочих добиться своего была отвергнута. Когда же они самовольно «бросились отбивать хлеб», произошла ожесточенная схватка. Избитые рабочие были еще и обвинены в стачке. «Обвиняя русских рабочих в бунте», заведующий работами Кульчицкий подверг их еще и разным оскорблениям, взял сторону обидчиков. В итоге вся масса рабочих бросила работу, насильственным образом потребовала уплаты приходящихся им денег и занимала «с бою места в вагонах».

Первые выступления «рабочего люда» наглядно показали, что рабочие порывают с покорностью перед начальством, теряют исконную веру в незыблемость давящих их порядков и начинают чувствовать необходимость коллективного отпора. Порывы стихийного протеста, прекращение работ на рудниках, в угольной шахте, на стройках железной дороги заставляли предпринимателей «во избежание новых недоразумений и споров» и ради прибыли лавировать, иногда делать уступки рабочим, что воспринималось рабочими как непосредственный результат их борьбы. Но всякий раз буржуазия стремилась компенсировать эти уступки новым давлением на жизненный уровень трудящихся.

«Самовольство» рабочих на Северном Кавказе отличало их от «покорных» рабочих Урала и других мест, где работные люди были более скованы особенностями быта и традициями старого уклада. На Северном Кавказе, «нанимая сто человек, можно рассчитывать,— как писали мест-

ные подрядчики министру внутренних дел в своем прошении,— не более как на 70 человек, которые останутся на работе до окончания срока найма». А остальные? Они, оказывается, все «самовольно уходят на другие заработки, без письменных видов, не отработав иногда и четверти задаточных денег» [54].

Крупные «беспорядки» произошли в среде железнодорожных рабочих ст. Верхнебаканской в 1885 и 1886 гг.; большая стачка вспыхнула в среде строительных рабочих при прокладке Новороссийского шоссе в 1892 г., а выступление шахтеров на Садонском руднике в 1891 г. явилось замечательным предшественником нового этапа борьбы рабочих Северного Кавказа — совместных, интернациональных по своей природе выступлений рабочих. В ходе борьбы проявилась общность интересов русских, осетинских и других рабочих рудника, их классовое единство. «Русские и осетины-шахтеры грозили... десятникам за обмеры». Рабочие добились успеха, побудив начальника округа распорядиться о выплате им дополнительно 1100 руб.

Таким образом, трудящиеся края были готовы к активному участию в революционных событиях в стране в начале XX в. Это объясняется тем, что уровень и характер классовой борьбы здесь определялись не только быстрым развитием капитализма, но и всем освободительным движением в России. Особое влияние на рабочих и крестьян Северного Кавказа оказывали передовые рабочие (в первую очередь железнодорожники) Ростова. Руководители ростовских рабочих были инициаторами создания в конце 80-х годов марксистских кружков в главных хозяйственных центрах края [55].

В 1894 г. в Ростове произошла примечательная для рабочего движения стачка рабочих Главных мастерских Владикавказской железной дороги. Как отмечала в 1902 г. ленинская газета «Искра», эта стачка была первым «крупным проявлением массового рабочего движения 90-х годов, руководимая социал-демократами» [56]. Стачка оказала большое влияние как на рабочее движение в крае, так и на образование здесь социал-демократических организаций — руководителей нового, пролетарского этапа освободительного движения.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 165—166.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 86.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 220.

[4] Там же. С. 594.

[5] *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956. С. 75.

[6] Россия: Ее настоящее и прошедшее. СПб., 1900. С. 80.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 253.

[8] Кубанские областные ведомости. 1893. № 21.

[9] Там же.

[10] *Щербина Ф. А.* Общий очерк экономических торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. СПб., 1893. Т. 2. С. 30.

[11] *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М., 1950. С. 167—169.

[12] Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. СПб., 1902. Вып. 1. С. 170—173.

[13] *Фадеев А. В.* Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России // История СССР. 1959. С. 52.

[14] ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1435. Л. 74—75; Д. 1144. Д. 6. Л. 59—66.

[15] ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 9026. Л. 114.

[16] ССОКГ. Тифлис. 1868. Вып. 1. С. 28.

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 256.

[18] ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 605. Л. 24—26.

[19] Обзор Черноморской губернии на 1900 год. Сухум, 1901. С. 31—32.

[20] *Куприянова Л. В.* Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Ист. зап. Т. 73. С. 294.

[21] *Маркграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1952. С. 58.

[22] *Тульчинский Н. П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 188.
[23] *Вертепов Г. А.* Очерк кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 7. С. 26–28.
[24] *Хашаев Х. М.* Указ. соч. С. 101–102.
[25] *Вертепов Г. А.* Указ. соч. С. 27.
[26] 1905—1906—1907 годы в Грозном: Сб. статей. Грозный, 1925. С. 12.
[27] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 477.
[28] ЦГА СОАССР. Ф. 12. Д. 138. Л. 11.
[29] Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1898. Вып. 7. Предкавказская полоса. С. 3.
[30] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 75.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 96.
[32] Там же. С. 88.
[33] Там же. С. 82–83.
[34] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 174, 180.
[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 82–83.
[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 321.
[37] ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1588. Л. 19–20.
[38] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 96.
[39] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904 (данные по Кубанской и Терской областям).
[40] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 111.
[41] *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 245–246.
[42] Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сб. документов. М., 1968. С. 533.
[43] ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 14. 1869 г. Д. 153. Л. 35–36.
[44] ЦГАОР СССР. Ф. 109. 3-я эксп. 1873 г. Д. 277; Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сб. документов. С. 499.
[45] ЦГВИА. Ф. 4. Оп. 69. Д. 89. Л. 8–9.
[46] Там же. Ф. 400. Оп. 2. Д. 16. Л. 262; Оп. 230. Д. 134. Л. 86.
[47] ЦГИА СССР. Ф. 1405. 1887 г. Оп. 88. Д. 6469. Л. 2–3; Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.: Сб. документов. М., 1960. С. 545–547.
[48] ГАСК. Ф. 69. Оп. 29. 1890 г. Св. 11. Д. 215. Л. 5.
[49] Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.: Сб. документов. С. 188–830; Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сб. документов. М., 1959. С. 601, 620.
[50] ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. 1889 г. Д. 6. Л. 101.
[51] *Крикунов В. П.* Совместная борьба русских и кабардинских крестьян против феодального гнета в 60-х годах XIX в. Нальчик, 1956. С. 3.
[52] Санкт-Петербургские ведомости. 1875. 24 мая.
[53] Там же.
[54] ЦГАОР СССР. Ф. 102 (Департамент полиции), 2-е делопроизводство. 1831 г. Д. 547. Л. 33.
[55] Очерки истории партийных организаций Дона. Ростов н/Д, 1973. С. 33.
[56] Искра. 1902. 15 дек.

Глава IX

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. Влияние передовой культуры России на прогрессивное развитие культуры народов Северного Кавказа

Вторая половина XIX в. является началом нового периода в развитии материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа. Начавшийся в предыдущие эпохи процесс приобщения народов Северного Кавказа к мировой культуре и достояниям «великого и высокоодаренного» [1] русского народа, могучей нации, играющей «важную роль в мировой истории» [2], во второй половине XIX в. еще больше усилился. Однако, говоря о культуре великого русского народа, следует помнить указание В. И. Ленина о двух культурах в классовом обществе. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре,— подчеркивал В. И. Ленин.— Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [3]. В то время как антидемократическая и по существу антинациональная культура К. П. Победоносцева. М. Н. Каткова, И. Д. Делянова, Д. А. Толстого разобщала народы, тормозила их культурное развитие, передовая, прогрессивная русская культура, создавшая ценности непреходящего значения, оказывала могучее воздействие на культуру народов Северного Кавказа и на судьбы его народов в целом.

Передовые деятели России, как отмечалось выше, относились с огромной симпатией к народам Северного Кавказа. Они хорошо понимали, что русский народ должен сыграть решающую роль в экономическом и культурном возрождении народов края. Реалистически описывая горцев, эти деятели способствовали распространению в России правды о народах Северного Кавказа, будили в русском читателе чувство любви и уважения к горцам. Хотя «кавказские» произведения русских писателей в то время и не переводились на языки горских народов, все же они оказывали благотворное влияние на горцев Северного Кавказа, знавших русский язык. Прогрессивное влияние на развитие культуры горских народов оказали русские ученые. Около четверти века трудился на поприще кавказского языкознания выдающийся русский ученый П. К. Услар (рис. 1). Здесь им были завершены фундаментальные труды по аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому, табасаранскому, чеченскому языкам. Живя продолжительное время на Северном Кавказе, он проникся уважением к горцам и неустанно заботился о их просвещении. Считая, что первый шаг к просвещению народа составляет грамотность на родных языках, он при-

давал первостепенное значение замене аджамской системы письма, основанной на арабской графике, новым алфавитом на русской графике. Он советовал: «Вы учите сначала ученика-горца грамоте на родном языке, и от него перейдете к русской» [3а].

Придавая большое значение сближению горцев с русским народом, Услар писал: «Русский язык — сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственно, бесконечно важны для будущности Кавказа» [4].

И действительно, трудно переоценить значение русского языка для народов Северного Кавказа — «языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков» [5]. Благодаря могучему средству межнационального общения, каким является великий русский язык, становилась и стала достоянием горцев передовая, прогрессивная культура русского народа и других народов мира.

Рис. 1. П. К. Услар — ученый-лингвист, кавказовед, создатель чеченского букваря на основе русского алфавита и первой чеченской грамматики

Большой вклад в изучение кабардино-черкесского языка и подготовку местных научных кадров внес Л. Г. Лопатинский. Неоценима роль в развитии горской культуры выдающегося русского юриста, социолога, историка М. М. Ковалевского, филолога В. Ф. Миллера, геолога Г. В. Абиха, историков А. Берже, Е. Вейденбаума, почвоведа В. В. Докучаева, врачей И. Костемеревского, Э. С. Андреевского, Э. Р. Гольмбланта и многих других. Своим гуманным отношением и самоотверженным трудом эти деятели убедительно показали, что на Северный Кавказ пришли не только угнетатели, но и искренние друзья горцев, представители передовой России. Общественно-политическая деятельность передовой русской интеллигенции в огромной мере способствовала становлению и развитию между горцами и русским народом взаимоотношений и дружбы. Огромную прогрессивную роль в развитии материальной и духовной культуры горских народов сыграло русское население Северного Кавказа. От него, как отмечалось выше, горцы заимствовали целый ряд сельскохозяйственных культур, орудия производства и прочее. Влияние в сфере производства неизбежно вело и к прогрессивным изменениям в культуре. В итоге многолетнего общения с русским населением вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца появляется русская печь, кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы, керосиновая лампа и другие предметы быта.

Значительные изменения происходили и в домостроительстве. Местные жители (преимущественно из состоятельных слоев) вместо домов с глухими стенами на улицу стали строить дома с остекленными окнами и балконами, а в некоторых аулах и с железной крышей. Значительным достижением было появление в Карачае и других местах домов с камен-

ным фундаментом, а иногда и с полуподвальным этажом хозяйственного назначения.

Изменяется и планировка села. Наряду с узкими переулками появляются иначе застроенные кварталы с широкими улицами, с определенным центром, где в основном сосредоточивались общественные здания, лавки.

Известные сдвиги происходили и в одном из наиболее устойчивых элементов национальной культуры — пище. Все большее распространение получают картофель, капуста, свекла, гречиха. Шире стала использоваться пшеничная мука. Расширилось потребление чая, сахара, кондитерских изделий.

Под влиянием общения с русским народом изменению подверглась и одежда горцев. В костюм горцев все шире стали входить ткани фабричного пропзводства: сукно, сатин, ситец, атлас, чесуча и др. Богатые люди даже черкески стали шить из фабричных сукон. Если ранее домотканое сукно, из которого шились черкески, было естественных цветов (черное, серое, бурое, белое), то теперь горские мужчины стали носить черкески, сшитые из привозных сукон не только черного, синего, темно-зеленого, но и темно-красного и даже оранжевого цветов. Изменившийся покрой женских платьев все более приближался к типу городской одежды. Во второй половине XIX в. вышли из употребления женские пояса с набором из серебряных блях и пряжек. Модным стал богатый пояс, изготовленный сплошь из серебра с чернью, гравировкой, позолотой. Богатые горцы и нарождающаяся интеллигенция стали носить костюм городского типа.

Влияние России коснулось и народного прикладного искусства. В изделиях кубачинских, кумухских и других мастеров прикладного искусства появились новые узоры. Изменился и ассортимент. Наряду с традиционными видами стали все больше изготовлять всевозможные кубки, чайные сервизы, столовые принадлежности и т. д. В обработке дерева приобрело заметное значение токарное дело. Токари изготовляли всевозможные деревянные блюда, фигурные ножки для столов, люльки, балюстрады галерей, ставни, карнизы домов и т. д.

За счет применения разноцветных фабричных сукон для аппликации увеличилась многоцветность узорных войлоков. Заметное изменение претерпело искусство золотого шитья. Трудоемкая техника шитья «вприкреп» постепенно вытеснялась более легким гладьевым шитьем. Все больше стали входить в обиход вышивки цветными нитками, шерстью с шелком с включением в узор блесток, бисера и стекляруса.

2. Просвещение

Русские школы и их роль в развитии светского образования на Северном Кавказе. Во второй половине XIX в., особенно после утверждения в 1859 г. «Устава горских школ», на Северном Кавказе значительно увеличилось число школ, возросло количество обучающихся в них детей.

В Дагестанской области в г. Дербенте продолжало функционировать ранее открытое уездное училище и мусульманская школа. В 1851 г. в мусульманской школе обучалось 56 учащихся, из них 8 жителей Дербента, остальные 48 учеников из разных уголков Дагестана. В 1855 г. из Дербента мусульманская школа была переведена в Темир-Хан-Шуру, а с 1861 г. эта школа была объединена с Темир-Хан-Шуринской окружной горской школой. При школе был учрежден пансион на 65 учеников, из них 40 казеннокоштных, в том числе 25 горцев «из почтенных фамилий» Дагестана и 15 детей русских чиновников. 25 воспитанников пансиона школы содержались за счет средств, находившихся в распоряжении

кавказского наместника, и средств родителей. В последующие годы число обучающихся в школе увеличилось. Однако вследствие крайней ограниченности программы трехклассная школа не могла служить подготовительной ступенью для поступления воспитанников в средние учебные заведения. Возникла необходимость открытия нового учебного заведения. «Ввиду того значения, которое имеет воспитание дагестанских горцев в наших учебных заведениях,— писал начальник Дагестанской области наместнику на Кавказе в 1869 г.,— и при увеличивающемся год от года стремлении самих горцев отдавать детей своих в эти заведения, а также для предоставления здешнему служащему сословию русских офицеров и чиновников возможности дать своим детям первоначальное образование... преобразование Темир-Хан-Шуринской горской школы в прогимназию с пансионом, с соответствующим потребности числом воспитанников для русских детей и горцев, представляется неотложной необходимостью». Темир-Хан-Шуринская прогимназия была открыта в сентябре 1874 г. в составе подготовительного и первого классов. Второй, третий и четвертый классы открылись в 1875—1877 гг. Это было самое крупное учебное заведение в области, в котором в конце 70-х годов обучались 227 человек [6]. В конце 60-х годов окружная горская школа была открыта в г. Нальчике с двумя классами и двумя подготовительными отделениями. При школе имелся пансион, содержащийся за счет казны (50%) и кабардинской общественной суммы [7].

В 1861 г. в г. Владикавказе на базе Новагинской школы военных воспитанников (переданных в 1857 г. в ведение Тенгинского полка) было открыто горское окружное училище. Кроме того, в Осетии во второй половине XIX в. были открыты 38 церковно-приходских школ, в которых обучалось 3828 человек, среди которых было и очень незначительное число осетинских девушек. Понятно, что царизм, насаждая миссионерские школы в Осетии, преследовал определенные цели. Но объективно и эти школы приносили положительные результаты, способствовали росту грамотности.

В Чечено-Ингушетии были открыты две горские школы: в 1863 г. в Грозном — трехклассная, один из которых был подготовительным, и в 1870 г. в Назрани — одноклассная с подготовительным отделением. При этих школах имелись пансионы. Количество учеников колебалось в пределах 150 человек.

В 1886 г. в Майкопе, а в 1888 г. в Лабинске были открыты горские школы, дававшие знание в объеме двухклассного начального училища, где в основном обучались дети адыгов.

В 60—80-х годах XIX в. несколько школ было открыто и при военных частях. Такие школы в Дагестане существовали в с. Ахты (при линейном батальоне), Дешлагаре (при 83-м Самурском пехотном полку), Темир-Хан-Шуре, а с 1858 г. в с. Ишкарты (при Апшеронском полку), в Нижнем Дженгутае (при Дагестанском конно-иррегулярном полку). В некоторых из этих школ обучались и дети горцев. В то же время стали открываться и сельские школы. В 1861 г. были открыты школы в с. Ахты Самурского округа на 44 человека, в с. Кумух Казикумухского округа — на 15 человек, среди которых была и одна девочка [8], в 1870 г.— двухклассные школы в Чирюрте, Касумкенте, Дешлагаре, Кумухе, Маджалисе, одноклассные — в Аксае, Костеке, Карабудахкенте, Хунзахе, Хаджал-Махи, Каякенте, Ботлихе, Гумбете, Телетли, Левашах, Кафыркумухе и др.

В 1875 г. были открыты школы в с. Кучмазукино (ныне Старая крепость), Куденетово 1-е (Чегем 1-й), Шарданово (Шалушка). Через три

года из-за отсутствия материальных средств эти школы закрылись, и до середины 90-х годов XIX в. в кабардино-балкарских селах школ не было. В 1895 г. по инициативе жителей с. Коголкино (Урух) было решено на свои средства открыть «школу грамотности». Эта инициатива была подхвачена жителями многих сел. За 5 лет (с 1898 по 1902 г.) в Кабарде и Балкарии в с. Абаево (с. Урожайное), Ахлово (Нижний Курп), Атажукино 1-е (Залоково), Атажукино 2-е (Кызбурун 1-й), Анзорово-Кайсин (ст. Лескен), Аргудан, Каспево (с. Баксаненок), Кучмазукино и др. были открыты школы — всего в 27 селах, в которых обучалось 522 ученика. В 1876 г. были открыты одноклассные школы в адыгейских селениях Суворово-Черкеске, Хаштуке, позже в Хапурино-Забле. В Карачае первая советская школа была открыта в 1878 г. в ауле Учкулан (рис. 2), в следующем, 1877 г.— первая горская школа в ногайском ауле Мансуровском. Позже появились школы в Биберовском, Дударуковском и других аулах.

В 60-е годы в Дербенте и Темир-Хан-Шуре были открыты первые женские учебные заведения. Основной целью их была подготовка хороших домашних хозяек. Кроме обучения чтению и письму, четырем действиям арифметики, «закону божьему», в этих школах обучались также рукоделию (шитью, вязанию и пр.), приготовлению пищи, выпечке хлеба, стирке белья и т. д. В 1875 г. вместо бесплатной женской школы в Темир-Хан-Шуре открывается четырехклассная, а с 1880 г.— пятиклассная прогимназия. В эти же годы в Дагестанской области было открыто несколько (просуществовавших недолго) частных школ. Одна из них была открыта в Дешлагаре (ныне Сергокала) женой начальника 21-й пехотной дивизии С. Я. Петровой. Но в связи с переводом штаба дивизии в Порт-Петровск школа была закрыта. В 1860 г. в Нальчике была открыта бесплатная женская школа для детей русских поселенцев. В 1865 г. в Пятигорске по инициативе А. О. Смирновой была открыта первая и единственная женская школа, которая существовала исключительно на благотворительные средства. В 1897 г. школа была преобразована в двухклассное училище Министерства народного просвещения [9].

В 1862 г. А. Калоев на свои средства во Владикавказе открыл начальную школу для обучения осетинских девушек. Позже эта школа была преобразована в трехклассное Ольгинское училище [10]. «Школа эта,— писал К. Хетагуров,— находилась в г. Владикавказе, умственном и административном центре осетин, оказала самое благотворное влияние на положение женщин в Осетии. Из стен этого заведения вышли десятки интеллигентных осетинок, примерных тружениц-матерей семейства, народных учительниц» [11]. И все же предпринятые для обучения девочек шаги были ничтожно малы даже для русского населения и осетин-христиан, не говоря уже о других народах Северного Кавказа.

Население Северного Кавказа, как русское, так и горское, проявляло заботу и об открытии специальных учебных заведений — сельскохозяйственных школ, ремесленных, реальных училищ,— но часто от правительственных органов получало отказ. Однако полностью игнорировать потребности в специальных учебных заведениях власти не могли, ибо и сами в них нуждались. Первые такие заведения были открыты в административных центрах, затем появились в крупных станицах и селах. Велико значение Баталпашинского училища в подготовке кадров (рис. 3). В некоторых из них обучались и дети горцев. В открытом в 1874 г. во Владикавказе ремесленном училище в 1876 г. обучалось 18 горцев.

Небольшое число горцев обучалось и в трех ремесленных училищах Ставрополья. В 1897 г. при Учкуланском училище было создано ремес-

Рис. 2. Первая светская школа в Карачае в ауле Учкулан, открытая в 1878 г.
Фотография XIX в.

ленное отделение, где обучались столярному и токарному делу не только ученики, но по желанию и более взрослые жители села. Примеру Учкулана вскоре последовали и другие населенные пункты Баталпашинского отдела. Плодопитомники, пасеки, участки для выращивания лучшего зерна появились и при школах Черкесии. Полезный вклад в подготовку специалистов сельского хозяйства в крае внесла ферма агронома Бушеке — специальная сельскохозяйственная школа, рассчитанная на 40 учеников. Она располагалась в ингушском с. Базоркино. В 1870 г. в Темир-Хан-Шуринской школе было введено обучение столярному и токарному ремеслу, а с 1872 г.— садоводству и огородничеству. С 1890 г. занятия по пчеловодству проводились в Касумкентской и других сельских школах Дагестана. Были сделаны попытки наладить на Северном Кавказе и подготовку педагогических кадров. По инициативе К. Х. Атажукина и других передовых людей Кабарды и Балкарии в 1866 г. в Нальчике были организованы педагогические курсы. В 1880—1881 гг. в Темир-Хан-Шуре открылось реальное училище, являвшееся первым средним учебным заведением. В 1897 г. на базе прогимназии в Темир-Хан-Шуре была открыта женская гимназия.

К средней школе приравнивались, кроме Ольгинского женского приюта, Владикавказская и Ардонская духовные семинарии, открытые в 1887 г. Следует особо подчеркнуть, что эти семинарии вопреки ожиданиям самодержавия объективно сыграли прогрессивную роль. Большинство окончивших их пошли не в церковь, а в школы. В последней четверти XIX в. во Владикавказе, Дербенте и других местах были открыты так называемые воскресные школы, в которых обучались взрослые. Первую попытку открыть воскресную школу в Ставрополье предпринял Я. М. Неверов.

Для горских детей были открыты вакансии в Ставропольской гимназии, а с 1869 г. и в Бакинской (впоследствии преобразованной в реаль-

Рис. 3. Училище в станице Баталпашинской Кубанской области
Фотография XIX в.

ное училище). В 1868—1888 гг. в Бакинскую гимназию из Дагестана были отправлены 47 человек. В 1899 г. для детей горцев Дагестана учреждены были стипендии в Тифлисской фельдшерской школе. Однако наиболее заметную роль в просвещении и культурной жизни горских народов Северного Кавказа сыграли Екатеринодарская и особенно Ставропольская гимназии, при которых, как отмечалось выше, еще в середине века были организованы пансионаты, куда устраивались дети горской знати.

Ставропольская гимназия сыграла в обучении и воспитании детей горцев важнейшую роль (рис. 4). В 1850 г. в гимназии обучалось 185 учеников, из них всего 11 горцев. С 1850 по 1887 г. в гимназии прошли обучение 7191 человек, в том числе 1739 горцев. В конце XIX в. число учеников Ставропольской гимназии превышало 800 человек, среди них 43 гимназиста из Дагестана, 21 человек из Терской области, 18 человек из Кубанской области, 6 человек из Закатальского округа, а всего 97 учеников. Из стен Ставропольской гимназии вышли выдающиеся деятели культуры — просветители Коста Хетагуров, Адиль-Гирей Кешев, Чах Ахриев, Ипал Кануков, Кази Атажукин, С.-Б. Абаев, А.-Г. Долгиев, А. Т. Ахриев и др.; видные революционные и общественные деятели Г. А. Лопатин, М. Ф. Фроленко, М. И. Бруснев, А. Ф. Михайлов, большевик, «красный губернатор» В. Старосельский, видный общественный деятель Дагестана Д. Коркмасов и др.

Выпускники Ставропольской гимназии были посланы в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга и Харькова и другие крупные города России. В 1869 г. стипендиатами были приняты: на юридический факультет Московского университета — А. Г. Кешев, в Петербургский институт путей сообщения — Ислам Дударов, Петровскую академию — Сафар-Али Урусбиев, Харьковский университет — А. Келеметов, в Петербургскую Медико-хирургическую академию — М. Арабилов и др. В последующие годы число горцев, обучавшихся в высших учебных заведениях, несколько увеличилось.

Несомненно, просвещение на Северном Кавказе достигло бы еще больших результатов, если бы правительство не было противником на-

Рис. 4. Ставропольская мужская гимназия
Фотография XIX в.

родного образования. «Не прав ли я был,— спрашивал В. И. Ленин,— целиком и всемерно, когда сказал, что правительство — величайший враг народного просвещения в России?» [12] В конце XIX в. в Дагестанской области насчптывалось всего 26 школ, в Чечне и Ингушетии и в Кабарде — 3—5, Адыгее — 7 школ, в Балкарии — ни одной. По переписи 1897 г., грамотность населения Дагестана составляла 9,2%, Адыгеи — 7, Карачая — 4,6, Кабарды — 3,2, Балкарии — 1,4% [13]. На нужды народного просвещения царское правительство отпускало мизерные средства. Даже представители царской администрации вынуждены были признать, что действующие в крае школы охватывали самое незначительное число горцев, желающих получить образование. «Сколько местностей Кавказа,— писал главноначальствующий гражданской частью на Кавказе в 1896 г.,— где тысячи жителей, стремящихся привести детей к свету истины, не находят для них место в тесных, темных, бедных народных школах. Сколько есть людей, жаждущих света и не находящих его» [14].

Еще труднее было горцам Северного Кавказа определить своих детей в среднюю школу, куда, как правило, принимались дети «влиятельных» и «почетных» горцев. «Старая школа,— указывал В. И. Ленин,— заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии... В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья» [15]. Но несмотря на то, что число школ на Северном Кавказе было незначительным, а целью царизма была подготовка кадров в духе самодержавия, все же открытые правительством школы сыграли чрезвычайно важную роль. В. И. Ленин указывал, что «отрицая старую школу, мы поставили себе задачу взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования» [16].

Примечетьские школы. Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе продолжало функционировать, кроме «христианской» в Осетии, большое число мусульманских школ при мечетях. Ввиду того, что они плохо регистрировались, установить точную численность примечетьских школ весьма затруднительно. Эти школы (мектебе) возникали в любое время года в зависимости от желания преподавателя или учащихся и так же легко и неожиданно могли закрыться. По имеющимся данным, в конце XIX в. в одном Дагестане имелось 879 школ, в которых обучалось 6239 детей [17]. Система обучения в них осталась прежней, в чем отчетливо проявлялся консерватизм конфессиональной системы обучения и господствовавших в них методов преподавания, реакционная роль духовенства. Правда, в 90-х годах XIX в. делались безуспешные попытки реформировать религиозную школу, улучшить систему обучения. Наиболее передовые учителя, такие, как последователь К. Ушинского — А. О. Черняевский, предлагали ввести в мектебы «преподавание арифметики и, где можно, русского языка». «Ведь обучают же в закавказских мектебах,— писал он,— персидскому языку...» Почему же не обучать детей горцев русскому языку, «более нужному им в жизни и по более разумно составленным учебникам» [18].

Понятно, что эти разумные предложения не могли быть приняты мусульманским духовенством, в руках которого находились примечетьские школы. Напротив, как отмечает современник, муллы — единственные учителя этих школ — в своих проповедях «сближению с русскими приписывают общественные бедствия, как то: неурожаи, засухи, землетрясения и др. Что же они набьют в голову бедным ученикам? Мусульманская школа и ее учителя — муллы... стараются способствовать развитию в горцах отчужденности от русских...» [19]. Кавказская администрация, хотя и не вмешивалась в дела примечетьских школ и не поддерживала их материально, все же за наиболее неблагонадежными преподавателями мектебе и медресе установила негласный надзор. Однако у кавказской администрации и местного мусульманского духовенства существовала и сфера общих интересов. Обучая подрастающее поколение в духе покорности и смирения по отношению к эксплуататорам, всеми силами оберегая школы от проникновения передовых идей, всего прогрессивного, она способствовала увековечению социального и национального гнета. Естественно, что подобная деятельность духовенства соответствовала видам самодержавного правительства.

3. Культурно-просветительские учреждения. Развитие периодической печати

Культурно-просветительские учреждения. Во второй половине XIX в. в результате происходившего социально-экономического и культурного развития на Северном Кавказе появляются культурно-просветительские учреждения: библиотеки, типографии, книжные лавки и др. Одна из первых общественных библиотек была открыта в Ставрополе в 1868 г. Во Владикавказе в 1847 г. была открыта библиотека при Терском областном правлении, в 1895 г.— библиотека при общественном собрании в Темир-Хан-Шуре. В 1895 г. основаны общественные библиотеки в Майкопе и во Владикавказе, в 1890 г. публичная библиотека в Порт-Петровске и библиотека Дагестанского областного статистического комитета. В эти же годы появляются и школьные библиотеки. Первой по времени возникновения в Дагестанской области была библиотека Темир-Хан-Шуринской окружной горской школы, открытая в 60-х годах. Позже была

открыта библиотека с небольшим книжным фондом при школах Порт-Петровска и Дербента, а также сельских школах Кумуха, Ахты и др. Естественно, что эти библиотеки были не в состоянии удовлетворить нужды местного населения в книгах. Ими могло пользоваться ограниченное число лиц. И тем не менее библиотеки, особенно публичные, сыграли прогрессивную роль в развитии культуры народов Северного Кавказа. Особенно заметна выдающаяся в этом плане роль общественной библиотеки Ставрополя. Выдающийся русский революционер Герман Лопатин, занимая должность библиотекаря, стремился превратить ее в просветительский центр прогрессивной учащейся молодежи. В начале 1869 г. директор Ставропольской гимназии Л. Л. Марков в донесении попечителю Кавказского округа писал: «Посещая не раз публичную библиотеку, я всегда находил в ней много наших воспитанников и еще более семинаристов. Все они выбирали себе для чтения весьма пикантные вещи. На первом плане были, разумеется, журналы „Дело“, „Искра“ и т. д. или книги вроде Добролюбова, Чернышевского, Михайлова. Мне казалось всегда, что если в ставропольской гимназии, хотя, к счастью, весьма редко, попадаются иногда молодые люди с превратным, так называемым отрицательным направлением, то причину этого надо искать положительно в здешней публичной библиотеке» [20].

Со временем и другие библиотеки края становятся источником проникновения и распространения на Северном Кавказе революционных идей. Как отмечал В. И. Ленин, «эпоха 60-х и 70-х годов знает целый ряд начавших уже идти в „массы“ бесцензурных произведений печати боевого демократического и утопически-социалистического содержания» [21].

Большое культурное значение имело создание врачебных и фельдшерских пунктов, госпиталей, лазаретов. Гуманным отношением и самоотверженным трудом содействовали русско-кавказскому сближению прогрессивные русские врачи — практиковавший в Дагестане с 1844 г. (и до своей кончины в 1897 г.) выпускник Петербургской Медико-хирургической академии И. С. Костемеревский, Э. С. Андреевский, познакомившие горцев с применением хинина для лечения малярии, А. И. Дроздовский, занимавшийся врачебной деятельностью в Кабарде и Балкарии, и многие другие.

В конце XIX в. в городах края и крупных населенных пунктах проводятся телеграфные линии, в связи с чем существовавшие до этого почтовые отделения были преобразованы в почтово-телеграфные. Возникли скаковые общества, общества любителей охоты, любителей велоспорта и др.

Стали создаваться первые музеи. В 1893 г. началась организация Терского естественноисторического музея, а до этого еще в конце 60-х годов был основан Пятигорский геологический музей.

Периодическая печать. До возникновения печати на Северном Кавказе местное население выписывало газеты, журналы и книги из городов центра страны или из Тбилиси, и спрос этот возрастал. Если в 1873 г. владикавказские жители получали 75 наименований газет и журналов (в том числе 24 иностранных) в количестве 885 экземпляров, то в 1883 г. жители города получали уже 1950 экземпляров [22]. Но изменившаяся жизнь требовала создания прессы на Северном Кавказе, и в этом первостепенное значение имело создание местных типографий.

В 1871 г. русские литографии имели воинские соединения, дислоцированные в Темир-Хан-Шуре, Чирюрте, Дешлагаре и других местах, в 1885 г. открыта литография Дагестанского полка в Хунзахе. Стали по-

являться и частные типографии: в 1873 г. Белявский открыл типографию в Дербенте, А. Михайлов в 1876 г.— в Порт-Петровске и в 1879 г. в Темир-Хан-Шуре. Затем появились типографии В. Сорокина в Темир-Хан-Шуре (1893 г.) и Мельниковой — в Дербенте (1895 г.). В 1879 г. во Владикавказе мещанином З. И. Шуваловым была открыта первая в городе частная типография. Еще раньше типографии были открыты в Ставрополе, Екатеринодаре и других городах.

Вовлечение Северного Кавказа в общероссийское освободительное движение выразилось и в создании здесь нелегальной типографии, которая первоначально находилась во Владикавказе, а летом 1881 г. была перевезена в Екатеринодар.

Периодическая печать на Северном Кавказе выходила в разных формах — в виде газет, сборников, календарей.

Первенец северокавказской периодической печати, газета «Ставропольские губернские ведомости», выходившая с 1850 г., печатала в 50—60-е годы много разнообразных сведений о народах Северного Кавказа, но центр публикации периодических изданий, содержащих материалы по этнографии, истории, экономике и культуре Северного Кавказа, в начале второй половины XIX в. находился еще в Тифлисе, где размещалось кавказское наместничество, без ведома которого не выходил ни один из органов кавказской печати.

Во второй половине XIX в. в связи с ростом социально-политических, хозяйственных, административных и культурных потребностей периодические издания появляются во Владикавказе, Екатеринодаре и в других городах Северного Кавказа: «Кубанские войсковые ведомости» (с 1863 г.), «Кубанские областные ведомости» (Екатеринодар), «Терские областные ведомости» (Владикавказ, с 1868 г.), «Кубань» (Екатеринодар, в 1883—1885 гг.).

С 80-х годов появляются и частные газеты. В 1881—1882 гг. во Владикавказе издается «Владикавказский листок объявлений» — первая частная газета на Северном Кавказе. В 1882 г. она была передана учителю Владикавказского училища И. А. Веру. Теперь газета выходила под названием «Терек». В ней помещались разнохарактерные материалы, в том числе и статьи, вызвавшие недовольство местных властей. В связи с этим редактор неоднократно предупреждался за помещение статей, «явно клонящих к подрыву доверия населения к правительственным властям», а в апреле 1886 г. газета была запрещена [23].

В Ставрополе с 1884 г. издавалась частная газета «Северный Кавказ», во Владикавказе — «Казбек» (с 1895 г.) и «Новый Терек» (с 1894 г.), имевшие преимущественно либерально-буржуазное направление.

Рупором православной церкви на Северном Кавказе были «Кавказские епархиальные ведомости» (с 1867 г. в Ставрополе) и «Владикавказские епархиальные ведомости».

Именно в периодической печати публиковались историко-этнографические, экономические, публицистические и иные материалы, статьи, документы, касавшиеся Северного Кавказа и их соседей — русского казачьего населения станиц. Передовые деятели русского и горских народов использовали страницы периодики для публикации материалов, освещавших различные аспекты социально-экономической и духовной жизни горских народов. На страницах местной русской печати протекало развитие прогрессивной общественно-политической мысли горцев. Прогрессивные деятели из горцев использовали печать для налаживания связей и плодотворных контактов между передовыми людьми Северного Кавказа и России.

Общественно-политическое положение в стране и крае, участие в органах печати носителей тех или иных воззрений определяло различие в направлениях газет или журналов. Официальные газеты как органы местных царских властей в основном тенденциозно излагали факты и сведения, нелестно отзывались о горцах, высказывая в их адрес различные оскорбительные эпитеты и порицания. Не случайно К. Хетагуров назвал газету «Терские ведомости» по принятому в ней в конце 80—90-х годах направлению «ведомостями мерзкими». Не отставали от официозов и некоторые частные газеты. В 1890 г. газета «Северный Кавказ» проповедовала антиреволюционную теорию «малых дел», выступала со злобными порицаниями революционно-демократических произведений Н. В. Шелгунова.

Однако в местных газетах, особенно в период сотрудничества в них передовых деятелей горских народов и русского общества, публиковались и статьи по злободневным вопросам русской и горской действительности. В 1868—1871 гг. выдающуюся роль в развитии истории и этнографии горцев, в формировании горской интеллигенции играла газета «Терские ведомости», редактором которой в эти годы был демократически настроенный, талантливый журналист А.-Г. Кешев [24]. Газета «Северный Кавказ» в 1893—1897 гг., когда в ней работал ответственным сотрудником К. Л. Хетагуров, стояла на прогрессивно-демократических позициях. Интересные материалы о жизни народов Северного Кавказа продолжали печататься в издававшихся в Тифлисе и Баку газетах «Кавказ», «Новое обозрение» (с 1894 г.), «Тифлисский листок» (с 1878 г.), «Каспий» (с 1880 г.) и др. Во 2-й половине XIX в. по Северному Кавказу расходились такие газеты, как «Кавказ», «Новое обозрение» (с 1894 г.), «Тифлисский листок» (с 1878 г.), «Каспий» (Баку, с 1880 г.). В них публиковались важные материалы культурно-исторического и политического характера о жизни народов Северного Кавказа.

С 1868 по 1881 г. при Кавказском горском управлении в Тифлисе вышло 10 томов издания, специально посвященного истории и этнографии народов Кавказа,— «Сборник сведений о кавказских горцах». Редактором издания был Н. И. Воронов, который ранее (1861 г.) общался с корифеями русской эмиграции — А. И. Герценым и Н. П. Огаревым [25]. В сборниках впервые были напечатаны некоторые собрания адатов кавказских горцев, сказания о нартах. Для материалов сборника характерно доброжелательное освещение истории горцев. Важные статьи по истории и этнографии народов Северного Кавказа печатались также в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (с 1881 г.), а также «Записках» (с 1852 г.) и «Известиях» (с 1872 г.) Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Издавались «Кавказский сборник» (с 1876 г.), «Кавказский календарь» (с 1845 г.), «Сборник сведений о Кавказе» (1871—1885 гг., 9 выпусков), журнал «Юридическое обозрение» (1881—1886 гг., 17 томов), «Медицинский сборник» Кавказского медицинского общества (с 1866 г.) и др.

Серийные и периодические сборники и календари в описываемое время стали издавать областные органы царской администрации на Северном Кавказе. Это такие издания, как «Кубанский сборник» (с 1883 г.), «Терский сборник» (с 1890 г.).

Однако во второй половине XIX в. на Северном Кавказе еще не было национальной печати. Борьба прогрессивных и реакционных тенденций в общественной жизни народов многоплеменного Северного Кавказа, поступательное развитие культуры находили отражение на страницах местной русской печати. Русская периодика на Северном Кавказе была

средством выражения и важным стимулятором развития общественно-политической мысли горцев. Периодика помогла правильно ориентировать горцев в их отношении к «двум культурам», «двум Россиям».

4. Фольклор и искусство народов Северного Кавказа

Фольклор горских народов и его новые черты. Во второй половине XIX в. устное народное творчество продолжает играть важную роль в общественно-культурной жизни и повседневном быту горских народов. Фольклор горцев чутко реагировал на возникновение новых социально-экономических условий жизни. Заметные изменения претерпевали все жанры развитого горского фольклора.

Рост недовольства и протеста трудового и беднейшего крестьянства против старых, а в еще большей степени против новых форм социального и национального угнетения вызвал к жизни новые идейно-тематические произведения устного творчества горцев.

Более высокое развитие национального и классового самосознания ведет к консолидации фольклорных тем, образов и идейно-художественных принципов; завершается формирование тех черт народного творчества, которые знаменуют утверждение «фольклорного реализма», некоторые поэтические и прозаические творения горцев сближаются с литературой.

В горском фольклоре, который неотступно следовал за событиями истории, в это же время намечается общая универсализация жанров и стилей, художественных примеров и манеры изложения. Горцы и в описываемое время преемственно воспринимали и продолжали сохранять более ранние фольклорные произведения, содержавшие художественное обобщение бесправного положения крепостных и полукрепостных крестьян, их ненависти к угнетателям. Новой и важной темой фольклора горцев становится освещение событий, связанных с освобождением крестьян на Северном Кавказе.

Несмотря на языковые различия, усиливаются взаимные культурные контакты, народы обмениваются песнями, сказаниями, сказками, танцами.

Продолжая развивать лучшие идейно-художественные традиции фольклора дореформенного времени, горцы слагают новые песни об инонациональных героях, о дружбе народов.

Среди народных певцов и сказителей — ашугов (у дагестанцев), джирчи, джегуако, гегуако (у карачаевцев, адыгов, кабардинцев, черкесов), зараегов (у осетин), илланчи (у чеченцев и ингушей) — появляется новый тип исполнителей, таких, как ингуш Мокыз, бежавший из Сибири и сочинявший песни политического характера, кумык Ирчи-Казак и лакец Будугал-Муса из Кумуха, также ссылавшиеся в Сибирь[26]. В целом же роль народных певцов в развитии музыкально-поэтического и прозаического фольклора горцев со временем ослабевает.

Устное творчество горцев продолжало развиваться в формах эпических жанров (исторические легенды и песни, волшебные и социально-бытовые сказки, сказки о животных) и лирических произведений (любовные песни, детские песни, песни обрядовые-колыбельные, свадебные, песни-оплакивания). Большое хождение в народе имели анекдоты, пословицы и поговорки.

События пореформенной эпохи обогатили многие жанры фольклора горцев. Но наметилась тенденция «угасания» эпических циклов сказаний, а в сказочном жанре усиливались социально-бытовые темы. Широко рас-

пространенными и любимыми устными произведениями продолжали оставаться эпические сказания и песни о нартах, стоящие в ряду выдающихся памятников мировой духовной культуры. Бытующие почти у всех народов Северного Кавказа нартские сказания во второй половине XIX в. выступали как общегорское культурное явление. Однако степень распространения их в описываемое время по-разному представлена среди горских народов Кавказа. В то время как среди осетин и адыгов сказания о нартах продолжали активную жизнь, у ингушей, чеченцев и др. усилилось происходившее с XVIII в. забвение нартских сказаний.

Жизнь главных героев нартских сказаний, их изречения и моральные нормы оставались для горцев второй половины XIX в. образцом мужества, смелости, верности в дружбе, любви к родине, примером честности и благородства.

У чеченцев и ингушей продолжал бытовать нарт-орстхойский эпос, у кумыков — эпос «Къазакъйырлар» («Песни вольности»), у ногайцев сохранялся былинный эпос о Кабланды-батыре, Ер-Тарчыне, Эдиге, Чингисхане, Батые, Тохтамыше. Как культурное наследие у осетин сохранялся заимствованный от грузин эпос об Амиране Дареджанти, у кабардинцев — героический эпос об Айдемиркане. У многих народов бытовали эпические сказания о горском Прометее (Уашха-Махо — у кабардинцев).

Подлинно народным жанром продолжали оставаться горские сказки. Героями новых сказок все чаще выступали искатели народной правды и счастья, борцы за социальную справедливость. Более того, в новых сказках усиливается звучание темы борьбы за социальную справедливость, темы товарищества, дружбы народов (сказки «Черный Иса и чеченец Иса», «О дженгутаевце и чеченце», абадзинская «Мужество Хаджи Копа» и многие другие). Возникают новые бытовые сказки о богатых и бедных, о торговцах, царских чиновниках, такие, как ингушская сказка «Хамбар и пристав», ногайские «День — месяцу родня». Создатели новых сказок находили новые краски, идеи и сюжеты для осмеяния жадного богача, торговца-скряги, представителей духовенства.

Значительная часть горских сказок изображает борьбу добра и зла, которая заканчивается торжеством доброго начала. Подвергшиеся определенному идейному переосмыслению в духе новых социальных явлений, сказки продолжали выражать глубокую веру горцев в светлое будущее.

Среди горцев широкое хождение по-прежнему имели веселые шуточные песни, проникнутые добродушным отношением к простым людям труда, но едкие и бичующие в отношении представителей эксплуататоров и вообще праздных людей. Горцы высоко ценили народных острословов — мастеров смеха и шуток, меткого слова. «Хорошее слово стоит скакуна» — гласила горская поговорка. Повсюду были популярны анекдоты и притчи о веселых похождениях почитаемого на Востоке Ходжи Насреддина. Активно продолжали жить и создаваться заново анекдоты и притчи, связанные с именами горских двойников (Насреддин — чечено-ингушский Чор, ингушский Цаген, осетинский (дигорский) Цуккити Данел, лакский Акул Али, его дагестанские собратья-острословы Кас-буба, Курбанил, Лабазан, адыгский Жабаги Казаноко и др.).

Органически вплетались в фольклор горцев крылатые поговорки и пословицы, рожденные талантом, умом и фантазией горцев-тружеников. Проникнутые трудовыми идеалами, крылатые слова горцев были полны дидактических поучений.

Многие пословицы и поговорки по-прежнему имели остро социальную и антиклерикальную направленность, особенно в адрес мулл, в образе которых горцы подметили низменные свойства их натуры. Горцы

говорили: «Мулла себе проводит санную дорогу, а другим показывает мышиный след», «Подав мулле руку, проверь кольца — цел ли камень», «Глухому не слышно, мулле не стыдно».

Во второй половине XIX в. происходило дальнейшее развитие и распространение исторических песен, посвященных героическим событиям того времени. В этих песнях усиливается изображение социальных протестов горского крестьянства. Патриотизму, свободолюбию и мужеству трудящихся и эксплуатируемых горцев в песнях противопоставляется трусливая жестокость угнетателей. Горцами создаются циклы песен, посвященных политическим и соцпальным событиям того времени, например о переселении части горских народов в Турцию, составивших так называемый мухаджирский фольклор. Среди этих песен адыгские — «Песня о выселении абадзехов в 1864 г.», «Песня о переселении в Стамбул», «Гонят нас в Стамбул» и др., чеченская — «Птицы крылаты, летите вы в Гехичу» (т. е. в крепость Воздвиженскую), карачаевская — «Стампулчула или Мухаджиры», осетинская — «Вчера члены мои потребовали сна» и др. Песни свидетельствуют о том, что в сознании многих горцев эмиграция носила насильственный характер. Особенностью мухаджирских песен является их достоверность.

В цикле песен о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. отражена братская помощь народов Северного Кавказа славянским народам Балканского полуострова (осетинские «Песня о Дунайской войне», «Смерть Татаркана», дагестанская «Об ушедших в Карс»).

Много песен было сложено в Дагестане и Чечне о восстании горцев в 1877 г., среди них лакская — «Что за пыль там, на дороге?», чеченская — «К птице» и др.

В устной поэзии горцев усиливаются мотивы протеста против произвола царских властей и призывы на борьбу с угнетателями. Героями песен становятся отверженные и оскорбленные выходцы из горских низов, большинство которых выступало в роли защитников народа. Поэтический фольклор не всегда отличал образы борцов против притеснения богачей и властей от заурядных грабителей. Заблуждение это со временем изживалось, и горцы сложили много прекрасных песен в честь героев из крестьян, погибших в схватках с абреками.

У всех народов Северного Кавказа вопреки преследованию клерикалов дальнейшее развитие получила лирическая песенная культура. Лирические песни создавались и исполнялись горской молодежью, и в них обычно рассказывалось о неразделенной и погубленной любви. В лирических песнях горцев осуждаются сословные различия и межродовая вражда. У горских народов, переживших крах ошибочного и бесперспективного мюридистского учения, песни о любви стали выражением стремления к свободе человеческих чувств. У большинства горцев лирика занимала следующее за героическими песнями место. У некоторых народов Северного Кавказа лирические песни были ведущим жанром, например у аварцев.

Ломка патриархального уклада жизни горцев создавала отдушину для проявления женской свободы. Поэтому в лирике активно разрабатывается тема раскрепощения женской личности. Но пока исламисты одерживали верх в преследовании ими песен о счастливой любви, тон большинства песен о любви был грустный. И все же в лирических песнях горцы воспевали верность в любви, чистоту чувств влюбленных, силу любви. Таковы осетинская «Дзанзирин», лакская «О юноше из Кумуха», аварская «Камалул Башир», балкарская «Таукан», ингушская «Передай, что я звала его». Во второй половине XIX в. в связи с развитием отходничества зарождается лирическая поэзия, связанная с уходом любимого на

заработки в другие края. Создается образ грустящей, но стойкой и верной женщины. Тема нелегкой женской доли горянки была одной из ведущих в горской лирике [27].

Фольклор казаков Северного Кавказа. Важную роль в общественно-культурной жизни терских и кубанских казаков продолжал играть их фольклор. В описываемое время в связи с социально-экономическими изменениями некоторые жанры фольклора отмирали, другие становились ведущими, наиболее распространенными. Но и эти последние выступали уже в преображенном виде. В новых социальных условиях среди казаков распространялись произведения русской и украинской профессиональной поэзии, музыкально-песенной и хореографической культуры. В связи с этим наряду с жанровой, идейно-тематической и художественной перестройкой намечается процесс угасания многих жанров фольклора казаков. К концу XIX в. во многих станицах еще хорошо помнили, но уже не исполняли ряд старинных русско-украинских обычаев и игр, гаданий, колядок, ряженья. Снизилась и торжественность обряда свадеб.

Фольклор казаков Северного Кавказа являлся продолжением и органической частью общерусского и украинского фольклора, но он имел и своеобразные черты в рамках общеказачьего фольклора. Соседство и общение с горцами сопровождалось у казаков заимствованием некоторых обрядов, обычаев, бытовых элементов, танцев. Это сказалось и в песнях [28].

Большая песенная культура терского и кубанского казачества продолжала существовать и видоизменяться в новых условиях, составляя неотъемлемую часть их быта. Среди терского и восточной части кубанского казачества преобладали русские народные песни, а в западной части, в черноморских и отчасти закубанских станицах — украинские песни.

Более заметно сказывалось то обстоятельство, что основной контингент терского казачества имел уже развитые многовековые традиции жизни на Северном Кавказе, в то время как кубанское казачество в этом отношении было молодым. Песни слагались самими казаками, среди которых было немало поэтически одаренных лиц.

Исконно казачье население, как и горцы, во второй половине XIX в. все более соприкасалось с переселенцами — крестьянами из центральных районов России. Русские крестьяне-переселенцы в это время еще не создали фольклора, связанного с Кавказом. Такое же положение было с фольклором переселившихся на Северный Кавказ греков, молдаван, эстонцев.

В казачьем песенном фольклоре одно из ведущих мест продолжала занимать военно-историческая тематика. В ней отражено горькое положение оставшихся при доме стариков родителей или беспомощных жен с малыми детьми. В песнях рассказывалось о героизме казаков. Об осознании ими освободительного характера войны с Портой в 1877—1878 гг. говорилось в большом цикле песен: «Вспомним, братцы», «С Малки, с Терека, с Кубани... в помочь Сербии пришли», «Не за морем было за морюшком». Много исторических песен привносили в среду казаков Северного Кавказа служилые казаки, возвращавшиеся в родные края с дальних походов, а еще больше «иногородние» — русские переселенцы в казачьи области Северного Кавказа.

Отличались разнообразием и свадебные песни. Были песни, исполнявшиеся только на вечеринках или только на девичниках [29], песни, распеваемые при расплетении косы, при поездке молодых в церковь и обратно, за свадебным столом.

На свадьбах и других празднествах почти повсеместно исполняли общерусские песни: «Вниз по матушке по Волге», «Ой вы, сени, мои сени», «Гуляет по Дону казак молодой». Не было явлением исключительным знание и исполнение казаками песен различных народов Северного Кавказа.

Заметное влияние на песенное творчество казаков оказывала русская литература. Не зная авторов стихотворений, казаки распевали многие русские песни как народные, казацкие, такие песни, как «Кончен, кончен дальний путь», «Кольцо души-девицы» (на слова В. А. Жуковского), «Хасбулат удалой, бедна сакля твоя» (на слова поэта Аммосова и музыку Агреневой Славянской). Особенностью казачьих песен было и то, что разные тексты в них исполнялись на родственные друг другу мотивы.

Во второй половине XIX в. в результате того, что часть казацкой бедноты часто отправлялась на заработки в город, в станицах возникают так называемые фабричные песни. Они отражали тяжелые условия труда рабочих, их взаимоотношения с фабрикантами, фабричной администрацией. В них звучал нарастающий мотив революционного протеста. Песни эти разнились по содержанию и мелодиям от казацких, но изменившаяся социальная среда создавала условия для их усвоения и распространения.

В устном творчестве северокавказских казаков нашли отражение и былинные сюжеты. В конце XIX в. были записаны первые былины, которые сами казаки называли «старинными», такие, как «Богатыри на часах», «Про Александрюшку Македонского», «Илья Муромец на червленном корабле», «Встреча Ильи Муромца с разбойниками», «Добрыня и Алеша Попович» и др. Герои казацких «старин» повторяют имена известных богатырей русского былинного эпоса, но они заметно заземлены и не всегда рисуются носителями богатырских достоинств.

Среди северокавказских казаков бытовали и многочисленные сказки, пословицы и поговорки. У казаков, особенно на Кубани, сказки рассказывались в основном мужчинами. Преобладали бытовые, юмористические сказки о предприимчивом солдате, ловком цыгане, лукавом казаке, хитром мужике. Удачливый герой сказок насмехается над попом, одурачивает скупую барыню и т. п. Мастера-сказочники («забавники», «искусники») из казаков обладали значительным запасом сказок. Известные общерусские или украинские сказки в устах таких рассказчиков излагались с новыми вариациями.

Пословицы и поговорки были неотъемлемой частью разговорной речи казаков. Общеказацкое распространение имели пословицы: «Слава казачья, а жизнь собачья», «Хлеб да вода казачья еда». В повседневной жизни и в быту в употреблении были русские и украинские пословицы и поговорки.

Музыка горских народов. Народы Северного Кавказа продолжали сохранять и развивать богатые традиции своей музыкальной культуры. Развитию песен и музыки трудящихся горцев активно противодействовали феодалы, кулаки, муллы, налагавшие запреты и штрафы на песни, но любовь горцев к социальной откровенности была очень велика. «Хорошую песню и на пашню не променяешь»,— гласила горская пословица [30]. Творческая натура горцев и горянок не всегда мирилась с мусульманскими запретами, и все сильнее звучали народные песни, особенно о любви.

Усиление межнационального общения горских народов, рост обмена культурными достижениями, взаимовлияние и взаимообогащение культур

способствовали дальнейшему развитию ранее сложившейся общности их духовной жизни. В песенно-музыкальной культуре и танцах горцев усиливается распространение общих мелодий, сюжетов, тем. Горцы развивали искусство, имевшее общекавказский характер, в котором новые произведения исходили из прочной основы старой культуры.

Народная музыка горцев продолжала развиваться в трех жанрах — песенные мелодии, инструментальные произведения («музыка для слушания») и танцевальная музыка.

Роль песни в жизни горцев оставалась громадной, и ее сила нередко равнялась общественному приговору. Не было для горца большей чести, чем быть прославленным и воспетым в песне, и большего позора, чем быть осмеянным в песне. Это было общегорским явлением. Песни и их мелодии были средством художественного и мировоззренческого воспитания детей и взрослых.

Популярными оставались в народе песни о нартах, обрядовые, охотничьи, трудовые, историко-геропческие, песни-пожелания, лирические, плясовые, шуточные, песни социального протеста, песни-проклятья, плачи, детские, колыбельные.

Народная музыка исполнялась у горцев на разнообразных инструментах, которые либо были распространены по всему Кавказу, либо были известны одному пли нескольким горским народам. Музыкальный инструментарий горцев включал духовые, смычковые, щипковые и ударные инструменты.

Широкой известностью пользовалась горская скрипка [31]. У осетин самым распространенным инструментом была скрипка. А у адыгов скрипка была столь популярна, что считалась обязательной принадлежностью кунацкой. По свидетельству Ш. Ногмова, в Кабарде бытовал двенадцатиструнный инструмент «рода цимбалов». О струнном инструменте горцев, арфе с 12 струнами из конских волос, сообщают композитор С. И. Танеев, а также К. Хетагуров. Однако во второй половине XIX в. игра на этом инструменте у горцев становилась уже редким явлением. В пользовании исполнителей продолжали быть горские свирели, зурна, бубен, струнные: пандур, чагана, кеманга, тар и др.

Народы Северного Кавказа знали и такие инструменты, как балалайка и домбра — у ногайцев, бжамей — у черкесов и абазинцев.

Во второй половине XIX в. в музыкальный быт горцев начинают проникать русские фабричные музыкальные инструменты. К этому времени относится появление русской гармошки, которая вскоре получила общесеверокавказское распространение и постепенно оттеснила другие музыкальные инструменты. Богатство и своеобразие горской музыки привлекало внимание русских композиторов. Многое сделал для изучения песенно-музыкальной культуры горских народов выдающийся русский композитор С. И. Танеев. Его статьи, написанные по собственным наблюденпям, и записи песен, сделанные во время пребывания в Кабарде, Балкарии и Карачае в 1885 г., являются первым научным исследованием.

Другой выдающийся русский композитор М. А. Балакирев в 1862—1863 и 1868 гг. на Северном Кавказе записал произведения горского музыкального фольклора, а затем и опубликовал 9 кабардинских, карачаево-черкесских и две чеченские мелодии под названием «Записки кавказской народной музыки». На основе знакомства с музыкой горцев М. А. Балакирев в 1869 г. создал знаменитую симфоническую фантазию «Исламей» [32].

Музыкальные инструменты казаков. Музыкальные инструменты казаков во второй половине XIX в. большей частью включали инструменты фабричного изготовления. В некоторых станицах имелись казенные оркестры «со скрипкой и фисгармонией», что сказывалось на составе казачьих музыкальных инструментов.

У казаков были широко распространены такие музыкальные инструменты, как гармоники, барабаны, дудки (или «пищалки», «писчики» из камыша). Казенные духовые и струнные оркестры казаков также включали горские музыкальные инструменты — зурну, бубен и др. Скрипки были распространены среди казаков, вышедших из Украины.

Искусство танца. С песенным и музыкальным творчеством неразрывно было связано искусство танца. В хореографию горцев входило большое число танцев, то стремительно-бурных и мужественных, то плавных и грациозных в сопровождении разнообразных национальных гармоник и музыкальных инструментов. Исполнялись сольные и массовые танцы, женские, мужские и смешанные. Наиболее распространенным танцем у горцев была «лезгинка», имевшая множество вариаций.

Танец «сандрак» исполняли в Северной Осетии, Балкарии, Карачае. В Северной Осетии обязательными танцами на торжествах были кабардинский танец («касгон кафт») и ингушский танец («махъалон кафт»). Продолжали жить и культовые танцы. Так, у осетин с религиозными верованиями были связаны «цоппай», «устыты кафт» (танец женщин), у лакцев «сапа» и «гиргичу» — они были остатками старинных ритуальных танцев.

Вторая половина XIX в. была временем интенсивного взаимопроникновения хореографического искусства народов Северного Кавказа. При всем разнообразии и наличии отличительных особенностей произведений хореографии, музыкально-песенных жанров и мелодий, музицирования и употребляемых музыкальных инструментов музыкальное и хореографическое творчество народов Северного Кавказа характеризовалось некоторым единством музыкальной и хореографической культуры.

Музыкальное и танцевальное творчество народов Северного Кавказа отличалось и многообразием, оригинальностью и самобытностью, а равно и общими чертами. Мелодика и гармония горцев развивались во взаимодействии и взаимообогащении, что вело к распространению единых выразительных средств, свойственных музыке всех горских народов. Многие музыкальные мелодии входили в художественную традицию различных народов Северного Кавказа. Родственность богатейшего многообразия ритмических фигур танцевальной музыки, присущая танцам горцев, совпадающие или близкие друг другу танцевальные движения, повсеместное распространение среди горских народов вариационных форм единого в своей основе танца «лезгинка» отражали меру общности хореографической культуры народов.

Танцы казаков. Много своеобразия имели танцы казаков. Казачья хореография включала старинные, русские и украинские танцы, популярные европейские танцы XIX в. и ряд горских танцев, ставших неотъемлемой частью танцевально-музыкальной культуры казаков.

Из русских и украинских танцев знали и исполняли «русскую», казачка, журавля, круговую, метелицу, трепак. Из европейских танцев казаки переняли кадриль, польку. Европейские танцы получили слабое распространение. Но зато во многих станицах почти все от мала до велика танцевали танец горцев «лезгинку». Исполнялась «лезгинка» с раз-

нообразными мелодиями, быстрыми движениями и жестами, иногда с обнаженными кинжалами. Сопровождение мелодии «лезгинки» под бубен также было перенято у горцев. Во второй половине XIX в. «лезгинка» была перенята рядовыми почти всех полков, расположенных на Северном Кавказе.

Русский театр на Северном Кавказе. Ведущими очагами русской театральной культуры на Северном Кавказе стали города Ставрополь, Екатеринодар, Пятигорск, Владикавказ, Грозный, Моздок, Темир-Хан-Шура и др. Ставрополь этого времени был одним из самых театральных городов России, и здесь в театре шли многие пьесы русской и западной классики. С 1878 по 1881 г. здесь проходила сценическая деятельность крупнейшего антрепренера и выдающегося русского режиссера Н. Н. Синельникова. На ставропольской сцене выступали признанные актеры страны — П. Н. Орленев, М. Тетина, Н. И. Собольщиков-Самарин и другие. Но жизнь театра не была ровной, годы творческого подъема сменялись годами спада [33]. Во Владикавказе 15 апреля 1871 г. открылся местный русский театр [34]. Несмотря на ряд недостатков, этот и другие театры привлекали внимание передовых деятелей Северного Кавказа.

В 1887—1889 гг. художником Владикавказского театра работал К. Л. Хетагуров, и критики неизменно отмечали умное, со вкусом выполненное оформление художником спектаклей и вечеров, проводившихся в театре. Не исключено, что работа во Владикавказском русском театре подвела великого поэта к созданию драматургических произведений, к мысли о необходимости создания осетинского профессионального театра.

В 1889 г. в г. Темир-Хан-Шуре имелось театральное помещение, принадлежавшее жителю Тифлиса Парумбекову, в котором давались спектакли.

На сценах профессиональных театров ставились лучшие пьесы выдающихся русских и зарубежных писателей («Лес», «Бедность — не порок», «Гроза» А. Н. Островского, «Ревизор» Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова «Горе от ума», М. Ю. Лермонтова «Маскарад», Ф. Шиллера «Разбойники», У. Шекспира «Гамлет»), оперетты. В театрах Северного Кавказа выступали выдающиеся русские и украинские актеры: Л. Е. Мартынов, М. Г. Савина, В. И. Никулин, М. К. Заньковецкая, М. Л. Кропивницкий, П. К. Саксаганский и др.

Некоторое распространение во второй половине XIX в. в городах и крупных станицах получили музыкально-драматические кружки, домашние и любительские театры. Труппы этих театров были связаны с просветительским делом, знакомя зрителей с пьесами А. Н. Островского, Н. В. Гоголя, Д. И. Фонвизина и других классиков.

Деятельность русских профессиональных и любительских театров содействовала усилению формирования и развития элементов театрального искусства у народов Северного Кавказа. Русский театр на Северном Кавказе имел зрителей и среди горских интеллигентов и среди простых горцев-тружеников. С русским театром горцы знакомились и за пределами Кавказа. На основе соединения поэтического и музыкально-хореографического искусства в культуре народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. продолжали оформляться элементы национального театра.

Театральное искусство горцев. Характер театрализованного представления имел связанный с земледелием и животноводством обрядовый фольклор горцев. На праздниках почти всех горских народов обычным

было выступление ряженых с масками. На многих народных праздниках Кабарды обязательным было представление танцев козла («ажагафы-кепчи»), которые исполняли на специально построенных подмостках. Сходные представления устраивали в Северной Осетии и у народов Дагестана.

Элементы театра содержали своеобразные народные представления кабардинцев — «щопщако», которые устраивались для развлечения тяжелобольных в их комнатах в кругу родичей и близких. На «щопщако» пели и танцевали, читали остроумные монологи и диалоги, давали пантомиму, рассказывали анекдоты. На «щопщако» приглашались ажагафы, певцы, затейники, танцоры, поэты, музыканты не только из аула больного, но и из всей Кабарды, Адыгеи, Черкесии и даже Дагестана и Северной Осетии [35]. Под другими именованиями это представление было распространено и среди адыгов, карачаевцев, балкарцев, абазинцев, отчасти у кайтагцев Дагестана, а также у черноморских казаков и у абадзехов [36]. Эти народные представления вели к повсеместному развитию искусства профессиональных скоморохов, с которыми вело повседневную борьбу мусульманское духовенство.

Характер профессиональных театрализованных представлений имели выступления канатоходцев Дагестана, особенно лакцев-цовкринцев, и Чечни из прилегающих к Шатою сел. Искусство канатоходцев отличалось высоким мастерством и смелостью. Перед выступлением канатоходцы гримировались, пользовались масками. Вместе с канатоходцами выступали их помощники — «домбаи», которые также были скоморохами. Их шутки содержали насмешку над муллой, кадием, над царскими чиновниками и восстанавливали присутствующих против угнетателей. Театрализованный характер имели и кубачинские маскарады «гулалу акубукон», и своеобразная народная игра кумыков «сюйдцмтаяк», а также свадебные и другие бытовые обряды.

В Чечне и Ингушетии сложился подлинно народный театр масок. Среди масок народного театра характерна маска генерала, которая использовалась для осмеяния высоких военных чинов, и маска «хитрого муллы». Представление этого театра оплачивали посетители.

Продолжали совершенствоваться элементы театрального искусства в Северной Осетии, хотя чаще всего здесь выступали дагестанские скоморохи. Так, во время религиозных мистерий одного из юношей наряжали в «маймули» (буквально «в обезьяну»). На новый год мальчики в затейливо изготовленных масках с утра обходили с поздравлениями дома жителей, а к вечеру появлялась в масках уже группа взрослых парней и девушек.

Во второй половине XIX в. все большее распространение получает кукольный театр, особенно в Дагестане. Знаменитый в Северной Осетии певец Куэрм Бибо (Бибо Дзугутов) в 80-х годах XIX в. сопровождал свои представления выступлением кукол («чындзытае»), одетых в черкески и в девичий наряд. Приводимые в движение от пальцев рук певца, куклы начинали вертеться под веселую игру Бибо. Куклы использовались и другими народными певцами-импровизаторами.

Искусство горцев развивалось в борьбе с исламскими запретами. Отдельные элементы театрализованных представлений горцев все более перерастали в зачатки национальных профессиональных театров.

5. Литература

Северный Кавказ и русская литература. Во второй половине XIX в. в русской литературе значительно увеличилось число реалистических произведений о Кавказе. В периодической печати чаще стали появляться критические статьи о «кавказских» произведениях. Вместе с тем неизмеримо повысилось внимание к изображению реального Кавказа и быта его народов. Авторы правдиво и полно стали раскрывать характеры горцев и русского казачества Северного Кавказа. Таковы гениальные произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Г. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, великих русских революционных демократов А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и многих других писателей и поэтов России. Однако время от времени в русской литературе появлялись и произведения другого характера: такие, как В. Савинова «Ших Мансур», Н. Николаевича «Битва русских с черкесами, или Пастух Черной долины», романы В. Савинова «Два года в плену у горцев», М. Ливенцова «Михайло и Нина» и др. В литературе стал даже устанавливаться какой-то трафарет сочинять о горцах Северного Кавказа «неистовые» повести, полные приключений с убийствами и резней, откровенно клевещущие на горцев. Однако такого рода очерки, повести и рассказы, как правило, подвергались резкой, но справедливой критике на страницах ведущих журналов и газет страны [37]. Рецензент романа В. Савинова писал в газ. «Кавказ», что в нем «все утрировано и искажено» [38]. Критикуя памфлет Е. А. Вердеревского и Н. Дункел-Велинг «Шамиль в Париже и Шамиль поближе», Н. А. Добролюбов писал, что его авторы дошли до утверждения, будто на Кавказе «народная масса состоит из жаждущих добычи изуверов» [39].

В 1856 г. в «Отечественных записках» была опубликована повесть Е. А. Вердеревского «Плен у Шамиля», в основу которой легло реальное событие — восьмимесячное пребывание в плену у горцев княгини Чавчавадзе и Орбелиани. Это произведение привлекло внимание Н. А. Некрасова. В «Заметке о журналах за март 1856 г.» поэт писал, что повесть интересна тем, что рассказывает о нравах горцев, и поэтому она «сверх литературного интереса имеет еще политический и исторический и впоследствии может служить весьма важным мемуаром для истории края». Вместе с тем Н. А. Некрасов указывал и на недостатки повести, отметив напыщенность и витиеватость слога и особенно угодливый тон перед власть имущими [40].

В 1855—1856 гг. в Петербурге было издано сочинение В. А. Соллогуба, в чьих произведениях кавказская тема занимала ведущее место. И сразу в «Современнике» была опубликована статья Н. А. Добролюбова под названием «Сочинение гр. В. А. Соллогуба», в которой критик подверг детальному разбору его произведения. Указав, что Соллогуб обладает «силою таланта», Добролюбов не скрывает своего отрицательного отношения к творчеству писателя. «Соллогуб,— писал он,— сделался статистиком, этнографом», поэтому все, что им написано, «не обогащает русскую литературу. Имя его потеряло прежнюю привлекательность и далеко отдалилось от имени Пушкина, Гоголя, Лермонтова» [41].

В 1854—1856 гг. «Современник» не раз помещал статьи и обзоры о Кавказе. Причем кавказская тематика рассматривалась здесь как политическая. Автором большинства этих статей был великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский.

Интересные статьи и очерки помещались в газете «Кавказ» и особенно в приложении к газете («Литературный листок»). Здесь была поме-

щена поэма Ф. Марьина «Горский суд», в которой чувствуется влияние пушкинского «Тазита» и лермонтовского «Беглеца».

О Северном Кавказе, особенно о Дагестане, в эти годы писал В. И. Немирович-Данченко. В его произведениях «Кавказские богатыри», «Дагестанские захолустья» и др., написанных под влиянием романтических повестей А. А. Бестужева-Марлинского, дана правдивая картина быта, обрядов, религиозных представлений горцев. В 1857 г. в «Современнике» были помещены очерки Л. Н. Толстого «Охота на Кавказе», в которых автор запечатлел свое пребывание на Северо-Восточном Кавказе. Эти очерки были высоко оценены И. С. Тургеневым [42]. «Поэзия,— писал о них Н. А. Некрасов,— тут на месте и мимоходом высказывает само собою... Любовь видна к самой природе и птице, а не к описанию той и другой. Это вещь хорошая...» [43]

Значительное внимание Кавказу и его народам, как отмечалось выше, уделяли великие русские революционные демократы А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский. В статьях «Русский заговор 1825 г.», «Подтасованный набор», «О развитии революционных идей», «Москва и Петербург» и во всех других работах, касавшихся Кавказа, Герцен критиковал антидемократические политические тенденции официозных произведений и высоко отзывался о горцах. Перу Чернышевского принадлежит повесть «Кормило кормчему» (с мнимым подзаголовком «Перевод с татарского») и рассказ «Знамение на кровле» (по рассказу очевидца) [44]. Оба эти произведения — остро политический памфлет, которому автор специально придал форму восточного сказания. Оба они посвящены описанию движения горцев под водительством Шамиля. В них в противовес официозной прессе, представлявшей политику царизма в розовых тонах, Чернышевский проявил глубокое знание того, что в это время происходило на Северном Кавказе. Он сумел воссоздать правдивые образы горцев, показать, какой вред приносит народам несправедливая война, дал блестящую характеристику заключительному этапу борьбы, вскрыл социально-политические причины, приведшие к поражению движения горцев Дагестана и Чечни [45]. Следует отметить, что великие русские революционные демократы критиковали руководителей борьбы горцев за необоснованные жестокости и репрессии [46].

Вершин реалистического изображения северокавказская тематика достигает в творчестве великого русского писателя Л. Н. Толстого. Во время своего пребывания на Северном Кавказе в 1851—1854 гг. Толстой близко познакомился с бытом, нравами, устным народным творчеством и культурой горских народов и их соседей — гребенских казаков. Он бывал в Кизляре, в станице Старогладковской, Чох, Кери, Старом Юрте, Таш-Кичу, Аксае, Хасавюрте, Чирюрте, Теми-Хан-Шуре и других местах. В с. Старый Юрт у писателя завязалась крепкая дружба с чеченцем Садо Мисербиевым: после выполнения определенного ритуала они стали кунаками. В Грозном Толстой подружился с Балтой Исаевым. Эту дружбу великий писатель не оставлял и после отъезда с Северного Кавказа.

Северокавказская действительность послужила основой для ряда высокохудожественных произведений (рассказы «Набег», «Рубка леса», «Из кавказских воспоминаний», «Разжалованный», «Тревога», повесть «Казаки»). Хотя в этих произведениях горцы изображены эпизодически, но уже в них видно, как глубоко постиг великий писатель горскую среду, ее язык и фольклор. В «Казаках» Ерошка поет печальную «тавлинскую» (т. е. горскую.— *Авт.*) песню с припевом: «Ай! Дай! Далалай!» Л. Н. Толстой и в последующие годы своей жизни интересовался фольк-

лором. Известно, что он послал поэту А. А. Фету для обработки дагестанские и чеченские песни, определив их как «сокровища, поэтически необычные» [47].

Первым произведением Л. Н. Толстого, где широко изображены горцы в разной обстановке, был получивший всеобщую известность рассказ «Кавказский пленник». В рассказе дано правдивое описание быта, нравов, наречия горцев. Однако все это в произведении использовано как необходимые элементы для раскрытия внутреннего мира горцев. Образы простых горцев, воссозданных писателем, вызывают чувства искренней симпатии к ним.

Будучи на Кавказе, Л. Н. Толстой, как отмечалось выше, заинтересовался личностью Хаджи-Мурата. Однако только в 1894 г. была создана первая редакция повести «Хаджи-Мурат», окончательный вариант которой был завершен писателем лишь в 1904 г. В повести широко и многосторонне воспроизведены исторические события, имевшие место на Северо-Восточном Кавказе в конце 50-х годов XIX в., мастерски изображены все действующие лица, убедительно показано, что трудящимся нужны мир и дружба, а не война, приносящая неисчислимые бедствия. Повесть написана так, что создает впечатление подлинной жизни.

Повесть «Хаджи-Мурат», как известно, получила самое широкое распространение в России. Она возбуждала интерес и чувства глубокого сочувствия и уважения к горским народам. Произведения Л. Н. Толстого — и особенно повесть «Хаджи-Мурат» — проникли и в среду горцев. Популярность этой повести была настолько велика, что в некоторых районах Дагестана со времени первой публикации и поныне наблюдается процесс фольклоризации. С одной стороны, фольклоризуется вся повесть, с другой — народное предание о Хаджи-Мурате приобретает детали толстовской повести [48].

Во второй половине XIX в. среди горцев Северного Кавказа распространилась русская классическая литература через обучающихся в учебных заведениях школьников и студентов, военнослужащих, отходников. Небезынтересно, что эти произведения русской литературы стали популярными на Северном Кавказе и в переводах на грузинский, азербайджанский и татарский языки. Русская литература оказывала огромное прогрессивное влияние на горцев, на формирование и развитие литератур народов Северного Кавказа.

Литература народов Северного Кавказа. Происходившие в социально-экономической и политической жизни народов Северного Кавказа изменения содействовали пробуждению национального самосознания горцев, расширяли и создавали почву для развития национально-самобытных литератур. При этом народы Северного Кавказа продолжали исторически ранее сложившиеся традиции литературно-художественного творчества, другие именно в это время вступили в период возникновения и становления своей литературы, третьи по-прежнему не имели своей литературы. По существу — это время перехода от фольклорного творчества к искусству малых форм и видов, от анонимной литературы к художественному творчеству индивидуальных авторов. На этом этапе литературные произведения по содержанию и форме еще нередко сливаются с фольклором, поэтому нелегко определить, какие произведения принадлежат поэтам, а какие являются творениями устного творчества народа.

6. Наука и общественно-политическая мысль

Дальнейшее развитие кавказоведения и его национальные разветвления. В пореформенный период значительно расширилось и углубилось изучение истории, этнографии и экономики народов Северного Кавказа. Русские ученые-кавказоведы М. М. Ковалевский, Д. Н. Анучин, П. К. Услар, В. Ф. Миллер, Н. Ф. Дубровин, Л. Г. Лопатинский, А. П. Берже, Ф. И. Леонтович и многие другие изучали историю, этнографию почти всех народов Северного Кавказа. Монографически были исследованы кабардино-балкарский, чеченский, аварский, лакский, даргинский, табасаранский и другие языки горцев Северного Кавказа. Начато было изучение природных ресурсов, фауны и флоры края.

В изучении истории, археологии, этнографии, языка, фольклора горцев усилились черты системности и организованности, которые придавались кавказоведению благодаря деятельности старых и вновь образованных обществ — центральных и кавказских. Большое внимание историко-этнографическому изучению горцев уделяли Московский и Петербургский университеты, Одесское общество истории и древностей и др.

Разностороннюю работу развернули Кавказский отдел имп. Русского географического общества, Кавказское общество сельского хозяйства (основано в 1830 г.), Кавказское медицинское общество (основано в 1864 г.) и др. Сбор и обработку статистико-экономического и демографического материала о горских народах Северного Кавказа вели основанный в 1860 г. Ставропольский статистический комитет и созданные позднее Кубанский, Терский и Дагестанский статистические комитеты. Учрежденная в 1864 г. в Тифлисе Археографическая комиссия занималась сбором и публикацией документов.

Под благотворным влиянием русских ученых происходило формирование мировоззрения большинства представителей горской интеллигенции, а наиболее талантливая ее часть приобщалась к научной деятельности. Под непосредственным руководством русских ученых видные деятели горской культуры успешно вели научные изыскания. В рамках кавказоведения продолжали развиваться его национальные разветвления — дагестановедение, кабардиноведение, осетиноведение, чеченоведение и т. д. Выдающийся ученый, филолог П. К. Услар (1816—1875), автор фундаментальных исследований по дагестанским и чеченскому языку, привлек к изучению языков талантливых горцев — аварца Айдемира Чиркеевского, лакца Абдуллу Омарова, лезгинца Казанфара-Зульфугар-оглы, чеченца Кеди Досова и др.

В 1867 г. А. Омаров издал два содержательных этнографических очерка: «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки (из воспоминаний детства)», в которых дано описание нравов, обычаев, быта лакцев. Он подверг резкой критике ханское правление, примечетьские школы (мектебе, медресе), показал мусульманское духовенство людьми безнравственными, бездельниками. Кроме того, А. Омаров издал собранные и переведенные им же на русский язык «Казикумухские (лакские) народные сказания», перевел с арабского на русский язык сочинения Джемалэддина Казикумухского «Адабул-Марзия (Правила достодолжных приличий)» и Магомедханова «Истинные и ложные последователи тариката» [49].

Другой помощник П. К. Услара, А. Чиркеевский, собрал и издал «Аварские песни и сказки», «Сказки и басни» [50]. В 1865 г. им была опубликована статья «О происхождении аварцев» [51]. Хотя выводы авто-

ра о миграции аварцев в Дагестан с севера и не выдерживают научной критики, все же сама постановка вопроса представляла немалый интерес. В 1871 г. в Темир-Хан-Шуринской типографии штаба войск Дагестанской области была напечатана составленная К. Зульпукаром на основе усларовского алфавита «Кюринская азбука».

Благотворное влияние русской литературы испытали на себе аварцы М. Хандиев, М.-Э. Османов и др. М. Хандиев, с 1854 г. работая преподавателем аварского языка Новочеркасского отделения восточных языков, составил руководство по аварскому языку, а для аварского языка азбуку и хрестоматию. «В ней,— отмечал П. К. Услар,— много переведено с русского, между прочим, весьма удачно сказка Пушкина о золотой рыбке» [52]. М.-Э. Османов в 1860 г. был эфендием лейб-гвардии Кавказского эскадрона е. и. в. конвоя в Петербурге, а в 1876 г. был приглашен в Петербургский университет читать курс лекций «Мусульманское законоведение». Здесь Османов сблизился с видными русскими ориенталистами М. А. Казем-беком, И. Березиным, В. Д. Смирновым, В. Р. Розеном, которые оказали огромное влияние на его формирование как ученого. Уже будучи преподавателем Петербургского университета, он неоднократно выезжал на Северный Кавказ для сбора этнографического материала. Итогом этих изысканий был сборник ногайских и кумыкских народных песен, изданный в 1883 г. в Петербурге при помощи Российской Академии наук.

В 70-х годах были также изданы историко-этнографические очерки Н. Алибова «Рассказы тавлинца (из воспоминаний детства)» [53], «Из воспоминаний дагестанского горца» [54], в Темир-Хан-Шуре была издана работа А. Дамугоева «Совет моим единоверцам», в которой автор призывал приобщиться «к новому образованию». Большой историко-этнографический интерес представляет сочинение выпускника Ставропольской гимназии, даргинца, будущего крупного ученого и общественного деятеля Г.-М. Амирова (1855—1917) «Среди горцев Северного Дагестана» [55]. Ценный фактический материал содержат также работы выпускников русских учебных заведений Омара Карнаилова по историко-этнографическому описанию аула Чох [56], Гаджи-Бех-Магома Демирова «Дагестанские предания и суеверия» [57], Джалиля Бабаева — очерк о с. Ахты [58]. Не потеряло до наших дней научную ценность исследование инженера-нефтяника (сподвижника крупного русского ученого В. Ф. Миллера) И. Ш. Анисимова по истории и этнографии горских евреев [59]. В 1898 г. в Тифлисе на русском языке был опубликован очень ценный источник по истории средневекового Дагестана «Из древнейшей истории Восточного Кавказа: Тарихи Дербент-наме (с 9 приложениями)» под редакцией М. Алиханова-Аварского. В 90-х годах в 29 номерах газеты «Кавказ» он опубликовал также историко-этнографический очерк «В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев». В 1856 г. была завершена «Хроника» Мухаммеда Тахира Ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. Воспитанник примечетьской школы, Ал-Карахи в основу положил устные рассказы предводителя горцев Шамиля и его приближенных.

В 1862 г. в газете «Кавказ», а затем и отдельной брошюрой был опубликован очерк «Выдержки из записок Абдурахмана сына Джамал-Эддинова о пребывании Шамиля в Ведено...» [59а].

Известное влияние русская культура оказала и на просветителя и историка Дагестана Гасан-эфенди Алкадари. Его широкоизвестная книга «Асари-Дагестан» содержит много ценных исторических сведений о развитии науки и общественной мысли в Дагестане [60]

В самом конце XIX в. содержательную работу о религиозных верованиях чеченцев опубликовал выпускник юридического факультета Петербургского университета, сподвижник М. М. Ковалевского и В. Ф. Миллера, даргинец Башир Далгат (1870—1934) [61]. Первым из чеченцев, писавшим об истории своего народа на русском языке, был Умалат Лаудаев. В опубликованном им в 1872 г. историко-этнографическом очерке «Чеченское племя» [62] содержатся интересные сведения о семейно-бытовых отношениях, об уровне общественного развития в различных частях Чечни. Значительное внимание уделено в очерке освещению русско-чеченских отношений. Изучением истории, этнографии и фольклора Ингушетии во второй половине XIX в. занимался известный этнограф-ингуш Чах Ахриев (рис. 5). Его перу принадлежат интересные работы о происхождении ингушей, о материальной и духовной культуре ингушского народа. Он был собирателем и издателем памятников устного народного творчества своего народа.

В своих сочинениях он призывал горцев усваивать достижения русской культуры, дружить с русским народом, видя в этом источник благополучия и прогресса. Отстаивая идею «распространения между ингушами русской гражданственности», указывал на роль «смягчающего цивилизирующего русского элемента» [63]. Вместе с тем, изыскивая пути социального прогресса родного народа, Ахриев преувеличивал значение социальных реформ «сверху» и значение идей Просвещения. Для углубленного изучения истории, этнографии и фольклора Осетии (и особенно в период работы над осетино-русско-немецким словарем) В. Ф. Миллер привлек образованных молодых осетин С. Туккаева, С. Кокиева, Д. Шанаева, М. Гарданова, А. Цаллагова. Позже Миллер сам признавал, что осетинский словарь составлен «главным образом самими осетинами». Он считал, что без ревностного участия осетинской молодежи в собрании памятников языка и словесного творчества, без консультации с нею он не сумел бы довести свою работу до желательного конца. «Эти молодые люди достойны того, чтобы родная Осетия поставила им рукотворный памятник» [64]. Они продолжали заниматься исследованием истории и этнографией своего народа.

С. Туккаев в 1889 г. в «Терских ведомостях» издал этнографический очерк «В горах Дигории», содержащий важные сведения об экономическом положении и быте осетин-горцев, собрал 12 сказаний («Кривой великан», «Асаго» и другие).

Важной страницей в изучении истории, этнографии осетин являются работы И. Д. Канукова «Горцы-переселенцы», «В осетинском ауле», в которых рассматриваются вопросы социальных отношений осетин. Ценные сведения о материальной культуре, религиозных верованиях, семейной общине, внутрисемейных отношениях и музыкальных инструментах и развлечениях осетин содержат труды этнографа С. В. Кокиева «Записки о быте», «Калым у осетин» и др. Обстоятельное описание процесса разложения патриархально-феодальных отношений, происходившего под влиянием капиталистических связей, дано в работе А. Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», опубликованной в 1896 г. в Тифлисе. Несомненный интерес представляет этнографический очерк А. Цаллагова «Селение Гизель» (с. Кизилка), в котором довольно подробно освещаются хозяйственные занятия, административное управление, быт, религиозные верования жителей селения. Вопросы социально-экономического и культурного развития рассматривал в своих работах, издававшихся главным образом на страницах «Терских ведомостей», А. Мусоев. В 1894 г. была частично опубликована ра-

бота осетинского революционного демократа К. Л. Хетагурова «Особа», выделяющаяся в дореволюционной историко-этнографической литературе объективностью и глубиной анализа социальных отношений, классовой структуры, быта и нравов общества. Придав своему труду социально заостренный характер, Коста Хетагуров определил тем самым и все последующее развитие осетинской этнографии с передовой общественно-политической точки зрения. Ценные работы по истории и этнографии адыгских народов и карачаево-балкарцев были завершены во второй половине XIX в. Это работы Крым Гирея (1819—1896), Д. С. Кодзокова (1819—1893), А.-Г. Кешева (1840—1872), К. Атажукина (1841—1899) и др.

Рис. 5. Чах Ахриев — этнограф, первый исследователь быта ингушского народа Фотография XIX в.

Выпускник Московского университета Д. С. Кодзоков, будучи представителем сословно-поземельной комиссии на Тереке и Кубани в 1863—1888 г., в записке, представленной им в 1866 г. на имя начальника Терской области, доказал, что в существующей Кабарде и Балкарии общественный строй — феодальный. В статьях, посвященных вопросам экономического развития народов Северного Кавказа, Кодзоков не только описывает состояние земледелия, скотоводства, но и пропагандирует новые, прогрессивные методы ведения сельского хозяйства. В записке 1847 г., представленной кавказской администрации, Кодзоков дал подробное описание сословных отношений Кубанской области, обычаев и нравов адыгейского народа. Ценные работы по этнографии и фольклору адыгов принадлежат перу А.-Г. Кешева. Окончив Ставропольскую гимназию в 1858 г., Кешев поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, который, однако, ему не удалось окончить: за участие в студенческих волнениях он был исключен и выслан на Кавказ [65]. На Кавказе он вначале работал переводчиком в канцелярии начальника Ставропольской губернии, а в 1867 г., переехав во Владикавказ, стал редактором первой на Северном Кавказе газеты «Терские ведомости». В это время, кроме публицистики, Кешев занимался и научной деятельностью. Им были изданы содержательная рецензия на «Историю адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова, статьи «Характер адыгейских песен», «Из кабардинских (адыгейских) преданий», «О незаметном вымирании горских песен и преданий» [66]. Важное значение имела и научная деятельность выпускника Ставропольской гимназии Кази Атажукина. Будучи на военной службе в Тифлисе, Атажукин настойчиво занимался самообразованием. Здесь же в 1864 г. им была написана работа «Мнение о введении письменности в Кабарде», основной вывод которой — необходимо как можно быстрее распространить грамотность среди кабардинского населения. К. Атажукин известен и как

собиратель и публикатор устного народного творчества. Им был опубликован сборник, в который были включены и сказание о Нарте Сосруко, и сказка М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб». В 1867 г. Атажукин переводит и издает несколько статей из «Детского мира» К. Д. Ушинского («О воде», «О воздухе» и др.). Продолжив дело П. К. Услара по изучению языка адыгов, он составил новый кабардино-черкесский алфавит и букварь. «Кабардинская азбука» К. Атажукина была издана в 1865 г. в Тифлисе. Еще раньше преподаватель Ставропольской гимназии (в 1850—1860 гг.) Умар Берсей составил «Букварь черкесского языка», изданный в Тифлисе в 1853 г., а позже, в 1861 г., разработал на основе русской графики адыгейскую азбуку. В 60-х годах были опубликованы произведения Султана Крым-Гирея «Сефер-паша — князь шапсугский: Биография», «Два слова о господстве турок на Кавказе», «Путевые заметки», «Песня о Шрухко Тугузе», «Несколько слов о нашей старине». Составленные на фольклорной основе, работы Крым-Гирея представляют определенный интерес. В них вместе с описанием быта и нравов черкесов даны описания сословного строя, освещаются причины неудач притязаний Порты на Черкесию, дается объективная оценка политики Османской империи на Кавказе. Под влиянием М. А. Балакирева, С. И. Танеева, М. М. Ковалевского, В. Ф. Миллера стали интересоваться этнографией, фольклором и языками своего народа балкарец Исмаил и его сыновья Навруз и Сафар-Али Урусбиевы. Последний из них, Сафар-Али Урусбиев, будучи студентом Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Академия им. К. А. Тимирязева), по словам Ковалевского и Миллера, занимался составлением грамматики родного языка, «применив русскую азбуку к выражению его звуков»[67]. К сожалению, он не смог завершить свою работу. В 1881 г. Сафар-Али опубликовал статью «Сказание о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области», куда были включены им же собранные «Сказания», «Урузмек», «Рачикау», «Шуляй». Выпускник Владикавказского реального училища Навруз Урусбиев по совету композитора С. И. Танеева собирал и записывал народные песни и сказания. Позже эти материалы были опубликованы известным кавказоведом Н. П. Тульчинским[68].

Во второй половине XIX в. большая исследовательская работа была выполнена по изучению истории, культуры и быта казаков Северного Кавказа. Среди них следует указать монографию И. Д. Попко о терских казаках[69]. Составленная по предложению терской областной администрации официальным историком казачества, книга, хотя и написана в верноподданническом духе и содержит некоторые ошибки фактического порядка, все же представляла определенный интерес, так как в ней сделана попытка раскрыть причины переселения казаков на Терек. Содержатся сведения о взаимоотношениях терских казаков с соседями-горцами, о той роли, какую казаки играли на Северном Кавказе и др.

Военно-историческую и этнографическую историю терских казаков исследовал военный историк А. В. Ржевусский. Видным кубанским историком и статистиком был народник Ф. А. Щербина (1849—1936) — основоположник отечественной бюджетной статистики. В его монографии рассматриваются экономические сдвиги, происшедшие на Северном Кавказе после проведения Владикавказской железной дороги[70]. Ф. А. Щербина сделал правильное заключение, что у горцев и казаков на Северном Кавказе «железная дорога способствовала в сильнейшей степени изменению хозяйственного строя... Быстро и бесповоротно начали заменяться скотоводческие формы хозяйства земледельческими»[71]. В. И. Ленин вы-

соко ценил работы Ф. А. Щербины, но считал порочными его приемы статистпческих исследований, сводимые к «одному сплошному и невероятному злоупотреблению „средними величинами“» [72]. Неточности методов обработки фактических материалов не лишают их определенной научной значимости.

В пореформенное время крупные научные открытия были сделаны на Северном Кавказе археологической наукой. Раскопки проводились повсеместно на Северном Кавказе. Был выявлен огромный материал по истории древних жителей края.

Начало археологическому изучению Северного Кавказа положили русские ученые. С 70-х годов XIX в. в археологических работах здесь принимали участие И. Черный, Н. Я. Нарышкин, А. А. Руссов, Н. О. Цилоссани, А. С. Уваров, Д. Анучин, Г. Д. Филимонов и др.

В связи с постепенным вхождением Северного Кавказа в общероссийский экономический рынок стали складываться благоприятные условия для различных исследований ресурсов края. Кавказ притягивал русских капиталистов не только как источник получения дешевого сельскохозяйственного сырья, но и как район богатых полезных ископаемых (нефть, газ, свинец, сера и др.). В недрах Кавказа оказались все виды минеральных ископаемых и энергетических ресурсов, необходимых для развития на Кавказе промышленности, но их изучение во второй половине XIX в. велось недостаточными силами и в небольших масштабах.

Среди русских ученых, изучавших природные богатства Северного Кавказа, было много энтузиастов и подвижников передовой науки, что во многом и предопределило успехи научного описания прпроды края.

В 60—70-х годах XIX в. продолжал исследовательские работы на Северном Кавказе академик Г. В. Абиха (1806—1886), признанный «отец кавказской геологии» [73]. В его трудах впервые было описано расположение многих горных хребтов, охарактеризован климат, приведены данные об изменениях уровня воды в горных реках. Он открыл и описал ряд месторождений полезных ископаемых, определил некоторые нефтеносные районы в Дагестане. Г. В. Абих высказывал неподдельное сочувствие горцам и предлагал принять меры к улучшению их хозяйственного быта, поощрять производство вина, разведение садов, шелководство, развивать другие, более эффективные отрасли экономики.

Кавказское отделение имп. Русского технического общества в 70-х годах изучало возможности строительства перевальной железной дороги через Главный Кавказский хребет. Как член этого общества Абих подверг критике проект постройки такой дороги от Владикавказа до Тифлиса путем пробивки тоннеля, указав на сложные геологические условия, дороговизну и длительность такого строительства при уровне техники того времени. Исходя из экономических и политических соображений, ученый предложил проложить железную дорогу через Порт-Петровск и Баку.

Г. В. Абих дал гидрогеологическое описанпе района Минеральных Вод (Кисловодские, Ессентукские, Пятигорские и Железноводские источники), впервые охарактеризовал два минеральных источника в верховьях р. Малка (Джилы-Су, или «Теплый нарзан», и «Сильный родник горькой соли»), а также Хасаутские нарзаны, или «Долина нарзанов» [74].

Крупнейшим исследователем Кавказских Минеральных Вод был Ф. А. Баталин (1823—1895). В 1860—1861 гг. по Кавказу путешествовал академик Ф. И. Рупрехт, осуществивший серию ботанических и ботанико-географических исследований. Его труды, главный из которых «Флора Кавказа» (1869), имели флористическое направление.

К 60-м годам XIX в. относятся и первые, в основном биогеографического характера исследования известного путешественника и ученого Г. И. Радде.

В 70-х годах флору и фауну Северного Кавказа изучали член Московского общества естествоиспытателей А. И. Беккер, знаменитый русский климатолог и географ А. И. Воейков, А. В. Пастухов, почвовед П. А. Костычев, натуралист Н. Я. Динник и др. В 1870 г. Кавказским военно-топографическим отделом была начата триангуляция Северного Кавказа (так называемая кавказская триангуляция), возглавляемая И. И. Ходзько и его помощником Е. И. Стебницким.

Особенности развития общественной мысли горских народов. В пореформенный период развитие общественной мысли на Северном Кавказе имело свои особенности. Происходившие прогрессивные изменения в жизни горских народов создавали благоприятные условия для прогрессивного развития общественной мысли. Однако политика царизма ограничивала ее развитие. Не менее сковывающее влияние оказывала и реакционная идеология ислама, которая консервировала духовную жизнь. В этих условиях общественная мысль горцев должна была дать ответы на те изменения и новые явления, которые происходили в социальной и культурной жизни народов Северного Кавказа, указать «*каков* „укладывающийся" новый строй... какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам „ломки"» [75].

Не все представители передовой горской интеллигенции поднялись до революционного демократизма. Деятельность части горской интеллигенции не выходила за рамки просветительства, что, однако, в тех условиях было большим шагом вперед. Просветители народов Северного Кавказа вели борьбу с остатками феодализма и культурной отсталостью, изыскивали и указывали пути приобщения горцев к достижениям русской культуры, особенно через просвещение, выступали как выразители интересов широких слоев горского крестьянства, искавших, как и русские крестьяне, свое социальное освобождение.

Общественно-политическая мысль каждого из народов Северного Кавказа имела свои отличия. Общественная мысль некоторых народов Северного Кавказа в пореформенное время находилась в состоянии формирования, у других она была продолжением предшествующего развития. Место мыслителей, воспитанных в традициях ислама и арабской культуры, все более занимают ученые, получившие образование в русских светских учебных заведениях и воспринявшие идеи русской и европейской культуры.

Мировоззренческие взгляды общественно-политических деятелей горцев были у каждого своеобразными и несли печать индивидуальности, но у них были и общие роднящие их черты, которые стали основой их общей прогрессивной деятельности. Представителей общественно-политической мысли северокавказских народов объединяли следующие черты: во-первых, они ратовали за развитие духовных сил горских народов на основе современной передовой цивилизации, за рост их политического самосознания, во-вторых, являясь убежденными сторонниками российской ориентации, они выступали пропагандистами сближения с передовой Россией и ее культурой, видя в этом единственно возможный путь для прогрессивного развития духовных и материальных сил своих народов. Придавая огромное значение науке и научным знаниям, кавказские мыслители выступали поборниками развития среди горских народов та-

ких отраслей науки, как история, этнография, педагогика и др., и при этом они в большинстве своем при помощи прогрессивных русских ученых приобщались к научной деятельности, оставили ценное научное наследие. Являясь одни — прогрессивными деятелями, другие — сторонниками демократических идеалов, кавказские мыслители выступали в защиту угнетенных масс, призывая их к борьбе за социальную справедливость, против феодалов и духовенства, против всех носителей зла, насилия и угнетения — хапов, беков, шейхов, кадиев, мулл и пр. Будучи убежденными просветителями, мыслители выступали против средневековых пережитков, тормозивших прогрессивное социально-экономическое и культурное развитие горцев, боролись за просвещение горцев, за светское образование, обличая феодалов и идеологов ислама как главных врагов светского образования среди горцев, высказывали серьезные суждения о существе и специфике социальных отношений у народов Северного Кавказа.

Идейными источниками общественно-политической мысли горцев были передовая русская общественно-политическая мысль, передовая социально-политическая литература Закавказья, особенно Грузии и Азербайджана, прогрессивная арабская и арабоязычная философия, демократическое устное творчество горцев.

Общественно-политическая мысль горцев во второй половине XIX в. сложна и противоречива. В ней переплетаются различные тенденции: борьба по вопросам ориентации на «две России», отстаивание просвещения, критика феодально-клерикальной идеологии, проповедь религиозного свободомыслия, отстаивание интересов горского крестьянства. Действия кавказской администрации определили преимущественный интерес демократических горских идеологов к разработке политических вопросов, связанных с независимостью народов. Эти направления не всегда были четко размежеваны, некоторые из них взаимно переплетались. Идеология горского крестьянства не всегда выражалась в четких формулировках.

Соединение противоположных идей в воззрениях различных мыслителей было следствием того, что они должны были оценить новые социальные явления и определить перспективы развития горских народов в условиях, когда элементы и зачатки капитализма зарождались и развивались при наличии многочисленных остатков раннефеодальных и патриархально-родовых отношений.

Общественно-политическая мысль народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. развивалась в трех направлениях: 1) прогрессивно-демократическое, 2) либерально-буржуазное и 3) феодально-клерикальное. В самом конце XIX в. на Северный Кавказ стали проникать идеи марксизма.

Горские деятели, связанные с передовой русской культурой, пошли дальше мусульманской теологии. Они развивали демократические просветительские идеи, отражавшие интересы и настроения горского крестьянства.

Просветительство на Северном Кавказе было органической частью просветительства в России. Прогрессивные общественно-политические идеи были связаны и с непрекращавшейся антифеодальной и антиколониальной борьбой горцев. Представители демократической общественно-политической мысли выступали с идеями дружбы народов, народной свободы, боролись за интересы горского крестьянства, за светское образование, искали пути преодоления культурной, хозяйственной и социальной отсталости народов Северного Кавказа.

Во второй половине XIX в. совершался медленный, но все более ясный поворот от религиозно-суфийской идеологии к демократической культуре России. Демократизм многих из горских просветителей носил умеренный характер, но на рубеже 60—70-х годов горцы выдвинули из своей среды первых революционеров-народников, принявших активное участие в русском освободительном движении. Этим самым мысль о национальном освобождении народов Северного Кавказа была соединена с идеей борьбы за победу народной революции в России.

Демократическая горская мысль не имела многочисленных идеологов, но это возмещалось разносторонней одаренностью ее выразителей. Демократическая мысль горцев не имела предыстории, она только формировалась. Ее развитие и становление на Северном Кавказе были ускорены благодаря передовым общественно-политическим идеям России, под воздействием которых революционно-демократические идеи распространялись во второй половине XIX в. в Грузии, Армении, а также на Украине и Прибалтике.

Первым адыгским демократическим общественным деятелем и просветителем был А.-Г. Кешев (1840—1872). Годы его учебы в Ставропольской гимназии (1850—1860), а затем в Петербургском университете (1860—1861) совпали с периодом первой революционной ситуации, когда Россия жила идеями революционных демократов. А.-Г. Кешев впитал в себя эти идеи и, вернувшись на Кавказ, стал пытаться претворять их в жизнь. Художественные произведения Кешева пронизаны демократическими идеями[76]. В самом крупном произведении «На холме» он описал классовое расслоение в ауле, открыто выразил свои симпатии к труженикам. Люди работающие, пишет он, «питают неодолимое отвращение к сословию праздных»[77].

А.-Г. Кешев выступил в защиту женщины-горянки, осуждал зарождающееся кулачество, призывал к борьбе против вредных обычаев и пережитков прошлого[78]. Он искренно приветствовал крепнущие русско-горские культурные связи.

Демократические взгляды Кешева нашли положительное отражение в направлении «Терских ведомостей», редактором которых, как отмечалось выше, он был в 1868—1872 гг.[79]

К демократическому направлению общественно-политической мысли относятся произведения видных представителей осетинской интеллигенции — А. А. Гассиева, И. Д. Канукова, К. Л. Хетагурова, Г. М. Цаголова и др.

Афанасий Абрамович Гассиев (1844—1916), окончив Киевскую духовную академию, вскоре порвал с духовным ведомством; в дальнейшем, находясь на гражданской службе в Закавказье, вел активную научно-литературную и публицистическую деятельность. В своих религиозно-нравственных и философских работах, написанных в 70-х годах («Коран, его происхождение и образование», «Новейший философский реализм об основах религии и нравственности», «Основы религии и нравственности по учению философа Герберта и его школы» и др.), Гассиев стоял на идеалистических позициях. После глубокого ознакомления с достижениями естественных наук, он с 90-х годов перешел от идеализма к материализму, стал сторонником демократизма[80]. Выступал за светское образование, защищал принцип обучения детей на родном языке (с обязательным изучением и русского языка), отстаивал женское образование, был сторонником эмансипации горянки, выступал за экономические и правовые интересы горских крестьян, вел непрерывную борьбу с реакционными учеными за их пренебрежительное отношение к горским на-

родам Северного Кавказа, ратовал на сближение и приобщение горцев к русской культуре, видя в этом единственный залог их развития по пути прогресса.

В 80—90-е годы XIX в. происходит расцвет творчества И. Д. Канукова[81]. В 70-х годах он стоял на либерально-прогрессивных позициях, а в 90-х годах перешел в демократический лагерь. В своих произведениях («В осетинском ауле», «Горцы-переселенцы», «Заметки горца» и др.) он затрагивал злободневные вопросы социально-политической и экономической жизни горцев, осудил переселение части горцев-мусульман в Турцию, приветствовал изменения, которые происходили в быту и идеологии горцев после крестьянской реформы как явления прогрессивные, сурово критиковал политику царской администрации и не менее смело критиковал «разорительные обычаи», т. е. пережитки патриархально-родового быта, от исполнения которых горцы разорялись, ратовал за эмансипацию горянки.

Центральной фигурой передовой горской общественно-политической мысли второй половины XIX в. являлся Коста Леванович Хетагуров (1859—1906) (рис. 6). Его творчество и общественно-политическая деятельность были выражением дум, чаяний и стремлений горских народов, знаменуя высшее достижение общественной мысли горцев в домарксистский период. Будучи убежденным просветителем, он смело боролся за распространение демократического просвещения среди горцев, выступал глашатаем идей интернационализма, ориентировал горские народы на революционно-демократическую Россию, на установление тесного союза демократических сил горских народов с революционными силами России. Коста Хетагуров был убежденным атеистом, причем воинствующим. В своих произведениях он утверждал лучшие черты горцев — патриотизм, свободолюбие и презрение к врагу; он верил в силу и разум народа. По своим общественно-политическим и философским взглядам как последователь русских революционных демократов Хетагуров являлся революционером-демократом, а по своему мировоззрению — материалистом, хотя он в силу определенных исторических условий не поднялся до исторического материализма, до марксизма.

На революционно-демократических позициях стоял Г. М. Цаголов (1871—1939). В многочисленных публицистических произведениях он выступал в защиту безземельных и малоземельных горцев, против местных кулаков и феодалов, бичевал внутреннюю политику царизма; он был глашатаем идей освободительной борьбы горских народов.

Несмотря на отдельные мелкобуржуазные иллюзии и ошибки, Цаголов верно служил интересам горских народов, интересам угнетенных масс, был страстным приверженцем гуманизма. Его общественно-политические произведения 90-х годов охватывают основные жгучие вопросы тогдашней социально-экономической и культурной жизни горских народов.

В развитие демократической общественно-политической мысли 90-х годов заметный вклад внесли передовые общественные деятели Северной Осетии: писатели С. К. Гадиев (1855—1915) и Б. И. Гуржибеков (1848—1905), учителя Х. Уруймагов, А. Цаллагов, М. Гарданов и др. Их взгляды не были лишены отдельных недостатков, но в главном все они были убежденными демократами и просветителями, они смело и неустанно боролись против тех, кто тормозил общественный прогресс.

Одновременно среди образованной части горских народов получают распространение буржуазно-либеральные идеи и настроения. Элементы буржуазии в горской среде были еще слабы, но они уже осознали свои

Рис. 6. Коста Хетагуров — просветитель, поэт, демократ
Фотография 1875 г.

классовые интересы и стремились их отстаивать. Формирующаяся горская буржуазная идеология не выдвигала требований революционного характера и была настроена реформистски, нередко склоняясь к либеральному просветительству, особенно при постановке вопроса о политических свободах в стране и на Северном Кавказе. В силу социально-экономической слабости элементов буржуазии ее идеологи склонялись к сделке с царизмом, стремились ограничить революционные требования горской демократии. Но они же противостояли реакционному лагерю мулл, шейхов, кадиев, горских помещиков и т. д.

Среди либерально-буржуазных горских идеологов были деятели большого масштаба, одним из которых был Мухаммед-Али Касимович Казем-Бек (1802—1870). Творчество этого крупного ученого объединяло и развивало дагестанскую, азербайджанскую и общероссийскую общественно-политическую мысль. Сторонник просвещенного абсолютизма (до 60-х годов), он под влиянием первой революционной ситуации в России, а также революционной борьбы трудящихся Ирана против феодализма сделал определенный шаг от либерального просветительства в сторону просветительского демократизма. В работе «Баб и Бабиды» (1863) Казем-Бек признает право народа на свержение монархических форм правления и установление общественного строя «в соответствии с природой человека». Казем-Бек мечтал о процветающем обществе, что согласовывалось с идеалами нарождающейся буржуазии. Мыслитель-идеалист Казем-Бек при изучении общественных вопросов высказал некоторые материалистические догадки.

Либерально-буржуазные мыслители горцев ориентировались на русскую культуру, не всегда при этом они видели «две России», что ограничивало восприятие ими идей Н. Г. Чернышевского и Г. В. Плеханова.

Резкой критике подверг феодально-ханское деспотическое правление и систему мусульманского образования в 60—70-х годах XIX в. в Дагестане Абдулла Омаров. Он осуждал бесправное положение крепостного сословия кулов, но требований ликвидации сословий не выдвигал. Нередко А. Омаров идеализировал царскую власть, приписывая ей «особую заботливость» о просвещении и создании условий для мирной жизни горцев.

Поборником просвещения был и Магомед-Эфенди Османов. Развиваемые им общественно-политические воззрения не отличались последовательностью. Выходец из состоятельной кумыкской семьи, он порицал злоупотребления кумыкской знати и царской администрации, но сильно идеализировал прошлое кумыкских феодальных эксплуататоров. Буржуазно-либеральные взгляды Османова включали заметную примесь идеологии помещичьего либерализма.

Либерально-буржуазным идеологом был Г. Э. Алкадарский. Долгом горской интеллигенции он считал приобщение соотечественников к русской и европейской культуре. Возмущаясь действиями кавказской администрации, он не осмеливался осудить царя. Будучи убежден в том, что восстания горцев в новое время не могут привести к победе над царизмом, он считал всякое такое выступление злом.

Видный представитель научно-просветительской мысли Кабарды Д. С. Кодзоков (1819—1893) выступал против преимущественного наделения горских князей и феодалов землей, предлагая предоставлять им землю на правах общинного землепользования. Признавая полезность приобщения горцев к русской культуре, он ратовал за «приобретение основательного знакомства с русским языком», за распространение среди горцев «сведений о полезных науках».

Прогрессивные взгляды Кодзокова не отличались строгой последовательностью; он верил в возможность осуществления социальных преобразований «сверху» под знаком «единения царя с народом» [82] и в целом стоял на позициях умеренного буржуазного либерализма.

Умеренно либеральный характер носили и взгляды Крым-Гирея (Инатова). Описывая сословный строй адыгского общества, он по существу обходит вопрос о социальных противоречиях, сосредоточивает все свое внимание на проповеди прогрессивных принципов нравственности и норм культуры.

За рамки буржуазно-либеральных требований и требований проведения реформ как основы прогресса не выходили и политические взгляды Кази Атажукина.

Идея необходимости всестороннего сближения горцев с Россией, с русской культурой, распространения на Северном Кавказе светских школ как важнейшего средства прогресса в духовной жизни отстаивалась и развивалась в произведениях У. Берсея, Г.-М. Амирова, С.-А. Урусбиева, Т.-П. Кашежева, И. Крым-Гирея (Инатова) и др.

Представители либерально-буржуазной общественно-политической мысли народов Северного Кавказа оставляли, по существу, вне критики политику царизма на Кавказе.

Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе среди горцев продолжала господствовать феодально-клерикальная идеология. Ислам сумел приспособиться к изменившимся политическим, социально-экономическим и культурным условиям, сохранив основные позиции. Мораль, паука, философия по-прежнему были в подчинении мусульманской теологии. Классовая политика царизма была в целом в согласии с интересами северокавказских феодалов, которые, правда, с трудом приспосабливались к новым экономическим условиям.

В это время появились горские писатели феодально-клерикальных воззрений, приукрашивавшие политику царизма в регионе.

Антинародной направленностью отличалась проповедь тех, кто продолжал на протяжении всей второй половины XIX в. ратовать за переселение горцев-мусульман в Турцию [83].

В антидемократическом хоре голосов сильно звучали голоса тех, кто лишился своих зависимых крестьян в период крестьянских реформ 60-х годов. Общеизвестно, что идеология всякой религии классового общества реакционна. Будучи призвана защищать интересы господствующих классов, апостолы ислама своей деятельностью отгораживали горцев от прогрессивной культуры русского народа, способствовали консервации среди горцев отсталых форм социальной, бытовой и духовной жизни.

Реакционная сущность идеологии ислама была подвергнута острой критике в выступлениях передовых представителей горской интеллигенции, что явилось отражением нового направления в развитии общественно-политической мысли горских народов. Казем-бек, например, считал ислам «преградой цивилизации».

Аликбер Гайдаров считал любую религию, включая и ислам, носительницей «тьмы и невежества», и первым из мыслителей Дагестана и Азербайджана поднял вопрос об отделении школ от мечети, о запрещении преподавания теологии в школах.

Критикуя консерватизм духовенства, К. Атажукин в статьях о постановке образования в мусульманских школах бичевал мулл, находя, что «корыстолюбие, легкомыслие и тщеславие... рождают в них желание приобрести богатство и почет ... что вынуждает их на многие предметы глядеть иначе, чем это предписано Кораном».

Решительно осуждал духовенство и Д. Кодзоков, в частности он видел в них виновников переселения горцев в Турцию [84].

В 90-х годах XIX в., когда в Кабарде реакционная часть князей и мулл вновь стала подстрекать кабардинцев к переселению в Османскую империю, Б. Пачев вступил с ними в решительную борьбу, чтобы не допустить повторения трагедии. В связи с тем, что муллы распространяли всякие небылицы «о райской жизни» махаджиров-переселенцев на «обетованной земле турецкой», он разыскал и собрал письма кабардинцев-переселенцев, ходил по аулам и собирал сходы, где читал крестьянам эти письма, чтобы никто из них не попал на удочку обманщиков — служителей ислама. Он бросил клич: «Не сходить с насиженных мест! Не слушать обманщиков — князей и мулл!»

С критикой местного мусульманского духовенства выступал Чах Ахриев. Он правильно понял, что при происшедших социально-политических переменах зикризм * — пособник сохранения суеверия и невежества в народе. Радения зикристов Ахриев называл «кривляниями».

Сурово осуждал роль духовенства в деле переселения горцев в Турцию И. Д. Кануков. Он прямо отмечал, что горцы-махаджиры слишком поздно поняли, что переселение в Турцию — результат их «глупости и доверчивости» [85].

Взгляды представителей передовой части горской интеллигенции относительно отрицательного влияния всех форм религии, и в частности ислама, были составной частью новой, передовой идеологии горцев.

В пореформенное время велась разработка новых художественных стилей и приемов типизации явлений изменяющейся действительности. Историческое развитие привело к тому, что с середины XIX в. у горских народов, исповедовавших ислам, литература создавалась на двух алфавитах — на аджаме ** и на русском. Крушение идеологии мюридизма, поражение восстаний в 60—70-х годах XIX в. обозначили конец влияния старой, средневековой литературы, преимущественно арабской и иранской.

На основе синтеза средневековой книжности с народной речевой культурой, включающей во второй половине XIX в. и фольклор, при усвоении опыта и достижений высокоразвитой русской культуры рождались

---

* Зикр — «воспоминание о боге»; обряд радения дервишей — членов секты религиозного аскетического толка.

** Аджам — письменность на основе арабского алфавита с использованием особых знаков для сохранения специфики дагестанских языков.

отдельные национальные литературы Дагестана. Литературы других горских народов в основном не имели опыта средневековой литературно-художественной школы, но они (например, адыги) развивали сложившиеся у них традиции русскоязычной прозы. В процессе становления и развития горские литературы вырабатывали свой тип литературного развития. Начавшиеся в это время процессы объединения были еще слабы и перекрывались дифференциацией и самостоятельными путями развития литератур Дагестана и других горских пародов[86]. Использование горцами богатого русского литературного опыта вело к ускорению и обогащению литературного процесса в регионе.

В 60—80-х годах XIX в. происходит смена арабской поэтики национальными поэзиями. Это было связано с ростом творчества поэтов-импровизаторов, чья поэзия представляет своеобразное звено в процессе развития литератур.

Обращение к родной культуре придало молодым национальным литературам новые силы и новый характер, создавая возможность становления и развития литературных языков на основе горской речевой культуры. Но это направление не обеспечивало достаточно быстрого преобразования национального эстетического опыта, так как народное творчество исходило из социальных условий и идей, связанных с предыдущими эпохами.

Чтобы литература была способна изображать социально-экономические изменения в жизни горцев, необходимо было изменить само мышление литераторов, признать недостаточность и ограниченность стихийной реалистичности, отойти от узкой психологичности как высшей реальности. Для преодоления отставания от мирового исторического процесса и мировой культуры собственной национальной основы было недостаточно. Народы Северного Кавказа должны были создать новую, соответствующую времени, литературу.

Новая система художественности, выраставшая из народного творчества с использованием поэтической культуры Востока, нуждалась в использовании достижений литератур других народов, особенно передовой России, литература которой обрела признание в Западной Европе. Поэтому в развитии литературно-художественной культуры горцев во второй половине XIX в. определяющим было восприятие достижений русской литературы. Влияние это шло через просветительство. Горцы-просветители создали беллетристику, заложившую основу построения рассказов, воспоминаний, художественного и историко-этнографического очерков. Эта литература усваивала идеи и темы социально детерминированного понимания жизни, создавала новые художественные структуры, характеры, типы, подготавливала почву для реализма. Художественная проза возникла у горцев на русском языке. Но в пореформенный период читатель-горец в массе еще не был подготовлен к чтению русскоязычной литературы. В силу этого литературные произведения часто не доходили до тех, чью жизнь они изображали и чьи сокровенные чаяния они отстаивали.

В пореформенный период в художественном мышлении большинства горских народов продолжают преобладать средневековые каноны. Процесс вытеснения старой литературы только начинался, и поэзия нового времени, возникая из старых жанров, еще не в силах потеснить беспредельно владеющие вкусами горских тружеников эпос и народную песенную лирику.

Демократические литературы народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. развивались на основе освоения традиций критического

реализма русской литературы и выработки своих черт этой формы реализма.

В литературах горцев существовали разные идейно-художественные течения, обусловленные различиями социально-экономического развития народов Северного Кавказа и характером общественно-политических и национально-культурных их устремлений. Демократическим содержанием было пронизано творчество поэтов устной литературы И. Казака, О. Батырая, Анхила Марина, Мунги Ахмеда, К. Мечиева, Б. Пачева, представителей письменной литературы А.-Г. Кешева, И. Канукова и др. Революционно-демократическое литературное паправление было представлено творчеством великого осетинского поэта и писателя К. Л. Хетагурова. Буржуазно-просветительское направление, выдвигавшее ограниченную критику социального строя горцев, было представлено в произведениях М. Алибекова, Г. Гузунова, Г. Алкадари и др. Они изображали противоречия личности и среды, воспевали нравственность, боролись с пошлостью. Им противостояли поэты и писатели религиозно-клерикального направления, продолжавшие национальные идейно-художественные традиции, сложившиеся на разных ступенях религиозного сознания, и отстаивавшие интересы мусульманства (У. Салтынский, О. Балкарский, Ш. Эрпелинский, А. Курахский и др.).

Во второй половине XIX в. светское направление литературы складывается в основном под воздействием усвоения достижений русской и восточной классики. Традиции и достижения русской литературы развивали те талантливые выходцы из горцев, которые учились в русских школах Кавказа или России. Традиции восточной классики развивали поэты-горцы, прошедшие обучение в мусульманских духовных школах (Эльдарилав из Ругуджи, Тажутдин (Чанка) из Батлаич, Махмуд из Кохаб-Росо, Мунги Ахмед, М. Э. Османов, Г. Цадаса и др.). Часть из этих поэтов утвердили светские традиции, стали зачинателями новых жанров и направлений и обратились к изображению действительности с критической точки зрения.

Критический подход к изображению действительности использовался в различных литературных направлениях. Буржуазные просветители, поэты-демократы разоблачали современную им действительность, предъявляя к ней требования, имевшие социально-политическое звучание. Тенденция к формированию критического реализма была во второй половине XIX в. высшей формой литературно-художественного сознания горцев.

Горские литературы — это близкородственные литературы, каждая из которых решала свои задачи и имела своих создателей — поэтов и писателей. В литературе горцев развивались малые жанры: стихи, басни, элегии, рассказы, очерки, воспоминания.

Основание новой кумыкской поэзии связано с литературным творчеством Ирчи Казака (1830—1879) (рис. 7), выходца из семьи крестьянина-бедняка. В раннем творчестве он воспевал природу родного края, перейдя затем к любовной лирике. В середине XIX в. он был вынужден стать придворным поэтом шамхала, но вопреки надеждам властителя стал поэтом-протестантом, борцом с богатеями, перешедшими «и скудоумия ... предел», но всегда «правыми». По требованию шамхала Ирчи Казак был сослан в Сибирь, где окрепли гнев поэта, ненависть к социальной несправедливости.

По возвращении из ссылки в 1861 г. Казак столкнулся с новыми социально-экономическими явлениями в жизни кумыков. Он описывал «новое» время в жизни кумыков, высмеивал преуспевание дельцов, осуждал мораль буржуа. В «Письме Магомед-Эфенди Османову» он писал:

Если речь о сельчанах теперь поведу —
Загребают поживу у всех на виду.
Ищут прибыли в лавках, в бахче и в саду.
На торговцев-обманщиков ты погляди!
Бедняков обдирают мошенник и плут,
Клячу жалкую за скакуна выдают,
За копейку родного отца продают.
Ложь и подлость кругом, Магомед-Эфенди.

В 1883 г. поэт М.-Э. Османов осуществил первое издание стихов И. Казака [87].

Социальные перемены и социальные конфликты, имевшие место в конце XIX в. в Дагестане, описаны кумыкским поэтом и писателем М.-Э. Османовым (1840—1904). В своих произведениях («Письмо Исмаилу», «Ответ народа наставлениям муллы» и др.) он пишет о тлетворном влиянии денег на нравы кумыков, клеймит мулл, предающихся обману и торгашеству. Османов осуждал бесчинство местных феодалов и властей, отстаивал права женщин. Но он же идиллически рисовал феодальный строй, воспевал «щедрость» феодалов-беев.

Рис. 7. Ирчи Казак — классик кумыкской литературы. Художник М.-К. Юнусулау

Зарождение реалистического направления в даргинской литературе связано с творчеством выдающегося поэта-демократа Омарла Батырая (1817—1902). Поэзия Батырая полна картин социальных изменений и контрастов в горском ауле, которые привносил капитализм. Поэт-бунтарь в цикле песен «О герое» завершил создание художественного образа борца за народное счастье, воплотив в нем лучшие национальные черты горских народов, и в этом состоит один из поэтических подвигов поэта. Душевная красота и величие народа-труженика — основная идея цикла стихов «О жизни»; уважение и сочувствие к труду земледельца и скотовода лежат в основе цикла стихов «О пахаре». Стихи о любви, о женщине составили цикл «О любви». Творчество основоположника даргинской национальной литературы знаменовало собой переход от условно-романтического художественного мышления к литературно-реалистическому [88].

Большой след в развитии поэзии Дагестана оставил другой даргинский поэт Сукур Курбан (1848—1922) [89]. В его творчестве подняты проблемы борьбы за свободу, социального неравенства. Любовная лирика слепого Курбана пронизана гуманизмом, сочувствием к беспросветной судьбе горянки. Поэт создал образ горянки, бросившей вызов современному ей миру и отстаивавшей свое достоинство (поэма «Проданная Меседу»). Курбан был первым переводчиком поэзии аварцев, кумыков и лакцев на даргинский язык.

Талантливым поэтом-импровизатором был златокузнец из аула Кубачи Мунги Ахмед (1843—1915). Он воспевал красоту и величие тружеников, особенно златокузнецов. Как и другие горские поэты, он выступал в защиту горянки. В его поэзии много нелестных слов сказано о муллах.

В 60—70-х годах были заложены основы письменной литературы лезгин. Специфику становления лезгинской литературы предопределило то обстоятельство, что создание демократического направления в поэзии,— к чему горские поэты приступили примерно с середины XIX в.,— к этому времени в основных чертах было уже исполнено лезгинскими ашугами.

Основоположником письменной литературы лезгин выступил Етим Эмин (1838—1884) (рис. 8). Он писал на лезгинском, азербайджанском и арабских языках. Поэт выступил создателем проникновенных лирических стихов, ратуя в них за новые отношения с женщиной. Герои его произведений — передовые личности, бросающие вызов времени и вырывающие любимую из рутины адатов и предписаний Корана. Творчество Етима Эмина пронизано симпатией к обездоленным, сочувствием к бедняку, верой в то, что «народ покой и волю обретет». Поэт ратует за активный протест против социального и национального гнета, утверждает идеал человека-гражданина, готового жертвовать жизнью во имя свободы.

Первым аварским поэтом, считавшим занятие литературным трудом родом деятельности, достойной всякого уважения, был Магомед Эльдарилав (1855—1882). Поэт воспевал идеи равенства. Порывая с адатом и Кораном, он провозгласил свободу, любовь к жизни, ко всему земному. Эльдарилав не поднялся до прямого протеста против социального неравенства, но противоречия тогдашней жизни все же нашли объективное отражение в его творчестве.

Одной из ведущих тем в творчестве Тажутдина Чанки (1866—1908) было изображение безрадостной участи горянки. Не порывая с религией, Чанка в своей любовной лирике обнаруживает полное неприятие исламской этики. Стихи Тажутдина были рассчитаны не на пение (как обычно), а на чтение, в силу чего они стали новым явлением в развитии горской поэзии. Поэт ввел в аварскую поэзию новый жанр — элегию. Передовые для его времени идеи свободы и равенства людей Чанка перенял из народной поэзии, усилив их звучание и накал.

В 1891 г. началась творческая деятельность Гамзата Цадасы (1877—1951). Уже в ранних стихах поэта зазвучали мотивы вольнолюбия и социального протеста. Поэт пишет эпиграммы, посвященные односельчанам, учителям и учащимся медресе, пародии на туманные стихи сур Корана, вызывавшие ярость мулл. Начинающий поэт обрисовал старые и новые черты жизни горского аула, непринужденно осмеивая принятые в его время понятия, восходившие к изжившим себя адатам. Юный поэт в «кусающихся» стихах 90-х годов высмеял ханжество и лицемерие чиновников кавказской администрации.

Интересные страницы в дагестанскую поэзию XIX в. вписали женщины-горянки — Анхил Марин и Патимат из Кумуха, посвятившие свое творчество любовной лирике.

Интерес к новым явлениям в социально-экономической и культурной жизни лакских тружеников охарактеризовал общую направленность творчества Гасана Гузунова (1854—1940). По мере поэтического возмущения действительностью любовная тематика все более уступала место показу реальной жизни народа. Гузунов стал создателем первых басен в лакской литературе («Петух Юсупзана», 1874 г., и др.). В сатирических стихах Гузунова показана нелегкая жизнь горских крестьян, угнетаемых местными богачами и царскими чиновниками-мздоимцами.

Большой известностью пользовалась поэзия Махмуда Курклинского (1860—1912), выходца из бедной семьи лакского крестьянина. Он дал тонкие и остроумные зарисовки служителей ислама, представителей цар-

ских административных властей, высмеял высокомерие и чванство социальных верхов Дагестана.

Тяжелое материальное положение ингушей в 70-х годах XIX в. изобразил в путевых очерках «Горское паломничество» Асланбек Базоркин, которого по праву считают первым из ингушей, заговорившим художественным языком. Эти произведения так же, как и историко-этнографические очерки У. Лаудаева и Ч. Ахриева, оказали определенное влияние на зарождающуюся литературу чеченцев и ингушей.

В пореформенный период литература развивалась и в Кабарде и Балкарии. Литературное творчество стало здесь делом немногочисленных, но талантливых поэтов и писателей.

Рис. 8. Етим-Эмин — классик лезгинской литературы Художник А. Азизов

В борьбе с угнетателями народа, с рьяными проповедниками ислама и шариата сложились художественно-поэтические и общественно-политические взгляды Бекмурзы Жашевича Пачева (1854—1936). Написанное в 1882 г. первое стихотворение поэта («Как Бекмурза собирался жениться») сразу же стало народной песней трудовой Кабарды. В 80-х годах Пачев изучает фольклор и историю родного народа, что нашло отражение в тематике и художественных средствах его произведений. Начало творчества Пачева — это продолжение и развитие демократических идей и мотивов народной поэзии, качественно новое явление в поэзии кабардинцев. Пафос борьбы трудового народа — главная тема его поэзии, которая звала людей труда к свободному и радостному миру.

Основоположником демократической балкарской поэзии выступил Кязим Мечиев (1859—1945). В его поэзии показаны думы и надежды балкарских тружеников, их растущий протест против насилий феодалов-таубиев. Мечиев был верующим человеком, осознавшим через стихийный демократизм необходимость «родину избавить от невзгод».

Выступив в 80-х годах с любовными стихами, Мечиев к концу 90-х годов переходит к созданию произведений, содержавших требования социальных перемен, призывы к выступлению самого народа. Его творчество 80—90-х годов питали фольклор родного балкарского народа, восточная классика, сама народная жизнь.

Как и большинство поэтов-горцев, Мечиев возвысил свой поэтический голос в защиту горянки. В стихотворении 1898 г. «Жалоба горянки», сделавшемся вскоре самой популярной песней в Балкарии, поэт рассказал о трагической судьбе девушки, ставшей «против воли женою старика с седою бородой». Поэт обратился к соотечественникам:

Матери, отцы! Не разлучайте
Молодых возлюбленных сердец,
Счастья ранних лет не разрушайте.

Высоко оценивая творчество Мечиева, балкарский поэт К. Кулиев писал: «„Из кязимовских коршей“ взошла большая поэзия Балкарии» [90].

Во второй половине XIX в. видным представителем литературы адыгов стал Умар Кайхалович Берсей — высокоодаренный человек, свободно владевший многими языками (адыгским, русским, французским, турецким, татарским).

Используя темы, сюжеты и образы устного поэтического творчества адыгов и известные литературные образы, Берсей писал басни, в которых показывал бесправное положение и нищету адыгских крестьян, их стремление к свободному труду («Два петуха», «Человек и смерть», «Юноша» и др.) [91]. Хотя басни Берсея не получили широкого распространения и не вошли в литературный обиход, все же они были смелой попыткой создания адыгейской художественной литературы (даже принимая во внимание то, что некоторые из басен были переводными). Первым абазинским писателем стал А. Г. Кешев (псевдоним — Каламбий), в литературных произведениях которого («Записки черкеса», «На холме», «Абреки») с большим знанием рисовалась повседневная жизнь абазин, их нравы, обычаи, их героизм в борьбе с природой и социальным злом [92].

Литературная традиция в Северной Осетии начинается с поэзии Темирбулата Мамсурова (1843—1899). Сохранилось 11 его стихотворений. Стихи на родном языке созданы поэтом в Турции, куда он переехал в 1865 г. с обманутыми сородичами. В его творчестве отражена трагедия горцев-переселенцев на чужбине, охваченных запоздалым раскаянием и тоской по родине. Стихи Мамсурова близки к устному поэтическому творчеству осетин, обнаруживая хорошее знание автором и русской классической поэзии. Поэт был новатором в художественном развитии осетин в XIX в.

В начале 70-х годов XIX в. начался творческий путь Инала Дударовича Канукова (1851—1899). Выходец из привилегированной семьи, воспитанник Ставропольской гимназии и Военно-артиллерийского училища, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., он в 1879 г. за свои прогрессивные взгляды был арестован и сослан на Дальний Восток. В своих очерках и рассказах («В осетинском ауле», «Две сестры» и др.) он мастерски рисовал характеры, набрасывал живые портреты, строил острые диалоги, драматические ситуации. До нас дошло более 50 стихотворений, написанных Кануковым во Владивостоке.

И. Кануков правдиво изобразил неприглядные стороны социальной «нови» осетинской пореформенной деревни, но приветствовал прогрессивные перемены, которые происходили на Северном Кавказе во второй половине XIX в. «Против могущественного напора цивилизации не устоят никакие традиции старины,— заявлял он,— И слава богу, что цивилизация забросила к нам луч свой, наконец мы видим и железную дорогу: свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что мы присоединились к семье цивилизованной Европы». Он отметил появление нового типа «деятелей», порожденных развитием капитализма в Осетии, в которых «есть зачатки характера, выработанные обстоятельствами современной жизни» [93]. Он также возвысил свой голос в защиту осетинской женщины [94]. Творческое мировоззрение поэта и писателя определялось демократическими тенденциями. Писал Кануков на русском языке и был зачинателем русскоязычной литературы в Северной Осетии.

Новую эпоху в истории культуры Осетии ознаменовало творчество Коста Левановича Хетагурова, человека исключительно многогранного: поэт, прозаик, драматург, выдающийся публицист, революционный демократ, этнограф, художник, театральный деятель.

Свои бессмертные произведения Коста создавал на осетинском и русском языках. Сборник его осетинских стихов «Ирон фандыр» («Осетинская лира») был издан в Москве в 1899 г.[95] Энциклопедичность и художественное совершенство позволили этой книге стать блистательным началом осетинской литературы. В проникнутых вольнолюбием произведениях мятежный поэт с блестящим мастерством подлинного реалиста отображал жизнь горской бедноты, тяжелое экономическое состояние и угнетенное положение родины. С горечью и душевной болью поэт восклицал:

Цепью железной нам тело сковали,
Мертвым покоя в земле не дают.
Край наш поруган, и с гор нас прогнали,
Всех нас позорят и розгами бьют! [96].

Поэт показал готовность народа умереть в борьбе за свободу,— нужен только вождь, который бы возглавил эту борьбу. «Вождь наш, спеши к нам — мы к смерти идем»,— восклицал поэт.

Отточенные стихи Коста Хетагурова были созданы при отсутствии зрелых национальных литературных традиций. Начало осетинской литературы стало в его поэзии недосягаемой вершиной. Это стало возможным не только благодаря недюжинному таланту Коста. Определяющую роль сыграло глубокое знание поэтом русской литературы. Без знания поэзии А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова Коста не достиг бы чарующей чистоты, силы и ясности стиха. Это они помогли Коста миновать младенческие ступени литературного развития и сразу выразить сокровенные думы и надежды осетинского народа в зрелых и совершенных поэтических формах.

Другим могучим источником творчества Коста был богатый фольклор осетин, большим знатоком которого он был. Вслед за К. Хетагуровым в осетинскую литературу пришли новые крупные деятели, для которых его творчество служило школой идейности и художественного мастерства.

В 90-х годах началось творчество одного из первых исследователей К. Хетагурова — Б. А. Туганова (1866—1921). Выходец из помещичьей семьи, он порвал с ней и со своим классом. В 90-х годах появились первые рассказы Туганова, содержащие просветительские идеи («Ханифа», «Пастух Баде» и др.). В них выражено сочувствие судьбе крестьян-бедняков, показаны стремление простых горцев к знаниям, недовольство устаревшими обычаями и отношениями, чуждыми социальной справедливости.

В 90-х годах появились первые произведения талантливого поэта и драматурга Блашка Гуржибекова (1868—1905). В его ранних произведениях идеи критического реализма соединялись с романтизмом. Гуржибеков осудил социальные претензии дворянско-алдарской знати, выразил протест против новых форм угнетения, которые нес капитализм. Эмансипации женщины он посвятил романтическую поэму «Очаровательная красавица». Неприглядная буржуазная современность изображена им в реалистической комедии в стихах «Дурачок».

В 1887 г. в газете «Северный Кавказ» были опубликованы рассказы Георгия Михайловича Цаголова (1871—1939), в которых показан произ-

вол царских властей, местных феодалов и народившихся кулаков-мироедов. Поэт поднимал свой голос в защиту людей труда. В поэме «Месть певца» герой «песней боевой» созывает «всех обиженных» для «нещадного боя».

В 1897 г. вышла в свет поэма Александра Кубалова «Афхардты Хасана», получившая признание в Северной Осетии.

Таковы в целом культура и общественная мысль народов Северного Кавказа во второй половине XIX в.

---

[1] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 178.

[2] Там же. С. 161.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 129.

[3а] *Услар П. К.* О распространении грамотности между горцами // ССОКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 25.

[4] Там же. С. 34.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 526.

[6] *Козубский Е.* Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. Порт-Петровск, 1890. С. 33.

[7] *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 337–338.

[8] Там же. С. 345.

[9] *Хетагуров К.* Собр. соч. Дзауджикау, 1951. Т. 3. С. 123.

[10] Названо в честь вел. кн. Ольги Николаевны.

[11] *Хетагуров К.* Указ. соч. Т. 3. С. 152.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 132.

[13] Изв. СК НЦ ВШ. Ростов н/Д, 1980. № 3. С. 29.

[14] ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Л. 2.

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 303.

[16] Там же.

[17] Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1. С. 198.

[18] Кавказ. 1896. 6 дек.

[19] *Фарфаровский С.* Дагестанская мусульманская школа // ЖМНП. 1915. нояб. С. 3.

[20] *Краснов Г.* Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1957. С. 68.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 94.

[22] Изв. СОНИИ. Сер. История. Орджоникидзе, 1958. Т. 21, вып. 1. С. 122.

[23] Газ. Северокавказская жизнь, Ставрополь, 1907. 18 сент.

[24] Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.

[25] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1880. Т. 2. С. 246; *Лейберов И. П.* Цебельдинская находка: Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М., 1976.

[26] Песни горцев. М., 1939. С. 234, 236.

[27] Осетинские народные песни. М., 1964. С. 22; Чечено-ингушский фольклор. М., 1940. С. 62–63, 67; Песни народов Дагестана. Л., 1970; Песни народов Северного Кавказа. Л., 1976.

[28] *Фарфоровский С.* Из фольклора терских казаков // Зап. ТОЛКС. 1914. № 3. С. 72.

[29] Песни терского казачества // Терский сборник на 1891 г. Владикавказ, 1890. Отд. 2. С. 151; *Семенов П.* Песни, поющиеся в станице Слепцовской Владикавказского округа // СМОМПК Тифлис, 1893. Вып. 15.

[30] Песни народов Дагестана. Л., 1970.

[31] *Кокиев С.* Записки о быте осетин. Владикавказ, 1927. С. 24; *Самогова Г. А.* Некоторые наблюдения над адыгской народной музыкой // Учен. зап. Адыгейского НИИ. Майкоп, 1973 Т. 18. С. 253; *Дауров А.* Музыкальная культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1974. С. 65.

[32] [*Балакирев М. А.*] Симфонические произведения М. Балакирева. М.; Л., 1950.

[33] *Новиков М. Г.* Ставропольский краевой драматический театр им. М. Ю. Лермонтова. Ставрополь. 1971. С. 4.

[34] *Литвиненко М., Плиева Ж., Русанов И.* Русский театр в Осетии. Орджоникидзе, 1971. С. 14.

[35] *Шортанов А. Т.* Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1961. С. 9.

[36] *Лавров Л. И.* Историко-этнографические мелочи // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп. 1975. С. 270–271.

[37] Отечественные записки. 1853. № 7. С. 38.

[38] Газ. Кавказ. 1852. № 22.

[39] *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1934. Т. 1. С. 206–209.

[40] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 9. С. 399–400.

[41] *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 163–164.

[42] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. М., 1978. Т. 1. С. 574.
[43] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1852. Т. 10. С. 333.
[44] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1850. Т. 16. С. 339–349.
[45] *Гаджиев В. Г., Пикман А. М.* Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972. С. 33–49.
[46] *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 14. С. 199; Шестидесятые годы: Сб. Изв. АН СССР. М., 1940. С. 16–17.
[47] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 53. С. 27. См. также: *Виноградов Б. С.* Л. Н. Толстой и Кавказ. Грозный. 1960.
[48] ССОКГ. Тифлис, 1880. Вып. 9. С. 99–100.
[49] ССОКГ. Тифлис, 1868–1870. Вып. 1–4.
[50] Аварские песни и сказки. Темир-Хан-Шура, 1867. На авар. яз.; ССОКГ. Вып. 1.
[51] Газ. Кавказ. 1865. № 64, 65.
[52] ССОКГ. Тифлис, 1869. Вып. 3. С. 19–20.
[53] Газ. Кавказ. 1873. № 57, 59, 87, 106.
[54] Там же, 1874. № 65, 96, 103–105, 146.
[55] ССОКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7.
[56] СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4.
[57] Там же.
[58] Там же. Тифлис, 1893. Вып. 17.
[59] *Анисимов П. Ш.* Горские евреи-горцы. М., 1888.
[59а] См.: *Гаджиев В. Г.* Абдурахман и его воспоминание // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 126–162.
[60] *Алкадари Г. Э.* Асари Дагестан. Махачкала, 1929.
[61] *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев // Терский сборник на 1892. Владикавказ. 1893.
[62] *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССОКГ. Тифлис, 1871. Вып. 6.
[63] Терские ведомости. 1872. № 31, 32.
[64] *Богданов В. В.* В. Ф. Миллер: К 100-летию со дня рождения // РФ Ин-та этнографии АН СССР. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1. Л. 40, 431.
[65] ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 206. Л. 22.
[66] Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 123–171.
[67] Вестник Европы. 1884. Кн. 4. С. 540.
[68] Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6.
[69] *Попко И.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1: Гребенское войско.
[70] *Ржевусский А.* Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги: Хлебная производительность и торговля. СПб., 1892–1894. Вып. 1–3.
[71] *Щербина Ф. А.* История кубанского казачества. Екатеринодар, 1907. Т. 1, 2.
[72] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 162.
[73] *Губкин И. М.* Избр. соч. М.; Л., 1953. Т. 2.
[74] *Пантелеев И. Я.* Очерк истории изучения и развития Кавказских Минеральных Вод. М., 1955. С. 72.
[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 102.
[76] *Хут Ш. Х.* Творчество адыгских писателей-просветителей XIX – начала XX в. // Сборник статей по адыгской литературе и фольклору. Майкоп, 1975. С. 116; *Туркаев Х. В.* Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978. С. 75.
[77] *Каламбий* [Кешев А.-Г.] На холме: Из записок черкеса // Русский вестник. 1861. Т. 36. С. 321–322.
[78] *Кешев А.-Г.* Записки черкеса // Библиотека для чтения. 1860. Май. С. 19.
[79] Вопросы о демократизме А.-Г. Кешева требуют доисследования. Признающий его взгляды демократическими Ш. Г. Хут неожиданно заключает, что «в целом он остается сыном своего класса» (*Хут Ш. Х.* Указ. соч. С. 120). Х. В. Туркаев пишет, что Кешев впитал идеи революционных демократов (см.: *Туркаев Х. В.* Указ. соч. С. 75), но в воззрениях Кешева революционности не обнаруживает.
[80] *Цаллаев Х. К.* Философские и общественно-политические воззрения А. А. Гассиева. Орджоникидзе, 1966. С. 92–107.
[81] *Суменева З.* Инал Кануков – просветитель, публицист, поэт: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
[82] *Кумыков Т. Х.* Жизнь и общественная деятельность Л. К. Кодзокова. Нальчик, 1962. С. 49.
[83] Турция запретила въезд горцам Кавказа только в 1912 г. См.: *Гриценко Н. П.* Горские аулы и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 35.
[84] *Кумыков Т. Х.* Указ. соч. С. 32.
[85] *Юсупов Р.* Многонациональная литература народов Дагестана // Вопросы дагестанской литературы: Сб. статей. Махачкала. 1973. Т. 2: Национальное и интернациональное в литературе народов Дагестана. С. 15–16.
[86] Там же.
[87] *Османов М.-Э.* Сборник ногайских и кумыкских песен. СПб., 1883.
[88] Омарла Батырай: Материалы науч-

ной сессии, посвященные 150-летию поэта. Махачкала, 1977. С. 4, 94.

[89] См.: *Далгат У. Б.* Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962. С. 82. В этой книге дата его рождения отнесена к 1842 г.

[90] *Кулиев К.* Кузнец // Новый мир. 1967. № 9. С. 79.

[91] *Зекох У. С.* Умар Берсей — просветитель адыгейского народа // Учен. зап. Адыгейского НИИ. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 112–113; *Кунижев М. Ш.* Формирование жанров адыгейской литературы: Рук. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. С. 11; *Хакуашев А. Х.* Адыгские просветители. Нальчик, 1978. С. 251.

[92] Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик 1980. С. 66, 74–105.

[93] ССОКГ. Тифлис, 1874. Вып. 9. С. 109, 111–112.

[94] Там же. 1875. Вып. 8, раздел 2. С. 42.

[95] См.: *Хетагуров К. Л.* Собр. соч. М., 1951. Т. 1.

[96] Там же.

Глава X

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX В.

1. Общая характеристика социально-экономического строя

Конец XIX — начало XX в.— важный рубеж в жизни Северного Кавказа, изменивший его хозяйственный облик в связи с ростом его промышленного производства в системе единого всероссийского хозяйственного организма и широкими распашками земли под пшеницу, табак и прочее, что сказалось и на социальной структуре, положении и представлениях, укладе и образе жизни всех проживавших там народностей, классов и социальных слоев и групп. Вступлением России в период империализма замкнутое как сословие казачество, горцы, кочевые народы степной полосы, стоявшие прежде в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, шире, чем прежде, втягиваются в водоворот мирового товарного обращения. Русский капитализм нивелирует местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости «*и создает себе рынок для своих фабрик*»[1]. Высокоразвитые формы капиталистической организации стали утверждаться в регионе не только в промышленности, но и в сфере банковского кредита, обмена и транспорта, а Кавказ превращался «в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака», как об этом писал В. И. Ленин еще в 1896—1899 гг.[2]

В менявшемся облике Северного Кавказа на переломе двух столетий рельефно отразились характерные черты России, явившейся в ту пору узловым пунктом противоречий мирового империализма, куда переместился центр международного революционного движения. Присущи ей были все типичные социально-экономические противоречия тогдашнего мира — между трудом и капиталом, между развивающимся капитализмом и значительными феодально-крепостническими пережитками, еще прочно державшимися в горской и казачьей среде. Особую остроту этим противоречиям в условиях многонационального региона придавала система политического, духовного и национального гнета царского самодержавия. Стоявшие перед всей страной социальные проблемы ликвидации монархии, помещичьей кабалы, освобождения трудящихся от капиталистического рабства и национального угнетения — были главными проблемами и для Северного Кавказа.

Говоря об экономическом завоевании края, В. И. Ленин писал: «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой

стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов», поскольку они «производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия» [3].

Поразительный рост горнопромышленности, обусловленный крутым подъемом добычи нефти в Чечне и на Кубани, цемента в Новороссийске, лихорадочными поисками ископаемых в Балкарии, Дагестане, Карачае, Осетии и других местах, как писал В. И. Ленин, приводил к росту процесса «отвлечения населения от земледелия к промышленности» [4].

К характерным чертам менявшегося облика края следует отнести также бурное строительство морских портов и железных дорог, прежде всего для перевозки хлеба, нефти, леса, цемента, строительных материалов, рыбы.

Вовлечение народов Северного Кавказа в водоворот российского капиталистического процесса является основным содержанием развития их как во второй половине XIX в., так и в начале XX в. Суть этого процесса заключалась в ломке старых феодально-крепостнических производственных отношений и становлении новых, буржуазно-капиталистических.

В. И. Ленин глубоко и всесторонне исследовал вопрос о развитии капиталистического рынка, «о развитии капитализма *вглубь*, т. е. дальнейший рост... земледелия... промышленности», но вместе с тем он связывал этот процесс со стремлением капитализма к расширению сферы своего господства на новые территории, т. е. «развитию капитализма *вширь*» [5]. Процессы развития капитализма *вглубь* и *вширь* В. И. Ленин рассматривал взаимосвязанно, не отрывая друг от друга, понимая под этими процессами: 1) «образование и развитие капиталистических отношений в пределах данной вполне заселенной и занятой территории»; 2) расширение капитализма на другие территории — «заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма». Далее, отмечая развитие капитализма на окраинах России, В. И. Ленин приходит к выводу, что «юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь» [6].

В конце XIX — начале XX в., когда южные и юго-восточные районы страны, в основном заселенные и сравнительно экономически развитые, утратили черты колонии в экономическом смысле, экономика горских народов Северного Кавказа в известной степени сохраняла колониальный облик. В период империализма военно-феодальная эксплуатация царизмом новых территорий все более дополнялась эксплуатацией со стороны промышленной буржуазии. На Северном Кавказе население испытывало не только экономический и национальный гнет, но и более сильный административно-политический гнет, чем в великорусских районах страны.

В связи с вступлением России в период империализма резко обострились основные социальные противоречия в стране — противоречия между трудом и капиталом, между метрополией и колониями, между монополизмом в промышленности и феодализмом в сельском хозяйстве. Вопрос ликвидации феодальных отношений в сельском хозяйстве стоял очень остро в России в начале XX в., так как, по словам В. И. Ленина, «чисто капиталистические отношения придавлены еще у нас *в громадных* размерах отношениями *крепостническими*. Борьба массы населения, в первую голову массы крестьян вообще, с этими именно отношениями — вот в чем своеобразие русского аграрного вопроса» [7].

Противоречия между производственными отношениями в промышленности и в отсталом сельском хозяйстве особенно обострились на аграрных окраинах. Это вызывало специфические формы аграрных движений и антиколонизаторской борьбы.

Северный Кавказ, какой бы отсталой и зависимой окраиной России он ни был (особенно горские районы), оказался втянутым в новую империалистическую стадию развития капитализма. Общего курса развития не могли изменить специфические особенности, связанные с наличием здесь сильных пережитков феодальных и дофеодальных отношений.

* * *

В начале XX в. численность населения Северного Кавказа продолжала расти как за счет дальнейшего заселения, так и за счет естественного прироста.

По составу населения в Дагестане местные народности к концу XIX в. достигали едва ли не 95% общей численности. Это были аварцы (158 тыс. человек), даргинцы (121,4 тыс.), лезгины (48,2 тыс.), кумыки (51,2 тыс.), лакцы и табасаранцы (91,3 тыс.) и др. На Кубани более 90% населения были русскими, в том числе 56% принадлежали к «войсковому сословию». Местные народности составляли 5,4% от общего числа населения области. К ним относились: черкесы (38,5 тыс. человек), карачаевцы (27,2 тыс.), адыгейцы (21,3 тыс.). В незначительном количестве в пределах Кубанской области жили кабардинцы, абхазцы и другие кавказские и европейские народности. В Терской области русское население составляло 33,7%, в том числе на казачье сословие приходилось около 20% от общего количества населения области. Местное население Терской области получило в исторической литературе наименование «кавказские горцы», оно было этнически пестрым и разноязычным. Это были: чеченцы (226,5 тыс. человек), кабардинцы (84,1 тыс.), кумыки (31,8 тыс.). В пределах Кизлярского округа Терской области продолжали кочевать ногайцы (36,5 тыс.). В Ставропольской губернии почти 95% населения — русские [8].

В отличие от капиталистических государств Запада Российская империя представляла собой сложное многонациональное государство, где в ряде окраин преобладали местные народы. В горских районах Северного Кавказа это было четко выражено. Такое положение выдвигало перед Россией в целом и национальными окраинами в частности специфические проблемы экономического, социального и политического характера.

Подавляющее большинство населения Северного Кавказа на переломе двух веков проживало в крупных селениях, станицах, аулах и было связано с земледелием или скотоводством. Вся тяжесть сельскохозяйственного производства лежала на плечах крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Почти 9/10 всей сельскохозяйственной продукции производилось в крестьянских хозяйствах. В рассматриваемое время основная часть горского казачьего населения и русские и украинские крестьяне-переселенцы занимались земледелием.

По данным Первой всеобщей переписи населения (1897 г.) 92,4% чеченцев добывало себе пропитание земледельческим трудом. Там же отмечается, что «осетины, так же как и чеченская народность, главным образом кормятся земледелием», подобно тому «как и все черкесские (адыге)» также преимущественно занимаются земледелием. Что касается дагестанцев, то «лезгинские народности, которых главнейшее занятие составляет тоже земледелие, несколько более занимаются скотоводством» [9].

Хозяйства крестьян на Северном Кавказе у разных народностей, на плоскости и в горах, в прибрежье и в степях были разнолики. Однако при всей их пестроте и особенностях можно выделить:

1) хозяйства, наиболее *сохранившие замкнутость* и натуральный характер, но уже вовлекаемые в разной степени в водоворот экономических связей;

2) хозяйства *переходные* — от целостного натурального его типа к продаже рабочей силы на сторону, в отход и к покупке ее;

3) разные типы *зажиточных хозяйств*, для которых характерным был переход к использованию усовершенствованных земледельческих орудий и машин, что подрывало устои примитивных систем земледелия, способствовало повышению урожайности.

2. Сельское хозяйство

Земледелие. Капиталистическая перестройка земледелия на Северном Кавказе особенно проводилась именно на рубеже XIX—XX вв. Рост спроса на хлеб на внутреннем и внешнем рынках привел к увеличению посевных площадей, к росту товарпости хозяйства, техническому перевооружению и росту применения вольнонаемного труда. Развитие капиталистических отношений в земледелии и производство хлеба на рынок наиболее быстро происходило в крестьянских хозяйствах Западного Черноморья, на Кубани и в Ставрополье.

Прежде всего расширилась распашка целинных земель, обусловленная ростом экспорта хлеба. Наиболее интенсивно это происходило в Кубанской области и Ставропольской губернии. За один только 1910 г. на Кубани посевные площади возросли на 120 тыс. дес.[10] Посевы местами расширились не только в русских деревнях, но и в горских аулах. В адыгейских аулах пахотные земли возросли с 57 тыс. дес. в 1910 г. до 75 тыс. дес. к 1913 г.[11] В Дагестане количество земли, обрабатываемой под разные пахотные угодья, увеличилось за 1907—1913 гг. более чем на 80 тыс. дес.[12] В Кабардино-Балкарии площадь под пашнями возросла с 65,8 тыс. дес. в 1905 г. до 112,5 тыс. дес. в 1913 г.[13]

Во всем регионе стремительно возрастали посевные площади зерновых культур. Особенно интенсивно это происходило накануне первой мировой войны, что видно из следующих сравнительных данных [14]:

Годы	Посевные площади главных культур, тыс. дес.
1901—1905	4 683
1906—1910	5 603
1911—1915	6 883

По сравнению с пятилетием 1901—1905 гг. посевные площади главных культур увеличились на Северном Кавказе на 46,9%, а по сравнению с пятилетием 1906—1910 гг.— на 22,7%. Предкавказье наряду с Южным районом и Западной Сибирью стало играть ведущую роль в рыночных поставках зерна накануне первой мировой войны, свидетельствуя о дальнейшем перемещении зерновых центров на восток и юго-восток страны.

В связи с ростом товарности хозяйства изменялась структура посевных площадей. Земледелие приспосабливалось к потребностям рынка, а так как самый большой спрос был на пшеницу, то больше всего возросли посевы именно этой культуры. Ее сеяли и на целинных землях, занятых прежде овцеводческими хозяйствами, и по старой пахоте. Озимая пшеница давала более половины всего сбора зерна.

Основной житницей региона были Кубань и Ставропольская губерния, дававшие 85% валового сбора зерна. Терская область давала 13,6%, Дагестан — 1,2, Черноморская губерния — 0,2%. В Терской области под пашней находилось только 8% земель, в то время как в Ставропольской губернии почти половина. За 20 лет, с 1893 по 1912 г., площадь под пшеницу в Степном Предкавказье выросла с 3520 тыс. до 6377 тыс. дес., т. е. на 81,1%.

Больше стали сеять такие «рыночные» культуры, как кукурузу и подсолнечник. Посевы кукурузы на Северном Кавказе, прежде всего в Чечне и Ингушетии, Осетии и Кабарде и Балкарии, только за десятилетие с 1896 по 1906 г. возросли с 135,9 тыс. дес. до 238,2 тыс. дес. и продолжали расширяться. Посевы этой культуры опережали общий рост посевных в крае в два с лишним раза. В Кабарде и Балкарии на кукурузу приходилось 26,6% всех посевов.

Вывоз кукурузы на внешний рынок из Осетии возрос с 3,7 млн пуд. в 1907—1911 гг. до 4,7 млн пуд. в 1911—1914 гг.

Быстрый рост производства кукурузы объяснялся ее высокой урожайностью и растущим спросом со стороны животноводства и спирто-водочных заводов.

Большим спросом на внутреннем и внешнем рынках стали пользоваться масличные культуры. До 90-х годов XIX в. это было льняное семя, а с начала XX в.— подсолнечник (основным производителем его стала Кубанская область).

Попытка превратить Северный Кавказ в хлебоводческий район не удалась. А вот табаководство получило значительное распространение. На Кубани, где более всего возделывали табак, уже к началу XX в. под ним было занято 13 тыс. дес. земли. К началу первой мировой войны Кубань и Черноморье давали 15% всего табака, производившегося в стране.

Посевы ржи, проса и овса значительно уменьшились. Даже в высокогорных аулах, где раньше не выращивали ничего, кроме ячменя, стали сеять и собирать неплохой урожай гречихи, увеличились посевы пшеницы, особенно озимой.

Садоводство, виноградарство и огородничество не имели такого промышленного значения, как земледелие, и прогресс в этих отраслях был не столь разительным. Виноградарство более всего было развито в восточной части Северного Кавказа (в Дагестане, Кизлярском округе, отчасти в Ставропольской губернии).

Рост огородных культур, особенно картофеля, был особенно заметен в горных районах, населенных карачаевцами, балкарцами и другими горцами. Промышленным огородничеством в Ставропольской губернии занимались болгары, выращивавшие замечательный лук и другие овощи.

Увеличение валовых сборов зерна и других земледельческих культур шло главным образом за счет роста посевных площадей, а не за счет интенсификации хозяйства, которое и в начале XX в. оставалось экстенсивным. Департамент земледелия сообщал военному министру в 1894 г., что Донская, Терская и Кубанская области, а также Ставропольская губерния составляют обширный край, богато одаренный от природы, но еще не отличающийся большой сельскохозяйственной культурой. Во многих селениях сохранилась залежная система земледелия, не было четкого севооборота. В погоне за прибылью землю доводили до истощения, так как сеяли одни и те же культуры, на которые был большой спрос на рынке, или сокращали сроки залежи. Поэтому так часты были неурожайные годы, особенно в засушливых степях Ставрополья.

В зажиточных хозяйствах, приближавшихся к фермерским, стали переходить к паровой системе, трехполью и многополью.

При трехполье землю делили на три клина: под озимые, яровые, толоку. При четырехпольной системе выделяли сенокосные участки.

В высокогорных аулах, где при крайнем малоземелье невозможен был никакой севооборот, повысить урожай стремились обильным удобрением полей навозом и поливкой. При этом в большинстве крестьянских хозяйств все еще обрабатывали землю примитивными, дедовскими орудиями труда и только 1/10 часть хозяйств, более зажиточных, имела возможность приобретать усовершенствованные заводские плуги, косилки, веялки, жатвенные машины. Распространение машин среди русского крестьянства способствовало их внедрению и среди горского населения, особенно в плоскостных районах края — в Кабарде, Адыгее, Осетии, Чечне и других, хотя и значительно медленнее. Так, например, на 76 тыс. человек горского населения Баталпашинского отдела Кубанской области приходилось в 1903 г. 54 жатвенных машины, 7 косилок, 16 веялок, 6 сеялок [15].

Интерес к усовершенствованным сельскохозяйственным орудиям, к агрономическим мероприятиям проявляла незначительная часть помещиков и землевладельцев, перестраивающих свое хозяйство на капиталистические рельсы, и зажиточная часть крестьянства. Непреложные законы товарно-капиталистического производства требовали увеличения производства продукции, предназначенного для рынка, заставляли земледельцев наряду с расширением посевов интенсифицировать сельскохозяйственное производство. В. И. Ленин писал: «С одной стороны, именно капитализм является фактором, вызывающим и расширяющим употребление машин в сельском хозяйстве; с другой стороны, применение машин к земледелию носит капиталистический характер, т. е. ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их» [16]. По материалам П. А. Шацкого, только в одном хозяйстве В. Р. Штейнгеля «Хуторок» имелось 108 сеялок, 8 жатвенных машин, 8 сноповязалок, 9 косилок, 3 паровых молотилки и 10 веялок [17].

Кроме плугов русского производства, в этот период широко проникают на Северный Кавказ изделия американских и немецких фирм.

Возросло и применение наемной рабочей силы. Кроме местных батраков, число которых росло по мере расслоения крестьянства, в период сенокоса и уборки на Северный Кавказ устремлялись огромные массы пришлых рабочих из центральных и южных губерний страны. Они двигались по железной дороге от Ростова и Царицына через станцию Тихорецкую, морем через Ейск, Темрюк, Тамань, Анапу, шли пешком и передвигались на подводах [18].

На крупных станциях Владикавказской железной дороги возникали специальные рынки, на которых тысячи батраков продавали свою рабочую силу зажиточным крестьянам и владельцам экономий.

В горских областях и в XX в. сохранились такие завуалированные формы найма, как супряга, различные товарищества, эксплуатация обедневших родственников под видом помощи и т. д. Пользуясь темнотой и забитостью горского крестьянства, и русские кулаки стремились нанимать горскую бедноту за грошовую плату натурой. В аулах значительно больше, чем в русских селах, были распространены «батраки с наделом», имевшие свое небольшое хозяйство, которое не могло прокормить их и вынуждало идти в кабалу к кулакам.

Таким образом, вся тяжесть земледельческого труда падала на плечи крестьян и наемных рабочих.

Главными производителями сельскохозяйственной продукции на Северном Кавказе были крестьяне, на долю помещиков приходилось лишь 10% ее. Основными поставщиками товарного хлеба были кулаки и хозяева помещичьих экономий. Бедняцкие и значительная часть середняцких хозяйств продавали продукты своего хозяйства не от избытка их, а по необходимости, из нужды в деньгах для уплаты налогов, приобретения предметов хозяйственного и бытового обихода и т. д.

Крестьянству не хватало земли. Хозяйство приходилось строить на клочках надельных, прикупленных и арендованных участков. И в то же время земля в достатке была в крупных частновладельческих имениях. Помещичье хозяйство как опора остатков крепостничества в земледельческих центре России сохраняло эту свою сущность и на окраинах, хотя и играло здесь куда меньшую роль. Но, при сходстве основных черт общественно-экономического уклада, частновладельческие имения в степях и предгорьях Кавказа сохранились либо как остаток незрелого «горского феодализма», либо как следствие их «насаждения» извне.

Просторы частновладельческого землевладения превышали трудовые ресурсы помещичьих имений. Несмотря на наличие в них собственного рабочего скота и инвентаря, на растущее приобретение новых усовершенствованных орудий и земледельческих машин, росла и потребность в найме сельскохозяйственных рабочих.

Как показывают статистические данные, собственное владельческое хозяйство местной горской и казачьей знати и помещиков Ставрополья редко велось на достаточно большой площади. Большая часть пахотных и сенокосных угодий сдавалась в аренду как за деньги, так и за отработки как способ обеспечения имения рабочей силой, способ ведения хозяйства путем кабалы крестьян.

Переплетение капиталистической и крепостнической систем в одном и том же хозяйстве — характерная черта почти всех имений в Дагестане, Ставрополье, на Кубани и на Тереке. В экономической организации помещичьего хозяйства, особенно в горской и казачьей среде, продолжали проявляться сила привычки, традиций, социальной психологии землевладельцев.

Однако в условиях крутой ломки старого уклада жизни на рубеже XIX—XX вв. частновладельческое хозяйство не могло остаться в застывшем виде и здесь, на Северном Кавказе. Капитализм втягивал их в водоворот хозяйственных связей, побуждая господ приспосабливаться к менявшейся обстановке, вырабатывать *черты предпринимательства*. На Кубани и в Ставрополье развитие помещичьего хозяйства в направлении капитализма обнажилось контрастнее и резче, чем в других местах. Крупными по размерам производства становились даже хозяйства на относительно небольших массивах. При наличии собственных плугов, усовершенствованных машин, волов и лошадей обработка земли велась в них наемными рабочими и инвентарем самого владельца. В имении «Хуторок» наряду с 375 постоянными рабочими в горячую пору, в страду на полях трудились тысячи поденщиков, косарей и жниц.

На переломе XIX—XX вв. интенсивно шел процесс ликвидации малопроизводительных помещичьих владений на Кавказе, что можно ощутить по росту количества заложенных имений и их распродаже. Средневековые владения разламываются на куски. Но характерный для той поры способ ведения мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка земли владельцев инвентарем мелкого крестьянина продолжают сохраняться и четко прослеживаются по целому ряду сохранившихся имений.

Скотоводство. Наряду с земледелием в сельскохозяйственном производстве Северного Кавказа большое значение имело скотоводство. Обилие роскошных степных и горных пастбищ, теплый климат весьма благоприятствовали занятию населения всеми видами скотоводства: коневодством и овцеводством, разведением крупного рогатого скота, свиней, коз. В 1907 г. общее количество скота в крае достигло 15 350 тыс. голов, в том числе 1466 тыс. лошадей, 3616 тыс. голов крупного рогатого скота, 8860 тыс. овец, 470 тыс. коз, 832 тыс. свиней. На первом месте по количеству скота стояла Кубанская область (5008 тыс. голов скота), на втором — Ставропольская губернии (4153 тыс. голов), затем шли Терская область (3848 тыс.), Дагестан (2243 тыс.) и Черноморье (108 тыс.) [19].

Несмотря на общее большое количество скота, товарность его на Северном Кавказе была невысокой и довольно неравномерной. Это объяснялось низкопородностью в значительной своей части, особенно в крестьянских хозяйствах, отгонной системой, которая сохранялась в горных районах края. Скот, особенно принадлежавший маломощным крестьянским хозяйствам, страдал от природных невзгод: снегопада, гололеда, нехватки кормов, подвергался эпизоотиям и т. д.

Скотоводство для горцев Северного Кавказа являлось жизненно важной и давней хозяйственной деятельностью. Несмотря на некоторое увеличение количества скота в крае, эта отрасль хозяйства горцев падала. В этом сказывался результат колониальной политики царизма, объявившего все горские земли казенными и притеснявшего горское крестьянство в землепользовании.

Бурный рост тонкорунного овцеводства, который наблюдался в степном Предкавказье в 60—90-х годах XIX в., сменился в начале XX в. упадком, особенно заметным в Ставропольской губернии. Там в 1897 г. было 1840 тыс. мериносовых овец, а к 1906 г. их поголовье сократилось на 664 475 голов, т. е. на 36%. Овцеводы-промышленники Кубани и Ставрополья стали перекочевывать со своими отарами в район Терека, где рост цен на землю был не таким быстрым [20], а многие перегнали свои отары в Юго-Западную Сибирь, куда в XX в. переместился центр тонкорунного овцеводства.

Грубошерстное овцеводство пострадало не так сильно, но и в нем наблюдалось уменьшение поголовья. Лучшими породами грубошерстных овец в степном Предкавказье были волошская, татарская порода «малич» и карачаевская курдючная. Шерсть их шла на изготовление бурок, мясо пользовалось заслуженной славой во всех городах Кавказских Минеральных Вод.

От роста посевных площадей и уменьшения пастбищ пострадало также коневодство, которое нуждалось в обширных пастбищах, особенно табунное коневодство горских народов. В 1903 г. в Кубанской области было 847 табунов с 1807 производителями и 17 958 матками, а через три года, в 1906 г., осталось 733 табуна. К 1913 г. табунов было только 191. И это несмотря на покровительство Кавказского коннозаводского округа, несмотря на льготы, даваемые владельцам табунов, на передачу им лучших пастбищ на льготных условиях.

Недостаток пастбищ вел к ухудшению породности лошадей, о чем с прискорбием писал начальник Кубанской области: «Частными табунами в большей части владеют горцы, которые главным образом снабжают казаков строевыми лошадьми, но недостаток в пастбищах неблагоприятно отражается на горском коневодстве, лошади мельчают и вырождаются» [21]. Поэтому с 90-х годов XIX в. происходит переход от табунного к заводскому коневодству. Если в начале 90-х годов в Кубанской области

было всего 19 конных заводов, то к 1897 г.—297. Еще большее развитие получило заводское коневодство в Терской области — родине знаменитых кабардинских лошадей. В Пятигорском округе было одно из лучших на Кавказе скаковых обществ.

Кроме промыслового коневодства, существовало и домашнее, или хозяйственное, в котором разводились лошади упряжного типа, смешанных, нечистокровных пород. Эти нетребовательные крестьянские лошади использовались и для транспортных нужд, и для крестьянских работ, в том числе и для пахоты.

Пока в степном Предкавказье поднимали целину, в качестве тягла в тяжелый плуг впрягали быков, но, чем больше было мягких, старопахотных земель, тем больше использовались для пахоты лошади.

Таким образом, несмотря на упадок табунного коневодства, общее поголовье лошадей оставалось высоким, в то время как количество овец и крупного рогатого скота уменьшалось. Так, в Кубанской области в 1891 г. на 100 душ населения приходилось 103 головы крупного рогатого скота и 259 голов мелкого, а в 1900 г. соответственно — 80 и 161. В Терской области, где товарное скотоводство стало развиваться позже, а вытеснение его земледелием не было сильным, поголовье скота сохранялось и даже несколько увеличилось [22].

Высокие в целом цифры были типичны для экстенсивного характера скотоводства. Значительная часть скота продолжала содержаться на подножном корму, без теплых помещений. Все еще велики были потери скота от эпизоотий, хотя в этом отношении были достигнуты некоторые успехи благодаря открытию карантинных застав и ветеринарных пунктов.

С ростом имущественного неравенства все более увеличивалось неравенство во владении скотом. В то время как отдельные хозяйства насчитывали десятки и даже сотни тысяч голов скота (например, Мазаевы, имевшие 200 тыс. овец, Меснянкины — 80 тыс.), все больше крестьянских хозяйств лишалось последней скотины. Даже в таком скотоводческом районе, как Карачай, 40% крестьянских хозяйств не имели овец.

Несмотря на ухудшение условий для скотоводства на Северном Кавказе, товарность коневодства и овцеводства в начале XX в. продолжала расти. На многочисленных «конских» и «скотских» ярмарках продавали ежегодно сотни тысяч голов скота (лошадей — главным образом для ремонта казачьей кавалерии). Рост городов Северного Кавказа повысил спрос на продукты скотоводства: мясо, масло, сыр, жиры. Промышленность Украины и центральных губерний предъявляла спрос на шерсть, вывоз которой резко возрос.

Крупные барышники скупали по дешевой цене скот в аулах и селах Северного Кавказа, а затем перегоняли его крупными партиями в Закавказье, на Украину и в центральные губернии. Часто владельцы крупных овцеводческих хозяйств сами занимались торгово-промышленной деятельностью, скупкой и вывозом шерсти, организацией маслосыродельных заводов. «Соединение промысла с земледелием упрочивает и развивает капиталистические отношения, распространяя их с промышленности на земледелие и обратно» [23],— писал В. И. Ленин.

Скупщики шерсти, хлеба, молока для маслосыродельных заводов занимались одновременно и ростовщичеством и организацией производства. Крупнейшая фирма в сыроварном производстве (Бландова) имела 25 сыродельных заводов, в том числе и на Северном Кавказе. Скупая за бесценок молоко у крестьян, в том числе у карачаевцев, предприниматели изготовляли дорогие сорта сыров, которые находили сбыт не только в курортных городах

Кавказа, но и далеко за его пределами. Конкурентом Бландова на Северном Кавказе был Чичкин.

Тем не менее Северный Кавказ, в том числе и горные районы, в конце XIX — начале XX в. превращается в один из основных районов — поставщиков скота, шерсти, кож и других продуктов животноводства. Постепенно политика царизма приводила к превращению Северного Кавказа в сырьевую базу для русских фабрикантов и рынок сбыта готовой продукции.

Расслоение и разложение крестьянства. Возникновение имущественного неравенства В. И. Ленин считал исходным пунктом разложения крестьянства. Но это разложение не исчерпывалось одним только имущественным расслоением. «Старое крестьянство не только „дифференцируется", оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,— типами, которые являются базисом общества с господствующими товарным хозяйством и капиталистическим производством» [24],— писал В. И. Ленин.

Этими новыми типами были сельская буржуазия и сельский пролетариат. Сельская буржуазия вела товарное хозяйство, которое часто соединялось с торгово-промышленным предпринимательством. Необходимым условием существования этой группы был наемный труд батраков.

Расслоение крестьянства прошло несколько стадий развития. Имущественное неравенство в условиях натурального хозяйства было «простым неравенством» и имело обратимый характер. С развитием мелкотоварного хозяйства расслоение принимает более стойкий характер, проявляет тенденцию к сокращению численности среднего слоя крестьянства. С утверждением капиталистических отношений на первый план выдвигаются именно крайние группы: кулаки и сельские пролетарии и полупролетарии. Начинается разрушение крестьянства как такового.

Простое имущественное расслоение началось сразу же после реформ, разложение — позже, с 80-х годов XIX в., и охватило не все слои крестьянства. Это особенно ярко выявилось на Северном Кавказе, где наряду с сохранением мелкотоварного хозяйства все ярче выступала капиталистическая перестройка сельского хозяйства. Имущественное неравенство проявлялось прежде всего во владении скотом, обезземеливании крестьянской массы и концентрации земли в руках кулаков. Таким образом, проникновение капиталистических отношений в сельскохозяйственное производство вело к классовому расслоению крестьянства, к разложению сельской общины как у крестьянства, так и у казачества.

Социально-экономический раскол крестьянских хозяйств, хотя и в неодинаковой степени, на переломе XIX—XX вв. охватил все народы Северного Кавказа. Так, например, неравенство во владении скотом в горских аулах видно из следующих данных. В Дагестане 11% крестьянских хозяйств даже в скотоводческих аулах не имело крупного рогатого скота, а 66% не имело овец; в Осетии 26,4% не имело рабочего скота; в Карачае у 40% дворов не было овец, в Черкесии без скота значилось всего 3,2% крестьянских дворов. Среди адыгейских крестьян 13% дворов не имело скота, а 29% было без рабочей тягловой силы; из общего числа 80 513 обследованных казачьих хозяйств Кубани без рабочего скота было 9884, т. е. 12,3%. У чеченцев 45,7% домохозяйств не имели мелкого скота, а среди ингушей на плоскости число хозяйств без мелкого скота достигало 44,3%. В 90-х годах XIX в., комментируя статистические данные о хозяйстве чеченцев, современник отмечал, что «отсутствие мелкого скота почти у половины населения при общем малоземелье

Таблица 6

Число рабочих лошадей в каждом из крестьянских хозяйств, в % *

Крестьянские хозяйства	Дагестанская область	Терская область	Кубанская область	Ставропольская область	Северный Кавказ
С 1 лошадью	86,1	64,8	42,1	42,9	50,5
С 2 »	10,1	21,5	34,7	33,6	29,4
С 3 »	2,1	6,7	8,6	11,8	9,0
С 4 и более	1,7	7,0	14,6	11,7	11,0

* Подсчитано по данным военно-конской переписи 1903 г. (Статистика Российской империи. СПб., 1906. Вып. 61).

его не может не отразиться тяжело на экономическом положении его и, следовательно, так или иначе влияет на хозяйственность и возможность самостоятельно вести земледельческое хозяйство» [25].

По данным военно-конской переписи 1903 г., в крестьянских обществах Северного Кавказа в целом 44,1% хозяйств не имело лошадей. В Дагестане лошадей не было у 75% всех дворов; у 48,1% они отсутствовали в Терской области, в том числе, по свидетельству современника, «число безлошадных по всей Чечне чрезвычайно велико и достигает 60,4%. Это, по всей вероятности, единственная народность в России, имеющая такой огромный процент безлошадных»; у 42,2% — в Кубанской области, в Ставропольской губернии — у 22,7% [26].

Указанное различие связано, прежде всего, с условиями крестьянского землевладения и землепользования. В число безлошадных входили не только бедняки, которых было большинство, но и те, кто занимался торговлей, промыслом или ремесленным производством. Но в целом картина верно передает положение крестьянских хозяйств (см. табл. 6).

Вряд ли можно более выразительно представить вопиющее неравенство среди крестьянского населения, вызванное процессами капиталистического развития края.

Столь же значительным было неравенство и во владении воламп — главной рабочей силой в условиях крестьянского хозяйства Северного Кавказа (см. табл. 7).

Расслоение крестьянства Ставрополья, казачества, иногородних и горского населения Кубанской и Терской областей имело свои специфические особенности. Сильнее всего имущественное расслоение и разложение крестьянства было в Ставропольской губернии. Там быстрее всего росли крайние группы крестьянства: кулачество и беднота, вынужденная жить продажей своей рабочей силы. Крестьянская беднота, особенно «иногородние», не имевшие права на получение земельного надела, страдала от малоземелья и отсутствия рабочего скота, от тяжелых поборов самодержавного государства и роста недоимок. Но вместе с тем именно в этих районах больше всего было крупных кулацких хозяйств, применявших наемную рабочую силу и сельскохозяйственные машины, обладавших крупными торгово-промышленными заведениями: паровыми мельницами, сыроварнями, салотопками. Одним из источников их обогащения была аренда земли у кочевых народов Ставрополья, где паслись тысячные отары овец и стада крупного рогатого скота.

Рост имущественного неравенства среди казачества тормозился наличием казачьей общины и феодального землепользования по средневеко-

Таблица 7

Владение рабочими волами среди ставропольских крестьян *

Крестьянские дворы	Количество дворов	%
Не имеющие волов	30 004	40,40
Имеющие от 1 до 5 пар волов	30 717	41,37
» от 6 до 12 »	12 711	17,12
» от 13 до 16 »	511	0,70
» от 16 пар волов и свыше	307	0,41
Всего дворов	74 250	100

* *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство в Предкавказье. Л., 1970. С. 149—178.

вому принципу «земля за службу», сохранением значительных казачьих привилегий. Так, в Кубанской области в руках казачества было 78,8% всех земель, а у сельских обществ, куда входили и горские аулы и русские крестьянские села,— всего 7,5% земель. Казачья община была одновременно и поземельной и военной единицей, она должна была обеспечивать пополнение казачьего войска, набор и обучение новобранцев.

Однако и внутри казачьих общин шел процесс имущественного неравенства, причем в Кубанском казачьем войске — более сильный, чем в других казачьих войсках. Казачья беднота не могла обеспечить новобранцев лошадьми, поэтому в Кубанском войске появились пехотные части — пластуны. Почти 1/3 казачьего населения и более 2/3 иногородних Кубани не могли вести самостоятельного хозяйства, так как не имели тягла. Но тем не менее выделение крайних групп было не столь значительным и расслоение казачества не дошло до его разложения.

Казачество в целом получало большие доходы от сдачи в аренду станичных земель, хотя львиная доля этих доходов шла казачьей верхушке. Наиболее распространенной формой аренды в XX в. была краткосрочная капиталистическая денежная аренда, но сохранялась и испольщина. «Исполу» чаще отдавали сенокосные земли, обеспечивая этим казачьи хозяйства сеном, добытым за бесценок. Свыше 11% казачьих земель сдавалось в аренду «иногородним» и горским крестьянам.

Большое влияние на рост арендной платы оказал стремительный рост продажных цен на землю. Если в 1906 г. средняя цена 1 дес. земли в России равнялась 90 руб., то в Терской области — 98,5 руб., а в Кубанской — 296,5 руб. Через 8 лет 1 дес. земли на Кубани стоила уже 400 руб.[27] В малоземельных нагорных районах земля была еще дороже. В Карачае, например, 1 дес. земли в 1914 г. стоила около 1800 руб.

Арендные цены в начале XX в. значительно поднялись, с 2—3 руб. за 1 дес. до 8—16 руб. и больше.

Особенно высокой была посажéнная плата за земли, сдаваемые внутри казачьих станиц «иногородним». Каждая сажень такой земли сдавалась за 5 коп., что составляло 120 руб. за 1 дес. Земли за пределами станиц сдавались обычно с торгов большими массивами, арендовать которые могли только богатые люди. Это порождало субаренду и другие земельные спекуляции.

От роста арендных цен страдало и горское крестьянство, особенно горская беднота, совершенно не имевшая паевых наделов и вынужденная прибегать к аренде земли или батрачеству, к отходничеству в другие области.

В Балкарии половина крестьянских хозяйств владела от 0,25 до 0,5 дес. земли каждое, а в горах Осетии в среднем — 0,4, Ингушетии — 0,3, в нагорной Чечне — 0,9, в Карачае — до 0,4 дес. пашни [28]. В то же время в Чечне 8,6% зажиточных хозяйств владели 34% средств производства.

В Дагестане беки и казна сосредоточили в 1913 г. в своих руках 32% общего количества земли, а крестьяне, составлявшие более 95% населения, имели 68% земли. На каждого богатого землевладельца в среднем приходилось 74 дес., а на крестьянина — 0,3 дес. удобной земли [29]. Экономическое положение последних следует признать нищенским. Медленно и мучительно шла перестройка на капиталистический лад в хозяйствах горцев. Они страдали не только от острого малоземелья, но и от кабальных средневековых форм обложения, податей, от сословной неполноправности. Так, оценка повинностей, отбываемых 13 тыс. «дымов» зависимого населения Дагестана бекам, составила в 1913 г. 30 тыс. руб.[30]

Крестьянское население Северного Кавказа было обложено непомерно тяжелыми налогами в пользу казны. Отсюда постоянный рост недоимок, ухудшение платежеспособности населения. В Кубанской области и Ставропольской губернии за 1907—1912 гг. различные недоимки возросли с 332,2 тыс. руб. до 634,9 тыс. руб., в Терской области (за 1908—1910 гг.) — с 481,4 тыс. до 664 тыс. руб., в Дагестанской области (за 1905—1909 гг.) — с 320 тыс. до 492 тыс. руб. и в Черноморской губернии (за 1906—1913 гг.) — с 11,8 тыс. до 29,2 тыс. руб. [31] Помимо этого, мусульманское население было обложено воинским налогом (взамен отбывания воинской повинности). Горцы, кроме того, отбывали дорожную и квартирную повинности. Мелкотоварное производство, господствовавшее в горском ауле, вело к дальнейшему ухудшению и без того тяжелого материального положения трудящихся крестьян, отдавало их на откуп бекам, кулакам и торгово-ростовщическому капиталу.

В аулах сохранялись завуалированные формы найма; испольный выпас скота и обработка земли, работа у разбогатевших родственников, различные формы «по́мочей», которые прикрывали эксплуатацию чужого труда.

Однако в целом процесс имущественного расслоения в аулах не достиг уровня разложения крестьянства благодаря сохранению пережитков феодальных отношений, феодального землевладения, большой натуральности хозяйства, благодаря административному гнету, ставившему горское крестьянство в неравноправное положение.

Угнетенное положение горского крестьянства отрицательно сказывалось на развитии производительных сил не только горских аулов, но и казачьих станиц, которые вместо интенсификации своего хозяйства значительную часть земель сдавали в аренду «иногородним» и малоземельному горскому крестьянству. «Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплуатация „инородцев“» [32],— писал В. И. Ленин.

Крестьянские поземельные банки и кредитные учреждения. Как результат развития капитализма и своеобразной реакции на операции ростовщиков в селах, станицах и аулах Северного Кавказа стали возникать учреждения мелкого кредита: ссудо-сберегательные товарищества и кассы (кооперативные учреждения с паевыми взносами), сельские банки (сословные учреждения) и новый тип кооперативного учреждения —

кредитные товарищества, основной капитал которых образовывался с помощью ссуд Госбанка (в то время как ссудо-сберегательные товарищества могли получать из него средства только уже при наличии собственного паевого капптала). Одной из первых — в 1869 г.— возникла ссудная касса карачаевского общества. С 70-х годов XIX в. общества взаимного кредита и ссудные сберегательные кассы появились на Кубани, позже сельскпе банки открыли свои действия в Прасковее и Урожайном (на Ставрополье), в Моздоке и Ольгинском (Осетия); в Нальчике было образовано «Управление Кабардинской общественной суммой» и др.[33]

Первый в России устав мелкобуржуазной кооперации — устав Кугультинского кредитного товарищества (в Ставрополье) вызвал появление других подобных всесословных товариществ.

Мелкобуржуазная кооперация, представленная на Северном Кавказе 32 кредитными и 21 ссудо-сберегательным товариществом (их не было только в Дагестане и Черноморье), сельские банки (а их в одном Ставрополье действовало 79 с выдачей клиентам по 1874,4 тыс. руб. в год) способствовали расширению товарно-денежных отношений, развитию хозяйственной инициативы «крепких» крестьян, подъему их капиталистического производства.

В крае действовало также отделение Крестьянского поземельного банка: им в 1896—1900 гг. выдано 107 ссуд на покупку 34 тыс. дес., а в 1901—1904 гг. уже 218 ссуд на приобретение 70,4 тыс. дес. земли. Частным владельцам к 1904 г. под залог земель выдано несколько миллионов рублей, между тем как «большинство нуждающихся в земле», по признанию члена Кавказского отделения Крестьянского поземельного банка В. М. Городецкого, не могли даже обратиться за помощью, оставаясь лишь «со своими мечтами о приобретении в собственность... участка земли» [34].

Одновременно продолжали действовать и сословные кредитные учреждения. Так, только в одной Ставропольской губернии с 1893 по 1905 г. число сельских банков возросло с 4 до 80, а сумма выданных ими ссуд с 73 тыс. руб. до 2 млн руб.

Годы революции (1905—1907) усилили самостоятельную инициативу масс, в том числе и в сфере кооперативного объединения. Особенно быстро росли кредитные товарищества, основанные на беспаевом начале. В 1907 г. на Северном Кавказе действовало уже 52 кредитных товарищества, объединявших 20 587 членов. Ссудные операции этих товариществ выросли за годы революции почти в 10 раз: с 84,1 тыс. руб. в конце 1904 г. до 826,8 тыс. руб. в 1907 г.[35]

Еще более интенсивно росли потребительские кооперативы. Если до 1900 г. их было всего 5, то к 1908 г. их число перешагнуло за 50. Сосредоточены они былп главным образом в Кубанской области и в Ставропольской губернии. В Черноморской губернии и Дагестане кооперативных организаций в этот период еще не было.

Число ссудо-сберегательных товариществ несколько сократилось (до 19), но их ссудные и посреднические операции за годы революции возросли [36]. Кооперация служила интересам главным образом средних и зажиточных слоев северокавказской деревни. Ни сословные, ни всесословные кооперативные учреждения не были рассчитаны на бедноту. Так, для получения ссуд в сельских банках надо было вносить значительный денежный взнос. В кредитных товариществах требовалась «хозяйственная благонадежность», т. е. определенный материальный достаток в обеспечение ссуды. Опираясь на зажиточные слои населения, мелкобуржуазная кооперация способствовала расширению товарно-денежных отноше-

ний, развитию хозяйственной инициативы крестьян, вовлечению их в капиталистическое производство.

Крестьянский банк, действовавший также в интересах зажиточных слоев деревни, поддерживал цепких предпринимателей, укрепляя их позиции. Первое десятилетие деятельность Крестьянского банка (до 1903 г. Северный Кавказ относился к району действия Донского отделения банка в г. Новочеркасске, а с 1 февраля 1903 г. было открыто Кавказское отделение банка в г. Екатеринодаре) на Северном Кавказе была незначительной. За это время банк выдал всего лишь 6 ссуд (все в Ставропольской губернии) на покупку 9381 дес. земли. В 1897—1907 гг.[37] 589 домохозяйствам Кубани было выдано ссуды на общую сумму 297,1 тыс. руб.[38]

Не получила развития на Северном Кавказе до первой российской революции и покупка земель Крестьянским банком, несмотря на то, что местные помещики предлагали банку десятки имений. Банк либо находил земли непригодными для выгодной перепродажи, либо владельцы имений находили цены, предлагаемые банком за их земли, низкими. Более широкие операции развернул банк по выдаче ссуд крестьянам на покупку земель. В 1897—1900 гг. по всем губерниям и областям Северного Кавказа было выдано 107 ссуд на приобретение 34 тыс. дес., в 1901—1904 гг. было выдано уже 218 ссуд на покупку 70,4 тыс. дес. земли. В годы революции число испрашиваемых и полученных ссуд резко сократилось: крестьянство надеялось получить землю бесплатно или по льготным ценам. Уменьшилось и количество заявленных к покупке земель. Так, в 1901—1904 гг. Крестьянский банк ежегодно получал заявки на покупку в среднем по 19,4 тыс. дес. земли на Кубани, а в 1905—1907 гг.— только по 8,1 тыс. дес. Соответственно в Терской области — по 6,4 тыс. дес. в 1901—1904 гг. и по 4,1 тыс. дес. в годы революции[39]. Еще резче этот процесс обнаружился в Ставропольской и Черноморской губерниях.

Основными покупателями земель были «иногородние» крестьяне (на горское и казачье население деятельность Крестьянского банка до 1907 г. не распространялась). Абсолютное большинство ссуд (98,2%) было выдано товариществам. На единоличные сделки приходилось всего 1,2%, на сделки сельских обществ — 0,6%. Средний размер покупаемых земель составлял 14,5 дес. при товарищеских сделках и 17,1 дес.— при единоличных[40]. Если учесть, что к ссуде, выданной банком, крестьянину приходилось доплачивать в среднем около 374 руб. да еще иметь средства для организации своего хозяйства на новом месте, то станет ясным, что к услугам Крестьянского поземельного банка могли обращаться главным образом обеспеченные сельские хозяева. Крестьяне-середняки, покупавшие землю с помощью банка, как правило, не могли вовремя погасить свои долги и вынуждены были прибегать к займу денег у кулаков и ростовщиков, что в конечном итоге вело их к новой кабале и разорению.

Не забывал банк и интересы земельных собственников, выдавая им значительные ссуды под заложенные имения. Только за годы первой русской революции банк выдал землевладельцам под залог земель несколько миллионов рублей в виде первоначальных и дополнительных ссуд.

Крестьянский банк, действовавший в интересах зажиточных слоев деревни, способствовал развитию предпринимательских хозяйств на Северном Кавказе и социально-экономическому размежеванию его сельского населения.

3. Промышленность

На уровне развития промышленности Северного Кавказа в период империализма сказались как общероссийские причины застоя и подъема, так и местные обстоятельства. Ее не обошли кризис 1901—1903 гг., депрессия 1907—1909 гг. и предвоенный подъем. Но, поскольку в крае почти не было тяжелой промышленности, сильнее других ощущавшей кризис в начале XX в., поскольку здесь преобладала обработка сельскохозяйственной продукции, а спрос на нее на внутреннем и внешнем рынках не снижался, то и кризисные явления здесь ощущались слабее по сравнению с Петербургом или Югом. Растущий спрос на нефть, цветные металлы и на цемент в 1909—1914 гг. очень способствовал развитию соответствующих отраслей промышленности на Северном Кавказе.

Вместе с тем вплоть до 1917 г. в крае существовали такие порядки, которые способствовали доходам казны, казачьих войск, владельцев земли и рыбопромысловых вод, а также привилегированного Общества Владикавказской железной дороги, но отрицательно сказывались на развитии промышленности. Назовем лишь некоторые из них. В 1894 г. была отменена откупная система при аренде нефтеносной земли. Но арендовать участок в 10 и более десятин можно было только с разрешения правительства. Соблюдение формальностей и решение вопроса затягивались иногда на годы. Любой участок можно было арендовать не более чем на 24 года, что не было выгодно арендаторам, они не рисковали вложить в нефтедобычу большие средства на короткий срок. Значительными были расходы предпринимателей в качестве попудной платы или долевого отчисления нефтью. О размерах расходов арендаторов-промышленников легко судить, например, по тому, что только один рыбопромышленник Воробьев уплачивал наследникам шамхала Тарковского в начале XX в. по 90 тыс. руб. в год, Терское войско в 1892 г. получало доход от нефтяных, рыбных и соляных промыслов в 28,1 тыс. руб., а через 10 лет — уже 777,3 тыс. руб.[41] В гл. VIII уже была показана тормозящая роль Общества Владикавказской железной дороги в развитии промышленности и транспорта края. Эта роль не уменьшилась и в начале XX в. Вместе с другим частным Обществом Юго-Восточной железной дороги оно, например, сорвало строительство важной для Дона и Северного Кавказа казенной железной дороги Козлов — Прохладная.

Тем не менее промышленность края продолжала развиваться, а некоторые отрасли ее — довольно быстро.

В первое пятилетие XX в. общее количество фабрично-заводских предприятий выросло на 2,5%, во втором — на 5,8%, в период промышленного подъема этот рост был еще бóльшим, и в 1913 г. фабричной инспекции было подчинено 259 предприятий, тогда как в 1901 г. в крае их числилось 140. Это без учета мастерских, заводов, элеваторов, принадлежавших Обществу Владикавказской железной дороги.

Увеличение общего количества предприятий сопровождалось и сокращением числа многих мукомольных, цементных, нефтедобывающих и других заведений, не выдержавших конкуренции с крупными. Лучшим показателем этого был опережающий рост численности рабочих по сравнению с количеством предприятий: в 1905—1910 гг. число предприятий выросло на 5,8%, а число рабочих на 41,6%, объем промышленной продукции — на 67,3%.

В начале XX в. получила дальнейшее развитие железнодорожная сеть Северного Кавказа. Если в 1908—1915 гг. в стране в целом было построено всего 4,3 тыс. верст железных дорог, то на долю Северного

Кавказа из них приходилось 1200 верст[42]. С 80-х годов XIX в. край еще не знал столь бурного железнодорожного строительства. Наряду с развитием Владикавказской были построены Ейская, Армавиро-Туапсинская и Кубано-Черноморская железные дороги.

Горнодобывающая и нефтяная промышленность. Ведущее место в добывающей промышленности заняла добыча нефти. Со времени промышленного подъема 90-х годов XIX в., когда в нефтедобывающую промышленность Грозненского района хлынули отечественный и иностранные капиталы, до 1901 г. там было добыто 192 млн пудов нефти. Это в 60 раз превышало добычу ее за предыдущие 60 лет. Русские капиталисты Ахвердов, Русановский, Максимов, Дараган были пионерами нефтедобычи в Грозном. Банкирский дом Ротшильдов в Париже, группа английских, бельгийских и немецких предпринимателей благодаря близким к царскому двору дельцам сумели проникнуть в этот район, купить уже действовавшие предприятия и создать крупные фирмы[43].

Хотя иностранные капиталисты буквально рвались в Россию, используя для этого все средства и цели, из 25,8 млн руб., привлеченных к 1904 г. в грозненское нефтяное дело, отечественному капиталу принадлежало более половины вложенной суммы — 13,8 млн руб. (53%), англичанам — 5 млн (19,3%), бельгийцам — 4,3 млн (16,6%), французам — 1,9 млн (7,4%) и немцам — 0,8 млн руб. (3,2%).

Если даже не говорить о сомнительных приемах иностранных коммерсантов, указанное соотношение опровергает распространенное в иностранной литературе утверждение, что нефтяная промышленность на Тереке своим возникновением обязана будто бы исключительно иностранцам[44].

Что касается нефтеобрабатывающей промышленности, то наиболее крупными были заводы: «Русский стандарт» — в Новороссийске, Общество «Ахвердов и К°» и Общество Владикавказской железной дороги — в Грозном (последний завод, кстати, был и самым технически совершенным: он был создан талантливым русским инженером Ф. А. Инчиком и обладал системой теплообмена, чего в ту пору не было даже за границей).

На Кубани же нефтяное дело, напротив, почти заглохло. В 1896 г. у станицы Ильской действовало лишь 15 неглубоких скважин с малым дебитом, дававших только «тяжелую» нефть, негодную для переработки, а в 1903 г. «Русский стандарт», дела которого в Грозном шли в гору, прекратил добычу на Кубани. Другие же иностранные и отечественные фирмы, допущенные к нефтяным промыслам на Кубани (английский синдикат Эллиота, торговый дом Бедфорда, Русско-Кавказское общество), и отдельные иностранные дельцы типа Стюарта, Марполаки, Миллера, Баумгартена ничем себя не проявили и скорее занимались дискредитацией кубанских месторождений[45], чем способствовали их развитию. Добыча нефти сосредоточилась в Грозненском нефтепромышленном районе.

В годы предвоенного промышленного подъема усилились темпы развития горнозаводской промышленности. В Майкопе за этот период сложился крупный нефтепромышленный район, пользовавшийся мировой известностью. За 1910—1913 гг. добыча нефти возросла здесь с 1,4 млн пудов до 5,3 млн пудов[46]. За короткое время было подано более 600 заявок на разведку и добычу нефти в этом районе[47].

В Майкоп с новой силой хлынули российский и иностранный капиталы. Из общей суммы основного капитала предприятий, принадлежав-

ших англичанам в России в 1910—1914 гг., более 43% падало на нефтяную промышленность Майкопа [48]. Иностранный капитал овладел почти всей добычей майкопской нефти [49].

Толчком к дальнейшему развитию добычи нефти в Чечне и Ингушетии послужило открытие богатейших ее запасов в Новогрозненском районе. Только в 1910 г. было подано свыше 2 тыс. заявок на добычу и разведку нефти в Грозненском районе [50]; здесь в 1913 г. ее добыча составляла 73,9 млн пудов [51].

В то время как в Баку добыча нефти продолжала падать, на Северном Кавказе она возросла с 75,5 млн пудов в 1910 г. до 78,8 млн пудов в 1913 г.[52]

Расширилась и нефтеперерабатывающая промышленность. Были сооружены новые заводы, и в 1914 г. они имели способность переработать всю нефть, добывавшуюся на Тереке и Кубани.

Важнейшей чертой развития нефтяной промышленности было усиление в ней процесса концентрации и монополизации. В рассматриваемый период 9/10 производительности промышленности края оказалось в руках крупнейших нефтяных трестов и концернов («Братья Нобель», «Шелл», «Ойль», «Ахвердов и К°», «Твиди-Андрейс»).

Усилились позиции иностранных капиталов в нефтепромышленности Чечни и Ингушетии, в которой их доля накануне войны от общей суммы капиталовложений в 71 млн руб. составила: английских — 36%, российских — 27,2, французских — 18,2, бельгийских — 9,5, голландских — 9,1% [53]. Монополии искусственно взвинтили цены на нефть за десять лет более чем в 6 раз. В 1913 г. В. И. Ленин, вскрывая сущность «нефтяного голода», писал, что «в России положение невыносимо именно потому, что у нас вздорожание непзмеримо сильнее как раз для нефти, а вместо роста производительности застой... что вместо широкого, свободного, быстрого развития капитализма мы видим застой и гниение» [54].

Скачок в добыче нефти основывался на техническом перевооружении промыслов. В Грозном в начале XX в. эксплуатировалась 51 буровая скважина. Денно и нощно работали 149 паровых двигателей, действовали 120 километров трубопроводного хозяйства; 57 железных резервуаров, несколько насосных станций, много котельных, электростанции, наливные эстакады. Нефтяные и торгово-транспортные фирмы поставили на рельсы Владикавказской железной дороги 2844 наливных вагона [55], приобрели шхуны, нефтеналивные пароходы, наливные баржи для перевозки товаров по морям и рекам, построили склады и пристани, открыли агентства.

Но на фоне этих достижений мрачным вестником капитализма явились грандиозные пожары, озарявшие ночное небо и окрестные горы. Во время пожаров гибли многие рабочие. Загублена была и смелая по техническому замыслу система теплообмена. Огромные озера нефти в перегороженных оврагах отравляли окружающую среду. В ожесточенной конкурентной борьбе капиталисты скрывали друг от друга результаты бурения. Отсюда — хищническое использование нефтеносных земель.

Грозненская нефть относится к редкому на земном шаре виду: в ней много легких частей (бензина, лигроина) и в большом количестве содержится парафин, к чему на мировом рынке пробуждался особый интерес. Отечественные специалисты Ф. А. Инчик и К. В. Харичков обогатили науку разработкой теоретических основ промышленного производства ценных продуктов из нефти. По их проектам сооружались оригинальные для того времени установки [56]. В 90-х годах XIX в. при их участии в Грозном открылось Отделение Русского технического общества,

с которым связана также деятельность таких выдающихся русских геологов, как Е. М. Юшкин и И. Н. Стрижов.

Возникла отраслевая организация крупного капитала — Съезд терских нефтепромышленников.

Успехи дела вызвали яростную борьбу. Бакинские короли нефти увидели в Грозном опасного соперника. На страницах бакинских газет развернулась антигрозненская кампания [57]. Братья Нобель проявили небывалое усердие, провалив в 1896 г. проект строительства нефтепровода Грозный — Черное море [58], в чем проявилась их откровенно хищническая политика монополистов. Общество Владикавказской железной дороги, в свою очередь, оказывало давление на владельцев грозненских предприятий, диктуя свои условия фирмам. Острая конкурентная борьба в нефтяной промышленности шла и между грозненскими фирмами.

Одним из первых в истории российского монополистического капитализма документально оформленных соглашений монополистического типа был синдикат основных грозненских нефтедобывающих фирм «Ахвердов и К°», «Шпис» и «Англо-русское Максимовское общество»,— возникший в 1902 г. в условиях жесточайшего торгово-промышленного кризиса. Заключенный без всякого содействия со стороны государства, синдикат в силу противоречий распался уже в октябре 1903 г. Несмотря на кратковременный характер, данное объединение, нацеленное против мелких заводовладельцев и Общества Владикавказской железной дороги, положило начало «единой политике» крупных грозненских фирм и как бы открыло собой вереницу соглашений подобного рода в различных отраслях промышленности. В истории терской нефтяной промышленности соглашение явилось своеобразным рубежом, после которого она стала терять присущие ей в 90-х годах XIX в. локальные, местные черты, утрачивать ореол «блестящей изоляции» и превращаться в составную часть сложнейших комбинаций в мировой нефтяной промышленности.

Сдвиги наметились и в организации свинцового и цинкового производства: было учреждено смешанное русско-бельгийское акционерное горнопромышленное химическое Общество «Алагир», 80% акций которого оказались в руках иностранного капитала [59].

Учитывая спрос мирового рынка, Общество «Алагир» закрыло старый свинцовый завод, наладило плавку цинка на новом заводе и приступило к постройке рудообогатительной фабрики в Мизуре.

Начался промышленный ажиотаж, на производство разведки месторождений полезных ископаемых было выдано 31 разрешение [60]. За предвоенное пятилетие добыча свинцовых руд в Северной Осетии возросла на 15%, производство цинка — в 2,6 раза, свинца — в 3,2 раза [61].

Добыча руды производилась и в Карачае: на р. Индыш был построен свинцовый рудообогатительный завод, лаборатория и другие сооружения, но «вследствие затруднительного материального положения общество временно прекратило свои действия» [62].

Частично горнорудная лихорадка была подхлестнута хищническими устремлениями капитала из-за рубежа.

Приток иностранного капитала в горное дело края в какой-то мере ускорил процесс его развития, однако не он определял его облик. Иностранный капитал вынужден был лишь приспосабливаться к уже идущему хозяйственному развитию Северного Кавказа.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 594.
[2] Там же. С. 594–595.
[3] Там же. С. 594.
[4] Там же. С. 395.
[5] Там же. С. 395.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 85, 86.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 307.
[8] Общий свод по империи результатов разработки данных Первой переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1907. Т. 2. С. XV, XXIV, XXV, XXVIII–XXX.
[9] Там же. Т. 1. СПб., 1905. С. II–IV.
[10] Кубан. сб. на 1910 год. Екатеринодар, 1910. С. 119.
[11] Сборник статей по истории Адыгеи. Майкоп, 1976. С. 191.
[12] История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 265.
[13] История Кабарды. М., 1957. С. 152.
[14] *Дубровский С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 215.
[15] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 1640. Л. 505.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 223.
[17] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство в Предкавказье. Л., 1970. С. 205.
[18] Там же. С. 200.
[19] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год третий. СПб., 1909. С. 174.
[20] *Шацкий П. А.* Указ. соч. С. 149.
[21] ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1236. Л. 39.
[22] *Шацкий П. А.* Указ. соч. С. 178.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 376.
[24] Там же. С. 166.
[25] *Магомедов Р. М.* История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968. С. 303; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 206; Адыгейская автономная область. Майкоп, 1947. С. 106; *Кулиш И.* Расслоение кубанского казачества в конце XIX и начале XX в. // Тр. Кубанского пединститута. Краснодар, 1930. Т. 1 (4). С. 102–105; *Хасбулатов А. И.* Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963. С. 35.
[26] Статистика Российской империи. СПб., 1906. Вып. 61: Военно-конская перепись 1903–1904 гг.; Изв. СК НЦ ВШ. Общественные науки. 1976. № 3. С. 96, *Максимов Евг., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа: Чеченцы. Владикавказ, 1894. Вып. 2. С. 82–83.
[27] *Кузницкий С.* Аграрный вопрос в Ставропольской губернии: (Статистический отчет). Ставрополь, 1921. С. 30.
[28] *Гриценко Н. П.* Заметки о деятельности Абрамовской комиссии // Изв. ЧИНИИ. Грозный, 1965. Т. 4, вып. 1. С. 171.
[29] История Дагестана. Т. 2. С. 271–272.
[30] ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 7. Д. 2665. Л. 3–4.
[31] См. отчеты и обзоры по областям и губерниям Северного Кавказа за соответствующие годы в «Терских ведомостях», «Кавказских календарях» и сборниках.
[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26, С. 318.
[33] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 298. Л. 126; Мелкий кредит и учреждения его вообще и в Ставропольской губ. в частности. Ставрополь, 1906. С. 47; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 368.
[34] Кубан. сб. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 447.
[35] Тр. Второго съезда представителей учреждений мелкого кредита Кубанской области с 19 по 24 октября 1908 г. в Екатеринодаре. Екатеринодар, 1909. С. 70–72; Терский календарь на 1912 г. Владикавказ, 1911. Вып. 21. С. 170; Тр. Второго Ставропольского съезда представителей учреждений мелкого кредита в губернии и г. Ставрополе 15–18 февраля 1913 г. Ставрополь 1914. С. 90. (Подсчет мой.– *Авт.*)
[36] Журн. Союз потребителей. 1917. № 1. С. 35–36.
[37] Журн. Союз потребителей. 1917. № 1. С. 35.
[38] Кубан. сб. Т. 18. Табл. 3.
[39] См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год 1–4. СПб., 1907–1910.
[40] Кубан. сб. Т. 18. Табл. 2; См.: Сборник статистико-экономических сведений... Год 1–4.
[41] *Шигабудинов М. Ш.* Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905–1907 гг. Махачкала, 1964. С. 35–36.
[42] История СССР. М., 1968. Т. 5. С. 270. Подробно о железнодорожном строительстве на Северном Кавказе см.: *Журавлев В. В.* Нов ли миф о «народном капитализме»? // Учен. зап. Мос. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1966. № 249; *Серый Ю. И.* От чугунки до советской магистрали // Перегон в столетие. Ростов н/Д, 1964; *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее движение на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема и первой мировой войны (1910 – февраль 1917). Махачкала, 1970. С. 24–28.
[43] ЦГИА СССР. Ф. 23. Оп. 25. Д. 204. Л. 78 об.

[44] «Альфред Стюарт... открыл нефть в Грозном на Кавказе».— писали Е. Г. Девенпорт и Сидней Р. Кук (Нефтяные тресты и англо-американские отношения. М., 1925. С. 56).

[45] *Дубовицкий М. М.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубанской области (60—70-е годы XIX в.— 1920 г.): Автореф. дис. ... ... канд. ист. наук. Краснодар, 1966. С. 12.

[46] См.: Кавказский календарь на 1912 г. Тифлис, 1911. С. 285; Отчет кавказского горного управления за 1913 г. Тифлис, 1914. С. 120—180.

[47] Отчет начальника Кубанской области за 1910 г. Екатеринодар, 1911. С. 182.

[48] *Дубовицкий М. М.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубани // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 371.

[49] *Пономарев К. П., Штейнер С. И.* Очерки истории нефтяной промышленности Кубани. М., 1958. С. 65—71.

[50] Отчет начальника Терской области за 1910 г. Владикавказ, 1911. С. 110.

[51] Отчет окружного инженера за 1913 г. // ЦГА СОАССР. Ф. 169. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.

[52] ЦГИА ГССР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 4580. Л. 30, 142, 229; Отчеты начальника Терской области за 1910—1913 гг. Владикавказ, 1911—1914. С. 96—111; Кавказский календарь на 1912—1915 гг. Тифлис, 1911—1914. С. 285—400. (Подсчет мой.— *Авт.*)

[53] *Колосов Л. Н.* Монополии и иностранный капитал в нефтяной промышленности Грозненского района (1890— февраль 1917 г.). Л., 1975. С. 31—32.

[54] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 35.

[55] Газ. Каспий. 1899. № 162. По данным Е. М. Юшкина, на рельсы было поставлено 3240 вагонов. См.: *Юшкин Е. М.* Начало грозненской нефтепромышленности в очерках. Екатеринодар, 1909. С. 46—47.

[56] *Инчик Ф. А.* К вопросу о вывозе грозненской сырой нефти // Сб. тр. Терского отделения Русского технического общества 1901 г. Владикавказ, 1902. Вып. 1. С. 30—40.

[57] *Юшкин Е. М.* Указ. соч. С. 12; газ. Каспий. 1895. № 201.

[58] ЦГА СОАССР. Ф. 11. Оп. 58. Д. 1197; ЦГИА СССР. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2377.

[59] *Джанаев А. К.* Забастовка рабочих Садона 1897 г. Орджоникидзе, 1968. С. 20—21.

[60] Материалы по истории Осетии. Дзауджикау, 1950. Т. 3. С. 137.

[61] ЦГИА ГССР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 5824. Л. 1—2. (Подсчет наш.— *Авт.*)

[62] ЦГИА СССР. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 447. Л. 68 об.

Глава XI

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

1. Обострение классовых противоречий. Зарождение социал-демократического движения на Северном Кавказе

В начале XX в., когда большевизм вышел на арену революционной борьбы, происходили глубокие сдвиги в российском и международном рабочем движении, обусловленные вступлением капитализма в стадию империализма и перемещением в Россию центра международного революционного движения.

В эпоху империализма резко обострились социально-экономические противоречия. Ради получения сверхприбылей русские и иностранные монополии усилили эксплуатацию рабочих и крестьян, трудящихся народов окраин, которые подвергались также жестокому национальному угнетению.

В стране продолжалась политическая реакция, усилившаяся с начала 80-х годов и охарактеризованная В. И. Лениным, как разнузданная, невероятно бессмысленная и зверская[1]. На окраинах она еще более успливалась национальным угнетением.

С упразднением на Кавказе в 1882 г. должности наместника, пользовавшегося известной самостоятельностью в управлении, в крае была введена должность главноначальствующего гражданской частью, но управление перешло в полное подчинение центральной власти, а в крае введено «Положение исключительной охраны». «Время либеральных веяний и реформ на Кавказе кончилось,— писала в 1909 г. кавказская пресса,— и началась специфическая обрусительная политика»[2] самодержавия.

Для горских народов Северного Кавказа тяжелые социально-политические последствия имел, в частности, указ «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом»[3], изданный 21 марта 1888 г. Указ должен был способствовать, как писал главноначальствующий гражданской частью на Кавказе кн. А. М. Дондуков-Корсаков, восстановлению у казаков «боевого духа и военных привычек»[4], приходивших в упадок в связи с проникновением в хозяйство казаков капитализма и классовым расслоением в казачьей станице. На деле указ явился важнейшим средством усиления национального угнетения. У горских народов Кубани и Терека были отменены элементы гражданского управления, введенные в связи с буржуазными реформами 60—70-х годов в России, и ликвидированы элементы национальной государственности. Из ведения Министерства внутренних дел горцы, по указу

21 марта 1888 г., были переведены в подчинение Военного министерства, и над ними установилось военно-казачье управление во главе с наказными атаманами и начальниками областей. Новый закон исключал участие в управлении представителей и русского гражданского населения; занятие ответственных должностей, все административное устройство было передано, «в ущерб остальному населению,— исключительно казачьему населению» [5].

Наказные атаманы Кубанской и Терской областей в управлении и суде «для охранения общественного порядка, тишины и спокойствия» по отношению к горцам пользовались особыми правами. Царизм проводил в крае русификаторскую политику, мешал созданию своей, национальной культуры и искусства, тормозя всем этим национальное развитие горских народов. В национальных районах края государственным языком был объявлен русский язык; в немногочисленных школах преподавание велось также на русском языке [6]. «За время упразднения наместничества из местных правительственных школ,— признавал гр. И. И. Воронцов-Дашков,— было вовсе исключено пользование туземными языками» [7].

В административном устройстве края были сохранены черты военного управления: области — вместо губерний, округа и отделы — вместо уездов. У горских народов суд фактически не был отделен от административного управления. Народы края были искусственно разорваны на части, вводились в состав различных административных единиц. Территория и народы Дагестана, например, были поделены между Терской и Дагестанской областями. Малая Кабарда, изъятая из Кабарды, включена в состав Сунженского отдела. Ингушетия вводилась то в состав Владикавказского округа, то Сунженского отдела. Постепенно был снят этнический, национальный признак, лежавший ранее в основе наименований горских округов. Таким образом, административное устройство, введенное царизмом, ломало исторически сложившиеся этнические и другие общности коренного населения.

Вслед за указом 21 марта 1888 г. в первой половине 90-х годов XIX в. были изданы другие суровые законы и распоряжения против стихийного народного движения. Паспортная система 1891 г. лишала горцев: права переезда с места на место без особого разрешения, права поступать на работу, арендовать земельные участки вне места прописки и вообще проживать в пределах территории другой национальности. По закону 1893 г. («Об изъятии некоторых преступлений, совершаемых в пределах Кавказского края, из общего порядка подсудимости») «дела о восстании и вооруженном сопротивлении властям», о «разбое», поджоге и тому подобные, «когда эти преступления совершены горцами, без различия национальности, сословия и вероисповедания» [8] рассматривались военными судами по законам военного времени. Эти и другие законы, в частности законы о воспрещении горцам Терской области жить в Грозном, в слободах Воздвиженской, Шатой и ауле Ведено, введение мер об имущественной охране «лиц нетуземного населения» явились своеобразными контрреформами [9]. В условиях колониально-помещичьего режима они носили ярко выраженный антинародный, реакционный характер, фактически поставили горские народы вне общих законов Российской империи.

Царское правительство держало на Северном Кавказе много войск. В 1905 г. здесь было 5 казачьих, 5 пехотных, один конный (Дагестанский) полк, Осетинский конный дивизион, 9 резервных батальонов, 2 пластунских батальона, 4 артиллерийские бригады, 6 артиллерийских

рот[10], 8 сотен терской постоянной милиции. Эти военные силы в годы революции 1905—1907 гг. использовались властями для подавления рабочего, крестьянского, национально-освободительного движения. В этих целях большое значение придавалось казачеству. «Местная боевая задача казачества не может считаться отжившею, и вопрос о ней не исчерпан, так как население замирено лишь до известной степени и сравнительное спокойствие держится лишь на присутствии силы»[11],— писал в 1904 г. один из реакционных деятелей царизма на Кавказе, редактор газеты «Кавказ» В. Величко.

С углублением классового расслоения кубанского и терского казачества усилилась классовая борьба. В период первой российской революции 1905—1907 гг. произошли революционные выступления на Кубани, отказ казачьих частей от подавления рабочих и крестьянских выступлений. Однако в силу специфических особенностей военно-сословной организации казачества революционное движение среди казаков не приобрело большого размаха. Большинство казачества в крае оставалось и после революции 1905 г. «таким же монархическим, как и прежде»[12–13].

В подавлении революции активными союзниками самодержавия были монополистические организации крупной буржуазии: съезды и Совет терских нефтепромышленников, управление Владикавказской железной дороги и др.

Большевикам, рабочему классу, русскому и горскому крестьянству, всем революционным силам Северного Кавказа приходилось вести революционную работу в сложных условиях многонационального края, в борьбе против политики царизма по разжиганию национальной розни и натравливанию народов друг на друга, принявшей в годы революции еще более широкие размеры.

Огромный вред революционному, национально-освободительному движению в крае наносила пропаганда идей панисламизма и пантюркизма, чем занимались представители некоторой части светской и духовной феодальной знати Дагестана, Чечни, Кабарды и других горских обществ и зарубежные проповедники ислама.

Борьбу пролетариата России возглавила марксистская рабочая партия, партия нового типа, создание которой явилось закономерным результатом развития международного и революционного процесса, борьбы В. И. Ленина против оппортунизма внутри социал-демократии.

Революционное движение российского рабочего класса в начале XX в. под руководством революционной социал-демократии во главе с В. И. Лениным перерастает в открытую активную борьбу против царизма, помещиков и буржуазии. Одним из районов этого движения был многонациональный Северный Кавказ.

Исторические условия, сложившиеся в России в эпоху империализма, определили руководящую роль российского пролетариата в освободительном движении на Северном Кавказе, создали основу для установления союза рабочего класса и крестьянства как решающей силы освобождения угнетенных народов края от эксплуатации и национального угнетения самодержавием, сделали национально-освободительное движение горских народов, составной частью и резервом пролетарской революции, несмотря на прочность позиций реакции на Северном Кавказе.

Первые марксистские кружки. Пролетарским движением в России и деятельностью РСДРП были созданы условия для распространения марксистских идей на Северном Кавказе. Носителями их в крае были передовые рабочие, отдельные революционеры и социал-демократы, имевшие

опыт революционной борьбы и попадавшие на Северный Кавказ или высланные сюда за революционную борьбу из центра страны.

Зарождению социал-демократического движения в немалой степени способствовала деятельность ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», члены которого попадали на Северный Кавказ. Так, один из деятелей «Союза борьбы», соратник В. И. Ленина А. А. Ванеев, приезжал в Новороссийск для установления связей с местными социал-демократами. В создании социал-демократической организации Грозного и Владикавказа активно участвовал также член «Союза борьбы» А. Фельдман. В 1898 г. пропагандой идей социализма в городе Петровске занимался служащий Владикавказской железной дороги Попков, прибывший в Дагестан из Ростова-на-Дону. Об этом говорят, в частности, обнаруженные после его смерти в личном архиве рукописные копии трудов К. Маркса и Ф. Энгельса («Манифест Коммунистической партии» и «Устав международного товарищества рабочих»), работа В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах» [14].

В городах и промышленных центрах края из среды рабочих стали выявляться способные организаторы и пропагандисты, защитники интересов рабочего класса. На предприятиях Грозного и нефтяных промыслах вели эту работу кузнец «Общества Русский стандарт» Алексей Нотченко, слесарь «Англо-русского Максимовского общества» Исидор Коренчук, кочегар Илларион Куликов, помощник кочегара Яков Солянников, слесари Закаблуковский и Максимовский, кузнец Ерохин, работавшие на промыслах «Ахвердов и К°», а также Михаил Маркевич и др.[15]

Видную роль в пропаганде революционной литературы, создании социал-демократических кружков в крае сыграли Донской комитет, Кавказский союз РСДРП, а в Дагестане — Астраханский комитет РСДРП. Представители Донкома Е. В. Торсуева, И. И. Козин, И. Д. Ступников, С. А. Кулагин, П. М. Чайченко и другие часто выезжали в Новороссийск, Екатеринодар, Грозный и другие города. Донком пересылал туда же нелегальную литературу, листовки [16]. В 1898 г. при помощи Донкома в Новороссийске были созданы два социал-демократических кружка: в железнодорожных мастерских и на элеваторе [17]. В 1901—1902 гг. социал-демократические кружки возникли на ряде предприятий Екатеринодара, в Тихорецкой, Ейске, Армавире, на станции Кавказской [18]. В Майкопе социал-демократическими кружками руководил политкаторжанин, революционер, социал-демократ А. А. Жулковский. Первоначально в кружок входили А. В. Шварц, А. А. Гридина, С. П. Степницкая, Ф. И. и Е. Д. Домашевские, А. Окишшевич и др.[19] Майкопские социал-демократы делали шаги для установления контактов не только с социал-демократическими группами Кубани, но и за ее пределами.

В Ставропольской губернии социал-демократическое движение развивалось слабее, чем на Кубани и в Черноморье. Это объяснялось отсталостью губернии в промышленном отношении, малым числом рабочих.

В 1901—1903 гг. при активной помощи подпольных работников, приезжавших из Баку, возникли кружки в Грозном, Владикавказе и Дагестане. Первые революционные кружки в Грозном были созданы на заводе Фаниева приехавшим из Баку токарем Шевелевым и слесарем Колозевым; на Неклепаевском промысловом участке студентом Н. Михайловым-Раздорским и курсисткой «Софьей», на железной дороге приехавшими также из Баку И. Т. Фиолетовым и матросом по кличке «Коллега»; последние были организаторами кружка и среди грозненской

интеллигенции [20]. Работавший на нефтеперегонном заводе в Грозном Т. М. Силков позже в своих воспоминаниях писал, что «кружки были местного характера, каждый кружок действовал, смотря по условиям. Жандармерия строго следила за работой кружков, и все же удавалось под носом у охранки собирать массовки, на которые приезжали ораторы из Баку, они на массовках говорили зажигательные речи» [21]. С 1901 г. отдельными подпольщиками велась работа во Владикавказе. В этом же году был выслан к себе на родину студент Петербургского университета Н. А. Гатуев, участник демонстрации в столице. В сентябре 1901 г. сюда под негласный надзор полиции прибыла В. К. Лаврова, включившаяся в городе в революционную работу. «Работа,— писала Лаврова,— заключалась в частых беседах, распространении газет и вообще нелегальной литературы... Нередко устраивались общие собрания» [22]. С помощью ссыльных проводилась пропагандистская работа и делались попытки создания кружков в осетинских селениях. Старый большевик С. Г. Мамсуров, член партии с 1906 г., работавший учителем в с. Хидикус Куртатинского ущелья, вспоминает, что в этом селении вел подпольную работу ссыльный Виноградов, устроившийся писарем сельского правления. Виноградов, называвший себя социал-демократом, «часто устраивал собеседования в группе из 5 человек». «От него,— пишет Мамсуров,— в 1902—1903 годах я получил первые сведения о революции и классовой борьбе» [23].

В пропаганде идей революционной социал-демократии, сплочении разрозненных социал-демократических кружков Северного Кавказа огромную роль сыграла ленинская газета «Искра», пользовавшаяся большой популярностью и любовью среди рабочих. Ее тайно распространяли социал-демократы в Екатеринодаре, Новороссийске, Армавире, Владикавказе, Ставрополе и других городах края. Экземпляры первого номера «Искры» власти обнаружили в Ставрополе и Новороссийске. В Ставрополе газету подобрали полицейские в дни волнений учащихся местной гимназии осенью 1901 г.[24] На страницах «Искры» публиковались материалы искровской группы Донского комитета РСДРП о событиях в Ставрополе. Газета горячо откликнулась на революционные выступления рабочих Тихорецка и Новороссийска, уделяла большое внимание крестьянскому движению, в том числе недовольству трудового казачества. В ней сообщалось о волнениях во Владикавказском реальном училище осенью 1902 г.[25] «Искра», ее перепечатки и издания поступали на Северный Кавказ из-за границы и от искровских организаций России, в частности от Донского и Бакинского комитетов, а с 1903 г. и от Кавказского союзного комитета и ЦК РСДРП [26].

Итак, идейная и организационная работа, проводившаяся на Северном Кавказе с позиций ленинской «Искры», благотворно сказывалась на укреплении социал-демократических организаций, она способствовала созданию вместо разрозненных кружков социал-демократических организаций.

Создание социал-демократических групп. В декабре 1902 г. в Екатеринодаре была создана социал-демократическая «Группа кубанских рабочих», главная задача которой, по сообщению охранки, заключалась в подготовке местных рабочих к устройству стачек и уличных демонстраций [27]. В группу вошли рабочие М. Губарев, В. Пациевский, Я. Юзвяк, Т. Соницкий, А. Попов и др. Большая часть из них имела значительный опыт работы в подполье. Яков Юзвяк, например, был одним из активных членов Донской социал-демократической организации. Опыт

работы Донкома РСДРП он перенес на Кубань, другие — на Черноморье, Ставрополье и в прочие местности Северного Кавказа, куда по тем или иным обстоятельствам попадали социал-демократы, участники ростовского революционного подполья. Поэтому связи с Донским комитетом РСДРП не только не прерывались в течение всего периода, а, напротив, укреплялись и приумножались.

Руководящая роль Донкома проявлялась в различных направлениях. По Донскому комитету, стоявшему на ленинско-искровских позициях, равнялись социал-демократические кружки и группы Кубани и Черноморья, с ним держали тесную связь и социал-демократы Ставрополья.

Новороссийские социал-демократические кружки в начале 1902 г. объединились в организацию «Новороссийский социал-демократический рабочий союз», круг деятельности которого во второй половине 1902 г. раздвинулся за пределы Новороссийска. В состав «Союза» вошли социал-демократы нефтепромыслов станицы Ильской [28].

«Новороссийский социал-демократический рабочий союз» и «Группа кубанских рабочих» широко развернули пропагандистскую работу среди рабочих. Они приобрели гектографы, наладили выпуск листовок, собирали сходки рабочих. За р. Кубанью, например, в таких сходках принимали участие свыше 100 человек [29].

Жандармские донесения в Департамент полиции с тревогой сообщали о распространении среди населения социал-демократических идей. Начальник Кубанской области писал, что обширная территория Кубани, заселенная коренными жителями области, казаками и пришлыми «иногородцами», до 1902 г. была совершенно чужда революционному движению, за исключением единичных случаев распространения «преступных» листовок. Однако в середине 1902 г. в область стала проникать пропаганда революционных организаций [30]. В другом донесении жандармов сообщалось, что пропаганда на Кубани захватила обширный район [31].

Уже в 1902 г. социал-демократы делают попытки наладить агитационную работу среди солдат. 13 мая на улицах Екатеринодара было разбросано гектографическое воззвание «К служащим», в котором социал-демократы призывали солдат с оружием в руках подняться против царя, правительства, всех чиновников и духовенства [32].

В конце 1902 — начале 1903 г. на Кубани и Черноморье наблюдалось оживление социал-демократической работы, связанное с деятельностью «Группы кубанских рабочих» и новороссийского «Союза» и с успехами развивающегося рабочего движения. Это вызвало новую серьезную тревогу у царских властей. Они развернули массовые репрессии, в результате которых были арестованы руководители «Группы кубанских рабочих» и часть членов новороссийского «Союза». Аресты расстроили наладившуюся было работу социал-демократов, ослабили ее на какое-то время, но остановить не могли, так как место арестованных занимали новые подготовленные рабочие.

Под влиянием социал-демократического движения начала активизироваться борьба рабочих.

Революционные выступления рабочих. Первые выступления рабочих в конце XIX — начале XX в. произошли на ряде шахт, нефтепромыслов и железнодорожных линий Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии.

Относительно большой организованностью и упорством, решимостью рабочих в борьбе за свои классовые интересы отличалась забастовка рабочих Садона 1897 г. Забастовка имела глубокие социальные причины,

обострившиеся в период империализма, когда в горнозаводской промышленности Осетии утвердился в основном иностранный (бельгийский) капитал. Пользуясь поддержкой царского правительства и его администрации на Северном Кавказе, иностранные капиталисты расхищали природные богатства края, захватывали земли и леса горцев, поставили в тяжелые условия рабочих и окрестное горское население. «Бесцеремонное отношение администрации проявляется не к одним рабочим-осетинам, но даже к русским рабочим, частным лицам, обществам»[32а],— доносил 20 октября 1897 г. войсковой старшина С. Кособрюхов начальнику области. С помощью царских властей и воинских частей администрация рудника выгоняла не угодных капиталистам рабочих. Летом 1897 г. дважды (в июне и июле) было уволено 53 рабочих только за то, что они не подчинились администрации, переводившей их на более низкооплачиваемую работу. Прежде всего предприниматели избавлялись от наиболее сознательных, кадровых рабочих.

Не ограничиваясь этим, капиталисты и их агенты при явном попустительстве властей стали сносить дома рабочих, мотивируя это нуждами производства; дома сносились без согласия даже горного ведомства. Факты, свидетельствующие о произволе, охватывали многие стороны жизни: простои рабочих по вине администрации не оплачивались, широко применялись штрафы, обсчеты, особенно при сдельной работе; рабочих заставляли трудиться в праздничные дни.

В августе 1898 г. бельгийские концессионеры, воспользовавшись новым рабочим законом, изданным в июне 1897 г., отменили для шахтеров 8-часовой рабочий день, введенный в начале этого года, и ввели снова 12-часовой рабочий день. Это особенно тяжело отразилось на положении шахтеров-осетин, большинство которых приходили на работу из окрестных селений.

Уполномоченные от шахтеров несколько раз безуспешно обращались к администрации рудника с требованием восстановить 8-часовой рабочий день. С помощью властей администрация рудника начала преследовать рабочих-вожаков. Так, накануне забастовки были уволены с рудника уполномоченные шахтеров Асланбек Цогоев, Иван Панфилов, Хазби Габолаев.

8 октября 1898 г. шахтеры решительно потребовали от администрации рудника восстановить 8-часовой рабочий день, в противном случае угрожая прекратить работу. Предприниматели в присутствии вооруженных казаков отклонили это требование. Рабочие не спустились в шахту. В ответ на это администрация уволила всех подземных рабочих — 121 человека (115 осетин и 6 русских).

Садонская забастовка, прошедшая в конце 90-х годов XIX в. в обстановке нараставшего массового пролетарского движения в России, составляет одну из ярких страниц истории рабочего движения на Северном Кавказе, первое выступление молодого пролетариата Осетии против капиталистического гнета и порядков царской администрации. Особенность забастовки состоит в том, что в ней осетинские и русские рабочие совместно выступили против иностранных и русских капиталистов, против самодержавия.

Бастовали рабочие и на станции Тихорецкая, где 18 февраля 1902 г. во время церемонии открытия мастерских около 200 рабочих, возмущенных низкой оплатой труда и тяжелыми условиями жизни, избили полицейских и разгромили гостиницу железнодорожной администрации[33]. Вскоре на этой станции произошло событие, приковавшее внимание пролетариата всей страны. Здесь 9 мая 1902 г. вспыхнуло стихийное

выступление тихорецких рабочих, вызванное произволом судебного следователя и полиции, которые, после того как надругались над девушкой Татьяной Золотовой, отравили ее. Во время волнения, длившегося несколько дней, рабочие разбили станцию и канцелярию жандармов, устроили демонстрацию протеста перед домом следователя, заклеймили позором действия полиции.

Выступление рабочих станции Тихорецкая в начале мая 1902 г. стало известно широкой общественности страны. Ленинская «Искра», несколько раз откликнувшаяся на это событие, высоко оценила выступление тихорецких рабочих. Газета писала: «Факты вроде вмешательства тихорецких рабочих в дело Золотовой для нас особенно ценны как свидетельство развития и зрелости пролетариата для общественной деятельности» [34].

Стихийные выступления наблюдались и на рыбных промыслах в районе Дербента, где, в частности, в июле 1902 г. рабочие, протестуя против открытого грабежа со стороны скупщика Корнилова, нанесли ему побои и изорвали на нем одежду [35].

Уяснить классовые и политические интересы рабочим помогали социал-демократические организации. Об этом говорит, например, встреча праздника международной солидарности, которая на Северном Кавказе впервые была проведена рабочими железнодорожных мастерских Новороссийска 1 мая 1900 г. В следующем, 1901 г. там же на маевке было решено провести забастовку и определены требования, с которыми выступят рабочие. И 2 июня началась забастовка, в которой участвовало 580 человек [36]. В 1902 г. 1 мая отмечали не только рабочие Новороссийска, но и Екатеринодара и станции Кавказской. На маевках выступали ораторы социал-демократы, передовые рабочие, читали листовки, пели революционные песни.

Весной и летом 1902 г. забастовки и крупные стихийные выступления сельскохозяйственных рабочих проходили в ряде мест Кубани. Начались они в мае на хуторе Северин Кавказского отдела, где собралось около 5 тыс. рабочих из центральных губерний России. Оставшись без средств к существованию, они стали угрожать восстанием. Перепуганные помещики просили атамана отдела прислать войска. Казачьи части, присланные атаманом, разогнали толпы забастовщиков, но им не удалось приостановить выступления. Глухое брожение сельскохозяйственных рабочих на Кубани вылилось в открытые выступления. Летом 1902 г. это движение охватило целый район Кубанской области, около 20 станиц, расположенных на железнодорожной линии от Тихорецкой до Екатеринодара и Майкопа. В борьбе участвовало до 10 тыс. сельскохозяйственных рабочих [37].

В ряде мест косари разбивали сельскохозяйственные машины, бросали их в р. Кубань, били землевладельцев. Но кое-где движение принимало и организованные формы (например, в станицах Гнагинской, Новосушковской, на хуторе Ковалеве). Руководители движения В. С. Фалалеев, П. А. Колчан, И. И. Сидоров убеждали восставших отказаться от таких форм борьбы, как поломка машин и других сельскохозяйственных орудий. Они агитировали за совместное, организованное выступление с выработкой определенных требований [38].

Немалое влияние на развитие революционной борьбы в крае оказала Ростовская ноябрьская стачка 1902 г., знаменовавшая новый этап пролетарского движения в стране; она вызвала открытые выступления в Тихорецкой и Новороссийске. 9 ноября, в разгар стачки в Ростове, Донской комитет РСДРП разослал своих агитаторов с прокламациями

по всей линии Владикавказской железной дороги. На станцию Тихорецкую выехало 10 человек, где они устроили митинг рабочих у железнодорожных мастерских. 15 ноября рабочие мастерских объявили забастовку, к которой присоединились рабочие депо. Под руководством социал-демократической группы с участием ростовских товарищей был выработан план действий. Рабочие требовали сокращения рабочего дня до 9 часов, увеличения заработной платы на 20%, увольнения ненавистных мастеров и т. д.[39] 16 ноября в ответ на требование начальника области разойтись и приступить к работе из толпы раздались возгласы: «Хотим, как в Ростове, на работу не выйдем, пока не будут удовлетворены наши требования»[40]. На сходке к вечеру этого дня присутствовало более 1 тыс. рабочих. Все были полны решимости продолжать забастовку до конца. Здесь же находились их семьи — женщины и дети.

Царские власти, взбешенные упорством и стойкостью забастовщиков, решили усмирить их силой оружия. К месту сбора начальником Кубанской области были брошены дополнительные карательные отряды, состоявшие из жандармов, полиции, казачьих сотен во главе с генералом Гетмановым. Был оглашен приказ: немедленно прекратить сходку и разойтись по домам. Рабочие не подчинились. Тогда вооруженные казаки на конях, с обнаженными шашками стали теснить толпу, впереди которой находились дети и женщины. Рабочие показали исключительную выдержку и организованность. Но казаки, получившие приказ «метить [саблями] по ушам», набросились на безоружных людей. Раздался плач детей, крики женщин. Со стороны рабочих в казаков полетели камни, поленья, старые ведра и другие предметы. Казаки открыли огонь. «На месте сходки, как на поле битвы, валялись отрезанные руки и ноги, лежали раненые и убитые, последних было несколько человек, раненых — около сотни»,— сообщалось в листовке Донкома РСДРП «Ко всем рабочим»[41].

Об этой дикой расправе на станции Тихорецкой ленинская газета «Искра» писала: «Казаки неистовствовали, как звери, врывались в дома рабочих, били всех — детей, женщин, стариков. Женщин и девушек насиловали, имущество грабили»[42].

Результатом кровавой расправы явилось убийство и ранение многих участников забастовки. От казачьих пуль пали рабочие И. Абаенко, В. Бабицкий, П. Тешенко, жена рабочего М. Ковтун. Было арестовано более 100 человек — активных участников стачки, и 24 человека выслано за пределы Кубанской области[43].

Почти одновременно начались выступления рабочих в Новороссийске. «События в Ростове,— писала „Искра“,— сильно взволновали рабочих Новороссийска»[44]. Листовки Донкома «К стачечникам», «Товарищи» и другие горячо обсуждались железнодорожниками, рабочими цементных и других заводов Новороссийска.

Социал-демократические кружки Новороссийска держали тесную связь с Донским комитетом. В город приезжали представители Донкома, а из Новороссийска в Ростов был послан рабочий И. Г. Шенгелия — один из вожаков Новороссийской стачки. Члены социал-демократической группы неоднократно собирались для выработки плана выступления.

Утром 18 ноября 1902 г. стачку начали 700 рабочих железнодорожных мастерских. К ним присоединились рабочие других предприятий города. Стачка стала всеобщей. В тот же день в одной из рабочих квартир собрались руководители стачки И. Г. Шенгелия, И. Ф. Гвоздиков, П. Т. Хабло, И. Караев и др. Они выработали требования, которые были прочитаны рабочим на сходке. Наряду с экономическими требованиями

о введении 9-часового рабочего дня, повышении заработной платы чернорабочим и другим рабочие требовали: увольнения ненавистных мастеров, избрания каждым цехом своих депутатов для сношения с администрацией, неувольнения ни одного рабочего за участие в забастовке и др.[45]

Город наводнили царские войска, но рабочие держались стойко. Начались аресты организаторов и бастующих рабочих. Было арестовано 102 «подстрекателя» стачки, уволено 62 человека, часть из них выслана из Новороссийска[46].

«Искра», рассказывая о событиях в Новороссийске, писала: «По городу ездят казаки, которые не допускают новых собраний. Теперь производятся аресты, главным образом среди рабочих»[47].

Отголоском ростовских и тихорецких событий явились волнения рабочих чугунолитейного завода Мисожникова в Армавире, которые требовали у владельца завода сокращения рабочего дня. «Не допускайте того, что происходит в Ростове, но если вы вынудите нас поступать так, как поступили теперь наши братья-рабочие в Ростове, тогда у нас будут выставлены против вас много других сознательных требований»,— писали рабочие[48].

В. И. Ленин, оценивая ростовские ноябрьские события 1902 г., писал: «Пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству»[49]. Это можно отнести и к событиям в Новороссийске и Тихорецкой, рассматривая их как единый закономерный процесс развития рабочего движения в стране.

Весть о грандиозных выступлениях пролетариата в Новороссийске и Тихорецкой, так же как ноябрьская стачка в Ростове, вызвала многочисленные отклики в России. Она поднимала пролетариат на новые бои с царизмом и буржуазно-помещичьим строем. «Помните же, товарищи, что мы должны отомстить за кровь наших убитых и изувеченных братьев в Ростове и Тихорецкой»,— призывала листовка Московского комитета РСДРП. «Кровь убитых братьев в Ростове и многих местах зовет нас к беспощадной борьбе»,— писали в прокламации иркутские социал-демократы[50]. В «Искре» № 36 от 15 марта 1903 г. было помещено письмо польских социал-демократов, в котором говорилось: «От имени борющегося польского рабочего класса мы выражаем свою полную солидарность борющемуся пролетариату русскому, героям же рабочим Ростова и Тихорецкой и Донскому комитету РСДРП шлем братское поздравление».

«Искра» регулярно публиковала сообщения о денежных сборах в помощь стачечникам Ростова, Тихорецкой, Новороссийска не только среди трудящихся России, но и среди рабочих других стран.

В 1903 г. революционная борьба рабочих в стране приобрела еще больший размах. На Кубани бастовали маслобойщики Екатеринодара, чернорабочие Сочи; с протестом против увольнения одного из товарищей выступили рабочие армавирского завода Мисожникова. Произошли волнения среди железнодорожников Грозного и Беслана[51]. Вследствие массовых репрессий, осуществлявшихся царскими властями, в день 1 Мая этого года не было больших выступлений пролетариата, но тайком проводились небольшие маевки. А рабочие новороссийских железнодорожных мастерских вышли на работу в праздничной одежде, поздравляя друг друга с первомайским праздником. При этом, как сообщала царская охранка, многие из них говорили: «Сделаем маевку: если не завтра, так потом, посмотрим, что будет в Ростове. Как Ростов сделает, так и мы»[52].

Всеобщая политическая стачка на Юге летом 1903 г. оказала влияние на борьбу пролетариев ряда районов Северного Кавказа: на некоторых предприятиях Екатеринодара, Армавира, Новороссийска, рыбных промыслах и бондарных заведениях Дагестана бастовали рабочие. Но в целом рабочее движение в крае не приняло размаха южных городов страны — на Украине и в Закавказье. Устои реакции были еще сильны.

Крестьянское движение. Самоотверженная борьба рабочих влияла на другие демократические слои населения, в первую очередь крестьянство. Крестьянство явилось естественным союзником пролетариата в революционной борьбе, ибо только под руководством пролетариата оно могло революционным путем ликвидировать помещичье землевладение, завоевать демократические свободы, уничтожить колониальный гнет царизма. На Северном Кавказе в предреволюционные годы оживилось движение горского и русского крестьянства. Причем антифеодальная борьба горского крестьянства была тесно связана с антиколонизаторским движением, так как оно боролось не только за землю, но и против русификаторской политики царизма, налогового бремени, произвола царской администрации и суда, который у горских народов фактически не был отделен от администрации. Эта особенность крестьянского движения в национальных районах края придавала ему, при всей его стихийности и неорганизованности, исключительно острый характер.

В 1900 г. на общем сходе жителей Верхнего и Нижнего Балкарских обществ и крестьян Черекского ущелья стало известно о новом намерении таубиев прибрать к своим рукам всю землю, лишить крестьян права пользоваться пастбищными и другими угодьями. В ответ на это возмущенные крестьяне убили защитника таубиев старшину Шаханова и бросили его в р. Чегем.

Ярко выраженный антиколониальный, классовый характер носило восстание крестьян осетинского селения Гизель весной 1902 г., поднявшее на ноги не только кавказскую администрацию, но и власти в Петербурге. Недовольство крестьян старшиной накапливалось давно из-за его злоупотреблений в расходовании общественных денег, в пользовании общественными землями. Ближайшим же поводом к восстанию послужило распоряжение начальника области Гизельскому сельскому обществу выставить сотню подвод для перевозки войск в селение Дур-Дур и доставки предназначенных к выселению крестьян-дурдурцев к месту назначения. Восстание крестьян готовилось под руководством и при активном участии агитаторов-учителей и других представителей сельской интеллигенции.

23—28 апреля на подпольных собраниях, проведенных в селе, было решено не подчиняться распоряжению администрации, оказать сопротивление на сходе, который назначил начальник области, свергнуть старшину. 28 апреля, не дав провести сход, гизельцы изгнали из села прибывшего туда начальника участка пристава Степанова. До этого преднамеренно из села выехал и старшина. Вечером того же дня из Владикавказа вернулся начальник участка с отрядом казаков и начал аресты крестьян. В ответ на это по набату на площадь собралось 300—400 крестьян, вооруженных кинжалами и кольями. Крестьяне до полусмерти избили пристава, оттеснили казаков. Последние, несмотря на приказание пристава применить оружие, сделали лишь несколько выстрелов в воздух. В ночь на 29 апреля в село прибыл начальник Владикавказского округа Вырубов с отрядом казаков и солдатами и приступил к разгрому движения. В дни подавления восстания село было разорено экзекуционным отрядом, обще-

ство разоружено, причем часть конфискованного оружия передана богатеям и агентам администрации, помогавшим властям выдавать участников восстания.

В первые дни восстания, с 28 апреля по 3 мая, село фактически было без власти: старшина, боясь народной расправы, в село не вернулся, два его помощника были обвинены в участии в событиях 28 апреля, а поставленного временно на место старшины урядника Бондаренко никто не признавал. Лишь к 15 мая властям удалось подавить продолжавшиеся в селе волнения [53]. За участие в восстании было арестовано 58 человек, в том числе учителя Н. Цаллагов, Х. Уруймагов, студент Т. Дауров и др.

Наибольшей остроты движение крестьян достигало в тех местах, где больше были сохранены помещичье землевладение, зависимые отношения крестьян к бывшим владельцам, как, например, в Дагестане. Здесь райяты и зависимые уздени требовали прекращения зависимых отношений, освобождения от повинностей в пользу беков и всевозможных притеснений. Но власти в Дагестане встали на сторону владельцев, а крестьян за жалобу преследовали как беки, так и администрация. Тогда райяты стали самовольно прекращать отбывание повинностей. Особенно организованный и массовый характер это приняло в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах, где было сосредоточено подавляющее большинство зависимого населения. В своем обращении к кавказской администрации в 1900 г. беки Кайтаго-Табасаранского округа признавали, что зависимое от них население отказалось работать на них, прекратило отбывание податей. В ряде случаев райяты приступили к захвату бекских земель. В 1901 г. отказались от исполнения повинностей бекам жители селений Александркент, Джаванкент и Гайпайкент, а в 1903 г.— райяты селений Мурага, Митаги, Зидьян, Дарваг, Мугажир, Бильгади Кайтаго-Табасаранского округа.

Десятки лет за пастбищные земли вели борьбу крестьяне в Стыр-Дигории против землевладельцев-царгаста, в Тагаурии против алдар и против таубиев в Куртатинском ущелье Владикавказского округа [54]. Почти полвека отстаивали свои права на землю от претензий грузинских помещиков Мачабели как крестьяне Зрутского общества Владикавказского округа, так и крестьяне многих сел Южной Осетии. Отношения крестьян и помещиков Мачабели, как доносили власти в 1905 г., «с давнего времени достигли высокой степени обостренности» и нередко вызывали вмешательство вооруженных отрядов [55].

Длительную борьбу в 1900-х годах против баделят Тугановых и царской администрации вели крестьяне осетинского села Дур-Дур. Борьба приняла острый характер с 1900 г., когда помещики решили выслать беспокойных крестьян из селения Дур-Дур (они со времени отмены крепостного права на кабальных условиях арендовали земли у помещиков). В мае 1902 г. власти направили в село войска и выселили крестьян из него, расселив их по другим селам без земли как временно проживающих. На освободившиеся баделятские земли площадью свыше 5 тыс. дес. были поселены при содействии кавказской администрации крестьяне-переселенцы из внутренних губерний России. Этим актом был нанесен большой удар крестьянам многих сел плоскостной и горной Осетии, так как они были лишены возможности арендовать баделятские земли, которыми они пользовались из-за своего малоземелья.

Крестьянское движение накануне революции 1905—1907 гг. носило антифеодальный характер, но поскольку кавказская администрация защищала интересы феодальной знати, движение крестьян одновременно

было направлено и против политики царизма. Крестьяне вели борьбу и против новых захватов царизмом земель у горцев, в результате которых только в Терской области в ведении Управления государственных имуществ к 1900-м годам оказалось 446,5 тыс. дес. лесов и пастбищ народного пользования против 120 тыс. дес. в 1875 г.[56] Борьба крестьян против массовых захватов земель правительством наиболее острый характер приняла в 1900-х годах в Балкарии и Осетии, где, по признанию начальника Терской области, казна претендовала на большие площади лесов[57]. Против захватов земель царизмом выражало свое возмущение крестьянство и в других местах края[58].

Волнения крестьян заканчивались в ряде мест Северного Кавказа вооруженными схватками с местными властями и богачами. В начале августа 1902 г. крестьяне-адыгеи аула Ульского (ныне Ульян) выступили против своеволия сельских богачей. Поводом для этого послужили отказ урядника Фица Тлостанокова и кулака Яхви Хоцева внести в общественную кассу часть доходов, получаемых ими от самовольно сдаваемых в аренду общественных земель. На аульском сходе крестьяне потребовали произвести взносы. Однако к требованию схода Тлостанокова и Хоцев не прислушались, и от них последовал отказ «в неприятной для собравшихся форме»[59]. Возмущенные таким поведением богачей, участники схода в количестве 100 человек явились к постройкам богачей недалеко от Тенгинского моста и начали разрушать их. Подоспевший старшина аула не сумел предотвратить выступление и обратился за помощью к атаману станицы Тенгинской. Однако и станичному атаману, прибывшему с вооруженными казаками, не удалось усмирить крестьян. Последние прогнали старшину и атамана, а также вооруженных казаков и муртазеков.

Атаман Майкопского отдела, получив распоряжение от начальника Кубанской области «принять меры к прекращению беспорядков», 3 августа 1902 г. выехал в аул Ульский. При разборе дел крестьяне доказали атаману отдела незаконность действий властей и богачей аула. В своем ответе начальнику области 12 августа атаман отдела был вынужден подтвердить правоту требований крестьян. После разбирательства, произведенного судебным следователем 2-го участка Майкопского отдела, был вынесен приговор, который обязывал Тлостанокова и Хоцева вносить в пользу общества часть доходов от аренды общественной земли[60].

В 1902 г. явное недовольство проявили крестьяне Медвеженского уезда Ставропольской губернии. В селах Белая Глина и Новоселицы крестьяне потребовали прирезки земли. В эти села прибыл ставропольский губернатор Никифораки и «беседовал с крестьянами, угрожал им нагайками и казаками»[61].

В некоторых станицах Кубани начало проявлять признаки недовольства и казачество. В одной из корреспонденций в «Искру» из станицы Владимирской сообщалось, что постепенное уменьшение земельных наделов, недороды и наряду с этим увеличение расходов па снаряжение казаков все чаще и чаще заставляет кубанцев роптать на свою горькую нужду и на несправедливость начальства[62].

В предреволюционные годы у горцев края приняло весьма активный характер абречество. Еще с 80—90-х годов XIX в. в Чечне и Ингушетии, Карачае и Черкесии, Северной Осетии, Адыгее, Дагестане абреки вели упорную самоотверженную борьбу против царской администрации и представителей имущих классов, защищали, как могли, трудящиеся массы от произвола и насилия царских чиновников, русских и горских эксплуататоров. В течение многих лет, ловко ускользая от преследований

полиции, войск, казачьих сотен, вооруженные абреческие отряды появлялись то здесь, то там, громили имения помещиков и кулаков. Для царских властей абреческие отряды были неуловимы, так как абреки пользовались огромной популярностью среди беднейших крестьян, которые скрывали абреков и оказывали им помощь.

С 1901 г. на арену абреческого движения в Чечне и Ингушетии выходит известный Зелимхан Гушмузукаев из селения Хорочой. За голову Зелимхана царские власти обещали огромные суммы денег, его преследовали многочисленные карательные отряды, но он оставался неуловимым в течение 13 лет. За укрывательство и сочувствие Зелимхану царские власти облагали сельские общества огромными штрафами, наводняли карательными отрядами, сносили аулы с лица земли артиллерийским огнем. Однако народ продолжал поддерживать абреков и особенно Зелимхана. Лишь в результате предательства в сентябре 1913 г. царским властям удалось обнаружить тяжелобольного Зелимхана и убить его.

Дореволюционная историческая литература обычно изображала абреков разбойниками, бандитами, «хищниками» и т. п. Однако не уголовного преступника, а лишь смелого борца против царизма, способного на героические подвиги и жертвы, называл народ абреком. Действия разбойничьих элементов, прикрывавших бандитизм популярным среди народа именем абречества, ничего общего не имели с тем глубоко идейным и действительно героическим революционным абречеством, о котором писал Асланбек Шерипов и в котором воплощались лучшие надежды, свободолюбие, жажда героической борьбы целых народов [63].

Крестьяне Северного Кавказа в своей борьбе против остатков крепостничества, а горские крестьяне и против внутренней политики царизма в конце XIX — начале XX в. показали свою ненависть к угнетателям, но борьба крестьян была стихийной, выступления не имели сознательного характера, у крестьян не было союза с городским пролетариатом, поэтому борьба их, естественно, не могла привести к победе. Это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных политических требований, т. е. без требования изменить государственные порядки [64]. Во внесении сознательности в борьбу рабочих и крестьян, в уяснении ими своих классовых интересов и конечной цели борьбы решающую роль сыграла революционная социал-демократия в России, ее местные организации, возникшие накануне первой российской революции 1905—1907 гг.

2. II съезд РСДРП. Укрепление социал-демократических организаций Северного Кавказа. Большевики в авангарде революционного движения

Создание областных организаций РСДРП. Поворотным пунктом для российской социал-демократии, новым этапом в ее развитии явился II съезд РСДРП, созванный летом 1903 г. в обстановке мощного подъема рабочего движения в России.

Создание марксистской рабочей партии нового типа имело огромное значение для развития революционного движения в России. Стимулирующую и организующую роль сыграл II съезд партии в развитии национального движения. Важное значение имели принципы равенства наций и их права на самоопределение, провозглашенные Программой партии, принятой на этом съезде.

Как и во всей стране, после II съезда партии на Северном Кавказе разгорелась борьба между большевиками и меньшевиками. В этой борьбе проходило укрепление партийных организаций. Во второй половине 1903 г. и в 1904 г. на Северном Кавказе как в русских, так и в национальных районах происходило организационное оформление социал-демократических групп и объединение их в комитеты.

В конце 1903 г. в Грозном произошло объединение промысловой и городской организаций в единую партийную организацию под названием «Грозненская группа РСДРП». Организаторами и активными работниками группы в начальный период были профессиональные революционеры И. Т. Фиолетов (выдающийся деятель партии, член Бакинского и Кавказского союзного комитетов РСДРП, впоследствии один из 26 бакинских комиссаров), А. К. Фельдман, С. А. Бирюков, К. С. Дьяков и др. Летом 1904 г. была создана Владикавказская группа РСДРП. Для оказания помощи рабочим и руководству группой в начале сентября 1904 г. из Тифлиса прибыл А. К. Фельдман. По данным охранки, он говорил рабочим города, что «приехал дать им совет и руководить ими, как будет нужно» [65]. При аресте Фельдмана на сходке 7 сентября у него была изъята марксистская литература, среди которой были труды К. Маркса («Капитал», «К критике политической экономии»), Ф. Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.) [66]. С Владикавказской группой были связаны социал-демократические кружки, возникшие в Батакаюрте, Заманкуле, Христиановском, Ардоне, Алагире, Эльхотове, Хумалаге, Хидикусе, Далагкау, Ногкау и других осетинских селениях, а также кружки станиц Николаевской и Змейской Сунженского отдела [67]. Марксистский кружок в ауле Галашки в Ингушетии работал во главе с Мухтаром Ахриевым [68].

С помощью Бакинского комитета и Грозненской организации РСДРП были созданы также первые социал-демократические организации в Дагестане.

По указанию Бакинского комитета РСДРП Грозненская группа в конце 1904 г. командировала в Порт-Петровск — главный промышленный центр Дагестана — специальную делегацию; перед ней была поставлена задача объединить социал-демократические кружки и создать Петровскую группу РСДРП. Она должна была, по свидетельству одного из членов делегации Я. Петренко, «играть в истории рабочего движения Кавказа весьма важную роль» [69] как связующее звено между рабочими районами Баку и Грозного.

Создание Петровской организации РСДРП свидетельствовало о том, что борьба бакинских и грозненских большевиков, с одной стороны, и кавказских меньшевиков — с другой, за влияние на петровских рабочих закончилась победой большевиков. В связи с этим известный меньшевик И. Рамиашвили, еще в начале 1904 г. руководивший кружком рабочих-текстильщиков в Петровске, вынужден был покинуть город. В конце 1904 — начале 1905 г. организационно оформились и социал-демократические организации в Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Кизляре. В конце 1904 г. социал-демократические группы Терской и Дагестанской областей объединились в Терско-Дагестанский комитет РСДРП.

В борьбе большевиков с меньшевиками создавались партийные организации на Кубани и в Ставрополье. Дело в том, что после II съезда партии руководство Донкома захватили меньшевики. Это осложняло деятельность большевиков по созданию руководящего центра, каким был Донком до II съезда партии в этом районе. Но такая работа настойчиво проводилась. Во второй половине 1903 г. в Екатеринодаре была создана

«Инициативная группа», подготовившая в начале 1904 г. создание Кубанского комитета РСДРП. В его состав вошли В. С. Попов, М. М. Костеловская, А. Г. Щербинин, М. О. Шишкин, С. И. Мартыновский и др. [70]

Тогда же, в 1904 г., образовалась Екатеринодарская социал-демократическая группа, а также были организационно оформлены социал-демократические группы в Новороссийске, Майкопе, Армавире, на станциях Тихорецкой, Кавказской, в Ейске. По инициативе Екатеринодарской социал-демократии в адыгейском ауле Тахтамукай была создана революционная группа во главе с большевиком Павлом Заемой. Члены группы привлекали к своей работе прогрессивно настроенных представителей адыгейского населения, проводили политическую работу среди горских трудящихся. В станицы, аулы и села неоднократно выезжали социал-демократы из Майкопа и вели работу среди русского и горского крестьянства [71]. Активное участие в этой работе тогда принимали адыгейские революционеры Мос Шовгенов и Шахангерий Хакурате. В конце 1904 г. возник революционный кружок в селе Белом Майкопского отдела, которым руководили Н. Ф. и А. Ф. Велтистовы, приехавшие раньше из Москвы. В кружок входили учитель Сушков, житель села П. Николаев и др. Члены кружка вели пропагандистскую работу среди жителей Белого и близлежащих селений, поддерживали связь с Москвой и получали оттуда нелегальную литературу [72].

В Сочи социал-демократическая группа была создана Батумским комитетом РСДРП.

В 1904 г. в Ставрополе и на станции Минеральные Воды возникают первые социал-демократические организации. Ставропольская организация на правах группы вошла в состав Кубанского комитета РСДРП. Минераловодская социал-демократическая группа входила в состав Терско-Дагестанского комитета РСДРП [73].

В социал-демократические организации Северного Кавказа входили большевики и меньшевики, между которыми шла острая борьба по вопросам революционного движения.

Меньшевик А. Цаликов, впоследствии видный сторонник панисламизма, в годы первой русской революции писал, что не следует обострять взаимоотношения между помещиками и крестьянами, так как местные помещики отличаются от русских и обострение отношений не дает ничего хорошего, кроме взаимного уничтожения, а в Осетии эта борьба еще превратится в религиозную войну, ввиду того что все помещики здесь исповедуют магометанство, в то время как большинство осетин — христиане [74].

Вовлечению народных масс в революционное движение всячески препятствовали эсеры, отражавшие интересы мелкой буржуазии. Организации эсеров имелись в ряде мест Северного Кавказа, причем не только в городах, а иногда и в селах. Например, в Северной Осетии в селе Христиановском (ныне г. Дигора) эсеры создали свою организацию под названием «Фадисонта» («Глашатай») [75].

Руководство большевиков революционным движением, работа социал-демократических организаций способствовали тому, что забастовки рабочих в ряде мест края в 1904 г. перерастали в политические выступления, национально-освободительное и аграрное движения.

Освободительное движение после II съезда РСДРП. В 1904 г. революционное движение в России развивалось в условиях русско-японской войны. И хотя число забастовок уменьшилось, забастовочное движение

не прекращалось. Мобилизация на фронт, вычеты из заработной платы под видом добровольных пожертвований на войну, поражения на фронте способствовали антивоенным настроениям, росту недовольства народа царизмом, назреванию в стране революционного кризиса.

Под руководством большевиков проходили забастовки на екатеринодарских заводах Аведова, Пуйденко, Галан, Штейнгеля. 10 ноября 1904 г. в городе состоялась многолюдная антиправительственная демонстрация. Она прошла под лозунгом «Долой самодержавие!». Демонстрация была подробно описана в прокламации Кубанского комитета РСДРП «Ко всем товарищам!», распространенной по всему Кубано-Черноморью [76]. Массовые демонстрации прошли в 1904 г. также в Майкопе. В 1904 г. бастовали рабочие железнодорожного депо станции Минеральные Воды. Проведены были первые более организованные и массовые выступления рабочих Дагестана. 1 мая 1904 г. под руководством местных социал-демократов состоялись сходки и митинги рабочих Петровска. Текстильщиками города была предпринята попытка организации митинга и 2 мая. Оба эти выступления были разогнаны полицией.

В сентябре 1904 г. состоялась забастовка мастеровых, рабочих каретного цеха во Владикавказе, где забастовщики предъявили требования о сокращении рабочего дня и освобождении от работы в воскресенье и праздничные дни [77].

В конце декабря 1904 г. под непосредственным влиянием декабрьской стачки бакинских рабочих вспыхнула забастовка на Грозненских промыслах. Бастующие предъявили нефтепромышленникам требования, призванные улучшить условия труда и быта рабочих. Забастовка продолжалась две недели и закончилась частичным удовлетворением требований рабочих.

В предреволюционные годы происходит оживление национально-освободительного движения на окраинах царской России. Указывая на «брожение умов туземного населения», начальник Терской области осенью 1903 г. предписывал начальникам участков произвести в аулах внезапные обыски и отобрать оружие. В «Политическом обзоре Терской области» за этот год отмечалось революционизирующее влияние Ростова, Баку, Тифлиса на рост революционного движения на Северном Кавказе. «Кажущееся спокойствие политического настроения области,— сообщал начальник Терского областного жандармского управления,— полагаю, является именно кажущимся и, безусловно, требует своевременных мер к предотвращению могущих неожиданно, внезапно разразиться нежелательных явлений сильного напряжения» [78].

В 1904 г. восстал против властей целый участок в Веденском округе, где крестьянские массы отказались исполнять распоряжения властей, платить налоги. Старшины всех 13 сельских обществ участка округа были изгнаны, и на их место народ избрал новых, своих людей. Не решаясь немедленно расправиться с целым участком, власти предложили крестьянам компромисс: признать избранных народом новых старшин, но с условием платить им жалованье из средств сельских обществ. Таким образом предполагалось придать этому акту форму законности. Крестьяне категорически отвергли и это предложение и не стали платить налоги. По признанию властей, «старшины не хотят взыскивать. Да и с чего взыскивать?» [79]

Об отказе от уплаты налогов неоднократно заявляли крестьяне Дагестана, в частности в Кайтаго-Табасаранском округе. Произошли волнения против тяжелого налогового бремени в ряде сел Кабарды в 1903 г. и выступления против таубиев на аграрной почве в Чегемском обществе

Балкарии в 1904 г.[80] В Осетии в том же году .отмечены выступления крестьян на аграрной почве. Жители села Тамиск захватили казенную поляну «Мантагджин» на Ныхаской даче, рубили лес, разделили поляну на участки под усадьбы и стали огораживать их плетнями[81]. Тогда же крестьяне другого осетинского с. Магометановского (ныне г. Чикола), изгнав стражу, захватили земельный участок помещиков Тугановых в местности «Гагулати-Искатицух» и производили покос на занятой земле. Помещики просили власти оградить их «от грубого и насильственного самоуправного захвата общества селения Магометановского, изгоняющего с участка наших людей и косящего участок, и приказать пресечь такое самоуправство»[82].

Составной частью национально-освободительного движения в крае были массовые протесты и выступления, происшедшие в крупных центрах армянского населения (Армавир, Моздок, Кизляр, Владикавказ и др.) — в связи с закрытием армянских школ и отобранием имущества армянской церкви в 1903 г. По свидетельству властей, это движение в крае было «в не меньшей мере, чем в Закавказье»[83].

В этой обстановке царское правительство в конце января 1904 г. приняло решение «вызвать желающих идти на войну с Японией из числа кавказских горцев, не несущих воинской повинности»[84].

Предполагалось сформировать из «добровольцев» «12 сотен по народностям». Выполняя эти указания, кавказская администрация за короткое время сформировала Кавказскую конную бригаду, командующим которой был назначен генерал-майор гр. Г. И. Орбелиани. Бригада состояла из двух шестисотенных полков: Терско-Кубанского (под командованием полковника Плаужина) и 2-го Дагестанского (под командованием полковника Хан-Нахичеванского). В мае месяце того же года полки были отправлены на Дальний Восток и уже в середине июля приняли участие в боевых действиях. С этого времени и до осени 1905 г. полки принимали самое активное участие в боях при Ляояне, на Далинском перевале, в сражениях на Шахе, у деревень Халатозе, Янтайцзы, Удзенганза, Ландунгау и других. Участвовали они и в наступательных операциях генерал-майора П. И. Мищенко на Инкау, Санзепу, Гантафу, Пабатун и в движении на Хаченский мост. Сражались у Мукдена (бои за деревни Сандзяпдзы, Хаутала — Палитун — Гандюко, Сындязы — Эрзагоу и др.).

За подвиги, проявленные в боях с японскими захватчиками, были отмечены наградами и представлены к офицерским чинам многие солдаты и среди них значительное число горцев Северного Кавказа. Хорунжий А. Бутаев, будучи ранен на Янзельском перевале, не покинул боя, за что был награждан боевым орденом с надписью «За храбрость». В бою под Ляояном отличился Т. Басиев. Н. Рафалович был награжден Военным орденом, произведен в унтер-офицеры и представлен к производству в офицеры.

Горцы Б. Турчинов, Д. Мучалаев, М. Ибрагимов, М.-Ш. Лугуев, Х.-М. Даутов, К. Османов, И. Гаджиев, С. Гораев и многие другие были награждены Военным орденом с надписью «За храбрость»[85].

В январе 1906 г. оба кавказских полка были возвращены с Дальнего Востока на Кавказ и в августе того же года расформированы.

Антивоенная работа большевиков. В годы русско-японской войны большевики активно проводили антивоенную работу. Разъясняя грабительский характер войны, они требовали байкотировать «патриотические» манифестации властей, прекращения войны, призывали трудящихся к борьбе против самодержавия. Большевики выступили с лозун-

гом поражения царизма в войне, что должно было привести к свержению царизма в России и победе народа.

В воинских частях, городах и среди крестьянства Северного Кавказа распространялись листовки, изданные ЦК РСДРП («Войпа войне», «Почему царское правительство затеяло войну?»), многочисленные антивоенные листовки большевиков Кавказа, социал-демократических организаций Северного Кавказа. В 1904 г. в крае резко увеличилось количество и другой нелегальной литературы. Под 1 Мая 1904 г. в Армавире было распространено 140 экземпляров прокламаций «1 Мая», «Война против войны» [86]. Прокламации «Для кого должен умирать русский солдат» и «Война против войны» в мае распространялись в Ставрополье. В Кубанской области с мая по июнь 1904 г. жандармы нашли свыше 500 прокламаций, в том числе в станицах Фонтановской, Пластуновской, Усть-Лабинской, Васюринской, Новомихайловской и др.[87] Большевики распространяли листовки среди солдат 252-го Анапского батальона в Екатеринодаре [88], в районе казарм различных военных частей, в воинских эшелонах, среди мобилизованных казаков-пластунов в Армавире [89]. 3 мая 1904 г. в Ставрополе был обнаружен сверток брошюр и листовок, и среди них брошюра В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов», два листка «Для чего должен умирать русский солдат», листовки «Война против войны» и «Международный жандарм» [90].

В 1904 г. Кавказский союзный комитет РСДРП обратился к горцам с воззванием «К осетинам и ко всем горцам Кавказа» (за подписью «Группа горских социал-демократов»). Воззвание призывало горцев примкнуть к освободительному движению в России, не поддаваться обману и готовиться к решительной схватке с царизмом: «Оставим наших сыновей у себя дома для трудной внутренней войны». Воззвание заканчивалось лозунгами: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!» [91]

Антивоенная работа, проводившаяся на Кавказе, была весьма успешной. «Царскому правительству,— отмечал позже известный большевик Миха Цхакая,— не удалось устроить ни в одном из кавказских городов какой-либо, хотя бы ничтожной, демонстрации в пользу войны» [92]. Успешной была антивоенная работа большевиков и среди горского крестьянства. Ни патриотические призывы, ни строгие предписания властей не дали ожидаемых результатов. Подавляющее большинство горских обществ отказалось дать добровольцев для русско-японской войны на Дальнем Востоке. В Дагестане при формировании Второго «добровольческого» полка охотники явились лишь из трети селений [93]. Не оказалось желающих и в большей половине сел Кабарды и Балкарии [94], во многих горских обществах Карачая, Черкесии, Адыгеи [95].

Лишь к концу мая 1904 г. властям удалось посулами высокого жалованья («добровольцам» платили 240 руб. в год), наград, почетной службы набрать из горцев два полка — Дагестанский и Терско-Кубанский — и сформировать из них Кавказскую кавалерийскую бригаду.

Большое недовольство вызвали также призыв запасных в связи с войной (в результате чего резко ухудшилось положение семейств в деревнях) и посылка призывников запаса на подавление революционного движения. Показателем роста антивоенных настроений солдат-горцев явились восстание среди всадников Терско-Кубанского полка на фронте и волнения в Осетинском конном дивизионе во Владикавказе осенью 1904 г.

13 октября 1904 г. в Маньчжурии в прифронтовой полосе, когда Терско-Кубанский полк получил приказ идти на передовую линию,

большая часть всадников из Чеченской и Кабардинской сотен отказалась исполнить его, заявив, что «не хотят седлать коней и идти к отряду и что вообще больше служить не желают» [96]. В этих сотнях, как видно из свидетельских показаний, «давно существовало брожение умов ввиду недовольства всадников тяжелой службой» [97]. В приговоре по делу восставших всадников отмечалось: «... опасность, грозившая от деяний подсудимых спокойствию и порядку не только в полку, но, может быть, и более,— делают деяние подсудимых важнейшим из воинских нарушений воинской подчиненности» [98].

Военный суд в Мукдене в начале ноября 1904 г. приговорил зачинщиков восстания Залим-Гери Керефова из Кабардинской сотни и чеченца Ташу Тасмахилова из Чеченской сотни к расстрелу, а 12 всадников к каторжным работам сроком от 12 до 13 лет. Позже смертная казнь Таше Тасмахилову была заменена каторжными работами на 10 лет. При этом по приказу генерала-адъютанта А. Н. Куропаткина помилование было объявлено по окончании всех приготовлений к казни [99]. 28 чеченцев и 18 кабардинцев были осуждены на сроки от 2 до 8 лет каторги [100].

Почти одновременно с восстанием кабардинских и чеченских сотен произошли волнения в Осетинском конном дивизионе во Владикавказе. В связи с окончанием срока службы по приказу командования всадников обязали служить до 1 января 1905 г. Но всадники потребовали немедленного увольнения; они перестали нести караульную службу, являться на занятия и исполнять другие служебные обязанности. За неповиновение приказу командования 28 всадников были под конвоем роты пехоты Апшеронского полка отправлены в тюрьму, но по дороге арестованные громко кричали, что «пойдут и в тюрьму, но служить больше не будут» [101]. Всего за участие в этом волнении к разным срокам наказания был осужден 61 всадник.

Критика банкетной кампании либералов. В 1904 г. большевики развернули большую работу, направленную на разоблачение соглашательской тактики меньшевиков, стремившихся привлечь рабочих к участию в «банкетной кампании» либералов. Меньшевики призывали рабочих не выступать самостоятельно со своими требованиями, способствовать тому, чтобы буржуазия от имени народа выступала с демократическими пожеланиями.

Меньшевики Северного Кавказа поддержали эту самую неприкрытую, хвостистскую, соглашательскую тактику.

В Екатеринодаре группа меньшевиков из Кубанского комитета РСДРП в ноябре 1904 г. во время очередного заседания городской думы вошла в зал. Один из меньшевиков обратился к гласным думы, призывая их поддержать требования народа. Другие же из этой группы в это время раздавали гласным листовки. Через месяц, 11 декабря, в общем зале самой крупной гостиницы Екатеринодара собрались на банкет до 200 представителей либеральной буржуазии и меньшевиков. Сюда же были приглашены несколько рабочих. Председательствовал на банкете присяжный поверенный Ширский. Под звон бокалов с шампанским лились сладкие речи либералов. От них не отставали меньшевики.

Однако рабочие, приглашенные на банкет, очень быстро сообразили, о чем ведут речи господа либералы. И в ответ на требования конституционной монархии, равных выборов и т. п., выдвигавшиеся в речах ораторов, из угла, где сидели рабочие, послышались возгласы: «Долой царя! Да здравствует демократическая республика!»

В Пятигорске либералы на банкетах, проведенных в конце 1904—начале 1905 г., ограничились тем, как сообщал начальник Терского жандармского управления, что «будировали» стремление «в духе освободительных злободневных тенденций с составлением петиционных телеграмм» на имя министра внутренних дел [102].

Большевики разъясняли рабочим смысл банкетной кампании, звали их к революционной борьбе.

Напротив, меньшевистская «Искра» на все лады восхваляла деятельность екатеринодарских меньшевиков. Она писала о будто бы новых методах, новых приемах, еще новом шаге в развитии форм политической борьбы, особенно проявившихся в Екатеринодаре [103].

В. И. Ленин в статье «О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов», разоблачая ошибочность и вредность новоискровской теории, развращавшей сознание пролетариата и отвлекавшей его от надвигавшихся задач открытой революционной борьбы, писал: «И старое „Рабочее Дело“ и новая „Искра“, предпринимая ревизию (пересмотр) старых организационных и тактических принципов революционной социал-демократии, суетясь в поисках новых слоев и „новых методов“, на деле тащат партию назад, выдвигают отсталые, а то и прямо реакционные лозунги» [104]. Эта статья В. И. Ленина сыграла огромную роль в борьбе большевиков против меньшевиков за массы во всей стране.

* * *

Итак, в предреволюционные годы на Северном Кавказе в целом были сходные с центральными районами Российской империи социально-экономические условия и классовые противоречия, подготовившие участие народов края в первой русской революции 1905—1907 гг.

К началу революции в связи с развитием капитализма промышленные центры и железнодорожные узлы Грозный, Новороссийск, Екатеринодар, Минеральные Воды, Владикавказ, Порт-Петровск и другие стали важными пунктами рабочего движения края.

Революционным движением руководили социал-демократические группы, которые возникли в крае в 1902—1904 гг., а в 1904 г. объединились в Кубанский и Терско-Дагестанский комитеты РСДРП.

На организационное оформление и деятельность социал-демократических организаций края большое влияние оказали решения II съезда партии, Донской комитет (до II съезда партии) и Кавказский союзный комитет РСДРП.

Под воздействием борьбы пролетариата и крестьянского движения в стране накануне революции проходили выступления русского и горского крестьянства, отдельные антивоенные выступления солдат.

В борьбе горских народов вместе с общедемократическими требованиями рабочих и крестьян выдвигались также вопросы антиколониального, национально-освободительного движения.

Опыт борьбы, приобретенный рабочими и крестьянами, всеми народами Северного Кавказа в начале 1900-х годов, сыграл большую роль в развертывании революционных событий в крае в первой российской революции 1905—1907 гг.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 295.

[2] На Кавказе. Тифлис. 1909, № 6. С. 251.

[3] ПСЗ-III. СПб., 1988. Т. 8. С. 97—98.

[4] ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 260/210. Д. 72. Л. 16.

[5] Изв. Владикавказ. гор. обществ. управления. 1905. 12 мая.

[6] Терский календарь на 1896 г. Владикавказ, 1895. С. 177.
[7] *Воронцов-Дашков И. И.* Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом. СПб., 1910. С. 46.
[8] Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 155—156.
[9] Изв. Владикавказ. гор. обществ. управления. 1905. 12 мая.
[10] ЦГАОР СССР. Ф. 102. (Департамент полиции). Особый отдел. 1905 г. Д. 2612. Л. 2, 16 и 16 об.
[11] *Величко В.* Кавказ: Русское дело и международные вопросы. СПб., 1904. С. 182.
[12—13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 277
[14] ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 8. Д. 1. Л. 98—99.
[15] *Бушуев С. К.* Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг. Грозный, 1941. С. 52—63.
[16] *Демешина Е. И.* Рабочее движение на Дону в период империализма. Ростов на/Д. 1973. С. 38—39.
[17] ЦГАОР СССР. Ф. 102.00. 1898 г. Д. 5. Ч. 43. Л. 1.
[18] *Демешина Е. И.* Указ. соч. С. 2.
[19] *Коссович П. Ф.* Партийные организации во главе революционных событий 1905—1916 гг. на территории Адыгеи // Учен. зап. Адыгейского гос. пед. ин-та. Кафедра марксизма-ленинизма. Майкоп. 1962. Вып. 1. С. 88.
[20] 1905, 1906 и 1907 годы в Грозном: Сб. статей. Грозный, 1925. С. 44.
[21] ЦГА ЧИАССР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. Л. 103.
[22] 1905 год во Владикавказе: Сб. статей. Владикавказ, 1925. С. 36.
[23] Партархив Ростовской области. Ф. 12. Оп. 28. Д. 23, Л. 13.
[24] *Джанаев А. К.* Ленинская «Искра» о Северном Кавказе // Изв. СОНИИ. Орджоникидзе, 1971. Т. 29. С. 59—60.
[25] газ. Искра. 1903. 15 янв. № 32.
[26] *Лебедик Н. И.* Ленинская «Искра» и социал-демократическое движение на Северном Кавказе // Ленинская «Искра» и местные партийные организации России (1900—1903 гг.). Пермь, 1971. С. 364.
[27] ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 157. Л. 4.
[28] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1976. С. 22.
[29] Там же. С. 31.
[30] ЦГИА ГССР. Ф. 83. Оп. 1. Д. 186. Л. 1.
[31] ЦГАОР СССР. Ф. 102.00.1898 г. Д. 4. Ч. 55. Л. 5.
[32] 1 Мая в царской России: Сб. документов. М., 1939. С. 84.
[32а] ЦГА СОССР. Ф. 11. Оп. 6. Д. 4801. Л. 52.
[33] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. С. 20.
[34] *Шигабудинов М. Ш.* Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905—1907 гг. Махачкала, 1964. С. 60.
[35] газ. Искра. 1903. 22 окт. № 51.
[36] ЦГА ДАССР. Ф. 15. Оп. 2. Д. 67. Л. 35.
[37] газ. Искра. 1902. 1 авг. № 23.
[38] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. С. 30.
[39] ЦГАОР СССР. Ф. 102.00. 1898 г. Д. 4. Ч. 55. Л. 11.
[40] Там же.
[41] Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае. Ростов н/Д, 1935. С. 162.
[42] газ. Искра. 1902. 15 дек. № 30.
[43] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. С. 24.
[44] газ. Искра. 1902. 15 дек. № 30.
[45] ЦГАОР СССР. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1902 г. Д. 1743. Л. 188; 00.1898 г. Д. 4, 4 а. Л. 12.
[46] Там же. 00.1898 г. Д. 4. Ч. 4 д. Л. 14.
[47] газ. Искра. 1902. 15 дек. № 30.
[48] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 98. Л. 17, 17 об., 17 б.
[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 251.
[50] газ. Искра. 1903. 15 марта. № 36.
[51] *Серый Ю. И.* Страницы прошлого. Ростов н/Д, 1955. С. 12.
[52] ЦГАОР СССР. Ф. 102. 7-е д-во. 1904 г. Д. 267. Л. 8.
[53] ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 104. Д. 56. Л. 6, 8, 10, 21, 23.
[54] *Джанаев А. К.* Феодальное землевладение в Стыр-Дигории // Изв. СОНИИ. Дзауджикау, 1948. Т. 15, вып. 3. С. 33.
[55] ЦГВИА. Ф. 2300. Оп. 7. Д. 128. Л. 8.
[56] Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь Кавказский, 1909. Т. 2. С. 15.
[57] Тр. Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 12.
[58] ГАААО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 397. Л. 2.
[59] *Джимов Б. М.* Социально-экономическое положение и революционная борьба трудящихся Адыгеи в 1901—1917 годах // Сборник статей по истории Адыгеи. Майкоп, 1966. С. 258.
[60] Там же. С. 259.
[61] газ. Искра. 1902. 1 авг. № 23.
[62] Там же. 1903. 1 янв. № 31.
[63] *Шерипов Асланбек.* Статьи и речи. Грозный, 1961. С. 47.
[64] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 196.
[65] ЦГИА ГССР. Ф. 23. Д. 124. Л. 10—11.
[66] Там же.
[67] *Такоев Симон.* К истории революционного движения на Тереке // Изв.

СОНИИ краеведения. Владикавказ, 1926. Вып. 2. С. 315.

[68] Там же.

[69] *Бушуев С. К.* Указ. соч. С. 19.

[70] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. С. 32—33.

[71] *Коссович П. Ф.* Указ. соч. С. 100.

[72] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 3756. Л. 304—305.

[73] История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. Т. 1. С. 274.

[74] *Хасбулатов А. И.* Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963. С. 74.

[75] История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 274.

[76] Сборник статей по истории Адыгеи. С. 255.

[77] *Шигабудинов М. Ш.* Указ. соч. С. 77.

[78] *Киреев Е. П.* Пролетариат Грозного в революции 1905—1907 гг. Грозный, 1955. С. 49.

[79] ЦГА СОАССР. Ф. 270. Оп. 1. Д. 4, Л. 62.

[80] История Кабардино-Балкарской АССР. Москва, 1967. Т. 1. С. 371.

[81] РФ СОНИИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 21—22.

[82] Там же.

[83] ЦГАОР СССР. Ф. 102.00.1904 г. Д. 1. Ч. 58. Лит. «А». Л. 3.

[84] *Козубский Е. И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. С. 295.

[85] Русско-японская война, 1904—1905. СПб., 1910. Т. 2. С. 52; Русско-японская война/Под. ред. А. Банова. СПб., 1907. Ч. 2. С. 26—36, 146—243; Иллюстрированная летопись русско-японской войны: По официальным записям, сведениям печати и показаниям очевидцев. СПб., 1904. Вып. 2. С. 27; Вып. 7. С. 71, 115; Вып. 8. С. 43, 78, 89; СПб., 1905. Вып. 10. С. 36; Вып. 11. С. 23, 67; *Козубский Е. И.* Указ. соч. С. 296—297.

[86] ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1904 г. Д. 5. Ч. 61. Л. 1.

[87] Там же. Ч. 64. Л. 18—19.

[88] ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 207. Л. 38.

[89] 1905 год на Северном Кавказе: Сб. статей и материалов. Ростов; Краснодар, 1926. Т. 1. С. 113—114.

[90] Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С. 16.

[91] ЦГАОР СССР. Ф. 102.00.1904 г. Д. 4. Л. 67.

[92] XII Пленум ИККИ: Стеногр. отчет. М., 1933. Кн. 3. С. 55.

[93] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 283.

[94] *Мужев И. Ф.* Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900—1914). Нальчик, 1965. С. 22.

[95] Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 431.

[96] Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1959. Вып. 8. С. 96.

[97] *Бекузаров Х. Х.* Свободы луч, играя на штыках... Орджоникидзе, 1976. С. 31.

[98] Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 8. С. 102.

[99] ЦГИА. Ф. 801. Оп. 1/56. Д. 31. Л. 24; *Бекузаров Х. Х.* Указ. соч. С. 33.

[100] ЦГВИА. Ф. 1568. Оп. 2. Д. 6695. Л. 31—35.

[101] ЦГАОР СССР. 102.00.1904 г. Д. 1. Ч. 58. Л. 1. 4.

[102] Северная Осетия в революции 1905—1907 гг. Орджоникидзе, 1955. С. 95.

[103] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 139.

[104] Там же. С. 142.

Глава XII

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

1. Борьба трудящихся Северного Кавказа в начальный период революции

Первая российская революция 1905—1907 гг. была первой народной революцией эпохи империализма. По своему социальному содержанию она была буржуазной революцией, но по средствам борьбы и по руководящей роли, которую в ней играл рабочий класс,— пролетарской. Она вместе с тем была и крестьянской революцией, так как аграрно-крестьянский вопрос составлял ее экономическую основу и национальную особенность.

Главной задачей революции было свержение самодержавия, проведение конфискации помещичьего землевладения и установление демократической республики. Победа революции 1905—1907 гг. была важнейшим условием уничтожения национального неравенства и колониального угнетения.

Выполнить задачи первой российской революции, в том числе освобождение народов России от социального и национального гнета, мог лишь боевой союз трудящихся всех народов страны. Но осуществить такой союз был в состоянии только российский пролетариат во главе с партией большевиков, «ведущий за собой трудящиеся массы всех наций и народностей страны» [1].

Отклики трудящихся края на расстрел рабочих Петербурга 9 января 1905 г. Началом первой российской революции явились события 9(22) января 1905 г. в Петербурге — центре рабочего движения России. В этот день, названный народом «Кровавым воскресеньем», было расстреляно царскими войсками 150-тысячное мирное шествие рабочих столицы, направлявшихся к Зимнему дворцу просить царя облегчить тяжелое положение народных масс.

На второй день после «Кровавого воскресенья» вспыхнули мощные стачки пролетариата в Петербурге, Москве. Стачки прокатились затем по всей стране. В. И. Ленин писал: «И вот именно в этом пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе и заключается историческое значение 22 января 1905 года» [2].

События в столице империи оказали огромное воздействие на пробуждение трудящихся национальных окраин, на рост политического сознания и революционной борьбы. Весть о кровавом преступлении царизма вызвала массовые демонстрации и стачки, рост национально-освободительного движения и на Северном Кавказе.

В январе—феврале 1905 г. на события в столице откликнулись рабочие Грозного, Садона, Майкопа, Ставрополя, Дербента, Новороссийска и других городов края (карта 5). Борьбой рабочих края руководили соци-

ал-демократические организации, призывавшие поддержать выступления петербургского пролетариата; они вели устную пропаганду в рабочих центрах, распространяли листовки, в которых разъясняли задачи пролетариата в начавшейся революции. В ряде городов митинги и демонстрации прошли под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Смерть палачам!», «Слава павшим!» [3] «Мы должны свергнуть самодержавие, разбить капиталистов и помещиков»,— отвечали рабочие на призыв большевиков [4].

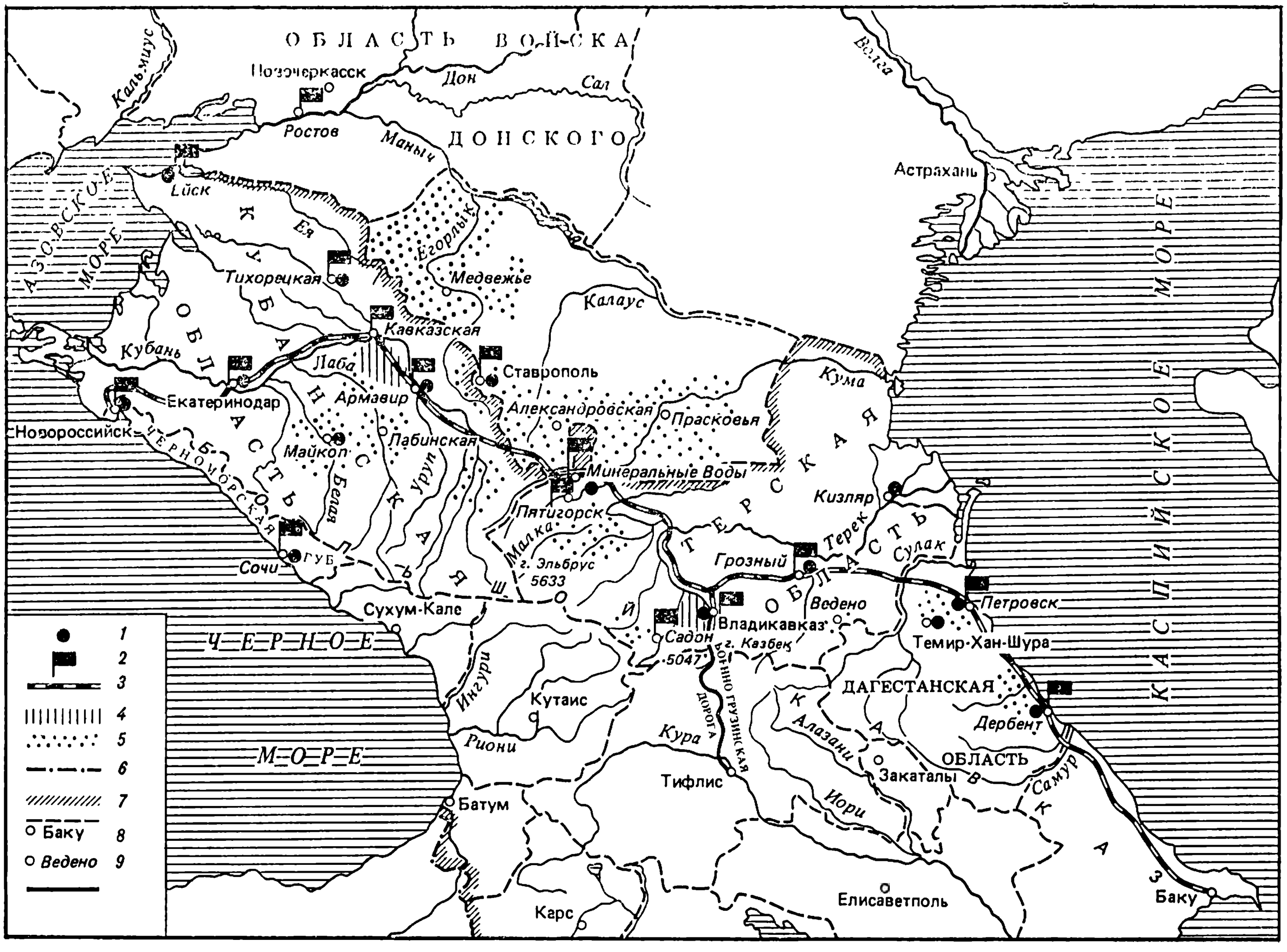
В конце января 1905 г. забастовали металлисты Екатеринодара, рабочие Владикавказской железной дороги, нефтяники Грозного и горняки Садона. Наибольшей организованностью отличались выступления мастеровых Владикавказской железной дороги, нефтяников Грозного, рабочих цементных заводов Новороссийска. Забастовка на нефтяных промыслах и на промышленных предприятиях Грозного продолжалась с 27 января по 7 февраля ст. ст. К 31 января забастовка охватила свыше 10 тыс. рабочих и стала всеобщей. В феврале в забастовках в Новороссийске участвовало до 2 тыс. чел., в Порт-Петровске в борьбу включились ткачи «Каспийской мануфактуры» (бастовавшие дважды), бастовали табачники, железнодорожники и строительные рабочие Дербента.

Первые выступления рабочих на Северном Кавказе носили преимущественно экономический характер. В. И. Ленин отмечал, что экономическая стачка преобладала среди рабочих, которые вышли из крестьянской среды и еще не имели достаточного политического опыта. «Только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть наиболее отсталые слои эксплуатируемой массы и превращает их — в революционную эпоху — в течение немногих месяцев в армию политических борцов» [5]. И эта характеристика вполне применима к большинству рабочих Северного Кавказа.

Революционное движение в стране влияло на крестьян, солдат, учащуюся молодежь. В конце февраля 1905 г. терская областная администрация призывала начальников округов и отделов «усилить надзор по всем населенным пунктам за настроением населения ввиду происходящих,— указывалось в предписании,— беспорядков в Баку, забастовок в Грозном и на грозненских промыслах, могущих иметь опьяняющее действие на воображение туземного населения» [6].

С января 1905 г. начались волнения среди крестьян-арендаторов Ставрополья, Кубани, Терека. В Северной Осетии в конце января лесорубы и возчики руды из осетинских сел примкнули к забастовке садонских рабочих, в феврале—марте крестьяне сожгли и разгромили почти все помещения Владикавказского лесничества, изгнали объездчиков, рубили казенные леса [7]. В Дагестане, Чечено-Ингушетии крестьяне прекратили выплату денежных повинностей, а в ряде мест Дагестана захватывали бекские земли, рубили лес. Во Владикавказе, Новороссийске, Ставрополе учащиеся на демонстрациях распространяли листовки, призывавшие к свержению самодержавия.

Для борьбы с революционным движением на Кавказе в феврале 1905 г. правительство восстановило наместничество, упраздненное в 1882 г. На наместника на Кавказе гр. Воронцова-Дашкова было возложено в качестве первейшей задачи «безотлагательное водворение на Кавказе спокойствия» [8]. Наместник подавлял революционное движение суровыми карательными мерами и в то же время говорил о необходимости проведения на Кавказе экономических и других социальных реформ (в том числе о введении земства), направленных на сужение социальной базы революционного движения в крае путем отрыва от него либеральной буржуазии и рассчитанных в конечном счете на подавление революции в крае.



Карта 5. Начало и нарастание первой российской революции на Северном Кавказе (январь — август 1905 г.)

1 — Социал-демократические группы;
2 — Стачки;
3 — Железные дороги, охваченные стачками;
4 — Районы крестьянских восстаний;
5 — Районы крестьянских выступлений;
6 — Государственная граница Российской империи;
7 — Границы Кавказского наместничества;
8 — Границы и центры губерний и областей;
9 — Прочие населенные пункты

Примечание: Границы даны на 1 января 1914 г. Подписаны губернии и области, неодноименные с их центрами

Большевики Кавказа вскрывали контрреволюционный характер политики наместника, разъясняли массам, что она направлена к тому, чтобы в «миниатюре совершить то, что творит ныне самодержавие повсеместно в России. Подавлять, гнуть в бараний рог, прибегать к кровавым зверствам и насилиям... и в то же время кричащими рекламами возвещать о предпринимаемых реформах, учреждать разнообразные комиссии для них и даже готовиться к «коренной реформе», облагодетельствованию населения земским собором. Такова внутренняя политика царского самодержавия в последнее время» [9].

III съезд РСДРП. Революционные выступления трудящихся края весной 1905 г. В обстановке подъема народной революции в апреле 1905 г. состоялся III съезд РСДРП. Съезд был созван по настоянию большевиков во главе с В. И. Лениным, несмотря на противодействие меньшевиков, выступавших против созыва съезда. Вокруг вопроса о созыве съезда, а затем о его решениях развернулась острая борьба между большевиками и меньшевиками Дона и Кавказа. Против идеи созыва съезда, поддержанной Бакинским и Кавказским союзными комитетами РСДРП, выступили Донской и Терско-Дагестанский комитеты. Кубанский комитет, где в руководстве преобладали меньшевики, своего делегата на съезд не послал, а мандат Кубанской организации решил передать редакции меньшевистской «Искры». До III съезда партии Кубанский комитет не был еще утвержден ЦК партии и поэтому не являлся полноправной организацией. Съезд по предложению В. И. Ленина признал Кубанскую партийную организацию полноправной организацией нашей партии. Это решение имело исключительно важное, принципиальное значение, так как способствовало укреплению позиций большевиков Кубани и Черноморья в социал-демократических организациях, сплотив еще больше их силы в борьбе с меньшевиками и воодушевив на новые активные революционные действия.

Решения съезда имели исключительное значение для руководства революцией. Под руководством В. И. Ленина съезд наметил стратегический план и тактическую линию большевистской партии в революции. Съезд указал, что единственным путем свержения царизма и завоевания республики является переход от массовых стачек к вооруженному восстанию, принял резолюции о временном революционном правительстве, о поддержке крестьянского движения, об отношении к либеральной буржуазии и по другим вопросам.

Решения съезда определили направление деятельности местных партийных организаций.

Съезд отметил мощный подъем революционного движения на Кавказе. В резолюции «По поводу событий на Кавказе» говорилось: «III съезд РСДРП от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет геройскому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе... и к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами» [10].

Большевиками Северного Кавказа была проделана большая работа по ознакомлению рабочих и социал-демократических организаций с решениями III съезда партии путем распространения газет «Вперед», «Пролетарий» в Грозном, Ставрополе, Екатеринодаре, Новороссийске и других городах, доставки в край решений ЦК, произведений В. И. Ленина. Весной и летом 1905 г. в городах края полиция обнаружила труды В. И. Ле-

нина: «Шаг вперед, два шага назад», «К деревенской бедноте», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и др.[11]

Усилилось организационное размежевание большевиков и меньшевиков.

В. И. Ленин в письме цюрихской группе большевиков писал: «Остается одно: порвать с меньшевиками как можно *полнее*, скорее, определеннее (открыто, публично)...»[12] Выполняя указания В. И. Ленина, грозненская группа РСДРП объявила меньшевистское руководство Терско-Дагестанского комитета отколовшейся частью партии и заявила о своем выходе из его состава[13] и о готовности работать под руководством Бакинского комитета РСДРП. Переход Грозненской группы РСДРП к Бакинскому комитету нанес серьезный удар по меньшевикам края. После этого через Грозненскую организацию возросло влияние большевиков на партийные организации Терека и Дагестана.

На Кубани, несмотря на то, что меньшевистское руководство Кубанского комитета враждебно встретило решение III съезда партии, рабочие Новороссийска на митинге в июне 1905 г. приняли резолюцию о подготовке вооруженного восстания[14].

В июне 1905 г. в Екатеринодаре состоялась Первая конференция социал-демократических организаций Кубани, Черноморской и Ставропольской губерний. Она имела явно меньшевистскую окраску, но создание по ее решению Северо-Кавказского союза РСДРП, объединившего деятельность социал-демократических организаций Предкавказья, способствовало росту влияния большевиков в местных партийных организациях. В Ставропольской организации РСДРП, преобразованной в комитет, в это время стала складываться большевистская фракция в составе И. А. Санжура, Н. С. Фролова, В. Д. Сокольского и др.[15] Рост влияния большевиков в Ставропольской организации был засвидетельствован и на ноябрьской конференции меньшевиков. Осенью 1905 г. большевистская фракция Ставропольского комитета РСДРП выросла и значительно упрочила свои позиции, установила контакт с ленинской газетой «Пролетарий», посылала туда корреспонденции, прокламации.

Более широкие размеры приняли организаторская работа и революционная пропаганда. В Грозном с весны 1905 г. начался выпуск на гектографе изданий Грозненской группы РСДРП. Активное участие в этом приняли И. Фиолетов, А. Фельдман, С. Бирюков, учитель К. Бакарадзе и др. В типографии Терско-Дагестанского комитета РСДРП выпускались листовки на русском, осетинском, реже — на грузинском языках. В Дагестан, на Терек и другие места края часто попадали листовки Бакинского комитета, Кавказского союза РСДРП на русском, армянском, грузинском языках[16].

Показателем революционного подъема, как и во всей империи, явились майские выступления рабочих многих городов края.

Накануне праздника партийными организациями была проведена работа по привлечению к международному празднику 1 Мая широких слоев трудящихся. В апреле во многих городах прошли нелегальные собрания, обсуждавшие планы первомайских выступлений. На Тереке была распространена перепечатанная Терско-Дагестанским комитетом РСДРП листовка «Первое мая», в которой В. И. Ленин обратился с призывом к рабочим России: «Пусть первое мая этого года будет для вас праздником народного восстания»[17].

Празднование 1 Мая вылилось в массовые митинги, демонстрации и забастовки, которые в ряде городов переросли в политические стачки. Всеобщей политической стачкой стала демонстрация в Новороссийске,

в которой 2 мая участвовало более 2 тыс. человек. На второй день, вновь собравшись на общегородской митинг, его участники выработали политические требования: неприкосновенность личности, свобода стачек, союзов и собраний. Митинг охраняла вооруженная дружина из рабочих. Несмотря на меры городских властей, принятые с целью сорвать первомайские демонстрации, в Грозном — за городом и на промыслах — состоялись демонстрации и маевки, в которых только на промыслах участвовало до 2 тыс. человек. В Екатеринодаре демонстранты пели революционные песни, несли лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует международная солидарность рабочих!» Трехтысячным митингом и демонстрацией отмечены были майские дни в Порт-Петровске, где 2 мая вспыхнула всеобщая забастовка ткачей, бондарей, табачников и портовиков. Волнения в городе не прекращались до 10 мая и были подавлены с помощью войск.

6 и 7 мая 1905 г. состоялись массовые выступления во Владикавказе, в которых участвовало 5 тыс. человек. Они переросли во всеобщую забастовку металлистов, приказчиков, мастеровых, рабочих трамвая, гостиниц, ресторанов. Стачка была настолько внушительной, что власти не решились подавить ее силой, признав потом, что она прекратилась потому, что удалось склонить хозяев к удовлетворению требований забастовщиков [18]. Волнения в городе продолжались до 10 мая. В Ейске рабочие чугунолитейных мастерских в период майской забастовки, длившейся со 2 по 17 мая, оказали противодействие полиции, добились сокращения рабочего дня [19]. 5 мая в лесу за Кубанью близ Баталпашинска был проведен митинг, на котором произносились антиправительственные речи [20].

Майские выступления трудящихся на Северном Кавказе показали, как сильно возросло влияние социал-демократических организаций на массы. В дни забастовок власти репрессировали активных работников партии. 1—2 мая были арестованы И. Фиолетов, С. Бирюков, П. Луговкин, К. Дьяков, К. Нетребенко и другие руководители Грозненской группы РСДРП, стоявшей на позициях большевиков.

Во второй половине мая произошли новые выступления рабочих края.

18 мая в Грозном началась забастовка рабочих нефтепромышленной фирмы «Ахвердов и К°», на которой работало до 1,5 тыс. человек. К бастующим присоединились рабочие других нефтяных фирм: «Англо-Русского Максимовского общества», «Северо-Кавказского общества», «Шпис» и др. В этой забастовке, длившейся до 31 мая, приняло участие более 4 тыс. рабочих. Бастующие требовали 8-часового рабочего дня, увеличения зарплаты и пр.[21] Забастовка была подавлена войсками, бастовавшие рабочие ряда промыслов уволены.

Уже в это время часть рабочих заявила о своей готовности перейти к вооруженной борьбе против царизма. Об этом свидетельствует, в частности, резолюция армавирских рабочих, принятая в конце мая 1905 г. «Мы, рабочие Армавира,— говорилось в ней,— на собрании 29 мая, становясь под Красное знамя Российской социал-демократической партии, решили немедленно вооружиться. Настанет час расплаты, час, когда вооруженный пролетариат всей России восстанет и свергнет ненавистное всем царское самодержавие... Пусть Учредительное собрание положит конец преступной войне... Долой самодержавие!» [22]

Революционный подъем весной 1905 г. положил начало летним выступлениям трудящихся края.

Июльская политическая стачка на Владикавказской железной дороге. Самым крупным выступлением рабочих летом 1905 г. и важным этапом в революции на Дону и Северном Кавказе была июльская политическая

стачка рабочих Владикавказской железной дороги. Она была запланирована большевиками края. По их настоянию Донской и Кубанский комитеты РСДРП вынесли специальное решение о проведении ее. Терско-Дагестанский комитет партии от подготовки стачки отказался. Стачка сразу же мыслилась как политическая. 2 июня в Минеральных Водах было проведено тайное совещание представителей от каждого крупного депо дороги. На совещании были определены характер требований рабочих, тактика борьбы и сроки начала стачки на всех важнейших станциях. Было решено, что 11 июля ее начнут рабочие Минеральных Вод, затем в течение четырех дней к ним примкнут рабочие Кавказской, Тихорецкой, Армавира, Грозного, Дербента и Баладжар, 15 июля начнут бастовать железнодорожники Ростова и Новороссийска, и стачка станет всеобщей. Этот план полностью осуществился. По заданию совещания в типографии Кубанского комитета РСДРП было отпечатано 5 тыс. экземпляров листовки «Ко всем рабочим и служащим Владикавказской железной дороги». Она была распространена на всей магистрали. В листовке доходчиво разъяснялись причины политического бесправия и нищенского положения трудящихся и перечислялись требования рабочих — политические и экономические: демократические свободы, созыв Учредительного собрания, которое «произведет замену самодержавного правительства правительством народным и отдаст на суд народа тех, кто сделал преступление против народа», 8-часовой рабочий день, отмена сверхурочных работ и т. д.

Июльская стачка железнодорожников протекала чрезвычайно организованно. Рабочие не поддавались на провокации и с должным достоинством и стойкостью относились к угрозам предпринимателей и властей. А им угрожали локаутом, выселением из хозяйских квартир, высылкой на родину, арестами. Терпя колоссальные убытки, администрация просила наместника на Кавказе прислать паровозные бригады из специального Железнодорожного батальона, приглашала студентов-путейцев, находившихся на практике, на время занять места паровозных машинистов, но безуспешно. Тогда управление дороги попыталось подкупить бастовавшие паровозные бригады, но безрезультатно. Наконец, правление общества дороги уволило 400 рабочих и распорядилось набрать новых в неурожайных губерниях, а также в Армении и Азербайджане. Расчет был на то, что голодные батраки из центральных губерний будут покорными, а армяне и азербайджанцы будут враждовать друг с другом. Но и эта акция капиталистов ни к чему не привела.

Между тем стачка железнодорожников начала оказывать влияние на другие отряды рабочих. В Новороссийске забастовали рабочие всех пристаней, цементных заводов, элеватора, и стачка стала общегородской. В Ростове остановились работы на заводе «Аксай» и на табачной фабрике Кушнарева. Стачка перебросилась на соседнюю с Владикавказской — Екатерининскую железную дорогу.

Тогда власти пошли по проторенной дороге — бросили на подавление стачки войска и полицию. Репрессии прежде всего обрушились на рабочих Ростова: 15 июля полиция заняла Главные мастерские дороги, а у вокзала применила к железнодорожникам оружие, в результате чего четверо были ранены, двое — смертельно.

На станцию Минеральные Воды была введена сотня Осетинского дивизиона. Но рабочие, особенно машинисты-осетины, сумели разъяснить солдатам, что их заставляют применить оружие против бесправных трудящихся ради всесильных эксплуататоров. Сотня отказалась подавлять стачку.

Жестокую расправу с бастовавшими учинили жандармы и казачьи войска в Новороссийске. К полудню 19 июля, когда около вокзала собралось до 2 тыс. рабочих, чтобы задержать штрейкбрехерский поезд, туда прибыла рота солдат и две сотни 2-го Урупского казачьего полка. По рабочим открыли прицельный огонь, казаки с обнаженными шашками преследовали бежавших. По официальным данным, было убито 13, ранено 15 и арестовано 176 рабочих. Это, конечно, заниженные сведения [23]. Эта дикая расправа с рабочими вызвала бурную волну протеста в крае и за его пределами. Даже министр путей сообщения был вынужден публично осудить действия хозяев дороги и предложил им отменить карательные меры.

Стойкость рабочих не была сломлена. Но репрессии и локаут оказали влияние на некоторых рабочих: у железнодорожников не было средств к жизни в течение длительной стачки. Начиная ее, передовые рабочие рассчитывали превратить стачку во всеобщую в крае, но меньшевики не приняли никаких мер к этому.

Надо было отступать. Железнодорожники делали это организованно. В Минеральных Водах, в Грозном, Дербенте и на некоторых других станциях вопрос о прекращении стачки обсуждался на митингах. Рабочие объявили администрации дороги, что стачка прекратится, если никто не будет уволен, а за время забастовки им уплатят. Администрация была вынуждена принять эти требования.

Июльская политическая стачка на Владикавказской железной дороге имела огромное значение для всех рабочих края. Она довольно отчетливо показала как буржуазию, так и правительство в деле, выявила единство их интересов. Это подняло пролетарское сознание рабочих на новую ступень. Стачка расширила политический кругозор рабочих, укрепила веру в их революционные способности, закалила их волю.

Стачка оказала влияние на всех железнодорожников России. Не случайно министр финансов Коковцев увидел в ней опасный прецедент, и 28 июля 1905 г. он предложил Министерству внутренних дел принять ряд репрессивных мер против возможных стачек на других железных дорогах страны [24]. Министр не ошибся, это действительно был ценный для рабочих опыт — через два месяца в стране началась всеобщая политическая стачка железнодорожников [25].

Значение июльской стачки заключается еще и в том, что она оказала большое влияние на развитие в крае революционного движения сельскохозяйственного пролетариата и крестьянства. Наиболее крупным выступлением сельскохозяйственных рабочих в это время была стачка-демонстрация в имении бар. Штейнгеля под Армавиром. В ней приняли участие 1500 человек. Рабочие в ряде имений в Карачае и Черкесии отказались убирать урожай; 36 стачек произошло в Лабинском, Майкопском и Баталпашинском отделах на Кубани.

Аграрное движение. Под влиянием революционной борьбы рабочего класса на Северном Кавказе весной и летом 1905 г. усилилось крестьянское движение, возросла политическая работа социал-демократических организаций среди крестьянства.

В дни июльской стачки рабочих Владикавказской железной дороги крестьяне Кубани отказывались от платежа податей и угрожали местным властям закрыть сельские управления, уничтожить делопроизводство. В Ставрополье крестьянские волнения проходили за раздел казенных и помещичьих земель, за предоставление крестьянам права пользования казенным лесом. Наибольшее развитие крестьянское движение в губернии

достигло в Медвеженском, Александровском, Прасковейском уездах губернии.

Осенью 1905 г. крестьяне села Прасковейского разделили казенные земли, находившиеся в арендном пользовании крупного собственника Рудометкина [26].

Активно проходило крестьянское движение в Дагестане, в особенности в Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах. В организации крестьянской борьбы Темир-Хан-Шуринского округа большую роль сыграл «Крестьянский центр». Его работой руководила Темир-Хан-Шуринская группа РСДРП; он распространял среди крестьян революционные идеи, стоял за захват помещичьих земель вооруженным путем. Центр возглавляли Д. Э. Коркмасов и П. Ковалев. В руководстве центра были также Чирив-Мурза из Атлыбоюна, Ибрагим-Хаджи из Джегунтая, Муртаза-Хаджи из Ахатля и др.[27]

Весной 1905 г. «Крестьянский центр» организовал ряд открытых выступлений крестьян против помещиков. Наиболее упорным, организованным было вооруженное выступление крестьян Атлыбоюна и Тарки в апреле 1905 г., потребовавших у князя Тарковского вернуть захваченный им участок земли. Выступление крестьян было подавлено с помощью войск, но князь, боясь новых выступлений, вынужден был вернуть крестьянам часть захваченного участка.

По примеру тарковцев и атлыбоюнцев в борьбу включились крестьяне селений Кяхулай, Альбурикент, Герменчик, Шам-Хал-Термен, Кумторкали, Кафиркумух, Ишкарат и др. В Кайтаго-Табарасанском округе, где на аграрное движение оказывало влияние выступление рабочих Баку и Дербента, райяты почти повсеместно отказались платить повинности бекам, а в ряде мест приступили к захвату бекских земель и к порубке лесов. Особой остроты движение райят достигло весной 1905 г. в селениях Марага, Дарвах, Хучни, Александркент, Гайпайкент, Великент, Джемкент, Татляр и других. Первую попытку установить контакты с райятами предприняла Дербентская группа РСДРП.

Массовый характер приняло аграрное движение в Осетии. Несмотря на меньшевистскую тактику руководства Терско-Дагестанского комитета РСДРП, ориентировавшего движение крестьян на захват лишь казенных земель и воздержание от борьбы против осетинских помещиков, борьба крестьян в осетинских селениях вылилась, по признанию властей, в грозное движение. В мае—июне крестьяне вновь разгромили лесную стражу и рубили лес во всех казенных дачах Владикавказского округа. Были захвачены казенные земли общества «Алагир», церковные земли в Ногкау, Дарг-Кохе и других местах. Крестьяне травили покосы землевладельцев. Власти Владикавказа 20 сентября доносили в Тифлис о том, что аграрное движение в плоскостной Осетии «вылилось в форме массового грозного движения, могущего получить крайне опасное направление» [28]. В документе указывалось, что аграрное движение из Осетии перекинулось в Нальчикский округ, где произошли волнения, в частности в с. Лескен. В апреле 1905 г. в Кабарде, в районе с. Ахлово, крестьяне разгромили экономию землевладельца Я. Виста, а летом жителями с. Кайсын Анзорово была захвачена лесная поляна, изгнан арендатор и произведен покос [29].

Под влиянием рабочего движения активизируется борьба чечено-ингушского крестьянства. Малоземельная и безземельная крестьянская беднота Грозненского, Веденского и Назрановского округов захватывала частные, войсковые, казенные земли, лесные участки, рубила лес, изгоняла представителей царских властей, отказывалась платить налоги и т. д.

Весной 1905 г. были захвачены и распаханы крестьянами с. Чишки казенная поляна «Керлан-Бассе», а ингушскими крестьянами из с. Сурхахи — земельные участки и общественные земли [30].

Борьбу за передачу казенных земель народу вели крестьяне Карачая. В мае 1905 г. уполномоченные от 21 сельского общества требовали от властей передачи в безвозмездное пользование казенного Тебердинского участка.

В 1905 г. власти привлекают для подавления крестьянского движения регулярные войска, расквартировывают на длительные постои в горские аулы казачьи сотни. Месяцами они находились в селах на полном обеспечении горских крестьян. При малейшем неповиновении постои сопровождались расправами, которые превращались в издевательство над горскими крестьянами, их семьями (уничтожались их домашние пожитки). Все это обрекало массы на голод и разорение. Неограниченный произвол в отношении мирного населения нашел отражение в тогдашней прессе: «В последнее время местные власти производят внезапные обыски... сельских жителей без суда и следствия; по одному доносу старшины или сыщика администрация сажает в тюрьмы, и, по словам казаков, им приказано бить ингушей, и за убийство их им никакой ответственности не будет»,— писал корреспондент терской газеты «Казбек» [31].

Но суровые карательные меры царизма лишь озлобляли людей. Стихийная борьба за землю и свободу принимала более активные формы, выливаясь часто в движение абречества. Действия абреков, акты расправы с ненавистными представителями колониальной администрации, их налеты на экономии землевладельцев, банки, торговые заведения встречались народом с одобрением, ибо в их действиях находило свое отражение отношение народа к угнетателям, к жестокому режиму самодержавия.

Национально-освободительное движение. Летом 1905 г. вместе с аграрным антикрепостническим на Северном Кавказе также развернулось национально-освободительное движение. Главной движущей силой его было горское крестьянство, а не национальная буржуазия. Крестьянство, борясь за разрешение аграрного вопроса, боролось и за национальное освобождение.

Национально-освободительное движение в крае, как и в других местах страны, активизировалось главным образом под влиянием революционной борьбы рабочего класса. Указывая на это в «Докладе о революции 1905 года» в 1917 г., В. И. Ленин подчеркнул: «В тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением...» [32].

Во многих сельских обществах крестьяне смещали правительственных старшин и писарей и вместо них выбирали бедняков. Так поступили в 13 сельских старшинствах Чечни: Сальбюринском, Богочароевском, Нилжелоевском, Ачалоевском и в других, включавших 27 селений и 23 хутора. Они перестали платить налоги [33]. Широкое развитие это движение получило и в Осетии, охватив в мае и первой половине июня 1905 г. Салугардан, Христиановское, Ардон, Батакаюрт и другие селения Владикавказского округа.

Под давлением народного движения в середине июня 1905 г. институт правительственных старшин был в области отменен, и они стали избираться на сходах крестьянских обществ, однако с последующим утверждением их начальником области.

С целью успокоения народа в области были проведены и некоторые другие меры, среди них — восстановление Назрановского округа, населен-

ного ингушами и упраздненного в 80-х годах XIX в., возвращение в состав Нальчикского округа Малой Кабарды, которая раньше вместе с Ингушетией была переведена в состав казачьего Сунженского отдела. Наконец, в июне 1905 г. наместник предложил объявить горцам, что «в самом непродолжительном времени будет приступлено к работам по землеустройству жителей нагорной полосы Терской области» [34].

Отдельные уступки, сделанные властями под напором народного движения, и обещанные реформы породили среди значительной части горского крестьянства иллюзии, надежду на милость царя, непонимание того, что без свержения самодержавия невозможно уничтожить гнет помещиков, получить политическую свободу. Эти настроения пытались использовать горские либералы.

Большевики Кавказа разъясняли трудящимся массам истинный смысл царских реформ и обещаний, рассчитанных на то, чтобы отвлечь трудящихся от революционной борьбы. В специальной листовке, обращенной к горским крестьянам, они писали: «Вас бьют, а вы ждете, что к вам на защиту явится Воронцов-Дашков или какой-либо другой царский приспешник. Не вас едет защищать Воронцов, а царское правительство, царский произвол, и поэтому не от него вам ждать защиты, а от самих себя. Не ждать и надеяться, а требовать и бороться» [35].

Летом 1905 г. этому призыву последовали трудящиеся Дагестана. Они выступили против кампании о введении земства на Кавказе. По призыву большевиков население области бойкотировало земские совещания, и земская кампания успеха не имела.

2. Высший подъем революции на Северном Кавказе

Революционные выступления трудящихся края в период Всероссийской Октябрьской политической стачки 1905 г. «Октябрь и декабрь 1905 года,— писал В. И. Ленин,— знаменует высшую точку восходящей линии российской революции. Все источники революционной силы народа открылись еще гораздо шире, чем раньше» [36].

Началом новых революционных выступлений рабочих, крестьян, широких демократических слоев послужила сентябрьская стачка в Москве. После нее революционные события в стране развивались очень быстро. 7 октября началась стачка на Московско-Казанской железной дороге, к ней присоединились остальные дороги, а в середине октября она превратилась во Всероссийскую Октябрьскую политическую стачку, объединившую героическую борьбу пролетариата с освободительным движением народов России. «*Всероссийская политическая стачка*,— писал В. И. Ленин,— охватила на этот раз действительно всю страну, объединив... в геройском подъеме самого передового класса *все народы* проклятой „империи“ Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма» [37]. В этой армии находились и пролетарии Северного Кавказа.

Одной из особенностей революционного движения на Северном Кавказе, как и во многих других районах страны, где пролетариат еще не имел достаточного опыта классовой борьбы, было отставание его выступлений по сравнению со временем и глубиной выступлений передовых промышленных центров. Июльская стачка на Владикавказской железной дороге несомненно разбудила к революционной борьбе большинство рабочих края. Усилилась и агитационная, организаторская роль большевиков. Все это сказалось на действиях рабочих, крестьян и солдат всех национальностей.

Август и особенно сентябрь 1905 г. были месяцами стачек, демонстраций и митингов рабочих, демократической интеллигенции, волнений в войсках. И когда в стране началась Октябрьская политическая стачка, она впитала в себя разрозненные выступления в крае и превратилась здесь фактически во всеобщую (карта 6).

Наиболее значительными выступлениями рабочих в крае в сентябре — начале октября 1905 г. были антиправительственная демонстрация рабочих и гимназистов 4 сентября во Владикавказе, стачка и демонстрация в Армавире 9—12 сентября, стачка сельскохозяйственных рабочих на табачных плантациях в Адыгее в конце сентября, стачка в Ставрополе 3 октября и крупная стачка и демонстрация в Екатеринодаре 3—5 октября.

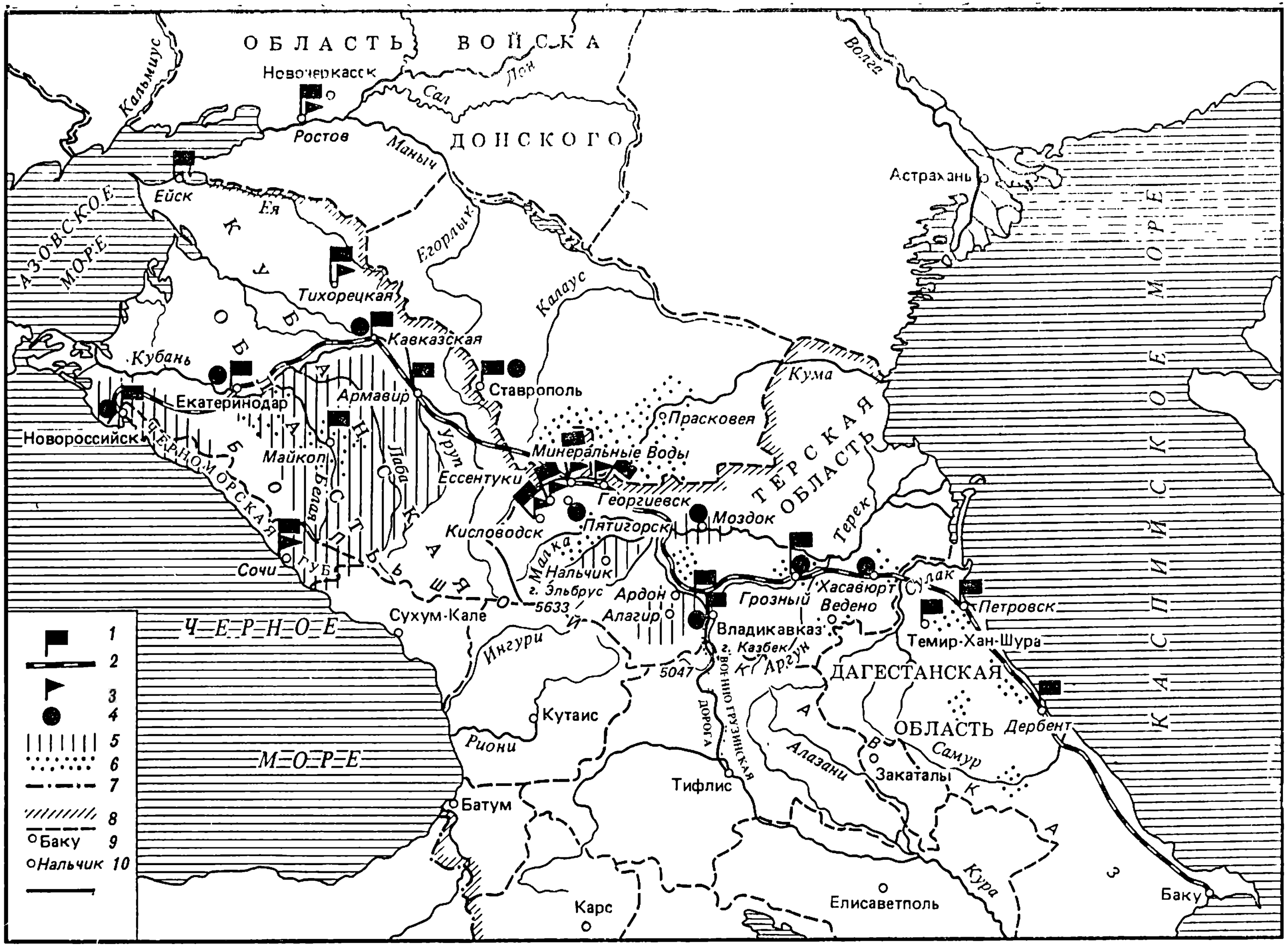
Стачка в Армавире началась по призыву местной организации РСДРП. Был образован стачечный комитет. На третий день стачки к рабочим присоединились учащиеся средних учебных заведений. Состоялся большой антиправительственный митинг. Его разогнали войска и полиция, применившие оружие. Были убитые и раненые. Рабочие оказали сопротивление. В срочно выпущенной местным комитетом РСДРП листовке рабочие призывались к политической стачке под лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!» [38] 12 сентября состоялись новые антиправительственный митинг и демонстрация.

Показательны и события в Екатеринодаре. Там также были митинг и демонстрация. Попытка полиции и казаков разогнать демонстрацию силой закончилась тем, что рабочие ворвались в оружейный магазин и, вооружившись, обратили полицию и казаков в бегство, а солдаты отказались стрелять в демонстрантов [39].

Неудивительно, что когда началась Всероссийская Октябрьская политическая стачка, она нашла в крае вполне подготовленную почву. Начавшись как всеобщая железнодорожная, стачка 13 октября охватила и Владикавказскую дорогу. В этот день забастовали рабочие Главных мастерских и служащие дороги. В последующие два дня к ним присоединились рабочие других станций, и к 16 октября она охватила всю дорогу. В эти же и в последующие несколько дней железнодорожников поддержало большинство промышленных рабочих края.

Характер требований всех рабочих края был определен в Ростове уже в первый день стачки на специальном собрании представителей всех служб дороги и Главных мастерских. Собрание решило предъявить те же требования, которые были выработаны в сентябре 1905 г. в Петербурге на съезде профессионального Союза железнодорожников страны. В работе этого съезда принимали участие и делегаты от Владикавказской дороги. Основные требования сводились к следующему: увеличение зарплаты до нормы, которая необходима для удовлетворения материальных и духовных нужд рабочего и его семьи; установление 8-часового рабочего дня; уничтожение пенсионных касс и возврат рабочим их взносов, установление государственного страхования за счет железных дорог; бесплатное обучение детей рабочих в школах; свобода собраний, сходок, союзов, организаций, слова, печати и стачек, неприкосновенность личности и жилищ: созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого и тайного голосования [40]. Эти требования и телеграмма о солидарности ростовских рабочих с бастующими столиц были посланы министрам внутренних дел и путей сообщения.

Эти требования были поддержаны рабочими всей дороги и всего края. Показательно, что когда в Тихорецкой на митинге забастовавших рабочих председатель организационного бюро союза железнодорожников станции



Карта 6. Революционные события на Северном Кавказе в период высшего подъема первой российской революции (октябрь – декабрь 1905 г.)

1 – Стачки;
2 – Железные дороги, охваченные стачками;
3 – Вооруженные восстания рабочих;
4 – Восстания и вооруженные выступления солдат;
5 – Районы крестьянских восстаний;
6 – Районы крестьянских выступлений;
7 – Государственная граница Российской империи;
8 – Границы Кавказского наместничества;
9 – Границы и центры губерний и областей;
10 – Прочие населенные пункты

Примечание: Границы даны на 1 января 1914 г. Подписаны губернии и области, неодноименные с их центрами

не смог предложить конкретные требования, рабочие решили: «За что Ростов, за то и мы» [41].

Когда количество стачечников в России перевалило за два миллиона и царизм быстро терял способность управлять страной, он вынужден был отступить. 17 октября 1905 г. царь издал манифест, обещавший населению гражданские свободы и созыв законодательной думы. Это был тактический ход, уловка, с помощью которой самодержавие рассчитывало выиграть время.

Как и всюду в стране, манифест 17 октября в крае был встречен поразному. Либеральная буржуазия, объявив после издания манифеста революцию законченной, открыто перешла на сторону контрреволюции.

В стране организационно оформились партии российской буржуазии. Группы октябристов, кадетов, а также черносотенной организации «Союза русского народа» возникли и на Северном Кавказе. Отделения партии кадетов в городах края старались свести революционное движение к небольшим уступкам, на деле пошли на соглашение с самодержавием. В Пятигорске кадеты ограничивали свои выступления на митингах призывом к отказу от уплаты налогов, убеждая массы, что таким путем можно заставить правительство пойти на уступки народу. Выступая на митинге против призыва большевиков добиваться свободы с оружием в руках, кадет Кобылин заявил: «Оружие не нужно ... нужно бороться более культурными мерами, это — умом и рублем» [42].

Мелкобуржуазные партии рассматривали манифест 17 октября как безусловную победу революции. Меньшевистско-троцкистская газета «Начало» заявила, что после 17 октября «старые оковы самодержавия пали безвозвратно» и что Россия вступила на путь буржуазно-демократического преобразования.

Совершенно иную оценку царскому манифесту дали большевики. В. И. Ленин рассматривал манифест как момент некоторого равновесия сил. Он писал: «Самодержавие *уже* не в силах открыто выступить против революции. Революция *еще* не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний» [43]. Большевики на собраниях и митингах разъясняли массам, что манифест — вынужденный маневр царизма, рассчитанный на подавление революции, убеждали трудящихся, что свергнуть царизм и установить демократическую республику можно лишь путем вооруженного восстания, и призывали усиленно готовиться к нему.

Рабочие массы на своем собственном опыте убеждались в правильности большевистской оценки манифеста 17 октября.

Царизм начал с того, что в день объявления манифеста он стал осуществлять заранее запланированные репрессии против рабочих. Именно 17 октября начались дикие черносотенные погромы, организованные царизмом, который стремился ими напугать трудящихся, натравить друг на друга людей разных национальностей. Вслед за погромом в Ростове 17 октября избиения рабочих произошли в Екатеринодаре, Владикавказе, Тихорецкой, Дербенте, Армавире. 19 октября во Владикавказе было убито и ранено 22 человека, в Армавире черносотенцы после расправы над революционерами сожгли их дома. В подавлении революционного движения царским властям помогала буржуазия. Во Владикавказе властями вместе с буржуазией был создан «Временный комитет охраны общественного спокойствия» [44], а в Пятигорске образован комитет самообороны во главе с кадетом Кобылиным [45]. Принимались меры к подавлению националь-

ного движения, 24 октября Чечня была объявлена на военном положении. В Грозненском, Веденском, Хасавюртовском округах во главе войск «для усмирения горцев» был поставлен генерал Светлов, прозванный «Треповым в миниатюре».

Но репрессии не могли остановить революционное движение. Оно охватывало более широкие демократические слои. С середины ноября началась забастовка служащих почты и телеграфа края. 15 ноября прекратили работу служащие контор Пятигорска, Екатеринодара, Новороссийска, Армавира. 16 ноября к ним примкнули работники контор Грозного, Темир-Хан-Шуры, Порт-Петровска.

В ходе революционной борьбы, развернувшейся после издания манифеста, в крае были созданы профсоюзные организации. Наряду с Союзом рабочих и служащих Владикавказской железной дороги — первым союзом в крае — созданы профсоюзы портовых рабочих, печатников и другие на Кубани и в Черноморской губернии. В Ставрополе и во Владикавказе возникли союзы работников кожевенного дела, деревообрабатывающей промышленности, печатного дела, в Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске — союз бондарей и т. д. Почти во всех городах возникли союзы почтово-телеграфных работников.

Осенью прокатилась мощная волна выступлений солдатских масс края.

Вместо отдельных выступлений. имевших место в июле 1905 г. на Тереке, восстания и волнения произошли почти во всех крупных гарнизонах края. Среди солдат и казаков революционно-пропагандистскую работу вели «военные бюро» социал-демократических или военно-революционных организаций, как было во Владикавказе, где при тесном сотрудничестве с Терско-Дагестанским комитетом РСДРП с лета 1905 г. работала Владикавказская военно-революционная организация.

Первыми выступили солдаты 81-го пехотного Апшеронского полка во Владикавказе, пополненного вновь призванными запасными. Ближайшим поводом восстания, начавшегося 28 октября, была задержка запасных на службе. Утром 28 октября солдаты отказались идти на строевые занятия и вместе с вопросами, касавшимися улучшения быта, предъявили начальству, как докладывал генерал Трепов царю, «совершенно невыполнимые требования» [46]: немедленное увольнение со службы, освобождение от патрулирования по городу, а рядового Ментишашвили, обвинявшегося в подпольной политической работе,— из заключения. Свои требования солдаты «сопровождали шумом и бранью по адресу офицеров» [47]. 29 октября положение в полку стало настолько напряженным, что, по признанию властей, «можно было ожидать катастрофы» [48]. Для подавления восстания командующим Кавказским военным округом было приказано использовать артиллерию, казачьи и другие части города. Во Владикавказ были переброшены 5 казачьих сотен с Кубани. Ввиду «явного восстания» апшеронцев и разраставшегося в крае революционного движения гр. И. И. Воронцов-Дашков телеграфно просил Петербург срочно направить в округ две кадровые дивизии и немедленно демобилизовать запасных. После подавления восстания было арестовано 23 солдата. Был поставлен вопрос о переводе мятежного полка из Владикавказа и об открытии в городе сессии временного военного суда [49]. Терско-Дагестанский комитет РСДРП призвал в своей прокламации солдат на защиту арестованных руководителей восстания: «Потребуйте,— говорилось в ней,— чтобы немедленно освободили ваших товарищей... Да здравствует восстание!» Но время было упущено, запасные были изолированы от кадровых, а потом демобилизованы.

Несмотря на поражение восстания 81-го пехотного Апшеронского полка, в ноябре началась полоса восстаний и волнений в других воинских частях края. В начале ноября выступили солдаты 82-го пехотного Дагестанского полка в Грозном, предъявившие требования: «Уменьшить срок службы, уволить в запас отслуживших свой срок службы, не посылать солдат на усмирение забастовщиков». Десятого ноября солдаты 249-го Майкопского резервного батальона в Ставрополе выступили в знак протеста против слежки за солдатами, посещавшими революционные сходки. Разбив цейхгауз и взяв боевые патроны, они, вооружившись, прогнали офицеров и вышли из повиновения. Но, поверив обещаниям своего командования об удовлетворении предъявленных требований, солдаты на второй день сдали боевые патроны [50], волнение солдат прекратилось. 16 ноября восстали солдаты 252-го Анапского батальона в Екатеринодаре. Восставшие отстранили командира, захватили знамя батальона, заняли батальонную канцелярию, избрали своим командиром унтер-офицера Соловьева. Восстанием руководил солдатский комитет, первый на Северном Кавказе. В требованиях солдат, состоявших из 40 пунктов, наряду с вопросами об улучшении быта солдат были: освобождение из-под ареста всех политических заключенных, отмена смертной казни, свобода слова, собраний, запрещение использовать солдат на полицейской службе, отмена офицерской прислуги и др.[51]

Однако восстание не имело прямых связей с рабочим движением, не было поддержано другими частями гарнизона. Воспользовавшись этим, власти сумели внести раскол в ряды солдат, которые после удовлетворения некоторых требований изъявили покорность. Руководители восстания были осуждены, а унтер-офицер Соловьев казнен.

Из солдатских выступлений края накануне Декабрьского вооруженного восстания наиболее организованным и упорным было восстание солдат 250-го Ахульгинского батальона в Пятигорске, продолжавшееся две недели, с 17 по 30 ноября. К ахульгинцам присоединились солдаты 2-го дивизиона Кавказской резервной артиллерийской бригады и местного лазарета. Таким образом, восстание охватило весь гарнизон города. В первый день солдаты отстранили всех офицеров и вместо них избрали командиров из своей среды. Командиром батальона был избран унтер-офицер С. Александров, начальником гарнизона — фельдфебель Ф. Мариненко, руководил восстанием «Совет выборных солдат». Совет утвердил «Дисциплинарный устав», выработал требования восставших, включавшие наряду с экономическими и политические: отмена военных судов с заменой их судом присяжных, прекращение посылки солдат на подавление рабочих, крестьянских и солдатских выступлений, свобода собраний для солдат и др. Восстание нашло горячий отклик среди горожан, 17 ноября на митинге солдат собралось 6—7 тыс. человек [52].

Власти не рискнули прямо отвергнуть требования восставших, затягивали переговоры с ними, собирая тем временем силы для того, чтобы «решительно покончить,— как требовали власти из Тифлиса,— с восстанием в Пятигорске» [53]. Командование решило подавить восстание вооруженной силой. После решительного предупреждения «Советом выборных солдат» наместника о том, что направлявшиеся в Пятигорск казачьи части будут встречены артиллерийским огнем, эшелон с казаками был возвращен.

Став хозяином гарнизона, Совет установил несение службы в частях гарнизона, проводил строевые занятия. Солдаты и командиры показывали высокую дисциплину, военную выучку и умение. Это было показано, в частности, 26 ноября на параде войск, проведенном по решению Сове-

та. В этот день, доносил военный министр, восставшие «самовольно и не стесняясь приезда в г. Пятигорск командующего корпусом, устроили парад, причем командовал последним унтер-офицер Савва Александров, а принимал парад старший между восставшими фельдфебель Федор Мариненко — за начальника гарнизона» [54].

Встретив исключительную организованность и единство солдат батальона, власти вынуждены были удовлетворить многие требования, касавшиеся быта и условий службы, обещали, что никто из восставших не пострадает. После этого Совет решил прекратить восстание.

1 декабря 1905 г. были уволены в запас солдаты призыва 1901—1902 гг., а с ними и члены Совета. В то же время было предложено властям вести следствие «вне очереди и без всякого промедления».

Под влиянием восстания Ахульгинского батальона в конце 1905 г. произошли солдатские выступления и в других гарнизонах: брожение в Апшеронском полку во Владикавказе, в 84-м пехотном Ширванском полку в Хасавюрте, в 252-м Анапском резервном батальоне в Екатеринодаре, в местной команде в Моздоке. В конце ноября, в знак солидарности с ноябрьским восстанием в Севастополе, состоялась грандиозная демонстрация в Новороссийске, в которой приняло участие 10—12 тыс. человек [55]. 27 ноября проведена демонстрация рабочих Анапы, на флаге которых была надпись: «Вечная память борцам свободы — павшим севастопольцам!» [56]

Хотя волнения и восстания в войсках края произошли стихийно, разрозненно, не в одно время с рабочими выступлениями, они, безусловно, были результатом влияния на армию Всероссийской Октябрьской политической стачки и свидетельствовали о том, что слияние рабочего и солдатского революционного движения возможно. Но его надо готовить, им надо руководить. Всероссийская Октябрьская политическая стачка, как и во всей стране, вплотную поставила в крае вопрос о переходе к вооруженному восстанию.

Вооруженные восстания. Первыми к восстанию перешли рабочие Москвы, по их почину на борьбу поднялись рабочие и крестьяне всей России. Всеобщая политическая стачка переросла в вооруженное восстание в Ростове-на-Дону, в Новороссийске и Сочи, на Минеральных Водах и в Тихорецкой.

В подготовке вооруженного восстания в Ростове-на-Дону, на Северном Кавказе главную роль играли большевики. Они руководствовались решениями III съезда партии, признавшего, «что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент» [57]. Для партийных организаций края большое значение имело также обращение-резолюция IV конференции Кавказского союза, состоявшейся в ноябре 1905 г.,— готовиться к надвигавшемуся моменту «уличной схватки».

В Новороссийске, Екатеринодаре, Армавире, Сочи, на станциях Тихорецкой, Кавказской и Минеральные Воды с осени 1905 г. создавались боевые дружины рабочих, велись военные занятия дружинников. Всей этой работой на местах руководила военно-техническая группа при Северо-Кавказском союзном комитете РСДРП, созданная в начале сентября 1905 г. В начале ноября боевой организацией при ЦК РСДРП на Северный Кавказ был командирован большевик Ю. П. Бутягин. Под его руководством в Ростове-на-Дону, Армавире, Новороссийске, Екатеринодаре, на станциях Тихорецкой и Кавказской были созданы мастерские

по изготовлению бомб. В конце года военно-техническая подготовка к вооруженному восстанию была усилена Сочинской группой РСДРП. В Минеральных Водах изготовлением бомб занималась мастерская, созданная слесарем железнодорожных мастерских, бывшим питерским рабочим И. А. Судаковым [58].

Одновременно с этим большевики Северного Кавказа проводили политическую работу среди солдат гарнизонов края.

7 декабря 1905 г., в день начала стачки в Москве, Центральное (Ростовское) бюро Союза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги, председателем которого был слесарь сборочного цеха Главных мастерских дороги большевик С. Г. Рейзман, решило призвать рабочих дороги присоединиться к политической стачке. В телеграмме, разосланной всем бюро дороги края, предлагалось «превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за свержение самодержавия. Бросайте работы, присоединяйтесь к забастовке!» [59].

По получении сообщений о политической забастовке в Москве на всех станциях дороги края состоялись митинги, было решено примкнуть к забастовке. Общее руководство забастовкой на Владикавказской железной дороге осуществляло Ростовское бюро, на местах забастовкой, подготовкой к восстанию руководили районные бюро, замененные стачечными комитетами.

13 декабря по инициативе рабочих стачка в Ростове переросла в вооруженное восстание. Им руководил созданный революционными организациями штаб во главе с Ю. П. Бутягиным. В самом начале восстания из Ростова был направлен специальный поезд для привлечения рабочих дороги к восстанию. Это нашло широкий отклик в крае. Со станций Тихорецкая, Кавказская, из Батайска и Азова на помощь ростовским рабочим прибыло около 150 дружинников.

В этот период крупным революционным событием была победа вооруженного восстания в Новороссийске, начавшегося 12 декабря по решению Черноморского комитета РСДРП [60].

К политической забастовке в Новороссийске, начавшейся 8 декабря, примкнули, кроме железнодорожников, рабочие заводов, мастерских, матросы, работники торговых заведений, учащиеся гимназии. На многолюдных собраниях, проводившихся 8—12 декабря, в городе был создан Совет рабочих депутатов, в который входили большевики, меньшевики и эсеры. 10 декабря Черноморский комитет РСДРП на своем заседании, проводившемся при участии рабочих, отверг предложение меньшевиков, стоявших за передачу власти в руки «городской коалиционной думы», и принял решение перейти от стачки к восстанию и захвате власти Советом рабочих депутатов. Решение комитета было поддержано Советом рабочих депутатов.

Черноморским комитетом и революционной борьбой в городе в дни восстания руководили большевики, среди которых видное место занимали М. Л. Верейский и Ф. И. Дубровин.

На сторону восстания фактически перешел гарнизон города численностью более 1500 человек. Солдаты 17-го Пластунского батальона участвовали в митингах и собраниях рабочих города. Вскоре их примеру последовали две сотни казаков Урупского полка. В такой обстановке 12 декабря в Новороссийске и его округе царская администрация была свергнута и власть перешла в руки Совета рабочих депутатов. Царская администрация бежала из города, власть была захвачена без всякого сопротивления. В этом заключалось своеобразие Новороссийского восстания. Совет рабочих депутатов, который, опираясь на боевую дружи-

ну, установил революционный порядок, представлял собой зачаток новой, революционной власти.

Для укрепления власти Совет провел ряд важных мер. С первых дней восстания он занимался увеличением военных сил. В Новороссийском округе отряды дружинников разоружили полицию, собирали оружие у крестьян. Восставшим рабочим Новороссийска была доставлена тысяча ружей из Гагры, оказана военная помощь Гурийским комитетом РСДРП. Изготовлением оружия занимались также сами рабочие города. Все это позволило вооружить тысячу рабочих. Совет закрыл правительственные учреждения губернии, округа, заставил городскую думу выполнять свои предписания, приступил к созданию народного суда, контролировал работу почты и телеграфа.

В деятельности Совета большое место заняло решение рабочего вопроса. Для оказания помощи безработным был установлен налог на капиталистов, предприниматели обязывались восстановить на работу уволенных рабочих, повысить заработную плату. Совет добивался введения 8-часового рабочего дня, приостановил выселение рабочих из частных домов. Он имел свою газету «Известия Совета рабочих депутатов в городе Новороссийске», закрыл губернскую газету «Черноморское побережье», установил контроль за работой типографии. За проведением в жизнь распоряжений Совета на предприятиях и в округе следили учрежденные им порайонные комитеты, которые, по признанию властей, «стали управлять городом и округом».

Революционные меры Новороссийского Совета рабочих депутатов проводились в жизнь большевиками при противодействии местных меньшевиков и эсеров, входивших в Новороссийский Совет. Соглашательская политика мелкобуржуазных партий все же отрицательно сказывалась на деятельности Совета. В ряде случаев Совет проявлял нерешительность. Несмотря на это, Новороссийское восстание, длившееся с 12 по 25 декабря, представляет собой яркую страницу в истории города, важный период, получивший название «Новороссийской республики». В. И. Ленин, высоко оценивая деятельность городских революционных комитетов в Новороссийске и других городах, назвал их зачатками «новой, революционной власти...» [61].

В конце декабря вспыхнуло вооруженное восстание в Сочи в Сочинском округе, где под руководством Сочинской группы РСДРП еще с осени рабочие и крестьяне приступили к смещению сельской администрации, царских судов и избирали вместо них новые правления и суды. Вооруженное восстание в Новороссийске дало толчок к восстанию в Сочи. В середине декабря в городе была создана боевая дружина из рабочих города и крестьян окрестных сел округа.

28 декабря власти округа сделали попытку разоружить дружинников и сорвать таким образом начало восстания. Однако дружинники города вместе с товарищами, подошедшими из Гагры, Адлера и Хосты, встретили стражников и полицию огнем, заставили их отступить к казармам на окраине города.

28 декабря по призыву большевиков началось восстание строительных и портовых рабочих и крестьян округа. Душой восстания стала Сочинская группа РСДРП, в рядах которой состояли большевики Н. П. Поярков, Л. А. Янчников и др. В городе появились баррикады и проволочные заграждения, патрулировали дружинники, казармы были осаждены. После трехдневных уличных боев осажденные сдались.

В Сочи и округе царская администрация была свергнута и власть перешла в руки восставшего народа. В дни восстания штаб боевой дру-

жины под руководством Сочинской группы РСДРП следил за революционным порядком в городе, он установил контроль за распределением продуктов, контролировал цены, сжигал «дела» и другие документы карательных учреждений, разгромил арестный дом, освободил заключенных. Но «Сочинская республика» продержалась недолго, 5 января 1906 г. с помощью военного десанта с моря и казачьих отрядов власти подавили восстание.

Упорной была борьба рабочих в декабрьские дни на Владикавказской железной дороге, охватившая также рабочих промышленных пунктов Терской области и Дагестана.

Призыв рабочих Москвы и Ростова присоединиться ко всеобщей забастовке и вооруженному восстанию был горячо поддержан рабочими Тихорецкой. На станции с 8 по 19 декабря вся власть находилась в руках железнодорожного стачечного комитета, которым руководили большевики Л. И. Чернышев, М. К. Меньшиков и др. Стачечный комитет, ставший органом вооруженного восстания, выполнял функции новой, революционной власти, отстранил от управления станцией администрацию, поставил во главе всех ее служб передовых рабочих, занимался улучшением положения рабочих.

Рабочие Тихорецкой направили в Ростов вторую боевую дружину, которая в течение нескольких дней сражалась на баррикадах вместе с восставшими рабочими города.

Вопрос о переходе к вооруженному восстанию в Минеральных Водах был поставлен в первые же дни политической забастовки на собраниях рабочих. 13 декабря забастовочным комитетом было получено тревожное сообщение из Ростова о захвате ростовского вокзала царскими войсками. Известив об этом минводских рабочих, большевик С. Рейзман писал: «Организуйте новое центральное бюро. Организуйтесь, вооружайтесь, побеждайте. Долой царское правительство! Да здравствует революция!» [62] Призыв рабочих Ростова ускорил развитие революционных событий. В тот же день в Минеральных Водах началось восстание. Рабочие разоружили станционных жандармов. Руководство борьбой рабочих на главной линии Владикавказской железной дороги в пределах Терской области и Дагестана перешло в руки стачечного комитета Минеральных Вод.

Управление дорогой и телеграфом, перешедшее в руки рабочих еще осенью, теперь полностью было подчинено целям восстания. В Минеральных Водах должности начальника депо, отделения службы движения, машинистов, заведующего телеграфом и других служб дороги были переданы выборным рабочим и специалистам [63]. Революционеры, как доносили власти, «имея в своем распоряжении железную дорогу и телеграф, действуют с замечательной энергией и планомерностью, с каждым днем все более и более расширяют круг своих операций; администрация же, разобщенная и лишенная возможности взаимной поддержки, не в состоянии противопоставить какие-либо целесообразные меры борьбы и использовать все имеющиеся средства» [64].

При стачечном комитете для организации военных сил восстания была создана комиссия по вооружению, рабочие решили провести денежный сбор 1—2% от своего заработка для приобретения оружия; в Минеральных Водах в специальной группе из дружинников проводились занятия по изготовлению бомб и бомбометанию. Однако основным источником вооружения боевых дружин стало оружие, конфискованное у дорожной и царской администрации.

Победа революции в основных пролетарских центрах страны была главным условием успеха восстаний на окраинах. Рабочие Северного Кавказа возлагали большие надежды, в частности, на победу восстания в Ростове-на-Дону. Поддержка ростовских рабочих заняла большое место в деятельности стачечного комитета Минеральных Вод, который с самого начала восстания принимал меры по оказанию военной помощи ростовчанам. Против этого выступили меньшевики, либеральная буржуазия, заявив, что Ростовское бюро «взяло на себя больше того, к чему готовилось» [65]. Но по настоянию рабочих было решено послать в Ростов вооруженный отряд. Решение это было поддержано также на митингах рабочих в Пятигорске, Тихорецкой, Беслане, Грозном, Дербенте, Петровске и др. Позднее министр внутренних дел признавал, что «бунт в Ростове долго не был подавлен исключительно потому, что революционеры постоянно получали подкрепления из Терской области и других мест Кавказа» [66]. Для формирования особого отряда боевой дружины в Минеральные Воды прибывали дружинники из Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска; проводилась работа по привлечению дружинников в окрестных селениях.

Стачечный комитет Минеральных Вод стал штабом восстания, зачатком новой, революционной власти.

Вскоре восстание охватило Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск и Георгиевск. Боевой дружиной Минеральных Вод, являвшейся ядром военных сил стачечного комитета, были разоружены жандармы на дороге всей группы Минеральных Вод и полиция Пятигорского отдела. «Оружие революционерами отбирается всюду, где возможно, для вооружения» рабочих, включая хутора и имения помещиков [67],— доносили власти. Восставшими рабочими были отстранены администрация дороги, царские и судебные власти Пятигорского отдела. Атаман отдела, начальник Минводского отделения железной дороги и другие чины царской и дорожной администрации бежали. Отдел оказался «совершенно во власти революционеров... власти законной там уже не существует» [68].

Огромным успехом пользовались «делегатские поезда», курсировавшие по всей дороге с представителями стачечного комитета для привлечения к восстанию революционных сил Терской области, Ставрополья, Дагестана.

16 декабря в Минеральные Воды поступила телеграмма от Ростовского стачечного комитета с призывом о помощи ростовским рабочим. В связи с этим в Минводах принимались срочные меры по усилению военных сил восстания. По линии дороги до Владикавказа 17 декабря в Осетию был направлен отряд дружинников с агитпоездом для разоружения жандармов, конфискации денег, касс железнодорожных станций и набора дружинников. В составе отряда были активные участники восстания на Минеральных Водах осетины машинист М. Т. Саухалов и помощник машиниста М. С. Цуцаев [69], которые проделали большую работу по набору дружинников в осетинских селах.

Отряд выполнил свою задачу. От Владикавказа до Минеральных Вод были разоружены жандармы, в железнодорожных кассах конфискованы 30 тыс. руб. Из осетинских сел одна за другой прибывали группы дружинников. 22 декабря, по данным охранки, «специальный поезд доставил на ст. Минеральные Воды до 500 вооруженных ружьями осетин из Дарг-Коха, Эльхотово и других аулов» [70].

В ночь на 18 декабря отряд дружинников в 140 чел. отправился в Ростов. На пути к отряду должны были присоединиться дружинники Армавира, станций Кавказской и Тихорецкой. Было решено также про-

должать вербовку боевой дружины, получить оружие у солдат Ахульгинского батальона, попытаться овладеть крупнейшим на Северном Кавказе артиллерийским складом в городе Георгиевске.

Однако отряду дружины добраться в Ростов не удалось; власти, заняв станцию Кавказскую, перекрыли путь, и он вынужден был вернуться в Минводы. Но вопрос о помощи рабочим Ростова не был снят. Был избран военный совет, дружины объединены в сводный отряд с единым командованием во главе с Анисимовым. В сводный отряд дружинников влились минводский, пятигорский, ессентукский, кисловодский и осетинский отряды. В сопровождении тысячи рабочих отряд направился в Георгиевск.

Затянувшиеся переговоры восставших с начальником артиллерийского склада дали возможность властям перебросить войска и занять город. Не удалась попытка получить оружие и в Ахульгинском батальоне.

В Екатеринодаре, Армавире, Грозном, Владикавказе, Ставрополе, Дербенте и в других городах Северного Кавказа стачки не переросли в вооруженные восстания, но декабрьская всеобщая политическая стачка на Владикавказской железной дороге и вооруженные восстания в Ростове-на-Дону, Новороссийске, в Минеральных Водах оказали огромное влияние на рабочее, крестьянское, солдатское движение в крае.

В Армавире 14 декабря забастовали все фабрики, заводы, магазины. 20 декабря во всеобщую стачку переросло движение рабочих Екатеринодара; в дни стачки, длившейся до 27 декабря, рабочие сделали попытку приостановить работу правительственных учреждений, устроили политическую демонстрацию, потребовали освобождения арестованных членов «Рабочего комитета», сделали серьезную попытку воспрепятствовать переброске войск из города на подавление «Новороссийской республики».

В Грозном на митингах, устраивавшихся почти ежедневно, кроме железнодорожников, участвовали тысячи рабочих городских предприятий, промыслов, горские крестьяне, казаки; бастовали почтово-телеграфные служащие. Стачечный комитет призывал народ к вооруженному восстанию. Изъятые им деньги на станции Хасавюрт были розданы рабочим в счет зарплаты. Стачечным комитетом было отклонено требование властей о переброске в Георгиевск войск на подавление выступления рабочих и для охраны военного склада. Рабочие мотивировали свой отказ тем, что «войско направляется для расстреливания наших же товарищей-забастовщиков» [71]. О своем отказе в пропуске войск они телеграфно известили Беслан и Минеральные Воды.

Активный характер приобрело движение во Владикавказе, возросло влияние на него социал-демократической организации. В середине декабря рабочие металлургического завода общества «Алагир» под руководством представителя Терско-Дагестанского комитета РСДРП добились удовлетворения своих требований. Рабочие заявили, что они «поняли, что социал-демократическая рабочая партия защищает интересы рабочих... и они сплотятся и будут ходить под этим знаменем» [72].

18 декабря в городе был назначен митинг с целью вовлечения в активную революционную борьбу солдат Апшеронского полка. Участники демонстрации направились с красным знаменем в расположение полка, ораторы, возглавлявшие ее, призывали «идти к апшеронцам и, соединившись с ними, обезоружить полицию и ниспровергнуть власти» [73]. Но проникнуть в казармы демонстрантам не удалось, как доносили власти, «благодаря принятым мерам» — аресту руководителей демонстрации. Арест ораторов вызвал возмущение народа, к полицейскому участку со-

бралось до 1 тыс. человек, которые под угрозой разгрома его добились освобождения арестованных. В связи с прибытием казачьих сотен, «державшихся вблизи на случай подавления активных беспорядков», вечером демонстранты разошлись.

Революционное брожение охватило в декабре также Дербент, Петровск, Туапсе, Ейск, Беслан и другие города и железнодорожные пункты края.

Подъем аграрного и национально-освободительного движения. В период декабрьского вооруженного восстания 1905 г. большого подъема достигло аграрное движение, переросшее в ряде мест в восстание.

Крестьяне Новороссийского и Сочинского округов при поддержке рабочих свергли царскую администрацию в округах и выбрали новые сельские правления. Они оказали вооруженную помощь восставшим рабочим в установлении Новороссийской и Сочинской «республик». В отделах Кубани и в Черноморской губернии крестьяне производили массовые порубки в частновладельческих лесах. Особенно широкие размеры это приняло в с. Царский дар Адыгеи, где, как доносили лесничие, они «не могут удержать движение целого народа и общества» [74]. Только по Карачаевскому лесничеству в 1905 г. было зарегистрировано 202 случая самовольных порубок. Крестьяне переходили в ряде мест к более активным действиям; так, 19 декабря иногородние крестьяне «устроили погром» в «охотничьих домах» вел. кн. Сергея Михайловича в станице Псебайской.

В Ставрополье движение крестьян стало более массовым, приобрело политический характер. Крестьяне с. Маджар разгромили помещичью усадьбу, в селах Маслов Кут и Архангельском они рубили помещичьи леса. В с. Соломенское, учредив у себя самоуправление, крестьяне потребовали упразднения сельской полиции, должности земского начальника, а в с. Солдатово-Александровское выгнали земского начальника и переизбрали сельского старосту. Антиправительственный характер носили выступления крестьян сел. Александровское, Благодатное, Прасковейское Ставропольской губернии.

Широкие размеры приняло аграрное движение горского крестьянства, переплетавшееся с национально-освободительной борьбой.

Накануне и в период декабрьских событий среди горцев усилилась революционная пропаганда. В Дагестане на сходах в селениях Унцукуль и Гимры социал-демократ М. Дахадаев призывал крестьян не платить налогов, «а казенные земли, ранее им принадлежавшие, отобрать силою» [75]. Во Владикавказском округе, как сообщалось в корреспонденции газеты «Волна», ораторы еще с ноября «приглашались нарасхват осетинскими аулами, в которых митинги происходили ежедневно» [76]. Ораторы говорили крестьянам «о происходящих в то время повсюду в России беспорядках... приглашали... примкнуть к общему движению» [77].

Активизировалось крестьянское движение в Чечне и Ингушетии, для подавления которого власти принимали решительные меры.

На помощь генералу Светлову, направленному еще осенью 1905 г. для управления мятежным населением Грозненского, Веденского и Хасавюртовского округов, в декабре был послан генерал Михайлов. Канцелярия наместника на Кавказе предписывала генералам «ужесточить» карательные меры против крестьянских выступлений.

В мощное народное движение вылилась борьба крестьян на аграрной почве в Осетии.

В начале декабря крестьяне с. Христиановского объявив, что не признают «никакой местной администрации», рубили казачьи станичные леса, из-за чего произошло столкновение с казаками. Порубки не были прекращены и после прибытия на место старшего помощника атамана Сунженского отдела, с которым крестьяне обошлись «весьма грубо и дерзко» [78]. В те же дни в с. Магометановском крестьяне рубили лес помещика Туганова.

Опасаясь того, что «осетины могут легко примкнуть к повсеместным аграрным движениям», власти не решались принять немедленно решительных мер против народного движения. «Тогда,— доносил начальник Владикавказского округа,— с сочувствующим более 100-тысячным осетинским населением придется считаться администрации, и эта задача будет не из легких» [79].

В 20-х числах декабря 1905 г. аграрное движение переросло в восстание, охватившее многие селения плоскостной и горной Осетии. Вооруженные выступления крестьян начались 20 декабря с разгрома торговых заведений в Ардоне; 21-го восстание перекинулось в слободу Алагир, куда съехалось до 3 тыс. вооруженных крестьян почти со всех окрестных сел округа. Восстание приняло ярко выраженный политический характер. Восставшими были разгромлены канцелярии начальника участка, камеры мирового судьи и судебного следователя участка, канцелярия Алагирского лесничества, освобождены из гауптвахты арестованные, захвачено оружие должностных лиц, сожжены царские документы, изгнаны местные власти. В ходе восстания были разгромлены торговые заведения, дома местного дворянина и генерал-лейтенанта Трейтера. 24 декабря отряд восставших численностью в 400 всадников направился в Алагирское ущелье и разгромил предприятие акционерного общества «Алагир» (администрация спаслась бегством). В конце месяца в горной Дигории крестьяне уничтожили склад Фасналъской обогатительной фабрики Терского горного промышленного общества.

В дни Алагирского восстания не было спокойно и у соседних горских народов. В слободе Нальчик 11, 12, 18 и 19 декабря происходили митинги с участием кабардинских и балкарских крестьян. На митингах железнодорожник из Минеральных Вод Е. Роменский и начальник станции П. Рубинок разъясняли массам лживый характер манифеста 17 октября, знакомили народ с революционными событиями в стране, говорили, что самодержавие изжило себя и «находится при последнем издыхании»; ораторы призывали крестьян записываться в Крестьянский союз. 26 декабря восставшие массы в Нальчике отобрали у администрации округа оружие и патроны, а затем сместили начальника округа полковника Страхова, который ввиду опасности, угрожавшей его жизни, принужден был тайно скрыться из Нальчика. Почти одновременно с восстанием в слободе произошло волнение крестьян в с. Докшоково, где после митинга его участниками были разгромлены магазины местных купцов и дома кулаков.

Властями принимались меры к тому, чтобы предупредить присоединение соседей к восстанию в Осетии. Во Владикавказ был двинут батальон Самурского полка «на случай, если бы ингуши примкнули к осетинам»; они торопились расправиться с осетинами, «дабы в случае каких-либо осложнений среди ингушей и чеченцев... были развязаны руки в этой части области» [80].

Таким образом, в декабрьские дни аграрное и национально-освободительное движение горского крестьянства еще более слилось с борьбой рабочих и крестьян страны за общедемократические задачи революции.

В то же время с углублением революции все больше обнаруживалась ограниченность движения буржуазии.

На Кавказе, как и в других окраинах империи, представители национальной буржуазии с самого начала революции не шли дальше оппозиции царизму, ограничивая национальное движение сугубо мирными легальными формами борьбы; они требовали лишь ликвидации наиболее грубых форм национального угнетения, насильственной русификации, уравнения местной буржуазии в политических правах с русской буржуазией, преимущественного права для национальной буржуазии в местном управлении и суде, а для народов, исповедовавших ислам,— свободы мусульманской религии [81]. Так было и на Северном Кавказе. Интересы национальной буржуазии, в частности, в Терской области нашли свое отражение в петиции «Нужды осетин» и докладной записке ингушей, поданных летом 1905 г. от имени осетинского и ингушского народов наместнику на Кавказе. В документах выдвигались такие требования, как «равенство всех перед законом», отмена Положения 1888 г. «Об учреждении управления Кубанской и Терской областей» [82], с введением которой резко усилились насильственная русификация и другие грубые формы национального угнетения. Среди некоторой части горских народов, в частности Дагестана и Кабарды, оживились идеи панисламизма и пантюркизма [83]. Туркофильская пропаганда феодально-клерикальных кругов и националистических элементов явилась одной из причин, в частности, переселения в Турцию в 1900—1903 гг. до 4 тыс. кабардинцев, и до 3 тыс. черкесов — в 1905 г.[84]

Партийные организации, революционные деятели на местах разоблачали как феодально-клерикальное и националистическое движение, так и шовинизм, призывали трудящихся горцев идти под знаменем российского пролетариата, разъясняли им, что их социальное и национальное освобождение невозможно без победы русской революции.

Для успешной борьбы против буржуазно-националистического движения в крае большое значение имели решения IV конференции Кавказского союза РСДРП (ноябрь 1905 г.). Конференция осудила требование национальной буржуазии Кавказа «автономии» кавказских народов, которое на Северном Кавказе поддерживалось буржуазно-националистической интеллигенцией [85]. Конференция, указав на «насилия царского правительства над свободным развитием национальностей России», высказалась «за право политического самоопределения национальностей в России» [86].

К народному движению примкнула часть трудового казачества. Сочувствие революционному движению более всего выражалось казаками станиц, расположенных близ железнодорожных узлов, или станиц со значительным процентом «иногороднего» крестьянства. В Терской области это станицы Ессентукская, Прохладная, Незлобная, Новоосетинская. Казаки участвовали на митингах бастующих железнодорожников, проводили собрания в станицах, выносили решение о солидарности с революционным движением. Нередко с «иногородним» крестьянством они выражали свою «ненависть к дворянскому сословию и к панам-офицерам» [87], требовали увеличения земельных наделов за счет войсковых запасных земель, рубили казенные и частновладельческие леса. Однако недовольство трудового казачества в станицах, как и в казачьих войсках, сочувствие народному движению было выражено главным образом через протест против использования правительством казачества для подавления революции, присвоения ему полицейских функций. В станице Марьинской казаки отказались ехать на подавление восстания в Георгиевск, за-

явив: «Не поедем в Георгиевск и не дадим своих сынов», «Не поедем бить своих братьев!» [88] В Кисловодске станичники требовали отстранить атамана и распустить 2-й Волгский полк, ибо он «несет позорную полицейскую службу» [89]. Казаки станиц Сунженской линии — Михайловской, Слепцовской, Троицкой, Карабулакской — отказались поддержать богатых станичников Кахановской и идти на подавление стачки рабочих в Грозном. В этих станицах, по свидетельству миссионера Владикавказской епархии, «народ если не весь, то добрая половина была возбуждена против правительства» [90]. Аналогичные отказы казаков от полицейской службы были на Кубани и в Черноморской губернии. В станице Славянской казаки вынудили начальника Темрюкского отдела «дать распоряжение о роспуске казаков, вызванных для отправления в Новороссийск» на подавление восстания [91].

Власти признавали, что в 1905 г. «силы революционеров прибывают благодаря присоединившимся казакам и горцам» [92]. Но в большинстве своем казачество, как указывал позже В. И. Ленин, в силу своих специфических особенностей военно-сословного строя являлось надежной контрреволюционной силой самодержавия, и после 1905 года оставшееся «таким же монархическим, как и прежде». В. И. Ленин писал, что без победы на Южном фронте над казачеством «ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи» [93]. Правительство в подавлении революции широко использовало казачество по всей стране, но его противодействие революции было бóльшим в местностях со значительным казачьим населением, какими на Северном Кавказе были Кубанская и Терская области. Так, в дни декабрьской политической стачки в Грозном ряд казачьих станиц вокруг города под влиянием агитации черносотенцев выносили приговоры, по которым угрожали идти с оружием в руках против рабочих, если они не прекратят стачку; тогда же сотни казаков во главе с священником Избашем и миссионером Сквозниковым заняли станцию Гудермес и заставили рабочих прекратить забастовку, угрожали «разнести станцию» Грозный. Впоследствии временный генерал-губернатор Терской области во всеподданнейшем отчете доносил, что близость казачьих станиц к Грозному, соседство чеченцев с «мужественным казачьим населением» явились одним из элементов, сдерживавшим более широкий размах революционного движения в Грозном и в Чечне [94].

Народное движение в крае в декабре было поддержано новой волной выступлений солдатских масс.

В выступлениях солдат и казаков в период высшего подъема революции наряду с вопросами, относящимися к условиям службы, более четко, чем осенью 1905 г., были выражены общенародные требования: передача земли крестьянам, предоставление народу демократических свобод и др. В декабре местами были сделаны попытки соединить движение солдат с революционной борьбой рабочих и крестьян.

В начале декабря произошли волнения солдат в 83-м Самурском полку в урочище Дешлагар и Дагестане, восстание в Екатеринодарском дисциплинарном батальоне в станице Екатериноградской в Терской области. Солдаты батальона освободили из одиночных камер заключенных, в одной из рот захватили винтовки, взломали ворота и направились к железнодорожной станции. Но командование окружило батальон отрядом казаков, и под угрозой применения оружия восстание было подавлено.

Недовольство исполнением полицейских обязанностей выразили пластуны 14, 15 и 17-го батальонов Кубанского казачьего полка, солда-

ты, казаки других гарнизонов края. Четыре сотни 2-го Кавказского полка, следовавшие из Ставрополя в Майкоп, прибыв на станцию Кавказскую, отказались ехать дальше на подавление революционного движения. Произошли волнения в Майкопском батальоне в Ставрополе, в сотнях 2-го Горско-Моздокского полка в Грозном.

Из военных выступлений на Северном Кавказе в 1905 г. самыми яркими были восстания казаков 2-го Урупского полка в Екатеринодаре и всадников Осетинского конного дивизиона во Владикавказе, заявивших готовность поддержать народное движение.

В Осетинском конном дивизионе накануне восстания была замечена «усиленная пропаганда с призывом к возмущениям» [95], которую проводили работники Терско-Дагестанского комитета РСДРП Е. Бритаев, Г. Дзасохов, всадник дивизиона Г. Каллагов и др. Ч. Баев призывал всадников присоединиться к представителям рабочих, ожидавшимся, по данным полиции, из Ростова-на-Дону во Владикавказ с революционными целями, а в случае вызова для усмирения рабочих — не стрелять в них [96].

Всадники дивизиона, начавшие восстание в ночь на 12 декабря 1905 г., захватили из оружейного склада винтовки и патроны, не допустили на территорию части офицеров, представителей царской администрации.

Для усиления военных сил восставшие вызвали из Нальчика вторую сотню дивизиона, которая, отстранив офицеров, прибыла 18 декабря во Владикавказ. После этого был избран Совет восстания из 5 человек во главе с Г. Каллаговым. В воззвании «От Осетинского дивизиона», отпечатанном в типографии Терско-Дагестанского комитета РСДРП, всадники обратились к казакам и солдатам присоединиться к восстанию против царского правительства: «Товарищи! Довольно терпеть. Берите оружие и станем на защиту наших человеческих прав и прав всего народа. Вся Россия встала на борьбу со своими грабителями. Мы подняли знамя восстания и примкнули к народу» [97]. Всадники потребовали: освободить из-под ареста солдат Апшеронского полка, не посылать солдат на подавление народного движения, немедленно созвать Учредительное собрание.

По признанию властей, военная администрация «крайне стеснена» восстанием дивизиона, «совершенно распропагандированным и представляющим из себя в областном городе готовый боевой кадр для революционной армии, растущей не по дням, а по часам из отбросов пролетариата, горцев и отпавших от правительства станичных казаков» [98].

17 декабря во Владикавказе вышла из повиновения 2-я сотня Горско-Моздокского полка, отказавшись исполнять распоряжение командования — идти на несение полицейской службы.

На восстание горячо откликнулось осетинское крестьянство. Из сел округа на помощь дивизиону прибыло до тысячи крестьян-конников, по признанию властей, готовых оказать сопротивление властям в случае расправы над восставшими [99].

Всадники Осетинского дивизиона выступили в самый разгар революционных событий на Северном Кавказе. В Терской области было особенно напряженным политическое положение с 18 по 23 декабря. По признанию начальника области, «этот пятидневный период... был критический». В сложившейся обстановке власти не решались подавить восстание дивизиона вооруженной силой, но стягивали в город казачьи части из других пунктов области; власти учитывали также, что репрессии против восставших могли «вызвать общее столкновение с осетинским насе-

лением» [100]. Дивизион держался до объявления 23 декабря Терской области на военном положении, после чего он был переведен в г. Ставрополь.

В ночь с 16 по 17 декабря восстали казаки 2-го Урупского полка в Екатеринодаре, состоявшие главным образом из казаков станиц нагорной полосы Кубани, где прослойка казачьей бедноты была более значительной, чем в других отделах области. Восставшие пытались привлечь на свою сторону казаков полка, стоявших в Новороссийске, но осуществить этот план полностью не удалось.

Казаки сместили своего командира и его помощников, избрали командиром полка урядника А. Курганова, а командирами сотен рядовых казаков.

Солдаты Анапского батальона от подавления восстания отказались, а черкесы, которых власти решили использовать как «карательную силу», заявили, что «русских бить не будут» [101]. После этого властями была объявлена мобилизация казаков по Екатеринодарскому отделу, в связи с чем восставшие решили покинуть город.

23 декабря полк с оружием, полковым знаменем и денежным ящиком прибыл поездом на станцию Усть-Лабинскую, а оттуда вступил в станицу Гиагинскую, ставшую центром восстания.

С уходом полка из Екатеринодара восставшие потеряли связь с пролетариатом города, оказались изолированными от рабочего движения и политического руководства.

В станице Гиагинской казаки и «иногородние» крестьяне приняли урупцев радушно. 27 декабря восставший полк направился в Майкоп, где жители города встретили их торжественно, власти же, не располагавшие военными силами, бездействовали. Город фактически был во власти восставших, но и здесь ими был упущен момент для присоединения к восстанию революционных масс города.

В Майкопе в местной типографии урупцы напечатали воззвание «От Урупского полка ко всем гражданам России». В нем говорилось о всевозможных притеснениях казаков со стороны начальства, был выражен протест против использования их в «братоубийственной» войне; заявив, что они присоединяют свой «голос к голосу всей России», восставшие потребовали немедленного созыва Государственной думы, освобождения всех людей, пострадавших за свободу [102]. 31 декабря урупцы вернулись в Гиагинскую и другие станицы Майкопского отдела.

Восставшие нашли сочувствие и поддержку среди рядового казачества и «иногороднего» крестьянства не только Гиагинской, но и Лабинской, Некрасовской, Темпргоевской, Тенгинской и других станиц. В приговоре общего собрания жителей станицы Келермесской, например, говорилось, что если хоть один казак полка пострадает, «то мы восстанем все поголовно на защиту пострадавшего» [103].

Тем временем властями готовилась расправа над восставшими. На подавление восстания был направлен карательный отряд, который 6 февраля 1906 г. подверг станицу Гиагинскую артиллерийскому обстрелу, продолжавшемуся несколько часов, в результате чего полк сложил оружие, и восстание, длившееся почти два месяца, было подавлено. Наиболее видные участники восстания были осуждены на разные сроки каторжных работ, а А. Курганов на 20 лет каторги.

Восстание 2-го Урупского полка свидетельствует о том, что первая русская революция оказала влияние и на казачество.

Военная большевистская газета «Казарма», высоко оценив выступления казачьих частей Кубанской области, писала, что они «покрыли себя

почетом и славой, и народ теперь будет знать, что в казачьих рядах у него есть честные друзья, достойные граждане России» [104].

Таким образом, в период вооруженных восстаний в стране в декабре 1905 г. на Северном Кавказе достигли наибольшего развития революционная борьба рабочих, крестьян, национально-освободительное и солдатское движение. В этот период и в крае проявилась на практике большевистская тактика левого блока, выражавшаяся в совместных действиях большевиков, меньшевиков и эсеров в Совете рабочих депутатов в Новороссийске, в стачечных комитетах железнодорожников в Екатеринодаре, в Минеральных Водах, в Тихорецкой, Грозном, в создании боевых дружин, в которые в ряде мест вошли представители русского и горского крестьянства.

События на Северном Кавказе показали готовность трудящихся края идти по призыву рабочего класса, большевиков на решительную борьбу за социальное и национальное освобождение.

Но движение масс не имело должной организации и руководства. У рабочих края не хватало опыта революционной борьбы. Выступления их, не говоря уже о движении крестьян и солдатских масс, были разрознены, носили оборонительный характер; национальное крестьянство поздно включилось в борьбу. Местами оно примыкало к рабочему движению. Но это не получило широкого развития. Власти смогли предупредить объединение революционных сил горских народов и порознь разгромить их. Отрицательно на революционной борьбе сказывались соглашательская политика меньшевиков, недостаток большевистских сил в крае.

Вооруженные выступления рабочих и крестьян на Северном Кавказе потерпели поражение. Этому способствовало в большой мере поражение вооруженных восстаний в Москве и в других пролетарских центрах страны.

Несмотря на это, декабрьские вооруженные восстания в крае имели огромное значение. Как и всюду в стране, они проходили в то время, когда первая российская революция достигла высшего уровня развития и наиболее полно выражен был ее народный характер. Исход революционной борьбы в многонациональном крае воочию показал, что решающим условием освобождения трудящихся окраин от социального и национального гнета является победоносная революция в стране в целом. А это имело принципиальное значение для перспектив национально-освободительного движения горских народов.

3. Борьба народов Северного Кавказа в период отступления революции (1906 — июнь 1907 г.)

Наступление реакции. После подавления декабрьского вооруженного восстания 1905 г. самодержавие повсеместно в стране перешло в наступление против революции. Чтобы поскорее покончить с народной революцией, оно применяет жестокие репрессии, совершает массовые казни и ссылки, посылает карательные экспедиции. С особой жестокостью преследовались революционные организации.

Беспощадному разгрому подверглось революционное движение на Кавказе. По настоянию наместника в край были направлены две дивизии, одна из которых была размещена на Северном Кавказе. Для подавления революции были использованы воинские части, возвратившиеся в край с Дальнего Востока после окончания войны с Японией. Почти все станции Владикавказской железной дороги были заняты войсками; для

подавления революционного движения железнодорожников при управлении дороги созданы «Особый комитет» и «военно-вспомогательный поезд»; за участие в декабрьской стачке на дороге было уволено 1220 человек, из них 532 — без права вновь поступить на работу. Впредь на работу могли быть приняты «только вполне благонадежные рабочие и не иначе, как с разрешения жандармской полиции» [105].

В Терской области для вооружения казачьих станиц наместником было разрешено отпустить из Георгиевского склада 10 тыс. берданок и миллион патронов, израсходовать на нужды реакции 25 тыс. руб. В городах Северного Кавказа были учреждены временные военно-полевые суды.

В крае свирепствовали карательные отряды. Карателям власти предписывали «без всякого колебания прибегнуть к употреблению оружия для немедленного прекращения беспорядков» [106]. В Осетии в январе каратели за отказ выдать участников декабрьского восстания подвергли артиллерийскому обстрелу селения Кадгарон, Ногнау, аул Ксурт. В результате орудийного обстрела в с. Магометановское было убито и ранено 40 человек. В области были произведены массовые аресты. Газета «Терек» писала, что грозненская тюрьма, как и все тюрьмы в России, переполнена; в ней, рассчитанной на 100 человек, содержится 207, временами эта цифра увеличивается до 300 [107]. Во Владикавказском округе было арестовано 300 человек и взыскано с крестьян контрибуции 0,5 млн руб.[108] В Кубанской области за первые два месяца 1906 г. арестовано и сослано 577 человек.

Властям оказывали помощь помещики, буржуазия, верхи казачества и феодально-клерикальные силы горских кругов. В марте 1906 г. представители алдарской знати Осетии, объединяясь против революционного движения, на собрании постановили: «Искоренить революционеров во всех видах и формах... сеять среди подвластных нам батраков и крепостных патриотическую любовь к царю и государству, даровавшему нам княжество, тагаурство, узденство и баделятство» [109].

Однако репрессии не сломили волю народа. Большевики призывали рабочий класс и крестьянство продолжать борьбу с царизмом в условиях начавшейся реакции. Революция не была подавлена, а отступала с боями. В истории первой русской революции наступил второй период, длившийся до середины 1907 г.

Продолжалось революционное движение и на Северном Кавказе. Социал-демократические организации призвали рабочих и крестьян края отвечать на репрессии новыми выступлениями против царизма, продолжать революцию. В листовке Северо-Кавказского комитета РСДРП «Ко всем гражданам» (январь 1906 г.) говорилось: «Готовиться порвать цепи произвола и насилия. Да здравствует вооруженное восстание!» [110] «Беспощадным насилием отвечать на насилие. Долой самодержавие! Да здравствует революция!» — писал в феврале в воззвании «Братья товарищи» Дагестанский комитет РСДРП [111]. Митингами и забастовками была отмечена годовщина революции в ряде городов края. 9 января 1906 г. восьмитысячный митинг трудящихся Ейска сделал попытку освободить арестованных товарищей. В январе в Петровске, Дербенте, Грозном началось «опасное брожение умов», угрожавшее «новой забастовкой». 17 января забастовали рабочие заводов Фаниева, Хохлова и других предприятий Грозного и добились сокращения рабочего дня до 9 $^1/_2$ часов. В Пятигорской тюрьме осетинские крестьяне — члены боевой дружины в декабрьские дни — объявили голодовку. В Веденском округе Чечни в марте было проведено трехтысячное собрание вооружен-

ных крестьян в с. Устар-Гордое. На это собрание по требованию крестьян прибыл временный генерал-губернатор, который по их настоянию вынужден был отозвать ненавистного народу начальника округа.

Выборы в Государственную думу. На борьбу против революции был направлен и закон 11 декабря 1905 г. о созыве законодательной Думы. Выборами в Думу правительство рассчитывало внести раскол в революционное движение, оторвать крестьянские массы от рабочего класса и нанести окончательный удар по революции. В. И. Ленин призывал все революционные силы бойкотировать Думу, отказаться от участия в выборах: «Потому что, участвуя в выборах, мы невольно поддержим в народе веру в Думу, мы ослабим этим силу своей борьбы против подделки народного представительства. Дума не парламент, а уловка самодержавия» [112],— писал В. И. Ленин.

Новый закон и Положение о выборах в I Государственную Думу обеспечивали преобладание в ней помещиков и капиталистов. Выборы в Думу, как и на других окраинах страны, на Кавказе были еще более стеснены, чем в остальной России. На Кавказ Положение о выборах в Думу не распространялось; мотивом «несвоевременности введения в действие его», по мнению генерала Трепова, было продолжавшееся в крае революционное движение. Поэтому рассмотрение вопроса о выборах на Кавказе было предложено отложить впредь до «успокоения» края. Лишь в августе 1906 г., спустя 6 месяцев после издания первого избирательного закона (2 февраля 1906 г.), царским указом были утверждены разработанные «Особым совещанием» «Особые правила о выборах в Думу на Кавказе, составленные с изъятиями из Положения о выборах в империи» [113].

Большевики Северного Кавказа, руководствуясь решениями Таммерфорсской конференции о бойкоте выборов в Думу, выступили против участия в выборах, разоблачали их реакционную сущность. Кубанские большевики в своей листовке назвали выборы «позорной комедией» [114]. Бойкотировали выборы большевики Новороссийска, Ставрополья, Темир-Хан-Шуры, Владикавказа.

Но социал-демократы Армавира не только не бойкотировали выборы, но вступали в блок с кадетами. В. И. Ленин указывал, что за такую тактику ЦК нашей партии резко порицал армавирцев, «ставя на вид тамошним товарищам нарушение ими директивы Объединительного съезда» [115].

Большевики использовали предвыборные собрания для разъяснения трудящимся маневров царизма, разоблачали кадетов, показывали несостоятельность конституционных иллюзий. Но сорвать выборы, проводившиеся в обстановке спада революции, не удалось. В. И. Ленин впоследствии признавал, что бойкот большевиками Думы в 1906 году был «ошибкой серьезнейшей и трудно поправимой» [116].

На Северном Кавказе из-за ограниченности времени партийные организации провести своих кандидатов в Думу не смогли. Однако выборы были использованы в революционных целях. Например, на предвыборных собраниях в апреле и мае руководители Темир-Хан-Шуринской организации РСДРП М. Дахадаев, Д. Коркмасов, П. Ковалев и др. выступали с разоблачением выборов, требовали демократических свобод, конфискации помещичьих и казачьих земель.

Предвыборная кампания на Северном Кавказе проходила в обстановке массовых репрессий, при сохранившемся в крае военном положении. «Военное положение... аресты и следствия по делу о декабрьской заба-

стовке на железной дороге... все это не дает,— писала газета „Пятигорск“,— развития предвыборной деятельности» [117].

Число избирателей, не принявших участие в выборах, было значительным, в Грозном — 30%, во Владикавказе более 50% [113]. В Дагестане количество избирателей, решивших не голосовать под влиянием агитации социал-демократической организации, было так велико, что областное избирательное бюро отказалось от проведения выборов, и в Дагестане выборы в Думу не состоялись. В Терской области в Думу было избрано 3 депутата, из них 2 — от 504 тыс. человек казачьего и остального («нетуземного») населения и 1 депутат (Т. Эльдерханов) — от чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев и других горцев, насчитывавших 539 700 человек. Таким образом, представительство местных, коренных народов области по сравнению с другим населением области было сокращено более чем в два раза. Ни один из горских народов не имел своего отдельного депутата в Думе.

Революционный подъем весной и летом 1906 г. Рабочее и крестьянское движение в крае. Весной и летом 1906 г. отмечался подъем революционного движения в стране. В авангарде революционной борьбы по-прежнему шел пролетариат.

В стачечную борьбу включались все новые отряды рабочего класса, промышленных центров региона. Впереди в революционной борьбе шли металлисты-железнодорожники. Своей самоотверженностью им удалось втянуть в борьбу большинство других отрядов промышленных и сельскохозяйственных рабочих, в первую очередь нефтяников. Очень важную роль в этом подъеме сыграли большевики во главе с С. Г. Буачидзе.

В 1906 г. на Северном Кавказе более широкое распространение получили работы К. Маркса, Ф. Энгельса («Пролетариат и коммунизм», «Наемный труд и капитал», «От утопии к научной теории» и др.), труды В. И. Ленина (среди них «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Доклад об Объединительном съезде партии», «Постановления и резолюции IV Объединительного съезда РСДРП» и др.). Поступление в край марксистской литературы и решений партии свидетельствовало о налаживании связей с крупными партийными центрами, увеличивало воздействие большевистской партии на ход революционных событий в крае.

В майские дни 1906 г. почти повсеместно на Северном Кавказе произошли массовые демонстрации, митинги, забастовки рабочих, которые не прекращались все лето. В мае — первой половине июня почти непрерывно бастовали рабочие городских и нефтеперегонных предприятий Грозного. По требованию рабочих в июне предприниматели ввели 9-часовой рабочий день на городских предприятиях и на промыслах.

Усилилось стачечное движение в Черноморской губернии. По данным официальной статистики, которые приводит В. И. Ленин в работе «О статистике стачек в России», с 1905 по 1906 год процент участвовавших в стачках в губернии повысился среди фабрично-заводских рабочих с 42,4% до 93,5%. «До них волна не успела докатиться в 1905 году, они начали втягиваться в движение лишь после годовой, невиданной в мире борьбы более передовых рабочих» [119].

Ряд стачек и митингов провели портовики, цементники, железнодорожные рабочие Новороссийска. Бастовали рабочие Ейска, Екатеринодара, Майкопа, текстильщики, бондари и табачники Петровска. Во Владикавказе в начале июня объявили забастовку рабочие пивоваренных заводов, табачной фабрики, выдвинувшие требование о восьмичасовом

рабочем дне. В знак солидарности с бастующими прекратили работу вагоновожатые, кондукторы, работники электростанций города, бастовали рабочие кирпичного завода.

Митинги и забастовки, проходившие под руководством социал-демократических организаций в Армавире, Екатеринодаре, Анапе, на станциях Тихорецкой, во Владикавказе, Петровске, заканчивались столкновениями с войсками и полицией. Летом 1906 г. были проведены митинги также в Пятигорске, Георгиевске, Кисловодске.

Всего на Северном Кавказе в 1906 г. было проведено 88 стачек, против 207 — в 1905 г. Однако и в 1906 г. в крае преобладали политические стачки [120].

Самым крупным выступлением пролетариата Северного Кавказа в 1906 г. была стачка на Грозненских нефтяных промыслах, которой руководили большевики. Поводом к стачке, начавшейся 14 июня, послужило увольнение на промысле «Шпис» рабочего Жуйко, одного из организаторов и руководителей социал-демократического кружка на промысле. Стачка охватила все 13 промыслов и некоторые городские предприятия. Стачечный комитет потребовал восстановить на работу уволенного рабочего Жуйко, ввести восьмичасовой рабочий день, установить празднование 1 Мая.

Стачка с самого начала приняла организованный и упорный характер. Приезд генерал-губернатора на промысел, уговоры о прекращении стачки успеха не имели. И предприниматели вынуждены были начать переговоры с представителями рабочих. Переговоры вела выделенная для этой цели от стачечного комитета «Руководящая комиссия» из 14 человек под председательством большевика В. Иванова, одного из организаторов забастовки [121].

Капиталисты отвергли требования рабочих и предложили выйти им на работу. Но рабочие не подчинились. В 20-х числах июня стачка приобрела угрожающий характер: «В городе Грозном, Грозненском промышленном районе повсеместная забастовка, бастуют около трех недель 10 тысяч рабочих... За последние дни... бастующие рабочие стали держать себя вызывающе» [122],— доносили власти в Департамент полиции.

«Поскольку требования рабочих чисто политического характера, признал нужным принять энергичные меры»,— телеграфировал временный генерал-губернатор наместнику на Кавказе и, направив на промыслы и в Грозный войска, сам вновь выехал туда же.

Но стачка рабочих на промыслах, длившаяся с 14 июня по 13 июля, окончилась победой рабочих. Предприниматели удовлетворили почти все 33 требования, за исключением пунктов о праздновании 1 Мая и восстановлении на работе рабочего Жуйко. Среди завоеваний рабочих самым главным было введение восьмичасового рабочего дня — один из первых случаев в добывающей промышленности в России.

В дни стачки власти решили провести судебный процесс над участниками декабрьской забастовки. 27—28 июня 1906 г. в Грозном перед судом предстали 18 железнодорожников, обвинявшихся «в организации вооруженного восстания» в декабре 1905 г. Но рабочие выступили в защиту своих товарищей. Зал заседания, окрестные улицы были запружены рабочими. Для охраны суда были вызваны войска. Власти пытались оказать давление на суд. Однако суд вынес оправдательный приговор всем обвиняемым. Выходя из зала суда, один из оправданных воскликнул: «Не защита нас оправдала, не суд нас оправдал, а вы, народ, против которого не посмел идти суд» [123]. И это было действительно так. По случаю отъезда защитников на станции Грозный состоялся митинг,

где выступили рабочие и представитель от горского крестьянства Чечни. Выступившие критиковали Думу за нерешительность, призывали к свержению самодержавия. Митинг закончился пением революционных песен. В эти же дни был сорван суд над участниками вооруженного восстания в декабре в Георгиевске. 29 июня, 2 и 4 июля в защиту подсудимых были проведены массовые митинги, солдаты отказались стрелять в рабочих. В результате суд, воздержавшись под предлогом болезни членов суда от рассмотрения дела, освободил четырех заключенных. «Суда больше нет; суд испугался толпы, толпа сама является судьей»,— доносили власти по этому поводу [124].

В 1906 г. достигло высокого подъема крестьянское движение, особенно летом — после разгона Государственной думы. В ряде мест Кубани, Ставрополья и национальных округов оно носило более активный и массовый характер, чем в 1905 г.

Разгон Думы разрушил иллюзорные надежды крестьянских масс на получение земли и гражданских свобод из рук царизма.

Аграрный вопрос был главный в работе Думы, обсуждение его показало, что противоречия между крестьянами и царизмом мирным путем разрешить невозможно.

С весны 1906 г. подъем революционных выступлений крестьян отмечается на Кубани и в Черноморской губернии. Вместе со стачками сельскохозяйственных рабочих в ряде станиц и сел участились случаи погрома крестьянами имений помещиков и кулаков. Крестьяне нападали на карателей, отказывались от внесения арендной платы, рубили казенные и частновладельческие леса. В Баталпашинском, Лабинском и Кавказском отделах Кубани, по неполным данным, крестьянскими волнениями было охвачено около 100 экономий, т. е. количество крестьянских выступлений увеличилось по сравнению с 1905 г. почти вдвое [125]. Выступления крестьян наводили страх на помещиков. «Не дай до осени земли,— писал один помещик,— то к осени обязательно явятся Стеньки Разины и крестьянство пойдет работать вовсю» [126].

После разгона Думы волна новых массовых митингов и антиправительственных выступлений прокатилась по селам и аулам края.

В Константиновском, Кугульте, Благодатном, Петровском, Белой Глине и в других селениях Ставрополья возникли революционные крестьянские комитеты. Крестьяне, взяв фактически власть в свои руки, изгоняли администрацию, освобождали заключенных революционеров, вводили самоуправление. Попытки властей подавить движение крестьян иногда кончались братанием крестьян и солдат. Так было 14 августа в с. Петровском, где две сотни Горско-Моздокского полка, направленные на подавление крестьян, отказались рассеять толпу, освободившую двух руководителей революционного комитета, а «следователь, прокурор и полиция, ввиду угроз насилиями, выехали из села» [127]. В губернию по требованию П. А. Столыпина дополнительно были направлены войска и введены в ней военно-полевые суды. В Ставрополе, Ставропольском, Благодарненском и Медведенском уездах было введено Положение о чрезвычайной охране, а в остальных уездах — «состояние усиленной охраны». Крестьянские выступления в губернии были подавлены карательными войсками.

В период отступления революции вновь нарастало крестьянское движение и в национальных районах.

В Дагестане крестьянские выступления проходили при активной деятельности социал-демократических организаций области, бакинских большевиков, организации «Гуммет» и социал-демократической группы «Фа-

рук» («Поборник справедливости»), созданной в Баку из передовых дагестанцев на предприятиях Баку. В 1906 г. заметно расширилась издательская деятельность дагестанских социал-демократических организаций. Кроме листовок на русском языке, впервые в начале 1906 г. в Аварском, Андийском, Гунибском и Темир-Хан-Шуринском округах распространялись листовки, написанные на аварском и кумыкском языках. В их составлении и распространении власти обвинили М. Дахадаева и Д. Коркмасова [128].

«Крестьянский центр», в работе которого стали активно участвовать М. Дахадаев, Д. Коркмасов, Магомед-мирза Хизроев и другие, начал распространять свое влияние на горные округа. Наибольшей остроты аграрное движение, как и в 1905 г., достигло в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах среди феодально-зависимых крестьян — раятов и зависимых узденей; крестьяне в ряде случаев оказывали вооруженное сопротивление войскам [129]. В Чечне солдаты-большевики гарнизонов Шатоя, Воздвиженской, Ведено приглашали крестьян на митинги и тайные сходки солдат. Большевик А. Болдырев, служивший в 253-м грозненском резервном батальоне в Шатое, и фельдшер лазарета гарнизона М. Дугинов получали от работников Грозненского комитета РСДРП листовки, брошюры, газеты противоправительственного содержания, переписывались с Петровской группой Терско-Дагестанского союза РСДРП. Одному из руководителей этой группы, К. Головачевскому, Болдырев писал: «С чеченцами завел дружбу, пользуюсь доверием, и сегодня меня должны познакомить с их главными...» [130]

Революционная работа среди крестьян давала свои результаты: «Ум горцев, несомненно, был поколеблен злонамеренными лицами»,— писал начальник Веденского округа полковник Галаев в октябре 1906 г. и доносил далее, что «в селениях нет порядка, жители не слушаются старшин, не исполняют их приказаний, не выполняют денежных повинностей, не платят уже несколько лет подряд старшинам» [131].

По сравнению с 1905 г. более широкие размеры приняло аграрное движение в Кабарде и Балкарии. Наряду с горцами к движению примкнули крестьяне русских селений Нальчикского округа. В апреле 1906 г. из округа доносили временному генерал-губернатору области, что в Ново-Полтавском, Баксане, Кармоле и других селениях, и в особенности в слободе Нальчик, «направление умов не совсем благополучно», «население склонно к возмущениям» [132].

Летом в округе аграрное движение усилилось. 30 июня крестьяне с. Баксан устроили за селом митинг, на котором по случаю базара присутствовали крестьяне из других кабардинских сел. Агитатор из Кутаисской губернии П. Сидганидзе говорил на митинге о революционных событиях в России, призывал крестьян к свержению самодержавия [133]. Более тысячи человек приняло участие в митинге, проведенном в тот же день в другом кабардинском селе Коново, где агитаторы из Пятигорска и Минеральных Вод читали революционные прокламации, призывали крестьян к захвату помещичьих земель. На состоявшемся вскоре в этом селе митинге приняли участие русские крестьяне из сел Ставропольской губернии [134]. 20 июля на многолюдном сходе в русском селении Ново-Полтавском читались прокламации, доставленные из Минеральных Вод беглым политкаторжанином Е. Мовчаном. Прокламации призывали народ к отказу от уплаты налогов и от службы в царской армии [135]. Мовчан был арестован, но на пути в Нальчик крестьяне устроили ему побег. Другой митинг был проведен 30 июля около с. Ново-Никольское, на нем присутствовало 300 человек.

Решительный характер приняли выступления крестьян Малой Кабарды. В с. Хапцево по призыву своего руководителя Х. Шамурзова крестьяне, вооруженные топорами, опрокинули заградительный отряд стражи и рубили лес. При возвращении с нарубленным лесом произошло столкновение крестьян с лесной стражей и полицией, во время которой многие из крестьян получили ранения. Примеру крестьян Хапцева последовали их соседи — крестьяне с. Ахлово. Руководимые Д. Фашмуховым, ахловцы захватили помещичью землю и начали делить ее между собою. Попытка князя и его приближенных остановить крестьян силою оружия получила решительный отпор. В наказание за «бунт» малокабардинские селения должны были платить немалую контрибуцию. В моздокскую тюрьму под конвоем было отправлено свыше 100 чел.[136] Среди них — Хамид Шамурзов, Сафар Гукепшев, Татим Хабидов и др. Из Моздока арестованные были сосланы в Вологодскую губернию [137].

Глубокое возмущение народов Терской области вызвала провокация царизма по вербовке горцев в стражники для охраны имений помещиков, использование горцев для подавления революционных выступлений в некоторых губерниях Южной России. Вербовка проводилась агентами царизма, прибывшими в область летом 1906 г., при активном содействии властей и представителей реакционных сил горской общественности. Чтобы склонить горцев на службу в стражники, им платили высокое жалованье — по 460—480, а то и 600 руб. в год, выдавали одежду, оружие, верховую лошадь, обещали награды за якобы почетную «государственную службу». На практике при вербовке за горцами охотились, принуждая их идти на позорную службу против их воли. Яркая картина того, как велась вербовка, в частности в Чечне, дана в большевистской газете «Эхо»: «Чеченцев ловили буквально везде — на дороге, на базаре, на работе, в поле». Взятых таким путем людей изолировали «от нежелательных встреч и разговоров», и они уезжали нередко, «даже не известив семью о своем аресте» [138]. Против вербовки в стражники решительно выступили рабочие, широкие массы трудящихся горцев.

16 июня 1906 г. на станции Грозный, куда прибыл поезд со стражниками из Гудермеса, бастовавшие рабочие поставили поезд на запасный путь, а паровоз угнали в депо; рабочие разъясняли горцам, какую позорную роль они будут играть в России [139]. Однако войска рассеяли толпу, и попытка воспрепятствовать отправке стражников потерпела неудачу. Попытки возвратить стражников были сделаны крестьянами на станции Дарг-Кох, рабочими на станциях Армавир и Тихорецкая [140].

В аулах Чечни крестьяне, проклиная стражников, говорили им: «Дай Аллах, чтобы все погибли, никто из вас не возвратился бы назад за то, что вы хотите опозорить свой народ, накликать беду на его голову» [141]. В середине июня делегация чеченцев явилась к временному генерал-губернатору области с требованием возвратить на родину стражников. Тогда же доверенными лицами от чеченского народа были поданы телеграммы в Государственную думу и наместнику на Кавказе, в которых требовали прекратить «вовлекать чеченцев в позорную сделку», а уже отправленных немедленно вернуть [142]. Телеграмма в Думу с требованием прекращения вербовки в стражники осетин по приговору сельского общества была направлена и из Ардона.

Волна протеста охватила и другие села Осетии. 2 июля собрание представителей 10 осетинских сел, состоявшееся во Владикавказе, постановило: «Отныне ни один член общества не должен отправляться в Россию в качестве стражника» [143], а тем, кто нарушит это решение, объявить бойкот.

23 июня 1906 г. на заседании Думы депутат от горских народов Терской области Т. Эльдарханов заявил, что «горцы Кавказа жаждут мирной и спокойной жизни и ни явной, ни скрытой вражды к кому бы то ни было не питают, что свободолюбивые горцы ничего общего не имеют с горстью несчастных сыновей своих, по неведению играющих позорную роль черносотенцев» [144].

В. И. Ленин весной 1905 г., характеризуя предисловие к брошюре «Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина», писал, что для подавления революции правительство решило «разжигать национальную, расовую вражду... превращать борьбу полиции» с революционным движением «в борьбу одной части народа против другой части народа» [145]. Чудовищным актом политики правительства по разжиганию национальной вражды была и вербовка горцев Терской области в стражники для охраны имений помещиков в ряде губерний Южной России.

Однако под влиянием борьбы широких масс рабочих, горской общественности, выступлений прогрессивной печати постепенно стал проясняться провокационный характер вербовки стражников, и они стали возвращаться на родину [146].

Усиление революционного движения среди солдат. Под влиянием летнего подъема революционной борьбы рабочих и крестьян, активной работы партийных организаций за переход солдат на сторону революции в 1906 г. в крае широкие размеры приняло революционное движение в армии. Во второй период революции солдатские массы острее, чем в 1905 г., ощутили необходимость общедемократических преобразований и решения аграрного вопроса в пользу крестьян. Поводом к неповиновению и прямым антиправительственным выступлениям чаще всего было недовольство солдат тем, что их принуждали подавлять народное движение, а также условиями службы.

Наиболее крупные выступления солдат произошли в Дагестанской и Терской областях. Первыми в Терской области летом 1906 г. выступили солдаты артиллерийского лагеря под Владикавказом, где на очередном сборе были все артиллерийские части 2-го Кавказского армейского корпуса — 21 батарея. С 10 по 12 июня в лагере проводились митинги и политические демонстрации солдат, были предъявлены командованию требования: немедленно отменить смертную казнь, освободить всех пострадавших за свободу, передать всю землю в пользование народа, отменить все подати и налоги, свобода собраний и др. В качестве экстренной меры солдаты требовали немедленно освободить своих товарищей — солдат Михайлеченко, Ивченко и Когнер, приговоренных к смертной казни [147].

Первыми выступили солдаты 18-й Восточно-Сибирской батареи. Руководителем восстания были бомбардир П. Шуригин и рядовой Обыденков. Батарея некоторое время стояла в городе Владикавказе, где солдаты установили связи с местными революционными организациями.

Чтобы изолировать других солдат от революционного влияния мятежной батареи, командование решило отправить ее в крепость Карс. В ответ на это на митинге солдат 13 июня было решено начать восстание, перебить офицеров лагеря и, подняв другие батареи, идти во Владикавказ, истребить там должностных лиц, освободить из тюрьмы заключенных, захватить склад оружия Терского казачьего войска, уничтожить все документы по политическим делам [148].

Однако восставшим поднять все части на борьбу не удалось, и они перешли к тактике пассивной борьбы и тем самым обрекли себя на по-

ражение. 14 июня восстание было подавлено, лагерь распущен, 18-я батарея отправлена в крепость Карс, а бомбардир П. Шуригин, арестованный в 1907 г., был осужден на 15 лет каторги.

Вслед за восстанием в артиллерийском лагере произошли волнения в других гарнизонах области. В Грозном во время всеобщей забастовки 25 июня солдаты 82-го Дагестанского полка отказались разогнать митинг рабочих, подтвердив этим, как доносила охранка, «ходячие о них толки, что дагестанцы — опора революционных элементов» [149]. 2 июля от разгона рабочего митинга отказались солдаты 251-го Георгиевского батальона в Георгиевске, продолжалось брожение солдат в Пятигорске.

Самым ярким солдатским выступлением на Северном Кавказе в период отступления революции явилось восстание солдат 83-го Самурского пехотного полка, поднятое 17 июля 1906 г. в урочище Дешлагар в Дагестане. Восстанием руководили унтер-офицер Самойленко, рядовые Яковенко, Петров, Голубятников и др. Поводом к восстанию послужило известие о разгоне Государственной думы. Восставшие заняли крепость, слободу Дешлагар и пути, ведущие к ближайшим станциям железной дороги, почтово-телеграфную контору, освободили заключенных, обезоружили учебную команду, убили командира полка, трех офицеров и священника. Восставшие выбрали из своей среды начальников, Самойленко принял командование гарнизоном. Восставшие сделали попытку установить связь с другими частями дивизии, но действия их носили медлительный, оборонный характер. 18 июля восстание было жестоко подавлено войсками, переброшенными из Петровска, Темир-Хан-Шуры и Грозного. Пять руководителей восстания — Самойленко, Чаусов, Голубятников, Нога, Яковенко — были расстреляны, 22 солдата отданы под суд, из них многие сосланы в Сибирь.

Борьба большевиков края за ленинскую тактику на выборах во II Государственную думу. После разгона I Государственной думы, не оправдавшей надежды самодержавия, были проведены выборы во II Думу. Большевики решили принять участие в них, а Думу использовать как трибуну в интересах революции, в борьбе за освобождение крестьян из-под влияния либеральной буржуазии, за создание в Думе блока депутатов рабочего класса и крестьянства. Меньшевики призывали на выборах в Думу вступать в блоки с кадетами.

В обстановке острой борьбы большевиков с меньшевиками по вопросу о тактике партии в период выборов в Думу был назначен созыв экстренного съезда партии.

Накануне V съезда партии большевики края вели борьбу против меньшевистской идеи созыва так называемого «рабочего съезда» и создания «широкой классово-политической организации пролетариата». В городе Владикавказе, где идею созыва «рабочего съезда» защищал Ахмет Цаликов, было обнаружено 36 экземпляров брошюры «Всероссийский рабочий съезд». В. И. Ленин резко осудил сторонников идеи созыва «рабочего съезда», в том числе «Ахмета Ц. и К°» [150], и указал: «*На деле* беспартийный рабочий съезд выражает ту же капиталистическую тенденцию *ослабления* классовой самостоятельности пролетариата и *подчинения* его буржуазии» [151]. V съезд партии по основным вопросам — об отношении к буржуазным партиям, «о рабочем съезде», о тактике в Государственной думе и др.— принял большевистские решения, избрал Центральный Комитет партии, в котором преобладали сторонники В. И. Ленина. Вопрос о тактике партии на выборах занял основное

место и на конференциях Северо-Кавказского и Терско-Дагестанского союзов, состоявшихся осенью 1906 г.

К этому времени, несмотря на репрессии, аресты руководителей, в организациях РСДРП края состояли тысячи членов партии. В Армавирском комитете — 1 тыс., Екатеринодарском — 700, Ставропольском — 400, а всего в организациях Северо-Кавказского союза более 3 тыс. членов партии. Более 1 тыс. членов насчитывалось в организациях Терско-Дагестанского союза, в том числе в Грозненской организации — 600, Владикавказской — 370, Дербентской — 100 членов партии [152].

На III конференции Терско-Дагестанского союза большевики «горячо отстаивали необходимость полной обособленности пролетариата»,— однако меньшевики настояли на включении в резолюцию дополнения, в котором говорилось: «Там, где не предвидится возможным провести своих кандидатов, вступать в соглашение с кадетами» [153]. Конференция высказалась за перенесение центра Терско-Дагестанского союза из Владикавказа в Грозный. Половинчатыми и оппортунистическими были и решения IV конференции Северо-Кавказского Союза РСДРП.

В дальнейшем в партийных организациях края усилился отход от оппортунистов-меньшевиков. Если на выборах в I Думу армавирские социал-демократы поддерживали кадетов, за что их порицал В. И. Ленин, то в этой же статье «Как армавирские социал-демократы ведут избирательную кампанию?» В. И. Ленин отметил, что во время выборов во II Думу «они не только не проповедуют блоки с кадетами, а, напротив, говорят о кадетах *всю правду прямиком*» [154].

В предвыборной кампании власти всячески препятствовали проведению собраний, прибегали к репрессиям. Однако в Новороссийске, Екатеринодаре, Армавире, Владикавказе выборщиками оказались кандидаты социал-демократов [155], а кандидаты прочих партий потерпели поражение. Во II Думу прошли от Северного Кавказа 13 депутатов, среди них — 2 социал-демократа, 1 трудовик, 2 эсера, 1 народный социалист, 1 кадет, 4 депутата от Дагестана, горских народов Терской области, Закатальского округа и др.

Выступления народных масс края с осени 1906 по июнь 1907 г. В конце 1906 — начале 1907 г. наблюдалось новое оживление стачечного движения рабочих и борьбы горских крестьян. 15 декабря 1906 г. в Грозном забастовали рабочие чугунно-литейного завода Фаниева, являвшиеся по отзыву властей, «главными руководителями забастовки в городе» [156]; волнения на экономической почве охватили также грозненские заводы Хохлова, Жидарева, Вялова.

Продолжались выступления крестьянских масс Северного Кавказа осенью и зимой 1906 г. Особенно большие хлопоты властям по-прежнему доставляли крестьяне Веденского округа Чечни. Изгнав назначенных властями старшин, а также добившись отзыва начальника округа, здесь практически уже второй год жили самоуправлением. Новый начальник округа полковник Галаев, чтобы доказать мятежным горцам «незыблемость законной власти», во главе воинского отряда, состоявшего из пехоты, казачьей кавалерии и горной артиллерии, выступил в горы. Большинство горских сел и хуторов изъявили покорность. Однако крестьяне селений Нижелой, Нохчи-Келой, Хой, Макажой даже под наведенными на аулы жерлами пушек отказались подчиниться властям, платить налоги и т. д. И тогда они подверглись дважды (17 и 18 декабря) орудийному обстрелу,— было выпущено 60 боевых снарядов. После чего даже кадетская газета «Речь» вынуждена была писать, что «большая часть

населения Веденского округа, охваченная паникой, бежала в горы, где терпит голод и холод» [157].

Сотни восставших крестьян, в том числе руководитель мятежных крестьян с. Нижелой Дильмаха Уммаев и другие, были арестованы и под усиленной охраной казаков, со связанными руками, в лютый мороз, часто раздетыми и босиком отправлены в тюрьмы, на гауптвахты в Грозный, Владикавказ, а оттуда — в Сибирь. Под дулами орудий и винтовок у горских крестьян забирали последние пожитки, скот в счет погашения налогов, недоимок [158].

9 января 1907 г., в годовщину «Кровавого воскресенья», бастовали рабочие цементных заводов Новороссийска, в феврале — шахтеры Садона и рабочие Мизурской фабрики, волновались воспитанники Ардонской духовной семинарии.

Весной рабочее движение обнаружило тенденцию к подъему. В. И. Ленин, говоря о росте революционного кризиса, писал: «Новая схватка надвигается неумолимо: либо победа революционного народа, либо такое же бесславное исчезновение второй Думы, как и первой, а затем отмена избирательного закона и возврат к черносотенному самодержавию без фраз» [159].

8—9 марта 1907 г. в Грозном в знак протеста против ареста большевика В. Иванова была объявлена стачка, к которой примкнули рабочие всех промыслов. В феврале — апреле в антиправительственных выступлениях и демонстрациях на станции Кавказской, в Армавире, Майкопе, Екатеринодаре участвовало 20 тыс. человек [160]. Массовый митинг, проведенный 12 февраля в Майкопе по случаю приезда социал-демократа, депутата II Думы А. Р. Геруса, нашел отклик за пределами области. Герус в своей речи осудил действия самодержавия, призвал народ к борьбе за изменение «существующего государственного строя» [161]. Участники митинга одобрили наказ выборщиков Кубани и Черноморья, содержавший требования: замена правительства, отмена смертной казни, военного положения и военно-полевых судов, амнистия политзаключенным и др. В Дагестане 10 марта моряки Петровска примкнули к общей забастовке моряков Каспийского флота, которой руководил Бакинский комитет РСДРП, а в Петровске — группа РСДРП города во главе с большевиком И. В. Малыгиным. Большинство требований рабочих было удовлетворено капиталистами. Под влиянием этой забастовки, длившейся 46 дней, в апреле там же бастовали грузчики, бондари, приказчики.

В связи с наметившимся подъемом революционного движения вновь широкие размеры приняли репрессии. В январе 1907 г. был арестован весь состав Ставропольского комитета РСДРП, в апреле на станции Кавказской арестовано 80 участников социал-демократического собрания.

На призыв социал-демократических организаций Северного Кавказа рабочие ответили первомайскими забастовками. 1 мая 1907 г. забастовали рабочие на всех Грозненских промыслах, на промыслах «Каспийско-Черноморского общества», «Нобель» в Дагестане. На Кубани с 30 апреля по 10 мая бастовали нефтяники на Суворинском промысле. В ряде мест произошли столкновения бастовавших рабочих с войсками и полицией. На Грозненских промыслах 19 июня свыше 2 тыс. рабочих потребовали освобождения своих семи арестованных товарищей. За это по рабочим был открыт огонь, в результате чего было убито 5 и ранено 12 человек, из последних в ближайшие дни умерло еще 4 человека. Эта зверская расправа над рабочими вызвала забастовку протеста почти всех предприятий Грозного. Похороны жертв реакции 19 июня большевики превратили в мощную антиправительственную демонстрацию.

Произошли новые выступления крестьян и солдат. В конце мая 1907 г. в Чечне крестьяне с. Верхний Наур во главе с М. Азиевым и У. Татаевым напали на имение землевладельцев и овцеводов братьев Петра и Федора Мазаевых; продолжались волнения крестьян Веденского округа, где, по сведениям властей, агитация «прочно укоренилась и проявляется иногда и теперь» [162]. В укреплении Ведено готовилось восстание батальона разжалованных матросов, переведенных весною 1907 г. в Чечню. На сходках солдат, которые они устраивали в лесу, принимал участие крестьянин-чеченец, состоявший у них хранителем «склада оружия». Но по доносу провокатора готовившееся восстание было раскрыто, а его организаторы и руководители М. Вдовицын, С. Смолихин, Е. Матевюк, Н. Степашев, Е. Курочкин и другие арестованы и преданы суду [163].

Летом 1907 г. самодержавие перешло в решительное наступление против революции. 3 июня была разогнана II Государственная дума, арестованы члены социал-демократической организации Думы, издан новый избирательный закон, обеспечивавший в новой, III Думе безраздельное господство самодержавия, помещиков и крупной буржуазии. Это означало, что революция 1905—1907 гг., продолжавшаяся около двух с половиной лет, потерпела поражение.

* * *

Революция 1905—1907 гг. подняла миллионы рабочих и крестьян на борьбу за свое социальное и национальное освобождение. Она показала, что «начался новый период всемирной истории, период политических потрясений и революционных битв» [164].

Революционная борьба рабочих, крестьян, горских народов Северного Кавказа была составной частью первой русской народной революции. Как и в других местах страны, ведущей силой в революционных событиях края были русские и национальные рабочие, игравшие руководящую роль в революционной борьбе; революционное движение в крае имело сходные с первой русской революцией этапы подъема и спада.

Вместе с тем революционная борьба народов Северного Кавказа в годы революции имела свои особенности, обусловленные уровнем экономического развития, еще недостаточным опытом, малочисленностью пролетариата края, прочностью устоев реакции.

Главная особенность революции на Северном Кавказе состояла в том, что борьба рабочих и крестьян в крае сочеталась с национально-освободительным движением, ставшим частью общероссийского революционного процесса. На революционную борьбу в годы революции выступила и трудовая, беднейшая часть казачества. Таким образом, в революции 1905—1907 гг. в крае были сделаны первые успешные попытки объединения в единый революционный поток пролетарского, крестьянского и национально-освободительного движений. В этом факте нашло свое яркое выражение одно из важнейших прогрессивных последствий присоединения горских народов к России.

Борьба рабочих, русского и национального крестьянства в годы первой русской революции заложила основы союза рабочего класса и крестьянства, способствовала укреплению дружбы народов многонационального края. В статье «К вопросу о национальной политике» в 1914 г., говоря о роли большевиков в интернациональном сплочении трудящихся, В. И. Ленин писал: «Пятый год объединил рабочих всех наций!» [165]

Революция 1905—1907 гг., хотя и потерпела поражение, нанесла мощный удар по самодержавию, господству помещиков и капиталистов, вписала яркую страницу в историю классовой борьбы [166].

Политический опыт, приобретенный народными массами и большевистской партией в революции 1905—1907 гг., сыграл большую роль в последующей революционной борьбе.

«Без „генеральной репетиции“ 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна» [167].

---

[1] О 70-летии революции 1905—1907 гг. в России: Постановление ЦК КПСС // Коммунист, 1975. № 2. С. 5.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., изд. 5. Т. 30. С. 310.

[3] Партархив Краснодарского крайкома КПСС. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 645. Л. 31, 32, 33.

[4] ЦГАОР СССР. Ф. Коллекция нелегальных изданий. № 31589; ЦГА ЧИ АССР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. Л. 103.

[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 314.

[6] *Хасбулатов А. И.* Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии в период революции 1905—1907 гг. Грозный, 1966. С. 31.

[7] Северная Осетия в революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1955. С. 98; газ. Терские ведомости. 1905. 1 апр.

[8] газ. Терские ведомости, 1905, 1 окт.

[9] газ. Борьба пролетариата. 1905. № 2.

[10] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1959. Ч. 1. С. 84.

[11] *Шигабудинов М. Ш.* Рабочие в авангарде революционного движения на Северном Кавказе в 1905—1907 гг. // Революция 1905—1907 гг. в Дагестане. Махачкала, 1976. С. 12.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 167.

[13] газ. Пролетарий. 1905. 3 авг. № 12.

[14] Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.: Сб. документов. Краснодар, 1956. С. 61.

[15] Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С. 26.

[16] ЦГАОР СССР. Ф. 109. Особый отдел. 1905 г. Д. 5. Л. 35.

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 83.

[18] Северная Осетия в революции 1905—1907 гг. С. 36.

[19] Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. С. 55.

[20] Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 486.

[21] Нефтяное дело. Баку. 1905. № 1—24. С. 1089.

[22] ЦГИА ГССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 7853. Л. 2.

[23] газ. Право. 1905. 14 авг. № 32.

[24] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Д. 4. Ч. 57. Л. 32—37.

[25] Подробнее об июльской политической стачке 1905 г. см.: *Серый Ю. И.* Страницы прошлого: (Железнодорожники Ростова и Северного Кавказа в революции 1905—1907 гг.). Ростов н/Д, 1955. С. 25—33.

[26] *Дрогалина М.* Революция 1905—1907 гг. на Ставрополье. Ставрополь, 1955. С. 49.

[27] История Дагестана. Москва, 1968. Т. 2. С. 227.

[28] ЦГИА ГССР. Ф. 83. Оп. 1. Д. 48а. Л. 4—17.

[29] История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 375—376.

[30] ЦГА СОАССР. Ф. 11. Оп. 11. Д. 83. Л. 6, 11—12; Ф. 20. Оп. 1. Д. 123. Л. 64.

[31] газ. Казбек. 1905 г. 26 июля.

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 323.

[33] ЦГА СОАССР. Ф. 270. Оп. 1. Д. 4, Л. 62; *Хасбулатов А. И.* Указ. соч. С. 31—32.

[34] РФ СОНИИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 11. Л. 79; Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 29 июня. № 156.

[35] ЦГАОР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Д. 5. Ч. 61. Л. 19 (Типографский оттиск).

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 321.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12, С. 32.

[38] Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. С. 102.

[39] ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 15. Д. 194. Л. 5 об.— 6.

[40] *М. Б—в.* Очерки по истории железнодорожных забастовок в России. М., 1906. С. 33—34.

[41] Боевые дни: Сб. материалов и документов. Тихорецк, 1931. С. 9—10.

[42] газ. Народ. 1905. 8 дек. № 12.

[43] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 3—4.

[44] Северная Осетия в революции 1905—1907 гг. С. 117.

[45] ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 16.

[46] Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. М., 1955. Ч. 1: Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. С. 46.

[47] Там же.

[48] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Д. 1877. Ч. 59. Л. 22.
[49] ЦГИА ГССР. Ф. 521. Оп. 2. Д. 17. Л. 70.
[50] *Дрогалина М.* Указ. соч. С. 54.
[51] Революционное движение на Кубани 1905–1907 гг. С. 137–138.
[52] *Шигабудинов М. Ш.* Рабочие в авангарде революционного движения... С. 32.
[53] ЦГИА ГССР. Ф. 521. Оп. 2. Д. 17. Л. 51.
[54] ЦГВИА, ф. ГВСУ. 4 отд. 1908 г. Д. 27. Л. 7–12.
[55] *Шигабудинов М. Ш.* Рабочие в авангарде революционного движения... С. 31.
[56] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 3283. Л. 1–2.
[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 118.
[58] Очерки истории Ставропольской организации КПСС. С. 34.
[59] 1905–1907 гг. на Дону: Сб. документов. Ростов н/Д, 1965. С. 184.
[60] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 51.
[61] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 229.
[62] *Семеркин П.* Рабочий класс в революции 1905–1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях. Ростов н/Д, 1935, С. 154.
[63] ЦГИА ГССР. Ф. 114. Д. 2610, Л. 10, 54.
[64] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 71. Л. 39.
[65] ЦГИА ГССР. Ф. 114. Оп. 1. Д. 202. Л. 3 об.
[66] Там же. Ф. 521. Оп. 2. Д. 28. Л. 30 об.
[67] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 71. Л. 39–53.
[68] Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. М., 1955. Ч. 2: Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 г. С. 555.
[69] В 1955 г. в связи с 50-летием революции 1905—1907 гг. М. С. Цуцаев был награжден орденом Трудового Красного Знамени.
[70] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 71. Л. 1.
[71] *Хасбулатов А. И.* Указ. соч. С. 70.
[72] Северная Осетия в революции 1905–1907 гг. С. 148.
[73] Партийный архив Северной Осетии. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
[74] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 3277. Л. 2–3.
[75] ЦГИА ГССР. Ф. 114. Оп. 2. Д. 395. Л. 5.
[76] газ. Волна. 1906. 29 апр. № 4.
[77] ЦГА СОАССР. Ф. 120. Оп. 1, Д. 27. Л. 130 об.
[78] Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 65. Л. 26.
[79] Там же. Л. 21.
[80] ЦГИА ГССР. Ф. 521. Оп. 2. Д. 28. Л. 160.
[81] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. 5. С. 181–182.
[82] газ. Казбек, 1905. 7 июня. № 2255; Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 29 июня. № 156.
[83] История Дагестана. Т. 2.
[84] РФ СОНИИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 28. Л. 4, 21.
[85] ЦГИА ГССР. Ф. 83. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.
[86] Революционное движение в Дагестане (1905–1907 гг.): Сб. документов. Махачкала, 1957. С. 72.
[87] ЦГАОР СССР. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Д. 88. Ч. 15. Л. 8.
[88] ЦГА СОАССР. Ф. 27. 1906 г. Д. 5. Л. 142.
[89] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 71. Л. 40.
[90] ЦГА СОАССР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–3 об.
[91] *Мужев И. Ф.* Казачество Дона, Кубани и Терека в революции 1905–1907 гг. Орджоникидзе, 1963. С. 30.
[92] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 71. Л. 50.
[93] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 277.
[94] ЦГАОР СССР. Ф. 601. Оп. 233. Д. 926. Л. 1.
[95] Там же. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1877. Ч. 59. Л. 53 об.
[96] Там же. Д. 5. Ч. 60. Л. 19.
[97] газ. Народная правда. 1905. 15 дек. № 9.
[98] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 71. Л. 1.
[99] ЦГИА ГССР. Ф. 521. Оп. 2. Д. 28. Л. 157.
[100] Там же. Ф. 1. Д. 59. Л. 244.
[101] ГАКК. Ф. 583. Д. 486. Л. 56.
[102] Революционное движение на Кубани в 1905–1907 гг. С. 215.
[103] Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Ч. 2. С. 412.
[104] газ. Казарма. 1906 г. 15 февр. № 1.
[105] ГАРО. Ф. 26. Оп. 5. Д. 2521. Л. 13.
[106] ЦГИА ГССР. Ф. 521. Оп. 2. Д. 17. Л. 40.
[107] газ. Терек. 1906. 20 июня.
[108] История Северо-Осетинской АССР. М.. 1959, С. 291.
[109] Северная Осетия в революции 1905–1907 гг. С. 277.
[110] ГАСК. Ф. 852. Д. 133. Л. 30.
[111] *Шигабудинов М. Ш.* Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период первой русской революции 1905–1907 гг. Махачкала, 1904. С. 186.
[112] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 159.
[113] Государственная дума: Правила о выборах, общие и для Кавказа. Тифлис, 1906. С. 53.

[114] ЦГИА ГССР. Ф. 114. Оп. 2. Д. 626. Л. 1, 5.
[115] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 130.
[116] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 18.
[117] 1905—1906 — 1907 гг. в г. Грозном: Сб. документов. Грозный, С. 81—82.
[118] газ. Терек. 1906. 3 мая.
[119] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 381.
[120] *Шигабудинов М. Ш.* Рабочие в авангарде революционного движения. С. 58, 59.
[121] ЦГИА ГССР. Ф. 521. Оп. 2. Д. 28. Л. 292.
[122] *Самарин Ф. И.* В мятежные годы. Грозный 1961. С. 91.
[123] ЦГАОР СССР, Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 71. Л. 92.
[124] ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 15. Д. 232. Л. 9—10.
[125] Очерки истории Карачаево-Черкесии. С. 490.
[126] Там же. С. 489.
[127] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 79. Л. 92.
[128] ЦГИА ГССР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 861. Л. 3 и об., 10, 13, 14.
[129] ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1 и об.
[130] ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 27. Д. 8. Л. 58.
[131] ЦГА СОАССР. Ф. 54. Оп. 4. Д. 4118. Л. 46.
[132] Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1959. Вып. 8, С. 93.
[133] История Кабардино-Балкарии. Т. 1. С. 379.
[134] ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 692. Л. 47.
[135] Там же. Л. 52.
[136] ЦГА СОАССР. Ф. 65. Д. 96. Л. 15.
[137] Там же. Ф. 12. Оп. 8. Д. 369. Л. 1.
[138] газ. Эхо. 1906. 2 июля. № 10.
[139] ЦГИА ГССР. Ф. 83. Оп. 1. Д. 207. Л. 155, 166—167.
[140] газ. Голос Кавказа. 1906. 22 июня; Ирон газет (Осетинская газета). 1906, 21 июня, 6 авг.; Эхо Кавказа. 1906. 12 авг. № 1.
[141] Государственная дума: Стеногр. отчет. Созыв. 1. Сессия 1. СПб., 1906. Т. 2. С. 1694.
[142] ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 27. Д. 5345. Л. 52—55.
[143] газ. Голос Кавказа. 1906. 5 июля. № 17.
[144] Государственная дума: Стеногр. отчет. Созыв 1. Сессия 1. Т. 2. С. 1694.
[145] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 333.
[146] газ. Голос Кавказа. 1906. 1, 12, 13 июля.
[147] ЦГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 319. Л. 321.
[148] ЦГИА ГССР. Ф. 83. Оп. 1. Д. 214. Л. 47, 48.
[149] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1905 г. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 71. Л. 124.
[150] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 184.
[151] Там же. С. 186.
[152] газ. Пролетарий. 1906. 29 окт.
[153] ЦГАОР. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Д. 7. Ч. 15. Л. 29—31 и об.
[154] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 130—131.
[155] *Серый Ю. И.* Указ. соч. С. 75.
[156] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Д. 4262. Л. 7.
[157] газ. Речь. 1907. 26 янв.
[158] ЦГА СОАССР. Ф. 54. Оп. 4. Д. 4118. Л. 85.
[159] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 382.
[160] ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 809. Л. 30.
[161] Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. С. 382—383.
[162] ЦГА СОАССР. Ф. 54. Оп. 4. Д. 4113. Л. 47.
[163] *Бекузаров Х. Х.* Свободы луч, игравший на штыках. Орджоникидзе, 1976. С. 145.
[164] О 70-летии революции 1905—1907 гг. в России: Постановление ЦК КПСС. С. 5.
[165] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 71.
[166] О 70-летии революции 1905—1907 гг. в России: Постановление ЦК КПСС. С. 3.
[167] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9—10.

Глава XIII

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

1. Наступление реакции и усиление национального и административного гнета

3 июня 1907 г., нарушив свой же манифест 17 октября 1905 г., Николай II разогнал II Государственную думу и издал новый, еще более реакционный избирательный закон. Он был рассчитан на то, чтобы обеспечить за помещиками и крупной русской буржуазией подавляющее большинство новой, III Думе. «При III Думе,— писал В. И. Ленин,— гораздо меньше свободы, чем при II, но III Дума — *менее* фиктивный парламент, ибо она *правильнее выражает* действительное соотношение господствующих в данный момент классов и государственной власти. Пока власть в руках царя и крепостников помещиков,— никакого иного парламента в буржуазной России быть не может» [1]. Сущность нового положения о выборах состояла в том, чтобы создать послушную господствующему классу Думу и закрепить в ней контрреволюционный блок помещиков и буржуазии направленный против рабочих и крестьян. До минимума были урезаны права трудящихся.

Новый избирательный закон ущемлял права трудящихся России. Он означал наступление открытой реакции и дальнейшее усиление административного и национального гнета. Многие народы окраин России, в том числе и горские народы Северного Кавказа фактически не были представлены в Думе. А там, где такая возможность была, значительно сокращалось число их представителей. Вовсе были лишены избирательных прав кочевые народы, в их числе и Северного Кавказа, названные «бродячими инородцами». Одновременно, чтобы поощрять контрреволюционную казачью верхушку, особое привилегированное представительство было установлено для Кубанского и Терского казачьих войск. Все было сделано для того, чтобы разжигать национальную рознь, поощрять русификаторскую политику господствующих классов, и в конечном итоге было направлено против революционного единения трудящихся.

7 июня 1907 г. был опубликован приказ наместника на Кавказе о введении в крае чрезвычайного положения. Все губернии и области Северного Кавказа были объявлены на военном положении или чрезвычайной охране. При этом в наиболее крупные города и железнодорожные станции вводились дополнительные контингенты войск. Почти во всех административных центрах «для безотлагательного водворения порядка» учреждались военные суды и должности временных генерал-губернаторов.

Усмирение края сопровождалось массовыми увольнениями и арестами участников революционного движения, конфискацией имущества и изъятием огнестрельного оружия. За нарушения «обязательного по-

становления» генерал-губернатора Терской области виновным грозила тюрьма (до 3 месяцев) или штраф до 3 тыс. руб.

При Управлении Владикавказской железной дороги действовал «Особый комитет», разработавший обширный план расправы с рабочими железной дороги. Был сформирован «военно-вспомогательный» поезд с пулеметами и пушками, предназначенными «для обстреливания толпы и поездов мятежников» [2].

Капиталисты и помещики щедро субсидировали репрессии. Терские нефтепромышленники решили за свой счет ввести на промыслах полицейские должности [3]. Суммы, отпускаемые буржуазией на эти цели, из года в год росли. Расходы владельцев Владикавказской железной дороги на содержание полиции увеличились с 187 тыс. в 1907 г. до 229 тыс. в 1909 г., т. е. на 21,3% [4].

Больше всего репрессии коснулись активных участников революционного движения. Тысячи борцов были брошены в тюрьмы и сосланы на каторгу. Беспрерывно работали военно-полевые суды, которые руководствовались законами военного времени. Приговор, вынесенный ими, вступал в силу не позже, чем через сутки. Широко практиковалась административная высылка. В Кубанской и Терской областях число административно-репрессированных достигло 1100 человек [5].

Тюрьмы были переполнены. В новороссийской, екатеринодарской, владикавказской, петровской, дербентской, темирханшуринской и других тюрьмах в декабре 1907 г. число заключенных превышало норму. Карательные органы царизма были завалены делами о «политических преступлениях». В одном лишь Владикавказском окружном суде в 1907 г. на стадии производства находилось более 6200 дел, среди которых было немало политических. Причем по некоторым из них проходило по нескольку сот участников революционного движения. Так, по делу «Об ответственности жителей г. Моздока и Моздокского отдела в самовольной порубке леса» привлекалось 500 человек [6].

Край напоминал арену военных действий: с помощью артиллерии подавлялись рабочие центров края, особые карательные отряды громили восставшие селения Ставропольской и Черноморской губерний, Осетии, Чечни и Ингушетии, Дагестана, Кабарды и Балкарии. Побежденные, как это бывает на войне, нередко подвергались постоям войск и контрибуциям. Так, жители Владикавказского округа были обложены контрибуцией на сумму в 321,6 тыс. руб. [7] В Кабарде и Балкарии были созданы летучие отряды стражников для подавления аграрного движения, а в некоторых селах квартировали войска, содержавшиеся за счет трудового населения. Царской администрации помогали в этом офицеры из горской знати. Они преследовали демократически настроенную национальную интеллигенцию, пытаясь изолировать от ее влияния крестьян-горцев.

Особенно жестоко преследовались участники вооруженных восстаний. Количество рабочих Владикавказской железной дороги сократилось в 1907 г. по сравнению с 1904 г. более чем на 20% [8]. Почти 50% уволенных падало на рабочих мастерских дороги, шедших в авангарде революционного движения.

Особенно жестокие удары царизма обрушились на соцпал-демократические организации, руководившие революционной борьбой рабочих и крестьян. Количественный состав их резко сократился. Так, число членов Екатеринодарской, Черноморской, Армавирской и Ставропольской организаций РСДРП уменьшилось с 1262 человек в конце 1906 г. приблизительно до 430—530 человек к началу 1908 г.[9] Большая часть

их была репрессирована. Некоторые большие организации и ряд групп РСДРП под ударами непрекращавшихся репрессий перестали существовать. Быстро разгромленными оказались те организации, деятельность которых протекала в непролетарских центрах. Общее число партийных организаций значительно сократилось. В период революции в крае работали 8 комитетов и 15 групп. В годы реакции, за малым исключением, партийные организации были уничтожены.

Разгрому подверглись и профсоюзы. Особенно жестокие репрессии обрушились на крупнейший из них — «Союз рабочих и служащих Владикавказской железной дороги», на союзы почтово-телеграфных работников, а также на Центральные бюро союзов Екатеринодара и Армавира.

Характерно, что репрессии царских властей против революционных сил активно поддерживались верхушкой горских народов, духовенством и офицерством, тесно связанным с царской администрацией. Часть горской интеллигенции, выступавшая в роли попутчиков революции (например, А. Цаликов и И. Гайдаров), в период реакции скатилась к проповеди буржуазно-националистических и туркофильских идей. Все было направлено на то, чтобы отвлечь рабочих и крестьян от революционной борьбы.

Усиливали свою антинародную деятельность и черносотенные группы. Они проявляли открытое недовольство, находя жестокие меры царизма по подавлению борьбы трудящихся Северного Кавказа недостаточными. В лице офицеров карательных отрядов, да и в лице наместника на Кавказе, махрового реакционера гр. И. И. Воронцова-Дашкова, санкционировавшего 73 смертных приговора за революционную деятельность, выславшего из края тысячи людей на каторгу и ссылку, черносотенцы видели «либеральных служителей» и находили их действия по подавлению революционного движения «нерешительными».

В ряде мест черносотенцы от «недовольства» перешли к открытым угрозам и действиям. Кубанские черносотенцы потребовали преданию ораторов на сходках смертной казни. Они запугивали и терроризировали рабочих, устраивали погромы. Главарь ставропольских черносотенцев угрожал рабочим, протестовавшим против распространения реакционных листовок, револьвером. Все это делалось на глазах и с ведома полиции.

Одним из излюбленных приемов как черносотенцев, так и буржуазно-националистических и клерикальных кругов по отвлечению народных масс от революционной борьбы было их упорное стремление посеять вражду между русским и горским населением, развязать братоубийственную войну. Атаманы казачьих отделов требовали вооружить станичников против «злонамеренных туземцев, для подавления могущих произойти беспорядков» [10]. Во Владикавказе были созданы «Русское собрание» и «Русский дом», цель которых — пропаганда великодержавных монархических идей, разжигание национальной вражды между русскими и горскими трудящимися.

Поражение революции 1905—1907 гг. и начавшиеся репрессии явились для рабочих, социал-демократических организаций, всех трудящихся Северного Кавказа тяжелым испытанием. Но царизму не удалось сломить волю народных масс к борьбе. Об этом свидетельствуют арьергардные бои пролетариата, проходившие под руководством большевистских групп края. Они переросли во второй половине 1907 — первой половине 1908 г. в подъем революционной волны.

2. Аграрно-национальная политика царизма

Революция 1905—1907 гг. еще раз заставила царизм приступить к ломке аграрных отношений и расширению своей социальной опоры в деревне, которой могло стать кулачество. Новая аграрная политика, названная по имени председателя Совета Министров П. А. Столыпина — столыпинской, по словам В. И. Ленина, «совсем не случайность». Напротив, этот поворот был для правительства и для «совета объединенных крепостников *классовой необходимостью*. Правительству некуда было иначе податься... Правительству ничего иного не оставалось, как *попытаться* путем судорожных усилий, путем какого угодно разорения деревни *расколоть* крестьянство, отдать деревню „на поток и разграбление" кулаков и зажиточных мужиков, чтобы опереться на *союз* крепостников-дворян с „новыми помещиками", т. е. с богатеями — крестьянами собственниками, с крестьянской буржуазией» [11].

Утверждение капиталистических отношений в сельском хозяйстве должно было произойти, по планам царского правительства, не за счет разрушения помещичьего землевладения, а за счет крестьянской общины. Указ от 9 ноября 1906 г. определял порядок выхода крестьян из общины и закрепления в личную собственность земли. Выиграли от этого только кулаки. Закон от 14 июля 1910 г., Положение о землеустройстве от 29 мая 1911 г. разрешали проведение принудительных мер землеустройства, упрощали процедуру выхода из общины, следовательно, ускоряли экспроприацию крестьянства.

На Северном Кавказе проведение столыпинской аграрной политики имело ряд специфических особенностей. В полном объеме оно было распространено только на Ставропольскую губернию. С 1906 по 1916 г. в губернии было образовано около 35 тыс. хуторских и отрубных хозяйств, что составляло 21% от всех крестьянских хозяйств [12].

Из общины выходили как зажиточные крестьяне, образовавшие хутора и отрубные хозяйства, так и бедняки, которые по выходе из общины вынуждены были продать свои наделы за бесценок. В ряде селений Ставрополья это приобрело массовый характер: с землей расставалось до 90% крестьян этих селений [13]. «Продает беднота,— писал в связи с этим В. И. Ленин,— покупают богатеи... В Ставропольской губернии продало землю 14 282 укрепленца, а купили землю 7489 человек. Из них 3290 купило *более 15 десятин*,— в том числе 580 купило по 50—100 дес., 85 по 100—500 дес., 7 по 500—1000 дес. ... Сосредоточение земли идет в громадных размерах» [14]. Проведение столыпинской аграрной реформы на Ставрополье привело к усилению мобилизации земли в руках кулаков и обезземеливанию масс, к пролетаризации крестьянства.

Сложнее стоял вопрос о землеустройстве в казачьих областях. Считая казачество своим оплотом, царизм пытался сохранить казачью общину, хотя она уже была расшатана наличием частного землевладения у казачьей старшины и широкими арендными операциями.

Столыпинские аграрные законы на казачьи земли не распространялись. Весь казачий земельный фонд, составлявший более половины, а в Кубанской области — более трех четвертей всей земли, оставался общинным. «Казачьи земли сейчас представляют собой настоящую муниципализацию,— писал по этому поводу В. И. Ленин в 1907 году.— ...На почве этой „муниципализации" развиваются чисто феодальные отношения. Эта, фактически существующая, муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных разли-

чиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.» [15].

Вопрос о распространении на казачьи области столыпинского аграрного законодательства рассматривался во многих инстанциях. На съездах делегатов казачьих общин разгорелась острая борьба: основная масса казачества требовала пересмотра аграрных отношений, верхушка крепко держалась за свои привилегии и сохранение основ казачьего землевладения и землепользования [16]. В 1913 г. этот вопрос вновь рассматривался на Военном совете, постоянно сопротивлявшемся всяким попыткам изменить эти основы. Военный совет предлагал такие меры: ограничить права станичных обществ противодействию образования новых хуторов и удлинить сроки переделов. Таким образом, власти оказались не в силах противодействовать проникновению в казачьи общины новых буржуазных отношений.

В казачьих обществах из-за роста арендных цен на землю особенно ухудшилось положение «иногородних». Значительная часть их окончательно разорилась. В 1913 г. в Кубанской и Терской областях их насчитывалось 1,35 млн человек, из которых 66,6% считались арендаторами или собственниками земли, а 33,3% жили, как признавали сами власти, «случайными заработками» [17]. По существу последние являлись пролетариями.

Чтобы «очистить» села от разорившихся, а следовательно, и более революционно настроенных крестьян, царизм предпринял переселение их в восточные районы страны. И эта часть столыпинской аграрной реформы носила такой же антинародный характер, как и разрушение общины.

Переселившись в Сибирь, лишь немногие наладили там свое хозяйство, но большинство этого сделать не могли из-за отсутствия средств, значительная часть их вернулась обратно. Станицы и села Северного Кавказа пополнялись бедняками, потерявшими при переселении и свой последний скарб.

Местом «колонизации» были объявлены и некоторые районы Северного Кавказа, где фактически не было удобных свободных для переселения земель. Из общего числа заготовленных на 1 января 1912 г. и назначенных для переселения русских крестьян на Кавказ 62 298 долей по 31 декабря 1911 г. было занято 45 864 доли [18]. К 1912 г. на Северном Кавказе было образовано 123 новых поселка (см. табл. 8).

Наибольшее количество переселенческих участков приходилось, как видно из табл. 8, на Черноморскую губернию. Существовавшие здесь участки считались непригодными для переселения. Переселенцам предлагались либо безводные, либо заболоченные участки. Многим из них не удалось обосноваться на новых местах. Число переселенцев, ушедших с мест водворения в другие места, либо обратно на родину, в отдельных районах края достигало 18—19%.

На территории Осетии, Кабарды и Балкарии, Чечни и Ингушетии, Черкесии, Дагестана закон о выходе крестьян из общины распространения не получил. Царское правительство, считая земли горских крестьян казенными, переданными им лишь во временное пользование, вовсе не торопилось с реформой аграрных отношений в этих областях. Вплоть до 1913 г. сохранялась при поддержке царских войск феодальная зависимость райят и части узденей Дагестана. Отмена ее здесь приобретала наиболее актуальное значение.

В горских округах суть аграрной политики царизма заключалась не столько в попытках наделить крестьянство землей, сколько в расхп-

Таблица 8

Переселенческие поселки на Северном Кавказе в 1905–1911 гг. *

Губерния, область	Из всего количества образовано		
	до 1905 г.	в 1905—1911 г.	Всего
Черноморская губерния	30	70	100
Кубанская область	3	13	16
Терская »	1	1	2
Дагестанская »	3	2	5
Итого	37	86	123

* ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 23. Д. 1987.

щении общинных пастбищ, которые частично правительство отобрало в казну, а частично раздало представителям сельской верхушки кабардинцев и балкарцев, чеченцев, ингушей, дагестанцев, осетин, черкесов, карачаевцев, абазин и ногайцев. В их лице царизм искал социальную опору в горском ауле.

Вопрос о землевладении и землепользовании у горских народов, более всех страдавших от малоземелья, рассматривался целым рядом правительственных комиссий. В 1906 г. начала работу Комиссия для исследования землепользования и землевладения жителей нагорной полосы Терской и Кубанской областей. Но никаких радикальных выводов в интересах народа Комиссия не сделала и не могла сделать, так как состояла из представителей царской администрации. Об этом свидетельствует главный результат Комиссии: земельная собственность горских народов была объявлена *казенной*. И дальнейшие попытки разрешить аграрный вопрос в горах не пошли дальше создания новых землеустроительных комиссий и мировых посредников.

Проекты аграрной реформы у горских народов были рассчитаны на то, чтобы усыпить их бдительность, одурачить обещаниями «справедливого» землеустройства и наделения малоземельных крестьян нагорной полосы землей. Проводники и исполнители такой политики пытались предотвратить захват горцами частных, казенных и войсковых земель, стремились оторвать горское крестьянство от российского пролетариата, от революции. Но и здесь царизм не достиг цели.

Важным орудием столыпинской аграрной политики был Крестьянский земельный банк, который помогал помещикам выгодно продавать свои земли, а кулакам — расширять свои земельные владения. Крестьян же он опутывал цепями дополнительных платежей.

В 1907 г. его деятельность была распространена на казачье и горское население Кубанской и Терской областей. Несмотря на некоторые ограничения в казачьих областях, в целом банк развернул по всему Северному Кавказу большую деятельность по оказанию финансовой помощи кулакам. Им давались ссуды по 500 руб. на человека, причем в индивидуальном порядке, а средним и тем более малоимущим крестьянам для получения ссуды надо было объединяться в товарищества, доказать свою платежеспособность банку, и только после этого они могли получить по 150 руб. на человека. Банк давал крестьянам 75% суммы, необходимой для покупки земли у помещиков, из расчета 7% годовых. Чтобы найти 25% суммы, крестьянам приходилось обращать-

ся к ростовщикам и получать ссуду у них на значительно более тяжелых условиях.

Кроме банков, кредитными операциями занимались учреждения мелкого кредита: ссудные кассы, кредитные товарищества, которые кулаки также использовали в своих корыстных целях. Кредитные товарищества давали ссуды на покупку земли, семян, инвентаря, скота, на постройку небольших предприятий. Так, в Терской области с 1908 по 1911 г. учреждениями мелкого кредита было выделено 68,9 тыс. ссуд на 4,5 млн руб.[19] Но получать ссуды могли зажиточные крестьяне, так как для этого надо было доказать свою платежеспособность. И все же кредитные товарищества получили широкое распространение в горских обществах Чечни и Ингушетии, Кабарды и Балкарии, Дагестана, Карачая, Адыгеи и Черкесии.

В Северной Осетии, кроме кредитных товариществ, был открыт Ольгинский сельскохозяйственный банк, который помогал кулакам в скупке земли. Для покупки крупных участков крестьяне объединялись в товарищества. С 1908 по 1913 г. в Северной Осетии было образовано 19 таких товариществ, которые купили 11 тыс. дес. земли [20]. В Кабарде и Балкарии возникло 38 подобных товариществ, в Карачае и Черкесии — 43. Через них кулаками и пришлым населением было куплено к 1917 г. более 56 тыс. дес. земли [21].

Внутри товариществ, купивших землю, существовало острое и имущественное неравенство, еще более усиливающееся после покупки земли. Дело в том, что земля распределялась внутри товариществ по паям, в зависимости от внесенной суммы. Поэтому кулаки получали значительно большие наделы, чем рядовые крестьяне. Кроме того, кулаки стремились скупить и их паи. Инициатор открытия Ольгинского сельскохозяйственного банка в Осетии Г. Баев писал, что с его открытием настало счастливое время для обогащения путем приобретения земли сельской буржуазией.

Таким образом, Крестьянский банк и кредитные товарищества содействовали концентрации земли в руках кулачества, усиливали имущественную дифференциацию крестьянства, ускорили распад сельских общин. Но попытка царской администрации разрешить аграрный вопрос при помощи Крестьянского банка не могла увенчаться успехом.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Кубанской и Терской областей, Ставропольской губернии и Дагестана привело к возникновению буржуазной кооперации. В станицах и горских аулах появились товарищества мелкого кредита, которые должны были обеспечить население дешевым кредитом, потребительские товарищества, кооперативные лавки. Пайщики надеялись таким путем избавиться от гнета ростовщиков и купцов.

Но ни ссудно-сберегательные кассы и товарищества, ни кооперативные лавки, ни другие учреждения мелкого кредита не могли избавить население от капиталистического гнета, так как сами они были носителями капиталистических отношений. Сельская буржуазия с помощью кредитных товариществ приобретала на деньги мелких вкладчиков сельскохозяйственные машины, инвентарь и скот. В. И. Ленин указывал, что в условиях капиталистического общества кооперация не может улучшить положение народа. «Это — обман, будто „всевозможные кооперации“ играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии» [22].

В 1913 г. наконец были расчищены основные преграды на пути развития капитализма в дагестанском ауле — проведена крестьянская ре-

форма,— почти полвека спустя после освобождения крестьян в горских районах Кубанской и Терской областей. 7 июля 1913 г. был издан «Закон о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам». Все категории зависимых крестьян объявлялись свободными от несения бекских повинностей. В результате этой реформы, буржуазной по содержанию, но крепостнической по методам ее проведения, было освобождено в Дагестане от крепостной зависимости более 70 тыс. феодально-зависимых крестьян. Но на деле это было новым грабежом крестьян. Заботясь об интересах феодальных владельцев, царизм выплачивал им суммы выкупных платежей единовременно из казны, а крестьяне обязаны были погашать казне этот долг в сумме, достигавшей 302,3 тыс. руб. Беки вознаграждались десятикратным размером стоимости взимаемых ими с крестьян повинностей.

Как в свое время в Кубанской и Терской областях, горские крестьяне были «освобождены» не только от повинностей, но и от земли, которая осталась в руках феодалов, мусульманского духовенства и казны. Крестьянские наделы были ничтожно малы.

Безземелье, тяжелый гнет колониальных властей, феодальные поборы, классовая дифференциация, разорение, своеобразное «аграрное перенаселение», при котором масса горских крестьян не могла найти применения своему труду, вынуждали их искать заработки на стороне, в городах, на промышленных предприятиях, в хозяйствах кулаков, в соседних областях и т. д.

Таким образом, столыпинская аграрная реформа, давшая известные результаты в области экономического развития, укрепления капиталистической собственности на землю и капиталистических форм ведения хозяйства, с политической стороны не дала желаемых результатов. Она не остановила обострение классовых противоречий в деревне, так как пролетаризация крестьянства усилилась, а с нею вместе и классовая борьба.

Не только в тех областях, где реформа проводилась в полной мере, но и там, где землеустройство официально не проводилось, столыпинщина отразилась на всех сторонах экономической и социальной жизни. Повсеместно трудовые массы русского и горских народов поднимались на борьбу за свое социальное и национальное освобождение.

3. Рабочее и крестьянское движение на Северном Кавказе (июнь 1907 — июль 1914 г.)

Наступившая вслед за поражением революции 1905—1907 гг. полоса жесточайшей реакции явилась суровым испытанием для российского пролетариата и его боевого авангарда — большевистской партии. РСДРП в годы реакции переживала не только жестокие репрессии и горечь поражения, но и тяжелый внутренний кризис, вызванный предательской политикой меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов, троцкистов и примиренцев. В. И. Ленин и большевики вели тяжелую борьбу за сохранение нелегальной партии рабочего класса, за верность революционным принципам марксизма, идеям пролетарского интернационализма и классовой борьбы.

Реакцией и дезорганизаторской деятельностью оппортунистов были ослаблены и северокавказские организации РСДРП. Но в начальный период реакции удалось сохранить Северокавказский и Терско-Дагестанский союзы РСДРП, выполнявшие роль окружных организаций, Чер-

номорский, Кубанский, Ставропольский, Армавирский, Грозненский, Дербентский комитеты, Екатеринодарскую, Петровскую и другие организации РСДРП. Всего во второй половине 1907 г. на Северном Кавказе действовали 2 союза, 6 комитетов и 11 групп РСДРП. В это число не вошли группы, работавшие на крупных предприятиях, выполнявшие роль районных организаций. Например, только в Новороссийске в начале 1908 г. работали 4 такие группы.

В острой внутрипартийной борьбе протекала деятельность этих партийных организаций. На Тереке и в Дагестане сильное ликвидаторское течение сложилось внутри Владикавказского комитета и Терско-Дагестанского союза РСДРП, на Кубани — в составе Северо-Кавказского союза, Кубанского и Армавирского комитетов РСДРП. Деятельность их координировал ликвидатор А. Цаликов. Содействие ликвидаторам оказывали и меньшевики Смирнов (Алексеев), И. П. Соколов (Платонов), Нордега и Писарев, которые на V съезде партии в качестве делегатов от Северокавказского и Терско-Дагестанского союзов РСДРП выступали против В. И. Ленина и большевиков.

Северокавказские ликвидаторы в своей литературе, распространяемой в крае в конце 1907 — начале 1908 г.[23], проводили идею, что подпольные организации якобы «уже изжиты и не соответствуют потребностям времени». Они требовали заменить их «рабочими союзами»[24], что на деле означало бы ликвидацию подпольных организаций. Нелегальную партийную работу они объявляли «обанкротившейся»[25].

Большевики Северного Кавказа, как и всей страны, развернули решительную борьбу против попыток ликвидаторов подменить партийные организации «рабочими союзами». В Грозном, Владикавказе и других местах Терека ее возглавили С. М. Киров, приехавший во Владикавказ в мае 1909 г., П. Ятович, С. П. Каширин, Х. А. Сахарова, И. Горбштейн, Г. Вартазаров, Викторов, Иванов и др.; в Дагестане — И. В. Малыгин; на Кубани — И. В. Резников, П. И. Вишнякова, Ф. Е. Дронин, М. А. Дроздов, В. Г. Сагинадзе, Т. А. Сухинин, Г. А. Целлер, С. П. Качурин, В. И. Засов, И. Н. Третьяков и др.

Сохранение во второй половине 1907 — начале 1908 г. довольно развитой сети партийных организаций показало, что попытки ликвидаторов заменить их «массовыми рабочими союзами» натолкнулись на резкое противодействие большевиков.

Сильный удар был нанесен ликвидаторам на конференциях Северокавказского и Терско-Дагестанского союзов РСДРП, состоявшихся в сентябре — ноябре 1907 г. В руководстве этих союзов заметно усилилось влияние большевиков. Местонахождение центров союзов из Екатеринодара и Владикавказа, являвшихся традиционно центрами меньшевистского засилья в крае, были перенесены в Грозный и Армавир, где имелось сильное пролетарское ядро рабочих фабрично-заводской и нефтяной промышленности.

Деятельность партийных организаций под ударами репрессий значительно сузилась, но не прекратилась.

Не прекратилось и движение рабочих Северного Кавказа, что видно из следующих данных: во второй половине 1907 г. в крае произошло 39 стачек, в 1908 г. — 26, в 1909 г. — 19, в 1910 г. — 11 стачек[26].

Первой после 3 июня 1907 г. политической кампанией в крае было осуждение третьеиюньского государственного переворота. На Кубани, Черноморье, Ставропольской губернии и в других районах Северного Кавказа были выпущены листовки, вскрывавшие реакционную сущность третьеиюньского переворота.

На государственный переворот передовые рабочие края по призыву большевиков ответили забастовками протеста. В авангарде борьбы шли рабочие Новороссийска, Екатеринодара, Грозного и Армавира. В Екатеринодаре и Майкопе выступления рабочих окончились столкновениями между бастующими и казаками. В Армавире в ходе всеобщей забастовки рабочие добились от хозяев ряда уступок.

В ответ на усиление репрессий Грозненский комитет РСДРП обратился к рабочим с призывом объявить забастовку, которая организованно началась 19 июня. Бастующие сделали героическую попытку освободить своих арестованных руководителей, но были встречены залпами, в результате чего оказались убитыми или умерли от ран 10 человек, тяжелораненых было 20 человек. Но расстрел не мог остановить борьбу рабочих. В день похорон жертв работу прекратил весь грозненский пролетариат. Царизм был настолько встревожен событиями в Грозном, что министр торговли и промышленности требовал доносить ему о них ежедневно телеграммами [27].

Вслед за грозненцами в борьбу включились рабочие Новороссийска. С 4 по 14 июля 1907 г. здесь бастовали рабочие завода «Цепь», 18 июля прекратили работы портовики, железнодорожники и грузчики, 19 июля — цементники. Всего в этих выступлениях, специально приуроченных к 19 июля — дню траура по погибшим в 1905 г.,— участвовало свыше 3 тыс. человек.

Одной из ярких страниц борьбы были героические выступления новороссийских рабочих в ноябре — декабре 1907 г., направленные против попыток властей задушить революционное движение в городе. Возглавил ее Черноморский комитет РСДРП. 13 ноября по его призыву 2 тыс. рабочих объявили забастовку, подавленную с помощью войск, присланных по распоряжению Столыпина [28].

Всего во второй половине 1907 г. на Северном Кавказе состоялось 39 забастовок, в том числе 23 политических. Наибольшее количество их приходилось на июнь, июль и октябрь 1907 г. Лишь в 30 из них приняло участие свыше 15,4 тыс. человек [29]. За этот же период в городах края отмечено, по неполным данным, 36 «волнений». В митингах и демонстрациях, проведенных большевиками Грозного, Новороссийска, Екатеринодара, Армавира, ст. Кавказской и Гулькевичи в июне—июле в знак протеста против государственного переворота, приняло участие свыше 18 тыс. человек [30].

Выступления рабочих Северного Кавказа во второй половине 1907 г. благодаря усилению влияния большевиков на движение носили большей частью характер революционной борьбы и явились по существу продолжением бурной эпохи первой русской революции.

В первой половине 1908 г. рабочее движение в крае пошло на убыль, но число выступлений было еще значительным. В январе — июне 1908 г. здесь состоялось более 20 забастовок. Это столько же, сколько в 1909—1910 гг. Более 61% стачек, характер которых известен, являлись политическими. Наиболее организованно прошли выступления металлистов Армавира и Грозного, бондарей и железнодорожников Дагестана, горняков Северной Осетии.

Начиная со второй половины 1908 г. движение рабочих края пошло резко на спад. За период с июля 1908 г. по лето 1910 г. (начало нового революционного подъема) здесь состоялось 29 забастовок [31]. Это говорит о том, что в крае забастовочная борьба, несмотря на ее разрозненный, экономический и оборонительный характер, не прекращалась даже в самые мрачные годы реакции. Школа борьбы первой рус-

ской революции оставила глубокий след в сознании рабочих, который не могли вытравить никакие репрессии царизма.

И в годы реакции рабочий класс, как и в годы революции 1905—1907 гг., выступал гегемоном, своей самоотверженной борьбой показывал пример демократическим слоям населения, вовлекая их, в первую очередь крестьянство, в революционное движение.

Известие о разгоне II Думы, на которую трудовые слои деревни возлагали известные надежды, было встречено крестьянами края с нескрываемым недовольством. Особо массовый характер они приняли в Ставропольской губернии. В ряде случаев волнения крестьян выливались здесь в вооруженные выступления (селение Круглолесское). В экономии Карпушина забастовка батраков, начавшаяся 20 июля 1907 г., была подавлена военной силой. Продление закона о чрезвычайной охране до 9 августа 1908 г., а затем и далее свидетельствовало о том, что царизм столкнулся вновь в Ставропольской губернии с упорной борьбой крестьян.

В Ставропольской губернии в связи с проведением столыпинской аграрной реформы усиливается процесс дифференциации крестьян, что вело к углублению второй социальной войны в деревне. Реформа означала лишь возможность продать кулакам крестьянские наделы. Поэтому масса крестьян губернии отнеслась к ее проведению враждебно. Крестьяне поджигали кулацкие дома, в с. Московское кулакам не разрешали даже брать воду из речки для полива огородов. Крестьянские сходы выносили приговоры, запрещающие собственникам земли пользоваться общественными выпасами. Многие села «наотрез отказались изменить существующий общинный тип хозяйства» [32].

Вторая социальная война со второй половины 1907 г. достигла значительной остроты и массового характера и в Кубанской области. В хуторах Романовском и Литвинова, в станице Отрадная, в экономиях Мазаевых, Стояловых и Макеевых летом 1907 г. в митингах крестьян и батраков приняло участие 13—15 тыс. человек. Власти доносили, что среди них агитацию вели «неизвестные лица». Батраки и крестьяне, по примеру городского пролетариата, требовали повышения зарплаты, улучшения условий труда и др.

На Кубани были также случаи проявления недовольства среди беднейшего казачества, которое требовало нарезки дополнительных наделов за счет войскового запаса. На этой почве выступали казаки станиц Горячеводской, Отрадной и др. Были и совместные выступления казаков и «иногородних» крестьян, главным образом в станицах, мало обеспеченных землей. Совместные выступления крестьян, «иногородних» и казаков происходили весной 1908 г. в селах Ивановском, Богословском и станицах Отрадной, Попутной и Бесскорбной [33]. В 1909 г. в станице Николаевской Лабинского отдела выступление казаков было подавлено войсками [34]. В Черноморской губернии аграрное движение выразилось в форме вооруженных нападений крестьян на помещичьи усадьбы.

В годы реакции аграрные «беспорядки» не прекращались и в Нагорной части Северного Кавказа. Большого размаха они достигли в тех округах Дагестана, где сохранились крепостнические, зависимые отношения крестьян от беков и царских властей, носили характер первой социальной войны.

Значительного размаха аграрное движение достигло и на Тереке. Осетинские помещики писали, что «чуть ли не каждую пядь земли приходилось им отстаивать от насильственного захвата» [35]. В 1909 г. на почве малоземелья наблюдались выступления крестьян Осетии.

В 1907—1910 гг. недовольство горцев Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Дагестана аграрной политикой царизма нашло выражение в подаче многочисленных жалоб в землеустроительные комиссии на свое тяжелое положение, на захват общинных земель сельской верхушкой. Как и следовало ожидать, комиссии не оправдали надежды горцев. В телеграмме пяти горских обществ Нальчикского округа царским властям говорилось, что «такое небрежное выполнение работ комиссией в столь важном деле, как решение судьбы бедных горских народов, подействовало на горцев крайне потрясающе» [36]. Более 2,9 тыс. семей в Осетии, недовольные решением комиссии, подписали протест, с которым выступил в печати от их имени общественный деятель А. Гассиев.

В Кабарде и Балкарии борьба крестьян была направлена главным образом против захвата князьями, таубиями и кулаками общинных и пастбищных земель. Сельские сходы требовали возвращения пастбищ, передаваемых властями коннозаводчикам. В ауле Тебердинском крестьяне в 1908 г. самовольно заняли захваченные знатью земли общины. Выступление было подавлено силой, а главарь восставших С. Байчоров арестован и выслан из края [37]. В том же году крестьяне с. Атажукино-3 отобрали более 500 дес. земли у крупного коннозаводчика М. Тамбиева [38]. В 1909 г. таким же образом поступили крестьяне с. Урусбиево со скотоводом У. Этезовым. Весной 1910 г. чегемские крестьяне, арендовавшие у князя Т. Наурузова 1846 дес. земли [39], самовольно заняли ее. Волнения были подавлены с помощью войск, 42 участника их брошены в тюрьмы [40].

Аграрное движение в Чечне приняло форму вооруженной борьбы. Для поимки известного вожака крестьян Зелимхана власти создали специальные отряды. Но попытки обезоружить крестьян приводили к неоднократным столкновениям между правительственными войсками и горцами. Только в 1909 г. такие столкновения произошли в осетинском селении Гизель, в ингушском Джейрахе и чеченском Гудермесе [41]. В ингушском ауле Базоркино произошло кровавое столкновение между богатыми и бедными [42]. К первой социальной войне, носившей аграрно-национальный характер, присоединялась вторая социальная война, вызванная социальным размежеванием среди горцев.

Крестьянские выступления отмечены и в ряде других горских обществ Северного Кавказа. 26 декабря 1910 г. в ауле Хатукай в Адыгее произошло вооруженное восстание крестьян против местных богачей и царских властей, которое квалифицировалось в официальной прессе как проявление классовой борьбы.

Доведенные до отчаяния, крестьяне вооружились железными вилами, кольями, вступили в бой с богачами, в результате чего много дворян и кулаков было избито. Восстание было подавлено с помощью казаков, вызванных из Усть-Лабинской и других близлежащих станиц. По решению суда 7 наиболее активных вожаков были сосланы в Сибирь [43].

В целом горское крестьянство боролось как против «своих» эксплуататоров, так и «чужих» угнетателей. Аграрное движение сочеталось с национально-освободительным. В движении преобладала первая социальная война.

Движение рабочих и крестьян Северного Кавказа, как и во всей стране, в этот тяжелый период реакции свидетельствовало о том, что опыт классовых битв начала XX в., школа борьбы в годы буржуазно-демократической революции (1905—1907 гг.) оставили глубокий след в

сознании трудящихся масс, который не могли вытравить никакие репрессии царизма. Большевики готовили массы к новым революционным битвам.

Новый революционный подъем, о неизбежности которого неустанно говорил В. И. Ленин, наметился летом 1910 г.[44] В авангарде его, вовлекая за собой демократические слои страны, шел пролетариат во главе с партией большевиков. Вновь массовые стачки, как и в 1905 г., превратились в важнейшее средство революционного пробуждения различных слоев населения.

Вслед за промышленными центрами революционное движение начиналось на окраинах, в том числе и на Северном Кавказе. Но происходило это со значительным отставанием. «Полоса *полного* господства черносотенной реакции,— говорил В. И. Ленин,— кончилась. Начинается полоса нового подъема»[45].

Новый революционный подъем оказал огромное влияние на ускорение процесса восстановления партийных групп Северного Кавказа, на оживление деятельности тех организаций, которые уцелели в годы реакции. Важную роль в этом сыграл, как и по всей стране, блок большевиков с теми меньшевиками, которые высказывались за сохранение нелегальной РСДРП. Наиболее полно этот блок был осуществлен в Грозном, Екатеринодаре, Новороссийске, Владикавказе и Петровске. На Тереке и в Дагестане борьбу за восстановление и организационное укрепление партийных групп возглавили С. М. Киров и И. А. Малыгин.

В Грозном и Петровске партийные группы, правда малочисленные, были сохранены. В 1910 г. С. М. Кирову удалось восстановить партийную группу во Владикавказе. Минераловодскую группу РСДРП возглавил большевик И. П. Побегайлов. В 1910—1911 гг. нелегальные партийные группы активизировали свою деятельность в Екатеринодаре, Армавире, Новороссийске, Майкопе, Тихорецке, Геленджике, Анапе, Ейске. Активную партийную и революционную работу на Кубани и Черноморье вели в эти годы большевики: А. Г. Газенбуш, П. Н. Гудима, В. Т. Гавриш, И. Ф. Павлюков, Т. А. Сухинин, А. М. Эбоноидзе, В. А. Попов, Е. П. Попов, В. И. Засов, В. И. Ефименко, Г. А. Целлер, А. Л. Маженьянц, А. П. Кравченко, Е. Л. Васенко, Т. И. Шатов, Д. Д. Беседин, И. Н. Третьяков и др.; на Тереке и в Дагестане — С. М. Киров, И. В. Малыгин, В. П. Передков, С. Мамсуров, В. В. Будагов, И. Я. Турыгин, И. Н. Никитин, Е. А. Полякова, Ф. И. Серобабов, Н. А. Анисимов, И. П. Побегайлов и др.

Связи партийных групп между собой и с крупными партийными и рабочими центрами страны, а также с заграницей, прерванные или сильно ослабленные в годы реакции, в 1910—1911 гг. вновь восстанавливаются, и как следствие этого усиливается поступление в край революционной литературы.

Организационно и идейно нелегальные партийные группы укрепились в борьбе с ликвидаторами, отзовистами и троцкистами. Работы В. И. Ленина и решения руководящих органов РСДРП, доставленные сюда в 1910—1911 гг., мобилизовали местные партийные кадры на борьбу с антипартийными элементами, сплачивая их вокруг нелегальных партийных организаций, вооружая их правильной революционной тактикой.

По мере своего укрепления, расширения связей с промышленными предприятиями партийные организации возглавляли выступления рабочих. Очень ярко это обнаружилось в 1910 г. во время забастовок рабочих Петровска и Армавира[46].

В середине июля 1910 г. Петровская группа РСДРП, по инициативе И. В. Малыгина, провела экономическую забастовку бондарей Порт-Петровска. Для руководства ею был создан стачечный комитет, который от имени рабочих вел переговоры с хозяевами. Под организованным напором рабочих хозяева вынуждены были удовлетворить ряд требований. Менее организованно прошли выступления грузчиков в Порт-Петровске в сентябре — октябре 1910 г.

Во второй половине 1910 г. заметно активизировалось стачечное движение в Армавире. 15 июня 1910 г. в знак протеста против несвоевременной выплаты зарплаты прекратили работы рабочие завода Шумилкина. В декабре 1910 г. на экономической почве успешно бастовали 80 рабочих «Акционерного общества бочарного производства Армавира» [47]. Но это еще были единичные выступления.

В 1911 г. заметного расширения в движении рабочих Северного Кавказа не наблюдалось. Число забастовок даже несколько сократилось по сравнению с 1910 г. — с 11 до 8. Но в борьбу включились новые рабочие коллективы. К ним относились рабочие типографии газеты «Черноморское побережье» в Новороссийске, требовавшие увольнения старшего наборщика. Явно политический характер носили забастовки новороссийских матросов пароходов «Бештау» и «Трувор», которые выступили в августе 1911 г. в знак солидарности со своими товарищами в Одессе [48].

Отдельные выступления состоялись в 1911 г. и на Грозненских промыслах. Наиболее организованно прошла забастовка части рабочих общества «Ахвердов и К°» в апреле 1911 г. В октябре 1911 г. забастовали рабочие, занятые на строительстве моста через реку Подкумок. Выступление было подавлено полицией.

Из выступлений рабочих 1911 г. следует выделить организованную борьбу металлистов Армавира, бастовавших дважды — в августе и октябре. Руководили ими члены армавирской большевистской группы А. П. Кравченко, В. И. Засов и др. Забастовка в октябре 1911 г. носила явно политический характер, ибо рабочие отстаивали завоевание 1905 г. — больничный фонд, созданный на заводе Мисожникова в упорной борьбе и вопреки существующим законам. Полиция обрушилась репрессиями на местную большевистскую группу. Самые активные деятели ее, которые руководили забастовками, были высланы.

Организационное укрепление позволило местным большевистским группам расширить сеть легальных организаций и проводить через них политическую работу среди рабочих. В этом отношении в 1910—1911 гг. выделились «Кубанское общество народных университетов» в Екатеринодаре, общество «Защита труда» в Новороссийске, «Просветительское общество» в Армавире. Передовые рабочие активно участвовали в их работе. По данным властей в январе 1911 г., «число членов Кубанского общества народных университетов из рабочих все увеличивалось».

Мероприятия легальных организаций представляли удобный предлог для проведения партийных собраний и встреч с передовыми рабочими. «Лекции в просветительском обществе,— сообщалось в 1911 г. из Армавира,— являются отличным предлогом для встреч и безнаказанных собраний партийных работников, которые вполне конспиративно, во время лекций, могут решать необходимые им вопросы, требующие совместных обсуждений» [49]. Как видно, власти не заблуждались относительно характера деятельности массовых рабочих организаций. Каждое мероприятие, организуемое просветительскими обществами, являлось глубоко партийным делом и решало определенную классовую задачу.

Образцом использования легальных возможностей для революционных целей являлась публицистическая деятельность С. М. Кирова (Кострикова) в либеральной газете «Терек». Рисуя различные стороны местной жизни, он вел читателя к пониманию непригодности господствующего строя и необходимости его замены. Это было нелегким делом: приходилось преодолевать цензурные преграды и бдительность полиции.

1912 год ознаменовался важнейшими событиями в партийной жизни. В январе в Праге состоялась VI Всероссийская конференция РСДРП. которая, изгнав из партии ликвидаторов, положила начало новому этапу в истории российской революционной социал-демократии.

Подготовка к Пражской партийной конференции, а затем и ее решения оказали определяющее влияние на организационное укрепление партийных групп на Северном Кавказе, на усиление их деятельности. Большевики края были информированы о созыве ее и о задачах, которые ставились перед ней. После конференции в ряде городов края оживилась работа партийных групп, ослабленных в результате репрессий в 1911 г.

В 1912 г. наиболее активно проявляли себя Екатеринодарская, Армавирская и Грозненская организации РСДРП, которые возглавляли большевики. В активизации их деятельности большую роль сыграли дальнейший подъем революционного движения в стране после Ленского расстрела, выход газеты «Правда», кампании по страхованию рабочих и выборам в IV Государственную думу.

В редакцию «Правды» вошел и депутат от рабочих Северного Кавказа в III Думе И. П. Покровский, который немало сделал для активизации деятельности кубанских партийных организаций.

Почти все отряды пролетариата страны в той или иной мере принимали активное участие в создании ежедневной рабочей газеты. Передовые рабочие Северного Кавказа также были в числе первых групп, создававших «Правду». В. И. Ленин, говоря о внушительном числе их, указывал, что «перед нами несомненно рассеянные во всей России, но объединенные сознательным сочувствием к рабочей демократии представители пролетарских масс» [50]. Первые групповые сборы денег на «Правду» были получены из 50 городов страны, в том числе из Грозного, Екатеринодара и Армавира. В этом большая заслуга большевиков края. (Ликвидаторы не получили за первое полугодие 1912 г. ни одного сбора из Северного Кавказа.)

О возросшем влиянии партийных организаций Северного Кавказа на трудящихся края свидетельствовали и выборы в IV Государственную думу. Несмотря на труднейшие условия борьбы, в Новороссийске, Екатеринодаре, Анапе, Темрюке и других городах на первичных выборах победу одержали представители социал-демократических организаций. На заключительном этапе от социал-демократов баллотировался И. П. Покровский, получивший на последнем туре 31 голос. За кадета было подано 30 голосов, за правого делегата — 32. Предательски нарушив соглашение, заключенное с социал-демократами, кадеты вступили в сделку с черносотенцами и с помощью их голосов провели своего кандидата в Думу. Вскрывая реакционную сущность буржуазных партий и разоблачая сговор кадетов с черносотенцами, В. И. Ленин писал: «Кадеты на деле оказались *еще хуже*, чем мы их рисовали. Кадеты оказались прямыми союзниками черных против с.-д. Предкальна, против с.-д. Покровского» [51].

Выборы были использованы большевиками Северного Кавказа для расширения своего влияния на рабочих, для укрепления нелегальных партийных организаций.

В борьбе рабочих края отчетливо наметилось оживление после бурных революционных событий в стране в апреле—мае 1912 г. С 8 (в 1911 г.) количество забастовок возросло до 22 в 1912 г., в первой половине 1913 г. на Северном Кавказе состоялось уже 35 забастовок.

Расширилась география борьбы рабочих, изменился и ее характер. В апреле—мае 1912 г. передовые рабочие Екатеринодара, Армавира, Грозного, Новороссийска, Владикавказа, Майкопа и других городов Северного Кавказа с возмущением и гневом откликнулись на расстрел ленских рабочих. Впервые после 1908 г. почти повсеместно состоялись маевки. По поводу Ленского расстрела в газете «Терек» была помещена статья С. М. Кирова, за что против него было возбуждено судебное дело. В Грозненском нефтепромышленном районе в знак протеста против Ленского расстрела в апреле 1912 г. была объявлена забастовка на промыслах общества «Шпис».

По количеству забастовок впереди шла Кубанская область, вслед за ней — Терская и Черноморская губернии. В борьбу в 1912—1913 гг. включились новые рабочие коллективы — это нефтяники Терека, цементники, железнодорожники и строители Новороссийска, трамвайщики, рабочие ряда типографий Екатеринодара, извозчики и рабочие поташного завода Армавира, строители туапсинского порта, Армавиро-Туапсинской и Кубано-Черноморской железных дорог, грузчики Ейска, цементники Геленджика, бондари Порт-Петровска, рудокопы Северной Осетии, табачники Владикавказа и др.

Начиная с весны 1912 г. произошел переход рабочих края от оборонительной борьбы к наступательной. Возросла солидарность и сознательность рабочих. Наряду с участием в групповых сборах на «Правду» от рабочих края отправлялись деньги в адрес рабочих Ленских приисков, Петербурга, социал-демократических депутатов Думы. Все это указывало на тесную связь передовых рабочих Северного Кавказа и их борьбы с общероссийским революционным движением. Качественно новые черты борьбы рабочих Северного Кавказа на этой ступени выразились в возросшем упорстве и настойчивости бастующих, усилении политических выступлений, повышении роли крупных предприятий в забастовках.

Но в целом движение рабочих края поднималось со значительным отставанием по сравнению с крупными пролетарскими центрами России. Здесь еще не было массовых политических стачек, характерных для борьбы рабочих крупных пролетарских центров. Слабо втягивались в борьбу такие многочисленные отряды краевых рабочих, как горняки, цементники, железнодорожники, пищевики и др. Около 41% всех забастовок, прошедших в крае в 1912 г., приходилось на полиграфистов и строительных рабочих. Налицо была слабость чисто пролетарской основы движения.

Начиная с августа 1913 г. на Северном Кавказе борьба рабочих пошла на подъем. В августе—ноябре 1913 г. здесь состоялось 52 забастовки[52]. Такого в крае не было со времени революции 1905—1907 гг. В августе 1913 г.— июле 1914 г. на Северном Кавказе состоялось 120 забастовок. Это было качественно новой ступенью в рабочем движении края за весь период нового революционного подъема.

Особое место среди забастовок занимали массовые выступления грозненского пролетариата в августе 1913 г. и феврале—марте 1914 г. и екатеринодарских рабочих в мае—июле 1914 г., оказавшие огромное влияние на пробуждение рабочих Северного Кавказа.

Наибольшее количество забастовок приходилось на Кубанскую область (Екатеринодар, Армавир). Всего за 1913—1914 гг. там состоялось 63 забастовки, на Тереке, шедшем вслед за Кубанью,— 50, в Дагес-

тане — 25, в Черноморской губернии — 18 и в Ставропольской губернии — 3.

Значительно возросла политическая активность рабочих. В период наибольшего подъема (август 1913 — июль 1914 г.) политические стачки составили уже 40%, смешанные — 27,5% от всех стачек этого периода. Для сравнения укажем, что из всех забастовок, состоявшихся на Северном Кавказе в 1910 — июле 1913 г., лишь 14,4% являлись политическими, а смешанных вообще не было. Стачки на этапе подъема характеризовались неразрывной связью экономической и политической борьбы, разнообразием форм ее проявления.

Круг требований рабочих расширился. Наиболее организованно прошли выступления металлистов, горняков и печатников. В 1913 г. по количеству забастовок (24,1% к общему числу за год) впереди шли горняки. В 1914 г. соотношение изменилось: на первое место выдвинулись металлисты, на которых падало уже 30,5% забастовок. Расширилась чисто пролетарская основа борьбы. По количеству политических забастовок и числу их участников металлисты опережали все остальные категории рабочих: в 1914 г. на них приходилось 45,8% всех политических стачек и 36,2% от общего известного числа политических стачечников.

В зависимости от уровня промышленного развития и размещения пролетариата различные районы Северного Кавказа были неодинаково вовлечены в борьбу. По той же причине и напряженность движения была неодинаковой. Среди фабрично-заводских рабочих выделялись пролетарии Кубани, среди горняков — нефтяники Чечено-Ингушетии. Центрами наиболее напряженной борьбы являлись Грозный, Екатеринодар, Армавир, Новороссийск и Порт-Петровск, что отражало размещение наиболее многочисленных и организованных пролетарских кадров в крае.

Но и в этих городах по остроте, массовости, упорству, разнообразию форм, напряженности и энергии борьбы, по характеру движение рабочих отставало от борьбы пролетариата в крупных промышленных центрах. Это обусловливалось уровнем промышленного развития, характером формирования, количественным и качественным составом местного отряда российского пролетариата.

Усиление революционного настроения в городах способствовало активизации работы партийных организаций по воспитанию трудящихся и руководству их борьбой. За весь период нового революционного подъема время наиболее активной и оживленной деятельности партийных организаций Северного Кавказа падало на август 1913 — июль 1914 г., т. е. оно совпадало с подъемом стачечной борьбы в крае. Это не случайно.

Партийным организациям удалось восстановить и расширить свои связи с центральными органами партии, прежде всего с ЦК партии, с газетой «Правда». ЦК был связан с краевыми большевистскими группами через С. Я. Дальнюю-Дерман, которая поддерживала письменную связь с Н. К. Крупской [53] и С. А. Заема.

Местные партийные организации установили тесные контакты и с фракцией большевиков в IV Думе. В свою очередь, и фракция придавала этим контактам большое значение, о чем свидетельствуют приезд депутата А. Е. Бадаева в Новороссийск в мае 1914 г. и его встречи с представителями почти всех крупных местных предприятий. Приезд его способствовал идейному и организационному укреплению Новороссийской организации, в работе которой принимал в то время активное участие В. И. Невский. Новороссийские большевики окончательно порвали с меньшевиками и образовали отдельную организацию, в которой особенно

выделялись в 1913—1914 гг. Т. И. Шатов, И. Ф. Россинский, Е. Л. Васенко, В. П. Передков, К. С. Шехтер, А. Е. Худанин.

Екатеринодарские большевики поддерживали связь с Петербургским комитетом большевиков. В конце 1913 г. его представитель побывал в Екатеринодаре, что сыграло важную роль в дальнейшем идейном и организационном сплочении местной партийной организации, в которой видную роль играли Г. Седин, П. Вишнякова, А. Лиманский, Я. Олейников, Я. Полуян, М. Дроздов, Я. Вишняков, М. Марочкин, З. Зенкевич, П. Полторацкий, А. Мелещенко, М. Корякин, П. Гудима, Е. Драницын, И. Павлюков, Д. Бендукидзе и др. Вновь, как и в 1905—1907 гг., Екатеринодар сделался центром сосредоточения партийных сил Кубани.

В 1912—1914 гг. большевистские группы возродились на станции Тихорецкая, в Анапе, Майкопе, Ставрополе, Порт-Петровске, Пятигорске, Минеральных Водах. На Тереке по-прежнему работу партийных организаций возглавлял С. М. Киров.

Значительно усилилась в 1913—1914 гг. и деятельность большевиков по расширению сети легальных рабочих организаций и по использованию их в революционных целях. В этом отношении особое значение приобрели страховые общества, больничные кассы, воскресные школы, просветительские общества и др. Впервые после реакции в Екатеринодаре, Новороссийске, Грозном, Армавире, Ставрополе возродились профсоюзы. Партийные организации края, как и в 1905—1907 гг., приступили к изданию собственной революционной литературы в виде листовок. На крупных предприятиях были созданы революционные кружки, через которые они руководили забастовочным движением.

«Правда» завоевала на Северном Кавказе огромный авторитет в пролетарской среде. На начало июля 1914 г. только в Кубанской области «Правду» получали 245 подписчиков в 17 населенных пунктах [54]. К голосу «Правды» прислушивались тысячи передовых рабочих Северного Кавказа. Своеобразным экзаменом идейной зрелости рабочих края была политическая кампания, проведенная партией в поддержку газеты. Партийные организации и передовые рабочие достойно его выдержали. За 1912—1914 гг. с различных мест Северного Кавказа на «Правду» были получены 67 групповых и 9 единоличных взносов на общую сумму в 440 р. 46 к. Для сравнения укажем, что ликвидаторы собрали здесь лишь 33 групповых и 6 единоличных взносов на сумму 237 р. 53 к. Судя по этим данным, две трети рабочих Северного Кавказа шли за «Правдой».

Более чем в 13 городах и населенных пунктах Северного Кавказа сложилось свыше 37 правдистских групп. В таком промышленном районе, каким являлся Грозненский, ликвидаторы потерпели среди рабочих полное поражение. Здесь они не собрали ни одного взноса, а «Правда» получила оттуда 16 сборов.

«Правда» была среди рабочих края самой распространенной газетой. Партийные организации и передовые рабочие Северного Кавказа участвовали в создании «Правды», поддерживали ее материально регулярными взносами, подпиской, распространением, корреспонденцией, открытыми выступлениями против попыток правительства задушить ее.

Подъем рабочего движения в крае в 1913—1914 гг., расширение партийной работы, проникновение правдистских идей в различные по уровню политической подготовки слои рабочих находились в прямой связи с процессом политического пробуждения и классовой активизацией местных рабочих. По количеству стачек последние полтора года нового революционного подъема (июль 1913—1914 г.) превзошли уровень 1906 — июнь 1907 г.— период отступления первой русской революции, т. е. соот-

ветственно в крае состоялись в эти годы 159 и 150 забастовок [55]. Огромная заслуга в организации рабочего движения принадлежала большевикам.

Накануне первой мировой войны значительно возросла авангардная роль рабочих в общенародном движении. Она определялась не только широким диапазоном стачечной борьбы, ростом ее политической направленности, но и вовлечением в борьбу непролетарских слоев населения, прежде всего ростом аграрного и национально-освободительного движения, на которое решающее влияние оказывала борьба рабочих.

На Северном Кавказе национальное движение в зависимости от степени дифференциации классов и развитости их борьбы и других факторов принимало разнообразные формы и представляло собой пеструю картину. Из общего потока его в рассматриваемый период можно выделить следующие главные течения.

Буржуазно-монархическое течение, главной опорой которого были бывшие князья, офицеры, вышедшие из феодального сословия, беки, даже часть духовенства. В сохранении самодержавия они видели гарантию своего благополучия и добивались расширения своего участия в угнетении трудящихся масс. В свою очередь, и царизм видел в них свою социальную опору. С царизмом и с его опорой горские крестьяне находились в непримиримом антагонизме.

Панисламское и пантюркистское течение включало в себя значительную часть феодалов и мусульманского духовенства, буржуазно-националистические круги светской и исламской интеллигенции. На Тереке его возглавил А. Цаликов, в Дагестане И. Гайдаров и др. «Турецкая ориентация — писал М. Дахадаев впоследствии,— сильна в кругах, которым не выгодна русская революция (духовенство, беки)» [56]. Пантюркисты, как и панисламисты, проповедовали классовой мир, разжигали национальную вражду, стремились подчинить трудящихся горцев одной из мусульманских стран.

Прямую противоположность указанным реакционным течениям представляло движение угнетенных трудящихся против «своих» и «чужих» угнетателей, за социальное и национальное освобождение.

В рассматриваемый период под воздействием класса-гегемона — российского пролетариата — на Северном Кавказе произошел подъем национально-освободительного и аграрного движения. Формы проявления его были различными — от массовой подачи жалоб и массового отказа нести повинности, нередко зависимым крестьянством целых округов (например, в Дагестане), до массовой вооруженной борьбы.

В Дагестане борьба райятского населения против своих беков и царской администрации, вооруженной рукой поддерживающей феодалов, приняла массовый характер. В 1910—1913 гг. она охватывала 5 из 9 округов, 90 населенных пунктов, насчитывающих 13 тыс. «дымов» зависимого населения. «Правда», подчеркивая упорный и организованный характер движения райят Дагестана, писала: «Раб заговорил голосом свободного человека. Крестьяне категорически отказались (за малым исключением) работать на беков. Начались аграрные беспорядки, вмешалась администрация, но раб-дагестанец не поддавался» [57]. Это и было главной причиной ликвидации зависимых отношений в Дагестане в 1913 г. Борьба райят за свое освобождение была одним из ярких эпизодов первой социальной войны на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема.

Высшей формой проявления ее в крае явились вооруженные выступления кабардино-балкарской бедноты в 1913 г. против захвата кабардинскими коннозаводчиками Зольских сельских пастбищ.

Тогда же для руководства трудовыми массами революционно настроенные крестьянские вожаки (Калмыков, Кашежев, Мальбахов, Хусейнов и др.) создали революционно-демократическую организацию «Карахалк» («Бедпота») [58]. На ее деятельность, как и на выступления кабардино-балкарских крестьян [59], большое влияние оказали терские большевики во главе с С. М. Кировым. Руководители Зольского восстания Бетал Калмыков, Али Жамбеков, Пшемахо Ирижев, Мирзабек Абазов и другие вели нелегальную работу среди трудового народа Кабарды, поднимали его против кабардинской знати и кулаков.

29 мая 1913 г. началось Зольское восстание кабардинских и балкарских крестьян Урусбиевского общества, в котором участвовало 12 тыс. человек [60]. Восставшие захватили Зольские и Нагорные пастбища и изгнали оттуда княжеских и помещичье-кулацких охранников. Лишь с помощью крупных войсковых соединений царской администрации 4 июня удалось подавить восстание. Более 60 его активных участников и руководителей было брошено в тюрьмы и сослано в Сибирь.

Вслед за Зольским 22 июля 1913 г. началось Черекское восстание балкарских крестьян. Оно было вызвано захватом общественного Карасуйского леса таубиями Жанхотовыми. Их усадьбу разгромили крестьяне Балкарского общества. 30 июля восстание было подавлено. Свыше 60 участников было привлечено к уголовной ответственности, а руководители — М. Цораев, Х. Макаев, М. Ораков — брошены в тюрьму [61].

Зольское и Черекское восстания способствовали росту классового самосознания кабардинских и балкарских крестьян.

Широкий отклик в Кубанской области и за ее пределами вызвало восстание адыгейских крестьян аула Хаукуриновский (ныне Шовгеновский) весной 1913 г., вызванное усилением социального и колониального гнета. С помощью воинских частей царские власти расправлялись с восставшими, хотя последние и оказали вооруженное сопротивление. По решению Новочеркасской судебной палаты около 20 вожаков восстания были отправлены в тюрьму и на каторгу [62].

В Чечено-Ингушетии в годы нового революционного подъема выступления крестьян также носили антиколониальный и классовый характер. Как правило, они заканчивались кровавыми столкновениями между горцами-крестьянами и карательными отрядами царизма. Власти, по понятной причине, называли выступления в Чечне «разбоем». Лишь «Правда» последовательно вскрывала их подлинную причину — колониальный гнет царизма.

В годы нового революционного подъема в ряде районов края развертывалась и такая форма борьбы, как движение против усиления русификаторской политики царизма. Самым ярким выступлением подобного рода явилось движение горцев Дагестана, известное под названием «антиписарского», направленного против попыток реформировать сельское делопроизводство, подчинить его администрации.

Горцы встретили реформу делопроизводства враждебно. В январе—марте 1914 г. во многих округах Дагестана прошла волна выступлений. 13 марта 1914 г. толпа восставших (до 6 тыс. человек) подошла к Темир-Хан-Шуре, где была остановлена войсками во главе с губернатором. К вечеру горцы были оттеснены, а к утру 14 марта — рассеяны. Но и власти, встретив упорное сопротивление горцев, вынуждены были отказаться от принудительного проведения реформы.

Одной из задач этой реформы было введение русского письмоводства в сельских обществах. Несмотря на цели царизма, оно могло бы иметь

некоторое положительное значение. Но делалось это военно-полицейскими методами, за счет трудящихся, которые находились на грани нищеты. «Антиписарское» движение в Дагестане протекало под влиянием дагестанских революционеров У. Буйнакского, М. Дахадаева, М.-М. Хизроева, С. Габиева и др.

Борьба городского пролетариата оказывала воздействие на трудовое казачество и «иногороднее» крестьянство, которые выражали свой социальный протест в различных формах. На Кубани в 1910 г. для усмирения крестьян с. Киевского Темрюкского отдела власти вызвали команду казаков. Против повышения арендной платы на землю выступили крестьяне в имении «Сукко». Недовольство проявляло и беднейшее казачество, выступившее в 1910 и 1912 гг. во время лагерных сборов против издевательств вахмистров и урядников [63].

В годы нового революционного подъема батрацко-крестьянское движение приняло наиболее острый характер в Ставропольской губернии, где степень расслоения в деревне была значительно выше, чем в других районах Северного Кавказа. Ставропольская губерния являлась одной из крупных арен крестьянской борьбы в России. Если в округах с горским крестьянством в аграрном движении преобладала, в силу слабости классового расслоения в ауле, первая форма социальной войны (борьба против «своих» и «чужих» феодалов), то в Ставропольской губернии ведущее место в нем принадлежало второй социальной войне, т. е. была направлена против столыпинской аграрной реформы и сельской буржуазии, грабившей крестьян и батраков. Борьба крестьян особенно усилилась здесь в связи с введением с января 1913 г. земства. Антиземские выступления охватывали десятки тысяч крестьян губернии.

Размах и характер национально-освободительного и аграрного движения на Северном Кавказе в 1913—1914 гг., его подъем были обусловлены подъемом рабочего революционного движения в стране и в крае. Если начертить кривые, изображающие рабочее, аграрное и национально-освободительное движение в крае, то обнаружится самая тесная связь между ними. В. И. Ленин, подчеркивая общенародный характер борьбы российского пролетариата, писал в феврале 1913 г.: «Выступление пролетариата, как гегемона (руководителя) вопреки антидемократическим настроениям либералов,— вот, что самое важное и исторически-своеобразное в наших стачках» [64]. Обострение рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения на Северном Кавказе в 1913—1914 гг. было не чем иным, как одним из признаков революционного кризиса в общенациональном масштабе. Но борьба в крае не дошла до вооруженных восстаний и массовых демонстраций, как это было в 1905 г. Недостаточно активно проявляли себя крестьянство и солдатские массы. Да и отдельные слои пролетариата, например железнодорожники, в силу глубоких изменений в их составе не смогли подняться до всеобщей забастовки и уличных демонстраций.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 400.

[2] ГАРО. Ф. 2℮. Оп. 5. Д. 2523. Л. 155—156.

[3] ЦГИА ГССР. Ф. 264. Оп. 3. Д. 155. Л. 23—24.

[4] *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее двпжение на Северном Кавказе в годы реакции (1907—1910). Махачкала, 1973. С. 16.

[5] ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 21. Д. 34. Л. 13—44; Оп. 28. Д. 22. Л. 69—80; Ф. 114. Оп. 1. Д. 525. Л. 38—70. Подсчет наш.— *Авт.*

[6] Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2954. Л. 50 об.

[7] Северная Осетия в революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1955. С. 278—281.

[8] ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 698. Л. 12.

[9] *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее движение на Северном Кавказе в годы реакции (1907—1910).

[10] *Гриценко Н. П.* Горский аул и ка-

зачья станица Терека накануне Октябрьской революции. Грозный, 1972.
11 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 264.
12 Ставропольский край в истории СССР. Ставрополь, 1975. С. 69.
13 *Ерохин Н. Т.* Расслоение крестьянства и классовая борьба в ставропольской деревне в период между двумя буржуазно-демократическими революциями // К вопросу политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа. Ставрополь, 1969. С. 55.
14 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 358.
15 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 315.
16 *Невская В. П.* Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма. Черкесск. 1972. С. 149.
17 *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее движение в годы нового революционного подъема и первой мировой войны (1910 – февраль 1917). Махачкала, 1970. С. 35.
18 ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 23. Д. 1987. Л. 5.
19 *Гриценко Н. П.* Указ. соч. С. 235.
20 История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 303.
21 *Щеголев А. И.* Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. Нальчик, 1962.
22 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 396.
23 ЦГИА ГССР. Ф. 114. Оп. 4. Д. 1381. Л. 1.
24 Там же. Л. 2—2 об.
25 Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 96.
26 *Шигабудинов М. Ш.* Статистика стачек на Северном Кавказе (июнь 1907 – январь 1917 г.) // Вопросы истории Дагестана. 1975. Вып. 3. С. 62.
27 ЦГИА ГССР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 3534. Л. 176.
28 *Скибицкий В. А.* Героические годы. Краснодар, 1956. С. 116—117; ЦГАОР СССР. Ф. 102. 4-е делопроизводство. 1907 г. Д. 86. Ч. 2. Л. 14, 62.
29 *Шигабудинов М. Ш.* Статистика стачек... С. 62—63.
30 Там же. С. 138.
31 Там же. С. 62.
32 ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 306. Д. 251. Л. 121.
33 *Мужев И. Ф.* Казачество Дона, Кубани и Терека в революции 1905—1907 гг. Орджоникидзе, 1963. С. 71.
34 Очерки истории Краснодарской организации КПСС. 2-е изд. Краснодар, 1976. С. 70.
35 История Северо-Осетинской АССР. С. 306.
36 ЦГВИА. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 165. Л. 136.
37 ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 403. Л. 1—2.
38 История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. Т. 1. С. 389.
39 ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9; Д. 818. Л. 37.
40 История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 390.
41 *Колосов Л. Н.* Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907—1917 гг.). Грозный, 1968. С. 126—127.
42 Там же. С. 131.
43 газ. Кубанский край. 1910. 31 дек.
44 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 74.
45 Там же.
46 *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее движение на Северном Кавказе в годы реакции (1907—1910); *Он же.* Статистика стачек... С. 51—82.
47 *Седина А. М.* Страницы из истории рабочего движения на Кубани. Краснодар, 1961. С. 22.
48 Там же. С. 25.
49 ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 873. Л. 162.
50 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 432—433.
51 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 336.
52 *Шигабудинов М. Ш.* Статистика стачек... С. 51—82.
53 Адресная книга ЦК РСДРП (1912—1914 гг.) // Ист. архив. 1959. № 1. С. 19.
54 газ. Трудовая правда. 1914. 1 июля. № 29.
55 *Шигабудинов М. Ш.* Статистика стачек... С. 62; *Он же.* Рабочие в авангарде революционного движения на Северном Кавказе в 1905—1907 гг. // Революция 1905—1907 гг. в Дагестане. Махачкала, 1976. С. 58.
56 газ. Борьба. 1918. 30 марта. № 42.
57 газ. Правда. 1913. 10 февр. № 6.
58 Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик, 1971. С. 8.
59 *Кокиев Г. А.* Аграрное движение в Кабарде в 1913 г. Нальчик, 1946. С. 11—12; *Цораев М. М.* Восстание кабардинских и балкарских крестьян в 1913 г. Нальчик, 1963. С. 35; *Карданов Ч. Э.* Аграрное движение в Кабарде и Балкарии (конец XIX – начало XX в.). Нальчик, 1963. С. 138; *Гугов Р. Х., Улигов У. А.* Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967. С. 109—113.
60 История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 392.
61 *Карданов Ч. Э.* Указ. соч. С. 157—158; *Цораев М. М.* Указ. соч. С. 55.
62 газ. Кубанский край. 1913. 13 июня.
63 Очерки истории Краснодарской организации КПСС. С. 80.
64 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 354.

Глава XIV

КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX В.

1. Культура городов Северного Кавказа

История городов Северного Кавказа второй половины XIX—начала XX в. еще ждет своего написания. Роль ряда городов как крепостей уже с 60-х годов отошла на задний план, зато на первое место выдвинулось их значение как административных центров, важных очагов хозяйственной, политической и культурной жизни. Росли их население, торговля, ремесло, умножались промышленные заведения. Возрастала притягательная сила курортов кавказских минеральных вод, все более становившихся излюбленным местом отдыха и лечения богатой российской знати, состоятельных чиновников и военных. Состав населения городов оставался многонациональным, но доля русских в нем возрастала. Увеличивалась численность интеллигенции (учителей, врачей и т. д.), расширялась просветительская деятельность, стали возникать научные общества. Жизнь городов шла под знаком охвативших Россию процессов капиталистического развития страны, все более распространявшихся и на ее окраины.

Города Северного Кавказа оказывали разностороннее влияние на культурное развитие народов региона, вносили в него новые черты, отражающие те общие сдвиги, которые происходили в русской культуре. В культурной жизни городов отразилась общая для страны тенденция к подъему демократической культуры в 60—70-х годах XIX в. и в годы первой российской революции 1905—1907 гг. В это время обозначились новые важные успехи демократической культуры России. В ней стали проявляться пролетарские тенденции, дошедшие и до окраин страны.

Продолжалось взаимное обогащение культур: русской, которая впитывала в себя богатства национальных традиций, и культуры горских народов, которая испытывала влияние передовой русской демократической культуры. Русская демократическая и пролетарская литература помогала становлению местных литератур, русский театр помог зарождению национальных театров, русские школы были источниками знаний. Знакомство горских народов Северного Кавказа с русской, а через нее и с мировой культурой шло главным образом через города Северного Кавказа, ставшие не только экономическими, но и культурными центрами края.

Подъем культуры вел к объединению сил интеллигенции, к созданию различных ученых обществ, которые создавались и на Кавказе. В пореформенный период впервые возникли медицинские общества и как разно-

видность их — первое в России Бальнеологическое общество, созданное в Пятигорске, общества историков и этнографов, которые публиковали в своих изданиях статьи и материалы, открывающие самобытные черты культуры, быта и истории народов Северного Кавказа.

Развитие промышленности, рост рабочего класса, расслоение в среде крестьянства, обострение классовой борьбы как в городе, так и в деревне, втягивание народов Северного Кавказа в борьбу русского пролетариата против царизма создавали благоприятные условия для дальнейшего развития общественно-политической мысли.

В начале XX в. на Северный Кавказ проникла марксистская литература, и благодаря усилиям русских революционеров-большевиков С. М. Кирова, И. В. Малыгина, А. Шевченко и других были созданы социал-демократические и первые большевистские организации. Все это составило новый этап в развитии общественно-политической мысли народов Северного Кавказа, который характеризовался усилением влияния революционной России и социал-демократической идеологии.

Рост городов и их внешний облик. Эволюция городов на Северном Кавказе была различной. Те из них, которые располагались вблизи железных дорог или морских путей, быстро превращались в торговые центры. Другие, около которых были обнаружены естественные богатства,— становились очагами добывающей промышленности.

Старые центры — Георгиевск, Моздок и другие — хирели, оказавшись в стороне от торговых путей. Некоторое время их судьбу разделял и Ставрополь. После того как Ростово-Владикавказская железная дорога прошла, минуя город, его роль в торговле стала падать. Только после долгих хлопот удалось добиться проведения ветки от станции Кавказской до Ставрополя, что благотворно сказалось на экономическом развитии города, и он снова стал важнейшим экономическим и культурным центром Северного Кавказа.

Знаменитые курорты Кавказских Минеральных Вод испытывали неудобства из-за удаленности от железной дороги. Проведение такой дороги в конце XIX в. оживило строительство и благоустройство Пятигорска и Кисловодска, Ессентуков и Железноводска, привело к быстрому увеличению числа жителей и приезжих, пользовавшихся водолечением.

Заметно менялся облик городов. Окраины их в значительной степени сохраняли еще слободский облик с грязными немощеными улицами, без фонарей, с маленькими подслеповатыми домиками, огородами и садами.

Центральные части городов благоустраивались, приобретая черты современного города. Улицы мостились булыжником, на многих из них устанавливалось освещение — керосиновые, а в конце XIX в.— даже электрические фонари. Электрическое освещение появилось в Пятигорске, Ставрополе, Кисловодске, Екатеринодаре.

Центральные улицы застраивались красивыми каменными домами, одно- и двухэтажными. Украшением многих городов служили здания гимназий, театров, торговых рядов, административных учреждений, церквей и соборов. Возникали и гостиницы, которым часто давали претенциозные названия («Европа», «Гранд-Отель», «Лондон», «Бристоль» и т. п.).

Особенно заметно благоустраивались города-курорты. В Пятигорске были построены Новосабанеевские ванны и Лермонтовская галерея с эстрадой, Ермоловские ванны, гостиницы. В Кисловодске расширено здание Нарзанной галереи, созданной, как и Академическая галерея, архитектором Уптоном, построен курзал, Главные ванны, которые возводились под руководством и по проекту архитектора А. Н. Клепинина, а в Же-

лезноводске — Муравьевские ванны, источники Владимирский (в честь профессора Владимирова) и Славяновский (в честь инженера Н. Н. Славянова, оборудовавшего оба эти источника). Появились и грязелечебницы: в Железноводске, построенная архитектором Сюзором, в Пятигорске — Перетятковичем, и грязелечебница в Ессентуках, созданная архитектором Шреттером, поражающая и сейчас удачным подражанием древнегреческим образцам.

В украшении курортных зданий и парков большое участие принимали местные и приезжие скульпторы. Эмблемой городов Кавказских Минеральных Вод стал орел — скульптура Л. Г. Шодкого. Им же создан памятник крестьянину, открывшему минеральные воды в Ессентуках (скульптура и сейчас стоит в курортном парке).

Связь между городами Северного Кавказа, с Москвой и Тифлисом осуществлялась по телеграфу. Ставрополь был связан телеграфной линией с Тифлисом и Москвой. В конце XIX в. возникла телефонная сеть внутри городов, но число абонентов было очень невелико.

В городах с быстрорастущей промышленностью центр был заселен преимущественно русским населением, а окраины — горцами. На окраины не доходило ни электричество, ни трамвай.

В нефтедобывающем центре Грозном контрасты были еще более резкими: богатые особняки в центре и жалкие лачуги и бараки в районе нефтепромыслов. Город был лишен освещения, мостовых, богатые особняки часто красовались среди грязи немощеных улиц. Екатеринодар (ныне Краснодар) — центр Кубанской области — благоустраивался также медленно, долгое время оставаясь похожим на большую станицу. Только после проведения железной дороги, оживившей экономическую жизнь, началось благоустройство города. То же самое случилось после строительства железной дороги в Новороссийске и Туапсе. Благоустраивался и центр Терской области Владикавказ, где были разбиты бульвары и сады, вдоль улиц с четкой планировкой выстроились дома с колоннами и балконами.

Культурными центрами Дагестана были города Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск, Дербент. Внешний вид этих городов был во многом похож на другие кавказские города с нарядными особняками в центре и скромными домишками окраин.

Города Северного Кавказа стали очагами образования и просвещения. Несмотря на значительную по тому времени удаленность от столичных центров, они были тесно связаны с передовой русской культурой, их посещали самые крупные писатели и художники, композиторы и актеры. Здесь бывали Л. Н. Толстой и И. Е. Репин, А. Н. Островский и П. И. Чайковский, А. М. Горький и Ф. И. Шаляпин, С. В. Рахманинов и Марко Вовчок (М. А. Виленская-Маркович), драматург В. С. Мова и автор популярной песни «Варяг» В. Беневский и многие другие выдающиеся деятели передовой прогрессивной культуры России. Их пребывание на Северном Кавказе не могло не сказаться на культурном развитии и общественной мысли населения городов и горцев, здесь проживавших или посещавших их.

Развитие школьного образования. Города Северного Кавказа стали центрами школьного образования. Число учебных заведений было невелико, а учиться во многих из них, особенно в гимназиях и кадетских корпусах, могли главным образом дети зажиточных родителей.

Гимназии были во Владикавказе и Екатеринодаре, в Грозном и Баталпашинске, во Владикавказе. Кроме того, во Владикавказе было музы-

кальное училище, в Майкопе — реальное и техническое училище, в станице Лабинской — учительская семинария. В Грозном в 1914 г. были реальное училище, женская гимназия, ремесленная школа, горская школа, женское 4-классное училище и Пушкинское 6-классное, в Темир-Хан-Шуре — реальное училище и женская гимназия, в Порт-Петровске — городское училище, в Дербенте — городское училище и женская гимназия. Кроме того, для детей горцев имущих сословий были открыты специальные вакансии в гимназиях и реальных училищах других городов Кавказа. Во многих из этих учебных заведений учились дети горцев.

Демократические традиции Ставропольской мужской гимназии оказали большое влияние на идейное воспитание учащихся. Из ее стен вышел отважный борец за свободу, первый переводчик «Капитала», большой друг К. Маркса Герман Александрович Лопатин, который в Италии сражался в рядах отряда Дж. Гарибальди, а в России попытался освободить из ссылки Н. Г. Чернышевского, неоднократно подвергался арестам, много лет провел в Шлиссельбургской крепости.

В Ставропольской гимназии учился революционер-народник А. Ф. Михайлов, который в гимназические годы читал запрещенную литературу и нелегальные издания. Эту гимназию окончил М. Ф. Фроленко, позже член Исполнительного комитета «Народной воли». Он писал о родной гимназии: «В гимназии у нас был уже кружок революционно настроенных гимназистов, и вообще бродил вольный дух, проявлявшийся и в том, что тихонько ходили в театр, когда там читался „Парадный подъезд“ Некрасова, шел „Иван Грозный“ или „Горе от ума“» [1]. Кружок гимназистов издавал свой рукописный журнал «Люцифер». Гимназисты собирались на конспиративной квартире, где встречались с политическими ссыльными.

В начале XX в. борьба учащейся молодежи становится более активной. Члены кружка выпускали прокламации. В 1901—1903 гг. подпольная организация ставропольских гимназистов выпускала нелегальную газету «Эволюция гимназической мысли» со статьями политического характера. Ленинская «Искра» сообщала в № 32 за 1903 г., что в седьмом классе гимназии г. Ставрополя после ухода учащихся в классной комнате был обнаружен номер «Искры», который во время уроков ходил по рукам.

В период первой русской революции 1905—1907 гг. молодежь Ставрополя, Дербента, Нальчика, Владикавказа и других городов Северного Кавказа принимала участие во многих городских событиях: в вечерах, сходках, в подготовке маевки, печатании прокламаций. Учащиеся, разделявшие взгляды большевиков, проводили агитационную работу среди рабочих и солдат, участвовали в походе по селам для агитации среди крестьянства. Учащаяся молодежь Северного Кавказа вместе с рабочими принимала участие в политических демонстрациях и стачках.

Ставропольская гимназия готовила национальную интеллигенцию не только для ближайших горских народов, но и для всего Северного Кавказа. В ней учились карачаевцы и черкесы, абазины и ногайцы, кабардинцы и осетины, чеченцы и ингуши, дети народов Дагестана. Учеником этой гимназии был Уллубий Буйнакский, примкнувший в Ставрополе к революционной деятельности и за это исключенный из гимназии. Окончил эту гимназию и поступил в Петербургский университет Саид Халилов, сыгравший позже большую роль в революционном движении в Карачае. Многие выпускники Ставропольской гимназии продолжали затем свое образование в высших учебных заведениях Москвы, Петербурга и других городов.

С 1906 по 1911 г. в Дагестане и на всех предприятиях, где существовали революционные подпольные кружки, изучалась политическая литература, разъяснялись большевистские идеи и лозунги.

В 1917 г. в Северной Осетии под руководством Д. Гибизова, Н. Кесаева и других была создана революционно-демократическая организация крестьян «Кермен», члены которой распространяли в крае революционные идеи.

Вполне понятно, что эти организации не были одинаковыми по своим задачам и идеям, по своей зрелости, и зачастую не были свободны от либеральных иллюзий. Но они решительно выступали за ликвидацию помещичьего землевладения, за уничтожение эксплуатации и за равноправие всех людей. Члены этих организаций вели борьбу против политики клерикальной и буржуазно-националистической контрреволюции, защищали интересы народных масс.

Неустанную борьбу против реакционной буржуазной идеологии вела передовая демократическая интеллигенция Северной Осетии (К. Хетагуров, Г. Цаголов, Х. Уруймагов, А. Гассиев, Ц. Гадиев). Они ратовали за сближение с передовой культурой русского народа.

Печать. Значительную роль в развитии культуры и общественно-политической мысли играла местная печать. В газете «Северный Кавказ», выходившей в Ставрополе, печатали свои произведения Г. Н. Прозрителев, более 10 лет сотрудничал К. Л. Хетагуров (корреспондент, затем секретарь редакции и соиздатель газеты). В этой газете находили работу политические ссыльные, печатались комментарии к работам Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Кроме газет, местные типографии печатали «Сборники статистических сведений о Ставропольской губернии», издаваемые губернским Статистическим комитетом, «Памятные книжки», семь томов «Сборника о Северном Кавказе», труды И. В. Бентковского и других авторов.

В Екатеринодаре выпускалась первая на Кубани газета «Кубанские областные ведомости». В газете сотрудничали учителя и экономисты, этнографы и историки. Статьи председателя Статистического комитета Е. Д. Фелицина, историка А. Н. Дьячкова-Тарасова помогали изучению истории Северного Кавказа, быта его народов. Этому же содействовали труды Общества любителей изучения Кубанской области и Кубанского статистического комитета.

Во Владикавказе издавались «Терские областные ведомости», газета «Терек», печатавшие интересный материал о народах Центрального и Восточного Кавказа, частная газета «Владикавказский листок объявлений». В газете «Терек» с 1909 г. стал сотрудничать С. М. Киров, оказавший большое влияние на демократизацию ее содержания. В течение 1905—1907 гг. во Владикавказе издавались газеты «Вперед», «Искра» (орган Терско-Дагестанского комитета РСДРП) и другие, но все они были со временем запрещены цензурой. В годы первой русской революции в Северной Осетии стали выходить газеты на родном языке «Ирон газет» («Осетинская газета») (она просуществовала всего неполных 2 месяца 1906 года). В 1909 г. в феврале и июле выходила газета «Хабар» («Известия»).

Во Владикавказе издавались и общественно-политические и литературно-художественные журналы: «Зонд» («Знание») в 1907 г., «Афсир» («Колос») — 1910 г., «Чырыстон уард» («Христианская жизнь»), «Терский сборник» и «Терский календарь». Большую роль в деле издания литературы на осетинском языке сыграло издательское общество «Ир»,

возникшее в 1906 г. Этим обществом был издан ряд сборников осетинских писателей и другие книги.

Издательское дело развивалось и в городах Дагестана, особенно в Темир-Хан-Шуре. В местных типографиях печатались обзоры Дагестанской области, произведения местных авторов по истории и этнографии области. В период подъема революционного движения начала выходить газета «Дагестан» (либерально-буржуазного направления), которая в 1907 г. под давлением черносотенной реакции была закрыта. С 1909 г. в Темир-Хан-Шуре стали выходить «Дагестанские областные ведомости» — официальный орган областной администрации, а с 1913 г.— еженедельная газета «Дагестан» (на арабском языке), не отличавшаяся по своему содержанию от «Ведомостей».

В Дербенте некоторое время выходила газета «Дагестанский вестник», но и она скоро закрылась, несмотря на ее консервативную направленность. Прогрессивный характер носили газета «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета», издававшиеся С. И. Габиевым в Петербурге, материал для которых поступал из Дагестана. В них рассказывалось о жизни народов, о злоупотреблениях местной администрации. Власти не раз конфисковали тираж, штрафовали издателей и в конце концов запретили издание газеты «Заря Дагестана». В городах Северного Кавказа распространялись газеты, издававшиеся в центре страны и в Закавказье, и особенно газета «Правда» и другие большевистские издания.

В начале XX в. в Дагестане действовало пять типографий, правда приспособленных к печатанию небольших работ. Более крупная типография появилась в Темир-Хан-Шуре в 1902 г., в которой стали печататься книги. В 1911 г. эта типография выпустила 256 названий книг на арабском, аварском, даргинском, кумыкском, лакском языках. В Темирханшуринской типографии М. Мавраева печатались книги и для кабардинцев и балкарцев. Две типографии имелись в г. Владикавказе. В начале XX в. небольшие типографии были открыты в Баталпашинске и в Нальчике, а в 1917 г. и в Баксане.

Культурно-просветительские учреждения. Центрами просветительства, распространения передовых идей были библиотеки городов Северного Кавказа. Их фонды знакомили молодежь и всех читателей с положением народных масс, с жизнью других народов и стран, с работами великих мыслителей, с замечательными произведениями демократической русской литературы.

Богатыми фондами отличались библиотеки Ставрополя и Владикавказа, Пятигорска и Екатеринодара, Майкопа и Темир-Хан-Шуры. Только в школьной библиотеке Темирханшуринского реального училища насчитывалось 11 тыс. томов. В Порт-Петровске была открыта в 1900 г. Публичная библиотека им. А. С. Пушкина. Всего же в Дагестане было 16 библиотек[2]. Майкопской городской библиотеке было присвоено имя Л. Н. Толстого, что было приурочено к 80-летию великого писателя. Майкопская городская дума выделила средства для обеспечении библиотеки и ее филиалов (в учебных заведениях) произведениями Л. Н. Толстого.

В Ставрополе, кроме общественной библиотеки, возникло еще несколько библиотек. В 1896 г. была открыта первая народная библиотека, где бесплатно выдавали книги всем желающим. Вскоре после этого «Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе» открыло библиотеку им. В. Г. Белинского. В начале XX в. в городе было уже 5 народных библиотек.

В 80-х годах XIX в. цензура строго следила за тем, чтобы в библиотеках не содержалось «крамольной» литературы и изымала такие книги. Изъятию подлежали произведения К. Маркса, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и многих других передовых деятелей. Изымались передовые журналы «Современник», «Отечественные записки»[3]. Торговлей книгами в Ставрополе занимались 4 магазина и 2 книжные лавки.

Хранителями прошлого, сокровищницами образцов природных богатств и творчества народов были музеи. В них были собраны коллекции минералов и чучела животных, кустарные изделия народных умельцев и предметы быта, боевые знамена и орудия земледельческого труда, образцы одежды, посуды, домашней утвари, народного ремесла.

Основателем Ставропольского музея был нотариус Г. К. Праве, который увлекся собиранием естественноисторических коллекций еще в период его жизни в Петербурге. Приехав в Ставрополь, он вел большую работу по сбору растений и образцов насекомых, а также предметов, имеющих историческую ценность. Собирал он и книги по различным отраслям знаний. Все свои коллекции и библиотеку он подарил городу для основания музея. Первое время музей располагался в здании женской гимназии, затем его перевели в верхний этаж торговых рядов. Музей пополнялся новыми экспонатами и вскоре стал одним из крупнейших музеев Северного Кавказа.

В Екатеринодарском музее были собраны интересные коллекции по истории казачества, а также по природе этого богатого края. В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре первый музей был открыт в результате самоотверженного труда врача И. С. Костемеревского, пожертвовавшего на музей все свои сбережения. В том же году был открыт и Кустарный музей, где экспонировались до 300 образцов изделий кустарной промышленности Дагестана[4].

Для более успешного лечения больных, развития медицинской науки и совершенствования квалификации врачей еще в XIX в. на Минеральных Водах было создано Русское бальнеологическое общество. Это было первое в России подобное учреждение, поставленное на научную основу, проводившее санитарно-просветительную работу. При Обществе была открыта большая по тем временам библиотека — более 50 тыс. томов специальной литературы, новинок медицинской науки.

Демократические тенденции русской медицины проявлялись в том, что, кроме платных лечебных заведений, открывались специальные больницы и ванны для неимущих, нуждавшихся в лечении. В Пятигорске в 1871 г. была открыта бесплатная лечебница для бедных (и за лечение и за содержание платы не брали). В 1901 г. в Пятигорске была организована «колония» Красного Креста, в которую принимали на санитарное лечение неимущих за очень умеренную плату. Но мест в этих лечебных заведениях было мало, поэтому они никак не могли удовлетворить всех желающих.

За санитарно-гигиеническим состоянием Владикавказа следило созданное еще в конце XIX в. Медицинское общество. Оно прилагало большие усилия для повышения квалификации врачей, издавало свои труды. Под его наблюдением был проложен водопровод, центральные улицы замощены и освещены газовыми и керосиновыми фонарями.

Театр. Первым русским театром на Кавказе был Ставропольский. Труппа не ограничивала своей деятельности городом Ставрополем, а выезжала с гастролями в другие города Северного Кавказа и Закавказья,

в том числе и в Тифлис. Бывала опа во Владикавказе и произвела такое впечатление, что жители этого города стали хлопотать об открытии своего театра и просили антрепренера ставропольской труппы помочь подобрать труппу и для будущего Владикавказского театра.

В Ставропольском театре, старейшем на Северном Кавказе, в конце XIX — начале XX в. сложились славные традиции постановки не только водевилей, как во многих провинциальных театрах того времени, но и классической драматургии. В репертуаре были трагедии У. Шекспира, Ф. Шиллера, пьесы А. Н. Островского и А. П. Чехова. Были поставлены «Власть тьмы» Л. Н. Толстого и «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Ревизор» Н. В. Гоголя.

Крупным событием в культурной жизни Северного Кавказа было открытие театра во Владикавказе. Первым спектаклем был «Маскарад» М. Ю. Лермонтова. Большим успехом пользовались пьесы «Гроза», «Бешеные деньги» А. Н. Островского, «Разбойники» Ф. Шиллера, «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского.

Театр отличался хорошей труппой. В нем играли актеры императорских театров, например актер Александринского театра Н. А. Журин. Одной из первых женщин в России, ставшей режиссером, была актриса К. О. Лукашевич, с большим успехом выступавшая до этого в Одессе. Много сделал для расцвета Владикавказского театра актер и антрепренер В. И. Никулин. Он создал сильную труппу, которая ставила не только драмы, но и оперы. Были поставлены «Пиковая дама» и «Наталка-Полтавка».

Театр вел просветительскую работу среди простых людей города. Для них ставились спектакли по сниженным ценам и даже бесплатно. Специальные спектакли по доступным ценам давались для учащейся молодежи. Шли пьесы Н. В. Гоголя и Мольера, Л. Н. Толстого. Шли водевили, но и в них актеры стремились вложить более глубокий смысл, рассказать о бедах и огорчениях простого человека.

Демократические традиции театра стали особенно заметны в XX в. Это отражало общие процессы развития передовых идей в пролетарский период освободительного движения. В искусстве четко идет размежевание классовых интересов. Рождается новая пролетарская литература, новый театр. Огромное влияние на все сценическое искусство оказывают идеи К. С. Станиславского.

Провинциальные театры переживают также период ломки и становления. Многие из них стремились ставить те же пьесы, что и Московский художественный театр. Только что поставили пьесы А. М. Горького в Художественном театре в Москве, как через несколько месяцев они уже идут на сценах Ставрополя и Владикавказа. Вскоре также прошла на этих сценах поставленная перед этим в Художественном театре пьеса А. Толстого «Царь Федор Иоаннович». На пьесу «Мещане», поставленную в Ставропольском театре, газета «Северный Кавказ» откликнулась такими словами: «Сегодня в нашем театре идут давно жданные „Мещане“ А. М. Горького».

Владикавказский театр поставил инсценировку «Фомы Гордеева», «Дачники», «Дети солнца», «Варвары». На страницах местной печати развернулись бурные дискуссии по поводу пьес Горького, отражавших общую борьбу течений внутри городской интеллигенции. В то время как одни приветствовали появление на сцене пьес «буревестника революции», другие возмущались этим, стремились опорочить пролетарского писателя.

Содержание пьес стало настолько актуальным, что зрители предпочи-

тали часто художественно несовершенные произведения, но несущие критический заряд, развлекательным пьесам.

Подъем всей общественной и культурной жизни стал особенно заметным накануне и в годы первой русской революции 1905—1907 гг. Возникают всевозможные кружки и добровольные общества, целью которых было внесение культуры в народные массы.

Большим успехом пользовались пьесы А. П. Чехова, которые будили мысль, заставляли думать о будущем страны и народа. Ставропольский театр ставил в эти годы пьесы «Дядя Ваня» и «Вишневый сад».

В период революции идейная борьба обострилась. Передовая часть интеллигенции городов включалась в активную политическую борьбу. Переводная пьеса «Право на жизнь», поставленная во Владикавказском театре в годы революции, была посвящена теме рабочего класса, что было новым явлением на сцене тех лет.

И даже в годы реакции, когда часть интеллигенции отошла от идей революции, разочаровалась в ней, когда появились упадочнические настроения, на сценах кавказских театров наряду с пошлыми сценками из жизни бездельников продолжали появляться пьесы А. М. Горького и А. Н. Островского, У. Шекспира и Ф. Шиллера. Ставились и инсценировки романов Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского («Анна Каренина», «Идиот»).

Огромное влияние оказывал театр, особенно Владикавказский, на развитие культуры и общественной мысли горских народов, на формирование национальной интеллигенции и воспитание у нее художественных вкусов. Многие представители горской интеллигенции были горячими поклонниками театра. К. Л. Хетагуров работал во Владикавказском театре художником-декоратором, оформляя спектакли высокохудожественными декорациями. Человек разносторонних талантов, он играл в любительских спектаклях, оформлял сцену и писал пьесы на злободневные темы. Его пьеса «Дуня» рассказывала о тяжелом положении женщины.

Актером и режиссером театра стал осетин А. А. Туганов, унаследовавший лучшие традиции владикавказской сцены. С успехом выступал он и в столичных театрах и в других городах, стал опытным режиссером. С рецензиями на спектакли русского театра выступали многие выдающиеся деятели осетинской интеллигенции, например экономист Г. Цагалов. Зрителями же были не только образованные представители осетинского народа, но и самые простые крестьяне, которые, приезжая во Владикавказ, стремились посетить и театр.

Постоянным посетителем театра в предреволюционные годы был С. М. Киров, журналист газеты «Терек». В своих театральных рецензиях он критиковал пошлые пьесы и давал подробный разбор игры актеров в серьезных спектаклях, таких, как «Гамлет», «На дне» и других.

Передовые интеллигенты Осетии не только с увлечением смотрели спектакли профессионального театра, но и создали свою любительскую труппу. Среди любителей были и такие передовые деятели как Надежда Калоева, сосланная позже за революционную деятельность на каторгу в Сибирь. На сцене Владикавказского театра ставились не только русские, но и первые национальные пьесы. В 1912 г. была поставлена пьеса Д. Кусова (ставшего позже профессиональным драматургом) «Дети гор».

Среди осетин-гимназистов в г. Владикавказе были созданы драматические, музыкальные и хореографические кружки. Одним из драматических самодеятельных коллективов была осуществлена постановка водевиля «Пристав с ума сошел», написанного молодой осетинкой Розой Кочисовой. В 1908 г. во Владикавказе была поставлена пьеса Е. Бритаева «Хаз-

би» — о национально-освободительной борьбе осетинского народа в 30-х годах XIX в. Творчество Бритаева являлось вкладом в развитие осетинской литературы.

Любительские труппы возникали и в Грозном. Грозненский театр постановкой пьес А. П. Чехова и Л. Н. Толстого пробудил интерес к сцене у широкой группы любителей. Самым ценным было то, что любительские труппы появились не только в среде интеллигенции, но и среди рабочих нефтяных промыслов. Любительскими спектаклями в Грозном, Владикавказе, Кизляре руководил такой выдающийся русский актер и режиссер, как Е. Б. Вахтангов. Он поставил в Грозном пьесу Г. Гауптмана «Праздник мира, или Вольные люди» о распаде буржуазной семьи, и А. П. Чехова «Дядя Ваня».

Став режиссером городского театра, Вахтангов установил льготные билеты для рабочих и учащихся. Интерес к театру в Чечне и Ингушетии породил и своих драматургов. Назарбек Шерипов написал на родном языке и поставил пьесу «На вечеринке», которая заслужила одобрительный отзыв местной печати. Позже им были написаны еще несколько пьес. В период первой русской революции 1905—1907 гг. Шерипов выступил со сцены с чтением «Песни о буревестнике» и «Песни о соколе» А. М. Горького.

В 1912 г. в Грозном на сцене местного парка был поставлен спектакль «На вечеринке» на чеченском языке, в котором участвовал и ведущий, дающий пояснение на русском языке всему происходящему на сцене. Автором и режиссером этого спектакля был Назарбек Шерипов. Наряду с автором в пьесе выступали три местных любителя-артиста, чеченцы и целый ряд танцоров и танцовщиц. По сообщению печати пьеса была написана с большим знанием сцены, и к ней проявили большой интерес и русские и чеченские зрители.

Екатеринодарская адыгейская труппа по мотивам народных сказаний в 1914 г. поставила героическую драму «Набег Канчука на Азов»[5]. Грим и парики, костюмы, свет и музыка все было подчинено идейному замыслу спектакля. Чувствовалась крепкая рука режиссуры, стремившейся и в малом и большом к конкретизации образов, психологической глубине и художественному обобщению, хотя и с ясно выраженным стремлением идеализировать историческое прошлое.

Приблизительно в то же самое время в Нальчике в стенах реального училища был создан кабардинский любительский театр во главе с Тасултаном Шеретлоковым. Им были написаны и поставлены «Кушук и его невеста», «Джабаги Казаноко» и другие небольшие пьесы, в которые он обильно вводил элементы народной хореографии и мимодрамы.

На развитие сценического и музыкального искусства городов Северного Кавказа большое влияние оказывали гастроли многих замечательных артистов и музыкантов, театральных коллективов, приезжавших из Москвы и Петербурга и других городов.

На сценах кавказских городов пели Ф. И. Шаляпин и Л. В. Собинов, поражали своей игрой драматические актрисы М. Г. Савина и В. Ф. Комиссаржевская, Г. Н. Федотова, играли В. И. Качалов, С. В. Рахманинов и др.

Художественные кружки. В городах Северного Кавказа возникали художественные кружки, организовывались выставки. Екатеринодарский художественный кружок избрал своим почетным членом Л. Н. Толстого, вел переписку с И. Е. Репиным. В ответ на избрание почетным членом Л. Н. Толстой прислал телеграмму: «Прошу принять благодарность за

внимание ко мне. Граф Толстой»[6]. И. Е. Репин приветствовал создание в Екатеринодаре картинной галереи, переписывался с ее основателем Ф. А. Коваленко, подарившим городу свою коллекцию картин и тем положившим начало Художественному музею.

И. Е. Репин прислал в подарок музею свою книгу «Воспоминания и письма И. Е. Репина». Художник поддерживал стремление Ф. А. Коваленко создать в Екатеринодаре художественное училище, советовал, какие произведения искусства нужно приобрести для училища. В письме от 11 февраля 1911 г. И. Е. Репин писал: «Очень радуюсь художественным успехам Екатеринодара. И очень сочувствую его начинаниям».

В Кисловодске прожил последние годы своей жизни знаменитый художник-передвижник, автор картин «Всюду жизнь», «Кочегар» и многих других Н. А. Ярошенко. Братья по кисти называли его «совестью художников». На Петербургской выставке 1883 г. было выставлено 18 кавказских этюдов Ярошенко, которые В. В. Стасов назвал прекрасными.

Н. А. Ярошенко оказывал большую помощь молодым художникам из местных народов Кавказа. Любимым учеником его был К. Л. Хетагуров. В гостях у Ярошенко в Кисловодске бывали многие знаменитые художники России: А. И. Куинджи, А. М. Васнецов и др. Картины К. Л. Хетагурова — поэта, просветителя, борца — были полны любви к родному краю, к его трудолюбивым людям. Особенно известны полотна «Дети-каменотесы», «За водой», замечательные портреты.

Талантливым живописцем был Ислам Крымшамхалов, оставивший прекрасные пейзажи родного Карачая. Много талантов пропадало из-за невозможности учиться. Редким исключением была судьба чеченца, академика живописи П. З. Захарова, которому удалось закончить Петербургскую академию художеств. Его портреты пользовались большим успехом, но жизнь он прожил в нужде и рано умер от туберкулеза[7].

2. Материальная культура. Семья и быт горских народов

Передовая русская культура в описываемое время оказывала возрастающее прогрессивное влияние на культуру горских народов. Тесные экономические и культурные связи с Россией и ее народами способствовали существенным изменениям в быту горцев со второй половины XIX в.

Улучшилась строительная техника, появились дома нового типа, увеличился завоз строительных материалов (лес, железо, жженный кирпич, черепица, краски и т. д.), изменилась одежда, пища, прикладное искусство; в связи с усилением процесса расслоения среди горцев росла дифференциация их быта и материальной культуры.

Поселения. Поселения народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. были представлены четырьмя основными типами: селением (аулом), станицей, отселком и хутором. Число хуторов как хозяйственных единиц в начале XX в. в одних местах (например, в Дагестане) несколько сократилось за счет расширения отселков и появления совершенно новых населенных пунктов на равнине и в предгорье.

В отличие от старых поселений, в новых уделялось больше внимания планировке. Они нередко имели более или менее прямые улицы и переулки. Это касалось в первую очередь тех поселений, через которые проходили почтовые тракты. На этих центральных улицах обычно и формировался своеобразный общественный и архитектурный центр селения.

Поселения горцев по-прежнему делились на верхний и нижний кварталы, которые в рассматриваемое время несколько утратили свой родственный характер расселения. С развитием товарно-денежных отношений в больших населенных пунктах (например, дагестанских и карачаевских) появились особые торговые кварталы, в которых размещались лавки, а нередко и дома их хозяев, построенные уже на городской лад.

Изменились и усадьбы — при них появились сады, огороды, делянки кукурузы и т. п. Последние заняли доминирующее положение на участке усадьбы, а скотный (хозяйственный) и «чистый двор», на котором находилось жилище, сократились до минимума.

Традиционное расположение жилища в глубине двора, хотя и продолжало преобладать в большинстве районов, но в пригородных и экономически развитых селениях, где жители держали мелочные лавки и амбары для скупки зерна и табака, дома стали возводить непосредственно на «красной» линии со входом в лавку и на усадьбу со стороны улицы.

Наиболее распространенным типом жилища оставался «длинный дом», состоящий из нескольких жилых помещений. Широкое распространение получили и квадратные дома, крытые черепицей или железом. В Дагестане основным типом жилища был двухэтажный дом с плоской крышей, с лоджией или верандой с традиционным использованием первого этажа под хозяйственные нужды. Встречались и трехэтажные дома. Двухэтажные жилища с плоской крышей имели зажиточные чеченцы. В домах появились застекленные окна и печи.

Своеобразный вариант «длинного» дома представлял собой трехкамерное жилище, состоявшее из двух жилых помещений, разделенных сенями-коридорами. Одна из комнат в доме служила общесемейным помещением, другая предназначалась для взрослого женатого сына или использовалась в качестве кунацкой. В сенях находился открытый очаг, к которому позднее стали пристраивать печь с плитой. Такой же очаг имелся и в общесемейной комнате. Кроме этого, во дворе, как и всюду на юге, напротив или сбоку от жилища устраивали летнюю кухню с хлебной печью и плитой.

К началу второго десятилетия XX в. преобразования в жилище местного населения приняли столь широкий размах, что постройки старого типа встречались на равнине, в частности у кубанских и черноморских адыгов, лишь «как пережиток» — в самых бедных усадьбах. «Дом, выстроенный и обставленный по-городскому, служил теперь предметом гордости князя или дворянина» [8].

Новые конструктивные приемы появились в жилищах горцев Дагестана. Дерево все более исчезало с фасада жилого дома, что вело к постепенному отмиранию искусства его художественной обработки.

Техника обработки камня, напротив, получила дальнейшее развитие. Значительное распространение получили дома с навесными деревянными балконами, увеличивалась высота этажа жилой части дома. Под влиянием укрепления хозяйственных и культурных связей с городом все большее распространение, хотя преимущественно у богатых, получили многокомнатные жилища с застекленными балконами и верандами, иногда с деревянными полами и потолками, филенчатыми дверями, железными печами, подвалами и полуподвалами. Народная архитектура конца XIX — начала XX в определенной степени начала утрачивать традиционные черты, отличавшиеся этническим своеобразием.

Изменились внутреннее убранство жилищ и домашняя утварь. В домах зажиточных слоев населения появились городская мебель, ковры, привозная фаянсовая посуда, самовар, большие зеркала, сундуки фабрич-

но-заводского изготовления. И тем не менее народное жилище и его внутреннее убранство, как в горах и предгорьях, так и на равнине, сохранили свою традиционную форму планировки и использования.

Богатство дома было заметно и во внутреннем их убранстве. Как и ранее, на видном месте, чаще на большой полке или в специальной нише, особым образом складывалась постель членов семьи; одну из стен снизу доверху заполняла медная посуда, дорогая фарфорово-фаянсовая посуда размещалась на высокой полке. Комнаты завешивались коврами и устилались паласами. Лучшие ковры, постельные принадлежности и городская мебель размещались в кунацкой. На стене, на самом почетном месте, висело оружие хозяина.

Жилище, его внутреннее убранство, хозяйственные постройки ярко свидетельствовали о классовой и имущественной дифференциации среди горцев Северного Кавказа. В то время как незначительная часть из них жила в новых благоустроенных домах, выстроенных на новый лад, большинство населения обитало в сырых полуземлянках (например, в Ингушетии, в высокогорных селениях Чечни, Северной Осетии) и древних жилых башнях или в старых полутемных срубах с земляной крышей (Карачай, Балкария), или турлучных домах, крытых соломой (кумыки, притеречные чеченцы, адыги). Они не могли даже мечтать о городской мебели, фарфорово-фаянсовой посуде, самоварах и т. д. У них, как и в предыдущие столетия, вся домашняя утварь была деревянной или глиняной.

Одежда. В конце XIX — начале XX в. заметные изменения произошли в одежде и украшениях горских народов. В результате усиления ввоза фабричных товаров шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани домашнего производства стали постепенно вытесняться тканями промышленного производства (сатином, бязью, ситцем, коленкором и т. д.). Даже традиционную горскую черкеску в отдельных случаях стали шить из фабричного сукна.

Горцы все чаще стали приобретать готовую одежду (шапки, сапоги, азиатские галоши, шляпы, кепки и т. д.), получившую более широкое распространение среди зажиточных слоев населения и интеллигенции. Национальный костюм, и в первую очередь мужской, стал дополняться элементами городского — френчами, шинелью военного образца, кожанками, брюками-галифе, сапогами и т. д. Широкое распространение получили в этот период так называемая кавказская рубаха и азиатские чувяки с отдельными голенищами. Начало входить в быт и пальто. Колоколообразная бурка стала заменяться на более модную бурку с прямоугольными плечами.

Зажиточные слои населения стали шить шапки из привозного среднеазиатского каракуля, которые назывались «бухарскими». Широкое распространение у горцев и русского населения Северного Кавказа получили невысокие и несколько расширяющиеся в верхней части папахи из каракуля или мерлушки, отличавшиеся по форме от прежней.

Определенные изменения претерпела и обувь горцев. По-прежнему они носили чулки, носки, паголенки, чувяки, изготовляемые из сафьяна, войлока, сукна. Зажиточные кумыки, адыги, балкарцы и карачаевцы стали носить войлочные паголенки, обшитые сафьяном по особой форме. Сафьяновые паголенки народов Дагестана богато украшались галуном. Орнамент горской обуви отличался разнообразием своих форм, тонкой техникой исполнения. Многокрасочными были и вязаные изделия дагестанских и других горских мастериц.

Старшее поколение горцев носило сафьяновые и войлочные ноговицы с глубокими галошами, кожаные башмаки, надеваемые на ноговицы из сафьяна.

Разумеется, что одежда зажиточных слоев и основной массы населения была неодинаковой. Но социальные различия в одежде горцев теперь проявлялись уже не в расцветке, как это было ранее, а в качестве материала, в количестве разнообразной одежды, в ношении таких новых видов одежды и обуви, как пальто, сапоги, галоши, каракулевые шапки, даже в наличии нательного белья. Вместе с тем в начале XX в. изящно изготовленные белые бурка и черкеска, пояс, кинжал, сафьяновые сапоги, нарядный бешмет, застежка на воротнике бурки давали возможность безошибочно определить, к какой группе населения относится их владелец.

Изменения в мужской одежде привели к тому, что начали стираться ее этнические и локальные особенности, что, конечно, лишило ее былой целостности и национальной выразительности.

Одежда горянок в рассматриваемое время в основном шилась из покупных фабричных тканей: бархата и шелков, ситцев и сатинов; стала употребляться бумазея, частично сукна. В Карачае и Черкесии, в Кабарде и Балкарии глухие корсеты с конца XIX в. стали заменяться тугим лифом из ткани.

У адыгских женщин, балкарок и карачаевок, кайтагских даргинок, кумычек, лачек и др. старинное золотое шитье начало постепенно вытесняться золотой гладью, покупным позументом, шелковой тесьмой, кружевом, блестками [9]. Платья основной массы крестьянок таких украшений не имели. Исключение в этом отношении составлял костюм женщин нагорного Дагестана, у которых по-прежнему оставались популярными всевозможные серебряные украшения.

С конца XIX в. нарядные платья из тяжелых и плотных материалов стали носить как празднично-свадебную одежду. Под влиянием соседнего русского населения женщины равнин стали носить юбки и кофточки, получившие распространение среди казачек и «иногородних» со второй половины XIX в.

Большое распространение получили так называемые купеческие шали, теплые пуховые платки, клетчатые пледы. Девушки из состоятельных семей стали носить и шелковые газовые шарфики, кружевные косынки, шарфы вологодской работы.

Наряду с украшениями местного изготовления женщины стали охотно носить и изделия городских ювелиров. Под влиянием развития торговли с городом значительно сократилось изготовление на месте самодельных пуговиц с эмалью и чернью, крючков, петель и шнурков, которые также придавали народному костюму определенную специфику. И тем не менее одежда женщин весьма устойчиво сохранила свои самобытные черты.

Пища. Из всех элементов материальной культуры народов Северного Кавказа пища оказалась наиболее устойчивой. Она продолжала оставаться в своей основе традиционной. Однако происшедшие в конце XIX — начале XX в. социально-экономические изменения не могли не сказаться и в пище. При сохранении традиционных блюд в пищевом рационе горцев животноводческих продуктов (мяса, масла, молока и других молочных продуктов) стало меньше, чем раньше.

Под влиянием соседнего русского населения картофель стал занимать заметное место в пище народов Северного Кавказа.

На пищу горцев определенное влияние оказывало отходничество. Например, в Дагестан попадали рецепты кухонь народов Закавказья и Северного Кавказа, которые претерпели определенную трансформацию под влиянием местной кулинарии и вошли в качестве равноправной составной единицы в национальную кухню народов Дагестана.

Некоторые изменения претерпели мучные блюда. Ячменная и пшеничная мука с конца XIX в. частично вытеснилась кукурузной. Из нее готовили чурек, хатламу, мамалыгу, варили бузу. Шире, особенно в семьях зажиточных слоев населения плоскости, стала использоваться пшеничная мука, из которой пекли хлеб, различные пироги, готовили галушки и хинкал. И все же пища из ячменной и пшенной муки, из пшена продолжала занимать первостепенное место в питании горцев.

У народов Северного Кавказа появились и новые блюда, в основном заимствованные из народной кухни русского населения. К ним относятся борщ, сладкие пироги с фруктовой или сахарной начинкой. Больше стали употреблять в пищу ягоды и фрукты.

Получили распространение и бакалейные товары, особенно сахар. Чай вошел в быт горцев в конце XIX в. как своеобразная роскошь.

Как и в предыдущие периоды, молочная пища горцев была разнообразной и продолжала играть главную роль в питании народов Северного Кавказа. В конце XIX в. в пищу стали употреблять и подсолнечное масло.

И все же основной пищей многих тысяч горцев был кукурузный чурек (в Дагестане — ячменный или пшеничный), кусок сыра, чай без сахара и даже молока, кислое молоко, айран.

Изменилась и домашняя кухонная утварь. В то время как в большинстве крестьянских семейств по-прежнему преобладала деревянная пли гончарная посуда, состоятельные горцы стали использовать привозную медную, фарфоровую, фаянсовую и стеклянную посуду. В предыдущие эпохи, как известно, горцы ели, сидя на низеньких трехножных скамеечках за круглыми, тоже треногими столиками. В домах зажиточных слоев населения в начале XX в. еще больше стали пользоваться настоящими высокими столами и высокими же стульями.

Таким образом, в развитии материальной культуры в целом наблюдались две тенденции: с одной стороны, в ней сохранились лучшие национальные традиции прошлого, которые обогащались новыми элементами, появившимися в результате культурного общения с городом и соседними народами, и особенно русским. В процессе такого творческого сочетания традиционного и нового целостный характер народной культуры получал дальнейшее развитие. С другой стороны, в различные части материальной культуры (архитектура, одежда, убранство дома и др.) проникли элементы городского быта, которые вели к стиранию локальных традиций и специфики городского быта, обусловленных сходными условиями производства и потребления.

Прикладное искусство. В прикладном искусстве народов Северного Кавказа происходили также заметные изменения. Причем степень и формы изменений были неодинаковыми в разных видах искусства. Это зависело от того, имел ли этот вид искусства характер домашнего производства или уже сложился как ремесло, изделия которого поступали на рынок или индивидуальным заказчикам. В тех видах искусства, где основными исполнителями были женщины и изделия производились в большей степени для себя, своей семьи и лишь частично шли на продажу (за исключением коврового производства Южного Дагестана и бал-

харского керамического промысла, носивших рыночный характер), изменения были незначительными. Более всего это можно проследить по войлокам карачаевцев, балкарцев, ногайцев, лакцев, адыгов, геометрические вваляные узоры которых оставались традиционными, так же как и черно-бело-серая расцветка, изредка оживляемая оранжевыми и желтыми вкраплениями. В войлоках, изготовляемых способом аппликации, для нашиваемых узоров стали использовать не только войлок, но и фабричное сукно красного, белого, а иногда синего и желтого цвета. Орнамент же оставался традиционным.

В узорных войлоках для окраски в разные цвета стали использовать анилиновые краски. Это привело к большему разнообразию расцветок, контрастному сочетанию цветов. Узоры же и здесь сохраняли свою специфику.

Одним из характерных видов искусства адыгских народов было плетение циновок. Узоры их всегда были геометрическими, что обусловлено техникой плетения. В конце XIX — начале XX в. в единичных случаях в орнаменте можно было видеть геометризованные изображения предметов домашнего обихода, заимствованных от русских (самовар, стол, стаканы и т. п.).

Однако наиболее значительные изменения произошли в вышивании. Наряду с шитьем золотыми и серебряными нитками в быту зажиточных появилось имитирующее шитье золотом, накладки из серебра (Карачай, Балкария, Кабарда). Делали их мастера-ювелиры, но трафареты узоров часто вырезались женщинами-заказчицами. Постепенно распространялось и шитье более простой техникой — гладью.

Искусство золотого шитья в начале XX в. переживает известный упадок. Способствовал этому и постепенный отход от национальной формы одежды. На мелких изделиях — кисетах, мешочках для рукоделия, разного рода футлярах, подставках под лампы и др.— сохранялось золотое шитье, но в орнаменте появились новые черты. Шире стали распространяться растительные узоры, при этом вышивальщицы стремились передать реальные формы цветка, стеблей и листьев, показать их как бы в движении. В этом проявляется влияние городской культуры. Образцом для вышивки иногда служили рисунки на тканях, обоях и т. п. Начинают применять и новые материалы — разноцветные шерстяные, бумажные, реже шелковые нитки, а также блестки, бисер и стеклярус.

Очень распространенным женским занятием, особенно развитым в Южном Дагестане, было ковроткачество. Однако с начала XX в. вплоть до Октябрьской революции 1917 г. продолжался упадок ковроделия в Дагестане. Упрощались узоры, стандартировались размеры, а главное, еще шире распространялось применение анилиновых красок.

В прикладном искусстве народов Северного Кавказа значительное место занимала резьба по дереву, всегда выполнявшаяся мужчинами, часто мастерами-специалистами. Архитектурная резьба наиболее характерна для народов Дагестана и Осетии. Резьбой украшали различные части жилища и в особенности интерьер, по-прежнему богато отделывались опорные столбы, перегородки встроенных закромов и ларей для хранения зерна.

Но особенно заметное развитие получило искусство насечки по металлу мастеров аула Унцукуль. Их изделия приобрели известность не только в России, но и за рубежом, вплоть до Америки. Искусство резьбы по камню, как и ранее, находило применение в архитектуре и в надмогильных памятниках-стелах. Особо высокого уровня оно достигло в Дагестане, Осетии, Чечне и Ингушетии. В конце XIX — начале XX в. на стелах

наряду с газырями, застежками, поясами, кувшином для омовения стали изображать предметы, отражающие новшества в быте горцев,— часы, револьверы, швейные машины, русские сапоги, столы с бутылками и стаканами. Эти изображения примитивно натуралистичны, но интересны и с точки зрения искусства. В начале XX в. на осетинских могильных памятниках начали появляться изображения человеческих фигур, выполненные в виде раскрашенных барельефов. Многие из них связаны с именем самоучки скульптора Сосланбека Едзиева.

Широко известно мастерство ювелиров Дагестана — лакцев, кубачинцев, аварцев. Были талантливые мастера и у других народов, но во второй половине XIX — начале XX в. они были почти вытеснены отходниками-дагестанцами. Дагестанские мастера, работавшие среди других народов, воспринимали многие мотивы их узоров, но и вносили свое. Были у них и ученики из местных мастеров. Все это отразилось на сложении многих общих для народов Северного Кавказа черт в ювелирном деле. Особенно это заметно в отделке оружия и мужских поясов.

Искусство отделки холодного оружия и особенно кинжалов, ставших по существу декоративным элементом национального костюма, стало более пышным. Широко применяли позолоту, насечку золотом по железу и кости, а иногда и эмаль. Орнамент измельчился, стал более сухим, но по-прежнему поражал своей виртуозностью.

Таким образом, богатое и разнообразное искусство народов Северного Кавказа переживало в конце XIX — начале XX в. сложный период своего развития, а в отдельных случаях и упадок. Особенно это сказалось на промыслах, связанных с широким рынком и подчинявшихся его требованиям. Но в целом народные мастера сохранили, а в ряде случаев и обогатили свою технологию; традиционный орнамент впитал в себя некоторые новые влияния. Все это позволило, несмотря на упадок ряда видов искусства, вновь возродить его в послереволюционную эпоху.

Изменения в семейном укладе. В конце XIX — начале XX в. произошли значительные изменения в семейном укладе народов Северного Кавказа. Развивающиеся в крае капиталистические отношения расшатывали патриархальные устои семьи. К 1916 г., по данным сельскохозяйственной переписи, средний размер семьи у народов Северного Кавказа снизился до 5—8 человек[10]. У кабардинцев, абазин, карачаевцев, балкарцев, осетин и ингушей в нагорной полосе, где еще отчасти сохранилась большесемейная организация, он был несколько выше, чем на плоскости; у осетин-мусульман вследствие их ориентации на многодетность, был несколько выше, чем у осетин-христиан. В Дагестане средний размер семьи колебался от 3—4 до 6 человек[11], в зависимости от региональной специфики. Главой семьи по-прежнему являлся старший мужчина, который имел неограниченную власть в семье и представлял ее в обществе.

Растущее расслоение крестьянства и обеднение его основной массы делало для последней все более обременительными такие семейно-бытовые традиции, как покупной брак, свадебный дарообмен, многочисленные дорогостоящие поминки. Большой размер калыма и отрицательные последствия, связанные с необходимостью его уплаты, вызвали беспокойство прогрессивных людей того времени, выступавших за полную отмену калыма или его сокращение до минимума[12]. Сельские общества тоже неоднократно поднимали вопрос о сокращении размера калыма, так как необходимость его уплаты развращающе действовала на молодежь и была причиной ряда преступлений[13].

Чтобы избавиться от части свадебных расходов, крестьянская беднота стала широко практиковать фиктивное похищение, или брак уводом, совершавшееся по взаимной договоренности не только между женихом и невестой, но и между их родителями.

Сохранявшееся насильственное похищение девушек было причиной убийств, раздоров и многих трагедий, поэтому против похищения стали применяться административные меры. В 1910 и 1911 гг. представители горского населения Кубанской области, например, признали необходимым применять в отношении виновных в насильственном похищении невест российские уголовные законы о преступлениях против семейных прав [14].

Влияние русской культуры на семейный быт народов Северного Кавказа было незначительным. Оно в сильнейшей степени тормозилось политикой царского правительства, которое совместно с мусульманским духовенством разжигало религиозную и национальную рознь, препятствовало увеличению числа смешанных браков. Под влиянием мусульманского духовенства население не одобряло национально-смешанные браки.

В семейном быту все резче сказывалась социальная дифференциация. В семьях господствующих сословий женщина была избавлена от тяжелой работы и, опираясь на большое приданое и богатую родню, пользовалась известным общественным весом. В то время как горянку из бедной семьи ждала тяжелая судьба, на ее плечи ложилась вся тяжесть домашнего труда.

В целом для развития семейно-бытовых отношений народов Северного Кавказа в рассматриваемое время характерны противоречивые тенденции. С одной стороны, сохранились пережитки патриархально-феодальных порядков, архаичные обычаи и обряды, с другой — усугублялась классовая дифференциация и имущественное расслоение, приводящие к трансформации многих семейных традиций.

3. Просвещение, культурно-просветительские учреждения и здравоохранение

Школы. С конца XIX в. в результате изменяющихся социально-экономических отношений и влияния передовых общественных сил, правительство несколько расширило школьную сеть и на национальных окраинах империи. С одной стороны, открывая школы, царизм по-прежнему рассчитывал подготовить из представителей имущих классов послушных чиновников — опору самодержавия. С другой стороны, развитие экономики края настоятельно требовало увеличения числа грамотных людей, могущих обслуживать производство.

И все же общий уровень просвещения в крае оставался низким. По данным переписи 1897 г., грамотность среди населения Дагестана составляла 9,2%, Кабарды — 3,2, Балкарии — 1,4, Адыгеи — 7, Карачая — 4,6%. На каждые 1 тыс. человек населения в Дагестане приходилось 3 учащихся, а одна школа — на 25 тыс. человек [15].

Тем не менее на нужды народного просвещения края царское правительство отпускало незначительную сумму. В начале XX в. на просвещение в Дагестане отпускалось в среднем 13,5 коп. на душу населения, на одного жителя Нальчикского округа всего 9 копеек, тогда как на одного жителя России приходилось 80 коп. [16] «Не может,— указывал В. И. Ленин,—в буржуазном государстве буржуазия дать действительно

на культурные цели *ничего, кроме грошей,* ибо куши нужны ей на обеспечение господства буржуазии как класса... и больше гроша она не может, оставаясь буржуазией, отдать на культуру»[17].

Мизерные средства, отпускавшиеся на просвещение, обусловили убогую материальную базу школ. В начале XX в. около 70% школ Дагестанской области и Адыгеи размещалось в неприспособленных зданиях. Ни одна школа Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии, за исключением реального училища, не имела сколько-нибудь удовлетворительного помещения. Из 44 учтенных в Нальчикском округе школ в начале XX в. 40 имели лишь по одной классной комнате[18], а 4 школы вообще не имели помещения. Во многих сельских школах отсутствовало учебное оборудование. Обучение велось только на русском языке. Алфавиты, созданные на русской графической основе П. К. Усларом (для дагестанских и чеченских школ), Л. Г. Лопатинским (для адыгских), абадзехом Х. Ш. Анчеком, кабардинцем К. Х. Атажукиным, балкарцем С. Урусбиевым и другими, были преданы забвению.

Общественно-демократическое движение за развитие народного образования в стране, поднятое на новую высоту большевиками в начале XX в., особенно в годы революции 1905—1907 гг., охватило и Северный Кавказ. Это заставило царизм пойти на некоторые уступки и даже признать, что обучение в начальных училищах края должно вестись на родном языке, а на учительские должности следует назначать лиц, владеющих родным языком учащихся[19].

Были сделаны попытки создать новые буквари на русской основе, в Тифлисе был издан кабардинский букварь, а также лакский и даргинский, но в наступившей после подавления революции реакции все прогрессивные мероприятия были преданы забвению. Тем не менее, несмотря на реакцию, царизму не удалось ликвидировать влияния общественного подъема, названного революцией, и он вынужден был расширить сеть школ на Северном Кавказе (см. табл. 9).

Таблица 9

Количество школ и учащихся на Северном Кавказе в 1914 и 1916 гг. *

Год	Район	Школы	Учащиеся
1914	Дагестанская область	93	7 092
»	Нальчикский округ	112	6 700
»	Чечня и Ингушетия	153	12 800
»	Северная Осетия	87	6 469
1916	Баталпашинский отдел (куда входили Карачай и Черкесия)	125	Нет сведений
»	Адыгея (только в адыгских селениях)	12	682

* Таблица составлена на основе «Кавказских календарей» за 1914 и 1916 гг.

Несмотря на некоторое расширение количества школ, учебой была охвачена незначительная часть детей школьного возраста (балкарцев — 2,3%, народов Дагестана — 10, кабардинцев — 12,8, осетин и русских — 33%). Особенно мало школ было в Балкарии (всего 3), Чечне и Ингушетии, Адыгеи и т. д. В Аварском, Андийском и Самурском округах Дагестана, в которых насчитывалось от 33 до 70 тыс. человек населе-

ния, даже в 1912 г. имелось по 2 школы, что позволяло охватить обучением всего 1,0—1,5% детей школьного возраста.

Хорошо знавший постановку школьного дела в государстве, В. И. Ленин в 1913 г. подчеркивал, что «нет более злого, более непримирпмого врага просвещения народов в России, чем российское правительство» [20].

Особенно незначительным было число девочек, охваченных обучением. Адат, религиозный фанатизм, патриархально-родовые предрассудки, сохранившпеся среди горцев, мешали просвещению женщин, обучению девочек в школе. И если благодаря настоянию энтузиастов из среды передовых учителей кое-где удавалось открыть школы для девочек, то под давлением мусульманского духовенства они вскоре закрывались. Так, женское отделение, открывшееся в 1904 г. в Карачае при Учкуланском 2-классном учплище (благодаря настойчивости передового учителя М. Дм. Карабаша), уже в 1906 г. стараниями духовенства было закрыто [21].

Все сельские школы народов Северного Кавказа были одноклассными или двухклассными. Программы этих школ ограничивались узкими рамками элементарного курса русского языка и математики (одноклассное училище) и краткими сведениями по истории, географии и естествознанию (двухклассное училище). В то время как родной язык был исключен из школьного образования, чиновники Кавказского учебного округа ревностно следили за преподаванием христианского «закона божьего» и мусульманского вероучения. Эти предметы считались важными и занимали значительное место в учебной программе школы.

Для народов Северного Кавказа светские школы, вопреки намерениям царизма. сыграли объективно прогрессивную роль. Несмотря на ограниченность программы и большие педагогические и организационные поро-ки, дореформенная светская школа стояла неизмеримо выше школ религиозных: она давала учащимся полезные знания и навыки, в них дети горцев усваивали русскую грамоту и язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре.

Среднее образование для детей крестьян оставалось недоступным, хотя в конце XIX — начале XX в. было открыто несколько специальных средних учебных заведений: в Нальчикском округе — окружная горская школа, преобразованная в 1909 г. в реальное училище, и Баксанское духовное училище, в Северной Осетии — Ардонская духовная семинария и т. п. Но детей горцев в средних учебных заведениях было мало. В Темирханшурпнском реальном училище, например, к началу 1900 г. обучалось всего 64 горца, или 18,7% от общего количества учащихся [22]. В Баталпашинском училище к 1914 г. из 286 учащихся насчитывалось только 56 карачаевцев и черкесов и одна горянка [23].

Но и те из горцев, которые обучались в средних школах, являлись представителями господствующих классов. По официальным данным, 90% учащихся Дербентского реального училища были выходцами из семей дворян, богатых горожан и представителей духовенства [24].

Основной причиной малочисленности учащихся из местных народностей в средних школах являлась высокая плата за обучение. Из-за недостатка «казенных» вакансий детям бедняков отказывали в приеме в средние школы. Население, в особенности трудящиеся массы, выражало недовольство высокой платой за учение в средней школе и не раз обращалось с просьбой снизить ее.

В начале XX в. на Северном Кавказе появились и первые школы с профессиональным уклоном. 30 мая 1894 г. было принято решение об

открытии низшей сельскохозяйственной школы 2-го разряда с трехлетним приготовительным классом и трехлетним специальным курсом в Нальчикском округе [25].

В 1904 г. в Дербенте была открыта школа садоводства с подготовительным отделением. Обучение общеобразовательным дисциплинам сочеталось в школе с практическими занятиями по садоводству, огородничеству и виноградарству.

В 1905 г. в Порт-Петровске была открыта вторая специальная школа — трехлетнее электротехническое училище для подготовки электротехников для телефонно-телеграфных станций. Однако в связи с трудностью с материальным обеспечением в 1909 г. училище было переведено в Харьков [26].

Спустя несколько лет, в 1911 г., в Темир-Хан-Шуре была открыта низшая ремесленная школа, которая должна была готовить грамотных подмастерьев по слесарно-кузнечному и столярному делу. Профессиональное образование давали Майкопское техническое училище и реальные училища Северного Кавказа.

В подготовке специалистов сельского хозяйства определенную роль сыграла и двухгодичная низшая сельскохозяйственная школа Терского казачества, открытая в 1912 г. близ станицы Прохладной.

В начале XX в. в связи с расширением сети сельских школ и необходимостью подготовки мало-мальски грамотных людей Управление Кавказским учебным округом вынуждено было обратить больше внимания на специальную подготовку учителей. В связи с этим дирекция народных училищ Терской области открыла при Нальчикской окружной горской школе двухгодичные педагогические курсы, на которых в первый год обучалось 18 человек. В 1900 г. при Порт-Петровском городском училище Дагестана были открыты одногодичные педагогические курсы, преобразованные в 1911 г. в двухгодичные. Такие же курсы открылись в 1909 г. и в Темир-Хан-Шуре.

Деятельность прогрессивных учителей сыграла положительную роль в формировании и росте местной интеллигенции, в развитии передовой общественной мысли на Северном Кавказе. Революционно-демократические идеи, проникавшие в школы, оказывали влияние и на горских юношей, обучавшихся в средних школах Северного Кавказа и особенно в учебных заведениях центральных городов России. В 1905—1907 гг. учащиеся некоторых средних школ и передовые учителя Северной Осетии сами участвовали в революционных выступлениях трудящихся масс.

Учась в русской школе, общаясь с революционно настроенным студенчеством, с русскими социал-демократами, большевиками, многие сыны горских народов получили основы революционного мировоззрения. Рука об руку с представителями местного населения, учителями и организаторами борьбы за расширение сети школ работали русские педагоги. Они сделали многое для приобщения горцев к русской грамоте, для поднятия их культурного уровня. Многие из них, будучи передовыми людьми, по своим убеждениям и воззрениям, способствовали пробуждению горских масс к борьбе за свое освобождение.

Русские учителя выступали и инициаторами в деле создания алфавитов, букварей и грамматик для национальных языков. Они вместе с местными передовыми учителями боролись за демократическую и светскую школу. Н. Кириченко — учитель Карт-Джуртского училища (Карачай) — в 1897 г. подготовил грамматику и словарь балкаро-карачаевского языка. Л. Г. Лопатинский сделал попытку создания письменности кабардинского языка на русской графической основе. В 1891 г. он издал в

Тифлисе «Краткую кабардинскую грамматику» и «Русско-кабардинский словарь», занимался собиранием кабардинского фольклора. Будучи инспектором Кавказского учебного округа, Лопатинский горячо поддерживал идею преподавания родного языка в школах. Благодаря его стараниям в 1906 г. в Тифлисе были изданы кабардинский букварь, составленный П. Тамбиевым, а в 1916 г.— книга «Родная речь» И. Акбаева для карачаево-балкарских школ. В 1911 г. известный чеченский просветитель, депутат Государственной думы, большевик Т. Эльдерханов издал в Тифлисе на русской графической основе «Чеченский букварь». Таких передовых деятелей просвещения на Северном Кавказе было немало, но их попытки не всегда имели успех.

Борьбу за светскую и демократическую школу на Северном Кавказе проводили большевики во главе с С. М. Кировым, который с 1909 по 1917 г. вел партийную работу во Владикавказе. Он неоднократно выступал по вопросам народного образования на страницах либерально-прогрессивной газеты «Терек». В своих статьях С. М. Киров разоблачал антинародную политику царизма в области просвещения, боролся за проведение в жизнь программных требований партии, принятых II съездом РСДРП. С. М. Киров поддерживал идеи развития среднего специального образования на Северном Кавказе, в частности предложение об открытии во Владикавказе политехникума.

Наряду с русскими школами на Северном Кавказе продолжали существовать религиозные мусульманские школы (мектебе и медресе), православные церковно-приходские и иудаистские горско-еврейские школы. Накануне Октябрьской революции 1917 г. в одном Баталпашинском отделе насчитывалось 36 православных церковно-приходских и 8 мусульманских училищ. В Дагестанской области насчитывалось более 740 мусульманских и 20 горско-еврейских школ, охватывавших 7,5 тыс. учащихся. Дагестан не без основания считался поставщиком кадров духовенства для всего Северного Кавказа. «Едва ли где-либо на Кавказе до такой степени было развито изучение арабского языка и духовной литературы на этом языке, как в Дагестане» [27].

Значительным было число религиозных мусульманских школ и в других районах Северного Кавказа. Так, в Нальчикском округе в 1914 г. насчитывалось 97 школ, охватывавших 1,5 тыс. учащихся [28]. Почти при каждой мечети Адыгеи, Карачая и Черкесии, Чечни и Ингушетии имелись религиозные школы — «мектебе».

В конце XIX — начале XX в. под влиянием происходивших социально-политических изменений возникает в крае течение, выступающее за «реформу» религиозной школы. Суть этой «реформы» сводилась к тому, чтобы, сохранив в основе религиозное содержание обучения, ввести в мусульманских школах преподавание светских дисциплин. Это была своеобразная попытка приспособить религиозную школу к потребностям нового времени. В отличие от старых примечетьских религиозных школ новые школы получили название «новометодных». Однако на Северном Кавказе новометодные школы не получили широкого распространения. «Школы нового типа,— по признанию официальных властей,— мало чем отличались от мечетьских». В 1908 г. в Дагестанской области имелось 8 новометодных школ, и находились они в Темирханшуринском округе. В Кабарде была одна такая школа — Баксанское духовное училище.

Культурно-просветительские учреждения. Заметную роль в развитии культуры народов Северного Кавказа играли культурно-просветительные организации. Зарождавшаяся горская интеллигенция стремилась исполь-

зовать эти организации для просвещения народа. С конца XIX в., как известно, в Нальчике было создано «Нальчикское благотворительное общество», позднее в Кисловодске — «Общество образования горцев Северного Кавказа», а в Адыгее — «Черкесское благотворительное общество». Во Владикавказе — «Терское медицинское общество», «Терское сельскохозяйственное общество», Терский музей, а на Кубани — «Общество любителей изучения Кубанской области», Екатеринодарский музей краеведения, Публичная библиотека. В Пятигорске — «Горское общество». Деятельность этих обществ содействовала не только развитию народного образования, но и распространению среди населения медицинских, естественнонаучных и сельскохозяйственных знаний, изучению истории и экономики края, а следовательно, развитию культуры, распространению научных и экономических знаний.

Активную работу по просвещению народных масс проводило и «Общество по распространению образования и технических знаний среди горцев Терской области». Общество это возникло по инициативе активных деятелей революционно-демократической интеллигенции Терской области — М. З. Кипиани, К. Л. Хетагурова, В. Г. Шредерса, Дж. Шанаева, М. Далгата и др

В начале XX в. в Кабарде и Балкарии работали «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», «Просветительский кружок кабардино-горской молодежи» и «Нальчикское благотворительное общество вспомоществования больным и бедным учащимся высших учебных заведений и учащимся народных училищ». В организации «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» видную роль сыграли прогрессивные деятели просвещения И. Кармов, Т. Блаев, П. Кешоков, М. Абаев и др. Общество оказывало материальную помощь кабардинцам и балкарцам, обучавшимся в средних и высших учебных заведениях.

В 1907 г. в Майкопе был создан кружок любителей природы, а с 1908 г.— народный университет для распространения знаний среди населения.

Деятельность передовых учителей, представителей местной и русской интеллигенции, различных обществ по развитию культуры и распространению знаний среди горского населения и обучению детей на родном языке встречало ожесточенное сопротивление со стороны мусульманского духовенства Северного Кавказа. Оно выступало против новых алфавитов на русской графической основе, против светского образования, подрывавших, по представлению служителей ислама, влияние духовенства на массы.

В 1900 г. в Порт-Петровске была открыта первая в Дагестане публичная библиотека в несколько тысяч томов книжного фонда с небольшой читальней. Имелась частная читальня в Дербенте, располагавшая в основном периодическими изданиями. В 1914 г. в Дагестане функционировало 16 библиотек, из которых 11 библиотек было при учебных заведениях. Книжный фонд всех библиотек не превышал 70 тыс. томов, причем фонд библиотек при учебных заведениях состоял из 55 томов [29].

В Северной Осетии передовые учителя и демократическая интеллигенция организовали библиотеки не только в городе Владикавказе, но и в сельских населенных пунктах — Ардоне, Христиановском, Алагире, Ольгинском, Гизеле и т. д. Первая общественная библиотека в Нальчике появилась лишь в 1910 г., ее книжный фонд не превышал 1 тыс. томов.

Сельское население Северного Кавказа, по существу, было лишено светских книг, газет и журналов. Попытки представителей местного

населения открыть библиотеки не всегда увенчивались успехом. В 1908 г. группа жителей лакского с. Казикумух обратилась с просьбой открыть в ауле библиотеку-читальню. Обеспокоенный инициативой казикумухцев, губернатор писал начальнику округа: «Придавая важное значение открытию в сел. Казикумух библиотеки-читальни, которая может явиться рассадником в округе противоправительственных и других вредных идей, я нахожу возможным допустить открытие таковой лишь при полном убеждении благонадежности лица, на средства которого она открывается и которое будет в ней считаться ответственным лицом». Получив это предписание, начальник округа отклонил ходатайство казикумухцев, заключив: «Сие занятие считаю вредным, от него будет только морока». В то же время начальник округа охотно разрешил открыть в Казикумухе кабак [30].

Театр. В конце XIX — начале XX в. народы Северного Кавказа не имели своего профессионального театра. Но издавна у них существовали и развивались в быту, обрядах и празднествах элементы театрального искусства. Горцы организовывали состязания певцов и танцоров, мудрецов и ашугов, каждое село имело своего заводилу, тамаду, плакальщицу и шута. Они были ведущими на свадьбах и похоронах, на пахоте, сенокосе и жатве, на праздниках семейных и календарных. Сатира шутов приобрела острую социальную направленность, смело бичуя не только общественные нравы и пороки людей, но и произвол властей.

У народов Дагестана имелся и национальный цирк, представляющий искусство акробатов-канатоходцев, который со временем приобрел черты театрального искусства.

В начале XX в., как отмечалось выше, в городах Северного Кавказа Владикавказе, Грозном и др. возникли театральные кружки, осуществлявшие постановки силами самих горцев. Под непосредственным влиянием этого зарождающегося театрального искусства активизировалась деятельность самодеятельных театральных кружков во всех районах Северного Кавказа. К ним прежде всего относится кружок, организованный Е. Бритаевым в Куртатинском ущелье, поставивший в 1904 г. его пьесу «Лучше смерть, чем позор». Кружок художественной самодеятельности работал и при Учкуланском двухклассном училище, при Карт-Джуртском и Хумаринском училищах.

Одним из первых национальных драматических кружков Дагестана являлся Ахтынский кружок, созданный просветителем И. Шамхаловым в лезгинском селении Ахты в 1906 г. Первоначально кружковцы ставили пьесы азербайджанских авторов, а со временем и постановки, созданные на своем национальном материале. Это были одноактные пьески, интермедии, написанные самими артистами.

Любительский драматический кружок работал и в слободе Нальчик. О его деятельности начальник округа в 1908 г. доносил: «В слободе любителями драматического искусства ставятся спектакли, которые даются 4—5 раз в год, театров же, цирков, музыкальных обществ и других увеселительных учреждений во вверенном мне округе не имеется» [31].

В этом же 1908 г. в Екатеринодаре местная адыгская интеллигенция организовала грандиозное представление под общим названием «Черкесская программа». На сцене показывались «живые картины» из прошлой жизни адыгов (черкесов).

В 1914 г. драматическпй кружок «Новолуние» был открыт и в с. Казикумух премьерой первой национальной драмы «Лудильщики»

Г. Сандова. Им были поставлены национальные пьесы «Шагалай», «Габибат и Гаджияв» М. Чаринова, классические азербайджанские и армянские комедии и драмы. После Октябрьской революции 1917 г. на его основе был создан Государственный лакский драматический театр.

В 1916 г. возник кружок кумыкской интеллигенции и просветителей «Тангчолпан» («Утренняя звезда»), у которого был и свой журнал под тем же названием. Его организаторами, артистами, драматургами и режиссерами были отец и сын — известные литераторы и борцы за власть Советов Н. и З. Батырмурзаевы. Кружок и издаваемый ими литературный журнал сыграл большую роль в культурной жизни дореволюционного периода. Многие члены кружка «Танг чолпан» влились после Октябрьской революции 1917 г. в труппу Государственного кумыкского театра.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. на Северном Кавказе уже закладывались основы национальной драматургии и национального театра, создавались первые драматические произведения, которые воплощались на сцене любительскими коллективами. Ими также ставились передовые пьесы русской классики, грузинской и азербайджанской литературы. Горские народы постепенно приобщались к театральной культуре, они начинали сознавать идейно-художественное и эстетическое значение театрального искусства.

Здравоохранение. Некоторое развитие в рассматриваемое время получило здравоохранение. В городах и сельской местности росло, хотя и медленно, число фельдшерских и аптечных пунктов, больничных учреждений, а также медицинских работников. Определенное распространение получила практика оспопрививания, а также прививок для предотвращения других эпидемических болезней. Однако при всем этом народное здравоохранение находилось на чрезвычайно низком уровне. Даже в предвоенном 1913 г. в Дагестанской области по гражданскому ведомству насчитывалось лишь 38 врачей, 88 фельдшеров и 32 повивальные бабки (акушерки), 4 зубных врача, 14 фармацевтов, 20—25 оспопрививателей [32]. В том же году для медицинского обслуживания 700 854 душ населения в области функционировали 28 больничных учреждений с 309 койками, в том числе 10 больниц с 201 койкой в городах и 18 небольших больниц со 108 койками — в сельской местности [33]. В среднем одна больничная койка приходилась на 2284 человека, а в сельской местности — на 5,8 тыс. человек. Один врач обслуживал 18,4 тыс. человек, один фельдшер — более чем 7 тыс. человек.

На территории Чечни и Ингушетии в 1913 г. насчитывалось 10 больничных учреждений на 236 коек, 4 частные, 2 ведомственные и 1 городская аптека. На 350 тыс. чеченцев и ингушей приходилось 2 врача и несколько фельдшеров.

В Баталпашинском отделе, куда входили Карачай и Черкесия, имелся один приемный покой на 5 кроватей, 2 аптеки и 1 участковый врач. На каждые 2 тыс. человек взрослого населения приходился всего 1 фельдшер. В Кубанской области в конце XIX — начале XX в. насчитывалось 115 врачей, 353 фельдшера, 80 павивальных бабок, 324 оспопрививателей [34].

Для лечения казачьего населения было 10 небольших войсковых больниц на 809 коек и 27 приемных покоев на 159 мест. Это довольно значительное число, но если иметь в виду, что область объединяла Екатеринодарский, Майкопский, Баталпашинский и другие отделы, в которых насчитывалось более тысячи населенных пунктов, то станет ясным, что

количество медицинских учреждений и медицинских работников было мизерным. На 146 872 человека Нальчикского округа в 1909 г. приходился 1 врач, на 16 050 человек — 1 фельдшер. В Терской области насчитывалось 17 больниц и приемных покоев на 1778 кроватей, 144 врача, 350 фельдшеров, 46 повивальных бабок, но ни в одном балкарском, чеченском, ингушском, кабардинском, ногайском аулах не было никакого медицинского учреждения, не было фельдшера, даже оспопрививателя. Что касается русских населенных пунктов, казачьих поселений, городов и слобод, то в них стали появляться медицинские учреждения, но их было очень мало.

В рассматриваемое время появилось несколько первых врачей из представителей местного населения, получивших высшее и среднее медицинское образование. Среди них в Дагестане: М. Кажлаев, Р. Шахсаидов, окончившие Петербургскую военно-медицинскую академию, М. Нахибашев, М. Дибиров, окончившие Тифлисскую фельдшерскую школу, Ю. Клычев и И. Махуев, окончившие медицинский факультет Харьковского университета, и первая горянка-врач С. Н. Магомедбекова, окончившая Петроградский женский медицинский институт, и некоторые другие. М. Газданов, А. Гарданов и другие в Осетии; Шогенов, Зайнеб Тамбиева, Измаил Абаев и другие — в Кабарде и Балкарии; Х. Эркенов, М. Кочаров, Ю. Гутекулов — из Карачая и Черкесии, все они получили высшее медицинское образование.

Тяжелые условия жизни, культурная отсталость, слабость медицинской помощи приводили к широкому распространению среди населения различных эпидемических болезней. Особенно свирепствовали малярия, брюшной и сыпной тиф, дизентерия, кожные болезни. От непрерывных вспышек оспы гибло огромное число детей.

В этих условиях в конце XIX — начале XX в. продолжала развиваться народная медицина. Искусство местных горских лекарей-хакимов было известно и за пределами Северного Кавказа. Заметных успехов горские лекари достигли в лечении не только ран, но и переломов конечностей, различных вывихов, внутренних и кожных заболеваний и т. д.

Многие горские лекари, особенно дагестанские и чеченские, были не только знакомы с восточной лечебной литературой, но и в своей практике нередко использовали рецепты восточной медицины. Народная медицина горских народов Северного Кавказа развивалась и обогащалась и в результате взаимовлияния и взаимообмена.

В большинстве случаев народные лекари отказывались от хирургического вмешательства при лечении ран и переломов и ограничивались удалением пуль, разбитых кусков кости. Применяемый при этом горцами способ высасывания инородных тел из раны с помощью пустотелого бараньего рога Н. И. Пирогов признавал лучшим, чем способ, которым пользовалась научная медицина [35]. Отдельные народные хирурги умело ампутировали конечности, пускали кровь. Важное место в народной медицине горцев занимали минеральные источники и грязи, которыми богат Северный Кавказ.

4. Устное народное творчество и литература

Новый этап социально-экономического развития и общественного движения в России в конце XIX — начале XX в. активизировал дальнейшее развитие культуры народов Северного Кавказа. Особенно благотворное влияние оказывала передовая русская демократическая культура. В результате этого в конце XIX в. особенно активной стала тяга горцев к

русской культуре, к русскому языку и литературе. Передовые представители горской интеллигенции, испытавшие влияние революционно-демократического движения, развернувшегося в России, явились активными поборниками усвоения горскими народами передовой русской культуры. Они понимали, что для достижения этой цели необходимо знание русского языка, изучение его как в школе, так и в обыденной жизни, в тесном общении с русским населением.

Передовые деятели горских народов Северного Кавказа Х. Уруймагов (Осетия), И. Крымшамхалов (Карачай), Т. Эльдерханов (Чечня) и многие другие указывали на значение русской культуры и русского языка в прогрессивном развитии горцев, выступали за широкое распространение русской грамоты среди своих народов. Они также отмечали важную роль, которую должен был сыграть русский язык в экономическом и духовном развитии народов Северного Кавказа.

Прогрессивные представители образованной части горцев знакомили своих соотечественников с произведениями русских писателей, переводили на местные языки творения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, К. Д. Ушинского и других и выступали, таким образом, пропагандистами передовой русской культуры.

К концу XIX в. на Северном Кавказе вырос довольно многочисленный отряд национальной интеллигенции. Роль горской интеллигенции, и прежде всего ее передовой части, была важна не только в ее практической деятельности, на поприще просвещения и культуры своих народов, но и в том, что ее представители, находясь за пределами своего края, в России, работали с пользой для общего блага Родины, достойно представляли свой народ и его культуру среди других народов страны.

Русский язык не только приобщал горцев к богатой русской культуре и раскрыл перед ними достижения мировой цивилизации, но и сыграл выдающуюся роль в интернациональном сплочении, революционных сил народов Северного Кавказа. Благодаря этому трудовые массы горцев, русского населения и казачества рука об руку боролись против царизма, эксплуататорского строя помещиков и капиталистов, шли в одной шеренге в годы революции 1905—1907 гг.

Горские народы не только заимствовали многое у русской культуры, но и щедро делились богатствами собственной культуры с русским населением края. Русские на Северном Кавказе позаимствовали немало добрых обычаев и традиций у горцев, многие из них хорошо знали языки местных народов, переняли многие черты их материальной культуры, семейного и общественного быта. Еще Л. Н. Толстой подчеркивал, что «казаки... усвоили себе обычаи жизни и нравы их». Даже военный быт казачества приобрел ставшие традиционными кавказско-горские черты, находясь и развиваясь под непосредственным влиянием военного дела и традиций горцев.

Фольклор. Особенно сильно революционный подъем начала XX в. отразился в песнях, связанных с аграрным движением трудящихся горцев. Главная тема этих песен — борьба горцев за землю, за пастбища, за общественные угодья, которые незаконно были захвачены ханами, князьями, беками и алдарами, коннозаводчиками и нарождающейся сельской буржуазией.

Первая российская революция 1905—1907 гг. дала громадный толчок бурному развитию народного поэтического творчества, она подняла его на небывалую высоту по своим общественным, моральным и классовым устремлениям; фольклор принял на себя и политические функции. В на-

чале XX в. значительно усиливается социальное звучание абрекских и антивоенных произведений.

В абрекских песнях с большой силой раскрывается весь трагизм жизни абреков. Таковы дагестанские и осетинские песни о Зелимхане. В чеченской песне «Абрек Геха» воссоздается образ абрека, который в тоске по родной человеческой душе не находит отклик на свои страдания и, прокляв всех своих бывших друзей, обращается к зверям, которые поняли страдания и муки бездомного Гехи.

В устном народном творчестве народов Северного Кавказа нашло свое яркое отображение участие горцев в революции 1905—1907 гг., жестокая расправа царизма над многими из них, сосланными на каторгу или на вечное поселение в Сибирь. У всех народов Северного Кавказа имеются песни-плачи под сводными названиями — «Каторжная», «Тюремная», «Сибирь» и т. д. Примером песни этого жанра является сложенная в 1908 г. «Песня о Солтане-Хаджи Байчорове», под руководством которого крестьяне аула Верхняя Теберда выступили против местных угнетателей, захватили их земли и объявили их общенародными. Байчоров был арестован и сослан в Оренбургскую губернию.

Среди карачаевцев и балкарцев до настоящего времени широкой известностью пользуется песня о Канамате Эбзееве, который выступал против князей и царских властей, за «справедливый закон». Он боролся во имя «свободной жизни», был арестован, бежал, сделался абреком, но был предательски убит. Истекая кровью, герой восклицал:

Ах, увидеть бы жизнь свободную,
Вырвавшись из-под насилия царя,
Ах, увидеть бы нам жизнь с законом
Либо с правым судом [36].

По своим идейно-художественным данным все эти произведения, естественно, отличались друг от друга. В одних констатируется факт и не дается никакой оценки ему. В других делается попытка социального и нравственного объяснения тех причин, которые заставляли узника или ссыльного поступить именно таким образом, а не иначе.

Горская поэзия выработала особую форму песен — послания. Они адресуются узнику или каторжнику от имени матери или сестры. Песни-послания — это сострадание, оплакивание горькой судьбы отца, мужа или брата. Высокохудожественным образцом песен этого цикла является даргинская песня «Плач по сыну, сосланному в Сибирь», в которой выражается материнская любовь к сыну-каторжнику.

В краю, где ты теперь,
Низко ль стелится туман?
Если там, где ты теперь,
Над землей плывет туман,
Знай, сынок, что это вздох
Старой матери твоей [37].

Если в посланиях к узникам, каторжникам высказывается главным образом чувство сострадания, боли, то в ответных посланиях звучат негодование и протест, даже прямой призыв к борьбе против несправедливого строя. Это новое качественное явление в горском песенном искусстве, явление, в котором закладывались основы народной революционной поэзии. Типичным в этом плане является чечено-ингушская песня «К птице», в которой узник, обращаясь к птице, говорит:

Тебе открыт свободный весь простор,
Весь этот свет твой обнимает взор!
А я в плену тюремного засова,
Закован я в булатные оковы,
За то, что полюбил свободу я,
Врагами воля связана моя,
Оповести ж, порхающая птица,
Что царская меня сковала власть [38].

Антивоенные мотивы особенно усиливаются во время русско-японской войны 1904—1905 гг. На Дальний Восток, как известно, были посланы с Северного Кавказа несколько «добровольческих» полков. Многие из «добровольцев» вынуждены были отправиться на фронт помимо своей воли.

Нередко солдаты-джигиты покупались властями. Эта мысль ярко выражена в карачаевской «Песне солдат японской войны»:

Нас бии продали войне,
Как скот на бойню,— без пощады [39].

Народное творчество на протяжении всего своего пути развития шло по линии накапливания социальных мотивов, расширения и углубления социальных понятий, оценки живой действительности именно с народно-демократических позиций и устремлений. Жизнь заставила горского крестьянина осмотреться вокруг себя, взглянуть на самого себя, чтобы сделать вывод и сказать самому себе.

Пахарь, сеятель и жнец,
Многие твой хлеб едят.
Только самого себя
Ты не можешь накормить [40].

Одним из самых важных и примечательных новых качеств горского фольклора в начале XX в. является его открытая революционная направленность, классовый накал и призывной пафос. Если раньше фольклор звал народ вообще к борьбе, не зная порою как и для чего, то теперь совершенно определенно говорится о необходимости переустройства мира, свержения существующего строя восставшим вооруженным народом:

Так вставайте же, братья,
Собирайтеся вместе.
Для свободы и счастья,
Для победы и мести.
Мы довольно терпели,
Исходили слезами,
Заряжайте же ружья,
Расправляйтесь с князьями [41].

Литература. Процесс зарождения художественной литературы у некоторых народов Северного Кавказа происходил еще в XIX в. и притом разновременно. Осетины и народы Дагестана встретили конец XIX — начало XX в., имея уже сформировавшуюся как искусство письменного слова литературу. У карачаевцев, черкесов, кабардинцев и балкарцев одновременно с творчеством самобытных поэтов-одиночек, писавших на родных языках, на изобретенных ими самими алфавитах (Б. Пачев, К. Мечиев, И. Крымшамхалов), продолжали творить народные певцы и

Рис. 1. Махмуд из Кохаб-Росо — аварский поэт
Фотография начала XX в.

поэты (адыги — Цуг Теучеж, Джанчатов Куйнеш, Хамахоков Хапат, Пшизов Татун; чеченцы — Мази из Катарюрта, Уддин Эфи из Гехи; карачаевцы — Каспот Кочкаров, Аппа Джанибеков, Исмаил Семенов; ногайцы — Баймурза Моната, Негмота Айбата и др.).

Конец XIX — начало XX в. в истории развития литературы народов Дагестана закономерно называют периодом глубоких и сложных процессов, временем смены и обновления литературных традиций. В это время еще продолжали творить представители блестящей плеяды лирических поэтов XIX в.: Чанка (1860—1909), Сукур Курбан (1848—1922), Омарла Батырай (1826—1910), Махмуд из Кохаб-Росо (1873—1919) (рис. 1), ярких и самобытных представителей романтического направления дагестанской литературы. Вместе с ними активно включились в создание и развитие национальной литературы поэты нового поколения, многим из которых суждено было впоследствии стать основоположниками многонациональной советской литературы Дагестана.

Усиление классовой борьбы в период первой российской революции 1905—1907 гг. пробуждало художественные способности народа, все виды и жанры литературы приобретали более конкретное выражение в освещении социальных и национальных проблем. Появились совершенно новые для горской литературы жанры — басня и драматургия. Но наиболее широкое развитие получила поэзия. Она осталась ведущим жанром, достигая высоких поэтических форм в балладах и поэмах, тогда как проза в основном не выходила еще за пределы малых литературных форм — очерков и рассказов.

Большие эпические произведения — повести и романы уже появились тогда в дагестанской литературе, в которой в конце XIX — начале XX в. Нухай Батырмурзаев выступил со своими повестями «Бедная Хабибат», «Давуд и Лейла», «Несчастная Джанбике», Саид Габиев — с повестью «В народ», А. Ибрагимов — с романом «Аманхор». В переводе на дагестанские языки вышли в свет «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, «Бэла», «Узник» М. Ю. Лермонтова, а также ряд произведений азербайджанской, татарской и других литератур.

Тематика северокавказской литературы начала XX в. не так уж обширна. В поэзии и прозе главное внимание уделяется обездоленному и угнетенному положению горцев и горянок. В произведениях эта тема находит свое выражение в констатации отдельных факторов из жизни горцев. Но в них совершенно отчетливо проводится разграничительная линия между людьми, сословиями, линия, за которой стоят противоборствующие классы.

В творчестве многих поэтов не ощущалось еще призыва к революционному преобразованию существующего строя. Свобода воспринималась ими как далекая мечта.

Кязим Мечиев (1859—1945) основоположник балкарской письменной поэзии, скажет в 1910 г.:

Скорбит земля родная, плачут реки,
И топчет сильный тех, кто послабей.
Чтоб мой народ свободным стал навеки,—
Помочь прошу я бога и людей [42].

Но в северокавказской поэзии появились и иные голоса. Поэты меньше теперь говорят о своих мечтах и надеждах, смело осуждают мир произвола и тирании, призывно утверждая необходимость коренной ломки всей системы общественных отношений. В этом направлении выступал великий осетинский поэт Коста Хетагуров. Обращаясь к господствующему классу общества, он писал:

Вы жизнь превратили в забаву,
Гнушаетесь честным трудом
И, совесть меняя на славу,
Насилье зовете судом,
Вы были всегда палачами
И прав, и свободы чужой,
Топтали святыни ногами,—
Так будьте же счастливы сами
С такой озверелой душой!
. . . . . .
Мне вашего счастья не нужно,—
В нем счастья народного нет...[43]

В начале XX в. в литературе народов Северного Кавказа накапливались черты реализма. Реалистическая литература постепенно вытесняла романтическую. Особенно ярко это проявлялось в творчестве Сулеймана Стальского (1869—1937), Гамзата Цадаса (1877—1951) и Цуга Теучежа (1855—1950). Становление нового человека стало предметом художественного воплощения в их реалистической поэзии.

В эпоху сложной борьбы различных литературных и идеологических течений — религиозно-клерикального, националистического, демократического — поэзия С. Стальского, Г. Цадасы, Ц. Теучежа твердо и последовательно защищала интересы трудящихся, с большой художественной силой типизировала и обобщала явления и события, факты и детали из окружающей жизни. Наряду с изображением зреющего в народе самосознания, пробуждающихся в его недрах духовных сил, критика пороков современной социальной жизни являлась чертой, присущей реалистической поэзии Дагестана. А для творческого облика Гамзата Цадасы сатирическое изображение действительности составляло самую сильную сторону его реализма. Нацеленные против патриархально-родового наследия старины и отвратительных черт социального быта, произведения Г. Цадасы высмеивали представителей духовной и светской иерархии дагестанского аула, разоблачали праздность духовных лиц, развенчивали мнимое благочестие капиталистического предпринимателя из горцев.

Вместе с тем в творчестве дагестанских реалистов с большим художественным тактом и чуткостью отображалась трагедия маленького человека, рядового горца, стремящегося упорным трудом выбиться в люди, тщетность его попыток и иллюзорность его мечтаний в условиях существующего строя. По выражению С. Стальского, бедные горцы старались быть похожими на людей, «но только люди в то время были не похожими

на себя». Простые люди труда, люди из народа становятся главными героями дагестанской реалистической литературы.

Таким образом, реализм в их критических тенденциях впервые становится ведущим творческим методом дореволюционной дагестанской литературы. В качестве примера могут служить «Двуногий осел» (1909), «Старшина» (1909), «Мулла» (1912), «Судьи» (1912) Сулеймана Стальского; «Стихи о харчевне» (1895), «Поход по тревоге» (1912), «Дибир и хомяк» (1915) Гамзата Цадасы. Развенчивая при самом зарождении класс капиталистических собственников в горном ауле, разоблачая присущую им алчность, стяжательство и эгоизм, Г. Цадаса в «Стихах о харчевне» еще в 1898 г. писал:

К чему мне богатство, добытое всюду,
Где подлость царит, где неволя тяжка?
Завидовать мелкой душонке не буду,
Что нагло жиреет за счет бедняка.

В начале XX в. в литературе горцев отчетливо звучат революционные мотивы, призыв к трудящимся массам сплотить свои отряды для борьбы за общее счастье. Осетинский поэт Ц. Гадиев обращался к своему народу в 1906 г. с революционным кличем:

Ты не забыл обид и насилья,
Как издевался враг над тобой.
Не отвечай же на ужас бессильем,
На издевательства только слезой [44].

Горские поэты начинают призывать народы к вооруженной борьбе со своими угнетателями. Это было новое качественное явление в духовной жизни горцев. Отдельные из них отчетливо представляли, что «только тот будет с веком, кто ружьё заряжает!». Революционный пафос, страстный призыв к вооруженной борьбе с классом поработителей прозвучал и в стихотворении кабардинского поэта Бекмурзы Пачева, написанном им в 1913 г. после разгрома Зольского восстания крестьян («Князей не прогнали, но их концу мы положили начало...»).

Ясность позиций, последовательная демократическая идейность и партийность привели лучшие писательские силы Северного Кавказа в лагерь революции, в отряды ее отважных бойцов в годы борьбы за власть Советов.

5. Развитие науки. Общественно-политическая мысль

Изучение Северного Кавказа. Изменения, происшедшие на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в. оказали значительное влияние на развитие научной и общественно-политической мысли народов региона.

Научно-исследовательскую работу на Северном Кавказе проводили главным образом русские ученые, работавшие по заданию тех или иных научных учреждений. В составе геологических, географических, ботанических, археологических, этнографических, лингвистических, статистических экспедиций они обследовали почти все районы Северного Кавказа, что сыграло большую роль в изучении природы, растительности, животного мира, геологии, истории, экономики Северного Кавказа. Благодаря исследованиям русских ученых в частности был выявлен ряд новых месторождений полезных ископаемых: нефти и газа, каменного угля, серебра, свинца, цинка, меди, серного колчедана, мрамора, алебастра, марган-

ца, глауберовой соли и т. д., обоснована возможность практического использования богатых гидроресурсов края и его минеральных источников.

В изучении природных условий Северного Кавказа, его геологии в конце XIX — начале XX в. большой вклад внесли видные русские исследователи Н. И. Андрусов, К. И. Богданович, Д. В. Голубятников, К. П. Калицкис, Н. И. Кузнецов, В. В. Докучаев, И. В. Мушкетов, Н. Я. Динник, А. И. Воейков и многие другие.

Значительные исследования были проведены по этнографии, археологии и истории народов Северного Кавказа.

Весомый вклад в изучении археологии этого района внесла гр. П. С. Уварова, которая совместно со своим мужем — известным археологом гр. А. С. Уваровым проводила раскопки в различных районах Северного Кавказа, особенно в Осетии [45]. Материалы, содержащиеся в монографии гр. Уваровой «Могильники Северного Кавказа» и «Кавказ: Путевые заметки гр. П. С. Уваровой», представляют и по настоящее время большой научный интерес [46]. Благодаря публикациям гр. Уваровой навечно запечатлены уникальные произведения древней кобанской культуры [47].

Много сделали по изучению древней и средневековой истории народов Северного Кавказа В. В. Латышев, Н. И. Веселовский, В. И. Долбежев, И. А. Владимиров, Ю. А. Кулаковский, В. А. Городцов, А. А. Бобринский, Н. С. Семенов, В. М. Сысоев, В. Р. Апухтин, Г. Н. Прозрителев и другие.

Весьма плодотворными были исследования по истории народов Северного Кавказа. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский много делали для изучения истории осетин, балкарцев, карачаевцев, народов Дагестана и других горцев. Труды В. Ф. Миллера — «Осетинские этюды» (М., 1881—1897. Ч. 1—3), М. М. Ковалевского — «Закон и обычай на Кавказе» (М., 1890. Т. 1—2), «Современный обычай и древний закон» (М., 1886) и др. сыграли огромную роль в изучении истории, общественного быта и обычного права горцев.

Этнографические аспекты истории горцев, издавна привлекавшие внимание иностранных и русских ученых, в конце XIX — начале XX в. изучались Е. С. Барановым, А. М. Дирром, А. Н. Дьячковым-Тарасовым, С. А. Егиазаровым, Л. Г. Лопатинским, Л. В. Малининым, А. А. Миллером, Г. Ф. Чурсиным, В. М. Сысоевым, С. В. Фарфоровским, Н. С. Шукиным и многими другими.

В конце XIX — начале XX в. началось и углубленное научное изучение северокавказского героического эпоса, чему было положено начало сбором и публикацией текстов, осуществленных русскими учеными Л. Г. Лопатинским, А. С. Греном, Н. П. Тульчинским, В. Ф. Миллером, Н. С. Семеновым в содружестве с местными собирателями К. Х. Атажукиным, П. Тамбиевым, М. Тугановым, Б. Далгатом, Т. Эльдерхановым и другими. Исследования В. Ф. Миллера, А. Н. Веселовского, А. Н. Дьячкова-Тарасова, Н. С. Трубецкого по нартскому эпосу народов Северного Кавказа представляли большой научный интерес.

Научно-исследовательских учреждений на Северном Кавказе не было, но значительную роль в изучении различных вопросов экономики, истории, культуры и быта народов Северного Кавказа сыграли Кавказский отдел русского географического общества, Кубанский, Дагестанский и Терский областные статистические комитеты. Сотрудники этих учреждений не ограничивались сбором и обобщением статистических материалов для ежегодных обзоров областей, но и выступали со специальными исследованиями, со статьями на страницах местных и центральных газет и

Рис. 2. Саид Ибрагимович Габиев — ученый, просветитель, редактор и издатель петербургской газеты «Заря Дагестана»
Фотография 1903 г.

журналов. Так, секретарь Дагестанского статистического комитета и преподаватель истории и географии Темирханшуринского реального училища Е. И. Козубский был автором таких исследований, как «Очерк истории Темир-Хан-Шуры», «История города Дербента» (Темир-Хан-Шура, 1906), «История Дагестанского полка» и других. В основном им были подготовлены ежегодные (с 1892 г.) «Обзоры Дагестанской области» и «Памятная книжка — адрес-календарь Дагестанской области»[48].

Развитие исторической науки у горских народов. Русские ученые оказали большое влияние на пробуждение научной мысли, в том числе на зарождение исторической науки. Интерес к прошлому своих народов выразился как в сборе историко-этнографического материала, так и написании исторических трудов, не потерявших своего научного значения и поныне.

Содержательные статьи Е. Баранова, Н. П. Тульчинского, Б. М. Городецкого, Ф. А. Щербины, Я. Абрамова (о землевладении и землепользовании); А. Н. Дьячкова-Тарасова, П. П. Короленко, Е. Фелицына, Г. Н. Прозрителева (о кордонных линиях, об освоении края), обобщающие работы Е. Максимова, Г. А. Вертепова, Е. И. Козубского, Н. А. Караулова, М. З. Кипиани, В. Я. Тепцова, В. М. Сысоева, Е. Фелицына, К. Ф. Гана, Н. Я. Динника являются ценным вкладом в дореволюционную историческую науку о горцах.

В конце XIX в. был завершен крупный труд Гасана-эфенди Алкадари «Асари Дагестан», представлявший собой, по словам академика В. В. Бартольда, талантливо написанную работу, содержащую «много ценных сведений, особенно по части новой истории Дагестана». Им написано также сочинение автобиографического характера «Диван Ал-Мамнун» и философский труд «Джираб Ал-Мамнун».

В 1906 г. в Тифлисе было издано историко-этнографическое сочинение С. И. Габиева (рис. 2) «Лакп, их прошлое и быт», а затем «Арабы, исламы и арабомусульманская культура»[49]. Его перу принадлежат представляющие и поныне научную ценность статьи, опубликованные в периодической печати страны и за рубежом в 1910—1916 гг. В конце XIX — начале XX в. Габиев опубликовал ряд этнографических работ — «Грамотность в горах Дагестана», «Свадьба лаков» и другие. Научную ценность представляют также этнографические и фольклорные исследования Башира Далгата, посвященные не только народам Дагестана («Цудахарские песни», «Материалы по обычному праву даргинцев»), но и чеченцам, ингушам и другим горцам («Первобытная религия чеченцев», «Странички из северокавказского богатырского эпоса», «Материалы по обычному праву ингушей») и другие.

Представители чечено-ингушской интеллигенции и передовой общественной мысли А. Мутушев, И. Мутушев, И. Магомаев, М. Хаджиев, А. Долгиев, А. Шарипов писали статьи антиклерикального, социального, антиколонизаторского и революционного содержания. И. Саракаев посвятил свои публикации мюридизму в Чечне и Дагестане.

В трудах северо-осетинских исследователей К. Хетагурова, Г. М. Цаголова, А. Ардасенова, М. Гарданова и других разрабатывались различные проблемы истории, этнографии и экономики родного края. Исследование Алихана Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» (Тифлис, 1896) очень ярко и убедительно показавшее социально-экономические изменения, происшедшие в жизни горцев в конце XIX в., является одной из лучших работ в дореволюционной историографии по Северному Кавказу [50].

Большой вклад в изучение истории Северной Осетии внес Коста Хетагуров, который в своей работе «Быт горных осетин» [51] высказал наиболее глубокие, исторически правильные положения (о происхождении осетин, об их присоединении к России и его прогрессивном значении для осетинского народа, о земельном вопросе, о развитии капитализма и положении рабочего класса, о политической форме организации государственной власти и т. д.). Эти работы не потеряли своего значения и по сей день.

Большое влияние на изучение социально-экономической жизни Осетии имели работы революционеров-демократов Г. Цаголова [52] «Край беспросветной нужды» (Владикавказ, 1912) и др., М. Гарданова «Социально-экономические очерки (Современная Северная Осетия)» (Владикавказ, 1908), в которых они выступали как защитники интересов народных масс.

Балкарский общественный деятель М. К. Абаев (рис. 3), придерживавшийся либеральных, буржуазно-демократических взглядов, в своих статьях затронул ряд важных вопросов по землевладению и землепользованию горцев, просвещению, женскому образованию, культуре народов края, выступал с критикой старых обычаев и традиций. Его исторический очерк «Балкария» представляет большую научную ценность [53].

В. Н. Кудашев — автор обобщающего труда «Исторические сведения о кабардинском народе» (Киев, 1913) — выступил как крупный историк либерального, буржуазно-демократического направления. Он, как и М. Абаев, поднимает важные научные проблемы, в том числе: этногенез кабардинцев и балкарцев, заселение ими занимаемой территории, общественный и политический строй, присоединение к России и его значение, отмена крепостного права и т. д.

Для изучения истории адыгов немаловажное значение имеет и «Введение в историю черкесов», написанное Нухом Меретуковым. В этой работе, изданной (на арабском языке) в Казани в 1912 г. и страдавшей серьезными методологическими ошибками, содержатся ценные фактические сведения по экономике, социальному устройству, быту и культуре адыгов. Меретуков написал и учебник арабского языка (Темир-Хан-Шура, 1908).

Существенный вклад в этнографическое изучение Северного Кавказа, в частности адыгов в конце XIX в., внес передовой общественный деятель Т. П. Кашежев. Его работами — «Свадебные обряды кабардинцев» и «Ханцагуаше — общественное моление об урожае у кабардинцев» (опубликованными в журнале «Этнографическое обозрение» в 1882 и 1900 гг.) — до сего времени пользуются ученые.

Рис. 3. М. К. Абаев — балкарский общественный деятель Фотография начала XX в.

Интересные сведения по истории народов Северного Кавказа. об их земледелии и землепользовании, сословном вопросе, народном образовании, горской интеллигенции, необходимости сохранения памятников устного народного творчества и материальной культуры, переселении горцев в Турцию (махаджирство), борьбе с вредными обычаями и традициями и т. д. имелись в статьях Басията Шаханова, опубликованных в 1899—1900 гг. на страницах газет «Казбек», «Терские ведомости» и «Каспий». Они написаны с позиции либерала, буржуазного демократа.

Значительную роль в изучении различных вопросов истории (особенно развития капиталистических отношений в горской деревне и его последствий), культуры, просвещения сыграли публикации передовых общественных деятелей Сафарбея Сиюхова (Черкесия), И. Крымшамхалова и И. Хубиева (Карачай). Значительный след в истории культуры народов Северного Кавказа оставили учителя Исмаил и Иммолат Хубиевы, И. Байрамуков, а также сотрудники Кубанского музея краеведения: Н. Токов, С. Халилов, М. Байрамуков, Д. Байрамуков, З. Кубаков, С. Байчоров и др.

Хотя многие из названных деятелей науки и культуры народов Северного Кавказа не могли дать правильного объяснения тем или иным общественным явлениям, не смогли преодолеть своей классовой ограниченности, собранные обобщенные ими данные являются ценным источником изучения истории, этнографии и культуры горских народов.

Общественно-политическая мысль. Развитие общественно-политической мысли народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. проходило в условиях борьбы между носителями революционно-демократических и реакционных буржуазных идей и взглядов. Представители революционно-демократических взглядов помогли многим просветителям-демократам освободиться от своих заблуждений и впоследствии включиться в активную борьбу за установление и упрочение Советской власти на Северном Кавказе.

Феодально-клерикальное течение, опираясь на религиозную идеологию и суеверие народных масс, боролось против революционно-демократической и марксистской идеологии, отстаивало панисламистские и пантюркистские идеи отделения Северного Кавказа от России и подчинения его «единоверной» Османской империи.

Буржуазно-националистическое течение во главе с И. Гайдаровым и Г. Бамматом в Дагестане, Х. Чижоковым и П. Коцевым — в Кабарде, Г. Баевым и А. Кодзаевым — в Северной Осетии стремилось завершить революцию на первом ее этапе и установить буржуазную республику. Северо-Кавказская горская национальная буржуазия приспосабливала

религиозную идеологию ислама к своим интересам и смыкалась с феодальными кругами, хотя ее конечные политические цели расходились с ними.

Прогрессивные общественные деятели Северного Кавказа, особенно представители революционно-демократического направления вели неустанную борьбу с представителями как феодально-клерикальной, так и буржуазно-националистической идеологии.

Прогрессивная общественно-политическая мысль народов Северного Кавказа была неоднородна. Она была представлена различными течениями и группами, которые под влиянием общественного развития, революционного движения, большой организаторской работы большевиков набирали силу и мужали. Решающую роль в пропаганде большевистских идей на Северном Кавказе сыграли газеты «Правда» и «Пролетарий». Росту политической сознательности трудящихся масс, их революционному просвещению содействовали газета «Ирон» («Осетинская газета»), выходившая в июле—августе 1906 г., «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета», издававшаяся в 1912—1913 гг. в Петербурге С. И. Габиевым. «Заря Дагестана» разоблачала злоупотребления царской администрации, резко критиковала военно-народное управление, настойчиво и последовательно пропагандировала идею просвещения дагестанских народов, ратовала за приобщение горцев к передовой прогрессивной культуре русского народа.

Заметную роль в развитии общественно-политической мысли сыграла деятельность Дагестанского просветительно-агитационного бюро, объединившего вокруг себя революционное крыло студенчества и передовую часть интеллигенции. Для широкой пропаганды революционных идей среди трудящихся просветительско-агитационное бюро стало издавать газету «Илчи» («Вестник»), позже — «Чанна Цуку» («Утренняя звезда») — на лакском языке. Деятели бюро У. Буйнакский, С.-С. Казбеков, Г. Саидов, З. Батырмурзаев и другие на страницах этих и других газет пропагандировали прогрессивные идеи, разоблачали антинародную политику Временного правительства, показывали грабительский характер первой мировой войны. В противовес идеям панисламизма, пантюркизма и буржуазного национализма революционные деятели Дагестана пропагандировали идеи интернациональной дружбы и солидарности трудящихся всех национальностей, вселяли уверенность в конечную победу российского пролетариата и ликвидацию национального и социального гнета. «Солнце свободы взойдет с Севера»,— предсказывала газета «Илчи» 3 июня 1917 г.

Члены бюро допускали ошибки по вопросам аграрным и государственного устройства, считали необходимым просвещение народа только на своем родном языке. Но они также ратовали за развитие национальной культуры тем путем, который «освободит угнетенные нации», сделает их счастливами [54].

Такие же просветительские иллюзии имели место и во взглядах общественных деятелей Кабарды и Балкарии В. Н. Кудашева, И. Кармова, С. Озрокова и особенно М. Абаева. По мнению М. Абаева путь к культуре, богатству и счастью России лежит только через школу [55].

На позициях просветительства стояли общественные деятели Карачая И. П. Крымшамхалов и публицист И. Хубиев, адыгейские общественные деятели И. Цей, С. Спюхов и многие другие. Названных общественных деятелей Адыгеи, Карачая и Черкесии, Кабарды и Балкарии объединяла идея необходимости приобщения горцев к русской культуре. За налаживание взаимоотношений и дружбы между русскими, чеченцами и

ингушами, за просвещение своего народа выступал и ингушский деятель А.-Г. Долгиев.

Такие же просветительские идеи высказывали Б. Далгат, Н. Батырмурзев и др. Б. Далгат осуждал тех, которые противились распространению русской культуры на Кавказе, отмечал, что ни одна народность не может жить и развиваться вне связи с другими народами. Народы Кавказа, писал он, должны заимствовать все лучшее, что приобретено мировой цивилизацией и в первую очередь русским народом, но «непременно на национальной почве». Б. Далгат считал религию порождением невежества, а потому полагал возможным преодоление ее идеологии путем распространения просвещения и научных знаний [56].

Конец XIX — начало XX в. выдвинуло в Северной Осетии целую группу общественно-политических деятелей революционно-демократического направления: К. Хетагурова *, Г. Цаголова, А. Гассиева, Ц. Гадиева, М. Гарданова и других.

Г. М. Цаголов являлся одним из крупных общественно-политических деятелей Северного Кавказа и высказал ряд смелых взглядов по многим вопросам жизни и быта горцев, нашедших обобщение в его очерках под общим названием «Край беспросветной нужды» (Владикавказ, 1912).

Анализируя экономическое положение горцев, их безземелье, нищету и бесправие, причины их тяжелого положения, Г. Цаголов винил в первую очередь существующий строй и ратовал за его ликвидацию [57]. Он искренне сочувствовал крестьянской бедноте и «временно-проживающим» крестьянам, беспощадно бичевал сельских угнетателей, разоблачал налоговую политику царизма.

Видный общественный деятель Северной Осетии А. Гассиев в начале XX в. выступал как защитник интересов народных масс, как враг реакции и внутренней политики царизма. В своих статьях «Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе» (Владикавказ, 1909), и «Сколько и как платим налога» [58], он уделил большое внимание критике земельной и налоговой политики царизма, выступал как непримиримый противник самодержавного строя и его пособников на местах.

Убежденным последователем русской передовой общественно-политической мысли был Ц. Гадиев, участник революции 1905—1907 гг., сосланный в Сибирь. Он известен и как автор революционных стихотворений. Ц. Гадиев в своей статье «Искандер-Герцен» (1912 г.) дал высокую оценку А. И. Герцену как выдающемуся деятелю русского освободительного движения.

Выдающуюся роль в борьбе с реакционными идеологическими течениями и в развитии марксистской общественно-политической мысли в Дагестане сыграли Кази-Магомед Агасиев (1882—1918) и Уллубий Буйнакский (1890—1919). Большое внимание они уделяли раскрытию социальной сущности и роли религии.

Много внимания У. Буйнакский и другие большевики уделяли критике реакционных идеологических течений, возникших в начале XX в. в Дагестане, особенно идеологии контрреволюционной партии «Дагестанский национальный комитет» — партии шариатистов, опиравшихся на идеологию ислама.

Неустанно разоблачая клерикальные и буржуазно-националистические идеи, У. Буйнакский, К. М. Агасиев и др. разъясняли, что только в

---

* Общественно-политические взгляды Коста Хетагурова освещены в главе IX настоящего издания.

тесном братстве и единстве с революционным пролетариатом России они могут приобрести подлинную свободу, и что интересы помещиков и капиталистов всех наций враждебны интересам трудящихся.

Как неутомимые борцы за народное дело выступили и общественные деятели Чечни Т. Э. Эльдерханов, А. М. Мутушев и А. Д. Шерипов, Т. Эльдерханов сделал многое для просвещения своего народа (создал алфавит, боролся за увеличение числа русских школ, написал буквари, сам преподавал русский язык у себя дома чеченским детям. Будучи депутатом от горских народов, выступал на заседаниях Государственной думы с требованием улучшения просвещения колониальных народов). Демократ-интернационалист Т. Эльдерханов в ходе борьбы за народное дело превратился в страстного агитатора марксистских идей, в подпольщика-революционера, члена большевистской фракции Государственной думы, в активного, преданного борца за Советскую власть [59].

За дружбу с русским народом, за распространение русской грамоты среди населения выступал создатель частных школ и переводчик на чеченский язык гимна коммунистов — «Интернационал» — А. М. Мутушев. Он стал страстным пропагандистом марксистских идей, подпольщиком-революционером, отдавшим жизнь в борьбе за народное дело.

А. Д. Шерипов в начале XX в. показал себя поборником равенства, братства и мира между народами, русско-вайнахской дружбы. Демократ Шерипов стал коммунистом, революционером, соратником и другом Кирова и до конца своей короткой жизни боролся за установление и упрочение Советской власти на Северном Кавказе.

Таким образом в конце XIX — начале XX в. общественно-политическая мысль народов Северного Кавказа достигла значительного развития. Под влиянием передовой общественной мысли России, усиливающегося революционно-демократического движения, распространявшихся революционных идей большевистской партии на Северном Кавказе оформилось довольно сильное революционно-демократическое течение, представители которого вели успешную борьбу против буржуазно-националистической и феодально-клерикальной идеологии и возглавили борьбу трудящихся масс против царского самодержавия.

В Дагестане и Северной Осетии в начале XX в. оформились свои большевистские организации, которые и направляли общественное движение. В Кабарде, Балкарии, Карачае, Черкесии, Адыгее, Чечне и Ингушетии еще не произошло четкое размежевание между представителями отдельных течений и только накануне Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. усилилось революционно-демократическое движение, возглавляемое вожаками народных масс А. Шериповым, Т. Эльдерхановым, Б. Калмыковым и другими деятелями.

6. Культура и быт русского и украинского населения

Развитие капитализма на Северном Кавказе оказывало известное воздействие на культуру и быт населения казачьих станиц Терека и Кубани и русского крестьянства Ставрополья.

Поселения. В конце XIX — начале XX в. у старожильческого казачьего населения Терека и Кубани встречались следующие типы населенных пунктов: старые казачьи станицы, слободы и хутора. У «иногороднего» населения казачьих областей и крестьян Ставрополья — села, хутора. Однако изменился и внешний облик старых казачьих станиц —

исчезли укрепления вокруг них, сменилась планировка станиц, появились новые типы построек и т. п.

Размеры поселений на Тереке и Кубани были различны. Наибольшими по площади и числу жителей были старые казачьи станицы плоскостных кубанских районов и села Ставрополья, в которых насчитывалось до тысячи хозяйств. Несколько меньше были предгорные селения и станицы, редко превышавшие четыреста дворов. Еще меньше были выселки и хутора, в которых проживало как казачье, так и крестьянское население. На Тереке встречались более крупные селения.

Как и прежде, большинство казачьих станиц располагались по берегам рек и их притокам. Как правило, в центре селения находились станичное правление, церковь, торговые строения и т. п. Но многие станицы в административном отношении и по планировке уже делились на кварталы, внутри которых казакам нарезались утвержденные «планы» под дом и приусадебный участок. Однако от предшествующего времени в станицах сохранились и старые «концы» и улицы, носившие давние названия по географическому, религиозному, социальному, этническому и прочим признакам.

Более свободно, без особой планировки, согласно своим этническим обычаям, устраивались крестьянские селения. Однако, в конце XIX—начале XX в. внешний облик и этих селений, как и казачьих станиц, с ростом культуры и благосостояния, в известной степени менялся. Станицы и села все более и более благоустраивались, а дома, теперь уже во многих случаях выходившие фасадами на улицу, приобретали городской (слободской) вид, особенно у зажиточной части казачьего и «иногороднего» населения. На улицах терских станиц стали появляться мастерские ремесленников, торговые заведения, а на окраинах порой даже небольшие полукустарные заводики.

Ставропольские села располагались так же вдоль рек или дорог. Переселенцы из одних местностей стремились поселиться рядом, образуя «концы» или «сотни». В центре села располагалась церковь, около которой находилась площадь. Второй бывала обычно рыночная площадь. Здесь же, в центре села, находились общественные постройки — здание волостной управы, хлебного «магазина» (в котором хранились общественные запасы зерна), магазины и лавки.

Жилище. В конце XIX — начале XX в. жилище русского и украинского населения Северного Кавказа отличалось многообразием форм, хотя строительный материал и конструктивные особенности жилищ во многом оставались прежними. В плоскостных районах Терека и Кубани, где давно уже чувствовалась острая нехватка строевого леса, да и остальные леса уже были сведены, наиболее распространенными были турлучные, саманные и глинобитые (литые или вальковые) постройки, зато в предгорных и горных районах, все еще богатых лесами, чаще встречались срубные жилища.

На Тереке и Кубани главным образом бытовали продолговатые в плане постройки, состоящие из одного или двух жилых помещений, разделенных сенями; кроме того встречались квадратные (донские) дома, состоящие из нескольких комнат [60].

В безлесных степях Ставрополья дома строили главным образом из самана, который перед постройкой заготовляли женщины. Дома были продолговатыми в плане, с одним или двумя жилыми помещениями, с земляным полом. Внутри и снаружи дома белили, оставляя над землей полуметровый слой темной покраски. Дома располагались обычно фаса-

дом во двор. Наряду с этим в селах встречались и богатые дома под железной крышей, с деревянными полами. В землянках жили вновь прибывшие небогатые крестьяне, которым трудно было поставить дом.

С развитием капиталистических отношений на Северном Кавказе в конструкции и материале жилищ произошли заметные изменения, коснувшиеся прежде всего состоятельных хозяев, и в меньшей степени — крестьянских селений «иногородних». Более интенсивно этот процесс прослеживался в населенных пунктах, расположенных вблизи городов и путей сообщения. Улучшается техника строительства — особенно у зажиточной части казачьего и крестьянского населения, нанимавшей за деньги уже профессиональных плотников-строителей (зачастую — отходников, прибывавших на заработки на Северный Кавказ из России, Грузии и Армении). В богатых домах все чаще и чаще стал встречаться бетонный или каменный фундамент и подвалы. Крыши домов покрывались железом и черепицей, причем последнюю вначале привозили из городов, а затем стали производить на месте, на небольших черепичных заводиках. В начале XX в. наиболее зажиточная часть населения края имела в домах застекленные террасы, устраивала красиво оформленные парадные входы в дом.

Менялась и внутренняя планировка жилищ, в которых прослеживалась общая тенденция увеличения полезной площади и качества отделки комнат, каждая из которых теперь уже приобретала определенное назначение (спальня, столовая, кухня и т. д.). Изменился и внутренний интерьер жилища: исчезли старые помосты (палати) и лавки вдоль стен для спанья, появились кровати, стулья и другая «городская» мебель; в повседневный обиход вошла медная, чугунная и железная посуда; в зажиточных домах можно было встретить «венские» настенные зеркала, ковры, богатую утварь и др.[61] Однако, как и в предшествующий период, внешний вид и внутреннее убранство казачьих домов (особенно бедноты) продолжало иметь много общего с жилищами соседнего горского населения, что говорило о дальнейших процессах взаимодействия и взаимообогащения культур русско-украинского и северо-кавказского населения края.

Одежда. На дальнейшее развитие костюма русского и украинского населения Северного Кавказа большое влияние оказало появление промышленных товаров и изделий, проникновение многих элементов городской моды (особенно в женской одежде), а также все усиливающаяся имущественная и сословная дифференциация в среде казачьего и иногороднего населения.

Состоятельная часть станичников и «иногородних» уже стремилась одеваться по-городскому, покупала изделия тульских, московских и варшавских фабрикантов, посылавших на Кавказ свои изделия, азиатский костюм заменялся европейским и т. д. На фасон и покрой одежды населения Северного Кавказа, как и других областей России, большое влияние оказывала общеевропейская мода, нивелировавшая региональные отличия в одежде тех или иных районов страны (эти отличия все еще продолжали сохраняться в среде малоимущего населения).

Однако у казачества Терека и Кубани, несмотря на «приобщение станичников к некоторым элементам городской культуры» и появление общеевропейского костюма, все еще преобладали традиционные народные изделия из домотканого материала, шерсти и кожи, изготавливаемые не только самими казаками, но и пришлыми мастерами из числа «иного-

родних», среди которых имелись ткачи, сапожники и портные. По-прежнему в станицах мастерили обувь из сыромятной кожи, вязали чулки, носки и платки, как это было принято и у горцев Северного Кавказа [62]. Одежду украшали узким кавказским ремешком, позументами, галунами и т. п. Помимо сословных и социальных различий в одежде (казаки и «иногородние», зажиточные и бедные), сохранялись местные локальные отличия — например, в казачьих районах востока и запада Северного Кавказа, где сказывалось доминирующее влияние то русского, то украинского народного костюма.

Обязательными принадлежностями мужского костюма у казаков Кубани и Терека были бешмет, черкеска, украшенная газырями, войлочная горская бурка, суконный башлык. К концу XIX в. почти повсеместно вошло в употребление нижнее нательное белье из отбеленного холста, в котором казаки зачастую и работали в поле. Летом линейные казаки носили войлочные шляпы горского типа, кубанцы — плетеные из соломы «брыли» [63]. Зимним головным убором у казаков была меховая шапка, суживающаяся к верху, с суконным околышем и кантом, цвет которого соответствовал уставному цвету формы того или иного из казачьих полков. К 1917 г. у кубанских казаков в военную форму вошли папахи-кубанки, заимствованные у местного (адыгского) населения и ставшие широко популярными не только на Северном Кавказе, но и в России («форма казачка́»). Зимней верхней одеждой у казаков были шубы с запахом (кожухи), на Кубани — короткие полушубки. Зажиточные казаки и «иногородние» носили меховые шубы, а в начале XX в. в моду вошли городские пальто фабричного производства и шинели полувоенного образца.

Как и в прежнее время, рабочей обувью казаков были башмаки с пришивной подошвой и «бродни» из сыромятной кожи, «чувяки» — под них на ноги надевали толстые шерстяные носки собственной вязки, в которые заправлялись штаны или шаровары (в линейных станицах были популярны «ходаки» из сыромятной кожи, у кубанцев — «черевики»). У горцев казаки заимствовали «паголенки» и «ноговицы», ставшие принадлежностью форменного казачьего костюма. К началу XX в. в моду в казачьих станицах вошли сапоги и галоши.

Костюм иногороднего населения Северного Кавказа на первых порах резко отличался от казачьего и горского, поскольку в одежде «иногородних» четче проступали этнические особенности тех районов, откуда шло переселение на Кавказ. «Иногородние» часто одевались в поддевки и жакеты, пиджаки и брюки городского покроя, армяки старого типа, сапоги и туфли. Головным убором у них служила меховая шапка типа казачьей, но без канта, а также картуз из ткани фабричного производства [64].

Крестьянское население Ставрополья все чаще стало шить одежду из покупных тканей, которые, однако, до конца не вытесняли домотканых. Мужской костюм состоял из штанов и рубахи, которую носили навыпуск, подпоясывая тканым поясом с кистями. Украинские переселенцы носили рубашки с вышитой грудью и манжетами, русские — рубашки с косым воротом. Поверх рубах надевали зипуны, бешметы; щеголи с начала XX в. стали носить жилеты, редко — жакеты.

Зимней одеждой были овчинные дубленые полушубки, тулупы. В начале XX в. в моду вошли отрезные полушубки красноватого оттенка с черным каракулевым воротником, которые полюбились сельской верхушке.

Обувью служили «поршни» домашнего изготовления из коровьей кожи, «черевики» из яловой кожи. Зимой носили валенки. Праздничной обувью были сапоги из юфтевой кожи. Головным убором кроме традиционной войлочной шапки стали вошедшие в моду казачьи каракулевые папахи с донышком.

Женской одеждой у терских и кубанских казаков и «иногородних» в основном оставалась русская рубаха (в линейных станицах) и украинская сорочка (в кубанских станицах) разнообразных покроев. В казачьих станицах появились также нижние и верхние широкие юбки из покупных тканей, кофты и фартуки на завязках и др. Ткани и отделка женской одежды были весьма разнообразны и так же, как и в мужском костюме, служили определенным признаком имущественной дифференциации.

Стеганые «кофты» из ситца или сатина кубанские казачки называли, в зависимости от длины, «гусаркой» или же «куциной», а линейные казачки — «полькой» [65]. Зимней верхней одеждой у казачек и «иногородних» были овчинные шубейки и простые кожухи с запахом, а также покупные пальто и шубы из меха. Разнообразны были и головные уборы «шлычки» различных покроев и фасонов, вязаные пуховые платки, меховые шапочки, косынки, покупные чепцы, шарфы и т. п. Из обуви казачки носили чувяки, ходаки, черевички, башмаки, сафьяновые сапожки и др. В начале XX в. в моду вошла фабричная женская обувь — высокие ботинки на шнурках, туфли, галоши и др. В наряде казачек появились и многие покупные украшения: бусы, серьги, браслеты, колечки и другое. Как и у горянок, одежда казачек богато украшалась позументами, серебряными пуговицами, монистами и др.

Русские крестьянки носили рубахи и юбки с кофтой, сшитые в зажиточных семьях — из покупной ткани, в бедных — из домотканого холста. Поверх кофты с юбкой надевали фартуки. Кофты шили короткими, с воротником-стойкой, застежкой на мелких пуговицах. Зимой носили кофты на вате, овчинные шубы с опушкой. В начале XX в. стали носить черные суконные пальто на вате.

Пища. Пища русского и украинского населения Северного Кавказа в основном оставалась традиционной. Тем не менее развитие товарно-рыночных связей все же обогатило пищевой рацион, коснувшись в первую очередь стола состоятельных слоев казачьего и «иногороднего» населения.

В казачьих и прочих селениях улучшились качество и способы приготовления хлеба, для выпечки которого стали употреблять специальные формы и «жестни», хотя в основном еще в пищу шел подовый хлеб. Казачий рацион пополнялся и новыми продуктами — картофелем и подсолнечником (посадки которых увеличились во второй половине XIX в.), разнообразными крупами, рядом других привозных продуктов. Использование сепараторов в индивидуальном хозяйстве сделало более доступным сливочное масло, а появление прессов — подсолнечное, встреченное вначале казаками с недоверием. В лавках и магазинах в большом количестве появился сахар и конфеты (особенно леденцы), раньше являвшиеся редкостью.

Как и прежде, в меню казачьей кухни были широко представлены и блюда, заимствованные у горского населения: пшенная паста, мамалыга, фасоль, овечий сыр, пресные хлеба, лепешки с сыром и соленым творогом, различные фруктовые и пряные приправы из местных трав и т. п.

Семейный и общественный быт. Во второй половине XIX в., особенно с 70—80-х годов на Тереке и Кубани начался упадок и разложение большесемейных коллективов. Основной причиной распада таких больших семей следует считать «интенсивное развитие в крае товарно-денежных отношений и капитализацию сельского хозяйства» и всего образа жизни [66]. Проникновение капиталистических отношений на Северный Кавказ отразилось на всех сторонах жизни и взаимоотношений многих казачьих семей, когда прерывалась связь членов семьи, нарушался вековой и незыблемый принцип беспрекословного подчинения младших старшим, детей воле родителей, что, например, ярко сказывалось на самовольном выборе невесты, ухода жены в родительский дом, «своеволии» сыновей, отстаивающих свои права и требующих раздела и доли своего имущества [67].

На смену большим семьям у терских и кубанских казаков в начале XX в. шла малая семья, как правило, состоявшая из родителей и их неженатых детей. В это время и на Тереке и на Кубани все больше и больше становилось семей, состоявших из двух—трех поколений и максимум из 8—10 человек [68].

Что касается крестьянских семей «иногороднего» населения, то здесь можно было наблюдать иную картину. Согласно правовому положению, большинство «иногородних» в казачьих областях вообще не имели земли, а порой и собственного дома, добывая средства к существованию работой по найму у казаков, занятиями ремеслами, торговлей, арендой земли и угодий станичной общины и т. п. Отсюда семьи «иногородних», особенно на первых порах, в отличие от казачьих, не были столь ярко выраженными хозяйственными объединениями, поэтому социально-экономические условия существования этой группы населения, весь уклад жизни не могли не влиять на состав и численность семей «иногородних». В первую очередь крайнее безземелие «иногородних» не способствовало складыванию в их среде больших семейных коллективов, наиболее характерными для них всегда были малые семьи (крайне редко — большие) в два и реже в три поколения. Однако численность семей «иногородних», имевших прочную оседлость на арендуемой у общества земле, свой дом и приусадебный участок (богачи «невойскового сословия»), зачастую превышала 10 и более человек. В укладе жизни таких больших неразделенных семей, прикованных экономическими интересами к земле (арендуемой или купленной), было много общего с семейным бытом казачества в больших семьях.

Развитие капиталистических отношений на Северном Кавказе, разложение старой казачьей общины, несмотря на ее юридическое существование, распад больших семей, приток нового населения из центральных и южных районов страны, влияние городской культуры и просвещения — все это не могло не сказаться не только на семейном быте и семейной обрядности (общая тенденция к ее упрощению), но и на всем общественном быте казачьих станиц.

К традиционным коллективным формам проведения досуга здесь по-прежнему относились посиделки и девичники, станичные торжества и праздники; по-прежнему в казачьих станицах была популярна верховая езда, джигитовка, стрельба из ружей в цель и т. п., входившие составной частью в общую подготовку станичной молодежи к воинской службе.

Однако новые веяния достигали и казачьих станиц на Тереке и Кубани — особенно тех из них, которые находились по соседству с городами и промышленными центрами края. По воскресеньям в отдельных станицах уже проводились народные чтения, ставились любительские

спектакли, появлялись казачьи хоры и оркестры, молодежь устраивала танцевальные вечера. Все более и более развлекательный характер принимали и традиционные молодежные посиделки, на которых теперь больше танцевали и пели, нежели занимались рукоделием и другими работами [69]. Все свидетельствовало о постепенном росте культуры населения, общих тенденций «приобщения станичников к некоторым элементам городской культуры» [70] и о новых влияниях, подрывающих традиционную замкнутость старого казачьего быта.

В начале XX в. во многие казачьи станицы и селения иногородних стала проникать революционная пропаганда, носителями которой были не только местные мастеровые и интеллигенция, связанные с городом, но и те беднейшие жители станиц, кто работал в городах или же часто бывал там, уходя на заработки на фабрики и заводы, нефтяные промыслы, и контактировал с рабочими. Этот станичный пролетариат доставлял из городов запрещенную литературу, газеты, листовки и прокламации, был знаком с рабочими собраниями и митингами. На станичных сходках все чаще и чаще высказывались «крамольные» мысли, поднимались животрепещущие вопросы землепользования и т. д. Зачастую подобное «брожение умов» выливалось в открытое неповиновение станичным властям, приводило к захвату земель местных богатеев и общевойскового фонда, к требованиям их справедливого передела и т. д.

В начале XX в. в казачьих станицах и иногородних селениях русских и украинцев на Северном Кавказе уже наблюдалось недовольство существующими в стране порядками, вызревали ростки классовой солидарности беднейших слоев казачества, «иногороднего» и горского населения края, что особенно ярко проявилось в последующих событиях и в период Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. на Тереке и Кубани.

Таким образом, пореформенный период и эпоха империализма ознаменовались большими культурными сдвигами на Северном Кавказе. Усилилось влияние русской передовой культуры. В культуре горских народов отразились процессы развития капиталистических отношений, но сохранилось очень большое влияние феодально-клерикальных и патриархальных идей и порядков. Рост культуры горских народов, особенно массы населения, задерживался колониальной политикой царизма и российского империализма в целом. Вместе с тем в культурном развитии этого времени прослеживается сближение передовой демократической русской культуры и русского революционного движения с передовыми освободительными тенденциями лучших представителей прогрессивной общественной мысли горских народов.

---

[1] *Шацкий П. А., Муравьев В. Н.* Ставрополь: Исторический очерк. Ставрополь, 1977. С. 78.

[2] История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 349.

[3] *Шацкий П. А., Муравьев В. Н.* Указ. соч. С. 107.

[4] ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 4. Д. 53. Л. 4.

[5] *Крым-Гирей.* Черкесский вечер // газ. Кубанский край. 1913. 29 дек. № 290.

[6] Хрестоматия по истории Кубани. Краснодар, 1967. С. 244–246.

[7] Академик живописи П. З. Захаров: Материалы научной конференции. Грозный, 1976. Весной 1987 г. в Музее Тропинина в Москве экспонировалась выставка картин П. З. Захарова-Чеченца из многих музеев страны.

[8] *Миллер А.* Черкесские постройки // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Вып. 2. С. 1.

[9] История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1917. Т. 1. С. 443.

[10] ЦГА ЧИАССР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–2; ЦГА СОАССР. Ф. 174. Оп. 1. Л. 3. Л. 57 и след.

[11] ЦГА ДААССР. Ф. 59. Оп. 1. Д. 32, 50, 132, 164, 238.

[12] ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 2. 1911 г. Д. 27. Т. 1. Л. 16.
[13] ЦГА СОАССР. Ф. 11. Оп. 10. Д. 6267. Л. 2; Д. 5950. Л. 2; Ф. 12. Оп. 3. Д. 216. Л. 8, 34.
[14] *Агишев Н. М., Бушуев В. Д.* Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 14, 66—69.
[15] Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 158.
[16] Однодневная перепись начальных школ в империи. Пг., 1914. С. 86—87.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 321—322.
[18] История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 422.
[19] газ. Кавказ. Тифлис, 1905. 5 авг.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 133.
[21] журн. Мусульманин. 1911. № 24. С. 980.
[22] Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского училища, 1890—1899. Темир-Хан-Шура, 1901. Прил. Табл. 16.
[23] Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 286.
[24] Обзор Дагестанской области за 1903 г. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 159.
[25] ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 73 и об.
[26] ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 210. Л. 144.
[27] Обзор Дагестанской области за 1908 г. Темир-Хан-Шура, 1907. С. 98.
[28] История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 423.
[29] Отчет попечителя Кавказского учебного округа за 1914 г. Тифлис, 1915. Ч. 2.
[30] ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 68. Л. 9—11.
[31] ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 704. Л. 54 и об.
[32] Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916. С. 45.
[33] Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915. С. 46—47.
[34] ЦГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 330. Л. 67.
[35] *Пирогов Н. И.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1961. Т. 5. С. 429—430.
[36] *Караева А. И.* Очерки истории карачаевской литературы. М., 1966. С. 85. Подстрочный перевод.
[37] Песни народов Дагестана. М., 1970. С. 208.
[38] Поэзия Чечено-Ингушетии. М., 1959. С. 68.
[39] *Караева А. И.* Указ. соч. С. 34.
[40] Песни народов Дагестана. С. 43.
[41] *Пачев Бекмурза.* Верные слова. М., 1957. С. 98.
[42] Кязим Мечиев // Поэзия народов СССР: XIX — начало XX в. М., 1977. С. 548. (Библиотека всемирной литературы).
[43] *Коста Хетагуров.* Собр. соч.: В 3-х т. М., 1961. Т. 2. С. 102—103.
[44] Осетинская литература. М., 1952. С. 204—205.
[45] См.: *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 30—40.
[46] Кавказ: Путевые заметки гр. П. С. Уваровой. М., 1887—1909. Т. 1—3.
[47] *Крупнов Е. И.* Указ. соч. С. 32—40.
[48] См.: История Дагестана. Т. 2. С. 335—336.
[49] *Асеев-Аджиев А. В.* С. И. Габиев и зарождение революционной демократической публицистики в Дагестане: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Баку, 1970.
[50] *Ардженов Н.* Алихан Ардасенов. Орджоникидзе, 1970.
[51] *Хетагуров К.* Быт горных осетин. Сталинири. 1939.
[52] *Габараев С. Ш.* Георгий Цаголов (1871—1939 гг.). Цхинвали, 1962.
[53] *Азаматов К. Г., Хутуев Х. И.* М. К. Абаев: Общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980; журн. Мусульманин, 1911. № 24.
[54] Партархив Дагестанского обкома КПСС. Ф. 2370. Оп. 5. Д. 159. Л. 2.
[55] газ. Майкопский листок, 1912. № 9.
[56] *Далгат Б.* Первобытная культура чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. С. 70.
[57] См.: *Тотоев М. С.* Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957. С. 125.
[58] Там же.
[59] См.: *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи. М., 1956. С. 87.
[60] Кубанские станицы. М., 1967. С. 108—110.
[61] СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33.
[62] Кубанские станицы. С. 149.
[63] *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 82.
[64] Кубанские станицы. С. 154—155.
[65] *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 82—83.
[66] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки во второй половине XVI — начале XX в.: (Историко-этнографические очерки). М., 1969. С. 305.
[67] Там же.
[68] Кубанские станицы. С. 192—193.
[69] Терские ведомости. 1900. № 51; Кубанские станицы. С. 240—241, 246.
[70] *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 90.

Глава XV

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

1. Первая мировая война. Отношение к ней народов Северного Кавказа

Первая мировая империалистическая война, в которую на протяжении многих лет втягивал человечество империализм, началась в августе 1914 г. Она явилась результатом обострения противоречий между главными империалистическими группировками за передел мира и сфер влияния. В этой войне ее главные участники преследовали также цель использовать военную обстановку для подавления растущего революционного движения в своих странах. Исчерпывающую характеристику первой мировой войне дал В. И. Ленин. Он писал, что это «есть война между двумя группами разбойнических великих держав из-за дележа колоний, из-за порабощения других наций, из-за выгод и привилегий на мировом рынке. Это — самая реакционная война, война современных рабовладельцев за сохранение и укрепление капиталистического рабства» [1].

Царизм вступил в войну совместно с англо-французским империализмом, от которого он находился в экономической и финансовой зависимости. Но самодержавие преследовало и свои собственные, далеко идущие цели на Черном море, что содействовало столкновению с Турцией. А Османская империя выступала на стороне австро-германского империализма. Наиболее ретивые пантюркисты стремились, опираясь на этот союз, свести старые счеты с Россией, захватить Кавказ и Крым, мечтали объединить под главенством Турции все мусульманские народы, включая «долины Волги и Камы» с татарским населением [2]. 16—17 октября 1914 г. турецкий военный флот без объявления войны напал на черноморские порты России, в том числе и на Новороссийск. В ответ на это 20 октября 1914 г. Россия объявила войну Турции. Так война непосредственно коснулась Северного Кавказа.

Кавказ занимал не последнее место и в планах империалистических стран Запада. Немецкая буржуазия и прусское юнкерство рассчитывали найти здесь богатые земли и природные ресурсы. Наиболее откровенные планы раздела Кавказа нашли свое выражение в опубликованной в 1916 г. в Веймаре книге «Кавказ в мировой войне». Ее автор писал: «Наши политики должны думать над тем, чтобы после поражения России организовать христианскую Грузию в виде Южно-Кавказского буферного государства», которое должно было «граничить с нейтральным

Кавказским мусульманским государством вблизи от границ России и Турции» [3].

В связи с началом войны особую активность проявляли на Кавказе пантюркисты. 11 ноября 1914 г. глава мусульманского духовенства призвал «весь исламский мир поднять на священную войну против государств Антанты». На Кавказ было тайно переправлено 60 турецких офицеров [4]. Одними из сторонников реакционного панисламизма на Северном Кавказе были меньшевики А. Цаликов и И. Гайдаров, пропагандировавшие идею отторжения Кавказа от России и образования Северо-Кавказского мусульманского государства под эгидой Турции.

На третьем году войны — 12 января 1917 г. начальник Бакинского губернского жандармского управления доносил помощнику наместника на Кавказе генералу Орлову, что «между мусульманами Дагестана и Терской области состоялось соглашение, по которому они обязались ни в коем случае людей на работы не давать и в случае насилия со стороны властей оказать вооруженное сопротивление, взаимно поддерживая друг друга. В Терской области, по слухам, был создан комитет по организации восстания, который раздавал мусульманам деньги для приобретения оружия». В донесении отмечалось, что «проявляемая мусульманами до сего времени лояльность зависит главным образом от успехов русского оружия на фронте» [5].

Кавказские большевики, исходя из указаний В. И. Ленина, дали правильную оценку данной войне как несправедливой с обеих сторон, империалистической и грабительской, порожденной неравномерностью экономического и политического развития государств, их стремлением к переделу мира. В октябре 1915 г. Бакинское совещание большевиков, проходившее под руководством Степана Шаумяна, сорвало маску с социал-шовинистов, оборонцев, пантюркистов и панисламистов. Совещание призвало «не поддаваться провокации командующих классов, националистических партий и помнить, что только в братском единении демократий всех национальностей залог их победы и освобождения и что, наоборот, дальнейшее усиление национальной вражды может превратить Кавказ в арену кровавых национальных столкновений» [6]. Развитие событий на Кавказе полностью подтвердило правильность большевистских позиций.

В первой мировой войне Кавказский фронт играл второстепенную роль. Попытка Турции захватить инициативу в начальный период войны потерпела неудачу. В 1915 г. русская армия начала успешные наступательные операции, а в начале 1916 г. она овладела Эрзерумом и Трапезундом. Летом 1916 г. Кавказский фронт продвинулся в глубь Турции почти на 250 км.

Различные классы и партии в крае встретили войну по-разному. Господствующие верхи поддерживали ее с самого начала. Буржуазия, стоявшая за победоносный исход войны, заверяла царя в своих верноподданнических чувствах. Таким же образом поступали и господствующие верхи горских народов. Нефтяные воротилы Грозного пожертвовали 1 млн руб. на нужды войны [7]. Идеолог осетинской буржуазно-монархической интеллигенции Г. Баев пытался поднять «патриотический» дух осетинского народа. С неменьшим усердием заверяли наместника царя на Кавказе в своих верноподданнических чувствах дагестанские, чеченские, кабардинские и другие горские буржуазно-монархические круги.

С самого начала войны при покровительстве буржуазно-монархических слоев из горских верхов шло формирование «добровольческих» полков, которые вошли в Кавказскую конную туземную дивизию, более

известную под названием «Дикой». В ее состав вошли шесть полков: Дагестанский, Кабардинский, Ингушский, Татарский, Чеченский и Черкесский. Командный состав состоял в основном из представителей горской феодальной знати.

Мусульманское духовенство и буржуазно-националистические элементы воспользовались войной для усиления пропаганды идей пантюркизма и панисламизма. Они стремились использовать национально-освободительные чаяния трудящихся горцев в своих эгоистических классовых целях, подчинить их новым хозяевам в лице турецкой эксплуататорской верхушки.

Народным массам Северного Кавказа был чужд любой гнет, от кого бы он ни исходил, поэтому они отнеслись к призывам пантюркистов и панисламистов без особого энтузиазма. Даже власти вынуждены были признать: «В широких мусульманских массах это сочувствие (к Турции.— *Авт.*) чисто идейное, но среди некоторой части интеллигенции и духовенства сочувствие это практически не выражается» [8].

Горские крестьяне, как и русские рабочие и крестьяне, отнеслись к войне отрицательно. В составе Кавказской конной туземной дивизии воевало немало горских крестьян, вынужденных идти туда из-за тяжелых жизненных условий. Находясь на фронте, полки требовали постоянного пополнения. Несмотря на большие льготы, установленные добровольцам и их семьям, пополнение дивизии уже в 1915 г. натолкнулось на большие трудности, а в 1916 г. приток добровольцев в нее почти прекратился.

2. Влияние войны на хозяйство и социально-экономические отношения на Северном Кавказе

Промышленность. Война отрицательно отразилась на хозяйственном развитии Северного Кавказа. Как и во всей стране, она нарушила торгово-экономические связи различных областей края как между собой, так и с Центральной Россией и с заграницей, вызвала разруху в промышленности и сельском хозяйстве, резко ухудшила положение народных масс.

Война задела фабрично-заводскую промышленность ряда районов Северного Кавказа глубже, чем страны в целом. Если в стране в целом стоимость промышленной продукции за 1913—1915 гг. выросла на 13,7% [9], то в Черноморской губернии, наоборот, она упала на 40,6%, в Кубанской — на 17,6%, в Дагестанской — на 12,5%. Исключение составила промышленность Терской области. Добыча нефти, несколько упав в начале войны, увеличилась здесь в 1916 г. (по сравнению с 1913 г.) на 40,2% [10].

В Чечне и Ингушетии динамика нефтедобычи выражалась в следующих цифрах: в 1913 г.— 73,6 млн пудов, в 1914 г.— 98,4 млн, в 1915 г.— 88,1 млн, в 1916 г.— 102,7 млн и в 1917 г.— 109,6 млн пудов [11] Между тем Грозный мог добывать по 250 млн пудов нефти в год [12].

За 1915—1917 гг. число бездействующих скважин увеличилось на Тереке на 53,1% [13]. На Кубани в 1916 г. было добыто нефти на 62,7% меньше, чем в 1915 г., и на 41,5% меньше, чем в 1913 г.[14] Все это указывало на пагубное влияние войны на промышленность Северного Кавказа накануне Февральской революции 1917 г.

Но при всем этом нефтяная промышленность Северного Кавказа занимала и в годы войны одно из ведущих мест в экономике страны.

Нефть спасала промышленную жизнь страны от окончательного краха [15]. Известно, что особенно ценными были сорта нефти, добываемые в Майкопском и Грозненском районах. Из нее получали высококачественный бензин, который шел в авиацию и на флот. Особо важное значение северокавказская нефть приобретала для Черноморского флота и Кавказского театра войны. Все это дало толчок к расширению нефтеперегонных заводов Кубани и Терека. В канун войны началась перекачка нефти по построенному фирмой «Ахвердов и К°» нефтепроводу от Грозного до Порт-Петровска, где был построен нефтеперерабатывающий завод.

В 1916 г. в связи с мощным фонтаном, забившим в Новогрозненском районе, началась очередная, третья по счету, «нефтяная горячка».

В связи с войной большое значение приобрело и производство цветных металлов на Тереке и Кубани, которые шли на изготовление снарядов. Но, несмотря на принятые правительством меры, эта отрасль промышленности переживала спад. Из-за отсутствия квалифицированных рабочих и нехватки топлива на Владикавказском заводе за 1914—1916 гг. выплавка цинка упала на 36,6%, свинца — на 28,8, серебра — на 59,1%. В 1916 г. из-за нехватки топлива завод несколько раз останавливался [16].

В начале войны добыча цветных руд в Северной Осетии также снизилась. Только в 1916 г. в результате экстренных мер удалось довести ее до уровня 1913 г. В Карачаево-Черкесии, наоборот, добыча цветных руд значительно увеличилась (с 20,7 тыс. пудов в 1913 г. до 51,4 тыс. пудов в 1916 г.). Но из-за нехватки квалифицированных рабочих и денежных средств общество «Эльбрус» поставляло военным ведомствам свинца и цинка втрое меньше того, что могло производить.

Одна из главных причин сокращения производства в ряде отраслей промышленности Северного Кавказа — это расстройство железнодорожного транспорта. Пропускная способность его уменьшилась буквально в первые же месяцы войны. Объем перевозок по главной железнодорожной артерии края — Владикавказской дороге — снизился к ноябрю 1914 г.— на 30%.

Очень сильно возросли потоки военных грузов. Владикавказская дорога стала главной магистралью, по которой шли военные грузы для Кавказского фронта. Это отрицательно сказалось на перевозках грузов для населения и для предприятий, производивших невоенную продукцию. На выпуск хорошо оплачиваемой продукции для армии перешло 26% предприятий, поднадзорных фабричной инспекции, и 55 горнозаводских предприятий Северного Кавказа.

В годы войны усилились позиции отечественного монополистического капитала. Если на 1 января 1914 г. основной капитал грозненских фирм составлял 71,4 млн руб., из которых на капиталы российского происхождения приходилось 27,2% [17], то к 1917 г. из 142 млн руб. на долю российских приходилось 47% (67 млн руб.) [18]. Из группы «Ойль» откочковался новый российский нефтяной концерн «Нефть» [19]. На базе акционерной компании «Грозненская нефть» зарождалась новая монополистическая группировка [20]. Заметным было сращивание монополий с госаппаратом. Ряд строившихся и пущенных военных предприятий, среди них толуоловый завод Морского ведомства и другие, были детищами государственного монополистического капитала [21].

В нефтяной промышленности выросла роль выходцев из чеченской буржуазии. Известный чеченский капиталист Тапа Чермоев взял на себя хлопоты по «доказательству прав чеченского населения на недра». Впрочем, с неменьшим усердием этим же занимался и концерн «Братья Нобель», которому выгоднее было вступать в непосредственные отноше-

ния с сельскими обществами, чем арендовать те же месторождения у государства: второе обходилось дороже [22].

В годы войны активной деятельностью в Чечне и Ингушетии занимались Азовско-Донской, Русско-Азиатский, Волжско-Камский и Тифлисский коммерческий банки. По существу они же являлись и главными акционерами нефтяных кампаний и кредиторами местных (чеченских и русских) буржуа: Арсамирзоевых, Мациевых, Эльмурзаевых, Крилликовых, Месяцевых.

В целом позиции западных монополий в экономике Северного Кавказа были все еще сильны. В 1916 г. 35 иностранных фирм продолжали хозяйничать в различных отраслях народного хозяйства края. Из них 27 являлись английскими, 5 — французскими, 2 — бельгийскими и одна — голландской. Деятельность 80% иностранных фирм была связана с добычей, переработкой и транспортировкой нефти.

Общества, которые находились под влиянием иностранного капитала, сдерживали добычу и переработку нефти в крае. «Майкопский нефтяной район,— доносили власти,— ...целиком захвачен ...Англо-Майкопской компанией во главе которой стоит англичанин Твиди... являющийся крупнейшим нефтепромышленником румынских промыслов, работающих почти исключительно на деньги Немецкого банка... Русская нефть, так... необходимая для Черноморского и Балтийского флотов, всеми способами задерживается в ее добывании» [23].

В годы войны особенно резко ощущалась нехватка металла, а без него было невозможно поддерживать на должном уровне бурение новых скважин. Снизилась производительность труда рабочих из-за истощения нефтяных пластов и нехватки квалифицированных рабочих.

Съезд терских нефтепромышленников и военно-промышленные комитеты разработали обширную программу мер по оказанию помощи фронту. На местных предприятиях изготавливали бомбометы, саперные лопаты, повозки для армии, производились централизованные закупки сахара и муки, размещались заказы на строительство предприятий по производству взрывчатых веществ из бензина.

Сельское хозяйство. Особенно пагубно отразилась война на основной отрасли экономики края — сельском хозяйстве. Если в 1914 г. на Северном Кавказе было засеяно 10 млн дес., то в 1916 г. лишь 7,1 млн дес [24]. В ряде районов Северного Кавказа посевная площадь сократилась катастрофически. В Кубано-Черноморье посевные площади сократились в 1913—1916 гг. на 23,9%, в Кабарде — на 26 [25], в Дагестане — на 30 [26], в Карачаево-Черкесии — на 35—40 [27], в Северной Осетии — на 44 [28], а в горных ущельях Балкарии — более чем в 2 раза [29]. Посевной клин по сравнению с 1914 г. в 1917 г. уменьшился в Терской области на 34%, в Ставропольской губернии — на 18%. Но при этом в годы войны произошло некоторое расширение посевов технических культур. В Кубанской области их удельный вес возрос с 9,6% в 1913 г. до 19,8% в 1917 г.

Резко упала и урожайность. На Кубани, например, средний урожай пшеницы с десятины сократился с 92 до 39,9 пуда [30].

Уже в первый год войны на Северном Кавказе урожай зерновых был ниже ожидавшегося на 15—20%. Количество собираемого хлеба снижалось и в последующие годы. На Кубани «избытки», т. е. товарная часть хлебов, за 1913—1915 гг. сократилась почти вдвое [31]. Аналогичное положение наблюдалось и в других областях края. На состоянии сельскохозяйственного производства сказались мобилизация кубанских,

терских казаков, «иногородних» и резкое снижение притока сезонных рабочих из русских и украинских губерний. Это обостряло продовольственный кризис в городах и ухудшало положение в первую очередь рабочих.

В годы войны значительно пострадала и другая отрасль сельского хозяйства — животноводство. Особенно в тяжелом положении оно оказалось в традиционных скотоводческих районах края. За период войны число овец и коз сократилось в Дагестане почти на 35%, лошадей — на 32% [32]. В Северной Осетии поголовье лошадей уменьшилось к концу 1916 г. на 20%, крупного рогатого скота на 26,7, а овец и коз — на 47% [33]. В Чечне и Ингушетии только за первый год войны поголовье скота сократилось на 14,3% [34]. Особенно катастрофически уменьшилось поголовье скота в Карачае и Черкесии — почти наполовину [35]. В Кабарде и Балкарии число овец сократилось к 1916 г. на 20,1%, в том числе в Балкарии, где находилась основная их масса,— на 27,3% [36].

Но в ряде районов края в связи с резким ростом спроса на шерсть и мясо, а также появлением незанятых земель некоторые отрасли животноводства получили толчок в своем развитии, например овцеводство. Так, на Ставрополье его поголовье увеличилось с 1,6 млн в 1914 г. до 2,3 млн в 1916 г.[37] Овцеводство не требовало новых рабочих рук и больших материальных затрат.

Сокращение основных посевных площадей, поголовья скота происходило в основном за счет крестьянского хозяйства. Помещики, кулаки, торговцы, воспользовавшись войной и бедственным положением крестьян, наоборот, наживались на войне. Только за первые два года ее коннозаводчики Терской области, по преимуществу крупные кабардинские князья и кулаки, выгодно продали 47,9 тыс. лошадей на общую сумму 7,1 млн руб.[38]

В целом, характеризуя сельское хозяйство Северного Кавказа и изменения, которые в нем произошли за годы войны, следует иметь в виду, что по-прежнему эта отрасль продолжала сохранять за собой ведущее положение в экономике края. Как и раньше, край оставался крупнейшим в стране поставщиком промышленного сырья и продовольствия.

Дифференциация крестьянства. Основной тенденцией социально-экономического развития села, станицы и аула в годы войны было дальнейшее углубление процесса разорения мелких крестьянских хозяйств, обнищание и усиление процесса дифференциации крестьянства, т. е. быстрый рост его низших групп, и всевозрастающая концентрация земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря в руках имущих, прежде всего сельской буржуазии.

Основными производителями сельскохозяйственной продукции в крае были не помещичьи, а крестьянские хозяйства. В Кубанском области на долю надельной земли приходилось 74,5% всей земельной собственности, частновладельческой — 7,1%, войсковой — 18,4%, на Тереке соответственно — 86,6%, 5,9, 7,5%. В Ставропольской губернии 82,8% земли считалось надельной, 10,3 — частновладельческой, в Черноморской губернии 70% земли принадлежало казне [39]. В Дагестане наблюдалась несколько иная картина: здесь в руках частных владельцев было сосредоточено 28,1% сельскохозяйственных угодий, надельными считались 60,7% [40], казне принадлежало около 11% разных угодий [41].

Эти данные показывают, что процесс капиталистического перераспределения земли, который ускорился в период между двумя революциями, далеко не был завершен. Средневековые формы землевладения продолжали господствовать.

Лучше были обеспечены землей казачье население, богатые коренные ставропольские крестьяне, бывшие феодальные владетели горских народов. Наряду с ними жило многомиллионное безземельное и малоземельное крестьянство из числа «иногороднего» и горского населения. Это было достаточной почвой для усиления социальных противоречий между ними.

В годы войны усиливается процесс дифференциации крестьянства и казачества. При этом он протекал быстрее у горского и иногороднего населения, чем в казачьей массе. У казаков с посевом от 1 до 16 дес. было 68,3% хозяйства, у коренных крестьян — 55,1, у оседлых «иногородних» — 37,2%. Примерно такая же картина наблюдалась и в группах свыше 16 дес. на хозяйство. У казаков таких хозяйств было 15,2%, у коренных жителей — 11,3, у «иногородних» — 6,1%. Хозяйства с посевом свыше 25 дес. имелись только у казаков и богатых «иногородних» крестьян, а у коренных жителей таких хозяйств не было [42]. В 1915 г. в одном из своих донесений начальник штаба Кавказского военного округа сообщал о наличии в Кубанской области «довольно значительного числа совершенно безземельных горцев». По выборочным данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. 87% крестьянских хозяйств Дагестана либо вовсе не имели пашни, либо имели ее до 1 дес. на двор. Между тем 3,2% хозяйств сосредоточило в своих руках 21,7% всей пашни. В то время как 80% хозяйств не имели овец, у 2,9% хозяйств концентрировалось 58,7% всего их поголовья. В Балкарии 30% хозяйств не имели пахотной земли. В то же время горским князьям, таубиям и узденям, составляющим 7,8% всего населения, принадлежало в Кабарде и Балкарии 300 тыс. дес. сельскохозяйственных угодий.

О социальной структуре в кубанской станице и селе можно судить по следующим данным, выведенным путем обработки сведений о 400 тыс. хозяйств по переписи 1917 г. [43] В казачьих станицах Восточно-Армавирского района к бедняцким можно отнести 23,6% хозяйств, середняцким — 55,0, зажиточным и кулацким — 21,4%. Среди коренных крестьян Кубани бедняков насчитывалось 36,3%, середняков — 50,7, кулаков — 13,0%. По переписи 1917 г. в Кубанской области, где концентрировалось больше всего оседлых «иногородних», у них бедняки составляли 56,4%, середняки — 31,8, зажиточные и кулаки — 11,8%.

Если среди коренных жителей и казачества преобладало середняцкое хозяйство, то среди «иногородних» и горцев — бедняцкое. Это, разумеется, накладывало свой отпечаток на классовую борьбу в деревне в различных районах Северного Кавказа.

Всевозрастающее социальное и имущественное неравенство обнажало и донельзя обостряло классовые противоречия в деревне, служило важнейшей предпосылкой революционного движения в крае накануне Февральской буржуазно-демократической революции.

Численность и состав рабочих. Руководящей и направляющей силой революционного движения по-прежнему был многонациональный промышленный пролетариат, состав которого за годы войны также заметно изменился.

Начиная со второй половины 1914 г. в связи с мобилизацией число рабочих, подчиненных надзору фабричной инспекции, сократилось в крае с 21,2 тыс. в 1914 г. до 20,6 тыс. в 1915 г. Но к началу 1917 г., в связи с предоставлением отсрочек от призыва в армию рабочим некоторых предприятий, работавшим на армию, их количество увеличилось по сравнению с 1913 г. на 21,6% [44]. Число рабочих, занятых на небольших пред-

приятиях, не работавших на оборону, уменьшилось с 52 тыс. в 1913 г. до 47 тыс. в 1915 г.

Заметно выросло число горняков Северного Кавказа: с 10,8 тыс. в 1913 г.— до 12 тыс. в 1916 г., т. е. на 11,6%.

Количественные и качественные изменения в составе рабочих происходили главным образом за счет притока рабочих из России и привлечения на производство горцев, женщин, подростков и детей. При уменьшении доли взрослых рабочих-мужчин в составе фабрично-заводских рабочих края с 88,2% в 1913 г. до 69,6% в 1916 г. доля женщин и детей повысилась с 11,8% в 1913 г. до 30,4% к началу 1917 г. Следовательно, половой и возрастной состав рабочих на Северном Кавказе изменялся более высокими темпами, чем по стране в целом. В годы войны почти 26% количества рабочих Грозненского нефтепромышленного района приходилось на дагестанцев, чеченцев и ингушей.

Война усилила социальную и возрастную неоднородность рабочих Северного Кавказа. В армию были призваны наиболее квалифицированные и физически крепкие возрасты русских рабочих. На смену им наряду с крестьянами старших возрастов и горским населением, женщинами и детьми в рабочие шли, спасаясь от призыва в армию, мелкие торговцы, сельская буржуазия и др. Дело в том, что начиная с конца 1915 г. стали давать отсрочку от призыва в армию квалифицированным железнодорожным и промышленным рабочим.

Усиленное вовлечение в промышленное производство нерусских народов и женщин, представляющее само по себе прогрессивное явление, привело к понижению кадрового уровня рабочих в целом. Но если на юге России и на Урале труд мобилизованных в значительной мере возмещался трудом военнопленных, то на Северном Кавказе — трудовыми слоями горцев.

За годы войны в некоторых областях ускорился и процесс концентрации рабочих, хотя в этом наблюдалось отставание от среднероссийского уровня. Если на горнозаводских предприятиях края с числом рабочих свыше 500 было сосредоточено накануне войны 55,8% горнорабочих, то в 1916 г. уже 71,0%. По этому показателю горное дело Северного Кавказа догнало за годы войны каменноугольную промышленность Донбасса. Что же касается остальных производств края, то процесс сосредоточения рабочих на больших предприятиях усилился за годы войны на Кубани и замедлился на Тереке и в Черноморской губернии.

Накануне Февральской революции в фабрично-заводской (в том числе мелкой), горнозаводской, рыбной промышленности, на железнодорожном транспорте, кустарно-ремесленных заведениях и казенных предприятиях было занято (без грузчиков, работников флота, прислуги, строителей и подсобных рабочих) около 214 тыс. человек. Что же касается сельскохозяйственного пролетариата, то только на Кубани и Ставропольской губернии — в главных центрах сосредоточения его в крае — насчитывалось 750 тыс. человек. Острую нехватку пришлых и местных наемных рабочих испытывали казачьи области и районы капиталистического земледелия Предкавказья, откуда почти все трудоспособное мужское население было отправлено на фронт.

Промышленного пролетариата было меньше, чем сельскохозяйственного, но политическое значение первого было неизмеримо выше. Роль пролетариата в историческом движении, указывал В. И. Ленин, «неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения» [45]. Не составлял исключения и северокавказский отряд российского пролетариата.

Наиболее боевая часть его была сосредоточена в Грозном, Екатеринодаре, Армавире, Новороссийске, Владикавказе и Порт-Петровске. Значительные силы рабочих размещались в крупных и крупнейших населенных пунктах, на железнодорожных станциях, которые наряду с городами являлись центрами политической жизни в крае. Не случайно в 1912—1914 гг. во многих из них сложились группы правдистов, на базе которых впоследствии оформились большевистские организации. Все это, в свою очередь, способствовало росту влияния промышленных рабочих на сельскохозяйственный пролетариат и деревенскую бедноту, повышению роли промышленных рабочих в политической жизни на селе.

Этот процесс намного ускорился в годы войны в результате ухудшения экономического положения всех низших социальных групп населения.

Положение трудящихся. С первых же месяцев войны ее тяготы коснулись прежде всего промышленных рабочих и их семей. Возросла продолжительность рабочего времени с 9—10 часов в 1913 г. до 12—15 часов к 1917 г., т. е. на 22—75% [46]. На многих же мелких заведениях она практически не имела минимума. Не случайно сохранившиеся сведения коротко, но ярко определяют это следующим образом: «работали от зари до зари», «от восхода до заката» и т. д. В годы войны резко возросли сверхурочные работы: рабочие вынуждены были пойти на это не только в силу их обязательного характера, но и из-за дороговизны жизни.

По той же причине, а также под давлением рабочих хозяева вынуждены были пойти на некоторые увеличения зарплаты рабочим. За 1913—1915 гг. в среднем в фабрично-заводской промышленности Северного Кавказа заработки возросли на 11,7%. Для сравнения укажем, что по стране в целом они увеличились на 24,9%, а в Петроградской губернии — на 45,8%. В горнозаводской промышленности края заработки возросли больше, чем в фабрично-заводской.

В целом на Северном Кавказе уровень заработков был ниже, чем в Петроградской, Нижегородской, Орловской, Тульской, Бакинской и Тифлисской губерниях. Бесспорно, на него влияли характер самой промышленности края, малочисленность в ее составе отраслей, оснащенных усовершенствованной технологией производства, малочисленность кадровых рабочих, отличающихся более высокой организованностью в борьбе за свои интересы. Более высокие (сравнительно с отдельными центральными губерниями) заработки, установленные в некоторых отраслях производства края, были рассчитаны на то, чтобы удержать квалифицированных русских рабочих от ухода, затормозить отлив рабочих на сельскохозяйственные работы.

Предприниматели с лихвой компенсировали это путем удлинения рабочего времени, более низкой оплатой труда на мелких предприятиях и рабочим — выходцам из национальных округов, широким применением различных скрытых приемов снижения заработков (штрафы, удержания, выдача зарплаты с опозданием, оценка труда на «глазок»), а также за счет ухудшения условий труда и быта рабочих.

Номинальная заработная плата сама по себе не может дать представления о положении рабочих и об изменении уровня их жизни. «Никакие заработки и прибавки рабочим,— признавали власти,— не соответствуют стоимости жизни» [47]. За годы войны на Северном Кавказе, как и по всей стране, произошло резкое падение реальной заработной платы. Цены на продукты питания и предметы первой необходимости возросли в различных городах края на 100—300% и более, жилье вздоро-

жало на 30—70%, а кое-где даже в 2—3 раза, топливо — на 400—600%. Реальная заработная плата грозненских нефтяников снизилась к весне 1916 г. на 25—30%, а майкопских — до 40%; на средних и мелких предприятиях реальная заработная плата упала еще более.

Эксплуатация труда горцев в условиях аграрной перенаселенности, когда они вынуждены были соглашаться практически на любую работу, усугублялась подрядной формой найма. Львиная доля заработков уходила в карман подрядчиков — посредников из своей же среды. Следовательно, положение рабочих-горцев усугублялось отсутствием в горах «свободного» капиталистического рынка рабочей силы.

На некоторых предприятиях, а иногда и в целых отраслях промышленности Северного Кавказа наблюдалась дискриминация рабочих, принадлежащих к местным народам.

Война тяжелым бременем легла и на плечи трудящихся-крестьян. Она разорила тысячи крестьянских хозяйств, обрекая их хозяев на нищету. Если в городах наиболее остро ощущалась дороговизна продуктов питания и жилья, то на селе — промышленных товаров, и особенно орудий труда.

Вследствие мобилизации на войну наиболее физически крепкой части мужского населения, нехватки машин и орудий труда падала урожайность, сокращались посевная площадь и поголовье скота, прежде всего у низших и средних групп крестьян.

Непомерно возросли в период войны и прямые налоги с населения края. Так, в Северной Осетии вся сумма налоговых платежей увеличилась с 270 тыс. руб. в 1913 г. до 535 тыс. руб. в 1916 г., т. е. почти в 2 раза [48]. В Дагестане поземельный налог на крестьян был увеличен в первый же год войны на 50%, оброчная повинность на 11%. Прямые и косвенные налоги увеличились в области почти в 2 раза. Такое положение наблюдалось повсеместно.

Вводились новые повинности и налоги. Все это, а также всевозрастающее обнищание крестьянского населения вели к быстрому росту недоимок, что можно было наблюдать уже в первые месяцы войны. На Кубани [49] недоимки с невойскового населения возросли с 248 тыс. в 1913 г. до 350 тыс. руб. к 1915 г., т. е. на 41,1%. Из областей Предкавказья особенно резко недоимки подскочили в Ставропольской губернии [50]: с 312,4 тыс. руб. в 1912 г. до 1,6 млн руб. в 1915 г., или более чем в пять раз. Налоговое обложение, которое намного усилилось в годы войны, окончательно подорвало и без того разграбленные в результате столыпинской аграрной политики хозяйства трудящихся крестьян.

Воспользовавшись войной, царизм усиливает и национальный гнет. Черносотенцы насаждали шовинистические идеи о «ненадежности» и «неполноценности» нерусских народов, противопоставляли казаков — «иногородним», русских — горцам. Господствующие же классы горцев, пытаясь разобщить рабочее, крестьянское и национально-освободительное движение, всеми средствами подчеркивали национальные, сословные, культурные и религиозные различия населявших край народов.

Беспрерывные поборы и реквизиции рабочего скота и лошадей, мобилизации на тыловые земляные работы сделали и без того беспросветную жизнь горского крестьянства еще более тягостной и безысходной. Летом 1916 г. давление военного пресса еще более усиливается. 25 июня 1916 г. царь подписал указ «О привлечении реквизационным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи». Этим указом местным властям предоставлялось право принудительно мобилизовать горцев-мусульман на соору-

жение оборонительных объектов и на другие необходимые работы в районе действующей армии и в тылу. Важно отметить, что закон разрешал нанять другого человека и отправить его по мобилизации вместо себя. Следовательно, мобилизации дополнительной тяжестью легли на несостоятельные слои горского населения.

Экономический и политический гнет, многократно усиливший в годы войны, был достаточной основой для обострения классовой борьбы повсеместно на Северном Кавказе.

3. Классовая борьба на Северном Кавказе в годы войны

Партийные организации. Война крайне усложнила деятельность партии большевиков и борьбу пролетариата. Воспользовавшись войной, власти сделали все для того, чтобы разгромить пролетарские организации в крае. В первые же дни войны на них обрушилась новая волна репрессий.

Несмотря на то, что партийные организации были ослаблены репрессиями и мобилизациями в армию, они в глубоком подполье продолжали напряженную борьбу в массах. Во второй половине 1914 — начале 1915 г. в соответствии с «Манифестом ЦК РСДРП об империалистической войне» перестроили свою работу большевики Екатеринодара, Новороссийска, Кисловодска, Грозного, Владикавказа, Армавира, Туапсе, Пятигорска, Майкопа и др.

Большевики края правильно оценили переживаемый момент. Идеи «Манифеста ЦК» нашли отражение в прокламациях, выпущенных ими по поводу войны. В первых же листовках, распространенных в июле 1914 г., выражалось отрицательное отношение к войне и разоблачалась антинародная ее сущность. В них доходчиво, на исторических примерах доказывалось, что война чужда интересам трудящихся [51].

В последующих листовках захватнический, империалистический характер войны вскрыт еще ярче. В листовках, распространенных в 1914 г. Ставропольской группой большевиков, например, говорилось, что «заступничество» за Сербию послужило лишь «благородным поводом, который мог бы скрыть все плутни нашего правительства» [52]. Раскрывая классовую природу войны, большевики края учили трудящихся, что «не немцы и турки враги русского народа», а правительство было их «всегдашним врагом». В листовках проводилась идея о необходимости превращения империалистической войны в войну гражданскую. «Поднимите на них самих оружие, выкованное на ваши кровные копейки» [53],— учили большевики края.

Большевистские организации Северного Кавказа и в дальнейшем широко использовали наряду с повседневной работой в массах печатное слово для разоблачения империалистической войны. Только екатеринодарские большевики издали за годы войны более 10 подобных прокламаций. В листовке «Организационной с.-д. рабочей группы г. Екатеринодара» [54], выпущенной в январе 1915 г., подчеркивалось, что война затеяна господствующими классами воюющих стран, а пролетариат, какой бы страны он ни был, одинаково страдает от нее. В листовке правильно указывалось и на главное средство прекращения войны — «подготовка народного освободительного движения для свержения существующего строя» [55].

Таким образом, с самого начала войны интернациональное классовое воспитание трудящихся было в центре деятельности большевиков

Северного Кавказа. Это соответствовало лозунгам большевистской партии, провозглашенным в «Манифесте ЦК РСДРП об империалистической войне».

В 1915 и особенно в 1916 г. в крае были существенно организационно укреплены большевистские организации. В Екатеринодаре и Новороссийске они назывались «инициативными группами». В эти годы в Екатеринодар были командированы петроградские большевики А. Раскевич, Е. Дмитриев, К. Соловьев, И. Лутовинов и др. На совещаниях с их участием ставились задачи укрепления партийных организаций и непосредственной подготовки местного пролетариата к предстоящей схватке с царизмом. Новороссийская, Екатеринодарская и другие большевистские организации были информированы о том, что «Петроград, Москва, а также армия достаточно подготовлены к революции, остановка за провинцией и железной дорогой» [56].

Большевистской работой в Грозном, Владикавказе, Дербенте, Пятигорске и Минводах руководили С. М. Киров, И. В. Малыгин, Н. Анисимов, Г. Анджиевский, Я. Маркус, И. Турыгин и др.; в Ставрополе — В. Я. Петров, Б. П. Шеболдаев, В. М. Бензип, Г. А. Руднев, В. А. Старжевский, В. В. Рыковский, М. С. Акулов, В. Н. Косенко, М. К. Вальяно, М. Морозов, Г. Ситников, М. Кочетов и др.; в городах Кубани и Черноморья — М. М. Корякин, П. И. Вишнякова, М. И. Бармин, Я. И. Вишняков, Г. М. Седин, З. А. Зенкевич, И. И. Янковский, В. С. Горохов, А. Раскевич, Е. Дмитриев, К. Соловьев, Т. Е. Кудрик, М. Г. Елисеев, М. Марочкин, А. А. Бровиков, И. Е. Дорофеев, Е. А. Драницын, А. Е. Худанин, М. К. Седин и др.

Свою нелегальную деятельность большевики Северного Кавказа по-прежнему сочетали с легальной работой. В этих целях использовались главным образом больничные кассы. В 1914—1915 гг. на предприятиях, подчиненных горной и фабричной инспекции, функционировала 51 касса, объединявшая около 25 тыс. рабочих. Выборы в них и борьба вокруг их создания прикрывали нелегальную работу местных большевистских организаций. В этом отношении особый интерес представляет борьба грозненского пролетариата, возглавляемого большевиками, против попыток властей ликвидировать «больничный фонд», созданный еще в 1906 г. за счет капиталистов. Рабочие выступали за его сохранение организованно и добились победы.

В Екатеринодаре большевики контролировали крупнейшие страховые общества «Объединение» и «Полиграф». В состав их правлений удалось провести большевиков Корякина, Ласточкина, Олейникова, Марочкина и Янковского.

В 1916 г. в крае заметно расширилась и сеть партийных групп. Марксистские кружки и группы были созданы на предприятиях и промыслах, в крупных населенных пунктах Кубани, Ставрополя, Терека. Накануне Февральской революции на Северном Кавказе работали не менее 20 большевистских групп: в Темрюке, Ейске, Славянской, Анапе, Крымской, Новороссийске, Геленджике, Туапсе, Сочи, Тихорецкой, Кавказской, Ставрополе, Армавире, Лабинской, Майкопе, Пятигорске, Кисловодске, Владикавказе, Дербенте, Минеральных Водах; два комитета — Екатеринодарский, Грозненский — и несколько десятков кружков. В Карачае и Черкесии в годы войны сложились пять марксистских кружков.

Дальнейшее организационное и идейное укрепление, а также рост количества партийных организаций придавали им новые силы в борьбе с социал-шовинистическими группами в крае. Выборы в военно-про-

мышленные комитеты (ВПК) показали, что большевики пользовались среди рабочих значительным влиянием и авторитетом. В Екатеринодаре и Новороссийске создание рабочих групп при ВПК было сорвано по призыву местных большевистских организаций. Меньшевики сумели протащить своих соратников лишь в Армавирский ВПК.

Летом 1916 г. большевики Северного Кавказа шире использовали и такую надежную форму работы среди трудящихся, как периодически собираемые массовки и сходки. По поводу выборов в страховые кассы и ВПК в крае состоялись десятки собраний и сходок, которые были использованы в революционных целях. Выступления большевиков на них носили боевой, наступательный характер и ориентировали трудящихся на близость революционного взрыва в стране. На одном из таких собраний екатеринодарский большевик М. Г. Елисеев, призвав рабочих бойкотировать выборы в ВПК, заявил: «Теперь во что бы то ни стало необходимо вооружиться, чтобы рабочие во всякое время могли дать правительству отпор» [57].

Стачечная борьба. Как и во всей стране, со вступлением России в войну рабочее движение на Северном Кавказе резко спало. За август—декабрь 1914 г., по сведениям фабричной инспекции, в крае состоялось лишь 4 забастовки (в Терской области — 1, Кубанской — 2, Черноморской — 1).

Властям не удалось поднять рабочих края на манифестацию в поддержку войны. Наоборот, под влиянием большевистской агитации все большее число рабочих к началу 1915 г. начинает высказывать отрицательное отношение к войне. Как вспоминает рабочий одного из екатеринодарских заводов большевик М. Марочкин, «после объявления войны в городе сейчас же начали проводиться легальные и нелегальные собрания» [58], на которых рабочие выражали свое отрицательное отношение к войне.

Прекращение стачечного движения, вызванное мобилизациями, арестами, шовинистическим угаром, раздуваемым черносотенцами и поддерживаемым мелкобуржуазными партиями, наблюдалось в крае до осени 1915 г. Передовая часть рабочих начала освобождаться от шовинистической пропаганды. Об этом свидетельствовал прежде всего отказ рабочих многих промышленных предприятий, даже целых пролетарских центров сотрудничать с буржуазией и социал-шовинистами в военно-промышленных комитетах.

Забастовочное движение заметно оживилось. По данным фабричной инспекции, в 1915 г. забастовали рабочие 6 бумажно-полиграфических и пищевых предприятий Кубанской области, в Черноморской губернии состоялись 2 забастовки на предприятиях по обработке минеральных веществ [59]. В подсчет фабричной инспекции не вошли стачки: строителей туннеля вблизи Сочи, объявленная 30 марта 1915 г. [60], рабочих каменоломен Геленджика 15—17 июня [61], перевозчиков свинцово-цинковой руды в Осетии в декабре 1915 г.[62] С учетом их в 1915 г. на Северном Кавказе состоялось 17 забастовок. В них участвовало свыше 5,4 тыс. человек [63]. Большинство забастовок состоялось в конце 1915 г.

В 1915 г. наметился перелом и в настроениях рабочих. Удорожание жизни усилило открытое недовольство среди них, о чем чаще, чем раньше, доносили власти. «Забастовки рабочих в 1915 г.,— признавал инженер IV горного округа,— в предприятиях округа не было, но брожение рабочих наблюдалось, а именно на Грозненских нефтяных промыслах на почве требования областного начальника немедленно

уничтожить существующий на промыслах с 1906 г. так называемый больничный фонд» [64]. Под угрозой общей забастовки нефтяников начальник Терской области вынужден был отменить свое распоряжение об уничтожении указанного фонда, который являлся завоеванием рабочих Грозного в период революции 1905—1907 гг.

Во второй половине 1915 г. в Екатеринодаре бастовали рабочие заводов Аведова, Буковского, Проценко и ряда типографий. Брожение проникло и в другие предприятия Екатеринодара. «В настоящее время,— доносили в 1915 г. екатеринодарские власти,— настроение местного населения приподнятое... Такое обстоятельство, судя по разговорам, может вылиться в различного рода беспорядки и забастовки» [65].

Власти имели в виду революционное брожение среди рабочих нефтеперегонного завода «Андрейс» и машиностроительного завода «Кубаноль». 3 ноября 1915 г. на заводе «Кубаноль» под руководством большевиков состоялось собрание, которое решило добиваться увеличения зарплаты на 20%. 4 ноября рабочие вторично собрались и, выслушав отрицательный ответ администрации, решили устроить «американскую забастовку» (т. е. то, что можно сделать за один день, производить за два дня) [66]. Активными организаторами рабочих сходок власти считали Бровикова, Драницына и Лагунова.

Стачечной борьбой были охвачены также рабочие чугунолитейного завода Гурского, нефтепромыслов, фабрики гнутой мебели и типографии в Майкопе.

Оживление рабочего движения вызвало серьезное беспокойство властей. «Особый комитет» при Владикавказской железной дороге на своем заседании от 30 декабря 1915 г. в целях усиления борьбы с революционным движением в крае образовал дополнительно к существовавшим еще два военно-вспомогательных поезда, в Армавире и Грозном.

Революционный подъем в 1916 г. Начало 1916 г. ознаменовалось революционным подъемом в стране. Стачечная борьба российского пролетариата резко возросла. Грандиозные стачки и политические демонстрации прошли в Петрограде, Москве, Киеве, Баку и других крупных пролетарских центрах.

1916 год характеризовался дальнейшим обострением классовой борьбы на Северном Кавказе.

Состояние стачечной борьбы рабочих на Северном Кавказе в годы войны характеризуется следующими обобщенными данными (см. табл. 10).

Как видно из табл. 10, по сравнению с довоенным периодом значительно уменьшилось число стачек: с 159 в 1913—1914 гг. до 99 в 1915—1916 гг. Объяснялось это тяжелыми условиями войны и изменениями в составе рабочих, особенно кадровых.

Изменилось соотношение политических и экономических стачек: в 1914 г. политические стачки со смешанными требованиями составляли 56,9% от общего числа, в 1915—1916 гг.— 40,4%. Подавляющая часть забастовок сопровождалась требованиями увеличить заработную плату ввиду резкого ухудшения экономического положения рабочих. В борьбу шире были вовлечены женщины-работницы, подростки и рабочие-горцы.

Территориально стачки размещались в 1914 (август) — 1916 г. следующим образом: Кубанская область — 41, Терская область — 42, Черноморская губерния — 13, Дагестанская область — 7. Среди фабрично-заводских рабочих наиболее напряженную борьбу вели пролетарии Куба-

Таблица 10

Динамика забастовок (политических, экономических и смешанных) с 1913 по 1916 г. *

Годы	Всего забастовок	В них приняло участие, человек	Забастовки, сведения о характере которых имеются в документах	Из них	
				политические	экономические
1913	87	12 558	74	8	34
1914	72	8 360	54	40	13
1915	17	5 416	17	5	11
1916	82	20 553	82	3	47

* *Шигабудинов М. Ш.* Статистика стачек на Северном Кавказе (июнь 1907 — январь 1917 г.)//Вопросы истории Дагестана. 1975. Вып. 3. С. 62—65.

ни, среди горняков — нефтяники Чечено-Ингушетии. Центрами наиболее упорного движения рабочих являлись Грозный, Екатеринодар, Новороссийск, Армавир и Порт-Петровск. Рабочие этих городов представляли из себя наиболее организованные и сравнительно многочисленные отряды пролетариев Северного Кавказа.

Как уже отмечалось, со вступлением России в войну стачечное движение на Северном Кавказе резко спало. Но начиная с октября 1915 г. передовые рабочие края вслед за своим авангардом в промышленных центрах все чаще вступают в борьбу. За октябрь 1915 — июль 1916 г. здесь состоялось уже 84 забастовки, что было в 8,4 раза больше, чем в августе 1914 — августе 1915 г. Одновременно возросло число волнений среди рабочих.

Анализ забастовочного движения после начала войны показывает, что начиная с октября 1915 г. на Северном Кавказе оно вновь оживилось, а в мае—июне 1916 г. переросло в подъем. Из всех стачек, которые прошли в крае за август 1914 — декабрь 1916 г., 56,3% забастовок и 88,6% их участников приходились на май—июнь 1916 г.

Это было отражением не только революционного подъема в стране и результатом обострения экономического положения рабочих, но и следствием огромной работы большевиков Северного Кавказа среди трудящихся, организационным укреплением организаций в 1915—1916 гг.

В начале 1916 г. впервые за годы войны в стачечную борьбу вступили рабочие Грозного. Застрельщиками этой борьбы были мастеровые, в особенности Северо-Кавказского нефтепромышленного общества.

С 16 по 29 января 1916 г. они бастовали дважды. Выступления их носили организованный и решительный характер. Под их влиянием борьба грозила перекинуться и на другие промыслы. Боясь этого, нефтепромышленники вынуждены были пообещать «бороться» против дороговизны, прибавить зарплату и снабжать рабочих продуктами «по низким ценам» [67].

Забастовочное движение обострилось и в г. Екатеринодаре, где для координации борьбы рабочих и сбора средств по инициативе большевистской организации был создан общегородской стачечный комитет, который в январе—феврале 1916 г. руководил забастовками на заводе Буковского, обувной фабрике Фотиади, мастерской Скрыпникова, на предприятиях братьев Богарсуковых, братьев Тарасовых, братьев Грачьянц, Кохрадзе и др.[68]

Вслед за ними в борьбу включились рабочие машиностроительного завода «Кубаноль». На собрании, состоявшемся 7 марта, под руководством заводской большевистской группы были выработаны требования рабочих к хозяевам. 8 марта, получив неудовлетворительный ответ на свои требования, рабочие объявили забастовку. Об организованном характере ее и о сплоченности кубанольцев вокруг большевиков свидетельствует тот факт, что из 604 работавших на заводе в стачке приняло участие 600 человек [69]. Это произвело революционизирующее впечатление на рабочих других предприятий. В частности, забастовка нашла отклик среди рабочих на машиностроительном заводе И. П. Проценко.

В апреле 1916 г. забастовочное движение в Екатеринодаре пошло на дальнейший подъем. В выступлениях трамвайных работников (12 апреля) и рабочих общества «Саломас» (23 апреля) приняли участие 800 человек [70]. Классовая борьба настолько обострилась, что ею были охвачены даже предприятия, работавшие на войну. В забастовке 25—27 апреля рабочих машиностроительного завода Гусника приняло участие около 100 человек. Власти были встревожены тем, что прекращение работы ожидается «и на других местных заводах и мастерских, изготовлявших военные заказы» [71]. Под напором борьбы рабочих хозяева ряда екатеринодарских предприятий вынуждены были идти на уступки.

Характерно, что в борьбу вовлекались и работницы-женщины. На станции Новороссийск и на фабрике Михайлова в Порт-Петровске они выступили инициаторами забастовки. Вовлечение женщин, пришедших в промышленность недавно, в борьбу расширяло социальную базу рабочего движения.

Из других выступлений в крае, состоявшихся накануне 1 Мая, заслуживают внимания забастовки рабочих завода «Цепь» в Новороссийске и подмастерьев-портных во Владикавказе.

Под влиянием большевистской пропаганды и революционного движения рабочие, затронутые в начале войны шовинистическим угаром, освобождались от него. Это признавали даже сами власти. Так, начальник Терской области писал, что «среди рабочих классов, отражавших в начальном периоде войны особый подъем патриотического чувства, произошел заметный перелом в сторону наблюдаемой ныне политической неустойчивости» [72]. Это было важным итогом работы местных большевистских групп и одним из признаков перелома в настроениях рабочих края.

Весной 1916 г. разнообразными делаются и формы движения рабочих. Несмотря на усиление репрессий, в апреле—мае 1916 г. почти во всех рабочих центрах Северного Кавказа прошли митинги, сходки и волнения.

Особенно организованно они прошли в Екатеринодаре. В митинге рабочих «Кубаноли» участвовало 200—300 чел., т. е. половина работавших на заводе. Было решено объявить забастовку. Для ее руководства был создан стачечный комитет. Подготовка к ней шла под руководством большевиков Н. С. Дорофеева, Г. М. Седина, Н. А. Зайцева, М. Г. Елисеева, М. К. Марочкина и др.

Забастовка началась 9 мая. На следующий день к ней присоединились все рабочие завода (700 чел.). Затем ее поддержали рабочие завода Забловского, трамвайщики и др. Забастовки носили антивоенный политический характер и свидетельствовали о том, что рабочие края от разрозненных выступлений стали переходить к всеобщим стачкам.

В Порт-Петровске упорную борьбу вели ткачи фабрики «Каспийская мануфактура», выступившие в начале мая 1916 г. трижды. Забастовка,

начатая как экономическая, переросла в политическую. Организаторами ее были М. Гаджиев, Е. Калимов, А. Скрипников, Н. Телепин. Летом 1916 г. рабочие Дагестана провели еще ряд забастовок. В июне забастовали петровские табачники и полиграфисты, темирханшуринские консервщики и бондари. В забастовках активное участие принимали рабочие-горцы.

Необходимо выделить еще один признак революционного подъема в крае весной и летом 1916 г.— массовость. Движение рабочих охватывало целые районы. Особое место в нем занимала массовая забастовка рабочих Грозненского нефтепромышленного района.

Она давно готовилась большевиками Грозного и Баку. Первые проявления движения промысловиков Грозного были отмечены еще в январе 1916 г. В апреле в течение 7 дней бастовали 250 рабочих подрядного бурения «Молот». Несмотря на усиливавшиеся репрессии, 21 мая разрозненные выступления нефтяников переросли во всеобщую забастовку, в которой приняло участие 9 тыс. рабочих [73]. Лишь 9 июня 1916 г. властям удалось частичными уступками и репрессивными мерами ее потушить.

Двадцатидневная массовая забастовка в Грозном была одной из ярких страниц классовой борьбы кавказского пролетариата накануне Февральской революции. Она произвела большое впечатление на рабочих всего края. Под ее влиянием забастовали трамвайные работники Владикавказа, среди горняков и железнодорожников Осетии и Майкопа усилилось брожение.

Забастовка продемонстрировала исключительное влияние большевиков на один из крупных революционных отрядов кавказского пролетариата — рабочих Грозного. Она подтверждала сообщение газеты «Социал-демократ» о том, что «такие крупнейшие промышленные центры, как Баку, Грозный, находятся под гегемонией исключительно большевистского течения» [74]. В преддверии Февральской революции рабочие Грозного представляли собой сплоченную организованную силу, шедшую под руководством местной большевистской организации в первых рядах революционного движения на Северном Кавказе.

Подчеркивая еще одну черту подъема революционного движения в крае, следует указать на рост организованности, активности рабочих и на напряженность их борьбы. Так, по сведениям фабричной инспекции, в мае 1916 г. в крае бастовали рабочие 7 предприятий, в которых приняли участие 75—80% работающих на них. В забастовке рабочих «Кубаноль» участвовало 100% работавших, а в грозненской забастовке — 83% промыслового пролетариата. Такая активность и напряженность борьбы возможны лишь в периоды революционного подъема.

Отличительной чертой забастовочной борьбы во второй половине 1916 г. было и то, что она охватила новые отряды рабочих: грузчиков, бондарей, рыбаков, строительных рабочих Новороссийска, Екатеринодара, Порт-Петровска, Армавир-Туапсинской и Черноморско-Кубанской железных дорог, отдельных отрядов железнодорожников.

Осенью 1916 г. на Северном Кавказе забастовочное движение спало. Большевистские организации края также оказались в тяжелом положении в результате массовых репрессий.

Несмотря на это, накануне Февральской буржуазно-демократической революции рабочие Северного Кавказа, как и весь российский пролетариат, своею мужественной борьбой вели за собой других трудящихся. Не случайно 1916 год был, как и для рабочего, переломным для аграрного и национально-освободительного движений.

Продовольственные «бунты». Определенную роль в пробуждении широких слоев народных масс Северного Кавказа к политической жизни сыграли продовольственные «бунты», направленные своим острием против торговцев, лавочников, спекулянтов, сельской, городской буржуазии, царизма в целом.

Они приняли на Северном Кавказе массовый и повсеместный характер. С 31 мая по 14 июня 1916 г., т. е. за 15 дней, продовольственные «бунты», в которых приняли участие крестьяне, ремесленники и батраки, прокатились по 29 станицам, железнодорожным станциям и городам Кубани. В станицах Павловская, Атаманская, Незамаевская, Веселая, Каневская, Выселки восставшие разгромили 66 лавок [75]. Больших размеров погромы приняли в Геленджике, Екатеринодаре и Ейске. 12—14 июня 1916 г. здесь было разгромлено более 73 лавок и магазинов. В июне 1916 г. массовые волнения крестьян прокатились по всему Кубано-Черноморью и Адыгее. Они были направлены против дороговизны, а в ряде случаев прямо против царского самодержавия [76]. Вскоре продовольственные «бунты» охватили и Ставропольскую губернию. 8 июня «бунт» начался в селе Белоглинском, 9 июня он перекинулся в селения Привольское, Летницкое, Средне-Егорлык, Жуковское, Ладовая Балка и др. С 9 по 17 июня в селениях Белоглинском, Летницком, Привольном, Жуковском, Покровском, Медвежьем, Красной Поляне, Преградном восставшими были разгромлены 32 лавки [77]. 18 июня власти доносили об «угрожающем положении» в селах Допском, Изобильном, Тугулук, Кугульта [78]. Выступления приняли настолько угрожающий для царизма характер, что во главе карательных войск стал сам ставропольский губернатор.

И здесь в ряде случаев погромы продовольственных лавок приняли форму протеста против самодержавия. В селении Сандомирском Медвеженского уезда крестьянка В. Ф. Ногина во время разгрома лавок местных торговцев вынесла портрет царя и, по словам властей, «в присутствии всей публики надругалась над ним и порвала его» [79]. В селении Белоглинском, громя лавки, крестьяне кричали: «Долой самодержавие!»

Особой массовостью и размахом продовольственные выступления отличались в городах и больших селах. В «беспорядках», происходивших в станицах Выселки, Уманской, Тихорецкой Кубанской области, участвовало 15 тыс. человек, в селении Преградном Ставропольской губернии и в г. Ставрополе — более 8 тыс. чел. и т. д. В июне 1916 г. продовольственными «беспорядками» на Северном Кавказе были охвачены десятки тысяч людей. Многие воинские части, дислоцированные на Северном Кавказе, относились к этим «бунтам» явно сочувственно. В Ставрополе во время «беспорядков» на приказ властей стрелять в толпу солдаты 112-го пехотного батальона, среди которых большевики пользовались влиянием, и казаки ответили отказом. «Несмотря на все меры,— признавали власти,— принятые губернатором, и его личное руководство чинами полиции и стражников, беспорядки достигли резкого упорства...» [80] «В день беспорядков в Ставрополе,— доносил жандармский полковник,— губернатор, я, полицмейстер и другие чины полиции несколько раз обращались к войскам с просьбой не позволять громить лавки, задержать погромщиков и погромщиц... но войска ни одного из этих требований не исполнили» [81].

Власти так и не сумели подавить выступление трудящихся Ставрополя. В 8 часов вечера, после безуспешной попытки «рассеять толпу», в городе было введено осадное положение, власть передана начальнику

гарнизона, который под угрозой применения военной силы добился прекращения «беспорядков». При восстановлении «порядка» полиция применяла оружие. «Есть раненные холодным оружием из толпы»,— доносили сами власти.

Ночью 22 июня около 440 чел. было арестовано. Аресты вызвали новые волнения среди горожан. 27 июня власти с тревогой доносили, что можно ожидать новые «беспорядки», «толпа будет требовать освобождения арестованных» [82]. Стихийное выступление трудящихся принимало организованный, политический характер. Боясь нового выступления, власти вынуждены были освободить часть арестованных.

Продовольственные «бунты» происходили и в других областях Северного Кавказа. Еще в феврале 1916 г. начальник Терской области доносил об угрожающем положении в городах области «на почве дороговизны продуктов» [83]. 22 февраля солдатки г. Грозного собрались на базарной площади «и в возбужденном состоянии жаловались на дороговизну продуктов, квартир, обуви, ситца». После долгих «увещаний» полиции они разошлись, но собрались опять вечером и держали себя «вызывающе и с угрозами требовали немедленно принять меры к удешевлению жизни» [84]. 29 февраля во Владикавказе среди торговцев началась паника, вызванная решительным настроением горожан против дороговизны. На улицы вышла вся полиция во главе с начальником области.

19 июня 1916 г. для подавления «беспорядков» в Геленджик Черноморской губернии были посланы казаки. Власти находили, что казаки действовали «недостаточно решительно» [85]. Отказы солдат и казаков стрелять в народ или «рассеять толпу» свидетельствовали о том, что местные власти теряли опору в военных. Стихийные выступления, вызванные тяжелым экономическим положением, свидетельствовали об обострении классовой борьбы. Стремление трудящихся облегчить свое положение большевики направляли в русло организованной борьбы против царизма и капитализма. Выступая на сходках и митингах, они учили трудящихся, что спекуляция, дороговизна и другие народные бедствия являются результатом господства царизма и буржуазии.

Несмотря на стихийный характер, сила продовольственных «бунтов» заключалась в том, что они происходили повсеместно, революционизируя массы, готовя их к более организованной борьбе. В определенной степени они были связаны с рабочим, крестьянским и солдатским движениями, ведь главной движущей силой их являлись жены рабочих, крестьян, солдат и их дети. «Бунты» оказывали, в свою очередь, большое влияние на настроение рабочих и солдат.

Крестьянское и национально-освободительное движение. Большевистские группы и рабочие края своей мужественной борьбой вели за собой уже в начале войны аграрное и солдатское движения. Антивоенные листовки с призывом не идти в армию, выступать против войны и царизма были распространены в конце 1914—1915 гг. в гарнизонах Екатеринодара, Ставрополя, Новороссийска, Армавира, Владикавказа, Пятигорска [86]. На Тереке большевистскую работу среди солдат направляли С. М. Киров, И. В. Малыгин, Г. Г. Анджиевский и др.

Мобилизации были встречены крестьянами Северного Кавказа с нескрываемым недовольством. В ряде случаев оно выливалось в открытые выступления, которые носили антивоенный характер. С 17 июля по 31 декабря 1914 г. в Ставропольской губернии произошло 39 выступлений крестьян, а в Кубанской области — одно [87]. Борьба против земства переплеталась с протестом против начавшейся войны и мобилизации.

Таблица 11

Выступления крестьян в некоторых губерниях на Северном Кавказе в годы первой мировой войны (17 июля 1914 – 26 февраля 1917 г.) *

Губерния, область	1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.	
	волнения	ввод воинских команд в деревню	волнения	ввод воинских команд в деревню	волнения	ввод воинских команд в деревню	волнения	ввод воинских команд в деревню
Кубанская область	1	–	1	–	87	8	–	–
Ставропольская губерния	–	39	4	12	2	24	11	–
Терская область	–	–	–	3	–	1	1	–

* Составлена на основе таблицы в кн.: Крестьянское движение в России в 1914—1917 гг.: Сб. документов. М.; Л., 1965. С. 513—514.

В 1915 г. размах аграрного движения в Ставропольской губернии ослабевает: здесь состоялось всего 12 выступлений.

Крестьянское движение усиливается и во многих отделах Кубанской области. Как видно из официальных сообщений, к 1916 г. ряд станиц, селений и аулов Адыгеи были охвачены борьбой крестьян [88]. Этим объясняется то, что под напором крестьян царизм вынужден был пойти здесь на уступки по взиманию земских налогов. Аграрное движение охватывает Терскую область, где в 1915 г. состоялись 3 выступления крестьян [89].

Антивоенные настроения росли и среди трудового казачества. Кубанские власти 4 августа 1915 г. следующим образом оценили политическое положение сельского населения области: «Обращаясь к политической оценке местного населения, приходится прийти к заключению, что как казаки, так и „иногородние“ представляют собой крайне неустойчивую массу... Аграрный вопрос к нему (казаку.— *Авт.*) стоит так же близко, как и всякому безземельному крестьянину ... Как те, так и другие представляют собой прекрасный горючий материал» [90]. Среди «иногородних» крестьян зрела идея насильственного захвата земли.

Борьба рабочих и крестьян пробуждала к борьбе и солдатскую массу. Работе среди солдат большевики края придавали большое значение, завоевывая их на сторону революции. Как признавал начальник Кубанского областного жандармского управления, «многие из воинских частей настолько распропагандированы, что готовы поддержать не только свои, но и даже чужие требования (рабочих и крестьян.— *Авт.*) с оружием в руках» [91]

Особенно заметны были волпения в гарнизонах Ставрополя, Пятигорска, Грозного, Новороссийска, Владикавказа, Армавира и Ейска. В ноябре 1915 г. повсеместно в Черноморской, Ставропольской губерниях и Кубанской области происходили волнения среди ратников второго разряда, которыми руководили екатеринодарские, новороссийские, армавирские и ставропольские большевики.

1916 год, как указывалось, был переломным на Северном Кавказе как для рабочего, так и для крестьянского движения, о чем свидетельствуют данные следующей таблицы (см. табл. 11).

Накануне Февральской революции наиболее напряженную борьбу вели крестьяне Кубанской области и Ставропольской губернии. Она была

направлена как против сельской буржуазии, казачьих верхов, царской администрации, так и против войны.

Северный Кавказ должен быть отнесен к тем районам, где аграрное движение достигло накануне Февральской революции особой остроты и напряженности. С 17 июля 1914 г. по 1 января 1917 г. в 36 губерниях России произошло 736 аграрных волнений [92]. Не случайно 168 (или 22,8%) из них падало на Кубанскую, Терскую области и Ставропольскую губернию, где социальное расслоение было наиболее выражено.

Характерно, что по количеству выступлений крестьянское движение опережало на Северном Кавказе борьбу фабрично-заводских и горнозаводских рабочих. Если в 1915—1916 гг. в Кубанской, Терской областях и Ставропольской губернии произошло 128 крестьянских выступлений и 22 раза для их подавления в деревню вводились воинские команды и стражники, то за этот же период в указанных областях состоялось 99 забастовок, а в Ставропольской губернии их вообще не было.

Для сравнения укажем, что в стране в целом забастовочное движение значительно опережало борьбу крестьян. В 1915—1916 гг. в 45 губерниях России, где происходили забастовки, состоялись, по данным фабричной инспекции, 2,2 тыс. стачек [93], а в 56 губерниях, охваченных крестьянским волнением,— лишь 471 волнение крестьян (без поджогов) [94]. С учетом забастовок рабочих на предприятиях казенных и подчиненных горной инспекции и т. д., не вошедших в своды фабричных инспекторов, разница была бы еще более внушительной.

Такое соотношение не представляло собой ничего исключительного. Оно отражало уровень промышленного развития края и характер формирования местного отряда рабочих. Но по своей организованности и влиянию на общественную жизнь рабочее движение и на Северном Кавказе выступало в качестве ведущей силы.

Одним из признаков политического кризиса царизма на Северном Кавказе являлось усиление национально-освободительного движения накануне Февральской революции. Как и в рабочем и аграрном движениях, его подъем наблюдался в 1916 г., что также не случайно. «Подстрекаемые руководителями из своей среды,— доносили власти,— горцы совершенно игнорируют местную власть, оказывая во многих случаях противодействие ее распоряжениям. Политическая благонадежность многих горцев сомнительна» [95].

Борьба горцев принимала различные формы и несла на себе ряд национальных моментов — переплетение первой и второй социальных войн с освободительной борьбой против самодержавия и их союзников — местных господствующих классов.

Война не пользовалась среди горцев популярностью. Нерусское население Северного Кавказа было освобождено от обязательной военной службы; взамен службы в армии они платили специальный налог.

Горцы не желали воевать за царя, о чем свидетельствует их массовый уход из армии, дезертирство. «Со сборного пункта самовольно выбыли по домам»,— писал начальник Владикавказского округа 28 мая 1916 г. Он имел в виду новобранцев селений Тулатово, Шанаево, Дарг-Кох, Хумалаг, Заманкуль, Эльхотово, Ольгинское, Новый Алагир, Христановское, Салугардан, Ардон и др.[96] Донесения властям пестрят требованиями о розыске всадников Осетинского конного полка, ратников Осетинской пешей бригады, самовольно покинувших свои части [97]. Открытым проявлением ненависти осетинских трудящихся к войне и службе явилось восстание Осетинской пешей бригады в августе 1916 г., жестоко подавленное царскими войсками.

От мусульманской же части населения края царизм требовал выделения «добровольцев». Но горцы-мусульмане не шли в «добровольческие» полки. «По-видимому,— доносили власти,— под влиянием агитации горцы неохотно вступали в ряды Кабардинского конного полка...» [98] Полк формировался в составе 580 всадников. Однако 18 февраля 1916 г. туда записалось лишь 117 человек [99]. Такой же была судьба вербовки «добровольцев» в царскую армию из мусульманских областей Северного Кавказа [100].

Недовольство среди крестьян-горцев резко усилилось во второй половине 1916 г. Оно было связано с изданием правительственного закона «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи», в том числе горцев-мусульман Северного Кавказа.

Принудительная реквизиция подвод, мобилизация на тыловые работы мужчин вызвали бурные протесты со стороны горцев, в ряде случаев переросшие в вооруженные выступления. Так, в июне—июле 1916 г. против реквизиции с оружием в руках выступили крестьяне селения Аксай Хасавюртовского округа, а также представители (3—4 тыс. человек) от всех аулов Караногайского приставства, собравшиеся в Терекли-Мектеб по поводу реквизиций и мобилизаций. Восстания Караногайских и Аксаевских крестьян были жестоко подавлены верными царизму воинскими частями.

Открытые выступления против реквизиций происходили в Кабарде и Балкарии, Чечне и Ингушетии и других местах. Временный генерал-губернатор Терской области в своем донесении от 17 сентября 1916 г. обвинил 15 жителей селения Экажевского Назрановского округа в том, что они «во время реквизиции подвод и лошадей позволили себе подстрекать жителей не давать перевозочных средств, ни проводников арб и своим преступным поведением настолько возбудили жителей, что для восстановления среди них порядка и выполнения предъявленного требования доставить арбы и лошадей потребовалось вмешательство стражников». Далее он отмечал, что «среди туземцев заметно нервное, вызывающее настроение» [101].

Царское правительство стремилось широко использовать казачьи войска в первой мировой войне. В 1916 г. на военной службе находилось до 100 тыс. донских, 90 тыс. кубанских и 18 тыс терских казаков [102], но далеко не все они находились на фронте, так как применение пулеметов привело к ослаблению роли кавалерии в боевых действиях.

В Петрограде всегда находились некоторые части казаков. Казачьи полки и дивизии были едва ли не главной опорой царизма в армии накануне Февральской революции. Правительство стягивало в столицу значительные силы казаков. Но царизм настолько себя скомпрометировал, что в феврале 1917 г. во время свержения самодержавия столичные полки казаков оставались пассивными — заняли нейтральную позицию. Но верхи казачества стали опорой контрреволюции и готовы были выступать против народа на стороне помещиков и буржуазии.

Временное правительство не желало дать народу ни земли, ни мира, но обещало казачеству сохранить его привилегии. Контрреволюционные цели преследовали верхи Донского казачьего войска, во главе которого стал генерал А. М. Каледин. На Дону, Тереке и Кубани сосредоточено было до 70% всех казаков России. На казачьи войска в значительной мере опирался генерал Л. Г. Корнилов, назначенный в марте 1917 г. командующим Петербургского военного округа, а затем (в мае) командиром 8-й армии. Казачьи полки участвовали в расстреле июльской демон-

страции в Петрограде, а Корнилов 19 июля был назначен верховным главнокомандующим. Вместе с тем масса рядовых в казачьих полках, находившихся в центре страны, все слабее поддерживала контрреволюционные замыслы казачьих верхов [103]. Корнилов, видимо, замечал это и собирался увеличить число мелких земельных собственников среди казаков примерно на 4 млн и намеревался раздавать земли фронтовикам, верным правительству.

Требует более глубокого исследования вопрос, почему рядовые казаки не проявляли особо рвения в поддержке Корнилова против правительства А. Ф. Керенского и нередко склонялись к нейтрализму. Это ослабило силы Корнилова. Отпор со стороны революционных солдат, матросов и красногвардейцев привел к провалу его попыток осуществить контрреволюционный переворот в августе 1917 г.

Давая оценку рабочему, аграрному и национально-освободительному движению в крае накануне Февральской революции 1917 г., можно утверждать, что события 1916 г. свидетельствовали о том, что революционный кризис в стране достиг предела, вступил в свою высшую стадию и охватывал окраины. Накануне Февральской буржуазно-демократической революции и на Северном Кавказе различные революционные потоки сливались воедино. В авангарде этого процесса во главе с партией большевиков шел российский пролетариат, идейное влияние которого на аграрное, национально-освободительное и солдатское движения беспрерывно росло.

Борьба рабочих Северного Кавказа накануне Февральской буржуазно-демократической революции намного превосходила по своему размаху, остроте, упорству, степени организованности и политической активности движение в крае накануне первой русской революции, в которой трудящиеся региона приняли заметное участие. В период между двумя революциями, в том числе в годы мировой войны, пролетариат края, как и все рабочие страны, и большевистские группы возмужали, накопили опыт борьбы за интересы трудящихся всех народов и тем самым еще лучше были подготовлены не только к участию в назревающих событиях, но и к руководству ими, о чем ярко свидетельствовали последовавшие после победы Февральской революции события в крае и борьба рабочих и большевистских групп Северного Кавказа за Советскую власть.

4. Северный Кавказ во время Февральской буржуазно-демократической революции

27 февраля 1917 г. под ударами восставшего петроградского пролетариата и солдат пало царское самодержавие. Вторая российская буржуазно-демократическая революция победила.

Весть о свержении царизма быстро облетела всю страну. Она вызвала озлобление и растерянность в правящих кругах, радость и ликование среди трудящихся. Боясь революционного взрыва, кавказские власти, с одной стороны, всеми мерами скрывали от народа правду о свержении царя, с другой — торопились выразить свои верноподданнические чувства Временному правительству. Начальник Терской области призвал население подчиниться новому правительству, «облаченному всей полнотой власти», а начальник Кубанской области заявил, что он — слуга нового правительства. Одновременно губернаторы Дагестана, Ставропольской и Черноморской губерний, начальники Кубанской и Терской областей делали попытки привести гарнизоны в боевую готовность на случай народных выступлений.

Но эти попытки были обречены на провал. По инициативе большевиков весть о свержении самодержавия дошла и до трудящихся Северного Кавказа. 27 февраля 1917 г. ЦК российской социал-демократической рабочей партии опубликовал«Манифест ко всем гражданам России», в котором извещал народ о падении царизма и призывал его к борьбе против остатков самодержавной власти [104].

2 марта на предприятиях Ростова состоялись митинги. На улицах Ростова, Сулина, Таганрога, Новочеркасска, Александровска-Грушевского, в шахтерских поселках прошли многочисленные демонстрации рабочих и солдат, приветствовавших свержение ненавистного царизма [105].

В Новороссийске о победе революции в Петрограде узнали 4 марта. В тот же день трудящиеся по призыву большевистской организации вышли на демонстрацию, в которой приняло участие несколько тысяч человек [106]. Митинги, демонстрации, собрания состоялись в Туапсе, Геленджике и в других городах Черноморья.

5 марта во Владикавказской городской думе состоялось собрание, на котором выступил С. М. Киров. Восторженно приветствуя победу революции, он подчеркнул огромное историческое значение свержения самодержавия [107].

Известие о победе революции вызвало политический подъем и среди рабочих Грозного. На улицы вышли почти все трудящиеся города. Речи руководителя грозненских большевиков Н. А. Анисимова и других ораторов были встречены с необычайным восторгом [108]. Большой митинг состоялся в слободе Хасавюрт. В нем приняли участие и солдаты местного гарнизона.

4 марта 1917 г. прошла демонстрация солдат Ставропольского гарнизона. Весть о свержении самодержавия трудящиеся Ставрополя встретили с большой радостью. В городах и селах устраивались митинги, демонстрации, в присутственных местах срывали царские портреты. 6 марта в Пятигорске состоялся митинг, на котором с речью выступил большевик И. В. Малыгин. Он поздравил присутствующих с первой победой, выразил недоверие Временному правительству и призвал рабочих к сплочению, организованности и бдительности [109].

5 марта 1917 г., когда весть об отречении Николая II достигла Порт-Петровска, рабочие всех предприятий города явились в городскую управу и потребовали информировать их о событиях в Петрограде. 7 марта в Порт-Петровске состоялась крупная демонстрация рабочих и служащих с участием солдат 220-го пехотного полка [110].

Многолюдные митинги состоялись и в Дербенте. Мощная демонстрация прошла в Темир-Хан-Шуре.

С первых же дней Февральской революции 1917 г. трудящиеся массы Северного Кавказа выступали с требованиями освободить политических заключенных. Повсеместно выходили из подполья и легализовались большевистские организации. Их состав пополнялся освобожденными из тюрем революционерами и передовыми рабочими и солдатами. Революционное движение рабочих всколыхнуло и трудящихся крестьян. Почти во всех аулах и станицах происходили выступления крестьян. В ряде населенных пунктов Дагестана и Ставропольской губернии крестьяне приступили к разоружению властей, полиции и стражников. В Кабардино-Балкарии крестьянство поднялось против князей, таубиев, кулаков, за возвращение отобранных у сельских обществ земель. Революционно-демократическое направление национального движения в Кабарде и Балкарии представляло «Карахалк» — объединение крестьянской бедноты [111]. На сторону господствующих классов, как и следовало ожидать, встал

буржуазный Нальчикский гражданский комитет — орган Временного правительства в Кабардино-Балкарии.

Своеобразие Февральской буржуазно-демократической революции заключалось в том, что она создала двоевластие. Оно состояло в том, «что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов» [112].

Двоевластие установилось и на Северном Кавказе. Первым в крае был создан Екатеринодарский Совет рабочих депутатов, выборы в который начались на третий же день после свержения самодержавия. Первое его заседание состоялось 2 марта 1917 г. На заседании 8 марта Совет признал полномочия представителей солдатских и казачьих депутатов [113]. Но во главе его оказались меньшевики и эсеры. В исполком Совета вошли лишь три большевика.

5 марта 1917 г. состоялось первое организационное заседание Грозненского Совета рабочих депутатов, предложившее местным воинским частям командировать в его состав своих делегатов (по одному человеку от каждой пешей роты, казачьей роты и воинской команды). 6 марта он был переименован в Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Представителем Совета был избран руководитель грозненских большевиков Н. А. Анисимов [114]. 7 марта состоялся общегородской митинг, который постановил разоружить полицию, создать народную милицию из рабочих и освободить из тюрьмы политзаключенных [115]. «Грозненский Совет — писал в 1918 г. С. М. Киров,— пользовался почти совершенной полнотой власти с первых же дней революции» [116].

6 марта 1917 г. был образован Совет рабочих и солдатских депутатов в Ставрополе. 7 марта в его состав вошли и представители гарнизона [117]. Во главе Совета оказались эсеры и меньшевики. «Ставропольский совет рабочих и солдатских депутатов,— говорилось в резолюции его первого заседания,— считает необходимым довести войну до победы над германцами» [118].

7 марта был создан Совет рабочих и солдатских депутатов Новороссийска. В первой половине марта Советы рабочих, солдатских и казачьих депутатов возникли в Армавире, Майкопе, Гулькевичах, станицах Апшеронской, Усть-Лабинской, Геленджике и в ряде других мест Кубанской области и Черноморской губернии [119].

Владикавказский Совет рабочих депутатов возник 8 марта 1917 г. И здесь руководство в Совете захватили эсеры и меньшевики. Благодаря энергичной деятельности владикавказских большевиков во главе с С. М. Кировым 19 марта состоялось объединенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. В апреле состоялись выборы в его исполком, в состав которого вошли от большевиков С. М. Киров, Я. Л. Маркус, И. Я. Турыгин [120]. Возглавляя большевистскую фракцию Совета, С. М. Киров разоблачал соглашателей-эсеров, меньшевиков не только на заседаниях Совета, но и на собраниях и митингах рабочих, солдат и городской бедноты.

В Порт-Петровске Совет рабочих депутатов был создан 7 марта 1917 г. Председателем его был меньшевик. В Совет вошли также большевики Д. Атаев, С. Лагода и др. Эпиграфом издававшегося в Порт-Петровске «Бюллетеня» был лозунг Временного правительства «Война до победного конца!» [121]. Тогда же в городе возник Совет военных депутатов, поклявшийся в своей телеграмме председателю Временного правительства «положить все усилия на защиту ... и укрепление обновленного строя» [122].

Вскоре под давлением рабочих и солдат был создан объединенный Совет рабочих и военных депутатов. Возглавляемые эсерами и меньшевиками Советы возникли в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Советы военных депутатов появились в Дагестане и в гарнизонах Чирюрта, Гуниба, Хунзаха, Ботлиха, Дешлагара, Ахтов.

Совет рабочих депутатов в Нальчике возник в апреле 1917 г. в противовес Гражданскому исполкому Нальчикского округа и ЦК Союза объединенных горцев. В состав Нальчикского Совета вошли лишь два социал-демократа (в том числе И. П. Осокин). В крупном железнодорожном узле, в Прохладной, Совет рабочих депутатов возглавил рабочий-большевик Д. П. Буланов. В Нальчике был организован и Совет солдатских депутатов [123].

В Пятигорске, Минеральных Водах, Кисловодске, Ессентуках, Кизляре, Моздоке, Георгиевске, Хасавюрте Советы создавались в марте—апреле 1917 г. По примеру рабочих городов и крестьяне края стали создавать Советы крестьянских депутатов. В первые месяцы революции такие Советы возникли в ряде сел Осетии (Христиановском, Алагире, Ардоне и др.). Одними из первых в Дагестане возникли Беледжинский участковый и Кюринский окружной Советы крестьянских депутатов [124]. Советы были созданы в некоторых станицах Кубанской области. Стали образовываться и объединенные Советы рабочих и крестьянских депутатов. Таким был Совет в станице Екатериновской Ейского отдела, где председателем был большевик Угроватый [125].

Буржуазные националисты, представители казачьих и горских верхов, эсеры, меньшевики и шовинисты, оказавшиеся во главе Советов рабочих, крестьянских и военных депутатов, всячески мешали созданию объединенных Советов, а следовательно, сближению горцев с русскими, установлению прочного союза трудящихся горцев с рабочими, крестьянами и трудящимися казаками. Горские и казачьи верхи делали все для того, чтобы сохранить старый строй и удержать «свои» народы в кабале. Ссылаясь на различие языков, религии и обычаев, они стремились оторвать трудящихся Северного Кавказа от революционной России и удержать их в рабстве.

Почти во всех Советах Северного Кавказа, как и в стране в целом, преобладали меньшевики и эсеры. Причины этого были те же, что и в центре страны. В условиях мелкобуржуазной стихии, захлестнувшей массы, меньшевики и эсеры сумели захватить большинство в Советах. Большевистские организации оказались сильно ослаблены арестами накануне революции. Северный Кавказ представлял собой отсталую окраину России с огромным преобладанием среди населения мелкобуржуазных слоев. Они-то и составляли социальную и идейную почву для существования соглашательских партий.

Советы, возглавляемые эсерами и меньшевиками, не могли стать подлинными органами революционной власти. Меньшевики и эсеры настойчиво проводили курс на соглашение с буржуазией, а революцию считали законченной. Раз революция буржуазная, твердили они, власть должна перейти к буржуазии. Меньшевики и эсеры и на Северном Кавказе добровольно передали власть буржуазии; не только не препятствовали созданию местных органов Временного правительства, наоборот, сами вошли в их состав.

При попустительстве и прямом пособничестве мелкобуржуазных партий на Северном Кавказе, как и во всей стране, буржуазия создала свои органы власти.

11 марта 1917 г. был образован Временный Кубанский областной исполнительный комитет, в который вошли кадеты, эсеры и меньшевики. В Новороссийске и Ставрополе 4 и 6 марта были образованы Комитеты общественной безопасности, которым были переданы функции губернского управления. В их состав вошли представители от городской думы, земства и других буржуазных организаций. Члены Комитета выступали за доверие и полную поддержку Временного правительства [126]. В Екатеринодарском, Пятигорском, Майкопском и Баталпашинском отделах были созданы буржуазные Гражданские комитеты. Губернатор был заменен «правительственным комиссаром», а в казачьих областях и в указанных отделах рядом с «правительственными комиссарами» по-прежнему властвовали атаманы.

5 марта 1917 г. во Владикавказе возник орган Временного правительства — Областной гражданский комитет, состоящий из представителей буржуазно-дворянских и клерикальных слоев горских народов, высших чиновников старого аппарата, эксплуататорской верхушки казачества и отдельных мелкобуржуазных элементов [127]. В состав Областного гражданского комитета вошли кумыкский князь Р. Капланов, чеченский нефтепромышленник-миллионер Т. Чермоев, кабардинский коннозаводчик, крупный землевладелец П. Коцев и др. Его почетным председателем был избран член IV Государственной думы, ярый контрреволюционер, казачий есаул М. А. Караулов, назначенный Временным правительством «комиссаром» Терской области. Во главе округов были поставлены «комиссарами»: Хасавюртовского округа — князь Капланов, Владикавказского — мировой судья Платов, Назранского — чиновник Джабагиев, Нальчикского — дворянин Чижоков, Веденского — полковник Адуев, Грозненского — присяжный поверенный Ильин [128].

Выборы в Дагестанский областной исполком прошли в острой борьбе между революционерами, националистами и монархистами. Во главе с губернатором Ермоловым монархисты приложили немало усилий для того, чтобы сохранить власть в своих руках. 8 марта, накануне выборов в областной исполком, собрались представители феодально-клерикальной и националистической контрреволюции. «Нужно,— говорил подполковник З. Доногуев,— чтобы наших на выборах было очень много, гораздо больше, чем русских, иначе мы провалимся с нашим списком».

В эти же дни энергичную деятельность развернули революционные силы во главе с Махачом Дахадаевым, добиваясь, чтобы широкие народные массы приняли участие в выборах в областной исполком, чтобы он стал органом власти народа.

Выборы состоялись 9 марта. Вследствие отсталости и слабой организованности крестьян, еще не осознавших происходившие в стране события, в областной исполком вошли князь Тарковский, капитан Апашев, помещик Гоцинский и др. Председателем избрали монархиста Темирханова. В первом же воззвании исполкома к населению области говорилось: «Мы вас просим — подчинитесь Временному правительству... не нарушайте спокойствия».

Наряду с Советами и местными органами Временного правительства на Северном Кавказе появились и организации, преследовавшие цель отделить край от России. 5 марта 1917 г. во Владикавказе собрались представители горской национальной интеллигенции, которые объявили о создании так называемого Союза объединенных горцев. 6 марта были проведены «выборы» во Временный Центральный комитет Союза объединенных горцев, в который вошли Б. Шаханов (председатель), Т. Чермоев, Р. Капланов и др.

Такова была расстановка политических сил на Северном Кавказе после победы Февральской революции. Но революция оставила без изменения социально-экономические и политические основы жизни трудящихся края. «Февральская революция,— отмечал Г. К. Орджоникидзе,— почти нисколько не коснулась Северного Кавказа, произошла только незначительная смена административных лиц. Вместо старых названий появились новые названия, вроде губернский комиссар и т. д.... а все остальное осталось нетронутым» [129].

Несмотря на все это, Февральская революция явилась событием огромного значения. Ее победа означала крутой перелом в жизни народов России и края, она превратила страну в самую свободную из всех воюющих держав. В результате свержения царизма из подполья вышла большевистская партия, неизмеримо возросла ее роль в общественной жизни страны. «После свержения царской власти 27 февраля 1917 года,— отмечал В. И. Ленин,— Россия управлялась в течение приблизительно 4 месяцев как свободная страна, именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними. Чтобы понять развитие русской революции, необходимо, следовательно, изучить, каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий» [130].

Февральская революция означала огромный шаг вперед в политическом развитии России, несмотря на то, что она не осуществила и не могла осуществить мечту рабочих — о 8-часовом рабочем дне, мечту крестьян — о конфискации помещичьих земель, мечту всех трудящихся — о прекращении империалистической войны. Она «не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и *дошла вплотную* до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» [131].

Победа Февральской революции 1917 г. означала и новый этап в развитии национально-освободительного движения народов окраин России. Февральская революция способствовала укреплению союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, сплочению народов вокруг российского пролетариата, избавившего их от гнета царизма.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 1.
[2] История первой мировой войны. М., 1975. Т. 1. С. 385.
[3] Цит. по кн.: История Азербайджана. Баку, 1960. Т. 2. С. 742.
[4] Там же.
[5] ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4997. Л. 1–3. Цит. по кн.: *Басилая Ш. И.* Закавказье в годы первой мировой войны. Сухуми, 1968. С. 86.
[6] Резолюция бакинского совещания Кавказского бюро РСДРП, проходившего в октябре 1915 г. в Баку под руководством Степана Шаумяна // Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1960. С. 35.
[7] *Колосов Л. Н.* Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917 гг.). Грозный, 1968. С. 141.
[8] ЦГИА ГССР. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3384. Л. 82.
[9] История СССР. М., 1968. Т. 6. С. 563.
[10] ЦГИА ГССР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 5328. Л. 217.
[11] Там же. С. 309.
[12] *Колосов Л. Н.* Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917 гг.)
[13] Статистические сведения о грозненских нефтяных промыслах и грозненских нефтеперегонных заводах за июнь 1915, за июнь 1916 и за февраль 1917. Грозный, 1916–1917. Подсчет наш.— *Авт.*
[14] *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее движение на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема и первой мировой войны. Махачкала, 1970. С. 128.
[15] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 525.
[16] ЦГИА ГССР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 5328. Л. 217, 219; Д. 5824, Л. 1–2; Отчет

Кавказского горного управления за 1914 г. Тифлис, 1915. С. 80; ЦГА СОАССР. Ф. 169. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.

17 *Колосов Л. Н.* Монополии и иностранный капитал в нефтяной промышленности Грозненского района (1890 – февраль 1917 г.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1975. С. 32.

18 Там же. С. 41.

19 Там же. С. 35.

20 Там же. С. 34.

21 *Колосов Л. Н.* Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий, 1903—1917 гг. Грозный, 1962.

22 *Колосов Л. Н.* «Алдынский бум»: (Борьба вокруг грозненской нефти в 1910—1917 гг.) // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 215—224.

23 ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1043. Л. 142.

24 Северокавказский край. 1925. № 2. С. 108. М.

25 История Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1967. Т. 1. С. 399.

26 История Дагестана. М. 1967. Т. 1. С. 285.

27 Статистико-экономические материалы по обследованию Кубанского края. Екатеринодар, 1918. Т. 4, вып. 1. С. 9—12.

28 История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 310.

29 История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 399.

30 *Козлов А. И.* На историческом повороте. Ростов н/Д, 1978. С. 44.

31 *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее движение на Северном Кавказе... С. 156.

32 История Дагестана. М., 1967. Т. 2. С. 285.

33 История Северо-Осетинской АССР. С. 310.

34 *Овчинникова М. И.* К истории уравнительного распределения земли в Чечено-Ингушетии в 1918—1922 гг. // Изв. ЧИ НИИИЯЛ. Сер. История. Грозный, 1965. Т. 6, вып. 1. С. 61. Процент выведен нами.— *Авт.*

35 Очеркп истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 536.

36 История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 400.

37 Юго-Восток: Справочник. 1923. № 2, 3. С. 117.

38 Историпя Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 401.

39 *Козлов А. И.* Указ. соч. С. 63.

40 *Османов Г. Г.* Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965. С. 40.

41 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 357.

42 *Козлов А. И.* Указ. соч. С. 67.

43 Там же. С. 113—115.

44 *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее движение на Северном Кавказе... С. 139—147.

45 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 13.

46 *Шигабудинов М. Ш.* Экономическое положение рабочих Северного Кавказа в годы первой мировой войны (1914—1917) // Вопросы истории Дагестана: (Досоветский период). Махачкала. 1975. Вып. 2. С. 67—94.

47 РФ Северо-Осетинского НИИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

48 История Северо-Осетинской АССР. С. 312.

49 См.: Отчеты начальника Кубанской области за 1913—1915 гг. // Кубанские ведомости (Екатеринодар, 1913—1916).

50 См.: Обзоры Ставропольской губернии за 1913—1915 гг. (Ставрополь, 1914—1916).

51 ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 383. Л. 133; ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 280. Л. 25—32.

52 ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 280. Л. 25—26.

53 Там же. Л. 25, 26, 34.

54 ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 245. Д. 5. Ч. 36. Литер Б. Л. 1.

55 ГАКК. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1022. Л. 3.

56 ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 245. Д. 5. Ч. 36. Литер Б. Л. 2, 6—7.

57 Там же. Л. 22—23.

58 *Седина А. М.* Страницы из истории рабочего движения на Кубани: (1910—1916 гг.) Краснодар, 1961. С. 42—43.

59 Тр. ЦСУ. М., 1921. Т. 7, вып. 1. С. 150—151.

60 ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 409. Л. 21.

61 Там же. Л. 12.

62 *Кулов С. Д.* Северная Осетия накануне и в период мировой империалистической войны // Учен. зап. Северо-Осетинского пед. ин-та. Дзауджикау, 1949. Т. 28, вып. историко-филологический. С. 61.

63 ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 245. Д. 5. Ч. 36. Литер Б. Л. 22; ГАКК. Ф. 583, Оп. 1. Д. 1011. Л. 22—139, 201, 204; Д. 1057. Л. 7; Ф. 584. Оп. 1, д. 409. Л. 12, 30, 21; Ф. 583. Оп. 1. Д. 60. Л. 7, 8; Д. 64. Л. 5; ЦГА СОАССР. Ф. 199. Оп. 1. Д. 91. Л. 33; Тр. ЦСУ. Т. 7, вып. 1. С. 150—151; *Седина А. М.* Указ. соч. С. 49—50; *Дубовицкий М. М.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубанской области (60—70-е годы XIX в.— 1920). Краснодар, 1966; На Северном Кавказе (июнь 1907 – январь 1917 г.) // Вопросы истории Дагестана. 1975. Вып. 3. С. 63: Автореф. докт. ист. наук.

64 ЦГА СОАССР. Ф. 169. Оп. 1. Д. 91б, Л. 33.

65 ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1011. Л. 201.

66 Там же. Л. 204.

[67] ЦГИА ГССР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 5438. Л. 3–3 об.
[68] *Седина А. М.* Указ. соч. С. 56.
[69] ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1057. Ч. 2. Л. 2, 3, 12.
[70] Там же. Д. 1957. Л. 82; *Седина А. М.* Указ. соч. С. 60.
[71] ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1957. Л. 83.
[72] ЦГА СОАССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 213. Л. 23.
[73] Там же. Ф. 264. Д. 5438. Л. 22.
[74] газ. Социал-демократ. 1916. № 51.
[75] *Седина А. М.* Указ. соч. С. 78.
[76] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 159.
[77] СКГА. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 366. Л. 34–35.
[78] Там же. Л. 43 об.
[79] Там же. Л. 45.
[80] Там же. Л. 46; *Комин В. В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 190–191.
[81] СКГА. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 366. Л. 101 об.
[82] Там же.
[83] ЦГА СОАССР. Ф. 11. Оп. 49. Д. 100. Л. 42.
[84] Архив РФ Северо-Осетинского НИИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.
[85] ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 30. Д. 21. Л. 2–4.
[86] ЦГА СОАССР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 33. Л. 2 об.– 3.
[87] Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг.: Сб. документов. М.; Л., 1965. С. 513–514.
[88] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. Оп. 11. 1916 г. Д. 32. Л. 3.
[89] Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. С. 513–514.
[90] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Особый отдел. Оп. 16. 1915 г. Д. 350. Л. 3 об.
[91] ЦГИА ГССР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3672. Л. 14.
[92] Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. С. 513–514.
[93] Тр. ЦСУ. Т. 7, вып. 1. С. 150–161.
[94] Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. С. 513–514.
[95] РФ Северо-Осетинского НИИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 44, 46.
[96] ЦГА СОАССР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 108. Л. 150–151.
[97] Там же. Л. 172, 211, 213–237, 243, 249, 250–255, 279, 287, 299.
[98] РФ Северо-Осетинского НИИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 45.
[99] Там же. Л. 45–46.
[100] Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 363.
[101] РФ Северо-Осетинского НИИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 24. Л. 77.
[102] *Пронштейн А. П., Хмелевский К. А.* Казачество // Сов. ист. энцикл. 1965. Т. 6. С. 815–823. *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 61.
[103] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 220; *Козлов А. И.* Русская Вандея: Место казачества в политической борьбе в ходе российских революций // Вопр. истории. 1987. № 7.
[104] История КПСС. М., 1966. Т. 2. С. 673.
[105] *Берз Л., Хмелевский К.* Героические годы. Ростов н/Д, 1964. С. 24.
[106] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. С. 161.
[107] *Долунц Г. К.* Киров на Северном Кавказе. М., 1973.
[108] *Киреев Е. П.* Пролетариат Грозного в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1957. С. 60.
[109] Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С. 61.
[110] ЦГА ДАССР. Ф. 175. Оп. 3. Д. 64. Л. 4.
[111] История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 409.
[112] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145.
[113] Вопросы истории партийных организаций Северного Кавказа. Краснодар, 1966. С. 13.
[114] *Киреев Е. П.* Указ. соч. С. 62.
[115] Там же. С. 63.
[116] Донские известия. 1918. 24 апр.
[117] Очерки истории Ставропольской организации КПСС. С. 61.
[118] Там же. С. 62.
[119] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. С. 162.
[120] *Этенко Л. А.* Большевистские организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов (1917–1920 гг.) Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Краснодар. 1980. С. 13.
[121] газ. Красный Дагестан. 1927. 24 марта.
[122] ЦГАОР СССР. Ф. 449. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
[123] История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 412.
[124] газ. Известия Дербентского Совета рабочих и военных депутатов. 1917. 2 авг.
[125] ГАКК. Ф. Р.-411. Д. 208. Л. 23.
[126] газ. Джарудаул Дагестан. 1917. 18 марта.
[127] ЦГАОР СССР. Ф. 398. Оп. 2. Д. 146. Л. 2.
[128] *Гугов Р. Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 117.
[129] *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи. М., 1956. Т. 1. С. 74.
[130] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 58.
[131] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 154.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История народов Северного Кавказа в составе России с конца XVIII в. до 1917 г. показывает, что вопреки самодержавной сущности политики царизма основным содержанием исторического процесса в этом регионе были объективно прогрессивные последствия вовлечения народов Северного Кавказа в капиталистическое развитие России, воздействие передовой русской культуры и революционного движения на их судьбы, особенно когда гегемоном революционной борьбы в России стал рабочий класс во главе с ленинской большевистской партией. Постепенно складывались предпосылки совместной борьбы народов Северного Кавказа, российского рабочего класса и крестьянства, передовых сил национально-освободительного движения против царизма, гнета помещиков и капиталистов.

Основной чертой революционного процесса в России между Февральской революцией и Октябрем 1917 г. стало перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

На многонациональном Северном Кавказе этот процесс осложнялся тем, что силы реакции и национальная рознь в данном регионе имели относительно прочные корни. Именно это объясняет стремление контрреволюции искать в ходе Гражданской войны опору на Северном Кавказе среди помещиков, казачьей верхушки и феодально-клерикальных кругов горских народов. В то же время Северный Кавказ был очагом революционного и национально-освободительного движения, и это облегчило там победу социалистической революции.

На современном уровне развития советской исторической науки в томе нашли отражение итоги изучения истории народов Северного Кавказа. Получили обобщение и систематизацию многие конкретные проблемы. Однако том не претендует на решение всех научных вопросов. По нашему мнению, исследование некоторых из проблем далеко не закончено. Можно надеяться, что появление обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа конца XVIII в.— 1917 г. даст импульс новому подъему научных исследований по целому ряду недостаточно изученных вопросов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Хронология важнейших событий

1557 – вхождение народов Кабарды, Адыгеи и Черкесии в состав России

1558 – вхождение в состав России части ингушей

1614–1635 – вхождение в состав России ханств и обществ Дагестана

1762 – вхождение части ингушей в состав России

1774 – Кючук-Кайнарджийский мир

1774 – вхождение Северной Осетии в состав России

1774–1781 – завершение процесса вхождения чеченцев и ингушей в состав России

1783 – добровольное принятие Грузией покровительства России

1783–1784 – начало постройки Военно-Грузинской дороги

1784 – основание Владикавказа (ныне Орджоникидзе)

90-е годы XVIII в.– вхождение Балкарии в состав России

1793 – основание Екатеринодара (ныне Краснодар)

1799 – подтверждение принятия в подданство России Эндереевского, Аксаевского, Костековского и Андийского союзов сельских обществ

1799 – открытие движения по Военно-Грузинской дороге

1801 – присоединение Грузии к России

26 декабря 1802 – Георгиевский договор владетелей Дагестана о вступлении под покровительство России

апрель 1803 – вхождение Аварского ханства в состав России

1803 – основание г. Кисловодска. Начало развития курортов Кавказских Минеральных вод

1804 – основание укрепления Баталпашинское (ныне г. Черкесск)

1804–1808 – обнародование постановлений российского правительства о запрете работорговли

1804–1810 – освободительное движение в Кабардино-Балкарии

1804–1813 – русско-иранская война

1806–1812 – русско-турецкая война

апрель 1807 – повторные присяги на верность России чеченских обществ

1807 – основание школы для горцев в Ставрополе

1809 – подтверждение присяги России жителями Алагирского общества и присяга на верность тагаурцев

1809 – открытие школы для горцев в Георгиевске

1810 – повторная присяга России ингушей

февраль 1811 – подтверждение русского подданства Ахтыпаринским, Докузпаринским и другими сельскими обществами

1812 – завершение вхождения Дагестана в состав России

1812 – присоединение к России Кюринского ханства

май 1812 – Бухарестский мир. Признание Османской империей принадлежности к России Грузии, Имеретии, Мингрелии и Абхазии

осень 1813 – Гюлистанский мир. Признание Ираном принадлежности к России Северного Азербайджана, Дагестана, Грузии и Абхазии

1816–1827 – деятельность генерала А. П. Ермолова на посту командира Отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса и управляющего гражданской частью Грузии, Астраханской и Кавказской губерний

1817 – основание крепости Нальчик

1818–1820 – перенос Кавказской укрепленной линии с Терека на Сунжу

1818 – основание крепости Грозной

1820 – первая светская школа для аманатов в крепости Нальчик

1820, 1829 – пребывание на Кавказе А. С. Пушкина

1822 – переселение части кабардинцев в верховья р. Кубани

октябрь 1822 – волнения в Чечне

1823 – восстание в Мехтулинском ханстве

1823 – изобретение в Моздоке крепостными братьями Дубиниными аппарата для перегонки нефти

1825–1826 – восстание в Чечне под руководством Бейбулата Таймазова

1826–1828 – русско-иранская война

февраль 1828 – Туркманчайский мирный договор. Признание Ираном принадлежности к России Эриванского и Нахичеванского ханств, отказ от притязаний на Армению, Грузию, Северный Азербайджан и Дагестан

1828 – экспедиция генерала Э. А. Эмануэля на Северо-Западный Кавказ и подтверждение присоединения Карачая к России

март – октябрь 1828 – антифеодальное восстание крестьян-бжедугов

1828–1829 – русско-турецкая война

12 июля 1828 – взятие Анапы

1828–1865 – Азовское казачье войско

1829–1833 – пребывание А. И. Полежаева на Кавказе

30 января 1829 – убийство А. С. Грибоедова и разгром русского посольства в Тегеране

1829–1859 – освободительное движение горцев Чечни и Дагестана под предводительством Шамиля

1830–1837 – пребывание А. А. Бестужева-Марлинского на Кавказе

1832 – основание крепости Темир-Хан-Шура (ныне г. Буйнакск)

1833 – создание Кавказского линейного казачьего войска

1834–1859 – имамат Шамиля

май 1835 – создание Дагестанского конно-иррегулярного полка

1836 – открытие Владикавказского осетинского духовного училища

1837 – открытие Дербентского городского училища

1838 – восстание крестьян в Большой Кабарде

1838 – основание г. Новороссийска

1840–1848 – пребывание декабриста К. Г. Игельстрома в Карачае и Черкесии

1840 – освободительное движение западнокавказских адыгов

1840–1882 – деятельность Кавказского комитета

1841 – съезд наибов, алимов и других представителей имамата Шамиля в Дарго

15 июля 1841 – гибель М. Ю. Лермонтова на дуэли в Пятигорске

ноябрь 1844 – учреждение наместничества на Кавказе

1844 – основание укрепления Петровское (ныне г. Махачкала)

1845 – съезд представителей администрации имамата Шамиля в Амахе

1845 – отказ Карачая принять экспедицию Магомед-Амина (Эмина)

1845 – начало издания «Кавказского календаря»

1845 – открытие Ставропольской гимназии

1847 – открытие библиотеки при Терском областном правлении

1847 – съезд представителей администрации имамата Шамиля в Анди

1848 – основание Ейска

декабрь 1848 – утверждение «Положения о Кавказском учебном округе»

1850 – начало издания «Ставропольских губернских ведомостей» – первой газеты на Северном Кавказе

1850 – учреждение на Кавказе отдела Русского географического общества

1851–1853 – пребывание на Кавказе Л. Н. Толстого

1852 – учреждение в крепости Грозной Чеченского управления и суда

1853–1856 – Крымская война

1853–1856 – антифеодальное восстание крестьян-бжедугов

1853 – основание Садонского серебросвинцового рудника и Алагирского завода

30 ноября 1853 – уничтожение русским флотом турецкой эскадры, собранной в Синопе для нападения на Сухум

1853–1856 – частичная реформа поземельных отношений в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии

1856 – восстание крестьян-бжедугов против князей и дворян («Пши-орк-зау»)

1855 – восстание крестьян в Чегемском и Хуламском обществах Балкарии

1856 – преобразование Отдельного Кавказского корпуса в армию

1857 – основание Майкопа

1858 – начало строительства Военно-Осетинской дороги

1858–1867 – ликвидация ханств и других феодальных владений в Дагестане

1859 – утверждение «Устава горских школ»

1859 – съезд представителей администрации имамата Шамиля в Хунзахе

1859 – освобождение от крепостной зависимости крестьян тех владельцев, которые боролись против введения русского управления

1859 – начало массового переселения (махаджирство) горцев Северо-Западного Кавказа в Османскую империю и другие страны Ближнего Востока

25 августа 1859 – взятие царскими войсками аула Гуниб и пленение Шамиля

1860 – учреждение Кубанской области

май 1860 – январь 1861 – освободительное движение в Горной Чечне, Ичкерии

1860—1861 – административные реформы на Северном Кавказе

1860—1861 – упразднение Кавказских укрепленных линий, создание вместо Черноморского и Кавказского линейного войска Кубанского и Терского казачьих войск

19 февраля 1861 – Манифест Александра II об отмене крепостного права в России (На Северном Кавказе распространялся на ставропольских ногайцев и туркмен)

1861 – указ о разрешении продавать рабов (ясырей) только семействами, не разлучая их

1861 – открытие Владикавказского горского окружного училища

июнь 1861 – «Положение об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области»

1862 – создание П. К. Усларом и Кеди Досовым чеченского алфавита и букваря на основе русского алфавита

январь 1863 – выступление русских крестьян в с. Маслов Кут

20 августа 1863 – акт о введении в Кабарде общинного права владений землей

1863 – открытие Грозненской горской школы

1863—1895 – деятельность Терской сословно-поземельной комиссии

1863—1864 – размежевание земель в Надтеречном наибстве Чечни

1864 – освобождение горцев, находившихся во владении у разных лиц, приписанных к Терскому казачьему войску

1865 – административная реформа в Кубанской области и казачьем войске

1865 – запрещение продажи рабов (ясырей) в другие области

1866 – восстание в Кайтаго-Табасаранском округе

1866 – межевание земли в плоскостной Ингушетии

ноябрь 1866 – волнения в Балкарии против грабительских условий отмены крепостной зависимости

1866—1868 – окончательная ликвидация рабства в Дагестане

1867 – освобождение крестьян в Терской области

май 1868 – начало освобождения горских крестьян Кубанской области

апрель 1868 – Ходзинское восстание адыгов

1868 – введение судебных уставов в Ставропольской губернии

1868 – открытие в Ставрополе публичной библиотеки

декабрь 1869 – введение в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов»

1870 – введение гражданского правления в Терской и Кубанской областях

1870 – «Положение о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск»

1870 – проведение судебной реформы на Северном Кавказе

1871 – отмена статей Парижского договора 1856 г.

1871 – начал выходить «Сборник сведений о кавказских горцах»

1873 – антифеодальное выступление крестьян-карачаевцев

1874 — создание народнического кружка во Владикавказе

" — освободительное движение кубанских адыгов

1875 — открытие Ростово-Владикавказской железной дороги

1876 — межевание земель в плоскостных аулах Чечни

" — начал выходить «Кавказский сборник»

1877 — восстания в Чечне, Дагестане и кубанских адыгов

1877—1878 — русско-турецкая война и участие в ней в составе русской армии боевых формирований горцев

1879—1880 — строительство Военно-Сухумской дороги

1879—1881 — Вторая революционная ситуация в России

1881 — начинает выходить «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа»

1881—1882 — первая частная газета на Северном Кавказе «Владикавказский листок объявлений» (затем — «Терек»).

1882 — упразднение Кавказского наместничества

" — открыт первый Новороссийский цементный завод «Звезда» (ныне «Пролетарий»)

1883 — стачка в Ростове рабочих Главных мастерских Владикавказской железной дороги

1887 — антиколониальные выступления кубанских адыгов

1891 — выступление рабочих Садонского рудника

15 июля 1891 — вооруженное выступление трудящихся Майкопа («Чумной бунт»)

сентябрь 1891 — пребывание А. М. Горького в Майкопе

1892 — открытие серебросвинцового рудника «Эльбрус» в Кубанской области

" — начало освоения высокогорного бальнеологического курорта «Теберда»

" — первая маевка в Ростове-на-Дону

" — стачка рабочих при прокладке Новороссийского шоссе

1893 — начало промышленной разработки Грозненского нефтяного района

1894 — стачка рабочих ростовских Главных мастерских Владикавказской железной дороги

1895 — восстание райятов в Табасаране

1897 — первая всеобщая перепись населения в России

1897 — забастовка рабочих Садона

1898 — объединение социал-демократических групп Ростова и создание Донского комитета

май 1900 — маевка рабочих железнодорожных мастерских г. Новороссийска

декабрь 1900 — декабрь 1903 — ленинская газета «Искра»

1901 — возникновение социал-демократических кружков в городах и железнодорожных станциях Северного Кавказа

май 1902 — стихийные выступления на станции Тихорецкая

	"	— создание «Южнорусской группы учащихся средних школ»
4—26 ноября	—	Ростовская стачка
18 ноября	—	Новороссийская стачка
2 апреля — 3 мая	—	антифеодальное и антиколониальное восстание крестьян осетинского сел. Гизель
1902	—	создание в Екатеринодаре социал-демократической «Группы кубанских рабочих» и «Новороссийского социал-демократического рабочего союза»
	"	— открытие Грозненской женской гимназии
	"	— антифеодальное восстание крестьян адыгейского аула Ульский
17 июля — 10 августа 1903	—	II съезд РСДРП
лето 1903	—	всеобщая политическая стачка на Юге России
конец 1903	—	создание Грозненской группы РСДРП
1904	—	создание Кубанского комитета РСДРП, Петровской, Владикавказской и Майкопской групп РСДРП
	"	— открытие Грозненского реального училища
1904—1905	—	русско-японская война
13 октября 1904	—	восстание Чеченской и Кабардинской сотен Терско-Кубанского полка Кавказской конной бригады на Дальнем Востоке
1905—1907	—	первая российская буржуазно-демократическая революция
	"	— деятельность поземельной комиссии Абрамова в Осетии, Балкарии и Карачае
январь — февраль 1905	—	выступления в городах и на железнодорожных станциях Северного Кавказа в ответ на «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. в Петербурге
февраль	—	восстановление наместничества на Кавказе для борьбы с революцией
февраль — октябрь	—	формирование боевых дружин и отрядов самообороны
12—27 апреля	—	III съезд РСДРП. Признание прав Кубанской партийной организации
12—27 апреля	—	вооруженное восстание крестьян Алты-Боюна и Тарки
июнь	—	выход Грозненской группы РСДРП из меньшевистского Терско-Дагестанского комитета и переход под руководство большевистского Бакинского комитета РСДРП
	"	— создание «Крестьянского центра» при Темир-Хан-Шуринской группе РСДРП
	"	— I конференция социал-демократических организаций Кубани, Черноморской и Ставропольской губерний в Екатеринодаре
июль	—	политическая стачка рабочих Владикавказской железной дороги
сентябрь	—	создание Военно-технической группы при Северокавказском комитете РСДРП
октябрь	—	всеобщая политическая стачка в России
октябрь — ноябрь	—	начало создания профсоюзов
23—30 октября	—	восстание 81-го Апшеронского пехотного полка
7 ноября	—	создание Ростово-Нахичеванского Совета рабочих депутатов
17—30 ноября	—	восстание 250-го Ахульгинского резервного батальона
12—25 декабря	—	«Новороссийская республика»

12–18 декабря – восстание Осетинского конного дивизиона
13–21 декабря – вооруженное восстание в г. Ростове-на-Дону
16 декабря 1905 – 7 февраля 1906 – восстание казаков 2-го Урупского полка в Екатеринодаре
20 декабря 1905 – Алагирское вооруженное восстание крестьян
28 декабря 1905 – 6 января 1906 – «Сочинская республика»
11–14 июня 1906 – восстание в артиллерийском лагере под г. Владикавказом
9 ноября 1906 – Указ о выделении крестьян из общины. Начало столыпинской аграрной реформы
3 июня 1907 – роспуск II Государственной думы и установление третьеиюньской монархии
7 июня – приказ наместника Кавказа о введении чрезвычайного положения
июль – забастовка в Новороссийске
1908 – восстание адыгейских крестьян аула Кошехабльский
1909–1917 – работа С. М. Кирова в газете «Терек»
1910–1914 – новый революционный подъем в России
26 декабря 1910 – восстание адыгейских крестьян аула Хатукайский
апрель 1911 – восстание адыгейских крестьян аула Хакуринохабльский
август – забастовка металлистов Армавира
январь 1912 – VI Всероссийская конференция РСДРП(б)
апрель – май 1912 – выступление рабочих Дона и Северного Кавказа в знак протеста против Ленского расстрела
29 мая – 4 июня 1913 – Зольское восстание кабардинских и балкарских крестьян Урусбиевского общества
июль 1913 – Закон о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам
" – восстание балкарских крестьян
август 1914 – начало первой мировой войны
1915 – волнение горнорабочих на серебросвинцовом руднике «Эльбрус»
август 1916 – восстание Осетинской пешей бригады
16–17 октября 1917 – нападение османского флота без объявления войны на черноморские порты России
27 февраля 1917 – Февральская буржуазно-демократическая революция в России
" – свержение самодержавия. Образование Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов
2 марта – создание буржуазного Временного правительства России
" – создание Екатеринодарского совета
4 марта – создание Ростово-Нахичеванского совета
5 марта – создание Грозненского совета
5–6 марта – создание Петровского совета
6 марта – создание Ставропольского совета
7 марта – создание Новороссийского совета
8 марта – создание Владикавказского совета
11 марта – создание Временного Кубанского областного исполнительного комитета
12 марта – создание Темир-Хан-Шуринского совета
15 марта – создание Майкопского совета
апрель 1917 – создание Нальчикского совета
4(17) – Апрельские тезисы В. И. Ленина («О задачах пролетариата в данной революции»)

2. Даты жизни и деятельности некоторых северокавказских просветителей, писателей и поэтов

1794–1844 – Ногмов Ш. Б., адыгский просветитель
1807–1863 – Казы-Гирей С. – адыгский просветитель
1807– ? – Берсей У. Х. – адыгейский просветитель
1808–1842 – Хан-Гирей, адыгский просветитель
1816–1852 П. З. Захаров-Чеченец, живописец, член Российской Академии Художеств
1816–1875 – Услар П. К., кавказовед-филолог
1817–1902 – Омарла Батырай, дагестанский (даргинский) поэт
1818–1893 – Кодзоков Д. С. – кабардинский просветитель и общественный деятель
1827– ? – Лаудаев У., чеченский этнограф
1830–1879 – Казак Йырчи (Ирчи) – классик дагестанской литературы, кумыкский поэт и мыслитель
1838–1904 – Магомед-Эфенди Османов, дагестанский (кумыкский) писатель
1839–1878 – Етим Эмин, дагестанский (лезгинский) поэт
1841–1899 – Атажукин К., адыгский общественный деятель
1844–1915 – Гасиев А. А., осетинский философ и общественный деятель
1845–1886 – Долгиев А. Г., ингушский просветитель и революционер-демократ
1850–1914 – Ахриев Ч. Э., ингушский просветитель и этнограф
1851–1898 – Кануков И. Д. – осетинский писатель-демократ, этнограф
1852–1916 – Ардасенов А. Г. – осетинский экономист, революционер-народник
1853–1932 – Ахриев А. Т., ингушский просветитель и революционер-демократ
1855–1940 – Теучеж Ц. А., адыгский поэт-ашуг
1857–1928 – Абаев М. К. – балкарский просветитель, историк и этнограф
1858–1906 – Хетагуров К. Л., осетинский поэт и революционер-демократ
1859–1945 – Мечиев К. Б., балкарский поэт, писатель
1866–1921 – Туганов Б., писатель, первый переводчик марксистской литературы на осетинский язык
1868–1910 – Крымшамхалов И. П., карачаевский писатель и общественный деятель
1873–1919 – Махмуд из Кахаб-Росо (Магомедов М.), дагестанский (аварский) поэт
1876–1918 – Шовгенов М. Х., адыгский революционер-большевик
1877–1951 – Гамзат Цадаса, дагестанский (аварский) поэт

3. Список сокращений

АВПР – Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР
АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии
АЭС – Археолого-этнографический сборник
БдЧ – Библиотека для чтения
ВАИ – Вестник археологии и истории
ВЕ – Вестник Европы
ВИД – Вопросы истории Дагестана
ВИЭД – Вопросы истории и этнографии Дагестана

1/2 19 Заказ № 1147

ВИС – Военно-исторический сборник

ВИЧИ – Вопросы истории Чечено-Ингушетии

ВПР – Внешняя политика России: Документы российского Министерства иностранных дел

ВС – Военный сборник

ГАААО – Государственный архив Адыгейской автономной области

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ГАКЧАО – Государственный архив Карачаево-Черкесской автономной области

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ГАРО – Государственный архив Ростовской области

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

ГИМ – Государственный исторический музей в Москве

ДГСВК – Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х годах XIX в.: Сб. документов. Махачкала, 1959

ДИБ – Документы по истории Балкарии 40—90-х годов XIX в. Нальчик, 1959. Т. 1; Документы по истории Балкарии: Конец XIX – начало XX в. Нальчик, 1962. Т. 2

ДНР – Древняя и новая Россия

ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

Зап.ИРГО – Записки имп. Русского географического общества

Зап.КОИРГО – Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества

Зап.ТОЛКС – Записки Терского общества любителей казачьей старины

ИВ – Исторический вестник

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана. Махачкала, 1958

ИЖ – Исторический журнал

ИЛ – Историческая летопись

ИО – Историческое обозрение

Изв.ОРРИП – Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения

Изв.РГО – Известия имп. Русского географического общества

Изв.СОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, языка, литературы

Изв.СК НЦ ВШ – Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Серия «Общественные науки»

Изв.ЧИНИИ – Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института

КВ – Кавказский вестник

КК – Кавказский календарь

КРО – Кабардино-русские отношения

Кубан.к – Кубанский календарь

КС – Кавказский сборник

Кубан.сб. – Кубанский сборник

КЭС – Кавказский этнографический сборник

МИДЧ – Материалы по истории Дагестана и Чечни (1-я половина XIX в.). Махачкала, 1940; (2-я половина XIX в.) 1947

ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников XIII—XIX вв. Орджоникидзе, 1967.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

РА – Русский архив

РДО – Русско-дагестанские отношения (XVII – 1-я четверть XVIII в.): Документы и материалы. Махачкала, 1958

РВ – Русский вестник

РС – Русская старина

РФ – Рукописный фонд

Сб.РИО – Сборник Русского исторического общества

СИЭ – Советская историческая энциклопедия

СКГА – Северокавказский государственный архив

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис

СМРТВ – Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. СПб.; Тифлис, 1904–1910. Вып. 1–4

ССК – Сборник сведений о Кавказе

ССИК – Сборник статей по истории Кабарды

ССОКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис

СССГ – Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии

ССТО – Сборник сведений о Терской области

СЭ – Советская этнография

Тр.КЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка, литературы

УЗ ИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР

УЗ КБГУ – Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. университета

УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики

УЗ КНИИ – Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института истории, языка, литературы

УЗ ЧИГПИ – Ученые записки Чечено-Ингушского гос. педагогического института

ЦГА ГССР – Центральный государственный архив Грузинской ССР

ЦГА ДАССР – Центральный государственный архив Дагестанской АССР

ЦГА КБАССР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР

ЦГАОР СССР – Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР в Москве

ЦГА СОАССР – Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР

ЦГА ЧИАССР – Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив в Москве

ЦГИА ГССР – Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР

ЦГИА СССР – Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаев Измаил, врач 518
Абаев М. К., карачаево-балкарский просветитель 212, 515, 527, 529, 538
Абаев С.-Б., балкарский просветитель 342
Абаевы, фамилия 115
Абаенко И., рабочий 412
Абазов Мирзабек, предводитель крестьян 490
Аббас, турецкий эмиссар в Дагестане 289
Аббас-Мирза, наследник иранского шаха 24, 29, 42, 43, 44
Абдул-Меджид, турецкий султан 160
Абдул-Хамид II, турецкий султан 286, 295
Абдурахман, зять Шамиля 158, 182, 289, 361, 381
Абдурахман-Гаджи *см.* Абдурахман
Абезиванов Б., коннозаводчик 65
Абисалов Г., подполковник 293
Абисалов К., корнет 293
Абисалов К., прапорщик 293
Абисаловы, фамилия 115
Абих Г. В., ученый-геолог, академик 337, 365
Абрамов Я., историк 526
Абу Султан-нуцал-хан, владетель Аварии 113
Абуков Магомет, кабардинский феодал 168
Абуков Эдык, черкесский князь 268
Абу-Муслим, шамхал Тарковский 111
Абхазов И. Н., генерал 161
Аведов, капиталист 420, 552
Авенариус А. А., декабрист 253
Ага Магомед-хан, иранский шах 15
Агасиев Кази-Магомед, большевик 530
Аглар-хан, владетель Казикумуха 40, 160, 290
Агаханов Р., автор газет. заметки 255
Агишев Н. М., историк 538
Агренева-Славянская О. Х., композитор 352
Адамов Е., историк 181, 217
Аджиев Байбулат, мулла 274
Аджиев М., коннозаводчик 65
Адиль-Гирей Султан, адыгский просветитель, писатель 242, 246
Адок Мустафа, черкесский князь 210
Аду Вагап, землевладелец 265, 274
Адуев, полковник 565
Азаматов К. Г., историк 538
Азиев М., предводитель крестьян 467
Айбата Негмота, ногайский поэт 522
Айвазовский И. К., художник 173
Айгони Шарапел, гимназист 246
Айдебуловы, фамилия 115
Акбаев И. Ч., балкарский просветитель 514
Акулов С. М., большевик 550
Алданов А., поручик 293, 294
Алдатовы, фамилия 115
Александр, грузинский царевич 22, 42
Александр I, русский император 17—22, 28, 31—34, 36, 39, 41, 42, 51, 52
Александр II, русский император 196, 201, 202, 210, 213, 257, 259, 260, 266, 285, 286, 295
Александров С., унтер-офицер 442, 443
Алексеев А. А., актер 252
Алибеков А., всадник 294
Алибеков М. А. 374
Алибек-хаджи, руководитель восстания 289, 290
Алибов Н., историк 361
Алиев Генардуко, воин Ингушского дивизиона 292
Али-паша, турецкий дипломат 193
Алиханов-Аварский, историк 361
Алкадари Г.-Э. (Алкадарский Г.-Э.), лезгинский ученый и просветитель 361, 371, 374, 381, 526
Алкадарский Г.-Э., см. Алкадари Г.-Э.
Ал-Карахи М.-Т., хронист 144, 151, 159, 182, 196, 217, 361
Аллаяр-хан, зять иранского шаха 44
Алпан-бек, наиб Дербента 112
Алпатов Яков, перебежчик 155
Алферов В. Н., историк 296
Алханов Турло, землевладелец 265
Алхасовы, землевладельцы 265
Альдиев Николай, ротмистр 292
Алябьев А. А., композитор 253
Амиров Гаджи-Мурад, даргинский историк 361, 371
Аммосов А. Н., поэт 352
Анджиевский Г. Г., большевик 550, 557
Андреев В., историк 92, 179, 183
Андреевский Э. С., врач 337, 345
Андрусов Н. И., геолог, академик 525
Анзоров Магомет-Мирза, кабардинский князь 102, 167
Анзоровы, землевладельцы 94
Анисимов И. Ш., историк 361, 381
Анисимов Н. А., большевик 448, 483, 550, 562, 563
Анучин Д. Н., антрополог и этнограф 360, 365
Анхил Марин, аварская поэтесса 374, 376
Анчек Х. Ш., абадзехский просветитель 511
Апашев, капитан 565
Апухтин В. Р., археолог 525
Арабилов М., студент 342

Аракчеев А. А., граф 52
Ардасенов А. Г., осетинский просветитель, ученый 362, 527, 538
Ардженов Н., историк 538
Арисланов, фамилия 115
Арсамирзоевы, капиталисты 543
Асеев-Аджиев А. В., историк 538
Аслан-хан, владетель Кюры, Казикумуха 37, 40, 113, 143–145
Асмолов, капиталист 316
Астемиров Хакяша, организатор переселения горцев в Турцию 207
Астемиров Эдик, кабардинский феодал 111
Астемиров Эльмурза, кабардинский феодал 111
Атаев Д., большевик 563
Атажукин А., коннозаводчик 65
Атажукин Измаил-бей (Исмаил-бей), адыгский просветитель 245, 246, 248
Атажукин К. Х., адыгский просветитель 256, 341, 342, 363, 364, 371, 372, 511, 525
Атажукин Мисост, проповедник мюридизма 167
Атажукины, фамилия 65, 115
Аузли Гор, английский посол 29, 32
Афанасьев М., кавказовед 88
Афсати, бог – покровитель зверей 226
Ахвердов И. А., нефтепромышленник 399, 400, 401, 407, 432, 484, 542
Ахматук, адыгский князь 111
Ахмед-хан, аварский владетель 36
Ахмед-хан, мехтулинский владетель 112, 145, 146, 148, 150
Ахмед-хан, сподвижник Шамиля 148
Ахриев А. Т., ингушский просветитель и революционер 342
Ахриев Мухтар, руководитель подпольного кружка 418
Ахриев Чах, ингушский этнограф 342, 362, 363, 372, 377
Ахундов М. Ф., азербайджанский просветитель, ученый 246

Бабаев Джалиль, этнограф 361
Бабицкий В., рабочий 412
Багратиды, грузинская династия 18
Бадаев А. Е., большевик, депутат Думы 487
Бадов Джордж, махаджир 210
Баев Г., буржуазный националист 477, 528, 540
Баев Ч. В., революционер 453
Базоркин Асланбек, ингушский писатель 377
Базоркин Бапухо, подполковник 292
Байрамуков Д., сотрудник музея 528
Байрамуков Ильяс, учитель 528
Байрамуков М., сотрудник музея 528
Байчоров С., руководитель восстания 482
Байчоров С., сотрудник музея 528
Байчоров Солтан-Хаджи, карачаевский революционер 520
Бакарадзе К., учитель 431
Бакиханов Аббас Кули-Ага, азербайджанский просветитель, историк 246, 256
Балакирев М. А., композитор 222, 353, 364, 380
Балкаровы, фамилия 115
Балкарский О. 374
Бальмен, де, участник даргинской экспедиции 178
Баматул Гирей-бек, владетель 112
Баммат Г., буржуазный националист 528
Бандья Янош (Мехмед-бей), венгерский офицер 191, 197, 198
Банов А., редактор 426
Барабанов Е., историк 526
Баранов Е. С., этнограф 525
Барзиков, полковник 166
Барклай-де-Толли М. Б., генерал 28, 51
Бармин М. И., большевик 550
Бартольд В. В., востоковед, академик 526
Барятинский А. И., князь 154, 196, 213, 260, 266, 278
Басиев Т., воин 421
Басилая Ш. И., историк 566
Бастокко, фамилия 117
Баталин Ф. А., медик 86, 365
Батал-паша, турецкий военачальник 13
Батый, монголо-татарский хан 349
Батырай Омарла, даргинский поэт 374, 375, 381, 522
Батырмурзаев Зейналабид, кумыкский писатель, революционер 517, 529
Батырмурзаев Нухай, кумыкский поэт, революционер 517, 522, 530
Баумгартен, капиталист 399
Баху-бике, аварская ханша 113
Б-в М., историк 468
Бедфорд, капиталист 399
Бейзрук, адыгский князь 111
Беккер А. И., ботаник 366
Бекмурза, бесленеевский князь 117
Бековичи-Черкасские, фамилия 95, 102, 266
Бекович-Черкасский, кабардинский князь 41, 101, 116, 143, 162, 163
Бекузаров Х. Х., историк 426, 470
Белинский В. Г., критик 174, 176, 221, 239, 242, 249, 253, 255, 498
Белл Дж. С., английский агент на Кавказе 117, 134, 135, 191, 244
Бендукидзе Д., большевик 488
Беневский В. Д., композитор 495
Бензин В. М., большевик 550
Бенкендорф А. Х., шеф жандармов 167
Бентковский И. В., историк 218, 497
Березин И. Н., востоковед 243, 255, 256, 361
Берже А. П., кавказовед 129, 207, 217, 337, 360
Берз Л. И., историк 568
Берс А. А., офицер 293, 297
Берсей Умар, адыгский просветитель 246, 252, 364, 371, 378, 382
Беседин Д. Д., большевик 483
Бестужев А. А. *см.* Бестужев-Марлинский А. А.

Бестужев И. В., историк 216
Бестужев П. И., декабрист 89, 253
Бестужев-Марлинский А. А. (Бестужев А. А., Марлинский А. А.), писатель-декабрист 39, 174, 175, 238—240, 243, 253, 255, 258
Бетуевы, фамилия 115
Бехгарсоковы, фамилия 117
Бибо Дзугутов *см.* Куэрм Бибо
Биджиев Мата, уздень 110, 163
Билз Э., английский адвокат 199
Бирюков С. А., большевик 418, 431, 432
Битовы, фамилия 115
Блаев Т., деятель просвещения в Нальчике 515
Бландов В. И., владелец маслосырзаводов 391, 392
Блиев М. М., историк 50, 51, 52, 53
Бобринский А. А., этнограф 525
Богарсуковы, капиталисты, братья 553
Богданов В. В., этнограф 381
Богданович К. И., ученый 525
Богданович М., историк 51
Богоевы, фамилия 115
Бодиско Б. А., декабрист 253
Болдырев А., большевик 461
Болотоков Д. А., темиргоевский князь 169
Болотоковы, фамилия 117
Большаков Ф. М., декабрист 253
Бонапарт Наполеон *см.* Наполеон I
Бондаренко, урядник 415
Борисов А. И., декабрист 253
Борисов П. И., декабрист 253
Борсиевы, фамилия 115
Бритаев Е. Ц., осетинский писатель и драматург 453, 501, 502, 516
Бровиков А. А., большевик 550, 552
Броневский С. М., офицер, кавказовед 78, 91, 115, 129, 244
Бруннов Ф. И., русский дипломат 181
Брусилов А. А., генерал 287, 297
Бруснев М. И., социал-демократ 342
Буачидзе С. Г., большевик 458
Будагов В. В., большевик 483
Будберг А. Я., граф 51
Будугал-Муса, лакский поэт 348
Буйнакский Уллубий, большевик 491, 496, 529, 530
Бук-Магомед, сподвижник Шамиля 151
Буковский, капиталист 552, 553
Буланов Д. П., большевик 564
Булач-хан, сын аварского хана 144, 145
Бурцов И. Г., декабрист 243, 244
Бусунгуровы, фамилия 90
Бутаев А., хорунжий 421
Бутков П. Г., кавказовед, академик 244
Бутягин Ю. П., большевик 443, 444
Буцковский А. М., кавказовед 71
Бушеке, агроном 341
Бушуев В. Д., историк 538
Бушуев С. К., историк 425, 426
Бхгезеноко-р, фамилия 117

Вагапов Докшуко, всадник 294
Вальяно М. К., большевичка 550
Ванеев А. А., социал-демократ 407
Вансович, геолог 243
Варитлов Джамурза, организатор переселения горцев в Турцию 207
Вартазаров Г. Б., большевик 479
Васильев Д. С., историк 50
Васенко Е. Л., большевик 483, 488
Васмунд Р. К., генерал 214, 218
Васнецов А. М., художник 503
Вахтангов Е. Б., актер и режиссер 502
Вдовицын М., руководитель восстания 467
Веденяпин А. В., декабрист 174
Вейденбаум Е. Г., кавказовед 337
Величко В., редактор 406, 425
Велтистов А. Ф., социал-демократ 419
Велтистов Н. Ф., социал-демократ 419
Вельяминов А. А., генерал 162
Венедиктов М., кавказовед 244
Вер И., учитель 346
Вердеревский Е. А., кавказовед 159, 182, 357
Верейский М. Л., большевик 444
Верещагин В. В., художник 222
Вертепов Г. А., кавказовед 335, 402, 526
Веселовский А. Н., фольклорист 525
Веселовский Н. И., археолог, историк 525
Визиров Мухамед Гайдар Ибн-Хаджи-мирза, историк 246
Викторов, большевик 479
Виленская-Маркович М. А. *см.* Вовчок Марко
Вильямс, английский комиссар в России 189
Виндаш, английский генерал 192
Виноградов, социал-демократ 408
Виноградов Б. С., филолог 381
Вист Я., землевладелец 435
Вишневский Ф. Г., декабрист 253
Вишняков Я. И., большевик 488, 550
Вишнякова П. И., большевичка 479, 488, 550
В. К., автор 129
Владимиров, профессор 495
Владимиров И. А., археолог 525
Вовчок Марко (Виленская-Маркович М. А.), украинская писательница 495
Воейков А. И., географ 366, 525
Волконский Н. Л., историк 52
Вольф, генерал 213
Воробьев, рыбопромышленник 398
Воронов Н. И., кавказовед 92, 305, 347
Воронцов А. Р., граф 19
Воронцов М. С., князь 50, 53, 69, 77, 150, 151, 167, 186, 190, 247, 260, 261
Воронцов С. Р., граф 14, 50
Воронцов-Дашков И. И., граф 405, 425, 428, 437, 441, 473
Врангель А. Е., генерал 196
Вревский И. А., генерал 196
Всеволжские, фамилия 70
Вырубов Д., начальник Владикавказского округа 414
Вялов, капиталист 465

Гааз Ф. П., медик 86
Габараев С. Ш., историк 538
Габиев С. И., лакский просветитель, революционер 234, 255, 491, 498, 522, 526, 529, 538
Габолаев Хазби, рабочий 410
Гавриш В. Т., большевик 483
Гагарин Г. Г., художник 222
Гаджи-Али, сподвижник Шамиля, историк 151, 182, 196, 217
Гаджиев В. Г., историк 51, 53, 129, 182, 183, 255, 256, 381
Гаджиев И., воин 421
Гаджиев М. Н., руководитель стачки 555
Гаджи Магомед, имам 289
Гаджияв, турецкий эмиссар в Дагестане 289
Гадиев С. К., осетинский поэт и прозаик 369
Гадиев Цомак, осетинский поэт, революционер 497, 524, 530
Гаев У., всадник Чеченского полка 294
Газданов, капитан 293
Газданов М., врач 518
Газенбуш А. Г., большевичка 483
Гази-Магомед, имам 113, 143, 144, 149
Гази-Магомед, сын Шамиля 158—160, 194, 289
Гайдаров Аликбер, дагестанский просветитель 372
Гайдаров И., буржуазный националист 473, 489, 528, 540
Гайтов И., есаул 293
Галаев, полковник 461, 465
Галактионов С. Ф., художник-график 175
Галан, капиталист 420
Гамзат-бек, имам 143—145
Гамрекели В. Н., историк 53
Ган К. Ф., историк 526
Ганижев Муса, урядник 293
Гардан К.-М., французский генерал 26
Гарданов А., врач 518
Гарданов В. К., этнограф 53, 91
Гарданов М. К., осетинский просветитель, революционер 362, 369, 527, 530
Гарибальди Джузеппе, итальянский революционер 496
Гарун-бек, кюринский хан 113
Гасан-Али-хан, владетель Дербента 20
Гасан-паша, посланник турецкого султана 117
Гасан-хан, мехтулинский владетель 112
Гассиев А. А., осетинский просветитель 296, 368, 381, 482, 497, 530
Гатуев Н. А., студент 408
Гауптман Г., немецкий драматург 502
Гвоздиков И. Ф., руководитель стачки 412
Гебош Джанги-оглы, махаджир 210
Гейман В. А., генерал 287
Гене Ф. И. 243
Генко А. Н., востоковед 182
Георгиев В. А. историк 180
Георгий XII, грузинский царь 17, 18, 22
Георгиу-Деж Г., румынский партийный и государственный деятель 296, 298
Герман И. И., генерал 13
Герус А. Р., социал-демократ 466
Герцен А. И., революционер-демократ, писатель 175, 176, 183, 345, 357, 358, 381, 499, 530
Гетманов, генерал-майор 412
Геха, абрек 520
Гибизов Д. Д., руководитель организации «Кермен» 497
Гизетти А. Л., историк 298
Гильченко Н. В., антрополог 90
Гихим-бике, аварская ханша 78
Глазенап Г. И., генерал 51
Глинка М. И., композитор 222
Гмелин С. Г., ученый-натуралист, академик 91
Гоголь Н. В., писатель 241, 242, 252, 355, 357, 500
Гойгов Чалдыр, воин Ингушского дивизиона 292
Гойгов Эльмурза — воин Ингушского дивизиона 293
Голицын, князь 167
Голицын Г., князь 18
Головачевский К., социал-демократ 461
Головин Е. А., генерал 147
Голубятников Д. В., русский ученый 525
Голубятников Я., рядовой 464
Гольмблант Э. Р., врач 337
Гораев С., воин 421
Горбштейн И. Г., большевик 479
Гордеев Г., кавказовед 244
Городецкий Б. М., историк 396, 526
Городцов В. А., археолог 525
Горохов В. С., большевик 550
Горчаков А. М., канцлер 196
Горшельт Т., художник 197
Горький А. М., писатель 495, 500—502
Гоцинский Н., помещик 565
Граббе П. Х., генерал 147, 148
Грамотин, председатель комитета 262
Грацилевский, составитель черкесского алфавита 236
Грачьянц, капиталисты, братья 553
Грейг С. К., адмирал 46
Грен А. С., этнограф, фольклорист 525
Грибоедов А. С., русский писатель 39, 40, 44, 45, 53, 54, 173, 174, 183, 219, 220, 240, 243, 252, 253, 256, 355
Гридина А. А., член социал-демократического кружка 407
Гриценко Н. П., историк 91, 381, 402, 491, 492
Губарев М., рабочий 408
Губкин И. М., русский геолог 381
Гугов Р. Х., историк 492, 568
Гудима П. Н., большевик 483, 488
Гудович И. В., генерал 16, 25, 26, 28, 50, 51
Гузунов Г. А., лакский поэт и ученый 374, 376

Гукепшев Сафар, предводитель крестьян 462
Гумицаевы, фамилия 115
Гуной, фамилия 90
Гуржибеков Б. И., осетинский поэт и драматург 369, 379
Гурко И. В., генерал 287, 292
Гурский, капиталист 552
Гусник, капиталист 554
Гутекулов Ю., врач 518
Гушмузукаев Зелимхан (Зелимхан), абрек 417, 482, 520

Давыдов П. С., коллежский асессор 67
Дагур-Паша, черкесский князь 210
Далгат Б. К., даргинский просветитель, этнограф 362, 381, 525, 526, 530, 538
Далгат М., революционер-демократ 515
Далгат У. Б., филолог 381
Даль В. И., лингвист, врач 240
Дальняя-Дерман С. Я., большевичка 487
Дамучев А., публицист 361
Данилова Е. Н., историк 181
Даниял-бек Елисуйский (Даниял-Султан), сподвижник Шамиля 150, 158—160, 196
Дараган И. П., нефтепромышленник 399
Дауров А., этнограф 380
Дауров Т., студент 415
Даутов Х.-М., воин 421
Дахадаев Махач, большевик 449, 457, 461, 489, 491, 565
Девенпорт Е. Г., английский историк 403
Дегоев В. В., историк 50, 51, 216
Дельпоццо, генерал 111
Демешина Е. И., историк 425
Демиров Гаджи-Бек-Магома, историк 361
Депчен Хусен, предводитель крестьян 166
Джабагиев В., чиновник 565
Джамалутдин, сын Шамиля 194, 196
Джамботов, кабардинский князь 110
Джамов-бек, генерал-майор 150, 290
Джамов-бек, коннозаводчик 66
Джанаев А. К., историк 403, 425
Джанибеков Аппа, карачаевский поэт 522
Джантиевы, фамилия 115
Джанчатов Куйнеш, адыгский поэт 522
Джафар-хан, сын Аглар-хана 290
Джемалэддин Казикумухский, идеолог мюридизма 141, 143, 160, 360, 361
Джимов Б. М., историк 425
Джордан, английский полковник 198
Дзагуров Г. А. 217
Дзасохов Г. Б., революционер, публицист 453
Дзидзария Г. А., историк 217, 297
Дзортов Муртуз, воин Ингушского дивизиона 293
Дибиров Муртузали, врач 518
Дибич И. И., генерал 41, 47
Дизраэли Б., английский премьер-министр 286
Динник Н. Я., географ 366, 525, 526
Дирр А. М., немецкий кавказовед 525
Дмитриев Е., большевик 550
Добролюбов Н. А., революционер-демократ 141, 159, 176, 177, 181—183, 217, 222, 345, 357, 358, 380, 499
Доев Э., воин Осетинского дивизиона 293
Докучаев В. В., русский почвовед 337, 525
Долбежев В. И., историк 525
Долгиев А.-Г., ингушский просветитель, революционер 342, 527, 530
Долунц Г. К., историк 568
Домашевская Е. Д., член социал-демократического кружка 407
Домашевский Ф. И., член социал-демократического кружка 407
Дондуков-Корсаков А. М., генерал 292, 324, 404
Доногуев З., подполковник 565
Дорофеев И. Е., большевик 550
Дорофеев Н. С., большевик 554
Досов Кеди, чеченский просветитель 360
Достоевский Ф. М., писатель 357, 500, 501
Драболов Б., урядник 293
Драницын Е. А., большевик 488, 550 552
Дрогалина М. В., историк 468, 469
Дроздов И., кавказовед 217
Дроздов М. А., большевик 479, 488
Дроздовский А. И., врач 345
Дронин Ф. Е., большевик 479
Дружинина Е. И., историк 50
Дубинин В. А., изобретатель 75
Дубовицкий М. М., историк 403, 567
Дубровин Н. Ф., историк 50—53, 158, 182, 195, 216, 217, 360
Дубровин Ф. И., большевик 444
Дубровский С. М., историк 402
Дугинов М., фельдшер 461
Дударов, капитан 293
Дударов Ахмет, осетинский феодал 24
Дударов Ислам, студент-стипендиат 342
Дударовы, землевладельцы 94, 95, 115
Дуев Ума, сподвижник Шамиля 154, 159
Думбай, сподвижник Шамиля 148
Дункел-Велинг Н. 357
Дурдиев Д., всадник Чеченского полка 294
Дьяков В. А., историк 245
Дьяков К. С., большевик 418, 432
Дьячков-Тарасов А. Н., историк 497, 525, 526
Дядьковский И. Е., медик 253

Евдокимов Н. И., генерал 196, 202, 205, 206, 212—214, 267, 268
Евецкий О. С., кавказовед 243, 255
Егиазаров С. А., этнограф 525
Егоркины, фамилия 90
Едзиев Сосланбек, осетинский скульптор 509

Екатерина II, русская императрица 14, 15
Елисеев М. Г., большевик 550, 551, 554
Елисеева Е. В., историк 297
Ендар, владелец кунацкой 166
Еремеев, подполковник 111
Ермолов, губернатор 565
Ермолов А. П., генерал 32—44, 52, 53, 79, 89, 112—114, 137, 138, 140, 181, 207, 243
Ерохин, кузнец 407
Ерохин Н. Т., историк 491
Есенов, осетинский старшина 161
Есенов А., ротмистр 293
Есенов Г., поручик 293
Есеновы, фамилия 115
Есиев А.-М., ротмистр 292
Есиевы, землевладельцы 94
Етим-Эмин, лезгинский поэт 376, 377
Ефименко В. И., большевик 483
Ефремов, фотограф 317

Жамбеков Али, предводитель крестьян 490
Жанбулатовы, фамилия 115
Жанхотовы, таубии 115, 490
Жданов Ю. А., химик, философ 255
Жидарев, капиталист 465
Жуйко, рабочий 459
Жуковский В. А., поэт 242, 352
Жуковский М. С., генерал-интендант 53
Жулковский А. А., социал-демократ 407
Журавлев В. В., историк 402
Журин Н. А., актер 500
Жускаев С.; первый осетинский этнограф 248

Забловский, капиталист 554
Завилейский П. Д., начальник экспедиции 53
Заема Павел, большевик 419
Заема С. А., большевик 487
Зайончковский А. М., историк, генерал 216
Зайцев Н. А., большевик 554
Закаблуковский, слесарь 407
Залетов, перебежчик 155
Залим-бек, правитель Карабудахкента 111
Замойский В., польский граф 198
Занекко-р, фамилия 117
Запов Сефер-бей *см.* Сефер-бей
Заньковецкая М. К., украинская актриса 355
Заседателева Л. Б., этнограф 92, 256, 538
Засов В. И., большевик 479, 483. 484
Захаров П. З. (Захаров-Чеченец П. З.), чеченский художник, академик 221, 222, 503, 537
Згоев Бимбулат. махаджир 210
Зекох У. С., кавказовед 282
Зелимхан *см.* Гушмузукаев Зелимхан
Зенкевич З. А., большевик 488, 550
Золмаев Дада, руководитель восстания 289
Золотова Татьяна, работница 411
Зотов, помещик 128
Зотов В. Р., поэт 239
Зотов П. Д., генерал 292
Зотовы, фамилия 330
Зубов В. А., граф 15, 18, 19, 52
Зубов П. А., граф 18
Зубов П. П., офицер, кавказовед 244, 255
Зульпукар К., составитель «Кюринской азбуки» 361
Зухум-кади, акушинский кадий 114

Ибрагим, сподвижник Шамиля 159
Ибрагимбейли Х.-М., историк 51, 54, 216
Ибрагимов А., писатель 522
Ибрагимов М., воин 421
Ибрагим-паша Египетский, владетель 148
Ибрагим-хаджи, член руководства «Крестьянского центра» 435
Иван Грозный, русский царь 496
Иваненко Н., кавказовед 182
Иванов В. В., большевик 459, 466, 479
Иванов С., публицист 172, 183, 244
Ивелич М., генерал 146
Ивченко, солдат 463
Игельстром К. Г., декабрист 253
Игнатьев Н. П., русский дипломат 210
Идрис (Андрей), перебежчик 154, 155
Избаш, священник 452
Измаил, шекинский хан 40
Измаил-Баракай-Ина-Дзиаш, черкесский старшина 199
Измаил-бей, убыхский старшина 200
Измаил-бей *см.* Атажукин Измаил-бей
Ильин, присяжный поверенный 565
Инатов *см.* Крым-Гирей И.
Индаров Хатокшуко, организатор переселения горцев в Турцию 207
Иноземцев Павел, поэт 239
Инчик Ф. А., инженер 399, 400, 403
Иоаннисян А. Р., историк 51
Ипполитов А. П., полковник 260
Ираклий II, грузинский царь 12, 17
Ирижев Пшимахо, предводитель крестьян 490
Ирчи-Казак, кумыкский поэт 348, 374
Исаев Балта, друг Л. Н. Толстого 358
Исмаил-паша, турецкий министр 198
Исхак, эфендий 206

Кабанияр, тухум 104
Кабановы, фамилия 115
Кажлаев М., дагестанский врач 518
Казаналипов Али-Султан, землевладелец 67
Казанбиев И., воин 295
Казанфар-Зульфугар-оглы, лезгинский просветитель 360
Казбеков С.-С., революционер 529
Казем-Бек М. А.-К., востоковед, философ 216, 246, 361, 370, 372
Кази-Ахмед, ротмистр 290
Кази-Магома *см.* Гази-Магомед, сын Шамиля

Казы-Гирей Султан, адыгский писатель 218, 241, 242, 246, 247, 248, 256
Кайтуков Жамбот, крестьянин 163
Каламбий *см.* Кешев Адиль-Гирей
Калантаровы, владельцы имения 128, 260, 261, 330, 560
Каледин А. М., генерал 560
Калимова Е., работница 555
Калицкис К. П., ученый 525
Каллагов Г., всадник 453
Калмыков Б. Э., большевик 490, 531
Калоев А., деятель просвещения 340
Калоева Н. Е., революционерка 501
Кантемиров А. Е., воин 295
Кануков И. Д., осетинский писатель и поэт 211, 342, 362, 369, 372, 374, 378, 381
Кануковы, фамилия 115
Капланов Р.-Х., кумыкский князь 565
Капланов-Нечев, коннозаводчик 65
Капланов-Нечев Адиль-Гирей, полковник 268
Карабаш М. Д., учитель 512
Карабугаевы, землевладельцы 94
Караджаевы, фамилия 115
Караев И., руководитель стачки 412
Караева А. И., литературовед 538
Караулов М. А., казачий есаул 565
Караулов Н. А., историк 526
Карданов, предводитель крестьян 162, 163
Карданов Ч. Э., историк 492
Карлгоф Н. И., генерал, кавказовед 217
Кармов И., деятель просвещения в Нальчике 515, 529
Карнаилов Омар, историк 361
Карпушин, землевладелец 481
Карцов А. П., генерал 209, 268, 270
Касаевы, коннозаводчики 65
Кастильон, французский дипломат 152, 182
Касумов А. Х., историк 217, 218
Катев Георгий, болгарский общественный деятель 292
Катенин П. А., поэт, драматург 253
Каханов С. В., генерал 143, 144
Качалов В. И., актер 502
Качурин С. П., большевик 479
Кашежев, предводитель крестьян 490
Кашежев Т. П., адыгский этнограф 371, 527
Каширин С. П., большевик 479
Келеметов А., студент-стипендиат 342
Келеметовы, фамилия 115
Келяхстановы, фамилия 115
Керенский А. Ф., председатель Временного правительства 561
Керефов Залим-Гери, руководитель восстания 423
Кесаев Н. У., руководитель организации «Кермен» 497
Кешев Адиль-Гирей (псевд. Каламбий), абазинский писатель и просветитель 342, 347, 363, 368, 374, 378
Кешоков П., деятель просвещения в Нальчике 515
Кибит-Магомед (Кибит-Магома), наиб Шамиля 145, 150, 159, 160, 196
Киняпина Н. С., историк 50, 51
Кипиани М. З., просветитель, революционер 515, 526
Киреев Е. П., историк 568
Кириев Т., урядник 293
Кириченко Н. И., учитель 513
Киров С. М. (Костриков), большевик 479, 483, 486, 488, 490, 494, 497, 501, 514, 531, 550, 557, 562, 563
Клапрот Г. Ю., языковед, академик 235, 243
Кларендон Д. У., английский министр 193, 195
Клепинин А. Н., архитектор 494
Клинген И., русский ученый 53
Клычев Ю., врач 518
Клюге-фон-Клюгенау Ф. К., генерал 145, 146, 148
Кнорринг К. Ф., генерал 18—24, 50, 51
Кобылин, кадет 440
Ковалев П. И., революционер 435, 457
Ковалевский М. М., этнограф, историк 337, 360, 362, 364, 525
Коваленко Ф. А., основатель картинной галереи в Екатеринодаре 503
Ковтун М., жена рабочего 412
Когнер, солдат 463
Коголкин П., коннозаводчик 65
Кодзаев А., буржуазный националист 528
Кодзоков Д. С. (Л. М.), кабардинский ученый и просветитель 207, 211, 218, 237, 263, 264, 363, 371, 372, 381
Козин И. И., представитель Донкома РСДРП 407
Козлов А. И., историк 567, 568
Козлов В. И., демограф 92
Козубский Е. И., кавказовед 380, 426, 526
Козырев Т., поручик 293, 295
Кокиев Г. А., историк 297, 492
Кокиев С. В., осетинский этнограф 362, 380
Коковцев В. Н., министр 434
Коларов Васил, болгарский коммунист 295, 296, 298
«Коллега», матрос 407
Колозев, слесарь 407
Колосов Л. Н., историк 403, 492, 566, 567
Колчан П. А., руководитель рабочих 411
Комин В. В., историк 568
Комиссаржевская В. Ф., русская актриса 502
Константин Павлович, великий князь 41
Константинов В., кавказовед 78
Константинов О. И., редактор газ. «Кавказ» 249
Коренчук Иссидор, слесарь 407
Коркмасов Д. Э., большевик 342, 435, 457, 461
Корнилов, скупщик 411
Корнилов Л. Г., генерал 560, 561

Корнилович А. О., декабрист 174, 183, 244
Короленко П. П., историк 526
Коротков, офицер 162, 163
Корякин М. М., большевик 488, 550
Косвен М. О., кавказовед 255, 256, 380
Косенко В. Н., большевичка 550
Кособрюхов С., войсковой старшина 410
Коссович П. Ф., историк 425, 426
Костеловская М. М., социал-демократ 419
Костемеревский И. С., врач, просветитель 286, 345, 499
Костенецкий Яков, ссыльный 89, 92
Костычев П. А., почвовед 366
Котляревский П. С., генерал 27
Котов Г. И. 297
Кофу Мустафа, черкесский князь 210
Кохрадзе, капиталист 553
Коцебу П. Е., граф 213
Коцев П., кабардинский буржуазный националист 528, 565
Кочаров М., врач 518
Кочетов М., большевик 550
Кочисова Роза, драматург 501
Кочкаров Каспот, карачаевский поэт 522
Кочубей В. П., граф 18
Кравченко А. П., большевик 483, 484
Краснов Г., историк 380
Криденер Н. П., генерал 287
Крикунов В. П., историк 335
Крилликовы, капиталисты 543
Кропивницкий М. Л., укр. драматург и актер 355
Крупнов Е. И., археолог 538
Крупская Н. К., участница рев. движения, член РСДРП(б) 487
Крутицкий, купец 82
Крылов И. А., русский баснописец 519
Крым-Гирей И. (Инатов), адыгский писатель 371, 537
Крым-Гирей Султан, адыгский писатель и ученый 363, 364
Крымшамхалов Ислам, карачаевский просветитель 47, 503, 519, 521, 528, 529
Кубаков З., сотрудник музея 528
Кубалов Александр, осетинский поэт 380
Кубатиев А., майор 293
Кубатиев Б., воин 295
Кубатиевы, фамилия 115
Кудашев В. Н., кабардинский историк 527, 529
Куденетов Кургоко, организатор переселения горцев в Турцию 207
Куденетовы, коннозаводчики 65, 94
Кудрик Т. Е., большевик 550
Кудряшев, пристав 163
Кузнецов Н. И., ботаник 525
Кузницкий С., экономист 402
Куинджи А. И., художник 503
Кук-Сидней Р. 403
Кулагин С. А., представитель Донкома РСДРП 407
Кулаковский Ю. А., археолог 525
Кулиев К. Ш., балкарский поэт 378, 382
Куликов Илларион, кочегар 407
Кулиш И., историк 402
Кулов С. Д., историк 567
Кульчицкий, чиновник 333
Кумык *см.* Шихалиев Д.-М.
Кумыков Т. Х., историк 51, 52, 182, 218, 256, 380, 381
Кундетов Умар, холоп 274
Кундухов, осетинский старшина 161
Кундухов М.-П., организатор переселения горцев в Турцию 206, 207, 211, 294
Кундуховы, фамилия 114
Кунижев М. Ш., литературовед 382
Кунт-Хаджи, глава секты зикристов 260
Купер Ф., английский писатель 239
Куприянова Л. В., историк 334
Курахский А. 374
Курганов А., урядник 454
Куржиев Кути, воин Ингушского дивизиона 293
Курклинский Махмуд, лакский поэт 376
Куропаткин А. Н., генерал-адъютант 423
Курочкин Е., руководитель повстанцев 467
Курумов Касим, землевладелец 265, 274
Кусов Д. И., осетинский драматург 501
Кусов И., майор 293
Кутаков Л., историк 181, 217
Кутузов М. И., полководец 29
Кушнарев, капиталист 316, 433
Куштанок, пособник в переселении натухайцев 206
Куэрм Бибо (Бибо Дзугутов), осетинский певец 356
Кюи Ц. А., композитор 222
Кюхельбекер В. К., поэт, декабрист 253

Лабазан Ибрагим Хали-оглы, юнкер 295
Лавров Л. И., этнограф 129, 380, 538
Лаврова В. К., социал-демократ 408
Лагода С., большевик 563
Лагунов, организатор рабочих сходок 552
Лайонс, английский адмирал 186, 187
Ланина Р. С., историк 50
Лансере Е. Е., художник 222
Ланский С. Н., генерал 145
Лапинский Теофил (Тефик-бей), польский офицер, кавказовед 66, 173, 198
Ласточкин И., большевик 550
Латышев В. В., историк 525
Лаудаев У., чеченский историк и этнограф 87, 362, 377, 381
Лачинов П. Е., генерал 238
Лачинова Е. П. (Хамар-Дабанов Е.), писательница 238, 239, 255
Лебедик Н. М., историк 425
Левис, командир Владикавказского полка 292
Лейберов И. П., историк 380
Ленин В. И. 60, 70, 76, 91, 142, 177, 181–183, 257, 258, 273, 274, 277, 284, 295–299, 302, 305, 316, 322, 323, 327, 334, 335, 342, 343, 345, 364, 380, 381, 388, 391, 392, 395, 400, 402–404, 406, 407, 413, 422, 424–428, 430, 431, 436, 437,

440, 445, 452, 457, 458, 463—471, 474, 477—479, 483, 485, 491—493, 497, 510, 512, 538—540, 546, 566—568
Ленц Э. Х., физик 243
Леонтович Ф. И., этнограф 129, 360
Лермонтов М. Ю., поэт 148, 219—222, 239—242, 253, 255, 355, 357, 364, 379, 500, 519, 522
Ливен Х. А., русский дипломат 44, 54
Ливенцов М., писатель 357
Лиманский А. А., большевик 488
Ливиненко М., историк 380
Лихарев В. Н., декабрист 253
Лобанов-Ростовский А. Б. (Лобанов А. Б.), русский дипломат 196
Лобанов-Ростовский М. Б., офицер, кавказовед 244
Лонгворт, английский агент на Кавказе 117, 134, 135, 191
Лоов Али-мурза, абазинский князь 110, 163, 164
Лоов Калагирей, абазинский князь 110, 163
Лоовы, коннозаводчики 65, 204
Лопатин Г. А., русский революционер 342, 345, 496
Лопатинский Л. Г., лингвист, фольклорист 337, 360, 511, 513, 514, 525
Лопухин П., князь 18
Лорер Н. И., декабрист 175, 183, 253
Лорис-Меликов М. Т., граф 206, 207, 211, 274, 287, 294
Луговкин П., большевик 432
Лугуев М.-Ш., воин 421
Лукашевич К. О., актриса 500
Лутовинов И., большевик 550
Ляхов В. А., историк 54
Мавраев М., владелец типографии 498
Магомаев И., революционер-демократ 527
Магомед, шамхал Тарковский 111
Магомед Яраглинский, мюршид 37, 143, 152
Магомед-Али-бек, кюринский хан 290
Магомед-Амин (Мухаммед-Амин Наиб-паша, Эмин-бей), наиб Шамиля 169, 170, 171, 185—191, 198, 200—202, 213
Магомедбекова С. Н., первая горянка-врач 518
Магомед-Гаджи (Хаджи-Мухаммед), наиб Шамиля 150, 169
Магомед-кади, правитель Акуша-Дарго 114
Магомед-Мурза-хан, правитель Казикумуха 113, 145, 146
Магомедов А. М., историк 53
Магомедов Р. М., историк 53, 129, 402
Магомедханов 360
Магомет (Мухаммед), пророк 103, 204, 205
Магуев Тепса, всадник 294
Мадатов В. Р., генерал 43
Маженьянц А. Л., большевик 483
Мазаев Петр, скотовладелец 467
Мазаев Федор, скотовладелец 467
Мазаевы, скотовладельцы 391
Мазгулов Менче, крестьянин 274
Мази из Катарюрта, чеченский поэт 522
Майер, ботаник 243
Майер Н. В., медик 253
Макаев Х., руководитель восстания 490
Макаров, офицер 162
Македонский Александр, царь 352
Макеевы, землевладельцы 481
Максимов, нефтепромышленник 399, 401, 432
Максимов, рядовой 154
Максимов Е., кавказовед 89, 92, 402
Максимовский, слесарь 407
Малинин Л. В., этнограф 525
Малыгин И. В., большевик 466, 479, 483, 484, 494, 550, 557
Мальбахов, предводитель крестьян 490
Малькольм Джон, английский капитан 19
Мальсагов Артаган, прапорщик 292, 293
Мальсагов Бати, воин Ингушского дивизиона 292
Мальсагов Дох, прапорщик 292
Мальсагов Иса, воин Ингушского дивизиона 293
Мальсагов Магомет, воин Ингушского дивизиона 293
Мамсуров С. Г., большевик 408, 483
Мамсуров Темирбулат, осетинский поэт 211, 378
Мамсуровы, фамилия 114
Мансур *см.* Ушурма
Маньян, французский офицер 200
Маре, французский министр 25
Марин Анхил, аварская поэтесса 374
Маркграф О. В., кавказовед 334
Мариненко Ф., фельдфебель 442, 443
Мариолаки, капиталист 399
Маркевич Михаил, машинист 407
Марков Л. Л., директор ставропольской гимназии 345
Марков О. П., историк 51, 53, 180, 181
Маркс Карл 50, 54, 133, 145, 157, 180—182, 186, 191, 216, 217, 220, 255, 297, 380, 407, 418, 458, 496, 499
Маркус Я. Л., большевик 550, 563
Марлинский А. А. *см.* Бестужев-Марлинский А. А.
Марочкин М. К., большевик 488, 550, 551, 554
Мартенс Ф. Ф., историк 50, 54, 181
Мартын, перебежчик 155
Мартынов Л. Е., актер 355
Мартыновский С. И., социал-демократ 419
Марьин Ф., поэт 358
Матевюк Е., руководитель восстания 467
Маух, арендатор 273
Махмуд из Кахаб-Росо, аварский поэт 374, 522
Махмуд II, турецкий султан 132
Махуев И., врач 518
Мациевы, капиталисты 543
Мацильгов Дуда, всадник Ингушского дивизиона 292
Мачабели, грузинские помещики 415
Мегрелидзе Ш. В., историк 297

Медведев М. М., историк 54
Мелещенко, большевичка 488
Меликов Сулейман 54
Мельгашев Мисост, житель аула Болотокова 273
Мельникова, владелица типографии 346
Менгли-Гирей, ногайский султан 35
Менстрие, зоолог 243
Ментишашвили, рядовой 441
Меншиков А. С., князь 42, 46
Меньшиков М. К., большевик 446
Меретуков Нух, адыгский историк 527
Меснянкины, скотовладельцы 391
Месяцевы, капиталисты 543
Меттерних К. В. Л., австрийский канцлер 47
Мехмет-Али, египетский паша 131, 132, 135, 150, 161
Мехти Кули-хан, владетель Карабаха 40
Мехти-бек, уцмий Кайтага 290
Мехти-хан, шамхал Тарковский 20, 25, 112, 137
Мечиев К. Б., балкарский поэт 374, 377, 378, 521, 523, 538
Миллер, капиталист 399
Миллер А. А., этнограф 525, 537
Миллер Вс. Ф., лингвист, этнограф 337, 360, 362, 364, 381, 525
Мильдзихов Б., воин Осетинского дивизиона 293
Милютин Д. А., министр, генерал-фельдмаршал 172, 203, 212, 213, 285, 287, 288, 297
Мину-Али, турецкий эмиссар в Дагестане 289
Мирза-Абдул Хасан, иранский посол 32
Мирза-Магомед, друг Бестужева-Марлинского А. А. 241
Мирза-Магомед-хан, правитель Казикумуха 148
Мирза-Риза, иранский посол 25
Мирзоев Али, кадий 274
Мисаковы, фамилия 115
Мисербиев Садо, чеченец, друг Л. Н. Толстого 358
Мисожников, капиталист 413
Мисостов Александр, кабардинский князь 167
Мисостовы, фамилия 115
Михаил Николаевич, вел. князь 264, 271
Михаил Павлович, вел. князь 137
Михайлеченко, солдат 463
Михайлов, генерал 449
Михайлов, капиталист 554
Михайлов А., владелец типографии 346
Михайлов А. Ф., революционер-народник 342, 345, 496
Михайлов М. Л., поэт 345
Михайлов-Раздорский Н., студент 407
Мищенко П. И., генерал-майор 421
Мова В. С., драматург 495
Мовчан Е., политкаторжанин 461
Мокыз, ингушский сказитель 348
Мольер Ж.-Б., французский драматург 500
Моната Баймурза, ногайский поэт 522
Мордвинов Н. С., адмирал, экономист 39, 53, 172
Морозов М. Г., большевик 550
Мороховец Е. А., историк 91
Мохрали, предводитель разбойничьего отряда 294
Мочульский, офицер 140
Мошнин А. Н., дипломат 209, 210
Мударовы, фамилия 115
Мужев И. Ф., историк 426, 469, 492
Мунги Ахмед, даргинский поэт 374, 375
Мусоев А., публицист 362
Муравьев В. Н., историк 256, 537
Муравьев Н. Н., генерал 192, 195, 216, 217, 243, 246, 247
Мурзабек, крестьянин 163
Муртаза-Хаджи, член руководства «Крестьянского центра» 435
Муртуз-Али 150
Муртузалиев Гаджи, горский врач 243
Мусин-Пушкин А. А., граф 17
Мусов Машуко, холоп 111
Мустафа-паша, турецкий военачальник 189, 191
Мустафа-хан, владетель Ширвана 40, 42, 43
Мутушев А. М., чеченский просветитель, революционер 527, 531
Мутушев И., революционер-демократ 527
Мухамет Насарат, турецкий эмиссар на Кавказе 204
Мухаммед *см.* Магомет
Мухаммед-Амин *см.* Магомед-Амин
Мухтар-паша, турецкий военачальник 287, 294
Мучалаев Д., воин 421
Мушкетов И. В., геолог 525
Мызаев Алашуко, холоп 111

Наврузов Маги, подпоручик 292
Надир-шах, иранский монарх 228, 246
Назарали Абдулла, друг Бестужева-Марлинского А. А. 241
Назимов М. А., декабрист 253
Наиб-паша *см.* Магомед-Амин
Найт, английский агент на Кавказе 117, 134
Наполеон I (Бонапарт Наполеон), французский император 16, 17, 22, 25, 26, 28, 29, 180
Наполеон III, французский император 184, 193
Нарежный В. Т., писатель 173, 238, 255
Нарочницкий А. Л., историк, академик 180
Нарышкин М. М., декабрист 253
Нарышкин Н. Я., археолог 365
Наурузов Т., кабардинский князь 482
Нахибашев Муслим, врач 518
Нахимов П. С., флотоводец 186
Неверов Я. М., учитель 252, 341
Неверовский А. А., историк 244, 255
Невская В. П., историк 129, 297, 491
Невский В. И., большевик 487
Некрасов Н. А., поэт 178, 183, 357, 358, 379, 380, 496
Нелюбин А. П., медик 86

Немирович-Данченко В. И., режиссер 358
Непокойчицкий А. А., генерал 290
Нессельроде К. В., граф 32, 41, 42, 47, 48, 53, 54, 131, 135
Нетребенко К., большевик 432
Нефедьев Н. А., публицист 253
Нечаев С. Д., поэт, писатель 242
Никитин И. Н., большевик 483
Никитин С. А., историк 298
Никифораки, ставропольский губернатор 416
Нико-Кади, руководитель восстания 289
Николаев П., член революционного кружка 419
Николаевич Н., писатель 357
Николай Михайлович, вел. князь 50
Николай I, русский император 41, 42, 47, 48, 53, 54, 59, 128, 131—133, 135, 138, 150, 168, 172, 176, 180, 186, 222, 239, 240
Николай II, русский император 471, 562
Никулин В. И., антрепренер и актер 355, 500
Нобели, капиталисты 400, 401, 542
Новиков М. Г., историк 380
Новицкий Г. В., офицер 243
Новосельцев А. П., историк 50
Нога Ф., руководитель восстания 464
Ногай-мирза, чеченский феодал 102
Ногина В. Ф., крестьянка 556
Ногмов Ш. Б., адыгский ученый и просветитель 237, 241, 242, 245—248, 255, 256, 353, 363
Нордега, меньшевик 479
Норденстам И. Н., кавказовед 244
Нордман А. Д., зоолог 243, 255
Норов А. С. 255
Норов В. С., декабрист 174, 244
Нотченко Алексей, кузнец 407
Нурахманов Д., воин 295
Нурид, полковник 289
Нух-бике, ханша Мехтулинская 112

Обручев Н. Н., генерал 288
Обыденков, рядовой 463
Овчинникова М. И., историк 567
Огарев Н. П., революционер-демократ, публицист 221, 254, 347
Одоевский А. И., поэт-декабрист 253
Озроков С. М., кабардинский просветитель 529
Окиншевич, член социал-демократического кружка 407
Олифант Л., английский советник на Кавказе 191
Олейников Я., большевик 488, 550
Оленич, майор 114
Ольга Николаевна, великая княгиня 380
Ольшевский М. Я., офицер, этнограф 244
Омаров Абдулла, лакский просветитель 360, 370
Омер-паша, турецкий военачальник 190—193
Ораков М., руководитель восстания 490
Орбелиани, княгиня 194, 357
Орбелиани Г. Д., генерал-майор, грузинский князь 161, 196, 203, 205, 262, 263
Орбелиани Г. И., генерал, грузинский князь 421
Орбелиани И. З., генерал, грузинский князь 194
Орджоникидзе Г. К., большевик 538, 566, 568
Оржицкий Н. Н., декабрист 253
Орленев П. Н., актер 355
Орлик О. В., историк 53, 255
Орлов, генерал 540
Орлов А. Ф., граф 193
Осман, брат хана Аварии 145
Осман, наиб Шампля 196
Осман-бей, турецкий офицер 187, 216
Османов Г. Г., историк 567
Османов К., воин 421
Османов Магомед-Эфенди, кумыкский просветитель, поэт 361, 370, 374, 375, 381
Осокин И. П., социал-демократ 564
Островский А. Н., драматург 355, 495, 500, 501

Павел I, русский император 15—20, 51, 52, 60, 180
Павлюков И. Ф., большевик 483, 488
Пайчадзе Г. Г., историк 50
Пальмерстон Г. Д. Т., английский премьер-министр 134, 181, 184, 191
Пантелеев И. Я., историк 381
Панфилов Иван, рабочий 410
Панченкова М. Т., историк 217
Паренсов П. Д., полковник 290, 297
Парумбеков, житель Тифлиса 355
Паскевич И. Ф., генерал 39, 40, 42—44, 53, 54, 132, 138, 140, 161, 180
Пастухов А. В., топограф 366
Патимат из Кумуха, дагестанская поэтесса 376
Пациевский В., рабочий 408
Пачев Б. Ж., кабардинский поэт 372, 374, 377, 521, 524, 538
Педисов, пристав 206
Передков В. П., большевик 483, 488
Перетяткович М. М., архитектор 495
Петр I (Великий), русский император 9, 10, 85, 133, 181, 182
Петренко Я., социал-демократ 418
Петров, рядовой 464
Петров А., историк 181
Петров В. Я., большевик 550
Петрова С. Я., деятель просвещения 340
Петрушевский И. П., историк 53, 54
Пикман А. М., историк 183, 381
Пирогов Н. И., хирург 86, 243, 518, 538
Писарев, меньшевик 479
Писарев Д. И., критик 499
Писемский А. Ф., писатель 500
Платов, мировой судья 565
Платонов *см.* Соколов И. П.
Плаужин, полковник 421
Плеханов Г. В., теоретик марксизма 125, 130, 370
Плиева Ж., историк 380

Побегайло И. П., большевик 483
Погодин М. П., историк 52
Подайский, польский эмигрант 199
Покровский И. П., депутат Думы 485
Покровский М. В., историк 53
Полевые, братья 238
Полежаев А. И., поэт 174, 240, 255
Полторацкий П. Г., большевик 488
Полуян Я. В., большевик 488
Полякова Е. А., большевичка 483
Пономарев К. П., историк 403
Понсонби, английский дипломат 134
Попко И. Д., генерал, кавказовед 90, 92, 364, 381
Попков Н. Н., служащий 407
Попов А., рабочий 408
Попов В. А., большевик 483
Попов В. С., социал-демократ 419
Попов Е. П., большевик 483
Портнягин С. А., генерал 31
Потемкин В. П., историк, дипломат 297
Потто В. А., военный историк 90, 92
Поццо ди Борго К., граф 54
Поярко Н. П., большевик 445
Праве Г. К., основатель музея в Ставрополе 499
Предкальн, социал-демократ 485
Пржевлоцкий, польский офицер 199, 200
Прозрителев Г. Н., кавказовед 525, 526
Прокеш-Остен А., австрийский дипломат 198
Прокопенко Пимен, солдат 179
Пронштейн А. П., историк 568
Проценко И. П., капиталист 552, 554
Пузанов И. И. 255
Пуйденко, капиталист 420
Пулло А. П., генерал 61, 145, 148
Пушкин А. С., поэт 173, 174, 183, 219–221, 239–242, 247, 357, 379, 498, 519
Пшизов Татун, адыгский поэт 522

Радде Г. И., путешественник и этнограф 366
Радожицкий И. Т., этнограф, поэт 239, 255
Раевские, фамилия 181, 183
Раевский Н. Н., генерал 172
Разин С. Т., руководитель крестьянской войны 460
Рамиашвили И., меньшевик 418
Раскевич А., большевик 550
Рассел Джон, английский дипломат 193
Рафалович Н., воин 421
Рахманинов С. В., композитор 495, 502
Рашин А. Г., историк 334, 335
Рашпиль Г. А., генерал 87, 164
Ребров А. Ф., кавказовед 70, 243
Резников И. В., большевик 479
Рейзман С. Г., большевик 444, 446
Рейхенбах Карл, немецкий химик 75
Репин И. Е., русский художник 173, 495, 502, 503
Реут, полковник 43
Решид-паша Мустафа, великий визирь 198
Ржевусский А. В., кавказовед 158, 364, 381
Рибопьер А. И., русский посланник 39, 47, 53
Ришелье А. Э., херсонский губернатор 78
Ровинский И. В., кавказовед 243
Родимцев, перебежчик-драгун 155
Розен В. Р., востоковед, академик 361
Романовский Д. И., историк 141, 145, 181, 182
Романовы, русские цари 176
Роменский Е., железнодорожник 450
Россинский И. Ф., большевик 488
Ротшильды, французские банкиры 399
Ртищев Н. Ф., генерал 29
Рубинок П., начальник станции 450
Рубинштейн Н. Г., пианист, дирижер, педагог и муз. деятель 222
Рубо Ф. А., художник 222
Руднев Г. А., большевик 550
Рудометкин, арендатор земли 435
Руновский А. И., офицер, кавказовед 137, 181
Рупрехт Ф. И., ученый-ботаник, академик 365
Русанов И., историк 380
Русановский А. Р., нефтепромышленник 399
Руссов А. А., археолог 365
Рустам-кади, табасаранский владетель 112
Рыбаков Н. Х., актер 252
Рыковский В. В., большевик 550

Савина М. Г., актриса 355, 502
Савинов В., писатель 357
Сагинадзе В. Г., большевик 479
Саидов Гарун, лакский писатель, революционер 517, 529
Саксаганский П. К., укр. актер 355
Салтыков-Щедрин М. Е., писатель 357
Салтынский У. 374
Самарин Ф. И., историк 470
Самогова Г. А., композитор 380
Самойленко Ф., унтер-офицер 464
Санжур И. А., большевик 431
Саракаев И., историк 527
Саухалов М. Т., машинист 447
Сахарова Х. А., большевичка 479
Светлов, генерал 441, 449
Себастиани О., французский посланник 25
Седин Г. М., большевик 488, 550, 554
Седин М. К., большевик 550
Седина А. М., историк 492, 567, 568
Сеид, лазутчик 151
Сеид Ахмед-эфенди, турецкий чиновник 31
Сеймур, английский дипломат 135
Села, бог молнии и грома 227
Селим-паша, турецкий военачальник 188
Селим-хан Нухинский, владетель 43
Семенов Исмаил, Карачаевский поэт 522
Семенов Н. С., этнограф 525
Семенов П., этнограф 380
Семенова А. В., историк 52
Семернин П. В., историк 469
Сент-Арно, французский маршал 187

Сергей Михайлович, вел. князь 449
Серебров А., кавказовед 244
Серобабов Ф. И., большевик 483
Серый Ю. И., историк 402, 425, 468, 470
Сефер-бей (Занов Сефер-бей, Сефер-бей-Зан, Сефер-паша), адыгский князь 117, 134, 180, 188–191, 193, 197, 198, 200, 201, 217, 364
Сивков К. В., историк 183
Сидганидзе П., агитатор 461
Сидоров А. Л., историк 566
Сидоров И. И., руководитель рабочих 411
Силков Т. М., социал-демократ 408
Симонович Ф. Ф., генерал 244
Синельников Н. Н., режиссер 355
Сирияр, тухум 104
Ситников Г., большевик 550
Сиюхов Сафарбей, адыгский просветитель 528, 529
Скасси Р. С., купец 39
Сквозников, миссионер 452
Скибицкий В. А., историк 492
Скрипников А., организатор стачки 555
Скрынников, капиталист 553
Славянов Н. Н., геолог 495
Смирнов (Алексеев), меньшевик 479
Смирнов В. Д., востоковед 361
Смирнов Н. А., историк 50, 52
Смирнова А. О., деятель просвещения 340
Смолихин С., руководитель восстания 467
Собинов Л. В., русский певец 502
Собольщиков-Самарин Н. И., актер 355
Соколов И. П. (Платонов), меньшевик 479
Сокольский В. Д. (Тарас), большевик 431
Соллогуб В. А., писатель 357
Соловьев, унтер-офицер 442
Соловьев К., большевик 550
Солянников Яков, помощник кочегара 407
Соницкий Т., рабочий 408
Сорокин В., владелец типографии 346
«Софья», курсистка 407
Спано Ахмед, представитель махаджиров 210
Спирин Л. М., историк 568
Стальский Сулейман, лезгинский поэт 523, 524
Станиславский К. С., режиссер 500
Старжевский В. А., большевик 550
Старосельский В., большевик 342
Стасов В. В., критик 503
Стебницкий Е. И., топограф 366
Степанов, пристав 414
Степанов Б. 255
Степашев Н., руководитель восстания 467
Степницкая С. П., член социал-демократического кружка 407
Стивен Х. Х., врач, ботаник 243
Столыпин П. А., председатель Совета Министров 460, 474, 480
Стояловы, землевладельцы 481
Стратфорд Редклиф, английский дипломат 185, 189, 198
Страхов, полковник 450
Стрижов И. Н., геолог 401
Строганов П. А., граф 18, 50
Ступников И. Д., представитель Донкома РСДРП 407
Стюарт, английский агент на Кавказе 134
Стюарт А., английский капиталист 399, 403
Суаибо, сподвижник Шамиля 148
Суворов А. В., фельдмаршал 14, 17
Сугойпов Ш., всадник Чеченского полка 294
Судаков И. А., рабочий 444
Сукур-Курбан, даргинский поэт 375, 522
Сулейман-паша, турецкий военачальник 287
Сулейман-эфенди, наиб Шамиля 169, 183, 242
Султан Ахмед-хан, владетель Аварии 21
Султан Ахмед-хан, мехтулинский владетель 113
Султаналиевы, фамилия 145
Султан-Сагат-Гирей, ногайский владетель 166
Суменева З., историк 381
Сушшевы, фамилия 115
Сурхай-хан, владетель Казикумуха 24, 25, 28, 36, 37, 42, 43
Сурхай-хан, управляющий частью Аварии 113
Сухинин Т. А., большевик 479, 483
Сухоруков В. Д., декабрист 211, 243
Сухраб-бек, майсум Табасаранский 112
Сушков, учитель 419
Сысоев В. М., историк 525, 526
Сюзор, архитектор 495

Таги, мулла, историк 246, 256
Тагилов Паскоч, всадник 294
Таджутин Мустафин, муфтий 146
Таймазов Бейбулат, уздень 37
Таймазовы, фамилия 265
Такоев Симон, историк 425
Талхиг Аргунский, наиб Шамиля 157
Тамбиев М., композаводчик 482
Тамбиев Паго, адыгский просветитель 514, 525
Тамбиева Зайнеб, врач 518
Тамиров Г., всадник 294
Танеев С. И., композитор 353, 364
Тарас *см.* Сокольский В. Д.
Тарасовы, капиталисты, братья 553
Тарковский Н., князь 565
Тарле Е. В., историк 216
Тасмахилов Таша, руководитель восстания 423
Татаев У., предводитель крестьян 467
Таучелов, капитан 293
Ташев-Хаджи, сподвижник Шамиля 145, 148
Телепин Н., организатор стачки 555
Тембиевы, землевладельцы 94
Темирсултанов П., воин Ингушского дивизиона 292
Темирханов, прапорщик 163
Темирханов В., монархист 565

Темрюк Идарович, кабардинский князь 247
Тепи, сподвижник Шамиля 148
Тепцов В. Я., историк 526
Тергукасов А. А., генерал 287
Тетина М., актриса 355
Теучеж Цуг, адыгский поэт 522, 523
Тефик-бей *см.* Лапинский Теофил
Тешенко П., рабочий 412
Тинаввас, турецкий эмиссар в Дагестане 289
Титкины, фамилия 90
Тихвинский, полковник 244
Тихопов Д., кавказовед 244, 255
Тлостаноков Фиц, урядник 416
Токов Н., сотрудник музея 528
Толстановы, фамилия 115
Толстой А. К., драматург 500
Толстой В. С., декабрист 244
Толстой Л. Н., писатель 90, 92, 178, 179, 183, 219—222, 233, 236, 250, 253, 255, 256, 357—359, 381, 495, 498, 500—503, 519, 522
Тормасов А. П., генерал 26, 28, 39, 51
Торнау Ф. Ф., офицер, кавказовед 58, 91
Торсуева Е. В., представитель Донкома РСДРП 407
Тотлебен Э. И., инженер-генерал 287
Тотоев М. С., историк 53
Тотоев Ф. В., историк 92, 538
Тохтамыш, монголо-татарский хан 349
Трамовы, коннозаводчики 65
Трейтер, генерал-лейтенант 450
Трепов Д. Ф., генерал 441, 457
Третьяков И. Н., большевик 479, 483
Тропинин В. А., художник 537
Трощинский Д., чиновник 18
Трубецкой Н. С., фольклорист 525
Туганов, помещик 450
Туганов А. А., осетинский актер и режиссер 501
Туганов Б. А., осетинский писатель 379
Тугапов М., фольклорист 525
Тугановы, землевладельцы 94, 95, 115, 415, 421
Туккаев С. А., осетинский историк и этнограф 362
Тулатовы, фамилия 114
Тульчинский Н. П., кавказовед 335, 364, 525, 526
Туманян О. Т., армянский писатель 242
Тургенев И. С., писатель 358, 380
Тургиев Б., прапорщик 293
Туриев К., воин Осетинского дивизиона 293
Туркаев Х. В., литературовед 381
Турловы, землевладельцы 265
Турчинов Б., воин 421
Турыгин И. Я., большевик 483, 550, 563
Тутолмин И. Ф., полковник 292
Тхагаледж, бог плодородия 227
Тхостов, майор 294
Тхостов, прапорщик 293
Тхостовы, землевладельцы 115

Уваров А. С., археолог 365, 525
Уварова П. С., археолог 525
Угроватый, большевик 564
Уддин Эфи из Гехи, чеченский поэт 522
Ужахов Батако, подпоручик 292
Улигов У. А., историк 492
Уллубий, фамилия 148
Уманец Ф., историк 52
Уммаев Дильмаха, руководитель восстания 466
Уму Кусум-бике, ханша Казикумуха 113
Уптон С. И., архитектор 494
Уркварт Д., английский дипломат 117, 134, 181, 199
Уруймагов Х., осетинский просветитель, учитель 369, 415, 497, 519
Урусбиев, таубий 111
Урусбиев Исмаил, балкарский этнограф, фольклорист 364
Урусбиев Навруз, балкарский фольклорист 364
Урусбиев С.-А., балкарский лингвист 364, 371, 511
Урусбиевы, фамилия 94, 115
Услар П. К., ученый-лингвист, академик 337, 360—361, 364, 380, 511
Успенский Г. И., русский писатель 357
Ушинский К. Д., русский педагог 344, 364, 519
Ушурма (Мансур), имам 13, 14

Фадеев А. В., историк 18, 50—51, 91, 92, 141, 181, 183, 216, 334
Фадеев Р. А., генерал, кавказовед 153, 182, 189, 217
Фалалеев В. С., руководитель рабочих 411
Фанвилль А., участник экспедиции на Кавказ 200
Фандеев, капиталист 316
Фаниев, капиталист 407, 456
Фарфоровский С. В., этнограф 380, 525
Фашмухов Д., предводитель крестьян 462
Федотова Г. Н., актриса 502
Фези К. К., генерал 146, 147
Фелицын Е. Д., историк 217, 497, 526
Фельдман А. К., большевик 407, 418, 431
Феофилактова Т. М., историк 50
Фет А. А., поэт 359
Фетх-Али-шах, правитель Ирана 16, 17, 22
Филимонов Г. Д., археолог 365
Филипсон Г. И., генерал 201, 202
Филькович И., арендатор 315
Фиолетов И. Т., большевик 407, 418, 431, 432
Фонвизин Д. И., драматург 355
Фотиади, капиталист 553
Фрейтаг Р. К., генерал 151
Фроленко М. Ф., революционер-народоволец 342, 496
Фролов Н. С., большевик 431
Фуад-паша, турецкий визирь 200

Хабидов Татим, предводитель крестьян 462
Хабло П. Т., руководитель стачки 412

Хадарцев Е., юнкер 293
Хадарцев Тебо, всадник Ингушского дивизиона 293
Хаджи Хассан-оглу, турецкий чиновник 45
Хаджиев М., революционер-демократ 527
Хаджи-Исмаил, турецкий агент на Кавказе 189
Хаджи-Мурат, сподвижник Шамиля 145, 148, 150, 151, 154, 158, 160, 178, 179, 221, 359
Хаджи-Мухаммед *см.* Магомед-Гаджи
Хайбулатов Б., старшина 289
Хакуашев А. Х., литературовед 382
Хакурате Ш. У., революционер 419
Халаков Гаджи-Магомед, кавалер георгиевских крестов 295
Халафеев А. В., генерал 148
Халилов С., сотрудник музея 528
Халилов С. М., революционер 496
Хамар-Дабанов Е. *см.* Лачинова Е. П.
Хамахоков Х., адыгский поэт 522
Хамзаев, князь 67
Хамзаевы, землевладельцы 94
Хамишевы, фамилия 117
Хампиев Ильяс, всадник Ингушского дивизиона 293
Хангиреевы, фамилия 204
Хан-Гирей Султан, адыгский просветитель, писатель 78, 91, 115, 116, 129, 235–237, 242, 245, 246, 248, 255
Хан-Нахичеванский, полковник 421
Ханоко Кимчерий, предводитель крестьян 166
Хандиев М., аварский просветитель 361
Ханмурзин Д., воин 295
Харичков К. В., химик 400
Хасан-паша, турецкий чиновник 39
Хасбулатов А. И., историк 402, 426, 468, 469
Хаспулат, коннозаводчик 66
Хатикоай, фамилия 117
Хашаев Магомет, холоп 163
Хашаев Х.-М., историк 53, 182, 335
Хетагуров К. Л., осетинский поэт, общественный деятель 329, 340, 342, 347, 353, 355, 363, 369, 370, 374, 379, 380, 382, 497, 501, 503, 515, 527
Хизроев Магомед-Мирза, большевик 461, 491
Хмелевский К. А., историк 568
Ходзько И. И., геодезист, генерал 366
Хоруев, пристав 163
Хохлов, капиталист 456, 465
Хоцев Яхви, кулак 416
Хромов П. А., историк 334
Хубиев Иммолат, учитель 528
Хубиев Ислам, карачаевский просветитель, публицист 528, 529
Хубиев Исмаил, учитель 528
Худанин А. Е., большевик 488, 550
Хусейнов, предводитель крестьян 490
Хут Ш. Х., филолог 381
Хутуев Х. И., историк 538
Хуцистов З., воин 295

Цаголов Г. М., осетинский революционер, писатель 369, 379, 497, 527, 530, 538
Цадаса Гамзат, аварский поэт 374, 376, 523, 524
Цаликов А., меньшевик 419, 464, 473, 479, 489, 540
Цаллагов А., осетинский этнограф 362, 369
Цаллагов Н., учитель 415
Цаллаев Х. К., философ 381
Цей И. С., адыгейский писатель, публицист 529
Целлер Г. А., большевик 479, 483
Цилоссани Н. О., археолог 365
Цицианов П. Д., грузинский князь, генерал 21–25
Цогоев Асланбек, рабочий 410
Цораев В., первый собиратель осетинского фольклора 248
Цораев М. М., руководитель восстания 490, 492
Цургов База, всадник Ингушского дивизиона 293
Цуцаев М. С., помощник машиниста 447, 469
Цхакая М. Г., большевик 422

Чавчавадзе, фамилия 357
Чавчавадзе Д. А., подполковник, грузинский князь 194
Чайковский М., полковник 172, 216
Чайковский П. И., композитор 495
Чайченко П. М., представитель Донкома РСДРП 407
Чанка Тажутдин, аварский поэт 374, 376, 522
Чаринов М., лакский драматург 517
Чарторийский Витольд, польский эмигрант 200
Чарторыйский Адам, князь 18, 51
Чаусов, руководитель восстания 464
Чегемовы, фамилия 115
Чедов Чедо, холоп 111
Чекалов С., купец 75
Чекменев С. А., историк 91, 129, 296
Чепалов, коннозаводчик 66
Черкасов А. И., декабрист 253
Черкесов, полковник 272
Чермоев Арцу, землевладелец 265
Чермоев Тапа, нефтепромышленник 542, 565
Чермоевы, чеченские феодалы 102
Черный И. Я., археолог 365
Чернышев А. И., министр 114, 167, 212, 213, 261
Чернышев Л. И., большевик 446
Чернышевский Н. Г., революционер-демократ, писатель 176, 177, 183, 345, 357, 358, 370, 381, 496
Черняевский А. О., учитель 344
Черченовы, фамилия 117
Чехов А. П., писатель 500, 502
Чижоков Х., буржуазный националист 528, 565
Чингис-хан, монгольский правитель 349
Чирг А. Ю., историк 180, 216. 217

Чирив Мурза, член руководства «Крестьянского центра» 435
Чиркеевский Айдемир, аварский просветитель 360
Чичкин, капиталист 392
Чопалов Иса, всадник 294
Чуликовы, чеченские феодалы 102
Чурсин Г. Ф., этнограф 525

Шаляпин Ф. И., русский певец 495, 502
Шамеидин-Алил-оглы, очевидец 154
Шамекко-р, фамилия 117
Шамиль, имам 6, 102, 113, 114, 119, 135, 144—156, 158, 159, 161, 166—172, 176—197, 200—202, 213, 216, 217, 222, 228, 236, 244, 259, 262, 289, 357, 358, 361
Шамурзаев Бата, землевладелец 265
Шамурзов Х., предводитель крестьян 462
Шамхалов И., лезгинский просветитель 516
Шанаев Беслан, осетинский старшина 161
Шанаев Д., осетинский просветитель 362, 515
Шанаев И., сотник 293
Шанаевы, фамилия 115
Шануков Жамбек, холоп 168
Шапсугов Э. М., первый составитель адыгской азбуки 236
Шармуа Ф., французский востоковед 237
Шатов Т. И., большевик 483, 488
Шауваловы, фамилия 260
Шаумян С. И., большевик 540, 566
Шаханов, старшина 414
Шаханов Басият, буржуазный демократ 528, 565
Шаховский Л. В., князь 292, 297
Шахсаидов Р., дагестанский врач 518
Шацкий П., историк 256, 335, 388, 394, 402, 537
Шварц А. В., член социал-демократического кружка 407
Шеболдаев Б. П., большевик 550
Шевелев, токарь 407
Шевченко А., большевик 494
Шевченко Г. Н., историк 130, 217
Шевченко Т. Г., украинский поэт, революционер-демократ 178, 183, 222
Шегрен А. М., кавказовед, академик 237, 238, 242, 244, 255
Шекспир Уильям, английский драматург 252, 355, 500, 501
Шелгунов Н. В., революционер-демократ, публицист 347
Шенгелия И. Г., рабочий 412
Шеремет В. И., историк 54
Шеретлоков Тасултан, кабардинский режиссер и драматург 502
Шеретлоков Умар, проповедник мюридизма 167
Шерипов А. Д., чеченский революционер, большевик 417, 425, 531
Шерипов Назарбек, чеченский актер и режиссер 502
Шехтер К. С., большевик 488
Шигабудинов М. Ш., историк 402, 425, 426, 468—470, 491, 492, 553, 566, 567
Шиллер Ф., немецкий поэт, драматург 252, 355, 500, 501
Шиллинг Е. М., этнограф 91
Ширский, присяжный поверенный 423
Ших Шабан, руководитель повстанцев 143
Шихалиев Д.-М. (псевд. Кумык), кумыкский историк 246, 256
Ших-Али-хан, владетель Дербента 20, 24, 25, 28, 36, 112
Шишкин М. О., социал-демократ 419
Шишков А. А., поэт 174, 238
Шовгенов Мос, адыгский просветитель 419
Шогенов, врач 518
Шодкий Л. Г., архитектор 495
Шолох, бесленеевский князь 117
Шортанов А. Т., кавказовед 380
Шостакович С. В., историк 54
Шредерс В. Г., деятель просвещения 515
Шреттер, архитектор 495
Штейн, фон, керченский купец 206
Штейнберг Е. Л., историк 180
Штейнгель, капиталист 388, 420, 434
Штейнер С. И., историк 403
Шуаиб-мулла, наиб Шамиля 159
Шувалов З. И., владелец типографии 346
Шуваловы (Шаваевы), фамилия 163, 164
Шуригин П., бомбардир 463, 464

Щеголев А. И., историк 492
Щедловский Ю., кавказовед 76
Щепкин М. С., русский актер 252
Щербатов А. П., историк 180
Щербина Ф. А., историк и статистик 90, 92, 183, 302, 334, 364, 365, 381, 526
Щербинин А. Г., социал-демократ 419
Щукин Н. С., этнограф 525

Эбзеев Канамат, абрек 520
Эбоноидзе А. М., большевик 483
Эйхвальд Э. И., ученый-натуралист 243
Экмурзаев Таза, зикрист 260
Эллиот, английский капиталист 399
Эльбузаков Урозокой, крестьянин 274
Эльдарилав Магомед из Ругуджи, аварский поэт 374, 376
Эльдаровы, землевладельцы 265
Эльдерханов Т., чеченский просветитель, революционер 458, 463, 514, 519, 525, 531
Эльмурзаев Шеди, майор 274
Эльмурзаевы, капиталисты 542
Эмин-бей *см.* Магомед-Амин
Эммануель Е. А., генерал 47, 143, 144
Энгельс Ф. 10, 48, 50, 54, 145, 151, 157, 180—182, 185, 187, 190—192, 216, 217, 255, 285, 297, 380, 407, 418, 458, 497
Эристави Г. Д., грузинский драматург 173
Эркенов Х., врач 518
Эрпелинский Ш. 374
Этезов У., скотовладелец 482
Этенко Л. А., историк 568

Юзвяк Я., рабочий 408
Юзефович Т. 180
Юрьев, полковник 167
Юсупов Р., литературовед 381
Юсуф-хан, кюринский правитель 113, 258, 280
Юшкин Е. М., геолог 401, 403

Яичников Л. А., большевик 445
Яковенко Ф., рядовой 464
Якубович А. И., декабрист 39, 220, 224, 253
Ялгузидзе И. Г., осетинский просветитель 237
Яндаров Б., корнет 294
Яндаров Э., всадник 294
Янковский И. И., большевик 550
Яновский А. Г., кавказовед 244
Ярошенко Н. А., художник 503
Ятович П. П., большевик 479
Япунский В. К., историк 300

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Абадзехская, ст. 214
абадзехи 45, 55, 100, 105, 111, 117, 166, 169, 170, 190, 198, 201, 202, 206, 212, 217, 245, 250, 356, 511
Абаево (ныне сел. Урожайное) 340
абазины, абазинцы 39, 55, 99, 101, 103, 106, 108, 109, 191, 192, 202, 207, 243, 268, 353, 356, 378, 476, 495, 509
Абинская, ст. 214, 215
Абхазия 26, 27, 29, 30–32, 38, 45, 66, 132, 190, 217, 273, 288, 297
абхазцы, абхазы 235, 244, 385, 509
Авария 15, 22, 36, 100, 104, 113, 121, 142–145, 147, 148, 150, 156
Аварский окр. 280, 461, 511
Аварское влад. 113
Аварское Койсу, р. 56, 63
Аварское ханство 12, 17, 21, 94, 99, 112–114, 145, 278
Аварское шамхальство 96
аварцы 38, 39, 55, 56, 138, 242, 248, 295, 350, 360, 361, 375, 385, 509
аварцы джарские 44
Австралия 17
Австрия 12, 22, 30, 31, 46, 47, 131, 132, 135, 184, 201
Австро-Венгрия 285, 295
Аграханский залив Каспийского моря 67
агулы 56
Агульское сельское общество 113
Адагумская дол. 60
Адагумская линия 214
Адайкомдон, р. 115
адамиевцы 55, 100
Аден, г. 135
Аджария 209
Адлер, г. 445
Адлер, мыс 185
Адрианополь, г. 47, 295
Адриатика 26
Адыгейская автономная обл. 402
Адыгея 71, 75, 95, 97, 103, 109, 161, 166, 167, 183, 258, 314, 343, 356, 380, 388, 402, 416, 422, 425, 426, 438, 449, 477, 482, 510, 511, 514, 515, 529, 531, 556, 558
Адыги, адыгейцы 9, 34, 37–39, 48, 53, 55, 56, 58, 61, 62, 64–66, 73, 83, 91, 96, 97, 99, 101–103, 105–110, 117, 133, 134, 167, 169–171, 181, 188, 202, 206, 208, 209, 211–214, 221, 223, 225, 226, 227, 230, 232–237, 242–245, 256, 261, 268, 280, 304, 308, 324, 339, 348, 349, 353, 356, 363, 364, 373, 378, 385, 392, 504–506, 508, 516, 522, 527, 534
Азербайджан 44, 45, 51, 53, 76, 246, 367, 372, 433, 566
Азербайджан Северный 15, 19, 20, 24, 29, 42
азербайджанцы 9, 28, 43, 56, 192, 433
Азия 10, 16, 50, 133, 185, 190, 192, 198, 295
Азия Малая 132, 184, 208
Азия Средняя 50, 307, 316, 384
Азов, г. 12, 444, 502
Азово-Моздокская линия 13, 122
Азово-Черноморский край 425, 469
Азовское море 11, 14, 33, 49, 70, 77, 188, 190, 215, 286
Аккерман, креп. 46, 54
аккинцы восточные *см.* ауховцы
Ак-Лом, р. 292, 293
Аксаевское влад. 112
Аксай, сел. (Терская обл.) 78, 339, 560
Аксай, р. 56
Аксайский союз сельских обществ 20
Акуша, дер. 37, 41, 104
Акуша-Дарго, союз сельских обществ 28, 104, 113, 114, 139, 145
Акушинский р-н 243
Акушинский союз сельских обществ 97
Акушинское сельское общество 114
акушинцы 36, 89
Алагир, сел. 63, 418, 450, 515, 564
Алагирское лесничество 450
Алагирское сельское общество 28, 56, 96, 115, 264
Алагирское ущ. 119, 450
алагирцы 269
Аладжа, высота 294
Аладжи 288
Алазанская дол. 76
Аланские о. 184

---

* В географическом указателе приняты следующие сокращения: а.– аул; влад.– владение; г.– город; геогр. р-н – географический район; губ.– губерния; дер.– деревня; дол.– долина; креп.– крепость; мест.– местечко; местн.– местность; о.– остров, острова; обл.– область; окр.– округ; отд.– отдел; пер.– перевал; п-ов – полуостров; пос.– поселение, поселок; прол.– пролив; р.– река; р-н.– район; сел.– село, селение; сл.– слобода; ст.– станица; станц.– станция; у.– уезд; укр.– укрепление; ущ.– ущелье; хр.– хребет; хут.– хутор.

Александрия, укр. (позже Новомысское укр.) 180
Александркент, сел. 415, 435
Александровск, г. (Екатеринославская губ.) 85
Александровская (Александрфельд), ст. (Терская обл.) 213, 214, 215
Александровск-Грушевский 561
Александровский у. (Ставропольская губ.) 33, 59, 435
Александровское, сел. (Ставропольская губ.) 449
Александровское укр. 180
Александрфельд *см.* Александровская, ст.
Алтай 332
Алтинское сельское общество 51
Алтыпаринский союз сельских обществ 114
Алтыпаринское сельское общество 51
Альбурикент, сел. 435
Америка 508
Амир-Аджиюртовская застава 82
Амтхырская, ст. 214, 215
Амузги, сел. 70, 71, 74, 314
Амы, сел. 152
Анаклия 29
Анапа, креп., пос., ст., г. 13, 14, 29, 35, 39, 45, 46, 48, 78, 109, 117, 132, 133, 134, 180, 186, 188, 191, 193, 197, 201, 212, 214, 338, 443, 459, 483, 485, 488, 550
Анатолия 208
англичане 42, 543
Англия *см.* Великобритания
Андалал, сел. 119, 150
Андалалский союз сельских общин 104
андалальцы 144, 146
Анди, сел. 70, 71, 147, 152, 159, 314, 315
Андийские возвышенности 196
Андийский окр. 259, 280, 313, 461, 511
Андийский хр. 279
Андийское Койсу, р. 56, 63, 147, 196
андийцы 56, 144, 146, 259, 279
Андрюковская, ст. 214
Анзорово-Кайсын (Кайсын-Анзорово) 340, 435
Анкратльский союз сельских обществ 196
Ансалта, сел. 71, 315
Анцухский союз сельских обществ 196
Апшеронская, ст. 215, 563
арабы 526
Аравартан, сел. 294
Арагви, р. 24
Араканы, сел. 143
Аракс, р. 33, 42, 43
Аргудан, сел. 340
Аргун, р. 195
Аргунский окр. Чечни 259, 260, 266, 278, 281, 286
Ардаган, креп., г. 185, 287, 295
Ардон, р. 115
Ардон (Ардонское), сел., укр. 264, 418, 436, 450, 462, 466, 515, 559, 564
Ардонское ущ. 56
Арзрум *см.* Эрзерум
Армавир, г. 215, 313, 316, 318, 407, 408, 413, 414, 419, 421, 422, 432—434, 438, 440, 441, 443, 447, 448, 457, 459, 462, 465, 466, 473, 479, 480, 483—488, 547, 549, 550, 552, 553, 557, 558, 563
Армения 44, 45, 185, 219, 286, 287, 368, 433, 533
Армения Западная 296
Армхи, р. 56
армяне 9, 15, 23, 38, 43, 44, 47, 48, 56, 82, 144, 215, 243, 280, 421, 433
Армянский, а. 273
Арпачай, р. 26, 287, 294
Архангельское, сел. 449
Арчи, сел. 156
Арчуки, сел. 147
Асландуз 29
Астраханская губ. 33, 312
Астраханская обл. 13
Астрахань, г. 10, 76, 83, 84
Атажукино-I (Залоково) 340
Атажукино-II (Кызбурун-I) 340
Атажукино-III 482
Атаманская, ст. 556
Атлыбоюн, сел. 435
атлыбоюнцы 435
Аустерлиц 25
Аух 196, 289
Ауховские горы 144
ауховцы (восточные аккинцы) 114
Афганистан 25, 133
Афон, гора 176
Африка 133
Ахалкалаки, креп. 27, 29, 188
Ахалцих, креп. 17, 47, 48, 186, 188
Ахалцихский у. 209
Ахалчи, укр. 150, 155
Ахатль, сел. 435
Ахлово, сел. (Нижний Курп) 340, 435, 462
Ахметовская, ст. 214
Ахтинское сельское общество 51
Ахтов, сел. 564
Ахты, сел. 65, 78, 85, 104, 151, 339, 345, 361, 516
Ахты-Пара, союз сельских обществ 104
Ахульго, креп. 114, 147
Ахульго Новый, креп. 147
Ачалоевское сельское старшинство 436
Ачалуки Средние, сел. 331
Аше, р. 62
Ашильта, сел. 146
Бабуковский, а. (ныне ст. Бабуковская) 58
Баговская, ст. 214
баговцы 55
Базоркино, сел. 341, 482
Бакинская губ. 312, 327, 547
Бакинское ханство 30
Баксан, р. 55, 56, 271
Баксан, сел. 461, 498
Баксанепок *см.* Каспево
Баксанский участок 307, 331

Баксанское (Урусбиевское) сельское общество 115, 490
Баксанское ущ. 307, 331
баксанцы 115
Баку, г., креп. 15, 20, 24, 25, 43, 78, 347, 365, 400, 407, 408, 418, 420, 428, 435, 461, 552, 555, 566
Баладжары 433
Балаханы, укр. 150
Балканы (Балканский п-ов) 26, 30, 31, 46–48, 184, 197, 285–287, 293, 297, 350
балканские народы 285–287, 295, 296
Балкария 27, 34, 61, 66, 71, 84, 93–95, 98, 110, 111, 115, 119, 161, 163, 183, 233, 258, 272–275, 281, 304, 306, 313, 314, 322, 324, 330, 331, 340, 341, 343, 345, 353, 354, 363, 377, 378, 380, 384, 386, 387, 395, 416, 421, 422, 426, 461, 472, 475, 477, 482, 492, 505, 506, 508, 510, 511, 515, 518, 527, 529, 531, 543–545, 562, 563
Балкарское сельское общество 115, 272, 274, 490
Балкарское сельское общество верхнее 414
Балкарское сельское общество нижнее 114
балкарцы 55, 58, 61, 82, 99, 101–103, 106, 109, 115, 161, 191, 192, 212, 226, 229, 231, 232, 235, 243, 244, 324, 356, 363, 377, 387, 450, 476, 498, 505, 506, 508, 509, 511, 520, 521, 525, 527
Балта, сел. 21, 94
Балтийское море 184, 216
Балхар, а. 70, 72, 314
Баматулинское бейликство (удел) 112
баракаевцы 55
Батайск, г. 314, 444
Батакоюрт, сел. 418, 436
Баталпашинская застава, ст., г. (ныне Черкесск, г.) 58, 82, 88, 280, 342, 432, 495, 498
Баталпашинский отдел (Кубанская обл.) 268, 305, 307, 316, 329, 341, 388, 434, 511, 514, 517, 565
Баталпашинский у. 280, 330, 460
Батлаичи 374
Батум (Батуми), г. 185, 188, 209, 287, 295
Баш-Кадыкляр, сел. 186
башилбаевцы 55
Башлы, сел. 36
Баязет (Баязид), креп. 185, 190, 287
Бегли-Ахмет, сел. 294
Безенгиевское сельское общество 115
Безенгиевское, ущ. *см.* Безенгийское, ущ.
безингиевцы 8, 115
Безенгийское (Безенгиевское), ущ. 163, 260
Безопасное, сел. 285
Белая, р. 55, 214, 280
Белая Глина, сел. (Кубанская обл.) 416, 460
Белоглинское, сел. (Ставропольская губ.) 556
Белореченская, ст. 214
Беной, сел. 259
Берлин, г. 285
Беслан, станц. 413, 447–449
Бесленеевское влад. 117
бесленеевцы 55, 100, 207
Бессарабия 29, 192
Бесскорбная, ст. 481
Бехти, сел. 156
бжедухи 55, 100, 169, 207
Бжедуховская, ст. 215
Бжедуховское влад. 117
Биберовский, а. 340
Бильгади, сел. 415
Благовещенская, ст. 214
Благодарненский, у. 460
Благодатное, сел. 449, 460
Богнода, сел. 196
Богословское, сел. 481
Богочароевское сельское старшинство 436
Болгария 287, 292, 295–298
Болгария Южная *см.* Румелия Восточная
болгары 285, 293, 387
Болотоков, а. 273
Большое Казанище, сел. 143
Босния 285
Босфор, прол. 16, 48, 132, 134, 135
Ботлих, сел., укр. 71, 85, 259, 339, 564
ботлихцы (буюходы) 56
Брагуны, сел. 74
Буг, р. 14
Буденновск *см.* Святой Крест
Буйнакск *см.* Темир-Хан-Шура
Буйнакский союз сельских обществ 20
Буйнакское бейликство (удел) 112
Бургимак-махи, сел. 97
Бурная, креп. 36, 84, 85, 143
Бутри, сел. 243
Бухарест, креп. 29, 51
буюходы *см.* ботлихцы

Валахия 48, 135, 184
Валерик, р. 148
Вардане, окр. 62, 63, 64
Варениковская, ст. 214
Варна, г. 46, 187, 208
Варшава, г. 181, 253
Васюринская, ст. 422
Ведено, сел., укр. 152, 154, 158, 196, 197, 361, 405, 461, 467
Веденский окр. 280, 281, 286, 289, 420, 435, 441, 449, 456, 461, 465, 466, 467, 565
Великент, сел. 435
Великобритания (Англия) 5, 13, 14, 17, 19, 22, 23, 25–27, 29, 32, 46, 54, 117, 132–135, 140, 168, 180, 181, 184–187, 191–194, 197–199, 201, 202, 204, 216, 244, 285, 286–288, 295, 297
Вельяминовское, укр. 85, 168, 180
Венгрия 64
Вепсне, р. 117
Верхнеабадзехская, ст. 214
Верхнебаканская, ст. 316, 334
Верхнекубанское приставство 267

Верхний Наур, сел. 467
Веселая, ст. 556
Владивосток, г. 378
Владикавказ, креп., г. (ныне Орджоникидзе) 12, 24, 34, 76, 94, 144, 190, 213, 222, 252, 263, 316–318, 339–341, 344, 346, 355, 363, 365, 407, 408, 414, 420–425, 428, 432, 435, 438, 440–442, 447, 448, 450, 453, 456–459, 462–466, 473, 479, 483, 486, 495–502, 514–516, 527, 530, 547, 549, 550, 554, 555, 557, 558, 565
Владикавказская епархия 452
Владикавказская равнина 56
Владикавказский окр. *см.* также Осетинский окр. 167, 280, 286, 231, 380, 405, 414, 415, 435, 436, 449, 450, 472, 559, 565
Владимирская, ст. 416
Внезапная, креп. 36, 79, 84, 144
Военно-Грузинская дорога 12, 19, 21, 24, 28, 40, 167, 192, 207
Воздвиженская, креп., слобода 405, 461
Войско Донское *см.* Область Войска Донского
Волга, р. 11, 124, 352, 539
Волгоград *см.* Царицын
Вологодская губ. 462
Воронежская губ. 215, 249
Воронцовская *см.* Михельталь
Восток 10, 11, 16, 17, 31, 47, 48, 157, 161, 180, 297, 349, 373
Восток Ближний 26, 133, 135, 140, 180, 295, 297
Восток Дальний 378, 421, 422, 455, 521
Восток Средний 133
Восточно-Армавирский р-н 545
Вулна, р. 84
Выселки, ст. 556
Высокая Порта *см.* Османская империя

Гагатль, сел. 71, 74, 315
Гагры, г. 48, 445
Гагулати Искатицух, местн. 421
Гайпайкент, сел. 415, 435
Галашки, а. 418
Ганджа 15, 22, 42
Ганджинское ханство (Елизаветпольская провинция) 22, 29, 32, 42
Гандюко 421
Гантафу 421
Геленджик, укр., креп., г. 84, 180, 186, 194, 216, 316, 483, 486, 550, 551, 556, 557, 562, 563
Гельсингфорс, г. 14
Генджух 310
Генольдон, р. 114
Георгиевск, креп., г. (позднее – станица) 13, 21, 40, 83, 85, 252, 319, 447, 448, 451, 452, 459, 460. 464, 494
Георгиевский окр. *см.* также Кабардинский окр. 280
Георгиевский пост 289
Георгиевский, у. 33, 59, 69
Гергебиль, укр. 150, 151, 289
Герзель-аул 36
Германия 184, 215, 285, 309
Герменчик, сел. 435
Герцеговина 285
Гехи, сел. 522
Гехичу, сел. 350
Гиагинская, ст. 214, 411, 454
Гидатлинское наибство 305
Гидатль, сел. 150, 159
Гизель, сел. 414, 482, 515, 362
Гизельдон, р. 114
Гизельское сельское общество 414
Гимринский магал 104
Гимры, сел., а. 143–146, 449
Главный Кавказский хребет (Кавказский хребет) 44, 56, 215, 218, 365
Голландия 309
Головинский форт 180
Головинское, укр. 85
Гонода, сел. 156
Горный Дубняк 292
Горский участок 266
Горячеводская, ст. 481
Горячие Воды *см.* Пятигорск
Гостагаевская, ст., укр. 185, 214
Гоцатль, укр., сел. 70, 75, 144, 150, 155
Гоцо, сел. 75
Градешти 292
Гребенчук, сел. 36
греки 45, 46, 56, 215, 351
Греция 45, 46, 47, 48
Грозный, креп., станц., г. 36, 74, 75, 84, 144, 145, 263, 312, 315, 317, 319, 335, 339, 355, 358, 399–401, 403, 405, 407, 408, 413, 418, 424–428, 430–434, 441, 442, 447, 448, 452, 453, 455, 456, 458, 459, 462, 464–466, 470, 479, 480, 483, 485–488, 495, 496, 502, 516, 540–542, 547, 549, 550, 552, 553, 555, 557, 558, 562, 567, 568
Грозненские нефтяные промыслы 420, 459, 466, 484, 551
Грозненский нефтепромышл. р-н 399, 459, 486, 546, 555
Грозненский округ 280, 281, 286, 435, 441, 449, 565
Грозненский р-н 315, 399, 400, 403, 541, 567
Грузинская губ. 18
Грузинская, ст. 215
Грузинская ССР 12
Грузинское царство 12, 15, 17
грузины 9, 12, 14, 27, 38, 43, 47, 48, 56, 58, 172, 192, 319
Грузия 5, 12, 13, 15–22, 24–26, 29, 32, 33, 42, 45, 49, 51, 53, 77, 182–186, 188, 189, 194, 219, 238, 286, 367, 368, 533, 539
Грузия Восточная 53
Грузия Западная 188, 190, 191
Грузия Южная 296
Грушевская, ст. 213
Губденская сельская община 97
Гудермес, станц., сел. 452, 462, 482
Гулькевичи, станц. 313, 480, 563
Гумбет, сел. 147, 339
Гумбетовский союз сельских общин 143
гумбетовцы 143, 144, 259
Гуниб, креп. 196, 290

Гунибский окр. 279, 280, 289, 313, 314, 461
гуноевцы 90
Гурийская кордонная линия 209
Гурия 26, 29, 31, 45, 51, 185, 189
Гюлистан 29

Дагестан 9, 10, 15, 19–22, 24, 25, 28, 29, 34–38, 40, 42–45, 49, 50, 53, 56, 58, 61, 62, 64–66, 70, 71, 74–78, 83–85, 89, 91–99, 102, 103, 106, 110–114, 118–120, 129, 131, 136–148, 150, 151, 153, 156, 158, 161, 163, 167, 176, 177, 181–183, 187, 188, 192–196, 200, 201, 223, 224, 226, 230, 231, 233–238, 241–244, 246, 248, 254–256, 258, 259, 275, 278, 279, 280–283, 286, 288–290, 294, 297, 300, 301, 304–311, 313–318, 324, 325, 327, 330, 338, 339, 341–345, 350, 356, 358, 360, 361, 365, 370, 372, 373, 375, 377, 380, 381, 384, 385, 388, 390, 392, 393, 395, 396, 402, 405–407, 414–416, 418, 420, 422, 426, 428, 431, 435, 437, 446, 447, 449, 451, 452, 458, 460, 464–466, 468, 469, 472, 475, 477, 479, 481–483, 486, 489–492, 495–499, 503–505, 507–511, 513–516, 518, 521–523, 525–531, 538, 540, 543, 544, 545, 548, 555, 562, 567, 568
Дагестан Верхний 278, 279
Дагестан Западный 56, 289
Дагестан нагорный 6, 85, 88, 98, 104, 120, 140, 143, 145–147, 506
Дагестан приморский 64
Дагестан равнинный 143, 150, 310
Дагестан Северный 15, 56, 64, 71, 85, 143, 255, 278, 279, 361
Дагестан Средний 255, 278, 279
Дагестан Центральный 289, 318
Дагестан Южный 51, 56, 66, 70, 71, 83, 113, 143, 147, 243, 278, 279, 289, 290, 310
Дагестанская обл. 258, 259, 278–280, 282, 300, 306, 308, 312, 315, 328, 338–340, 343, 344, 393, 395, 405, 418, 463, 476, 478, 498, 511, 514, 517, 526, 537, 538, 541, 552
Дагестанская, ст. 215
дагестанцы 28, 36, 103, 109, 179, 193, 196, 226, 230, 234, 235, 238, 242–244, 248, 255, 280, 289, 293, 294, 306, 327, 330, 348, 356, 358, 361, 380, 381, 461, 464, 476, 509, 526, 529, 546
Даллагкау, сел. 418
Далинский пер. 421
Дальний Дубняк 292
Дарваг, сел. 415, 435
Даргинский окр. 114, 280, 289, 290, 314
Даргинский у. 300
Даргиния 104
даргинцы 55, 56, 71, 153, 248, 327, 361, 362, 385, 506, 526
Дарг-Кох, сел. 435, 447, 462, 559
Дарго, сел. 150, 151, 152, 154
Дарданеллы, прол. 16, 132, 135
Дариал (Дарьял), укр. 21
Дарьяльское ущ. 24
Даховская, ст. 214
Дашковский *см.* Докшукохабль
Деве-Бойну 294
Дегом, сел. 119
Дели-Сула 292
Дербент 10, 15, 24, 25, 56, 64, 67, 71, 75, 76, 83, 84, 86, 112, 144, 148, 222, 241, 242, 243, 246, 247, 252, 253, 256, 258, 279, 282, 290, 308, 309, 338, 340, 341, 345, 346, 361, 411, 418, 427, 433–435, 440, 447–449, 456, 495, 496, 498, 513, 515, 526, 550, 562, 564
Дербентская губ. 114
Дербентская провинция 112
Дербентский р-н 308
Дербентский у. 65, 66, 75
Дербентское градоначальство 278, 279
Дербентское ханство 30, 112
Дербентское шамхальство 96
Дербетовка 329
Дердери, сел. 293
Дешлагар, сл. (ныне Сергокала) 85, 248, 339, 340, 345, 364
Дешлагар, урочище 452, 464
Джаванкент 415
Джалка, р. 195
Джаник 210
Джар, сел. 24, 143
Джаро-Белоканские «вольные общества» 53, 54
джарцы 12, 42, 53
Джаулсоевское сельское общество 159
Джегутинский, а. 268
Джейрах, сел. 482
Джемикент, сел. 435
дженгутаевцы 349
Дженгутай, сел. 36, 150, 435
Дженгутай Нижний, сел. 339
Джилан, урочище 56
Джули, а. 72
Дигора, г. *см.* Христиановское, сел.
Дигория *см.* Осетия Западная
Дигорское сельское общество 56, 115, 120
Дигорское ущ. 119
дигорцы 28, 269
дидойцы *см.* цезы
Днестр, р. 14
Доба, р. 84
Докузпара, союз сельских обществ 114
Докузпаринское сельское общество 51
Докшукино, сел. 264
Докшоково, сел. 450, 460
Докшукохабль (пос. Дашковский) 261
«Долина нарзанов» *см.* Хасаутские Нарзаны
Дон, р. 11, 13, 124, 250, 269, 317, 327, 335, 352
Дон, геогр. р-н (Донская обл.) 130, 312, 387, 398, 425, 430, 433, 469, 492, 560, 568
Донбасс 546
Донифарское сельское общество 115
Донское казачье войско *см.* Область Войска Донского
Донское, сел. 556
Дударуковский, а. 340

Дунай, р. 14, 26, 28, 45, 47, 184, 186, 287, 292
Дунайские княжества 12, 13, 25, 30, 47, 185
Дур-Дур, сел. 414, 415
Дурноселовка, сел. 332

Евпатория 192
еврей 174
евреи горские 55, 56, 267, 361, 381
Европа 10, 16, 17, 22, 23, 25, 26, 30–32, 41, 48, 92, 132, 177
Европа Западная 10, 15–18, 30, 33, 47, 131, 133, 135, 373
Егерукаевская, ст. 214
егерукаевцы 55, 100, 207
Египет 38, 131, 132, 135, 180, 209
Ейск, г. 14, 77, 86, 215, 252, 280, 318, 388, 407, 419, 432, 449, 456, 458, 483, 550, 556, 558
Ейский отд. (Кубанская обл.) 564
Ейский у. 280
Екатериновская, ст. 564
Екатериноград, г. (позднее ст. Екатериноградская) 85, 452
Екатеринодар, г. (ныне Краснодар) 14, 34, 69, 82, 85, 86, 252, 280, 285, 317, 318, 346, 355, 397, 407–409, 411, 413, 414, 418, 422–424, 428, 430–432, 438, 440–443, 448, 453–455, 458, 459, 465, 466, 473, 479, 480, 483–488, 494, 495, 498, 503, 516, 547, 549, 550, 552–557
Екатеринодарский отдел (Кубанская обл.) 268, 454, 517, 564
Екатеринодарский у. 280
Екатеринославская губ. 249, 327
Елизаветинская (Елизаветская), ст. 206
Елисаветполь, г. (ныне Кировабад) 24, 42, 43
Елисаветпольская провинция *см.* Ганджинское ханство
Елисаветпольский окр. 22
Елисуйское султанство 114
Ереван (Эривань), г. 22–24, 44
Ессентуки, г. 252
Ессентукская, ст. (позднее г. Ессентуки) 58, 86, 252, 447, 451, 494, 495, 564

Жанеевцы 55, 100
Железная гора 86
Железноводская, ст. (позднее г. Железноводск) 86, 252, 494, 495
Жуковское, сел. 556

Заволжье Юго-Восточное 299
Закавказье (Закавказский край) 5, 8–12, 14–16, 18, 22, 23, 26, 30, 31, 40, 41, 45–49, 51, 53, 77, 78, 84, 137, 172, 182, 186, 190–193, 195, 219, 220, 243, 255, 256, 261, 278, 288, 293, 296, 297, 327, 367, 391, 414, 421, 498, 499, 507, 566
Закавказье Восточное 19, 31
Закавказье Юго-Западное 27
Закаталы. сел. 142, 143
Закаталы Новые, креп., сел., 143
Закатальский окр. 465, 478
Закубанский край (Закубанье) 29, 35, 38, 41, 45, 49, 58, 66, 127, 150, 168, 170, 172, 187, 188, 205, 207, 212–214, 223, 244, 268
закубанцы 148, 198, 207, 244
Залоково *см.* Атажукино I
Заманкул, сел. 418, 559
Запад 13, 14, 157, 184, 199, 395, 539
Зеленчук, р. 55, 58, 215, 280
Зеленчукский окр. 261, 268, 276, 277, 280
Зидьян, сел. 415
Зилахар (площадка для проведения народных собраний) 119
Зиури, сел. 156
Злобный Стан, укр. 84
Змейская, ст. 418
Золка, р. 263
Зольские пастбища 490
Зрутское сельское общество 415

Ивановское, сел. 481
Игали, а. 146
Иерусалим, г. 176
Известный Брод, застава 80, 84
Измаил, креп. 14
Изобильное, сел. 556
Иланхеви, союз сельских обществ 25
Илисуйское султанство 44
Иль, р. 214
Ильская, ст. 215, 399, 409
Ильское ущ. 74
имамат Шамиля 152, 196
Имеретия 12, 22, 26, 29, 31, 45, 185
Ингушетия 53, 78, 94, 96, 103, 161, 222, 223, 233, 258, 259, 265, 266, 269, 274, 275, 297, 304, 314, 329, 330, 343, 356, 362, 395, 405, 418, 437, 449, 502, 505, 508, 511, 514, 517, 531
ингуши 28, 55–57, 76, 99, 102, 109, 161, 222, 227, 231, 234, 235, 255, 280, 292, 324, 348, 349, 362, 363, 372, 373, 381, 436, 437, 450, 451, 458, 476, 496, 509, 517, 526, 527, 530, 546
Ингушский окр. 266, 276, 278
Индия 13, 19, 25, 29, 32, 133, 134, 180, 193, 198
Индия Британская 133, 180
Индыш, р. 401
Инкау 421
Иордания 209
Иран 5, 9–13, 15–33, 36–38, 40–45, 48, 49–51, 54, 56, 132–134, 140, 185, 192, 193, 219, 220, 226, 246, 314, 316, 370
Ирганай, а. 146, 147
Ириб 196
испанцы 220
Испик, а. 72
Италия 17, 285, 496
Ичкеринский окр. 259, 266, 278
ичкеринцы 114
Ичкерия (юго-восточная часть Чечни) 71, 146, 147, 190, 259, 260, 289
Ишкарты, сел. 85, 148, 339, 435

Каба-Дарго, союз сельских обществ 113
Кабарда 12–14, 22, 26, 27, 34, 35, 63, 65, 66, 71, 78, 84, 88, 93, 94, 96, 97, 102, 106, 110, 111, 115–117, 143, 151, 161, 163, 166–169, 183, 185, 205, 207, 211, 215, 219, 245, 258, 260–265, 270, 272–275, 281, 294, 304, 306, 307, 313–315, 324, 330, 335, 340, 341, 343, 345, 353, 356, 363, 371, 372, 377, 380, 386–388, 402, 405, 406, 420, 422, 426, 435, 451, 461, 472, 475, 477, 490, 492, 506, 508, 510, 511, 514, 515, 518, 528, 529, 531, 543–545, 560, 562, 563
Кабарда Большая 56, 115, 116, 162, 163, 205, 260, 269
Кабарда Малая 56, 95, 102, 115, 116, 167, 207, 269, 405, 462
Кабардино-Балкарская АССР 50, 51, 52, 402, 426, 464, 492, 537, 538, 567, 568
Кабардинская линия 162, 163
Кабардинский окр. (позднее – Георгиевский окр.) 269, 272, 274–276, 278, 280
Кабардинское укр. 84, 180
кабардинцы 9, 13, 14, 22, 27, 31, 34, 35, 55, 56, 61, 80, 82, 87, 88, 100–102, 105, 107, 116, 117, 129, 148, 161, 167, 174, 192, 205, 207, 208, 211, 229, 230, 234, 248, 263, 270, 293, 294, 327, 335, 348, 349, 377, 385, 422, 451, 458, 476, 469, 498, 509, 511, 515, 521, 527
Кавказ 5, 6, 10–26, 28–34, 37–41, 43, 45, 46, 48–50, 52, 53, 56, 64, 65, 68, 69, 71, 77, 79, 82, 84, 85, 91, 92, 94, 113, 116, 118, 129, 131, 132, 134, 136–142, 147, 150, 151, 167, 168, 172–181, 183–198, 200, 203, 204, 206–208, 210–217, 219–221, 223, 233, 237–244, 246–250, 252–256, 258–262, 265, 266, 270, 271, 275, 280, 286–289, 290, 296, 297, 299, 300, 302, 310, 313, 314, 321, 324, 330, 333, 337, 339, 343, 347, 349, 351, 353, 357–359, 363–365, 368, 371, 374, 380, 381, 383, 384, 389, 391, 392, 403, 404, 406, 418, 421, 425, 428, 430, 433, 437, 449, 451, 455, 457, 459, 462, 463, 469–471, 473, 475, 493, 496, 503, 514, 525, 530, 533, 534, 538–540
Кавказ Восточный 10, 17, 20, 22, 61, 79, 223, 243, 246, 361, 497
Кавказ Западный 16, 26, 60, 189, 191, 217, 223, 243
Кавказ Северный 5, 6, 9–13, 21, 22, 26–34, 37–39, 45–47, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 58–60, 62, 65–68, 70, 71, 73–76, 78–80, 82–85, 87–89, 93–99, 105, 106, 109–112, 115, 117, 119, 121–123, 127, 129, 131, 132, 134, 136, 137, 140–142, 147, 149, 150, 161, 163, 166, 167, 172, 174, 179, 184, 185, 188, 190, 192–194, 197, 198, 202–204, 207, 211–213, 219, 221–240, 242–250, 252–255, 257, 258, 260–262, 268–270, 274–278, 280, 281, 283–288, 290, 291, 293, 294, 296, 299–308, 310–323, 326–330, 332–334, 336–338, 340–355, 357–371, 373, 374, 378, 380, 383–393, 395–402, 404–411, 414, 416–428, 430, 432–434, 436, 437, 440, 442–444, 447, 448, 451–453, 455–459, 464–469, 471, 473–476, 478–489, 491–500, 502, 503, 505–521, 523–525, 527–569
Кавказ Северо-Восточный 19–21, 24, 28, 52, 56, 63, 64, 67, 78, 84, 98, 135–142, 146, 157, 158, 178, 180, 182, 194, 195, 217, 288, 358, 359
Кавказ Северо-Западный 45, 46, 50, 55, 74, 78, 83, 117, 131–134, 136, 150, 169, 180, 181, 187, 190, 197, 198, 200–202, 208, 212–217, 223, 226, 268
Кавказ Центральный 78, 96, 119, 223, 226, 497
Кавказ Южный 185
Кавказская губ. 21, 33, 60, 68, 69, 70
Кавказская линия 16, 18, 21, 22, 26, 27, 31, 33–35, 51, 58, 67, 79, 82, 83, 110, 111, 114, 122, 124, 127, 134, 150, 162, 167, 169, 205, 212, 245, 249, 250, 262, 278
Кавказская обл. 13, 59, 76, 80, 89, 122, 123, 167
Кавказская, ст., станц. 313, 407, 411, 419, 433, 444, 447, 448, 453, 466, 480, 494, 550
Кавказские горы 35
Кавказские Минеральные Воды 85, 86, 91, 252, 307, 365, 381, 390, 419, 494, 495
Кавказский край 213, 255, 405, 538
Кавказский коннозаводской окр. 390
Кавказский военный округ 441, 545
Кавказский учебный окр. 345, 512, 513, 514, 538
Кавказский отд. (Кубанская обл.) 411, 460
Кавказский хребет 12, 15, 18, 32–34, 53, 55, 170, 185, 192, 243, 267
Кавказский хр. Главный *см.* Главный Кавказский хр.
Кавказское наместничество 13, 278
Кавказское побережье Черного моря 19, 185, 186, 192, 199
Кадгарон, сел. 264, 456
казаки (казачество, казачье население) 11, 13, 14, 31, 33, 35, 49, 58, 59, 67, 68, 70, 86, 88–90, 111, 123–127, 202, 213, 214, 221, 223, 249, 251, 252, 267, 271, 278, 283, 284, 291, 296, 300–302, 313, 320, 323, 329–332, 351, 352, 354, 364, 383
казаки волжские 249
казаки гребенские, гребенцы 11, 89, 90, 250, 260, 358
казаки донские 14, 213, 250
казаки донские (верховские) 250
казаки донские (хоперские) 124, 214
казаки запорожские, запорожцы 124, 250
казаки кубанские 90, 250, 251, 267, 303, 305, 323, 351, 381
казаки приазовские 58
казаки русские 31, 90, 212, 215, 346, 357
казаки сунженские 256
казаки терские 67, 90, 250, 251, 256, 323, 351, 364, 380, 381

казаки терско-гребенские 91, 250
казаки украинские 90, 249
казаки уральские 221
казаки хоперские, хоперцы 214
казаки черноморские 14, 58, 59, 90, 92, 124, 130, 202, 236
Казанище, сел. 70, 71, 150
Казанищенское бейликство (удел) 112
Казань, г. 527
Казбеги 28
Казикумух, сел. 28, 36, 40, 42, 43, 113, 150, 243, 317, 318, 516
Казикумухский окр. 278, 280, 289, 290, 314, 339
Казикумухское Койсу, р. 63,
Казикумухское ханство 94, 112, 113
Казикумухское шамхальство 96
казикумухцы 146, 327, 516
Казпл-Тапа, высота 294
Каир, г. 200
Кайсын-Анзорово, сел. *см.* Анзорово-Кайсын, сел.
Кайтаг 56, 64, 93, 96, 136, 150, 290
Кайтаг Верхний 104, 121
кайтаги 56
Кайтаго-Табасаран 151
Кайтаго-Табасаранский окр. (Дагестанская обл.) 76, 259, 279, 280, 289, 309, 310, 322, 325, 415, 420, 435, 461
Кайтагское уцмийство 37, 75, 113
кайтагцы 356
Каладжинская, ст. 214
калмыки 56, 68, 89, 278
Кама, р. 539
Камбилеевка, р. 56
Каменномостский, а. 268
Каневская, ст. 556
Канеловская, ст. 213
Капучи, союз сельских обществ 196
капучины 56
Карабаг 15
Карабахское ханство 20, 24, 29, 32, 43
Карабудахкент, сел. 84, 111, 112, 339
Карабудахкентское бейликство (удел) 112
карабулаки 55, 56
Карабулакская, ст. 452
Каракайтаг 15
кара-кайтаги 56
Кара-Койсу, р. 56
Каралал, военный окр. (Аварское ханство) 113
Кара-Лом, р. 292, 293
Кара-ногайское приставство 560
кара-ногайцы 243, 246
Карасуйский лес 490
Карата, а. 158, 196
Карачаево-Черкесия 53, 380
Карачаевское лесничество 449
карачаевцы 34, 47, 48, 54, 55, 58, 61, 80, 99, 101–103, 107–109, 191, 192, 207, 212, 226, 231, 232, 235, 243, 244, 268, 324, 325, 327, 348, 356, 363, 385, 387, 391, 476, 496, 505, 506, 508, 509, 512, 520–522, 525
Карачай 53–55, 66, 71, 75, 93, 94, 96, 98, 103, 110, 115, 119, 161, 166, 185, 215, 223, 243, 253, 258, 273, 304, 306, 307, 311, 314, 316, 332, 337, 341, 343, 353, 354, 380, 384, 391, 392, 394, 395, 401, 416, 422, 426, 434, 436, 468, 477, 482, 491, 503, 505, 506, 508, 510–514, 517–519, 528, 529, 531, 542–544, 550, 567
Кардах, укр. 85
Кармол, сел. 461
Карс, креп. 47, 185, 190, 192, 287, 288, 294, 295, 350, 463, 464
Карский пашалык 206
Картли 12
Карчаг, сел. 75
Каспево, сел. (сел. Баксаненок) 340
Каспийское море 10, 13, 15, 19, 20, 44, 48, 49, 56, 67, 70, 83, 86
Каспийское побережье 9, 192
Касумкент, сел. 339
Катальский окр. 342
Катарюрт, сел. 522
Катех, сел. 143
катукаевцы 100
Кафиркумух, сел. 339, 435
Кахабирский санджак 209
Кахаб-Росо, сел. 374, 522
Кахановская, ст. 452
Кахетия 12, 28, 44, 51, 53, 76, 194
Кацелево, сел. 292
Качкалыковское наибство 265
качкалыковцы 114
Каякент, сел. 339
Кванхидатль, сел. 75
Келермесская, ст. 214, 215, 454
Кери 358
Керлан-Бассе, «казенная поляна» 436
Керченский прол. 190
Керчь 12, 190–192, 205, 253
Кид, военный окр. (Аварское ханство) 113
Киди, сел. 156
Кидиб, сел. 150
Киев, г. 168, 527, 552
Киевское, сел. 491
Кизилюрт, креп. 85
Кизляр, креп., г. 22, 25, 56, 62, 64, 75, 76, 84, 85, 144, 222, 252, 308, 358, 418, 421, 502, 564
Кизляро-Моздокский окр. 59
Кизлярский окр. 280, 308, 385, 387
Кизлярский отд. (Терская обл.) 314
Кизлярский р-н 308
Кизлярский у. 59, 69, 70, 76
Кикуни, а. 289
Киль, военный окр. (Аварское ханство) 113
Кимахи, сел. 156
Кинбурн, г. 192
Кипр, о. 209
Кировабад *см.* Елизаветполь
Кисловодск, укр., креп., ст., г. 22, 27, 58, 86, 111, 252, 310, 313, 447, 452, 459, 494, 503, 515, 549, 550, 564
Кистинское ущ. 28
Ккель, р. 117
Кобулети 189
Ковалев, хут. 411
Коголкино, дер. (Урух) 163, 340

Козлов, г. 398
Койсу, р. 37
Койсубула (Койсубулу), сел. 147
Койсубулинский союз сельских обществ 143, 145
койсубулинцы 143, 144, 174
Коново, сел. 461
Константиновское, сел. 460
Константиногорск, креп. *см.* Пятигорск, г.
Константинополь, г. 38, 39, 47, 48, 53, 78, 132–135, 180, 181, 189, 193–196, 198–200, 206, 208, 210, 216, 286
Констанца, г. 292
Коратинское сельское общество 51
Костек, сел. 339
Костековская, дер. 94
Костековский союз сельских обществ 20
Костековское влад. 112
Кострома, г. 52
Кошанское сельское общество 113
Красная поляна, сел. 329, 556
Краснодар, г. *см.* Екатеринодар, г.
Кременчуг, г. 41
Кропоткин *см.* Романовский Хутор
Круглолесская, ст., сел. 213, 481
Крым 12, 13, 64, 69, 184, 186–192, 539
Крымская, ст. 550
Крымское ханство 9, 12, 49
Ксурт, а. 456
Куба, о. 65
Куба, сел., г. 25, 40, 43, 77, 78, 114, 147, 246
Кубано-Черноморье 420, 543, 556
Кубанская линия 188
Кубанская равнина 55
Кубанская, ст. 215
Кубанский край 567
Кубань, геогр. р-н (Кубанская обл.) 41, 74, 91, 129, 186, 202, 205, 206, 258, 260, 261, 264, 267–269, 273, 275–278, 280, 281, 285, 297, 299–305, 307, 308, 310, 312, 315, 316, 320, 321, 324, 326, 328, 330–332, 335, 342, 352, 363, 384–397, 402–407, 409, 411–413, 416, 418, 422, 428, 430, 431, 434, 441, 449, 451, 452, 454, 456, 460, 466, 468–470, 472, 474–479, 481, 483, 486–488, 491, 492, 495, 497, 510, 515, 517, 531–534, 536, 537, 541–546, 548, 550–561, 563, 564, 567
Кубань, р. 12–14, 16, 31, 34, 35, 46–48, 55, 58, 60, 74, 117, 168, 180, 185, 190, 194, 201, 206, 243, 244, 249–251, 253, 268, 280, 318, 323, 351, 363, 409, 411, 432
Кубачи, сел. 70, 71, 74, 88, 314, 375
кубачинцы 56, 71, 74, 91, 509
Кубинская провинция 112
Кубинский у. 114, 309
Кубинское ханство 20, 29, 30
Кувал, военный окр. (Аварское ханство) 113
Кугульта, сел. 460, 556
Кудепста, р. 62
Куламское сельское общество 115
Кулд, сел. 74
Кульм, сел. 32
Кума, р. 56, 60, 117, 260, 268, 280
Кумская равнина 55
Кумторкала, сел. 84, 435
Кумух, укр., сел. 70, 71, 78, 85, 339, 345, 348, 350, 376
кумыки 55, 56, 76, 88, 99, 129, 144, 153, 174, 227, 230, 232, 243, 244, 246, 255, 276, 293, 348, 349, 356, 385, 505, 506
Кумыкия 64, 96, 103
Кумыкия Засулакская 66, 76, 93, 112, 278
Кумыкская плоскость 94
Кумыкский окр. (позднее Хасавюртовский окр.) 265–267, 275, 276, 278, 280, 286
Куппа, сел. 145
куратинцы 269
Курах, сел. 78, 159
Курахское сельское общество 113
Куржинская, ст. 215
Курская губ. 59, 249
Куртатинское сельское общество 56, 96, 115, 264
Куртатинское ущ. 408, 415, 416
Кусары, сел. 248
Кутаиси, г. 188
Кутаисская губ. 461
Кутиша, сел. 151
Кутур-Кюре, союз сельских обществ 104
Кучмазукино, сел. 339, 340
Кучур, сел. 156
Кызбурун I *см.* Атажукино II
кызылбековцы 55
Кюра-Казикумухское ханство 113
Кюринская плоскость 113
Кюринский окр. 76, 280, 322, 325
Кюринское ханство 28, 66, 95, 112, 113, 258, 279
кюринцы 327
Кюрук-дар, сел. 188
Кяхулай, сел. 435

Лаба, р. 13, 14, 55, 58, 60, 247, 280
Лабинская (Лабинск), ст. 319, 339, 454, 496, 550
Лабинский окр. 273, 276, 277, 280
Лабинский отд. 434, 460, 481
Ладовая Балка, сел. 556
Лазаревский форт 180
Лазаревское, укр. 85, 168
лакцы, лаки 55, 56, 153, 227, 228, 234, 255, 295, 348, 354, 360, 375, 385, 504, 508, 509, 526
лакцы-цовкринцы 356
Ландунгау 421
Ларс, сел., станц. 94, 161
Левант 38
Леваши, сел. 339
Лезгинская линия 190
лезгинцы 55, 56, 76, 78, 153, 174, 229, 240, 255, 279, 360, 376, 385
Ленкорань, г. 19, 43
Лескен, сел. 340, 435
Лескенское военное пос. 162
Летницкое, сел. 556
Ливан 209
Литвинов, хут. 481

Ловечи, г. 292
Ловтия 292
Лондон, г. 50, 198–200, 244, 286
Ляоян 421

Магометановское, сел. (ныне с. Чикола) 421, 450, 456
Маджалис, сел. 339
Маджар, сел. 449
Мадзаска (площадка в Дигорском ущ. для проведения народных собраний) 119
Майкоп, г. 280, 316, 319, 339, 400, 407, 411, 419, 420, 427, 453, 458, 466, 480, 483, 486, 488, 496, 498, 515, 549, 550, 552, 555, 563
Майкопский отд. (Кубанская обл.) 268, 416, 419, 434, 454, 517, 565
Майкопский р-н 542, 543
Майкопский у. 280, 331
Макажой, сел. 465
Малка, р. 27, 56, 351, 365
Малороссийская, ст. 313
Малороссия 89
Малые Ягуры, сел. 285
Малые Янги, высоты 294
Мамисон, р. 115
мамхеги, мамхеговцы 100
Мангышлак, п-ов 56
Мансуровский, а. 340
Мантагджин («казенная поляна» для проведения народных собраний) 421
Маньчжурия 422
Маныч, р. 56
Мара, а. 268
Марага (Мурага, Мюрага), сел. 75, 415, 435
Марьинская («Марьянская»), ст. 206, 451
Маслов Кут, сел. (ныне Стародубское) 122, 128, 260, 261, 330, 449
Махошевская, ст. 214
махошевцы 55, 100
Мацех, сел. 143
Машоковское влад. 115
Медвеженский у. (Ставропольская губ.) 323, 416, 435, 460, 556
Медвеженское (Медвежье), сел. (Ставропольская губ.) 556
Мекегинский союз сельских обществ 97
Мекегинское сельское общество 114
Мекка, г. 160, 204, 205
Мескаге, р. 85
Мехтулинское влад. 143
Мехтулинское ханство 112, 275, 279
Мехтулинское шамхальство 96
мигиковцы 114
Мизур 401
Мингрелия 12, 22, 26, 29, 31, 45, 185, 189, 192
Мингрельская, ст. 214, 215
Минеральные Воды (Минводы), г., станц. 252, 317, 420, 424, 433, 434, 443, 550, 564
Мискинджеминское сельское общество 51
Мисостово, сел. 264
Митаги. сел. 415
Михайловское, сел. (Ставропольский у.) 332
Михайловская, ст. (Терская обл.) 452
Михайловское, укр. 84, 168, 180
Михельсталь (ст. Воронцовская) 215
Могох, сел. 75
Моздок, г. 22, 35, 40, 53, 56, 75, 76, 82, 83, 85, 222, 252, 319, 355, 396, 421, 472, 494, 564, 565
Моздокский отд. (Терская обл.) 472
Моздокский полк 125
Моздокский у. 59, 69
Моксох, укр. 150
молдаване 351
Молдавия 13, 48, 184
Москва, г. 52, 70, 75, 76, 244, 327, 342, 358, 379, 419, 427, 437, 443, 444, 447
Московское, сел. 481
мохоши, мохошевцы 207
Мугажир, сел. 415
Мугек, сел. 78
Мукден, г. 421, 423
Мурага *см.* Марага, сел.
Мухар, сел. 156
Мюнхенгрец 132
Мюрага *см.* Марага, сел.

Навагинское укр. 85
Наваринская бухта 46
Нагорные пастбища 490
Нагорный окр. 266, 278
Надтеречное наибство 265
Назрановский окр. 435, 436, 560, 565
Назрановское (Назрань), укр. 84, 144
Найденное, сел. 59
Нальчик, р. 34, 215
Нальчик, сл., укр., креп., г. 82, 84, 116, 247, 263, 339, 340, 396, 450, 453, 461, 498, 502, 515, 516, 564
Нальчикский окр. 435, 437, 461, 482, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 518, 564, 565
Нардон, р. 115
Нарзани 339
Нарзановский участок 266
Нарзановское сельское общество 266
Нарзановское укр. 259
Нарзанская галерея 494
Нарское ущ. 28
Нары 119
Натухайское, сел. 285
натухайцы 45, 55, 100, 105, 117, 169, 170, 171, 206, 207, 210, 214
Науровская (Наурская), ст. 75, 83
Наурузов, а. 274
Нахичевань, г. 44
Невиномысск, ст. 285
Незамаевская, ст. 556
Незлобная, ст. 451
Неклепаевский промысловый участок 407
Некрасовская, ст. 454
немцы 217, 549
Нижегородская губ. 547
Нижегородская, ст. 215
Нижелоевское сельское старшинство 436
Нижелой, сел. 465, 466
Нижневолжский р-н 302

Нижнее Энхело, сел. 75
Нижнекубанское приставство 267
Нижний Курп *см.* Ахлово
Нижрас, сел. 75
Низовое, укр. 85
Николаевская, ст. 56, 418, 481
Николаевское, укр. 168
Никополь, креп. 287
Нихая (площадка в Алагирском ущ. для проведения народных собраний) 119
Новогеоргиевская, ст. 58
Новогладковская, ст., сел. 56
Новогригорьевский у. 329
Новогрозненский р-н 400, 542
Новомихайловская, ст. 422
Новомысское укр. *см.* Александрия
Новоникольское, сел. 461
Новоосетинская, ст. 451
Новополтавское, сел. 461
Новороссийск, г., укр., креп., станц. 85, 180, 186, 190, 252, 286, 312, 313, 316–318, 384, 407–409, 411–414, 419, 427, 428, 430, 431, 433, 434, 445, 448, 452, 454, 455, 457, 458, 465, 466, 479, 480, 483–488, 495, 539, 547, 549–551, 553–555, 557, 558, 561, 563, 565
Новороссийская, ст. 214
«Новороссийская республика» 445, 448, 449
Новороссийский окр. 445, 449
Новороссия 299
Новоселицы, сел. 416
Новосушковская, ст. 411
Новотроицкое укр. 84, 180
Новочеркасск, г. 269, 397, 562
Новый Алагир, сел. 559
Новый Ахульго, креп. *см.* Ахульго Новый
Новый Буртунай 196
ногайцы 31, 34, 35, 55, 56, 61, 68, 76, 87, 89, 101, 102, 106, 109, 117, 123, 160, 204, 207, 210, 230, 234, 267, 269, 270, 278, 280, 327, 353, 385, 418, 435, 456, 476, 496, 508, 522
Ногкау, сел. 264
Ного-Косого, горы 74
Ночхи-Келой, сел. 465
Нуха, сел. 64, 76, 77, 78
Нуцальское сельское общество 51
Ныхаская дача 421

Область Войска Донского (Войско Донское, Донское казачье войско) 33, 212, 213, 280, 560
Огарчин 292
Одесса, г. 39, 205, 290, 484
окочане, окочанские татары 9, 58
Ольгинское, сел. (Терская обл.) 396, 515, 559
Омаркиоя-Павликаны, дер. 292
Орджоникидзе *см.* Владикавказ
Оренбургская губ. 59, 249, 547
Орловская губ. 59, 249, 547
Оросай-Булак, р. 56, 112
Орота, а. 145
Осетинский окр. (позже Владикавказский окр.) 262, 276, 280
осетины 9, 13, 21, 24, 28, 35, 50, 56, 58, 76, 82, 96, 99, 102, 103, 106, 107, 109, 161, 191, 192, 207, 208, 211, 212, 222, 224, 255, 264, 270, 292–294, 324, 327, 334, 339, 340, 348, 349, 353, 354, 362, 378–380, 385, 410, 419, 433, 447, 450, 451, 453, 458, 496, 501, 509, 511, 521, 525, 527, 538, 540
осетины дигорские 12, 96, 244
осетины тагаурские 96
Осетия 12, 28, 50, 51, 63, 71, 75, 94, 96, 119, 143, 161, 163, 166, 167, 185, 205, 211, 219, 223, 233, 236, 244, 248, 258, 262, 264, 269, 271, 273, 275, 281, 294, 297, 314, 330–332, 339, 340, 344, 362, 378–380, 384, 387, 388, 392, 403, 410, 416, 419, 421, 422, 426, 428, 435, 436, 447, 449, 450, 456, 462, 468, 472, 475, 477, 481, 482, 501, 508, 518, 519, 525, 527, 551, 555, 564
Осетия Горная 415, 450
Осетия Западная (Дигория) 107, 115, 161, 163, 260, 362, 450
Осетия Плоскостная 435, 450
Осетия Северная 12, 92, 94, 97, 98, 110, 111, 114, 115, 120, 161, 162, 314, 315, 354, 356, 369, 378, 401, 410, 416, 419, 468, 469, 477, 480, 482, 486, 491, 497, 505, 511–513, 515, 527, 528, 530, 531, 538, 542–544, 548, 567
Осетия Южная 237
Османская империя (Оттоманская империя, Порта, Великая Порта, Оттоманская Порта, Турция, Турецкая империя) 5, 9–16, 18, 22, 23, 25–32, 38, 41, 44–49, 54, 56, 58, 78, 79, 110, 131–135, 140, 160, 161, 163, 168, 176, 180, 181, 184–192, 197–215, 217, 219, 220, 226, 246, 261, 269, 270, 280, 285–289, 295, 297, 314, 350, 364, 369, 371, 372, 381, 415, 451, 528, 538–541
османы *см.* турки
Отрадная, ст. 481
Оттоманская империя *см.* Османская империя
Оттоманская Порта *см.* Османская империя
Очаков, г. 14
Очамчири 288

Пабатун 421
Павловская, ст. (Кубанской обл.) 556
Палитун 421
Параул, сел. 143
Париж, г. 199, 357, 399
Переправная, ст. 214
Персия 33, 41
персы 41, 174
Петербург (Санкт-Петербург, Петроград), г. 14, 15, 19, 30, 32, 44, 48, 76, 134, 172, 176, 181, 196, 220, 237, 244, 246, 253, 287, 316, 327, 342, 357, 358, 361, 380, 398, 414, 427, 438, 441, 486, 496, 498, 499, 502, 529, 549, 552, 560–562
Петровское сел. 285, 460
Петроградская губ. 547

Пластуновская, ст. 422
Плевна (Плевен, Плевно), г. 287, 292, 295, 297
Пловдив *см.* Филиппополь
Поволжье 10
Подкумок, р. 484
Покровское, сел. 556
Полтавская губ. 59, 215
Полтавская, ст. 330
Польское Царство *см.* Царство Польское
Польша 13, 14, 133, 169
поляки 198–200
Понежукай, а. 166, 225
Попутная, ст. 481
Порта *см.* Османская империя
Порт-Петровск, г., креп. 84–86, 279, 282, 308, 309, 316, 317, 340, 344–346, 365, 407, 418, 420, 424, 428, 432, 441, 447, 449, 456, 458, 459, 464, 466, 483, 484, 486–488, 495, 496, 498, 513, 515, 542, 547, 553–555, 562–563
Пота, равнина в районе Нар для проведения народных собраний 119
Потаных, укр. 150
Поти, креп., г. 26, 29, 47, 48, 132, 134, 280
Правец 292
Прага, г. 485
Прасковейский у. 435
Прасковейское, сел. (Прасковея) Ставропольская губ. 75, 396, 435, 449
Преградное, сел. 556
Преградный Стан, укр. 84
Предкавказье 5, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 33, 49, 59, 60, 68–70, 77, 86, 87, 89, 122, 123, 128, 243, 300, 303, 306, 307, 318, 320, 322, 324, 335, 386, 390, 391, 402, 546, 547
Предкавказье степное 11, 13, 58, 91, 123, 127, 129, 130, 387
Предтеченское, сел. 285
Прибалтика 13, 368
Привольное, сел. (Ставропольская губ.) 59, 556
Прикаспийская низменность 56
Прикаспийский край 114, 278
Прикубанье 14, 26
Присулакское наибство 267, 275, 279
Притеречные р-ны 91
Причерноморье 12, 13
Причерноморье Северное 5, 10, 11
Приэльбрусье 55, 74, 243
Прохладная, ст. 80, 82, 398, 451, 513, 564
Прохладненская застава 80
Пруссия 12, 13, 14, 47, 131, 135, 184, 285
Пруссия Восточная 25
Прусская, ст. 215
Псафр, р. 117
Псебайская, ст. 214, 449
Псезуапс, дол. 63
Псезуапс, р. 85
Псекупс, р. 60, 280
Псекупский окр. 273, 276, 277, 280
Псеменская, ст. 214
Псефирская, ст. 214
шабы 24
Пшехская, ст. 214, 215
Пшиш, р. 60, 214
Пшишская, ст. 215
Пятигорск, г. (Константиногорск, креп., Горячие Воды, пос.) 27, 40, 83, 85, 86, 252, 319, 340, 355, 422, 440–443, 447, 459, 461, 464, 488, 494, 495, 498, 499, 515, 549, 550, 557, 558, 562, 564
Пятигорские источники 365
Пятигорский окр. 59, 286, 364, 391
Пятигорский отдел Терской обл. 314, 447, 565
Пятигорский у. 69

Раевская, ст. 214
Раевское, укр. 85
Разграда, г. 293
Редут-кале, сел. 29, 133
Рига, г. 76
Рикуани, сел. 71
Рион, р. 29, 47
Ричинское сельское общество 113
Романовский Хутор, сел. (ныне г. Кропоткин) 481
Россия (Российская Империя, Русское государство) 6, 9–32, 36, 39, 40, 42–56, 58, 60, 64–69, 83, 84, 87, 88, 91, 92, 109, 113, 117, 122, 129, 131–136, 138, 140, 154, 161, 166, 167, 170–173, 175–185, 187–202, 204, 206, 209–214, 217, 219–222, 237, 238, 241, 243, 245–247, 249–252, 254, 255, 257, 258, 261, 262, 267, 272, 273, 277, 278, 281, 282, 284–287, 295–301, 305, 306, 308–312, 315, 316, 319, 322–324, 327, 328, 329, 332, 334–336, 338, 342, 343, 346, 351, 355, 357, 359, 366–371, 373, 374, 383, 384, 385, 393, 394, 396, 399, 400, 402, 404–406, 408, 410, 413, 415, 417, 419, 420, 422, 424, 425, 427, 430, 431, 434, 436, 437, 440, 443, 449, 451, 453–455, 457–459, 461, 462, 467–471, 485, 486, 491, 494, 499, 500, 503, 508, 510, 512, 513, 518, 519, 527–529, 531, 533, 534, 537, 539, 540, 546, 551, 553, 558–560, 562, 564–569
российские переселенцы 307
Россия Европейская 300, 320, 323, 327, 335, 384
Россия Центральная 123, 252, 261, 284, 287, 299, 312, 319, 541
Россия Юго-Восточная 335
Россия Южная 18, 299, 316, 398, 414, 462, 463
Ростов-на-Дону, г. 280, 312, 317, 327, 333, 334, 388, 407, 411–413, 420, 433, 438, 440, 443, 444, 446–448, 453, 468, 562
Ростовская обл. 425
Ростовский окр. 280
Ростовский у. 280
Ругуджа, сел. 152, 156, 374
Рукель, сел. 144
Румелия Восточная (Южная Болгария) 295, 296
Румыния 290, 295, 296
румыны 296

русские (русский народ, русское население Северного Кавказа) 9, 11, 22, 24, 35, 42, 43, 46, 47, 49, 50, 52, 58, 60, 61, 67, 68, 77, 79, 82, 85, 87–89, 91, 121, 123, 127, 154, 158, 159, 166, 174–178, 183, 185, 186, 194, 196, 199, 212, 214–216, 219–222, 233, 234, 240, 241, 249, 250, 252, 253, 260, 268, 270, 281, 284, 290, 296, 306, 311, 327, 331, 332, 334, 335–340, 344, 357, 362, 371
Русское государство *см.* Россия
Рутул, союз сельских обществ 104, 114
рутулы, рутульцы 56
Рязанская губ. 59

Садон, дер. 403, 409, 427, 428, 466
Салатавия 156, 196, 289
Салатавский союз сельских обществ 143
салатавцы 143, 293
Салатау, сел. 147
Салтинское ущелье 254
Салты, креп., а. 151, 243
Салугардан (Салугарданское), сел. 264, 436, 559
Сальбюринское сельское старшинство 436
Сальян, сел. 76
Самовид, дер. 292
Самовица 292
Самсир 289
Самсун 135, 208–210
Самур, р. 67, 104, 242
Самурская дол. 114
Самурская, ст. 215
Самурский окр. 66, 114, 279, 280, 290, 313, 339, 511
Сандзяндзы 421
Сандомирское, сел. 556
Санзепу 421
Саниб, сел. 161
Саратовская губ. 312
Сарафанчиково, сел. 56
Сардиния 184
Святого Духа, укр. 180
Сарыдар 210
сваны 235
Свеаборг 14
Святого Николая, креп. 48
Святой Крест, креп., г. (ныне Буденновск) 86
Севастополь, г. 186, 188, 190–193, 443
Севастопольская, ст. 214
Северин, хут. 411
Северная, ст. 213
Северо-Кавказский край 469
«Северо-Кавказское мусульманское государство» (проект меньшевиков) 540
Северо-Осетинская АССР 402, 426, 469, 492, 537, 538, 567
Сен-Луи, о. 199
Сенты, а. 268
Сербия 29, 45, 47, 48, 295, 296, 351, 549
сербы 293
Сергиевская, ст. (Кубанская обл.) 213
Сергокала *см.* Дешлагар
Сибирь 111, 129, 161, 210, 254, 259, 260, 299, 348, 375, 384, 464, 466, 475, 482, 490, 501, 520, 530
Сибирь Восточная 239
Сибирь Западная 307, 386
Сибирь Юго-Западная 390
Симсир, ущ. 289
Синоп 132
Синопская бухта 186
Сирия 131, 132, 135, 209
Сисово, сел. 292
славяне 251
Славянская, ст. 452, 550
Слепцовская, ст. 380, 452
Слободско-Украинская губ. 59
Согратль, горы 43
Согратль, сел. 146, 289, 290
Соединенные Штаты Америки (США) 286, 314
Солдатско-Александровское, сел. 449
Солдатская застава (ст.) 34, 82
Соломенское, сел. 449
Соситль, сел. 150
Сосоплинская 56
София, г. 293
Сочи, г. 74, 413, 419, 443, 445, 450, 451
Сочи, р. 85
Сочинский край 53
Сочинский окр. 63, 64, 445, 449
«Сочинская республика» 446, 449
Сочинская дол. 60
Средиземноморье 16
Средне-Егорлык, сел. Ставропольской губ. 556
СССР, Советский Союз 12, 300, 469, 538
Ставрополь, кр., укр., г. 40, 69, 76, 85, 86, 252, 253, 256, 269, 312, 344–346, 355, 380, 402, 408, 419, 422, 427, 428, 430, 438, 441, 442, 448, 453, 454, 460, 488, 494–500, 537, 550, 556–558, 562, 563, 565
Ставрополье 68, 91, 129, 253, 302, 303, 305, 307, 310, 316, 320, 323, 328, 329, 331, 332, 340, 341, 386, 389, 393, 396, 409, 418, 422, 428, 434, 449, 457, 460, 468, 474, 531, 532, 534, 544
Ставропольская губ. 60, 69, 80, 83, 85, 87, 91, 122, 128, 203, 210, 258, 260, 269, 270, 277, 278, 285, 300–306, 312, 321–323, 328, 363, 385–387, 390, 393, 395–397, 402, 407, 416, 431, 449, 472, 474, 477, 479, 481, 487, 491, 497, 543, 544, 546, 548, 549, 556–559, 561, 562
Ставропольский край 80, 491
Ставропольский окр. 59
Ставропольский у. 33, 59, 64, 69, 75, 321, 329, 460
Ставропольское плато 60
Стамбул, г. 25, 161, 189, 211, 212, 295, 350. *См.* также Константинополь
Старогладковская, ст. 358
Старощербиновская, ст. 213
Старый Юрт 358
Степан-Цминду 28
Стыр-Дигория, часть горной Дигории 115, 415, 425
Субботан, сел. 294

Суворинский нефтяной промысел 466
Суворово-Черкесский, а. 340
Суджук-Кале, бухта 78, 134, 180
Суджукская, бухта 84
Суджукская, дол. 60
Сулак (Койсу), р. 35, 36, 67, 112
Сулакское наибство 278
Сулевкент, а. 70, 72, 314
Сулин, г. 561
Сунжа, р. 35, 36, 56, 58, 84, 102
Сунженская линия 151, 314, 451
Сунженский отд. Терской обл. 314, 405, 418, 437, 450
Сурамский пер. 188
Сурхахи, сел. 331, 436
Сухум, г. (Сухуми, Сухум-кале, креп.) 29, 38, 132, 186, 188, 189, 286, 288
Сухумский окр. 261
Сындзы 421

Табасаран 15, 64, 66, 96, 104, 112, 113, 136, 139, 150, 259
Табасаран Южный 65
табасаранцы 55, 56, 153, 248, 385
Тавриз (Тебриз), г. 44, 133
Таврическая губ. 300, 322
тавлины, тавлинцы 361
Таганрог, г. 41, 77, 280, 562
Таганрогское градоначальство 280
Таганрогский окр. 280
Тагаурия 107, 161, 415
Тагаурское сельское общество 56, 114, 120, 264
тагаурцы 24, 28, 161, 244, 269
Тадколо, а. 145
Талышинское ханство 20, 30, 32
Таманский п-ов (Тамань) 117, 191, 253
Тамбовская губ. 249
тамовцы 55
Тамиск, сел. 421
Таммерфорс, г. 457
тапантинцы 55
Тарки, сел. 36, 84, 143, 144, 243, 435
Тарковское шамхальство 20, 66, 94, 96, 112, 113, 148, 275, 279
тарковцы 435
Татар-Базарджик 293
татары 12, 29, 42, 146, 539
«татары-горцы» 364
Татляр, сел. 435
Татухаевское влад. 117
таты 55, 56
Тахтамукай, а. 273, 419
Ташисский союз сельских обществ (Таши) 196
Таш-Кичу пост 358
Тбилиси *см.* Тифлис
Тверская, ст. 215
Теберда, а. 268, 310
Теберда Верхняя, а. 520
Теберда, р. 268
Тебердинский участок 436
Тегеран, г. 19, 26, 33, 42, 44
Телави, г. 78
Телетль, сел. 145, 146, 156, 339
Телиши 292
Темиргоевская, ст. 454
темиргоевцы 55, 100, 207
Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск, г.), укр., пос., г. 84, 85, 143, 147, 148, 150, 222, 243, 248, 282, 286, 309, 338–341, 344–346, 355, 358, 361, 418, 441, 457, 464, 490, 495, 496, 498, 499, 513, 526, 562, 564
Темирханшуринский окр. 280, 309, 322, 325, 415, 435, 461, 514
Темрюк, г. 191, 280, 388, 485, 550
Темрюкский отд. 452, 491
Темрюкский у. 280
Тенгинская, ст., укр. 85, 180, 186, 416, 454
Терек, геогр. р-н (Терский край) 10, 11, 68, 83, 207, 249–251, 256, 304, 307, 310, 316, 323, 328, 331, 363, 381, 389, 390, 400, 404, 428, 431, 441, 469, 479, 486, 488, 491, 492, 497, 501, 531–534, 536, 537, 544, 546, 550, 557, 568
Терек, р. 9, 11, 16, 32–35, 40, 50, 56, 64, 67, 70, 74, 76, 78, 89, 102, 114, 185, 194, 221, 351
Терекемейский участок Дербентского у. 75
Терекемейский участок Нижнего Кайтага 93
терекемейцы 56, 95
Терекли-Мектеб, сел. 560
Терская губ. 486
Терская обл. 205, 206, 211, 258–260, 263, 267, 270, 272, 274–276, 278–282, 286, 289, 297, 300, 301, 303–305, 307, 308, 310, 312, 314, 315, 320, 321, 324, 326, 327, 330–332, 335, 342, 363, 364, 385, 387, 390, 391, 393–395, 397, 403–405, 409, 416, 418, 420, 425, 437, 446, 447, 451–453, 456, 458, 462, 463, 465, 472, 475–478, 481, 483, 495, 513, 515, 518, 540–544, 551, 552, 557–561, 565
Терский городок 11
Терский хр. (Кавказа) 11
Терское казачье войско 58, 398, 463, 471
Тифлис, г. (ныне Тбилиси) 15, 33, 40, 42, 43, 53, 78, 146, 167, 185, 188–190, 237, 245, 248, 249, 252, 264, 268, 270, 345–347, 355, 360–365, 418, 420, 435, 442, 495, 500, 511, 514, 526, 527, 538
Тифлисская губ. 547
Тихорецкая, ст., станц. 313, 317, 388, 407, 408, 410–413, 419, 433, 438, 440, 443, 444, 446, 447, 455, 459, 462, 483, 488, 550, 556
Тлохское укр. 259
Топан-Дигорское сельское общество 115
Трапезунд 132–135, 199, 208–210, 540
Троицкая, ст. 452
Туапсе, г. 194, 286, 449, 495, 549, 550, 562
Туапсе, р. 85, 180, 197
Тугулк, сел. 556
Тулатово, сел. 559
Тульская губ. 249, 547
турки, османы 78, 110, 195, 215, 287, 288–289, 292–296, 364, 549
Туркманчай 44
туркмены 56, 123, 269, 278

Турция (Турецкая империя) *см.* Османская империя
убыхи 55, 117, 199, 202, 207
Удзенганза 421
Украина 11, 249, 250, 299, 310, 332, 354, 368, 391, 414
украинцы 56, 58, 60, 67, 68, 87, 123, 127, 154, 212, 249, 250, 331, 332, 385, 532–533, 537
Улусский магал 279
Ульский, а. (ныне а. Ульян) 416
Уманская, ст. 556
Ункяр-Искелесси, мест. 132
Унцукуль, а. 70, 73, 145, 146, 159, 449, 508
Унчукатль, сел. 70
Урал 332, 333, 346
Урахинское сельское общество 114
Урвань, р. 55
Уредон, р. 115
Ури, сел. 156
Урожайное, сел. 396
Урупский окр. 268, 273, 276, 277
Урусбиево, сел. 482
Урусбиевское сельское общество *см.* Баксанское сельское общество
Урух *см.* Коголкино
Усишинское сельское общество 114
Устар-Гордо, сел. 457
Усть-Джегутинская, ст. 214
Усть-Лабинская, ст. 422, 454, 482, 563
Учкулан, а. 340, 341

Фанагория 191
Феодосия 39
Филиппополь, г. (ныне г. Пловдив) 180, 293
Финляндия 184
Флагдон, р. 115
Фонтановская, ст. 422
Франция 5, 13–17, 22, 23, 25, 30, 46, 50, 135, 180, 184, 185, 187, 191, 193, 194, 199, 201, 204, 217, 285, 288, 309, 314
французы 200

Хааки 239
Хабльская, ст. 214–215
Хаджал-Махи, сел. 339
Хакуриновский (ныне Шовгеновский), а. 331, 340, 490
Халатозе, дер. 421
Халхалух, сел. 148
Хамкетинская, ст. 214
Хамышевское влад. 117
Ханкальское ущ. 36
Ханская, ст. 214
Хапцево, сел. 462
Харачой (Хорочой), сел. 150, 260, 417
Харбук, сел. 70, 314
Харьков, г. 342, 513
Харьковская губ. 215
Хасавюрт, сл., укр., г. 263, 358, 433, 448, 562, 564, 565
Хасавюртовский окр. (*см.* также Кумыкский окр.) 280, 281, 286, 308, 309, 325, 441, 449, 560, 565
Хасаутские Нарзаны («Долина нарзанов») 365
Хатажукай, а. 273
Хатукай (Хатукаевский), а. 273, 330, 482
хатукайцы (хатукаевцы) 205
Хаутала 421
Хаштук, а. 340
хваршинцы 56
хевсур 24
хегаки *см.* шефаки
Херсон 39
Хиджас, г. 160
Хидикус, сел. 408, 418
Ходзинские аулы 261
Хой, сел. 465
Хойское ханство 24
Хамасты, урочище 202
Хопер, р. 11, 124
Хорочай *см.* Харачай
Хоста, р. 62
Хоста 445
Христиановское, сел. (ныне г. Дигора) 331, 418, 419, 436, 450, 515, 564
Хуламское сельское общество 260
Хумалаг, сел. 418, 559
Хумаринское, укр. 74
Хунзах, укр., сел., г. 21, 85, 88, 89, 143, 144, 148, 150, 152, 159, 339, 345, 569
хунзахцы 146
Хучни 435

Цагура, а. 73
Царицын, г. (ныне г. Волгоград) 388
Царская, ст. 214
Царский Дар, сел. 449
Царство Польское 184
Царьград (Константинополь), г. 132
цахуры 44, 56
цезы (дидойцы) 56
Цемен, р. 85
Цемесская дол. 60
Церцевец 292
Цимидон, р. 115
Цинандали, сел. 194
Цудахар, сел. 289
Цудахар, ущ. 309
Цудахарский союз сельских обществ 97
Цудахарское сельское общество 114
цыгане 352

чамалальцы (чамалалы) 56
Чатак, сел. 293
Чеберлой 289
Чегем, р. 34, 55, 414
Чегемское сельское общество 115, 260, 420
чегемцы 115
Чепеляр, сел. 293
Червленная, ст., застава 82, 90
Черек, р. 55, 56
Черекское ущ. 414
Черкей, укр. 85
Черкесия 53–55, 66, 71, 91, 97, 103, 109, 129, 134, 136, 161, 166, 181, 184, 187, 189, 191, 193, 198, 200, 212, 214, 215, 244, 245, 253, 255, 256, 258, 273. 297, 314, 341, 356, 364, 380, 392, 416,

422, 426, 433, 468, 477, 491, 506, 511, 514, 517, 518, 528, 529, 531, 543, 544, 550, 567
«Черкесия» (британский проект марионеточного государства на Кавказе) 181, 185, 193, 197
Черкесская, креп. 163
черкесы 39, 55, 58, 73, 80, 89, 134, 135, 174, 188, 189, 191—193, 199—201, 208—211, 218, 221, 236, 237, 242—245, 248, 280, 348, 353, 357, 364, 378, 381, 385, 451, 496, 512, 516, 521, 527
«черкесы» 199, 200
Черкесское побережье 133, 134, 136, 215
Черниговская губ. 215
Черногория 287, 295, 296
черногорцы 286
Черное море 10, 11, 13, 19, 29, 30, 48, 49, 70, 78, 110, 132—136, 168, 170, 184, 186, 188, 194, 197—199, 207, 209, 216, 286, 401, 539
Черноземный Центр 323
Черноморская губ. 87, 300, 312, 316, 317, 328, 334, 387, 395—397, 409, 431, 441, 449, 452, 458, 460, 472, 475, 476, 481, 486, 487, 541, 544, 546, 551, 552, 557, 558, 561, 563
Черноморская береговая линия 172, 186
Черноморская кордонная линия 87, 186, 190
Черноморские проливы 12, 25, 30, 45, 132, 135, 184
Черноморский окр. 215, 404
Черноморское казачье войско 14, 33, 59, 70, 86, 87, 124, 125
Черноморское линейное войско 69, 124
Черноморское побережье 26, 55, 56, 78, 79, 84, 132, 133, 188, 190, 192, 194, 223, 328, 445
Черноморское побережье Кавказа 56, 180, 185, 187, 188, 197, 216, 286
Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа 212
Черноморье (Черномория) 60, 68, 69, 90, 127, 150, 213, 387. 390, 396, 407, 409, 430, 466, 483, 550, 561
Черноморье Западное 386
«Черный лес» 331
Черные горы 34
Чечепеевское влад. 117
Чечено-Ингушетия 297
Чечено-Ингушская АССР 12, 296, 297, 537
Чеченский окр. 262, 265, 266, 276, 278
чеченцы 28, 35, 36, 38, 40, 55, 56, 58, 76. 87, 90, 92, 99, 102, 103, 129, 144, 145, 158, 174, 182, 190, 195, 196, 204, 206—208, 211, 212, 221, 222, 224, 227, 230, 233—235, 244, 264, 276, 279, 294, 304, 324, 327, 348, 349, 358, 360, 362, 377, 381, 385, 392, 402, 450, 458, 464, 462, 467, 476, 502—505, 517, 522, 526, 529, 537, 546
Чечня 6, 9, 12, 13, 25, 28, 34—38, 49, 50, 53, 61, 62, 65, 67, 78, 83, 94, 95, 97, 102. 103, 110, 112, 114, 129, 131, 139—148, 150, 152, 153, 156, 158, 161, 167, 176, 177, 182, 183, 190, 192, 194, 196, 200, 201, 207, 222, 223, 258, 259, 260, 265—267, 269, 274, 275, 280, 281, 288, 290, 294, 297, 304, 313, 314, 329, 339, 343, 350, 356, 358, 362, 381, 384, 387, 388, 393, 395, 400, 402, 406, 416, 417, 425, 426, 428, 436, 441, 452, 460, 462, 465, 467, 468, 472, 475, 477, 482, 487, 490, 492, 502, 505, 508, 511, 514, 517, 519, 527, 531, 538, 541, 544, 553, 560, 566, 567
Чечня Большая 289
Чечня Горная 96
Чечня Малая 167, 195
Чикола *см.* Магометановское
Чирах, р. 56
Чирката, сел. 145, 147
Чиркатское, укр. 259
Чирюрт, сел. 84, 85, 339, 345, 358, 564
Чихарский пост 36
Чихкери, сел. 36
Чишки, сел. 436
Чми, сел. 94
Чобахканерой, сел. 289
Чолок, р. 188, 209
Чорох, р. 209
Чох, а. 159, 358, 361
Чох, вольное общество 28
Чудсуи 421
Чумискент, урочище 143

Шайтанджик, станц. 293
шакаруа 55
Шали, сел. 152, 156, 260, 289
Шалушка *см.* Шарданово
Шамхал-Термен, сел. 435
Шамхор, сел. 43
Шамхский у. 75
Шанаево, сел. 559
шапсуги 45, 55, 100, 105, 117, 166, 169—171, 205—207, 245
Шапсугская, ст. 214, 215
Шапсугский окр. 206
Шапсухо, р. 85
Шарданово, сел. (ныне Шалушка) 339
Шатил-Мигмахевское ущ. 56
Шатой, сл., укр. 196, 356, 405, 461
Шахе, р. 62, 85, 421
Швейцария 307
Швеция 13, 14, 184
шегаки *см.* шефаки
Шекинская провинция 44
Шекинское ханство 24, 30
шефаки (шегаки, хегаки) 55
Шильды, сел. 194
Ширван 42
Ширванская, ст. 215
Ширванское ханство 24, 30, 40
Шовгеновский, а. *см.* Хакуриновский, а.
Шодрода, сел. 71
Шпада, р. 84
Шумлы, станц. 293
Шурагельское султанство 24
Шуша, креп., г. 43

Экажевское, сел. 560
Эльбрус, гора 243, 244

Эльбрусский окр. 276, 277, 280
Эльхотово, сел. 418, 447, 559
Эндереевский союз сельских обществ 20
Эндереевское влад. 112
Эндрей (Эндерей, Эндери), сел. 36, 38, 39, 78, 79, 84, 109, 237, 246
Эрзерум (Эрзрум, Арзрум) 47, 133, 174, 185, 287, 540
Эривань, г. *см.* Ереван, г.
Эриванская, ст. 214, 215
Эрзагоу 421
Эрпели, сел. 148
Эрпелинское бейликство (удел) 112
эстонцы 351
Этоко, р. 263
Эчмиадзин 23

Южный р-н 302, 386
Южно-Кавказское буферное государство (проект) 539

Якутск, г. 238
Янзельский пер. 421
Янтайцзы 421
Япония 421, 455
японцы 421

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

к I и II книгам серии

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Введение: (Из экономических рукописей 1857—1858 гг.) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12.

Маркс К. Восточный вопрос // Там же. Т. 12.

Маркс К. Вынужденная эмиграция. Кошут и Мадзини. Вопрос об эмигрантах. Избирательные подкупы в Англии. Г-н Кобден // Там же. Т. 8.

Маркс К. Господин Фогт // Там же. Т. 14.

Маркс К. Лорд Пальмерстон. Октябрь — начало декабря 1853 г. // Там же. Т. 9.

Маркс К. Лорд Пальмерстон. 12 и 14 февраля 1855 г. // Там же. Т. 11.

Маркс К. Любопытная страничка истории // Там же. Т. 12.

Маркс К. Мадзини и Наполеон // Там же.

Маркс К. Маркс — Энгельсу в Манчестер 9 июня 1864 г. // Там же. Т. 30.

Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. Т. 19.

Маркс К. Объявление войны: К истории возникновения восточного вопроса // Там же. Т. 10.

Маркс К. Падение Карса // Там же. Т. 11.

Маркс К. Предатель в Черкесии // Там же. Т. 12.

Маркс К. Реорганизация английского военного ведомства. Австрийские требования. Экономическое положение Англии. Сент-Арно // Там же. Т. 10.

Маркс К. Стенька Разин // Молодая гвардия. 1926. № 1.

Маркс К. Турецкий вопрос — «Times» — Расширение России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9.

Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947.

Маркс К. Хронологические выписки // Арх. Маркса и Энгельса. Т. 5.

Маркс К., Энгельс Ф. Англо-французская война против России // Соч. 2-е изд. Т. 11.

Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Там же. Т. 19.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Там же. Т. 22.

Энгельс Ф. Война 22 мая 1854 г. // Там же. Т. 10.

Энгельс Ф. Горная война прежде и теперь // Там же. Т. 12.

Энгельс Ф. К истории древних германцев // Там же. Т. 19.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Там же. Т. 22.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Там же. Т. 7.

Энгельс Ф. Марка // Там же. Т. 19.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Там же. Т. 2.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19.

Энгельс Ф. Священная война // Там же. Т. 9.

Энгельс Ф. Франкский период // Там же. Т. 19.

Энгельс Ф. Ход турецкой войны // Там же. Т. 9.

Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией? // Там же. Т. 9.

Энгельс Ф. Энгельс — Марксу в Лондон, 23 мая 1851 г. // Там же. Т. 27.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов // Полн. собр. соч., т. 16.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Там же. Т. 17.

Ленин В. И. Бойкотировать ли Государственную Думу? Платформа «большинства» // Там же. Т. 12.

Ленин В. И. Воззвание о войне // Там же. Т. 27.

Ленин В. И. Всероссийская политическая стачка // Там же. Т. 12.

Ленин В. И. Вторая Дума и вторая волна революции // Там же. Т. 14.

Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Там же. Т. 11.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Там же. Т. 41.

Ленин В. И. Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на восточный фронт: (Пленум Всероссийского центрального совета профессиональных союзов 11 апреля 1919 г.) // Там же. Т. 38.

Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. // Там же. Т. 30.

Ленин В. И. Еще к вопросу о теории реализации // Там же. Т. 4.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма: (Популярный очерк) // Там же. Т. 27.
Ленин В. И. Итоги выборов // Там же. Т. 22.
Ленин В. И. Итоги полугодовой работы // Там же. Т. 21.
Ленин В. И. Как армавирские социал-демократы ведут избирательную кампанию? // Там же. Т. 14.
Ленин В. И. Карикатура на большевизм // Там же. Т. 17.
Ленин В. И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства // Там же. Т. 23.
Ленин В. И. К вопросу о национальной политике // Там же. Т. 25.
Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения: (Дополнения к вопросу о народном просвещении) // Там же. Т. 23.
Ленин В. И. К деревенской бедноте // Там же. Т. 7.
Ленин В. И. Кое-что о стачках // Там же. Т. 22.
Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Там же. Т. 20.
Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Там же. Т. 24.
Ленин В. И. Л. Н. Толстой и его эпоха // Там же. Т. 20.
Ленин В. И. Мобилизация надельных земель // Там же. Т. 23.
Ленин В. И. Начало демонстраций // Там же. Т. 5.
Ленин В. И. Начало демонстраций // Там же. Т. 20.
Ленин В. И. О государстве // Там же. Т. 39.
Ленин В. И. О «нефтяном голоде» // Там же. Т. 23.
Ленин В. И. О статистике стачек в России // Там же. Т. 19.
Ленин В. И. О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов // Там же. Т. 9.
Ленин В. И. Первое мая // Там же. Т. 10.
Ленин В. И. Переселенческий вопрос // Там же. Т. 21.
Ленин В. И. Перлы народнического прожектерства // Там же. Т. 2.
Ленин В. И. Политические заметки // Там же. Т. 16.
Ленин В. И. По поводу юбилея // Там же. Т. 20.
Ленин В. И. Предисловие к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина» // Там же. Т. 9.
Ленин В. И. Проект программы нашей партии // Там же. Т. 4.
Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Там же. Т. 20.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Там же. Т. 3.
Ленин В. И. Революционный авантюризм // Там же. Т. 6.
Ленин В. И. Резолюция о вооруженном восстании // Там же. Т. 10.
Ленин В. И. Сердитая растерянность: (К вопросу о рабочем съезде) // Там же. Т. 15.
Ленин В. И. Соцпализм и война: (Отношение РСДРП к войне) // Там же. Т. 26.
Ленин В. И. Сущность «аграрного вопроса в России» // Там же. Т. 21.
Ленин В. И. Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП. Проект резолюций к Объединительному съезду РСДРП // Там же. Т. 12.
Ленин В. И. и Ставрополье: Сб. документов и материалов. Ставрополь, 1971.
Ленин о Доне и Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1969.

ДОКУМЕНТЫ КПСС И ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРТИИ

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
По поводу событий на Кавказе. Резолюция III съезда РСДРП // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 1.
Постановление ЦК КПСС о 70-летии революции 1905—1907 гг. в России // Коммунист. 1975. № 2.
Приветствие Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ЦК КПСС Верховному Совету Кабардино-Балкарской АССР, Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР и Кабардино-Балкарскому областному комитету КПСС в связи с 400-летием добровольного присоединения Кабарды к России // Правда. 1957. 6 июля.
Приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Адыгейскому областному комитету КПСС и Адыгейскому областному совету народных депутатов в связи с 60-летием образования Адыгейской автономной области и 425-летием добровольного присоединения Адыгеи к России // Известия. 1982. 30 июля.
Приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Кабардино-Балкарскому областному комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР и Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР в связи с 425-летием добровольного присоединения Кабардино-Балкарии

к России // Правда. 1982. 16 июля.
Приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Чечено-Ингушскому обкому КПСС, Президиуму Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР и Совету Министров Чечено-Ингушской АССР в связи с 60-летием образования Чечено-Ингушской АССР и 200-летием добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Там же. 1 окт.
Андропов Ю. В. 60 лет СССР. М., 1983.
Горбачев М. С. Выступление на встрече представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября // Правда. 1987. 3 нояб.
Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985.
Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987.
Горбачев М. С. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой: Докл. на Пленуме ЦК КПСС, 25 июня 1987 г. // Коммунист. 1987. № 10.
Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: Докл. на совмест. торжеств. заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 2 ноябр. 1987 г. М., 1987.
Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике: Докл. на Пленуме ЦК КПСС 27 янв. 1987 г. // Коммунист. 1987. № 3.
Калмыков Б. Э. Статьи и речи. Нальчик, 1961.
Киров С. М. Избранные речи и статьи (1912—1934). М., 1957.
Коларов В. Освобождението на България от турско рабство. С., 1948.
Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи: В 2 т. М., 1956. Т. 1.
Организаторскую и политическую работу на уровень требований XXIV съезда КПСС: Материалы X Пленума Чечено-Ингушского обкома КПСС // Грозн. рабочий. 1973. 3 апр.
Пономарев Б. Н. Историческую науку и образование на уровень задач коммунистического строительства // Коммунист. 1963. № 1.
Шерипов А. Д. Статьи и речи. 2-е изд. Грозный, 1972.
Шеварднадзе Э. Интернациональное воспитание масс // Коммунист. 1977. № 13.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Аварские песни и сказки: (На авар. яз.). Темир-Хан-Шура, 1867. (ССКГ; Вып. 1).
Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана/Пер. и примеч. М. В. Левченко. М., Л., 1953.
Агишев Н. М., Бушуев В. Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912.
Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказских войн: Документы // Вопр. истории. 1950. № 11.
Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.
Адресная книга ЦК РСДРП (1913—1914 гг.) // Ист. арх. 1958. № 1.
Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974.
Акты кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1866—1905. Т. 1—12.
Амин-ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. М., 1962.
Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII—XIV вв./Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Т. Галстяна. М., 1962.
Архив Государственного совета. СПб., 1978. Т. III, ч. 2.
Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. IX (Письмо из Лондона 27(16) августа 1787 года).
Архив Раевских. СПб., 1909. Т. II; 1910. Т. III.
ал-Балазури, Ахмад б. Яхйа б. Джабир-ал-Багдади а аш-Шахир. Китаб Футух ал-булдан. Каир, 1819—1901. На араб. яз.
Барбаро и Контарини о России/Пер. Е. Г. Скржинской. Л., 1971.
Бежтинские адаты: Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.
Беладзори [ал-Балазури]. Книга завоевания стран/Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927.
Белинский В. Г. Соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 1, 2.
ал-Бируни. Асар ал-бакита. Лейден, 1876—1878.
Боевые дни: Сб. материалов и документов. Тихорецк, 1931.
Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане в 1917—1921 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1958.
Броссе М. Переписка на иностранных языках грузинских царей с русскими государями от 1639 по 1700 г. СПб., 1871.
Вахушти. География Грузии // Зап. Кавк. отд. РГО. 1904. Кн. 24, вып. 5. Далее: ЗКОРГО.
Вахушти. Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1941.
Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. I: 1801—1815 гг. М., 1960—1972.

Т. I–VIII; Сер. II: 1815–1830. М., 1974–1985. Т. I–VI (IX–XIV).
Воронцов-Дашков И. И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис, 1907.
Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959.
Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армии за 1863–1870 гг. СПб., 1870.
Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 г. М., 1955. Ч. 1, 2.
Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968.
Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) СПб., 1870.
Гасан-Эфенди Алкадари. Асари Дагестан/Пер. и примеч. А. Гасанова. Махачкала, 1929.
Гаффари. Тарих-е джаканара. Тегеран, 1964. На перс. яз.
Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. М., 1956.
Гмелин С. Г. Путешествие по России. СПб., 1785. Ч. III.
Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв I. Сессия 1. СПб., 1906. Т. 2.
Государственная дума. Правила о выборах, общие и для Кавказа. Тифлис, 1906.
Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии/Под ред. А. А. Церетели. СПб., 1891–1902. Т. 1–2.
Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. М., 1917. Т. 3.
Губкин И. М. Избр. соч. М.; Л., 1953. Т. 2.
Д'Асколи Э. Д. Описание Черного моря и Татарии. Сост. доминиканец Эммуцио Дортелли Д'Асколи, префект Кафы, Татарии и пр. 1634/Пер. с ит. Н. Пименова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24. Далее: ЗООИД.
Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX в.: Сб. документов. Махачкала, 1959.
Джевдет-Паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к оттоманской империи с 1192 по 1202 хиджри // Рус. арх. 1888. Т. 1.
Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896–1898. Т. 1–4.
Договоры России с Востоком: Политические и торговые/Сост. Т. Юзефович. СПб., 1869.
Документы по истории Балкарии 40–90-х годов XIX ст./Сост. Е. О. Крикунова. Нальчик, 1959.
Документы по истории Балкарии (конец XIX – начало XX в.)/Сост. Е. О. Крикунова. Нальчик, 1962.
Егише. О Вардане и войне армянской/Пер. И. А. Орбели; Подгот. к изд. К. Н. Юзбашяна. Ереван, 1971.
Жан де Люк. Описание перекопских, ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена // ЗООИД. 1879. Т. 11.
Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Кн. 4, ч. III.
Закария ал-Казвини. Асар ал-блад. Гетинген, 1848. На араб. яз.
Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. Ч. 1.
Ибн ал Асир. Тарих ал-Камил. Каир, 1931. Т. 4. На араб. яз.
Ибн-Исфендийар. Тарих-е Табаристан. Тегеран. Т. 1. 1941; 1940. Т. 2. На перс. яз.
Ибн-Руста. Китаб ал-Алак ан-кафиса. Лейден, 1892. На араб. яз.
Ибн-аль-Факих. Китаб аль-булдан. Лейден, 1885. На араб. яз.
Ибн Хаукаль. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1939. Т. 1. На араб. яз.
Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.
Иордан. О происхождении и деяниях готов/Вступ., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
Искандер М. Тарих-е алам арай с Аббаси. Тегеран, 1956. Т. 1. На перс. яз.
ал-Истахри. Китаб ал-масалик ва-ль-мамалик. Лейден, 1870. На араб. яз.
История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы/Под ред. М. О. Косвена, Х. Хашаева. М., 1958.
История Осетии в документах и материалах: (С древнейших времен до конца XVIII в.). Цхинвали, 1962. Т. 1.
Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.
Йа'кут ар-Руми. Му"джам ал-булдан. Бейрут, 1955. Т. 1. На араб. яз.
Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы. М., 1957. Т. 1–2.
Картлис Цховреба/Изд. С. Каухчешкили. Тбилиси, 1955–1959. Т. I, II.
Киракос Гандзакеци. История Армении/Пер. с древнеарм., предисл.-коммент. Л. А. Ханларяна. М., 1976.
Козин С. А. Сокровенное сказание: Мон-

гольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. 1.
Козубский Е. И. Материалы для истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902–1904. Вып. 1–2.
Кокиев Г. А. Материалы по Осетии (XVIII в.). Орджоникидзе, 1942. Т. 1.
Корнилович А. С. Сочинения и письма. М.; Л., 1957.
Костильон — французский консул в Грузии в 40-х годах XIX в. Его письма-донесения к французскому министру иностранных дел ///Историк-марксист. 1936. № 5.
Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954–1962. Т. 1–3.
Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сб. документов. М., 1961.
Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: Сб. документов. М., 1961.
Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: Сб. документов. М., 1962.
Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861: Сб. документов. М., 1963.
Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: Сб. документов. М., 1964.
Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сб. документов. М., 1968.
Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг.: Сб. документов. М., 1960.
Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сб. документов. М.. 1959.
Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 г.: Сб. документов. М.; Л., 1965.
Крестьянская реформа в Кабарде: (Документы). Нальчик, 1947.
Крикунова Е. О., Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII в.: (Документы) // Учен. зап. Кабард.-Балкар. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 13.
Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1950–1952. Т. 1–3.
Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966–1980. Ч. I–III: Надписи X–XX вв.
Лавров М. П. Сборник документов. М., 1952–1955. Т. 1–2.
Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Приложения к «Вестнику древней истории». М., 1947–1949. № 1–4; 1952. № 2.
Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических связей Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв. Симферополь, 1891.
Левонд (*Гевонд*). История. СПб., 1887. На древнеарм. яз.
Лермонтов М. Ю. Собр. соч. М.; Л., 1958. Т. 1.
Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта/Пер. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского // ЧОИДР. М., 1884.
Листовки Кавказского союза РСДРП, 1903–1905. М., 1965.
Ал-Масуди. Муруджм аз-Захаб. Париж, 1863. Т. II.
Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. СПб.; Тифлис, 1904–1911. Т. 1–7.
Материалы по истории Кавказского края // Изв. Кавк. отд. РГО. 1875–1877. Т. 4.
Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. 3, ч. 1: (1801–1839), № 1–2. Далее: МИДЧ.
Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1933–1950. Т. 1–3.
Материалы по обычному праву кабардинцев, Перв. полов. XIX в. Нальчик, 1956.
Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки. СПб., 1860.
Мирза-Адигизал-бек. Карабах-Наме. Баку, 1950.
Мовсес Каланкатваци. История страны Алван. Тифлис, 1912. На древнеарм. яз.
Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913. На древнеарм. яз.
Моджмал ат-таварих. Тегеран, 1939. На перс. яз.
Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883–1914 гг.: Документы и материалы. М.; Л., 1961.
Мордвинов Н. С. Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей // ЧОИДР. 1858. Т. 4.
Ал-Мукаддаси (Макдиси). Ахсан ат-Такасим фи марифат аль-акалим. Лейден, 1877. На араб. яз.
Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны/Пер. с араб., предисл., примеч. и указ. З. М. Буниятова. Баку, 1973.
Мухаммед Бал'ами. Тарих-е Табари. Тегеран, 1958. На перс. яз.
Мухамед-Тахир ал-Карахи. Хроника о дагестанских войнах в период Шамиля. М.; Л., 1941.
Наш край: К двухсотлетию г. Ставрополя: (Документы, материалы, 1877–1917). Ставрополь, 1977.

Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия/Пер. Е. Э. Липшиц // Византийский временник. 1950. № 3—7.

Николаи А. П. Из истории Кавказской войны. 1855—1857 гг.: Документы. СПб., 1882.

Общий Свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1907.

Олеарий А. Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Описание Черкесии, составленное Главани Ксаверио, французским консулом в Крыму и первым врачом хана // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17.

Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIV вв.). Орджоникидзе, 1967.

Памятная книжка кубанской области. Екатеринодар, 1876.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными // Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1884. Т. 41.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890—1898. Т. I—III.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965.

Патканов К. П. Армянская география VII в. по Р. Х. СПб., 1877.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Кубанская область, 1904; Терская область, 1904.

Переселения горцев в Турцию/Сост. Г. А. Дзагуров. Ростов н/Д, 1925.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Пирогов Н. И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1961. Т. 5.

Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. М., 1956.

Полежаев Ал. Сочинения. М., 1955.

Полиевктов М. А. Архивные материалы о смерти на Кавказе акад. С. Г. Гмелина // Изв. Кавк. ист.-археол. ин-та. 1925. Т. 3.

Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию. 1650—1652. Тифлис, 1926.

Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

Полиевктов М. А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг. Тбилиси, 1937.

Полное Собрание Законов Российской империи. Т. XXVI. Далее: ПСЗРИ.

Полное собрание русских летописей. Т. XIII. СПб., 1904—1906, 1-я и 2-я пол. Далее ПСРЛ.

Помяловский И. В. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.

Прокопий из Кесарии. Война с готами/Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.

Прокопий из Кесарии. История войн римлян с персами, вандалами и готами/Пер. С. Дестуниса. СПб., 1876. Кн. 1, 2.

Протокол «Негласного Комитета»/Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов. СПб., 1903. Т. II.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом // ЗООИД. 1863. Т. 5.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1, 2; 1946. Т. 3.

Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Махачкала, 1956.

Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956.

Революция 1905—1907 гг. на Тереке: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980.

Русские писатели о Грузии: С древнейших времен до середины XIX в. Тбилиси, 1948. Т. 1.

Русско-адыгейские торговые связи, 1793—1860: Сб. документов. Майкоп, 1957.

Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. Махачкала, 1958.

Русско-осетинские отношения в XVIII в.: Сб. документов. Орджоникидзе, 1976. Т. 1.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. 1881—1915. Вып. 1—44.

Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1878. Т. 14, ч. 1.

Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871—1881. Вып. I—X.

Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906—1911. Т. 1—5.

Сборник статистико-экономических све-

денний по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год третий. СПб., 1909.
Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Моск. глав. арх. Мин-ва иностр. дел С. А. Белокуровым. М., 1889. Вып. I: 1578–1613 гг.
Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею и иностранными державами/Сост. Ф. Ф. Мартенс. СПб., 1874–1909. Т. 1–15.
Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): Сб. документов. Ростов н/Д, 1985.
Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.
Ат-Табари. Тарих ар-русул ва-ль-мулук. Сер. I. Лейден, 1879–1890. На араб. яз.
Гарихи Дербенд-наме. Тифлис, 1898.
Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1894. Т. 1; М.; Л., 1941. Т. 2.
Труды Абрамовской землеустроительной комиссии. Владикавказ, 1908.
Труды Второго Ставропольского съезда представителей учреждений мелкого кредита в губ. г. Ставрополе 15–18 февраля 1913 г. Ставрополь, 1914.
Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.
Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения Карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908.
1905 год во Владикавказе. Владикавказ, 1925.
1905–1907 гг. на Дону: Сб. документов. Ростов н/Д, 1955.
1905, 1906 и 1907 годы в Грозном. Грозный, 1925.
Фавст Бузанд. История Армении. СПб., 1883. На древнеарм. яз.
Феодальные отношения в Дагестане XIX – нач. XX в.: Архивные материалы. М., 1969.
Флетчер Д. О государстве русском. 3-е изд. СПб., 1906.
Фома Мецопский. История Тимур-ланка и его преемников. Баку, 1957.
Хан Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
Хасан-бек Румлу. Ахсан ат-таварих. Барода, 1932. На перс. яз.
Хондемир. Хабиб ас-сийар. Тегеран, 1955. Т. 4.
Хрестоматия по истории Кубани: Документы и материалы. Краснодар, 1975. Ч. 1.
Хрестоматия по истории Осетии. Орджоникидзе. 1956. Ч. 1.
Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.
Худуд-ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. СПб., 1906. Т. III.
Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. документальных материалов. Тбилиси, 1953.
Шареф-хан Бидлиси. Шараф-намэ. М., 1976. Т. 1.
Шевченко Т. Г. Собр. соч. М., 1955. Т. 1.
Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. // Зап. Новорос. ун-та. 1867. Т. 1.
Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984.
Эвлия Челеби. Книга путешествий. М. 1979 г. Вып. 2.
Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.

ВОСПОМИНАНИЯ И МЕМУАРЫ

Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927.
Андреев В. Воспоминание из Кавказской старины // КС. Тифлис, 1876.
Берс А. А. Воспоминания офицера л.-гв. Преображенского полка о походе в Турцию в 1877–1878 гг. СПб., 1898.
Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963.
Вердеревский. Плен у Шамиля. СПб., 1856.
Воронцов М. С. Выписки из дневника с 1845 по 1854 гг. СПб., 1902.
Воспоминания Сулеймана Меликова // Учен. зап. Ин-та востоковедения. 1953. Т. 8.
Гаджи-Али. Сказания очевидца о Шамиле // ССОКГ. 1873. Вып. 7.
Динник Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области // ЗКОРГО. 1884. Кн. 13, вып. 1.
Динник Н. Я. Горы и ущелья Терской области // Там же.
Динник Н. Я. Поездка в Балкарию // Там же. Кн. 14, вып. 1.
Дневник Д. А. Милютина. М., 1949. Т. 2.
Ермолов А. П. Записки. М., 1867.
Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). СПб., 1879. Ч. I, II.
Из служебных воспоминаний В. С. Толстого // Русс. арх. 1875. Кн. 2.
Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931.
Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 г. СПб., 1877. Т. I–II.
Паренсов П. Д. Из прошлого // Русская старина. СПб., 1901–1904. Т. 1–2.

Первольер И. Поляки и Турция: Исторические воспоминания. Варшава, 1878. Т. 1–2.
Современники о Бакиханове. Баку, 1959.
Руновский А. Записки о Шамиле. СПб., 1860.
Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера // Рус. вест. 1864. Т. 54. № 11–12.
Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864. Краснодар, 1927.
Шаховский Л. В. Два похода на Балканы, 1877–1878 гг.: (С театра войны). М., 1899.

СПРАВОЧНИКИ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

Алфавитный список владельцев частных земель, назначенных на десятиверстной карте Ставропольской губернии. Ставрополь, 1896.
Билев Г. К. Хроника кавказских войск. Первое продолжение, 1895—1908. Тифлис, 1908.
Военно-статистическое обозрение Российской империи: В 17 т. СПб., 1848–1858. 1852. Т. II, ч. 5: Земля Войска Донского; 1851. Т. 16, ч. 1: Ставропольская губерния.
Воронов Н. Статистические сведения о Терском казачьем войске. Тифлис, 1867.
Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870.
Гизетти А. Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличия кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. 1–2.
Гизетти А. Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. Тифлис, 1901.
Гизетти А. Л. Хроника кавказских войск: В 2 ч. Тифлис, 1896.
Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.
Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и бытовом значении: В 12 т. СПб.; М., 1881—1901. 1899. Т. 7, ч. 2: Донско-Каспийская степная область; 1883. Т. 9: Кавказ.
Казин В. Х. Казачьи войска: Справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912.
Максимов Е. Д. Терско-казачье войско: Ист.-стат. сб. Владикавказ, 1890.
Обзор Дагестанской области за ... (1899–1915 гг.). Темир-Хан-Шура, 1900–1916.
Обзор Ставропольской губернии за ... (1879–1903, 1905–1912, 1914 гг.). Ставрополь, 1880–1915.
Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. I–IV.
Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1–2.
Однодневная перепись начальных школ в империи. Пг., 1914.
Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за ... (1885—1886, 1888—1889, 1891—1915 гг.). Екатеринодар, 1886–1916.
Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского училища, 1890–1899 гг. Темир-Хан-Шура, 1901.
Отчет о десятилетней деятельности Кавказского отделения императорского Русского технического общества. Тифлис, 1878.
Отчеты начальника Терской области за 1910—1913 гг. Владикавказ, 1911—1914.
Печать Дагестана: Справочник. Махачкала, 1983.
Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1.
Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1868–1883. Вып. 1–10.
Свод отчетов фабричных инспекторов за ... (2-ю половину 1900—1914 г.). СПб., 1900—1915. Изд. ежегодное.
Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. СПб., 1902. Вып. 1.
Сводная статистика перевозок хлебных грузов по Владикавказской железной дороге (с 1893 по 1914 г.). Пг., 1915. Ч. 1.
Служебно-статистический отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за ... (1879, 1884—1915 гг.). Владикавказ, 1880–1916.
Статистико-экономические материалы по обследованию Кубанского края. Екатеринодар, 1918. Т. 4, вып. 1.
Статистические сведения о грозненских нефтяных промыслах и грозненских нефтеперегонных заводах за ... (июнь 1915 г., июнь 1916 г. и февраль 1917 г.). Грозный, 1916–1917.
Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1910. Вып. 7: Предкавказская полоса.
Чугай В. М. Справочная книга о нефтяной промышленности в Терской и Кубанской областях. Владикавказ, 1897.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Вестник Европы. М., 1826. Сент.-окт.
Вестник Кавказа. Тифлис, 1879–1882.
Волна. Тифлис, 1906.
Время. М., 1917.
Голос Кавказа. Тифлис, 1906.
Кавказ. 1846–1917.
Кавказская старина. Тифлис, 1872–1873.
Кавказский вестник. Тифлис, 1900–1905. Кн. 1–30.
Кавказский календарь на ... (1846–1917 гг.). Тифлис, 1845–1916.
Кавказский край. Пятигорск, 1911–1916.
Кавказский сборник. Тифлис, 1876–1912. Т. 1–32.
Каспий. Баку, 1881–1916.
Кубанский календарь на ... (1873–1881, 1883, 1891, 1894, 1898–1905, 1907–1916 гг.). Екатеринодар, 1873–1916.
Кубанский край. Екатеринодар, 1913.
Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1869–1914.
Майкопский листок. Майкоп, 1912.
Народ. Пятигорск, 1905.
Народная правда. Пятигорск, 1905.
Новый Северный Кавказ. Ставрополь, 1906–1907.
Прометей. СПб., 1906.
Русская старина. СПб., 1882. Т. 3; 1898. Т. 10.
Русский вестник. М., 1861. Т. 27, № 4.
Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1875.
Северная пчела. СПб., 1862. № 133.
Северный Кавказ. Ставрополь, 1884–1906.
Современник. СПб., 1836. Т. 1.
Социал-демократ. СПб., 1906.
Ставропольские губернские ведомости. 1850–1917.
Терек. Владикавказ, 1906–1916.
Терские ведомости. Владикавказ, 1868–1918.
Терский календарь на ... (1891, 1905, 1907–1908, 1911–1915 гг.). Владикавказ, 1890–1915.
Тифлисский вестник. Тифлис, 1877.
Эхо. М., 1906.
Эхо Кавказа. Владикавказ, 1906.

ИСТОРИОГРАФИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев М. А. Северный Кавказ в объективе антикоммунизма. Махачкала, 1975.
Бегичев К. Н. Систематический каталог библиотеки е. и. в. наследника цесаревича и вел. кн. Георгия Александровича в Абастумане: Кавказ и соседние с ним страны. Тифлис, 1898.
Берикетов Х. Г. Историческая наука на Северном Кавказе (1959–1963). Нальчик, 1966.
Бригадиров Н. Г. История Дона: Указ. лит.: В 2 ч. Ростов н/Д, 1968–1969.
Васильева Л. М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX в.: (Историогр. очерк). Орджоникидзе, 1975.
Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ: Обзор лит. за 1971–1975 гг. // История СССР. 1977. № 3.
Виноградов В. Б., Лосев И. К., Саламов А. А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. Грозный, 1963.
Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 1–3. Грозный, 1978, 1980, 1985.
Гаджиев В. Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956.
Гаджиева С. Ш. Этнографическое изучение народов Дагестана в годы Советской власти // Сов. этнография. 1973. № 6.
Гизетти А. Библиографический указатель печ. на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901.
Грен А. Библиографический список карт, картин, сочинений и статей, относящихся к Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1891. Вып. 2, кн. 3, отд. 8: Приложение к «Терскому календарю на 1892 г.».
Дегоев В. В. Буржуазная историография о британской политике на Кавказе во второй трети XIX в. // Вопр. истории. 1979. № 2.
Джанаев А. К. Осетинская советская историография // Изв. СО НИИ. 1970. Т. 28.
Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. Ростов н/Д, 1972.
Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России, 1700–1910. СПб., 1913. (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 40.)
История Краснодарского края: (Указ. сов. ист. лит., 1917–1962 гг.). Краснодар, 1964.
История Кубани: (Указ. сов. лит., 1963–1975). Краснодар, 1979. Вып. 1.
История сельского хозяйства и крестьянства Дона и Северного Кавказа дооктябрьского периода в советской историографии: (Указ. сов. лит., 1945–1977). Ростов н/Д, 1980.
Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983.
Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981.
Козубский Е. И. Материалы для библиографии Дагестанской области // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1904. Вып. 2.

Козубский Е. П. Опыт библиографии Дагестанской области, 1895—1902 // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. 1895—1902.
Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1956. Вып. 2.
Магомедов Р. М. Развитие исторической науки в Дагестане // В. И. Ленин и современность. Махачкала, 1970.
Мамбетов Г. Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии за 50 лет ее автономии // Научная сессия Кабардино-Балкарского НИИ, посвященная 50-летию советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
Межов В. И. Библиография Азии. СПб., 1892—[1894]. Т. 2: Инородцы финского, татарского и монгольского происхождения, обитающие в России; Кавказские инородцы.
Межов В. И. Литература русской истории за 1859—1864 гг. СПб., 1866. Т. I.
Межов В. И. Русская историческая библиография за 1865—1876 гг. СПб., 1882—1890. Т. 1—8.
Межов В. И. Русская историческая библиография: Указ. кн. и статей по рус. и всеобщ. истории и вспом. наукам за 1800—1854. СПб., 1892—1893. Т. 1—3.
Миансаров М. М. Bibliographia Caucasica et Transcaucasica: Опыт справ.-сист. каталога печ. соч. о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих. СПб., 1874—1876. Т. I, отд. 1 и 2.
Невская В. П. Карачаево-Черкесия в советской исторической науке: Крит.-библиогр. обзор // Тр. Карачаево-Черкес. НИИ истории, яз. и лит. 1966. Вып. 5.
Пагирев Д. Д. Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе // Пагирев Д. Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913. (Зап. Кавк. отд. Рус. геогр. об-ва; Кн. 30).
Пронштейн А. П. Некоторые итоги разработки истории Дона и Северного Кавказа // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1979. № 4. Далее: Изв. СКНЦ ВШ.
Санакоев М. П. Историография истории Осетии. Цхинвали, 1971.
Серый Ю. И. Изучение истории дореволюционного Дона за 60 лет // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1977. № 4.
Сказин Е. В. Дагестан в советской исторической литературе. Махачкала, 1963.
Сказин Е. В. Литература о Дагестане на западноевропейских языках. Махачкала, 1964.
Туганов Р. У. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи: (С древних времен до 1917 г.). Нальчик, 1967.
Фелицын Е. Д., Шамрай В. С. Библиографический указатель о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899—1916. Т. 5—9, 10, 14, 15, 19, 21.
Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Гуманитарные науки. Грозный, 1971, 1985. Вып. 1—2.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Абаев В. И. Коста Хетагуров и его время. Тбилиси, 1961.
Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
Абакаров Ф. Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963.
Абдуллаев М. А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. Махачкала, 1968.
Абдуллаев М. А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в нач. XX в. М., 1987.
Абдуллаев М. А., Меджидов Ю. Али Каяев. Махачкала, 1968.
Абих Г. В. О свойствах и месторождениях минеральных продуктов Дагестана // Горн. журн. 1862. Ч. 2, кн. 4.
Абих Г. В. Путевые заметки. Вена, 1896. Т. 2.
Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Сов. археология. 1978. № 1.
Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками // Сов. археология. 1969. № 2.
Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н. э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
Авксентьев А. В. Ислам на Северном Кавказе. 2-е изд. Ставрополь, 1984.
Агапов Ф. А. Физическая культура и спорт у горских народов Северного Кавказа. Махачкала, 1971.
Агафонов А. И. Область Войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов н/Д, 1986.
Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — начала XX в. М., 1978.
Агаян Ц. П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978.
Агулы: Сб. статей. Махачкала, 1975.
Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию автономии Сов. Адыгеи. Майкоп, 1947.

Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968.
Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1980.
Айдаев Ю. А. Народные истоки Чечено-Ингушской драмы // Изв. Чечено-Ингуш. НИИ. 1968. Т. 2, вып. 3.
Айналов Д. Б. Обломок пиксиды и другие древности из Озурукского могильника, находящиеся в Историческом музее // Археологические известия и заметки. М., 1894. № 1.
Акиев Х. А. Участие горцев Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. // Вопр. истории. 1980. № 1.
Акопян Т. Х. Очерки истории Еревана. Ереван, 1977.
Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии // Вопросы этнического и социально-экономического развития. М., 1971.
Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957.
Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.— IV в. н. э.). Черкесск, 1976.
Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957.
Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв.: Очерк социально-полит. истории. Махачкала, 1972.
Алиев Б. Г., Ахмедов Ш., Умаханов М. С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.
Али-Заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII—XIV вв. Баку, 1956.
Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Грозный, 1975.
Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. М.; Л., 1948. Т. 1.
Алферов В., Чекменев С. Непокорные: (Движение крепостных крестьян на Ставрополье). Ставрополь, 1974.
Алферов В., Чекменев С. Степная вольница: (Из истории земли Ставропольской). Ставрополь, 1978.
Амбро А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Сов. археология. 1971. № 2.
Анисимов И. И. Горские евреи — горцы. М., 1888.
Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
Анфимов Н. В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1951. № 23.
Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры: (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев, 1975.
Анфимов Н. В. Общественный строй у меотов // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1978. № 1.
Анфимов Н. В. Племена Прикубанья в сарматское время // Сов. археология. 1958. № 23.
Анфимов Н. В. Скотоводство у синдо-меотских племен Прикубанья // Исторические науки. Краснодар, 1969.
Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959.
Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.
Анчабадзе З. В. Социальное положение тльфокотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе первой половины XIX в. // Тр. Ин-та истории Акад. наук. ГССР. 1956. Т. 2.
Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971.
Апресян Г. Старейший театр на Кавказе. Орджоникидзе, 1939.
Апфельбаум А. С. Северо-Западный Кавказ в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1983. № 4.
Ардасенов Н. М. Алихан Ардасенов. Орджоникидзе, 1970.
Ардасенов Н. М. Родословная Эльхотовых ворот. Орджоникидзе, 1971.
Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959.
Арджеванидзе И. А. Военно-грузинская дорога. Тбилиси, 1954.
Артамонов М. И. Древний Дербент // Сов. археология. 1946. № 8.
Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа в I четверти XVIII в. М., 1954.
Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977.

Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
Археологические раскопки в районе Змейское Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев: Вторая половина XIX – 40-е годы XX в. Нальчик, 1976.
Асиятилов С. Х. Историко-этнические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.). Махачкала, 1967.
Аствацатурян Э. Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе. XIX – начало XX в.: Дагестан и Закавказье. М., 1977. Ч. 1–2.
Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги: Ист.-этногр. очерк. Майкоп, 1957.
Ахеджаков М. К вопросу об истории адыгского театра // Дружба. Майкоп, 1946. Вып. 1.
Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в./Изв. ЧИНИИЯЛ. 1974. Т. 9, ч. 3, вып. 1.
Ахмадов Ш. Б. О характере и роли классовой борьбы в Чечне в XVIII в. // Феодализм в России: (Тезис. докл. и сообщ.). М., 1985.
Ахмадов Я. З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Изв. Чечено-Ингуш. респ. краевед. музея. 1975. Вып. 11.
Ахмадов Я. З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 1.
Ахмадов Я. З. Феодальное владение (лен) князей черкесских в системе русского пограничного города Терки // Феодализм в России: (Тез. докл. и сообщ.). М., 1985.
Ахмедов Ш. М., Исламмагомедов А. И. Агулы. Махачкала, 1975.
Ацканов М. Х. Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860–1917 гг.). Нальчик, 1967.
Ашурбейли С. Государство Ширваншахов: VI–XVI вв. Баку, 1983.
Багаев М. Х. Галайтинский клад VI–VII вв. н. э. // Сов. археология. 1977. № 2.
Багаев М. Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии (XIII–XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1967. Ч. 2.
Багаев М. Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.
Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О. и др. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. № 5.
Баймурзаев А. Б. Из истории общественной мысли Дагестана во 2-ой половине XIX в. Махачкала, 1965.
Бакиханов Аббас-Кулиала. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
Бакланов А. Б. Златокузнецы Дагестана. М., 1926.
Баранов Е. Легенды Кавказа. М., 1913.
Барбот-де-Марни Н. Н. Отчет о геологических исследованиях в Темир-Хан-Шуринском округе Дагестанской области // Материалы для геологии Кавказа. Сер. II. 1894. Кн. 8.
Барбот-де-Марни Н. Н. Карачаевские серебро-свинцовые месторождения в Кубанской области // Материалы для геологии Кавказа. Сер. II. 1895. Кн. 9.
Бардавалидзе В. В. Традиционные общественно-культовые памятники горной Восточной Грузии. Тбилиси, 1974. Т. 1.
Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. М., 1967. Т. 2, ч. 1.
Басилая Ш. И. Закавказье в годы первой мировой войны. Сухуми, 1968.
Башенев Н. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис, 1914.
Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (ас-Сарир) // Исторические записки. М., 1963. Т. 73.
Бекузаров Х. Х. Свободы луч, игравший на штыках: (Революционное движение в войсковых частях на Тереке в 1905–1907 гг.). Орджоникидзе, 1976.
Белоусов А. А. Экономическое развитие Кабарды (1867–1953): Ист.-экон. очерк. Нальчик, 1956.
Беляев Е. А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966.
Бентковский И. Гребенцы. Ставрополь, 1885.
Бентковский И. Заселение предгорного Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1888. Т. 1.
Бентковский И. Ногайцы. Ставрополь, 1883.
Березин И. Н. Путешествие по Дагестану. Казань, 1849.
Берже А. П. Горские племена // Живописная Россия. СПб.; М., 1883. Т. IX.

Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858.
Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
Берикетов Х. Г. Ленин и Кавказ. Нальчик, 1970.
Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства. Пг., 1919.
Березов Б. П. Аграрный вопрос и крестьянское движение в пореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
Березов Б. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1979.
Березов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII—XX вв.). Орджоникидзе, 1980.
Бескровный Л. Г. Русское военное искусство, XIX в. М., 1976.
Бесленеев А. Д., Шаманов И. М. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области 2-ой половины XIX в. Черкесск, 1972.
Бестужев И. В. Крымская война. М., 1956.
Бижев А. Х. Об участии польских радикально-демократических повстанцев в антиколониальной борьбе северокавказских горцев в 30-е годы XIX в. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1976. № 1.
Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора с V—IV вв. до н. э. М., 1959.
Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2.
Блиев М. М. К вопросу о присоединении народов Северного Кавказа к России // Вопр. истории. 1970. № 7.
Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. Орджоникидзе, 1961.
Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964.
Блиев М. М. Присоединение Ингушетии к России // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
Блиев М. М. Русско-осетинские отношения, 40-е годы XVIII в. 30-е годы XIX в. Орджоникидзе, 1970.
Бобринский А. А., Мунчаев Р. М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1966. Вып. 108.
Богданович М. И. Восточная война 1853—1856 гг. СПб., 1874. Т. I—IV.
Бондарь Н. И. К вопросу об эволюции казачьей общины на Кубани: (Постановка проблемы) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
Борчашвили Э. А. Общественный строй и классовые отношения в Чечено-Ингушетии в конце XVIII — первой половине XIX в. Тбилиси, 1974.
Боцвадзе Т. Д. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений XV—XVIII вв. Тбилиси, 1968.
Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI—XVIII в. Тбилиси, 1974.
Боцвадзе Т. Д. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тбилиси, 1965.
Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.
Броневский С. История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод. СПб., 1834—1838. Ч. 1—4.
Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: В 2 ч. М., 1823.
Булатова А. Г. Лакцы (XIX — начало XX в.). Махачкала, 1971.
Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1—3.
Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е годы XIX в.). М., 1955.
Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956.
Бушуев С. К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг. Грозный, 1941.
Вагабова Ф. И. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970.
Ваганов Я. С. Изображение феодальной верхушки Чечни в эпических песнях // АЭС. Грозный, 1968. Вып. 2.
Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.
Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX в. М., 1973.
Вацуев А. З. Большевики и национально-освободительное движение в Чечено-Ингушетии (1900—1916 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901.
Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI — 70-е годы XX в.). Грозный, 1982.
Величко В. Кавказ: Русское дело и международные вопросы. СПб., 1904.
Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и его результат. СПб., 1885.
Вертепов Г. А. Очерк кустарных про-

мыслов в Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 7.
Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. 2.
Вехи единства: (Сб. статей, посвящ. 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России). Грозный, 1982.
Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа: Дооктябрьский период/Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1977.
Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.
Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973.
Вилинбахов В. Б. Александр Черкасский – сподвижник Петра I. Нальчик, 1966.
Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982.
Виноградов Б. С. Кавказ в творчестве Л. Н. Толстого. Грозный, 1959.
Виноградов Б. С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX в.: (Очерки). Грозный, 1966.
Виноградов В. Б. Аланы в Европе // Вопр. истории. 1974. № 8.
Виноградов В. Б. Балкарцы в русско-кавказских отношениях XVII в. // Там же. 1985. № 6.
Виноградов В. Б. Время, горы, люди. Грозный, 1982.
Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопр. истории. 1981. № 1.
Виноградов В. Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей (до начала XX в.) // IV Междунар. симпоз. по груз. искусству. Тбилиси, 1964.
Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1977.
Виноградов В. Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1–8) // Там же. 1975. № 4.
Виноградов В. Б. Проблема локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе исследования: (Историогр. очерк) // Там же. 1976. № 4.
Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // Сов. археология. 1965. № 1.
Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1966.
Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.): Вопр. полит. истории, эволюции культуры и этногенеза. Грозный, 1972.
Виноградов В. Б., Абдулвахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин: (О парадном головном уборе курхарс) // Сов. этнография. 1985. № 3.
Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI–XVII вв. // Изв. АН ГССР. 1980. № 3.
Виноградов В. Б., Голованова С. А. Страницы русско-кавказских отношений XVII в. // Вопр. истории. 1982. № 7.
Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Где стояли сунженские городки? // Там же. 1972. № 7.
Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР. 1975. № 6.
Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопр. истории. 1971. № 10.
Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Первая русская карта Северного Кавказа // Там же. 1976. № 6.
Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.
Виноградов В. Б., Межидов Д. Д., Успаев Г. И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В. Черноморское побережье. СПб., 1898.
Вознесенская Г. А. Технология производства предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.
Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI–XVII вв. как этнографический источник // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. Т. 6.
Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974.
Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974–1975. Вып. 1–3.
Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980.
Вопросы истории партийных организа-

ций Северного Кавказа. Краснодар, 1966.
Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970—1976. Вып. 1—7.
Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987.
Воронов Н. В. Путешествия по Дагестану // ССКГ. 1868. Вып. 1.
Восточный вопрос во внешней политике России конца XVIII — начале XX в. М., 1978.
Габиев С. Лакцы, их прошлое и быт // СМОМПК, 1906.
Габараев С. Ш. Мировоззрение Косты Хетагурова. М., 1959.
Габоева Л. Р. К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа в нач. XIX в. // Вопросы историко-культурных взаимосвязей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии Осетии. Тбилиси, 1974. Т. 1: Общественный быт осетин в XIX в.
Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
Гадагатль А. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар, 1967.
Гаджиев А. Кавказ в русской литературе первой половины XIX в. Баку, 1982.
Гаджиев А.-Г. С. Влияние присоединения Дагестана к России на развитие просвещения и культуры. Махачкала, 1966.
Гаджиев А.-Г. С. Крестьянские выступления в Дагестане в годы первой русской революции // Революция 1905—1907 гг. в Дагестане. Махачкала, 1976.
Гаджиев А.-Г. С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964.
Гаджиев В. Г. Архив кизлярского коменданта // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1978. № 2.
Гаджиев В. Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в нач. XVIII в. // УЗ НИИЯЛ. 1963. Т. 11.
Гаджиев В. Г. Декабристы на Кавказе // Вопросы истории Дагестана: (Досоветский период). Махачкала, 1975. Т. 3.
Гаджиев В. Г. «Дербент-наме» Мирза Хайдара Визирова // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. 2.
Гаджиев В. Г. Новые источники по истории Дагестана XIX в. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
Гаджиев В. Г. Сочинение Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой, находящихся» как исторический источник по истории Кавказа. М., 1979.
Гаджиев В. Г., Пикман А. М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972.
Гаджиева С. Ш. Кумыки: Ист.-этногр. исслед. М., 1961.
Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976.
Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана XIX — начала XX в. М., 1981.
Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана, XIX — начало XX в. М., 1985.
Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967.
Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
Гакаев Ж. Ж. Большевики в борьбе за массы в годы первой мировой империалистической войны (1914 — март 1917). Грозный, 1984.
Гакстгаузен А. Закавказский край: В 2 ч. СПб., 1857.
Галоян Г. А. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. Ереван, 1969.
Гальцев В. С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860—1870 гг. // Изв. СО НИИ. 1956. Т. 18.
Гамбашидзе Г. К. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа. Тбилиси, 1977.
Гамзатов Г. Гамзат Цадаса. Махачкала, 1973.
Гамзатов Г. Г. Роль передовых сил России в духовном развитии народов Дагестана (XIX — нач. XX в.) // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1982. № 1.
Гамзатов Г. Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978.
Гамрекели В. Н. Вопросы взаимоотношений восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972.
Гамрекели В. Н. Двалы и двалети в I—XV вв. Тбилиси, 1961.
Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1977.
Гарданов В. К. Аталычество. М., 1973.
Гарданов В. К. «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова // Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1957.

Гарданов В. К. Материалы по обычному праву кабардинцев I пол. XIX в. Нальчик, 1956.
Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967.
Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — нач. XIX в. // Сов. этнография. 1960. № 5.
Гарданов В. К. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX в. // Там же. 1963. № 4.
Гасанов М. Р. Отходничество и его роль во взаимоотношениях народов Дагестана и Грузии (конец XIX в.— нач. XX в.) // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1982. № 4.
Гассиев А. Земельно-экономическое положение туземцев и казаков Северного Кавказа. Владикавказ, 1909.
Гвоздецкий Н. А., Федчина В. Н., Азатьян А. А., Донцова З. Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии XIX — начала XX в. М., 1964.
Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Тез. регион. науч. конф. Махачкала, 1980.
Генко А. Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Зап. Ин-та востоковедения. 1933. Т. 2.
Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Тр. Ин-та востоковедения. 1941. Вып. 36.
Генко А. Н. О языке убыхов // Изв. АН СССР. Сер. VII. Отд. гуманит. наук. 1928. Т. 3.
Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. М., 1975.
Гозулов А. И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927.
Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. Киев, 1956.
Голованова С. А. Торговые связи Древней Руси и Северного Кавказа в домонгольский период: (Историогр. обзор) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
Головачанский С. Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев 1758 г. // ЗТОЛКС. № 11.
Гольдштейн А. Ф. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969.
Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1973.
Гонтарева Е. Н. Борьба большевиков за вовлечение учащейся молодежи в революционную деятельность // Народное образование на Северном Кавказе. Ставрополь, 1974.
Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V — середины XIX в. Ростов н/Д, 1984.
Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.
Гриценко Н. П. Истоки дружбы: (Из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный, 1975.
Гриценко Н. П. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1976. № 4.
Гриценко Н. П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв. Грозный, 1971.
Гриценко Н. П. Народное движение XVII–XVIII вв. и терское казачество // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1973. № 3.
Гриценко Н. П. Об источниках по социально-экономической истории Чечено-Ингушетии // Там же. 1980. № 3.
Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII в.— I пол. XIX в. Грозный, 1961.
Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный, 1963.
Громов В. П. Роль миграции и естественного прироста населения в заселении степного Предкавказья в первой половине XIX в. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1985. № 2.
Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981.
Гугов Р. Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975.
Гугов Р. Х., Улигов У. А. Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967.
Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории гуннов // Вестн. древ. истории. 1960. № 4.
Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
Гуртуева М. Б. Балкарский фольклор о народном опыте воспитания. Нальчик, 1974.
Гутнов Ф. Х. Социальные отношения в Северной Осетии во второй половине XVII — нач. XIX в. Л., 1981.

Давудов О. М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
Дагестан в русской литературе. Махачкала, 1960. Т. 1.
Дагестанские лирики. Л., 1981.
Дагестанское искусствоведение. Махачкала, 1976.
Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960.
Далгат Б. Первобытная культура чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3.
Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: Исслед. и материалы. М., 1972.
Далгат У. Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962.
Данилевский П. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846.
Данилова Е. Н. Абазины. М., 1984.
Даниялов Г.-А. Д. Классовая борьба в Дагестане во 2-й половине XIX — начале XX в. Махачкала, 1970.
Дауров А. Музыкальная культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1974.
Даутова Р. А. Исследование средневековых памятников в горной Чечне // Археологические открытия, 1976. М., 1977.
Даутова Р. А., Петренко В. А. Новые археологические памятники в Чечне // Археологические открытия, 1972. М., 1973.
Движение кавказских горцев под руководством Шамиля. Махачкала, 1956.
Дебиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.
Дебиров П. М. Следы грузинско-дагестанских контактов в средневековых памятниках монументально-декоративного искусства Дагестана // II Междунар. симпоз. по груз. искусству. Тбилиси, 1977.
Дебу И. О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829.
Декоративное прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1977.
Демешина Е. И. Рабочее движение на Дону в период империализма. Ростов н/Д, 1973.
Демешина Е. И., Золотов В. А., Хмелевский К. А. Вчитываясь в ленинские строки. Ростов н/Д, 1969.
Денискин В. И. О социальном разложении терского казачества и развитии отходных промыслов во второй половине XIX в. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1981. № 3.
Денискин В. И. Появление и расселение казаков на Тереке в освещении дореволюционной и советской историографии // Там же. 1975. № 3.
Денискин В. И. Развитие земледелия у терских казаков и изменение природных условий: (К постановке проблемы) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. 4.
Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
Джанаев А. К. Забастовка рабочих Садона, 1897. Орджоникидзе, 1968.
Джанаев А. К. Ленинская «Искра» о Северном Кавказе // Изв. СО НИИ. 1971. Т. 29.
Джанаев А. К. Феодальное землевладение в Стыр-Дигории. Дзауджикау, 1948.
Джимов Б. М. Из истории крестьянской реформы и классовой борьбы в Адыгее в 60—70-х годов XIX в. // Учен. зап. Адыгейского НИИ. Майкоп, 1971. Т. 13: История и этнография.
Джимов Б. М. Крестьянское движение в Адыгее в XIX в. (до 1870 г.). Майкоп, 1967.
Джимов Б. М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986.
Джимов Б. М. Социально-экономическое положение и революционная борьба трудящихся Адыгеи в 1901—1917 гг. // Сборник статей по истории Адыгеи. Майкоп, 1976.
Джусойты Н. Г. Коста Хетагуров. Сталинир, 1958.
Джусойты Н. Г. Цомак Гадиев: Очерк жизни и творчества. Орджоникидзе, 1965.
Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970.
Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии в XIX в. 2-е изд. Сухуми, 1983.
Дзидзоев М. Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии (вторая половина XIX — начало XX в.). Орджоникидзе, 1979.
Дзоблаев Ш. Д. Передовая политическая мысль в Осетии конца XIX — нач. XX в. М., 1971.
Дзюбенко П. В. Предвестница революции. Ростов н/Д, 1972.
Дидебулидзе З. Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья в X—XII вв. Тбилиси, 1983.
Добролюбов Н. А. О значении наших великих подвигов на Кавказе // Соч. М., 1936. Т. 4.
Докучаев В. В. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны Кавказа // Кавказ. 1898. № 253, 256.
Докучаев В. В. К учению о зонах природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны. СПб., 1899.
Докучаев В. В. О почвенных зонах и вообще вертикальных зонах в осо-

бенности // Кавк. сел. хоз-во. 1898. № 246, 247.
Докучаев В. В. Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г. Тифлис, 1899.
Долуиц Г. К. Киров на Северном Кавказе. М., 1985.
Дон и степное Предкавказье, XVIII — первая половина XIX в.: (Заселение и хозяйство). Ростов н/Д, 1977.
Дон и степное Предкавказье, XVIII — первая половина XIX в.: Социальные отношения, управление, классовая борьба. Ростов н/Д, 1977.
Дорн Б. А. Каспий. СПб., 1875.
Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. I.
Дрогалина М. Революция 1905–1907 гг. на Ставрополье. Ставрополь, 1955.
Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889.
Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г.: (Его подготовка и заключение). М., 1955.
Дружинина Е. И. Северное Причерноморье, 1775–1800 гг. М., 1959.
Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма, 1825–1860 гг. М., 1981.
Дубовицкий М. М. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубани // Об особенностях империализма в России: (Сб. статей). М., 1963.
Дубровин Н. Ф. Закавказье от 1803–1806 гг. СПб., 1866.
Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871–1887. Т. 1–5.
Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.
Дударев С. Л. Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Борзой // Сов. археология. 1976. № 1.
Думанов Х. М. Обычное имущественное право кабардинцев (II половина XIX – нач. XX в.). Нальчик, 1976.
Думбадзе М. К. Западная Грузия в первой половине XIX в. М., 1957.
Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
Дьяков В. А. Исторические реалии «Хаджи Мурата» // Вопр. истории. 1973. № 5. С. 134–148.
Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи: (Ист.-этногр. очерк). Тифлис, 1902. (ЗКОРГО; Кн. 22, вып. 4).
Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
Еремян С. Т. Торговые пути Закавказья в эпоху сасанидов // Вестн. древ. истории. 1939. № 1.
Ерохин Н. Т. Расслоение крестьянства и классовая борьба в ставропольской деревне в период между буржуазно-демократическими революциями // К вопросам политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа. Ставрополь, 1969.
Жакомихов Т. А. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1965. Ч. 1.
Жижка М. В. Емельян Пугачев. 2-е изд. М., 1950.
Жилин П. А. Разгром турецкой армии в 1811 г. М., 1952.
Журавлев В. В. Нов ли миф о «народном капитализме» // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1966. № 249.
Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. СПб., 1908, 1912. Т. 1, 2.
Заседателева Л. Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX вв. // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. 8.
Заседателева Л. Б. Специфика культурно-бытового уклада северокавказского казачества конца XIX – нач. XX в. // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Ист.-этногр. очерки. М., 1974.
Засецкая И. П. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV–X в. нашей эры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып. 18.
Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
Зевакин Е. С. Очерки по истории Азербайджана и Ирана XVI–XVII вв. Баку, 1938. Ч. 1.
Зевакин Е. С., Пенченко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Ист. зап. М., 1938. Т. 3.
Зекох У. С. Умар Берсей – просветитель адыгейского народа // Учен. зап. Адыг. НИИ. 1957. Т. 1.
Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726–1880). СПб., 1881. Т. 1–3.
Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974.
Золотов В. А. Аграрная политика царизма по отношению к казачеству в 1907–1917 гг. // Учен. зап. ист.-филол. фак. Рост. ун-та. История СССР. 1952. Т. 21, вып. 3.
Золотов В. А. Крестьянское движение на Дону в 1905–1907 гг. Ростов н/Д, 1953.
Золотов В. А., Демешина Е. И. Дон в

первой русской революции. Ростов н/Д, 1981.
Золотов В. А., Пронштейн А. П. За землю, за волю. Ростов н/Д, 1974.
Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1834—1835. Ч. 1—4.
Зубов П. Подвиги русских войск в странах Кавказа 1810—1834 гг. СПб., 1835.
Ибрагимбейли Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971.
Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. М., 1969.
Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Северный Кавказ в XVI — первой половине XIX в. в освещении современной буржуазной историографии // История СССР. 1982. № 2.
Ибрагимбейли Х.-М. Страницы истории боевого содружества русского и кавказского народов. Баку, 1970.
Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. СПб., 1859. Т. 7.
Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 120.
Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.
Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
Известия Владикавказского городского общественного управления. Владикавказ, 1905.
Известия Сев.-Осет. НИИ. Дзауджикау, 1948. Т. 12.
Известия Сев.-Осет. НИИ. История. 1958. Т. 21, вып. 1. Далее: Изв. СОНИИ.
Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.
Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
Из истории революционного движения рабочих Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1984.
Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971.
Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.
Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1958.
Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968.
Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
Индербиев М. Т. Очерки истории здравоохранения Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958.
Исаев С. А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне 50—60-х годах XIX в. // Изв. ЧИ НИИ. 1974. Т. 9, вып. 1, ч. 3.
Исаев С. А. Из истории классовой борьбы в Чечне в 60—70-х годах XIX в. // Там же. 1976. Т. 9, вып. 1, ч. 4.
Исаева Т. А. Социально-экономическое положение Чечено-Ингушетии в XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 1967.
Исаева Т. А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. Вып. 9.
Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1959. Т. 1.
Исаков М. И. Исчезнувший город в Дагестане // Ист. журн. 1941. № 6.
Искусство Кубачи. Л., 1976.
Ислам Карачайлы: Статья и очерки. Черкесск, 1984.
Исмаилов И. З.-О. Ленинская теория некапиталистического развития и народности Кавказа. Баку, 1968.
Истоки великой дружбы. Грозный, 1978.
История Азербайджана: В 3 т. Баку, 1958. Т. 1.
История армянского народа. Ереван. Т. 1, 1971; Т. 3. 1976; Т. 4. 1972. На арм. яз.
История горских и кочевых народов Северного Кавказа: Сб. статей/Под ред. В. П. Невской. Ставрополь, 1975—1980. Вып. 1—5.
История Дагестана: В 4 т. М., 1967. Т. 1—2.
История дипломатии. М., 1961. Т. 1, 2.
История Дона: С древнейших времен до падения крепостного права. Ростов н/Д; 1973.
История Дона: Эпоха капитализма. Ростов н/Д, 1974.
История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1958.
История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1: История Кабардино-Балкарской АССР, с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.
История Кабарды: С древнейших времен до наших дней. М., 1957.
История первой мировой войны, 1914—1918: В 2 т./Под ред. И. И. Растунова. М., 1975.
История Северо-Осетинской АССР. 2-е изд. М., 1987. Т. 1.
История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. 1—6. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966—1968.

История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
Источниковедческие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1975.
Итоги и задачи изучения истории внешней политики России. М., 1982.
Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
Кавказ в русской поэзии. Ростов н/Д, 1986.
Кавказ и Восточная Европа в древности: Сб. статей. М., 1973.
Кавказские Минеральные Воды. Ставрополь, 1960.
Казбеков Г. В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860–1940 гг.). Орджоникидзе, 1963.
Каймазаров Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: От времени присоединения к России до наших дней. М., 1971.
Калмыков Ж. А. К вопросу о сельском административном управлении в Кабарде и Балкарии // Учен. зап. КБ НИИ. 1974. Т. 26.
Калмыков И. Х. Черкесы: Ист.-этногр. очерк. Черкесск, 1974.
Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство Осетии. М., 1973.
Калоев Б. А. Миллер-кавказовед. Орджоникидзе, 1967.
Калоев Б. А. Осетины: (Ист.-этногр. исслед.). 2-е изд. М., 1971.
Кануков И. Сочинения. Орджоникидзе, 1963.
Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966.
Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912.
Карачаевцы. Черкесск, 1978.
Карданов Ч. Э. Аграрное движение в Кабарде и Балкарии (конец XIX – начало XX в.). Нальчик, 1963.
Карданов Ч. Э. Страницы революционного прошлого Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976.
Карданов Ч. Э. У истоков дружбы. Нальчик, 1982.
Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951.
Касумов А. Х. Англо-турецкие происки на Северном Кавказе после окончания Крымской войны // Учен. зап. КБГУ. 1959. Вып. 5.
Касумов А. Х. Разные судьбы. Нальчик, 1968.
Каширин Е. Д. Дагестанцы в революционном движении бакинского пролетариата. Махачкала, 1973.
Кекелидзе К. С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонтия Мровели // Этюды. Тбилиси, 1955. Т. 3.
Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
Керефов Б. М. Памятники племен Центрального Предкавказья III–I вв. до н. э. // Учен. зап. КБ НИИ. 1974. Т. 26.
Керефов К. Н. Из истории сельского хозяйства Дона и Северного Кавказа: (огородничество, бахчеводство, разведение табака) 60–80-е годы XIX в. Нальчик, 1973.
Керимов П. К. История профсоюзного движения в Дагестане (1905 г.– июнь 1941 г.). Махачкала, 1963.
Керимов С. А. Народное музыкальное творчество лезгин. Махачкала, 1961.
Кермен // СИЭ. М., 1965. Т. 7.
Кешев А.-Г. Избранные произведения. Нальчик, 1976.
Киласов А.-Г. Избранные произведения. Нальчик, 1976.
Киласов Р. К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. М., 1971.
Кильчевская Э. В. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962.
Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.
Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопр. истории. 1983. № 4.
Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963.
Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.
Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984.
Киреев Е. П. Пролетариат Грозного в революции 1905–1907 гг. 2-е изд., испр. Грозный, 1955.
Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: (Очерки правительственной политики). Л., 1978.
Клейн Л. С. Перун на Кавказе // Сов. этнография. 1985, № 6.
Клинген Й. Основа хозяйства в Сочинском крае. СПб., 1897.
Кобычев В. П. Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.)/Под ред. В. К. Гарданова. М., 1968.
Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.
Ковалевский А. П. Посольство халифа

к царю волжских булгар в 921—922 гг. // Ист. зап. М., 1951. Т. 37.
Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе: В 2 т. М., 1890.
Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон, обычное право осетин в историко-сравнительном изучении: В 2 т. М., 1886.
Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы: Века и народы. М., 1984.
Коджесау Э. Л. К вопросу о сельской общине у адыгов в XIX — нач. XX в. // Учен. зап. Адыг. НИИ яз., лит. и истории. 1970. Т. 11.
Козенкова В. И. Восточный вариант кобанской культуры // Свод археологических источников. М., 1977. Вып. 2–5.
Козенкова В. И. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный. 1968. Т. 2.
Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977.
Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969.
Козубский Е. П. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. Порт-Петровск, 1890.
Козубский Е. П. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
Кокиев Г. А. Аграрное движение в Кабарде в 1913 г. Нальчик, 1946.
Кокиев Г. А. Борьба кабардинских феодалов за власть // Революция и горец. 1929. № 9.
Кокиев Г. А. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. № 22–24.
Кокиев Г. А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.
Кокиев Г. А. Русско-кабардинские отношения в XVI—XVIII вв. // Вопр. истории. 1946. № 10.
Кокиев С. Записки о быте осетин // Сборник материалов, издаваемых при Дашковском этнографическом музее. М., 1885. Вып. 1.
Коков Д. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
Кокшайский И. Н. Эволюция хозяйственной жизни Ставропольской губернии за время 1880—1913 гг. Саратов, 1915.
Колесников А. И. Иран в начале VII в. // Палестинский сборник. Л., 1970. Вып. 22.
Колосов Л. Н. «Алдынский бум»: (Борьба вокруг грозненской нефти в 1910—1917 гг.) // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972.
Колосов Л. Н. Грозненская нефтяная промышленность в период империализма // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1979. № 3.
Колосов Л. Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893—1917 гг.). Грозный, 1962.
Колосов Л. Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893—1917 гг.). Грозный, 1965.
Колосов Л. Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907—1917 гг.). Грозный, 1968.
Константинов О. А. Северный Кавказ. М.; Л., 1930.
Кореняко В. А. Кавказские элементы в культуре калмыков // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1984. № 2.
Корзун В. Б. Литература горских народов Северного Кавказа: (Дооктябрьский период). Грозный, 1966.
Корнилович А. С. Сочинения и письма. М.; Л., 1957.
Королев В. Н. Морские кампании донских казаков 1637—1641 гг. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1986. № 1.
Королев В. Н. Морские походы донских казаков в середине XVI в. // Там же. 1987. № 1.
Короленко П. П. Материалы по истории Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 13.
Короленко П. П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1899. Вып. 1.
Короленко П. П. Черноморцы. СПб., 1874.
Корольков Г. Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис, 1900.
Косвен М. О. Аталычество // Сов. этнография. 1935. № 2.
Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1; 1958. Вып. 2; 1962. Вып. 3.
Косвен М. О. Семейная община и патрономия. М., 1963.
Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: Исслед. и материалы. М., 1961.
Коссович П. Ф. Партийные организации во главе революционных событий 1905—1916 гг. на территории Адыгеи // Учен. зап. Адыг. ГПИ. Каф. марксизма-ленинизма. Майкоп, 1962. Вып. 1.
Костенецкий Я. Об аварской экспедиции на Кавказе. СПб., 1851.

Котович В. Г. Археологические работы в Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Вып. 2.
Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // Учен. зап. Ин-та истории, яз. и лит. 1961. Вып. 9.
Котович В. Г. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1973. № 3.
Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
Котович В. М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976.
Кочекаев Б. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата; Черкесск, 1973.
Краснов Г. Д. Ставрополь на Кавказе: Ист. очерк. Ставрополь, 1957.
Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1978–1983.
Крикунов В. П. А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963.
Крикунов В. П. Крестьянское движение на Дону и Северном Кавказе в 60–70-х годах XIX в.: (Очерки). Грозный, 1965.
Крикунов В. П. Крестьянская реформа в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1949.
Крикунов В. П. Некоторые вопросы изучения хозяйства горцев, крестьян и казаков // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1976. № 3.
Крикунов В. П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60–90-е годы XIX в. Грозный, 1973.
Крикунов В. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве на Северном Кавказе в пореформенный период // История СССР. 1962. № 10.
Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик, 1958.
Крикунов В. П. Совместная борьба русских и кабардинских крестьян против феодального гнета в 60-х годах XIX в. Нальчик, 1956.
Крикунова Е. О. Народные волнения в балкарских обществах в 90-е годы XIX в. Нальчик, 1958.
Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н. э. М.; Л., 1958.
Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи // Труды ГИМ. М., 1948. Вып. 17.
Крупнов Е. И. Десять лет деятельности Северо-Кавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. Вып. 3.
Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
Крупнов Е. И. Кавказ в древнейшей истории нашей страны // Вопр. истории. 1966. № 5.
Крупнов Е. И. Раннежелезный век Северного Кавказа // Учен. зап. Ин-та истории, яз. и лит. Сер. ист. 1963. Вып. 14.
Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
Крымский А. Е. Страницы из истории Северного и Кавказского Азербайджана: (классическая Албания) // С. Ф. Ольденбургу. Л., 1934.
Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани/Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1967.
Кубланов М. М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1958.
Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.
Кудрявцев А. А. Длинные стены на Восточном Кавказе // Вопр. истории. 1970. № 11.
Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.
Кудрявцев А. А., Шихсаидов А. Р. Опыт периодизации экономического развития средневекового Дербента (VI–XVIII вв.). // Бартольдовские чтения, 1976. М., 1976.
Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми, 1922.
Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
Кузнецов В. А. Аланская культура центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–VIII вв. // Сов. археология. 1973. № 2.
Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1962. № 106.
Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища // Сов. археология. 1963. № 1.
Кузнецов В. А. О чем рассказывают археологические памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1968.
Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
Кузнецова А. Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.
Кузнецова Н. М. Ставропольский театр в 1905–1907 гг.: Материалы к теме «Краеведение в истории СССР». Ставрополь, 1977.
Кузьмина Е. Е. Навершие со всадниками из Дагестана // Сов. археология. 1973. № 3.

Кулаковский Ю. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в.: (По поводу изъяснения надписи Евпатерия) // Византийский временник. СПб., 1896. Т. 3. Далее: В. В.

Кулинария народов Северного Кавказа. Махачкала, 1959.

Кулиш И. Расслоение кубанского казачества в конце XIX – начале XX в. // Тр. Кубан. пед. ин-та. 1930. Т. 1 (4).

Кулов С. Д. Осетия накануне и в период мировой империалистической войны // Учен. зап. Сев.-Осет. пед. ин-та. 1949. Т. 28. Вып. ист.-филол.

Кулов С. Д. Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX и в начале XX в. Орджоникидзе, 1966.

Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.)/Под ред. В. К. Гарданова. М., 1968.

Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962.

Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985.

Кумыков Т. Х. Кази Атажукин. Нальчик, 1969.

Кумыков Т. Х. Казы-Гирей. Нальчик, 1978.

Кумыков Т. Х. В. И. Ленин об особенностях социально-экономического развития Кавказа // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1975. № 1.

Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивное значение. Нальчик, 1957.

Кумыков Т. Х. Совместная борьба русского и кабардинского народов против иностранных захватчиков в XVI–XVIII вв. // Учен. зап. КБ НИИ. 1955.

Кумыков Т. Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959.

Кумыков Т. Х. Хан Гирей: (Жизнь и деятельность). Нальчик, 1968.

Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.

Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в.: К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981.

Куприянова Л. В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки. М., 1963. Т. 73.

Кусов Г. И. Малоизвестные страницы кавказского путешествия А. С. Пушкина. Орджоникидзе, 1983.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, II половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963.

Кушева Е. Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII в. М., 1931. Ч. 2.

Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (IV–III тысячелетия до н. э.). Л., 1970.

Лавров Л. И. Абазины: (Ист.-этногр. очерк) // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Т. 1.

Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4.

Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.

Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Лавров Л. И. Кавказская Тюмень // Вопросы истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.

Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4.

Лавров Л. И. К истории бжедугов и жанеевцев // Учен. зап. Адыг. НИИ яз., лит. и истории. 1965. Т. 4.

Лавров Л. И. К истории северокавказского фольклора // Сов. этнография, 1979. № 1.

Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5.

Лавров Л. И. «Обезы» русских летописей // Сов. этнография. 1946. № 4.

Лавров Л. И. Происхождение балкарцев и карачаевцев // Крат. сообщ. Ин-та этнографии. 1959. Т. 32.

Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Сов. этнография. 1956. № 1.

Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Т. 1.

Лавров Л. И. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа // Сов. этнография. 1951. № 4.

Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языке. М., 1966. Ч. 1–3.

Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982.

Лазарашвили Г. Р. О времени переселения осетин в Грузию // Сов. этнография. 1966. № 2.

Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

Лайпанов Х. О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Тр. Карачаево-Черкес. НИИ истории, яз. и лит. 1966. Вып. 5.

Лакские эпические песьи/Сост. и примеч. Х. Халилова. Махачкала, 1969.
Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии XVIII—XIX вв. Орджоникидзе, 1960.
Латышев В. В. Кавказские памятники в Москве // Зап. Рус. археол. о-ва. Н. С. 1887. Т. 2.
Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1871.
Лебедев В. И. Посольство А. Волынского в Персии // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филол. 1948. Т. 5, № 6.
Лебедик Н. И. Ленинская «Искра» и социал-демократическое движение на Северном Кавказе // Ленинская «Искра» и местные партийные организации России (1900—1903 гг.). Пермь, 1971.
Лебедик Н. И. Состав и положение рабочих Северного Кавказа накануне первой мировой войны // Вопр. истории. Краснодар, 1965.
Лежава А. П. Революционное содружество народов Грузии и Северного Кавказа в борьбе за победу социалистической революции. М., 1978.
Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882—1883. Т. 1—2.
Лермонтов М. Ю. и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1981.
Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975.
Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней. Художественные произведения, документы, письма, мемуары, статьи. Тбилиси, 1961. Т. 1.
Литвиненко Т. М., Плиева Ж., Русанов И. Русский театр в Осетии. Орджоникидзе, 1971.
Лодыженский А. М. Формы перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу: (по материалам Северного Кавказа) // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. 1961. № 2.
Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
Лысцов В. П. Персидский поход Петра I, 1722—1723. М., 1951.
Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
Любин В. П. Палеолит Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. 2.
Любин В. П. Первые исследования памятников каменного века в Чечено-Ингушской АССР // БКИЧП. 1963. № 28.
Люлье Л. А. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Зап. Кавк. отд. имп. Рус. геогр. о-ва. 1862. Кн. 5.
Мавродин В. В. и др. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1; 1966. Т. 2.
Магомедов А. Р. Горская средневековая община: (К методологии изучения) // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1984. № 4.
Магомедов А. Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV—XVII вв. Ростов н/Д, 1985.
Магомедов Д. Некоторые вопросы формирования и развития профессионального искусства Дагестана. Махачкала, 1971.
Магомедов Д. Профессиональное искусство Дагестана: Основные закономерности становления и развития. Махачкала, 1972.
Магомедов М. Г. Верхне-Чирюртовское городище // Учен. зап. Ин-та истории, яз. и лит. Даг. фил. АН СССР. 1969. Т. 19, № 2.
Магомедов М. Г. Древние центры Хазарии // Сов. археология. 1975. № 3.
Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
Магомедов Р. М. Дагестан: Ист. этюды. Махачкала. 1971. Вып. 1; 1975. Вып. 2.
Магомедов Р. М. История Дагестана: С древнейших времен до конца XIX в. 2-е изд. Махачкала, 1968.
Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане: Из записных книжек историка. Махачкала, 1969.
Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957.
Магомедов Р. М. Хронология истории Дагестана. Махачкала, 1959.
Магомедов Р. М., Криштопа А. Е. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1978. № 3.
Магометов А. Х. Культура и быт осетинского крестьянства. Орджоникидзе, 1963.
Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
Магометов А. Х. Этнические и культурно-исторические связи алан-осетин и ингушей. Орджоникидзе, 1982.
Магометов А. Х. Этнография Осетии. Орджоникидзе, 1970.
Макарий. История христианства в России до равноапостольского князя Владимира. СПб., 1868.
Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983.

Максимов Е. Кабардинцы // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 2.
Максимов Е., Вертепов Гр. Туземцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1892. Вып. 1.
Маллачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928.
Мальсагов Д. Д., Ошаев Х. Д. Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа // Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963.
Мальсагова Т. Т. Восстание горцев в Чечне в 1877 г. Грозный, 1968.
Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
Мамбетов Г. Х. Из истории транспорта и средств связи Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
Мамбетов Г. Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1962.
Мамбетов Г. Х. Куба в прошлом и настоящем. Нальчик, 1967.
Мамбетов Г. Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии: Вторая половина XIX – 60-е годы XX в. Нальчик, 1971.
Мамбетов Г. Х., Маслов А. А. Из истории народной медицины кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX в. // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1977. Вып. 1.
Мамбетов Г. Х., Каймаразов Г. Ш. Просвещение народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1980. № 3.
Мамонтова А. В. Восстание закубанских кабардинцев в 1868 г. // Учен. зап. Кабард. НИИ. 1947. Т. 2.
Маркграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
Марков Е. Очерки Кавказа. СПб.; М., 1913.
Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951.
Маркова О. П. Новые материалы о «Проекте Российской Закавказской компании» А. С. Грибоедова и П. Д. Завилейского // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 6.
Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.
Марковин В. И. В стране вайнахов. М., 1969.
Марковин В. И. В ущельях Аргупа и Фортанги. М., 1966.
Марковин В. И. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969.
Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.
Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
Марковин В. И. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. наукп. 1976. № 4.
Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1960. № 93.
Марковин В. И. Памятники искусства и культуры древнего Кавказа // Сов. этнография. 1970. № 3.
Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М.; Л.. 1958.
Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтынаринского вольного общества в XVIII—XIX вв. // Учен. зап. Ин-та истории, яз. и лит. Даг. АН СССР. 1957. Т. 3.
Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Там же. 1959. Т. 6.
Маршаев Р. Г. Казикумухское шамхальство в русско-турецких отношениях в первой половине XVI — начале XVII в. // Там же. 1963. Т. 11.
Маршаев Р. Г. Об одном памятнике по истории Аварии // Там же. 1958. Т. 5.
Маршаев Р. Г., Омаров А. С. Постановление Рустем-хана как источник по истории Кайтага // Там же. 1959.
Маршаев Р. Г. Сношения Кайтага и Казикумуха с Русским государством в первой половине XVII в.: Автореф. дис. .... канд. ист. наук. М., 1954.
Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). М., 1976.
Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг. Махачкала, 1973.
Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX – начале XX в. Нальчик, 1979.
Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1986.
Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии (60—90-е годы XVIII в.): Документы и материалы/Подобр. и подгот. к печати В. Н. Гамрекели. Тбилиси, 1980. Вып. 1.
Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских обществ // История СССР. 1975. № 6.
Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.
Меретуков М. А. Развитие металлургии у адыгов в XIX в. // Учен. зап. Адыг.

НИИ яз., лит. и истории. 1968. Т. 8.
Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
Месхиа Ш. А., Цинцадзе Я. З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси, 1958.
Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII—XVIII вв.). Нальчик, 1970.
Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973.
Миллер А. А. Черкесские постройки. СПб., 1914.
Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881—1887. Ч. I—III.
Милованов Г. И. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане (90-е годы XIX в.— июнь 1941 г.). Махачкала, 1963.
Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963.
***Мичадов Т. М.* Албания и Атропатена** по древнеримским источникам. Баку, 1977.
Модестов В. В., Скибицкий В. А., Серый Ю. И. Первая гроза. Ростов н/Д, 1975.
Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // Сов. археология. 1955. № 23.
Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937.
Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
Мужев И. Ф. Казачество Дона, Кубани и Терека в революции 1905—1907 гг. Орджоникидзе, 1963.
Мужев И. Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900—1914 гг.). Нальчик, 1965.
Мужев И. Ф. Очерки истории революционного движения на Северном Кавказе, 1905—1907 гг. Нальчик, 1957.
Мужев И. Ф. Советы рабочих депутатов в 1905 г. на Дону и Северном Кавказе. Нальчик, 1962.
Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVIII вв.). Грозный, 1977.
Мужухоев М. Б., Плиев А. А. Об одной попытке определения места первоначального расселения гребенских казаков // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Т. 10.
Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961.
Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
Мунчаев Р. М. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954.
Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик, 1982.
Муталиев Т.-Х. В одном строю: (Чеченцы и ингуши в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.). Грозный, 1978.
Надеждин П. Кавказский край: Природа и люди. Тула, 1895.
Найденко А. В. Об этническом составе населения Ставропольского края в эпоху раннего железного века // Тезисы XIV Крупновских чтений. Орджоникидзе, 1986.
Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в 1-й половине XVII в. Тбилиси, 1968.
Налоев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978.
Налоева Е. Д. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. // Вестн. КБНИИ. 1972. Вып. 6.
Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М. Т. 1. 1980; Т. 2. 1981.
Народы Дагестана: Сб. статей. М., 1955.
Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.
Нарочницкий А. Л. Международные отношения европейских государств с 1794 по 1830 г. М., 1946.
Нарочницкий А. Л. Международные отношения европейских государств от июльской революции во Франции до Парижского мира (1830—1856). М., 1946.
Нарочницкий А. Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1979. № 4.
Нартский эпос: Материалы совещ. Орджоникидзе, 1956.
Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России: (Дооктябрьский период). Махачкала, 1956.
Невская В. П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972.
Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Тр. КЧ НИИ. (Сер. ист.). 1959. Вып. 3.
Невская В. П. Карачай в XIX в. Черкесск, 1966.
Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия/Под ред. П. А. Брюханова. Черкесск, 1956.
Невская В. П. Проблемы сельской об-

щины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1985. № 1.

Невская В. П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (конец XVIII – начало XX в.) // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1985.

Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в.: (Дореформенный период). Черкесск, 1960.

Невская Т. А. Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополья // Сов. этнография. 1982. № 1.

Невская Т. А. Хозяйство и хозяйственный быт русских крестьян Ставрополья в XIX – начале XX в. // Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981.

Недосекин В. И. Черномория: Проблемы социально-экономической структуры. Краснодар, 1980.

Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов в Закавказье. СПб., 1848.

Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Майкоп, 1985.

Некрасов А. М. Внешнеполитические предпосылки вхождения адыгов в состав Русского государства в первой половине XVI в. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1985. № 4.

Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике в 1725–1739 гг. М., 1976.

Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан/Перев. и примеч. В. И. Абаева. Орджоникидзе. 1960.

Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа. Ереван, 1965.

Нечаева Л. Г. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин // Этническая история народов Азии. М., 1972.

Нечаева Л. Г. О жилищах кочевников юга Восточной Европы в железном веке // Древнее жилище народов Восточной Европы. Л., 1973.

Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.

Никитин С. А. Россия и освобождение Болгарии // Вопр. истории. 1978. № 7.

Новиков М. Г. Ставропольский краевой драматический театр им. М. Ю. Лермонтова. Ставрополь, 1971.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в I половине XVII в. М.; Л., 1948.

Новосельцев А. П. Георгиевский трактат 1783 г. и его историческое значение // История СССР. 1983. № 4.

Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980.

Новосельцев А. П. Киевская Русь и страны Востока // Вопр. истории. 1983. № 5.

Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура // Там же. 1973. № 2.

Новосельцев А. П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI–XVII вв. // Там же. 1970. № 9/10.

Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения в I половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966.

Новосельцев А. П. Русско-иранские политические отношения во II половине XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.

Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1983.

Ногмов Ш. Б. Филологические труды. Нальчик. 1956. Т. 1; 1959. Т. 2.

Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в.: Материалы конф. 28–29 марта 1973 г. Нальчик, 1976.

О движении горцев под руководством Шамиля: (Материалы сес.). Махачкала. 1967.

Омарла Батырай: Материалы науч. сес., посвящ. 150-летию поэта. Махачкала. 1977.

Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

Опрышко О. Л. Через века и судьбы. Нальчик, 1982.

Орлик О. В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984.

Ортабаев Б. Х. Развитие промышленности и торговли в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1978.

Ортабаев Б. Х. Развитие экономики Северной Осетии в конце XIX – начале XX в. Орджоникидзе, 1967.

Ортабаев Б. Х. Революционное движение в Северной Осетии в конце XIX – начале XX в. Орджоникидзе, 1980.

Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Осетинская литература. М., 1952.

Осетинские народные сказки. М., 1973.

Осетинское народное творчество/Сост. З. Салагаева; Под общ. ред. В. Абаева. Орджоникидзе, 1961. Т. 1.

Османов Г. Г. Генезис капитализма в

сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.
Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.
Османов М.-Э. Сборник ногайских и кумыкских песен. СПб., 1883.
Острогорский М. Завоевание Кавказа (1861—1864). СПб., 1880.
О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927.
Очерки истории Адыгеи. Майкоп. 1957. Т. 1.
Очерки истории балкарского народа: (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик, 1961.
Очерки истории горских народов Кавказа. Тбилиси. Вып. 1. 1969; Вып. 2. 1978. На груз. яз.
Очерки истории Дагестана: В 2 т. Махачкала, 1957. Т. 1.
Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик, 1971.
Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик, 1968.
Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.
Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1976.
Очерки истории партийных организаций Дона 1898—1920 гг. Ростов н/Д, 1973. Ч. 1.
Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969.
Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во II четверти XVIII в. М.; Л., 1953—1958. Вып. 1—8.
Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1984. Т. 1.
Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.
Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: (С древнейших времен до наших дней): В 2 т. Грозный, 1967. Т. 1.
Очерки истории Чечено-Ингушской литературы. Грозный, 1963.
Очерки экономического развития Дона (1861—1917). Ростов н/Д, 1960.
Памятная книжка кубанской области. Екатеринодар, 1876.
Пантелеев И. Я. Очерк истории изучения и развития Кавказских Минеральных Вод. М., 1955.
Пантюхов И. И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. Тифлис, 1899.
Патракова В. Ф. Бестужев о Кавказе // Дон. 1984. № 2.
Пахомов Е. А. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. Баку, 1930.
Пачев Б. Верные слова: Стихи: Пер. с кабард. М., 1957.
Паченкова М. Т. Россия, Франция и Турция в 1863 г. // Новая и новейшая история. 1970. № 6.
Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. М., 1968.
Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. А. А. Чибиров. Цхинвали. Т. 1. 1981; Т. 2. 1982; Т. 3. 1984.
Песни горцев. М., 1939.
Песни народов Дагестана. Л., 1970.
Песни народов Северного Кавказа. Л., 1976.
Песни Терска: (Песни гребенских и сунженских казаков). Грозный, 1974.
Песни Терского казачества // Терский сборник на 1891 г. Владикавказ. 1890. Отд. II.
Петров А. История 83-го пехотного Самурского полка. Петровск, 1882.
Петрушевский И. Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.
Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913.
Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья: С древнейших времен до н. э.: Курс лекций. Л., 1949.
Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952.
Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.
Плетнева С. А. Хазары. 2-е изд. М., 1986.
Покровский М. В. Адыгейские племена в конце 18-первой половине 19 в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Т. 2.
Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957.
Покровский М. В. Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX в. и ее отражение в общем ходе кавказской войны. М., 1956.
Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.
Покровский Н. И. Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны // Революция и горец. 1933. № 6/7.
Покровский Н. И. Мюридизм // Учен. зап. ист. факт. РГПИ. 1941. Т. 1.
Покровский Н. И. Мюридизм у власти // Историк-марксист. 1934. № 2.
Покровский Н. И. Обзор источников по истории имамата // Проблемы источниковедения. М., 1936. Сб. 2.
Покровский Н. И. Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. 1934. № 2.
Полиевктов М. А. Европейские путе-

шественники по Кавказу, 1800–1830 гг. Тбилиси, 1946.
Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.
Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки: (Стат.-экон. очерк). СПб., 1913.
Пономарев А. А. К характеристике расслоения северо-кавказской деревни: (Материалы). Ростов н/Д, 1925.
Пономарев К. П., Штейнер С. И. Очерк истории нефтяной промышленности Кубани. М., 1958.
Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1: Гребенское войско.
Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973.
Попов М. Я. Народы Северного Кавказа в эпоху феодализма // Вопр. истории. 1966. № 7.
Потто В. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 2.
Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1892–1894. Т. 1–4.
Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.; Тифлис, 1885–1891. Т. 1–5.
Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901–1904. Т. 1–3.
Поэзия народов СССР, XIX – начало XX в. // Библиотека Всемирной литературы. М., 1977.
Поэзия Чечено-Ингушетии. М., 1959.
Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
Преданпе о Жабагу/Сост. А. Шортанов. Нальчик, 1985.
Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981.
Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.
Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Краснодар, 1985.
Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1983.
Прозрителев Г. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1892. Т. 2.
Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1966.
Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д, 1961.
Пронштейн А. П. Материалы о народах Северного Кавказа XVI–XVIII вв. в советских архивах // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1978. № 2.
Пронштейн А. П. Роль казачества и крестьянства в заселении и хозяйственном освоении Дона и степного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX в. // Там же. 1981. № 1.
Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983.
Просянова И. В. Сельская кредитная кооперация Предкавказья в период империализма: (Историогр. обзор) // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983.
Пушкаренко А. А. Начальный этап русского земледелия в Северо-Восточном Приазовье // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964.
Пушкин А. С. в русской критике. М., 1953.
Пятигорск в исторических документах, 1803–1917. Ставрополь, 1985.
Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае. Ростов н/Д, 1935.
Рабочие и социал-демократия Северного Кавказа накануне и в годы первой русской революции. Ростов н/Д, 1976.
Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.
Раков О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
Раковнч Д. В. Тенгинский полк на Кавказе, 1819–1846. Тифлис, 1900.
Рамазанов Х. Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в I половине XIX в. Махачкала, 1956.
Рамазанов Х. Х. Крестьянская реформа в Дагестане // Учен. зап. Ин-та истории, яз. и лит. Даг. фил. АН СССР. 1957. Т. 2.
Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972.
Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
Раннесредневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1977.
Ратушняк В. Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1973.
Ратушняк В. Н. Торговое земледелие Северного Кавказа и особенности его специализации в конце XIX – начале XX в. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1984. № 3.

Ратушняк В. Н. Частное землевладение в Кубанской области во II половине 19 — нач. 20 в. // Там же. 1975. № 1.
Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М., 1956.
Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России: Ист.-экон. очерки. М., 1958.
Речменский Н. Музыкальная культура Чечено-Ингушской АССР. М., 1965.
Ржевусский А. Терцы: Сборник исторических, бытовых и географических статистических сведений о Терской области. Владикавказ, 1888.
Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846.
Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Вып. 2.
Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Сов. этнография. 1978. № 2.
Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.; Л., 1949.
Розенберг Л. К. Некоторые своеобразные и малопонятные слова, вошедшие в говор населения станиц Северного Кавказа // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. Отд. 2.
Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
Романовский П. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860.
Россия: Ее настоящее и прошедшее. СПб., 1900.
Ростов-на-Дону. Ист. очерки. Ростов н/Д, 1984.
Рунич П. О. О Пугачевском бунте // Рус. старина. 1870. Т. 2.
Руновский А. Мюридизм и газават в Дагестане по отъединению Шамиля // Воен. сб. 1859.
Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977.
Сабанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии: М., 1984. Автореф. дисс. канд. ист. наук.
Саидов И. М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX вв. // Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. Грозный. 1964. Вып. 2.
Саидов И. М. Мехк-кхел у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Вып. 2.
Саидов И. М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. № 2.
Саидов М. С. Дагестанская литература XVIII–XIX вв. на арабском языке: Докл. на XXV Междунар. конгр. востоковедов. М., 1960.
Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом // Изв. ЧИ НИИ. 1963. Т. 3, вып. 1.
Самарин Ф. И. В мятежные годы: Большевики Грозного в авангарде борьбы за ленинскую тактику в годы первой русской революции на Тереке. Грозный, 1961.
Санакоев М. П. Народы Северного Кавказа и национально-освободительное движение славян Балканского полуострова в 1876 г. // Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа: (Дооктябрьский период). Махачкала, 1977.
Санакоев М. П. Страницы боевой дружбы: (Осетины в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.). Цхинвали, 1975.
Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
Сафарян С. Н. Султан-бек Абаев. Нальчик, 1964.
Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификация и использование археологических памятников. М., 1974.
Сахаров А. Н. Восточный поход Святослава и «Записки греческого монарха» // История СССР. 1982. № 3.
Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
Сахно Н. С. Поиски и находки. Краснодар, 1972.
Сванидзе М. Х. Турецко-иранские отношения в начале XVII в. и Грузия // Проблемы истории Турции. М., 1978.
Свистунова А. И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане: (Вторая половина XIX — начало XX в.). Махачкала, 1973.
Северная Осетия в революции 1905–1907 гг. Орджоникидзе, 1955.
Северный Кавказ в период революции 1905–1907 гг. Краснодар, 1981.
Седина А. М. Страницы истории рабочего движения на Кубани (1910–1916 гг.). Краснодар, 1961.
Семенов Л. Чах Ахриев. Владикавказ, 1928.
Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.
Семенов Л. П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного

Кавказа // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1951. № 23.
Семенов Л. П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
Семенов Л. П., Тедтоев А. А. Город Орджоникидзе: (Крат. ист. очерк). Орджоникидзе, 1957.
Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
Семернин П. В. Рабочий класс в революции 1905—1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях. Ростов н/Д, 1935.
Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967.
Серый Ю. И. От чугунки до советской магистрали // Перегон в столетие: Очерки о революционной и трудовой героике коллектива Северо-Кавказской магистрали. Ростов н/Д, 1964.
Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма. Ростов н/Д, 1973.
Сивков К. В. О проекте окончания Кавказской войны в середине XIX в. // История СССР. 1958. № 3.
Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы I мировой войны. М., 1973.
Синклер Дж. Г. Т. Восточный вопрос прошедшего и настоящего, защита России. СПб., 1878.
Сихарулидзе Ю. М. Борьба грузинского народа за независимость в XIII—XIV вв. Тбилиси, 1967. На груз. яз.
Сказания о нартах: Эпос народов Кавказа. М., 1969.
Сказки адыгских народов. М., 1978.
Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М., 1983.
Сказки народов Дагестана. М., 1965.
Скибицкий В. А. Торжество ленинской тактики. Краснодар, 1969.
Скитский Б. В. Очерки истории горских народов: Избранное. Орджоникидзе, 1972.
Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // Изв. СО НИИ. 1947. Т. 10.
Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
Смирнов А. П. Скифы. М., 1966.
Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.
Смирнов И. И. Восстание Болотникова (1606—1607). М.; Л., 1951.
Смирнов К. Ф. Катакомбы Северного Кавказа и их связь с катакомбами Южного Приуралья — Поволжья // Сов. археология. 1972. № 1.
Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948.
Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958.
Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 1—2.
Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопр. истории. 1950. № 10.
Сокольский Н. И. Гунны на Боспоре. М., 1968.
Сокуров В. Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII — нач. XVIII в. // Там же.
Сокуров В. Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х годах XVII в. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1957—1966.
Сомогов Г. А. Некоторые наблюдения над адыгейской народной музыкой // Учен. зап. Адыг. НИИ. 1973. Т. 18.
Сорин Ю. Н. На заре: Очерк о революционном движении молодежи России в начале XX в. М., 1958.
Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI — нач. XX в.). Грозный, 1979.
Социальные отношения народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978.
Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963.
Ставропольский край в истории СССР. Ставрополь, 1975.
Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21.
Студенецкая Е. Н. Прикладное искусство народов Карачаево-Черкесии XIX — нач. XX в. // Памятники Отечества. М., 1977. Кн. 3.
Сулейман-Эффенди. Описание поступков Шамиля противных шариату // Сб. Газеты «Кавказ». Тифлис, 1847. Т. 1.
Султанов К. Д. Поэты Дагестана: Крит.-биогр. очерки. Махачкала, 1959.
Таганрог: Ист.-краевед. очерк. Ростов н/Д, 1971.
Такоев С. К истории революционного движения на Тереке // Изв. СО НИИ краеведения. 1926. Вып. 2.
Танеев С. И. Заметки о музыке, танцах и песнях урусбиевцев // Вестн. Европы. 1886. № 1.
Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1970.
Таташвили В. Грузины в Москве. Тбилиси, 1959.
Теппеев А. М. Балкарская проза. Нальчик, 1974.

Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977.
Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
Теунов Х. Литература и писатели Кабарды. Нальчик, 1955.
Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.
Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977.
Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в.: (По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). М., 1978.
Ткачев Г. А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911.
Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914.
Тменов В. Х. Город мертвых. Орджоникидзе. 1973.
Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сб. трудов СО НИИ. 1976. Т. 31.
Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
Токайшвили Е. С. Карачай // СМОМПК. 1913. Вып. 43.
Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. Тифлис, 1900. Т. 1–2.
Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1895. Вып. 7: Предкавказская полоса.
Торопов Н. Опыт медицинской географии Кавказа. СПб., 1864.
Тотоев М. С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977.
Тотоев М. С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1962.
Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX в. (1903–1917 гг.). Орджоникидзе, 1968.
Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957.
Тотоев Ф. В. Общественно-экономический строй Чечни (II половина XVIII в.— 40-е годы XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.
Тотоев Ф. В. Развитие рабства и работорговли в Чечне: (Вторая половина XVIII в.— 40-е годы XIX в.) // Изв. ЧИ НИИИЯЛ. 1969. Т. 8, вып. 1.
Тоценко Л. Т. Рыбные промыслы казачьих областей Азовского бассейна, вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Ростов н/Д, 1970.
Трахо Р. Черкесы. Мюнхен, 1956.
Тревер К. В. Очерки истории Кавказской Албании. М.; Л., 1957.
Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959.
Тресков И. В. Светильник жизни: Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1966.
Тресков П. В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963.
Трехбратов Б. А. Борьба сельскохозяйственных рабочих в период образования первых организаций РСДРП на Кубани. Краснодар, 1972.
Трехбратов Б. А. К истории возникновения торгового табаководства на Северном Кавказе // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1982. № 1.
Трехбратов Б. А. Крестьянское движение на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. Краснодар, 1984.
Трехбратов Б. А. Революционное творчество крестьян Северного Кавказа в период высшего подъема первой российской революции // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1985. № 2.
Тройно Ф. П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1984.
Тройно Ф. П. Экономическое и культурное развитие горских народов Северного Кавказа в составе России (II половина XIX в.). Ставрополь, 1966.
Трубачев О. Н. О синдах и их языке // Вопр. языкознания. 1976. № 4.
Трудные годы: Декабристы на Кавказе/Сост., авт. предисл. В. А. Михельсон. Краснодар, 1985.
Туганов Р. У. Русско-кабардинские отношения в конце XVIII – начале XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
Тулумджан А. О. Из истории революционного движения в Сочинском округе в 1905—1906 гг. Сухуми, 1958.
Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5.
Тургиев Т. Б. О скотоводстве у алан // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. 2.
Туркаев Х. В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
Туркаев Х. В. О некоторых особенностях развития общественно-политической мысли чеченцев и ингушей в 1890—1917 гг. // Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. Грозный, 1982.

Турчанинов Г. Ф. Али-Кара-Мирза: Черкесская повесть в стихах и ее автор // Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв. М.; Л., 1958.
Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
Тхамоков Н. Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961.
Угрелидзе Н. Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли. Тбилиси, 1967.
Улигов У. А. Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967.
Уманец Ф. Проконсул Кавказа. СПб., 1912.
Умаров С. Ц. О позиции старшин в антиколониальной борьбе Чечни во II трети XIX в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Т. 10.
Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов в Дагестане в XVII в. Махачкала, 1973.
Услар П. К. Записки об исследовании кавказско-горских языков. Тифлис, 1887.
Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // ССПК. Тифлис. 1870. Вып. III.
Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1887–1896. Т. 1–6.
Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России // История СССР. 1959. № 6.
Фадеев А. В. Идейные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М., 1966.
Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений, 20–50-е годы XIX в. М., 1956.
Фадеев А. В. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Учен. зап. КБ НИИ. 1960. Т. 18.
Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958.
Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.
Фарфоровский С. Дагестанская мусульманская школа // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1915. Нояб.
Фарфоровский С. Из фольклора терских казаков // Зап. Тер. о-ва любителей казачьей старины. 1914. № 3.
Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
Феофилактова Т. М. Взаимоотношения России с народами Северо-Западного Кавказа в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Майкоп, 1985.
Феофилактова Т. М. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких отношениях в 1777–1779 гг. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1977. № 2.
Феофилактова Т. М. Северо-Западный Кавказ во внешней политике России в 1780–1783 гг. // Там же. 1980. № 1.
Ферворн М. К. К психологии первобытного искусства. М., 1910.
Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX в. Нальчик, 1979.
Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
Формозов А. А. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья // КСИА. 1964. № 98.
Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
Халилов Х. М. Лакский песенный фольклор: (Традиционное наследие). Махачкала, 1959.
Хакуашев А. Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978.
Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974.
Хан-Магомедов С. О. Дербент. М., 1958.
Хапсироков Х. Х. Истоки черкесской литературы. Черкесск, 1973.
Харадзе Р. Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Т. 2.
Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской топонимике // Там же.
Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Нагорная Ингушетия // Там же.
Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. М., 1885. Вып. 1.
Хасбулатов А. И. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии в период революции 1905–1907 гг. Грозный, 1966.
Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963.

Хасиев С.-М. А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – I половине XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов // Византийский временник. 1977. Т. 38.
Хачапуридзе Г. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первой половине XIX в. // Вопр. истории. 1946. № 5/6.
Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
Хашаев Х.-М. О. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. М., 1954.
Хашхожева Р. Х. Адыгские просветители второй половины XIX – нач. XX в. Нальчик, 1983.
Хевролина В. М. Война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // Вопр. истории. 1978. № 9.
Хетагуров К. Собр. соч.: В 5 т. М., 1960.
Хлыстов И. П. Дон в эпоху капитализма: 60-е – середина 90-х годов XX в. Ростов н/Д, 1962.
Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос: Исслед. карачаево-балкар. нартских сказаний/Под ред. А. И. Алиевой. Нальчик, 1974.
Хоретлев А. О. Влияние России на просвещение в Адыгее. Майкоп, 1957.
Хоруев Ю. Б. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX–XX вв. Орджоникидзе, 1978.
Хоруев Ю. Б. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971.
Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв., 1800–1917. М., 1950.
Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
Хубиев И. Сословные недоразумения в Карачае // Мусульманин. 1911. № 24.
Хут Ш. Х. Творчество адыгских писателей просветителей XIX – нач. XX вв. // Сборник по адыгской литературе и фольклору. Майкоп, 1975.
Цавкилов Б. Х. Шора Ногмов – выдающийся просветитель кабардинского народа // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки, 1975. № 3.
Цаликов А. Кавказ и Поволжье. М., 1913.
Цаллаев Х. К. Философские и общественно-политические воззрения Афанасия Гассиева. Орджоникидзе, 1966.
Цибиров Г. И. Осетия в русской науке. Орджоникидзе, 1981.
Цораев М. М. Восстание кабардинских и балкарских крестьян в 1913 г. Нальчик, 1963.
Цховребов З. П. Из истории развития общественно-политической и философской мысли осетинского народа в конце XIX – начале XX в. Тбилиси, 1973.
Цховребов З. П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1977.
Чеботарев Б. В. Особенности классовой борьбы в Приазовье в конце XVIII – нач. XIX в. // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1984. № 4.
Чекменев С. А. К вопросу о присоединении Северного Кавказа к России в конце XVIII в. // Учен. зап. Пятигор. пед. ин-та. 1956. Т. 13.
Чекменев С. А. К истории волнений ставропольских крестьян в конце XVIII и первой половине XIX в. // Учен. зап. Пятигор. пед. ин-та. Гуманит. науки. 1955. Т. 10.
Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск, 1967.
Чекменев С. А., Кузнецов А. В. На земли вольные, кавказские. Ставрополь, 1985.
Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973.
Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970.
Чомаев К. И. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа // Вопросы национальной психологии. Черкесск, 1972.
Чочиев А. Р. Очерки социальной истории осетин. Цхинвали, 1985.
Чурсин Г. Р. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.
Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.
Шавхелишвили А. И. Из истории горцев Восточной Грузии: (Тушетия XVI – первой половины XIX в.). Тбилиси, 1983.
Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958.
Шаманов И. М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – нач. XX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. 5.
Шамилев А. И. К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей // Изв. Чеч.-Инг. НИИ. Истории. 1963. Т. 3, вып. 1.
Шамрай В. С. К карте Черноморской кордонной линии 1847 г. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15.
Шанаев Дж. Присяга по обычному пра-

ву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7.
Шацкий П. А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг.: (Ист. исслед.) // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970.
Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Ставрополь: Ист. очерк. Ставрополь, 1977.
Шаховский. Два похода на Балканы, 1877–1878. М., 1899.
Шевченко Г. Н. Черноморское казачество в конце XVIII — первой половине XIX в. М., 1967.
Шегрен А. Осетинская грамматика. СПб., 1844.
Шелов Д. Б. К этнической истории Нижнего Подонья // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1974. № 3.
Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
Шепелев И. С. Донское и волжско-терское казачество в классовой и национально-освободительной борьбе в Русском государстве периода Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (1-я четверть XVII в.) // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972.
Шеремет В. И. Турция и адрианопольский мир. М., 1975.
Шигабудинов М. Ш. Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период первой русской революции 1905–1907 гг. Махачкала, 1964.
Шигабудинов М. Ш. Рабочее движение на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема и первой мировой войны (1910 – февраль 1917 г.). Махачкала, 1970.
Шигабудинов М. Ш. Рабочее движение на Северном Кавказе в годы реакции (1907–1910 гг.). Махачкала, 1973.
Шигабудинов М. Ш. Рабочие в авангарде революционного движения на Северном Кавказе в 1905–1907 гг. // Революция 1905–1907 гг. в Дагестане. Махачкала, 1976.
Шигабудинов М. Ш. Численность и состав рабочих Северного Кавказа накануне первой мировой войны // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала. 1976.
Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура: Ист.-этногр. этюды. М.; Л., 1949.
Шихарева М. М. Свадьба сельского населения Кубани // Сов. этнография. 1964. № 1.
Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв.: Опыт соц.-экон. характеристики. Махачкала, 1975.
Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи // Письменные памятники Востока: Ежегодник, 1972. М., 1977.
Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1968.
Шихсаидов А. Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.
Шихсаидова Р. С. Из истории дагестано-азербайджанских торгово-экономических отношений в XVII в. // Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Махачкала, 1977.
Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982.
Шортанов А. Т. Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961.
Шульман Е. Б. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и политические связи Молдавии и Валахии с Россией: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.
Щеголев А. И. Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. Нальчик, 1962.
Щербина Ф. А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916.
Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. Т. 1. 1910; Т. 2. 1913.
Щербина Ф. А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска // Кубанское казачье войско, 1696–1888. Воронеж, 1888. Т. 1–2.
Щербина Ф. А. Общий очерк экономических торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. СПб., 1892–1894. Ч. 1–2.
Щербина Ф. А. Очерки борьбы русских с черкесами. Екатеринодар, 1917.
Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып. 18.
Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1–2.
Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.
Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869.
Юсуфов Р. Многонациональная литература народов Дагестана // Вопросы Дагестанской литературы. Махачкала, 1973. Вып. 2: Национальное и интернациональное в литературе народов Дагестана.
Юшкин Е. М. Начало грозненской нефтепромышленности в очерках. Екатеринодар, 1909.
Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании // Ист. зап. М., 1937. Т. 1.
Якубов М. Заметки о развитии дагестан-

ской музыки // Искусство Дагестана. Махачкала, 1965.
Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1946. Т. 3, № 5.
Яндаров А. Д. Ингушский просветитель Чах Ахриев (1850–1914 гг.). Грозный, 1968.
Яндаров А. Д. Чах Ахриев, его жизнь и наследие // Вопр. философии. 1975. № 4.
Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения: (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20–70-е годы XIX в.). Алма-Ата, 1975.
Яцунский В. К. Изменения в размещении населения в Европейской России в 1724—1916 гг. // История СССР. 1957. № 1.
Яцунский В. К. Роль миграции и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России // Историческая география России: Сб. статей: Посвящается памяти В. К. Яцунского/Отв. ред. Б. А. Рыбаков и др. М., 1970.

ЛИТЕРАТУРА НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ КАВКАЗА

1. На грузинском языке.

Анчабадзе З. В., Боцвадзе Т. Дж., Тогошвили Г. Д., Винцадзе М. В. Очерки истории народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1969. Вып. 1. 1978. Вып. 2.
Анчабадзе З. В., Миндадзе М. В. Грузия и Северный Кавказ в XII – первой половине XIII в. // Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси, 1966.
Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе Кавказского горского феодализма // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1973. Т. 18.
Берзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1964–1979. Т. 1–9.
Берзенишвили Н. А. Из истории грузино-русских отношений на рубеже XVI–XVII в. // Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1967. Т. 4.
Боцвадзе Т. Дж. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений XV–XVIII вв. Тбилиси, 1968.
Бурчуладзе Э. Крымская война и Грузия. Тбилиси, 1960.
Джавахишвили И. А. Взаимоотношения России и Грузии в XVIII в. Тбилиси, 1919.
Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930–1934. Т. 1–2.
Джавахишвили Н. А. Первоначальный строй и родство грузинских и кавказских адыгов. Тбилиси, 1937.
Джавахишвили Н. А. История грузинского народа. Тбилиси, 1948–1951. Т. 1–14.
Доидуа В. Д. На исторических трактах грузино-русских взаимосвязей // Вопросы истории Кавказа. Тбилиси, 1968.
Думбадзе М. К. Из истории Восточной Кахетии в дореформенный период XIX в. Тбилиси, 1953.
Картлис цховреба. [История Грузии]. Тбилиси, 1955. Т. 1/Груз. текст, подгот. к изд. по всем основ. рук. С. Г. Капухчишвили.
Лордкипанидзе М. Д. Политическое объединение феодальной Грузии. Тбилиси, 1963.
Мегреладзе Д. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений // Вестн. отд. обществ. наук АН ГССР. 1967. № 6.
Метревели Г. А. На Перепутье: (К 200-летию заключения трактата 1783 г. между Россией и Грузией). Тбилиси, 1982.
Очерки истории горских народов Кавказа. Тбилиси, 1983. Т. 2: (1801 – февраль 1917).
Особенности социально-экономического развития горских регионов феодальной Грузии. Тбилиси, 1983.
Папушвили Т. Чар-Белакани. Тбилиси, 1972.
Рехвиашвили С. Из истории дружбы грузинских и северокавказских горцев. Тбилиси, 1977.
Тогошвили Г. Д. Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. Тбилиси, 1977.
Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские взаимоотношения (1801—1921 гг.). Тбилиси, 1969.
Шенгелия Н. Н. Сельджуки и Грузия в XI в. Тбилиси, 1968.
Цинцадзе Я. З. Из истории взаимоотношений грузинских горцев с Россией // Мнатоби. 1955. № 6.
Цинцадзе Я. З. Покровительственный трактат, 1783. Тбилиси, 1960.

2. На армянском языке.

Абрамян А. С. Краткая история социально-экономических отношений Армении (II половина XIV – нач. XX в.). Ереван, 1983.
Аршаруни А. М. Московский университет и армянская передовая интеллигенция. Ереван, 1982.
Байрамян Л. А. Армения в планах английского империализма в последней четверти XIX в. Ереван, 1981.
Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. Ереван, 1978.
Карапетян А. Н. Армянская прогрессивная демократическая, марксистская мысль о России и русском народе. Ереван, 1981.

Мурадян М. А. Присоединение восточной Армении к России в оценке русской историографии и общественной мысли XX в. Ереван, 1985.
Нерсисян Л. Г. Страницы из новой истории армянского народа. Ереван, 1982.
Оганисян К. М. Страницы из истории освободительного движения Восточной Армении. Ереван, 1981.
Погосян Л. А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981.

3. На азербайджанском языке.

Алиев Ф. М. Города Северного Азербайджана. Баку, 1960.
Алиев Ф. М. Торговля Азербайджана в 1-ой половине XVIII в. Баку, 1964.
Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан: Ист.-археол. исслед. Баку, 1979.
Буниятов Т. А. Гордые крепости, гордые скалы. Баку, 1986.
Джавадов Г. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX – нач. XX в. Баку, 1979.
Джавадов Г. Д. Земледельческий календарь. Баку, 1984.
Мирза Адигезал-бек. Карабагнамэ [История Карабаха]. Баку, 1950.
Насирли М. Поселения Шеки Закатальской зоны. Баку, 1975.
Османов Ф. Л. Материальная культура Кавказской Албании IV в. до н. э.– III в. н. э. Баку, 1982.
Развитие капиталистических отношений в Азербайджане в конце XIX – нач. XX в. Баку, 1981.

4. На языках народов Дагестана.

Абдуллаев И. Х. Страницы истории лакского языка // Дружба. 1970. № 3, 4; 1977. № 1, 2, 3.— То же // Лит. Дагестан. 1986. № 3, 4; 1987. № 1, 2. На лак. яз.
Агларов М. А. Кто они, авары? // Красное знамя. 1984. 29 июня. На авар. яз.
Алиев Б. Г. К вопросу о происхождении названия даргинцы и «Дарго» // Дружба, 1968. № 1. На дарг. яз.
Алиев Б. П., Шихсаидов А. Р. Материалы по средневековой истории и культуре даргинцев // Там же. 1971. № 3. На дарг. яз.
Али сын Абдулхамида (Али Каяев). История прошлого на лакском языке. Темир-Хан-Шура, 1910. Араб. граф. На лак. яз.
Али Каяев. Лакский язык и история // Лит. Дагестан. № 3, 4. На лак. яз.
Алимова Б. М., Лугуев С. А. Гостеприимство в прошлом и настоящем // Там же. 1987. № 2. На лезг. яз.
Гаджиев Г. А. Некоторые домусульманские религиозные верования и обряды лезгин // Дружба. 1973. № 2. На лезг. яз.
Гаджиев Г. А. Магические обряды, связанные с семьей и бытом // Там же. 1976. № 4. На лезг. яз.
Губаханова Р. А. К вопросу об экономической политике России в Дагестане в пореформенный период // Там же. 1979. № 3. На авар. яз.
Гусейнаев А. Г. Лики времени. Махачкала, 1977. На лак. яз.
Исаев А. А. Дербент-Наме: Комментарии // Дружба. 1978. № 1. На дарг. яз.
Шихсаидов А. Р., Алиев Б. П., Омаров Х. С. Новые материалы по истории даргинцев // Там же. 1976. № 4. На дарг. яз.

5. На чеченском и ингушском языках.

Арсамаков Б. Ираноязычные топонимы и этническая история горной Ингушетии // Утро гор. 1983. № 1. На ингуш. яз.
Ахмадов Ш. Б. Из истории политических и культурных связей чеченцев и ингушей с Россией и народами Кавказа в XVIII в. // Аргун. 1979. № 3. На чечен. яз.
Габисов Б. Прогрессивные последствия присоединения чеченцев и ингушей к России // Там же. 1975. № 2. На ингуш. яз.
Гайтукаев К. Лев Толстой и кавказские горцы // Аргун. 1978. На чечен. яз.
Гантемирова Г. А. Из истории торгово-экономических связей Чечено-Ингушетии с Закавказьем // Утро гор. 1976. № 4. На ингуш. яз.
Исаев С. А. Социальное расслоение и классовая борьба в Чечне в 60–70-х годах XIX в. // Аргун. 1973. № 3. На чечен. яз.
Исаева Т. А. Взаимоотношения вайнахов и русских (XVII столетие) // Там же. 1973. № 2. На чечен. яз.
Магомадов М. А. Дружеские узы русских и вайнахов в XVII столетии // Там же. 1978. № 1. На чечен. яз.
Мазаева Т. П. Разыскания о П. Захарове // Утро гор. 1982. № 1. На ингуш. яз.
Муталиев С. Ингушский дивизион в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Там же. 1975. На ингуш. яз.

6. На адыго-абхазских и балкарском языках.

Аутлев П. У. Восстание шапсугских фокотлей в 1791–1796 гг. Майкоп, 1976. На адыг. яз.
Гунба М. М. Очерки истории Абхазии (I–X вв.). Сухуми, 1982. На абхаз. яз.
Кабардинские пословицы и поговорки. Нальчик, 1965. Т. 1–2. На кабард. яз.

Маммеев Д. Кязим Мечиев. Нальчик, 1970. На балкар. яз.
Мижаев М. И. Обычаи адыгов и современность. Черкесск, 1980. На черкес. яз.
Налоев З. Джагуано и поэты. Нальчик, 1979. На кабард. яз.
Пачев Б. Собр. соч. Нальчик, 1963. На кабард. яз.
Теппеев А. Омар Этедов. Нальчик, 1968. На балкар. яз.

ИЗДАНИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Исторические источники

Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du XIII siecle. Bucarest, 1927.
Bell J. S. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839. L., 1840. Vol. 2.
Besse J. Voyage en Crimée, au Caucase... et a Constantinople en 1829 et 1830. P., 1838.
Cameron G. P. Personal Adventures and Excursions in Georgia, Circassia, and Russia // The United Service Journal and Naval and Military Magazine. L., 1840—1844.
Cunynghane A. Travels in the Eastern Caucasus. L., 1872.
Czaykowski M. Contes de kosaks de Michel Czaykowski aujourd'hui Gadyk-Pacha. P., 1857.
Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase. P., 1839. Vol. 1.
Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in dem Kaukasus. Unternommen in den Jahren 1825—1826 von Edward Eichwald. Stuttgart, 1837. Bd. 1.
Ditson G. L. Circassia: or a tour to the Caucasus. N. Y.; L., 1850.
Ein Besuch bei Schamyl: Brief einen Preussen. B., 1855.
Fonton F. La Russie dans l'Asie — Mineure, ou Campagnes du marechal Paskevitsch en 1828 et 1829, et Tableau du Caucase, envisagé sous le point de vue géographique, historique et politique. P., 1840.
Geheimniss Russlands oder Schlüssel zum Verständniss der modernen Geschichte und Politik. Nebst Beilagen enthaltend Aktenstücke zur tscherkessischen Frage. Stuttgart, 1863.
Geschichte des Kriegs zwischen Russland, Polen und der Ottomannischen Pforte. Frankfurt; Leipzig, 1775. Th. 34. Th. 35; Th. 36.
Gordon Ch. G. Briefe und Tagebuchblätter des Generals Charles Gordon of Khartum. Sebastopol. An der Donau. In Armenien und an Kaukasus. Khartum; Hamburg, 1908.
Güldenstedt J. A. Reisen durch Russlands und im kaukasischen Gebürge. St.-Petersburg, 1787. Bd. 1.
Bunte Bilder aus dem Kaukasus. Nürnberg, 1854.
Haxthausen A. Transkaukasia. Leipzig, 1856. Th. 1.
James Stanislaus Bell's Tagebuch seines Aufenthaltes in Circassien während der Jahre 1837, 1838 und 1839. Pforzheim, 1841.
Interiano G. La vita et sito de Zycki chiamati circassi, historia notabile. Venezia, 1502.
Hill X. H. Travels in the steppes of the Caspian Sea, the Crimea, the Caucasus. L., 1847.
King J. G. Bemerkungen über Russland und die Krim. Leipzig, 1788.
Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle; B., 1812. Bd. 1—2.— То же на англ. яз.: *Klaproth J.* Travels in the Caucasus and Georgia. L., 1814.
Klaproth J. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar, 1814.
Klaproth J. Russlands Vergrosserungen unter Alexander den Ersten durch den neulich mit Persien abgeschlossenen Friedenstractat. B., 1814.
Koch K. Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart; Tübingen, 1842. Bd. 1.
Koch K. Wanderungen im Orient, während der Jahre 1843 und 1844. Weimar, 1847. Bd. 3.
Koch K. Die kaukasische Militärstrasse, der Kuban und die Halbinsel Taman. Erinnerungen aus einer Reise von Tiflis nach der Krim. Leipzig, 1851.
Lapinski Th. Ein Opferfest bei den Adighe im Kaukasus // Globus. 1862. Bd. 2.
Lapinski Th. Neue Mitteilungen über die Völker im Kaukasus // Ibid. 1863. Bd. 3.
Lapinski Th. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Nach eigener Anschauung geschildert von Theophil Lapinski (Tefik Bey), Oberst und Commandant einer polnischer Truppen — Abtheilung im Lande der unabhängigen Kaukasier. Hamburg, 1863. Bd. 1; Bd. 2.
Longworth J. A. A year among the Circassians. L., 1840. Vol. 1—2.
Merkwürdichkeiten verschiedener unbekannten Völker der Russischen Reichs. Frankfurt; Leipzig, 1777.
Olearius A. Ausführliche Beschreibung der Kundbaren Reyse nach Muscow und Persien. Schlesswig, 1671.
Olearius A. Moskowitische und persische Reise. B., 1959.

Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1803. Bd. 1.
Peyssonel M. Traite sur le commerce de la Mer Noire. P., 1787. Vol. 1.
Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. P., 1829. Vol. 1.
Reineggs J. Allgemeine historisch – topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha; St.-Petersburg, 1796. Bd. 1.
Reineggs J. A general historical and topographical description of mount Caucasus: In 2 vol. L., 1807.
Sitten- und Charakterbilder aus der Türkei und Tscherkessien/Von C. Stücker. Leipzig, S. a.
Spencer E. Travels in the Western Caucasus: In 2 vol. L., 1838.
Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Gränzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden. St.-Petersburg; Leipzig, 1797.
Taitbout de Marigny. Voyages in Circassie. Odessa; Simphéropol, 1836.
Wagner M. Der Kaukasus und das Land der Kosaken in den Jahren 1843 bis 1846. Dresden; Leipzig, 1848. Bd. 1; Bd. 2.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Allen W. The Caucasus in historical literature // Asiat. Rev. 1927. N 75.
Allen W. D. E. The operations of the allies in the Caucasus, 1853–1855 // Army Quart. 1923. Vol. 6, N 1.
Anderson M. S. The eastern question, 1774–1923. N. Y., 1966. XXI.
Atkin M. Russia and Iran, 1780–1828. Minneapolis, 1980.
Baddeley J. F. The Russian conquest of the Caucasus. L.; N. Y., 1908.
Bailey F. British policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942.
Baumgart W. Der Friede von Paris 1856: Studien zum Verhältnis von Kriegführung, Politik und Friedensbewahrung. München; Wien, 1972.
Baumgarten G. Sechzig Jahre des kaukasischen Krieges. Leipzig, 1861.
Blanch L. The sabres of Paradise. L., 1960.
Bode A. Die Flottenpolitik Katharinas II und die Konflikte mit Schweden und der Türkei (1768–1792). Wiesbaden, 1979.
Bodenstedt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen: Ein Beitrag zur neuesten Geschichte des Orients. Frankfurt a. M., 1848.
Bolsover G. H. Lord Ponsonby and the eastern question (1833–1839) // Slav. and East Europ. Rev. 1934. Vol. 13, N 37.
Bolsover G. H. David Urquhart and the eastern question, 1833–1837: A study in publicity and diplomacy // J. Mod. Hist. 1936. Vol. 8, N 4.
Bourscheid J. W. Geschichte des ersten Feldzuges der Russen gegen die Türken im Jahre 1769. Wien, 1784.
Breuste J. Karl Kochs Forschungsreisen nach Kaukasien 1836–1838 und 1843–1844 // Georgica. Jena; Tbilissi, 1983. H. 6.
Breuste J. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen und die Beteiligung Deutscher an der Erforschung Kaukasiens im 19.– beginnenden 20. Jahrhundert // Ibid.
Brock P. The fall of Circassia: A study in private diplomacy // Engl. Hist. Rev. 1956. Vol. 71, N 280.
Clayton G. D. Britain and the eastern question. L., 1971.
Czernell. Der Kaukasus, seinen Völkerschaften. Wien, 1854.
Der Handel mit tscherkessischen Sklavinnen in Konstantinopel // Globus. 1870. Bd. 18.
Der Kaukasus in der deutschen wissenschaftlichen Literatur. Halle, 1982.
Die Auswanderung der Tscherkessen aus dem Kaukasus // Globus. 1874. Bd. 26.
Die Gründe und Veranlassungen zur Auswanderung der Tscherkessen aus dem Kaukasus // Ibid. 1866. Bd. 10.
Duggan S. P. H. The eastern question: A study in diplomacy. N. Y., 1970.
Duncan Ch. Campaign with the Turks in Asia. L., 1855. Vol. 2.
Gleason J. H. The genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge, 1950.
Göckenjan H. Das Bild der Völker Osteuropas in den Reiseberichten ungarischer Dominikaner des 13. Jahrhunderts // Östliches Europa: Spiegel der Geschichte. Wiesbaden, 1977.
Hagemeister J. Russlands Territorialvergrösserungs von der Alleinherrschaft Peter des Grossen bis zum Tode Alexanders des Ersten. Riga, 1834.
Henze P. B. Unrewriting history – the Shamil problem // Caucasian Rev. 1958. N 6.
Hoffmann J. Das Problem einer Seeblockade Kaukasiens nach dem Pariser Frieden von 1856 // Forsch. osteurop. Geschichte. 1966. Bd. 11.
Hoffmann J. Die Politik der Mächte in der Endphase der Kaukasuskriege // Jb. Geschichte Osteuropas. 1969. Bd. 17.
Junck C. Der russisch-türkische Krieg in der europäischen Türkei und in Asien in den Jahren 1828 und 1829. Cassel, 1854.
Ingram E. The beginning of the great game in Asia, 1828–1834. Oxford, 1979.
Izadi M. Diplomatische und politische Be-

ziehungen zwischen Persien, Russlands und England von 1800—1834: Diss. Wien, 1971.
Kortepeter C. M. Ottoman imperialism during the reformation: Europe and the Caucasus. N. Y., 1972.
Kottenkamp F. Geschichte Russlands seit 1830, mit besonderer Rücksicht auf den Krieg im Caucasus. Stuttgart, 1843.
Landmann U. Akifiye — Büyükçamurlu: Ubuchen — Dörfer in der Süd-ost-Türkei. Heidelberg, 1981.
Lang D. M. Count Totleben's expedition // Bull. School Orient. and Afr. Stud. 1955. Vol. 13.
Luxenburg N. England und die Ursprünge der Tscherkessenkriege // Jb. Geschichte Osteuropas. 1965. Bd. 13.
Luxenburg N. England and the Caucasus during the Crimean War // Ibid. 1968. Bd. 16.
Malcolm J. The history of Persia. L., 1815. Vol. 2.
Neumann K. F. Russland und die Tscherkessen. Stuttgart; Tübingen, 1840.
Özbek B. Die tscherkessischen Nortensagen. Heidelberg, 1982.
Rawlinson H. England and Russia in the East. L., 1875.
Rhinelander L. H. Russia's imperial policy: The administration of the Caucasus in the first half of the XIXth century // Canad. Slav. Pap. 1975. Vol. 17.
Robinson G. David Urquhart. Oxford, 1920.
Seymour H. D. Russia on the Black Sea and Sea of Azof. L., 1855.
Sklavenhändler und Auswanderer im Kaukasus // Globus. 1867. Bd. 11.
Villari L. The fire and sword in the Caucasus. L., 1906.
Wagner F. Schamyl als Feldherr, Sultan und Prophet des Kaukasus. Leipzig, 1854.
Wanderer. Notes on the Caucasus. L., 1883.
Webster Ch. Urquhart, Ponsonby, and Palmerston // Engl. Hist. Rev. 1947. Vol. 62, N 244.
Widerszal L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831—1864, W-wa, 1934.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I

ЗАВЕРШЕНИЕ ВХОЖДЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ (1799–1829 гг.) 9

1. Россия и народы Северного Кавказа в международных отношениях конца XVIII – начала XIX в. 9
Итоги освоения Россией Предкавказья к концу XVIII в. (*11*).
2. Русско-иранская (1804–1813), русско-турецкая (1806–1812) войны. Завершение вхождения Дагестана в состав России 22
3. Народы Северного Кавказа в составе России после 1813 г. Русско-иранская война (1826–1828) 30
4. Русско-турецкая война (1828–1829) и завершение вхождения Северо-Западного Кавказа в состав России 45

Глава II

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД 55

1. Население Северного Кавказа в первой половине XIX в. 55
Территория, расселение и численность народов Северного Кавказа в начале XIX в. (*55*).– Заселение степного Предкавказья (*58*).
2. Сельское хозяйство 60
Земледелие (*60*).– Садоводство и огородничество (*62*).– Технические культуры (*64*).– Животноводство (*65*).– Пчеловодство (*66*).– Охота и рыболовство (*67*).– Хозяйство русского и украинского населения Северного Кавказа (*67*).
3. Домашние промыслы и промышленность 70
Развитие домашних промыслов и ремесла (*70*).– Шерстеобрабатывающие промыслы (*71*).– Изготовление посуды и утвари (*72*).– Кузнечное ремесло (*73*).– Зарождение горнодобывающей промышленности (*74*).– Развитие обрабатывающей промышленности (*75*).– Отходничество (*75*).
4. Торговля 76
Торговые связи (*76*).– Меновые дворы (*79*).– Ярмарки и базары (*83*).
5. Городское строительство 84
Строительство дорог и укреплений (*84*).– Города Северного Кавказа (*85*).
6. Взаимосвязи русского населения и горских народов 87
Хозяйственные связи и заимствования (*87*).– Заимствования в области материальной культуры (*88*).– Куначество (*88*).– Влияние горцев на быт русского населения Северного Кавказа (*89*).

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. 93

1. Земельно-правовые отношения на Северном Кавказе 93
Феодальное землевладение и землепользование (*93*).– Вакуфное землевладение (*95*).– Частновладельческие крестьянские земли («мюльки») (*95*).– Формы общинного землевладения и землепользования (*96*).

2. Социальная структура горских народов 99
Класс феодалов (*99*).— Класс крестьянства (*103*).— Обострение классовых противоречий. Классовая борьба (*110*).
3. Политическое устройство горских народов 112
Типы политических организаций (*112*).— Сельское управление (*117*).
4. Социальные отношения русского и украинского населения Северного Кавказа 122
Помещичье землевладение (*122*).— Землепользование у государственных крестьян (*122*).— Землевладение и землепользование в казачьих станицах (*123*).— Расслоение в казачьих общинах (*126*).— Расслоение среди крестьянского населения (*127*).

Глава IV

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ И АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА с 1829 г. до КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 131
1. Международные отношения и политика России на Северном Кавказе в 30—40-х годах XIX в. 131
2. Первый этап освободительной борьбы народов Северо-Восточного Кавказа (1829—1839) 136
Социально-экономические, политические и идеологические предпосылки движения горцев Дагестана и Чечни (*136*).— Первый этап движения, его особенности и социальная база (1829—1839) (*142*).
3. Второй этап движения горцев Дагестана и Чечни (40-е — начало 50-х годов XIX в.) 147
Освободительная борьба горцев Дагестана и Чечни (1840—1852) (*147*).— Теократическое устройство имамата и его социальная база (*152*).— Усиление противоречий внутри имамата и постепенный отход трудящихся масс от движения (*156*).
4. Освободительная борьба народов центральных и западных районов Северного Кавказа 161
Восстание крестьян в Осетии, Кабарде, Балкарии и Адыгее (30—50-е годы XIX в.) (*161*).— Попытки Шамиля расширить пределы имамата. Поход Шамиля в Кабарду (*166*).— Борьба горцев Закубанья. Набы Шамиля (*168*).
5. Антифеодальная и антиколониальная борьба народов Северного Кавказа и русское общество 172

Глава V

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. ПОРАЖЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ШАМИЛЯ 184
1. Северный Кавказ и Крымская война 1853—1856 гг. 184
Северный Кавказ в планах воюющих держав (*184*).— Провал планов Англии и Порты использования горцев в войне против России (*185*).— Северокавказские проблемы на Парижском конгрессе 1856 г. (*193*).
2. Завершающий этап движения горцев 194
Военные действия царских войск в Дагестане и Чечне. Пленение Шамиля (*194*).— Деятельность английских и османских эмиссаров среди горцев (*197*).— Деятельность Магомед-Амина. Сефер-бей Занов — агент Оттоманской Порты (*200*).
3. Переселение части горцев в Турцию 202
Причины переселения (*202*).— Этапы и ход переселения (*204*).— Тяжелое положение переселенцев-махаджиров. Стремление вернуться на Кавказ (*208*).— Отношение горских просветителей к переселению в Турцию (*211*).
4. Заселение Закубанья и черноморского побережья Черкесии русскими, украинцами и другими переселенцами 212
Проекты Д. А. Милютина и гр. Н. И. Евдокимова (*212*).— Формы, методы и ход заселения (*214*).

Глава VI

КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (до 1861 г.) 219

1. Роль Кавказа в передовой культуре России 219
2. Материальная и духовная культура горских народов Северного Кавказа . . 222
   Поселения и жилище (*223*).— Одежда (*224*).— Пища (*226*).— Искусство (*226*).
3. Семейный и общественный быт 229
   Семейная община и патронимия (*229*).— Общественный быт (*231*).— Аталычество (*232*).— Гостеприимство и куначество (*232*).— Общественные игры (*234*).
4. Фольклор. Язык. Литература 235
   Фольклор (*235*).— Первые попытки создания письменности (*236*).— Значение деятельности русских писателей на Кавказе для становления горской литературы (*238*).
5. Наука. Просвещение. Печать 242
   Роль русских ученых в изучении Северного Кавказа (*242*).— Зарождение исторической науки у адыгов (*244*).— Развитие исторической науки в Дагестане (*246*).— Просвещение (*247*).— Печать (*248*).
6. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в первой половине XIX в. 249
   Поселения и жилище (*249*).— Семейный быт (*250*).— Культура городского населения (*252*).— Декабристы на Кавказе (*253*).

Глава VII

АГРАРНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНАЯ РЕФОРМЫ 60—70-х ГОДОВ XIX в. НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1877—1878) 257

1. Предпосылки и особенности аграрной реформы на Северном Кавказе . . . 257
   Предпосылки реформы (*257*).
2. Земельная реформа 261
   Особенности земельной реформы на Северном Кавказе (*261*).— Земельные комитеты (*262*).— Правительственный акт от 29 августа 1863 г. (*263*).— Размежевание земель (*265*).— Введение государственной поземельной повинности (*268*).
3. Освобождение крестьян от личной зависимости 269
   Меры по ограничению крепостной зависимости (*269*).— Особый комитет по крестьянским делам на Кавказе (*270*).— Проект феодалов по освобождению крестьян (*271*).— Отмена крепостного права (*272*).— Освобождение рабов в Дагестане (*275*).
4. Административно-судебная и военная реформы 277
   Организация управления (*278*).— Судебная реформа (*281*).— Реформа сельского управления (*282*).
5. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и народы Северного Кавказа 285
   Восточный кризис (*285*).— Русско-турецкая война (*287*).— Восстание 1877 г. в Дагестане и Чечне (*288*).— Боевое содружество русского и северокавказских народов в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (*290*).— Историческое значение русско-турецкой войны (*295*).

Глава VIII

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД 299

1. Экономическое развитие Северного Кавказа в 60—90-х годах XIX в. 299
   Рост численности населения (*299*).— Зерновое хозяйство (*301*).— Скотоводство (*305*).— Садоводство и виноградство (*307*).— Развитие транспорта (*311*).— Крестьянские промыслы и развитие промышленности (*313*).— Добывающая промышленность (*315*).— Торговля (*318*).

2. Социальные отношения 320
Землевладение (*320*).— Развитие арендных отношений (*322*).— Расслоение крестьянства (*323*).— Эволюция сельской общины (*325*).— Формирование рабочего класса (*326*).
3. Классовая борьба 328
Крестьянское движение (*328*).— Рабочее движение (*332*).

Глава IX

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. 336
1. Влияние передовой культуры России на прогрессивное развитие культуры народов Северного Кавказа 336
2. Просвещение 338
Русские школы и их роль в развитии светского образования на Северном Кавказе (*338*).— Примечетьские школы (*344*).
3. Культурно-просветительские учреждения. Развитие периодической печати 344
Культурно-просветительские учреждения (*344*).— Периодическая печать (*345*).
4. Фольклор и искусство народов Северного Кавказа 348
Фольклор горских народов и его новые черты (*348*).— Фольклор казаков Северного Кавказа (*351*).— Музыка горских народов (*352*).— Музыкальные инструменты казаков (*354*).— Искусство танца (*354*).— Танцы казаков (*354*).— Русский театр на Северном Кавказе (*355*).— Театральное искусство горцев (*355*).
5. Литература 357
Северный Кавказ и русская литература (*357*).— Литература народов Северного Кавказа (*359*).
6. Наука и общественно-политическая мысль 360
Дальнейшее развитие кавказоведения и его национальные разветвления (*360*).— Особенности развития общественной мысли горских народов (*366*).

Глава X

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX в. 383
1. Общая характеристика социально-экономического строя 383
2. Сельское хозяйство 386
Земледелие (*386*).— Скотоводство (*390*).— Расслоение и разложение крестьянства (*392*).— Крестьянские поземельные банки и кредитные учреждения (*395*).
3. Промышленность 398
Горнодобывающая и нефтяная промышленность (*399*).

Глава XI

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. 404
1. Обострение классовых противоречий. Зарождение социал-демократического движения на Северном Кавказе 404
Первые марксистские кружки (*406*).— Создание социал-демократических групп (*408*).— Революционные выступления рабочих (*409*).— Крестьянское движение (*414*).
2. II съезд РСДРП. Укрепление социал-демократических организаций Северного Кавказа. Большевики в авангарде революционного движения 417
Создание областных организаций РСДРП (*417*).— Освободительное движение после II съезда РСДРП (*419*).— Антивоенная работа большевиков (*421*).— Критика банкетной кампании либералов (*423*).

Глава XII

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 427

1. Борьба трудящихся Северного Кавказа в начальный период революции . . 427
Отклики трудящихся края на расстрел рабочих Петербурга 9 января 1905 г. (*427*).— III съезд РСДРП. Революционные выступления трудящихся края весной 1905 г. (*430*).— Июльская политическая стачка на Владикавказской железной дороге (*432*).— Аграрное движение (*434*).— Национально-освободительное движение (*436*).

2. Высший подъем революции на Северном Кавказе 437
Революционные выступления трудящихся края в период Всероссийской Октябрьской политической стачки 1905 г. (*437*).— Вооруженные восстания (*443*).— Подъем аграрного и национально-освободительного движения (*449*).

3. Борьба народов Северного Кавказа в период отступления революции (1906 — июнь 1907 г.) 455
Наступление реакции (*455*).— Выборы в Государственную думу (*457*).— Революционный подъем весной и летом 1960 г. Рабочее и крестьянское движение в крае (*458*).— Усиление революционного движения среди солдат (*463*).— Борьба большевиков края за ленинскую тактику на выборах во II Государственную думу (*464*).— Выступления народных масс края с осени 1906 по июнь 1907 г. (*465*).

Глава XIII

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА 471

1. Наступление реакции и усиление национального и административного гнета 471

2. Аграрно-национальная политика царизма 474

3. Рабочее и крестьянское движения на Северном Кавказе (июнь 1907 — июль 1914 г.) 478

Глава XIV

КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. 493

1. Культура городов Северного Кавказа 493
Рост городов и их внешний облик (*494*).— Развитие школьного образования (*495*).— Печать (*497*).— Культурно-просветительские учреждения (*498*).— Театр (*499*).— Художественные кружки (*502*).

2. Материальная культура. Семья и быт горских народов 503
Поселения (*503*).— Одежда (*505*).— Пища (*506*).— Прикладное искусство (*507*).— Изменения в семейном укладе (*509*).

3. Просвещение, культурно-просветительские учреждения и здравоохранение 510
Школы (*510*).— Культурно-просветительские учреждения (*514*).— Театр (*516*).— Здравоохранение (*517*).

4. Устное народное творчество и литература 518
Фольклор (*519*).— Литература (*521*).

5. Развитие науки. Общественно-политическая мысль 524
Изучение Северного Кавказа (*524*).— Развитие исторической науки у горских народов (*526*).— Общественно-политическая мысль (*528*).

6. Культура и быт русского и украинского населения 531
Поселения (*531*).— Жилище (*532*).— Одежда (*533*).— Пища (*535*).— Семейный и общественный быт (*536*).

Глава XV

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. 539

1. Первая мировая война. Отношение к ней народов Северного Кавказа . . . 539

2. Влияние войны на хозяйство и социально-экономические отношения на Северном Кавказе 541

Промышленность (*541*).– Сельское хозяйство (*543*).– Дифференциация крестьянства (*544*).– Численность и состав рабочих (*545*).– Положение трудящихся (*547*).
3. Классовая борьба на Северном Кавказе в годы воiны 549
Партийные организации (*549*).– Стачечная борьба (*551*).– Революционный подъем в 1916 г. (*552*).– Продовольственные «бунты» (*556*).– Крестьянское и национально-освободительное движение (*557*).
4. Северный Кавказ во время Февральской буржуазно-демократической революции 561

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 569

ПРИЛОЖЕНИЯ 570

1. Хронология важнейших событий 570
2. Даты жизни и деятельности некоторых северокавказских просветителей, писателей и поэтов 577
3. Список сокращений 577

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 580

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 597

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К I и II КНИГАМ СЕРИИ 614

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.—
И90 1917 г.).— М.: Наука, 1988.— 659 с., ил.
ISBN 5-02-009408-0

В книге освещается завершение вхождения народов Северного Кавказа в состав России в первой четверти XIX в., исследуются положительные последствия этого процесса для культуры и хозяйства края (пресечение работорговли и феодальных междоусобий, упрочение безопасности края, усовершенствование земледелия и свобода торговли, воздействие передовой русской и мировой культуры, развитие промышленности и начало добычи в крае полезных ископаемых, формирование национальных рабочих кадров). Показывается участие северокавказских народов в национально-освободительном и революционном движениях в XIX в. и начале XX в., становление первых большевистских организаций в крае и их роль в революции 1905—1907 гг. и подготовке Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.
Для всех, интересующихся историей народов Кавказа.

И $\frac{0505040000\text{-}407}{042(02)\text{-}88}$ 34-88-II

ББК 63.3(2...) + 63.3(2)5

Научное издание

ИСТОРИЯ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(Конец XVIII в.— 1917 г.)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор *М. М. Медведев*
Художник *Г. Н. Валлас*
Художественный редактор *В. В. Алексеев*
Технический редактор *И. В. Бочарова*
Корректор *В. А. Алёшкина*

ИБ № 35937

Сдано в набор 03.03.88 Подписано к печати 06.12.88
А-13400. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. печ. л. 53,53. Усл. кр. отт. 54,98. Уч.-изд. л. 60,5
Тираж 14 400 экз. Тип. зак. 1447
Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В издательстве «Наука» выходят из печати:

Литвак Б. Г.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В 1775—1904 ГГ.: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

20 л.

Автор излагает историю публикации источников и характеризует документальные сборники, изданные в 20—80-х годах XIX в. в РСФСР, закавказских республиках, Белоруссии и Прибалтике, на Украине и в Молдавии. В книге дан анализ формирования и развития методики изучения источников по истории крестьянского движения в переломный период разложения и кризиса феодальной системы и утверждения капитализма в России.

Для историков, архивистов.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ. 1987.

25 л.

Сборник посвящен памяти известного советского историка В. Т. Пашуто. В нем освещаются проблемы генезиса государственности, формирование удельных княжеств, укрепление феодальных отношений, внутренняя и внешняя политика феодальной Руси. Представлены статьи об исторических судьбах народов, населявших в прошлом территорию СССР. Кроме того уделяется внимание изучению русской общественно-политической мысли, преемственности исторических идей.

Для историков.

ИСТОРИЯ УРАЛА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1861 Г.

40 л.

В центре внимания авторов превращение Урала в крупнейший район отечественной металлургии феодальной эпохи. Рассматриваются вопросы формирования новых социальных групп, в частности мастеровых и работных людей, приписного крестьянства, а также нарождающегося пролетариата. Отдельные разделы посвящены классовой борьбе, участию народных масс в Крестьянской войне 1773—1775 гг., культуре и быту населения.

Для историков, археологов.

Васюков В. С.
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1916 — ФЕВРАЛЬ 1917 Г.

20 л.

В работе на большом фактическом и документальном материале рассматриваются узловые аспекты внешней политики царизма на последнем этапе его существования. Среди них — характер внешнеполитического курса правительства, содержание внешнеполитической программы, связь внешней и внутренней политики, борьба партий и классов по вопросам внешней политики и роль этой борьбы в углублении кризиса «верхов».

Для историков.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, проспект Вернадского 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
197345 Ленинград Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);
194064 Ленинград, Тихорецкий проспект, 4;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (Книга — почтой»);
142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 Пущино Московской обл., МР, «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
634050 Томск, Академический проспект, 5;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»)

4р 20к.